

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIII-й.

ОКТАВРЬ.

1901 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Дубровина.	5—41	XI. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи. Сообщ. А. А. Топинъ.	207—220
II. Кончина А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ. (Изъ сочиненія Галуста-Шермазаняна: „Материалы для національной исторіи“). Сообщ. съ дополненіемъ М. Я. Алавердянца.	43—68	XII. Письма В. А. Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 году. Сообщилъ Н. А. Бычковъ.	221—240
III. Императоръ Павелъ. Очеркъ развитія его личности. П.	69—84	XIII. Записная книжка „Русской Старины“: Нотное пѣніе въ церквахъ. Предложеніе князя А. Н. Голицына Святѣйшему Правительствующему Синоду. 10-го января 1816 г. (стр. 42).—Памятники гр. Румянцову, кн. Суворову, Кутузову и Барклаю-де-Толли. Рескриптъ гр. С. К. Вязмитинову. 23-го сентября 1818 г. Ахень. (136).—Новороссійскій край въ 1816 году. Высочайшее повелѣніе министру финансовъ. 4-го мая 1816 г. (206).	
IV. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.	85—100	XIV. Библиографич. листонъ (на оберткѣ).	
V. Письма Г. С. Батенькова—князю Е. П. Оболенскому. Сообщ. княг. М. П. Оболенская.	101—108		
VI. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.	109—135		
VII. Былое. Изъ воспоминаній о пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ. А. Р.	137—158		
VIII. Россія и папскій престолъ. П. Пирлинга. (Съ французскаго).	159—192		
IX. Къ портрету графа Поццо-ди-Борго.	193—194		
X. Экспедиція Государствен. Хозяйства (1797—1803гг.) В. И. Вешнякова.	195—205		

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ Н. А. Бычковъ.

2) Портретъ графа Поццо-ди-Борго. Грав. П. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1901 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ подѣлаетъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, 39.
1901.

Библиографическій листокъ.

14-е марта. Двадцатилѣтній періодъ товарищескихъ собраній „Дворянъ“ и „Константиновцевъ“ (1882 — 1901 гг.). Воспоминанія одного изъ участниковъ. Спб. 1901 г.

Ежегодно 14-го марта, начиная съ 1882 г., происходятъ товарищескія собранія «Дворянъ» и «Константиновцевъ», т. е. бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка и преемственныхъ ему заведеній. Не мало сердечныхъ, отрадныхъ минутъ пережили участниками этихъ собраній среди своихъ одноклассниковъ. И вотъ, съ цѣлью напомнить товарищамъ о такихъ рѣдкихъ въ нашей жизни минутахъ, а также чтобы ознакомить съ происходившимъ на собраніяхъ всѣхъ тѣхъ, кто по какой-либо причинѣ не могъ лично присутствовать на нихъ, и составлены эти «Воспоминанія» однимъ изъ участниковъ, скрывшимъ свое имя подъ инициалами М. Г.

На этихъ собраніяхъ, за пиршественнымъ столомъ, тѣсно объединяются всѣ выпуски, не смотря на то, что между старѣйшими и позднѣйшими лежитъ полу столѣтіе. Заздравные тосты, восторженные рѣчи, импровизаціи въ стихахъ, откровенныя разсказы о минувшемъ вселяютъ сердце стараго кадета, ободряя и возвышая духъ молодого юнкера, который въ окружающихъ его старшихъ наглядно видитъ съ честью пройденный ими путь.

Независимо пріятныхъ встрѣчъ, иногда послѣ долгой разлуки, со своимъ одноклассникомъ и испытываемаго ежегодно удовольствія объѣмна печатлѣній и воспоминаній о дняхъ юности, проведенныхъ подъ кровомъ роднаго заведенія, собранія эти дали участникамъ ихъ, сверхъ нравственной отрады, еще весьма полезныя и существенныя результаты. Такъ, въ библиотекѣ Константиновскаго артиллерійскаго училища возникъ особый отдѣлъ литературныхъ трудовъ бывшихъ воспитанниковъ заведенія, даваго немало дѣятелей въ сферѣ науки, исторіи и литературы.

Кромѣ того, возникло общество вспоможенія бывшимъ «Дворянамъ» и «Константиновцамъ», считающее въ своемъ составѣ до 400 лицъ и владѣющее нынѣ капиталомъ свыше 9.000 руб., что позволяетъ уже облегчать нужды, хотя еще только неотложныя, насущныя, тѣхъ несчастныхъ изъ бывшихъ питомцевъ товарищей, къ которымъ судьба отнеслась неблагоприятно и лишила возможности воспользоваться благами основъ, приобретенныхъ при воспитаніи въ родномъ заведеніи.

Результаты эти наглядно подтверждаютъ, что собранія «Дворянъ» и «Константиновцевъ» не изыскали духомъ благодарности къ учрежденію, поставившему на ноги каждаго своего питомца.

Первое товарищеское собраніе происходило 14-го марта 1882 г., — въ день, когда исполнилось 75 лѣтъ съ учрежденія Дворянскаго полка; въ ресторанѣ «Демуть» собралось болѣе 150 человекъ. Выѣшней при входѣ въ залъ аншлагъ извѣщалъ, что въ предстоящемъ со-

браніи за фельдфебеля будетъ М. И. Богдановичъ, воспитанникъ выпуска 1823 г., а за дивальныхъ—Д. Цикельнъ (вып. 1854 г.) и М. Гольмдорфъ (вып. 1855 г.). Собраніе ровно въ пять часовъ встрѣтило своего фельдфебеля, при чемъ оркестръ исполнилъ маршъ Дворянскаго полка. Тронутый торжественностью встрѣчи, Модестъ Ивановичъ сказалъ: «я не ожидалъ, что на склонѣ моей жизни буду участникомъ на обѣдѣ товаришей въ честь заведенія, въ которомъ воспитывался. Считаю себя за честь быть фельдфебелемъ такой прекрасной роты, какая собралась здѣсь». Потомъ, младшій изъ дивальныхъ, М. Г. Гольмдорфъ обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью: «Товарищи — однополчане! Сегодня минуло 75 лѣтъ съ того дня, когда императоръ Александръ I учредилъ военно-подготовительное заведеніе для дворянъ, сдѣлавшееся затѣмъ разсадникомъ офицеровъ нашей славной арміи. Убѣжденный, что каждому изъ бывшихъ питомцевъ этого заведенія дороги воспоминанія о немъ, позволяю себя напомнить, въ краткихъ чертахъ, его минувшее».

Въ своей рѣчи г. Гольмдорфъ ознакомилъ слушателей съ исторіей возникновенія Дворянскаго полка. Военныя событія начала XIX столѣтія потребовали усиленнаго и скорого пополненія войскъ офицерами, и Александръ I, рескриптомъ 14-го марта 1807 г. министру внутреннихъ дѣлъ, графу Кочубеву, повелѣлъ: «молодыхъ дворянъ отъ 16 лѣтъ и болѣе, желающихъ вступить въ военную службу, вмѣсто опредѣленія прямо въ полки унтеръ-офицерами, присылать въ петербургскіе кадетскіе корпуса, гдѣ, оставляя ихъ самое короткое время для ознакомленія съ порядкомъ службы, производить въ полки прапорщиками и корнетами». Извѣщенные о дарованномъ правѣ, дворяне посѣщали на службу, и въ столицѣ собралась масса молодыхъ людей, между которыми оказалось много слабыхъ, болѣзненныхъ и даже одинъ пѣмой. Воплиъ годныхъ и возмужалыхъ, но въ большинствѣ неграмотныхъ, помѣстили въ деревянныя строенія полевой фабрики на Петербургской сторонѣ, въ сосѣдствѣ со 2-мъ корпусомъ, и поручили корпусному майору Гольдгоеру, а въ помощь ему назначили трехъ подпоручиковъ. Это заведеніе было названо корпусомъ волонтеровъ, а въ 1808 г. переименовано въ Дворянскій полкъ. Въ слѣдующемъ году ему пожалованы знамена, а въ 1810 г., — гладкіе, желтые погоны; въ 1811 г. при полку образованъ Дворянскій кавалерійскій эскадронъ¹⁾. Число воспитанниковъ, не превышавшее сначала 700, возросло въ 1812 г. до 2.000 человекъ, а къ 1815 г.—3.000. Въ то же время состоялось распоряженіе о присылкѣ въ Дворянскій полкъ изъ стальныхъ корпусовъ кадетъ дурной нравственности и лѣнтяевъ. Небольшой комплектъ офицеровъ употреблялся для неотложныхъ командировокъ, а возмужалые юноши, прозван-

¹⁾ Въ концѣ 1826 г., по высочайшему соизволенію, Дворянскій кавалерійскій эскадронъ упраздненъ.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ
КАРЛЪ ОСИПОВИЧЪ ГРАФЪ ПОЩО-ДИ-БОРГО.

СВАЯ СТАРИНА

ЛЕКЦИОННИКЪ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Составилъ П. П. Вильямъ 1870 г.

1901.

ОБЪЕМЪ — 100 ЛИСТЪ. — ДЕКЛАРИ.

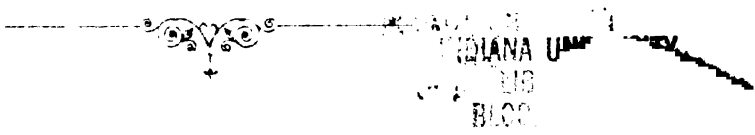
ОБЪЕМЪ — 100 ЛИСТЪ. — ДЕКЛАРИ.

ТОМЪ СТО ВОСЬМИЙ

K

89

CS

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.

1901.

S15

1870

ГЕНЕРАЛЪ БОГДАНОВИЧЪ
ФЕДОРЪ БОГДАНОВИЧЪ БОГДАНОВИЧЪ

Russkaja starina
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1901.

ОКТАБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ВОСЬМОЙ.

DK
1
.R59
v.108

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.

1901.

. 813

8-13 76

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ.

Имя цѣлю знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакция «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностраннныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивныя документы.

Редакция не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

*

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

И С Т О Р І Я

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. О. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

закрывающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.

Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться

въ Товарищество «Общественная Польза», Большая

Подъяческая, № 39.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XIII ¹⁾.

Планъ всеобщаго государственнаго преобразованія.—Недостатки существовавшей администраціи.—Преобразованіе Государственнаго Совѣта.—Рѣчь императора Александра при его открытіи.—Недовѣріе общества къ преобразованіямъ вообще.—Новые налоги.—Неудовольствіе общества.—Н. М. Карамзинъ и его мнѣніе.—Мѣры къ успокоенію общества.—Охлажденіе Александра къ преобразованіямъ и эвергія Сперанскаго.—Противодѣйствіе ему въ Государственномъ Совѣтѣ.—Тяжесть его положенія и желаніе сложить съ себя большую часть своихъ обязанностей.—Несогласіе на то императора Александра.—Проектъ преобразованія Сената.—Общее учрежденіе министерствъ.—Противорѣчія въ положеніяхъ.—Причины неудачи.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ, императоръ Александръ подготавливалъ, составленный Сперанскимъ, по его порученію, планъ всеобщаго государственнаго преобразованія.

Съ уничтоженіемъ коллегій и съ образованіемъ министерствъ администрація не улучшилась. Министерскія канцеляріи заступили мѣста коллегій, а министры—присвоивали себѣ власть, принадлежавшую прежде Правительствующему Сенату; товарищеское обсужденіе дѣлъ замѣнилось единоличнымъ. Министры пользовались своею властью неограниченно, безъ всякаго контроля, безъ всякой отвѣтственности и безъ «всякаго со стороны прокуроровъ наблюденія за исполненіемъ законовъ». Каждый министръ поступалъ по-своему, не согласуясь съ товарищемъ, и государственныя учрежденія потеряли

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

точку соединенія и лишились объединяющаго начала. Въ производствѣ дѣлъ не было никакой отвѣтственности, предѣлы власти министровъ не былъ ни опредѣленъ, ни ограниченъ, и даже часть законодательная была раздѣлена между разными министрами. Все это вело къ произволу, вызывало недоумѣнія, противорѣчія и беспорядки въ администраціи еще большіе, чѣмъ были прежде. Современники тяготились такимъ положеніемъ, были недовольны имъ и не знали, къ кому обратиться, у кого искать правосудія, суда и расправы.

Не желая, однако же, возвращаться къ старому порядку вещей, императоръ Александръ пришелъ къ заключенію, что пора привести въ исполненіе его излюбленную мысль—дать Россіи конституціонный порядокъ управленія.

Призвавъ къ себѣ М. Сперанскаго и объявивъ ему, что желаетъ даровать Россіи конституцію, Александръ показалъ ему предложенія Н. Новосильцова и князя Чарторыйскаго, «заключавшіяся въ пустыхъ либеральныхъ теоріяхъ не удобопримѣнимыхъ къ нашему отечеству»¹⁾.

Вопросъ о конституціи былъ поднятъ еще въ 1804 году и по высочайшей волѣ составленіе проекта ея было поручено барону Розенкампу, секретарю и первому рефендарію коммисіи составленія законовъ. Справедливо ссылаясь на то, что для подобнаго проекта не было никакихъ матеріаловъ и подготовительныхъ работъ, что одною теоріею руководствоваться нельзя, Розенкампфъ могъ составить, да и то съ многими пробѣлами, такъ называемой кадръ конституціи²⁾. Этотъ кадръ былъ переданъ Новосильцову и Чарторыйскому, которые хотя и выработали проектъ конституціи, но онъ не отличался ни полнотою, ни основательностью.

Наступившія войны оставили проектъ этотъ безъ примѣненія, и теперь онъ былъ переданъ Сперанскому. Задача, возлагаемая на послѣдняго, была, конечно, не по силамъ одному человѣку и тѣмъ болѣе, что по легкости взгляда, съ которымъ императоръ Александръ относился къ преобразованіямъ вообще, онъ требовалъ отъ Сперанскаго скорѣйшаго исполненія порученнаго ему дѣла. Недовѣріе къ окружающимъ его людямъ заставляло Александра держать все это дѣло въ секретѣ, который, впрочемъ, какъ увидимъ, онъ же первый и выдалъ.

Получивъ порученіе государя, Сперанскій съ особымъ рвеніемъ принялся за рѣшеніе предложенной ему задачи и, познакомившись съ переданнымъ ему проектомъ конституціи, пришелъ къ заключенію, что

¹⁾ Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. „Русскій Вѣстникъ“. 1890 г. № 9, стр. 164.

²⁾ Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“. Т. II, стр. 249.

исправить современный порядокъ администраціи даннымъ ему проектомъ конституціи невозможно, а нужно замѣнить его новымъ, построеннымъ на совершенно иныхъ началахъ.

«Всѣ жалуются,—писалъ онъ,—на запутанность и смѣшеніе нашихъ гражданскихъ законовъ. Но какимъ образомъ можно исправить и установить ихъ безъ твердыхъ законовъ государственныхъ? Къ чему законы, распредѣляющіе собственность между частными людьми, когда собственность сія ни въ какомъ предположеніи не имѣетъ твердаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда окрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластиа?

«Жалуются на запутанность финансовъ. Но какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ публичнаго установленія, порядокъ ихъ охраняющаго? Въ настоящемъ положеніи нельзя даже съ успѣхомъ наложить какой-нибудь налогъ къ исправленію финансовъ необходимо нужнѣй: ибо всякая тягость народная приписуется единственно самовластию. Одно лицо государя отвѣтствуетъ народу за всѣ постановленія; совѣтъ же и министры всегда, во всякой мѣрѣ тягостной, могутъ отречься отъ участія тамъ, гдѣ нѣтъ публичныхъ установленій.

«Жалуются на медленность успѣховъ просвѣщенія и разныхъ частей промышленности. Но гдѣ начало ихъ животворящее? Къ чему послужить рабу просвѣщеніе? Къ тому только, чтобъ яснѣе обозрѣлъ онъ всю горестъ своего положенія ¹⁾).

«Наконецъ, сіе всеобщее неудовольствіе, сія приклонность къ горестнымъ изъясненіямъ всего настоящаго, есть не что другое, какъ общее выраженіе пресыщенія и скуки отъ настоящаго вещей порядка. Война и политическія происшествія, безъ сомнѣнія, занимаютъ тутъ свое мѣсто. Но были тягости, были войны, и духъ народный не былъ однакоже подавляемъ ими до такой степени, какъ нынѣ. Неужели дороговизнѣ сахару и кофе ¹⁾ можно въ самомъ дѣлѣ приписать начало сихъ неудовольствій? Уменьшилась ли отъ нихъ роскошь? Обѣднѣлъ ли въ самомъ дѣлѣ народъ? Гдѣ тѣ жестокія несчастія, кои его на самомъ дѣлѣ постигли? Всѣ вещи остались въ прежнемъ почти положеніи, а между тѣмъ духъ народный страждетъ въ безпокойствѣ. Какъ можно изъяснить сіе безпокойство иначе, какъ совершеннымъ измѣненіемъ мыслей, глухимъ, но сильнымъ желаніемъ другаго вещей порядка.

«Таковы суть главные признаки, по коимъ можно опредѣлить мѣсто, которое Россія нынѣ занимаетъ въ лѣстницѣ гражданскаго образованія. По симъ признакамъ можно, кажется, съ достовѣрностью заключить,

¹⁾ Эти строки указываютъ на то, что въ планѣ преобразованій Сперанскаго долженъ былъ войти и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

²⁾ См. „Русскую Старину“, 1901 г. сентябрь, № 9, стр. 450 и 451.

что настоящая система правленія несвойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа, но что настало время ее перемѣнить и основать новую. Всѣ и управленія частныя, всѣ, такъ сказать, пристройки къ настоящей были бы непрочны; пусть составляютъ какое угодно министерство, распорядятъ иначе части, усилятъ и просвѣтятъ полицейскія и финансовыя установленія, пусть издадутъ даже гражданскіе законы: всѣ ои введенія, бывъ основаны единственно на личныхъ качествахъ исполнителей, ни силы, ни твердости имѣть не могутъ».

Приступая къ образованію новыхъ учрежденій, Сперанскій считалъ необходимымъ, чтобы правленіе, до сихъ поръ самодержавное, «поставить и учредить на непремѣняемомъ законѣ»; чтобы «не внѣшними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его внутреннею и существенною силою установленій и учредить державную власть на законѣ не словами, но самымъ дѣломъ». Такая форма правленія по словамъ преобразователя, свойственнѣе народу, «который имѣетъ болѣе добраго смысла, нежели пытливости, болѣе простаго и твердаго разума, нежели воображенія, коего характеръ трудно обольстить, но легко убѣдить простою истиною; словомъ, она можетъ быть свойственна такому народу, коего нѣтъ нужды прельщать и обманывать, по добронравію его и нѣкоторой лѣности, присущимъ всѣмъ народамъ сѣверной природы».

Послѣ взаимнаго обмѣна мыслями съ императоромъ, Сперанскій составилъ планъ всеобщаго государственнаго преобразованія.

Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе частныхъ планъ преобразованій ¹⁾; мы ограничимся изложеніемъ его сущности и указаніемъ на то, какъ онъ отразился на обществѣ и былъ согласованъ съ потребностями русскаго народа.

Цѣлью преобразованій было утвердить власть правительства, поставить управленіе Имперіи на твердомъ законѣ и дать Россіи внутреннее политическое бытіе, «а съ этою цѣлью опредѣлить прежде всего разумъ коренныхъ государственныхъ законовъ, т. е. начертать планъ конституціи».

«Конституціи,—писалъ Сперанскій ²⁾, — во всѣхъ почти государствахъ устрояемы были въ разныя времена отрывками и по большей части среди жестокихъ политическихъ бурь. Россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности

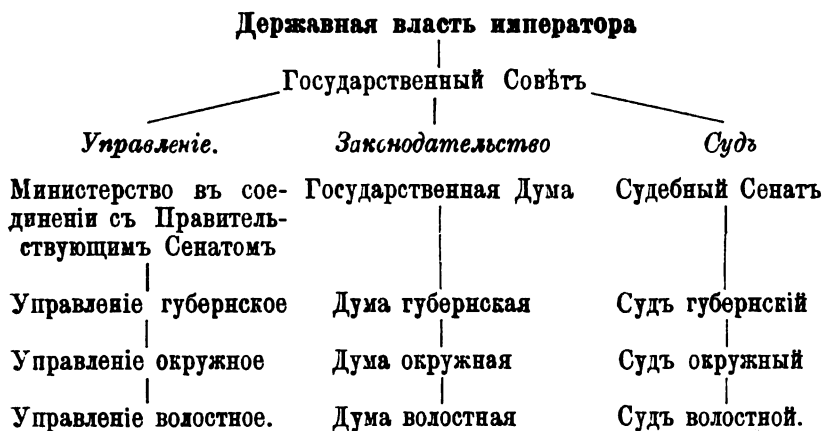
¹⁾ Планъ государственнаго образованія впервые напечатанъ въ полномъ объемѣ Н. К. Шильдеромъ. См. „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“. Т. II, стр. 372—395.

²⁾ Тамъ же, стр. 252.

обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти, которая, устроая политическое существованіе своего народа, можетъ и имѣть всѣ способы дать ему самыя правильныя формы».

Онѣ заключались въ томъ, что къ участію въ управленіи допускались народныя представители и въ основаніе представительства положено было землевладѣніе. Установленіями законодательными должны были быть выборныя учрежденія: волостныя, окружныя, губернскія и Государственная Дума. Каждые три года, въ волостномъ городѣ изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности должно было составляться собраніе подъ названіемъ волостной думы. Казенныя селенія отъ каждаго пятисотъ душъ посылали въ думу одного выборнаго. Волостныя думы избирали членовъ волостнаго правленія и депутатовъ въ окружныя думы; изъ депутатовъ окружныхъ думъ, черезъ каждые три года, должно было составляться собраніе въ губернскомъ городѣ подъ именемъ губернской думы. Изъ депутатовъ отъ губернскихъ думъ составлялось въ Петербургѣ законодательное сословіе подъ именемъ Государственной Думы. Для управленія и суда, устанавливались также учрежденія четырехъ степеней, и такимъ образомъ по плану Сперанскаго государственное управленіе должно было принять слѣдующій видъ:

Изъ этого начертанія видно, что средоточіемъ всѣхъ учрежденій являлся Государственный Совѣтъ, предназначаемый для предварительнаго разсмотрѣнія законовъ, уставовъ и учрежденій въ «первообразныхъ ихъ начертаніяхъ».

Къ этой табели учрежденій Сперанскій присоединялъ Кабинетъ при императорѣ, въ который должны были стекаться высшія государственныя дѣла и получать тамъ окончательное рѣшеніе, а также Правительствующій Сенатъ, долженствовавшій замѣнить собою бывшій Комитетъ министровъ.

Проектъ Сперанскаго, по вѣшнему виду, долженъ былъ вполне удовлетворять желанію императора Александра, и, по его увлекающемуся и порывистому характеру, требовалось только скорѣйшее приведеніе его въ исполненіе. Торопливости императора «совершенно отвѣчали и смѣлая и неутомимая и систематическая дѣятельность Сперанскаго» ¹⁾.

Въ октябрѣ 1809 г. планъ преобразованій былъ уже представленъ государю и имъ одобренъ. Теперь являлся только вопросъ о томъ, съ чего начинать преобразованія, и рѣшено было начать съ Государственного Совѣта, для преобразованія котораго не встрѣчалось особыхъ затрудненій и не требовалось большихъ приготовленій.

По мнѣнію Сперанскаго, существовавшій уже Государственный Совѣтъ былъ, «мѣстомъ, такъ сказать, произвольнымъ, коего дѣйствія безгласны, неопредѣлительны и относятся, большею частію, къ дѣламъ текущимъ. Можетъ ли, въ настоящемъ составѣ его, стать онъ на чредѣ государственныхъ установленій, свойственныхъ Имперіи обширной? Министерскій комитетъ есть также установленіе, никакихъ публичныхъ формъ не имѣющее; въ самомъ разумѣ его онъ предустановленъ былъ для соображенія однѣхъ мѣръ исполнительныхъ. Слѣдовательно, никогда не могъ онъ быть средоточіемъ въ порядкѣ законодательномъ.

«Итакъ, важнѣйшая часть государственнаго управленія — соображеніе законовъ, уставовъ и учрежденій не имѣетъ, у насъ никакого постояннаго положенія и нѣтъ мѣста, гдѣ бы дѣла государственныя постоянно и единообразно были уважаемы. Въ государствѣ сильною и обширною разныя части управленія не могутъ идти съ стройностью и успѣхомъ, когда каждое движется по своему направленію и направленія сія нигдѣ не приводятся къ единству; когда главныя отношенія разныхъ частей не опредѣлены и не соображены между собою, когда каждое дѣло можетъ по произволу поступать въ различныя установленія: въ Совѣтъ, Сенатъ или Комитетъ и не въ одномъ изъ нихъ не установлено порядка, теченію государственныхъ дѣлъ свойственнаго и единообразнаго.

«Отсюда происходитъ, что всѣ законы, всѣ учрежденія и мѣры правительства, даже и тѣ самыя, кои соображены были съ установленіями, нынѣ существующими, совокупно всеми ихъ членами, имѣютъ у насъ видъ произвола и личнаго довѣрія, измѣняющагося по случаямъ и обстоятельствамъ. Отсюда происходитъ та великая несвязность, которая въ законахъ нашихъ на каждомъ шагѣ встрѣчается. — Всѣ они имѣютъ столько различныхъ свойствъ, сколько было разныхъ лицъ, кои попеременно занимались ихъ составленіемъ. — Отсюда происходитъ,

¹⁾ А. Н. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изданіе 1900 г., стр. 129.

что учрежденія наши никогда не имѣли достоинства и важности, свойственной закону.—И какимъ образомъ могутъ они имѣть сію важность, когда начинались по одному личному довѣрью, соображались въ тайнѣ и издавались безъ всякаго публичнаго и единообразнаго ихъ уваженія? Отсюда происходитъ та великая и горестная удобность, съ кою законы наши были перемѣняемы.—Если одно лицо, часто дѣйствующее въ тайнѣ, могло предложить законъ и частнымъ соображеніемъ привести его въ силу, то другое, пользуясь, въ свою очередь, тою же степенью довѣрія, могло отмѣнить его и ввести другое учрежденіе. — Отсюда происходитъ то всеобщее убѣжденіе, самымъ опытомъ оправданное, что нѣтъ въ Россіи закона постояннаго, и что можно перемѣнить все по личнымъ случаямъ и удобствамъ. — Отсюда происходитъ и та слабость въ исполненіи закона, на которую столько разъ жалобы были оглашаемы.—Каждый исполнитель, при первомъ затрудненіи въ законѣ, находить удобнѣйшимъ предложить его отмѣну, нежели стараться превзойти препятствія. — И понеже отмѣны сіи бывали часты и всегда производимы съ тою же удобностью, съ какою и законъ у насъ издавался, то и поселилась въ практикѣ нашихъ исполнителей несчастная привычка представлять непрестанно о неудобствахъ, изъ чего и составила большая часть дѣлъ, тяготящихъ всѣ департаменты и ввергающихъ высшее управленіе въ непрерывный беспорядокъ. — Тщетно власть исполнительная гремѣла подтвержденіями и угрозами.—Самыя подтвержденія сіи и угрозы еще болѣе обнаруживали слабость закона.

«Изъ сего происходятъ слѣдующія истины: 1) что въ настоящемъ порядкѣ управленія нѣтъ установленія для общаго соображенія дѣлъ государственныхъ въ отношеніи ихъ къ части законодательной; 2) что отъ недостатка сего установленія происходитъ главный беспорядокъ и смѣшеніе во всѣхъ частяхъ управленія; 3) что твердость и постоянство закона требуютъ такого установленія и 4) что, наконецъ, великія государства движутся установленіями, лица перемѣняются и умираютъ, а духъ установленій живетъ и въ теченіе многихъ столѣтій охраняетъ оныя».

Планъ Сперанскаго не былъ приведенъ въ исполненіе въ полномъ его объемѣ; осуществилась только нѣкоторая незначительная его часть и прежде всего преобразование Государственнаго Совѣта.—При нетерпѣлиіи Александра и его настояніи образованіе Государственнаго Совѣта было написано менѣе чѣмъ въ три мѣсяца и при томъ однимъ человекомъ. — При такой спѣшности работы, Сперанскому не было, конечно, времени справляться съ лѣтописями и древними актами, хранившимися въ архивахъ; онъ не имѣлъ времени искать основъ ни въ Уложеніи, ни въ старинныхъ нашихъ Соборахъ, въ постановленіяхъ бояр-

скихъ и земскихъ Думъ, въ обычаяхъ и нравахъ народа ¹⁾. — Въ Эрфуртѣ его увлекъ Наполеонъ и, подѣ влияніемъ поклоненія ему, Сперанскаго вдохновляли уставы императорской Франціи. Имѣя въ виду готовые образцы для исполненія возложенной на него задачи, Сперанскій «откинулъ прежнюю робость малоопытности. вмѣсто осмотрительныхъ попытокъ и нѣкоторой сдержанности, наступила эпоха самоувѣренности и смѣлой ломки всего существовавшаго» ²⁾).

— Весьма заблуждаются тѣ, — говорилъ впоследствии Трощинскій, — кои думаютъ, что одинакія установленія вездѣ могутъ сопровождаться быть одинакими послѣдствіями. — Установленія, кои могли быть введены безъ неудобства въ одномъ государствѣ, могутъ произвести пагубныя послѣдствія въ другомъ, если во взаимодействующемъ государствѣ образъ правленія и положенія народа, не будучи таковы же, каковы они въ государствѣ, изъ котораго формы заимствуются.

Защищая императора Александра отъ возводимыхъ на него впоследствии обвиненій въ поспѣшности и необдуманности преобразованій, и обвиняя Сперанскаго, — Д. П. Трощинскій старался доказать, что воля государя состояла въ томъ, чтобы, не нарушая издавна установленнаго и свойственнаго русскому государству управленія, ввести въ немъ только нѣкоторыя измѣненія и улучшенія и тѣмъ доставить благоденствіе народу. — «Но усовершенія сіи, бывъ основаны, вмѣсто опытовъ, на однихъ отвлеченныхъ понятіяхъ вновь возникшей философіи, должныствовали произвести дѣйствія несообразныя съ предположенною и ясно выраженною цѣлью государя императора» ³⁾.

Ничего этого не было. — Сперанскій писалъ положеніе по указанію императора, съ которымъ постоянно совѣтовался; оба они одинаково думали, оба читали и исправляли написанное.

Еще во время пребыванія Александра въ Москвѣ, къ нему присылались изъ Петербурга тайственные конверты, смущавшіе публику и многихъ приближенныхъ къ императору, въ особенности графа Аракчеева. — Конверты эти, какъ узнали впоследствии, были отъ Сперан-

¹⁾ Необходимо припомнить, что въ то время Свода законовъ не существовало, что руководствомъ служили многочисленные указы, не приведенные въ систему и противорѣчившіе другъ другу; что постановленія боярскихъ Думъ не были изданы и оставались не только неизвѣстными, но и не приведенными въ порядокъ, и что впоследствии самъ Сперанскій, сознавая важность опыта предшествовавшей жизни русскаго народа, далъ намъ „Полное Собраніе законовъ Россійской Имперіи“.

²⁾ А. Н. Пыпинъ „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“. Изданіе 1900 г., стр. 132 и 133.

³⁾ Записка Трощинскаго: „О неудобствахъ, происходящихъ отъ государственнаго управленія въ формѣ единоличной и проч.“. Сборникъ Императ. Русскаго Историческаго Общества, т. III, стр. 23—162.

скаго и заключали въ себѣ проектъ новаго положенія о Государственномъ Совѣтѣ.— Не ожидая, чтобы лица, окружавшія государя и стоявшія во главѣ управленія, сочувствовали преобразованіямъ, Александръ сначала держалъ это дѣло въ большомъ секретѣ и, чтобы лучше сохранить тайну, поручилъ Сперанскому присылать свою рукопись по частямъ въ запечатанныхъ конвертахъ, которые надписывались камердинеромъ Мельниковымъ: «Къ государю въ Москву».

— Мельниковъ важный человѣкъ!— ѣдко замѣчалъ графъ Арабчевъ, негодовавшій на то, что не знаетъ содержанія таинственныхъ пакетовъ.

Но сохранить тайну непроницаемою было очень трудно, и въ Москвѣ стали говорить, что въ конвертахъ заключается что-то важное.— Для разъясненія, что именно, ловили каждое слово, вѣрили всякому слуху и стали рассказывать съ неудовольствіемъ, что готовится конституція и представительный образъ правленія.

При всѣхъ своихъ либеральныхъ стремленіяхъ и несмотря на мягкость характера, Александръ ревниво оберегалъ свое самодержавіе и неограниченность власти и въ этомъ отношеніи не допускалъ никакихъ посягательствъ. — Слухи, распространившіеся по Москвѣ, его смущали тѣмъ болѣе, что онъ зналъ о нерасположеніи общества къ его начинаніямъ. «Александръ не пользовался популярностью,—говоритъ князь А. Чарторыйскій.— По своему характеру онъ не былъ русскимъ человѣкомъ. — Отличаясь отъ русскихъ хорошими и дурными качествами, онъ, въ кругу своихъ, былъ похожъ на экзотическое растеніе и никогда не былъ счастливъ». Желая привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, сохранить популярность, вызванную недавнею поѣздкою въ Москву и, наконецъ, уничтожить всѣ слухи, — Александръ самъ первый нарушилъ тайну и открылъ то, что сначала такъ тщательно скрывалъ.

Въ декабрѣ 1809 года, въ разговорѣ съ княземъ Чарторыйскимъ, императоръ сказалъ ему, что готовится преобразование Государственного Совѣта и что онъ приметъ иную форму съ болѣе обширнымъ кругомъ дѣятельности; что устройство его произойдетъ по образцамъ, существующимъ въ иныхъ, лучше управляемыхъ государствахъ, какъ въ Франціи и Англіи.

— Есть много людей,—говорилъ при этомъ Александръ,—которые, не отдавая себѣ отчета въ значеніи словъ, воображаютъ, что будущее устройство Совѣта есть народное представительство, какъ будто можетъ быть народное представительство, избранное не страной, а зависимое отъ короны. То, что теперь будетъ сдѣлано для Совѣта, есть лишь первый шагъ для того, чтобы дойти до другихъ из-

мѣненій болѣе существенныхъ, относительно коихъ мнѣнія мои нисколько не измѣнились¹⁾.

Слова эти, сказанныя, конечно, для распространенія, скоро стали извѣстными многимъ, и имъ оставались неизвѣстными только частности, съ которыми императоръ рѣшилъ познакомиться лишь не многихъ. Когда положеніе о новомъ устройствѣ Государственнаго Совѣта было окончательно обработано, то, по желанію Александра, оно было передано на обсужденіе графу Салтыкову, графу Завадовскому, князю Лопухину и графу Кочубею. По одобреніи ими, проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе графа Н. П. Румянцева, предназначавшагося предсѣдательствовать въ новомъ Совѣтѣ, въ случаѣ отсутствія императора. Только за нѣсколько дней до обнародованія манифеста о готовящемся преобразованіи было сообщено о томъ графу Аракчееву, да и то не для того, чтобы узнать его мнѣніе, а чтобы нѣсколько изгладить неудовольствіе, которое онъ проявлялъ, вслѣдствіе скрытности, съ какою велось все это дѣло.

Графу крайне досадно было,—пишетъ Марченко²⁾,—«что новости сіи скрыты отъ него. Онъ готовился ѣхать въ Грузино, но государь задержалъ, обѣщая прочесть съ нимъ Наказъ Совѣту». Видимо недовольный, Аракчеевъ говорилъ, что такое чтеніе бесполезно, что онъ гражданской части вовсе не знаетъ, по любопытство пересилило, и онъ остался. Государь хотѣлъ прислать за нимъ 24-го декабря, но вмѣсто того прислалъ къ нему Сперанскаго. «Не прошло и десяти минутъ,—продолжаетъ Марченко,—какъ графъ, отпустивъ Сперанскаго, спросилъ меня съ дѣлами. Я не видывалъ еще его въ подобномъ бѣшенствѣ. Не ставъ слушать бумагъ, приказалъ прислать ихъ въ Грузино, куда сейчасъ же онъ отъѣзжаетъ».

Оказалось, что Сперанскій привозилъ ему не проектъ образованія Государственнаго Совѣта, а одно оглавленіе, чтобы на словахъ рассказать сущность новой организаціи. Аракчеевъ не сталъ его слушать, отпустилъ съ неудовольствіемъ и грубостью и передъ отъѣздомъ въ Грузино, написалъ рѣзкое письмо государю съ просьбою объ отставкѣ³⁾.

Ссылаясь на то, что въ молодости получилъ плохое образованіе и не въ состояніи будетъ защищать въ Совѣтѣ интересы военнаго вѣдомства, Аракчеевъ просилъ уволить его отъ званія военнаго министра и при томъ какъ угодно государю.

¹⁾ Разговоръ князя А. Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ. „Русскій Арх.“ 1870 г., т. I, стр. 761.

²⁾ Въ своихъ запискахъ. „Русская Старина“ 1896 г. № 3, стр. 485.

³⁾ Въ недавно вышедшемъ изданіи „Государственный Совѣтъ 1801—1801 г.“ (стр. 18) весь этотъ эпизодъ разсказанъ не точно.

«Молю васъ, государь, — прибавляя оны, — не затрудняться въ ономъ, ибо, черезъ не скорую переѣзку меня изъ сего званія, будетъ малая польза вамъ и государству, и только остановка въ дѣлахъ, въ коихъ дѣятельность по военной части необходима».

Письмо это должно было, конечно, удивить и огорчить императора Александра.

«Не могу скрыть отъ васъ, Алексѣй Андреевичъ, — писалъ государь ¹⁾, — что удивленіе мое было велико при чтеніи письма вашего.

«Чему долженъ приписать я намѣреніе ваше оставить мѣсто, вами занимаемое. Говорить обвинякомъ было бы здѣсь неумѣстно. Причины, вами изъясняемыя, не могу я принять за настоящія. Если до сихъ поръ вы были полезны въ званіи вашемъ, то при новомъ устройствѣ Совѣта почему сія полезность можетъ уменьшиться? Сіе никому не будетъ понятно. Всѣ читавшіе новое устройство Совѣта нашли его полезнымъ для блага Имперіи. Вы же, на чье содѣйствіе я болѣе надѣялся, вы, твердившіе мнѣ столь часто, что, кромѣ привязанности вашей къ отечеству, личная любовь ко мнѣ вамъ служить побужденіемъ, — вы, не взирая на оное, одни забывъ пользу Имперіи, спѣшите бросить управляемую вами часть въ такое время, гдѣ совѣтъ ваша не можетъ не чувствовать, сколь невозможно васъ замѣнить. Вопросите искренно самого себя, какое побужденіе въ васъ дѣйствуетъ? и если вы будете справедливы на свой счетъ, то вы сіе побужденіе не похвалите.

«Но позвольте мнѣ, отложивъ здѣсь званіе, которое я на себѣ ношу, говорить съ вами какъ съ человѣкомъ, къ которому я лично привязанъ, которому во всѣхъ случаяхъ я доказалъ сію привязанность. Какое вліяніе произведетъ въ глазахъ публики ваше увольненіе отъ должности въ такую минуту, гдѣ преобразование, полезное и пріятное для всѣхъ, введено будетъ въ правительствѣ? Конечно, весьма дурное для васъ самихъ. Устройство Совѣта будетъ напечатано, всякій судить будетъ, что неотчего было вамъ оставлять своего мѣста, и заключенія будутъ весьма невыгодны на вашъ счетъ.

«Въ такую эпоху, гдѣ я право имѣлъ ожидать отъ всѣхъ благомыслящихъ и привязанныхъ къ своему отечеству жаркаго и ревностнаго содѣйствія, вы одни отъ меня отходите и, предпочитая личное честолюбіе, мнимо тронутое, пользѣ Имперіи, настоящимъ уже образомъ повредите своей репутаціи.

«Если все вышеписанное, противъ чаянія моего, надъ вами дѣйствія никакого не произведетъ, то, по крайней мѣрѣ, я въ правѣ требовать отъ васъ, чтобы до назначенія преемника вашего вы продолжали исполнять обязанность вашу, какъ долгъ честнаго человѣка онаго тре-

¹⁾ Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ“. Т. II, стр. 262 и 263.

буеть. При первомъ свиданіи нашемъ вы мнѣ рѣшительно объявите, могу ли я въ васъ видѣть того же графа Аракчеева, на привязанность котораго я думалъ, что твердо могъ надѣяться, или необходимо мнѣ будетъ заняться выборомъ новаго военнаго министра».

Аракчеевъ остался при своемъ и просилъ избрать ему преемника. «Мнѣнія публики столь различны,—писалъ онъ Александру¹⁾,—что на оныя никогда положиться нельзя, и лучшее мнѣніе въ свѣтѣ—спокойная въ человѣкѣ совѣсть; я имѣю ее и буду съ нею вездѣ спокоенъ».

Съ отъѣздомъ Аракчеева курьеры три дня скакали изъ Петербурга въ Грузино и обратно, пока, наконецъ, 29-го декабря 1809 г. графъ пріѣхалъ въ столицу. Этотъ и послѣдующій день прошли въ объясненіяхъ съ государемъ, и, наконецъ, Александръ спросилъ Аракчеева, чѣмъ желаетъ онъ быть, т. е. оставаться ли военнымъ министромъ или быть предсѣдателемъ военнаго департамента Государственнаго Совѣта.

— Лучше самъ буду дядькою,—отвѣчалъ Аракчеевъ, — чѣмъ надъ собою имѣть дядьку.

Императоръ изъявилъ согласіе и, возвратившись изъ дворца 1-го января 1810 года, послѣ открытія Государственнаго Совѣта на новыхъ началахъ и въ новомъ составѣ, графъ Аракчеевъ написалъ на прокладныхъ листахъ своего Евангелія: «Въ сей день сдать званіе военнаго министра. Совѣтую всѣмъ, кто будетъ имѣть сію книгу послѣ меня, помнить, что честному человѣку всегда трудно занимать важныя мѣста государства»²⁾.

Случай съ Аракчеевымъ и слухи, ходившіе по Москвѣ, указывали императору, что новое образованіе Государственнаго Совѣта будетъ встрѣчено многими съ недовѣріемъ и потому въ день открытія Совѣта онъ писалъ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Гудовичу³⁾.

«Прежде, нежели въ обыкновенномъ порядкѣ дойдутъ къ вамъ акты объ открытіи Государственнаго Совѣта, въ сей день совершившагося, поспѣшаю доставить вамъ нѣсколько экземпляровъ манифеста и образованія сего государственнаго сословія. Я желаю, чтобъ, сообщивъ акты сіи кому вы за благо признаете, руководствовали вы общимъ мнѣніемъ къ истинному понятію о семъ важномъ государственномъ установленіи. А чтобъ поставить васъ къ болѣшей къ тому возможности,

¹⁾ Въ письмѣ отъ 29-го декабря 1809 г.

²⁾ Въ знакъ примиренія съ Аракчеевымъ государь прислалъ ему въ подарокъ пару лошадей съ санями. Графъ былъ очень обрадованъ такому небывалому подарку.

³⁾ Въ рескриптѣ отъ 1-го января 1810 г. „Сборникъ Археологическаго института“, кн. 2, отдѣлъ II, стр. 50 и 51.

препровождая при семъ, для особеннаго свѣдѣнія вашего, записку о причинахъ необходимости сего учрежденія. Я надѣюсь, что вы и съ вами всѣ благомыслящіе люди найдутъ въ немъ новый опытъ самаго твердаго моего желанія всѣми вѣренными мнѣ отъ Бога средствами дѣйствовать къ единому благу любезнаго нашего отечества».

Въ манифестѣ объявлялось, что «къ утвержденію и распространенію единообразія и порядка въ государственномъ управленіи, признали мы нужнымъ установленію Государственнаго Совѣта дать образованіе свойственное пространству и величію нашей Имперіи»; что сколь ни были бы совершенны гражданскіе законы, они не могутъ быть тверды безъ государственныхъ установленій, во главѣ которыхъ долженъ стоять Совѣтъ. «Его разсмотрѣнію будетъ подлежать гражданское Уложеніе, которое,—говорилось въ манифестѣ,—по мѣрѣ совершенія его съ принадлежащими къ нему судебными обрядами и устройствомъ судебныхъ мѣстъ, будетъ поступать на его уваженіе. За симъ послѣдуетъ Уложеніе уголовное. Отъ успѣшнаго окончанія сего труда зависитъ общее устройство судебной части. Ввѣривъ оную особенно Правительствующему Сенату, мы не умедлимъ дать сему высшему въ Имперіи нашей судебному сословію образованіе, важному назначенію его свойственное, и присоединимъ къ установленіямъ его все, что можетъ ихъ усовершенствовать и возвысить.

«Настоящее положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ требуетъ также неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія. На сей конецъ доставимъ мы Совѣту планъ финансовъ, составленный на началахъ, части сей наиболѣе свойственныхъ. Главныя основанія сего плана состоятъ въ томъ, чтобы всевозможнымъ сокращеніемъ издержекъ привести ихъ въ подлежащую соразмѣрность съ приходами, установить во всѣхъ частяхъ управленія истинный разумъ доброй экономіи и самыми дѣйствительными мѣрами положить твердое основаніе постепенной уплатѣ государственныхъ долговъ, коихъ ненарушимость, удостовѣренную всѣми государственными богатствами, мы всегда признавали и будемъ признавать однимъ изъ важнѣйшихъ и неприкосновенныхъ обязательствъ нашей Имперіи¹⁾).

Въ 9 часовъ утра, 1-го января 1810 года императоръ Александръ прибылъ въ Шепелевскій дворецъ, гдѣ, по повѣсткамъ, разосланнымъ наканунѣ, собрались 35 человекъ, первыхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Занявъ предсѣдательское кресло и видя, что назначенные предсѣдателями департаментовъ не знаютъ, въ какомъ порядкѣ имъ сѣсть, п

¹⁾ Манифестъ 1-го января 1810 г. Полное Собраніе Законовъ, т. XXXI, № 24064.

пересаживаются съ мѣста на мѣсто, государь приказалъ имъ занять мѣста по старшинству ¹⁾).

Обратившись къ собранію, императоръ высказалъ, что порядокъ и единообразіе дѣлъ требуютъ, чтобы для ихъ средоточія и соображенія было центральное учрежденіе, что такого до сихъ поръ не было и такимъ отнынѣ будетъ Государственный Совѣтъ.

— Какимъ образомъ,—спрашивалъ Александръ,—въ государствѣ, столь обширномъ, разныя части управленія могутъ идти съ стройностью и съ успѣхомъ, когда каждая движется по своему направленію и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству? Одно личное дѣйствіе власти въ великомъ разнообразіи дѣлъ государственныхъ не можетъ сохранить сего единства. Сверхъ сего лица умираютъ; одни установленія живутъ и въ теченіе вѣковъ охраняютъ основаніе государствъ. Всѣ благонамѣренные люди давно уже чувствовали сіи истины. Любя отечество, бывъ поставленъ въ отвѣтъ передъ Богомъ въ счастіи его и благоустройствѣ, я болѣе другихъ долженъ былъ ихъ осуществить. Не частными исправленіями, не подробностями многосложными и преходящими стоятъ и процвѣтаютъ государства. Среди всѣхъ работъ, среди войны и мира, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ, мысль о твердыхъ государственныхъ установленіяхъ никогда меня не оставляла. Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе Имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ. Я считалъ всѣ минуты жизни моей потерянными для блага Россіи, въ кои войною и внѣшними происшествіями намѣренія мои отвлекались отъ сей великой цѣли. Не скрыты отъ меня были всѣ послѣдствія сего умедленія. Я чувствовалъ недостатокъ твердаго въ дѣлахъ порядка съ тою же живостью, съ кою обыкъ я любить и всему предпочитать пользы отечества. Наконецъ, Всевышній благословляетъ мои желанія. Въ сей день, съ началомъ новаго года, имѣю я удовольствіе положить твердое основаніе одному изъ важнѣйшихъ государственныхъ установленій. Государственный Совѣтъ будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія. Бытіе его отнынѣ станетъ на чредѣ установленій непремѣнныхъ и къ самому существованію Имперіи принадлежащихъ. Призвавъ васъ въ составъ сего сословія, я не могъ вамъ дать высшаго свидѣтельства моего къ вамъ довѣрія. Все, что въ мысляхъ и желаніяхъ человѣческихъ есть самага твердаго и непоколебимаго, все будетъ мною употреблено, чтобы установить порядокъ и оградить Имперію добрыми законами. Вы приѣмете священную обязанность мнѣ

---

¹⁾ Департаменты не имѣли нумераціи, и потому предсѣдатели не знали, какъ имъ размѣститься. Пересаживаніе ихъ съ мѣста на мѣсто послужило темою для басни Крылова—К в а р т е т ь.

въ семь содѣйствовать. Передъ отечествомъ, передъ Богомъ, вы будете въ семь отвѣтствовать. Передъ самыми высокими именами всѣ личныя уваженія должны исчезнуть. Изочтите милліоны (людей), кои отъ васъ ожидать будутъ твердой собственности, тишины и благоустройства, и измѣрьте симъ пространство вашихъ обязанностей и степень моего къ вамъ довѣрія. Уповаю на благословеніе Всевышняго, мѣй долгъ будетъ раздѣлять труды ваши и искать одной славы, для сердца моего чувствительной, чтобы нѣкогда въ позднихъ временахъ, когда меня уже не будетъ, истинные сыны отечества, ощутивъ пользу сего учрежденія, вспомнили, что оно установлено было при мнѣ и моимъ искреннимъ желаніемъ блага Россіи¹⁾.

По словамъ барона М. А. Корфа, повтореннымъ потомъ и многими историками, рѣчь императора Александра произвела громадное впечатлѣніе. Никогда еще Россія, говорятъ они, не слыхала съ высоты престола рѣчи, исполненной такого чувства, такого достоинства и такихъ идей.

Кажется, это не совсѣмъ вѣрно: къ чувствительности Александра привыкли и читали много теплыхъ его рескриптовъ и указовъ, но мало вѣрили, что эти рескрипты и указы будутъ исполнены; мало вѣрили въ практичность вводимыхъ преобразованій, мало вѣрили и въ то, что преобразованія эти будутъ доведены до конца.

«Мнѣ кажется,—писалъ кн. Анд. Ив. Вяземскій къ государственному канцлеру графу А. Р. Воронцову,—что я вижу²⁾ преддверіе, строящееся съ необыкновенною роскошью и смѣлостью. Оно должно украсить зданіе, которое величиною и правильностью вѣроятно будетъ поражать потомковъ; но строится лишь одинъ фронтоны, а о самомъ зданіи нѣтъ еще рѣчи. Вы не можете себѣ представить, какое впечатлѣніе все это производитъ на здѣшнюю (московскую) публику. Я вовсе не выѣзжаю, но тѣ не многіе, которые у меня бываютъ и которые часто возвращаются въ обществѣ, увѣряютъ меня, что нѣсть конца сужденіямъ о будущихъ случайностяхъ и что съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидаютъ послѣдствій всѣхъ этихъ начинаній... По-моему не стоило изъ-за столь малаго подымать столько шуму... Петръ I сказалъ какъ-то: на что законы, если по нимъ не исполняютъ? У насъ есть законы, но ихъ безпрерывное противорѣчіе, наглость, съ которою имъ не повинуются, открытое и нахальное лихоимство, безграничная роскошь, которая есть

¹⁾ Рѣчь эта была написана Сперанскимъ и исправлена императоромъ Александромъ. Она напечатана нѣсколько разъ, но вполне точно въ сочиненіи Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I“. Т. III, стр. 1—3 и въ недавно вышедшемъ изданіи „Государственный Совѣтъ. 1801—1901 г.“ Стр. 18 и 19.

²⁾ Арх. кн. Воронцова. Т. XIV.

первая причина всѣхъ золъ, невнимательность и даже презрѣніе, съ которымъ относятся къ должностямъ, если онѣ не оставляютъ денегъ, этого единственнаго божества, передъ которымъ все преклоняется, пороки, свойственные нашей формѣ правленія и нашему строю, котораго однако исправить безъ неминуемой опасности невозможно—вотъ тѣ затрудненія, которыя я предвижу для преуспѣянія желаемаго. Пусть суды наши по закону осуждаютъ и оправдываютъ, но да будутъ они, сколь возможно, составлены изъ людей безукоризненной честности; государь да не наказуетъ никого, и нелицемѣрный законъ да не слабеетъ во вѣки; да будетъ наказаніе тѣмъ сильнѣе и тѣмъ примѣрнѣе, чѣмъ выше стоитъ преступникъ. Пороки правительства никогда не восходятъ снизу вверхъ. Для этого необходимо нравственное воспитаніе, о которомъ мы не имѣемъ почти понятія. Коль скоро дѣти наши становятся попугаями и начинаютъ лепетать на нѣсколькихъ языкахъ, коль скоро въ нихъ проявляется какой-нибудь легкій талантъ, все кончено—большаго не требуютъ...

«Изучая исторію и много размышляя, приходишь до того убѣжденія, что для государства, какъ и для отдѣльныхъ лицъ, бывають несчастныя эпохи, въ которыхъ при самыхъ благихъ побужденіяхъ не достигаемъ своей цѣли, и даже наоборотъ, доходимъ до совершенно противоположнаго.

Du destin qui fait tout tel est l'arrêt cruel...¹⁾

«Полнѣйшее отсутствіе людей способныхъ—вотъ характеристическая черта нашего времени. Не знаю, такъ ли вы судите, но по-моему, скудость эта наводитъ невольный ужасъ. Бездарность и нахальство, опасное даже при великихъ талантахъ, являются здѣсь порокомъ, облеченнымъ въ оскорбительный комизмъ. Отсутствіе всякаго дарованія соединено съ немовѣрною самоувѣренностію. Присоедините къ этому всеобщую распущенность, забвеніе всего нравственнаго и честнаго. Лишь бы нажиться, а какимъ грязнымъ путемъ—это все равно. И все это съ цѣлью вдоволь насладиться роскошью и извѣженностію, насытить самыя низкія и животныя страсти. Картина не привлекательная, но клянусь, такова она на мои глаза. Пріѣзжайте сюда и, быть можетъ, вдали отъ тлетворнаго воздуха, васъ окружающаго, вы сами все увидите въ томъ же свѣтѣ».

Но возвратимся ко дню открытія Государственнаго Совѣта. Послѣ рѣчи императора, Сперанскій, назначенный государственнымъ секретаремъ и директоромъ комиссіи составленія законовъ²⁾, прочиталъ ма-

¹⁾ Таковъ жестокий приговоръ судьбы, отъ которой все зависитъ.

²⁾ Указъ Государственному Совѣту 1-го января 1810 г. Архивъ Сената, копія высочайшихъ повелѣній, кн. 304, листъ 8.

нифестъ, положеніе, списокъ предсѣдателей департаментовъ, списокъ членовъ Совѣта, списокъ секретарей и росписание дней присутствія. Императоръ Александръ вручилъ предсѣдателю Совѣта гр. Н. П. Румянцеву¹⁾ проектъ первой части гражданскаго Уложенія и финансовый планъ. Это были первыя дѣла, предложенныя на обсужденіе Совѣта. При Совѣтѣ состояли: государственная канцелярія, коммисія прошеній и коммисія составленія законовъ.

Характеръ дѣятельности новаго учрежденія довольно точно опредѣлялся его раздѣленіемъ на департаменты: 1) *З а к о н о в ъ*, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ гр. Завадовскій; 2) *Дѣл ъ В о е н н ы х ъ*—предсѣдатель графъ Аракчеевъ; 3) *Дѣл ъ Г р а ж д а н с к и х ъ*—предсѣдатель князь Лопухинъ и 4) *Г о с у д а р с т в е н н о й э к о н о м і и*—предсѣдатель Н. С. Мордвиновъ.

Всякій новый законъ, уставъ или образованіе новаго учрежденія должны были поступать на разсмотрѣніе Совѣта; но рѣшеніе его приводилось въ исполненіе только по утвержденіи верховною властью.

Такимъ образомъ Государственный Совѣтъ становится посредникомъ между государемъ и министрами по всѣмъ частямъ управленія и главнѣйшимъ образомъ по законодательной части. Всѣ дѣла поступали въ Совѣтъ черезъ государственнаго секретаря, который докладывалъ ихъ Совѣту, подносилъ журналы на высочайшее усмотрѣніе и сообщалъ высочайшую волю Совѣту.

Къ предметамъ занятій Государственнаго Совѣта относились вопросы объ объявленіи войны, заключеніи мира, «когда, впрочемъ, по усмотрѣнію обстоятельствъ, могутъ они подлежать предварительному общему соображенію».

Одною изъ главнѣйшихъ обязанностей Совѣта было разсмотрѣніе отчетовъ министерствъ, съ цѣлью, конечно, повѣрять правильность ихъ дѣйствій. Эта обязанность была встрѣчена весьма многими съ большимъ сочувствіемъ, такъ какъ самовластіе министровъ и ихъ безотвѣтственность уже успѣли оказать вредное вліяніе на внутренній строй государства. «Хвалить,—писалъ изъ Москвы Ѳ. П. Ключаревъ министру полиціи А. Д. Балашову²⁾,—учрежденіе Государственнаго Совѣта и радуются, что не черезъ министровъ пойдутъ дѣла». Впослѣдствіи оказалось, что радость эта была преждевременной.

Государственный Совѣтъ, по словамъ Сперанскаго³⁾, былъ

¹⁾ Въ указѣ Государ. Совѣту 1-го января было сказано: „Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта въ отсутствіе наше, повелѣваемъ быть государственному канцлеру графу Румянцеву“. Арх. Сената, копія высоч. повелѣній, кн. 307.

²⁾ Въ письмѣ отъ 30-го января 1810 г. „Русскій Арх.“ 1889 г. № 6, стр. 312.

³⁾ Всепопд. отчетъ о дѣлахъ 1810 года. Сбор. Рус. Ист. общества, т. 21, стр. 458.

учрежденъ для того, чтобы власти законодательной, до сихъ поръ разбросанной, дать правильность, постоянство, твердость и однообразіе. Въ этомъ отношеніи, спустя только годъ, по словамъ его, онъ, будто бы, исполнилъ уже свое назначеніе. Лытя императору Александру, Сперанскій слишкомъ увлекся и дошелъ до извращенія исторической истины.

«Никогда,—говорилъ онъ ¹⁾,—въ Россіи законы не были разсматриваемы съ болѣею зрѣлостью, какъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истины съ болѣею свободою, такъ какъ никогда, должно правду сказать, самодержецъ не внималъ ей съ болѣшимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣлавъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластиа къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы російскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: внявъ мнѣнію Совѣта; два года тому назадъ сіе казалось бы оскорбленіемъ величества. Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствию».

Современники рѣдко оцѣниваютъ распоряженія правительства по будущей ихъ пользѣ. Охотниковъ на жертвы для будущаго поколѣнія всегда мало, и позднѣйшему историку не слѣдуетъ прилагать свою мѣрку въ оцѣнкѣ фактовъ и упрекать предковъ въ томъ, что они встрѣчали то или другое распоряженіе непріязненно. Люди всегда останутся людьми, своя рубашка ближе къ тѣлу, и тяжесть положенія неизбѣжно вызываетъ ропотъ; такъ и случилось. Новое образованіе Государственнаго Совѣта было встрѣчено не сочувственно обществомъ, главнымъ образомъ потому, что первымъ распоряженіемъ Совѣта было усиленіе податей и налоговъ. 2-го февраля 1810 г. былъ обнародованъ манифестъ, которымъ повелѣвалось прекратить выпускъ ассигнацій, признанныхъ государственнымъ долгомъ, объявлено сокращеніе расходовъ и возвышеніе податей. Для общества распоряженія эти являлись новою тягостью.

«Многіе простодушные,—писалъ Н. М. Карамзинъ ²⁾,—впрочемъ не глухие, люди до нынѣ думаютъ, что совѣтники правительства въ семь случаѣ имѣли свои тайные виды и хотѣли умысленно повредить государственному кредиту. Я изъясняю себѣ загадку, какъ и въ другихъ случаяхъ, одною извѣстною хвастливостью неосновательныхъ умовъ и не менѣе извѣстною ихъ охотою умничать. Доселѣ назывались въ Россіи государственными долгами только тѣ суммы, которыя наше правительство занимало въ Голландіи или въ другихъ земляхъ; никто не при-

¹⁾ Всеподд. отчетъ о дѣлахъ 1810 г.

²⁾ Въ своей запискѣ „О древней и новой Россіи“ „Русскій Арх.“ 1870 г. т. II, стр. 2307 и 2305.

числялъ ассигнацій къ онымъ, и всякій считалъ ихъ деньгами, ибо онѣ служили какъ деньги въ куплѣ...

«Вмѣсто того, чтобы сказать просто: «необходимое умноженіе казенныхъ расходовъ требуетъ умноженія доходовъ, а новыхъ ассигнацій не хотимъ выпускать»—правительство торжественно объявило намъ, что ассигнаціи не деньги, но составляютъ необъятную сумму долговъ государственныхъ, требующихъ платежа металломъ, коего нѣтъ въ казнѣ!.. Слѣдствіемъ было новое возвышеніе цѣнъ на всѣ вещи и паденіе курса: первое отъ новыхъ налоговъ, второе отъ уменьшенія довѣренности иноземцевъ къ нашимъ ассигнаціямъ, торжественно оглашеннымъ сомнительными векселями...

«Умножать государственные доходы,—продолжалъ Н. М. Карамзинъ,—новыми налогами есть способъ весьма ненадежный и только временный. Земледѣлецъ, заводчикъ, фабрикантъ, обложенные новыми податями, всегда возвышаютъ цѣны на свои произведенія необходимыя для казны, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ открываются въ ней новые недостатки... Опять надобно умножать налоги и такъ до безконечности».

Стѣсненіе внѣшней торговли и непрерывныя войны, продолжавшіяся до 1810 года, разстроили государственные финансы, легли всею тяжестью на сельское населеніе. Цѣнность на всѣ предметы потребленія увеличивалась въ значительной степени, и само правительство откровенно заявляло въ манифестѣ, что разныя состоянія людей потерпѣли отъ сего великое отягощеніе. Подати стали поступать въ казну только на половину, а потомъ на одну четверть. Недостатокъ приходилось пополнять или внутренними займами или выпускомъ новыхъ ассигнацій. Къ 1810 году положеніе нашихъ финансовъ было самое печальное, и расходы превышали доходы «необъятнымъ количествомъ», какъ выразился императоръ Александръ въ рескриптѣ князю Куракину ¹⁾).

По предварительнымъ соображеніямъ, доходъ исчислялся въ 125.000.000, а расходъ въ 230.000.000, и такимъ образомъ недостатокъ простирался до 105.000.000. Сверхъ того число ассигнацій, признанныхъ государственнымъ долгомъ и обращавшихся внутри государства, простиралась до 577.000.000, для покрытія которыхъ не имѣлось ни малѣйшаго запаснаго фонда или какого-нибудь источника.

Въ виду такого положенія нашихъ финансовъ, подъ предѣлательствомъ графа Завадовскаго былъ составленъ особый комитетъ, которому поручено было во что бы то ни было уменьшить издержки въ будущемъ 1810 году по всѣмъ министерствамъ. «Я приму,—писалъ Александръ тому же князю Куракину,—особеннымъ доказательствомъ истиннаго

¹⁾ Отъ 21-го декабря 1809 г. См. „Русскую Старину“ 1901 г. № 9, стр.642.

усердія къ пользамъ государственнымъ, всякое сбереженіе и умѣренность въ издержкахъ, которые министры найдутъ возможнымъ сдѣлать, каждый по своей части, хотя бы то было съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ на 1810 годъ. Но стѣсненіе сіе спасетъ государство отъ самыхъ гибельныхъ послѣдствій упадающаго кредита». Уменьшеніе расходовъ не могло быть, конечно, значительно, не могло возстановить финансоваго равновѣсія, и потому императоръ принужденъ былъ обратиться къ пособію дворянства, коего ревность,—говорилъ онъ—и усердіе къ пользамъ отечества, во всѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, всегда предшествовали всѣмъ другимъ состояніямъ и служили имъ примѣромъ и поощреніемъ.

«Дабы опредѣлить,—было сказано въ манифестѣ ¹⁾),—сему пособію точную мѣру, полагается со всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, не исключая и удѣльныхъ и прочихъ, императорской фамилии принадлежащихъ, собрать единовременно и единственно на сей 1810 годъ умѣренную часть чистаго ихъ дохода, разчисляя оный по количеству недвижимыхъ ихъ имуществъ, въ деревняхъ состоящихъ, по 50 коп. съ каждой ревизской души».

Манифестъ этотъ произвелъ сильное возбужденіе умовъ. Съ одной стороны, гласное сознаніе правительства, что финансы наши до сихъ поръ дурно управлялись, а съ другой, что отъ такого управленія казна вовлечена въ значительные долги, на покрытіе которыхъ недостаточно обыкновенныхъ средствъ,—было для массы населенія неприятною и ошеломляющею новостью; люди же свѣдущіе отлично повимали, что объявленные налоги, по тогдашнему внутреннему и политическому положенію Россіи, не могутъ ограничиться однимъ 1810 годомъ, когда «отъ блокады всѣхъ пристаней, вывозъ нашихъ произведеній и вообще вся торговля почти совершенно остановились». Такъ дѣйствительно и случилось. Манифестомъ 25-го января 1811 года, единовременные налоги 1810 года были обращены въ постоянные ²⁾).

Ропотъ и неудовольствіе распространились среди всѣхъ сословій, и убѣдить ихъ въ необходимости этихъ мѣръ было трудно, такъ какъ послѣдующія событія не облегчали, а увеличивали тяжесть положенія. Общая прекратить выпускъ ассигнацій, правительство все-таки принуждено было въ томъ же 1810 году выпустить ихъ на сумму 43.060.000 руб. вмѣстѣ съ тѣмъ подушныя и оброчныя подати съ крестьянъ и мѣщанъ постепенно увеличивались; установлены были новые налоги: съ крестьянъ, торгующихъ въ обѣихъ столицахъ, съ иностранныхъ ремесленниковъ, съ домовъ и купеческихъ капиталовъ.

¹⁾ Отъ 2-го февраля 1810 г. Полн. Собр. Законовъ, т. XXXI. № 24116.

²⁾ Полное Собр. Законовъ т. XXXI, № 24494.

Вслѣдъ за тѣмъ увеличены пошлыны на гербовую бумагу и на бумагу для паспортовъ; увеличена цѣна на соль и пошлына на мѣдь, на продажу вина въ губерніяхъ малороссійскихъ, западныхъ и остзейскихъ, а таможенная пошлына вообще увеличена болѣе тѣмъ въ полтора раза.

Но и этихъ мѣръ оказалось недостаточно, и пришлось прибѣгнуть къ продажѣ государственныхъ имуществъ: лѣсовъ, арендныхъ и нѣкоторыхъ другихъ имѣній, съ ограниченіемъ, впрочемъ, что населенныя крестьянами земли могли быть покупаемы только дворянами и купцами 1-й гильдіи ¹⁾.

Предвидя, что манифестъ о налогахъ и послѣдующія распоряженія правительства къ пополненію государственной казны произведутъ непріятное впечатлѣніе на общество и въ особенности на жителей Москвы, императоръ писалъ графу Гудовичу и выражалъ надежду, «что сіе первое положеніе въ Государственномъ Совѣтѣ со времени новаго его образованія, со всею зрѣlostію соображенное, принято будетъ въ Москвѣ, при руководствѣ вашемъ, въ настоящемъ его видѣ необходимости и истинной государственной пользы» ²⁾.

Препровождая же манифестъ о государственномъ займѣ, Александръ писалъ тому же графу Гудовичу ³⁾,—«что заемъ учреждается не для новыхъ расходовъ, но единственно для того, чтобы, уменьшивъ массу ассигнацій, возвысить ихъ цѣну. Имущества, въ продажу назначаемыя, не уменьшать количества государственныхъ богатствъ. По трудности ихъ управленія, они никогда не приносили казнѣ важнаго дохода; въ частныхъ же рукахъ, они и государству будутъ полезнѣе. Впрочемъ, успѣхъ займа обезпеченъ предварительными соглашеніями съ капиталистами, и нарочитая часть его скоро пополнится. Симъ кредитъ государственный пріобрѣтетъ новую силу и утверженіе. Впослѣдствіи соединеніемъ мѣръ, кои постепенно будутъ въ дѣйствіе приводимы, съ помощію Божіею, достигнемъ мы той цѣли, чтобы поставить финансы наши на твердыхъ основаніяхъ».

Эти основанія могли утвердиться только съ исполненіемъ всего плана преобразованій, но императоръ Александръ сталъ охлаждвать къ нимъ, сталъ тяготиться ими. Новое учрежденіе Государственного Совѣта была одна изъ тѣхъ его прихотей, которыя часто проявлялись въ немъ, «и онъ не успокоивался до тѣхъ поръ, пока его желанія не исполнялись. Когда же имъ овладѣвало такое неодолимое желаніе, то онъ не думалъ о томъ, будетъ ли это хорошо или дурно, полезно или

¹⁾ Манифесты 27-го мая и 10-го сентября 1810 г. Тамъ же, № 24244 и № 24346.

²⁾ Рескриптъ гр. Гудовичу, 3-го февраля 1810 г. „Сборникъ Археологическаго Института“, 1879 г. Кн. II, отдѣленіе II, стр. 51.

³⁾ Въ рескриптъ отъ 3-го іюня 1810 г. Тамъ же, стр. 53 и 54.

вредно; онъ заботился только объ устраненіи всякихъ препятствій. За тѣмъ, достигнувъ цѣли, онъ успокаивался, становился иногда равнодушнымъ, а иногда впадалъ въ противорѣчіе съ самыми пламенными его желаніями» ¹⁾). Подписавъ манифестъ объ образованіи Государственнаго Совѣта и положеніе о немъ, произнесъ чувствительную рѣчь въ первомъ собраніи Совѣта, императоръ Александръ считалъ дѣло оконченнымъ, а Россію—получившею новыя либеральныя и лучшія установленія. • Несмотря на данное обѣщаніе раздѣлять труды вмѣстѣ съ членами Государственнаго Совѣта, онъ присутствовалъ въ засѣданіи въ 1810 году только одинъ разъ, при разсмотрѣніи плана финансовъ, а въ 1811 г. четыре раза, при обсужденіи проекта учрежденія Правительствующаго и Судебнаго Сената, о чемъ мы скажемъ ниже ²⁾). Въ остальныхъ засѣданіяхъ его замѣнялъ графъ Румянцевъ.

«Въ сердцѣ императора,—писалъ де-Местръ ³⁾),—таится презрѣніе къ нынѣшнему устройству его Имперіи, и это чувство сильно благопріятствуетъ духу нововведеній... но когда дѣло доходитъ до приложенія и ему приходится дѣйствовать, то ему несчастливится, ибо на всѣхъ его дѣлахъ тяготѣетъ какое-то проклятіе. Его обвиняютъ въ недовѣрчивости, и дѣйствительно онъ недовѣрчивъ до крайности». Послѣдняя усиливалась подъ вліяніемъ всеобщаго ропота. Императора Александра тяготило то, что подданные не понимаютъ его благихъ намѣреній, но онъ не зналъ, отчего это происходитъ, не зналъ, что творилось внутри государства, и не подозрѣвалъ, какъ тяжело жилось всѣмъ сословіямъ. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ положеніе двухъ преобразователей должно было измѣниться: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Александръ поторопилъ Сперанскаго скорѣйшимъ обнародованіемъ преобразованій, а теперь Сперанскій умолялъ государя докончить начатое;

«Въ 1810 году,—писалъ онъ ⁴⁾),—положены одни первыя основанія много начато и еще ничего не кончено... Отлагая до лучшихъ обстоятельствъ всѣ тѣ предположенія, кои собственно принадлежатъ къ устройству законодательнаго порядка, и ограничивъ себя на настоящее время однимъ устройствомъ порядка суднаго и исполнительнаго»—

¹⁾ Mémoires de prince A. Czartoryski etc. Préface de M. de-Mazade. T. I 360.

²⁾ „Исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи“, Даневскаго, стр. 81. Большая часть историковъ, повторяя слова М. А. Корфа, говорятъ, что Александръ присутствовалъ разъ въ недѣлю въ Общихъ Собраніяхъ Совѣта. Даневскій пользовался протоколами Совѣта, и потому мы остановились на его показаніи.

³⁾ Отъ 10-го (22-го) августа 1809 г. „Русскій Арх.“, 1871 г. Т. I, 135.

⁴⁾ Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣлахъ 1810 г., представленномъ императору Александру, 11-го февраля 1811 г. Сборникъ Императорскаго Русск. Историческаго Общества, т. XXI, стр. 458.

Сперанскій считалъ необходимымъ: составить Уложеніе гражданское, судебное и уголовное; преобразовать Сенатъ въ судебный и правительствующій; преобразовать губерскія учрежденія; принять мѣры къ погашенію долговъ, усилить государственные доходы введеніемъ новой переписи, учрежденіемъ поземельнаго сбора, улучшеніемъ устройства винныхъ откуповъ и доходовъ съ казенныхъ имуществъ.

«Можно съ достовѣрностью утверждать,—говорилъ Сперанскій,—что безъ окончанія ихъ, ни порядка въ дѣлахъ, ни силы во внутреннемъ управленіи быть не можетъ; что, напротивъ, совершеніемъ ихъ, хотя бы даже и ничего не сдѣлано было въ устройствѣ порядка законодательнаго, Имперія поставлена будетъ въ положеніе столь твердое и надежное, что вѣкъ вашего величества всегда будутъ именовать вѣкомъ благословеннымъ ¹⁾).

«Посему одно непрерывное стремленіе къ совершенію сихъ дѣлъ должно считать настоящимъ дѣломъ, достойнымъ вниманія вашего. Всѣ прочія внутреннія дѣла текуція суть только зло необходимое, и примѣтить должно необходимое до тѣхъ поръ, доколѣ всѣ установленія, выше изображенныя, не устроятся: ибо съ устройствомъ ихъ и самыя дѣла текуція должны по всей необходимости исчезнуть или нарочито уменьшиться. И тогда одни дѣла воинскія и вѣшнія политическія составлять будутъ предметъ упражненій вашего величества; внутреннія же гражданскія потекутъ сами собою и будутъ требовать одного верховнаго надзора и направленія, не составляя, какъ нынѣ, ежедневной заботы и затрудненій. Таково есть пространство дѣлъ, къ окончанію подлежащихъ.

«Сколь дѣла сіи ни обширны, я надѣюсь, что виды вашего величества по всѣмъ самъ предметамъ будутъ съ точностью исполняться. Надежда сія утверждается болѣе тѣмъ, что я вошелъ уже, такъ сказать, въ существо ихъ; что матеріалы ихъ готовы и что, впрочемъ, по самому свойству своему, они между собою нераздѣльны».

На дѣлѣнадежды Сперанскаго не оправдывались. Не имѣя поддержки въ Александрѣ, онъ на первыхъ же порахъ встрѣтилъ противодѣйствіе въ старыхъ дѣльцахъ, каковыми были: Трошинскій, Мордвиновъ, Шишковъ, Философовъ и другіе.

Едва только была внесена въ Совѣтъ первая часть гражданскаго Уложенія, какъ члены Совѣта стали требовать, чтобы въ подтвержденіе каждой статьи были приведены русскіе законы, заявляя, что Уложеніе почерпнуто изъ Кодекса Наполеона и противно русскому духу. Шишковъ находилъ, что проектъ «даже по грамматической словесности»

¹⁾ Такимъ образомъ, титулъ Благословеннаго предсказанъ былъ императору Александру Сперанскимъ.

недостаточенъ; Троцинскій говорилъ, что первая часть Уложенія написана такъ, «чтобы, возмутья море, утопить одну муху», а Философовъ, «видя, что Уложеніе составляется изъ иностранныхъ, а не русскихъ законовъ, ѣздилъ самъ къ государю и лично о семъ докладывалъ. Онъ говорилъ императору, что главный участникъ въ составленіи гражданскаго Уложенія Розенкампфъ, нѣмецъ и не православнаго исповѣданія, то чтобы государь приказалъ вмѣсто него быть при докладѣ Уложенія въ Совѣтъ Н. С. Ильинскому ¹⁾).

Противъ Уложенія возставали многія частныя лица и въ томъ числѣ Карамзинъ, хотя и не вполне основательно. «Уже въ манифестъ объявлено,—писалъ онъ ²⁾),—что первая часть законовъ готова, что немедленно будутъ готовы и слѣдующія. Въ самомъ дѣлѣ, издаются двѣ книжки подъ именемъ проекта Уложенія. Что же находимъ? Переводъ Наполеонова Кодекса!

«Какое изумленіе для россиянь! Какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя; у насъ еще не Вестфалія, не Итальянское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ Кодексъ Наполеоновъ, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около тысячи лѣтъ, для того ли около ста лѣтъ трудимся надъ сочиненіемъ своего полнаго Уложенія, чтобы торжественно передъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую напу голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ 6-ю или 7-ю эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами».

Подъ влияніемъ ненависти къ Наполеону и оскорбленнаго чувства національной гордости, Н. М. Карамзинъ увлекся въ дальнѣйшемъ изложеніи до искаженія истины и исторической точности, до отрицанія даже существованія гражданъ въ Россіи ³⁾). Для насъ не важны эти увлеченія, но важно то, что Карамзинъ являлся отголоскомъ общества и того, что чувствовалось и говорилось. Эти разговоры значительно замедляли дѣло преобразованій.

Сперанскій объяснялъ ихъ только незнаніемъ общаго плана и отсутствіемъ способныхъ административныхъ дѣятелей.

— Тѣ,—говорилъ онъ императору Александру,—кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое Совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ.

¹⁾ Записки Н. С. Ильинскаго, „Русскій Арх.“, 1879 г. Т. III, 433 и 434.

²⁾ Въ своей запискѣ „О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ“. Записка эта вполне и точно напечатана А. Н. Пыпинымъ въ его книгѣ: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, изд. 1900 г. Приложение, стр. 479—534.

³⁾ Подробный разборъ этой записки сдѣланъ А. Н. Пыпинымъ въ выше названной книгѣ, стр. 214—260.

не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тѣмъ конца, гдѣ полагается еще начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краюгольному камню. Но если бы зданіе сіе и не совершилось, если бы политическія наши установленія и не двинулись впередъ, то и въ семъ предположеніи Совѣтъ есть уже весьма важное учрежденіе.

Осуждая большинство въ непониманіи истинныхъ польвъ сдѣланныхъ преобразованій, Сперанскій осуждалъ и наличный составъ членовъ Государственнаго Совѣта.

— Время,—говорилъ онъ,—съ какого начали у насъ заниматься публичными дѣлами, весьма еще не продолжительно; количество людей, кои въ предметахъ сихъ упражняются, вообще ограничено, и въ семъ ограниченномъ числѣ надлежало еще, по необходимости, избрать только тѣхъ, кои по чинамъ ихъ и званіямъ могли быть помѣщены съ приличіемъ. При семъ составѣ Совѣта нельзя, конечно, и требовать, чтобы съ перваго шага поравнялся онъ въ правильности разсужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній съ тѣми установленіями, кои въ семъ родѣ въ другихъ государствахъ существуютъ. Недостатокъ сей не можетъ, однако же, быть предметомъ важныхъ заботъ. По мѣрѣ успѣха въ прочихъ политическихъ установленіяхъ и сіе учрежденіе само собою исправится и усовершится.

Но на усовершеніе никто однако же не разсчитывалъ и не надѣялся; всѣ видѣли одну ломку старыхъ учреждений и ожидали еще большихъ безпорядковъ въ администраціи.

«Въ продолженіе цѣлаго лѣта,—говоритъ Вигель ¹⁾,—все государственное зданіе трещало и ломилось подъ всеокрушительною и всеизжидательною десницею Сперанскаго».

П. В. Чичаговъ уѣхалъ даже за границу, чтобы, по его словамъ, вырваться изъ бездны замѣшательства, неопытности, нелѣпости и самаго низкаго рабства. «Я бы долженъ былъ воздержаться говорить объ этомъ,—писалъ онъ графу С. Р. Воронцову изъ Парижа ²⁾,—по той причинѣ, что всѣмъ извѣстно, что тамъ (въ Россіи) произошло, что происходитъ и къ чему все это должно привести, и потому, что у меня слишкомъ большое отвращеніе вспоминать событія, которыя былъ бы счастливъ забыть. Но, такъ какъ мнѣ нужно, чтобы вы знали о поведеніи, котораго я держался, я позволю себѣ описать нѣкоторые особые случаи, которые характеризуютъ общій ходъ дѣлъ».

«Удары власти неограниченной, произвольной и необдуманной уничтожили зарождающуюся промышленность, а нововведенія и постоянныя перемѣны окончателно поколебали то небольшое довѣріе, которое еще

¹⁾ Записки Вигеля, ч. III, 107.

²⁾ Въ письмѣ отъ 26-го марта. Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 168.

сохранялось къ распоряженіямъ правительства. Секретарь канцеляріи графа Кочубея Сперанскій—главный авторъ указовъ. Вы можете судить, сколько человѣкъ, воспитанный въ такой школѣ, долженъ понимать въ подобныхъ дѣлахъ. Чтобы подтвердить примѣромъ то, что я выразилъ, стоитъ сказать, что это онъ предложилъ и составилъ указъ о камергерахъ и гражданскихъ чиновникахъ».

Видя въ этой реформѣ лишь плохое подражаніе тому, что дѣлается при французскомъ дворѣ, П. В. Чичаговъ признавалъ, что и новое образованіе Государственнаго Совѣта не болѣе какъ карриатура Совѣта во Франціи, карриатура не пригодная для Россіи.

Самъ Сперанскій зналъ, что его обвиняютъ въ подражаніи французскому образцу, но, прибавлялъ онъ, «кромѣ раздѣленія дѣлъ ничего они не имѣютъ общаго»¹⁾. Современники же говорили, что это не подражаніе, а копія²⁾, что Государственный Совѣтъ учрежденъ для ограниченія монархической власти и совершенно непригоденъ для Россіи. Наслушавшись толковъ и пересудъ, извѣстный де-Местръ сожалѣлъ также, что Сперанскій, увлекшись быстротою работы, сталъ самъ вѣрять во всеміріе формы и ея пригодность. По словамъ де-Местра, Сперанскій смотрѣлъ на человѣка какъ на существо отвлеченное, никогда и нигдѣ не измѣняющееся, и для этого воображаемаго существа писалъ столь же воображаемые планы государственнаго управленія.

«Опытъ доказываетъ однако,—прибавлялъ де-Местръ³⁾,—самымъ явнымъ образомъ, что каждый народъ имѣетъ именно то правительство, которое онъ заслуживаетъ, такъ что всякій государственный проектъ, коль скоро онъ не вполнѣ гармонируетъ съ характеромъ націи—пагубная мечта».

Мечта эта лежала въ основѣ характера Александра, любившаго, по словамъ современника⁴⁾, «тѣшиться искусственнымъ изображеніемъ представительнаго правленія. Кому же лучше Сперанскаго можно было знать это? Государственный Совѣтъ и Правительствующій Сенатъ умѣлъ онъ въ глазахъ царя представить подобіемъ верхней и нижней камеръ парламента, тогдашнихъ французскаго Сената и законодательнаго корпуса, тогда какъ они съ ними ничего не имѣли общаго. Совѣтъ былъ не что иное, какъ самъ Сперанскій, который предлагалъ

¹⁾ Письмо Сперанскаго императору Александру 5-го января 1813 года изъ Перми.

²⁾ Замѣчанія тайнаго совѣтника Старынкевича. Госуд. Арх. XI, № 1170.

³⁾ Въ письмѣ гр. Рауумовскому въ іюнѣ 1810 г. Васильчиковъ, „Семейство Рауумовскихъ“ т. II, 149.

⁴⁾ Записки Ф. Вигеля, часть III, 79.

въ немъ къ слушанію дѣла, потомъ, среди общаго молчанія членовъ, самъ разсуждалъ о нихъ и опредѣленія свои давалъ имъ подписывать.

Про Сперанскаго разсказывали въ обществѣ самыя несбыточныя вещи. Его считали ярымъ приверженцемъ Наполеона, человѣкомъ, возбуждающимъ недовѣріе и неприязнь подданныхъ къ своему государю ¹⁾, якобинцемъ, разрушающимъ государство, возгордившимся и зазнавшимся поповичемъ и проч.

Все это было хорошо извѣстно самому Сперанскому.

«Христосъ Воскресе!—писалъ ему В. Н. Каразинъ ²⁾). Подъ симъ заглавіемъ всякій пишущій можетъ почитать себя равнымъ съ тѣмъ, кому онъ пишетъ. И для того я спѣшу воспользоваться столь благопріятнымъ временемъ, дабы не быть въ необходимости употреблять титуловъ «милостиваго государя» и «превосходительства», которые, не зная почему, дикіи для моего сердца, писавши къ вамъ Михаилу Михайловичъ.

«Мы были друзья нѣкогда. Не одно письмо отъ васъ я храню, гдѣ вы меня ³⁾... и единственнымъ, душевнымъ другомъ называете. Отчего все это перемѣнилось и до такой крайности? (я разумѣю здѣсь не молчаніе ваше на какое-нибудь одно или два мои письма; между вами и Магницкимъ я умѣю дѣлать различіе; но напоминаю себѣ обѣдъ въ домѣ вашемъ, при которомъ я только у стола былъ и при которомъ я увидѣлъ впервые, что вы меня изъ остатка лишь пристойности у себя терпите). Отчего?.. ⁴⁾ видно надобно искать причины въ обстоятельствахъ. Тщетно я ищу ее въ самомъ себѣ. Я могъ быть легкомысленъ, затѣйливъ и проч., и проч. Но черенъ, или съ какой другой стороны недостойнъ прежнихъ чувствованій вашихъ... ⁵⁾ никогда.

«Было время, въ которое черезъ меня же о васъ, т. е. объ истинныхъ вашихъ достоинствахъ ⁶⁾, едва ли не впервые свѣдали: ибо я смѣлъ говорить о васъ съ тѣмъ жаромъ, къ которому дружба лишь способна, когда меня спрашивали о связяхъ моихъ. Это, впрочемъ, какъ было до нынѣ, такъ и будетъ только Богу извѣстно.

«Теперь дѣло не о томъ—вы многомогущи»...

Не одинъ В. Н. Каразинъ называлъ Сперанскаго гордымъ и зазнавшимся и не одинъ онъ завидовалъ его быстрому возвышенію. Сперанскій былъ въ это время на вершинѣ своей славы: онъ былъ государственнымъ секретаремъ, директоромъ комиссіи составленія зако-

¹⁾ Записки Бакуниной „Русс. Стар.“ 1885 г. № 9, стр. 394. Воспоминанія О. Булгарина, ч. V, стр. 319 и 320.

²⁾ Отъ 18-го апрѣля 1810 г. „Русс. Старина“ 1872 г. т. V, изд. 2-е, стр. 82.

³⁾ и ⁴⁾ Точки въ подлинникѣ.

⁵⁾ Не о лицѣ, которое, конечно, было извѣстно. Примѣч. Каразина.

новъ, управляющимъ дѣлами Финляндіи, докладчикомъ по дѣламъ путей сообщеній и единственнымъ посредникомъ между государемъ и высшими государственными учреждениями. Сверхъ того, императоръ Александръ весьма часто требовалъ его письменныя мнѣнія по разнымъ политическимъ вопросамъ, и Сперанскій среди своей колоссальной работы писалъ обширныя записки, свидѣтельствовавшія, что ему было близко извѣстно тогдашнее политическое положеніе Россіи ¹⁾. Въ его лицѣ сосредоточивалось все управленіе государствомъ, его считали временщикомъ, и завистники распускали о немъ самыя невыгодныя слухи, ходившія по всей Россіи. Злословіе ставило Сперанскаго въ крайне тяжелое, можно сказать, опасное положеніе, и онъ сталъ думать о томъ, какъ бы снять съ себя всѣ нареканія.

«Когда вашему величеству, — писалъ онъ ²⁾, — угодно было возложить на меня званіе государственнаго секретаря, я считалъ тогда невозможнымъ отъ сего уклониться. Можетъ быть, въ началѣ сего установленія было и нужно, чтобъ я понесъ сіе бремя, но теперь Совѣтъ принялъ уже свой ходъ. Званіе государственнаго секретаря, отдѣльно взятое, не трудно; но соединенное съ званіемъ директора комиссіи (законовъ) и въ связи съ работами вышеприведенными (по преобразованіямъ) весьма тягостно и для силъ моихъ почти невозможно.

«Не скрою здѣсь, что раздѣленіе сихъ должностей имѣло бы еще другія личныя для меня выгоды.

«Меня укоряютъ, что я стараюсь всѣ дѣла привлечь въ однѣ руки. Вашему величеству извѣстно, сколь укоризна сія въ существѣ ея несправедлива; но во внѣшнемъ ея видѣ она имѣетъ всѣ вѣроятности. Представляясь попеременно, то въ видѣ директора комиссіи, то въ видѣ государственнаго секретаря, являясь по повелѣнію вашему, то съ проектами новыхъ государственныхъ постановленій, то съ финансовыми операціями, то со множествомъ текущихъ дѣлъ, я слишкомъ часто и на всѣхъ почти путяхъ, встрѣчаюсь и съ страстями, и съ самолюбіемъ, и съ завистью, а еще болѣе съ неразумніемъ. Кто можетъ устоять противъ всѣхъ сихъ встрѣчъ? Въ теченіе одного года я попеременно былъ мартинистомъ, поборникомъ масонства, защитникомъ вольности, гонителемъ рабства и сдѣлался, наконецъ, записнымъ иллюминатомъ. Толпа подъячихъ преслѣдовала меня за указъ 6-го августа ³⁾ эпиграграммами и карриатурами; другая такая же толпа вельможъ со всею ихъ свитою, съ женами ихъ и дѣтьми, меня, заключеннаго въ моемъ

¹⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ напечатаны нами въ „Русской Старинѣ“, а другія мы приведемъ впоследствии.

²⁾ Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣлахъ 1810 г. „Сборникъ Императ. Русск. Историческаго Общества“, т. XIX, стр. 453 и слѣдующія.

³⁾ О чинопроизводствѣ.

кабинетѣ, одного, безъ всякихъ связей,—меня, ни по роду моему, ни по имуществу не принадлежащаго къ ихъ сословію, цѣлыми родами преслѣдуютъ, какъ опаснаго уновителя. Я знаю, что большая ихъ часть и сами не вѣрятъ симъ нелѣпостямъ, но, скрывая собственныя ихъ страсти подъ личиною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именемъ вражды государственной. Я знаю, что тѣ же самые люди превозносили меня и правила мои до небесъ, когда предполагали, что я во всемъ съ ними буду соглашаться, когда воображали найти во мнѣ послушнаго кліента и когда польза ихъ страстей требовала противоположить меня другому. Я былъ тогда одинъ изъ самыхъ лучшихъ и надежнѣйшихъ исполнителей; но какъ скоро движеніемъ дѣлъ приведенъ я былъ въ противоположность имъ и въ разномысліе, такъ скоро превратился въ человѣка опаснаго и во все то, что вашему величеству извѣстно болѣе, нежели мнѣ.

«Въ семъ положеніи мнѣ остается или уступить имъ или терпѣть ихъ гоненія. Первое я считаю вреднымъ службѣ, унижительнымъ для себя и даже опаснымъ. Дружба ихъ еще болѣе для меня тягостна, нежели разномысліе.

«Къ чему мнѣ раздѣлять съ ними духъ партій, худую ихъ славу и то пренебреженіе, коимъ они покрыты въ глазахъ людей благомыслящихъ? Слѣдовательно, остается мнѣ выбрать второе. Смѣю мыслить, что терпѣніе мое, время и опытъ опровергнутъ всѣ ихъ навѣты. Удовольствіе я также, что одно слово ваше всегда долѣе поразитъ ихъ покушенія.

«Но къ чему, всемилостивѣйшій государь, буду я бременить васъ своимъ положеніемъ, когда есть самый простой способъ изъ него выдти и разъ навсегда прекратить тягостныя для васъ и обидныя для меня нареканія. Способъ сей состоитъ въ томъ, чтобъ, отдѣливъ званіе государственнаго секретаря и сложивъ съ меня дѣла финляндскія, оставить меня при одной должности директора комиссіи. Тогда:

1) Зависть и злорѣчіе успокоятся. Они почтутъ меня ниспровергнутымъ, я буду смѣяться ихъ побѣдѣ, а ваше величество разъ навсегда освободите себя отъ скучныхъ предположеній. Симъ приведенъ я буду пока въ то счастливое положеніе, въ коемъ быть всегда желалъ, чтобъ весь плодъ трудовъ моихъ посвящать единственно вамъ, не ища ни шума, ни похвалъ, для меня совсѣмъ чуждыхъ. Смѣю привести здѣсь на память тотъ девизъ, который нѣкогда вамъ понравился: *j'ai désiré de faire du bien, mais je n'ai pas désiré de faire du bruit, parceque j'ai senti que le bruit ne faisait pas de bien, comme le bien ne faisait pas de bruit*¹⁾.

¹⁾ Я желалъ сдѣлать добро, но не хотѣлъ дѣлать шума, потому что я чувствовалъ, что шумъ не сдѣлалъ бы добра, такъ же, какъ добро не сдѣлало бы шума.

2) Тогда, и сіе есть самое важнѣйшее, буду я въ состояніи обратить все время, всѣ труды мои на окончаніе предметовъ выше изображенныхъ (преобразованій), безъ коихъ, еще разъ смѣю повторить, всѣ начинанія и труды ваши будутъ представлять зданіе на песокѣ.

«Изъ сего ваше величество усмотрѣть изволите, что не охлажденіе къ дѣламъ, но самая польза и успѣхъ дѣлъ заставляютъ меня желать и просить сего раздѣленія. Не отъ трудовъ, не отъ службы (сколько, впрочемъ, она для меня ни тягостна и по стѣсненному положенію домашнихъ экономическихъ моихъ дѣлъ, и по личнымъ непріятностямъ) я ищю симъ уклониться, но желаю и ищю дать времени моему лучшее и полезнѣйшее употребленіе.

«Простите мнѣ, ваше величество, еще одно откровенное здѣсь изъясненіе. Изъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ счастье къ вамъ приближаться, я имѣлъ случай, можетъ быть болѣе другихъ, познать силу и пространство вашихъ мыслей и желаній, не въ подробностяхъ ежедневныхъ текущихъ дѣлъ, но въ самыхъ коренныхъ истинахъ, на коихъ стоятъ государства.

«Слѣдовательно, доколѣ истины сіи будутъ составлять главный предметъ вашихъ намѣреній, доколѣ останется самый слабый лучъ надежды въ ихъ исполненіи, доколѣ могу я хотя нѣсколько быть для сего полезнымъ: дотолѣ никакія уваженія, никакія непріятности не превозмогутъ надъ моимъ желаніемъ видѣть ихъ событіе».

Прочитавъ эту исповѣдь и не находя тогда ни повода, ни основанія удалять отъ себя Сперанскаго, какъ это сдѣлалъ впослѣдствіи, въ 1812 г., императоръ Александръ поручилъ ему продолжать начатыя преобразованія. Сперанскій повиновался.

Еще 25-го іюля 1810 года было обнародовано особое раздѣленіе дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ, и всѣ дѣла были распределены между 12 министерствами.

Въ началѣ же 1811 года Сперанскій представилъ проектъ новаго образованія Сената правительствующаго и судебнаго и считалъ утвержденіе его дѣломъ первостепенной важности.

«Здѣсь хотятъ насъ увѣрить,—писалъ Сперанскій еще 9-го августа 1809 года А. А. Столыпину¹⁾),—что Сенатъ вашъ есть самый высшій образецъ благоустроеннаго судилища. Вы знаете, склоненъ ли я симъ чудесамъ въ Россіи вѣрить; но по опыту я знаю, что когда люди пустятся защищать что-либо неимовѣрное, то спорить съ ними не должно; а надобно дать пройти этой горячкѣ, и они сами образумятся. Много уже пережилъ я сихъ странныхъ предубѣжденій и сіе переживу, да и

¹⁾ „Русскій Арх.“ 1870 г. № 4 и № 5, стр. 881.

само оно, кажется, близко къ своему паденію. Еще четыре мѣсяца, и къ новому году надобно ожидать въ сей части совсѣмъ другаго порядка».

«Къ новому году,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ ¹⁾),—все Уложеніе будетъ непремѣнно кончено и Сенатъ преобразованъ».

Проектъ о преобразованіи Сената былъ рассмотрѣнъ въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ графа Завадовскаго, князя Лопухина и графа Кочубея. По одобреніи ими, проектъ былъ напечатанъ и въ началѣ іюня 1811 года внесенъ на рассмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Тамъ онъ встрѣтилъ горячія и рѣзкія пренія и былъ задержанъ. «Сенатъ нашъ остановился,—писалъ Сперанскій А. А. Столыпину ²⁾),—и ни съ мѣста; еще по крайней мѣрѣ годъ будетъ въ семь положеніи».

За то 25-го іюня 1811 года было обнародовано Общее учрежденіе министерствъ, въ которомъ былъ объявленъ и наказъ министрамъ. Цѣлью всѣхъ этихъ преобразованій было: установить единообразіе и порядокъ въ государственномъ управленіи; сосредоточить дѣла, относящіяся къ законодательству; сократить и облегчить движеніе дѣлъ и въ производствѣ ихъ дать болѣе единообразія и, наконецъ, означить съ точностью предѣлы власти министровъ и ихъ отвѣтственность.

«Благія сіи намѣренія,—говорилъ Д. П. Троицскій ³⁾),—дѣйствительно возбуждены были существовавшимъ въ то время положеніемъ вещей; но мѣры, принятія къ приведенію ихъ въ исполненіе, какъ въ образованіи Государственнаго Совѣта, такъ и въ общемъ учрежденіи министерствъ, должны были произвестъ совершенно противное дѣйствіе.

«Устройство центрального управленія, правящаго дѣлами всей Имперіи, заслуживаетъ безъ сомнѣнія величайшаго вниманія, но еще болѣе заслуживаетъ уваженія устройство мѣстныхъ управленій, коимъ въ каждой губерніи, въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ городѣ и въ каждомъ селеніи ввѣряется исполненіе предписаній правительства, и кои производятъ ближайшее и непосредственнѣйшее вліяніе на благосостояніе жителей всѣхъ классовъ.

«Частный человекъ, въ отношеніяхъ своихъ къ правительству, не иначе можетъ быть притѣсененъ, какъ посредствомъ дѣйствія мѣстнаго управленія; въ отношеніяхъ гражданскихъ, онъ не иначе можетъ быть

¹⁾ Отъ 13-го сентября 1810 г. Тамъ же, стр. 882.

²⁾ Отъ 24-го октября 1811 г. Тамъ же, стр. 884.

³⁾ Въ запискѣ: „О неудобствахъ, происходящихъ отъ государственнаго управленія въ формѣ единоличной“ и проч. Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ., т. III, стр. 98.

защищенъ отъ притѣсненій частнаго же человѣка и удовлетворенъ за понесенный ему вредъ, какъ посредствомъ дѣйствія мѣстнаго же управленія. Слѣдовательно, въ большей части случаевъ, во всякое время и на всемъ пространствѣ Имперіи благосостояніе, спокойствіе, собственность, честь и даже жизнь главнѣйшей части жителей государства зависятъ почти исключительно отъ мѣстныхъ управленій.

«Если мѣстныя управленія устроены сообразно центральному управленію, равно какъ физическому и политическому положенію того мѣста, для котораго они установлены,—правительство дѣйствуетъ тогда съ увѣренностью во всѣхъ своихъ предположеніяхъ; частные же люди безопасны отъ злоупотребленій власти чиновниковъ. Если же, напротивъ, мѣстныя управленія устроены несообразно центральному управленію, равно какъ физическому и политическому положенію мѣста, для коего они установлены,—самыя благотворныя предписанія правительства обращаются тогда въ источникъ разорительнѣйшихъ стѣсненій, и частные люди пользуются дарованными имъ правами въ такой только степени, до какой пожелаютъ допустить ихъ правительственные чиновники.

«Въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ частные люди обладаютъ средствами чинить сопротивленіе злоупотребленіямъ чиновниковъ, большаго труда стоитъ удержаться худому мѣстному управленію. Ежели оно и поддерживается нѣкоторое время, вопреки желанія жителей, то оно наноситъ вредъ одному только правительству, возбуждая неудовольствіе, имѣющее средства обратиться въ открытое сопротивленіе. Но въ Россіи, въ которой государь есть единственный покровитель народа, и въ которой худое мѣстное управленіе можетъ задавить частнаго человѣка прежде, нежели голосъ его будетъ услышанъ правительствомъ,—самое устройство мѣстнаго управленія долженствуетъ представлять обезпеченіе, т. е. мѣстное управленіе должно быть устроено такъ, чтобы никакой чиновникъ не могъ ничего дѣлать по самопроизволію; чтобы, въ случаѣ желанія поступить самопроизвольно, удерживаемъ былъ бдительнымъ надзоромъ со стороны государя, какъ единственнаго покровителя народа, и чтобы частный человѣкъ, въ случаѣ притѣсненія, увѣренъ былъ найти близъ самаго мѣста своего жительства защитника, непрестанно бдящаго объ его безопасности».

Изъ всего этого видно, что наибольшая нужда была въ преобразованіи низшихъ, чѣмъ высшихъ центральныхъ управленій, а между тѣмъ, они были оставлены въ прежнее и, какъ намъ извѣстно, далеко не устроенномъ положеніи.

Положеніе о Государственномъ Совѣтѣ не было согласовано съ положеніемъ общаго образованія министерствъ и Комитета министровъ. По положенію Совѣта всѣ дѣла законодательныя должны были разсма-

триваться имъ, а по Положенію министерствъ не было указано ни одного дѣла по законодательной части, по которому министръ не могъ бы испросить высочайшаго повелѣнія. Министры могли не присутствовать въ Комитетѣ лично, а сноситься съ нимъ письменно. Въ главномъ теченіи дѣлъ Сенатъ былъ устраненъ, потерялъ свое значеніе, и ему предоставлено было только обнародовать выходящіе изъ министерствъ указы. Въ одномъ параграфѣ Положенія о министерствахъ было сказано, что гражданскіе губернаторы не имѣютъ права входить съ представленіемъ къ министру помимо генераль-губернатора, а въ другомъ—имъ предоставлено право сноситься, когда пожелаютъ, прямо съ министромъ. Такихъ противорѣчивыхъ параграфовъ было нѣсколько, но, не перечисляя ихъ, должно сказать, что въ дѣлопроизводствѣ не было ни порядка, ни единообразія; дѣла одного и того же рода производились разными властями, безпрестанно сталкивавшимися между собою и пререкавшимися.

Наказъ министрамъ, имѣвшій цѣлью опредѣлить степень и предѣлы ихъ власти, на самомъ дѣлѣ предоставлялъ имъ власть безпредѣльную. Они могли распоряжаться самовластно, и жаловаться на ихъ произволъ было некому. Это самовластіе повело къ тому, что въ самомъ непродолжительномъ времени даже и Государственный Совѣтъ подчинился Комитету министровъ.

«Министры,—говоритъ Н. С. Мордвиновъ ¹⁾,—дабы отклонить возложенную на нихъ учрежденіемъ отвѣтственность, открыли легчайшій къ тому способъ въ самомъ учрежденіи Комитета министровъ. Они приняли правиломъ вносить въ оный на утвержденіе всѣ дѣла, до управленія ихъ касающіяся, сперва по важнѣйшимъ предметамъ, а, наконецъ, всѣ безъ изъятія и самыя мелочныя, дабы никогда и ни за что не отвѣчать, какія бы послѣдствія отъ ихъ предположеній и представленій ни оказались; ибо каждое ихъ дѣйствіе, будучи разрѣшено общимъ словіемъ министровъ и утверждено высочайшею властью, до нихъ лично коснуться не можетъ».

Въ Комитетъ министровъ стали поступать почти всѣ дѣла: тяжбы, законодательныя, судныя, распорядительныя, и оныя представлялъ собою полное смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ дѣлъ.

Преобразованія остановились. Сперанскій не только былъ удаленъ, но и сосланъ. Комитетъ министровъ сталъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, гдѣ «дѣла всякаго рода, и малыя и большія, судебныя и правительственныя, рѣшались по голосамъ, и голоса сіи издавались во всеобщее извѣстіе. Между тѣмъ ни составъ сего мѣста, ни порядокъ, ни власть его, ни предѣлы, ни отношенія его къ другимъ установле-

¹⁾ Иконниковъ, «Графъ Мордвиновъ», стр. 544.

ніямъ не были опредѣлены никакими гласными учрежденіями (положеніями)»¹⁾.

Такимъ образомъ въ администраціи произошла полная путаница понятій и распоряженій. Доклады представлялись безъ справокъ и безъ приведенія соответствующихъ статей законовъ, и дѣла рѣшались по усмотрѣнію присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ. Комитетъ министровъ завладѣлъ всею законодательною властью, сталъ верховнымъ министерствомъ и, устранивъ Государственный Совѣтъ и Сенатъ, захватилъ въ свои руки дѣла, подлежащія ихъ рѣшенію. Своеволюе и безпредѣльность власти министровъ остались тѣ же, что и прежде, и весь ходъ административной машины не улучшился, а сталъ еще хуже и неопредѣленнѣе.

Кого винить въ этомъ? Планъ преобразованій, задуманный Сперанскимъ, по глубинѣ мысли и обширности взгляда автора, опередилъ современниковъ болѣе, чѣмъ на полстолѣтіе, но надо сознаться, что Россія тогда была еще не готова принять формы правленія, предлагаемыя Сперанскимъ.

Въ нѣсколькихъ предыдущихъ главахъ мы изложили степень образованія того общества, которому предлагалось новое правленіе, а здѣсь приведемъ слова г-жи Сталь.

«Большая часть русскихъ аристократовъ,—пишетъ она,—говорить такъ красиво и съ такимъ приличіемъ, что на первый разъ часто впадаешь въ иллюзію относительно степени ума и знанія у людей, съ которыми говоришь. На минуту можно почувствовать себя хорошо въ этой блестящей атмосферѣ, которая пріятно развлекаетъ; но въ концѣ концовъ, въ ней нельзя ничему научиться, нельзя развивать своихъ способностей, и люди, проводящіе время такимъ образомъ, не приобретаютъ никакой способности ни къ умственному труду, ни къ дѣламъ».

По словамъ Сталь, русскіе дворяне, въ особенности аристократія, привыкли быть неограниченными господами своихъ крестьянъ и желали, «чтобы монархъ въ свою очередь былъ всемогущимъ», для поддержанія ихъ деспотизма.

Этотъ деспотизмъ таился и въ душѣ Александра, при всѣхъ его либеральныхъ мечтаніяхъ. Увлечшись отвлеченною идеею быть благодѣтелемъ своего народа, воспитанный республиканцемъ, мечтавшій о конституціи и даже о представительномъ правленіи, Александръ одобрилъ и самъ развивалъ планъ Сперанскаго, но какъ только онъ сталъ исполняться на дѣлѣ, императоръ какъ бы опомнился, не желалъ по-

¹⁾ В. Г. Щегловъ: „Государственный Совѣтъ въ Россіи“, изданіе 1892 г., т. I, стр. 914—917.

ступиться своею властью и сталъ прислушиваться къ слухамъ, утверждавшимъ его въ томъ, что въ проектѣ Сперанскаго есть посягательство на ограниченіе его власти. Есть поводъ къ заключенію, что Александру не особенно нравилось начинать свои манифесты словами: «Внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта», и, въ послѣдствіи онъ уклонился отъ этой фразы, просуществовавшей, и то не всегда, два съ половиною года. Соглашаясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ мнѣніемъ меньшинства членовъ Совѣта, и, утверждая его, онъ, конечно, не внималъ общему мнѣнію Совѣта, а поступалъ, какъ монархъ неограниченный и самодержавный.—Въ этой чертѣ характера государя и слѣдуетъ искать того, что онъ скоро охладѣлъ къ начатымъ преобразованіямъ и, не уступая просьбамъ Сперанскаго, не поддерживалъ его въ борьбѣ со старыми дѣльцами, являвшимися его противниками.

Сперанскій желалъ дать Россіи въ цѣломъ то, что по частямъ осуществлялось почти въ теченіе цѣлаго вѣка, да и до сихъ поръ еще вполнѣ не осуществилось. — Но онъ былъ одинъ и не имѣлъ поддержки.—«У Сперанскаго,—какъ говоритъ историкъ (А. Н. Пылять),—не было умѣнья бороться съ интригою, отъ которой онъ и палъ, не было желанія устранить своихъ враговъ»,—онъ вполнѣ положился на поддержку Александра и въ послѣдствіи увидѣлъ всю непрочность такой опоры.—Сперанскій умолялъ императора докончить начатое, но голоса его и просьба остались одинокими. Работая безъ устали, онъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи, въ два года написалъ и частію осуществилъ планъ всеобщаго государственнаго управления, Положеніе о Государственномъ Совѣтѣ, Сенатѣ, Общее учрежденіе министерствъ, Наказъ министрамъ и, несмотря на упреки въ заимствованіи изъ французскихъ уставовъ, далъ имъ такое направленіе, которое, съ незначительными измѣненіями, сохранилось почти до нашихъ дней.—Выдающийся организаторъ, Сперанскій предлагалъ императору избѣгать всякой торопливости, открывать новыя учрежденія только тогда, когда все образованіе будетъ готово, переходъ отъ старыхъ учреждений къ новымъ дѣлать постепенно, такъ чтобы имѣть возможность остановиться и сохранить въ силѣ прежній порядокъ, если бы для введенія новаго встрѣтились неодолимые препятствія. Но для всего этого необходимо было время, твердость, упорство и настойчивость. Александръ же постоянно колебался между мыслію и дѣйствительнымъ ея исполненіемъ.

«Признаюсь,—писалъ князь А. Чарторыйскій въ одномъ изъ писемъ государю ¹⁾),—что я увидѣлъ слишкомъ быть можетъ поздно и съ глубокимъ прискорбіемъ, что ваше величество не составили себѣ

¹⁾ Въ апрѣлѣ 1806 г. «Русскій Арх.» 1871 г. Т. I, стр. 722—746.

рѣшительнаго убѣжденія на счетъ предметовъ, занимавшихъ вашъ кабинетъ.

«Разобравши дѣло во всѣхъ подробностяхъ, условившись съ вами въ принципѣ, ваше величество, по прошествіи нѣкотораго времени, приходили въ колебаніе, предавались сожалѣніямъ тягостнымъ для васъ, но еще болѣе для вашего кабинета.—Въ то время, когда, по собственнымъ вашимъ рѣшеніямъ, событія уже принимали определенное направленіе, намъ приходилось все передѣлывать съизнова, какъ будто бы ничего не было ни рѣшено, ни условлено.—Мы никогда не были увѣрены въ своей исходной точкѣ и лишь только пускались въ исполненіе данныхъ намъ приказаній, вновь возникали сомнѣнія, и всѣ основы нашей дѣятельности приходили въ колебаніе..... Ваше величество удостоивъ своего довѣрія, для составленія обширнаго плана, извѣстное число лицъ, перестали ихъ слушать, какъ только было приступлено къ его исполненію.—Никогда ваше величество не оказываете полнаго довѣрія, и вотъ, можетъ быть почему, ничто не приходило къ желаемому концу.... Когда дѣла ведутся, и съ людьми обращаются такъ, какъ это было испытано нами, то теряется желаніе, едва поворачивается языкъ предлагать совѣты, не хочется настаивать на ихъ принятіи, утрачивается всякая надежда на правильное ихъ исполненіе.—Государю также весьма нужно внушать довѣріе.—Вашему величеству, если смѣю такъ выразиться, слѣдовало ободрять, примирять, вызывать совѣты, разбирать ихъ съ участіемъ и обдуманностію.—Дѣло въ томъ, что вы не хотите ихъ принимать, не придавая имъ ни цѣны, ни довѣрія».

Современники обвиняли Сперанскаго въ недосмотрахъ, а между тѣмъ, среди своей колоссальной работы, онъ ежедневно докладывалъ государю о самыхъ важныхъ дѣлахъ и писалъ записки по разнымъ политическимъ вопросамъ. Не слѣдовало ли облегчить Сперанскаго и передать разработку частныхъ другимъ лицамъ? Онъ самъ просилъ о томъ и признавалъ незаконченность и несовершенство составленныхъ имъ положеній, просилъ дать ему время и настоять, чтобы новыя учрежденія велись «единообразно и неослабно». На пора увлеченій миновала, голось его не былъ услышанъ, и де-Местръ былъ правъ, говоря, что на всѣхъ преобразованіяхъ Александра лежитъ какое-то проклятіе.

Были и современники, которые отдавали должное блестящему организаторскому таланту Сперанскаго. — Такъ И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ ¹⁾ говорить, что всегда находилъ въ Сперанскомъ просвѣщеніе, благородство и привѣтливость. — Хотя впоследствии между нами и произошло охлажденіе, «но это не мѣшало мнѣ,—пишетъ Дмитріевъ,—отдавать ему полную справедливость и желать искренно, чтобы

¹⁾ Взглядъ на мою жизнь, стр. 199.

важный трудъ его, новое Уложеніе, которому онъ посвятилъ свои способности, лучшіе годы жизни своей, усовершенный Государственнымъ Совѣтомъ и впоследствии собственной опытностью, скорѣе былъ довершенъ и обнародованъ.—Тогда имя его дошло бы до потомства».

Желаніе Дмитріева исполнилось: имя Сперанскаго всегда сохранится въ исторіи, какъ выдающагося организатора и лучшаго сына Россіи.—Потомки сожальютъ и будутъ сожалѣть только о томъ, что ему не было оказано помощи и возможности окончить начатое и привести свой планъ въ исполненіе.—Разочарованный, подъ впечатлѣніемъ первыхъ слуховъ и рассказовъ, мнимою неблагодарностью своихъ подданныхъ, Александръ уклонился отъ начатыхъ преобразованій и всецѣло обратилъ свое вниманіе на подготовку борьбы съ Наполеономъ, его сердечнымъ врагомъ.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нотное пѣніе въ церквахъ.

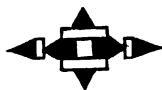
Предложеніе князя А. Н. Голицына Святѣйшему Правительствующему Синоду.

10-го января 1816 г. № 29.

Государь императоръ, извѣстясь, что во многихъ церквахъ поютъ по нотамъ, не соотвѣтственно тому роду пѣнія, какое можетъ быть принято въ церквахъ, высочайше повелѣлъ, дабы впредь не вводитъ въ употребленіе тетрадей рукописныхъ, кои отнынѣ строжайше запрещаются, но все, что ни поется въ церквахъ по нотамъ, должно быть печатное и состоять или изъ собственныхъ сочиненій директора придворнаго пѣвческаго хора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Боршнянскаго, или и другихъ извѣстныхъ сочинителей, но сихъ послѣднихъ сочиненія непременно должны печатаемы быть съ одобренія г. Боршнянскаго.

Его императорское величество изъявилъ при томъ волю свою, чтобы на преосвященныхъ епархіальныхъ архіереевъ возложено было строгое и неослабное смотрѣніе за тѣмъ, чтобы кромѣ печатныхъ нотъ отнюдь не были въ церквахъ ихъ вѣдомства вводимы тетради рукописныя.

Объявляя высочайшее его императорскаго величества повелѣніе Святѣйшему Синоду, имѣю честь присовокупить для свѣдѣнія, что вмѣстѣ съ симъ я отнеся къ г. управляющему министерствомъ полиціи объ учиненіи циркулярныхъ по гражданскому управленію предписаній относительно непечатанія впредь нотныхъ церковныхъ сочиненій, безъ одобренія директора придворнаго пѣвческаго хора.

Кончина А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ.

(Изъ сочиненія Галуста Шермазаняна ¹⁾: „Матеріалы для національной исторіи“).

внукъ мирза Якубъ - Маркарянъ родился въ Эривани отъ скромныхъ, но довольно извѣстныхъ въ этомъ городѣ родителей. Онъ сталъ изучать древне-армянскій языкъ еще въ Эривани и затѣмъ для усовершенствованія отправился въ Эчмиадзинъ къ одному изъ учениковъ извѣстнаго въ то время Бертуміана.

Въ 1804 году во время осады крѣпости Эривани, когда конный отрядъ грузинскихъ добровольцевъ, поссорившись съ княземъ Цициановымъ, рѣшилъ возвратиться на родину, къ нему присоеди-

---

¹⁾ Галустъ Шермазанянъ (онъ же Шермазанъ - Варгановъ), извѣстный общественный дѣятель и писатель по новѣйшей армянской исторіи и археологіи, родился въ г. Тифлисѣ въ 1815 году. Онъ высшаго образованія не получилъ, но, будучи одаренъ отъ природы большими способностями, сначала развилъ себя чтеніемъ, а потомъ путешествіями по разнымъ странамъ Востока. Въ молодости своей по торговымъ дѣламъ часто ѣздилъ въ Персію, а особенно въ Тавризъ и Тегеранъ, гдѣ онъ былъ избранъ главою тифлискихъ купцовъ, въ то время проживавшихъ въ Тегеранѣ. Въ 1861 году онъ былъ избранъ въ городскіе головы г. Тифлиса, которому онъ оказалъ большія услуги; но въ 1865 году онъ сильно пострадалъ нравственно и матеріально во время „такъ называемаго бунта“. Объ этомъ бунтѣ газета „Кавказъ“ (№ 53, 1865 г.) передаетъ слѣдующее: „на объявленіе Закавказской казенной палаты о взносѣ дополнительнаго налога, назначеннаго съ лавокъ для продажи питей, съ цѣлю усиленія городской казны на покрытіе необходимыхъ городскихъ расходовъ, всѣ тифлискіе торговцы и ремесленники, составляющіе корпораціи, извѣстныя подъ названіемъ а м к а р т и въ особенности, виноторговцы, на коихъ прямо падалъ увеличенный налогъ,

лось много армянскихъ купцовъ и мѣстныхъ жителей со своими семействами. При слѣдованіи каравана мимо Св. Эчмиадзина, Якубъ (Яковъ), не говоря ни слова ни своему учителю, ни товарищамъ по классу, безъ провізій, даже безъ пары платья для перемѣны, съ одними книгами за спиной, вышелъ изъ монастыря и присоединился къ отряду, рассчитывая попасть въ Тифлисъ къ только-что пріѣхавшему туда изъ Константинополя извѣстному ученому (кажется, это былъ Серопе Патканьянъ) ¹⁾, для усовершенствованія въ наукахъ.

Якубъ два дня шелъ пѣшкомъ съ караваномъ, получая хлѣбъ отъ незнакомыхъ спутниковъ, но около Бамбакадора персидское войско внезапно атаковало и разсыяло караванъ; большая часть была пере-

---

отвѣчали отказомъ, ссылаясь на существующую дороговизну съѣстныхъ припасовъ и на опасеніе еще большаго возмущенія цѣны на продукты, такъ какъ хлѣбные посѣвы во многихъ мѣстахъ края истреблены саранчею, мышами и градомъ“...

„27-го іюня народъ, собравшійся толпами, хотя и невооруженными, и озлобленный противу нѣкоторыхъ изъ своихъ выборныхъ, не отстоявшихъ, по его мнѣнію, общихъ интересовъ, пропавель безпорядки, разрушивъ и разграбивъ дома городского головы Шермавана-Бартамова и сборщика податей Бажбеукъ-Меликова, при чемъ сей послѣдній, хотя и встрѣтилъ нападающихъ неустрашимо и защищался мужественно, былъ избитъ камнями и дрючками до такой степени, что вскорѣ умеръ“.

Во время безпорядковъ у Шермазаяна пропала масса цѣнныхъ рукописныхъ историческихъ матеріаловъ. Съ этихъ поръ онъ уже окончательно покидаетъ арену общественной дѣятельности и всецѣло посвящаетъ себя собиранію и изученію матеріаловъ для новѣйшей армянской исторіи и археологіи. Онъ предпринялъ путешествіе по Арменіи и результаты его, полныя интереса и содержательности, печаталъ сначала въ журналѣ „Крункъ“, а затѣмъ въ „Араратъ“ за 1876 и 1877 годы (этотъ послѣдній журналъ издается и въ настоящее время въ Эчмиадзинѣ) подъ заглавіемъ „Путешествіе по Арменіи“. Тутъ онъ коснулся разнообразныхъ вопросовъ по этнографіи армянъ и, между прочимъ, возбудилъ вопросъ о воспитаніи армянскихъ женщинъ. Принимая дѣятельное участіе въ кавказскихъ армянскихъ и русскихъ органахъ печати того времени, онъ напечаталъ нѣсколько переводныхъ и оригинальныхъ статей, немало поработалъ и въ Константинопольскихъ газетахъ „Аршалуйсъ, Араратянь“ и „Масисъ“. Въ Тифлисъ онъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Анекдоты, забавные рассказы, басни и пр., взятые преимущественно изъ народной жизни“. Достойнымъ же украшеніемъ трудовъ Шермазаяна являются „Матеріалы для національной исторіи“. Трудъ этотъ увѣнчанъ Измирской преміей имени Месропа и Саака—этихъ армянскихъ первоучителей, и изданъ въ годъ смерти автора. Девятую главу этого труда составляетъ переведенная и дополненная нами статья „Евнухъ Мирва-Якубъ Маркарянъ“. Галустъ Шермазаянъ умеръ въ 1891 году въ Орловской губерніи въ селѣ Залѣсномъ, гдѣ и похороненъ, вдали отъ любимой родины, которой отдалъ все свои силы и всю энергію. М. А.

¹⁾ Дѣдъ бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ армянскаго языка и словесности.

П р и м ѣ ч. п е р е в о д ч и к а .

бита, а удѣлѣвшіе взяты въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ оказался и Якубъ, который былъ тогда въ возрастѣ 18—19 лѣтъ. Его и нѣсколькихъ плѣнниковъ *) оскопили въ Тавризѣ и отослали въ Тегеранъ въ шахскій гаремъ, гдѣ они воспитывались подъ руководствомъ своего именитаго соотечественника, главнаго евнуха Ага-Якуба-Кутули.

Исторія дѣтства Якуба неизвѣстна, и мы знаемъ лишь, что онъ былъ свѣдущъ въ древне-армянскомъ языкѣ, на которомъ писалъ безошибочно. По поступленіи въ гаремъ, Якубъ началъ изучать персидскій и арабскій языки подъ руководствомъ Ага-Якуба-Кутули, для усовершенствованія въ этихъ языкахъ занималъ еще очень хорошо подготовленнаго учителя, который кромѣ этихъ языковъ обучилъ его и персидскому счетоводному искусству—бухгалтеріи, которой персы обучались не менѣе 10—15 лѣтъ, какъ самому трудному и сложному искусству, чтобы по окончаніи получить званіе «метофа».

Якубъ за знаніе и любознательность получилъ титулъ мирзы, который даютъ въ Персіи лицу, владѣющему перомъ; очень часто въ корреспонденціи и въ «Исторіи Каджаровъ» дается также прозвище «ага» тому лицу, которое имѣетъ титулъ или чинъ среди евнуховъ.

Случилось, что въ то время въ Тегеранъ пріѣхалъ изъ Норъ-Джуга нѣкто Степанъ, оказавшійся знатокомъ въ веденіи книгъ по двойной системѣ бухгалтеріи на армянскомъ и англійскомъ языкахъ, благодаря тому, что въ теченіе ряда лѣтъ въ англійскомъ бюро въ Мадрасѣ исправлялъ обязанности бухгалтера. Онъ обучилъ Мирзу-Якуба двойной бухгалтеріи и поступилъ въ торговое товарищество того же Якуба, Манучара и Хосрова хановъ въ качествѣ бухгалтера. Первоначальной причиною успѣха Мирзы-Якуба въ Персіи и является именно знаніе бухгалтерскаго искусства. По свидѣтельству Хосровъ-хана годовой расходъ шахскаго гарема въ тѣ времена приблизительно достигалъ 300.000 тумановъ †); для приведенія въ порядокъ запутавныхъ счетовъ и составленія краткаго отчета для шаха проходило 4—5 мѣсяцевъ и два или три метофа должны были заниматься исключительно этимъ дѣломъ. Когда же Кутули поручилъ отчетъ Мирзѣ-Якубу, то онъ въ теченіе 20 дней, самое большее въ мѣсяцъ, привелъ все въ порядокъ и на одномъ листѣ представилъ его шаху, который былъ не мало этому удивленъ. Наградивъ Якуба, шахъ приказалъ Кутули, чтобы тотъ оказывалъ особое ему покровительство. Благодаря этому Якубъ сдѣлался лично

*) Вмѣстѣ съ Якубомъ были взяты въ плѣнъ Хосровъ и Манучаръ, которые впоследствии сдѣлались ханами и играли видную роль при дворѣ Фетъ-Али-Шаха.

Примѣч. переводчика.

†) Персидскій туманъ того времени равнялся 4 рублямъ.

Примѣч. переводчика.

извѣстенъ шаху. Онъ поручилъ ему составить годовой отчетъ по приходу и расходу Ирана; разбросанныя въ отдѣльности статьи соединить вмѣстѣ и представить ему. Всѣ эти и т. п. отчеты Мирза-Якубъ до такой степени упростилъ, что больше не было надобности въ метофѣ, который бы докладывалъ шаху; теперь шахъ самъ читалъ отчетъ, распределялъ суммы и быстро охватывалъ всѣ данныя.

Мирза-Якубъ, взамятъ старинныхъ персидскихъ знаковъ, приво- дилъ денежныя суммы индусскими цифрами (то, что европейцы назы- ваютъ арабскими цифрами, у персовъ принято называть индусскими). Онъ много хлопоталъ, чтобы «индусскія» цифры были введены въ офи- циальной перепискѣ и отчетахъ Ирана, и были изгнаны изъ употребле- нія трудныя и запутанныя персидскія. Но старомодныя метофы изъ-за личныхъ выгодъ являлись его противниками: бухгалтерское искусство, по большей части, считалось между ними наслѣдственнымъ, и другихъ ему не обучали.

Итакъ Мирза-Якубъ, благодаря своимъ трудамъ и природнымъ спо- собностямъ, быстро выдвинулся и сталъ наравнѣ съ передовыми дѣяте- лями своего времени. Говорили, что, если бы онъ держался до конца жизни магометанства, то навѣрное пошелъ бы очень далеко: достигъ и высшихъ должностей и высокихъ титуловъ; но онъ не пожелалъ полу- чить даже званія хана—настолько онъ былъ твердый христіанинъ въ душѣ; днемъ и ночью онъ помышлялъ, какъ бы уйти изъ Персіи, что- бы подъ покровительствомъ христіанской державы свободно исповѣдо- вать свою религію. И, можетъ быть, для этого за три—четыре года до того времени, какъ его убили, онъ началъ изучать французскій языкъ и, какъ передавали, достаточно смѣло говорилъ и писалъ по-французски. Онъ думалъ также изучать русскій языкъ, но не нашелъ учителя и дер- жалъ при себѣ одного плѣннаго солдата, чтобы у него учиться говорить по-русски до присканія лучшаго учителя.

Ага-Якубъ-Кутули, какъ главный евнухъ или «князь» гарема, не могъ искоренить дурнаго обыкновенія, уже давно привившагося въ га- ремахъ, и особенно въ гаремѣ шаха: нѣсколько престарѣлыхъ еву- ховъ и старыхъ женщинъ, долгое время проведенныхъ въ гаремѣ, поку- пали на базарѣ по высокой цѣнѣ въ кредитъ разные старыя, плохіе женскіе наряды, иногда и драгоценныя камни, приносили въ гаремъ и за еще болѣе дорогую цѣну продавали здѣсь женщинамъ, также въ кредитъ. По прошествіи срока, когда продавцы отъ упомя- нутыхъ посредниковъ, а послѣдніе отъ женщинъ гарема настойчиво требовали уплаты, женщины, не будучи въ состояніи выплатить дол- говъ, возбуждали энергичныя жалобы и протесты, чѣмъ причиняли крупныя непріятности Кутули. Поэтому послѣдній предложилъ шаху разрѣшить ему составить изъ нѣсколькихъ евнуховъ-капиталистовъ то-

варищество, которое устанавливало бы цѣны всѣмъ нужнымъ для женщинъ товарамъ при содѣйствіи опытныхъ купцовъ и за опредѣленныя цѣны покупало бы также и драгоценныя камни въ присутствіи Кутули и надежныхъ ювелировъ, чтобы не было обмана; затѣмъ всѣ женщины могли бы покупать за цѣны, однажды назначенныя, а не такъ, чтобы сегодня за дорогую, а завтра за дешевую цѣну.

Шахъ принялъ это предложеніе Кутули; но ни одинъ изъ евнуховъ не рѣшался брать на себя это дѣло, такъ какъ требовался большой капиталъ. Тогда Ага-Манучаръ Ениколопянецъ ¹⁾ предложилъ товарищамъ по плѣну Ага-Хосрову Кайтмазянцу и Мирзѣ-Якубу принять предложеніе Кутули съ его капиталомъ, подѣливъ лишь условіемъ, чтобы выручка была распределяема на четыре равныя части: одна часть въ основной капиталъ, а остальные три дѣлились бы между тремя участниками, конечно, за вычетомъ расходовъ. Хосровъ говорилъ: «когда Манучаръ сообщилъ мнѣ объ этомъ, я думаю самъ-себѣ, будь я дуракъ, если не соглашусь. Чѣмъ я рискую: масла ли потрачу, или риса? Если потерпимъ убытки, чѣмъ я отвѣчаю, потому и согласился». Впослѣдствіи я догадался, что Манучаръ опасался за меня и особенно за Мирзу-Якуба, который состоялъ счетоводомъ гарема, такъ какъ для этого коммерческаго товарищества нанялъ вышепоименованнаго Степана, изъ Испагани, въ качествѣ бухгалтера и дѣловаго корреспондента.

Эти три личности обладали удивительно противоположными вкусами. Хосровъ любилъ держать хорошихъ верховыхъ лошадей, имѣть богатую оброчную усадьбу, украшать домъ богатою домашнею утварью и жить въ роскоши. Мирза-Якубъ заработанныя деньги тратилъ на ученіе, на приобрѣтеніе богатой библіотеки, на наемъ учителей, а излишекъ отъ всего этого постоянно высылалъ въ Эривань роднымъ.

Манучаръ же преслѣдовалъ одну цѣль—собирать и накапливать богатство. Фирманомъ шаха товарищество было утверждено и, насколько оно въ началѣ было замкнуто, настолько быстро расширило въ послѣдствіи свои операціи. Товарищество посылало своихъ агентовъ и находило корреспондентовъ въ Буширѣ, въ торговыхъ греческихъ городахъ, въ Багдадѣ, Тавризѣ, въ Константинополѣ; черезъ нихъ выписывало разныя мѣстныя, модныя, шелковыя, бумажныя и шерстяныя издѣлія и драгоценныя камни; продавало ихъ не только въ гаремъ, но и самому шаху, который одарялъ ими своихъ сыновей и дочерей, при выходѣ замужъ.

¹⁾ Главный шахскій евнухъ; въ 1820-хъ годахъ въ Гиляни при шахскомъ сынѣ Ягъ-Ча-Мирза онъ управлялъ намѣстничествомъ. (Ср. А. С. Грибовѣдовъ— „О Гиляни“. Пол. собр. соч. Грибовѣдова подѣ ред. И. А. Шляпкина. Т. I, С.-Петербургъ 1889 г., стр. 70). Примѣч. переводчика.

Товарищество продавало также сыновьямъ шаха и намѣстникамъ, которые прѣзжали изъ отдаленныхъ областей, во время новруза ¹⁾, представляться шаху и, по возвращеніи къ мѣсту своего служенія, везли подарки своимъ женамъ. Когда же Хосровъ-хана назначили гиланскимъ правителемъ, товарищество вступило въ торговыя сношенія и съ Россіей, то-есть, съ Астраханью и Макаръемъ, служащимъ мѣстомъ ярмарки для Нижняго, посылая туда шелкъ, шелковыя матеріи и разныя издѣлія съ цѣлью ихъ продать, а мѣстные мануфактурные товары Россіи доставить въ Тегеранъ.

Товарищество просуществовало до 1819 года, а затѣмъ распалось, такъ какъ каждый изъ его участниковъ получилъ то или другое назначеніе: Мирза-Якубъ получилъ должность управляющаго шахскимъ казначействомъ. Онъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, какія издержки имѣетъ гаремъ, подводить расходы и деньги на нихъ получать изъ казны помѣсячно. До его убійства шахъ три раза назначалъ его на эту должность и три раза отставлялъ, такъ какъ одинъ разъ онъ былъ посланъ въ Хоросанъ, правитель котораго вслѣдствіе упущеній въ городахъ не могъ явиться къ новрузу и представить отчеты шаху; Мирза-Якубъ, по приказанію шаха, отправился туда въ качествѣ надсмотрщика (ревизора) за расчетами, получилъ оставшуюся отъ податей сумму и привезъ въ Тегеранъ; другой разъ также командировали его къ ширазскому правителю въ качествѣ бухгалтера.

Такъ какъ главнымъ виновникомъ возмутительнаго убійства русскаго посла А. С. Грибовѣдова и его подчиненныхъ былъ Мирза-Якубъ, то необходимо подробнѣе ознакомиться съ этою личностью. Заранѣе признаюсь, что не намѣренъ обращаться къ официальнымъ документамъ и къ персидской исторіи, которая всегда, съ цѣлью себя оправдать, перекраиваетъ по-своему, а русскіе историки передаютъ то, что въ то время узнали изъ официальныхъ персидскихъ же сообщеній. Я привожу слышанное отъ лицъ, бывшихъ на мѣстѣ происшествія, и отъ очевидцевъ ²⁾, что можетъ представлять большія противорѣчія съ

¹⁾ Новрузъ—начало года, время предствленія отчета.

Примѣч. переводчика.

²⁾ Таковыми были Амбарцумъ (онъ же Ибрагимъ-бегъ)—куламъ русскаго посла, т. е. курьеръ (гонецъ), который, въ этотъ день, будучи въ посольскомъ домѣ, тяжело былъ раненъ и оставался полумертвымъ между убитыми. Но въ полночь почувствовалъ, что еще живъ и, положивъ руку на изравенную шею, съ трудомъ добрался до дома одного знакомаго армянина, у котораго и остался до выздоровленія. Онъ до своей смерти получалъ изъ Россіи черезъ тавризскаго консула содержаніе 120 голландскихъ червонцевъ. Армянинъ Якубъ-Султанъ, который въ тотъ день со своими подчиненными солдатами охранялъ посольскій домъ; шахъ-Абдуль-Азимъ—стражъ крѣпости,

официальными корреспонденціями обѣихъ державъ, но предоставляю читателямъ самимъ найти истину.

Когда мать Манучаръ-хана, Ускумъ-ханумъ, отправилась изъ Тифлиса въ Тегеранъ, ее сопровождалъ князь Давидъ Меликянцъ, который приходился ей внукомъ. Въ 1828 году братъ этого послѣдняго, Соломонъ Меликянцъ, сопровождалъ Грибоѣдова. Такъ какъ посольство зашло въ Тавризъ, Соломонъ раньше его уѣхалъ въ Тегеранъ и остановился въ домѣ своего дяди Манучаръ-хана, помѣщающемся въ цитадели сзади шахскаго дворца, около, такъ называемой, крѣпости, Шимранъ. Владѣльцы и родные плѣнниковъ, узнавъ о выѣздѣ посла изъ Тифлиса, отправились слѣдомъ за нимъ въ Тегеранъ; но посольство, какъ упомянуто, на время задержалось въ Тавризѣ, а потому и они, слѣдуя за нимъ, отыскивали своихъ плѣнныхъ; но что было имъ дѣлать, когда персіяне не желали и отказывались возвращать ихъ¹⁾.

Извѣстіе объ этомъ дошло до Грибоѣдова, который просилъ Аббаса-Мирзу написать своему отцу шаху о недовольствѣ русскаго посла. Шахъ назначилъ Манучаръ-хана и Калантара изъ Тегерана, чтобы, въ случаѣ указанія имъ русскими подданными мѣста жительства плѣнниковъ, они посылали своихъ людей, чтобы привести плѣнниковъ къ себѣ и затѣмъ публично опрашивали: и того изъ плѣнныхъ, который заявитъ желаніе возвратиться, обязательно передавали владѣльцу. Вслѣдствіе этого распоряженія многіе персы стали тайно высылать изъ Тегерана своихъ плѣнниковъ, или въ самомъ Тегеранѣ переводить изъ одного района города въ другой, чтобы замести ихъ слѣдъ; многіе изъ плѣнныхъ уже впередъ отказывались вернуться на родину, такъ какъ персы съ угрозами заставляли ихъ, въ случаѣ опроса, отвѣчать отказомъ, и пускали въ ходъ тысячу другихъ подобныхъ средствъ, лишь бы не возвращать плѣнныхъ обратно.

Поэтому Манучаръ и Калантаръ не могли исполнить возложенной на нихъ обязанности, главнымъ образомъ потому, что нѣкоторые

казначей армянской церкви Паронъ-Худадатъ. Паронъ-Мелкумъ изъ Тавриза, который былъ агентомъ Мирзы-Якуба и ѣздилъ въ Тегеранъ для сдачи отчетности ему. Сосѣдъ посольскаго дома январь (т. е. майоръ) Фапа-бегъ. Тифлисы—Иванъ Манташянцъ и Магдесъ-Эго Маркварянъ и другіе, изъ коихъ многіе живы и помнѣ (1883 годъ). Прим. автора.

¹⁾ Въ официальныхъ бумагахъ встрѣчаются рассказы о нѣкоторыхъ случаяхъ; между прочимъ, какъ нѣмецъ изъ Маріенфельда, найдя въ Казбинѣ свою дочь, взятую въ плѣнъ и вышедшую за мужъ за одного сенда, явившись въ Тавризъ, заявилъ Грибоѣдову протестъ, что персъ, владѣлецъ плѣнницы, отказался вернуть ему его дочь. Грибоѣдовъ, какъ только прибылъ въ Казбинъ, приказалъ привести нѣмку и на нѣмецкомъ языкѣ приглашалъ ее вернуться въ Россію къ своему отцу; но она не согласилась. Прим. автора.

изъ плѣнныхъ находились у высокопоставленныхъ лицъ. Манучаръ, видя эти затрудненія, съ оффиціальнаго разрѣшенія шаха, отказался отъ даннаго ему порученія и просилъ, чтобы это дѣло было поручено другому.

Когда Грибовдовъ вѣзжалъ въ Тегеранъ, персидское правитель-ство приняло его самымъ пышнымъ образомъ, и старожилы говорили: «никогда мы не видавали такого приѣма»; посла встрѣтили у такъ-называемой крѣпости шахъ-Абдуль-Азимъ и отвели помѣщеніе тамъ же въ прекрасномъ и просторномъ домѣ, принадлежащемъ одному шахзаде⁴⁾. Этотъ домъ, если считать кривыя улицы, находился, навѣрное, болѣе чѣмъ въ полутора верстахъ отъ царскаго дворца. Рассказывали, что шахъ первый разъ во время приѣма встрѣтилъ Грибовдова съ веселымъ и радостнымъ лицомъ и довольно продолжительное время задержалъ его у себя. По выходѣ отъ шаха, посолъ, предшествуемый нѣсколькими чинами двора, вошелъ въ большой залъ, гдѣ его ожидали всѣ высшіе сановники (въ числѣ коихъ находился и Мирза-Якубъ). Здѣсь подносили послу сахарную воду, халвѣатъ, чай, кофе и проч. Всѣ бокалы, стаканы и прочая сервировка была изъ чистаго золота. Точно такимъ же образомъ угощали свиту посла и его прислугу въ другихъ комнатахъ, гдѣ ихъ размѣстили по чинамъ; только съ тою разницею, что тамъ сервировка была изъ серебра, вмѣсто золота.

Распорядителемъ всего былъ Манучаръ-ханъ. До выхода посла изъ приемной шаха, нѣкоторые изъ сопровождавшихъ его съ интересомъ осматривали шахскій дворецъ. Въ числѣ ихъ было трое грузинъ, которыхъ узналъ по одеждѣ Иванъ Манташянцъ. Онъ съ своимъ дядей Хосровъ-ханомъ пришелъ во дворецъ, желая быть зрителемъ этого роскошнаго приѣма. Манташянцъ подошелъ къ нимъ, познакомился и расспрашивалъ о разныхъ тифлисскихъ новостяхъ. По окончаніи торжествъ и возвращеніи домой, Манташянцъ передалъ Хосрову о своемъ разговорѣ съ грузинами. Послѣдній, сильно разсердившись на него, приказалъ, чтобы послѣ этого онъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ ними. «Этотъ ничтожный, непонятный для меня эпизодъ—говорилъ Манташянцъ—имѣлъ значительныя послѣдствія». Спустя два или три дня послѣ сего Манучаръ-ханъ пошелъ навѣстить Хосровъ-хана. Послѣдній спросилъ Манучара: «неужели не боишься, что разрѣшаешь Соломону (Меликянцу) бывать у посла?» Тотъ отвѣтилъ: «какъ я могу воспретить,

⁴⁾ Cp. *Nouvelles Annales des voyages* 1830 г. *Relation des évènements qui ont précédé et accompagné le massacre de la dernière ambassade russe en Perse.*—„L'ambassadeur descendit dans la belle maison de feu Mohammed Khan Zambor Ektchi Bachi, qui avait été parfaitement arrangée pour lui avec des bains et toutes les commodités imaginables“. Т. 43. Р. 345. Прим. переводчика.

когда они старые знакомые и вмѣстѣ путешествовали изъ Тифлиса до Тавриза». Послѣ этого Хосровъ приказалъ Манташянцу выйти изъ комнаты. Немного спустя пришелъ Мирза-Якубъ, и всѣ трое уединилась и разговаривали продолжительное время.

Затѣмъ, въ домѣ у Манучара или Хосрова эти три лица часто собирались, уединялись и долго-долго бесѣдовали. Манташянцъ прибавилъ: «я замѣтилъ, что у нихъ было какое-то особенное дѣло, но въ чемъ оно заключалось, не могъ догадаться, впоследствии же узнавъ о намѣреніи Мирзы-Якуба вступить подъ покровительство посла и его защиту, тотчасъ понялъ, что это и было причиною ихъ уединенныхъ и тайныхъ бесѣдъ. Отсюда я заключилъ, что возможно и вѣроятно, что Манучаръ и Хосровъ также намѣрены послѣдовать примѣру Мирзы-Якуба, если посоль будетъ въ состояніи помочь ему».

Когда посоль достигъ Тегерана, владѣльцы и родные плѣнниковъ подавали ему тысячи жалобъ; но посла болѣе озабочивало дѣло плѣнниковъ Мазандарана, такъ какъ наибольшее число ихъ было тамъ, ибо еще тогда, когда война официально не была объявлена, кавалерія Мазандарана, которая вела свое происхожденіе отъ Каджара, т. е. изъ племени шаха, неожиданно напала на русскую границу, предала многія селенія огню и, во время набѣговъ, забрала множество плѣнниковъ, которыхъ отсылала въ Мазандаранъ, гдѣ не было ни русскаго консула, ни агента; поэтому-то посоль считалъ невозможнымъ вывести оттуда плѣнниковъ хотя и намѣревался послать консула или туда, или въ Раштъ. Но персидское правительство мѣшало ему въ этомъ, говоря, что въ трактатѣ не упоминается о такомъ условіи.

Хотя мы значительно уклонимся отъ разсказа, тѣмъ не менѣе упомянемъ здѣсь объ одномъ трогательномъ происшествіи, которое имѣетъ прямое отношеніе къ матеріаламъ національной исторіи¹⁾. Одинъ извѣстный ханъ писалъ изъ Мазандарана Хосровъ-хану, что у него есть много плѣнниковъ и плѣнницъ въ гаремѣ или внѣ гарема и, что, «желая послать тебѣ въ подарокъ одну плѣнницу, за цѣломудріе которой ручаюсь, выбралъ эту восьми или девятилѣтнюю плѣнницу, по имени Диль-Фрушъ, которую посылаю вамъ въ подарокъ» и пр. Эта плѣнница красивая, смышленная и говорунья, въ короткій промежутокъ времени выказала удивительную симпатію къ Хосровъ-хану, также и этотъ послѣдній полюбилъ ее, какъ свою дочь.

Манташянцъ разсказывалъ, что когда Хосровъ-ханъ бывалъ дома, Диль-Фрушъ (т. е. радость сердца) не отходила отъ него, и ханъ также любилъ съ нею говорить, шутить и слушать ея остроумные разсказы;

¹⁾ Рѣчь идетъ объ армянской національной исторіи.

Прим. переводчика.

*

онъ заказалъ для нея нѣсколько паръ разныхъ платьевъ; кромѣ того подарилъ ей 20 золотыхъ монетъ для ожерелья и 20 для лобной повязки. Мирза-Якубъ также подарилъ ей нѣсколько перстней съ драгоценными камнями; и онъ каждый разъ, приходя къ намъ, приносилъ для нея подарокъ и обучалъ 3-мъ армянскимъ словамъ. Диль-Фрушъ не переносила ни одного магометанина—говорилъ Манташянцъ; отъ нихъ она не принимала ни фруктовъ, ни сластей; увидя ихъ, она недовольная убѣгала, какъ молнія, и скрывалась или за ханомъ или за мною и молчала. Сколько мы ни заговаривали съ нею, заставляли отвѣчать на наши вопросы, она, заупрямившись, не давала отвѣта. Наоборотъ, когда къ намъ приходили Манучаръ-ханъ, Зурабъ-ханъ и другіе армяне или грузины-пльнники, она безъ зова сама прибѣгала, подходила, разговаривала съ ними; своими наивными, но остроумными рассказами смѣшила и удивляла ихъ. Иногда приходили такіе персы, которыхъ Диль-Фрушъ не видала, и отъ нихъ тѣмъ не менше убѣгала. Хосровъ-ханъ, смѣясь, спрашивалъ: «Диль-Фрушъ, почему ты отличаешь, что одинъ турокъ, а другой христіанинъ, когда мы сами не можемъ ихъ отличать?»—«Видно, отвѣчала она, что въ вашихъ глазахъ нѣтъ свѣта и въ нашемъ носу нѣтъ обонянія». Однажды изъ Шамхора пришелъ армянинъ въ домъ хана и сначала, встрѣтивъ меня—рассказывалъ Манташянцъ—спросилъ: «слыхалъ ты, что здѣсь есть одна армянка, можетъ быть, она моя родственница, прошу покажите мнѣ ее».

Я пошелъ дать знать хану, который вмѣстѣ съ Диль-Фрушъ вышелъ изъ комнаты.

Диль-Фрушъ, увидѣвъ шамхорца, растерялась, поблѣднѣла, бросалась съ мѣста на мѣсто, вдругъ остолбѣнѣла, одвинула брови, прищурилась и стала пристально смотрѣть ему въ лицо. Шамхорецъ подошелъ къ Диль-Фрушъ и со слезами на глазахъ сказалъ: «Назлу-джанъ¹⁾, Назлу-джанъ»... Но она, испугавшись, на нѣсколько шаговъ отступила назадъ и стала по другую сторону хана и не сводила глазъ съ него. Шамхорецъ вновь началъ къ ней приближаться и сталъ доставать фрукты изъ кармана для передачи Диль-Фрушъ; она, отвергнувъ, подалась назадъ, отошла въ сторону хана и, подобно коту-воришкѣ, выпучивъ глаза, смотрѣла на него. Въ это время ханъ смѣялся и говорилъ: «Диль-Фрушъ, не бойся, не убѣгай» и, когда я глазомъ и головой далъ знакъ, чтобы она приняла сласти, Диль-Фрушъ, тихо подойдя, приняла сласти; опять хотѣла двинуться назадъ, но шамхорецъ, схвативъ ее руку и прослезившись, сказалъ: «Назлу-джанъ, Назлу-джанъ!» при этомъ прибавилъ: «узнаешь твоего амуд-

¹⁾ Назлу—христіанское имя Диль-Фрушъ, а „джанъ“ выражаетъ слово душечка.

Прим. переводчика.

жана (т. е. дядю), ахъ! вѣдь я твой амуджанъ, готовъ на все для тебя; Назлу-джанъ, умоляю тебя, подойди же, подойди же ко мнѣ». При этихъ словахъ лицо Назлу вдругъ приняло цвѣтъ абрикоса, потомъ покраснѣло, какъ пунцовая роза, и она расплакалась навзрыдъ. Когда же шамхорецъ рѣшительно привлекъ ее къ себѣ, приласкалъ ее, заключилъ въ свои объятія и горячо поцѣловалъ, Назлу не цѣловала его руки, а прямо лизала и приговаривала: «амуджанъ, амуджанъ». При этомъ невыразимо трогательномъ зрѣлищѣ даже присутствующіе мусульмане отирали слезы. Рассказывая это, Иванъ Манташянцъ, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ, прослезился. «Въ теченіе трехъ недѣль»—рассказывалъ онъ—«шамхорецъ каждый день посѣщалъ нашъ домъ, желая повидаться съ Назлу, и каждый разъ приносилъ сласти, чтобы ими расположить ее къ себѣ.

«Особенно памятенъ тотъ день, тотъ часъ и та минута, когда Назлу-Диль-Фрушъ должна была проститься съ нами. Узнавъ объ этомъ, нѣкоторые изъ лифнииковъ-армянъ приходили нарочно навѣстить хана. Къ ранѣ подареннымъ нарядамъ ханъ присоединилъ еще одну кашемировую шаль, нѣсколько драгоценныхъ перстней, серегъ, булавокъ и др., множество шелковыхъ и шерстяныхъ тканей, ковровъ, при чемъ сказалъ шамхорцу, чтобы они спрятали все это для приданого Диль-Фрушъ; далъ также тюкъ сушеныхъ сластей, одну верховую лошадь и 50 тумановъ деньгами. Мирза-Якубъ подарилъ отъ себя хорошаго коня и деньгами 10 тумановъ. Другіе также подарили шаль и куски шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, теперь не припомню, кто изъ нихъ, что далъ.

«Тихая и грустная Назлу подходила при прощаніи ко всѣмъ присутствующимъ гостямъ, цѣловала руку; вотъ подошла къ Хосровъ-хану, тутъ же стоявшему; рыдая, вся въ слезахъ, припала она къ его ногамъ, попеременно цѣловала ихъ, приговаривая «ханъ-джанъ, ханъ-джанъ». Хосровъ-ханъ насильно ее приподнялъ и, плача, началъ цѣловать въ лицо; тогда Назлу слезами покрыла его руки и, вновь неожиданно припавъ къ его ногамъ, обняла ихъ и стала осыпать поцѣлуями». Въ этомъ мѣстѣ, при рассказѣ, у Манташянца показались крупныя слезы на глазахъ, и онъ заплакалъ; черезъ минуту онъ продолжалъ: «изъ присутствующихъ никто не могъ удержаться отъ слезъ. Шамхорецъ и я съ трудомъ отняли Назлу отъ ногъ хана и, на рукахъ отнесли ее въ ту улицу, гдѣ ожидали насъ готовые лошади. Когда ее хотѣли посадить на лошадь, она жалобно, со слезами умоляла Яхья-бега (такъ звали Ивана Манташянца): «амуджанъ, прошу еще разъ, разрѣшите пойти послѣдній разъ поцѣловать ноги хана, а потомъ пуститься въ путь». Это еще болѣе растрогало и разжалобило присутствующихъ. Плача и рыдая, она побѣжала, припала къ ногамъ хана, восклицая: «ханъ-

джанъ, не забывай меня, я прахъ ногъ твоихъ»... Три человекъ съ трудомъ могли оторвать ее, отвести и посадить на коня. Такъ Диль-Фрушъ, — «радость сердца», — въ тотъ же день для всѣхъ превратилась въ «печаль сердца».

«Ханъ приказалъ мнѣ, говорилъ Яхья-бегъ, послать за Назлу-Диль-Фрушъ нѣсколько фарашей (служителей), чтобы они проводили ее до каравана, ушедшаго уже часъ тому назадъ. Я, хорошо зная манеру служителей, не понадѣялся на нихъ, а приказалъ осѣдлатъ пять коней и самъ съ четырьмя служителями догналъ караванъ и проводилъ незабвенную «радость сердца» до станціи Кіараджъ; поручилъ ее жожаку каравана, попросилъ беречь ее въ дорогѣ и вернулся».

Вернемся и мы къ нашему Мирзѣ-Якубу. Его, какъ христіанина-фанатика, не могла прельщать блестящая слава и почетъ, а потому онъ всегда думалъ оставить это обманчивое и непрочное положеніе и сдѣлаться виднымъ человекѣмъ на своей родинѣ, которая находилась подъ властью христіанскаго царя; тамъ онъ могъ бы свободно исповѣдывать свою религію.

Когда русскій посолъ прибылъ въ Тегеранъ, Мирза-Якубъ искалъ повода съ нимъ познакомиться, чтобы объявить ему свою сокровенную тайну. Его знакомые и тотъ же Хосровъ-ханъ впоследствии рассказывали, что когда возникъ вопросъ о двухъ армянкахъ-плѣнницахъ, находящихся въ гаремѣ Аллаяръ-хана (который въ то время исправлялъ обязанности садръ-азама), шахъ въ качествѣ легата послалъ къ Грибовдову Мирзу-Якуба переговорить о плѣнницахъ. Воспользовавшись этимъ, онъ только тогда объявилъ послу о своихъ убѣжденіяхъ и намѣреніи. А сколько знатныхъ лицъ, не посвященныхъ въ смыслъ этой миссіи, по свойственной персамъ привычкѣ, клеветало на Мирзу-Якуба, утверждая, будто-бы онъ сообщилъ послу о томъ, что вышеупомянутыя плѣнницы находятся въ гаремѣ Аллаяръ-хана! Нѣсколько дней спустя Якубъ ночью отправился въ посольскій домъ съ цѣлью остаться тамъ; но посолъ сказалъ ему: «не могу принять тебя тайно ночью, такъ какъ всѣ мои дѣла должны быть извѣстны и явны; поэтому иди теперь, хорошенько подумай и если дѣйствительно желаешь вернуться на родину, приходи въ другой разъ днемъ, чтобы я могъ принять тебя подъ свою защиту».

Якубъ возвратился, но на слѣдующій день съ разсвѣтомъ, спустя часъ или два, вмѣстѣ съ своимъ братомъ и двумя плѣнниками-армянами пришелъ опять въ посольскій домъ. Въ тотъ же день главнымъ предметомъ для разговора въ Тегеранѣ былъ переходъ Мирзы-Якуба подъ русское знамя; этому факту многіе не вѣрили, говоря, что Якубъ не оставитъ славы и почета изъ-за такой перемѣны. На второй день посолъ отправилъ одного изъ служителей посольства вмѣстѣ съ слугами

Якуба, чтобы они принесли имущество послѣдняго, которое было по-мѣщено въ семи ящикахъ. Навьючивъ семь муловъ, слуги хотѣли вывезти ихъ изъ дворца, но люди Манучаръ-хана запретили это и задержали ихъ у себя. На слѣдующій день посольство отправилъ официально драгомана посольства Мирзу-Наримана Меликъ-Шахназарянца спросить Манучаръ-хана о причинѣ запрета и задержанія. Послѣдній отвѣтилъ: «я воспретилъ, въ силу шахскаго приказа, и муловъ съ семью ящиками послалъ садръ-азаму». Драгоманъ обратился къ садръ-азаму; но тотъ отвѣчалъ, что Якубъ, какъ бывший казначей и экономъ шахскаго гарема, долженъ казнѣ; кромѣ того у него была масса драгоценныхъ вещей и нарядовъ, принадлежащихъ гарему; поэтому согласно приказу шаха они и арестовали его имущество.

Посольство сообщилъ объ этомъ извѣстїи Якубу, который отвѣтилъ: «все это ложь и клевета, такъ какъ ровно годъ, какъ я отстраненъ отъ этой должности. Поэтому если какіе счета и имѣли со мною, то почему же не кончали до сего дня. На службѣ я въ разное время получалъ суммы изъ казны, но, по отстраненїи отъ должности, покончилъ счета, въ чемъ имѣю квитанціи, которыя находятся въ ящикахъ; могу показать ихъ, кому пожелаете. Во-вторыхъ, передавая драгоценности и дорогіе наряды въ гаремъ, гардеробмейстеръ или казначей получаетъ квитанціи въ прїемъ отъ получателя; поэтому, если они имѣютъ отъ меня одно такое обязательство, пусть предъявятъ, и я отвѣчу. Неужели же въ теченіе цѣлаго года они ни разу не хватились нарядовъ и драгоценныхъ вещей, ежедневно нужныхъ для гарема».

На слѣдующій день посольство поручилъ драгоману посольства Мирзѣ-Нариману отправиться вмѣстѣ съ Мирзою-Якубомъ въ домъ Манучаръ-хана, гдѣ было нѣсколько лицъ, официально назначенныхъ отъ шахскаго двора для разбора этого дѣла. Здѣсь выяснилось, что захваченные отъ Мирзы-Якуба ящики, дѣйствительно, Манучаръ отправилъ во дворецъ, гдѣ ихъ поставили въ одной комнатѣ, и дверь запечатали его печатью; но затѣмъ въ тотъ же день ночью во дворецѣ распорядились сорвать печать съ дверей комнаты безъ вѣдома Манучара и вынули изъ ящиковъ вещи, какія хотѣли. Нариманъ, усомнившись въ показанїи, возвратился вмѣстѣ съ Якубомъ. Это былъ уже важный фактъ, что во дворецѣ, узнавъ о существованїи квитанцій въ ящикахъ Якуба, безъ вѣдома Манучара сорвали его печать съ дверей, можетъ быть, съ цѣлью вынуть оттуда квитанціи, а если окажутся,—и другіе оправдательные документы. На самомъ дѣлѣ, такъ и случилось: изъ имущества Якуба почти половины не оказалось въ ящикахъ. Посольство, видя, что это дѣло осложнилось, послалъ къ садръ-азаму перваго секретаря посольства Мальцева, драгомана Мирзу-Наримана и Мирзу-Якуба. Официальные переговоры въ этотъ день вызвали смуту между представи-

телями обѣихъ сторонъ: такъ вскрытіе ящичковъ Якуба и изытіе оттуда документовъ Мальцевъ называлъ сперва нападеніемъ и насиліемъ, а затѣмъ даже воровствомъ, которое приписывалось придворнымъ, конечно, поощрявшимъ находившихся тамъ персовъ. Тогда Манучаръ-ханъ отказался отъ участія въ этой комиссіи, чтобы впослѣдствіи не быть причастнымъ къ этому дѣлу. Въ тотъ же день Манучаръ-ханъ отправился къ Хосровъ-хану. Бывшій при этомъ Манташянцъ рассказывалъ: «они уединились, я же сталъ за дверью съ цѣлью подслушать ихъ, такъ какъ переѣздъ Якуба въ посольство меня сильно интересовалъ; я желалъ во что бы то ни стало что-нибудь узнать объ этомъ происшествіи. Манучаръ-ханъ сказалъ Хосровъ-хану, что причиною сегодняшняго отказа отъ участія въ комиссіи онъ выставилъ, будто его обидѣли слова, произнесенныя Мальцевымъ; но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что русское посольство теперь имѣетъ явное доказательство для выясненія истины, а тотъ, кто окажется соумышленникомъ правды, во что бы то ни стало, будетъ сочтенъ за врага Ирана; онъ не желаетъ приобрести этого имени. Тѣмъ не менѣе, если бы онъ былъ на мѣстѣ Мальцева, то сказалъ бы, что «я не знаю имени вашему поступку, научите меня такому слову, которымъ я могъ бы назвать этотъ поступокъ, чтобы просить васъ извиниться въ немъ». Итакъ, случилось, что въ этомъ происшествіи не только шахъ, но и занимающія высшіе посты лица были виновны; они не только не запрещали распространять въ городѣ разные нелѣпные слухи, и не обнаруживали истины, чѣмъ успокоили бы умы, но, наоборотъ, распространяли сами невѣроятныя легенды; напримѣръ, будто Якубъ выругалъ мусульманскую религію, чему каждый, услышавшій эти слова, еще болѣе поражался и возмущался. Конечно, распространители этой клеветы и нелѣпныхъ слуховъ имѣли свои расчеты: создать возмущеніе, не возвращать плѣнниковъ и запугать посла, чтобы онъ болѣе не домогался ихъ выдачи.

Цѣль большинства заключалась въ этомъ, а не въ безпорядкахъ, дошедшихъ до убійства людей и даже изувѣченія и смерти посла, что по шитскому ученію магометанской религіи считается неизгладимымъ смертнымъ грѣхомъ. Итакъ, переговоры по вышеприведенному происшествію между иранскимъ дворомъ и посольствомъ продолжались недѣлю, но они ни къ чему не привели, такъ какъ требованія персидскаго правительства отъ Якуба были совершенно нелѣпы, въ чемъ шахскій дворъ не хотѣлъ признаться; посольство же строго требовало, чтобы не только наличное имущество Якуба было возвращено, но и пропавшее, то-есть квитанція, отчеты, драгоценныя камни, ткани и особенно рѣдкія рукописи, гдѣ бы онѣ ни были, были собраны.

Дворъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи, такъ какъ

назначенными для открытія ящиковъ людьми было присвоено много вещей; или, говоря проще, было украдено и унесено, а теперь или становилось невозможнымъ собрать и раскрыть, кто что взял, такъ какъ виновные скрылись отъ гнѣва шаха, или дворъ самъ не хотѣлъ собирать, не желая получить названія воровъ.

Среди этихъ обстоятельствъ наступило 29-е января 1829 года. День былъ воскресный. Праздношатающаяся толпа, возбужденная и взволнованная, въ предшествіи, а быть можетъ, и подстрекаемая, нѣсколькими разсвирѣтѣвшими муллами и сеидами, явилась въ мечеть къ Имамъ-Зумэ - Мулла - Мсеху и предложила слѣдующій вопросъ: «какъ слѣдуетъ, по шаріату, поступить съ тѣмъ, кто былъ уже омусульманенъ и вновь вернулся къ своей прежней религіи?» Мулла-Мсехъ отвѣтилъ: «его слѣдуетъ убить». Эти-то три слова и послужили поводомъ къ извѣстной трагедіи. Нѣкоторые говорили, будто Имамъ-Зумэ спросилъ, кто этотъ вѣроотступникъ? Изъ толпы отвѣчали, это—евнухъ Мирза-Якубъ. Имамъ-Зумэ спросилъ: «вы слыхали изъ его усть объ отступленіи отъ мусульманства». Толпа отвѣтила—«нѣтъ». «Итакъ»—сказалъ вновь Имамъ-Зумэ—«вы должны были собственными ушами услышать отъ него или должны были слышать трое лицъ, заслуживающихъ довѣрія, чтобы быть свидѣтелями, а потомъ уже этотъ вопросъ предлагать мнѣ». Были и такіе, которые говорили, что изъ среды толпы вышло нѣсколько лицъ и удостовѣрили, будто слышали собственными ушами, какъ Якубъ провзнесъ это отреченіе. Другіе говорили, будто именно подстрекатели-муллы пошли и изъ шахскаго дворца привели къ Муллѣ-Мсеху людей, засвидѣтельствовавшихъ, что они присутствовали на одномъ частномъ собраніи, когда Якубъ обругалъ мусульманство, сказавъ: «я принялъ христіанство». Увѣряли, будто мулламъ и сеидамъ свыше было внушено проводить толпу до посольскаго дома и тамъ научить, что и какъ кричать, но внутрь не входить и никому вреда не причинять, пока изъ дворца не придутъ разсѣять толпу, чтобы посоль только испугался и не предъявлялъ строгихъ требованій о плѣнникахъ. Но высочайшій дворъ не смогъ своевременно прислать помощи, а потому вопреки его желанію произошло печальное происшествіе и избіеніе.

Какъ бы то ни было, но доказано, что толпа, услыхавъ отъ Муллы-Мсеха вышеописанное рѣшеніе, согласно инструкціи сопровождавшихъ ее муллъ, въ тотъ же день разсѣялась, чтобы на слѣдующій день собраться въ оградѣ мечети Имама-Зумэ. Главные бунтари отправились на базаръ, ходили изъ магазина въ магазинъ, обходили каравансарай и наказывали на слѣдующій день не открывать ни магазиновъ, ни каравансарая, а собраться въ оградѣ мечети Имама-Зумэ; въ противномъ

случаѣ, если кто откроетъ магазинъ или каравансарай, то его имущество и все тамъ находящееся будетъ уничтожено.

Теперь опишемъ дворецъ или такъ-называемый посольскій домъ. Въ какомъ печальномъ видѣ былъ онъ въ то время, когда ввелъ меня туда армянинъ Якубъ Султанъ въ 1852 году ⁴⁾, когда я былъ въ Тегеранѣ. Онъ показалъ мнѣ сѣни, комнаты, подробно рассказывалъ, какой эпизодъ, гдѣ произошелъ, такъ какъ онъ въ тотъ день былъ въ посольскомъ домѣ, какъ я выше упомянулъ. Домъ былъ расположенъ около рва крѣпостной ограды; его главный входъ приходился съ запада надъ рвомъ. Передъ главнымъ входомъ была сдѣлана полукругомъ, то-есть, лунообразно, площадка, которая какъ бы сливалась съ улицей, чтобы у входа и во рву можно было многимъ свободно собраться и поставить лошадей. Черезъ главныя высокія и широкія ворота входилъ плохенькимъ, полумрачнымъ темнымъ проходомъ — длиною въ 50 шаговъ — внутрь въ передній дворъ. Правая сторона этого прохода — кирпичной стѣны — во время беспорядковъ мѣстами была пробита, а въ кирпичномъ сводчатомъ потолкѣ сдѣлана масса отверстій, черезъ которыя проникали лучи солнца, отбѣняя еще больше печальную картину. Выйдя изъ передняго двора, вступаешь въ четырехугольный просторный внутренний дворъ, въ центрѣ котораго находится большой полуразрушенный изъ тесаннаго камня высохшій бассейнъ, узкія дорожки съ четырехъ сторонъ котораго указывали, что когда-то этотъ дворъ былъ разбитъ на четыре части, на четыре цвѣтника, которые теперь поросли дикою заглошшей травой. По четыремъ сторонамъ этого двора были выстроены одноэтажныя большія и малыя комнаты, двери безъ створа, окна безъ рамъ, известка на потолкахъ тутъ и тамъ обсыпалась, мѣстами балки совершенно сгнили, обрушились или искривились. Въ комнатахъ видны куски земли, обросшіе дикими, печальными, будто одѣтыми въ трауръ травками, которыя выросли и засохли; вновь выросли и вновь засохли... Все это наводило тоску на душу и сердце зрителя. Въ комнатахъ на южной сторонѣ этого двора и пребывалъ нашъ Мирза-Якубъ Маркарянъ.

Изъ этого двора направляясь на востокъ, выходишь черезъ маленькую дверь и вступаешь въ другой дворъ — гаремъ, который, какъ и первый, построенъ четырехугольникомъ, съ комнатами въ одинъ этажъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ, но поменьше, также обрушившимися и разоренными. Здѣсь, на стѣнахъ нѣкоторыхъ комнатъ до сихъ поръ еще оставались куски зеркалъ и были нарисованы масляными красками

---

⁴⁾ Домъ этотъ, повидимому, былъ еще цѣлъ и въ 1853 году. (См. А. Берже. Смерть А. С. Грибовѣдова. „Русская Старина“ 1872 г. августъ, стр. 170, прим. А. Б.). „Въ бытность мою, въ 1853 г., въ Тегеранѣ, въ домѣ, гдѣ жилъ Грибовѣдовъ, помѣщалась верблюжья артиллерія“. П р и м. п е р е в о д ч и к а.

цвѣты, различныя птицы и животныя. Все показывало, что этотъ дворъ, когда-то служилъ для знатныхъ людей, какъ роскошный, красивый гаремъ. Посреди этого двора росъ одинокій тополь; безъ воды онъ пожелтѣлъ и лишился зелени, многія вѣтви засохли, и онъ, точно въ глубокомъ горѣ, являлся безмолвнымъ свидѣтелемъ, напоминавшимъ чело-вѣку о давно минувшей, ужасной кровавой бойнѣ. Отсюда попадаешь въ третій дворъ черезъ тѣсную и низкую дверь; но этотъ дворъ значительно меньше двухъ предыдущихъ. На его южной сторонѣ находилось только одно зданіе, состоящее изъ шести комнатъ; три внизу и три во второмъ этажѣ, гдѣ Грибовдовъ отдыхалъ, спалъ и занимался корреспонденціей или чтеніемъ.

Съ середины двора была сдѣлана одна узкая съ высокими ступенями лѣстница для входа въ верхнія комнаты. Сбродная толпа въ дьявольскомъ бѣшенствѣ разрушила балки верхнихъ комнатъ, мѣстами просверлила потолки, проникла во внутрь, убила посла, отрѣзала ему голову и руки и бросила; затѣмъ выбѣжала во дворъ и разграбила имущество, находившееся въ комнатахъ. Мы хотѣли подняться по этой лѣстницѣ наверхъ, войти въ комнаты и осмотрѣть ихъ, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ ступеньки лѣстницы были полны щебня и было очень скользко; особенно балки потолковъ были навалены въ беспорядкѣ; мы не могли пролѣзть подъ ними и потому вернулись назадъ. По серединѣ этого двора мѣстами я останавливался и, какъ бы остолбенѣвъ, устремлялъ взоры на разрушенное печальное зданіе, потомъ молча вышелъ вонъ. При выходѣ Якубъ-Султанъ рассказывалъ о разныхъ происшествіяхъ: о послѣ, объ его храбрыхъ казакахъ, но чувства и мысли были спутаны, и я ничего не могъ понять.

Въ понедѣльникъ, 30-го января, едва забрезжилось, какъ дали знать Манучаръ-хану, что нѣсколько муллъ и сеидовъ ходятъ по базару и запрещаютъ открывать лавки, говоря, что «сегодня нужно идти въ посольскій домъ, насильно взять Мирзу-Якуба-вѣроотступника и изрубить его въ куски». Манучаръ приказалъ разбудить Соломона Мелиянца и послалъ его въ посольскій домъ—сказать послу, что пока базаръ еще не открылся весь и толпа не успѣла соединиться, пусть онъ пошлетъ Мирзу-Якуба съ нѣсколькими людьми въ мечеть шахъ-Абдуль-Азима, откуда никто не осмѣлится взять его или напасть на него. А то если толпа соберется и пойдетъ на посольскій домъ, правительство не будетъ въ состояніи помѣшать и отразить ея страшное нападеніе, даже если бы подвергся опасности посольскій домъ. Соломонъ, дойдя до посольскаго дома, узналъ, что Грибовдовъ еще спитъ. Никто не осмѣливался его разбудить, но Соломонъ неотступно настаивалъ, чтобы прислуга разбудила его. Спустя довольно продолжительное время, посла, наконецъ, разбудили.

— Если кто-нибудь, а особенно русско-подданный, приходитъ подъ русское царское знамя и находится подъ его покровительствомъ, сказалъ посолъ Соломону, я не могу его выгнать изъ посольскаго дома; но, если Якубъ самъ добровольно уйдетъ, я мѣшать не буду.

Соломонъ отправился къ Мирзѣ-Якубу и увѣщевалъ, чтобы онъ исполнилъ предложеніе Манучаръ-хана, но тотъ отвѣчаетъ: «я пришелъ и отдался сильному русскому знамени, поэтому, если посолъ выгонитъ меня изъ посольскаго дома, пойду въ мечеть шахъ-Абдуль-Азима; въ противномъ случаѣ я своею волею отсюда не выйду; если бы даже меня здѣсь изрубили въ куски, я съ радостью готовъ умереть».

Соломонъ возвратился къ Манучару и сообщилъ о переговорахъ, которые велъ въ посольствѣ. Манучаръ вновь послалъ Соломона сказать послу, что Манучаръ-ханъ ручается черезъ нѣсколько дней благополучно взять Мирзу-Якуба отъ шахъ-Абдуль-Азима—хранителя неприкосновенности мусульманскихъ завѣтовъ и въ случаѣ желанія доставить къ нему или въ Тавризъ, къ консулу, но только пусть слушается и отправить Якуба къ хранителю завѣтовъ, пока толпа не направилась на посольскій домъ. Посолъ и этого предложенія не принялъ. Тогда Соломонъ вновь обратился къ Якубу, чтобы тотъ вышелъ добровольно изъ посольскаго дома и, хоть бы съ нимъ, то-есть съ Соломономъ, отправился къ хранителю завѣтовъ; но Якубъ спокойно, не смущаясь, отважно повторялъ то, что и прежде отвѣчалъ. Соломонъ уже хотѣлъ идти сообщить о результатахъ переговоровъ Манучаръ-хану, какъ встрѣтилъ во внутреннемъ дворѣ Авраама Дадашянца—астраханца, ночью прибывшаго сюда. Онъ долгое время прослужилъ въ Персіи при русскомъ посольствѣ и хорошо зналъ характеръ и обычаи персовъ; онъ оставался въ Тавризѣ, чтобы привезти грузъ для посольства, и въ прошлую ночь около двухъ часовъ прибылъ въ Тегеранъ. Поэтому Соломонъ, увидѣвъ его, очень обрадовался и, вкратцѣ рассказавъ сущность дѣла, попросилъ, уговорить посла—принять предложеніе Манучаръ-хана. Дадашянцъ пошелъ просить посла, но посолъ удивился, сказавъ: «въ такомъ дѣлѣ твое вмѣшательство совершенно лишне, запрещаю тебѣ вмѣшиваться не въ свое дѣло, какъ это ты дѣлалъ при моихъ предшественникахъ».

Соломонъ, услыхавъ отъ Дадашянца приведенныя слова, возвратился и сообщилъ Манучару.

Не прошло и полъ-часа послѣ ухода Меликянца, какъ сбродная толпа съ ревомъ и крикомъ подошла къ посольскому дому, но не осмѣлилась войти внутрь. Посолъ же, замѣтивъ происшедшее, приказалъ казакамъ и коннымъ солдатамъ изъ грузинъ взять оружіе, при чемъ одной части остаться на переднемъ дворѣ, а другой подняться на крышу

и тамъ стоять ¹⁾. Затѣмъ велѣлъ запереть главные ворота; такъ какъ толпа постепенно увеличивалась, скоплялась и время отъ времени издавала неистовые крики «аллахъ, аллахъ», но никому еще не причиняла вреда. Въ самомъ дѣлѣ, толпа, какъ уже сказано, была подговорена муллами и сеидами съ цѣлью запугать посла; поэтому бродяги и оборванцы начали черезъ посланнаго требовать, чтобы вывели изъ посольства Мирзу-Якуба, иначе они разломаютъ ворота посольскаго дома, войдутъ внутрь и, вырвавъ Якуба изъ ихъ рукъ, выведутъ вонъ; но муллы и сеиды грозили имъ и удерживали ихъ отъ такого поступка. При дворѣ, узнавъ о затѣяхъ толпы, распорядились, чтобы нѣсколько шахзаде ²⁾ отправились туда убѣдить и разогнать ее; но пока шахзаде умывались, одѣвались, сѣдлали коней и собирали прислугу, прошло много времени, и они пришли, уже когда имъ дѣлать было нечего ³⁾. Тутъ немного остановимся. Участвовавшіе ⁴⁾ въ этомъ грустномъ происшествіи и очевидцы рассказывали, что вооруженные русскіе солдаты, стоя на крышѣ корридора, завтракали; принесли вино и, выпивая, поднимали стаканы, будто пьютъ за здоровье другъ друга. Одинъ изъ нихъ вызывающимъ образомъ, держа стаканъ въ рукѣ, сдѣлалъ знакъ толпѣ, какъ бы приглашая придти выпить.

Раздраженная этой выходкой толпа хотѣла подняться на крышу со стороны конюшни (которая была ниже) и на мѣстѣ убить ихъ; но муллы и сеиды, сдерживая толпу, не позволили ей устремиться туда. Вѣроятно слухъ, будто муллы эти собрали толпу, согласно приказу отъ двора, и знали, что шахзаде должны были придти, поэтому и не допускали, быть можетъ, ожидая ихъ. Когда русскіе солдаты окончили свой завтракъ, вдругъ раздался звукъ отъ выстрѣла изъ ружья или пистолета, и въ толпѣ, на разстояніи 20 или 25 шаговъ къ югу

¹⁾ Вмѣстѣ съ ними было нѣсколько лицъ изъ армянъ, пришедшихъ за плѣнниками. Прим. переводчика.

²⁾ Принцевъ.

³⁾ Исторія Каджаровъ передаетъ, что „шахзаде пошли, много просили толпу разойтись, но толпа ихъ не послушалась и пр. и пр.“ Изъ лицъ, бывшихъ на мѣстѣ, никто этого не удостовѣрилъ; поэтому и написанное въ исторіи Каджаровъ—вымыселъ. Прим. автора.

⁴⁾ Въ Тегеранѣ многіе персы, бывшіе на мѣстѣ происшествія, и очевидцы не только рассказывали съ хвастовствомъ объ этомъ происшествіи, и не боялись говорить, что сами участвовали въ этой рѣвнѣ; даже поименно называли тѣхъ, кто что сдѣлалъ въ этотъ день и что вытерпѣлъ и кто былъ изъ муллъ и сеидовъ, указывая для примѣра на ага-Миръ-Асада изъ Казвани, Сеидъ-Муртаза изъ Зеандяна, муллу-Махмудъ-Боландриша, муллу-Саманда-Морисхана и другихъ.

Прим. автора.

отъ главныхъ воротъ, одинъ 15 или 16-лѣтній юноша оказался раненнымъ.

Тогда чернь оставила главные ворота посольскаго дома и въ гнѣвѣ, съ яростью и звѣрскимъ шумомъ и крикомъ окружила юношу, а черезъ нѣсколько минутъ прошелъ слухъ, что раненый уже испустилъ духъ.

Въ этотъ моментъ, къ несчастію, Соломонъ Мелikianцъ верхомъ, окруженный служителями и лакеями Манучаръ-хана изъ персовъ, появился съ южной стороны, гдѣ былъ раненъ и испустилъ духъ юноша. Онъ вѣхалъ отъ Манучаръ-хана сказать послу, что шахзаде идутъ разсѣять толпу, поэтому и посолъ хорошо поступилъ бы, передавъ Якуба шахзаде, чтобы благодаря этому толпа успокоилась и была бы вынуждена повиноваться имъ; но если бы и случилось затѣмъ что-нибудь съ Якубомъ, пусть это произойдетъ внѣ посольскаго дома. Освирѣпѣвшая толпа, думая, что Соломонъ—чиновникъ посольства, такъ какъ онъ былъ одѣтъ въ посольскую форму, напала на него со всѣхъ сторонъ, стащила съ коня, избила его и потащила къ тому мѣсту, гдѣ былъ раненъ и скончался юноша. Ударами кулаковъ и палокъ Соломонъ былъ убитъ.

Послѣ этого муллы и сеиды, потерявъ свое вліяніе, не въ состояніи были уже сдерживать толпу. Впослѣдствіи говорили, что никто не зналъ, какимъ путемъ проникла толпа въ посольскій домъ, такъ какъ, хотя она, взломавъ главные ворота, и открыла ихъ, однако внутри находящаяся стража изъ персовъ со своимъ начальникомъ (во главѣ ея былъ Якубъ-Султанъ изъ армянъ), успѣла ихъ выгнать и вновь запереть ворота ¹⁾. Толпа, мучительнымъ образомъ убивъ Соломона, съ страшнымъ ревомъ и мятежнымъ крикомъ: «джихате-джихать», то-есть, религиозный походъ, обратившись къ посольству, кричала: «невѣрующія собаки должны околѣть и подобно имъ должны быть избиты!»

Довольно продолжительное время мятежники пытались сокрушить главный створъ, но не могли сдѣлать ничего, такъ какъ съзади разношерстая толпа стала каменнымъ градомъ закидывать посольскій домъ. Тѣмъ временемъ съ рынка и откуда-то еще принесли большіе молотки, въ родѣ мотыгъ и заступы и со страшнымъ трескомъ проломали ворота. Къ этому шуму присоединился неистовый крикъ черни, отчего городъ пришелъ въ ужасъ. Толпа, подобно неудержимому по-

¹⁾ Якубъ-Султанъ говорилъ, что „посольство заподозрило персидскую стражу, но почему, не понимаю. Русскіе насъ могли быстро выгнать изъ зданія посольства, если бы не боялись раскрыть ворота, и когда толпа собралась около раненаго Соломона, русскіе нашли удобный случай быстро открыть ворота и выгнали насъ. Допустимъ, что солдаты были персы, ихъ могли подозрѣвать, но я же былъ христіанинъ и сильно расположенъ къ нимъ“.

току, наполнила проходъ въ посольство, но казаки, армяне и грузины съ отчаянной храбростью довольно продолжительное время оказывали сопротивленіе, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ были ранены, а другіе убиты. Такимъ образомъ посольская стража не позволяла толпѣ вступить въ слѣдующій дворъ; но когда замѣтила, что толпа съ крыши перваго двора спустилась по стѣнамъ, то стража посольства спѣшила занять дверь прохода втораго двора, чтобы толпа не проникла туда. Большая часть необузданной толпы, оставшаяся на улицѣ, сообразивъ, что русскіе стоятъ въ тѣсномъ проходѣ и не позволяютъ передовой части толпы войти въ посольскій домъ, поднялась черезъ низкія стѣны конюшни на крышу и оттуда перешла на крышу посольскаго дома, между тѣмъ какъ бывшая тамъ вооруженная русская охрана спускалась внизъ въ проходъ на помощь казакамъ, рѣшивъ, что съ высокой крыши посольство безопасно. Амбарцума-бега, который по одеждѣ и наружности сильно походилъ на перса, толпа не убила; онъ говорилъ, что Мирза-Якубъ, до того момента спокойно и весело настроенный, сидѣлъ въ своей комнатѣ; но когда увидѣлъ, что голова толпы уже проникаетъ въ его комнату (Амбарцумъ прибавилъ, что, кажется, солдаты изъ нашей персидской охраны послѣ изгнанія изъ посольскаго дома, находясь внѣ, сообщили толпѣ мѣстопробываніе Якуба, поэтому толпа прямо и направилась къ его жилищу), онъ, Якубъ, всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и сказалъ: «меня хотите? я безоружный передъ вами, убейте меня скорѣе, чтобы по моей винѣ другіе не были убиты». До послѣдняго издыханія онъ повторялъ «бзанидъ, бзанидъ», то-есть бейте, бейте. Такъ и вышло: его тѣло было изрублено въ куски; затѣмъ толпа бросилась на другой дворъ, дверь котораго охранялась вооруженными русскими. Тутъ совершались съ обѣихъ сторонъ ужасныя, душу потрясающія убійства; но русскіе солдаты, съ неимовѣрнымъ упорствомъ и храбростію сражаясь и постепенно уменьшаясь въ численности, не въ состояніи были противодействовать; они вынуждены были уступить свою позицію и войти во второй дворъ.

Грибоводовъ, видя изъ окна своей комнаты эту ужасную картину, приказывалъ остальнымъ солдатамъ собраться на ступенькахъ лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ, и, держа передъ собой шашки, ружья и пистолеты, стоять и не допускать толпу войти на верхъ и забраться въ его комнаты, пока отъ шахскаго двора не поспѣетъ помощь. Самъ онъ одѣлся въ парадное платье и надѣлъ ордена, чтобы толпа, узнавъ его, отнеслась съ почтеніемъ и не посягнула бы на его особу. Но напрасенъ былъ его расчетъ! Взбѣшенная толпа ни на что не смотрѣла и уже ничего не боялась.

Подстрекатели и инициаторы-муллы и сенды послѣ убійства Мирзы-

Якуба исчезли. Также и опытные старцы-фанатики послѣ убійства Мирзы-Якуба, согласно мусульманскому шаріату, считая свой священный долгъ исполненнымъ, подобно статуямъ, стояли на улицахъ или внутри въ углахъ дворовъ, въ качествѣ зрителей и ждали конца; а бродяги и городскіе негодяи, не зная, на что устремиться, дѣлали, что хотѣли.

Посолъ въ одномъ и томъ же положеніи долгое время выдерживалъ осаду въ верхнемъ этажѣ, подѣ защитой нѣсколькихъ отважныхъ и храбрыхъ казаковъ. Какъ только толпа, сбитая въ тѣсномъ и узкомъ дворѣ, замѣтила, что не въ состояніи окончательно уничтожить своихъ противниковъ, она бросилась на крышу, разрушила кровлю комнаты, занимаемой посломъ, снимала балки и бросала ихъ въ голову осажденныхъ; въ открывшіяся отверстія крыши бросали внутрь комнаты камни, палки, молоты; выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ убили посла, сорвали съ него ордена, надѣтое на немъ платье и его треуголку и выбросили его изъ окна, тѣмъ самымъ желая показать толпѣ, что одержана полная побѣда ¹⁾. Затѣмъ выйдя изъ комнатъ и двора, мятежники напали на храбрыхъ казаковъ и дрались съ ними, пока, наконецъ, подоспѣли шахзаде и разсыяли толпу ²⁾. Изъ служащихъ въ посольствѣ спасся только одинъ Мальцевъ ³⁾ со своимъ слугою и вышеупомянутый Амбарцумъ-бегъ, хотя послѣдній и былъ сильно раненъ, когда бродяги его распознали. Манучаръ-ханъ въ тотъ же день вечеромъ послалъ людей перевезти къ себѣ въ домъ тѣло Соломона Меликянца. Съ Ускумъ-ханумъ, при видѣ трупа внука, сдѣлался параличъ, и на второй день она скончалась. Манучаръ оба эти трупа отправилъ, для преданія землѣ въ оградѣ армянской церкви, чтобы черезъ нѣсколько дней перевезти въ Св. Эчміадзинъ и тамъ похоронить. Трупы убитыхъ во время неистовства черни цѣлыхъ три дня оставались въ посольскомъ домѣ ⁴⁾; на четвертый день Калантаръ изъ Тегерана, по

¹⁾ Здѣсь авторъ противорѣчитъ сказанному на стр. 59.   Р е д.

²⁾ Неизвѣстное лицо въ письмѣ безъ подписи, адресованномъ изъ Тегерана аштаракскому Нерсесу-архіепископу (впослѣдствіи католикосу), описывая это печальное происшествіе, сообщало, что число убитыхъ достигало 54 человекъ; а русскіе официальные источники показываютъ, что число однихъ пришедшихъ на поиски плѣнниковъ достигало 48 лицъ.   П р и м. а в т о р а.

Письмо это въ переводѣ на русскій языкъ напечатано въ журналѣ, выходившемъ подѣ редакціей Ал. Д. Ерицова, „Кавкасская Старина“ 1872 г. № 1, ноябрь, стр. 28.   П р и м. п е р е в о д ч и к а.

³⁾ Ср. разсказъ Мальцева о своемъ спасеніи. „Рус. Вѣстникъ“ 1890 г. № 6, стр. 164 и слѣд.   П р и м. п е р е в о д ч и к а.

⁴⁾ Объ издѣвательствѣ надѣ трупомъ А. С. Грибоѣдова см. Пушкина А. С., Собр. соч. т. IV, стр. 431. Изд. Литературнаго фонда. „Обезображенный трупъ его, бывший три дня игралищемъ Тегеранской черни“... *Nouvelles Annales des voyages*. 1830. Т. 48. Р. 366. Разсказъ

приказанію шаха, ночью, тайкомъ, взявъ людей, передъ зданіемъ посольства во рву крѣпости выкопалъ яму и, собравъ всѣ трупы, приказалъ свалить вмѣстѣ въ эту яму и покрыть землей. Шестъ или семь дней спустя послѣ этого происшествія, правительство, узнавъ, что Манучаръ намѣренъ трупы своей матери и племянника отправить въ Св. Эчмиадзинъ, не знаю по чьей инициативѣ, послалъ людей раскопать яму, найти трупъ посла, отвезти въ армянскую церковь и также предать землѣ въ оградѣ ея, на случай, если русское правительство потребуетъ его выдачи. Посланные не могли узнать трупа Грибовѣдова, поэтому пригласили Аветиса Кузиняна и другихъ купцовъ—русскихъ подданныхъ—чтобы хоть тѣ могли распознать, но никто не могъ узнать его. Кто-то сказалъ, что дѣло не въ настоящемъ трупѣ посла, а въ его

персіаняна: „J'appris par mes domestiques qu'on avait traîné le cadavre mutilé de Mirza Iakoub par toute la ville, et qu'ensuite on l'avait jeté dans un fossé profond.“

Il en fut de même d'un corps qu'on supposait être celui de M. Griboyedov. On attacha des cordes aux jambes et un cortège dérisoire l'escorta dans les principales rues et les bazars de Téhéran en criant par intervalles: „Place, place à l'ambassadeur russe qui va rendre visite au schâh. Restez debout pour témoigner votre respect, et saluez-le à la mode des Français, en vous découvrant la tête“. Après l'avoir longtemps promené ainsi, on l'exposa à la vue du public dans la place qui mène à la porte principale de la citadelle. A la chute du jour, tout étant rentré dans le calme, on le transporta, d'après les ordres du prince-gouverneur dans, la maison de Mohammed Khan. La nuit se passa tranquillement et le lendemain le ferach-bachi Kérim khan fut désigné pour faire opérer la translation de tous les cadavres; 44 personnes de l'ambassade russe avaient péri. Après quelques recherches, on retrouva le corps de M. Griboyedov au milieu d'un tas de morts devant une des fenêtres de son appartement. Je vis avec une sorte de satisfaction qu'il n'avait essuyé aucun outrage“.

Переводъ. Я узналъ отъ моихъ слугъ, что изувѣченный трупъ Мирзы-Якуба таскали по всему городу, а затѣмъ бросили въ глубокій ровъ. Точно также было поступлено и съ предполагаемымъ тѣломъ г. Грибовѣдова. Къ его ногамъ привязали веревки, и шутивный поѣздъ сопровождалъ его по главнымъ улицамъ и по базарамъ Тегерана, крича время отъ времени: „Дайте мѣсто, дайте мѣсто русскому посланнику, который ѣдетъ съ визитомъ къ Шаху. Стойте прямо, чтобы выказать ему ваше почтеніе, и поклонитесь ему по-европейски, обнаживъ голову“. Проволочивъ его такимъ образомъ долгое время, его выставили на показъ толпѣ на площади, которая ведетъ къ главнымъ воротамъ крѣпости. Когда съ наступленіемъ сумерекъ вездѣ водворился порядокъ, то его перенесли, по приказанію губернатора, въ домъ Мохаммедъ-хана. Ночь прошла спокойно, а на слѣдующій день ферахъ-беги Керимъ-ханъ былъ назначенъ для перенесенія всѣхъ тѣлъ; погубило 44 человѣка русскаго посольства. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ было найдено тѣло г. Грибовѣдова среди груды труповъ передъ однимъ изъ оконъ его квартиры. Я увидѣлъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, что ему не было нанесено никакого оскорбленія (?).

Прим. переводчика.

имени, поэтому на второй день взяли одинъ трупъ, который сравнительно менѣе былъ израненъ, и отвезли его въ армянскую церковь, гдѣ въ ея оградѣ и похоронили.

Черезъ двѣ недѣли, когда Манучаръ-ханъ группы своей матери и Соломона помѣстилъ на одномъ тахтъ-реванѣ и отправилъ въ Эчмиадзинъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ верховыхъ, тогда на другомъ тахтъ-реванѣ былъ отправленъ и предполагаемый трупъ Грибоѣдова: наполнили два мѣшка соломою, навьючили ими одну лошадь и трупъ, уложенный въ гробъ, помѣстили посерединѣ двухъ мѣшковъ, такъ какъ однимъ только гробомъ нельзя было навьючить лошадь.

Послѣ этого печальнаго происшествія около мѣсяца спустя, одинъ персидскій купецъ явился къ Манучаръ-хану и заявилъ, что Мирза-Якубъ за нѣсколько дней до этого происшествія вручилъ ему одну связку кашемировыхъ шалей, вышитыхъ, съ его инициалами, съ тѣмъ, что сообщить впослѣдствіи, кому онѣ должны быть переданы; теперь, послѣ его убійства, онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать, кому вручить? Манучаръ приказалъ отнести ихъ и передать верховному вазирю, который, опечатавъ своею печатью, приказалъ Манучаръ-хану—хранить, какъ наслѣдственное имущество.

Говорили, что Якубъ имѣлъ массу драгоценныхъ камней и роздалъ разнымъ лицамъ, но никто объ этомъ не заявилъ, такъ они и пропали. Спустя нѣкоторое время, т. е. въ 1832—1833 годахъ, оставшееся имущество отъ Якуба русскій тавризмскій консулъ вручилъ мужу дочери брата Якуба (братъ Якуба былъ убитъ также въ посольствѣ) Мкртчичу Карташяну, въ то время секретарю Эчмиадзинскаго Синода.

Въ заключеніе приводимъ рассказъ Амбарцума, напечатанный въ газетѣ «Мшакъ» подъ заглавіемъ: «Убійство А. С. Грибоѣдова»¹⁾.

Рассказъ Амбарцума: «Нашъ вазиръ-мухтаръ (полномочный посоль) былъ очень добродушный и милостивый человекъ,—сказалъ старецъ-рассказчикъ,—хотя господинъ въ высшей степени раздражительнаго характера. Въ числѣ лицъ, желающихъ вернуться на родину, были и такія, которыя сдѣлались евнухами при дворѣ Фетъ-Али-Шаха, и такія женщины, которыя поступили въ шахскій гаремъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ была одна очень красивая женщина, которая иногда, ночью, тайкомъ приходила къ вазиръ-мухтару въ домъ, находящійся въ кварталѣ Дараваза-Шахъ-Абдуль-Азимъ (этотъ домъ и до сихъ поръ существуетъ) и умоляла посла выслать ее на родину, въ Тифлисъ. Ее принимали за мусульманку (она была грузинка). Когда узнали объ этомъ, то какъ шахъ, такъ и народъ страшно воз-

¹⁾ См. №№ 2 и 3 за 1895 г.

мутились; подумали, что эта грузинка находится въ любовныхъ отношеніяхъ съ вазирь-мухтаромъ; въ глазахъ же мусульманъ такой проступокъ можетъ быть смытъ только убійствомъ нарушителя закона.

«По шаріату, и женщина и вазирь-мухтаръ должны были быть казнены камнями.

«Шахъ считалъ себя обезчещеннымъ, а духовенство считало святыю религію поруганною. Каждый день на базарѣ мы слышали, какъ муллы въ мечетяхъ и на рынкахъ возбуждали фанатическій народъ, убѣждая его отомстить, защитить исламъ отъ оскверненія «кяфиромъ». Мы приходили и рассказывали вазирь-мухтару, но онъ только смѣялся и не вѣрилъ тому, чтобы они осмѣлились что-нибудь подобное сдѣлать. По настоянію нашихъ казаковъ и тѣлохранителей, онъ только одинъ разъ обратился шаху и заявилъ о возбужденіи народа.

«Шахъ просилъ быть покойнымъ, говоря, что никто не осмѣлится ничего сдѣлать.

«Въ 1829 году въ послѣднихъ числахъ января, волненіе и возбужденіе въ городѣ постепенно увеличивались; шахъ со своими приближенными и своимъ гаремомъ выѣхалъ изъ города и поѣхалъ въ одну изъ близъ лежащихъ деревень.

«Мы—курьеры и казаки, постоянно держали наготовѣ наши ружья и пистолеты, но посоль считалъ невозможнымъ какое бы то ни было нападеніе на посольскій домъ, надъ крышей котораго развѣвался русскій флагъ.

«30-го января, едва забрезжилось, какъ вдругъ послышался глухой ревъ; постепенно слышались традиціонныя возгласы: «Э́а Али, салаватъ» (съ Богомъ), исходящія изъ устъ тысячной толпы. Нѣсколько служащихъ бѣгомъ пришли извѣстить о томъ, что многочисленная толпа, вооруженная камнями, кинжалами и палками, приближается къ посольскому дому, предшествуемая муллами и сеидами. Возгласъ: «смерть кяфирамъ» былъ слышенъ очень хорошо. Посоль теперь понялъ опасность: онъ приказалъ запереть ворота, всѣмъ казакамъ и курьерамъ числомъ около 40 велѣлъ стоять позади воротъ и охранять домъ, а самъ вмѣстѣ съ двумя казаками, имѣя въ рукахъ ружье и пистолеть, сталъ передъ дверью комнаты. При крикахъ: «Э́а Али, салаватъ» и страшномъ грохотѣ обрушилась дверь подъ ударами топоровъ. Толпа завопила: «гдѣ невѣрующій вазирь-мухтаръ?» Нѣсколько десятковъ персидскихъ солдатъ, пришедшихъ для вида изъ сосѣднихъ казармъ, моментально скрылись. Казаки героически дрались, постепенно отодвигаясь къ комнатамъ. Когда почти всѣ были избиты и толпа приблизилась къ комнатамъ, посоль со мною и вмѣстѣ съ двумя казаками лицомъ къ лицу стали навстрѣчу толпѣ.

«Видя, что наступила послѣдняя минута, я подошелъ къ послу и по-

*

просилъ, чтобы онъ вошелъ въ комнату, влѣзъ въ печную трубу и черезъ нее поднялся на крышу дома. Оказалось, что онъ съ мѣста ранилъ нѣсколькихъ и изъ ружья убилъ нѣсколько десятковъ персовъ. Я остановился передъ дверью и своимъ корпусомъ помѣшалъ толпѣ войти; сильные удары посыпались на мою голову, я упалъ, но все-таки произнесъ: «вазирь-мухтаръ уже убитъ, чего вы еще хотите?»

«Не найдя никого въ комнатѣ, толпа повѣрила и вышла вонъ возвѣститъ слухъ и отыскать трупъ. Въ это время кто-то замѣтилъ на крышѣ двухъ скрывающихся казаковъ; толпа тотчасъ взобралась на крышу и убила ихъ камнями; одинъ изъ мятежниковъ заглянулъ въ дымовую трубу и крикнулъ: «вотъ одинъ кяфиръ спрятался въ печкѣ». Въ одно мгновеніе разрушили печку и, извлекши оттуда уже избитое тѣло (это было тѣло Грибовѣдова), подвергли его тысячѣ ударовъ. Лежа на мѣстѣ, я слышалъ эти удары; меня считали уже умершимъ, или, можетъ быть, меня спасло отъ смерти то, что я былъ одѣтъ въ платье персидскаго курьера.

«Изуродованный и избитый трупъ посла вытащили во дворъ, и быстро все успокоилось...

«Когда я очнулся черезъ нѣсколько часовъ, кругомъ себя увидѣлъ однѣ развалины, трупы, человѣческое мясо и кровь...

«Скрылся въ домѣ одного милосерднаго персіанина; узналъ, что пѣлыхъ два дня таскали по улицамъ трупы посла и казаковъ вмѣстѣ съ трупами дохлыхъ собакъ.

«Спустя два дня, наконецъ, пришелъ самъ шахъ; сердился, гонялъ и приказалъ подобрать трупы».

Я ¹⁾ спросилъ старца-Амбарцума: «но неужели не нашли трупъ вазирь-мухтара?» «Нашли одинъ трупъ и говорили, что это трупъ Грибовѣдова, но Богъ знаетъ, тотъ былъ или нѣтъ»...

«По нашему мнѣнію, этотъ рассказъ, переданный лицомъ-очевидцемъ и принимавшимъ участіе въ избіеніи, долженъ быть признавъ за самый достовѣрный».

Сообщ. съ дополненіями М. Я. Алавердянцъ.

¹⁾ Авторъ статьи, скрывающійся подъ инициалами Г. А.

Императоръ Павелъ.

Очеркъ развитія его личности.

III ¹).

Внутренній міръ юноши—Павла Петровича, со времени прекращенія Порошинымъ своихъ записокъ (13-го января 1766 года) остается совершенно неизвѣстнымъ. Да и вообще нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній объ его юношескихъ годахъ. Такъ продолжается до 1772 года, года совершеннолѣтія Павла Петровича, когда различные честолюбцы начинаютъ выдвигать впередъ его имя, какъ лица, имѣющаго всѣ права на занятіе російскаго престола, якобы незаконно удерживаемаго за собой Екатериною. Такимъ образомъ, силою вещей былъ выдвинутъ впередъ и получилъ особое значеніе вопросъ объ отношеніяхъ Екатерины и Павла. Съ этого же собственно времени начинаютъ портиться и взаимныя отношенія ихъ. А разъ начавъ ухудшаться, они ухудшались въ дальнѣйшемъ, почти помимо воли матери и сына, чисто роковымъ образомъ, въ силу неумолимой логики обстоятельствъ.

Почва для этого, по отношенію къ Павлу Петровичу, была подготовлена той обстановкой, среди которой разыгралось передъ нимъ событіе 28-го іюня 1762 года. Въ этотъ день, утромъ, чтобы перевести его изъ Лѣтняго дворца въ Зимній, его выхватили прямо изъ постели и, какъ онъ былъ, въ ночномъ костюмѣ, перенесли въ коляску, которая понеслась затѣмъ такъ, что, по свидѣтельству современника, казалось,

¹) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

что лошади летѣли. Въ этотъ же день, чтобы примирить его съ совершившимся фактомъ, ему было сказано, что Петръ Θεодоровичъ имѣлъ намѣренія посягнуть на его жизнь. Это сообщеніе произвело на мальчика потрясающее дѣйствіе, и, какъ доносилъ позднѣе французскій посланникъ Сабатье-де-Кобръ, «онъ былъ охваченъ столь сильнымъ ужасомъ, что съ тѣхъ поръ его организмъ повредился». Самъ Павель Петровичъ высказывалъ впослѣдствіи (въ 1773 году), что «страхъ и обычная принужденность» вкоренились въ него съ 1762 года, и что именно съ этого времени у него создалась «привычка» къ подозрительности.

«Ко всѣмъ личнымъ дѣтскимъ воспоминаніямъ, — пишетъ Н. К. Шильдеръ, — нужно еще присоединить вліяніе услужливыхъ или же опрометчивыхъ нашептываній со стороны разныхъ лицъ, отъ которыхъ, даже при идеальномъ надзорѣ, трудно было уберечь цесаревича.

«Весьма естественно поэтому, что въ умѣ маленькаго Павла прочно засѣло предубѣжденіе противъ матери. Оно выразилось въ непреоборимомъ ничѣмъ чувствѣ подозрительнаго страха, сознательнаго недоброжелательства къ лицу, вдобавокъ, якобы похитившему что-то, безспорно ему одному принадлежавшее по праву рожденія. Неумолимая послѣдовательность въ развитіи психическихъ явленій должна была сдѣлать свое дѣло и въ разсматриваемомъ случаѣ, а между тѣмъ доказано, до какой степени жестоко работаетъ, при извѣстной обстановкѣ, логика дѣтей; приговоръ этой логики, въ большинствѣ случаевъ, беспощадный; когда же, наконецъ, разумокъ вступаетъ въ свои права, онъ оказывается бессильнымъ въ борьбѣ съ разыгравшимися страстями и установившимися предубѣжденіями.

«Екатерина, въ перепискѣ съ Гриммомъ, однажды замѣтила: «Не всегда знаютъ, что думаютъ дѣти, и трудно узнать дѣтей, особливо, когда доброе воспитаніе приучило ихъ слушать съ покорностію». Павель именно повиновался съ покорностію и, конечно, объ извѣстныхъ вещахъ научился своевременно молчать, но отъ этого, разумѣется, нисколько не выигрывали его сыновнія чувства по отношенію къ матери. Послѣ 6-го же іюля взаимныя отношенія получили еще новый, отсутствовавшій дотолѣ, непріязненный оттѣнокъ. Между матерью и сыномъ появилась тѣнь, хотя и не грозная, но наложившая, однако, невзгладимую печать на отношенія императрицы къ своему первому вѣрноподданному».

Въ довершеніи всего, и самъ главный воспитатель цесаревича, Никита Ивановичъ Панинъ, всегда придерживался убѣжденія, что «по устраненіи Петра III, всѣ права на русскій престолъ должны были перейти прямо къ цесаревичу Павлу Петровичу, а Екатерина, какъ его мать, должна была быть признана только правительницею до совер-

пеннолѣтія сына. Предположенія Панина (въ свое время) ни въ комъ не встрѣтили поддержки, и оберъ-гофмейстеру Павла Петровича пришлось, по крайней мѣрѣ, вышнимъ образомъ примириться съ совершившимся фактомъ; но свои мысли и взгляды Панинъ старался внушить своему воспитаннику». Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ не призналъ нужнымъ выяснитъ цесаревичу «истинный смыслъ переворота 1762 года и историческое значеніе воцаренія Екатерины, сравнительно съ правленіемъ ея предшественниковъ. Напротивъ того, восхваляя отца и вселяя въ сына снисходительное отношеніе къ его заблужденіямъ и увлеченіямъ, онъ ни слова не сказалъ о томъ, чѣмъ Россія обязана Екатеринѣ, а подобное слово, услышанное изъ устъ Панина, имѣло бы громадное значеніе для Павла и не прошло бы для него безслѣдно. Это одно только и могло бы побудить наслѣдника быть продолжателемъ дѣлъ своей матери на пользу Россіи». Подобный образъ дѣйствій со стороны Панина Н. К. Шильдеръ объясняетъ тѣмъ, что «оскорбленное самолюбіе Панина не устояло противъ искушенія подготовить себѣ въ наслѣдникѣ мстителя за непризнаніе со стороны Екатерины его, панинской, политической мудрости; расходясь во взглядахъ съ императрицею, онъ задумалъ создать себѣ въ лицѣ своего воспитанника болѣе покорнаго слушателя и послѣдователя. Очевидно, что Павлу рассказали исторію его отца, какъ человѣка, желавшаго добра Россіи и ею непонятаго, неощѣненнаго; отсюда явилось въ цесаревичѣ желаніе подражать отцу».

Слѣдствіемъ перечисленныхъ условій явилось то, что постепенно имя Павла Петровича сдѣлалось знаменемъ, вокругъ котораго стали группироваться недовольные правленіемъ Екатерины, по тѣмъ или другимъ причинамъ жаждавшіе переменъ. «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—читаемъ мы въ сочиненіи Н. К. Шильдера,—они дѣйствовали съ согласія или съ вѣдома великаго князя, въ другихъ случаяхъ — злоупотребляли его именемъ. Такъ было въ дѣлѣ Гурьева, Хитрова, Арсенія Мацѣевича, Беніовскаго и другихъ». Все это, конечно, дѣлалось извѣстнымъ императрицѣ и не могло не отражаться на взаимныхъ отношеніяхъ матери и сына.

Заброшенное въ душу Павла Петровича сѣмя недовѣрія къ матери возшло въ немъ пышнымъ, но ядовитымъ цвѣткомъ: онъ сталъ сосредоточиваться въ самомъ себѣ, въ немъ стали развиваться подозрительность и мнительность, опасеніе за свою жизнь. Одно время онъ самъ понималъ, что зашелъ по этому пути слишкомъ далеко. Такъ, въ 1773 году онъ признавался своему другу графу А. К. Разумовскому: «своею дружбою вы произвели чудо во мнѣ: я начинаю относиться съ недовѣріемъ къ моей прежней недовѣрчивости; но, мой другъ, необходимо, чтобы вы проявили настойчивость по отношенію ко мнѣ, потому что

вы имѣете дѣло съ десятилѣтней привычкой и боретесь съ тѣмъ, что вкоренили въ меня страхъ и обычная принужденность». Въ другомъ случаѣ, въ томъ же 1773 году, онъ писалъ: «Я проводилъ время въ величайшемъ согласіи со всеѣмъ окружающимъ меня—доказательство, что я держалъ себя сдержанно и ровно. Я все время прекрасно чувствовалъ себя, много читалъ и гулялъ, настоятельно помня то, что вы такъ рекомендовали мнѣ; я раздумывалъ лишь о самомъ себѣ, и, благодаря этому (по крайней мѣрѣ, я такъ думалъ), мнѣ удалось отдѣлаться отъ безпокойствъ и подозрѣній, сдѣлавшихъ мнѣ жизнь крайне тяжелой... Я составилъ себѣ планъ поведенія на будущее время, который изложилъ вчера графу Панину, и который онъ одобрилъ—это какъ можно чаще искать возможности сближаться съ матерью, приобрѣтая ея довѣріе, какъ для того, чтобы по возможности предохранить ее отъ инсинуаций и интригъ, которыя могли бы затѣять противъ нея, такъ и для того, чтобы имѣть своего рода защиту и поддержку въ случаѣ, если бы захотѣли противодѣйствовать моимъ намѣреніямъ. Таковы мои планы».

Черезъ нѣсколько дней онъ снова писалъ графу А. К. Разумовскому: «Разъ уже было принято за принципъ стараться жить со всеѣми, по возможности, въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ, все обстояло благополучно и спокойно, какъ внутри, такъ и извнѣ. Я поступалъ такъ и замѣтилъ, что очень часто наши собственные ошибки являются первоначальными причинами обратныхъ явленій, что вызывается безпокойствомъ, которое мы допускаемъ проявляться внутри самихъ себя, и которое заставляетъ насъ считать чернымъ если не бѣлое, то сѣрое... Я обуздываю свою горячность, на сколько могу... Не переходя въ сплетничаніе, я сообщаю графу Панину обо всемъ, что представляется мнѣ двусмысленнымъ или же сомнительнымъ».

Рѣшимость сближаться съ матерью, приобрѣсти ея довѣріе, обнаруженная цесаревичемъ весною 1773 года, повидимому, особенно окрѣпла въ первое время послѣ брака Павла Петровича съ Натальей Алексѣвной. Это обстоятельство императрица приписывала вліянію своей невѣстки, которую называла «золотой женщиной»; по этому поводу она высказала однажды: «я обязана великой княгинѣ возвращеніемъ мнѣ сына и отнынѣ всю жизнь употребляю на то, чтобы отплатить ей за услугу эту».

Вскорѣ, однако, и въ Натальѣ Алексѣевнѣ проснулись честолюбивые замыслы, и въ ея интересахъ стало сѣять раздоръ между мужемъ и своею свекровью. Но ранняя смерть помѣшала осуществленію ея конечныхъ плановъ, а обнаружившійся при этомъ характеръ ея отношеній къ графу А. К. Разумовскому подорвалъ ея авторитетъ въ глазахъ Павла Петровича. вмѣстѣ съ тѣмъ, горькое разочарованіе въ горячо любимой женѣ и въ своемъ другѣ Разумовскомъ, подталкивавшемъ его

къ «дѣйствамъ» противъ императрицы Екатерины, естественно должно было способствовать улучшенію его отношеній къ матери. И, дѣйствительно, вся его переписка съ матерью во время его вторичнаго сватовства проникнута столь несомнѣнной задушевностью, что положительно исключаетъ возможность какаго бы то ни было притворства со стороны цесаревича. Къ тому же, и по своему характеру, лишенному всякой выдержки, онъ не былъ способенъ прятать свои истинныя чувства за красивыми фразами. А въ перепискѣ этой встрѣчаются такія мѣста: «За долгъ считаю вамъ первой открывать всегда самыя скрытныя чувства сердца своего и за первое удовольствіе свое поставляю». «Сколь счастливъ я, всемілостивѣйшая государыня, если, вами будучи руководимъ, заслужу выборомъ своимъ еще болѣе милость вашу». «Богъ благословляетъ всѣ намѣренія ваши, ибо благословляетъ Онъ всегда добрыя». «Препоручаю невѣсту свою въ милость вашу и прошу о сохраненіи ея ко мнѣ». Въ свою очередь, въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, императрица писала въ одномъ случаѣ, что нашла въ письмахъ цесаревича множество знаковъ любви и привязанности къ себѣ, а въ другомъ случаѣ выразилась слѣдующимъ образомъ: «Утѣшеніемъ же наипаче сердцу моему есть ваше ласковое ко мнѣ расположеніе, кое при всякомъ случаѣ мнѣ изъясняете съ чувствительностью».

Характеръ отношеній Павла Петровича къ императрицѣ Екатеринѣ за это время отразился и въ наставленія, которое онъ далъ своей невѣстѣ, относительно взаимныхъ отношеній ея и императрицы. «Къ императрицѣ,—писалъ онъ,—принцессѣ слѣдуетъ быть предупредительной и кроткой, не выказывать досады и не жаловаться на нее кому бы то ни было; объясненіе съ глазу-на-глазъ всегда будетъ наилучшее. Этимъ она избавитъ себя отъ многихъ интригъ и происковъ, которые не замедлятъ коснуться ея. Такъ какъ принцесса не можетъ имѣть никакихъ личныхъ цѣлей, то ей не придется что-либо скрывать отъ ея величества. Поэтому она хорошо поступитъ, говоря ей всегда откровенно все то, что у нея будетъ на душѣ: это (не говоря уже объ интригахъ), будетъ гораздо лучше для ея собственнаго спокойствія».

Улучшенію отношеній императрицы и Павла Петровича способствовалъ самый бракъ его съ Маріей Ѳеодоровной. Послѣ свадьбы великій князь, по словамъ Н. К. Шильдера, «сіялъ радостью», а эту радость, въ лицѣ Маріи Ѳеодоровны, онъ получилъ по выбору, такъ сказать, изъ рукъ Екатерины. О степени же нѣжныхъ чувствъ, связывавшихъ въ то время цесаревича и Марію Ѳеодоровну, можно судить по ихъ письмамъ, записочкамъ, впервые напечатаннымъ нынѣ въ сочиненіи «Императоръ Павелъ Первый». «Я не могу лечь, мой дорогой и обожаемый князь,—писала Марія Ѳеодоровна еще невѣстой,—не сказавши вамъ еще разъ, что я до безумія люблю и обожаю васъ; моя дружба

къ вамъ, моя любовь, моя привязанность къ вамъ еще болѣе возросла послѣ разговора, который былъ у насъ сегодня вечеромъ. Богу извѣстно, какимъ счастьемъ представляется для меня вскорѣ принадлежать вамъ; вся моя жизнь будетъ служить вамъ доказательствомъ моихъ нѣжныхъ чувствъ; да, дорогой, обожаемый, драгоценнѣйшій князь, вся моя жизнь будетъ служить лишь для того, чтобы явить вамъ доказательства той нѣжной привязанности и любви, которыя мое сердце будетъ постоянно питать къ вамъ. Покойной ночи, обожаемый и дорогой князь, спите хорошо, не безпокойтесь призраками, но вспоминайте немного о той, которая обожаетъ васъ».

«Клянусь этой бумагой,—писала она на второй день своего обрученія,— всю мою жизнь любить, обожать васъ и постоянно быть нѣжно привязанной къ вамъ; ничто въ мірѣ не заставитъ меня измѣниться по отношенію къ вамъ. Таковы чувства вашего на вѣки нѣжнаго и вѣрнѣйшаго друга и невѣсты».

«Душа моя,—писала она нѣсколько позднѣе,—я надѣюсь, что вы будете мною довольны, когда вамъ сообщу первой мой переводъ съ французскаго на русской языкъ. Это вамъ докажетъ, сколько я стараюсь вамъ во всемъ угодить, ибо, любя русскій языкъ, васъ я въ немъ люблю: я очень сожалѣю, что не могу изъяснить всего того, что сердце мое чувствуетъ, и съ сожалѣніемъ оканчиваю, сказавъ тою же вамъ, что вы мнѣ всего дороже на свѣтѣ».

«Всякое проявленіе твоей дружбы, мой милый другъ,—въ свою очередь писалъ цесаревичъ,—крайне драгоценно для меня, и клянусь тебѣ, что съ каждымъ днемъ все болѣе люблю тебя. Да благословитъ Богъ нашъ союзъ такъ же, какъ Онъ создалъ его».

«Живое, непосредственное чувство не можетъ быть выражено,—писала великая княгиня уже 20-го сентября 1777 г., поздравляя Павла Петровича съ днемъ его рожденія,—таково мое положеніе, мое драгоценнѣйшее сердце; въ этотъ день, когда увидѣлъ свѣтъ самый обожаемый, самый любимый изъ мужей, моя душа преисполнена радостью, удовлетвореніемъ, счастьемъ, и несмотря на всѣ мои усилія, мнѣ не удастся описать вамъ эти чувства столь же живо, какъ ихъ чувствуетъ мое сердце. Живите долго, живите счастливый и довольный, живите, если возможно, тысячу лѣтъ, чтобы составить счастье нѣсколькихъ милліоновъ душъ; вотъ тѣ моленія, которыя я возношу къ небу въ этотъ чудный день. Я присоединяю къ нимъ еще одно: благоволите сохранить мнѣ вашу дружбу; она составляетъ мое счастье, и я осмѣливаюсь надѣяться, что нѣсколько заслужила ее нѣжной привязанностью, которую питаю къ вамъ и которая кончится лишь съ моею жизнью. Вашъ нѣжнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ и жена.

«Я обожаю васъ, до безумія люблю васъ; вы мой кумиръ, мое вы-

сочайшее благо, и я васъ люблю столько, столько, что не сѣмѣю выразить вамъ этого».

Вскорѣ однако совершилось событіе, роковымъ образомъ повліявшее на отношенія Павла къ Екатеринѣ: 12-го декабря 1777 года родился великій князь Александръ Павловичъ.

Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна мечтали о счастья имѣть ребенка. Насколько цесаревичъ проникался святостью новыхъ предстоявшихъ ему обязанностей, видно изъ письма его къ архіепископу Платону отъ 23-го октября.

«Молите теперь Бога,—писалъ онъ,—о подвигѣ, которымъ счастье и удовольствіе мое усугубятся удовольствіемъ общимъ. Начало декабря началомъ будетъ отеческаго для меня званія. Сколь велико оно по пространству новыхъ возлагаемыхъ чрезъ сіе отъ Бога на меня должностей! Его рука мнѣ всегда видна была. Грѣшилъ бы, если бы при семъ случаѣ усумнился... Мы, слава Богу, здоровы и наслаждаемся взаимною дружбою и спокойствіемъ, происходящимъ отъ чистой совѣсти. Пожелайте и молитесь Бога, чтобъ Онъ намъ на вѣки ее сохранилъ, безъ чего ни пользы, ни славы быть не можетъ».

Въ письмѣ къ Платону отъ 25-го ноября великій князь снова возвратился къ этому вопросу и писалъ: «Благодарю васъ за доброе ваше о мнѣ мнѣніе. Стараться буду его яще заслужить, а особливо исполненіемъ новыхъ должностей вступленіемъ чрезъ короткое время въ новое званіе, столь важное по отчету, которымъ всякій въ ономъ долженъ, а особливо каждой, въ моемъ мѣстѣ находящейся. Помолитесь о мнѣ. Богъ, благословившій меня въ столь различныхъ случаяхъ, меня и при семъ да не оставитъ».

«Если бы все прочее въ жизни моей соотвѣтствовало пріятностямъ внутренней моей, то бы я былъ совершенно счастливъ», писалъ цесаревичъ въ это же время графу Н. И. Панину.

И въ этомъ-то вопросѣ, столь глубоко захватывавшемъ все его существо, его ожидало внезапное и глубокое разочарованіе. «Признавая сына и невѣстку неспособными воспитать будущаго русскаго государя,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—Екатерина, какъ глава императорскаго дома, считала своимъ правомъ и обязанностью взять на себя заботы по воспитанію внука, въ надеждѣ увидѣть въ немъ впослѣдствіи воплощеніе лучшихъ своихъ думъ и стремленій. Воспитаніе собственнаго сына не удалось Екатеринѣ въ желаемомъ ею смыслѣ по не зависѣвшимъ отъ нея воли обстоятельствамъ; теперь же передъ императрицею явилась новая задача, и всѣ ея материнскія нѣжныя чувства обратились къ внуку, въ надеждѣ достигнуть иного, лучшаго результата».

Такимъ образомъ, въ извѣстной степени, снова была повторена ошибка, сдѣланная нѣкогда императрицею Елисаветой Петровной. И

хотя на этотъ разъ полного отчужденія сначала одного, а потомъ и другого сына отъ родителей и не послѣдовало, но эта «уступка родительскимъ правамъ сына» не поправила дѣла: пропасть между матерью и сыномъ разверзлась окончательно,

Какъ же, съ своей стороны, относилась Екатерина къ цесаревичу Павлу Петровичу?

Какъ извѣстно, тотчасъ по рожденіи, Павелъ Петровичъ былъ совершенно отчужденъ отъ матери. «Новорожденный младенецъ,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—всецѣло овладѣлъ вниманіемъ двора; что же касается матери, то она сдѣлала свое дѣло, и всѣ о ней позабыли». Мѣры, принятыя императрицей, препятствовали ей быть матерью и руководить первыми шагами своего первенца, при чемъ ничего не было упущено, чтобы довести взаимное отчужденіе до степени какъ бы нормальной привычки. Екатерина могла только украдкой узнавать о положеніи своего ребенка, потому что всякіе вопросы о немъ могли быть истолкованы въ смыслѣ сомнѣнія въ заботливости императрицы. Наконецъ, для полной характеристики этой безотрадной семейной картины достаточно упомянуть, что только въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы Петровны Екатерина получила дозволеніе видѣть сына разъ въ недѣлю. А ранѣе того было еще хуже. Когда весною 1755 года великокняжескій дворъ собирался переѣхать въ Ораніенбаумъ, императрица разрѣшила Екатеринѣ передъ отъѣздомъ взглянуть на сына; по счету это было въ третій разъ послѣ его рожденія».

При такой обстановкѣ въ Екатеринѣ не могли развиваться нѣжныя материнскія чувства. Когда же Екатерина получила свободу дѣйствій, было уже слишкомъ поздно для этого. Но что было въ ея силахъ—она дѣлала. Она всячески старалась приблизить къ себѣ сына, обращеніе ея съ нимъ было самое нѣжное, она внимательно слѣдила за его воспитаніемъ и ученіемъ: мы видѣли выше, какимъ почетомъ былъ окруженъ 10—11 лѣтній Павелъ Петровичъ. Однимъ словомъ, по справедливому замѣчанію покойнаго князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, «Екатерина видимо старалась подготовить достойнаго себѣ преемника». При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ глазахъ Екатерины Павелъ Петровичъ являлся единственнымъ и естественнымъ залогомъ упроченія порядка вещей, созданнаго ею 28-го іюня 1762 года.

Несмотря на всю скудость свѣдѣній о юношескомъ періодѣ жизни Павла Петровича, позволительно думать, что въ юношѣ-великомъ князѣ прорывалось невольное влеченіе къ своей державной матери. По крайней мѣрѣ, вотъ что писала сама Екатерина 24-го августа 1772 года, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Белькѣ: «во вторникъ я возвращаюсь въ городъ съ моимъ сыномъ, который не хочетъ уже оставлять меня ни на шагъ и котораго я имѣю честь такъ хорошо забавлять, что онъ

за столомъ иногда переменяетъ записки, чтобы сидѣть со мною рядомъ; я думаю, что мало можно найти примѣровъ подобнаго соотвѣтствія въ настроеніи».

Если же, несмотря на всѣ перечисленныя выше условія, прочнаго сердечнаго сближенія между сыномъ и матерью не установилось ко времени совершеннолѣтія цесаревича, то это должно быть объяснено почти исключительно потрясеніемъ, испытаннымъ Павломъ Петровичемъ 28-го іюня 1762 года и оставившимъ слѣды на всю его жизнь, внушеніями Панина и, несомнѣнно, наслѣдственными особенностями въ характерѣ цесаревича, перешедшими къ нему отъ Петра Феодоровича.

Когда, при приближеніи совершеннолѣтія Павла Петровича, начались происки со стороны разныхъ лицъ, имѣвшіе цѣлью очистить для него престоль, и когда въ одномъ случаѣ въ дѣлѣ Сальдерна оказался замѣшаннымъ самъ цесаревичъ, и онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ признаться во всемъ императрицѣ, Екатерина не придавала участію его въ этомъ дѣлѣ большаго значенія, чѣмъ оно имѣло въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, благодаря доброй волѣ Екатерины, несомнѣнно старавшейся сблизиться съ цесаревичемъ, это обстоятельство не отразилось на отношеніи ея лично къ самому Павлу Петровичу. Быть можетъ, при этомъ случаѣ она усмотрѣла лишь необходимость обратить большее вниманіе на окружающихъ ея сына. Поэтому становится вполне понятной фраза ея въ письмѣ къ Бельеэ, въ которомъ она извѣщала ее объ удаленіи Панина: «мой домъ очищенъ или почти-что очищенъ», сообщила она. вмѣстѣ съ тѣмъ она писала самому Павлу Петровичу, по поводу назначенія къ нему Салтыкова: «ваши поступки очень невинны, я это знаю и убѣждена въ томъ; но вы очень молоды, общество смотритъ на васъ во всѣ глаза, а оно—судья строгій».

Насколько Екатерина старалась, такъ сказать, приручить къ себѣ цесаревича, видно изъ ея инструкціи Салтыкову. Она предписывала ему:

1) *Tâchez de vous rendre agréable à mon fils* (старайтесь сдѣлаться пріятнымъ моему сыну); 2) *Montrez-lui le plus de déférence possible, accompagnée de beaucoup de respect.* (Выказывайте ему какъ можно болѣе вниманія, соединеннаго съ большимъ уваженіемъ); 3) *Tâchez de gagner sa confiance* (старайтесь приобрѣсти его довѣріе), но не спѣшите всѣмъ и безъ всякой суеты, ибо сначала думать надлежитъ, что, по молодости и по другимъ побочнымъ причинамъ, онъ нѣсколько дичится станеть: но вы на сіе не смотрите, и возьмите одинаковое, ровное и почтительное поведеніе». Въ заключеніе Екатерина высказала: «*Il est ambitieux, vous pourrez le prendre de ce côté là utilement.* (Онъ честолюбивъ, вы съ пользою можете дѣйствовать на него съ этой стороны»).

Съ своей стороны, она письменно говорила цесаревичу: «приходите ко мнѣ за совѣтомъ такъ часто, какъ вы признаете въ томъ необхо-

димость: я скажу вамъ правду со всею искренностью, къ какой только способна, а вы никогда не оставайтесь недовольнымъ, выслушавъ ее. Понимаете! Вдобавокъ, чтобы основательнѣе занять васъ, къ удовольствію общества, я назначу часъ или два въ недѣлю, по утрамъ, въ которые вы будете приходить ко мнѣ одинъ для выслушанія бумагъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, съ законами страны и моими правительственными началами. Устраиваетъ это васъ?»

Къ сожалѣнію, это не устроило самое Екатерину. Именно на этой, дѣловой, почвѣ послѣдовало полное духовное разобщеніе между матерью и сыномъ: постепенно она стала убѣждаться, что Павелъ Петровичъ кореннымъ образомъ расходится съ нею во взглядахъ на задачи государственнаго управленія.

Рѣшающее значеніе въ этомъ отношеніи имѣло, по мнѣнію Н. К. Шильдера, представленное цесаревичемъ императрицѣ въ 1774 году «Разсужденіе о государствѣ вообще, относительно числа войскъ, необходимаго для защиты онаго, и касательно обороны всѣхъ предѣловъ». Это «разсужденіе», по заключенію автора сочиненія «Императоръ Павелъ Первый», «по существу своему является ничѣмъ инымъ, какъ жестокой критикой царствованія, начавшагося въ 1762 году». Въ «Разсужденіи», между прочимъ, проводилась мысль, что Россіи необходимъ покой, предлагалось покрыть Россію чѣмъ-то въ родѣ военныхъ поселеній, ввести въ военномъ дѣлѣ столь строгую регламентацію, чтобы «никто отъ фельдмаршала до солдата не могъ извиниться недоразумѣніемъ, начиная о мундирныхъ вещахъ, кончая о строѣ», и т. п.

По словамъ В. А. Бильбасова, «Екатерина ставила выше всего интересы государства,—приносила имъ въ жертву всѣ другія соображенія и чувствованія», а потому понятно, какое разочарованіе должно было постигнуть ее въ этомъ дѣлѣ. «Вижу, въ какія руки попадетъ Имперія послѣ моей смерти»,—воскликнула она впоследствии,—и слова эти проникнуты несомнѣнно горечью.

Вполнѣ естественно, что, пока Павелъ Петровичъ являлся въ глазахъ Екатерины единственнымъ залогомъ упроченія ея династіи и обезпеченія въ Россіи правильнаго теченія государственной жизни, она почти бессознательно должна была стремиться къ поддержанію съ нимъ болѣе или менѣе близкихъ отношеній. Но коль скоро у него родился одинъ сынъ, а вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ и другой, необходимость чисто инстинктивнаго насилванія своихъ собственныхъ чувствъ и мыслей исчезла. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, человѣкъ впадаетъ даже въ противоположную крайность. Повидимому, въ своемъ отношеніи къ Павлу Петровичу послѣ рожденія Александра и Константина Павловичей, великая Екатерина не избѣгла вліянія этого общечеловѣческаго закона или этой общечеловѣческой слабости. Она не

только наносила болѣзненному самолюбію цесаревича ничѣмъ не поправимые удары, но, повидимому, даже отказывала ему въ несомнѣнно существующемъ ему благородствѣ стремленій. Такъ, когда въ 1787 году Павелъ Петровичъ рвался на Турецкую войну волонтеромъ, но Екатерина первоначально не пускала его; она сочла желаніе цесаревича притворнымъ и писала Потемкину, что Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, желавшая послѣдовать за мужемъ, «были весьма довольны остаться, разслабяя только, что ѣхать хотѣли». Между тѣмъ лучшимъ опроверженіемъ словъ Екатерины служитъ то, что, въ концѣ-концовъ, цесаревичъ добился все-таки разрѣшенія ѣхать на войну, хотя уже ему пришлось отправиться на войну не съ турками, а со шведами; что же касается Маріи Ѳеодоровны, то отъ огорченія, что императрица не разрѣшила ей сопровождать Павла Петровича въ армію, она почти цѣлую недѣлю ничего не ѣла.

Логическимъ послѣдствіемъ всѣхъ изложенныхъ условій неизбежно долженъ былъ явиться и явился въ дѣйствительности проектъ объ устраненіи отъ престолонаслѣдія Павла Петровича и о передачѣ престола, помимо сына, внуку. Выполненіе этого плана облегчалось тѣмъ, что въ царствованіе Екатерины оставался въ силѣ законъ Петра Великаго, по которому правительствующіе государи Россійскаго престола имѣли право назначать своимъ преемникомъ кого имъ будетъ угодно, не стѣняясь стариннымъ правомъ первородства, а въ случаѣ, если назначенный уже наслѣдникомъ окажется неспособнымъ, могли отрѣшить его отъ престола.

О томъ, что Екатеринѣ не легко было примириться съ мыслью о необходимости устранить Павла Петровича отъ престолонаслѣдія, свидѣтельствуетъ слѣдующая собственноручная замѣтка Екатерины: «признаться должно, что несчастливъ тотъ родитель, который себя видитъ принужденнымъ, для спасенія общаго дѣла, отрѣшить своего отродія. Тутъ уже совокупляется или совокуплена есть власть самодержавная и родительская. Итакъ, я почитаю, что премудрый государь Петръ I, несомнѣнно, величайшія имѣлъ причины отрѣшить своего неблагодарнаго, непослушнаго и неспособнаго сына. Сей наполненъ былъ противъ него ненавистью, злобою, ехидною завистью, изыскивалъ въ отцовскихъ дѣлахъ и поступкахъ въ корзинѣ добра пылинки худаго, слушалъ ласкателей, отдѣлялъ отъ ушей своихъ истину, и ничѣмъ на него не можно было такъ угодить, какъ понося и говоря худо о преславномъ его родителѣ. Онъ уже самъ былъ лѣвтяй, малодушенъ, двоякъ, нетвердъ, суровъ, робокъ, пьянъ, горячъ, упрямъ, ханжа, невѣжда, весьма посредственнаго ума и слабаго здоровья».

Измѣненіе Екатериною своего отношенія къ Павлу Петровичу со времени рожденія первыхъ внуковъ естественно отразилось и на отно-

пеніи цесаревича къ матери, внеся существенное отличіе въ самый характеръ этихъ отношеній противъ того, чѣмъ они были ранѣе.

Можно сказать, что въ общемъ до 1778 года Павелъ Петровичъ въ своихъ отношеніяхъ къ Екатеринѣ строго различалъ въ ней мать и императрицу: безмолвно преклоняясь передъ первой, онъ расходился во взглядахъ со второй. Начиная же съ 1778 года, оба эти понятія постепенно стали смѣшиваться у него или, вѣрнѣе, императрица стала заслонять собою мать. При этомъ въ ихъ отношеніяхъ сталъ проскальзывать и незамѣтно усиливаться оттѣнокъ личной враждебности, обусловленный положеніемъ, занятымъ императрицей, послѣ рожденія внуковъ. Этотъ элементъ враждебности особенно усилился съ 1793—1794 гг., когда стало совершенно явнымъ намѣреніе Екатерины устранить Павла Петровича отъ престола.

Въ отзывахъ своихъ объ Екатерининскомъ правленіи, относящихся по времени до 1778 г., цесаревичъ обнаруживаетъ свое несочувствіе ея системѣ и указываетъ на различные безпорядки, но какъ-бы винить во всемъ не ее лично, а тѣхъ, кто окружалъ ее. Въ томъ, что онъ доводитъ объ этихъ безпорядкахъ и неурядицахъ до ея свѣдѣнія, онъ видитъ даже выполнение своего долга передъ императрицей и отечествомъ. Такъ, пресловутое «Разсужденіе» заканчивалось слѣдующими словами: «показавъ теперь все то, что къ равновѣсію потребно, и какую военная часть связь и пропорцію имѣть должна въ разсужденіи всего государства... совершилъ намѣреніе себя сдѣлать полезнымъ государству, писавъ сіе отъ усердія и любви къ отечеству, а не по пристрастію или корысти, въ такое время, гдѣ, можетъ быть, многіе, забывъ первые два подвига, заставившіе меня писать, слѣдуютъ двумъ послѣднимъ, а что больше еще, и жертвуя всѣмъ тѣмъ, чего святѣе быть не можетъ. А сему я былъ самъ очевидцемъ и узналъ самъ собою вещи и, какъ вѣрный сынъ отечества, молчать не могу».

Позднѣе, въ началѣ 1777 года, объясняя барону К. И. Сакену о причинахъ, побудившихъ его увѣдомить императрицу о «страшныхъ безпорядкахъ», открытыхъ имъ по военному вѣдомству въ Ригѣ, онъ писалъ: «Если бы я нуждался въ политической партіи, я могъ бы умолчать о подобныхъ безпорядкахъ, чтобы пощадить извѣстныхъ лицъ; но, будучи тѣмъ, что я есмь, я не могу имѣть ни партій, ни интересовъ, кромѣ интересовъ государства, а при моемъ характерѣ тяжело видѣть, что дѣла идутъ вкривь и вкосъ, въ особенности же, что причиною тому являются небрежность и личные виды. Я предпочитаю быть ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ любимымъ за дѣло не-правое».

Съ 1778 года картина мѣняется. Уже весной этого года Павелъ Петровичъ входилъ въ дружественную переписку съ графомъ П. И. Па-

нинымъ, «первымъ вралемъ» и «персональнымъ оскорбителемъ» Екатерины, съ которымъ онъ предается мечтамъ о томъ, что «достанется» имъ «вмѣстѣ исполнить то, о чемъ» разсуждаютъ. Около того же времени Марія Ѳеодоровна жалуется своей матери на «испорченность» императрицы. Черезъ годъ Павелъ Петровичъ называетъ жестокостью осужденіе его на полное бездѣйствіе. Въ 1781 году, передъ отправленіемъ въ заграничное путешествіе, онъ снова позволяетъ Никитѣ Панину застрашать себя различными опасеніями насчетъ плановъ Екатерины и уѣзжаетъ изъ Петербурга подъ сильнымъ впечатлѣніемъ ужаса. Наконецъ, во время своего пребыванія въ Парижѣ на вопросъ, сдѣланный Людовикомъ XVI, правда ли, что въ его свитѣ нѣтъ лица, на которое онъ могъ бы положиться, онъ отвѣчалъ: «Я былъ бы очень недоволенъ, если бы возлѣ меня находился какой-нибудь привязанный ко мнѣ пудель: прежде, чѣмъ мы оставили бы Парижъ, моя мать велѣла бы бросить его въ Сену съ камнемъ на шеѣ»¹⁾. Въ 1782 году англійскій посланникъ Гаррисъ прямо пишетъ о «неестественной враждѣ», существующей между матерью и сыномъ. Когда около половины восьмидесятихъ годовъ возникъ вопросъ о союзѣ нѣмецкихъ князей, «Павель Петровичъ,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—всѣми средствами противодействовалъ намѣреніямъ императрицы, не одобрявшей этого союза; онъ не стѣснялся даже принять на себя какъ бы роль агента Фридриха Великаго при русскомъ дворѣ, поддерживая съ нимъ тайную переписку; такую же переписку онъ велъ и съ его преемникомъ». Въ 1784 году цесаревичъ иронизируетъ насчетъ возможности того, что его пошлютъ въ Индію для исправленія. Въ томъ же году онъ сообщаетъ барону Сакену, что его вліяніе таково, что стоитъ ему указать на что-нибудь или на кого-нибудь, чтобы тѣмъ самымъ достигнуть какъ разъ обратнаго. Въ 1789 году онъ высказываетъ, что «русскіе предпочитаютъ видѣть на престолѣ юбку вмѣсто мундира», говоритъ съ Сегиуромъ «о мнимыхъ обидахъ со стороны императрицы и князя Потемкина, о непріятныхъ сторонахъ своего положенія, о страхѣ, съ которымъ относились къ нему, и о печальной участи, которую готовилъ ему дворъ». Осенью 1793 года гнѣвъ цесаревича противъ державной матери доходитъ одно время до того, что первоначально Павелъ Петровичъ отказывается присутствовать на свадьбѣ Александра Павловича. Въ 1794 году онъ высказываетъ уже, что «привыкъ къ шиканамъ».

¹⁾ Хотя достовѣрность этихъ словъ, произнесенныхъ въ присутствіи довольно большаго числа лицъ, засвидѣтельствована двумя очевидцами—королевой Маріей-Антуанеттой и m^{re} Кампанъ, но все же думается, что въ передачу ихъ вкралась какая-то неточность: вѣдь въ свитѣ велико-княжеской четы находились между прочимъ и князь А. Б. Куракинъ и Е. И. Нелидова.

Но какъ ни ухудшались взаимныя отношенія Екатерины съ одной стороны и Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны—съ другой, но, все-таки, моментами, въ нихъ какъ бы просвѣчивали проблески чего-то другаго. И по этому поводу невольно приходитъ на мысль, что въ сокровенной глубинѣ ихъ душъ таилось неясное, быть можетъ, бессознательное сожалѣніе, что ихъ отношенія сложились такъ, а не иначе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, раздвоеніе отношенія Павла Петровича къ Екатеринѣ, какъ къ императрицѣ и матери, какъ будто бы не исчезло совершенно. По крайней мѣрѣ, оно несомнѣнно проявилось тотчасъ послѣ кончины государыни. Первыя же правительственныя мѣропріятія Павла Петровича явились полнымъ отрицаніемъ предшествовавшаго царствованія, а между тѣмъ, въ то же время, онъ проявилъ большое вниманіе къ памяти Екатерины, какъ человѣка. Такъ, Завадовскому, бывшему когда-то фаворитомъ Екатерины II, пожаловано было графское достоинство, а проживавшему въ Ревелѣ Алексѣю Григорьевичу Бобринскому повелѣно было прибыть въ Петербургъ. Послѣ этого на Бобринскаго посыпались щедрія и неожиданныя милости: 12-го ноября ему пожаловано было графское достоинство, подаренъ домъ, утверждены за нимъ имѣнія, назначенныя Екатериною; затѣмъ послѣдовало назначеніе его шефомъ 4-го эскадрона конной гвардіи, награжденіе Аннинской лентой, производство въ генералъ-майоры и т. д. Наконецъ, на приемѣ во дворцѣ императоръ Павелъ, выведя графа Алексѣя Григорьевича впередъ, представилъ его присутствовавшимъ, какъ своего брата. По случаю выселенія князя Зубова изъ дворца, для него былъ купленъ домъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ. Павелъ Петровичъ посѣтилъ его въ сопровожденіи императрицы, при чемъ при встрѣчѣ съ княземъ Зубовымъ произнесъ достопамятныя слова: «Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Когда подали шампанское, государь сказалъ: «Сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ всего добраго», и, обращаясь къ императрицѣ, прибавилъ: «Выпей все до капли». И, выпивши самъ, онъ разбилъ бокаль. Платонъ Александровичъ припалъ къ стопамъ государя и былъ поднятъ имъ со словами: «Я тебѣ сказалъ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Когда же затѣмъ подали самоваръ, государь сказалъ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Разлей чай, у него вѣдь нѣтъ хозяйки». Позднѣе, черезъ годъ, когда возникъ вопросъ о празднованіи дня восшествія Павла Петровича на престолъ, и было сдѣлано предположеніе праздновать это событіе 6-го ноября, т. е. въ самый день кончины императрицы Екатерины, Павелъ Петровичъ съ неудовольствіемъ отвергъ это предложеніе, высказавъ, что «восшествіе свое на престолъ въ день смерти матери» онъ «почитаетъ непристойнымъ праздновать».

Что касается почестей, возданныхъ новымъ государемъ праху

Петра Θεодоровича, то неизвѣстно еще, какъ смотрѣлъ на это самъ Павель Петровичъ: являлось ли въ глазахъ сына возданіе праху отца почестей, равныхъ почестямъ, воздаваемымъ праху матери, сознательнымъ оскорбленіемъ послѣдней, или же въ этой двойной процессіи похоронъ отца и матери онъ видѣлъ лишь какъ бы торжественное примиреніе ихъ за гробомъ?

При выясненіи взаимныхъ отношеній императрицы Екатерины и Павла Петровича естественно возникаетъ вопросъ, какъ смотрѣлъ Павель Петровичъ на возможность какого-нибудь «дѣйства» противъ нея? Справедливость требуетъ отвѣтить, что собственно только въ одномъ случаѣ, въ дѣлѣ Сальдерна, цесаревичъ примкнулъ къ планамъ, враждебнымъ Екатеринѣ. Это было въ 1772—1773 году, когда крайняя молодость цесаревича дѣлала его особенно доступнымъ постороннему вліянію. Но затѣмъ уже никакія внушенія, никакое сдѣленіе тяжелыхъ для него жизненныхъ условій не могли заставить его выйти изъ роли вѣрнопопданнаго сына. Напротивъ того, извѣстны нѣсколько его поступковъ и отвѣтовъ, проникнутыхъ несомнѣннымъ благородствомъ и свидѣтельствующихъ о его безупречности въ этомъ отношеніи.

Такъ Кастера въ своей исторіи Екатерины рассказываетъ, что графъ Разумовскій, пораженный сочувствіемъ, которое народъ выказывалъ цесаревичу въ Москвѣ въ 1775 году, сказалъ ему:

— Вы видите, какъ вы любимы, выше высочество! О, если бы только вы захотѣли!..

Цесаревичъ ничего не отвѣтилъ на это, но бросилъ на Разумовскаго взглядъ, доказывавшій, что онъ умѣетъ быть почтительнымъ сыномъ.

Въ откровенной бесѣдѣ съ прусскимъ посланникомъ барономъ Келлеромъ въ 1787 году, Павель Петровичъ говорилъ о необходимости заставить русскій народъ утратить привычку къ дѣйствамъ. Тогда же онъ высказываетъ слѣдующія мысли:

«Какимъ образомъ могли опасаться какихъ-либо начинаній въ мою пользу со стороны иностраннаго принца, не имѣющаго здѣсь друзей (принцъ Фридрихъ Виртембергскій). Они должны были быть увѣрены, что я никогда не одобрю чего-либо подобнаго. Не мнѣ судить, насколько было справедливо сдѣланное двадцать четыре года тому назадъ. Весь народъ присягнулъ тогда государынѣ, которая понынѣ царствуетъ надъ нимъ; была ли эта присяга искренняя или нѣтъ—не знаю, но я былъ свидѣтелемъ общей покорности. Это дѣло лежитъ на совѣсти людей, дѣйствовавшихъ въ то время; что же касается меня, то я хочу жить въ ладахъ съ моею совѣстью. Я всегда совѣтуюсь съ нею, ничего не дѣлаю противнаго ей, и это счастье я предпочитаю той болѣе блестящей роли, которая можетъ предстоять мнѣ въ исторіи... не знаю, будетъ ли

*

ей передано мое имя. Таковы мои чувства: ихъ должны бы знать и не забывать того случая, при которомъ я открыто высказалъ ихъ».

Наконецъ, извѣстны его прекрасныя слова: «Я — подданный российской и сынъ императрицы российской; что между мною и ею происходитъ, того знать не подобаетъ ни женѣ моей, ни родственникамъ, ниже кому другому».

Екатерина прекрасно понимала характеръ своего сына и нисколько не опасалась какого-нибудь «дѣйства» съ его стороны. По словамъ князя Адама Чарторыйскаго, она спокойно спала подъ охраной роты гренадеръ, тогда какъ въ полумилѣ отъ нея Павелъ маневрировалъ со своею маленькою арміею. «Разстучалъ мнѣ голову своею пальбою», только жаловалась императрица.

Нѣкоторые изъ современниковъ высказывали, что Екатерина не боялась Павла Петровича, потому что онъ отличался недостаткомъ личной смѣлости, и она прекрасно знала это. Подобный взглядъ представляется намъ ни на чемъ не основаннымъ и безусловно несправедливымъ, по скольку онъ касается Павла Петровича.

Отношеніе его къ вопросу о «дѣйствахъ» объясняется, по нашему мнѣнію, несомнѣнно отличавшимъ его всегда стремленіемъ къ законности. «Во всемъ томъ, что я дѣлаю, у меня нѣтъ и не будетъ иной цѣли кромѣ Бога», писалъ Павелъ Петровичъ въ 1784 году, и, высказывая это, онъ былъ совершенно искрененъ. «Кто повиноваться не можетъ, тотъ и повелѣвать не умѣетъ», сказалъ Павелъ Петровичъ еще въ дѣтствѣ. И, оставаясь вѣренъ этой мысли, онъ повиновался Екатеринѣ, готовясь про себя повелѣвать впоследствии.

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

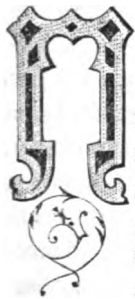

Воспоминанія протоіеря І. І. Базарова.

XI ¹⁾.

Введеніе земскихъ учрежденій.— Письмо В. П. Титова.— Предположенія о возвышеніи бѣлаго духовенства.— Война Пруссіи съ Австріей.— Переводъ проповѣдей митрополита Филарета на французскій языкъ.— Желаніе иностранцевъ познакомиться съ догматами и обрядами православной церкви.— Лекція профессора Пальмера.— Приглашеніе о. Базарова на должность ректора С.-Петербургской духовной академіи.— Назначеніе ректоромъ протоіеря И. Л. Янышева.

Прежде чѣмъ продолжать мои воспоминанія о событіяхъ 1866 года, я не могу не подѣлиться здѣсь съ моими читателями выдержкою изъ письма ко мнѣ моего усерднаго корреспондента и друга, дѣлывшагося со мною впечатлѣніями происходившихъ въ ту пору реформъ и нововведеній въ государственной жизни въ Россіи, Владиміра Павловича Титова. Въ этомъ письмѣ, писанномъ наканунѣ новаго 1866 года, онъ излагаетъ свои впечатлѣнія и свои взгляды по случаю введенія земства, въ которомъ онъ принималъ личное участіе въ качествѣ рязанскаго землевладѣльца. Каждая подробность въ этомъ письмѣ даже на разстояніи столькихъ лѣтъ дышетъ новизною и во всякомъ случаѣ интересна, какъ зачатокъ новой жизни, которой суждено было сложиться впослѣдствіи въ ту или другую форму,—тогда еще нельзя было предугадать—въ широкую ли, или узкую формальность самоуправленія. Вотъ эта выдержка.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

Извиняясь, что, за недосугомъ, онъ не могъ отвѣчать многимъ изъ своихъ знакомыхъ въ Стутгардѣ, В. П. Титовъ продолжаетъ: «А послѣ новаго года будетъ и еще труднѣе, ибо хотя еще нѣтъ оффиціи, однако меня сажаютъ, кажется, въ департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Я не прочь возобновить поближе знакомство со старою рутинною. Она хоть отживаетъ свой вѣкъ предъ новыми судебными уставами, не менѣе того, пробудеть неизбѣжно еще нѣсколько лѣтъ, доколѣ очередь не обошла весь кругъ губерній. При томъ же къ ней привита временно гласность, что, по сознанию многихъ сенаторовъ, теперь уже способствуетъ яснѣе разумѣть интересы и права тяжущихся. Передъ моимъ проѣздомъ обратно черезъ Москву тамошняя публика, слишкомъ 500 человѣкъ, около 10 часовъ сряду просидѣла на уголовномъ допросѣ дѣлателей фальшивыхъ кредитокъ. Защита обвиняемыхъ была весьма драматична. Особенное вниманіе приковалъ плутовскою ловкостью и краснорѣчіемъ ляхъ Адаховскій (на Руси рѣшительно нѣтъ ни спасенія безъ нѣмцевъ, ни бѣды безъ ляховъ. Гони ихъ въ дверь на западѣ, лѣзутъ въ окно съ востока, являясь неизбѣжно и неожиданно подъ всякими видами и продѣлками. Тютчевъ въ этомъ вопросѣ находитъ у насъ сходство съ человѣкомъ, который, замѣтивъ мышьякъ у себя въ комнатѣ и желая очистить воздухъ отъ отравы, рѣшился ее глотать). Бытность моя въ Рязани была во многомъ еще хлопотливѣе Питера. Засѣданія длились 18 дней, не исключая праздниковъ, ибо ради безденежья никому не хотѣлось заживаться въ губернскомъ городѣ. Кромѣ 3-хъ—4-хъ часовъ собранія до обѣда, приходилось мнѣ сидѣть съ 8-ми—9-ти часовъ за полночь въ докладной комиссіи, гдѣ сдѣлали мнѣ честь выбрать меня предсѣдателемъ. Она, по существу предметовъ, состояла изъ 4-хъ отдѣловъ, по 3 гласныхъ въ каждомъ. Изъ 85 гласныхъ было на лицо до 65, большинство дворяне, въ томъ числѣ довольно столбовыхъ и богатыхъ. Изъ другихъ сословій безъ малаго 20; священниковъ всего 2, прочіе на половину изъ купцовъ и крестьянъ; между послѣдними 4 волостныхъ старшины. Они и одинъ изъ священниковъ, сельскій благочинный о. Молчановъ, говорили застѣнчиво по слогу, но смѣло и вообще дѣльно по существу. Сословной вражды я ни въ чемъ и ни разу не могъ замѣтить. Собраніе при томъ не заносилось въ общія начала. Да и вообще обнаруживается въ земствѣ губерній болѣе практичности, чѣмъ въ столицахъ. Конечно, и между вопросовъ чисто практичныхъ, есть не лишеныя шероховатости, напримѣръ, передача капиталовъ. По одной продовольственной части земство Рязанской губерніи имѣетъ получить назадъ отъ казенныхъ вѣдомствъ до 1.400.000 руб. сер. Пренія иногда возникали очень живыя, подъ часъ не безъ кляузы, но всегда взаимно вѣжливо. Во многихъ нельзя было не любоваться природному дару слова и отгмѣнно простой, здоровой ясности взгляда. Всего казуснѣе были два

послѣднія засѣданія. При закрытіи предложено «принести государю всеподданнѣйшую признательность за права, дарованныя земству». Гласный Офросимовъ возразилъ пѣлымъ цицероновскимъ спичемъ въ такомъ смыслѣ, что находитъ это преждевременнымъ, несомѣстимымъ съ тою благоговѣйною осторожностью, какой требуетъ всякое заявленіе, подносимое высочайшей власти; посмотримъ-де, какъ все пойдетъ на дѣлѣ: позже будетъ время для признательныхъ заявленій и т. д. Это повело ко многимъ другимъ спичамъ, гдѣ говорили, кромѣ нѣсколькихъ дворянъ, и крестьяне, и купцы, и вашъ духовный собратъ о. Молчановъ. Обмѣномъ рѣчей разъяснилось, за что и въ какихъ именно предѣлахъ желательно теперь же принести признательность. Священникъ сказалъ: «духовенство доселѣ жило отлученное отъ свѣтскихъ интересовъ, теперь призвано въ нихъ участвовать и подавать голосъ отъ имени церкви». Крестьяне, благодаря за право участвовать въ совѣщаніяхъ такого почтеннаго собранія, объяснили, что въ 1861 году дѣло шло лишь о двухъ сословіяхъ, а теперь всѣ созываются земскими учрежденіями какъ бы въ одну семью, гдѣ и они почитаютъ себя счастливыми занимать свое мѣсто. Короче—признательность состоялась единодушно, и сами возражавшіе ораторы отказались на другой день отъ несогласія. Всѣ наиболѣе сложные предметы поручены управамъ для разныхъ предварительныхъ распоряженій и доклада собранію на будущій годъ. Значитъ, засѣданія декабря 1866 года будутъ практически важнѣе нынѣшняго, а нынѣ главная задача заключалась въ хорошемъ выборѣ губернской управы. Предсѣдателемъ ея избранъ раненбургскій помѣщикъ князь Волконскій, тотъ самый, съ коимъ происходила, по приказанію королевы, переписка объ имѣніи покойной А. А. Окуловой (школа ея рушилась, и самая вотчина, поступивъ къ ея племяннику, продана съ тѣхъ поръ въ чужія руки). Волконскій слыветъ за человѣка толковаго, съ умомъ расторопнымъ и твердою волею. Въ собраніи говорилъ довольно часто, но коротко и всегда дѣльно. Въ члены губернской управы выбраны шестеро: дворянъ 5 и 1 купецъ. Вотъ вамъ, почтенный батюшка, матеріалъ для разсказа нашимъ, а можетъ быть при случаѣ и ея королевскому величеству. Впрочемъ, теперь у васъ въ гостяхъ на новый годъ изустный повѣствователь всякой отечественной сути — синодальный оберъ-прокуроръ. Дядя его, графъ Димитрій Николаевичъ Толстой, также сидѣлъ со мною въ числѣ гласныхъ, но захворалъ и уѣхалъ къ себѣ въ деревню, не дождавшись конца сессіи. Не взъщите за долговязое письмо, дорогой батюшка, и молитесь, да пошлетъ Господь силъ намъ грѣшнымъ сочетать дѣловую жизнь со свѣтскою. Къ послѣдней никогда я не чувствовалъ пристрастія, но дозволялъ опытомъ, что безъ ущерба дѣламъ нельзя отъ нея вовсе устраниваться. Христосъ съ вами».

30-го декабря 1865 года. С.-Петербургъ.

Въ апрѣлѣ этого года мнѣ пожалована была митра, и опять В. П. Титовъ является первымъ поздравить меня съ этою монаршею милостію. Очень странная мысль пришла ему по этому поводу, — мысль соединить съ этимъ архіерейскимъ отличіемъ бѣлаго духовенства особый титулъ преосвященства. Впрочемъ, это не было простою фантазією. Напротивъ, въ это время начинали проявляться тенденціи возвысить бѣлое духовенство если не надъ чернымъ, по крайней мѣрѣ до высоты послѣдняго. Въ это время въ Святѣйшемъ Синодѣ засѣдали уже два представителя бѣлаго духовенства: протопресвитеръ Бажановъ и протоіерей И. В. Рождественскій. Была мысль увеличить число главныхъ священниковъ по разнымъ отраслямъ церковнаго управленія и такимъ образомъ создать противовѣсъ черному духовенству, забравшему власть исключительно въ свои руки. Разъ промелькнула мысль даже оберъ-прокурора Св. Синода замѣнить докладчиковъ изъ бѣлаго духовенства, а князь Горчаковъ не прочь былъ назначить, по крайней мѣрѣ, въ Константинополь, Аѳины и Римъ, посланниками людей изъ бѣлаго духовенства и разъ серьезно предлагалъ мнѣ одно изъ такихъ мѣстъ. Но я отклонилъ отъ себя такую честь, замѣтивъ, что было бы болѣе канонически, если бы Св. Синодъ рѣшился имѣть своихъ представителей при патриаршихъ кафедрахъ. Тогда, конечно, нашлись бы въ средѣ бѣлаго духовенства люди, которые могли бы съ честію и пользою для церкви проходить подобныя должности. Въ это время князь Горчаковъ такъ увлекался цвѣтущею эпохою Франціи, что мечталъ создать и въ Россіи Мазарини и Ришелье, а въ шутку или полусерьезно называлъ Василя Борисовича «нашъ кардиналъ Бажановъ».

Наступившая весна 1866 года была тревожнымъ временемъ для Германіи. Давно возгорѣвшаяся борьба между Пруссією и Австрією изъ-за гегемоніи въ германскомъ союзѣ должна была рѣшиться междоусобною войною. Между тѣмъ какъ сѣверныя государства Германіи, за исключеніемъ Ганновера и корфюршества Гессенскаго, держали сторону Пруссіи, вся южная часть германскаго союза бросилась въ объятія Австріи, трепеща за свое существованіе, и даже склонялась на сторону Франціи, надѣясь въ этой борьбѣ за существованіе найти опору въ Наполеонѣ III противъ разыгравшагося аппетита Бисмарка, готовившагося поглотить всю Германію *pour le roi de Prusse*.

Въ это время мое положеніе при королевѣ, далеко не политическое, стало затруднительно вслѣдствіе моего твердаго въ то время убѣжденія, что Германія идетъ неудержимыми шагами къ политическому объединенію подъ главенствомъ Пруссіи, и я въ первый и единственный разъ принужденъ былъ стать въ оппозицію противъ королевы, тогда убѣжденной совѣмъ въ противномъ. Мнѣ это было тѣмъ тяжелѣе, что въ эту тяжелую для Ольги Николаевны, какъ королевы Виртембергской,

эпоху, я, въ качествѣ ея духовника, не могъ по внутреннему убѣжденію принять ея сторону и быть ея утѣшителемъ даже въ поддержаніи ея упованія на Бога, дающаго побѣды на враги. Мое внутреннее убѣжденіе говорило мнѣ, что готовившаяся междуособная война будетъ только бесполезнымъ братоубійствомъ, и потому я всячески старался убѣдить королеву отступить отъ ложнаго увлеченія въ союзѣ съ Австріею покорить Пруссію и ввести ее въ предѣлы бывшаго корфюршества Бранденбургскаго. Напрасно я указывалъ ея величеству на историческую судьбу Россіи, также объединившейся когда-то подъ главенствомъ Москвы. Королева отвѣчала мнѣ, что это не примѣръ для Германіи, такъ какъ въ Россіи былъ одинъ народъ, раздѣленный на удѣлы, между тѣмъ какъ Германія состоитъ изъ отдѣльныхъ племенъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою исторію. Такъ, на примѣръ, Швабскій царствующій домъ гораздо древнѣе Гогенцоллернскаго, и корень исторіи нѣмецкаго народа находится въ его южныхъ отрогахъ, а никакъ не въ Пруссіи, которая не имѣетъ даже характера нѣмецкаго, образовавшись изъ разныхъ пришельцевъ и хищныхъ рыцарей, завоевавшихъ силою Поморье, (Ромшогн), населенное чуждымъ народомъ. Указывалъ я на Францію, также образовавшуюся изъ мелкихъ графствъ, наконецъ на Италію, начавшую тогда уже объединяться подъ главенствомъ Савойскаго дома. Въ отвѣтъ на все это королева прислала мнѣ для прочтенія статью въ «Revue des deux mondes», въ которой предвѣщалось неминуемое разрушеніе плановъ Бисмарка. Когда я возвратилъ эту статью ея величеству и на ея вопросъ, убѣдился ли я въ томъ, что было высказано въ этой статьѣ? я отвѣчалъ, что я остаюсь при прежнихъ мысляхъ, и еще разъ сердечно сожалѣю, что польется кровь вѣрнопопданыхъ ихъ величествъ бесполезно, королева отпустила меня со словами: «сожалѣю, что вы находитесь на фальшивой дорогѣ». Послѣ этого я попросилъ себѣ отпуска на нѣсколько недѣль и отправился на воды въ Тельдъ въ Южную Баварію, гдѣ и переждалъ окончаніе возгорѣвшейся съ такимъ увлеченіемъ междуособной войны и окончившейся очень скоро полнымъ пораженіемъ юга и торжествомъ Бисмарка.

Вспоминая теперь на разстояніи почти четверти вѣка тогдашнее состояніе умовъ въ Германіи, не вѣришь самому себѣ, какая невѣроятная перемѣна произошла въ политическомъ настроеніи нѣмцевъ. Ненависть къ Пруссіи, особенно къ Бисмарку была такъ сильна, что опасно было показать малѣйшее сочувствіе къ этимъ тогдашнимъ заклятымъ врагамъ особенно южныхъ фатерландовъ. Какъ часто мы вдвоемъ съ моимъ пріятелемъ Н. Э. Аделунгомъ, секретаремъ королевы, разсуждали потихоньку о томъ, что настанетъ время, когда тѣ же нѣмцы станутъ ставить памятники Бисмарку во всѣхъ своихъ столицахъ. И время это настало. Говорятъ, Бисмаркъ—врагъ Россіи. Но всѣ же

говорять, что это—единственный великій человекъ своего времени. Конечно, успѣхомъ своимъ въ объединеніи Германіи онъ всецѣло обязанъ Россіи и благоволенію къ Пруссіи покойнаго государя Александра Николаевича. Не то было бы при покойномъ императорѣ Николаѣ. Довольно вспомнить, какъ отнесся онъ къ подобной реформѣ Швейцарскаго союза въ сороковыхъ годахъ. Вѣрный политическимъ принципамъ, императоръ Николай не призналъ новой конституціи Швейцарскаго союза, какъ противорѣчившей постановленіямъ вѣнскаго конгресса, и отозвалъ свое посольство изъерна, а вмѣстѣ съ нимъ и наша тамошняя церковь была запакована въ ящики и долго хранилась въ нихъ безъ употребленія во Франкфуртѣ, пока, уже въ пятидесятыхъ годахъ, не была снова возвращена въ Женеву по просьбѣ проживавшей тамъ въ это время великой княгини Анны Ѳеодоровны, разведенной супруги великаго князя Константина Павловича. Германскій союзъ былъ также узаконенъ вѣнскимъ трактатомъ и теперь безнаказанно разрушался политикою Бисмарка.

Но пока я находился въ добровольномъ изгнаніи въ Тельцѣ, событія шли такъ быстро, что пруссаки успѣли разбить стотысячную армию южанъ и при Кенигсгрецѣ окончательно выбросить Австрію изъ германскаго союза. Уже 31-го іюля мнѣ писалъ изъ Стутгарта мой пріятель Аделунгъ слѣдующее: «на счетъ политическихъ взглядовъ вы найдете въ Стутгартѣ совершенную перемѣну. Куда дѣвались эти лютые пруссоѣды, эти завоеватели Берлина, мечтавшіе не на шутку королевство Пруссію обратить опять въ курфюршество. Они затихли и—кажется навсегда. По мѣрѣ того, какъ прусское побѣдоносное войско, разбивая на каждомъ шагу австрійцевъ, пошло на Вѣну, а съ другой стороны нѣсколько тысячъ пруссаковъ, разбивъ 100.000 союзныхъ, пошли на Мюнхенъ, занявъ безъ боя столицу Сейма (блаженные памяти) Франкфуртъ, крикуны затихли и стали исподтишка закупать разныя провизіи для ожидаемыхъ пруссаковъ (*captatis benevolentiae*), благо-разумные же люди убѣдились въ совершенной гнили великой Австріи и въ всепокоряющей интеллигенціи и организаціи Пруссіи. Всѣ же довольны, что отдѣлались сныяками, и пришли къ тому заключенію, что вся будущность мелкихъ государствъ зависитъ теперь отъ ими же поруганнаго графа Бисмарка, который сумѣлъ же осуществить то единство Германіи, которое вѣмцы мнили составить изъ отвлеченности. Даже во дворцѣ произошелъ разительный переворотъ въ мнѣніяхъ. Теперь на повѣрку выходитъ, что правы были тѣ, которыхъ взгляды казались такъ сумасбродными и такъ ошибочными».

Еще раньше, когда южане собирались на войну съ Пруссіею и выставили три соединенные корпуса подъ предводительствомъ трехъ привцевъ, Александра Дармштатскаго (отца Баттенберговъ), Виль-

гельма Баденскаго (мужа Маріи Максимиліановны) и Карла Баварскаго, Аделунгъ уже подшучивалъ надъ этими предводителями, называя ихъ — одного Александромъ Великимъ, другаго Вильгельмомъ Завоевателемъ, а третьяго Карломъ Смѣлымъ, и предвѣщаль имъ скорое и неминуемое пораженіе, что и случилось. Пруссаки дѣйствовали съ такою быстротою, что не давали неприятелю времени соединиться и разбивали по частямъ отдѣльные корпуса. Такъ, виртембергское войнство, шедшее на соединеніе съ главными силами, было застигнуто недалеко отъ Стутгарта на бивуакѣ, и въ то время, какъ *gemütliche Schwaben* собирались варить себѣ ужинъ, вдругъ съ окрестныхъ возвышенностей на нихъ посыпались прусскія пули, положившія на мѣстѣ много невинныхъ жертвъ этой братоубійственной войны. Такъ было, между прочимъ, въ Киссингенѣ, гдѣ больные, между которыми было не мало и нашихъ соотечественниковъ, преспокойно пили свои утреннія воды, какъ, откуда ни возьмись, отрядъ пруссаковъ ворвался въ городъ и уже на улицахъ началъ перестрѣлку съ находившимся тамъ гарнизономъ баварцевъ, не ожидавшихъ вовсе нападенія на мѣсто водъ, наполненное при томъ больными иностранцами.

Многіе изъ благородныхъ нашихъ соотечественниковъ успѣли въ-время оставить Германію до начала междоусобицы и воротиться въ Россію. Такъ, одно семейство Трофимовыхъ, нѣсколько лѣтъ прожившее въ Стутгартѣ для воспитанія дѣтей, успѣшно оставило намѣченное было здѣсь гнѣздо и переехало на житье въ свою деревню, откуда глава этого семейства, бывшій впоследствии извѣстнымъ мировымъ судьей въ Петербургѣ, писалъ мнѣ отъ 20-го сентября слѣдующее: «Трудно себѣ представить, съ какою жадностью мы всѣ, не выключая и маленькихъ дѣтей, читали газеты во время недавняго нашествія варваровъ на цвѣтушія плодородіемъ южно-германскія земли. Мы боялись за милый Виртембергъ и дорогой намъ Стутгартъ. Слава Богу, кончилось братоубійство, за которое заплатились невинныя жертвы прусскаго властолюбія. Кстати, позвольте познакомить васъ съ новымъ произведеніемъ ветерана русскаго Парнаса, князя Вяземскаго.

Противно мнѣ самохваленъ!
 Неправда душу мнѣ скребеть!
 Меня смущаетъ Провидѣнье,
 Когда на землю явы плетъ.
 А въ мірѣ мысли и въ природѣ
 Какъ бы на зло мнѣ съ трехъ концовъ
 Вдругъ разыгрались на свободѣ
 Холера, Бисмаркъ и Катковъ!

«Катковъ попалъ въ уровень съ истребителями рода человѣческаго потому, вѣроятно, что онъ въ чадѣ патріотизма хватилъ черезъ край, какъ почтмейстеръ Гоголя. Покровительственный и нравочительный

тонь передовыхъ статей Каткова съ каждымъ днемъ уменьшаетъ число его приверженцевъ. Катковъ осуществляетъ басню «Пустынникъ и Медвѣдь»,—изъ усердія бьетъ наповаль».

Наконецъ, бури пронеслась, оставивъ по себѣ роковые для южныхъ государствъ слѣды въ тайномъ договорѣ, по которому и войска, и дипломатія отдавались въ полное распоряженіе Пруссіи, и который хранился въ секретѣ до самаго столкновенія Пруссіи съ Франціей въ 1870 году. Все возвратилось опять къ мирнымъ занятіямъ. Королева уѣхала на морскія купанья въ Остенде; я поселился на своемъ мирномъ Ротенбергѣ. Правда, меня приглашали было въ Женеву на освященіе отстранявшейся тамъ русской церкви. Но какъ это было уже въ концѣ августа и мы ожидали возвращенія королевы къ 30-му, дню ея рожденія, въ Фридрихсгавенъ, гдѣ обыкновенно праздновался этотъ день богослуженіемъ, то я и принужденъ былъ отказаться отъ участія въ женевскомъ торжествѣ, за чтò навлекъ на себя неудовольствіе собравшихся тамъ съ разныхъ сторонъ сослуживцевъ, какъ видно изъ прилагаемаго при семь письма ко мнѣ о. Іосифа Васильева. Писано оно было главнымъ образомъ по тому поводу, что одинъ французъ, м-г Serpinet, издавшій въ это время переводъ проповѣдей митрополита Филарета, обратился ко мнѣ съ просьбою поднести это изданіе отъ его имени королевѣ. Прежде чѣмъ исполнить эту просьбу, я обратился къ о. Васильеву за справками о личности этого француза, и вотъ чтò мнѣ отвѣчалъ на это о. Васильевъ:

21-го октября (2-го ноября) 1866 года Парижъ.

«Глубокоуважаемый мною о. Иванъ Ивановичъ.

«Только-что возвратился изъ поѣздки во внутреннюю Францію, какъ сего же дня ѣду въ Россію. А потому поспѣшно отвѣчаю на ваше любезное письмо.

«Г. Serpinet былъ учителемъ французскаго языка въ многихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно женскихъ. Въ двѣнадцатилѣтнее пребываніе въ нашемъ отечествѣ, онъ, какъ я слышалъ, пользовался заслуженнымъ уваженіемъ. Въ Парижѣ я встрѣчалъ его у гр. Толстыхъ, г.г. Плотниковыхъ и слышалъ отличные отзывы о г. Serpinet. И самъ я пользовался его посѣщеніями и бесѣдами, которыя всегда находилъ занимательными и съ благороднымъ и просвѣщеннымъ взглядомъ на лица и вещи. Вѣрнымъ же переводомъ проповѣдей преосвященнаго митрополита московскаго г. Serpinet оказалъ нашей церкви и Россіи важную услугу. Но объ этомъ вы разсудите лучше меня.

«Всѣ мы душевно сожалѣли, что лишены были въ Женевѣ вашего почтеннаго присутствія. Наше сожалѣніе могло бы обратиться въ осужденіе ваше, если бы уваженіе къ вамъ и увѣренность въ невозможности не удержали насъ.

«Зачѣмъ это онъ ѣдетъ въ Россію? думаете вы обо мнѣ. Не на чужую свадьбу собираюсь, а хлопочу устроить такую въ моемъ семействѣ. Одинъ бакалавръ Московской духовной академіи желаетъ вступить со мною въ родство. А мой Кавказъ? Рушился, благодаря Св. Синоду, который отвергъ мое условіе о независимости отъ главнаго священника арміи и флотовъ. Но это не мое дѣло. Меня просили на Кавказъ, я согласился условно. Надо мыкать горе въ Парижѣ.

«Зовутъ въ Посольство за депешами. Не осудите моего скорого и плохаго-писанія, и вѣрьте моему сердечному уваженію и неизмѣнной преданности».

Наша духовная литература и наше богослуженіе сильно интересовали въ это время иностранныхъ богослововъ, которые старались поближе познакомиться съ нашею церковью и ея обрядною стороною. Такъ, этою же осенью по поводу погребенія скончавшагося въ Тюбингенѣ Пелопидаса, тамошній профессоръ университета, Пальмеръ, обратился ко мнѣ письмомъ за разъясненіемъ нѣкоторыхъ подробностей нашего богослуженія, при чемъ онъ писалъ между прочимъ слѣдующее: «Присутствуя при погребеніи статскаго совѣтника Пелопидаса, я не могъ довольно насмотрѣться на достоинство вашего обряда, ни довольно послушаться замѣчательно прекрасныхъ аккордовъ богослужебнаго пѣнія. Но я желалъ бы знать, слова этихъ пѣснопѣній были ли псалмы или молитвы вродѣ de Profundis или Miserere латинской церкви? У меня есть ваша книжка (мой переводъ панихиды съ объясненіями), но я просилъ бы указать мнѣ въ ней тѣ слова, которыя были пѣты при погребеніи. Кромѣ того, я позволю себѣ еще одинъ вопросъ. Въ письмахъ Муравьева о богослуженіи восточной церкви въ переводѣ Муральта находятся, конечно, болѣе риторическое, чѣмъ наглядное, описаніе пасхальной ночи. Я бы хотѣлъ знать, дѣйствительно ли это изображеніе пасхальнаго торжества вѣрно и соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Такъ ли это совершается и теперь въ Россіи? И въ самомъ ли дѣлѣ, въ праздникъ Пасхи всѣ привѣтствуютъ другъ друга словами: Христосъ воскрес! Воистину воскрес! Я предлагаю эти вопросы особенно потому, что мнѣ назначено на слѣдующей недѣлѣ держать въ Стутгартѣ публичное чтеніе, предметомъ котораго я избралъ сопоставленіе символики и литургики въ различныхъ исповѣданіяхъ христіанской церкви, при чемъ мнѣ хотѣлось бы выставить на видъ эстетическую сторону богослуженія въ каждой церкви». Конечно, я не замедлилъ увѣрить профессора Пальмера въ томъ, что въ описаніи Муравьева пасхальной службы не было ничего преувеличеннаго и что напротивъ это, какъ ему казалось, риторическое изображеніе ниже дѣйствительности, что надо самому присутствовать въ ночь Пасхи, особенно въ Москвѣ, чтобы придти въ религіозный восторгъ отъ этого торжественнаго празд-

нованія воскресенія Христова православною церквою. Послѣ этого я съ любопытствомъ ожидалъ назначеннаго публичнаго чтенія въ Стутгартѣ. Мнѣ особенно было интересно услышать, какъ этотъ профессоръ протестантскаго университета выразится передъ смѣшанною аудиторією католиковъ, протестантовъ и православныхъ на счетъ той церкви, которую западные христіане привыкли считать заброшеною, темною и отсталюю. Но профессоръ Пальмеръ, несмотря на свою сдержанность, противъ воли увлекся восторгомъ при изображеніи обрядности православной церкви и особенно при описаніи торжества пасхальной ночи въ Россіи и увлекъ за собою слушателей, отвѣтившихъ ему на это громкими рукоплесканіями.

Но благоденственное и мирное житіе мое въ Стутгартѣ въ концѣ этого года было нарушено еще разъ повторившеюся попыткою вызвать меня на служеніе въ Россію. 3-го ноября 1866 г. получилъ я неожиданно-негаданно отъ графа Д. А. Толстаго, бывшаго тогда оберъ-прокуроромъ Св. Синода, слѣдующее приглашеніе:

«По поводу имѣющаго вскорѣ послѣдовать назначенія на епархію ректора С.-Петербургской духовной академіи епископа выборгскаго Іоанна, озабочиваясь избраніемъ ему достойнаго преемника въ должности ректорской, я обратилъ вниманіе на ваше высокопреподобіе, ученые труды и просвѣщенная дѣятельность котораго на пользу православной церкви извѣстны не только въ Россіи, но и за границей.

«Покорнѣйше прошу ваше высокопреподобіе увѣдомить меня съ полною откровенностью, въ какой мѣрѣ означенное предположеніе мое согласуется съ вашими собственными намѣреніями и желаніемъ, дабы сообразно съ симъ, въ случаѣ вашего согласія, я могъ предложить о семъ Святѣйшему Синоду. Польза службы и личное мое къ вамъ уваженіе побуждаютъ меня выразить, что для меня было бы весьма пріятно, если бы вы приняли предлагаемую вамъ высокую должность. Въ случаѣ вашего на то согласія, благоволите испросить предварительно августѣйшее соизволеніе ея величества королевы, такъ какъ безъ разрѣшенія ея величества ни въ какомъ случаѣ не можетъ состояться ваше назначеніе; буде же таковое разрѣшеніе послѣдуетъ, то примите на себя трудъ испросить у ея величества приказаній касательно замѣщенія вашего мѣста.

«Въ ожиданіи отвѣта вашего, съ которымъ покорнѣйше прошу по возможности не замедлить, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью вашего высокопреподобія покорнѣйшимъ слугою. Графъ Дмитрій Толстой».

Вотъ и опять я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе борьбы между долгомъ службы и моимъ личнымъ отношеніемъ къ моей августѣйшей духовной дочери. И вотъ я отправился съ этою бумагою на

совѣтъ къ ея величеству. И въ этотъ разъ, королева отвѣчала мнѣ, что она согласна разстаться со мною, если того требуетъ польза службы. Но въ настоящемъ дѣлѣ она желала бы знать, почему выборъ о. ректора академіи падаетъ на меня, а не на кого другаго? Ожидаютъ ли чего лучшаго отъ моей личности, или хотятъ имѣть по тогдашнему стремленію къ всевозможнымъ реформамъ новаго человѣка съ новыми взглядами? Во всякомъ случаѣ она совѣтуетъ мнѣ напередъ выяснитъ себѣ, чего отъ меня хотятъ, и какъ графъ Толстой самъ приглашаетъ меня высказаться на это съ полною откровенностію, то королева и совѣтуетъ, прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ, списаться съ графомъ Толстымъ и написанное предварительно показать ея величеству. На этомъ основаніи я отвѣтила графу Толстому слѣдующимъ письмомъ:

15-го (27-го) ноября 1866 г. Стутгартъ.

«Предложеніе, которое ваше сіятельство дѣлаетъ мнѣ въ почтеннѣйшемъ письмѣ вашемъ отъ 3-го ноября, такъ важно, что я стараюсь забыть при этомъ и свою личность, и свои интересы, и только имѣть въ виду самое дѣло. И потому покорнѣйше прошу принять мой отзывъ съ тою благосклонностію, съ которою вы изволили вызывать меня на полную откровенность.

«Назначеніе на мѣсто ректора духовной академіи лица изъ блага духовенства—дѣло у насъ довольно новое, и имѣя до сихъ поръ одинъ только предшествующій примѣръ въ Московской духовной академіи, при предстоящемъ повтореніи того же и въ С.-Петербургской духовной академіи, заставитъ предполагать особые виды или намѣренія духовнаго начальства. Поэтому очень естественно освѣдомиться напередъ, какія требованія будутъ поставлены отъ того лица, на которое падетъ выборъ въ такую важную должность? Соединено ли съ этимъ нововведеніемъ какое-либо особое направленіе въ воспитаніи и образованіи духовнаго юношества? Или же эта мѣра только случайная, не имѣющая никакого отношенія къ столь желаемому измѣненію прежнихъ порядковъ и отношеній?

«Если одно только послѣднее предположеніе вѣрно, то мои служебныя и личныя отношенія не позволяютъ мнѣ прервать той священной для меня связи, которая удерживаетъ меня здѣсь при особѣ ея величества. Другое дѣло, если выборъ начальства на такую важную должность падаетъ на меня, въ томъ предположеніи, что моя личность, моя долготѣнная наглядность къ другимъ порядкамъ, моя совершенная новизна въ застарѣлой рутинѣ нашихъ училищныхъ преданій именно нужны въ данную минуту,—въ такомъ только случаѣ могу я принести въ жертву новому званію своему мои, болѣе чѣмъ служебныя только, отношенія къ августѣйшей особѣ, при которой я имѣю счастье состоять духовникомъ.

Говоря это, я выражаю не одни только свои чувства, но вмѣстѣ и взглядъ на это дѣло ея величества.

«Переходя отъ общаго взгляда на дѣло къ моимъ личнымъ отношеніямъ къ оному, я долженъ поставить на видъ, кромѣ моей совершенной неопытности въ училищной службѣ, главнымъ образомъ мою долготѣнную отчужденность отъ нашихъ порядковъ, вслѣдствіе которой я могъ бы провести въ свою должность новость взгляда на веденіе управленія однимъ изъ высшихъ нашихъ духовныхъ заведеній, могушую повести ко многимъ преобразованіямъ какъ внутренняго состоянія онаго, такъ и внѣшнихъ отношеній его. При этомъ я, конечно, долженъ приготовиться ко многимъ нареканіямъ въ европеизмъ и еще, чего избави Боже, въ протестантизмъ, но, идя на великое дѣло, я готовъ бы былъ переносить злбную молву, если бы только я былъ увѣренъ въ сочувствіи къ моимъ дѣйствіямъ высшаго начальства.

«Но такъ какъ вы въ вашемъ письмѣ благосклонно коснулись и моихъ собственныхъ намѣреній и интересовъ, то я долженъ признаться, что переходъ отсюда на какую бы то ни было службу въ Россію въ настоящую минуту помѣшалъ бы исполненію моихъ уже очень недалекихъ ожиданій. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоитъ окончаніе образованія моихъ сыновей, находящихся теперь при мнѣ, которое должно послѣдовать не ранѣе 2-хъ лѣтъ. Затѣмъ 16-го апрѣля 1869 года исполнится 25-ти-лѣтіе моего служенія за границую и съ этимъ соединенное право на пенсію. Если бы предлагаемое мнѣ назначеніе могло совпадать съ этимъ срокомъ, то это много облегчило бы мою рѣшимость разстаться съ настоящею моею службою за границую.

«На основаніи всего этого, я позволяю себѣ, съ высочайшаго соизволенія ея величества, въ отвѣтъ на дѣлаемое мнѣ предложеніе, представить слѣдующія соображенія на ваше благоусмотрѣніе:

1. Прежде всего желательно было бы имѣть полное и ясное свѣдѣніе о видахъ духовнаго начальства при предполагаемомъ назначеніи меня на мѣсто ректора С.-Петербургской духовной академіи.

2. Затѣмъ я просилъ бы покорнѣйше прислать мнѣ инструкцію ректора академіи съ дозволеніемъ войти по оной въ изложеніе моихъ личныхъ взглядовъ на это дѣло и моихъ предположеній по веденію управленія академію.

3. Наконецъ, въ виду совершенной новости для меня этого дѣла и полной неопытности въ управленіи заведеніями, я сталъ бы просить дать мнѣ сроку до 1869 года, въ продолженіе котораго я могъ бы приготовить себя къ предлагаемой мнѣ высокой должности какъ предварительнымъ изученіемъ самаго дѣла по инструкціямъ и уставамъ духовныхъ училищъ, такъ и болѣе специальнымъ наблюденіемъ надъ состояніемъ и управленіемъ подобныхъ заведеній за границую, какъ

протестантскихъ, такъ и католическихъ не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ.

«Въ заключеніе прошу вѣрить, что всѣ эти соображенія основаны не столько на личныхъ интересахъ, сколько на глубокомъ сознаніи важности того дѣла, къ которому высшему начальству угодно будетъ призвать меня.

«Примите, высокоуважаемый графъ, увѣреніе въ глубокой преданности къ вамъ и моей искренней готовности жертвовать всѣмъ на благо родной церкви и отечества.

«Вашего сіятельства искренно и глубоко преданный слуга протоіерей І. Базаровъ».

Этотъ отвѣтъ былъ принятъ въ Петербургѣ въ смыслѣ отказа, и уже 29-го ноября графъ Толстой изъявилъ мнѣ въ частномъ письмѣ свое сожалѣніе о несостоявшемся намѣреніи опредѣлить меня на мѣсто ректора С.-Петербургской духовной академіи. Я помѣщаю здѣсь и это письмо графа Толстаго ко мнѣ, изъ котораго снова до ясности видно, что судьба моя связана была моимъ положеніемъ при королевѣ, и потому каждая попытка привлечь меня на службу въ Россію ставилась прежде всего въ зависимость отъ воли ея величества. Самъ же я не могъ настоятельно стремиться оставить свое мѣсто въ Стутгартѣ, не оскорбивъ чувства привязанности или просто долговременной привычки ко мнѣ моей августѣйшей духовной дочери. Это же чувство деликатности руководило и самое начальство, имѣвшее право и возможность вызвать меня въ Россію на ту или другую должность. Лестныя выраженія по отношенію ко мнѣ въ письмѣ графа Толстаго сводятся однако же къ тому же предвзятому началу, что я, несмотря на то и на это, прежде всего принадлежу по службѣ королевѣ и безъ ея воли не могу распорядиться собою. Вотъ это письмо графа Толстаго:

«Какъ ни прискорбно было для меня получить отъ васъ отказъ на предложеніе принять мѣсто ректора С.-Петербургской духовной академіи, но, взвѣсивъ приводимые вами доводы, я не могу не сознать, что въ настоящее время дѣйствительно вамъ невозможно было поступить иначе. Я съ удовольствіемъ ожидалъ бы васъ до 1869 года, но вы знаете сами, что учебное заведеніе не можетъ оставаться безъ начальства въ продолженіе трехъ лѣтъ; потому ректоромъ академіи назначенъ сегодня протоіерей Янышевъ. Во всякомъ случаѣ, если только я самъ останусь оберъ-прокуроромъ Св. Синода еще три года, я буду счастливъ предложить вамъ то мѣсто, которое въ то время откроется и будетъ соответствовать какъ вашимъ достоинствамъ, такъ и собственному вашему желанію. Разумѣется, какъ теперь, такъ и тогда я ничего не предприиму безъ предварительнаго соизволенія ея величества королевы, такъ какъ для меня воля ея величества священна, не въ официальномъ, но въ дѣйствительномъ и полномъ значеніи этого слова.

«Когда представится случай, прошу покорнѣйше повергнуть предъ ея величествомъ искреннѣйшее выраженіе моей безграничной преданности. Очень одолжили бы меня, также напомнивъ обо мнѣ давнишней моей знакомой г-жѣ Томиловой. Вашъ покорнѣйшій слуга Д. Толстой».

29-го ноября 1866 года.

Вслѣдъ за этимъ я получилъ письмо и отъ моего добраго пріятеля В. П. Титова, которому я тотчасъ же сообщилъ смыслъ моего отвѣта на предложеніе графа Толстаго и просилъ его сообщить мнѣ о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ мой отзывъ на мое начальство. Изъ письма В. П. Титова видно, что мой отзывъ былъ принятъ не совсѣмъ въ смыслъ полнаго отказа. Вотъ что писалъ мнѣ объ этомъ В. П. Титовъ:

С.-Петербургъ. 30-го ноября 1866 года.

«Прибавляю нѣсколько строкъ въ отвѣтъ на ваши довѣрительныя извѣстія отъ 15-го (27-го), дражайшій батюшка, объ отзывѣ, сдѣланномъ вами на предложеніе академическаго ректорства. Съ тѣхъ поръ дошла, вѣроятно, и до вашего свѣдѣнія мысль о назначеніи туда Ивана Леонтьевича Янышева. Дѣло такимъ образомъ, кажется, можетъ почитаться на первый разъ оконченнымъ. Зная ваше мнѣніе объ о. Янышевѣ и дружескія къ нему отношенія, не сомнѣваюсь, что и вы порадуетесь этому выбору, какъ одному изъ самыхъ лучшихъ. Вы посмотрите, если состоится назначеніе Ивана Леонтьевича, какъ пойдетъ дѣло на ладъ. Пройдетъ года два, въ теченіе которыхъ самыя событія представятъ вѣрнѣйшія ручательства того, какія на дѣлѣ окажутся трудности и какого позволительно ожидать успѣха. Съ другой же стороны, лишь бы удачно обошелся первый опытъ участія блага духовенства въ исправленіи важнѣйшихъ должностей по дѣлу церковныхъ училищъ, лишь бы обратилось благополучно это *initium dimidium laboris*, важныхъ и существенно полезныхъ мѣстъ найдется болѣе, чѣмъ вдоволь, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и на другихъ видныхъ и вліятельныхъ пунктахъ просторной нашей матушки-Россіи».

Назначеніе о. Янышева на мѣсто ректора С.-Петербургской академіи было самымъ подходящимъ дѣломъ во всѣхъ отношеніяхъ, и я удивляюсь, почему не палъ на него перваго этотъ выборъ, и почему для этого обратились напередъ ко мнѣ и Ключареву (впослѣдствіи архіепископу харьковскому Амвросію)? Единственною причиною тому могло быть только то, что о. Янышевъ въ то время былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы завять мѣсто, которое до сихъ поръ замѣщалось архіереями. Должность ректора академіи не могла ему помѣшать продолжать свои отношенія къ цесаревнѣ, и вотъ вслѣдъ за моимъ уклончивымъ отвѣтомъ ему предложили это мѣсто, которое онъ и принималъ, хотя, по свойственному ему смиренію, со страхомъ и трепетомъ, но вмѣстѣ и съ

полнымъ сознаниємъ важности принимаемаго на себя долга. Я помѣщаю здѣсь его письмо ко мнѣ, писанное при самомъ вступленіи его въ эту должность, характеризующее личность этого одного изъ лучшихъ нашихъ дѣятелей на поприщѣ духовнаго просвѣщенія. Его хотя и недолговременная служба въ должности ректора академіи оставитъ по себѣ свѣтлую страницу въ исторіи академіи. Но пусть потомки прочитаютъ сами это письмо его ко мнѣ и судятъ, съ какими чувствами онъ вступалъ на это поприще.

4-го декабря 1866 года. Волково.

«Ваше любезное письмо еще отъ 25-го октября дошло ко мнѣ чрезъ Ивана Васильевича Рождественскаго вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что, въ случаѣ отказа Ключарева принять ректорство въ академіи, его предложить вамъ, такъ какъ вы вмѣстѣ съ нимъ были предложены первыми кандидатами на этотъ постъ. Вашъ отвѣтъ былъ понятъ здѣсь какъ тонкій отказъ, ибо нельзя же было оставить мѣсто незанятымъ на два года, и вотъ мнѣ предложили его съ словами, что если и я откажусь, то бѣлое духовенство надолго снова будетъ устранено отъ подобныхъ мѣстъ. Зная желаніе цесаревны видѣть меня поближе къ Петербургу и вида невозможность занять мѣсто въ Аничковомъ дворцѣ, уже давно занятое моимъ же товарищемъ и не представляющее ни средствъ къ жизни, ни поприща для дѣятельности, къ какимъ сдѣлана своего рода привычка, а съ другой стороны опасаясь, что, возвратившись въ Висбаденъ, я не найду покоя въ совѣсти за бѣгство отъ важнаго дѣла, я отдалъ себя на волю Божію. И тамъ и здѣсь—мнѣ приходится быть какъ будто вашимъ преемникомъ, по крайней мѣрѣ опытно взойти въ исполненіе мысли, вамъ впервые заявленной и давно предназначенной. Говорить ли, какъ бы мнѣ дорогъ былъ всякій вашъ совѣтъ, а тѣмъ болѣе участіе въ нашемъ общемъ дѣлѣ и долгѣ духовнаго просвѣщенія. А случаевъ къ оному много. Вы можете написать что угодно для «Христіанскаго Чтенія», что угодно для прочтенія въ засѣданіи конференціи, которой предполагается дать по возможности дѣйствительное значеніе, и наконецъ можете, во имя блага церкви и моего личнаго спасенія, прямо бранить или поощрять меня, падить и наказывать, и я, какъ неизбѣжно преданный вамъ, приму все къ самому серьезному соображенію и послѣдую вашему слову съ любовью и покорностью, ибо знаю, что вы всегда были только благодѣтельны во всѣхъ вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ грѣшному. Усерднѣйше прошу чрезъ ваше благосклонное посредничество и отца Репловскаго, если бы онъ вздумалъ снова перомъ послужить церкви, принять участіе въ нашемъ «Христіанскомъ Чтеніи», которое во всѣхъ отношеніяхъ хотѣлось бы поставить на болѣе разумныхъ и для сотрудниковъ болѣе привлекательныхъ основаніяхъ, о которыхъ въ свое время будетъ опубликовано.

*

«Не могу вамъ описатьъ, какая тревожная доселѣ была жизнь моя и здѣсь въ Питерѣ, при переѣздахъ изъ столицы въ Царское и обратно, при новыхъ знакомствахъ и возобновленіи старыхъ, при множествѣ родныхъ, разсѣянныхъ по самымъ отдаленнымъ концамъ Питера, при немнѣвнй квартиры, которая и теперь состоитъ изъ маленькаго угла на Волковомъ, гдѣ мы всѣ сбиты въ кучу и гдѣ я едва нахожу возможность писать даже эти строки. Но въ академіи будетъ попросторнѣе квартира, хотя едва-ли не тѣснѣе отъ дѣла. Однако о томъ позвольте писать вамъ изъ академіи. Кабы вы знали, какъ горячо желаю послужить церкви въ самыхъ нѣдрахъ ея. Вспомните, смѣю просить васъ, и меня грѣшнаго съ академіею и въ сердцахъ и въ молитвахъ вашихъ и продлите дружбу вашу къ преданному вамъ всецѣло протоіерею І. Янышеву».

Не могу здѣсь не прибавить изъ моихъ воспоминаній о прошломъ оцѣнки столь близкой мнѣ личности І. Л. Янышева. Онъ былъ человѣкъ увлекающійся, и все, что замѣчалось имъ хорошаго, въ личностяхъ ли или въ жизни вообще, приводило его въ восторгъ; напротивъ, всякая слабость въ человѣкѣ, всякій беспорядокъ въ дѣлахъ приводилъ его въ сердечное уныніе. Но рядомъ съ этимъ онъ живо интересовался успѣхами въ научной ли или церковной жизни. Живя въ Германіи среди ученыхъ богослововъ и образованныхъ пастырей, среди упорядоченной жизни гражданской, онъ горѣлъ желаніемъ все это пересадить на родную почву и скорбѣлъ душою о томъ, что все это хорошее такъ трудно принимается у насъ въ Россіи. Ему было все свято, что служило къ возрастанію внутренняго человѣка въ вѣрѣ, надеждѣ и любви. Въ своей должности ректора академіи онъ обратилъ преимущественное вниманіе на учено-богословское образованіе духовнаго юношества и успѣлъ достигнуть въ этомъ отношеніи блестящихъ результатовъ.

Періодъ управленія о. Янышевымъ академіею останется однимъ изъ блестящихъ въ исторіи этого высшаго богословскаго института.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Г. С. Батенькова—князю Е. П. Оболенскому.

1.

17-го марта 1848 года. Томскъ.

И ваше письмо, почтеннѣйшій Евгений Петровичъ, я имѣлъ удовольствіе получить, точно уже удовольствіе потому, что не ожидалъ. Будучи такъ добры, вы повѣрите и моей благодарности.

Вы справедливо замѣчаете, что наукъ нашего времени именно недостаетъ благочестія. Она вышла бы изъ своей шаткости и противорѣчій, еслибъ признала Бога всему причиной. Какъ ни гляди, а приписывая все, даже и красоту природы, кругообращенію шара, дѣйствию центрального огня, возвышенію земной коры, электричеству, магнитизму и проч. и проч., даже пожалуй самому золоту—ничего изъяснить нельзя. Понадобится непремѣнно воля, разумъ и намѣреніе. Вотъ почему и можно похвалить начинавшееся стремленіе молодыхъ литераторовъ искать прогрессъ въ духъ и внутреннюю истину объяснять явленія.

Наука не разобрала даже самыхъ простыхъ предметовъ: времени и пространства. Она безусловно вѣритъ зрѣнію и слуху и всегда колеблется вѣрить разуму.

Обстоятельства моей жизни заставляли меня думать о времени. Прежде я едва ли не смѣшивалъ его съ машиною и опредѣлялъ простымъ счисленіемъ. Прошелъ возрастъ школьныхъ привычекъ, и ясно стало мнѣ, что всѣ извѣстныя теоріи времени не содержатъ въ себѣ и столько даннаго (?), сколько требуетъ простая тригонометрія. Тамъ необходимо дѣйствительно измѣрить хотя одно основаніе. Считая цифрами часы, дни и годы, нельзя было ничего сказать о времени. Я примѣтилъ, что не цифрами, а скукою существеннѣе знаю время, и тогда понялъ, что чувство есть лучшее учебное пособіе, а когда прожилъ пятьдесятъ лѣтъ, конечно, уже не пропустивъ ни одной минуты, то вотъ и измѣрилъ

нѣчто. Не тутъ ли путь къ открытію въ наукѣ Америки. Почему бы не стать уму въ свойственномъ ему самопознаніи; тогда онъ станетъ къ пространству не какъ къ стереометрической пустотѣ и къ времени, не какъ къ грубому механическому движенію, но въ прямомъ ихъ къ себѣ, къ жизни и къ Богу отношеніи, и вообще на природу будетъ смотрѣть тогда не какъ на взъерошенную дѣйствіемъ мертвыхъ силъ поверхность шара, но какъ на полное отраженіе вѣчнаго бытія живой разумной причины, и въ ней будетъ искать себѣ силы и благодати, столько же для знанія, сколько и для дѣйствія. Тогда достойно будетъ называть землю міромъ и обиталищемъ умной твари.

Мы уже слишкомъ умны и все, что насъ окружаетъ, чрезъ мѣру искусственно, нами самими изобрѣтено и произведено, но кто это все сохранить? и гдѣ гарантіи, что будетъ на это воля?... должно вѣровать.

Вы упоминаете о послѣднемъ произведеніи Гоголя. Очевидно, что онъ въ состояніи переходномъ. Можно однако же опасаться, что не вполне выразилъ смиреніе. Да и дѣло чрезмѣрно трудное. Самые ревностные подвижники не всегда могли довести эту добродѣтель до отреченія отъ собственнаго своего авторитета и замѣненія его вѣрою живому Богу. Тутъ не безнадежность, не уныніе, не сѣтеніе себя, а тихій свѣтъ Святыхъ Славы. Очевидно, что тутъ и для изящества словесности источникъ совершеннѣйшій; но достиженіе его, ежели и возможно индивидуально, то едва-ли скоро можетъ быть до того сообщительнымъ, чтобы и прессъ тому содѣйствовалъ. Вотъ почему переходное состояніе есть преимущественно состояніе страданія, и чудно было бы, еслибъ кому-нибудь удалось прійти въ дѣйствительный покой. И то много, если можно почерпать какое-нибудь утѣшеніе.

Въ письмѣ къ Ивану Ивановичу вы прочитаете нѣкоторыя подробности моего житія. Вамъ ихъ не повторяю, да и не интересны онѣ столько.

Господь да хранитъ васъ и милуетъ; не забывайте меня. Батеньковъ.
Кланяйтесь отъ меня всѣмъ вашимъ товарищамъ.

2.

17-го января 1856 г. Село Петрищево (Бѣлевъ).

Уже мнѣ извѣстно, что знаменитая нѣкогда Ялтуоровская колонія обречена на запусѣніе, и главные ея представители удалились; въ числѣ ихъ и вы сами. Привѣтствую васъ съ давно желаемымъ возвращеніемъ къ роднымъ и на родину. Ежели все тридцатилѣтнее терпѣніе обратимъ мы въ живое чувство, трудно будетъ соперничать съ нами въ глубинѣ и прочности любви и во всей ея благородной дѣятельности по вѣрѣ и долгу.

Это въ первый разъ пишу и прямо къ вамъ. Израиль въ разсѣяніи, и никакая сжатость уже не возможна. Жалѣю, что, проѣхавъ Калугу на разсвѣтъ и спѣша воспользоваться невѣрною переправою черезъ рѣку, я не могъ представиться княгинѣ Натальѣ Петровнѣ. Опасеніе мое было справедливо, ибо оттепель гналась по стопамъ и настигла меня, какъ только успѣлъ стать на мѣсто.

Я бы охотно отправился и теперь, сколько для свиданія съ вами, столько же и для того, чтобы проводить отдѣлившуюся на время отъ нашей семьи Марью Васильевну Кирѣевскую, но это предпріятіе не совпадаетъ теперь съ другими задуманными поѣздками, и я ограничиваюсь письменною бесѣдой. Правду сказать, дальняя дорога такъ меня утомила, что я не успѣлъ въ два мѣсяца исчерпать всю пріятность наслажденія покоемъ, а долговременная разлука, почти чудомъ кончившаяся, такъ сокращаетъ время настоящее, что кажется, оно наполнено однимъ свиданіемъ. Вѣрно, не чуждо и вамъ такое чувство.

Ни отъ кого изъ товарищей я прямо свѣдѣніе не получилъ, хотя знаю о нихъ нѣкоторыя подробности по письмамъ изъ Москвы и Питера. Можно, кажется, надѣяться, что около васъ составляетъ небольшая группа, хотя и не полагаюсь я на вѣрность данныхъ.

Одинъ только баронъ (Розень?) обогрѣлъ себѣ мѣсто въ столицѣ. Почему же и всѣмъ не желать бы того же, а совокупнымъ стремленіемъ и настойчивостью, при нынѣшнемъ расположеніи къ добру, почему бы и не одолѣть надзоръ и ограниченіе. Кажется, уже одни лѣта наши даютъ достаточный залогъ.

Прошу васъ, Евгений Петровичъ, сохранить ко мнѣ пріязнь, а отъ меня примите искреннее желаніе благословенія Божія на васъ и все ваше.

Новый годъ мы встрѣтили въ новой обстановкѣ или, точнѣе сказать, въ возобновленной. По общему смыслу, это—добро, предзнаменованіе и возобновленіе добра. Дай Богъ.

Будьте здоровы! Вашъ преданный Батеньковъ.

3.

15-го сентября 1857 г. Петричево.

.....Отъ нечего дѣлать я принялся теперь за переводъ цѣлыхъ 28 томовъ «Histoire du bas Empire», самаго непростительнаго пробѣла въ нашей литературѣ, и хорошо бы было для этого образовать въ помощь мнѣ цѣлую Академію у васъ, особливо изъ молодыхъ артиллерійскихъ для славы ихъ и выгоды; а для напечатанія книгопродавцы готовы; однако даютъ, собаки, только пять рублей съ печатнаго листа. По опыту, уже одѣланному, мнѣ нужно три недѣли времени на одинъ томъ.

При томъ я беру на себя не болѣе 10 книгъ, а остальные (будетъ переводить?) здѣшній народъ: оно бы не худо и одному зашибить тысячи полторы цѣлковыхъ; переводить крайне легко. G. Le Beau пишетъ ясно и просто, какъ всѣ авторы XVIII вѣка, кротокъ, умный, но немного съ папскимъ или католическимъ душкомъ. Но за это мы не въ отвѣтъ. Предметъ же этой судьбы Византіи—постоянно занимательный.

Ай батюшки, все исписать и поклониться негдѣ, а хочется поклониться всѣмъ, каждому и каждый съ каждымъ поклонись. Что сямъ и исполнено.

Да хранить васъ Господь. Вѣрный вашъ Батеньковъ.

4.

29-го іюня 1861 г. Сел. Мишенское.

Благодарю васъ, мой добрый другъ Евгеній Петровичъ, за ласковое и подробное извѣщеніе. Сегодня навечеріе назначеннаго у васъ семейнаго торжества, и надлежало бы пустить входъ все краснорѣчіе и обратиться съ моимъ словомъ ко всѣмъ на особицу, но несносный жаръ не хуже болѣзни отнимаетъ всѣ силы, а мнѣ не хочется углубиться въ даль безпочтовую, не перекинувъ къ вамъ нѣсколько словъ. Оставьте меня на волю, предаться въ эти дни простому душевному къ вамъ чувству и по возможности молитвѣ. Я и усталъ не много: ходилъ пѣшій къ обѣднѣ въ Бѣлевъ, хотѣлось видѣть тульскаго архіерея, въ епархіи котораго чаще всего болтаюсь почти пять лѣтъ, а самого не видалъ, хотя это уже при мнѣ третій.

Не больше какъ черезъ мѣсяцъ времени письменная наша бесѣда замѣнится изустною, хотя, правду сказать, не много я вывезу для ея одержанія. Съ пріѣзда занимало меня то, что появленіемъ какихъ-то калужскихъ помѣщиковъ разыгрывалась здѣсь страшная буря и насъ красными, разумѣется по-французски, называли потому, что отъ фатальнаго декабря, какъ отъ бѣгства изъ Мекки въ Медину, считается лѣтосчисленіе всѣхъ возможныхъ эмансипацій. Теперь все утихло, можно сказать, забыто, и я свернулся въ мой покой, какъ моллюскъ въ свою раковину.

Вопросами намъ перекидываться довольно трудно какъ по недостаткамъ сельской почты, такъ и по неимѣнію содержанія.

Теперь открываютъ волости, выбираютъ старшинъ и сельскихъ судей въ родѣ присяжныхъ. Новость, конечно, и занимательна, но желаемый тактъ далеко не установился. Первая присяга избирателей въ сословіи, гдѣ они не допускались, вѣроятно, производитъ впечатлѣніе въ умахъ, но жаль, что Св. Синодъ не позаботился изложить ее по самому существу дѣла, понятно и впечатлительно простому человѣку, аэта генеральная,

сочиненная Петромъ I и испещренная иноязычіемъ, далеко не соотвѣтствуетъ предмету. Мировые посредники все здѣсь разбираютъ на словахъ, по пятницамъ еженедѣльно съѣзжаются въ уѣздномъ городѣ. Но идетъ одна разработка и значительнаго доселѣ не предстало. Губ. присутствіе циркуляромъ сильно понизило значеніе своего урочнаго положенія. Ему это легче потому, что составлено тяжелымъ для крестьянъ, а съ помѣщиками ближе уже имѣть дѣло.

Много слышимъ критики на самый уставъ, особенно добровольное соглашеніе почитаютъ въ конецъ непрактичнымъ. Жалуются, что право владѣнія перестало быть обеспеченнымъ, когда теперь при полнотправности такое обширное поле произволу, то легче уже послѣ кроить собственность административно. Наконецъ, вопіютъ и на новыя учрежденія, называя ихъ огульною опекой надъ всею собственностью, а не находятъ ничего незаконнаго, если кто и не пуститъ мирового посредника въ свое имѣніе.

Все это, какъ я сказалъ выше, разработка. Дѣло доселѣ не тронутое, подобно американскимъ лѣсамъ съ ихъ лѣанами.

Простите, ежели опять найдете неясности, право, и разсуждать страшно, чтобъ не ударило солнце въ голову, при 30° температуры.

Будьте здоровы!

По описанію банкета заключаю, что Маріи Яковлевны нѣтъ это гдѣто въ Калугѣ.

Спросите у Петра Николаевича, достанетъ ли у него на мѣсяцъ терпѣнія или переслать его книги по почтѣ?

5.

15-го февраля 1862 г. Усадьба Уткино.

Хотя отсутствіе мое весьма недолговременно и говорить рѣшительно не о чемъ, но какъ завтра я располагаю ѣхать въ Бѣлевъ 17-го, а въ субботу пойдетъ къ вамъ почта, то и не хочется не окликнуть Калугу, при таковой okazji.

Къ Цуриковымъ писаво уже два раза, и оставалось рѣшить, кому адресовать въ вашъ домъ, моральной разницы нѣтъ: къ княгинѣ ли Натальѣ Петровнѣ или къ товарищу Евгенію Петровичу, а прочтутъ вѣрно сообща. Одно только обстоятельство послужило опредѣленію. Можетъ быть, доведется попросить о чемъ-нибудь, чтобъ было передано ко мнѣ домой, а это при всей вѣжливости въ обращеніи къ главному лицу, кажется, немного не вѣжливымъ по содержанію, раздѣлить же самое чувство, впадая въ какой-то дуализмъ, мнѣ рѣшительно не возможно. И такъ, схватывая выраженіе французскаго конвента, пишу «единое и нераздѣльное».

Деревенская жизнь моя течет тихо и спокойно. Два раза только отворялъ наружныя двери. Однажды сдѣлалъ пѣшкомъ самую крошечную прогулку и въ воскресенье ѣздилъ къ обѣднѣ въ нашу Петрищевскую церковь; но какъ она, по обыкновенію, холодная, и мнѣ это тяжело, то и собираюсь, какъ выше сказано, въ городъ, на навечеріе и утро прощенаго дня. Не маловажно для успокоенія и то, что во все время бытности здѣсь, въ расходной книжкѣ записано только бѣлый серебряный гривенникъ и 43 копѣйки серебряной мѣди. Думаю, что и Бѣлевъ не разорить: количество наличной кассы уиметъ его прыть, а пріютъ въ немъ и еще одинъ на дорогѣ готовы, а весь путь составляетъ верстъ 15. Самойло, принимая должность возницы, говоритъ, что это пустяки.

Въ большомъ дѣлѣ крестьяне вообще и, кажется повсемѣстно, представляютъ неодолимую стѣну для отраженія подписи на уставныхъ грамотахъ. Нельзя бы по справедливости правительству не обратить на это вниманіе особливо въ концѣ тысячелѣтія, какъ на выработавшійся въ этотъ циклъ характеръ, логику и голосъ своего, неоспоримо великаго народа. Славянофилы утверждаютъ, что всякая сила дѣйствуетъ до нѣкоторой мѣры въ прямомъ направленіи, а потомъ въ обратномъ, развивается ли по свойству упругости или просто толкаетъ. Едва-ли теорія ихъ теперь не оправдывается на дѣлѣ. Крестьяне не грубятъ, не буянятъ, мало спорятъ и даже добровольно соглашаются въ надѣлѣ. Одни представляютъ, что они не грамотны, на письмѣ добра и зла въ будущемъ различать не могутъ и смиренно покоряются закону, въ составленіи котораго не участвовали и не способны были участвовать. Вѣрятъ, что такъ и есть законъ, какъ имъ читаютъ и толкуютъ помѣщики, предводители, посредники и исправники, но принять на себя утвержденіе закона они не могутъ, и подпись ихъ излишня и неразумна, когда все дѣйствіе законно по взгляду знающихъ. У нихъ нѣтъ средствъ и искусства удержать за собою и тѣмъ обезпечить владѣніе землею. Напишутъ иначе, иначе и будетъ, какъ они уже привыкли видѣть. Крѣпости уже нѣтъ, въ остальномъ имъ старое понятіе. Ежели нужно что дѣлать съ отмѣной крѣпости, это знаютъ лучше, кто ее отмѣняетъ. Пусть указъ, а не сами они, не зная, что дѣлаютъ, кабалютъ себя. Намъ нужна земля, и часто обидно насъ надѣляютъ, но скажите на милость, какъ мы повѣримъ и подпишемъ, сколько оброка и сколько когда рабочихъ дней, когда читаютъ о данныхъ десятинахъ, когда мы едва смекаемъ на фунты сѣна и на неполныя сажени дровъ и всегда почти доводится спорить, не говоря уже о мѣрѣ, вѣсѣ и складкѣ, въ чемъ мы тянемъ къ себѣ, а покупщики къ себѣ, и нѣтъ на свѣтѣ суда, который бы насъ помирилъ. А тутъ же расчетъ на дни и часы съ штрафами, голова идетъ кругомъ и не можемъ сказать ни да, ни нѣтъ. Такъ законно, пустозаконно не противимся.

Вотъ крестьянская логика, такъ ясная, что разобрать ее можно. Не могу я назвать это ни гражданскимъ расколомъ, ни оппозиціей, а точно дѣйствіе упругости въ обратномъ направленіи. Пусть инья подавали руки, и считается это подписью, но тутъ одно повиновеніе и уступка на соглашеніе и миръ, но закона никто не подписывалъ. Вотъ что похоже на протестацію. Объясняютъ безнравственнымъ расчетомъ, мечтательными надеждами; но о дѣлой массѣ этого сказать нельзя; она лучше и разумнѣе.

Нельзя сказать, чтобъ самъ я глубоко входилъ въ это дѣло, но понимаю, что бюрократическимъ путемъ оно исполнѣ не устроится.

Съ російской почты уже пересланы мнѣ письма, но изъ Калуги такъ скоро, исключая особенную надобность, я не требовалъ и не имѣю. Это равно форменному донесенію, что все благополучно.

Зима доселѣ крѣпится, но съ новымъ мѣсяцемъ можетъ быть и переимѣна; почему нельзя рисковать дорогою, и я остаюсь при прежнемъ намѣреніи выѣхать въ лунную ночь 2-го или 3-го марта, никакъ уже не позже втораго въ постъ воскресенья. Объ этомъ и надобно сказать Цуриковымъ, съ тѣмъ, чтобъ почту 3-го марта взяли уже къ себѣ, а тѣ два письма, о которыхъ я просилъ, чтобъ не зависѣтъ много отъ здѣшняго почтмейстера и не посылать нарочнаго въ Дельцы, надобно адресовать въ Бѣлевъ на имя Авдотьи Петровны Елагиной для передачи мнѣ. Вотъ и все.

Полагая, что кромѣ васъ не достанетъ ни у кого терпѣнія прочитать такое длинное и сухое посланіе, я ограничиваюсь поклонами Свистунову, Виктору Антоновичу и всей публикѣ. Прошу извиненія у Натальи Петровны, княгини Александры Андреевны, у Натальи Сергѣевны, Варвары Самсоновны и цѣлую ихъ ручки. Близокъ день, когда всѣхъ прощаютъ, простятъ и меня, навѣрное простятъ. Я всегда такъ надѣюсь, что бы ни дѣлалъ. Нельзя однако на особицу не привѣтствовать Андрея Васильевича и Александра Михайловича, не обнять дѣтей и не погрозить нѣкоторой изъ нихъ, а Татьянѣ Александровнѣ не пожелать скорого и полнаго выздоровленія, и Кашкиныхъ забыть нѣтъ возможности; я поклонюсь ихъ замку, когда буду проѣзжать черезъ гостепримныя Прыски.

Кажется, довольно: не напрасно заплачено за марку; руки хотя и безъ толку, но въ волю расходились.

Слышу теперь лучше. Вылѣчилъ здѣсь дружественный пестъ своимъ цѣлительнымъ языкомъ, точно уже противъ ожиданія неприятности совѣмъ оглохнуть отъ старости. Грудь однако давить, и это не льститъ надеждѣ помолодѣть.

Да хранить васъ Господь и укрѣпить ко мнѣ въ дружбѣ. Батенька въ.

Тетенкѣ моей кивнуть не упустите. Ежели поѣду мимо, утромъ, можетъ быть, доведется ей стащить съ ногъ огромные сапоги.

Мы получили адресъ тверскихъ дворянъ, надѣлавшій шуму въ Москвѣ. Просятъ объ уничтоженіи (отмѣнѣ) всѣхъ сословныхъ привилегій и созваніи Земской Думы. Неуважительно отзываются о царскихъ совѣтникахъ, бюрократіи и мировыхъ учрежденіяхъ.

Письмо еще имѣю отъ Натальи Петровны Киреевской; Цуриковымъ кланяется, Сашенькѣ почти завидуетъ, какъ удалившейся отъ мірскихъ тревоженій. Отъ Погодина уже два письма. Все ихъ содержаніе, что писать ко мнѣ собирается. Лучшеву я еще не отвѣчалъ.

Сообщ. княгиня М. Г. Оболенская.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXIV ¹⁾.

Драматическая труппа прежнихъ годовъ: В. А. Каратыгинъ.—Брянскій.—Дюръ.—Сосницкій.—Каратыгинъ 2-й.—Максимовъ.—Самойловъ.—Григорьевъ 1-й.—Григорьевъ 2-й.—Марковецкій.—Бурдинъ.—Мартыновъ.—Асенкова.—Самойлова 1-я.—Дюръ.—Самойлова 2-я.—Московская труппа: Мочаловъ.—Щепкинъ.—Самаринъ.—Шумскій.—Садовскій.—Оперная труппа: Артемовскій.—Воробьева.—Петрова.—Леоновъ.—Степанова.—Французская труппа М-г и М-me Alan.—Alexandre Méer.—Breslan.—Verné—Росси.—Причины упадка русскаго театра.

Было бы нѣкоторымъ упущеніемъ съ моей стороны, если бы я, въ своихъ «воспоминаніяхъ», не отвелъ нѣсколько страницъ въ память знаменитой, во всѣхъ отношеніяхъ, драматической труппѣ конца тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, тѣмъ болѣе, что прошло уже болѣе 30 лѣтъ, какъ она стала испаряться, а, между тѣмъ, такой совокупности, одновременно, столькихъ крупнѣйшихъ талантовъ едва ли мы дождемся. Эта совокупность не была однако слѣдствіемъ одной случайности, а имѣла, конечно, свою причину, о которой я упомяну лишь мелькомъ въ концѣ главы.

Прежде каждый родъ драматической литературы имѣлъ блестящихъ представителей среди артистовъ. Со смертью Каратыгина 1-го трагедія пала окончательно. О Шекспирѣ и даже о Шиллерѣ или о трагедіяхъ иныхъ авторовъ не можетъ быть уже давно и рѣчи. Безъ великихъ талантовъ трагедія является пародіей не только на драматическое иску-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

ство, но и на драматическую литературу; и потому нельзя не отдать справедливости нынѣшнимъ артистамъ въ томъ, что они не берутся за трагическія роли. А между тѣмъ отсутствіе трагедіи составляетъ отсутствіе главнаго звена въ цѣпи драматическаго искусства.

Прежде всего я постараюсь охарактеризовать всѣхъ наиболѣе талантливыхъ артистовъ.

Каратыгинъ 1-й (Василій Андреевичъ). Онъ исполнялъ исключительно роли трагическія и высоко-драматическія. Я съ полнымъ убѣжденіемъ ставлю его въ разрядъ самыхъ гениальныхъ артистовъ. Впервые я увидалъ Каратыгина въ 1836 году, и до нынѣ, въ теченіе полувѣка, я не встрѣчалъ для трагедіи ни у насъ, ни между иностранными артистами хотя бы одинаго артиста, близко подходящаго къ Каратыгину 1-му. Этотъ человекъ точно родился трагикомъ. Усвоить себѣ до поразительной естественности движенія сильныхъ душъ изображаемыхъ имъ людей едва-ли возможно, не нося подобныхъ задатковъ въ своей натурѣ. Къ тому же, внѣшнія условія Каратыгина были особенно благоприятны для артиста, изображающаго трагическія и драматическія роли. Онъ былъ большаго роста, имѣлъ чрезвычайно стройную фигуру, достойную для модели скульптора; движенія его, отъ выработки или по натурѣ, были изящно пластичны; голосъ его былъ особенно звучный баритонъ, достигавшій, въ нужные моменты, до потрясающаго могущества. Вѣрность интонаціи и размѣръ рѣчи, сообразно обстоятельствамъ, составляютъ, конечно, одно изъ главныхъ условій для артиста, въ особенности въ трагедіи или въ драмѣ. Иногда требуется особенная быстрота рѣчи, другой разъ наоборотъ, и Каратыгинъ, какъ въ интонаціи, такъ и въ размѣрахъ рѣчи, былъ не только не погрѣшителенъ, но достигалъ въ этихъ отношеніяхъ полнаго совершенства.

Но превыше всего въ этомъ артистѣ горѣлъ задушевный, неподдѣльный и истинный огонь. Каратыгинъ дѣйствовалъ на публику обаятельно; съ появленіемъ его, бывало, просіяетъ, будто-бы, не только сцена, но и публика, которую онъ держалъ постоянно въ напряженномъ состояніи, потому, что она не желала пропустить ни одинаго звука, ни одинаго измѣненія его лица, или движенія его фигуры. Публика всегда была въ неистовомъ восторгѣ отъ игры Каратыгина; но онъ имѣлъ враговъ во вліятельномъ литературномъ кружкѣ: объ этомъ я упомяну ниже. Несмотря, однако, на этихъ и другихъ завистливыхъ враговъ, сценическое поприще Каратыгина было постояннымъ триумфальнымъ его шествіемъ до конца жизни.

Натуральность и естественность игры Каратыгина составляли, конечно, главное его достоинство. Извѣстно, что господствуютъ два противоположные взгляда на сценическую игру; одни полагаютъ, что артистъ, при игрѣ, отнюдь не долженъ чувствовать и увлекаться, а дол-

жень изучитъ всё вы́шнія условія изображаемаго имъ лица такъ, чтобы зрителю казалось, что артистъ въ самомъ дѣлѣ все чувствуетъ. Я же того мнѣнія, что истинный цѣнитель сценическаго искусства всегда подмѣтитъ, въ данномъ случаѣ, въ артистѣ натянутости чувства, и подобная игра не удовлетворитъ зрителя, а скорѣе оскорбитъ его. Другіе полагаютъ, что изученіе есть дѣло лишнее, что достаточно играть, какъ они говорятъ, однимъ н у т р о м ъ. Этотъ послѣдній взглядъ составляетъ другую крайность. Конечно, можно предпочитать игру н у т р о м ъ игрѣ дѣланной, безъ истиннаго чувства и увлеченія, но одного этого недостаточно: изученіе должно быть необходимымъ условіемъ для артиста. Онъ долженъ обдумать и изучитъ все, одинъ на одинъ, самъ съ собою; но когда, на сценѣ, является извѣстный, подходящий моментъ, истинный артистъ не можетъ не увлечься, смотря по состоянію своего духа, — одинъ разъ такъ, другой—иначе; между тѣмъ, предварительное изученіе, незамѣтно, безотчетно послужитъ артисту непремѣнно въ пользу увеличенія силы впечатлѣнія на зрителя.

Каратыгинъ совмѣщалъ въ себѣ оба условія: и истинный жаръ, и всё вы́шнія атрибуты, необходимые для искусства игры, которые онъ пріобрѣталъ тщательнымъ изученіемъ, и доводилъ такимъ образомъ игру до полной иллюзии и совершенства.

Племянникъ Василія Андреевича Каратыгина, Петръ Петровичъ, сынъ артиста Каратыгина 2-го, извѣстный отчасти въ литературѣ и котораго я хорошо зналъ, рассказывалъ мнѣ, что у его дяди была комната, обставленная кругомъ зеркалами, въ которую онъ всегда записался передъ представленіемъ,—хотя бы онъ игралъ уже въ предстоящей пьесѣ множество разъ,—и просилъ домашнихъ находиться въ это время въ болѣе удаленныхъ комнатахъ.

Въ одной изъ своихъ статей Бѣлинскій, отдавая полную справедливость великому таланту Каратыгина, не призналъ за нимъ огненной страсти и трепетнаго одушевленія. Я позволю себѣ не согласиться въ этомъ отношеніи съ Бѣлинскимъ. Во-первыхъ, Бѣлинскій никогда не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на него игрою Мочалова въ Гамлетѣ и Отелло, которую онъ называлъ вулканическимъ вдохновеніемъ. Во-вторыхъ, въ другой статьѣ встрѣчается какъ бы нѣкоторое противорѣчіе высказанному выше взгляду. Бѣлинскій, характеризуя игру Каратыгина въ «Заколдованномъ домѣ», гдѣ Каратыгинъ игралъ Людовика XI, и восхитившись этой игрою, замѣтилъ, что во всей пьесѣ было только два мѣста, гдѣ Каратыгинъ показался ему не Людовикомъ XI, а Каратыгинымъ. Надо знать, что недоброжелатели Каратыгина упрекали его за то, что онъ слишкомъ силенъ въ извѣстныхъ сценахъ, отдаваясь своему темпераменту, тогда какъ роль того не требуетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Бѣлинскій упрекнулъ Каратыгина

за то, чѣмъ онъ восторгался въ Мочаловѣ, т. е. вулканическимъ вдохновеніемъ. Какъ бы то ни было, означенный упрекъ противорѣчить съ непризнаніемъ за Каратыгинымъ огненной страсти и трепетнаго одушевленія.

Я утверждаю, съ полнымъ убѣжденіемъ, что Каратыгинъ обладалъ и священнымъ огнемъ, и одушевленіемъ, и творческимъ талантомъ, необходимыми для истиннаго артиста-художника.

Я уже высказывалъ прежде то глубокое уваженіе, которое я питалъ къ Бѣлинскому; но это не можетъ помѣшать мнѣ сказать, что я не могу признать за Бѣлинскимъ его компетентности во взглядѣ на Каратыгина, и это по слѣдующей, весьма вѣской причинѣ. Бѣлинскій, послѣ перѣзда своего въ Петербургъ, въ 1839 году, и по день смерти, въ 1848 году, видѣлъ Каратыгина всего 4 или 5 разъ. Хотя это обстоятельство было хорошо мнѣ извѣстно, но лучшимъ подтвержденіемъ этого факта служатъ его рецензіи. Вообще, Бѣлинскій имѣлъ нѣкоторое предубѣжденіе противъ игры Каратыгина, заимствованное имъ отъ другихъ, которое онъ не могъ разбить окончательно по той причинѣ, что онъ слишкомъ рѣдко видалъ Каратыгина.

По отношенію къ Каратыгину, Бѣлинскій довѣрялся своимъ пріятелямъ, которые не симпатизировали Каратыгину.

Я очень хорошо помню, какъ эти господа, пойдя посмотрѣть, ради новинки, какую-нибудь пошлую драму Кукольника, заужужать Бѣлинскому, что Каратыгинъ невозможенъ, что противно идти смотрѣть его, что онъ только реветъ и больше ничего. Между тѣмъ Каратыгинъ, обязанный играть въ этихъ драмахъ, дѣлалъ съ своей стороны всевозможныя усилія, чтобы подобныя пьесы не проваливались сразу, такъ какъ онъ находили поддержку въ извѣстныхъ слояхъ общества.

Итакъ, Бѣлинскій видѣлъ Каратыгина два раза въ Москвѣ: въ «Гамлетѣ» и въ «Коварство и любовь». Затѣмъ, въ Петербургѣ, онъ видѣлъ: «Велизарія», «Парашу Сибирячку», «Гвельфы и Гибелины» и «Закодванный домъ». Я свидѣтельствую, что, въ Петербургѣ, Бѣлинскій ни разу не видалъ Каратыгина ни въ «Гамлетѣ», ни въ «Отелло».

Приведу здѣсь подлинныя отрывки изъ рецензій Бѣлинскаго объ игрѣ Каратыгина въ пьесахъ, которыя онъ, Бѣлинскій, самъ видѣлъ. Въ то же время, это будетъ доказательствомъ великой добросовѣстности незабвеннаго критика, такъ какъ я знаю, какъ сильно наускивали Бѣлинскаго на Каратыгина.

Въ «Гамлетѣ», — говоритъ Бѣлинскій, — Каратыгинъ игралъ «искусно».

О представленіи «Коварство и любовь» вотъ что сказалъ Бѣлинскій: «Въ искусствѣ изящная форма великое дѣло, особенно тамъ, гдѣ вдохновеніе не прорывается бурными волнами. Г. Каратыгинъ загово-

рилъ... Въ его словахъ, въ его дикціи мы не слышали трепетнаго одушевленія, но, несмотря на то, чувствовали себя подъ вліяніемъ какого-то обаянія».

Послѣ представленія «Велизарія», Бѣлинскій написалъ довольно большую статью, гдѣ, признавая въ Каратыгинѣ высокаго художника, говоритъ, между прочимъ: «Пусть Каратыгинъ не перестаетъ показывать, что такое художественность формы, безъ которой и истинное искусство не достаточно и не полно. Каратыгинъ создалъ роль Велизарія. Онъ является на сценѣ Велизаріемъ и сходитъ съ нея Велизаріемъ, а Велизарій, котораго онъ игралъ, есть великій человѣкъ, герой, который является грозой готевъ и вандаловъ, руководителемъ христіанскаго міра противъ враговъ». Далѣе—«словомъ, въ продолженіе цѣлой роли, благородная простота, геройское величіе видны были въ каждомъ шагѣ, слышны были въ каждомъ словѣ, въ каждомъ звукѣ Каратыгина передъ вами постоянно являлось несчастье въ величіи».

Увидавъ «Парашу Сибирячку», Полевого, Бѣлинскій такъ отозвался объ игрѣ Каратыгина: «Его игра была, по обыкновенію, торжествомъ сценическаго искусства со стороны художественнаго созданія характера, въ пьесѣ довольно неопредѣленнаго. Въ самомъ дѣлѣ, увидѣвъ разъ Каратыгина въ этой роли, нельзя забыть этого высокаго человѣка съ густыми усами, съ мрачнымъ видомъ, съ порывистыми движеніями, обличающими огненныя страсти и желѣзную душу»... Далѣе: «Прекрасенъ былъ Каратыгинъ, въ сценѣ свиданія съ дочерью и въ этомъ безуміи, съ какимъ онъ узнаетъ отъ нея о прошеніи».

Случилось Бѣлинскому видѣть Каратыгина въ «Гвельфахъ и Гибелинахъ», и Бѣлинскій отнесся къ его игрѣ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Пьеса составлена для роли Каратыгина, который, по обыкновенію, сыгралъ ее обдуманно, съ мыслью, умно и ловко воспользовался всѣми средствами, какія только могла она дать его таланту. О родѣ таланта г. Каратыгина каждый можетъ имѣть свое мнѣніе ¹⁾, но никто не можетъ, безъ нарушенія добросовѣстности, не согласиться, что онъ—артистъ въ душѣ, и что съ его удаленіемъ со сцены Александринскаго театра, удалится оттуда искусство, не оставивъ по себѣ и слѣда».

Что же касается до отзыва Бѣлинскаго объ игрѣ Каратыгина въ «Заколдованномъ домѣ», гдѣ Каратыгинъ игралъ Людовика XI, то Бѣлинскій посвятилъ этому представленію очень обширную статью, восхваляющую Каратыгина. Я приведу изъ этой статьи только нѣсколько строкъ: «Таковъ Каратыгинъ въ этой роли! Въ каждомъ словѣ, въ

¹⁾ Очевидный намекъ на тѣхъ, которые называли Каратыгина балаганнымъ актеромъ.

каждомъ жестѣ вы видите характеръ историческаго Людовика XI. Посмотрите, какъ онъ согнулся, какъ часто кашляетъ, задыхается, какъ медленна и слаба его походка, какое коварство въ его будто-бы простодушномъ смѣхѣ, какъ онъ все видитъ, притворяясь, что ничего не видитъ, какъ онъ умѣетъ прикинуться обманутымъ, чтобы вдругъ и врасплохъ схватить свою жертву и заставить ее во всемъ сознаться, замѣтите, какъ ужъ черезчуръ обыкновененъ его языкъ, простонародны его манеры, грубы шутки, и какъ сквозь все это виденъ король, знающій, что онъ король, увѣренный въ своемъ могуществѣ, въ силѣ своего ума и непреклонности воли! Вотъ вамъ игра Каратыгина, если это даетъ вамъ о ней хоть какое-нибудь понятіе!.. Игру его невозможно характеризовать словами, а надо видѣть, чтобы понять и оцѣнить верхъ драматическаго искусства и торжество его таланта, являющагося въ этой роли въ своемъ апогеозѣ».

Таковы отзывы Бѣлинскаго о тѣхъ роляхъ, въ которыхъ онъ самъ видѣлъ Каратыгина. Изъ этихъ отзывовъ видно, что Бѣлинскій, вопреки всѣмъ наускиваніямъ, признавалъ въ Каратыгинѣ великій талантъ и великаго драматическаго артиста и художника, одареннаго творческимъ элементомъ.

Я остановился довольно долго на вопросѣ о взглядѣ Бѣлинскаго на игру Каратыгина потому, что я возымѣлъ смѣлость высказать, что я не согласенъ съ Бѣлинскимъ въ томъ, что Каратыгинъ будто-бы былъ лишенъ вдохновеннаго огня. Я счелъ своею обязанностью не только парализовать означенный взглядъ, но и доказать ошибочность его, и кажется, я доказалъ это фактами, т. е. тѣмъ, что Бѣлинскій видѣлъ Каратыгина въ серьезныхъ роляхъ всего 4 или, быть можетъ, 5 разъ, а равно и тѣмъ, что артистъ, лишенный вдохновенія, не могъ бы произвести на Бѣлинскаго такого впечатлѣнія, какое произвелъ на него Каратыгинъ, судя по рецензіямъ самого Бѣлинскаго.

Теперь я сообщу вкратцѣ объ игрѣ Каратыгина въ другихъ наиболѣе сильныхъ роляхъ:

«Коварство и любовь». Шиллера. Я привелъ уже выше отзывъ Бѣлинскаго объ игрѣ Каратыгина въ этой пьесѣ. Къ этому отзыву я могу добавить, что большинство публики, во время игры Каратыгинимъ Фердинанда, проливалло потоки слезъ.

«Разбойники», Шиллера. Каратыгинъ игралъ Карла Мора, а Брянскій его брата, Франца. Роль Карла не естественна и до невозможности натянута. Роль Франца очень благодарна, и всякій умный актеръ, и безъ выдающагося таланта, можетъ сыграть ее очень хорошо и сосредоточить вниманіе публики на себѣ. Между тѣмъ, въ Петербургѣ, Франца игралъ такой сильный артистъ, какъ Брянскій. Несмотря однако на это, Каратыгинъ сумѣлъ привлечь вниманіе публики на

Карла. Резонерства Карла выходили у него не противны, и необычайный тактъ для игры, которымъ обладалъ Каратыгинъ, подсказывалъ ему сглаживаніе того, что приторно и для зрителя скучно. Но въ пьесѣ есть высшій сценическій моментъ; это тотъ моментъ, когда Карлъ, ведя въ валомъ двери подвала, наталкивается на отца, выходящаго оттуда еще живымъ, тогда какъ Карлъ считалъ его давно умершимъ. Представьте же себѣ положеніе человѣка, передъ которымъ внезапно представило лицо, считавшееся давно умершимъ, но лицо живое. Страшное недоумѣніе и ужасъ должны охватить человѣка. Изобразить, въ подобномъ обстоятельствѣ, внезапный ужасъ и недоумѣніе въ томъ—стоитъ ли человѣкъ передъ живымъ лицомъ, или передъ призракомъ, должно представлять для артиста неодолимую трудность. Въ подобный моментъ, всякія слова, выражающія ужасъ и недоумѣніе, покажутся непременно пошлыми и слабыми. Каратыгинъ, при своемъ громадномъ тактѣ для игры, чувствовалъ, что подобный моментъ надо изобразить не рутинно-пошлыми жестами или словами ужаса, а сообразно положенію духа человѣка, инымъ, болѣе натуральнымъ образомъ. Какъ же онъ поступалъ? Только-что Карлъ увидалъ призракъ—какой-то ураганъ отталкиваетъ его отъ отца и ураганъ такой силы, что роняетъ Карла на колѣна, назадъ, и продолжаетъ толкать его, уже въ этомъ положеніи, чрезъ всю сцену, какъ будто человѣкъ катится по рельсамъ. Каково же должно было быть изученіе и сколько надо было употребить времени для того, чтобы достигнуть подобнаго движенія. Но, кромѣ того, нужна была огромная сила мускуловъ и внутренняя сила духа для инициативы такого движенія. Такимъ образомъ, самый затруднительный моментъ изображался Каратыгинымъ блестящимъ образомъ. Потомъ, отецъ медленно идетъ къ Карлу; тогда только онъ убѣждается, что видитъ дѣйствительно не призракъ, а живаго человѣка, и только тогда начинается уже рѣчь. Послѣ Каратыгина я раза три видалъ Карла Мора на нѣмецкихъ сценахъ: въ Дрезденѣ, Вѣнѣ и еще гдѣ-то. Я видѣлъ тоже Карла Мора въ Москвѣ и въ провинціи, и повсюду онъ былъ болѣе нежели противень.

«Уголино», Полевого. Въ этой пьесѣ Каратыгинъ игралъ Ноно.— Читателямъ, болѣе или менѣе, должно быть извѣстно содержаніе пьесы. Я напому только самую сильную сцену трагедіи.

Два молодыхъ существа, Ноно и Вероника, любятъ другъ друга, но они принадлежатъ къ семействамъ, враждующимъ между собою и питающимъ мысль о мщеніи. Ноно убѣгаетъ съ Вероникой, и они скрываются въ горахъ, въ хижинѣ. Ежедневно Ноно ходитъ въ деревню за добываніемъ провизіи. Сцена представляетъ площадку въ горахъ; въ ущельи видна хижина, и Ноно съ Вероникой сидятъ на скамьѣ подъ деревомъ, передъ его уходомъ на часокъ въ деревню. Мо-

*

лодая пара наслаждается любовью, и Каратыгинъ особенно рельефно напиралъ на эту сцену, чтобы рельефнѣе вышла слѣдующая за тѣмъ ужасающая, трагическая сцена. Въ роли Вероники я видѣлъ сначала г-жу Дюръ, но она была полнадля этой роли; а потомъ я видѣлъ въ этой роли восхитительную Вѣру Самойлову, не задолго до того, поступившую на сцену. Иллюзія нѣжныхъ взаимныхъ ласкъ была полная. Для Каратыгина Вѣра Самойлова была дитятей, его учиницей. Веронику беспокоитъ какое-то тяжелое предчувствіе, а потому она старается какъ можно долѣе задерживать Ноно; любящая другъ друга парочка не подозреваетъ однако, что за нею уже слѣдятъ.

Спустя не много по уходѣ Ноно, является дядя Ноно, Уголино, который требуетъ, чтобы Вероника слѣдовала за нимъ. Вероника убѣгаетъ, но Уголино догоняетъ ее, въ ярости, закалываетъ и оставляетъ кинжалъ, принадлежащій его врагу Руджиро, дабы отстранить отъ себя подозрѣніе. Вскорѣ возвращается Ноно, удивляется, что Вероника не бѣжитъ къ нему, по обыкновенію, на встрѣчу, и полагаетъ, что она спряталась гдѣ-нибудь за деревьями; но никого не видно и не слышно. Тогда Ноно идетъ въ хижину. Публика ждетъ неистоваго крика и вопля отчаянія; ничуть не бывало; въ хижинѣ царитъ гробовая тишина и такая пауза длится нѣсколько минутъ. Наконецъ, появляется на порогѣ Ноно, молча, блѣдный, какъ смерть; его ноги дрожатъ, онъ прислоняется спиной къ стѣнѣ хижины, у самыхъ дверей, и молчаніе продолжается. Потомъ, Каратыгинъ нѣсколько нагибается и манитъ къ себѣ рукой старика-пастуха, тутъ находящагося. Старикъ подходитъ, Каратыгинъ схватываетъ его за воротъ у затылка, сильно нагибаетъ его голову и тычетъ ее въ низенькую дверь хижины. Тогда только Каратыгинъ раскрываетъ ротъ и спрашиваетъ шопотомъ, но такимъ шопотомъ, отъ котораго волосъ становится дыбомъ и который былъ слышенъ во всѣхъ концахъ залы: «Видалъ ли ты мертвыхъ?» и повторяетъ этотъ вопросъ раза три, при чемъ съ каждымъ разомъ усиливаются въ голосѣ звуки подготавлиаемаго рыданія, и затѣмъ Каратыгинъ грохается во весь ростъ на землю безъ чувствъ. Послѣ того прибѣгаютъ люди, вмѣстѣ съ убійцей, и приводятъ Ноно въ чувство. Но когда онъ приходитъ въ себя, когда ему показываютъ кинжалъ, тогда только вступаетъ въ свои права могучій голосовой органъ Каратыгина; зритель слышитъ какъ бы рыканія льва въ пустынѣ; нѣтъ мѣры проклятіймъ, нѣтъ тѣхъ тиранній, которымъ не придумывалъ бы Ноно подвергнуть убійцу Вероники. Всю эту сцену Каратыгинъ ведетъ не подымаясь еще на ноги. Такъ изображалъ Каратыгинъ ужасающую трагическую сцену, которая у всѣхъ, видѣнныхъ мною послѣ Каратыгина актеровъ въ этой роли, выходила до невозможности слаба. Въ самомъ дѣлѣ, моментъ для Ноно ужасенъ, и нуженъ могучій талантъ, нуженъ для артиста

большой умъ, чтобы дѣйствительно потрясти зрителя, и чтобы вся описанная сцена не представилась ему зрѣлищемъ балаганнымъ. Бѣлинскій не видалъ Каратыгина въ этой роли, но замѣтилъ, въ одной своей статьѣ, что въ этой роли Каратыгинъ долженъ быть превосходенъ и можетъ пожинать лавры вмѣстѣ съ Полевымъ. Эта иронія относилась къ Полевому, а не къ Каратыгину. Каратыгинъ долженъ былъ играть эту роль и игралъ ее болѣе, нежели превосходно. Но и иронія относительно Полеваго совершенно не заслужена, такъ какъ трагедія Полеваго комбинирована искусно и удачно.

«Тридцать лѣтъ или жизнь игрока». Пьеса эта, конечно, далека до Шекспировскаго пошиба, она не затрогиваетъ общечеловѣческихъ струнъ; но не менѣе того обнимаетъ развитую въ челоѣчествѣ страсть къ игрѣ. И эту страсть пьеса исчерпываетъ до дна. Пьеса эта преисполнена трагическими моментами и предоставляла Каратыгину широкую арену для его могучаго таланта. Онъ всегда и вездѣ выдерживалъ свои роли съ начала до конца; но выдержка роли въ этой пьесѣ, гдѣ челоѣкъ является въ разныхъ, ужасныхъ контрастахъ своей жизни, выше всякаго сравненія. Во всѣхъ сценахъ онъ былъ превосходенъ, но два момента и, при томъ, моменты безъ словъ, гдѣ играло одно выраженіе лица, неизгладимо рисуются въ моихъ глазахъ, какъ бы это было сейчасъ. Вотъ эти моменты: когда Каратыгинъ въ рубищѣ, голодный, пришелъ просить чего-нибудь, чтобы притащить женѣ хлѣба, онъ встрѣчаетъ въ Обержѣ путешественника, видимо богатаго, который приглашаетъ нищаго закусить съ нимъ и просить его проводить по неизвѣстной ему въ горахъ дорогѣ. Вся внутренняя борьба, начавшая совершаться въ душѣ игрока, читалась зрителемъ въ выраженіяхъ лица Каратыгина, моментально измѣнявшагося, смотря по пробѣгавшимъ въ его умѣ мыслямъ, и читалась какъ бы по книгѣ. Этотъ моментъ игры былъ самымъ выразительнымъ въ игрѣ Каратыгина. Другой моментъ: товарищъ по игрѣ, въ дѣйствительности, мошенникъ-шудеръ, Вагнеръ, сообщаетъ игроку, что, пробираясь къ нему, онъ наткнулся на свѣже разрытую землю, расшевеливъ которую, увидѣлъ трупъ убитаго челоѣка, еще не остывшаго. За часъ до того игрокъ сдѣлался уже убійцей, и при словахъ Вагнера въ немъ должна была возбудиться не внутренняя борьба, подобная той, которая была передъ тѣмъ въ Обержѣ, а иное душевное движеніе страха отъ уличаемаго преступленія. Въ этотъ моментъ, тоже молча, Каратыгинъ наводитъ ужасъ на зрителя. Затѣмъ, игрокъ и Вагнеръ садятся играть въ карты. Замѣчу здѣсь, мимоходомъ, что Каратыгинъ тасовалъ при этомъ карты, какъ можетъ дѣлать это только фокусникъ. Это показываетъ, до какой степени Каратыгинъ относился серьезно къ ролямъ, которыя онъ долженъ былъ изображать. Послѣдняя сцена этой пьесы была преисполнена

внѣшняго эффекта. Игрокъ,—уличенный Вагнеромъ въ убійствѣ и подстрекаемый имъ на новое убійство заснувшаго въ хижинѣ офицера, какъ на дѣло уже знакомое,—рѣшается на это преступленіе; но въ эту минуту молнія ударяетъ въ хижину, она загорается; прибѣгаетъ отсутствующая до того жена и объявляетъ, что спящій въ хижинѣ офицеръ—ихъ сынъ. Игрокъ, сознавая всю страшную пропасть своего нравственнаго паденія, схватываетъ упирающагося Вагнера какъ щенка и бросается вмѣстѣ съ нимъ въ огонь, при крикѣ: «намъ съ тобой только и есть мѣсто въ аду!» Эта сцена исполнялась Каратыгинымъ съ потрясающимъ ужасомъ, и въ подобныхъ сценахъ внѣшняго эффекта сами враги Каратыгина признавали его превыше всякаго сравненія. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ я долго жилъ въ Парижѣ. Знаменитый артистъ, Фредерикъ Леметръ былъ еще живъ, и хотя онъ оставилъ уже сцену, но изрѣдка появлялся на ней. Мнѣ случилось однако видѣть его два раза въ «Жизни игрока». Объ игрѣ его, въ этой роли, я слышалъ еще въ Петербургѣ отъ прїѣзжавшихъ изъ Парижа, когда случилось завести рѣчь о Каратыгинѣ. Дѣйствительно, я увидалъ великаго артиста, но о сравненіи впечатлѣнія, произведеннаго на меня имъ и производимаго на меня Каратыгинымъ, не могло быть и рѣчи: во всѣхъ отношеніяхъ Каратыгинъ былъ превосходнѣе.

Брянскій. Это былъ сильный драматическій и трагическій артистъ, съ талантомъ, можно сказать, первокласснаго пошиба. Его игра была умна, строго размѣрена и строго разсчитана. Огненной игры у него не было, онъ принадлежалъ къ классической школѣ, совершенно подобной школѣ парижскаго Théâtre Français. Лучшей характеристики игры Брянскаго я не могу сдѣлать, какъ назвать его роднымъ братомъ итальянскаго актера Росси, котораго еще недавно видѣли у насъ въ Россіи: отчетливая, превосходная декламація, съ отбѣнкомъ пѣвучести и съ размѣренно повторяющимися повышеніями и пониженіями тоновъ голоса. Но пѣвучесть и постоянныя повышенія и пониженія тоновъ далеко не доходили у Брянскаго до надобливости, какъ у Росси; вообще, игра Брянскаго была естественнѣе, чѣмъ у Росси. Въ памяти моей остались сильныя впечатлѣнія отъ игры Брянскаго въ «Оттелло»—Яго, въ «Эсмемальдѣ»—Казимода, въ «Разбойникахъ»—Франца, въ «Жизни игрока»—Вагнера и др.

Но я долженъ сказать, что едва-ли я видѣлъ Брянскаго болѣе десяти разъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Брянскій оставилъ почему-то на долго сцену, именно въ то время, когда мнѣ всего чаще приходилось бывать въ театрѣ; хотя впоследствии онъ и появился вновь на сценѣ, но не надолго.

Дюръ. Этого артиста я всего видѣлъ раза четыре потому, что онъ скоро умеръ. Но мнѣ помнится, что его игра меня восхитила. Несмо-

тря на свою молодость, Дюръ имѣлъ громадное имя, и его потеря была очень чувствительна какъ для сцены, такъ и для обширнаго числа поклонниковъ его таланта.

Сосницкій. Это былъ первостепенный артистъ для, такъ называемой, высокой комедіи, а равно и для драмы; артистъ умный и съ огромнымъ талантомъ. Разнообразіе его амплуа было поразительно. Иногда онъ появлялся не только въ драмѣ, но и въ трагедіи. И кого бы онъ ни игралъ, зритель былъ напередъ увѣренъ, что получить не только полное удовлетвореніе, но и огромное удовольствіе, и что онъ, зритель, увидитъ какъ бы настоящее лицо, которое желаетъ видѣть въ пьесѣ. Въ комедіяхъ Мольера Сосницкій былъ особенно хорошъ. Въ «Горе отъ ума», онъ, можно сказать, сотворилъ Репетилова. Многіе ходили на «Горе отъ ума» единственно для того, чтобы видѣть Репетилова-Сосницкаго. Городничій-Сосницкій въ «Ревизорѣ», по-моему, былъ почти такъ же хорошъ, какъ Щепкинъ. Послѣдняго я видѣлъ въ роли городничаго два раза, и, конечно, безспорно, что я видѣлъ того самаго городничаго, котораго сотворилъ Гоголь. Но мнѣ кажется, что въ отзывѣ Бѣлинскаго, мелькомъ сдѣланнаго, о томъ, что «Сосницкій въ городничемъ на столько плохъ, на сколько въ этой роли превосходитъ Щепкинъ» — слышится, отчасти, тонъ пристрастія къ Щепкину. Коротко говоря, съ уходомъ Сосницкаго со сцены, въ драматической труппѣ обнаружилась громадная брешь.

Каратыгинъ 2-й. Это былъ комикъ по природѣ. Артистъ умный, талантливый, острый и находчивый, съ неподдѣльнымъ юморомъ. На сценѣ онъ былъ всегда какъ дома. Но мнѣ было часто досадно, когда его заставляли играть третьестепенныя роли въ драмахъ и трагедіяхъ. Къ этимъ ролямъ, не подходящимъ къ нему ни съ какой стороны, онъ, видимо, относился съ пренебреженіемъ, и потому почти всегда былъ плоховать. Но въ амплуа, сродныхъ его таланту, Каратыгинъ неизмѣнно доставлялъ большое удовольствіе чрезвычайно живой и натуральной игрой.

Максимовъ. Этотъ артистъ занималъ роли *jeune-premier*. Онъ имѣлъ положительно талантъ. По-моему, *jeune-premier*, въ сущности, суть роли самыя неблагоприятныя и трудныя потому, что, въ большинствѣ случаевъ, не представляютъ какого-либо характера, а являются во всемъ какъ общія мѣста. Между тѣмъ, у Максимова все выходило сносно и гладко. Наружность его гармонировала съ его амплуа: онъ былъ хорошаго роста, съ хорошей фигурой, съ хорошими манерами и многими признавался весьма красивымъ. По моимъ понятіямъ, онъ во многихъ роляхъ доказывалъ, что онъ артистъ умный и талантливый. Вообще, Максимовъ придавалъ своей игрѣ видъ «*nonchalant*», и въ такомъ родѣ игралъ Хлестакова, и былъ отличный Хлестаковъ; лучше

его былъ только развѣ московскій артистъ Шумскій. Но лучшаго Чацкаго я не видалъ. Онъ не придавалъ Чацкому тона серьезности и все свои проповѣди и любовныя изліянія говорилъ какъ-бы шутя. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вся роль Чацкаго до крайности не естественна, не правдива и ходульна, и если играть ее въ серьезъ, то Чацкій выйдетъ и смѣшонъ, и глуповать, и вмѣсто «Горе отъ ума» явится «Горе отъ глупости».

Чацкій, по идеѣ самого автора, долженъ быть уменъ, образованъ и съ пониманіемъ уже людей. Съ самой ранней юности онъ проводитъ время вѣтъ Москвы, за границей и возвращается въ родной край, о которомъ осталось воспоминаніе, какъ о благоуханномъ садѣ. И вдругъ, вмѣсто сада, онъ попадаетъ въ гнилое болото. Онъ сразу видитъ это и начинаетъ, съ презрительно-шуточной манерой, язвить все населеніе болота, безъ паеоса глубоко оскорбленнаго человѣка, не выдавая открыто своего внутренняго чувства на общее посмѣяніе. Коротко говоря, Максимовъ, придавая игрѣ Чацкаго шуточно-желчный колоритъ, дѣлалъ все, что можно было сдѣлать изъ роли Чацкаго, чтобы онъ показался человѣкомъ умнымъ. Сознательно ли Максимовъ придавалъ означенный колоритъ Чацкому, или это было слѣдствіемъ его натуры,—это все равно. Но я повторяю: Чацкій-Максимовъ былъ превосходенъ, и лучшаго я не видалъ.

С а м о й л о в ъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно талантливый, какъ была талантлива вся семья Самойловыхъ. Отецъ Самойлова былъ знаменитый оперный артистъ. Кромѣ сына его Василія, на Петербургской сценѣ играли двѣ его сестры: Надежда и Вѣра, артистическія звѣзды первой величины; въ провинціи два брата актеры имѣли выдающіеся успѣхи, а о талантливости третьяго брата, горнаго инженера, Сергѣя, я говорилъ уже въ одной изъ предшествующихъ главъ. Самойловъ Василій обладалъ особенною способностью вѣшняго изображенія кого бы то ни было. Онъ измѣнялъ фізіономію, манеры и голосъ такъ, что передъ зрителемъ являлись именно тѣ самые субъекты, которыхъ изображалъ Самойловъ. Напримѣръ, въ пьесахъ: «Студентъ, хористъ и офицеръ», или въ «Комедіи съ дядюшкой», гдѣ нужно было безпрестанно переигривываться, переряжаться и изображать разнородныхъ лицъ—Самойловъ былъ выше всякаго сравненія. Или, напримѣръ, въ роли «Левъ Гурьичъ Синичкинъ», князя Шаликова, гдѣ онъ представлялъ растлѣннаго, полуразвалившагося папильончика, балетомана, онъ былъ баснословно натураленъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ Самойловъ игралъ Кречинскаго. Рѣчи его онъ придалъ самый слабый польскій акцентъ, и все время не сбивался ни на единый моментъ съ этого акцента. Между тѣмъ, зритель слышалъ чистую русскую рѣчь, но сразу угадывалъ, что онъ слы-

шить челоуѣка польской національности. Я долженъ однако сказать, что Самойловъ не обладалъ элементомъ творчества. Роли обыкновенныхъ людей, гдѣ не нужна была спеціальная гримировка и внѣшнія особенности, а нужно было созданіе характеровъ, Самойлову не удавались. Напримѣръ, въ сороковыхъ годахъ, онъ игралъ Молчалина въ «Горѣ отъ ума», и это былъ одинъ изъ самыхъ плохихъ Молчалиныхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть. Самойловъ игралъ Молчалина такъ, чтобы возбудить въ публикѣ самое рѣзкое отвращеніе къ этому лицу, даже съ внѣшной стороны; вслѣдствіе этого, всякая возможная иллюзія со стороны Софьи являлась немислимою.

Свѣжа еще въ памяти Петербургской публики громкая слава, приобрѣтенная Самойловымъ подъ конецъ его артистическаго поприща. Слава, конечно, заслуженная, но, не въ обиду памяти Самойлова, я позволю себѣ сдѣлать ему упрекъ, какъ артисту. Увлечшись своей славой, Самойловъ вздумалъ играть въ трагедіяхъ Шекспира. Между тѣмъ, въ немъ не было и тѣни трагическаго или драматическаго таланта. Это тѣмъ болѣе не простительно, что онъ видѣлъ прежде самыхъ блестящихъ представителей Шекспировскихъ героевъ. Я не пошелъ, конечно, смотрѣть изображеніе этихъ героевъ Самойловымъ, чтобы не видѣть его въ жалкомъ положеніи. Но я пошелъ посмотрѣть его въ «Іоаннѣ Грозномъ», о которомъ кричала Петербургская публика. Я увидалъ отличную гримировку, походку, костюмъ и всѣ атрибуты Іоанна Грознаго; но духа его я не увидалъ и не ощутилъ.

Григорьевъ 1-й. Этотъ актеръ, по моему взгляду, не имѣлъ выдающагося таланта, но онъ нигдѣ не портилъ ролей, имъ играемыхъ. Въ сороковыхъ годахъ, онъ игралъ, напримѣръ, Фамусова, и былъ сноснымъ Фамусовымъ; а быть сноснымъ Фамусовымъ, на которомъ, преимущественно, сосредоточивается вся комедія, составляетъ уже нѣкоторымъ образомъ заслугу актера.

Григорьевъ 2-й игралъ, по преимуществу, типы купцовъ, гоетиннодворцевъ и проч., и въ этихъ амплуа былъ превосходенъ.

Марковецкій. Этотъ актеръ имѣлъ нѣкоторое дарованіе; но, замѣняя часто Мартынова, хотѣлъ подражать ему. Въ сущности, онъ олицетворялъ своей игрой фарсъ и всегда все шаржировалъ. Менѣе развитой публикѣ, которая не могла отличить фарса отъ истиннаго комизма, онъ очень нравился.

Бурдинъ появился гораздо позже и нерѣдко обнаруживалъ неподдѣльный талантъ. Въ особенности, публика обратила на него серьезное вниманіе тогда, когда онъ въ «Свадьбѣ Кречинскаго» какъ бы создалъ роль Расплюева, придавъ этой несчастной, грязноватой личности отъѣнокъ драматизма.

Перейду, наконецъ, къ Мартынову, этому творческому генію въ

сценическомъ искусствѣ. Какъ ни признаю я гениальность Каратыгина, но гениальность творчества Мартынова я ставлю выше гениальности Каратыгина. Мартыновъ появился на сценѣ въ самомъ концѣ тридцатыхъ годовъ въ водевиляхъ и въ маленькихъ роляхъ. Между тѣмъ, кажется, въ 1842 году я увидаль его однажды въ роли Гарпагона, Мольера, и онъ произвелъ на меня необыкновенно сильное впечатлѣніе. По интригамъ, или по какой-либо другой причинѣ, Мартыновъ, въ этой роли, болѣе не показывался, и въ теченіе слишкомъ 15 лѣтъ фигурировалъ, по преимуществу, только въ водевиляхъ. Но кого бы и въ чемъ бы ни игралъ, онъ поражалъ своимъ талантомъ и всегда творилъ типы, чего, конечно, не могли не оцѣнить истинные любители сценическаго искусства и опытные, развитые зрители. Что же касается до толпы, то и она всегда восхищалась Мартыновымъ. Въ сороковыхъ годахъ Мартынову давали иногда роль Осипа въ «Ревизорѣ», и это, положительно, былъ тотъ самый Осипъ, котораго нарисовалъ Гоголь. Появлялся Мартыновъ тоже въ «Горе отъ ума», попеременно съ Каратыгинымъ 2-мъ, въ роли Загорѣцкаго. И въ этой, маленькой роли, зритель видѣлъ не актера Мартынова, а того самаго свѣтскаго вруна Загорѣцкаго, который проживалъ нѣкогда, въ двадцатыхъ годахъ, въ Москвѣ. Отсутствие шаржа и ненатуральности было отличительною чертою игры Мартынова. Читатель знаетъ, конечно, комедію: «Левъ Гурьичъ Синичкинъ»; изъ этой забавной комедіи Мартыновъ создалъ комедію серьезную, такъ что зритель страдалъ страданіями Синичкина и радовался его радостями.

Таковы-то были амплуа Мартынова въ продолженіе, какъ я уже сказалъ, болѣе 15 лѣтъ. Но вотъ, въ послѣдней половинѣ пятидесятихъ годовъ, появляется драма актера Чернышева: «Чужое добро въ прокъ нейдетъ». Мартыновъ выступаетъ въ этой пьесѣ въ сильной драматической роли молодого ямщика. Тогда только прозрѣлъ литературный кружокъ, пришедшій въ недоумѣніе вмѣстѣ съ большинствомъ публики. Какъ же это такъ: мы смотрѣли болѣе 15 лѣтъ Мартынова какъ талантливаго веселаго забавника, а онъ оказывается—огромный драматическій артистъ. Въ непродолжительномъ времени появилась новая превосходная драма, того же Чернышева: «Бѣдность не порокъ». Сцена передъ уходомъ къ дочери, сцена у дочери и послѣ возвращенія его домой обнаружили въ Мартыновѣ громаднаго артиста, глубоко понимающаго тончайшія пружины человѣческой души и смѣло могущаго бы явиться въ самой сильной трагической роли, подобно Каратыгину, если бы только онъ обладалъ внѣшними условіями послѣдняго. Означенная драма упрочила уже окончательно за Мартыновымъ имя великаго драматическаго артиста: съ тѣхъ поръ начали его чествовать, а онъ началъ чахоточно кашлять. Литературный міръ и большинство общества

спохватились позднею. Лѣтомъ 1839 года я видѣлъ Мартынова въ Эмсѣ, надѣявшагося еще на поправленіе своего здоровья. По возвращеніи изъ-за границы, Мартыновъ продолжалъ играть, и я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ 1860 году. Затѣмъ, я уѣхалъ на долго изъ Петербурга, и не знаю хорошенько, когда Мартыновъ умеръ и гдѣ могила этого высоко-геніальнаго артиста.

Перейду теперь къ женскому персоналу.

Въ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ главѣ этого персонала стояла, безспорно, Каратыгина 1-ая, жена трагика Василія Андреевича. Въ это время, она стояла выше всѣхъ и по драматическому таланту, и по образованію, и по внѣшнимъ условіямъ: она была очень хороша собой. Извѣстно, что, бывши еще дѣвушкой, она жила за границей специально для того, чтобы ознакомиться съ знаменитыми парижскими артистами того времени, когда игралъ еще Пальма. Я видѣлъ Каратыгину, будучи еще очень молодымъ юношей, въ 1836 году. Потомъ, я три года не былъ въ Петербургѣ и увидалъ ее опять въ 1839 году. Въ это время, она занимала еще иногда роли молодыхъ, но скоро уже перестала появляться въ подобныхъ роляхъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, я видѣлъ ее нѣсколько разъ въ роли матери Гамлета; Гамлета же игралъ мужъ ея. Въ этой роли, Каратыгина была величественно-хороша. Появлялась она тоже въ роли Натальи Дмитріевны въ «Горе отъ ума», и здѣсь, несмотря на незначительность этой роли, можно было любоваться ея умной игрой. Вообще, характеръ игры Каратыгиной подходилъ къ характеру размѣренной игры артистовъ Парижскаго «Théâtre Français», съ добавкою нѣкотораго природнаго одушевленія. Словомъ сказать, это была артистка высокаго стиля.

Къ числу отличныхъ актрисъ принадлежали тоже Брянская и Соеницкая. Но я не припомню указать на какія-либо выдающіяся ихъ роли. Онѣ удалились со сцены, кажется, около начала пятидесятихъ годовъ. Я видѣлъ еще знаменитую Вальберхову, между прочимъ въ роли матери Гамлета, когда мнѣ случилось быть въ этой трагедіи первый разъ, и она была великолѣпна.

Асенкова. Она была огромной восходящей звѣздой, которая, къ великому сожалѣнію всѣхъ любителей изящнаго искусства, безвременно потухла. Мнѣ удалось ее видѣть всего раза четыре или разъ пять, между прочимъ, въ роляхъ: Херубины въ «Свадьбѣ Фигаро», въ водевилѣ—«Гусарская стоянка» и въ «Эмеральдѣ», и во мнѣ сохранилось впечатлѣніе полнаго восторга какъ отъ ея игры, такъ и отъ ея внѣшности.

Самойлова 1-я, Надежда Васильевна. Это была замѣчательно талантливая, умная, веселая и живая артистка. Въ водевиляхъ ее, кажется, никто до сихъ поръ не могъ замѣнить. Въ особенности, она была

хороша въ Лизѣ, въ комедіи «Левъ Гурьичъ Синичкинъ». Впрочемъ, она была превосходна вездѣ и всегда, хотя бы ей приходилось играть роли и драматическаго характера. Но у нея было, сверхъ всего, одно великое достоинство, заключающееся въ томъ, что она обладала превосходнымъ, звучнымъ голосомъ контръ-альтоваго тембра и была чрезвычайно музыкальна. Съ удаленіемъ Каратыгина со сцены—нѣтъ болѣе Гамлета, а съ удаленіемъ Самойловой—нѣтъ болѣе Офеліи. Эту роль Самойлова играла восхитительно и исполняла пѣснь Офеліи такъ, какъ это могла бы исполнить только первоклассная оперная примадонна. И самая музыка этой пѣсни, сочиненной незабвеннымъ творцомъ сотенъ превосходнѣйшихъ романсовъ Варламовымъ, могла бы встать въ первый номеръ наилучшей итальянской оперы. На «Гамлета» можно было ходить не только ради игры Каратыгина, но и ради пѣсни Офеліи, исполняемой Самойловой. Въ 1840 г., Надежда Васильевна числилась Самойловой 2-й, вѣроятно потому, что прежде нея была на сценѣ, нѣкоторое время, старшая сестра, которую я собственно на сценѣ никогда не видалъ.

Г - жа Д ю р ь. Это была довольно талантливая, драматическая актриса съ очень красивою наружностью. Но въ то время, когда я сталъ ее видать въ драматическомъ амплуа, она была уже слишкомъ полна и для ролей молодыхъ не подходила.

С а м о й л о в а 2 - я, Вѣра Васильевна. Это была артистка той же школы, къ которой принадлежала и Каратыгина 1-я. Она играла умно, всегда съ достоинствомъ и величественно; но была артистка холодная. Въ игрѣ ея было много искусства, но заключался нѣкоторый недостатокъ увлеченія и вполне истиннаго чувства. Въ пятидесятыхъ годахъ давали сцены изъ Онегина, и, кажется, по инициативѣ самой Вѣры Васильевны. Она изображала Татьяну. Въ изображеніи этой роли она была выше всякихъ похвалъ: изящность, достоинство и даже искренность чувства блистали въ Татьянѣ яркимъ свѣтомъ. Вообще, жанръ игры Самойловой 2-й былъ совершенно схожъ съ жанромъ высокопробныхъ артистокъ Михайловскаго театра, какой была, напримѣръ, Плеса. Самойлова 2-я была прекраснаго роста, изящно сложна и хороша собой, хотя и не съ строго-правильными чертами.

Я не могу не упомянуть тоже о нѣкоторыхъ артистахъ Московской драматической труппы. Вѣдь эта труппа имѣла такихъ громкихъ представителей, которые, по мнѣнію многихъ, стояли даже выше петербургскихъ. Я упомяну, конечно, только тѣхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, а именно: Мочалова, Щепкина, Самарина, Шумскаго, Садовскаго и Живокини. Артистки женскаго персонала сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ въ памяти моей не сохранились.

Мочаловъ, какъ извѣстно, былъ трагикъ. Я видѣлъ его всего два раза въ 1839 году, въ роли Отелло. Онъ не произвелъ на меня тогда сколько-нибудь выдающагося впечатлѣнія. Присутствовавшіе на этихъ двухъ спектакляхъ, люди компетентные, какъ-то: Сергій Тимоѣевичъ и Константинъ Сергѣевичъ Аксаковы, Загоскинъ и Иванъ Ивановичъ Панаевъ находили, что Мочаловъ не въ ударѣ, а, между тѣмъ, они думали увидать его во всемъ его блескѣ. Но о неподобной игрѣ Мочалова въ «Отелло» и, въ особенности, въ «Гамлетѣ», много было писано Бѣлинскимъ.

Щепкина я видѣлъ много разъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. По истинѣ, это былъ артистъ вдохновенный и доставлялъ полное наслажденіе. Почти всѣ роли, которыя игралъ Щепкинъ, исполнялись въ Петербургѣ Сосницкимъ превосходнымъ образомъ. Конечно, Щепкина многіе ставили значительно выше Сосницкаго, но многіе тоже, въ извѣстныхъ роляхъ, отдавали преимущество послѣднему, потому что въ немъ не замѣчалось того однообразія, какое замѣчалось нѣсколько въ игрѣ Щепкина. Послѣ отзывовъ Бѣлинскаго объ игрѣ Щепкина, я, конечно, ничего прибавить не могу.

Самаринъ. Этого артиста я видѣлъ въ Москвѣ не болѣе трехъ разъ. Мнѣ онъ показался и весьма талантливымъ, и умнымъ, съ необыкновенно представительною наружностью. У меня осталось впечатлѣніе о немъ какъ о лучшемъ *jeune-premier* изъ тѣхъ, которыхъ я видалъ на русскихъ сценахъ, и, конечно, Максимовъ, въ этихъ роляхъ, долженъ былъ уступить Самарину, тѣмъ болѣе, что Самаринъ былъ въ то же время артистъ для серьезныхъ ролей.

Шумскій. Это былъ сильно выдающійся талантъ, который, со временемъ, дошелъ до величины первокласснаго артиста и сталъ появляться съ огромнымъ успѣхомъ въ роляхъ драматическаго характера. Его репертуаръ былъ очень обширенъ; мнѣ случалось видѣть его, напримѣръ, въ тѣхъ роляхъ, которыя играли на Петербургской сценѣ, въ болѣе раннее время, Максимовъ и Самойловъ. Въ роли Хлестакова, онъ былъ лучше всѣхъ Хлестаковыхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть. Кречинскому онъ придавалъ нѣсколько драматическій характеръ и, по-моему, былъ лучше Самойлова, но не могъ придать своей рѣчи польскаго акцента, какой, какъ я упоминалъ выше, придавалъ Самойловъ.

Садовскій былъ превосходный артистъ, преимущественно для драматическихъ ролей, и имѣлъ громное имя, привлекавшее публику въ театръ. Напримѣръ: исключительно ради Садовскаго, публика жаждала посѣщать комедію: «Не въ свои сани не садись», въ которой онъ исполнялъ роль Любима Торцова, и производилъ своей игрой въ этой роли сущій фуроръ. Я видѣлъ Садовскаго всего два или три раза.

Живокини я видалъ также не много разъ. Безспорно, что этотъ

актеръ былъ съ большимъ дарованіемъ; но мнѣ показалось, что его юморъ былъ болѣе дѣланный, нежели натуральный. Во всякомъ случаѣ Москва восхищалась имъ.

Мнѣ хочется сказать теперь нѣсколько словъ о русской оперѣ начала сороковыхъ годовъ. Въ это время не было вовсе итальянской оперы, и мнѣ не случалось слышать какую-либо итальянскую оперу съ русскими пѣвцами, хотя такія оперы и давались. Изъ русскихъ же оперъ я слышала только «Жизнь за Царя», «Руслана и Людмилу» и «Аскольдову могилу».

Съ первыхъ же представленій «Руслана и Людмилы», опера эта произвела на меня сильное впечатлѣніе, благодаря, конечно, такимъ двумъ превосходнымъ артистамъ, какими были Петровъ и жена его Воробьева-Петрова. Петровъ былъ дѣйствительно богатырь Русланъ, какъ по голосу, такъ и по игрѣ. Въ то время Петровъ имѣлъ еще голосъ сильный, звучный, обладающій огромнымъ діапазономъ во всемъ его регистрѣ, отлично обработанный, чрезвычайно подвижной, и добавьте къ этому выдающееся искусство пѣнія. Не въ обиду будь сказано послѣдующимъ послѣ Петрова Русланамъ, что всѣ они казались мнѣ очень слабыми противъ Петрова. Арія Руслана: «О поле, поле...» являлась полнымъ торжествомъ и средствъ, и искусства Петрова, приводившимъ публику въ неистовый восторгъ.

Справедливость требуетъ сказать, что въ означенное время появился новый пѣвецъ—Артемовскій, который мѣнялся въ означенной роли съ Петровымъ. Артемовскій обладалъ тоже прекраснымъ, сильнымъ и свѣжимъ голосомъ, такъ что Руслана можно было слушать съ удовольствіемъ и при пѣніи Артемовскаго. Конечно, онъ не былъ Русланъ-Петровъ, но и Артемовскій, по-моему, былъ гораздо лучше всѣхъ послѣдующихъ Руслановъ.

Въ 1864 году, я встрѣтилъ въ Новочеркаскѣ одного донскаго казака, проживавшаго нѣкогда въ Харьковѣ и занимавшагося обученіемъ церковныхъ пѣвчихъ. Этотъ казакъ сообщилъ мнѣ, что онъ былъ первымъ учителемъ Петрова. Старикъ еще пѣлъ прекрасно подъ гитару и, конечно, сильно гордился своимъ ученикомъ, достигшимъ большой извѣстности, и показывалъ письма къ нему отъ Петрова.

Воробьева-Петрова—жена поименованнаго пѣвца. Бывши еще не замужемъ, она приобрѣла громкое имя. Ея голосъ, высокое контральто, былъ, въ полномъ смыслѣ, феноменальнымъ въ отношеніи красоты, чистоты, круглоты, полноты и бархатности звука. По этимъ индивидуальнымъ свойствамъ звука ея голоса, можно приравнять его къ подобнымъ индивидуальнымъ свойствамъ звука голоса Патти. Понятно, что у одной въ одномъ регистрѣ, а у другой—въ другомъ. Особен-

ность голосовъ этихъ пѣвицъ была такова, что едва зритель услышитъ два-три звука, вылетѣвшихъ изъ ихъ устъ, онъ уже обворожень круглотою, полнотою и бархатностью ласкающихъ ухо этихъ звуковъ, помимо еще всякаго искусства пѣнія.

Геніальный Глинка, въ созданной имъ музыкѣ для роли Ратмира, дошелъ, можно сказать, до апогеоза выраженія нѣги и сладострастія. Воробьева-Петрова творила въ этой роли чудо и своими необычайно сладкими звуками и своимъ искусствомъ. Являлась полная иллюзія, и зритель, подъ обаяніемъ слушаемыхъ имъ звуковъ, находился какъ бы не въ театрѣ, а въ роскошномъ Восточномъ гаремѣ, дышащемъ нѣгою. Коротко говоря, невозможно высказать того впечатлѣнія, какое производила Петрова этой аріей на слушателя. Публикѣ еще памятно пѣніе Лавровской въ Ратмирѣ. Ея голосъ тоже бархатный; она была тоже превосходный Ратмиръ, но Ратмиръ холодный, тогда какъ Ратмиръ-Петрова былъ Ратмиръ огненно-страстный, что выражалось преимущественно не въ игрѣ, а въ звукахъ голоса, искуснымъ образомъ управляемаго.

О прочихъ оперныхъ артистахъ я ничего не могу сказать особеннаго. Теноръ Леоновъ имѣлъ вѣрный, хорошій, но не очень сильный голосъ. Настоящая его фамилія Charpentier, хотя онъ и русскаго происхожденія; онъ воспитывался въ Парижѣ, гдѣ и получилъ прекрасное музыкальное образованіе. Послѣ того какъ Леоновъ оставилъ сцену, я встрѣтилъ его, во время постройки Донской желѣзной дороги, въ Новочеркасскѣ, гдѣ онъ содержалъ труппу. Замѣтивъ въ моей дочери особую страсть къ пѣнію, необыкновенно звучный и вѣрный голосъ, я пригласилъ Леонова давать ей уроки пѣнія. Эти уроки продолжались не долго, ибо я побоялся испортить голосъ дочери.

Степанова, сопрано. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, она была уже очень не молода, но сохраняла еще свой необыкновенно высокій голосъ и, въ то же время, особенно рѣзкій. Во время перваго появленія въ Петербургѣ Рубини, она пѣла съ нимъ въ «Лючію». Вообще, ея пѣніе не оставило во мнѣ пріятнаго впечатлѣнія.

Вспомню тоже о нѣкоторыхъ французскихъ артистахъ Михайловскаго театра. Вообще, въ сороковыхъ годахъ, любителямъ драматическаго искусства везло. На французской сценѣ были тоже артисты первой величины: М-ег и М-те Алап имѣли громкую извѣстность и у насъ, и въ Парижѣ. Когда играли эти артисты, то зритель могъ быть увѣренъ, что онъ всегда вынесетъ изъ спектакля большое художественное удовольствіе. Мнѣ помнится одна большая пьеса: «Les memoires du diable». Отъ замѣчательно художественной игры въ этой пьесѣ

артиста Alan, которая давалась очень часто, публика ломилась въ театрѣ.

Alexandre-Méer. Это была восхитительная артистка, «ingenue», умная, талантливая и граціозная. Такой «ingenue», по крайней мѣрѣ мнѣ, не случалось видѣть послѣ и въ Парижѣ. Alexandre-Méer вышла, кажется, замужъ за графа Апраксина и удалилась съ тѣхъ поръ со сцены.

Bressan. Онъ игралъ jeune-premier. Болѣе представительнаго, болѣе ловкаго и болѣе умнаго артиста трудно себѣ представить. По отъѣздѣ изъ Петербурга онъ долго еще гремѣлъ въ Парижѣ, на сценѣ Comedie Française. Bressan былъ большаго роста, съ изящной фигурой и идеальной красоты. Петербургская публика была отъ него безъ ума. Бывшихъ уже послѣ jeune-premier, хотя и очень хорошихъ, какъ, напримѣръ, Berton и другихъ, нельзя и сравнивать съ Bressan.

Verné. Это былъ великій, естественный и натуральный комикъ, силу таланта котораго можно приравнять къ силѣ творчества Мартынова. Въ чемъ бы онъ ни игралъ, онъ доставлялъ истинно-художественное наслажденіе. Сценическій талантъ былъ, вѣроятно, врожденнымъ въ семьѣ. Весной 1844 года, пріѣхала въ Петербургъ на гастроли M-me Albert, родная сестра Verné. Въ высоко-драматическихъ роляхъ она увлекала Петербургъ.

Я упомянулъ только о крупныхъ артистахъ прежняго Михайловскаго театра, а о другихъ у меня не осталось въ памяти чего-либо особенно выдающагося. Но вообще, въ тѣ времена, ensemble французскаго театра былъ превосходенъ, для всѣхъ родовъ драматической литературы, за исключеніемъ, конечно, трагедіи, которая на Михайловскомъ театрѣ и не давалась.

Глубоко любя и уважая людей литературнаго кружка сороковыхъ годовъ, я не могу, однако, не высказать правды: они совершили великій грѣхъ въ отношеніи драматической петербургской труппы тѣхъ временъ. Они старались, всѣми силами, дискредитировать Александринскій театръ въ глазахъ образованной публики, отзываясь о немъ, какъ о театрѣ неприличномъ, некомильфотномъ, гдѣ могутъ находить удовольствіе не люди образованные и художественно развитые, а лишь гостиннодворцы. Между тѣмъ теперь пришли уже, болѣе или менѣе, къ признанію, что намъ, быть можетъ, долго еще не дожидаться хотя бы близкаго подобія труппы сороковыхъ годовъ. Что же совершалось въ дѣйствительности? Всѣ, искренно любящіе наслаждаться великимъ драматическимъ искусствомъ, ѣздили въ Александринку (выраженіе того времени), но старались скрывать это отъ своихъ знакомыхъ. Выходило, однако, такъ, что знакомые между собою люди, скрывавшіе другъ отъ друга свои посѣщенія Александринки, вдругъ встрѣчались тамъ, и тогда сва-

ливали свое посѣщеніе на дѣтей или на какую-нибудь случайность, не упуская, при томъ, отзываться въ обществѣ объ Александринкѣ или съ проніей, или съ пренебреженіемъ. Теперь, когда эта фальшь миновала, я нерѣдко встрѣчаю пожилыхъ людей, которые, при разговорѣ о прежней сценѣ, каются въ своемъ грѣхѣ и сознаются, что они, несмотря на наложенное литературнымъ кружкомъ, въ оныя времена, клеймо на Александринку, ѣздили туда, втихомолку, чтобы насладиться игрой Каратыгина.

Каратыгинъ умеръ прежде, нежели вліятельный литературный кружокъ прозрѣлъ и опомнился отъ невнимательности своей въ дѣлѣ оцѣнки искренности въ драматическомъ искусствѣ. Другой же великій артистъ дожидъ до этого прозрѣнія прежнихъ своихъ враговъ; но было уже поздно,—грѣхъ былъ совершенъ.

Мартыновъ, имѣвшій призваніе къ самымъ высокимъ драматическимъ ролямъ, чуть ли не восемнадцать лѣтъ расходовался по водевилямъ. Несмотря на это, Мартыновъ изъ каждой пустой роли создавалъ типъ, и если бы литературный кружокъ слѣдилъ за нимъ, то подмѣтилъ бы въ немъ великій талантъ въ-время. Но кружокъ этотъ не обращалъ на Мартынова никакого вниманія и разсматривалъ его, какъ балаганнаго гаера. Восемнадцать лѣтъ нравственнаго придавливанія своихъ натуральныхъ стремленій и выдерживаніе тяжелыхъ оскорбленій своего громаднаго таланта, — быть можетъ, болѣе сильнаго, чѣмъ тотъ, которымъ обладалъ Каратыгинъ,—свое дѣло сдѣлали: Мартыновъ приобрѣлъ себѣ въ награду—чахотку. Тогда извѣстный литературный кружокъ вздумалъ чествовать Мартынова обѣдомъ съ громкими рѣчами, но этимъ отъ чахотки Мартынова не избавилъ. Къ истиннымъ талантамъ нужно относиться со вниманіемъ, и относиться въ-время, иначе можно совершить грѣхи непоправимые.

Восемнадцать лѣтъ Мартыновъ, въ глазахъ литературнаго кружка, былъ гаеръ, и вдругъ, въ одинъ прекрасный день, сдѣлался великимъ артистомъ. Развѣ такія метаморфозы совершаться могутъ? Суть въ томъ, что лица извѣстнаго литературнаго кружка или вовсе не ходили смотрѣть Мартынова, или смотрѣли на него сквозь кривыя очки, а когда очки эти кружокъ снялъ, или ихъ сняли съ него, то и увидѣлъ то, что могъ видѣть давно.

Если бы Каратыгинъ пожилъ подольше, то и онъ увидалъ бы тотъ же почетъ въ литературномъ кружкѣ, какого дождался, на краю гроба, Мартыновъ.

Всѣ эти замѣчанія клонятся къ тому, чтобы подтвердить мое убѣжденіе въ томъ, что взгляды литературнаго кружка сороковыхъ годовъ на Каратыгина была неправдой, и неправдой вопіющей. Въ дѣйствительности же, театръ всегда лоялся, когда игралъ Каратыгинъ, и

ни одно представленіе не проходило безъ самыхъ сильныхъ выраженій восторга. Враждующій ему кружокъ старался относить его успѣхи къ грубому вкусу посѣтителей театра; на самомъ же дѣлѣ, Каратыгинъ производилъ обаяніе на всѣ слои общества однимъ своимъ появленіемъ на сцену и своей горячей и правдивой игрой увлекалъ неудержимо.

Въ сезонъ съ 1843 на 1844 годъ, находились въ Петербургѣ такіе великіе оперные артисты, какъ Рубини, Віардо и Тамбурины. Я, вмѣстѣ со всею петербургскою публикою, сходилъ отъ нихъ, какъ говорятъ, съ ума. Но признаюсь, что когда мнѣ почему-либо предстоялъ выборъ идти слушать ихъ, или смотрѣть Каратыгина, я не колебался ни минуты и избиралъ Каратыгина. Истинно-правдивое драматическое искусство доставляетъ такое глубокое наслажденіе, какого никакое другое искусство въ той же мѣрѣ доставить не можетъ. И этою-то правдивостію и отличался Каратыгинъ.

Я не могу сдѣлать сравненія Каратыгина съ Мочаловымъ потому, что видѣлъ послѣдняго только два раза въ моей юности и при томъ оба раза во дни для него неудачные, что, какъ извѣстно, случалось съ нимъ нерѣдко. Что же касается до Брянскаго, котораго я видѣлъ много разъ, то характеръ его игры былъ, по преимуществу, декламационный, уподобляющійся характеру игры Росси.

Поману теперь тѣхъ иностранныхъ выдававшихся нѣкогда и выдающихся нынѣ артистовъ, которые приходятъ мнѣ въ настоящую минуту на память изъ числа мною видѣнныхъ.

Въ Рашели классическая школа воплощалась въ своей крайней формѣ,—въ формѣ отвлеченной, хотя и въ высшей степени изящной, но душою не оживленной и, если можно такъ выразиться, въ формѣ статуиной. Но артистка эта имѣла на столько ума, что она являлась преимущественно въ такихъ роляхъ, въ которыхъ и не нужно было имѣть искренняго внутренняго огня. Сцена служила ей лишь поводомъ для того, чтобы декламировать звучные эффектные стихи и рисоваться въ подлежащемъ костюмѣ. Р и с т о р и я явилась болѣе или менѣе удачной копировкой Рашели. Росси, принадлежа къ той же классической школѣ, захотѣлъ внести ее въ Шекспира, т. е. совершилъ грубую фальшь. Героевъ Шекспира, людей живыхъ, нельзя втискивать въ неодушевленныхъ автоматовъ, хотя и превосходно, однообразно декламирующихъ и такъ же жестикулирующихъ, но все-таки остающихся куклами. Рашель поняла, что съ ея классической школою только и можно декламировать по преимуществу въ трагедіяхъ Расина и Корнеля, а Росси вообразилъ, что съ тою же школою можно появляться въ произведеніяхъ Шекспира.

Изъ всего вышесказаннаго не слѣдуетъ однако выводить заключеніе, что я отношусь не съ полнымъ уваженіемъ къ школѣ, господ-

ствовавшей между артистами въ «Théâtre Français». Я долженъ сказать правду, что я никогда не выходилъ изъ этого театра неудовлетвореннымъ, но за то никогда не выходилъ тоже оттуда потрясеннымъ, за исключеніемъ одного раза, когда я увидѣлъ въ первый разъ Круазеть въ роли «Sphinx».

Эта артистка составляетъ, или составляла, исключеніе изъ всей группы «Théâtre Français». Не потому ли, быть можетъ, она, обладая громаднымъ, непосредственнымъ талантомъ, не успѣла достигнуть тѣхъ результатовъ, которыхъ достигла бывшая ея асосея, Сарра Бернаръ, хотя и обладающая тоже великимъ талантомъ внѣшней игры, но далеко уступающая Круазеть въ правдивости драматическаго искусства?

Въ «Sphinx» Круазеть играла съ Саррою Бернаръ. Для человѣка, любящаго въ искусствѣ неподдѣльную натуральность и правдивость, при видѣ игры этихъ двухъ артистокъ, показалась бы странною возможность сравненія ихъ между собою. Такъ, Круазеть, силою своего непосредственнаго таланта, подавляла Сарру Бернаръ, и таково было впечатлѣніе ихъ игры какъ на меня, такъ и на моихъ знакомыхъ, бывшихъ со мною въ театрѣ.

Между тѣмъ, въ то время, французская публика раздѣлялась на два враждебные лагера: одни восхищались Круазеть, а другіе бранили ее и восхищались Саррою Бернаръ. Впрочемъ, восторги отъ Круазеть относились только къ чисто внѣшнему эффекту, а именно къ сценѣ ея смерти. Смерть отъ отравленія казалась публикѣ настолько реальной, что многіе не хотѣли вѣрить въ игру, а вѣрили распущенному слуху о томъ, что Круазеть принимала, будто-бы, какое-то зелье, а затѣмъ, когда занавѣсъ опускался, она принимала противоядіе, и этому обстоятельству приписывали уклоненіе ея отъ появленія на вызовы передъ публикой послѣ окончанія спектакля.

Откровенно признаюсь, что я, съ своей стороны, пропустилъ и въ слѣдующіе разы пропускалъ безъ всякаго вниманія предсмертныя корчи артистки, такъ какъ большая или меньшая правдоподобность ихъ изображенія не могла придавать никакого значенія силѣ ея таланта. А, между тѣмъ, этотъ внѣшній эффектъ и придалъ большую извѣстность Круазеть. Досадно было видѣть въ то время, что французская публика не оцѣнила въ ней необыкновенную правдивость и естественность ея игры, и не отмѣчала своимъ вниманіемъ ту сцену, въ которой, главнымъ образомъ, выказывалось могущество таланта артистки. Но прежде, нежели указать эту сцену, надо замѣтить, что пьеса Октава Фелье написана такъ художественно, что нѣтъ ни одного обращенія въ сторону, или одиночнаго монолога. Всѣ мысли и движенія души изображаемаго лица артистъ долженъ дать понять зрителю своей игрой. Я говорю о той сценѣ, когда Бланшъ (Круазеть), приготовивъ для себя стаканъ

*

съ ядомъ, хочеть его выпить, и въ это время ея соперница (Сарра Бернаръ), не выдавая приготовленія яда, просить воды, чтобы утолить жажду отъ сильной сцены. У Бланшъ зарождается мысль, не направить ли стаканъ съ ядомъ по адресу своей соперницы. Происходить внутренняя борьба, исходомъ которой является возвращеніе къ мысли самоотравленія. Тогда я смотрѣлъ «Sphinx» въ первый разъ, я не зналъ содержанія пьесы; не менѣе того, всѣ мысли, пробѣгавшія въ умѣ, и всѣ движенія сердца Круазеть я читалъ, какъ по книгѣ, въ лицѣ артистки. Если публика не цѣнила въ ея игрѣ этого момента, то сама Круазеть очень хорошо сознавала, что высшее напряженіе драматизма пьесы заключается въ этомъ моментѣ, и что именно тутъ она должна вложить весь свой талантъ, и, вѣроятно, потому она и сняла съ себя карточку въ этой сценѣ. Увидавши только одну эту карточку Круазеть, можно уже получить нѣкоторое понятіе объ этой артисткѣ.

Обаяніе публики отъ Круазеть ослабѣло, однако, довольно скоро. Это и понятно. Современная парижская публика не любитъ выносить изъ театра очень сильныхъ ощущеній и потрясеній. Ей нужно кратковременное развлеченіе послѣ обѣда. Поэтому, ни истинно драматическія пьесы, ни истинные драматическіе таланты долго держаться тамъ не могутъ. Парижская публика любитъ преимущественно не настоящія драмы, а мелодрамы, съ буржуазными добродѣтелями, такими же мелочными пороками и со всевозможными виѣшними эффектами. Напримѣръ, приторнѣйшая, хотя и ловко составленная, мелодрама, желавшая изобразить бытъ извѣстной части русскаго общества—«Les Danichefs», выдержала, безъ перерыва, до 700 представленій, и потомъ, послѣ промежутка въ нѣсколько мѣсяцевъ, была возобновлена, и вновь выдержала, безъ перерыва, кажется, еще до 300 представленій. Наибольшее удовольствіе парижская публика ощущала отъ роли кучера, изображавшаго изъ себя типъ, подобный герою пьесы «Le jeune homme pauvre». Вѣдь парижская публика не можетъ не сознавать, что въ Россіи, какъ и во Франціи, кучера не могутъ имѣть образъ джентльмена, но ей, тамошней публикѣ, имѣть до этого дѣла. Оскорбленіе художественной правды парижскую публику не мутитъ; были бы эффектныя фразы и легкое раздраженіе чувствъ, и этого довольно. Но, при этомъ, непремѣннымъ условіемъ должно быть благополучное окончаніе. Ни одна пьеса съ неблагополучнымъ окончаніемъ, по обыкновенію, долго не продерживается.

Объ Саррѣ Бернаръ какъ-то не хочется и говорить. Актриса, играющая два раза въ день, и сверхъ того, играющая въ одномъ и томъ же спектаклѣ три сцены изъ разныхъ пьесъ, являясь въ совершенно разнообразныхъ роляхъ, — такая актриса серьезной подкладки не имѣеть и серьезной критикѣ подлежать не можетъ, какимъ бы сильнымъ дарованіемъ къ актерскимъ метаморфозамъ она ни обладала. Въ талантѣ

такого сорта можетъ, почемъ знать, перещеголять Сарру Бернаръ и Илька Огай. Мнѣ скажутъ, пожалуй, что такія лихорадочныя выходки Сарры Бернаръ могутъ быть оправданы страстью къ болѣе быстрой наживѣ. Я согласенъ, что страсть къ наживѣ можетъ совмѣщаться съ великимъ талантомъ. Но дѣло въ томъ, что истинно великій талантъ не найдетъ въ себѣ той силы, которая можетъ побудить человѣка позорить свое искусство. А если такая сила въ человѣкѣ находится, то это и значить, что въ немъ нѣтъ таланта глубокаго, а если и есть какой-нибудь талантъ, то весьма мелкій.

Написалъ я не мало, а не сказалъ еще ничего объ игрѣ Стрепетовой въ «Каширской старинѣ».

Я видѣлъ ее одинъ разъ и потому могу высказать вамъ только то впечатлѣніе, которое произвелъ на меня первый спектакль. Трагическій талантъ Стрепетовой показался мнѣ на столько сильнымъ, что во мнѣ невольно пробудилось воспоминаніе о прежнихъ артистахъ.

Въ исполненіи роли Марьицы г-жею Стрепетовой на меня произвела особенно сильное впечатлѣніе сцена при обмѣнѣ колець. До минуты требованія Василиемъ обмѣняться кольцами мы видимъ обыкновенную дѣвушку, и трудно представить себѣ, какъ можетъ она явиться великимъ драматическимъ лицомъ. Нельзя не отдать справедливости автору: онъ необыкновенно удачно ввелъ въ пьесу, —сообразно міросозерпанію изображаемыхъ имъ лицъ въ данную эпоху, —такой моментъ, который дѣйствительно способенъ былъ затронуть въ сердцѣ чистой, простой дѣвушки самую чувствительную струну. И эта струна, въ данномъ случаѣ, должна была зазвучать съ всею силою того духа, который пожелалъ вложить авторъ въ свою героиню.

Стрепетова поняла, что эта сцена есть самая возвышенная точка всей драмы, и что въ эту сцену надо положить всю свою силу. Артистка, не сумѣющая выдержать должнымъ образомъ упомянутую сцену, неминуемо уронитъ значеніе всей драмы. Моментъ заклинанія вызываетъ въ простой дѣвушкѣ всю скрывавшуюся въ ней до этого времени могучую силу ея души, и эта сила духа является новостью какъ для нея самой, такъ и для Василія. И все это выходитъ весьма правдиво и натурально. Съ минуты заклинанія Василій раздавленъ. Безъ всякихъ словесныхъ разъясненій становится очевиднымъ для Василія, что онъ не пара Марьицѣ, а для нея, что она не пара Василію; кромѣ того, дѣлается очевиднымъ и то, что съ этой минуты истинная любовь, если она и успѣла зародиться у этихъ двухъ лицъ, въ сущности, рухнула безвозвратно съ обѣихъ сторонъ. Василій не могъ внутренне не почувствовать своего, по сравненію съ Марьицей, слабодушія, и, слѣдовательно, нѣкотораго оскорбленія; а Марьица не могла не убѣдиться въ этомъ слабодушіи Василія, не нашедшаго въ своей любви столько

силы, чтобы послѣ заклинанія покончить дѣло тутъ же. Послѣ означеннаго момента могли гнѣздиться въ сердцахъ обоихъ лишь внѣшніе признаки любви, поджигаемые однимъ самолюбіемъ. Такъ дѣло и разыгралось въ послѣдующихъ актахъ драмы.

Смыслъ означенной превосходной сцены былъ изображенъ Стрепетовой въ такомъ совершенствѣ и съ такою могучестью и искренностью, что тутъ вспомнился мнѣ характеръ игры Каратыгина.

Не стану говорить о сценѣ укора и отказа слѣдовать за Василиемъ. Эта сцена была безукоризненна; но она на столько благодарна для артистки, что и не особенно сильный талантъ можетъ выполнить ее удачно.

Упомяну, въ заключеніе, о той послѣдней сценѣ, когда Марьяца вышла изъ-за стола и начала говорить. Въ это время она была похожа скорѣй на царицу, чѣмъ на простую дѣвушку. И это, въ игрѣ Стрепетовой, ни сколько не шокировало. Говорила не простая дѣвушка, а говорила ея устами глубоко страдавшійся человѣческій духъ, достигшій, отъ разиѣра горя, до величія необъятнаго, а потому величавый тонъ и величавыя манеры Стрепетовой въ этой сценѣ являются совершенно естественными.

Всѣ эти сцены могутъ казаться смѣшными при талантѣ, недостаточно могучемъ, но вѣдь и сцены изъ «Отелло», «Гамлета», «Короля Лира» и проч. кажутся тоже смѣшными при слабыхъ талантахъ.

Иному читателю можетъ показаться, что я отвелъ слишкомъ много мѣста очерку нашей прежней драматической труппы; но я твердо убѣжденъ, что не заслужу этого упрека отъ тѣхъ еще живыхъ людей, которые видѣли плеяду прежнихъ артистовъ. Эта плеяда заслуживала бы не бѣлаго моего очерка, а цѣлой книги, ибо сослужила не малую службу для исторіи развитія драматическаго искусства въ нашемъ отечествѣ. Къ сожалѣнію, литературные источники, по этому предмету, слишкомъ бѣдны, да и написать подобную книгу возможно лишь чело-вѣку, передъ которымъ эта плеяда прошла воочію.

Если я остановился, преимущественно, на Каратыгинѣ и на Мартыновѣ, то потому, что это были слишкомъ выдающіяся, крупныя величины. Правда, что такой громаднѣйшій талантъ, какимъ обладалъ Мартыновъ, можетъ конечно, появиться не сегодня, такъ завтра; но прежде, нежели встрѣтитъ необыкновенное совмѣщеніе всѣхъ тѣхъ условій, которыми обладалъ Каратыгинъ можетъ пройти и болѣе полвѣка. Такъ же, какъ великъ Шекспиръ, какъ драматургъ, такъ великъ и Каратыгинъ, какъ исполнитель или толкователь твореній этого гениа. Повторю здѣсь, что, со смертью Каратыгина, на долгіе, многіе годы палъ на сценѣ и Шекспиръ, что и предсказывалъ Бѣлинскій, какъ это видно изъ одной его рецензіи. Поэтому, въ сущности, мой очеркъ Каратыгина скорѣе

слишкомъ кратко и блѣденъ, чѣмъ объемистъ и достаточно выразителенъ.

Тяжело сознавать, что прошло уже два поколѣнія, которыя были лишены высочайшаго наслажденія, испытаннаго нами отъ Шекспира и отъ другихъ высокихъ драматическихъ твореній, являвшихся на сценѣ.

Я думаю, что никто не станетъ оспаривать, что мы бѣдны нынѣ драматическими силами и, въ то же время, бѣдны и литературными. Въ прежнее время, блестяли такія необъятныя величины, какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, и около нихъ необыкновенно яркія звѣзды второй величины: Достоевскій, Тургеневъ, Григоровичъ, Гончаровъ и другіе. Въ критической литературѣ мы имѣли громадную силу—Блинскаго. Среди драматическихъ артистовъ—Каратыгина и Мартынова. Въ музыкальномъ мірѣ—Глинку. Въ живописи—Брюлова. Въ ваяніи—Клодта. Въ наукѣ—Остроградскаго, Буняковскаго. Въ хирургіи—Пирогова. И всѣ эти лица, почти современники, прошли мимо насъ, въ періодъ съ небольшимъ четверть вѣка. Но мы видимъ оскудѣніе крупныхъ талантовъ и по другимъ отраслямъ человѣческой дѣятельности.

Такое обстоятельство, воочію передъ нами стоящее, невольно возбуждаетъ вопросъ: гдѣ же кроются причины настоящаго оскудѣнія? Всякій можетъ объяснять означенное явленіе по собственному соображенію. Конечно, есть тому причины частныя, временныя, хотя и весьма вѣскія; но я, по своему соображенію, обращаю вниманіе на одну изъ причинъ, болѣе общую.

Въ числѣ этихъ причинъ мнѣ прежде всего бросается въ глаза отсутствіе вѣрной оцѣнки талантовъ и возведеніе на пьедесталы посредственностей и, часто, посредственностей весьма жалкихъ. Такое явленіе вытекаетъ, какъ слѣдствіе, изъ быстро нахлынувшей на общественную жизнь огромной массы неразвитыхъ элементовъ, и эта масса, не получившая должнаго образованія, бросилась обучаться всему изъ незамедлившихъ появиться популярныхъ книжонокъ.

Подобныя явленія, бывшія въ другихъ странахъ, представляютъ, конечно, нѣкоторыя особенности, но сравненіе ихъ повело бы слишкомъ далеко: я констатирую лишь извѣстный фактъ.

Во всякомъ случаѣ, означенныя явленія можно уподобить появленію бурьяна и сорныхъ травъ, заглушающихъ здравые злаки и хлѣба, пока культура послѣднихъ не истребитъ первыхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памятники гр. Румянцову, вк. Суворову, Кутузову и Барклаю-де-Толли.

Рескриптъ графу С. К. Вязмитинову.

23-го сентября 1818 г. Ахенъ.

Графъ Сергѣй Козьмичъ! Желая способствовать украшенію столицы и для памятниковъ, сооруженныхъ въ честь двухъ нашихъ великихъ полководцевъ, избрать лучшее мѣсто, чтобы сіи знаменія отечественной благодарности дѣйствовали на потомство тѣмъ сильнѣе, повелѣваю: обелискъ, воздвигнутый побѣдамъ генералъ-фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, перенести на площадь Перваго кадетскаго корпуса, да юные питомцы сего училища, въ коемъ воспитывался самъ герой Задунайскій, созерцаютъ монументъ его славы; памятникъ же генералиссимуса, князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго поставить на новой площади близъ дома князя Салтыкова, гдѣ назначено быть Троицкому мосту. Отнынѣ сіи площади будутъ называться, первая Румянцовскою, вторая Суворовскою. Прославляя безсмертныя дѣянія времянь минувшихъ, изъявимъ справедливую признательность и къ заслугамъ нашего времени. Слава генералъ-фельдмаршаловъ князей Голенищева-Кутузова-Смоленскаго и Барклаю-де-Толли требуетъ также достойныхъ памятниковъ, кои на украсятъ двѣ площади предъ соборнымъ храмомъ Казанскія Божія Матери, гдѣ россияне видятъ многочисленныя трофеи побѣдъ своихъ, дарованныхъ намъ Господомъ, и благословенныхъ человечествомъ. Произведеніе въ дѣйство сего намѣренія поручено мною особенной, для того учрежденной комиссіи.

Пребываю вамъ благосклонный.

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаній о пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ.

III ¹⁾.

1-я гимназія въ 1855 г. — Директоръ В. В. Игватовичъ и инспекторъ В. С. Бардовскій. — Субботніе отпуски. — Преподаватели. — Воспитатели.

Сеню 1855 г. меня отдали наконецъ въ 1-ю гимназію. Вступленіе на престолъ императора Александра II принесло съ собою надежду на коренное обновленіе всего строя русской жизни. Чувствовалось, что начинается переходъ отъ стараго къ новому; обществомъ овладѣло бодронастроеніе, въ послѣдствіи получившее въ лагерьъ приверженцевъ старины наименованіе «разнузданности». Новыя вѣянія, хотя еще и нерѣшительно, начинали уже отчасти отражаться на всемъ, между прочимъ, и на общихъ порядкахъ въ учебныхъ заведеніяхъ. При поступленіи въ гимназію, я засталъ ее въ самомъ началѣ періода преобразованій. Началось съ переобмундированія: прежніе мундиры съ фалдами, похожіе на фраки, замѣнились казакинами. Мнѣ на третій же день пригнали такой казакинъ съ краснымъ воротникомъ, на которомъ были пришиты золоченныя позументныя полоски, съ красными же отворотами на рукавахъ и съ блестящими желтыми пуговицами. Казакинъ былъ тѣсенъ, тугой стоячій воротникъ, съ непривычки, сильно натиралъ шею, но я мужественно переносилъ эти неудобства, довольный тѣмъ, что сталъ похожъ на военнаго. Для ежедневной носки дана мнѣ была куртка съ металлическими пуговицами и тоже съ краснымъ воротникомъ. Почему такое одѣяніе признавалось тогда нужнымъ для школьниковъ — неизвѣ-

¹⁾ См. «Русскую Старину» сентябрь, 1901 г.

стно; достовѣрно только, что о просторныхъ блузахъ, въ которыхъ ходятъ нынѣшніе гимназисты, никто тогда не думалъ. А можетъ быть, придетъ время, когда люди будутъ, пожимая плечами, рассказывать, что въ старину студенты, лицеисты, правовѣды тоже носили мундиры военнаго вида, да еще и вовсе ненужныя имъ шпаги въ придачу. Но если вѣрно, что исторія не терпитъ скачковъ, то обмундированіе и подавно. Наши гимназическія полукафтаныя (казакіны) были все-таки шагомъ впередъ, составляли, такъ сказать, «эволюцію» въ мундирномъ вопросѣ. Такою же эволюціей было и ослабленіе школьной дисциплины при началѣ моего гимназическаго ученія. Но, при всемъ ослабленіи ея, я все-таки сразу ощутилъ разницу между строемъ гимназической жизни и тою атмосферой, которая окружала меня до гимназіи. Правда, начальники и наставники здѣсь не внушали мнѣ, новичку, трепета, но и близости ихъ ко мнѣ они не сочли нужнымъ показать. Между мною и ими съ первыхъ же дней образовалось разстояніе: я увидѣлъ, что не найду въ нихъ друзей, какъ было въ пансіонѣ Гершельмана. Оказалось, что я попалъ не въ учебно-воспитательное заведеніе, а на педагогическую фабрику, гдѣ готовятъ юношество къ полученію аттестата объ окончаніи курса наукъ.

Не могу, однако, особенно хулить пріютившую меня гимназію, такъ какъ знаю, что бывали другія хуже ея. 1-я гимназія, преобразованная лѣтъ за двадцать слишкомъ передъ тѣмъ изъ университетскаго Благороднаго пансіона, выгодно отличалась въ мое время (и до меня) отъ многихъ другихъ учебныхъ заведеній, особенно же отъ тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ. Принимая въ питомцы исключительно дворянскихъ дѣтей, она и держала ихъ соотвѣтственно ихъ привелегированному званію. Дворянчиковъ хотя иногда и сѣкли (впрочемъ, только за особо важныя провинности), но вообще обходились съ ними хорошо, сносно кормили и очень недурно содержали. Ихъ даже обучали танцамъ, чего теперь, кажется, нигдѣ не водится. Разъ въ недѣлю воспитанники надѣвали танцевальныя башмаки и являлись въ рекреаціонный залъ, гдѣ ожидалъ ихъ учитель, привозившій съ собою скрипача. Учителемъ танцевъ много лѣтъ состоялъ москѣ Дютакъ, пожилой, но все еще гибкій, какъ ивовый пруть, и легкій, какъ перышко, французъ съ неизмѣнною улыбкой балетнаго танцора на подрумяненномъ лицѣ. Вниманіе къ дѣтямъ привелегированнаго класса сказывалось также и въ несвойственной тому времени умѣренности взысканій за провинности. Помимо рѣдко примѣнявшихся розогъ, дѣль наказаній, начинаясь съ оставленія безъ отпуска на воскресенье, оканчивалась заточеніемъ въ карцеръ. Впрочемъ, и эта кара не была особенно сурова, такъ какъ узникъ не вполне лишался возможности сноситься съ товарищами, оставшимися на свободѣ.

Директоромъ гимназіи былъ въ то время Викентій Викентьевичъ

Игнатовичъ, а инспекторомъ Василій Степановичъ Бардовскій. Оба они были люди добрые и жили между собою въ ладу, хотя и не во всемъ были согласны другъ съ другомъ. Директоръ, грузный и уже пожилой господинъ, лишь изрѣдка появлявшійся въ средѣ гимназистовъ, принималъ передъ ними насупленный и внушительный видъ, съ цѣлью внушить своей паствѣ должное уваженіе къ его авторитету. Но всѣ мы знали, что за этою торжественною внѣшностью кроется добрѣйшая душа, неспособная къ суровости и несправедливости. Дѣтскій инстинктъ вообще трудно обмануть; поэтому даже новички—не говоря уже о воспитанникахъ старшихъ классовъ—легко постигали слабость директора, заключавшуюся въ стремленіи къ тому, чтобы мальчики считали его грозой. Слабости этой мы охотно потакали, дѣлая видъ, будто и въ самомъ дѣлѣ считаемъ его грозой. Бывало, при появленіи его въ корридорѣ, мы демонстративно притихали въ классахъ, мимо которыхъ онъ проходилъ; и сквозь стеклянныя двери намъ было видно, какъ онъ шествуетъ, строгій, величавый и довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, держа, по обыкновенію, въ рукѣ распушенный фуляровый платокъ и табакерку.

Инспекторъ держалъ себя гораздо проще. Онъ былъ прекрасно образованъ, но характеръ имѣлъ вспыльчивый и легко впадалъ въ тонъ «распеканія». Приземистый и плотный, онъ имѣлъ памятную всѣмъ его питомцамъ привычку съ рѣшительнымъ видомъ обдергивать книзу свой жилетъ, ухвативъ его за нижній край; при этомъ онъ такъ пристально смотрѣлъ въ глаза распекаемому, что тотъ такъ и ждалъ: еще минута—и послѣдуетъ наказаніе. Но дѣло почти всегда оканчивалось иначе: на шумѣвъ и едва не оборвавъ на себѣ жилета, Василій Степановичъ стихалъ и со словами: «Какъ вамъ не стыдно!» отходилъ въ сторону, оставивъ провинившагося въ состояніи сильнаго конфуза. Въ отличіе отъ директора, говорившаго намъ «ты», инспекторъ держался съ нами на «вы». Директоръ особенно цѣнилъ въ воспитанникахъ благоправіе и почтительность, въ связи съ шаблонными «успѣхами въ наукахъ»; инспекторъ же ставилъ выше всего въ мальчикахъ прямотушіе, честность и самостоятельность сужденія. Наибольше правдивыхъ онъ даже никогда не «распекалъ», а вмѣсто того вступалъ съ ними въ собесѣдованія, стараясь взять логикой.

Мы всѣ жили въ интернатѣ: такъ-называемыхъ «приходящихъ» воспитанниковъ тогда еще не было. Мы проводили всю недѣлю въ гимназій, а въ субботу, по окончаніи уроковъ, насъ отпускали по домамъ до утра понедѣльника. Отпускали, однако, только тѣхъ, за которыми присылаема была изъ-дома прислуга, въ качествѣ провожатаго; безъ провожатаго не пускали даже учениковъ старшаго (VII) класса, хотя между ними были тогда великовозрастные малые. Смѣшно было смотрѣть,

какъ иной изъ нихъ, высокорослый и сильный, выходилъ на улицу въ сопровожденіи какой-нибудь двѣнадцатилѣтней дѣвочки, присланной за нимъ родителями. Какъ нарочно, самая маленькая дѣвочка приходила обыкновенно за самымъ рослымъ семиклассникомъ Л., славившимся на всю гимназію необычайною физическою силой и уже брившимъ себѣ бороду. Мы всѣ знали объ его подвигѣ съ казенной кочергою, которую онъ однажды изогнулъ въ спираль. Дежурный надзиратель (гувернеръ), принявъ такой небывалый поступокъ за преступленіе, представилъ *corpus delicti* инспектору. Очевидцы рассказывали, какъ В. С. Бардовскій—человѣкъ тоже необыкновенной силы—прибылъ съ кочергою въ классъ и, распекая Л., уже не обдергивалъ на этотъ разъ жилета, а силлся выпрямить спираль. Л. сосредоточенно смотрѣлъ на его тщетныя попытки и, убѣдившись въ ихъ бесплодности, спокойно пробасилъ:

— Позвольте, Василій Степановичъ, я расправлю.

И, къ изумленію присутствовавшихъ, въ самомъ дѣлѣ выпрямилъ кочергу. Василій Степановичъ только плечами пожалъ и даже не сказалъ обычнаго: «Стыдно!»

И за такимъ-то господиномъ присылали по субботамъ маленькую дѣвочку; установленнаго правила нельзя было нарушить.

Уже одна эта нелѣпость должна была заронить въ умахъ воспитанниковъ сомнѣніе въ доброкачественности гимназическихъ порядковъ. И дѣйствительно, чѣмъ ближе ознакомлялись мы, новички, съ подробностями гимназическаго быта, тѣмъ больше развивалась въ насъ склонность относиться ко многимъ изъ нихъ иронически. Такое же отношеніе вызывали къ себѣ и наши преподаватели, чего не должно бы быть въ надлежаще устроенномъ учебномъ заведеніи. Учительскій персоналъ въ младшихъ и старшихъ классахъ былъ у насъ далеко не однороденъ и, говоря вообще, не особенно доброкачественъ. Только потомъ, съ переходомъ въ старшее отдѣленіе, намъ довелось встрѣтить прекраснаго преподавателя, въ лицѣ извѣстнаго впоследствии педагога и писателя Вас. Ив. Водовозова; но о немъ скажу послѣ. Большинство учителей относилось къ своей задачѣ чисто формально, какъ-бы слѣдя поговоркѣ: «Отзвонилъ—и съ колокольни долой»; это были, скорѣе, чиновники, чѣмъ учителя. Въ первомъ классѣ только одинъ изъ преподавателей отдавался со страстью своему дѣлу, но зато и былъ онъ лишь учителемъ чистописанія. Онъ съ увлеченіемъ выводилъ передъ нами на классной доскѣ красивыя строки и, сочетая практику съ теоріей, старался убѣдить насъ, что каллиграфъ почти то же, что художникъ. Наиболѣе искусныхъ изъ учениковъ онъ поощрялъ подарками, давая имъ въ награду тетрадки, на которыхъ собственноручно дѣлалъ золотыми чернилами надписи, окруженные затѣйливыми завитушками. Его можно помянуть добрымъ словомъ хоть за усердіе и за искреннее стремленіе

подѣлиться съ нами своими скромными знаніями; о другихъ же учителяхъ младшихъ классовъ даже и этого нельзя было бы сказать по чистой совѣсти. Учитель ариметики почему-то относился къ намъ особенно недружелюбно и, кажется, главною своею задачей считалъ улавливаніе учениковъ въ незнаніи урока, какъ бы «подсиживаніе» ихъ. Бывало, вызванный къ доскѣ излагаетъ заданное, какъ умѣетъ, а учитель молча слушаетъ, не дѣлая никакихъ поправокъ, если замѣтитъ ошибку. Слушаетъ-слушаетъ и вдругъ неожиданно: «На мѣсто. Единица!» И даже какъ будто радъ случаю огорчить мальчика. Географіи обучалъ насъ высокій старикъ изъ семинаристовъ, сумрачный въ ранніе часы, но весельчакъ и шутникъ на урокахъ, приходившихся послѣ завтрака: тутъ онъ острялъ, юмористически переименовая фамиліи учениковъ, пересыпалъ свои рассказы по учебнику поясненіемъ географическихъ названій и проч. Я и теперь еще помню, съ его словъ, что Патагонію правильнѣе было бы называть «Потогонією», потому что тамъ очень жарко. Если на урокъ случалось зайти директору или инспектору, учитель прерывалъ свой рассказъ на полусловѣ и начиналъ «спрашивать», вызывая, впрочемъ, только лучшихъ учениковъ, чтобы показать товаръ лицомъ. И если, глядя на него и на нѣкоторыхъ другихъ учителей, также прибѣгавшихъ къ такому приему, не всѣ мы усвоили склонность къ мошенническимъ повадкамъ, то въ этомъ ничуть не виновны эти учителя: они дѣлали въ этомъ отношеніи, сколько умѣли, но не могли же они развратить всѣхъ до единого. Несомнѣнно, однако, что, благодаря ихъ примѣру, среди насъ развился своего рода спортъ, заключавшійся въ томъ, чтобы, не зная урока, обмануть преподавателя. Въ этомъ отношеніи гимназисты, чѣмъ старше, тѣмъ становились изобрѣтательнѣе и изворотливѣе; нѣкоторые доходили даже прямо до наглаго надувательства, чѣмъ и похвалялись передъ товарищами. Придуманъ былъ также способъ и совсѣмъ освободить себя на нѣкоторое время отъ всякихъ занятій: желающіе сказывались больными и поступали въ гимназическій лазаретъ, благо нашъ докторъ, изъ военныхъ врачей, принималъ всѣхъ безъ разбора. Онъ, кажется, даже бывалъ доволенъ появленіемъ каждаго новаго паціента, быть можетъ, стыдясь получать жалованье совсѣмъ ужъ даромъ. Въ медицинѣ онъ, повидимому, былъ очень несиленъ и почти всѣмъ прописывалъ одно и то же излюбленное имъ средство: какую-то «зеленую мазь». По его указанію, на дощечкѣ надъ постелью мнимо-больного фельдшеръ выставлялъ обыкновенно традиціонныя слова: «Febris catarrhalis», которыя у гимназистовъ проносились, впрочемъ, нѣсколько иначе, а именно «фебрисъ притворялись». Большею частью, искавшіе въ лазаретѣ отдыха выписывались оттуда къ субботѣ совершенно «выздоровѣвшими». Ничего подобнаго я не видалъ ранѣе, въ пансіонѣ Гершельмана.

Собственно воспитательная часть находилась тоже не въ очень искусныхъ рукахъ. Воспитателей или гувернеровъ, какъ у насъ называли ихъ, было четверо и все разныхъ національностей: русскій, нѣмецъ, престарѣлый французъ, года черезъ два послѣ моего поступленія замѣненный другимъ французомъ же, и нѣкій слонообразный господинъ неизвѣстнаго племени: его считали остзейцемъ, фамилію же онъ носилъ итальянскую. Всѣ эти люди могли бы, вѣроятно, оказаться полезными на другихъ поприщахъ, но совершенно не годились въ воспитателя. Въ число ихъ обязанностей входило, между прочимъ, наблюденіе за нами во время вечерняго подготовленія къ урокамъ слѣдующаго дня, и они слѣдили за соблюденіемъ тишины—и только; помощи въ случаѣ затрудненій въ занятіяхъ мы отъ нихъ не ждали, да они и не могли бы оказать ее намъ по скудости своего образованія. Дряхлый французъ обыкновенно дремалъ надъ какою-нибудь книгой о Наполеонѣ I, котораго боготворилъ, хотя и покинулъ въ 1812 г., навсегда оставшись въ Россіи. Онъ, вѣроятно, могъ бы кое-что порассказать намъ о своей службѣ въ великой арміи, но никогда не рассказывалъ; быть можетъ, у него все уже спуталось или потускнѣло въ памяти. Другой французъ, мосье Робанъ, впослѣдствіи смѣнившій старца, даже и читать не любилъ, а случайные разговоры обыкновенно сводилъ на свою жену, служившую въ кордебалетѣ. Мы любили его только за то, что въ его дежурство намъ полагалось ходить поутру въ баню, куда онъ и водилъ насъ, причемъ съ истиннымъ сладострастіемъ мылся сѣрымъ казеннымъ мыломъ. Баня помѣщалась въ ближайшемъ къ гимназіи переулкѣ, который носилъ тогда названіе Баннаго. И переулокъ, и баня были прескверные, но мы охотно ходили туда, такъ какъ эти прогулки вносили нѣкоторое разнообразіе въ наше житъе. Мнѣ живо вспоминаются онѣ. Раннее, сѣрое, туманное утро; на улицахъ еле мерцаютъ догорающіе масляные фонари на деревянныхъ столбахъ. Впереди, поднявъ воротникъ своего короткаго пальто, шествуетъ мелкими шажками маленькій, толстенькій мосье Робанъ, а за нимъ идемъ мы, малыши, попарно, въ радостномъ настроеніи по случаю экстренной экскурсіи. Изъ насъ знающіе по-французски припѣваютъ сложенную ad hoc пѣсенку:

Ce beau matin,
Nous allons au bain
Avec Monsieur Robin!

Весело и намъ, весело и недалекому французу, счастливому отъ предвкушенія удовольствія власть помыться казеннымъ мыломъ.

Русскій гувернеръ, робкій, застѣнчивый, повидимому загнанный судьбою молодой человекъ, совершенно ступшевывался въ нашей толпѣ и не пользовался въ нашей средѣ ни малѣйшимъ авторитетомъ, такъ что не

имѣлъ и значенія въ качествѣ воспитателя. Почти то же можно сказать и о вѣмцѣ, котораго мы прозвали Вороной, въ виду его поразительнаго сходства съ этою птицей. Ворона терпѣливо отбывалъ свои дежурства, относясь къ нимъ единственно какъ къ службѣ, которая доставляла ему пропитаніе. Скудныя средства свои онъ пополнялъ тѣмъ, что, состоя также гимназическимъ бібліотекаремъ, ставилъ въ счетъ выпускнымъ воспитанникамъ якобы утерянныя ими, въ продолженіе курса, книги; сумму этихъ фантастическихъ счетовъ онъ соразмѣрялъ со средствами каждаго, правильно соображая, что на радостяхъ никто изъ выпускныхъ ни спорить, ни торговаться не станетъ.

Уже всѣхъ былъ гувернеръ съ итальянскою фамиліей. Этотъ принадлежалъ уже прямо къ противному типу дѣльцовъ, въ послѣдствіи распустившемуся на Руси столь пышнымъ цвѣтомъ. Французъ, вѣмецъ и русскій, унимая нашъ шумъ, видѣли въ этомъ исполненіе своей обязанности; господинъ же съ итальянскою фамиліей не допускалъ шума только потому, что онъ мѣшалъ ему писать дѣловыя письма и бумаги, которымъ онъ посвящалъ вечера своихъ дежурствъ. Черствый, сухой, мстительный по натурѣ, онъ смотрѣлъ на дѣтей, какъ на неизбѣжное зло, которое поневолѣ приходится выносить. Мы никогда не слышали отъ него ничего, кромѣ командныхъ словъ, очень умѣстныхъ въ плац-парадѣ, но ненужныхъ въ учебномъ заведеніи, и рѣшительно всѣ терпѣть его не могли. Вся повадка его нисколько не отвѣчала общепринятому представленію о педагогѣ. Поступъ спесивая: голова назадъ, животъ впередъ, походка въ развалку, огромныя плоскія ступни носками вмѣстѣ. При томъ, и голосъ рѣзкій, какъ трубный звукъ. Занимался онъ какими-то выгодными дѣлами, доставившими ему въ послѣдствіи хорошія средства къ жизни; должность же воспитателя, очевидно, служила ему только переходною ступенью къ дальнѣйшей карьерѣ.

Почти всѣ эти лица оставались нашими гувернерами въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ гимназическаго курса; но если бы ихъ и вовсе не было, мы ничего не потеряли бы, потому что заимствоваться отъ нихъ намъ было нечѣмъ. Гораздо полезнѣе ихъ были, пожалуй, для насъ наши «дядьки»: тѣ хоть чистили намъ сапоги и платье. На старшемъ отдѣленіи (съ IV класса) вмѣсто мосея Робена появился новый гувернеръ, полуфранцузъ, полувѣмецъ, воспитавшійся въ Россіи и свободно говорившій по-русски. Онъ былъ молодецъ, подвиженъ и болтливъ, но никогда не говорилъ съ нами по-французски, почему не могъ быть полезенъ намъ и со стороны практики въ этомъ языкѣ. Кстати замѣчу, что преподаваніе иностранныхъ языковъ было поставлено въ нашей гимназіи нисколько не лучше, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ привилегированныхъ. Кто поступалъ въ гимназію безъ знанія языковъ, тотъ не научался имъ и къ окончанію курса, едва успѣвая достигнуть,

съ грѣхомъ пополамъ, умѣнія ошибочно читать по-нѣмецки и по-французски и еще ошибочнѣе понимать прочитанное.

Другіе «предметы» преподавались также далеко неблестяще и въ младшихъ, и въ старшихъ классахъ. Не было учителей, которые хотѣли или умѣли бы заинтересовать насъ своимъ «предметомъ», а потому и все ученіе представлялось намъ формальностью, которую мы, по непонятному капризу начальства, должны выполнять. Представлялось непонятнымъ, для чего намъ нужно знать алгебру, тригонометрію, латинскій языкъ и т. д., о которыхъ никогда не бываетъ и помина въ бесѣдахъ нашихъ взрослыхъ родственниковъ и знакомыхъ. Поэтому учились мы вяло, механически, какъ-бы отбывая повинность. Если мы и принимали на вѣру общепринятую истину, что каждый долженъ стремиться къ образованію, то все же оставалось неяснымъ, почему для этого необходимо знать «предметы», на нашъ взглядъ, никому ненужные. Самый способъ преподаванія ихъ внушалъ намъ большія сомнѣнія. Учителя, держась программы, сухо излагали въ классѣ, что положено, а потомъ «спрашивали» и ставили отмѣтки—только и всего. Не знаешь урока—вотъ тебѣ елиница (по школьной терминологіи «коль» или «дубина»), а дальше разбирайся самъ, какъ умѣешь. Но какъ разобраться, когда сразу не понялъ, а дальнѣйшихъ объясненій не даютъ? Конечно, отсталыхъ оказывалось очень много.

Въ числѣ другихъ, вспоминается мнѣ учитель исторіи—предмета очень благодарнаго въ воспитательномъ отношеніи. Толстенскій, чисто-плотный господинъ въ туго накрахмаленныхъ воротничкахъ; ни дать, ни взять—сытый, самодовольный купчикъ. Войдетъ изысканною, почти кокетливою походкой, какъ-бы пританцовывая на гибкихъ щиколкахъ; сядетъ за кафедру, аккуратно расправивъ фалды вицмундира и, послѣ обычной переключки и записи отсутствующихъ, раскроетъ на пюпитрѣ печатный учебникъ. Затѣмъ, граціозно подперевъ подбородокъ выхолощенной рукой съ бирюзовымъ колечкомъ на мизинцѣ, начинаетъ читать по книгѣ, дѣлая видъ, будто говорить «своими словами». Ни поясненій, ни эпизодическихъ вставокъ для оживленія скучнаго и сухого разсказа учебника, вообще—ничего «посторонняго». «Спартанцы дрогнули и отступили»—слово въ слово какъ въ книгѣ. Въ слѣдующій же урокъ происходитъ уже «спрашиваніе».

-- Тихоновскій, *вы* разскажите!

А у Тихоновскаго отъ всего урока только и осталось въ головѣ, что спартанцы дрогнули и отступили; но онъ понимаетъ, что на этомъ далеко не уѣдешь, а потому сосредоточенно молчитъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ единицы, послѣ чего мрачно опускается на скамью. А учитель вызываетъ уже другого:

— Тубановъ, вы расскажите!

Тубановъ, ловко считывая съ заслоненной тетрадью книги, кое-какъ передаетъ урокъ. Потомъ еще два-три вызванныхъ, а тамъ и звонокъ: урокъ, слава Богу, конченъ. Чтобъ ему пусто было!

IV.

Демократизація состава гимназій.—В. И. Водововъ, какъ наставникъ.—М. А. Языковъ и его комиссіонерская контора.—Селеніе Стекляннаго Завода.—Незаурядная дѣвушка.

Время шло и съ каждымъ годомъ свободнѣе стали проникать въ стѣны гимназій отголоски усиливавшагося въ обществѣ преобразовательнаго движенія. Возвращаясь изъ воскреснаго отпуска, многіе изъ насъ приносили различныя вѣсти, отражавшія настроеніе взрослыхъ. Кое-что оставалось для насъ неяснымъ, но, въ общемъ, чувствовалось дуновение чего-то свѣжаго, явившагося на смѣну крѣпостническимъ понятіямъ. Слухи о готовившейся крестьянской реформѣ давали обильную пищу нашей отроческой мысли, расширяя нашъ умственный кругозоръ. Къ тому же и самый составъ воспитанниковъ существенно освѣжилъ притокомъ новаго элемента, въ лицѣ «приходящихъ», приемъ которыхъ въ гимназію былъ допущенъ около этого времени, отчасти, благодаря, настояніямъ нашего почтеннаго инспектора, В. С. Бардовскаго. Онъ былъ горячимъ сторонникомъ допущенія вольноприходящихъ, безъ всякихъ сословныхъ ограниченій, и успѣлъ отстоять свою мысль. Столь знаменитаго впоследствии «кухаркина сына» мы еще не видѣли—въ ту пору онъ еще не успѣлъ народиться, но въ нашей, до тѣхъ поръ исключительно дворянской средѣ начали появляться дѣти разночинцевъ, мѣщанъ и мелкихъ купцовъ. Само собою разумѣется, что это не могло не способствовать демократизаціи нашихъ понятій. Черезъ товарищей-плебеевъ, мы стали знакомиться съ разными сторонами жизни, до тѣхъ поръ мало или слишкомъ поверхностно извѣстными намъ. Съ другой стороны, и плебеи почерпали отъ насъ немало такого, чего не почерпнули бы въ окружавшей ихъ житейской обстановкѣ. Въ этомъ отношеніи происшедшее въ стѣнахъ гимназій «слиянiе сословій» было очень полезно для обѣихъ сторонъ и вполне отвѣчало господствовавшимъ тогда въ публикѣ стремленіямъ. Къ тому времени, когда я былъ уже въ V классѣ, среди моихъ товарищей можно было уже по пальцамъ сосчитать тѣхъ, которые еще не успѣли освободиться отъ нѣкоторыхъ, привитыхъ имъ съ дѣтства сословныхъ предразсудковъ. Я помню, какое презрѣніе, смѣшанное съ негодованіемъ, вызывалъ въ насъ воспитан-

никъ VI класса Г., которому крѣпостной человѣкъ его отца, жившій въ Петербургѣ на оброкѣ, приносилъ раза два въ годъ по парѣ сапогъ, въ видѣ дани. Г., щеголеватый и очень занятый своею наружностью юнецъ, принималъ приношеніе, какъ должное, и даже, не говоря ни слова благодарности, сухо отпускалъ бѣднаго сапожника, имѣвшаго скорбный видъ тогдашняго угнетеннаго городского ремесленника. Мы корили Г. даровыми сапогами, дразнили его «побирушкой» и всячески досаждали ему; онъ выходилъ изъ себя и видимо страдалъ отъ насмѣшекъ, но отказаться отъ дани не рѣшался: бѣдняга слишкомъ любилъ щеголять «собственными» сапогами, на высокихъ каблукахъ, такъ выгодно отличавшимися отъ грубо стачанныхъ казенныхъ. Помню также, какъ сторонились многіе изъ насъ отъ другого воспитанника старшаго класса, похвалявшагося тѣмъ, что братъ его служить квартальнымъ надзирателемъ и можетъ получать изъ лавокъ даромъ все, что захочетъ.

Припоминая обстоятельства, способствовавшія въ гимназiи нашему умственному и нравственному развитію, не могу не упомянуть съ горячею признательностью объ учителѣ русской словесности въ старшихъ классахъ, покойномъ Вас. Ив. Водовозовѣ. Память этого прекраснаго наставника, я увѣренъ, чтится многими изъ его бывшихъ учениковъ. Одинаково простой въ обращеніи, какъ съ нами, такъ и съ гимназическимъ начальствомъ, онъ былъ для насъ, прежде всего, образцомъ нравственной порядочности. Живая, увлекательная рѣчь его на урокахъ (которые онъ, чтобы поднять насъ въ собственныхъ глазахъ, называлъ «лекціями») приковывала къ себѣ вниманіе всего класса. Даже обѣившіеся и опустившіеся ученики, въ другіе часы предпочитавшіе играть на заднихъ скамьяхъ подъ столомъ въ шашки—и тѣ охотно прислушивались иной разъ къ словамъ Василя Ивановича. Голосъ его былъ неособенно пріятенъ и походилъ на криканіе, да и наружностью Водовозовъ похвалиться не могъ; но когда, истолковывая намъ какое-нибудь литературное произведеніе, онъ прочитывалъ отрывки изъ него, снабжая ихъ пространными объясненіями, мы жадно слушали его. Онъ обладалъ даромъ освѣщать разбираемое произведеніе съ такою яркостью, что достоинства или слабыя стороны его становились видны слушателямъ, какъ на ладони. Онъ умѣлъ заохотить насъ къ самостоятельному прочтенію всей вещи, отрывки изъ которой прочитывалъ на урокъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заронить въ сердце слушателя то эстетическое чутье, при отсутствіи котораго красота произведенія остаются незамѣченными читателемъ. На урокъ онъ весь уходилъ въ излагаемый предметъ, говорилъ съ увлеченіемъ и, вѣроятно, не замѣчалъ ничего вокругъ себя, хотя и смотрѣлъ на насъ сквозь очки расширенными глазами. Его возбужденное настроеніе передавалось и намъ, и, по окончаніи урока, почти у

каждаго изъ насъ оставалось пріятное впечатлѣніе живой умственной работы. Но Василій Ивановичъ, помимо своихъ увлекательныхъ лекцій, заботился еще и о томъ, чтобы пріучить насъ къ самостоятельному труду. Онъ задавалъ намъ темы для сочиненій, заставляя насъ писать разборы литературныхъ произведеній, дѣлать описанія видѣннаго нами въ жизни и т. п. Работы эти часто служили ему потомъ канвою для новой блестящей «лекціи». Рутиннаго «спрашиванія» онъ избѣгалъ, но по двумъ-тремъ вопросамъ, сдѣланнымъ какъ бы мимоходомъ, всегда умѣлъ опредѣлить степень познаній и развитія каждаяго изъ своихъ учениковъ. Охотою къ чтенію, распространившееся между нами въ старшихъ классахъ, многіе изъ насъ были обязаны преимущественно влиянію Водовозова. Изъ всѣхъ учителей только ему одному обязаны мы были также и тѣмъ, что уже на полпути гимназическаго курса въ насъ начали слагаться опредѣленные этическія начала. Надо прибавить, что онъ едва-ли не первый напалъ на мысль о важномъ значеніи выразительнаго чтенія. Съ цѣлью научить насъ ему, онъ давалъ намъ разучивать мѣста изъ произведеній Гоголя, которыя мы и разыгрывали въ лицахъ ¹⁾.

Подъ влияніемъ «лекцій» Василя Ивановича, никогда не ограничавшихся рамками ихъ непосредственнаго предмета, въ головахъ нашихъ объединялись и осмысливались тѣ впечатлѣнія, которыя мы получали внѣ стѣнъ гимназіи въ свободные отъ ученія дни. Въ этомъ отношеніи я многимъ обязанъ также и моему дядѣ, который, по мѣрѣ моего подвигавшагося развитія, все чаще вступалъ со мною въ собесѣдованія. Кромѣ того, немало пользы принесло мнѣ посѣщеніе нѣсколькихъ другихъ домовъ, особенно же дома Михаила Александровича Языкова, безызвѣстнаго по литературнымъ воспоминаніямъ Панаева, который былъ его школьнымъ товарищемъ и пріателемъ. Языковъ былъ отнюдь не дюжинною натурой. По происхожденію, онъ принадлежалъ къ старинному барскому роду и получилъ соответственное воспитаніе. Въ характерѣ его были, однако, нѣкоторыя черты, не часто встрѣчавшіяся въ средѣ тогдашнихъ помѣстныхъ дворянъ. Живой и подвижный, несмотря на нѣкоторую тучность, онъ весь проникнутъ былъ духомъ почина и склоненъ ко всякому новшеству, носившему въ себѣ признаки свѣжихъ началъ. Нельзя сказать, чтобы склонность эта была у него плодомъ продуманныхъ убѣжденій; скорѣе, она обуславливалась просто впечатлительностью его натуры. Онъ имѣлъ обширныя связи въ различныхъ кругахъ, преимущественно же въ высшемъ служебномъ, и

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ достойномъ человѣкѣ сообщены въ книгѣ В. И. Семевского „Вас. Ив. Водовозовъ. Біографическій очеркъ“. Спб., 1888 г.

ведѣ былъ любимъ, какъ остроумный и пріятный собесѣдникъ; общительности его, быть можетъ, способствовало и то, что въ немъ не было принципиальной прямолинейности, исключавшей слишкомъ большое разнообразіе знакомствъ. Свѣтское воспитаніе сдѣлало изъ него человѣка покладистаго, способнаго внѣшнимъ образомъ мириться съ явленіями, которыхъ онъ въ глубинѣ души не одобрялъ, и относиться пассивно къ воззрѣніямъ, которыхъ раздѣлять не могъ, обладая яснымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Бывая въ «свѣтѣ», гдѣ онъ имѣлъ не мало родственныхъ связей, онъ отдавалъ, однако, предпочтеніе обществу людей литературнаго и артистическаго склада. Въ концѣ сороковыхъ годовъ въ просторной квартирѣ его на Троицкомъ подворьѣ частенько собирались литераторы и ученые, принадлежавшіе или примыкавшіе къ кружку Вѣлинскаго. Молодые, начинающіе писатели нерѣдко впервые встрѣчались и знакомились здѣсь съ тогдашними жожаками литературы. Здѣсь неразъ раздавались горячія рѣчи Вѣлинскаго, слышались блестяще-остроумныя выходки Герцена, и въ пылкихъ спорахъ отшлифовалась, вѣроятно, не одна дѣльная мысль. Не было почти ни одного сколько-нибудь замѣтнаго литератора, съ которымъ Языковъ не былъ бы знакомъ болѣе или менѣе близко, и остается только пожалѣть, что онъ не оставилъ послѣ себя записокъ.

Около того времени, когда я, еще ребенкомъ лѣтъ шести-семи, бывалъ съ родителями на Троицкомъ подворьѣ, Языковъ, одержимый, какъ уже сказано, стремленіемъ къ новшествамъ, сдѣлалъ смѣлый шагъ, сильно повредившій ему въ глазахъ «свѣта». Продавъ свое наследственное имѣніе, онъ основалъ первую по времени въ Россіи коммисіонерскую контору, съ цѣлью снабженія провинціи всевозможными товарами, справками и т. п. При тогдашнемъ жалкомъ состояніи торговли въ провинціальныхъ населенныхъ пунктахъ, при бездорожьи и скудости газетъ, нынѣ разносящихъ во все углы массы всякихъ объявленій, предпріятіе это имѣло особенно цѣнное значеніе для провинціаловъ, тѣмъ болѣе, что во главѣ его были поставлены знающіе люди изъ интеллигентнаго круга. Но во мнѣніи «свѣта» дѣло это было недостойно дворянина, и на Языкова многіе стали смотрѣть косо за его неумѣстный починъ; потомственный дворянинъ въ роли купца казался прямо непристойностью. Смѣлый инициаторъ нашелъ, однако, въ себѣ достаточно мужества, чтобы пренебречь предразсудкомъ. Контора (если не ошибаюсь, подъ фирмою «Дѣятельность») была открыта у Аничкина моста, на углу Невскаго и Фонтанки, и дѣла ея сразу пошли превосходно: справки всякаго рода, заказы, предложенія посыпались со всѣхъ сторонъ Россіи, какъ только свѣдѣнія о небываломъ учрежденіи достаточно распространились. Поступали просьбы о рекомендаціи учителей и гувернантокъ, получались заказы на дамскіе

костюмы и шляпки, съ сообщеніемъ о цвѣтѣ волосъ и тѣлосложеніи заказчицъ и съ просьбами подобрать вещь «къ лицу»; выписывались сѣмена, книги, мануфактурный товаръ, фортепіано, билліарды и т. д. Новинка была слишкомъ заманчива, а денегъ у помѣщиковъ имѣлось тогда достаточно. Заказы, добросовѣстно выбранные и бережно упакованные, разсылались гужомъ и водою въ огромныхъ массахъ. Дѣло быстро развивалось; уже конторѣ приходилось зафрахтовывать цѣлые пароходы для доставки въ Петербургъ заграничныхъ товаровъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, послѣдовалъ крахъ. Обнаружились крупныя растраты, въ кассовыхъ книгахъ оказались вырванные кѣмъ-то листы... Подозрѣніе пало на управляющаго конторой, интеллигентнаго господина съ служебными и литературными связями; возникли пререканія, назначенъ былъ третейскій судъ, въ собранія котораго потрясенный Языковъ едва не упалъ въ обморокъ, но дѣло кончилось ничѣмъ; виновнаго найдено не было, а контора оказалась вынужденною ликвидировать свои дѣла.

Человѣкъ практическій, вѣроятно, счумѣлъ бы еще какъ-нибудь выпутаться изъ затрудненій и спасти гибнувшее предпріятіе; но Языковъ былъ полною противоположностью пракческаго человѣка. Широкій замыселъ, смѣлая фантазія — это было его дѣломъ, практическое же осуществленіе своихъ плановъ онъ постоянно поручалъ другимъ, зная, что самъ онъ на это не годится. Впослѣдствіи, послѣдовательно занимая видныя служебныя должности въ трехъ губернскихъ городахъ, онъ въ каждомъ изъ нихъ оставилъ по себѣ слѣды, свидѣтельствующіе о его неутомимомъ починѣ: въ одномъ городѣ учредилъ клубъ съ читальнею, въ другомъ завелъ общество потребителей (одно изъ первыхъ въ Россіи), въ третьемъ—публичную бібліотеку. Хлопотъ по такимъ поводамъ онъ не жалѣлъ: то и дѣло, являлся въ Петербургъ и «ходатайствовалъ». Бывало, всѣхъ на ноги подниметь, всѣ свои связи въ ходъ пустить, а ужъ просимаго добьется, послѣ чего ѣдетъ обратно, довольный и счастливый. Наладивъ дѣло и сдавъ его съ рукъ на руки умѣлымъ людямъ, онъ отстранялся отъ него. Неразъ говаривалъ онъ мнѣ послѣ, когда я уже былъ взрослымъ:

— Что же мнѣ было дальше-то мѣшаться? Вѣдь я въ этихъ дѣлахъ рѣшительно ничего и не умѣю, и не понимаю. Еще, пожалуй, напуташь.

Такъ же поступалъ онъ и на службѣ. Стоя во главѣ учрежденія, онъ никогда не зналъ подробностей его отправленій и заботился только о томъ, чтобы окружить себя честными, добросовѣстными и знающими сотрудниками. При знаніи людей, онъ рѣдко ошибался въ выборѣ.

Нѣкоторые изъ знакомыхъ Языкова считали его человѣкомъ легкомысленнымъ и, виня его въ дилеттантизмъ, снисходительно смотрѣли на

него сверху вниз; но онъ дѣлалъ (и сдѣлалъ), что могъ и какъ умѣлъ, а строгіе судьи его такъ и остались до гроба при одномъ самообольщеніи собственнымъ глубокомысліемъ. На чьей же сторонѣ тутъ преимущество?

Въ продолженіе гимназическаго курса я ходилъ въ отпускъ то къ дядѣ, то къ Языковымъ, гдѣ у меня былъ сверстникъ и пріятель, ихъ старшій сынъ. Они жили тогда на Стеклянномъ Заводѣ, директоромъ котораго состоялъ Михаилъ Александровичъ. Теперь отъ Знаменской площади вплоть до Александровской лавры тянутся сплошные ряды высокихъ каменныхъ домовъ и проложены рельсы паровой городской дороги; но въ тѣ годы не только эта часть Невскаго проспекта, но и предшествующая Знаменской площади представляли совершенно другую картину. Начиная отъ Надеждинской улицы, называвшейся тогда Шестилавочною, проспектъ имѣлъ видъ запущенной улицы какого-нибудь провинціального города. Гладкіе фасады старомодныхъ домовъ были выкрашены охрою, и въ нижнихъ этажахъ, вмѣсто нынѣшнихъ щегольскихъ магазиновъ, ютились грязные, засоренные лабазы, воючія мелочныя, шорныя и каретныя лавки, гдѣ сидѣли купцы и прикащики въ чуйкахъ и тулупахъ, ничуть не похожіе на нынѣшнихъ франтовъ въ яркихъ галстукахъ. За Николаевскою улицей, по справедливости носившею въ то время лестное названіе Грязной, начинали уже встрѣчаться накренившіеся сѣрые заборы изъ барочнаго лѣса. Знаменская площадь представляла собою заброшенный пустырь, гдѣ появленіе въ ночную пору сопряжено было съ рискомъ попасть въ руки лихому чело-вѣку. Помнится, площадь не была даже мочена, хотя прилегающій къ ней конецъ Невскаго проспекта уже былъ вымощенъ отборнымъ, крупнѣйшимъ булыжникомъ. На площади, сколько помню, стояла полицейская будка, изъ которой иногда выходилъ будочникъ и смотрѣлъ на небо, чтобы узнать, который часъ. Слѣва виднѣлись рѣдкія лачужки Песковъ, нынѣ застроенныхъ и освѣщаемыхъ электрическими фонарями; вправо тянулася вдоль загнившей Ляговки скорѣе деревня, чѣмъ городъ, населенная ямщиками и извозчиками. Малочисленные фонари освѣщались ламповымъ масломъ, которое подвозилъ къ нимъ въ ручной телѣжкѣ обтрепанный фонарщикъ; въ видахъ наибольшаго свѣтового эффекта, онъ протиралъ фонарные стекла засаленною тряпкой.

Отъ площади до Лавры дорога шла уже совершенной пустыней. Еслибы не заборы по сторонамъ, нельзя было бы и догадаться, что городъ еще не кончился. Само-собою разумѣется, что по такимъ мѣстамъ я рѣшался ходить на Стекланный Заводъ только въ дневную пору, а если случались деньги, то предпочиталъ ѣздить на извозчикѣ, что, по тогдашнимъ цѣнамъ, обходилось копѣекъ въ двадцать; если же хорошенько поторговаться, то свезутъ, бывало, и за 17 копѣекъ. Скром-

ной цѣвъ соотвѣтствовало и устройство извозчичьяго экипажа. Нынѣшнихъ пролетокъ тогда еще не водилось; ѣздили на длинныхъ дрожкахъ, похожихъ на бѣговья и называвшихся «гитарою». Мужчины садились на нихъ верхомъ, а дамы бокомъ, свѣсивъ ноги на подножку. Извозчикъ помѣщался на маленькихъ козлахъ; костюмъ его состоялъ изъ деревенскаго армяка, высокой войлочной шляпы (тречаникъ) и рукавиць; на спинѣ его болталась привѣшенная на ремешкѣ нумерная жестянка въ видѣ бубноваго туза. Поэтому сѣдокъ, когда бывалъ недоволенъ, билъ извозчика не по спинѣ (чтобы не оцарапать руку объ жестянку), а по шеѣ; такъ же поступали и будочники, когда, по ходу событій, требовалось ихъ вмѣшательство. Полицейскіе же офицеры предпочитали бить извозчиковъ прямо по лицу, или, выражаясь техническимъ терминомъ, «по мордѣ». Извозчикъ, съ своей стороны, по тогдашней своей безотвѣтственности, могъ на такіе способы воздѣйствія отвѣчать только тѣмъ, что снималъ шляпу и просилъ прощенія: онъ зналъ, что въ кварталѣ съ нимъ обошлись бы еще хуже.

Стекланный Заводъ, съ его селеніемъ фабричныхъ, являлъ собою прямо захолустье. Мѣстность эта, и нынѣ не могущая похвалиться ни чистотою, ни благоустройствомъ, была въ тѣ времена тиха и малолюдна. Въ жалкихъ домикахъ селенія жизнь шла вяло и безцвѣтно. На улицѣ лишь изрѣдка встрѣчались двое-трое какихъ-нибудь идущихъ по дѣлу прохожихъ, на которыхъ порою залаетъ откуда-нибудь изъ-подъ воротъ соскучившаяся отъ праздности собака. Если, бывало, пріѣдешь на извозчикѣ, то въ иномъ окнѣ замѣтишь какое-нибудь женское лицо, интересующееся узнать, кто ѣдетъ и куда именно проѣдетъ. Совсѣмъ какъ въ деревнѣ.

Языковъ занималъ просторный одноэтажный деревянный домъ, обращенный двумя сторонами къ обширному саду при заводѣ. Семья Михаила Александровича состояла изъ его жены¹⁾, двоихъ (впослѣдствіи пятерыхъ) дѣтей, сестры жены и молодого человѣка, А. А. Попова, впослѣдствіи пріобрѣвшаго извѣстность, какъ художникъ. Въ этомъ домѣ мнѣ бывало несравненно веселѣе, чѣмъ у дяди: здѣсь не было размѣренности въ образѣ жизни, и господствовало оживленіе. Гости бывали часто, и сами Языковы нерѣдко выѣзжали, имѣя свой экипажъ. Иногда вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ Языковъ возилъ и меня къ своимъ богатымъ и бонтоннымъ родственникамъ, быть можетъ, съ цѣлью пріучить меня къ свѣтскому обращенію, которое, впрочемъ, такъ и не далось мнѣ. Я ди-

---

¹⁾ Екатерины Александровны. Она занималась мозаикою и хорошо рисовала. Сохранился прекрасно исполненный ею (карандашомъ) портретъ В. Г. Бѣлинскаго, святой съ натуры незадолго до его смерти. Знатки находили въ немъ большое сходство съ оригиналомъ.

чился въ домахъ этихъ дамъ высокаго полета и никакъ не могъ побороть моей застѣнчивости, когда онѣ снисходительно осматривали меня въ лорнетъ. У одной изъ нихъ, пользовавшейся вліяніемъ и почетомъ, вслѣдствіе близости ея къ нѣкому высокому сановнику, былъ «салонъ», куда собирались именитыя лица, дипломаты и люди, искавшіе карьеры; квартира ея была роскошно убрана, и чай разносилъ статный арапъ въ бѣлоснѣжныхъ воротничкахъ. Его сверкашіе по временамъ зубы занимали меня гораздо больше, чѣмъ сама хозяйка и ея аристократическіе гости. Съ дѣтми послѣднихъ, разодрѣтыми, какъ куколки, и уже достаточно усвоившими великосвѣтскія манеры, я сойтись не могъ по слишкомъ большому различію между нашими вкусами и привычками, хотя бы еще и дѣтскими. Словомъ, я не любилъ вѣздить въ эти дома и бывалъ доволенъ, когда меня туда не брали.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ я становился старше, я началъ въ посѣщеніяхъ семьи Языковыхъ находить новый интересъ. Все чаще началъ я заходить въ отдаленную комнату, гдѣ, среди груды книгъ и неопишуемаго беспорядка, жила сестра г-жи Языковой, милая и добрая Элликонида Александровна Б. Тамъ проводилъ я долгіе часы, слушая ея нескончаемые рассказы и объѣдаясь вареньемъ, которое она мастерски варила. Элликонида Александровна была преоригинальная личность. Дѣвушка лѣтъ двадцати, бойкая и подвижная, съ большими живыми черными глазами и свѣжимъ смѣхомъ въ минуты веселаго настроенія, она легко могла бы сдѣлать хорошую «партію», еслибы мысли ея были направлены въ эту сторону. Не одинъ изъ молодыхъ людей, бывавшихъ въ домѣ Языкова, втайнѣ питалъ нѣжное чувство къ этой дѣвушкѣ, ходившей, по державшейся еще тогда модѣ, въ букляхъ; говорятъ, даже степенный и вялый Ив. Ал. Гончаровъ увлекся ею на столько, что едва не сдѣлалъ ей предложеніе. Но она не думала о замужествѣ: ей хотѣлось учиться. Лѣтъ восемнадцати она, продавъ свою долю имѣнія, отправилась въ Парижъ, посѣщала Сорбонну и, вернувшись потомъ въ Петербургъ, продолжала свои разностороннія учебныя занятія. Работая одна, безъ руководителя, она не сумѣла систематизировать свое ученіе, но все же развила свой ясный отъ природы умъ и выработала себѣ опредѣленные взгляды. Но главною чертою ея натуры была необыкновенная доброта и отзывчивость къ чужой нуждѣ. Никто не сумѣлъ бы съ такою нѣжностью и съ такимъ тактомъ ободрить унывающаго, поддержать ослабѣвшаго, одушевить равнодушнаго, словомъ—«подковать» человѣка, если можно такъ выразиться. Однако, при всемъ томъ, на нее находили порою припадки взбалмошности, какимъ-то чудомъ уживавшейся въ ней съ разсудительностью и высокою гуманностью. Быть можетъ, въ этомъ сказалась наслѣдственность помѣ-

пищевой среды, изъ поколѣнія въ поколѣніе рождавшей самовластные характеры.

Привычки Элликониды Александровны были крайне просты: она готова была довольствоваться самою скудной обстановкой, самою скромною пищей, не говоря уже объ одѣяніи, которое очень мало занимало ее. Впослѣдствіи, когда она рѣшила начать трудовую жизнь и поселилась отдѣльно отъ Языковыхъ, никто по образу жизни и одеждѣ не призналъ бы въ ней бывшей помѣщицы. При своихъ родственныхъ связяхъ въ «свѣтѣ», она, конечно, могла бы заручиться хорошо оплачиваемою работой, дорогими уроками; но она, совершенно чуждая корыстолюбивыхъ помысловъ, всю жизнь свою довольствовалась малымъ заработкомъ, давая уроки преимущественно дѣтямъ семей средняго класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ обучая безвозмездно и нѣсколькихъ дѣтей бѣдняковъ. Одно время она занималась съ дочерью одной изъ своихъ богатыхъ родственницъ и жила у послѣдней; но какъ ни желала эта родственница доставить наставницѣ дочери всѣ удобства роскошной жизни, Элликониды Александровна избрала себѣ для жилья двѣ тѣсныя каморки въ дальнемъ углу дома и устроилась тамъ по-студенчески.

Работая неустанно, скромно питаясь и часто хвораая, она дожила до глубокой старости и умерла въ бѣдности, спокойно озираясь на свою безупречную труженическую жизнь.

V.

Женскіе институты въ концѣ пятидесятихъ годовъ.—Духъ гимназистовъ въ началѣ шестидесятихъ годовъ.—Шпіонъ въ гимназіи.

По мѣрѣ приближеніи того момента, когда, наконецъ «порвалась цѣпь великая», прогрессивныя идеи захватывали все болѣе широкіе круги русскаго общества. Естественнымъ путемъ проникая въ мужскія учебныя заведенія, онѣ не могли, конечно, не проникнуть и въ женскіе институты, хотя затворническій строй послѣднихъ, казалось бы, долженъ былъ предохранить ихъ отъ «заразы либерализма», какъ выражались поборники старыхъ порядковъ, все еще не хотѣвшіе сдаться и надѣявшіеся запрудить хлынувшій потокъ живой воды. Извѣстно, что въ тѣ времена институтки, во все продолженіе курса, оставались почти безотлучно въ стѣнахъ своего заведенія. Съ родными онѣ могли видѣться только въ опредѣленные дни, когда допускались на нѣсколько часовъ свиданія съ посѣтителями. Затворническая жизнь подъ ферулою чопорныхъ класныхъ дамъ и начальницы, которую воспитанницы называли своею

«шапан», налагала на бѣдныхъ дѣвушекъ своеобразную печать. Теперь едва-ли многіе еще помнятъ странный типъ тогдашней институтки, къ счастью отошедшій нынѣ въ область преданій. Выростая, подобно тепличному растенію, за оградой, куда едва-ли проникали отголоски внѣшней жизни, дѣвушки выходили потомъ на свѣтъ Божій нравственными уродцами. Смотря по натурѣ, онѣ являлись въ люди либо ханжами и лицемѣрками, либо существами наивными до невмѣняемости. Совершенное незнаніе людей, романтическая мечтательность и болѣзненная сентиментальность—таковы были отличительныя черты тогдашней институтки. Каждой изъ нихъ, при вступленіи въ жизнь, приходилось перестраивать за-ново все свое міросозерцаніе, замѣнять привитыя институтскою дрессурою понятія новыми. Главною заботой института было то, чтобы воспитать дѣвушку въ правилахъ прописной морали и соблюсти голубиную чистоту ея помысловъ. Въ этихъ видахъ, въ классахъ дѣлались даже пропуски въ читаемыхъ произведеніяхъ и вносились поправки въ заучиваемыя стихотворенія. Стихи, въ родѣ: «Поднявши хвостъ и разметавши гриву», читались въ измѣненной согласно требованіямъ приличія редакціи: «Поднявши носъ» и т. д. Объ остальномъ, въ томъ числѣ и о снабженіи воспитанницъ нужными въ жизни познаніями, институтское начальство не особенно заботилось. Задача его заключалась въ томъ, чтобы изъ института выходили дѣвушки, окруженныя ореоломъ непорочности, скромныя и стыдливыя, словомъ, такія, про которыхъ въ какой-то опереткѣ поется:

*Elle est tellement innocente
Qu'elle ne comprend presque rien* ¹⁾.

Нетрудно представить себѣ, сколько тяжелыхъ минутъ, сколько порою сердечныхъ мукъ приходилось переживать этимъ дѣвушкамъ, когда, прямо изъ института попавъ въ гувернантки, онѣ со столь жалкою подготовкой оказывались зажатыми въ стальные клещи обыденной жизни, такъ непохожей на рисовавшуюся ихъ институтскому воображенію!

Но вотъ свѣжій воздухъ, которымъ повѣяло на рубежѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, проникъ и сквозь институтскіе затворы. Новое настроеніе, вторгавшееся туда въ пріемные дни черезъ родныхъ и знакомыхъ, и появленіе въ институтахъ такихъ учителей, какъ Ушинскій, Милюковъ, Водозовъ и друг.,—все это вдохнуло новую жизнь въ эти заведенія. Я видѣлъ это по моей сестрѣ, которую иногда посѣщаль по воскресеньямъ. Чѣмъ ближе подвигался я къ окончанію гимназическаго курса, тѣмъ замѣтнѣе становилась для меня происшедшая въ мысляхъ и чувствахъ сестры перемѣна. Все болѣе спадала съ нея пелена, брошенная на нее первыми годами пребыванія въ институтѣ. Наив-

¹⁾ Она до того невинна, что почти ничего не понимаетъ.

ная восторженность и пасторальная мечтательность съ каждымъ годомъ замѣтнѣе уступали мѣсто болѣе правильному отношенію къ окружающему. Это ставило насъ обоихъ въ сознательно-дружественныя взаимныя отношенія. Вскорѣ обнаружилось, что и со многими изъ однокурсницъ сестры случилась та же метаморфоза. Дѣвушки, еще недавно предававшіяся по тайному чтенію раздирательныхъ романовъ, обзавелись серьезными книгами, стали осмысленно относиться къ преподаваемымъ по программѣ «предметамъ». Словомъ, тутъ—какъ всегда и вездѣ—оправдалось слово, что тьмѣ не объять свѣта.

У насъ, въ гимназій, въ 1861 г., когда я перешелъ въ послѣдній (VII) классъ, все шло уже совсѣмъ не такъ, какъ было при моемъ поступленіи шесть лѣтъ тому назадъ. Тогда выпускные воспитанники, большею частью великовозрастные (такъ какъ просиживали въ каждомъ классѣ по два года), вмѣняли себѣ въ достоинство свое молодечество, гордились физической силой, а идеаломъ счастья считали военную службу. Побить слабѣйшаго, безъ нужды оскорбить грубымъ словомъ гувернера или учителя изъ мягкосердечныхъ—это и другія подобныя выходки признавались доблестными поступками. Теперь же, подѣ влияніемъ новаго теченія, все это вывелось: девизомъ стали порядочность, честность и... цивизмъ. Какъ ни смѣшно звучитъ это слово въ примѣненіи къ гимназисту, мы именно ставили себѣ цѣлью сдѣлаться стойкими гражданами, хотя и понимали роль гражданина по-книжному, такъ-сказать, въ отвлеченіи. Мы съ жадностью поглощали статьи руководящихъ критиковъ и публицистовъ въ тогдашнихъ журналахъ, добывали себѣ новѣйшія переводныя книги и старались держаться ужасно серьезными людьми. Намъ казалось, что мы уже совершенно приготовлены ко вступленію въ житейскую борьбу и что насъ совершенно напрасно задерживаютъ въ гимназій еще на цѣлый годъ. Начали среди насъ появляться подражатели Базарова, котораго они, впрочемъ, тоже понимали по-своему, чисто съ внѣшней стороны. Пусть все это было дѣтски-нелѣпо и карикатурно, но грѣшно было бы отнестись къ тогдашнему нашему настроенію со злою насмѣшкой: оно родилось изъ чистаго источника, и подѣ его покровомъ таились благородныя и безкорыстныя стремленія, во многихъ изъ насъ оставившія по себѣ глубокій слѣдъ на всю жизнь. То была поистинѣ свѣтлая пора нашего существованія, когда мы цѣликомъ, какъ говорится—всѣмъ нутромъ отдавались одушевлявшимъ насъ идеаламъ добра и справедливости. Въ торжество ихъ—и, притомъ, самое скорое, почти въ непосредственномъ будущемъ—мы слѣпо вѣрили. Помню, что подѣ влияніемъ увлеченія общественными вопросами (понимаемыми, правда, довольно неопредѣленно и сбивчиво), я даже прекратилъ издававшійся мною рукописный сатирическій журналъ, посвященный осмѣиванію гимназическихъ порядковъ, и началъ

рисовать карикатуры для «Искры». Помѣщеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ очень льстило моему самолюбію: выходило, какъ будто я уже «служу обществу». Кстатѣ замѣчу, что журналъ мой, гдѣ помѣщались и стихи одного изъ моихъ товарищей, впоследствии ставшаго «соредакторомъ» журнала, вовсе не былъ изданіемъ подпольнымъ, хотя и выходилъ безъ цензуры гимназическаго начальства. Вас. Степ. Бардовскій нерѣдко просматривалъ съ улыбкою наши писанія и рисунки и не налагалъ на насъ своего veto.

Завели мы было у себя также кружокъ любителей чтенія, который, впрочемъ, скоро распался: каждый убѣдился, что читать въ одиночку удобнѣе, съ точки зрѣнія затраты времени. Мѣстомъ собраній служила намъ квартира одного товарища, сына миллионера, въ его отцовскомъ домѣ. Мы сходились тамъ въ воскресные вечера; кто-нибудь читалъ избранную книжку, а остальные пили чай и слушали. Впрочемъ, толстякъ Т., послѣ двухъ-трехъ страницъ, обыкновенно впадалъ въ дремоту, заранѣе выпивъ стакана три чая и съѣвъ множество сухарей. По окончаніи чтенія, возникали разсужденія и споры по поводу прочитаннаго, причемъ, какъ всюду водится на Руси, пылкія рѣчи легко переходили въ колкости и «личности»; но это не мѣшало дебатамъ быть до извѣстной степени полезными для ихъ участниковъ и слушателей.

Комическую сторону нашихъ собраній составляло то, что мы окружали ихъ большою таинственностью. Зная, по слухамъ, что партія реакціи ведетъ глухую интригу противъ освободительнаго теченія, мы полагали, что, устраивая собранія, мы косвенно соучаствуемъ въ борьбѣ либераловъ съ консерваторами, и что поэтому наша затѣя, имѣя «политическій» характеръ, можетъ вызвать противъ себя гоненія. Мы были «либералами» и не хотѣли даваться въ руки противникамъ, чтобы не ослабить «нашей партіи». Мы серьезно вѣрили, что наше содѣйствіе что-нибудь да значить. Что дѣлать—мы были слишкомъ юны, а зеленой юности все представляется въ прикрашенномъ видѣ. У насъ, въ тѣсномъ кружкѣ, возникла было даже мысль объ изданіи тайнаго печатнаго органа—до такой степени преувеличивали мы свое значеніе и свои силы! И еще хорошо, что проектъ этотъ не осуществился. Не говоря уже о тяжкихъ послѣдствіяхъ такого замысла для насъ самихъ, что, кромѣ пустыхъ фразъ, могли бы сказать мы въ нашемъ «органѣ»? Да и кому онъ былъ бы нуженъ?

Нелѣпыя, но все же благородные помыслы! Молодежь тѣмъ и дорога, что она способна къ безкорыстнымъ порывамъ, безъ примѣси узкихъ личныхъ расчетовъ. При умѣломъ обращеніи съ нею, при разумномъ руководствѣ, изъ рядовъ ея всегда можно подготовить немало будущихъ полезныхъ слугъ отечества самой высокой пробы. Велика и непростительна ошибка тѣхъ педагоговъ, которые къ чистымъ порывамъ

молодежи относятся съ недоувѣрiемъ и подозрительностью, усматривая въ ея увлеченiяхъ, воплiвъ естественныхъ при незнакомствѣ ея съ дѣйствительностью, признаки злой воли.

Къ сожалѣнiю, всегда были и будутъ люди, съ спокойной совѣстью набрасывающiе тѣнь подозрѣнiя на молодежь, въ порывахъ которой имъ мнится опасность. Не было недостатка въ такихъ людяхъ и въ то время, о которомъ идетъ рѣчь. Расскажу эпизодъ, случившiйся въ гимназiи незадолго до нашего выпуска.

Однажды зимою одинъ изъ приходящихъ учениковъ VI класса явился поутру сильно взволнованный и, тотчасъ же собравъ группу слушателей, спѣша и задыхаясь, рассказалъ престранную исторiю. Неподалеку отъ гимназiи онъ былъ остановленъ на улицѣ неизвѣстнымъ господиномъ, который сказалъ ему, приблизительно, слѣдующее:

— Въ воскресенье въ вашей гимназiи будетъ обыскъ. Если у кого-нибудь изъ вашихъ товарищей есть что-нибудь запрещенное—пусть уничтожатъ. Берегитесь, среди васъ есть шпионъ. Смотрите же, скажите всѣмъ.

Съ этими словами неизвѣстный быстро удалился.

Извѣстiе это произвело у насъ переполохъ, особенно въ нашемъ, VII классѣ. Съ одной стороны лестно: значить, и мы не лыкомъ шиты, если у насъ хотятъ сдѣлать обыскъ! Съ другой—какъ будто боязно: чтъ, если мы окажемся политическими преступниками? Чтъ грѣха таить—у насъ дѣйствительно ходили по рукамъ списки кое-какихъ недозволенныхъ стиховъ; были и разрозненные нумера «Колокола», невѣдомымъ путемъ попадавшiе къ намъ въ руки; но у кого же въ то время не было всего этого? Былъ у насъ даже свой собственный стихотворецъ, сочинявшiй порою сокрушительные стишки. Все запретное было, конечно, немедленно предано уничтоженiю. Потомъ рассказывали, что въ ближайшее воскресенье, когда большинство воспитанниковъ было въ отпуску, классные шкапы наши подверглись деликатно произведенному осмотру особо командированными для того лицами, разумѣется, ничего запретнаго не нашедшими. Тѣмъ дѣло это и кончилось бы, еслибы не роковая вѣсть о присутствii въ нашей средѣ предателя; она заронила въ насъ сѣмена раздора. Стали доискиваться виновнаго, заподозрѣвали то того, то другого изъ товарищей. Заподозрѣнный оказывался въ тѣмъ болѣе тягостномъ положенiи, что товарищи, не бросая ему обвиненiя прямо въ лицо, начинали демонстративно сторониться отъ него. Скверно было то, что подозрѣнiя основывались на простыхъ догадкахъ, созидаясь почти исключительно на внѣшнихъ признакахъ, на несимпатичныхъ чертахъ характера того или другого лица и т. п. Помню, какъ глубоко и надолго оскорбленъ былъ одинъ изъ моихъ товарищей, К., оказавшiйся невинно заподозрѣннымъ въ шпионствѣ. Это былъ юноша съ не по-юношески

развитымъ умомъ, лучший ученикъ по математикѣ и отличный діалектикъ; во всѣхъ теоретическихъ спорахъ онъ почти всегда бралъ верхъ надъ своими противниками. Холодный и сдержанный по природѣ, онъ не только не имѣлъ въ гимназіи друзей, но и былъ непріятель многимъ изъ насъ. Мы считали его своекорыстнымъ практическимъ человекомъ, цѣнящимъ выше всего свои личные интересы. Этого оказалось достаточно для того, чтобы на него пало позорное подозрѣніе. Конечно, онъ сразу замѣтилъ, что вокругъ него образовалась пустота, и отлично понялъ причину этого явленія, но не одѣлалъ ни малѣйшей попытки оправдаться. Больше прежняго замкнувшись въ себѣ, онъ отвѣтилъ намъ гордымъ презрѣніемъ и ни съ кѣмъ не промолвилъ ни слова до тѣхъ поръ, пока дѣло объ истинномъ предателѣ не разъяснилось окончательно. Только тогда, собравъ насъ всѣхъ однажды въ классъ, онъ—какъ всегда, сдержанный, но весь блѣдный—взошелъ на кафедру и ровнымъ, спокойнымъ голосомъ произнесъ намъ превосходно построенную рѣчь, которою, какъ плетью, ударилъ по нашей совѣсти. Онъ указалъ намъ на несправедливость нанесеннаго ему оскорбленія, объявилъ, что приписываетъ это не столько нашей гнусности, сколько недомыслию, и заключилъ заявленіемъ, что теперь, когда съ него снято позорное пятно, онъ самъ не желаетъ имѣть товарищескихъ сношеній «со стадомъ барановъ». Наше искреннее раскаяніе не тронуло его: до самаго выпуска онъ такъ и остался въ гордомъ одиночествѣ.

Разъяснилась же исторія о шпионѣ совершенно неожиданнымъ для насъ образомъ. Внезапно уволенъ былъ изъ гимназіи одинъ изъ воспитанниковъ III класса, перешедшій къ намъ изъ кадетскаго корпуса. Вскорѣ мы узнали, что уволенъ онъ по настоянію В. С. Бардовскаго, бывшаго въ то время уже директоромъ. Оказалось, что доносъ, послужившій поводомъ къ официальному осмотру нашихъ шкаповъ, сдѣланъ былъ именно этимъ воспитанникомъ, котораго всѣ у насъ знали за крайне порочнаго мальчишку. Онъ былъ изъ числа приходящихъ и, вѣроятно, унаслѣдовалъ свои великолѣпныя душевныя качества отъ той среды, которая окружала его за стѣнами гимназіи. Директоръ не нашелъ возможнымъ допустить дальнѣйшее пребываніе такой «паршивой овцы» во ввѣренномъ ему стадѣ, что дѣлаетъ честь его педагогическому такту.

Мнѣ думается, что, случись вся эта исторія не въ годы моего ученія, а десять—пятнадцать годами позже, когда на учебныхъ заведеніяхъ тяготѣло подозрѣніе въ неблагонадежности, дѣло могло бы, пожалуй, принять мрачный оборотъ и немало мальчиковъ зачислено было въ опасные преступники. И это—единственно за чтеніе недозволенныхъ стишковъ и изданій, свободно распространявшихся въ публикѣ.

А. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Россія и папекій престольт.¹⁾

ГЛАВА II.

Катастрофа 27-го мая 1606 г.

Прелюдія скорой развязки. — Непримириый противникъ. — Заговоръ открытъ. — Письма полковнхъ священниковъ. — Мнѣніе кармелитовъ. — Своеволие поляковъ. — Свидѣтельство Мартина Стадницкаго. — Мнѣніе о Димитріи Нѣмоевскаго. — Свѣдѣнія, полученныя о. Савицкимъ. — Письмо Димитрія къ Децію Стривери. — Аудиенція Савицкаго. — Неизвѣстность и тревоженія. — Приготовленія къ Сицилійской вечернѣ. — Василій Шуйскій, душа заговора. — Окружающіе Димитрія. — Сообщники. — Жертвы. — Изрубленные сообщники. — Предположенія. — Тревожные симптомы. — Попытка Мишева. — Скептицизмъ Димитрія. — Последній вечеръ. — Драгоценности принцессы Анны. — Ночь съ 26-го на 27-е мая. — Подъ звуки колоколовъ. — Спокойствіе Димитрія. — Шуйскій срываетъ съ себя маску. — Заговорщики въ Кремлѣ. — Убіеніе Басманова. — Последнія минуты Димитрія. — Призваніе Марен надъ трупомъ. — Тѣла Димитрія и Басманова на лобномъ мѣстѣ. — Трагическія сцены. — Смѣшное сожженіе. — Марина среди своихъ женщинъ. — Убіеніе Осмолевскаго. — Геронизмъ полякъ. — Бояре освобождаютъ Марину. — Опасность, угрожающая всѣмъ полякамъ. — Домъ священниковъ осажденъ. — Савицей въ посольствѣ. — Свиданіе съ отцомъ Николаемъ. — Разлука. — Порядокъ возстаповленъ. — Число жертвъ. — Самборскій священникъ. — Разговоръ Фоскарини съ королемъ. — Сознаніе Сигизмунда. — Соранцо сообщаетъ извѣстія изъ Праги. — Его смѣлыя предположенія. — Впечатлѣніе, произведенное въ Римѣ. — Заупокойная служба по Димитріи, отслуженная кардиналомъ Боргезе.

ремлевскія празднества были только блестящей прелюдіей къ ужасной развязкѣ. Хотя царь имѣлъ преданныхъ ему сторонниковъ, но у него были и непримиримые враги, которые помышляли объ его гибели. Наступившее спокойствіе было обманчиво; подъ остывшимъ пепломъ тлѣло пламя мятежа, вспыхивавшее изрѣдка зловѣщимъ блескомъ. Это беспокоило людей дальновидныхъ.

Помилowanіе Василія Шуйскаго, производившаго слѣдствіе въ Угличѣ, создало Димитрію злобнаго и непримиримаго врага. Выполненіе заговора, возникшаго въ іюлѣ мѣсяцѣ 1605 г., было отложено только на время.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года было обнаружено существованіе заговорщиковъ, которые угрожали общественному спокойствію. «Арестовано нѣсколько поповъ, — писалъ отецъ Николай;—они наказаны болѣе или мене строго. Одного изъ нихъ подвергли пыткѣ, и онъ многое показалъ. Онъ былъ подкупленъ съ цѣлю отравить царя и долженъ былъ совершить царевубійство, приобщая Димитрія». Новыя опасенія возбудило то обстоятельство, что во дворцѣ были найдены, неизвѣстно кѣмъ подброшенныя принадлежности черной магіи; виновныхъ тщательно розыскивали. Въ то же время отецъ Андрей, который смотрѣлъ на вещи мрачнѣе своего товарища, писалъ, что все еще «полно опасности».

Выше мы видѣли, что Димитрію, по случаю его бракосочетанія съ Мариною, пришлось принять крутыя мѣры относительно духовенства. Объ этомъ упоминаетъ о. Николай въ письмѣ къ отцу Стривери отъ 20-го февраля 1606 г., на которое мы ссылались выше; онъ писалъ ему, что царь счелъ необходимымъ принять особенно строгія мѣры потому, что въ это время обнаружилась оппозиція и среди свѣтскихъ лицъ. Отецъ Николай упоминаетъ въ своемъ письмѣ о козняхъ, возмущеніяхъ, подавленіи мятежа; хотя онъ не распространяется объ этомъ, но изъ его словъ можно заключить, что страна переживала опасный кризисъ ¹⁾.

Того же мнѣнія о положеніи дѣлъ были и миссіонеры-кармелиты, находившіеся въ то время проездомъ въ Москвѣ. Димитрій разрѣшилъ имъ отправиться въ Персію немедленно или послѣ Пасхи по ихъ желанію. Они предпочли выѣхать 22-го марта, ибо, говоритъ историкъ ихъ ордена, объясняя причину ихъ поспѣшнаго отъѣзда,—власть Димитрія не была прочна; ежедневно возникали новыя враждебныя ему партіи, и дальновидные люди имѣли полное основаніе опасаться, что онъ будетъ свергнутъ съ престола или погибнетъ подъ его развалинами ²⁾.

Появленіе поляковъ и Марины ускорило ходъ событій. Ея свита была многочисленна; поляки прибывшіе съ нею въ Москву, были хорошо вооружены, имѣли прекрасныхъ верховыхъ лошадей и держали себя какъ въ странѣ завоеванной. По ихъ собственному сознанію, они проявляли чрезмѣрную власть, предавались всевозможнымъ излишествамъ и животнымъ страстямъ, и безъ стыда и совѣсти позволяли себѣ средь бѣлаго дня самыя возмутительныя поступки. Польскіе паны пѣли, танцовали, пировали въ Кремлѣ, подъ звуки шумной музыки; они дер-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499, письмо Чижовскаго къ Аквавивѣ отъ 21-го сентября 1605 г., и письмо Лавицкаго къ нему же; письмо Чижовскаго къ Стривери отъ 20-го февраля 1606 г.—Въ нашемъ собраніи, его же письмо къ тому же самому лицу отъ 20-го февраля 1606 г.

²⁾ Hist. gen Fr. Disc., т. II, стр. 140.

жались особиякомъ, не водили знакомства съ москвитями, которые находили ихъ слишкомъ шумливыми и сѣсивыми. Слуги были еще хуже господь. Среди нихъ были отъявленные негодяи и мошенники, которые позволяли себѣ всевозможные своевольные поступки, оскверняли православные храмы, буянили на улицахъ и оскорбляли честныхъ дѣвухъ. Мартинъ Стадницкій при всемъ своемъ патріотизмѣ строго осуждалъ своихъ соотечественниковъ. Поляки, — говорить онъ, — раздражали москвитовъ своимъ распутствомъ; они обращались съ ними, какъ со своими слугами, поносили и ругали ихъ, ссорились съ ними и оскорбляли въ пьяномъ видѣ замужнихъ женщинъ ¹⁾).

Многихъ особенно тревожило то обстоятельство, что и царь не внушалъ болѣе прежняго довѣрія. Тотъ Дмитрій, котораго такъ хорошо зналъ Рангони, и котораго видѣлъ въ Краковѣ отецъ Андрей, сталъ неузнаваемъ. Въ немъ совершилось полное превращеніе; оно выражалось въ пошлыхъ шуткахъ, неумѣстныхъ требованіяхъ и въ пагубномъ ослѣпленіи. Одинъ польскій шляхтичъ изобразилъ царя въ 1606 г. слѣдующимъ образомъ: Дмитрій честолюбивъ и высокоумѣренъ, — писалъ онъ, — не терпитъ ни малѣйшаго замѣчанія со стороны приближенныхъ, страстно увлекается военнымъ дѣломъ, жаждетъ славы полководца, не любитъ, чтобы при немъ хвалили другихъ, любитъ выставиться и похвастать; любезенъ, но быстро увлекается, вспылчивъ, хотя также быстро успокаивается; болѣе щедръ на словахъ, нежели на дѣлѣ; любить роскошь у себя дома и у другихъ; въ жизни умѣренъ, ненавидитъ пьянство, но доступенъ другаго рода слабостямъ. Онъ обладаетъ яснымъ умомъ, хотя не особенно образованъ, говоритъ краснорѣчиво, стремится къ прогрессу, не отличается особеннымъ рвеніемъ къ дѣламъ вѣры, исповѣдуетъ православную религію, но не соблюдаетъ ея обряды такъ строго, какъ народъ ²⁾).

Все то, что слышалъ въ Москвѣ о. Савицкій, было весьма мало утѣшительно. Бывшій исповѣдникъ царя долженъ былъ сознаться, что его духовный сынъ былъ очень развращенъ. Не будучи чернокнижникомъ, какъ подозрѣвали иные, онъ былъ несомнѣнно одержимъ демономъ гордыни и сладострастія.

Люди болѣе наблюдательные подмѣтили въ немъ слѣдующія черты: большую склонность къ удовольствіямъ, доставляющимъ сильныя ощущенія, нежеланіе признавать надъ собою чьего-либо превосходства, большое самоумѣніе, заставлявшее его считать себя выше всѣхъ западныхъ монарховъ, челоѣкомъ, предназначеннымъ судьбою удивить міръ своими геркулесовскими подвигами, сдѣлаться предводителемъ христиан-

¹⁾ Львовъ, бібліотека Баваровскаго, Стадницкій, л. 16 v°.

²⁾ Нѣмовскій, стр. 118.

скихъ войскъ, стать во главѣ крестоваго похода противъ турокъ и побѣдить полумѣсяць; онъ кичился присвоенной имъ императорскою властью; былъ высокаго мнѣнія о своемъ умѣнн и ловкости; наслаждался своимъ всемогуществомъ, какъ будто его царствованіе должно было быть вѣчно; не уважалъ папы, хотя искалъ его покровительства, и питалъ къ королю польскому чувство ненависти, доходившее до вражды, которая побуждала его объявить королю войну. Савицкій бросаетъ при этомъ мимоходомъ противъ царя слѣдующее обвиненіе: Димитрій, — говорить онъ, — хочетъ лишить Сигизмунда престола ¹⁾).

Человѣкъ, въ которомъ произошла столь рѣзкая переиѣна, не могъ чувствовать симпатіи къ польскому іезуиту, бывшему нѣкогда повѣреннымъ его тайнъ и избраннымъ имъ передъ Богомъ въ свидѣтели его честныхъ, искреннихъ намѣреній. Но все же, 25-го мая о. Савицкому была назначена аудіенція, быть можетъ по настоятельной просьбѣ Марини. Видясь съ іезуитами рѣже, чѣмъ прежде, Димитрій не хотѣлъ однако окончательно отдалять ихъ отъ себя; этотъ загадочный человекъ считалъ возможнымъ дѣлать самыя странныя уступки. 23-го февраля онъ послалъ польскому провинціалу, Децію Стривери, письмо, начинавшееся слѣдующими высокопарными словами: «Въ виду того, что интересы преподобныхъ отцовъ, проживающихъ въ нашей имперіи, а равно интересы всего іезуитскаго ордена и самой священной римской церкви требуютъ прибытія къ намъ и присутствія вашего преподобія, — мы предлагаемъ вамъ предпринять это путешествіе, какъ повелѣваютъ вамъ долгъ и благочестіе, какъ можно скорѣе и прибыть къ намъ со всевозможною поспѣшностью: вы убѣдитесь тогда въ нашемъ благоволеніи къ іезуитскому ордену и къ вамъ лично» ²⁾). Децій Стривери не посѣтилъ Москвы, но Димитрій, принимая Савицкаго, постарался доказать, что онъ помнитъ свои обѣщанія.

Въ назначенный день, іезуитъ былъ принятъ царемъ. Оставшись съ нимъ наединѣ, онъ поцѣловалъ ему руку и произнесъ обычное привѣтствіе. Димитрій отвѣчалъ ему въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, заявилъ, что онъ счастливъ видѣть стараго друга, которому онъ столь многимъ обязанъ; подтвердилъ, что онъ помнитъ свои обѣщанія и готовъ ихъ исполнить, и принялъ съ благодарностью письмо отъ генерала іезуитскаго ордена, Клавдія Аквавивы, и нѣсколько священныхъ вещицъ, въ числѣ которыхъ находились присланныя папою золотыя и серебряныя дощечки съ индульгенціями и съ его изображеніемъ. Затѣмъ Димитрій всталъ съ мѣста и началъ ходить большими шагами

¹⁾ Велевицкій, т. II, стр. 145.

²⁾ Краковъ, бібліотека Ягеллоновъ, № 5, f. 635.—Rome et Démétrius, стр. 170, № 12.

взадъ и впередъ по комнатѣ, а такъ какъ Савицкій стоялъ неподвижно, то онъ взялъ его подъ руку, увлекъ за собою и заставилъ ходить вмѣстѣ съ нимъ. Разговоръ оживился и перешелъ на вопросы религіи. Довко воспользовавшись случаемъ, о. Савицкій сказалъ царю, что онъ посланъ въ Москву для того, чтобы переговорить съ нимъ, выслушать его приказанія и привести ихъ, по возможности, въ исполненіе. При этихъ словахъ, пылкій и смѣлый путивльскій преобразователь прервалъ иезуита, сказавъ: «въ Москвѣ должна быть основана, и при томъ немедленно, коллегія съ учениками и профессорами, выписанными изъ-за границы». Но едва Савицкій приступилъ къ обсужденію этого плана, какъ Дмитрій, быстро перемѣнивъ тонъ, заговорилъ о своемъ войскѣ: сто тысячъ человѣкъ стоятъ подъ знаменами, сказалъ онъ, готовые двинуться по мановенію его руки, но онъ еще колеблется, не зная, придется ли двинуть ихъ противъ турокъ или противъ кого-либо инаго. Затѣмъ, онъ сталъ безъ всякаго повода жаловаться на Сигизмунда, который отказываетъ ему дерзновенно въ императорскомъ титулѣ. Послѣ этихъ словъ, произнесенныхъ съ большимъ негодованіемъ, наступило короткое, но тягостное молчаніе. Савицкій невольно задавалъ себѣ вопросъ, не существовало ли тайной связи между арміей, готовой выступить въ походъ, и королемъ польскимъ; не настаивая болѣе на этомъ вопросѣ, онъ ограничился слѣдующимъ пожеланіемъ: «Будемъ надѣяться, — сказалъ онъ, — что Провидѣніе не допуститъ вражды и непріязни между столь могущественными монархами». Савицкому оставалось рѣшить одинъ вопросъ, касавшійся его лично: слѣдовало ли ему вернуться въ Польшу или оставаться въ Москвѣ? Дмитрій отвѣтилъ на это столь поспѣшно въ утвердительномъ смыслѣ, что Савицкій расхрабрился и попросилъ его объ одной милости: являться во дворецъ всякій разъ, какъ ему покажется необходимымъ имѣть аудіенцію. Царь тотчасъ изъявилъ на это свое согласіе и, открывъ двери, позвалъ своего польскаго секретаря, по всей вѣроятности одного изъ Бучинскихъ, и далъ ему соотвѣтствующее приказаніе. Затѣмъ, такъ какъ день склонился къ вечеру, а Дмитрію хотѣлось навѣстить свою мать, то онъ любезно простился съ иезуитомъ, проговоривъ съ нимъ цѣлый часъ, и обѣщалъ ему дать вскорѣ болѣе продолжительную аудіенцію. Несмотря на эту снисходительность, обѣщавшую многое въ будущемъ, Савицкій не могъ отдѣлаться отъ мрачныхъ предчувствій. Его смущали разныя мелочи, поразившія его во время пути; поступки московитовъ казались ему странными, и они задавали себѣ съ отцомъ Николаемъ съ тревогою вопросъ: чѣмъ все это разрѣшится?

Опасность была значительнѣе и болѣе близка, нежели можно было думать. Предоставляя полякамъ веселиться, враги Дмитрія подготавливали тайнѣ новую сицилійскую вечерню. Душою заговора былъ Василій

*

Шуйскій со своими двумя братьями Димитріемъ и Иваномъ. Они были возвращены Димитріемъ изъ ссылки и, появившись при дворѣ, тотчасъ принялись за прежнія интриги. Посылка Безобразова въ Краковъ была ихъ дѣломъ; все то, что они велѣли передать Сигизмунду, исполнилось вскорѣ буквально благодаря ихъ личному участию въ этомъ дѣлѣ.

Димитрій былъ въ ихъ рукахъ безсознательнымъ орудіемъ своего собственнаго несчастія. Онъ не осуществилъ собою идеала, составленнаго представителями тѣхъ именитыхъ боярскихъ родовъ, кровь которыхъ лилась потоками въ царствованіе Іоанна Грознаго, честь которыхъ была попорана Борисомъ Годоновымъ и которые теперь гордо подымали голову, предъявляя свои требованія. Новаго царя окружали Нагіе, по праву родства, разные выскочки, напоминавшіе собою приспѣшниковъ Іоанна Грознаго, еретики-поляки и другія лица. Всѣ эти люди, находившіеся у власти, имѣли значеніе только по лицу, которое стояло во главѣ ихъ; это не были коренные русскіе люди, ихъ не озарялъ блескъ вѣковыхъ традицій. Потомки Рюрика сознавали, что эти люди предвосхитили ихъ мѣсто, а что съ ними обошлись дурно и недостойно.

Подобное настроеніе умовъ какъ нельзя лучше показывало Шуйскимъ, гдѣ имъ надлежало искать себѣ единомышленниковъ. По свидѣтельству князя Волконскаго, они нашли таковыхъ около трехъ сотъ человѣкъ, среди самаго избраннаго общества ¹⁾. Эти лица составили заговоръ, къ которому примкнули самые разнообразныя люди. Шуйскіе имѣли въ своемъ распоряженіи многочисленныхъ пособниковъ, коихъ они умѣли заставить себя слушать и понимать. Подобная роль была для нихъ не новость, вокругъ нихъ всегда царилъ духъ мятежа и оппозиціи правительству; объ этомъ свидѣтельствуютъ обгаренные кровью страницы русскихъ лѣтописей того времени. Дьякъ Тимошеей Осиповъ и Петръ Тургеневъ изображены въ нихъ въ ореолѣ мученичества за то, что они противились Димитрію и пожертвовали жизнію, отстаивая свои убѣжденія. Недовольные были и среди стрѣльцовъ, законныхъ защитниковъ царя, коимъ не доставало только энергичнаго предводителя для того, чтобы начать дѣйствовать; пока они его искали, ихъ выдали, судили и приговорили къ казни. Главные виновники поплатились за свою дерзость головою; ихъ же собственные товарищи изрубили ихъ съ неумолимой жестокостью. Что касается московской черни, этой великой измѣнницы, то можно было предсказать заранѣе, что ея преклоненіе передъ Димитріемъ не помѣшаетъ ей, въ извѣстный моментъ, пополнить ряды бунтовщиковъ ²⁾.

¹⁾ Платоновъ, Очерки, стр. 286 и сл.

²⁾ „Русскія Лѣтописи“, т. VIII, стр. 74.—Масса, т. II, стр. 154.—Поповъ, Изборникъ, стр. 417.

Приготовленія къ заговору были сдѣланы съ величайшею поспѣшностью и въ величайшей тайнѣ. Объ нихъ можно судить только по догадкамъ и по рассказамъ нѣкоторыхъ лицъ, впрочемъ, весьма мало авторитетныхъ. Гнусные слухи, которые распространялись въ толпѣ про царя, съ цѣлю погубить его во мнѣніи народа, изображали его искателемъ приключеній, отступникомъ вѣры, завладѣвшимъ престоломъ съ цѣлю предать московитовъ и страну полякамъ, а православную церковь католикамъ. Тѣ же обвиненія высказывалъ противъ него въ свое время Борисъ Годуновъ; теперь говорилось въ тайнѣ то, что онъ утверждалъ безуспѣшно во всеуслышаніе ¹⁾.

Заговоръ, организованный въ обширныхъ размѣрахъ, не могъ, конечно, остаться тайною и не возбудить подозрѣній. Кое-кто изъ заговорщиковъ проболтался, были обнаружены тревожнаго свойства признаки, и обо всемъ этомъ Дмитрій былъ своевременно предупрежденъ. 24-го мая среди поляковъ пронесся слухъ о предстоявшихъ убійствахъ. Ими овладѣлъ страхъ, но они продолжали веселиться и не принимали никакихъ мѣръ предосторожности; они не подумали даже сплотиться, а между тѣмъ они были разсѣяны по городу, что, въ случаѣ опасности, лишало ихъ возможности защищаться.

Невозмутимое спокойствіе Дмитрія усугубляло ихъ безпечность. Царь говорилъ только о необходимости строго наказать всѣхъ тѣхъ, кто распространялъ тревожныя вѣсти. Однако, 26-го мая, когда зловѣщія слухи усалились, поляки поручили кое-кому поговорить объ этомъ съ приближенными царя и настоять на томъ, чтобы было произведено слѣдствіе. Напрасный трудъ: «къ этому нѣтъ никакого повода,—отвѣчали имъ,—Дмитрій такъ любимъ московитами, что недавно семь измѣнниковъ по одному подозрѣнію были изрублены и растерзаны чернью». Несмотря на беззаботность царедворцевъ, сендомірскаго воевода попытался раскрыть глаза своему зятю или, по крайней мѣрѣ, предостеречь его. «Осторожность,—сказалъ онъ,—никогда не мѣшаетъ». «Бога ради, не говорите мнѣ болѣе объ этомъ,—отвѣчалъ Дмитрій съ раздраженіемъ,—я знаю страну, которою я управляю, никто не злоумышляетъ противъ меня, я одинъ властенъ въ жизни и смерти».

Записка одного нѣмца, который предупреждалъ царя о предстоящемъ на слѣдующій день убійствѣ, не произвела на него никакого впечатлѣнія такъ же точно, какъ слова Мнишека.

Чтобы успокоить поляковъ, Дмитрій послалъ своего секретаря къ солдатамъ, приказавъ подтвердить имъ, что онъ строго покараетъ тру-

¹⁾ Последніе дни жизни Дмитрія описаны обстоятельно у Велевickaго, т. II, стр. 144; см. также Нѣмовскій, стр. 68; Стадниціѣй, f. 15; Руссель, стр. 20 и сл.

совѣ. Тотъ же секретарь отправился вслѣдъ затѣмъ къ посланникамъ Сигизмунда и бесѣдовалъ съ ними далеко за полночь. Въ искренности Дмитрія не можетъ быть сомнѣнія. Онъ не вѣрилъ въ существованіе опасности, не мѣшалъ Маринѣ дѣлать приготовленія къ маскараду и предавался самъ невиннымъ развлеченіямъ, посвятивъ весь вечеръ, 6-го мая, Станиславу Нѣмцоевскому, привезшему драгоцѣнности принцессы Анны. Благородный маклеръ разложилъ передъ Дмитріемъ топазы, изумруды, рубины, жемчужныя ожерелья и брилліантовыя цѣпочки. Царь любовался блескомъ камней, приказалъ принести свои собственные драгоцѣнности, говорилъ о нихъ, какъ любитель, и пожелалъ оставить у себя на нѣкоторое время ящичекъ съ драгоцѣнностями принцессы»¹⁾).

Дмитрію пришлось вскорѣ убѣдиться въ томъ, какъ велика была его самонадѣянность. Часъ убійства былъ назначенъ, мечъ былъ отточенъ, сигналъ условленъ.

Въ ночь съ 26-го на 27-ое мая, въ то время, когда поляки предавались сну, князь Василій Шуйскій приказалъ поставить караулъ у кремлевскихъ воротъ, введя предварительно въ городъ часть войска, стоявшаго лагеремъ въ окрестностяхъ. На разсвѣтѣ, тѣ же самыя колокола, которые возвѣстили нѣкогда побѣду претендента, созвали заговорщиковъ для совершенія ихъ кроваваго дѣла. То не былъ радостный трезвонъ; съ каждымъ ударомъ колокола, усиливался злобщій гулъ. Царь вышелъ изъ комнаты и освѣдомился, что за причина звона. Андрей Бонахъ, стоявшій въ то время на часахъ, наученный заранѣе, отвѣчалъ: что въ городѣ вспыхнулъ пожаръ. Дмитрій приказалъ подать помощь горѣвшимъ и спокойно возвратился къ себѣ. Между тѣмъ, городъ заволновался; жители сбѣгались со всѣхъ сторонъ; одни изъ нихъ знали о заговорѣ, другіе слѣдовали машинально за толпою, увлеченные ложными слухами, которые распространялись про поляковъ. Толпою руководилъ Василій Шуйскій, который, сбросивъ съ себя маску, сталъ открыто во главѣ мятежа. Онъ проникъ въ Кремль, не встрѣтивъ сопротивленія, и направился къ царскому жилищу. Только одинъ преданный Дмитрію человекъ, самый храбрый изъ всѣхъ, подбѣжалъ къ нему и попытался остановить его; это былъ Басмановъ; но онъ былъ тотчасъ поваленъ на землю, израненъ и умерщвленъ на порогѣ дворца. Пролитая кровь опьянила убійцъ; ихъ бѣшенство разгорѣлось вмѣстѣ съ ихъ алчностью, они бросились на поиски Дмитрія.

Онъ понялъ, наконецъ, неминуемую опасность; перейдя отъ полного спокойствія къ отчаянію, Дмитрій подошелъ къ окну и, увидавъ издали

¹⁾ Драгоцѣнныя вещи принцессы Анны были возвращены впоследствии по принадлежности.—Нѣмцоевскій, стр. 321.

волнующуюся толпу, поспѣшилъ къ оставленной имъ Маринѣ, воскликнувъ: «измѣна, душа моя, измѣна!» Не думая защищать жену, не вида со своей стороны ни въ комъ защиты, онъ началъ ходить изъ комнаты въ комнату, пока не дошелъ до окна, изъ котораго можно было бѣжать. Но пока онъ колебался, заговорщики настigli его; одинъ изъ нихъ повалилъ его на полъ и выбросилъ въ окно. Димитрій сломалъ себѣ при паденіи руку и потерялъ сознаніе. Его подняли стрѣльцы и отнесли во дворецъ. Говорятъ, будто пока его несли, онъ пришелъ въ себя и обратился къ народу, стараясь расположить въ свою пользу солдатъ, коихъ онъ просилъ защитить его отъ Шуйскаго; но все было напрасно: его дѣло было проиграно. Бояре, руководившіе заговоромъ, окружили его, осыпали оскорбленіями, укоряли его въ томъ, что онъ похитилъ престолъ; называли его разстригою Гришкою Отрепьевымъ. Ихъ озлобленіе предвѣщало роковую развязку. Валуевъ первый всадилъ пулю въ жертву; прочіе добили его ударами сабель.

Убійцы поволокли неостывшій еще трупъ Димитрія изъ дворца. Они остановились передъ Вознесенскимъ монастыремъ, вызвали царицу Марю и потребовали, чтобы она сказала, кто именно былъ Димитрій. Сначала она отвѣчала уклончиво. «Вы знаете это лучше меня»,—сказала она. Послѣ вторичнаго настойчиваго требованія, она объявила, вперивъ глаза въ окровавленные останки, что Димитрій былъ не ея сынъ; она отвергла свои собственныя слова, пролитыя ею слезы радости и свои материнскія ласки. Заговорщикамъ только это и было нужно. Ободренные ея отвѣтомъ, они потащили отвергнутого сына Мары на Лобное Мѣсто и тамъ, гдѣ Шуйскій провозгласилъ его нѣкогда прирожденнымъ сыномъ Іоанна IV, они бросили его, нагаго, на доски и отдали его на поруганіе толпы. У ногъ Димитрія, лицо котораго было покрыто найденною у него маскою, былъ распростертъ трупъ Басманова: ихъ дружба была сѣрѣплена смертью. Около ихъ труповъ цѣлыхъ три дня происходили позорныя, возмутительныя сцены; надругавшись надъ Димитріемъ самымъ гнуснымъ образомъ, убійцы похоронили его вдали отъ города, въ полѣ, внѣ священной ограды. Но тѣнь убитаго царя смущала умы. Въ народѣ пошелъ слухъ, будто надъ его могилою носится по ночамъ какой-то таинственный свѣтъ. Раздались жалобы и сожалѣнія. Тогда враги Димитрія рѣшили разъ-на-всегда покончить съ его гнусной для нихъ памятью. Они вырыли его трупъ, возили на позорной колесницѣ по улицамъ и положили на костеръ, сложенный съ этой цѣлью за городомъ. Пламя быстро истребило останки Димитрія, но самый пепель его казался опаснымъ. Необходимо было уничтожить его до гла. Смѣшавъ этотъ пепель съ порохомъ, имъ зарядили пушку, и онъ былъ разсѣянъ на всѣ четыре стороны. «Такимъ образомъ,—говорили враги Димитрія,—проклятый похититель

престола не воскреснетъ до дня послѣдняго суда». Сожженіе тѣла Дмитрія совершилось 9-го іюня. Возвратимся теперь къ событіямъ 27-го мая.

Въ то время, какъ Дмитрій испустилъ духъ подъ ударами своихъ противниковъ, Марина подверглась со своей стороны величайшей опасности. Многіе ненавидѣли польку и жаждали ея гибели. Въ первую минуту испуга, слыша многочисленныя крики, возвѣщавшіе тревогу, она вскочила полунагая съ кровати и спряталась у своихъ прислужницъ, занимавшихъ болѣе отдаленныя комнаты. Это было ея спасеніемъ. Найдя ея комнату пустою, заговорщики начали выламывать двери въ другіе покои, но на порогѣ одного изъ нихъ имъ преградилъ путь Осольскій, обнажившій саблю. Бунтовщики пронзили грудь этого преданнаго слуги и, только перешагнувъ черезъ его тѣло, проникли въ помѣщеніе, гдѣ находились перепуганныя и трепетавшія отъ страха польки, которыя вели себя, впрочемъ, въ этомъ случаѣ геройски. Заговорщики требовали, чтобы имъ сказали, гдѣ Марина, но никто не выдалъ несчастную царицу, никто не предалъ ее въ руки этихъ изступленныхъ людей. Бояре успѣли выручить ее и отвезти въ надежное мѣсто вмѣстѣ съ приближенными къ ней женщинами. Только одна изъ нихъ, почтенная панна Хмелевска, была ранена и скончалась нѣсколько дней спустя, вслѣдствіе полученныхъ ею ранъ.

Полякамъ угрожала въ городѣ всюду опасность; разбѣянные по разнымъ кварталамъ, застигнутые врасплохъ, они узнали одновременно о насильственной смерти Дмитрія и объ опасности, которая имъ угрожала, но не имѣли времени сосредоточить своихъ силъ и оказать энергичнаго сопротивленія черни, жаждавшей крови и грабежа. Менѣе всего пострадали тѣ лица, кои могли сами защититься или коихъ приказано было охранять войску. Въ такомъ благоприятномъ положеніи находились посланники: бояре позаботились окружить ихъ домъ войскомъ и защитить ихъ отъ черни. Воевода сендомірскій и Константинъ Вишневецкій подверглись наибольшей опасности; они завалили двери своихъ домовъ, вооружили прислугу и выдержали настоящую осаду. Подобныя сцены повторились и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ Москвы.

Полковые священники испытали также не мало горя, но остались живы. Въ тотъ день, когда началось волненіе, Савицкій былъ у себя одинъ. Домъ, въ которомъ помѣщались іезуиты, былъ осажденъ чернью, которая ворвалась въ него, взломавъ двери. Защищаться было немислимо; Савицкій укрывся въ сосѣднемъ домѣ, занятомъ литовскими купцами.

Московиты замѣтили это и потребовали выдачи ксендза, но имъ зажали ротъ золотомъ. Въ тотъ же вечеръ Госѣевскій послалъ за своимъ старымъ другомъ, котораго онъ рѣшилъ защитить, пользуясь своимъ

преимуществомъ, какъ личность неприкосновенная; его требованіе было исполнено на слѣдующій же день.

Савицкій прошелъ по улицамъ Москвы въ сопровожденіи бояръ п тѣлохранителей, не смущаясь злобными взглядами враждебно настроенной толпы. Онъ добрался благополучно до дома посланниковъ, гдѣ Го-сѣвскій принялъ его съ распростертыми объятіями. Отецъ Николай вскорѣ присоединился къ своему коллегѣ. Наканунѣ бунта онъ отправился въ помѣщеніе, занимаемое польскими солдатами, и провелъ съ ними кровавый день 27-го мая; благодаря вмѣшательству посланниковъ, ему было разрѣшено навѣстить отца Савицкаго. Ихъ свиданіе было непродолжительно. Отецъ Николай не хотѣлъ пренебречь своими обязанностями и оставить своихъ доблестныхъ солдатъ; поэтому онъ присоединился къ нимъ и рѣшилъ до конца раздѣлить ихъ участь, какова бы она ни была. Что касается отца Савицкаго, то, имѣя другія обязанности, онъ остался вмѣстѣ съ о. Ансеринусомъ и съ посланниками.

Лица, затѣявшія заговоръ противъ Дмитрія, опасались вызвать войну съ Польшею насильственными дѣйствіями противъ поляковъ, прибывшихъ съ нимъ въ Москву. Поэтому когда главная жертва искупила тѣ преступленія, какія ей приписывали, когда престоль Мономаха оказался снова незанятымъ, то они сочли долгомъ успокоить волненіе умовъ и обуздать толпу, которую они сами же разнуздали. Подъ вечеръ 27-го мая столица приняла обычный видъ, если не считать многочисленныхъ патрулей, которые расхаживали на улицахъ или охраняли дома. Волненіе продолжалось всего нѣсколько часовъ, но кровь лилась потоками. Говорятъ, будто всего на всего было перебито болѣе пятисотъ поляковъ: шляхтичей, солдатъ, простыхъ слугъ и большая часть несчастныхъ музыкантовъ. Въ числѣ жертвъ находился и самборскій священникъ Францискъ Помаскій. Онъ былъ въ алтарѣ, гдѣ служилъ обѣдню въ полномъ облаченіи, когда толпа ворвалась въ его квартиру и бросилась на него и на его слугъ. Тяжело раненный во время свалки онъ прожилъ послѣ этого всего два дня.

Извѣстіе о катастрофѣ, происшедшей въ Москвѣ, было получено въ Польшѣ очень поздно, только въ концѣ іюня. Венеціанскій посланникъ Альвизъ Фоскарини живо описываетъ первое впечатлѣніе, которое произвело на Сигизмунда извѣстіе объ этомъ происшествіи. Миссія этого дипломата при краковскомъ дворѣ была окончена; онъ присутствовалъ въ качествѣ представителя дожа при бракосочетаніи короля, выработалъ основы для взаимныхъ сношеній между обѣими странами и сѣмѣлъ, на вѣщальной аудіенціи, происходившей 1-го іюля 1606 г., вывѣдать у короля съ чисто италіанской хитростью исторію Дмитрія. Фоскарини, обладавшій искусствомъ самаго ловкаго слѣдователя, осторожно зада-

валъ Сигизмунду заранѣе обдуманнныя вопросы, желая проникнуть самую сущность дѣла. Его обстоятельная депеша даетъ намъ возможность воспроизвести его бесѣду съ королемъ почти дословно ¹⁾. Пять дней передъ тѣмъ въ Краковѣ распространился слухъ о томъ, что Дмитрій измѣнническимъ образомъ убитъ своимъ лакеемъ, и что большая часть поляковъ, отправившись съ Мнишекомъ, умерщвлены. Одни утверждали, что это извѣстіе было вполне справедливо, другіе говорили, что оно ложно.

Фоскарини спросилъ Сигизмунда, что можно было думать объ этомъ.

Король: Въ этомъ извѣстїи есть доля правды. Оно сообщено намъ однимъ воеводою. Его письмо, посланное въ Ливонію на имя канцлера Льва Сапѣги, препровождено къ намъ. Въ немъ сообщается о возвращеніи въ Польшу пятисотъ поляковъ. Не знаю, есть ли эта цифра всѣхъ оставшихся въ живыхъ. Дмитрій убитъ въ Духовъ день, на третій день послѣ его свадьбы. Убійца, еще ранѣе составлявшій противъ него заговоръ, былъ заключенъ имъ въ темницу и приговоренъ къ обезглавленію, но помилованъ по просьбѣ поляковъ. Я предупредилъ сендомірскаго воеводу передъ его отъѣздомъ, чтобы онъ не подвергалъ опасности жизнь столькихъ поляковъ и чтобы онъ не дѣлалъ такихъ затратъ; но ни онъ, ни сопровождавшіе его шляхтичи, увлеченные любовью къ новизнѣ и надеждою на обогащеніе, не хотѣли меня слушать. Мнѣ неизвѣстно, виновны ли они въ этомъ происшествіи, я не знаю даже, пощажены ли воевода Мнишекъ и мой посланникъ. Я послалъ своего представителя въ Москву не только для того, чтобы присутствовать при бракосочетаніи Дмитрія, но и для того, чтобы заставить послѣдняго отказаться отъ присвоеннаго имъ себѣ титула императора, цезаря и герцога Ливонскаго. Я не могъ одобрить его притязаній, не нанеся этимъ ущерба себѣ лично и прочимъ монархамъ. Чтобы заставить Дмитрія отказаться отъ этихъ фантазій, я собирался предложить эти вопросы на обсужденіе ближайшаго сейма, безъ согласія котораго не можетъ быть принято окончательное рѣшеніе.

Фоскарини: Что касается посланника, то конечно онъ находится въ сохранности.

Король: Я въ этомъ не вполне увѣренъ, такъ какъ это народъ варварскій.

Фоскарини: Какая причина могла вызвать эти событія?

Король: Я не знаю объ этомъ ничего положительнаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что Дмитрій отрекся передъ отъѣздомъ отъ православной ереси и принялъ втайнѣ католическую вѣру. Быть можетъ, это стало извѣстно въ Москвѣ. Къ этому надобно прибавить, что Дмитрій

¹⁾ Венеція. Государственный архивъ, Polonia, II.

не былъ настоящимъ сыномъ Іоанна IV и братомъ Ѳеодора. Когда сендомірскій воевода впервые говорилъ со мною объ этомъ дѣлѣ, то я сказалъ ему, чтобы онъ не вмѣшивался въ него и не компрометтировалъ республику; но онъ не хотѣлъ ничего слушать. Вступивъ въ Московію, онъ былъ отброшенъ вооруженною силою и едва успѣлъ укрыться въ крѣпости, которая добровольно передалась ему. Такъ какъ слухъ о томъ, будто Димитрій былъ прирожденнымъ сыномъ Іоанна IV, держался упорно, то воевода попытался еще разъ придти ему на помощь; онъ собралъ войско, проникъ въ страну, и этотъ разъ армія признала Димитрія своимъ истиннымъ монархомъ. Вступивъ на престолъ, онъ хотѣлъ въ благодарность за услуги, оказанныя ему воеводою, жениться на его дочери.

Фоскарини: Если извѣстіе о смерти Димитрія подтвердится, то это будетъ большой ударъ не только для Польши, которая потеряетъ столькожъ шляхтичей и значительныя суммы денегъ, но и для всего христіанскаго міра, ибо царь заявилъ папѣ о своемъ намѣреніи предпринять крестовый походъ противъ турокъ.

Король: Объ этомъ дѣйствительно была рѣчь. Нунцій послалъ даже по этому поводу въ Москву отъ имени папы своего племянника, который возвратился оттуда, одаренный подарками, и уже уѣхалъ въ Римъ. Два іезуита, находившіеся при Димитріи, поддерживали его въ этихъ мысляхъ, но трудно сказать, что произошло бы изъ этихъ плановъ.

Фоскарини: О смерти Димитрія все-таки можно пожалѣть, такъ какъ онъ былъ бы всегда союзникомъ Польши.

Король: На него нельзя было положиться. Я потерялъ всякую надежду на его услуги. Онъ бывалъ дерзокъ, дружескія отношенія съ ними были невозможны.

Фоскарини былъ доволенъ; онъ слышалъ изъ устъ самого короля объ интересовавшемъ его событіи, составилъ себѣ понятіе объ его возникновеніи и возможныхъ послѣдствіяхъ. Разумѣется, Сигизмундъ былъ не вполне откровененъ съ венеціанскимъ посланникомъ, онъ бесѣдовалъ съ нимъ обо всемъ, касавшемся его официальной политики, но тщательно скрылъ отъ него нѣкоторыя тайныя обстоятельства дѣла, хотя между прочимъ высказалъ одну важную тайну. «Димитрій,—сказалъ онъ,—не есть прирожденный сынъ Іоанна IV». Слѣдовательно, король разрѣшилъ свои сомнѣнія и имѣлъ опредѣленный взглядъ на вещи; онъ зналъ, что на московскомъ престолѣ воссѣдалъ искатель приключеній, а между тѣмъ онъ велъ съ нимъ переговоры, какъ равный съ равнымъ, и отправлялъ къ нему посольства.

Повидимому, Фоскарини нимало не былъ этимъ смущенъ, онъ не подумалъ даже освѣдомиться о причинѣ этого обстоятельства.

Мало-по-малу злополучное извѣстіе распространилось при тѣхъ дворахъ, которые интересовались московскими событіями. Венеціанскій посланникъ въ Прагъ, Франческо Соранцо, свидѣтельствуеъ 21-го августа 1606 г. о томъ, что извѣстіе о смерти Димитрія вызвало въ Прагъ всеобщее сожалѣніе. Его считали добрымъ монархомъ, расположеннымъ къ католической церкви и желавшимъ послужить христіанскому міру. Это былъ для посланника прекрасный случай закинуть слово объ іезуитахъ, изгнанныхъ изъ Венеціи свѣтской властью за непростительный въ ея глазахъ проступокъ. Соблюдая папскій интердиктъ, Соранцо съ величайшей самоувѣренностью дѣлаеъ ихъ отвѣтственными за всѣ происшедшія въ Москвѣ несчастія и говоритъ, что, очутившись среди народа суевѣрнаго и преданнаго обычаямъ старины, іезуиты стали настаивать на томъ, чтобы Димитрій порвалъ связь съ національной религіей, ввелъ въ странѣ католичество и совершилъ бы торжественно свое бракосочетаніе съ полькою по католическому обряду, въ соборѣ, отнятомъ у православныхъ. Мятежъ и убійства были послѣдствіемъ этой неслыханной дерзости. Добрый Соранцо, довольный случаемъ сообщить дожу это въ назиданіе, не позаботился провѣрить факты и вывелъ изъ нихъ поспѣшное заключеніе, что іезуиты вездѣ одни и тѣ же, что они постоянно вмѣшиваются въ дѣла правительства и что Димитрій былъ ихъ жертвою точно такъ же, какъ король португальскій Себастьянъ ¹⁾).

Въ Ватиканѣ неожиданная смерть Димитрія произвела тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что ея никакъ не ожидали. Царя уже не было въ живыхъ, когда папа еще далъ свое согласіе на сооруженіе іезуитской коллегіи въ Оршѣ подъ высокими покровительствомъ короля польскаго и на пользу московитовъ и бесѣдовалъ долго съ Александромъ Рангони о другихъ тому подобныхъ проектахъ. Еще 12-го августа кардиналъ Боргезе желалъ Димитрію долгой жизни и выражалъ полную готовность всячески служить ему; тревожныя извѣстія разнеслись только въ исходѣ этого мѣсяца. Они были вскорѣ опровергнуты, но затѣмъ подтвердились окончательно. 9-го сентября римская депеша выражала опасеніе, что придется проливать «безконечныя слезы», а 23-го числа кардиналъ Боргезе сказалъ въ надгробномъ словѣ о почившемъ: «Злосчастная судьба, постигшая Димитрія, служитъ новымъ доказательствомъ превратности человѣческой судьбы. Да приметъ Господь его душу въ царство небесное и да окажетъ Онъ намъ такую же милость» ²⁾).

¹⁾ Тамъ же, Germania XXXVI.—Cappelletti, стр. 145, № 85.

²⁾ Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, л. 64 v° 70, 80 v° 90.

II.

Избраніе Василя Шуйскаго.—Объясненіе выборной уловки.—Пятно крови.—Преступленія Гришки Отрепьева.—Царевичъ Димитрій.—Перенесеніе мощей въ Москву.—Признаніе Мары.—Чрезмѣрная власть и рабское повиновеніе.—Іовъ разрѣшаетъ московитовъ отъ клятвы.—Оффіціальныя грамоты и услужливая литература.—Дѣла польскія.—Три группы.—Польскіе солдаты.—Положеніе посланниковъ.—Переговоры съ боярами.—Ударъ молніи.—Плѣненіе.—Мнишеки.—Ихъ имущество расхищено.—Негритенокъ Марины.—Мечты воеводы.—Его допросъ.—Слабая сторона его отвѣтовъ.—Уловка.—Ссылка Мнишекъ въ Ярославль.

Россія не долго носила трауръ по Димитрію. Тѣло несчастной жертвы лежало еще непогребеннымъ на лобномъ мѣстѣ, когда князь Василій Шуйскій былъ провозглашенъ, 29-го мая, московскимъ царемъ и коронованъ 11-го іюня безъ особаго торжества и народныхъ празднествъ, такъ сказать, украдкою. Григорій Волконскій, посланный къ королю польскому съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ бывшаго заговорщика, объяснилъ ему слѣдующимъ образомъ тайну этого поспѣшнаго избранія: Шуйскій подкупилъ бояръ обѣщаніями,—сказалъ онъ,—и не задумался даже «обѣщать имъ раздачу провинцій» съ тѣмъ, чтобы потомъ отказаться отъ исполненія своихъ обѣщаній подъ предлогомъ необходимости беречь народное достояніе. Сигизмундъ припомнилъ, при случаѣ этотъ набирательный маневръ и говорилъ объ немъ нунцію Симонетти; допустивъ даже, что подробнота разсказа, быть можетъ, не вполне точна, самая сущность его безспорно согласна съ истиною. Партія бояръ возвела Шуйскаго на престолъ, она же свергнула его съ престола. Его кратковременное царствованіе было рядомъ заговоровъ и интригъ, тѣмъ болѣе пагубныхъ, что изъ-за политическаго вопроса выдвигался вопросъ социальный.

Для того чтобы придать своей власти законную силу, новый царь долженъ былъ прежде всего омыть Кремль отъ тяготѣвшаго надъ нимъ кроваваго пятна и представить убіеніе Димитрія какъ справедливое и неизбѣжное возмездіе. Это было дѣло не легкое и неблагоприятное, но все-таки осуществимое.

Царь имѣлъ подъ рукою слѣдственное дѣло, веденное при Борисѣ Годуновѣ; къ этому присоединились нѣкоторыя обстоятельства, говорившія не въ пользу Димитрія, къ тому же его нововведенія были ненавистны народу. Въ довершеніе всего во дворцѣ былъ произведенъ обыскъ, и въ столѣ Димитрія были найдены компрометирующія его письма. Этого было достаточно, чтобы обвинить его и навѣки погубить въ глазахъ народа.

Московскіе жители неоднократно созывались на совѣщанія и были посвящены въ тайны ихъ бывшаго царя.

Чернь приобрѣла во время волненій сознание своей силы; съ нею приходилось уже считаться, ее надобно было оберегать отъ соблазновъ и привязать къ правительственной власти. Многіе узнали съ изумленіемъ, что ихъ покойный царь не былъ ни сыномъ Іоанна IV, ни законнымъ монархомъ. Тѣ же самые бояре, которые присягали Димитрію, клялись въ томъ, что онъ былъ ни кто иной, какъ разстрига Гришка Отрепьевъ, разказывали объ его происхожденіи, объ его исторіи и похожденіяхъ; приписывали ему рядъ преступленій и между прочимъ заключеніе преступнаго союза съ Польшей и вооруженное нашествіе на Москву. Россія была бы погублена, если бы онъ царствовалъ долѣе, говорили они, государственная казна была бы расхищена и нѣкоторыя области отторгнуты; православная церковь была бы преслѣдуема, народу была бы навязана католическая вѣра, всѣ бояре были бы перебиты,—такова была будущность, которую этотъ самозванецъ готовилъ своимъ подданнымъ. И это былъ не пустой вымыселъ, не пустое предположеніе. Въ доказательство приводили письма папы, Рангони, іезуитовъ, сендомірскаго воеводы. Самый фактъ этой переписки долженъ былъ казаться подозрительнымъ и внушить вполне справедливыя опасенія. Что же касается намѣренія перебить бояръ, то на этотъ счетъ имѣлось показаніе, исторгнутое у Бучинскаго ⁴⁾.

Но эти краснорѣчивыя рѣчи не успокоили народъ. Беспорядки время отъ времени повторялись; надобно было чѣмъ-нибудь поразить народъ, произвести на него сильное впечатлѣніе, вывести его изъ заблужденія. Шуйскаго осѣнила гениальная мысль; онъ понялъ, что ему слѣдовало исправить забывчивость, или оплошность, сдѣланную Димитріемъ, который въ продолженіе своего одиннадцатимѣсячнаго царствованія не коснулся маленькаго трупа, покоившагося въ Угличѣ. Сынъ Мары былъ погребенъ въ Преображенскомъ соборѣ, гдѣ никто не тревожилъ его вѣчнаго сна. Нѣкоторыя лица утверждаютъ, будто въ царствованіе Димитрія хотѣли что-то сдѣлать съ его трупомъ, но эта мысль была оставлена изъ боязни взволновать народъ, а также вслѣдствіе энергическаго противодѣйствія со стороны Мары. Какъ бы то ни было, Шуйскій ловко воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Онъ велѣлъ привезти останки царевича въ Москву. Во главѣ депутаціи, посланной за ними, находился Филаретъ Романовъ и два брата Наріе. Эти сговорчивые дядюшки отреклись отъ своего самборскаго племянника и признали окончательно своимъ племянникомъ Димитрія Угличскаго.

⁴⁾ Москва, главный архивъ, Polski st. sp., 26 л. 1—2.—Russell, La légende de la vie et de la mort de Démétrius и т. д., стр. 33. — Собр. гос. грам., т. II, стр. 296, № 140.

Страничка исторіи была передѣлана согласно съ требованіями минуты. Слѣдствіемъ, произведеннымъ Шуйскимъ въ 1591 г., было установлено, что сынъ Марыи лишилъ себя жизни въ припадкѣ падучей болѣзни; хотя это самоубійство совершилось нечаянно, но оно не удовлетворяло требованіямъ минуты, его могъ съ большимъ успѣхомъ замѣнить ореолъ мученичества. Поэтому было рѣшено, что ребенокъ не умеръ случайно, но что наемные убійцы зарѣзали «непорочнаго агнца» по приказанію Бориса Годунова. Эта поправка, впрочемъ весьма правдоподобная, была сдѣлана весьма кстати въ виду тѣхъ сценъ, которыя должны были вскорѣ разыгратъся.

Когда трупъ царевича былъ вырытъ изъ могилы въ присутствіи Филарета Романова и его спутниковъ, то оказалось, что онъ издавалъ удивительное благовоіе и сохранился превосходно; тѣло младенца было нѣжное и свѣжее, одежда нетронута, только сапожки были слегка потерты, а въ рукѣ у него были зажаты орѣшки, а не ножъ, какъ было удостовѣрено слѣдствіемъ. Все это походило на чудо; но вотъ ребенокъ началъ творить чудеса. Филаретъ тотчасъ извѣстилъ объ этомъ Шуйскаго, который былъ въ восторгѣ.

Мощи новаго чудотворца были перевезены въ Москву. 13-го іюня царь, народъ и духовенство вышли имъ на встрѣчу. Мощи были положены въ опочивальницу царей въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ тотчасъ начались чудеса, такъ что не могло быть сомнѣнія въ ихъ святости. Шуйскій повелѣлъ установить въ честь ихъ перенесенія церковный праздникъ.

Все это происходило на глазахъ у царицы Марыи. Она участвовала въ церемоніи перенесенія мощей. Почести, воздаваемые ей сыну, были равносильны упреку по отношенію къ ней. Она изливала свое раскаяніе въ горькихъ признаніяхъ. Несчастливая женщина! Отданная сперва во власть Іоанна IV, затѣмъ преслѣдуемая Борисомъ Годуновымъ, она утверждала, что Дмитрій запугалъ ее; этимъ объяснялась ее ложь и подчиненіе его требованіямъ. Василій Шуйскій и высшее духовенство были тронуты ея раскаяніемъ. Они великодушно и всенародно простили несчастную женщину, которую можно было скорѣе признать больною, нежели виновною въ обманѣ.

Цѣль была достигнута. Народъ былъ достаточно вооруженъ противъ самозваннаго царя. Небо и земля осуждали похитителя престола¹⁾.

Впечатлѣніе, произведенное на народъ этимъ торжественнымъ событіемъ, было не особенно продолжительно. Волненія повторялись периодически, и правительство не знало, что дѣлать.

¹⁾ Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 78. — Русск. ист. библ., т. XIII, собр. 877, 899. — Чудеса, совершенныя Дмитріемъ, вызвали сомнѣнія современниковъ.

Во время волненія, происшедшаго въ февралѣ мѣсяцѣ 1607 г., Шуйскій, поддерживаемый своими сторонниками, попытался обратиться послѣдній разъ къ совѣсти православнаго народа. Съ этой цѣлью былъ возвращенъ изъ изгнанія бывший патріархъ Іовъ, креатура Бориса, человекъ ненавистный Димитрію. Привезенный въ Успенскій соборъ, онъ увидѣлъ тамъ многочисленную толпу народа съ патріархомъ Гермогеномъ во главѣ. Архидіаконъ прочиталъ съ высоты амвона просьбу, съ которою жители столицы обращались къ своему бывшему патріарху. Ихъ мучило раскаяніе: они нарушили клятву, данную Борису Годунову и Ѳеодору, и святотатственно присягнули Димитрію, похитившему престолъ. Ихъ связалъ клятвою патріархъ Іовъ, ему же надлежало разрѣшить отъ этой клятвы всѣхъ предстоявшихъ и отсутствующихъ, живыхъ и мертвыхъ. Съ точки зрѣнія каноническаго права, эта просьба была верхомъ совершенства. Новый патріархъ обладалъ такими же полномочіями, какъ и прежній; предположивъ, что его избраніе было вполнѣ законно, онъ одинъ имѣлъ власть разрѣшить народъ отъ клятвы. Но Шуйскій не заботился о подобныхъ тонкостяхъ; онъ хотѣлъ только скрѣпить узы, связывавшія его съ москвитями. Іовъ, въ отвѣтъ, приговоренномъ заранѣе и который былъ обнародованъ немедленно, прощалъ всѣхъ и настаивалъ на вѣрности Василю Шуйскому. Затѣмъ, растроганный старецъ сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ нѣсколько словъ, побуждая народъ жить мирно; но всѣ его слова и мудрые совѣты были скоро позабыты и остались невыполненными ¹⁾).

Между тѣмъ царь дѣятельно заботился объ успокоеніи народа, не щадилъ своихъ стараній въ Москвѣ и разсылалъ грамоты въ самыя отдаленныя мѣста. Въ этихъ грамотахъ, написанныхъ искуснымъ перомъ, рассказывалась исторія Гришки Отрепьева, повторялись признанія, сдѣланныя Мареею, и доказывались права Василя Шуйскаго на престолъ; грамоты эти читались во всѣхъ концахъ Россіи въ церквахъ и распространялись въ народѣ воеводами. Кромѣ этихъ официальныхъ документовъ возникла цѣлая услужливая литература, которая получала указанія изъ дворца и распространяла въ народѣ идеи, какія правительству хотѣлось внушить народу. Лучшие писатели того времени принялись за дѣло и, исполняя данное имъ приказаніе и весьма мало заботясь о справедливости, воскуривали еиміамъ въ честь Шуйскаго. Большая часть этихъ панегирическихъ сочиненій не имѣетъ значенія для исторіи; самое замѣчательное изъ нихъ называется: *Извѣтъ Варлаама*. Далѣе мы еще вернемся къ нему.

Эти сочиненія, даже въ моментъ ихъ появленія, имѣли успѣхъ чисто литературный, но не имѣли никакого практическаго значенія и вліянія

¹⁾ Акты... Арх. эксп., т. II, стр. 148, № 67.

на народъ. Ихъ читали, переписывали, передѣлывали, дѣлали изъ нихъ всевозможныя извлеченія, но отъ этого число сторонниковъ Шуйскаго не увеличивалось ¹⁾).

Поглощенный заботою о волненіяхъ, которыя не прекращались внутри государства, царь долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься внѣшними дѣлами, изъ коихъ самаго настоятельнаго вниманія требовали дѣла польскія. Злосчастное событіе 27-го мая перевернуло все вверхъ дномъ и создало новое положеніе вещей, полное недоразумѣній и противорѣчій. Король Сигизмундъ, которому пришлось такъ горько жаловаться на Димитрія, считался его первымъ другомъ; по странному недоразумѣнію его обвиняли въ томъ, что онъ оказалъ вооруженную помощь челоувѣку, котораго сами же русскіе призывали на престолъ. Отъ этихъ жалобъ конечно было далеко до объявленія войны, но это былъ хорошій случай ловить рыбу въ мутной водѣ, тѣмъ болѣе, что поляки, находившіеся въ Москвѣ, могли служить заложниками.

Эти несчастные подвергались тщательной сортировкѣ. Молодая вдова царя и ея отецъ, ея родные и приближенные, посланники съ ихъ святою и простые солдаты образовали три отдѣльныя группы, коихъ постигла приблизительно одинакая судьба ²⁾).

Польскіе солдаты доставляли русскому правительству наиболѣе хлопотъ. Оно охотно отправило бы въ Польшу эти бесполезные рты, но необходимость дѣйствовать осторожно взяла верхъ. Остатки польскаго войска, вторгнувшася въ предѣлы Россіи, пробыли въ плѣну около трехъ лѣтъ. Отецъ Николай, неразлучный со своею паствою, возвратился въ Краковъ лишь 13-го февраля 1609 г. Онъ радовался тому, что могъ, во время этого долгаго испытанія, совершать ежедневно богослуженіе, приобщать своихъ товарищей и поддерживать въ нихъ бодрость духа, заслуживъ этимъ одобреніе москвитовъ ³⁾).

Если русскіе задерживали солдатъ, тѣмъ болѣе основанія они имѣли не выпускать посланниковъ. Такъ какъ пребываніе послѣднихъ въ Москвѣ было безцѣльно, то они выразили желаніе уѣхать немедленно, но бояре понимали, что посланники были бы свидѣтелями противъ нихъ, и поэтому рѣшительно возстали противъ этого, стараясь объяснить свой отказъ законнымъ предлогомъ. Священныя права иностранныхъ представителей не должны были быть явно нарушены, рѣшили бояре на первомъ же засѣданіи, происходившемъ 6-го іюня. Въ этотъ день по-

¹⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 302, № 144 и сл. — Платоновъ, Очерки, стр. 316; Drevner, Skaz., passim.

²⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 302, № 144 и сл. — Платоновъ, Очерки, стр. 316. Drevner Skaz., passim.

³⁾ Наше собраніе, письмо Чижевскаго къ Аквашивѣ отъ 14-го февраля 1609 года.

сланники были приглашены во дворецъ. Они находились еще подъ впечатлѣніемъ только-что совершившагося убійства, были весьма озабочены своею собственною участію, поэтому смотрѣли на все мрачно и печально. Во дворцѣ царствовало мрачное безмолвіе. На лицахъ присутствующихъ отражался испугъ.

Въ импровизованномъ совѣтѣ бояръ предсѣдательствовалъ князь Мстиславскій. вмѣстѣ съ нимъ засѣдали два брата Шуйскихъ, Голицыны, Нагіе, Романовъ, Татищевъ. Распростертые наканунѣ у ногъ Дмитрія, они выпрямились теперь во весь ростъ и явились обвинителями своего бывшего монарха. Перемѣна была столь внезапна и фантастична, что производила впечатлѣніе сновидѣнія. Мстиславскій, войдя въ свою роль, прочелъ длинный обвинительный актъ, въ которомъ царь Дмитрій былъ отождествленъ съ Гришкой Отрепьевымъ и всѣ участники событія обвинялись совершенно произвольно. Иныхъ виновныхъ кромѣ поляковъ, само собою разумѣется, не нашлось. Смирной Отрепьевъ официально предупреждалъ ихъ о томъ, говорили бояре, что роль претендента взялъ на себя его племянникъ Гришка Отрепьевъ; второе посольство подтвердило это обстоятельство. Но поляки, не обращая на это вниманіе, оказали свое содѣйствіе искателю приключеній, вопреки существовавшему перемирію, что и было причиною всѣхъ послѣдующихъ бѣдствій.

Посланникамъ было легко исправить неточности этого изложенія и представить на него свои возраженія. «Московиты первые,—сказали они,—клялись въ томъ, что Дмитрій былъ прирожденнымъ сыномъ Іоанна IV, а вы, бояре, убѣждали его пріѣхать, вы короновали его, вы присягнули ему на вѣрность. Почему же вмѣняете вы полякамъ въ преступленіе то, что они шли по вашимъ стопамъ?»

Когда вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ, обѣ стороны очутились въ затруднительномъ положеніи. Ни русскіе, ни поляки не говорили всей правды. Въ виду всего вышесказаннаго московиты очутились въ крайне неловкомъ положеніи. Никакія уловки Татищева не могли помочь дѣлу. Князь Мстиславскій обвинялъ во всемъ человѣческіе пороки и приписывалъ имъ всѣ происшедшія бѣдствія. Эти разсужденія весьма мало интересовали посланниковъ; ихъ мучили личные заботы. Они требовали, чтобы ихъ отпустили немедленно; было рѣшено доложить объ этомъ царю. Такъ какъ бояре медлили, то встревоженные посланники, желая ускорить свой отъѣздъ, подали царю нѣсколько дней спустя прошеніе, въ коемъ подробно излагала всѣ мотивы своей просьбы.

Но имъ пришлось испытать весьма горькое разочарованіе! 15-го іюня надоедливый Татищевъ явился къ нимъ съ письмами покойнаго Дмитрія. По прочтеніи ихъ, онъ объявилъ имъ, что князь Волконскій

и дьякъ Андрей отправятся въ Польшу для рѣшенія текущихъ дѣлъ, а что касается ихъ, посланниковъ, то они будутъ ожидать въ Москвѣ возвращенія русскихъ пословъ; эти слова были для поляковъ громовымъ ударомъ. Они поняли, что они очутились въ плѣну; всѣ ихъ возраженія ни къ чему не повели; грубая сила одержала верхъ. Несчастливыми овладѣла несказанная грусть; вмѣсто кратковременнаго отсутствія изъ Польши они были обречены на продолжительное пребываніе вдали отъ родины, семьи, не имѣя возможности заботиться о своихъ дѣлахъ, что могло вредно отразиться на нихъ, къ тому же имъ приходилось жить при самыхъ печальныхъ условіяхъ. Ихъ прислуга, лошади и вещи были скучены въ плохомъ, тѣсномъ помѣщеніи; они пятались плохо, никогда не были накормлены досыта; за ними слѣдили, какъ за мошенниками, они не могли сообщаться съ внѣшнимъ міромъ, имъ не позволяли никуда выходить, они дышали спертымъ и зараженнымъ воздухомъ; дѣти свободной Польши были обречены на тяжкое рабство. Только при помощи всевозможныхъ уловокъ и хитрости имъ удавалось получать новости, обмѣниваться письмами; Николай де Мелло посылалъ имъ изъ Соловецкаго монастыря длиннѣйшія посланія, рассчитывая на ихъ покровительство, чтобы получить свободу; но эти письма доставляли имъ весьма мало утѣшенія. Ихъ жизнь текла печально и однообразно, въ вѣчной борьбѣ съ ихъ тюремщиками и въ мечтахъ о Польшѣ, откуда они ожидали избавленія, которое не приходило.

Марина и воевода Мнишекъ также не могли похвалиться на свою судьбу. Отъ нихъ отобрали все ихъ имущество. Всѣ цѣнныя вещи и значительная сумма денегъ были конфискованы; изъ конюшенъ воеводы были уведены лошади, его прекрасными винами угощались лица, разграбившія его имущество. Алчность бояръ не остановилась передъ трауромъ Марины: они отняли у нея не только драгоценныя вещи, полученныя ею отъ Димитрія, но и все то, что составляло ея личную собственность. Оставивъ дворецъ, въ которомъ она провела всего нѣсколько дней, Марина не имѣла ничего: ей было оставлено всего нѣсколько рубашекъ. Когда послѣ усиленныхъ и неотступныхъ просьбъ ей было разрѣшено свиданіе съ отцомъ, то она сказала: «Я хотѣла бы, чтобы мнѣ лучше возвратили моего негртенка, нежели мои драгоценности и наряды, которыхъ у меня было такъ много!» Среди всеобщихъ слезъ и стenanій, эти слова прозвучали какъ взрывъ радостнаго смѣха. Молодая дѣвушка, которую постигло столь тяжкое испытаніе, дышала молодостью и жизнью; беззаботная полька бросила съ безумной отвагою вызовъ судьбѣ, и судьба приняла ея вызовъ.

Говорять, будто воевода Мнишекъ и послѣ несчастнаго событія не отмѣнилъ царскій этикетъ, который соблюдался въ дни кратковременнаго величія его дочери, и окружилъ ее почестями, подобающими ца-

*

рицѣ. Разыгрывая эту комедію, онъ имѣлъ серьезное основаніе: ему хотѣлось сохранить Маринѣ ускользавшую отъ нея корону. Подобно утопающему, который хватается за соломинку, Мнишекъ хотѣлъ воспользоваться присягою, данною Маринѣ, чтобы добиться объявленія ея регентшей, подготовивъ къ этому умы оказываемыми ей внѣшними знаками почтенія. Въ то же время, по словамъ Сигизмунда, онъ старался заручиться на это согласіемъ бояръ. Но его мечта вскорѣ разсыпалась. Русскіе не хотѣли видѣть на престолѣ женщину. Еще болѣе страннымъ кажется слухъ, передаваемый архіепископомъ Арсеніемъ; онъ говоритъ, будто существовалъ планъ соединить брачными узами вдову Дмитрія и Василя Шуйскаго и этимъ разрѣшить затруднительное положеніе ¹⁾. Дѣйствительно, вновь избранный царь отказался отъ безбрачія, навязаннаго ему Годуновымъ, но его выборъ палъ на русскую. Поляки не пользовались симпатіями русскихъ; Мнишекъ имѣлъ вскорѣ еще разъ случай убѣдиться въ этомъ.

Онъ былъ подвергнутъ допросу. Бояре хотѣли знать, что именно руководило его поведеніемъ относительно Дмитрія и какого свойства были его отношенія къ нему. Если бы Мнишеку удалось доказать царственное происхожденіе Дмитрія, то онъ одержалъ бы верхъ надъ своими противниками. Конечно, онъ этого сильно желалъ; отъ этого зависѣла его честь и безопасность и будущность его дочери. Поэтому его отвѣты были смѣлы и рѣшительны и почти не допускали возраженій, но его доказательства были слабы. Сразу было видно, что онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія изъ того же источника, какъ Вишневецкій, т. е. что онъ повѣрилъ Дмитрію на слово. Изъ свидѣтелей поляковъ онъ могъ сослаться только на лифляндца, появившагося у Сагѣги, и на плѣннаго изъ Пскова; никого другаго онъ не разспрашивалъ. Но бояре все же были смущены его рѣчами. «Я хотѣлъ только торжества истины и справедливости,—сказалъ онъ; я никогда не переступилъ бы границы, если бы москвиты не призвали Дмитрія, не вооружились на его защиту и не сражались за него». Затѣмъ, онъ такъ же, какъ и посланники, спросилъ бояръ: «Зачѣмъ короновали вы его? Зачѣмъ присягали ему?» Бояре, разумѣется, ничего не отвѣчали на эти докучливые вопросы; прицѣвъ о Гришкѣ Отрепьевѣ служилъ имъ отговоркою; нравственное чувство было уже настолько притуплено, что клятвопреступныя показанія Нагихъ имѣли вѣсъ; на нихъ ссылались какъ на неопровержимое доказательство ²⁾.

Въ то время какъ происходили эти переговоры, не имѣвшіе никакого практическаго результата, воевода и его дочь находились подъ над-

¹⁾ Дмитріевскій, стр. 139, 232.

²⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 219, № 140.

зоромъ своихъ хранителей. 25-го іюня имъ отвели помѣщеніе въ бывшемъ домѣ Аванасія Власьева, котораго постигла опала и который былъ сосланъ внутрь страны. Они прожили въ этомъ домѣ не долго. Въ исходѣ августа, всѣ поляки, за исключеніемъ посланника, получили приказаніе оставить Москву. Воевода, его дочь, ея ближайшіе родственники, бернардинскіе монахи, въ томъ числѣ и отецъ Ансеринусъ, были отвезены въ Ярославль. Это была настоящая сылка со всѣми ея лишеніями и страданіями и безъ проблеска надежды. Это перемѣщеніе было вызвано затруднительнымъ положеніемъ дѣлъ.

III.

Легенда о Димитріи.—Письмо отца Босгравена къ Поссевину.—Донесеніе Франческо Таламіо.—Валевскій и Крипосскій.—Ихъ допрашиваетъ отецъ Барчъ.—Донесеніе нунція.—Сомнѣнія Равгони.—Письмо отца Андрея.—Слѣдствіе, произведенное о бернардиноу въ Самборѣ.—Свидѣтельство Яна Бильчинскаго.—Колебанія въ Ватиканѣ.—Несогласія среди москвитовъ.—Неловкость, сдѣланная Шуйскимъ.—Князь Шаховской.—Отплата.—Польскій контингентъ.—Лисовскій, Рожинскій и Иванъ-Петръ Сапѣга.—Казачи.—Появленіе Димитрія II.—Его происхожденіе по свидѣтельству Велевицкаго.—Онъ выдаетъ себя за Димитрія I.—Онъ располагается со своимъ войскомъ въ Тушино.—Анархія въ Россіи.—Возвращеніе князя Волконскаго.—Новые польскіе посланники въ Москвѣ.—Заключеніе перемирія.—Отъѣздъ поляковъ.—Тайное соглашеніе.—Мнишеки въ Тушино.—Кривизъ и превращеніе.—Свадьба Марини.—Ея холодность къ отцу.—Объщанія, данныя Димитріемъ, II.—Противорѣчивыя извѣстія, полученныя въ Ватиканѣ.—Пріѣздъ двухъ сыновей воеводы въ Римъ.—Ихъ показанія.—Сигизмундъ высказывается.

Бояре напрасно старались приписать появленіе Димитрія и его успѣхъ исключительно польской интригѣ; событія жестоко изобличили ихъ во лжи. Причины всеобщаго недовольства лежали во внутренней неурядицѣ, отъ которой страдало населеніе; народныя бѣдствія сдѣлали возможнымъ иноземное вмѣшательство. Волненія, охватившія Россію, не оставляли въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Народъ находился еще подъ впечатлѣніемъ катастрофы 27-го мая, въ церквахъ раздавалась анагема противъ Гришки Отрепьева, какъ вдругъ пронеслась изумительная вѣсть: «царь Димитрій не былъ убитъ, онъ здоровъ и невредимъ и готовится возвратиться въ Кремль». Если Димитрій былъ живъ, то невольно являлся снова вопросъ о его царственномъ происхожденіи. Что надобно было думать обо всемъ этомъ?

12-го августа 1606 г. отецъ Босгравенъ, усердный корреспондентъ Поссевина, сообщалъ ему въ одномъ и томъ же письмѣ объ убійствѣ

Димитрія и о его вторичномъ появленіи. Слухи были весьма разнорѣчивы. Московиты, по словамъ Босгравена, не вѣрили имъ. Поляки держались противоположныхъ мнѣній. Одни изъ нихъ вторили русскимъ; другіе утверждали, что Димитрій, будучи предупрежденъ о заговорѣ, бѣжалъ, пользуясь темнотою ночи, и что заговорщики убили вмѣсто него другаго человѣка, вслѣдствіе чего и были приняты такія мѣры предосторожности, включая сожженіе трупа для того, чтобы не было возможности провѣрить его личность. Прежде нежели отослать письмо, Босгравенъ навелъ еще разъ справки и заключилъ свое посланіе слѣдующими словами: «Сію минуту пріѣхали изъ Вильны два еврея, которые утверждаютъ самымъ положительнымъ образомъ, что Димитрій несомнѣнно былъ убитъ. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія» ¹⁾.

Къ сожалѣнію, люди, столь добросовѣстные, какъ отецъ Босгравенъ, встрѣчались довольно рѣдко; весьма многіе, въ особенности люди низкаго происхожденія, легко увлекались всѣмъ чудеснымъ. Одинъ италіанскій купецъ, Франческо Таламіо, живо описываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ свои впечатлѣнія. Возвратясь съ ярмарки изъ Ярославля въ Галицію, онъ привезъ покупателямъ товары и кучу новостей. Самыя любопытныя изъ нихъ касались исторіи Димитрія. По его словамъ, царь, полный жизни и силъ, находился въ Самборѣ, въ монастырѣ бернардиновъ, гдѣ онъ скрывался отъ постороннихъ глазъ. Его исторія была такова. Три таинственныя личности проѣхали въ Галицію. Одинъ изъ нихъ, къ которому прочіе относились особенно почтительно, сѣлъ въ карету, изъ которой онъ уже не выходилъ; эта карета, подъ конвоемъ двухъ всадниковъ, прибыла въ Самборъ. Тутъ слѣды путешественниковъ затерялись, а между тѣмъ въ замкѣ произошла неожиданная перемѣна. Дочь воеводы Мнишека, до тѣхъ поръ все время горевавшая, осушила свои слезы и повеселѣла. Одна изъ ея служанокъ, отправившись на базаръ за покупками, разболтала тайну, что причиною этой радости было присутствіе въ Самборѣ Димитрія. Одинъ изъ заклятыхъ враговъ царя, который радъ былъ бы его смерти, сознался въ присутствіи Таламіо, что Димитрію удалось спастись. Впрочемъ, объ этомъ громко заявляли всѣ участники *kokosz'a*. Столь рѣшительные доводы поразили легковѣрнаго италіанца; нашлись еще болѣе легковѣрные люди, готовые слушать его и вѣрить ему.

Разсказъ, который ходилъ изъ устъ въ уста въ народѣ, дошелъ съ разными вариантами до высшаго общества. О. Барчъ имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ лично, когда чрезъ Кіевъ проѣхала депутація изъ Сѣверска въ поискахъ за Димитріемъ, въ полной увѣренности, что она отыщетъ его въ какомъ-нибудь замкѣ, гдѣ онъ спрятался. Объ этомъ

¹⁾ Наше собраніе, собственноручное письмо Босгравена къ Поссевиу.

сообщилъ о. Барчу кievскій епископъ Казимирскій, который впрочемъ самъ былъ вполне убѣжденъ въ смерти Димитрія. Нѣсколько офицеровъ, служившихъ въ арміи, съ которою претендентъ вторгся въ предѣлы Россіи, поддерживали противоположное мнѣніе. Нѣкто Валевскій и его слуга Сигизмундъ Крипосскій утверждали, что имъ извѣстно все какъ нельзя лучше и, дѣйствительно, ихъ не затрудняли никакія подробности, у нихъ было всегда наготовѣ какое-нибудь объясненіе. Подвергнутые о. Барчемъ допросу, они рассказали, что у Димитрія были два двойника; одного изъ нихъ звали Борковскій, другой былъ племянникъ Мосальскаго. За исключеніемъ знаменитой бородавки, они были похожи на царя, какъ двѣ капли воды. Поэтому когда царь хотѣлъ пользоваться свободой, то онъ приклеивалъ одному изъ нихъ накладную бородавку на носъ, передавалъ ему свои знаки отличія, и дѣло было сдѣлано: никто не подозрѣвалъ обмана. Такъ было и 27-го мая. Димитрія замѣнилъ Борковскій и въ то время какъ онъ палъ подъ ударами заговорщиковъ, царь ускакалъ изъ Москвы верхомъ на лошади. Конецъ исторіи такъ же страненъ, какъ ея начало. Отцомъ Барчемъ овладѣвали подъ часъ сомнѣнія, но все-таки его поразило одно обстоятельство, которому онъ придавалъ особое значеніе. «Все удавалось Димитрію, говорилъ онъ, до тѣхъ поръ, пока онъ былъ признателемъ къ своему великому благодѣтелю, королю польскому, но какъ только онъ проявилъ неблагодарность, счастье измѣнилось ему». Слушая эти разнорѣчивые рассказы, о. Барчъ счелъ долгомъ сообщить нунцію всѣ подробности, сдѣлавъ однако двѣ оговорки: за истину сообщаемыхъ фактовъ онъ возлагалъ отвѣтственность на тѣхъ лицъ, кои сообщили ему эти свѣдѣнія, но изъ предосторожности просилъ не упоминать его имени, передавая кому-либо этотъ рассказъ.

Сообщеніе о. Барча повергло Раягони въ величайшее недоумѣніе. И онъ уже слышалъ рассказъ Франческо Таламіо. Къ тому же молчаніе о. Савицкаго и Ансеринуса, которые, рассказывая о печальномъ происшествіи, не упоминали ни слова о Димитріи, казалось ему весьма знаменательнымъ. 31-го октября 1606 г. ему прислалъ торжествующее письмо о. Андрей. Опечаленный московскими событіями, бывшій полковой священникъ съѣздилъ въ Самборъ, гдѣ его постигло горькое разочарованіе; онъ не видалъ тамъ Димитрія, но его горе превратилось въ радость, когда къ нему явился во Львовъ одинъ офицеръ съ письмомъ отъ дочери воеводы Мнишека, которая удостовѣряла, что Димитрій находится въ живыхъ. Въ всенномъ мірѣ этому извѣстію вполне вѣрили. О. Андрей былъ въ восторгѣ.

Эти слухи были настолько упорны, что одинъ бернардинскій монахъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ, былъ посланъ изъ Кракова въ Самборъ съ официальнымъ порученіемъ наве-

сти тамъ серьезныя справки. Онъ возвратился съ документомъ, скрѣпленнымъ его сотоварищами, коимъ удостовѣрилось, что Димитрія не было въ ихъ монастырѣ: его не видѣли съ самаго его отъѣзда.

Но чѣмъ болѣе царь былъ неуловимъ, тѣмъ большее число лицъ выбивались изъ силъ, желая воскресить его. 5-го января 1607 г., наканунѣ крещенія, пріѣхалъ во Львовъ изъ Ярославля бывшій секретарь Димитрія, Янъ Бильчинскій; онъ явился къ о. Андрею, своему бывшему духовнику, клялся ему, что Димитрію удалось спастись, что его дѣло подвигается впередъ, что Марина ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ. Онъ рассказывалъ подробно о своемъ пребываніи у Мишековъ, и добрый о. Андрей снова воспыпалъ надеждою и сталъ развѣивать свои планы относительно Московіи ¹⁾.

Колебанія нунція отражались въ Ватиканѣ, куда Рангони препровождалъ всѣ документы, попадавшіе въ его руки, сообщая результаты добытыхъ имъ свѣдѣній и ходившіе въ обществѣ слухи. Кардиналъ Боргезе, переходя отъ одной крайности къ другой, смотря потому, какое мнѣніе одерживало верхъ, былъ готовъ ко всякимъ случайностямъ. Его интересовалъ вопросъ, почему царь медлитъ явиться, если онъ былъ живъ? Ему намекали въ отвѣтъ, что причиною этого могла быть предполагаемая неблагодарность къ королю польскому. Тогда кардиналъ обсуждалъ заблаговременно тѣ мѣры, какія надлежало принять, чтобы примирить ихъ, какія грамоты придется послать Сигизмунду и какіе благочестивые совѣты будутъ даны Димитрію. «Пусть онъ только раскается, говорилъ кардиналъ, пусть онъ не окружаетъ себя еретиками, пусть онъ поработаетъ во славу Божию». Въ инструкціяхъ, которыя были даны 18-го ноября 1606 г. преемнику Рангони, проглядываетъ отчаяніе. Кардиналъ отмѣчаетъ въ нихъ съ грустью, что со смерти Димитрія заброшены всѣ планы единенія съ Москвою, и настаиваетъ на проектѣ Рутскаго и на преобразованіи Базилянскаго ордена. Однако въ заключительныхъ словахъ письма замѣтно колебаніе ²⁾.

Впрочемъ, неудивительно, если въ Польшѣ и въ Римѣ не могли разобраться въ происходившихъ событіяхъ. Вопреки словамъ о. Босгравена, сами московиты рѣшительно не знали, что думать о нихъ. Первый тревожный слухъ о неудавшемся убійствѣ былъ пущенъ, кажется, Михаиломъ Молчановымъ, любимцемъ Димитрія. Вѣсти, слышан-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499, *Relatione d'un mercante italiano; Moscovitica* (донесеніе о. Барча); письмо Рангони къ кардиналу Боргезе отъ 2-го сентября 1606 г., письмо Лавицкаго къ Рангони отъ 31-го октября.—II, 230, письмо Рангони къ кардиналу Боргезе отъ 25-го и 28-го сентября, и 25-го ноября 1606 г.—II, 234, письмо Лавицкаго къ Стривери отъ 12-го января 1607 года.

²⁾ Ватиканскій архивъ, *Polonia*, 173, л. 93 v°, 97, 102 v°, п т. л.

ныя Таламіо на Ярославской ярмаркѣ, были только слабымъ отголоскомъ тѣхъ слуховъ, которые ходили въ Москвѣ, смущая умы, и разносились съ неимовѣрной быстротою по Россію. Ошибка, сдѣланная Василіемъ Шуйскимъ, ускорила взрывъ давно уже подготовленной мины. Послѣ своего избранія онъ сослалъ въ отдаленныя мѣста самыхъ ярыхъ сторонниковъ своего предшественника, а для того, чтобы смягчить впечатлѣніе, произведенное этой незаслуженной карою, онъ далъ нѣкоторымъ изъ нихъ высшія административныя должности. Такъ было поступлено съ Григоріемъ Шаховскимъ, человѣкомъ, преданнымъ Димитрію, дѣятельнымъ и предприимчивымъ; Василій сдѣлалъ ошибку, назначивъ его воеводою въ Путивль. Это было равносильно тому, что поставить его во главѣ самыхъ преданныхъ приверженцевъ Димитрія и дать ему средства организовать возстаніе. Онъ ловко этимъ воспользовался, объявивъ, что Димитрій вскорѣ появится вновь, и призывалъ къ оружію подъ его знамена всѣхъ московитовъ. Его кличъ произвелъ на толпу магическое впечатлѣніе.

Послѣдовавшія событія бросаютъ яркій свѣтъ на тогдашнее социальное положеніе Россіи. Ей приходилось искупить политическія ошибки, сдѣланныя Іоанномъ IV и Борисомъ Годуновымъ, и злоупотребленіе ими властью. Шаховской только продолжалъ втайнѣ дѣло Димитрія: казаки, бѣдныяки, бродяги и ссыльные откликнулись на его зовъ и пошли подъ его знамена. Династическій вопросъ служилъ только предлогомъ; людей прельщала грабежъ, погоня за свободою. Люди, обездоленные судьбою, изъ коихъ хотѣли образовать авангардъ войска противъ татаръ, становились авангардомъ бунтовщиковъ; бѣдный возставалъ противъ богатаго, угнетенный—противъ угнетителя; народъ готовъ былъ мстить и объявилъ войну существующему порядку. Человѣкъ, съ желѣзной волею и орлинымъ взглядомъ, могъ бы подавить это движеніе, но Василій, окруженный измѣнниками, не обладалъ ни тѣмъ, ни другимъ качествомъ.

Поляки знали все происходившее у своихъ сосѣдей. Они интересовались московскими событіями тѣмъ болѣе, что могли доставить помощь воюющимъ. Rokosz приближался къ концу, Ливонія была усмирена, профессиональные драчуны оставались безъ дѣла; военная прогулка въ Россію представлялась имъ соблазнительной и заманчивой. Предлогъ къ тому являлся самъ собою; убитые и содержимые въ плѣну соотечественники давали право совершить возмездіе и вознаградить себя грабежемъ и добычею; поэтому въ самое короткое время сформировались многочисленныя банды, и извѣстные предводители войска двинулись съ ними къ Московской равнинѣ. Самымъ грознымъ изъ этихъ партизанскихъ предводителей былъ Александръ Лисовскій, на половину разбойникъ, на половину генералъ, человѣкъ смѣлый, выносливый,

быстрый, какъ молнія; онъ не имѣлъ себѣ соперника въ искусствѣ организовать хищническіе набѣги, распространить далеко въ окрестности страхъ и ужасъ и напасть на непріятеля врасплохъ. Князь Романъ Рожинскій и Иванъ-Петръ Салтъга также выступили въ походъ, но они хвастались тѣмъ, что ведутъ настоящую войну и даютъ сраженія по всѣмъ правиламъ искусства. Что касается казаковъ, то они были готовы на все. Атаману Заруцкому стоило кликнуть кличъ, и рубаки съ береговъ Дона и Днѣпра явились къ его услугамъ. Люди стекались со всѣхъ сторонъ въ Россію и пополняли ряды мятежной арміи.

Но имя, коимъ пользовались для того, чтобы поднять народъ, должно было рано или поздно воплотиться въ нѣчто реальное, иначе оно прослыло бы призракомъ. Зачинщикамъ движенія хотѣлось, какъ можно скорѣе показать своего героя и сгруппироваться вокругъ него. Затруднительность положенія возрастала со дня на день. Димитрій не могъ возродиться изъ пепла; всѣ тѣ, кто былъ посвященъ въ его исторію, прекрасно знали это; но гдѣ было найти искателя приключеній, способнаго сыграть его роль и быть подставнымъ лицомъ? Послѣ многихъ поисковъ наконецъ былъ найденъ человекъ, обладавшій требуемыми качествами. Еще одна таинственная личность! По поводу его ходили самыя баснословныя разсказы. Велевицкій говоритъ, что онъ былъ секретаремъ Димитрія. Оставшись безъ дѣла по смерти своего патрона, онъ былъ принятъ изъ состраданія въ домъ одного могилевскаго священника и внесъ разладъ въ его семью. Оскорбленный мужъ наказалъ его плетью и предоставилъ его снова скитальческой жизни и нуждѣ. Доведенный до отчаянія, молодой человекъ прибылъ случайно въ Стародубъ, гдѣ выдалъ себя, неизвѣстно какимъ образомъ, за Димитрія, былъ признанъ таковымъ и принялъ командованіе арміей ¹⁾.

Собственно говоря, онъ ничего не понималъ въ военномъ искусствѣ, но возлѣ него были свѣдущіе люди, которые наставляли его своими совѣтами и руководили имъ. Потерпѣвъ нѣсколько пораженій и перенеся не мало испытаній, онъ добрался наконецъ въ 1608 г. въ Тушино, въ двѣнадцать верстахъ отъ Москвы, гдѣ и остановился. Это мѣстечко, которому было суждено приобрести такую печальную извѣстность, было превращено въ укрѣпленный лагерь и приняло вскорѣ видъ настоящаго городка. Въ немъ было сосредоточено огромное войско, коего продовольствіе привлекало множество людей; помимо купцовъ, продававшихъ свои товары, тутъ были измѣнники, торговавшіе своею честью. Тушино угрожало Москвѣ осадой, и за Димитріемъ II осталось навсегда названіе Тушинскаго вора.

¹⁾ Велевицкій, т. II, стр. 239.

Въ Россіи свирѣствовала анархія. Хотя Василій Шуйскій одержалъ нѣсколько побѣдъ, строго наказалъ своихъ противниковъ, утопилъ Белотникова, одного изъ главарей возстанія, и повѣсилъ гнуснаго Петрушку, мнимаго сына Феодора, но все-таки ему не удалось нанести бунтовщикамъ большаго и послѣдняго удара. Страна была объята возстаніемъ, раздираема партіями, доступна вторженію враговъ, не имѣла ни малѣйшаго довѣрія къ царю, была игрушкою въ рукахъ искателей приключеній и предавалась самымъ неистовымъ порывамъ своихъ страстей. Василій понималъ всю опасность положенія и, никогда не имѣвъ желанія воевать съ Польшею, теперь все болѣе и болѣе склонялся къ мирному рѣшенію вопроса. Событія какъ нельзя лучше послужили ему на пользу.

Князю Волконскому, отправленному, какъ мы помнимъ, въ Краковъ, не удалось ничего добиться и заключить какой-либо сдѣлки. На первый же предложенный ему вопросъ о трагическихъ событіяхъ, происшедшихъ въ Москвѣ, онъ отвѣчалъ раздражительно, что Димитрій дѣйствительно былъ убитъ, но что поляки съумѣютъ воскресить его. Подобное вступленіе не предвѣщало ничего добраго, и дѣйствительно, единственнымъ результатомъ русскаго посольства въ Краковъ было отправленіе польскаго посольства въ Москву. Посланные Друцкій-Соколинскій и Витовскій прибыли въ Кремль 22-го октября 1607 г. Хотя русскимъ несомнѣнно было выгодно дѣйствовать со всевозможною послѣдностью, но они не отказались отъ своихъ исконныхъ традицій и затянули переговоры къ полному отчаянію Олесницкаго и Гостѣвскаго. Выведенные изъ терпѣнія, соскучившись ожиданіемъ, они стали грозить своимъ тюремщикамъ, что пробьются къ границѣ съ оружіемъ въ рукахъ, и стали дѣлать соотвѣтственныя приготовленія. Чтобы успокоить ихъ, въ дѣло пришлось вмѣшаться боярамъ.

Между тѣмъ возраставшія затрудненія сдѣлали Василю болѣе стоворчивымъ. 23-го іюля 1608 г. было наконецъ заключено перемиріе на три года и одиннадцать мѣсяцевъ. Главнымъ условіемъ было поставлено предоставленіе свободы всѣмъ полякамъ, задержаннымъ въ Москвѣ. Польша, со своей стороны, обѣщала не оказывать вооруженной помощи Тушинскому вору. Такимъ образомъ взаимныя выгоды обѣихъ націй были обезпечены; Василю оставалось вести борьбу только съ внутренними врагами, лишенными иноземной поддержки, слѣдовательно, не столь опасными. Но перемиріе существовало только на бумагѣ; въ сущности противники не разоружались, измѣнники продолжали свое дѣло, и Сигизмундъ III помышлялъ о войнѣ. Гроза вскорѣ разразилась.

Во время происходившихъ переговоровъ, Мнишекъ и его дочь были вызваны изъ Ярославля въ Москву. Они первые должны были восполь-

зоваться вновь заключеннымъ соглашеніемъ; заранѣе было рѣшено, что Марина откажется отъ своихъ царскихъ правъ. Воевода сендомірскаго достигъ такимъ образомъ конца своей бурной жизни; ему предстояло наслаждаться спокойной старостью. Для этого ему стоило только возвратиться въ Самборъ, къ частной жизни, занять снова свое мѣсто у домашнего очага и продолжать свои служебныя обязанности и свои бесѣды съ о.о. бернардинами. Что помѣшало ему сдѣлать это тотчасъ? Роковое сдѣленіе обстоятельствъ или честолюбіе?

Послѣ заключенія перемирія, Мнишеки оставили Москву вмѣстѣ съ Олесницкимъ и Госѣвскимъ. Ихъ сопровождала свита изъ пятисотъ человекъ, такъ какъ въ дорогѣ можно было всегда ожидать какой-нибудь засады, даже если ѣхать проселками. Несмотря на всѣ принятыя предосторожности, по пути произошла тревога. Былъ моментъ, когда конвой, желая избѣгнуть засады, хотѣлъ повернуть обратно, пожертвовавъ двумя или тремя днями ради своей безопасности. Этотъ вопросъ обсуждался горячо, посланники не могли сговориться, и каждый изъ нихъ поступилъ по своему усмотрѣнію. Госѣвскій довѣрчиво принялъ предложеніе москвитовъ; его другъ Савицкій поступилъ точно такъ же; ни тому, ни другому не пришлось раскаться въ этомъ. Повернувъ обратно, они встрѣтили новое подкрѣпленіе и хотя это нѣсколько замедлило ихъ путешествіе, но все же они достигли благополучно польской границы. Олесницкій и Мнишеки, не согласившись потерять времени на объѣздъ, продолжали свой путь въ томъ же направленіи и попали въ западню. Дмитрій усердно слѣдилъ изъ Тушино за своею добычею; овладѣть Мариною было для него важнѣе, нежели выиграть сраженіе. Если бы она признала его своимъ супругомъ, то это придавало бы ему огромное значеніе въ глазахъ народа! Случилось ли это по обоюдному согласію или нѣтъ, сказать трудно; какъ бы то ни было, путешественники были застигнуты врасплохъ сильнымъ отрядомъ, который безъ труда овладѣлъ ими и передалъ ихъ въ руки Яна-Петра Сапѣги, а послѣдній отвезъ ихъ въ Тушино. Такимъ образомъ Мнишеки, отецъ и дочь, остались у воротъ Москвы вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Польшу.

Это происшествіе, чреватое послѣдствіями, было, по словамъ краковскаго нунція, только «хитрою продѣлкою» воеводы. Король раздѣлялъ этотъ взглядъ, и въ декабрѣ мѣсяцѣ 1608 г. самъ раскрылъ нунцію честолюбивые планы несчастнаго отца. «Мнишекъ остался съ Дмитріемъ, говорилъ Сигизмундъ, чтобы придать ему болѣе вѣса, отдать ему руку своей дочери, какъ только онъ достигнетъ престола, и дать ему возможность воспользоваться присягою, принесенною нѣкогда Маринѣ». Съ другой стороны, письмо Дмитрія къ Мнишеку отъ 22-го августа 1608 г. вызываетъ сильное подозрѣніе историковъ; они въ одинъ

голосъ обвиняють воеводу въ томъ, что онъ облегчилъ своей дочери побѣгъ въ Тушино и даже самъ подалъ ей къ тому мысль. Въ сущности хотя въ его поведеніи было замѣтно нѣкоторое колебаніе, но, по возвращеніи въ Польшу, онъ объяснилъ свои поступки въ рѣчи, произнесенной имъ на сеймѣ 1611 г. Король былъ на этомъ сеймѣ, ему стоило только опровергнуть слова оратора или изобличить его во лжи, но онъ, по обыкновенію, предпочелъ не вмѣшиваться въ дѣло и предоставить сенаторамъ рѣшить споръ между собою ¹⁾.

Также точно неизвѣстна истина относительно Марины. Была ли она принесена въ жертву отцомъ? Или сама обрекла себя на разныя приключенія? Раздѣлила ли дочь магната добровольно ложе обманщика? Или же она была вынуждена къ тому угрозами и силою? Этотъ періодъ тревожной жизни Марины наиболѣе таинственъ.

Иванъ-Петръ Салѣга, бывший очевидцемъ перваго свиданія Марины съ Димитріемъ, вынесъ изъ него самое тягостное впечатлѣніе: по его словамъ, бывшая царица холодно приняла новаго претендента на московскій престолъ. Одинъ слуга Олесницкаго, вернувшись изъ Тушина, передавалъ сцену ихъ свиданія съ потрясающими подробностями: оскорбленная въ своей женской гордости, повинувась непреодолимому отвращенію, Марина схватила, по его разсказу, ножъ, нацѣлилась имъ на свое сердце и воскликнула съ надрывающимъ душу отчаяніемъ: «лучше смерть». Этотъ благородный, но слишкомъ кратковременный порывъ свидѣтельствуешь о благородствѣ ея чувствъ. Но это осталось неизвѣстнымъ Мартину Стадницкому. Рабски почтительный нѣкогда церемоніймейстеръ Марины съ презрѣніемъ приписываетъ весь позоръ совершившагося своей несчастной родственницѣ. Если вѣрить ему, то она писала Димитрію II въ Тушино, условилась встрѣтиться съ нимъ и, прискакавъ къ нему, переодѣтая въ гусарское платьѣ, бросилась въ его объятія. Если этотъ разсказъ не вполне согласенъ съ истинною, то по крайней мѣрѣ онъ весьма романиченъ ²⁾.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что Марина пережила въ это время страшную душевную борьбу, подъ вліяніемъ которой она совершенно преобразилась. Ее называли любовницей обманщика; но она можетъ быть избавлена отъ этого позора. Димитрій и Марина были сво-

¹⁾ Акты... Зап. Россіи, т. IV, стр. 264, № 177.—Собр. гос. грам., т. II, стр. 336, № 160.—Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 228, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 5-го октября 1608 г.—Велевицкій, т. II, стр. 277.—Краковъ, Bibl. Jagelloniense, 102, л. 457.

²⁾ Стокгольмъ, Королевскій архивъ, рукоп. Браге, 349, л. 8 v°.—Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 228, письмо Симонетти къ кардиналу Боргезе, отъ 8-го ноября 1608 г.—Львовъ, Библ. Баваровскаго, Стадницкій, л. 29 и сл.

бодны, церковь ничего не могла имѣть противъ ихъ брака; въ Тушинѣ находился бернардинскій монахъ о. Антоній. Какъ полковой священникъ, онъ имѣлъ обширныя права и могъ обвинять молодыхъ людей ¹⁾). Быть можетъ, иные еще болѣе обвинять ее за этотъ бракъ, но лично для Марины онъ былъ однимъ безразсудствомъ меньше. Во всемъ прочемъ она стала неузнаваема. Школа несчастія не послужила ей на пользу. Быстрая переменъ судьбы поколебала равновѣсіе ея душевныхъ силъ. Ея пылкая натура была потрясена уединеніемъ и ссылкою. Марина ушла въ себя, сознала свои силы; обреченная на неизвѣстное, она смѣло вошла въ свою роль, пожертвовавъ ради честолюбія своимъ личнымъ счастьемъ.

Нѣкогда почтительная къ своимъ родителямъ, къ своему дядѣ, кардиналу Мацѣевскому, котораго она просила быть ея совѣтникомъ и руководителемъ, она перестала повиноваться отцу и была непреклонна въ своихъ рѣшеніяхъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1609 г., воевода простился съ дочерью и уѣхалъ изъ Тушина, не давъ ей своего родительскаго благословенія. Что же произошло между ними? Это остается тайною. Несчастливая дочь послала въ послѣдствіи отцу письмо, преисполненное извиненій и сожалѣній, обѣщала исправиться и просила, въ то же время, прислать ей чернаго бархата на платье. Но въ глубинѣ ея души, несмотря на всѣ пережитыя ею испытанія, она глубоко любила отца, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ея письма 1609 года. Обаяніе бывшаго вельчія не покидало бывшую царицу. Она писала краковскому нунцію въ такомъ тонѣ, какъ будто она находилась еще въ Кремлѣ и имѣла надежду выполнить грандіозныя планы, составленныя нѣкогда относительно Польши, а бернардинскіе монахи, совершавшіе богослуженіе въ Самборской церкви, украшали алтарь серебряными подсвѣчниками, пожертвованными въ 1609 г. «царицею Мариною». Воевода Мнишекъ не забылъ своей дочери и въ разлукѣ. На сеймѣ 1611 г., подвергаясь энергичнымъ нападкамъ со стороны своихъ сотоварищей, которые обвиняли его въ честолюбіи и эгоизмѣ, онъ говорилъ, какъ подобаешь отцу, скорбящему о своемъ ребенкѣ. Его желанія были очень скромны: онъ хотѣлъ, чтобы Марина пала къ ногамъ короля, испросила его прощенія и, получивъ помѣстье въ Польшѣ, удовольствовалась бы, вмѣсто короны, самой скромной долей. Повинуясь долгу совѣсти, Мнишекъ изобличилъ въ Тушинѣ обманщика, но его указанія не были приняты. Возвратясь въ Польшу, онъ переписывался съ дочерью; кто бы могъ поставить это ему въ вину? Онъ скорбѣлъ объ участи польки, которую онъ принесъ въ жертву благу

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, IV, 274, f. 95 v°.

отечества и которую отечество не должно было забыть. Къ сожалѣнію, письма воеводы къ Маринѣ утрачены. Что касается писемъ Димитрія къ Мнишеку, то они рисуютъ намъ искателя приключеній, жаждавшаго достигнуть какъ можно скорѣе престола, предлагавшаго другимъ деньги и области, коими онъ самъ еще не владѣлъ ⁴⁾.

Въ Римѣ поняли Димитрія II довольно поздно. Кардиналъ Боргезе получалъ объ немъ самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія и не зналъ, на которомъ изъ нихъ остановиться, но онъ желалъ надежду, что первый Димитрій появится вновь, что его умъ созрѣетъ отъ перенесенныхъ имъ испытаній и что онъ примется за дѣло съ новымъ рвеніемъ. Чего только нельзя было ожидать отъ предавшагося раскаянію новообращеннаго католика! Рангони и впоследствии его преемнику въ Краковѣ приходилось выслушивать эти откровенныя мечты кардинала Боргезе, вызванныя по большей части ихъ собственными депешами, которыя видовзмѣнялись сообразно съ ходившими въ обществѣ слухами о Димитріи.

Вновь назначенный въ Польшу нунцій Симонетти, проѣзжая въ исходѣ 1606 г. чрезъ Австрію къ мѣсту своего назначенія, слышалъ по пути, что Димитрій избѣжалъ смерти и готовился отомстить своимъ врагамъ. Проживъ около года въ Краковѣ, онъ не слышалъ объ немъ ничего новаго, хотя время отъ времени этотъ слухъ опровергался. Въ письмѣ Олесницкаго, полученномъ королемъ изъ Москвы, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1607 г., подтверждалось авторитетно извѣстіе о томъ, что Димитрій былъ живъ; по другимъ извѣстіямъ, полученнымъ въ томъ же мѣсяцѣ, можно было считать смерть Димитрія несомнѣнною. 25-го ноября слухи за и противъ казались одинаково вѣроятными, и нунцій, старавшійся взвѣсить ихъ, слагалъ съ себя всякую отвѣтственность.

«Дай Богъ, — писалъ онъ, — чтобы Димитрій былъ живъ, но это извѣстіе кажется мнѣ весьма неправдоподобнымъ».

Нѣсколько недѣль спустя, въ исходѣ 1607 г., снова произошла перемѣна. Въ Римъ прибыли два младшіе сына сендомірскаго воеводы, Николай и Сигизмундъ, въ сопровожденіи своего наставника; они явились въ Ватиканъ, съ письмомъ отъ ихъ матери, извѣщавшей папу, что ею получено собственноручное письмо Димитрія. Какъ ни было успокоительно это свидѣтельство лица столь авторитетнаго, но кардиналъ Боргезе все же продолжалъ наводить справки, а Павелъ V просилъ Сигизмунда ходатайствовать за плѣнныхъ, ибо Мнишекъ и его дочь содержались въ то время въ Ярославлѣ. Папа считалъ ихъ достойными

⁴⁾ См. переписку Мнишека, Марины и Димитрія II въ Собр. гос. грам., т. II, стр. 336—373.—Самборъ, архивъ бернардиновъ, Аста, л. III.—Краковъ, Bibl. Jagelloniense, 102, л. 457.

лучшей доли и дважды настоятельно просилъ короля (5-го іюля 1607 г. и 1-го іюля 1608 г.) замолвить за нихъ слово. Весь 1608 годъ прошелъ въ безплодныхъ переговорахъ и въ наведеніи болѣе или менѣе безуспѣшныхъ справокъ. Мишекъ былъ отпущенъ на свободу лишь въ 1609 г., а правда о Дмитріи выяснилась окончательно только тогда, когда король польскій рѣшилъ высказаться яснѣе. Собираясь объявить войну Россіи, ему было важно доказать, что такъ называемый Дмитрій былъ не болѣе, какъ жалкій искатель приключеній ¹⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, л. 90 и сл.; рукоп. Боргезе, II, 224; шв. 45, т. III, л. 27 v°, № 73; т. IV, № 46.

Къ портрету графа Поццо-ди-Борго.

Имя этого дипломата было часто упоминаемо въ различныхъ статьяхъ «Русской Старины», относившихся къ царствованію императора Александра I. Предлагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ графа даетъ намъ поводъ напомнить читателю, въ общихъ чертахъ, главнѣйшія черты его карьеры, наиболѣе видную часть которой составляетъ его служба Россіи.

Графъ Карлъ-Андрей Поццо-ди-Борго родился въ 1764 г. на Корсикѣ, близъ Аяччіо, въ родовомъ замкѣ своихъ предковъ. Избравъ въ началѣ адвокатное поприще, онъ въ 1792 г. сталъ депутатомъ французскаго законодательнаго собранія, гдѣ вступилъ въ ряды жирондистовъ, но вскорѣ, ради своей личной безопасности, удалился изъ Франціи. Уже осенью того же года онъ примкнулъ къ знаменитому корсиканскому генералу Паоли, который, какъ извѣстно, сперва воевалъ противъ генуэзцевъ, владѣвшихъ Корсикою до 1768 г., а потомъ, послѣ покупки острова Франціею, управлялъ Корсикою отъ имени послѣдней, но, поссорившись съ Конвентомъ, передалъ ее въ 1793 г. англичанамъ, прогнаннымъ, впрочемъ, оттуда въ 1799 г. Послѣдствіемъ анти-французской агитаціи было то, что, съ удаленіемъ англичанъ, Поццо-ди-Борго долженъ былъ покинуть Корсику. Питая истинно-корсиканскую фамильную ненависть къ Бонапартамъ, графъ Поццо-ди-Борго оказался противникомъ французской революціи. Онъ поселился сперва въ Англии, ѣздилъ съ секретными порученіями въ Вѣну, съ цѣлью подготовить коалицію противъ Франціи, и затѣмъ поступилъ на русскую службу. Въ качествѣ русскаго комиссара онъ былъ посылаемъ въ 1805 г. къ англо-неаполитанской, а въ 1806 г. къ прусской арміи. Когда же Россія вступила въ союзъ съ Наполеономъ, онъ временно покинулъ русскую службу и въ 1809—10 г.г. работалъ противъ Наполеона въ Австріи, на Востокѣ и въ Англии. Наболѣе важная пора его дѣятельности началась съ 1812 г.

Онъ способствовалъ заключенію русско-шведскаго союза, употреблялъ всѣ силы, чтобы склонить императора Александра I къ продолженію войны съ Франціею, старался побороть нерѣшительность Бернадота и вообще обнаруживалъ неутомимую дѣятельность въ этомъ отношеніи. Русское правительство отправило его комиссаромъ въ шведскій лагерь, а въ 1814 г. послало въ Англію, съ порученіемъ склонить ее къ рѣшительной политикѣ. Наградю за это было назначеніе Поццо-ди-Борго на постъ русскаго посла въ Парижѣ. Императоръ Александръ I взялъ его также съ собою на вѣнскій конгрессъ. Кромѣ этого конгресса, онъ былъ представителемъ Россіи также на конгрессахъ веронскомъ и лондонскомъ. Когда Наполеонъ вернулся съ Эльбы, графъ Поццо-ди-Борго поспѣшно съѣздили къ Людовику XVIII въ Гентъ, потомъ въ главную квартиру Вашингтона и присутствовалъ при сраженіи подъ Ватерлоо, былъ легко раненъ и получилъ за отличіе званіе генераль-адъютанта. Въ июльскую революцію 1830 г. положеніе его въ Парижѣ оказалось весьма затруднительнымъ, такъ какъ тамъ видѣли въ немъ представителя политики Россіи противъ Польши. Послѣ паденія Варшавы, въ Парижѣ произведены были такія демонстраціи, что весною 1832 г. графа Поццо-ди-Борго пришлось отозвать оттуда. Тѣмъ не менѣе, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, его снова послали въ Парижъ, а въ 1834 году перевели посломъ въ Лондонъ, гдѣ онъ и оставался на этотъ посту до 1839 г. Съ оставленіемъ посольскаго поста, онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Парижѣ и умеръ тамъ въ февралѣ 1842 г.

Экспедиція Гоеударетвеннаго Хозяйства.

(1797—1803 гг.).

В

I.

ь числу полсзвнхъ учрежденій, возникшихъ по иниціативѣ императора Павла I, въ началѣ его царствованія, принадлежитъ основанная при Сенатѣ, именнымъ указомъ отъ 4-го марта 1797 г., Экспедиція Государственнаго Хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства ¹⁾. Экспедиція, какъ видно изъ вступительныхъ словъ указа, должна была имѣть «общее наблюденіе за всѣми частями, къ пользѣ государства относящимися, и особливо за прочнымъ обзаведеніемъ иностранцевъ, подъ покровительство Россіи приходящихъ и къ поселенію вызываемыхъ, а частію уже въ разныхъ мѣстахъ Имперіи поселившихся».

Такимъ образомъ, Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, какъ принято называть ее для краткости, было поставлено двѣ главныхъ задачи: одна, болѣе широкая, обнимала все то, что по отдѣльнымъ управленіямъ, въ то время существовавшимъ, требовало общихъ соображеній по государственному хозяйству и дальнѣйшихъ распоряженій; другая, болѣе спеціальная, заключалась въ наблюденіи за переселеніемъ въ Россію и за прочнымъ обзаведеніемъ иностранныхъ выходцевъ, вызванныхъ манифестами императрицы Екатерины II.

Болѣе подробно обязанности Экспедиціи опредѣлены въ высочайше утвержденной того же 4-го марта 1797 г. запискѣ генераль-прокурора

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17865.

князя А. Б. Куракина ¹⁾. Къ предметамъ государственнаго хозяйства отнесено: все, что касается управленія коммерціи и мануфактуръ, горныхъ, соляныхъ и винныхъ дѣлъ, также изысканіе надежныхъ и полезныхъ средствъ для приведенія въ лучшее состояніе земледѣлія, ремеслъ, художествъ, разныхъ рукодѣлій, фабрикъ, заводовъ и вообще всего, что касается до настоящихъ выгодъ государственныхъ по внутренней и внѣшней торговлѣ. Въ дополненіе къ этой инструкціи, именнымъ указомъ отъ 6-го марта 1797 г. ²⁾, Экспедиціи предлагалось заняться изученіемъ мѣстныхъ выгодъ каждой губерніи, «дабы, узнавъ различныя преимущества и способности ихъ, тѣмъ вѣрнѣе открывала она точный путь, по коему бы не только рукодѣлія, но даже и самыя произведенія природы искусствомъ и тщаніемъ могли быть приводимы въ лучшее часть отъ часу состояніе и совершенство».

Въ томъ же 1797 году, по указу 23-го марта ³⁾, вѣдомство Экспедиціи Государственнаго Хозяйства расширено было присоединеніемъ къ ней находившагося при кабинетѣ его величества географическаго департамента, а по указу 31-го марта ⁴⁾, управленія государственныхъ лѣсовъ, съ подчиненіемъ Экспедиціи также лѣсной части по Адмиралтѣйству. Такимъ образомъ на Экспедиціи Государственнаго Хозяйства лежало, какъ разсмотрѣніе многихъ важныхъ вопросовъ государственнаго хозяйства, такъ и непосредственное завѣдываніе нѣкоторыми отраслями управленія.

Кому принадлежитъ мысль объ учрежденіи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства? Самому ли императору Павлу, или одному изъ его совѣтниковъ? Извѣстно, что вопросы объ устройствѣ государственнаго управленія очень занимали Павла Петровича, и въ то время, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола, и впоследствии, когда онъ сдѣлался императоромъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ наказъ, который онъ составилъ 4-го января 1788 года, отправляясь въ шведскій походъ, одновременно съ завѣщательнымъ письмомъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны и съ актомъ о престолонаслѣддіи. Въ этомъ наказѣ изложены были мысли цесаревича о главныхъ отрасляхъ управленія ⁵⁾. Кромѣ того, сохранились двѣ собственноручныя записки императора Павла, найденныя въ кабинетѣ Александра I и переданныя впоследствии въ комитетъ 6-го декабря 1826 года ⁶⁾,—одна объ устрой-

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17866.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17869.

³⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17896.

⁴⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17897.

⁵⁾ Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Д. Кобеко. Спб. 1882 г., стр. 295—297.—Н. К. Шильдеръ. Императоръ Павелъ I, стр. 217—219, 561—563.

⁶⁾ Обѣ эти записки напечатаны въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго общества“, томъ XC. Спб. 1894 г., стр. 1—4 и 146.

ствѣ разныхъ частей государственнаго управления, другая объ устройствѣ Сената, но ни въ одномъ изъ этихъ документовъ не говорится объ учрежденіи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства.

Согласно инструкціи, данной Екатериной, 24-го іюня 1761 года, обергофмейстеру, генераль-поручику Н. И. Панину, назначенному для воспитанія цесаревича Павла Петровича, въ планѣ этого воспитанія входило ознакомленіе съ экономическими условіями Россіи. «Предпочтительно предъ другими науками,—писала Екатерина,—надлежитъ подать его высочеству совершенное знаніе объ Россіи, показать ему съ одной стороны изъ дѣлъ прошедшихъ и нынѣшнихъ изыщныя качества Россійскаго народа, неустрашимое его мужество въ войнѣ, непоколебимую его вѣрность и усердіе къ отечеству, а съ другой стороны плодородіе и почти во всемъ изобиліе пространныхъ Россійскихъ земель, и, наконецъ, надежные отечества нашего достатки и сокровища, кои оно въ вѣдрахъ своихъ сохраняетъ, такъ что нѣтъ нужды думать о награжденіи какихъ-либо недостатковъ постороннею помощью, а толь меньше вымышленными человѣческою хитростію способами, но когда только употребленъ будетъ небольшой трудъ и прилежаніе, то сверхъ того удовольствованія можно еще избытками помогать другимъ народамъ». Выборъ нужныхъ для его высочества наукъ и знаній и порядокъ ихъ преподаванія предоставлены были опытности, благоразумію и дознанному искусству воспитателя ¹⁾.

По достиженіи цесаревичемъ, въ 1768 году, 14-лѣтняго возраста, согласно воспитательному плану Н. И. Панина наступило время приступить къ прямой государственной наукѣ, то-есть: къ познанію коммерціи, казенныхъ дѣлъ, политики внутренней и вѣшной, войны морской и сухопутной, учрежденія мануфактуръ и фабрикъ и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства, его силу и славу монаршу. Съ этою, очевидно, цѣлью одинъ изъ лучшихъ наставниковъ цесаревича, С. А. Порошинъ, готовилъ для своего ученика сочиненіе подъ заглавіемъ: «Государственный механизмъ», но, къ сожалѣнію, въ это время Порошинъ, по придворнымъ интригамъ, былъ устраненъ отъ обязанностей наставника и удаленъ отъ двора цесаревича, вслѣдствіе чего прекратилось и веденіе интереснаго дневника Порошина, а такимъ образомъ осталось неизвѣстнымъ, какъ была осуществлена программа государственныхъ наукъ Н. И. Панина ²⁾. Хотя впоследствии Павелъ обнаружилъ всего болѣе склонности къ военному дѣлу, и при томъ болѣе къ вѣшной его сторонѣ, несмо-

¹⁾ Императоръ Павелъ Первый, Н. К. Шильдера. Приложенія, стр. 513—514.

²⁾ Императоръ Павелъ I, Н. К. Шильдера. Спб. 1901 г., стр. 55.

тря на мѣры, принятыя Панинымъ для ослабленія этой природной его склонности, тѣмъ не менѣе, по отзыву всѣхъ современниковъ, Павелъ былъ очень образованъ, хорошо знакомъ съ исторіей и, вѣроятно, не чуждъ былъ и нѣкоторыхъ политико-экономическихъ познаній того времени. Во всякомъ случаѣ интересъ, проявленный имъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, къ учрежденію Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, къ упорядоченію начавшагося при Екатеринѣ переселенія иностранныхъ колонистовъ въ Россію и, наконецъ, къ болѣе правильному устройству внутренняго управленія крестьянскаго сословія, особенно продовольственной части, достаточно свидѣтельствуютъ о благонамѣренныхъ стремленіяхъ Павла къ исправленію тѣхъ неурядицъ внутренняго управленія Имперіи, которыя ускользали отъ вниманія мудрой Екатерины, будучи заслоняемы болѣе обширными государственными заботами.

Всего вѣроятнѣе, что мысль объ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства принадлежала софійскому протоіерею г. Павловска, А. А. Самборскому. Будучи близкимъ къ цесаревичу лицомъ, потому что онъ сопровождалъ его въ 1781 году въ заграничное путешествіе, и въ то же время страстнымъ поклонникомъ англійскаго земледѣлія, съ успѣхами котораго онъ лично ознакомился во время пребыванія своего въ Англии и составилъ сочиненіе объ этомъ предметѣ, изданное въ 1787 году,—Самборскій могъ легко внушить, въ 1797 г., Павлу Петровичу мысль объ основаніи учрежденія, которое соотвѣтствовало бы возникшему въ 1793 году въ Англии: «Board of Agriculture», по инициативѣ извѣстныхъ англійскихъ агрономовъ Артура Юнга и Джона Синклера.

По указу 4-го марта 1797 г. Экспедиція должна была состоять изъ двухъ сенаторовъ и четырехъ членовъ; на содержаніе Экспедиціи назначено было 37.450 р. ¹⁾ Съ присоединеніемъ лѣснаго управленія къ Экспедиціи, она была усилена однимъ членомъ по лѣсной части съ канцеляріей изъ 13 лицъ и съ отпускомъ 5.825 р. ²⁾ На содержаніе географическаго департамента, по штату, высочайше утвержденному 17-го августа 1797 г., назначено было 7.000 р. ³⁾ Такимъ образомъ

¹⁾ Въ томъ числѣ сенаторамъ: первому 3.000 р., второму 2.500 р., четыремъ членамъ по 1.875 р., правителю канцеляріи 1.500 р., четыремъ секретарямъ и экзекутору по 750 р., на переводчиковъ, регистраторовъ, архивариуса и прочихъ канцелярскихъ служителей и сторожей 15.000 р., 12-ти юнкерамъ по 100 р. и на канцелярскіе расходы 3.000 р. (И. С. З., т. XLIV, ч. 2, книга штатовъ. Штатъ Экспедиціи къ № 17866).

²⁾ И. С. З., т. XXV, № 18429 и т. XLIV, ч. 2, книга штатовъ, къ № 18429.

³⁾ И. С. З., т. XLIV, ч. 2-я, № 18100. Сумма 7.000 р. распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: совѣтнику 800 р., географу съ помощникомъ 900 р., тремъ учителямъ для черченія ландкартъ, плановъ, чертежей къ учебнымъ кни-

общая сумма расходовъ на содержаніе Экспедиціи Государственнаго Хозяйства въ 1797 году простиралась до 50.275 р. По обращеніи въ 1798 г. всѣхъ казенныхъ лѣсовъ въ вѣдѣніе адмиралтействъ коллегіи ¹⁾, и по возвращеніи географическаго департамента, въ вѣдѣніе собственнаго его величества депо-картъ ²⁾, составъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства былъ сокращенъ съ 1-го января 1802 года, а штатъ ея уменьшенъ до 24.275 р. ³⁾.

Экспедиція, какъ учрежденная при Сенатѣ, была поставлена подъ главное вѣдѣніе генераль-прокурора, который обязанъ былъ содѣйствовать успѣшной ея дѣятельности и представлять выработанныя ею постановленія по части хозяйственнаго благоустройства на высочайшее благоусмотрѣніе.

О первыхъ начинаніяхъ Экспедиціи мы узнаемъ изъ именнаго указа, объявленнаго генераль-прокуроромъ 30-го апрѣля 1797 г. ⁴⁾, при чемъ въ первомъ пунктѣ этого указа сказано, что государь императоръ «удостоилъ всемилостивѣйшаго благоволенія приступить къ важному столь предмету и начальныя упражненія Экспедиціи». Изъ остальныхъ четырехъ пунктовъ видно, что вниманіе Экспедиціи на первыхъ порахъ сосредоточилось на попеченіи объ иностранныхъ колонистахъ и на вопросѣ объ устройствѣ практической школы земледѣлія.

Экспедиція оставалась въ непосредственномъ завѣдываніи генераль-прокурора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князя Алексѣя Борисовича Куракина 2-го, до 8-го августа 1798 года, когда однимъ указомъ князь Куракинъ былъ освобожденъ отъ нѣкоторыхъ изъ порученныхъ ему дѣлъ, а другимъ Сенату повелѣно было принять въ свое попеченіе всѣ хозяйственныя заведенія по всему государству и, рассмотрѣвъ пользу, какую они приносили и могутъ приносить въ будущемъ, представить на высочайшее утвержденіе нужныя по сему распоряженія ⁵⁾.

Изъ представленнаго Сенатомъ и утвержденнаго 10-го октября 1799 г. доклада ⁶⁾ видно, что Сенатъ призналъ дѣятельность Экспедиціи по объединенію всѣхъ отраслей государственнаго хозяйства весьма полез-

---

гамъ, архитектурныхъ плановъ, профилей, фасадовъ, ландшафтовъ и пр. 1.250 р., шести граверамъ и словорѣзамъ 1.700 р., секретарю, онъ же смотритель и бухгалтеръ 450 р., мастеру при печатаніи картъ 120 р., вольному работнику къ фигурному стану 80 р., двумъ сторожамъ 20 р., на наемъ дома съ отопленіемъ и освѣщеніемъ 900 р., на покупку матеріаловъ и инструментовъ 680 р.

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18533, 20-го мая 1798 г.

²⁾ П. С. З., XXVI, № 19607, им. ук. 18-го октября 1800 г.

³⁾ П. С. З., т. XXVI, № 20082, дек. 19—1801.

⁴⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17946.

⁵⁾ Оба указа напечатаны въ „Сенатскомъ Архивѣ“, I, стр. 425 и 426.

⁶⁾ П. С. З., т. XXV, № 19147.

ною, а всѣ распоряженія къ усовершенствованію ввѣренныхъ Экспедиціи заведеній и по опекѣ надъ иностранными поселенцами вполнѣ цѣлесообразными, но такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ распоряженій оправдались уже на опытѣ, то Сенатъ предложилъ съ своей стороны лишь немногія постановленія, о которыхъ будетъ упомянуто ниже въ своемъ мѣствѣ.

По всѣмъ дѣламъ, производившимся въ Экспедиціи, составлялись обстоятельные доклады и журналы, какъ принято въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, восходившіе по болѣе важнымъ вопросамъ на разсмотрѣніе Сената, по заключеніямъ котораго полагались высочайшія резолюціи. Высочайшая воля объявлялась Экспедиціи или генераль-прокуроромъ, или именными указами Сенату, а иногда и Экспедиціи непосредственно.

Съ самаго начала въ составъ Экспедиціи были привлечены выдающиеся люди того времени. Старшимъ сенаторомъ назначенъ былъ А. В. Храповицкій, извѣстный литераторъ и дѣлецъ XVIII вѣка, другъ Державина и Дмитріева, исполнявшій съ 1782 до 1793 года обязанности личнаго секретаря при императрицѣ Екатеринѣ II. Уволенный отъ этихъ обязанностей, какъ думаютъ нѣкоторые біографы Храповицкаго, за веденіе своего «Дневника», Храповицкій былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ. Неблаговоленіе государыни въ послѣдніе годы къ своему секретарю было, безъ сомнѣнія, извѣстно императору Павлу, а посвященіе ему А. В. Храповицкимъ оды по случаю восшествія императора на престолъ, при чемъ вскользь упомянуто было и о томъ, что крестнымъ отцомъ Храповицкаго былъ Петръ III, не могли не обратить вновь вниманія императора на Александра Васильевича. Награжденный въ день коронаціи орденомъ Анны 1-й степени и имѣніемъ въ 600 душъ, Храповицкій призванъ былъ 4-го марта 1797 г. принять главное завѣдываніе экспедиціями и, по отзыву современниковъ, занимался очень дѣятельно, не рѣдко самъ сочинялъ сенатскіе рапорты и доклады государю, и вообще пользовался въ Сенатѣ большимъ вліяніемъ. Должность старшаго члена Экспедиціи онъ занималъ до 26-го октября 1800 г. ¹⁾, когда былъ отставленъ отъ службы и замѣненъ оберъ-прокуроромъ Пуцинымъ, съ оставленіемъ послѣдняго въ прежней должности. Храповицкій умеръ 29-го декабря 1801 г. и незадолго до смерти, при Александрѣ I, былъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника ²⁾.

¹⁾ „Сенатскій Архивъ“, I, стр. 665.

²⁾ Свѣдѣнія объ А. В. Храповицкомъ извлечены изъ его біографіи, составленной Н. Барсуковымъ и приложенной къ дневнику А. В. Храповицкаго, изд. А. Ф. Глазунова, 1874 г.

Вторымъ сенаторомъ въ Экспедицію былъ назначенъ тайный совѣтникъ П. П. Тарбѣевъ. Начавъ службу въ гвардіи въ 1761 году, онъ состоялъ въ чинѣ генераль-маіора съ 1783 г. до начала 1785 года, сперва с.-петербургскимъ оберъ-полицмейстеромъ, а затѣмъ губернаторомъ въ той же губерніи, съ 1785 г. былъ не у дѣлъ съ жалованьемъ; въ 1796 г. 20-го декабря пожалованъ былъ чиномъ тайнаго совѣтника и званіемъ сенатора, а въ 1797 г. назначенъ членомъ Экспедиціи. По увольненіи Храповицкаго, Тарбѣевъ остался завѣдующимъ Экспедиціей до присоединенія ея къ министерству внутреннихъ дѣлъ въ 1802 году. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ и довѣріемъ своихъ современниковъ. 25-го декабря 1796 г. онъ былъ назначенъ въ комиссію для раскрытія злоупотребленій по строенію южныхъ крѣпостей и одесскаго порта, по доносу контролера Иванова; въ 1798 г. былъ командированъ въ Лифляндію, для прекращенія скотскаго падежа; въ 1800 году осматривалъ нѣкоторые присутственныя мѣста С.-Петербургской губерніи, былъ избираемъ графиней Матюшкиной, вдовой оберъ-гофмейстера, и вдовой генерала графа Потемкина, попечителемъ ихъ имѣній, для расплаты съ кредиторами, съ правомъ продавать и закладывать для этой цѣли ихъ имѣнія. Тарбѣевъ былъ человекъ недостаточнаго состоянія, жилъ однимъ жалованьемъ и, хотя въ ноябрѣ 1800 г. ему было пожаловано 5.000 к. с. земли въ Саратовской губерніи, однако онъ этого отвода, повидимому, не дождался, такъ какъ, по неудобству для заселенія назначенной ему земли и по просьбѣ его о замѣнѣ ея другою, переписка по этому предмету тянулась еще въ 1808 г. и даже дѣло доходило до общаго собранія Сената. Тарбѣевъ умеръ въ іюль 1810 г. и погребенъ на счетъ суммы 1.000 р., отпущенной изъ Кабинета, по ходатайству министра юстиціи Дмитріева ¹⁾).

Четыре члена Экспедиціи, назначенные сверхъ двухъ сенаторовъ, были: 1) Софійскій протоіерей Самборскій; 2) дѣйствительный статскій совѣтникъ Хитрово, служившій въ правленіи заемнаго банка; 3) статскій совѣтникъ Габлицъ, состоявшій при генераль-прокурорѣ по хозяйственной части, и 4) бывший директоръ домоводства С.-Петербургской губерніи коллежскій совѣтникъ Татариновъ.

Изъ четырехъ членовъ мы остановимся на двухъ, болѣе выдающихся и болѣе дѣятельныхъ по Экспедиціи, на протоіерея Самборскомъ и на Габлицѣ.

¹⁾ Свѣдѣнія о сенаторѣ П. П. Тарбѣевѣ частію извлечены изъ „Сенатскаго Архива“, I, стр. 48, 53, 87, 397, 437 и 676, и изъ подлинныхъ сенатскихъ дѣлъ о сенаторѣ Тарбѣевѣ, доставленныхъ намъ сенаторомъ Гр. К. Рѣпинскимъ, частію сообщены секретаремъ, И. Р. Историческаго общества Г. Ѳ. Штендманомъ.

Софійскій протоіерей Андрей Аванасьевич Самборскій долгое время состоялъ при русской миссіи въ Лондонѣ, по возвращеніи же въ Россію былъ протоіереемъ Софійскаго собора въ Павловскѣ, въ 1781 году сопровождалъ цесаревича во время его заграничной поѣздки, съ 1784 года преподавалъ законъ Божій и англійскій языкъ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ и великимъ князьямъ, за что и былъ награжденъ, 4-го марта 1797 г., одновременно съ назначеніемъ его членомъ Экспедиціи, пожалованіемъ ему въ вѣчное и потомственное владѣніе имѣнія Стратилатовка, въ Изюмскомъ уѣздѣ, Слободскоукраинской губерніи, съ 500 душъ, со всѣми угодьями, и сверхъ того со смежнымъ казеннымъ Захарьевскимъ лѣсомъ въ количествѣ 1.224 десят.

Протоіерей Самборскій считался въ то время «мужемъ испытаннымъ въ сельскомъ хозяйствѣ», а потому его непосредственному попеченію поручено было устройство первой земледѣльческой школы. Въ августѣ 1799 г. Самборскій, по случаю назначенія его домовымъ священникомъ и духовникомъ великой княгини Александры Павловны, вышедшей за эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго, былъ уволенъ изъ членовъ Экспедиціи и замѣненъ камергеромъ Бакунинымъ, которому также поручено было непосредственное завѣдываніе практической школою земледѣлія ¹⁾.

Другимъ выдающимся и дѣятельнымъ членомъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства былъ Карлъ Ивановичъ Габлицъ (р. 1752† 1821). Онъ получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, сопровождалъ академика Гмелина въ его поѣздкѣ по Волгѣ, Каспійскому и Азовскому морьямъ (1769—1773) и занимался ботаническими изслѣдованіями. Въ 1774 г. онъ объѣхалъ Гилянскія горы и представилъ Академіи наукъ свои описанія и коллекціи; въ 1776 г. былъ назначенъ директоромъ Астраханской конторы; въ 1781—82 гг. участвовалъ въ экспедиціи подъ начальствомъ графа Войновича для учрежденія удобнаго порта на Каспійскомъ морѣ и оставилъ журналъ этой экспедиціи. Въ 1784 г. Потемкинъ поручилъ Габлицу составить физическое описаніе Крыма; въ 1785 г. онъ былъ опредѣленъ совѣтникомъ таврической уголовной палаты, въ 1786 г.—директоромъ экономіи, въ 1788—таврическимъ вице-губернаторомъ, а въ 1797 г.—членомъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства и товарищемъ управляющаго удѣлами. Въ 1803 г., по присоединеніи Экспедиціи къ министерству внутреннихъ

¹⁾ Свѣдѣнія о протоіерей Самборскомъ заимствованы изъ брошюры: „Протоіерей А. А. Самборскій, законоучитель императора Александра I“. Свящ. Н. Стеллецкаго, изъ именныхъ указовъ Павла I, въ „Сенатскомъ Архивѣ“, I, стр. 127, 237 и 550 и изъ сочиненій Н. К. Шильдера: Императоръ Александръ I, и Императоръ Павелъ I.

дѣль, Габлицъ былъ управляющимъ этою Экспедиціею и директоромъ государственныхъ лѣсовъ. Въ 1808 г. онъ уволенъ, по болѣзни, отъ этой должности, назначенъ сенаторомъ и состоялъ членомъ комитета по дѣламъ таврической губерніи ¹⁾).

Въ личномъ составѣ членовъ Экспедиціи происходили довольно частыя перемѣны ²⁾).

24-го декабря 1797 г. коллежскій совѣтникъ Татариновъ назначенъ былъ петербургскимъ вице-губернаторомъ, а его мѣсто занялъ находившійся не у дѣль кол. сов. Полторацкій; но и Полторацкій уволенъ былъ 12-го сентября 1798 г. Въ концѣ 1798 г. въ Экспедиціи оказались уже двѣ ваканціи: одна Полторацкаго, а другая, вѣроятно, Хитрово, о времени увольненія котораго мы указа не нашли; ваканціи эти были замѣщены, одна — 13-го ноября 1798 г. кол. сов. Озеровымъ, а другая — 5-го декабря, того же года д. ст. сов. Лефеберомъ. Сверхъ того, изъ указа, даннаго Сенату 21-го августа 1797 г., видно, что въ то время членомъ Экспедиціи состоялъ д. ст. сов. Львовъ ³⁾).

11-го августа 1799 г. на мѣсто уволеннаго члена Самборскаго назначенъ былъ дѣйствительный камергеръ Бакунинъ, которому поручено непосредственное завѣдываніе практическою школою земледѣлія. Съ передачею школы, въ октябрѣ 1799 г., въ вѣдомство удѣловъ, туда же перешелъ и Бакунинъ, и, въ качествѣ главнаго директора школы, 23-го іюня 1800 г. былъ пожалованъ въ тайные совѣтники.

Въ февралѣ 1800 г. Озеровъ былъ перемѣщенъ въ лѣсной департаментъ, а на его мѣсто, членомъ Экспедиціи назначенъ былъ служившій въ канцеляріи генераль-прокурора, надворный совѣтникъ Вольфт.

28-го марта 1800 г., членомъ Экспедиціи назначенъ былъ числившійся при герольдіи кол. асс. Джунковскій, произведенный по этому случаю въ надворные совѣтники.

¹⁾ Габлицу принадлежатъ слѣдующія сочиненія: 1) „Физическое описаніе Таврической области по ея мѣстоположенію и по всѣмъ тремъ царствамъ природы“. Спб. 1785 (переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки). 2) „Наставленіе о разведеніи въ Россіи кунжутнаго сѣмени и дѣланіе изъ онаго масла“, Спб. 1801. 3) „Географическія извѣстія, служащія къ объясненію прежняго состоянія нынѣшней Таврической губерніи, собранныя изъ разныхъ древнихъ и среднихъ временъ писателей“. Спб. 1803. 4) „Историческій журналъ бывшей 1781 и 1782 годовъ на Каспійскомъ морѣ россійской эскадры подъ командою графа Войновича“. М. 1809. Свѣдѣнія о И. И. Габлицѣ извлечены изъ краткаго описанія его жизни и службы, „Сынъ Отечества“, 1821, т. 73, №№ 43 и 44 и изъ „Словаря русскихъ свѣтскихъ писателей“ митрополита Евгенія.

²⁾ Помѣщаемыя здѣсь свѣдѣнія о времени назначенія и увольненія разныхъ членовъ Экспедиціи извлечены изъ именныхъ указовъ императора Павла I, напечатанныхъ въ изданіи: „Сенатскій Архивъ“, I, 1888 г.

³⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18103.

При увольнении А. В. Храповицкаго, 26-го октября 1800 г., въ Экспедицію назначень былъ оберъ-прокуроръ Сената Пущинъ съ сохраненіемъ должности оберъ-прокурора.

14-го февраля 1801 г. Лефевръ былъ уволенъ по прошенію и замѣненъ находившимся не у дѣлъ д. ст. сов. Похвисневымъ.

При сокращеніи штата Экспедиціи въ декабрѣ 1801 г. она состояла изъ управляющаго Экспедиціей, сенатора Тарбѣва, его товарища тайнаго совѣтника Габлица и изъ трехъ членовъ: д. ст. сов. Похвиснева, кол. сов. Вольфа и над. сов. Джунковскаго. Д. ст. сов. Пущинъ былъ оставленъ за штатомъ, съ выдачею ему, не въ зачетъ, единовременно годоваго оклада—2.500 р. и съ тѣмъ, чтобы быть опредѣленнымъ предпочтительно предъ прочими къ соотвѣтственной должности ¹⁾.

Дѣятельность Экспедиціи Государственнаго Хозяйства была кратковременна, но очень разнообразна, и хотя результаты ея не по всѣмъ частямъ вѣдѣнія оказались успѣшными, тѣмъ не менѣе она осталась не безслѣдною въ исторіи русскаго сельскаго хозяйства. За Экспедиціею навсегда сохранится честь почина по многимъ важнымъ вопросамъ государственнаго хозяйства, получившимъ болѣе широкое и правильное развитіе лишь впоследствии, когда явилась бдльшая потребность и большее сознаніе въ необходимости образованія и практичнаго опыта, и правительственной поддержки. Отрывочныя указанія въ нѣкоторыхъ официальныхъ изданіяхъ не дають яснаго и полнаго понятія о дѣятельности Экспедиціи Государственнаго Хозяйства; чтобы оцѣнить эту дѣятельность, нужно обозрѣть ее во всей совокупности, по сохранившимся актамъ, частію напечатаннымъ въ Полномъ собраніи законовъ, частію же хранящимся подъ спудомъ архивовъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы дѣлаемъ подобную попытку, опираясь какъ на указанные печатные акты, такъ и на дѣла Экспедиціи, переданныя въ 1836 г. изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ учреждавшееся министерство государственныхъ имуществъ. Нѣкоторыя стороны малоизвѣстной дѣятельности Экспедиціи были отчасти затронуты въ интересной брошюрѣ г. Берендса, «*Volks- und Staatswirtschaftliche Awohauungen in Russland auf der Grenzscheide des 18 und 19 Jahrhunderts. Archivalische Studie von Eduard Berendts*». St. Petersburg, 1888. Г. Берендсъ ограничился, впрочемъ, лишь изложеніемъ и оцѣнкою только нѣкоторыхъ проектовъ, представленныхъ въ Экспедицію, по разнымъ экономическимъ вопросамъ.

¹⁾ На томъ же основаніи были оставлены за штатомъ и нѣкоторые чиновники канцеляріи Экспедиціи, съ полученіемъ годовыхъ окладовъ, въ общей суммѣ 6.410 р., изъ прибылей, получаемыхъ Экспедиціей отъ заготовленія гербовой бумаги для векселей и заемныхъ писемъ. П. С. З., т. XXVI, № 20082.

Группируя всё предметы, которыхъ коснулась дѣятельность Экспедиціи, на сколько она намъ извѣстна, ее можно подвести подъ слѣдующія главные рубрики, которыхъ мы и будемъ держаться при дальнѣйшемъ изложеніи:

1) Попеченіе о развитіи земледѣлія, преимущественно путемъ распространенія теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній; 2) обезпеченіе народнаго продовольствія, посредствомъ устройства хлѣбныхъ магазиновъ; 3) организація внутренняго порядка въ казенныхъ селеніяхъ; 4) надѣлъ однодворцевъ землею; 5) попеченіе объ иностранныхъ колоніахъ; 6) упорядоченіе лѣсной части; 7) попеченіе о развитіи разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, каковы: скотоводство, овцеводство, шелководство, виноградарство, а также распространеніе разныхъ полезныхъ растений; 8) дѣятельность по развитію картографической части и 9) разсмотрѣніе разныхъ вопросовъ государственнаго хозяйства.

В. Вешняковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новороссійскій край въ 1816 году.

Высочайшее повелѣніе министру финансовъ.

4-го мая 1816 года № 66.

Флигель-адъютантъ Киселевъ, по возвращеніи изъ Новороссійскаго края, донесъ мнѣ между прочимъ: 1) что казенные лѣса ежегодно болѣе и болѣе истребляются; 2) что недостатокъ въ мѣдной монетѣ крайне ощутителенъ: у откупщиковъ вымѣниваютъ ее, платя отъ 15-ти до 25-ти копѣекъ съ рубля, а въ Бессарабіи по 40 копѣекъ; 3) что при весьма маломъ заселеніи Новороссійскаго края, казенные крестьяне нуждаются землею отъ приумноженія жителей, отъ сосѣднихъ помѣщиковъ и отъ нарѣзки казною земель въ такой отдаленности отъ селеній, что крестьяне обрабатывать ее не въ состояніи, для чего и нужно или сдѣлать новый раздѣлъ по числу наличныхъ душъ, или расселить крестьянъ по удобствамъ земель.

Я повелѣваю вамъ обратить вниманіе на предметы сіи и о мѣрахъ исправленія доносить мнѣ чрезъ Комитетъ министровъ.

Николай Ивановичъ Тургеневъ

ВЪ СВОЕМЪ ОПРАВДАНИИ.

(Изъ бумагъ Павла Васильевича Жуковского).

III 1).

«Полковникъ Бурцовъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Комаровымъ, привезъ Тульчинской управѣ извѣстiе о разрушенiи Союза Благоденствiя и долженъ былъ представить ей письменное сообщенiе отъ предсѣдателя московскаго съѣзда. Но уже зная все по слухамъ, Пестель и Юшневскiй на предварительномъ совѣщанiи условились: во-первыхъ, не признавать общества разрушеннымъ; во-вторыхъ, воспользоваться симъ случаемъ, чтобы удалить всѣхъ слабосердыхъ, представя имъ опасности и трудность предпрiятiя».

Я ничего не зналъ о происходившемъ въ Тульчинѣ до чтенiя Донесенiя, точно такъ же, какъ мнѣ неизвѣстны имена почти всѣхъ тѣхъ лицъ, о коихъ здѣсь упоминается. Но все же я скажу, хотя это замѣчанiе не имѣетъ само по себѣ никакого значенiя и свидѣтельствуетъ только о сбивчивости показанiй, данныхъ обвиняемыми, что я никогда не разсылалъ никакого письменнаго извѣщенiя о распущенiи общества, если только подъ словомъ «предсѣдатель» подразумѣваютъ меня.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что Пестель и Юшневскiй, главные члены южнаго общества, были вполне убѣждены въ томъ, что московское общество было распущено дѣйствительно, а не только для вида.

Справедливость этого подтверждается показанiемъ Никиты Му-

1) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 года.

равьева. По его словамъ, общество было по крайней мѣрѣ совершенно разстроено, что равносильно распущенію. «Большая часть членовъ изъ него вышло», говоритъ онъ. Но кто же изъ нихъ остался, спрашиваю я.

Въ особенности гдѣ они остались? «Оставшіеся въ управѣ, не имѣя между собою связи, не имѣя никакого устава и общаго управленія, не знали, чего хотѣли, или не могли дать себѣ отчета въ своихъ желаніяхъ», продолжаетъ онъ. Не есть ли это картина распада общеста, которую онъ тутъ начерталъ? Я понимаю, почему онъ не употребилъ слово *распущеніе*. Потому что въ сущности нечего было *распускать*, по той простой причинѣ, что *ранѣе* ничего не было создано. Подмѣтилъ ли читатель, просматривая Донесеніе, что правленія когда-либо были *связаны* между собою, имѣли какую-либо *цѣль* и знали, чего они хотятъ.

Далѣе въ Донесеніи говорится:

«Только въ исходѣ 1822 года Петербургское или Сѣверное общество снова образовалось» ¹⁾).

Въ этомъ мѣстѣ читатель находитъ выноску, содержаніе которой показалось даже самому редактору столь ничтожнымъ, что онъ не включилъ ее въ текстъ. Но я нахожу, что это примѣчаніе имѣло для меня самое пагубное значеніе. Вотъ что говорится въ этомъ примѣчаніи:

Одинъ изъ обвиняемыхъ, Семеновъ, показалъ:

1-е, что по возвращеніи своемъ изъ Москвы въ 1821 г. (это было въ началѣ года, такъ какъ я помню, что я пріѣхалъ въ саняхъ, слѣдовательно, еще зимою), *заявлялся учрежденіемъ новаго общества*;

2-е, что я предлагалъ вступить въ него тремъ лицамъ: ему, Семенову, князю Оболенскому и полковнику Нарышкину;

3-е, что я привлекъ въ общество трехъ человекъ: Митькова, Якова Толстаго и Миклашевскаго;

4-е, что дѣятельность этого общества вскорѣ прекратилась;

5-е, Семенову не извѣстно, имѣло ли это общество уставъ;

6-е, онъ былъ такъ добръ присовокупить, что я никогда не высказывалъ преступныхъ замысловъ противъ императорской фамиліи.

---

¹⁾ Титулярный совѣтникъ Семеновъ показываетъ, что Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 году, начиналъ изъ нѣкоторыхъ членовъ уничтоженнаго съѣзда составлять новое тайное общество; въ оное приглашалъ прежнихъ, князя Оболенскаго, полковника Нарышкина и его, Семенова, да принималъ полковника Митькова, Якова Толстаго и Миклашевскаго. Вскорѣ потомъ гвардія выступила въ походъ, и дѣянія общества прекратились. Семеновъ не знаетъ, имѣло ли оно уставъ; онъ прибавляетъ, что ни Тургеневъ, ни другіе члены сего общества не обнаруживали при немъ (Семеновѣ) злодѣйственныхъ намѣреній противъ императорской фамиліи.

Я начинаю свое возраженіе на эти обвиненія нѣсколькими вопросами:

1-е, каковъ былъ характеръ этого общества? какова была его цѣль, средства? этого никто не знаетъ. Кромѣ этого примѣчанія объ этомъ не встрѣчается ни малѣйшаго намека во всемъ дальнѣйшемъ Донесеніи. Самому Семенову, давшему показаніе объ этомъ, также ничего не извѣстно; по его словамъ, онъ не знаетъ даже, имѣло ли общество уставъ.

Сдѣлало ли что-нибудь это общество, дѣятельность котораго вскорѣ прекратилась? По словамъ показывающаго, вся дѣятельность, всѣ дѣйствія общества ограничились тѣмъ что его учредитель привлекъ къ нему трехъ лицъ;

2-е, да существовало ли когда-нибудь это общество?

Въ Донесеніи объ этомъ не упоминается. Все то, что редакторъ говоритъ объ этомъ, какъ бы мимоходомъ, заключается въ этомъ примѣчаніи! Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ остальныхъ, легкомысленное отношеніе Донесенія доходитъ до жестокости.

Въ замѣткѣ, о которой я говорю въ моемъ заключеніи, сказано, что двое членовъ, привлеченныхъ мною въ общество, заявили, что они были приняты мною. Но въ какое общество? Въ то ли общество, которое, какъ я сказалъ, никогда не существовало или въ то, которое было распущено?

Что касается одного изъ этихъ господъ, Миклашевскаго, то я никакъ не могу понять, о какомъ вступленіи и о какомъ обществѣ онъ говоритъ и едва помню его самого. Что касается втораго, Митькова съ которымъ я впоследствии близко сошелся въ Карлсбадѣ, то я помню, что давалъ ему читать, по его настоятельной просьбѣ, уставъ распущеннаго общества или «Зеленую книгу», которую я взялъ для этой цѣли у кого-то на время. Но это происходило тогда, когда общество еще существовало; когда же оно было распущено, то ни о какомъ вступленіи въ него, если это совершилось въ 1822 г., разумѣется, не могло быть и рѣчи.

Слѣдовательно, Никита Муравьевъ, единственный человѣкъ, называющій меня однимъ изъ учредителей общества, присовокупляетъ, что я не принималъ въ него новыхъ членовъ.

Прочія лица, указанная Семеновымъ: Оболенскій и Нарышкинъ ничего не говорятъ по этому поводу.

Я особенно настаиваю на томъ, что годомъ основанія общества названъ 1821 годъ. Выше мы видѣли, что новое Петербургское или Сѣверное общество организовалось только въ исходѣ 1822 г. Изъ этого слѣдуетъ, что это были два различныхъ общества и между основаніемъ того и другаго прошло два года; слѣдовательно, обвиненія, касающіяся

одного изъ нихъ, не могутъ относиться къ другому и обратно. Между тѣмъ на этомъ показаніи основана замѣтка, извлеченная изъ Донесенія, въ которой не дѣлается различія между этими двумя обществами и меня обвиняютъ и въ учрежденіи, и въ возстановленіи общества, и въ томъ, что я привлекалъ въ него членовъ и самъ былъ его членомъ, какъ будто каждый изъ этихъ фактовъ относится къ одному и тому же обществу.

Возвращаясь къ тексту Донесенія, читатель наталкивается снова на примѣчаніе, въ которомъ говорится, что:

Главными изъ основателей или возобновителей этого новаго общества, учрежденнаго въ 1822 году, были, по показанію одного изъ обвиняемыхъ (Никиты Муравьева), кромѣ него князь Оболенскій и я.

Но къ этому прибавлено, что я воздерживался отъ принятія новыхъ членовъ. Это послѣднее обстоятельство показываетъ, что тутъ видимо подразумѣвается другое общество, а не то, о которомъ я говорю.

Далѣе говорится, что я отказался отъ должности предсѣдателя этого общества и такъ какъ это замѣчаніе связано съ именемъ князя Оболенскаго, то надобно думать, что оно сдѣлано имъ.

Таковы показанія моихъ двухъ такъ называемыхъ сотоварищей, которые противорѣчатъ другъ другу. Безпристрастный читатель, конечно, обратитъ вниманіе на то обстоятельство, что эти господа, говоря о томъ, чего я не дѣлалъ, и упоминая объ обязанностяхъ, отъ которыхъ я уклонялся, не говорятъ, что я сдѣлалъ и какія обязанности несъ.

Къ чему сводятся доказательства, на основаніи которыхъ утверждаютъ, будто я участвовалъ въ учрежденіи новаго общества? Къ простому показанію Никиты Муравьева, не подтвержденному никакимъ доказательствомъ, никакими данными, и которое не объясняетъ, въ чемъ именно состояла моя дѣятельность. Если судить по Донесенію, то оказывается, что я принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи общества. Выше мы видѣли, что я былъ занятъ учрежденіемъ общества въ 1821 г., а, слѣдовательно, въ 1822 г. учреждалъ другое общество и вмѣстѣ съ тѣмъ отказался отъ должности предсѣдателя этого общества! Это дѣятельное участіе въ учрежденіи обществъ и одновременное уклоненіе отъ управленія ими довольно курьезно, чтобы не сказать противорѣчиво.

Дѣло въ томъ, что я не только не участвовалъ въ учрежденіи этого новаго общества, но что, до отъѣзда своего изъ Россіи, я даже не зналъ о томъ, было ли учреждено какое-нибудь новое общество.

Но могутъ мнѣ возразить, что показаніе Никиты Муравьева весьма важно. Дѣйствительно, оно казалось мнѣ серьезной загадкой въ то время, когда я былъ занятъ составленіемъ моихъ предъидущихъ записокъ; оно имѣло для меня особенное значеніе потому, что это показа-

ніе было сдѣлано Никитою Муравьевымъ, которому было хорошо извѣстно, какъ мало значенія я придавалъ тайнымъ обществамъ, и который часто видѣлъ, какъ я смѣялся надъ ними и самъ верѣдко смѣялся вмѣстѣ со мною. Какъ могло случиться, думалъ я, что человекъ говорить не только то, что не согласно съ истиною, но даже какъ разъ противное тому, что ему извѣстно! Я не пытался объяснить это или высказать по этому поводу какой-либо догадки, а только заявилъ, что я этого совершенно не понимаю, и умолялъ попросить Муравьева подтвердить свои слова и объяснить свое показаніе.

Нѣсколько лѣтъ спустя мнѣ передавали, что Никита Муравьевъ заявилъ роднымъ, что все то, что онъ говорилъ обо мнѣ, не правда. Нѣсколько времени спустя мнѣ сообщили, что его жена (которую я могу теперь назвать не компрометируя, такъ какъ ея уже нѣтъ на свѣтѣ) говорила неоднократно, что ея мужъ часто высказывалъ, что хотя онъ и далъ показанія противъ меня, и подписалъ эти показанія, но они ложны и что онъ находился въ такомъ состояніи, когда онъ не повиновался, что говорилъ.

Очевидно, я не могъ дать рѣшительно никакого объясненія на столь туманное и крайне не правдоподобное обвиненіе. При томъ справедливость обвиненія должна быть доказана тѣмъ лицомъ, которое обвиняетъ; обвиняемому же нѣтъ надобности доказывать неосновательность обвиненія. Скажу только, что никакой законъ въ мірѣ не призналъ бы достаточнымъ это единичное обвиненіе.

Въ примѣчаніи, о которомъ я говорю въ своемъ заключеніи, указаны еще нѣкоторые лица, будто бы обвинявшія меня въ общихъ чертахъ въ томъ, что я возстановилъ общество; это князь Трубецкой, Орловъ и Матвѣй Муравьевъ.

Весьма вѣроятно, что эти показанія не имѣютъ между собою ничего общаго: въ примѣчаніи не говорится даже, о какомъ именно обществѣ тутъ идетъ рѣчь; между тѣмъ на этомъ замѣчаніи основанъ мой приговоръ! Такъ, напр., очевидно, что показаніе Орлова свидѣтельствуется только о томъ, что я думалъ основать вмѣстѣ съ нимъ общество до моего поступленія въ общество «Зеленой книги». Его показаніе не можетъ относиться ко второму обществу, такъ какъ изъ Донесенія ясно видно, что я вступилъ въ общество долгое время спустя послѣ его учрежденія. Это показаніе не можетъ также относиться къ обществу 1822 г., такъ какъ мы не видались съ Орловымъ со времени моего отъѣзда изъ Москвы, въ 1821 году, и я съ нимъ впослѣдствіи не переписывался. Поэтому ему не могло ничего быть извѣстно о какихъ-либо попыткахъ съ моей стороны учредить общество въ это время.

«Его (общество) раздѣлили на убѣжденныхъ и соединенныхъ или согласныхъ. Союзъ убѣжденныхъ или верхній

кругъ составлялся изъ основателей ¹⁾, принимали въ оный и другіе изъ союза соединенныхъ, но не иначе, какъ по согласію всѣхъ находившихся въ Петербургѣ убѣжденныхъ..

«Возобновивъ тайное общество, начальникомъ онаго нѣсколько времени признавали одного Никиту Муравьева; потомъ въ концѣ 1823 года, рѣшась для лучшаго успѣха имѣть трехъ предсѣдателей, присоединили къ нему князя Сергѣя Трубецкаго, лишь возвратившагося изъ-за границы и князя Евгенія Оболенскаго» ²⁾.

Показаніе князя Трубецкаго не можетъ относиться къ обществу «Зеленой книги», ни къ обществу 1822 года по той простой причинѣ, что въ Донесеніи говорится, что Трубецкой пріѣхалъ въ Петербургъ только въ 1823 году. Слѣдовательно, князь Трубецкой былъ за границею въ то время, когда было учреждено это новое общество, поэтому онъ не можетъ давать показаній о томъ, что происходило въ Петербургѣ за годъ до его пріѣзда.

Что касается Матвѣя Муравьева, то его показаніе мнѣ положительно не понятно. Изъ документовъ, приложенныхъ къ слѣдственному дѣлу, видно, что онъ не принадлежалъ къ новому обществу, образовавшемуся въ Петербургѣ. Слѣдовательно, онъ не можетъ давать показанія о томъ, при какихъ обстоятельствахъ это общество было учреждено или возстановлено.

Если тутъ идетъ рѣчь объ обществѣ 1822 г., то какимъ же образомъ приводятся показанія только этихъ трехъ лицъ и не упоминается вовсе о показаніяхъ другихъ членовъ общества, которые находились въ то время въ Петербургѣ?

Моими обвинителями выступаютъ тутъ три свидѣтеля: во-первыхъ, тѣ же князь Трубецкой и Матвѣй Муравьевъ, на показанія которыхъ я ссылаюсь по поводу того, что сказано по предъидущему обвинительному пункту, и Семеновъ, показаніе котораго, разобранный выше, относится къ 1821 г., а не къ 1822 году и который не говоритъ, что я принималъ участіе въ учрежденіи общества; а что я одинъ хотѣлъ учредить его.

Я заимствую всѣ эти побочныя обстоятельства изъ замѣчанія, со-

---

¹⁾ Главными изъ сихъ основателей, или возобновителей общества, по словамъ Никиты Муравьева, были: онъ самъ, кн. Оболенскій и Николай Тургеневъ, который, однако же, не участвовалъ въ принятіи новыхъ членовъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ Сѣвернаго общества, соединенныхъ и убѣжденныхъ, равно какъ и въ Южномъ, членовъ принимали безъ всякихъ обрядовъ.

²⁾ Мѣсто правителя предлагали Николаю Тургеневу; онъ отказался за нездоровьемъ, множествомъ иныхъ занятій и худымъ успѣхомъ его предсѣдательства въ Москвѣ.

ставленнаго яко бы на основаніи Донесенія комиссіи, въ которой, однако же, объ этомъ вовсе не упоминается, и привожу эти факты въ томъ видѣ, въ какомъ они изложены въ этомъ примѣчаніи. Если читатель былъ удивленъ отсутствіемъ порядка и метода въ Донесеніи слѣдственной комиссіи и въ особенности совершеннымъ отсутствіемъ тѣхъ характерныхъ признаковъ, кои должны отличаться всякій юридическій актъ, то онъ будетъ еще болѣе изумленъ, увидавъ, что рѣшеніе Верховнаго уголовного суда представляетъ собою столь удивительную и непонятную путаницу. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли было обвинить меня въ томъ, что я учреждалъ и возстановлялъ общество, не указывая, какое именно общество? Возможно ли основывать это обвиненіе на показаніяхъ, которыя никакъ не могли бы быть приняты во вниманіе, если бы только потрудились выяснить фактъ и сравнить даты? Разумѣется, это могло еще болѣе запутать то, что и безъ того было туманно и запутано!

Хотя, очевидно, меня нельзя обвинять въ томъ, что я возстановилъ новое общество, но я все-таки хочу сдѣлать по поводу этого общества нѣкоторыя замѣчанія.

Въ Донесеніи излагается организація новаго общества. Надобно сознаться, что это изложеніе сдѣлано весьма подробно, въ особенности если принять во вниманіе, что члены говорили объ этомъ на память, ибо письменнаго устава общества, повидимому, не существуетъ.

Далѣе говорится о цѣли новаго общества, но эта цѣль указана такъ же неопредѣленно, какъ и тѣ цѣли, о коихъ было говорено выше. Тутъ упоминается впервые о насильственныхъ средствахъ, которыя общество, какъ самостоятельная единица, предполагало употреблять.

Редакторъ могъ перепутать даты, могъ умолчать о двухлѣтнемъ періодѣ времени, протекшемъ между распущеніемъ прежняго и учрежденіемъ новаго общества; быть можетъ, онъ даже хотѣлъ изобразить эти два общества какъ одно; но могъ ли онъ, будучи добросовѣстнымъ, не отмѣтить огромной и очевидной разницы, существовавшей между тайными происками, которые происходили до и послѣ 1821 года? Правда, мы увидимъ ниже, что въ Донесеніи говорится весьма опредѣленно о томъ, что это новое общество обнаружило свою дѣятельность только въ концѣ 1824 г., послѣ отъѣзда князя Трубецкаго въ Петербургъ; но этого замѣчанія, которое я могу считать счастливою случайностью по отношенію ко мнѣ, такъ какъ я уѣхалъ изъ Россіи въ началѣ этого года,—недостаточно; сдѣлавъ это замѣчаніе, редакторъ не исполнилъ всего, что предписывала ему справедливость и строгая истина. Ему слѣдовало прежде всего установить различіе между этими двумя обществами, изъ коихъ одно было распущено въ 1821 г., а другое учреждено въ исходѣ

1822 года. Онъ долженъ былъ выяснитъ и опредѣлитъ совершенно точно характеръ каждаго изъ этихъ обществъ; долженъ былъ указать, кто именно принадлежалъ къ первому обществу, кто ко второму и кто былъ членомъ того и другаго. Тогда редакція Донесенія отличалась бы ясностью и правдивостью, и можно было бы рѣшить легко и безошибочно, какое именно общество преслѣдовало одни простые принципы филантропіи и патріотизма и которое изъ нихъ было виновно въ преступномъ намѣреніи произвести возстаніе съ оружіемъ въ рукахъ. Для того, чтобы придти къ этому необходимому и обязательному заключенію, редактору стоило только воспользоваться добросовѣстно тѣми документами, какіе были у него въ рукахъ; это видно изъ того, что даже я извлекъ изъ его Донесенія, конечно, не безъ труда, всѣ данныя, необходимыя для того, чтобы установить разницу, существовавшую между этими двумя обществами, выяснитъ ихъ отличительный характеръ и степень виновности; если бы редакторъ потрудился сдѣлать то же самое до меня, то можно предположить, что Верховный судъ также различилъ бы, во-первыхъ, эти два общества, а во-вторыхъ, распредѣлилъ бы и членовъ согласно степени ихъ виновности и сообразно съ этимъ произнесъ бы свой приговоръ; то, что редакторъ не сдѣлалъ изъ человѣколюбія, могло быть внушено ему чувствомъ долга.

Останавливаясь на этомъ пунктѣ, только для того, чтобы замѣтить, что я видѣлся съ Никитою Муравьевымъ послѣ возвращенія моего изъ Москвы и до отъѣзда изъ Россіи; но я и не подозрѣвалъ того, что онъ стоялъ во главѣ какого бы то ни было общества; мнѣ было извѣстно, что онъ не пользовался особою популярностью въ прежнемъ обществѣ, изъ коего многіе члены вошли, какъ видно изъ Донесенія, въ составъ новаго общества; могъ ли я думать, что Никита Муравьевъ будетъ стоять во главѣ какого бы то ни было новаго общества? и даже, что онъ могъ быть вообще членомъ какого-нибудь общества?

Въ концѣ 1823 г. было рѣшено дать Никитѣ Муравьеву въ помощники еще двухъ предсѣдателей: князя Трубецкаго и князя Оболенскаго. Что же дѣлалъ въ то время я, одинъ изъ основателей этого общества? Я отказался,—говорится въ примѣчаніи, — отъ должности директора. Принималъ ли я, послѣ этого отказа, какое-нибудь дальнѣйшее участіе въ обществѣ, какъ одинъ изъ его учредителей? Въ Донесеніи обо мнѣ болѣе ничего не говорится.

Въ этомъ сплетеніи нелѣпостей, злонамѣренныхъ и преступныхъ словъ, лжи и противорѣчій обо мнѣ упоминается впервые по поводу учрежденія новаго общества въ 1822 г. и на основаніи показанія одного только лица.

Читатель увидитъ, что далѣе будетъ говорить о моемъ присутствіи

на одномъ засѣданіи, но я докажу, что я находился въ то время въ Неаполѣ.

Теперь посмотримъ, къ чему сводятся взведенныя на меня обвиненія по отношенію къ этому новому обществу. Меня обвиняютъ въ томъ:

1) Что я былъ однимъ изъ его учредителей; это обвиненіе основывается на показаніи одного обвиняемаго (Никиты Муравьева), которое не подтвердилось никакими фактами, никакими данными, которыя говорили бы о какой-либо дѣятельности съ моей стороны; въ Донесеніи сказано только, что я воздерживался отъ принатія въ общество новыхъ членовъ.

2) Что я отказался отъ мѣста директора. Но такъ какъ это замѣчаніе, приведенное въ Донесеніи, не походитъ на обвиненіе, то я оставлюсь только на первомъ и единственномъ обвиненіи; оно единственно само по себѣ и по числу лицъ, меня обвинявшихъ, словомъ единственно во многихъ отношеніяхъ.

Годъ спустя, говорится въ Донесеніи, т. е. въ исходѣ 1824 г., князь Трубецкой отправился въ Кіевъ.

Въ это время я простился со всѣми тайными обществами, со всѣми ихъ членами и отправился въ началѣ того же года, а именно 9 апрѣля 1824 г. въ Карлсбадъ.

Я помню, что, уѣхавъ изъ Петербурга, я оставилъ тамъ князя Трубецкаго.

Если бы редакторъ придерживался болѣе строго чиселъ, то онъ избавилъ бы отъ большаго труда не только меня, но, увѣренъ, и нѣкоторыхъ изъ моихъ судей, которые могли бы въ такомъ случаѣ легко убѣдиться въ томъ, что было время, когда я не имѣлъ физической возможности участвовать въ тайныхъ обществахъ; это было время, проведенное мною за границею.

«Сношенія новаго Петербургскаго или Сѣвернаго союза съ Южными, какъ показываютъ многіе допрошенные, были довольно рѣдки и почти всегда на словахъ. Думы боялись ввѣрять письма даже сочленамъ своимъ, ибо оныя могли по нечаянному случаю попасть въ руки постороннихъ. Сіи два общества не соглашались во многомъ, особенно же касательно своего внутренняго устройства; но имѣли одну цѣль: ниспроверженіе существующаго порядка, и въ обоихъ уже занимались сочиненіемъ законовъ для преобразованія Россіи. Для достиженія цѣли своей, также въ обоихъ думали употребить одни средства: силу, дѣйствіе войскъ, которыя надѣялись склонить къ возмущенію»¹⁾.

¹⁾ По всему видно, что сія мысль родилась въ нихъ не прежде 1821 года и, вѣроятно, вслѣдствіе бывшихъ не задолго передъ тѣмъ революцій въ

Тутъ говорится положительно, что цѣлью обоихъ обществъ было: ниспроверженіе существующаго порядка.

Въ Донесеніи не говорится, что эта цѣль была выражена въ уставахъ этихъ обществъ; не видно также, были ли эти уставы предъявлены при разбирательствѣ дѣла, да и вообще, существовали ли они когда-либо: слѣдовательно, редакторъ могъ почерпнуть эти свѣдѣнія только изъ показаній обвиняемыхъ. Но въ такомъ случаѣ объ этихъ показаніяхъ слѣдовало упомянуть. Надобно было доказать, что эта цѣль была присуща именно обществу или обществамъ, а не преслѣдовалась только нѣкоторыми ихъ членами. Мы уже видѣли, что цѣль прежняго общества, какъ явствуетъ изъ его устава и изъ всѣхъ прочихъ обстоятельствъ дѣла, была вполне невинная, каковы бы ни были намѣренія нѣкоторыхъ его членовъ; и что они сообщали другъ другу эти намѣренія не въ засѣданіяхъ общества, а на частныхъ или случайныхъ собраніяхъ.

Изъ Донесенія видно, что первые признаки этихъ преступныхъ намѣреній могутъ быть отнесены, по отношенію къ Петербургскому обществу, къ концу 1824 г., когда общество начало обнаруживать лихорадочную дѣятельность со вступленія Рыльева въ составъ правленія. Слѣдовательно, это возмущеніе нельзя по крайней мѣрѣ приписывать тѣмъ, кои выѣхали изъ Россіи въ началѣ этого года.

Я занимался дѣйствительно редактированіемъ законовъ, но для Государственнаго Совѣта Россійской имперіи, а не для тайнаго общества. Удивительно, что общество, занятое разработкою разныхъ проектовъ законовъ и конституцій, не сочло нужнымъ возложить это дѣло на меня, принимая во вниманіе, что меня считали достойнымъ этого труда для Государственнаго Совѣта? Совѣтовались ли, по крайней мѣрѣ, со мною тѣ лица, кои редактировали эти проекты? или хотя бы показывали ихъ мнѣ? Объ этомъ не упоминается ни слова ни въ ихъ показаніяхъ, ни въ Донесеніи. Со стороны общества было по меньшей мѣрѣ неблагоприятно скрывать свои проекты отъ своего учредителя!

И то и другое изъ этихъ обществъ, читаемъ далѣе въ Донесеніи, хотѣло прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, надѣясь привлечь къ возмущенію войско.

Тутъ также слѣдовало выяснить точнѣе показанія обвиняемыхъ, на которыхъ, за отсутствіемъ иныхъ доказательствъ, редакторъ долженъ былъ волей неволей основывать свои заключенія. Вмѣсто этого мы находимъ, въ этомъ мѣстѣ Донесенія, еще одно примѣчаніе, ничѣмъ не уступающее по своей жестокости прочимъ примѣчаніямъ.

Испанія, Неаполѣ и Піемонтѣ. Иные,—говорятъ Пестель,—полагали, что возмущенію должно быть въ Петербургѣ; другіе, что надобно начать въ арміи. идти на Москву и тамъ принудить сенатъ провозгласить перемѣну, установить новый образъ правленія.

Въ немъ говорится, что мысль о вооруженномъ возстаніи зародилась въ умѣ заговорщиковъ не прежде 1821 года. Въ подтвержденіе этого важнаго указанія, редакторъ передаетъ сказанное по этому поводу Пестелемъ.

Замѣчу, во-первыхъ, что эта совокупность данныхъ ограничивается, какъ видимъ, единственно тѣми данными, кои сообщены Пестелемъ.

Если мнѣ возразятъ, что редакторъ счелъ излишнимъ приводить показанія другихъ лицъ, то я замѣчу, что это обстоятельство, т. е. рѣшеніе общества дѣйствовать силою и возмущеніемъ, есть самое важное обстоятельство во всемъ слѣдствіи. Съ одной стороны мы видимъ, что тайныя общества существовали въ Россіи съ 1815 или 1816 г.; а съ другой, что возмущеніе произошло въ 1825 г. Было ли рѣшено прибѣгнуть къ возмущенію съ самаго начала? Конечно, нѣтъ. Когда же это было рѣшено? Было бы крайне необходимо точно опредѣлить, когда именно было принято это рѣшеніе. Редакторъ указываетъ на 1821 годъ, но не приводитъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своихъ словъ. Можно предположить, что онъ избралъ этотъ годъ, предпочтительно передъ какимъ-либо другимъ, только по случайному совпаденію возстаній, происходившихъ въ это время въ Испаніи и Италіи, о коихъ онъ упоминаетъ. Посмотримъ, правильно ли сдѣлано указаніе на 1821 годъ.

Мы видѣли изъ Донесенія, что именно происходило въ обществѣ въ 1821 году. Въ это время происходило общее собраніе въ Москвѣ; тогда же было много разговоровъ о дальнѣйшемъ существованіи общества въ Тульчинѣ. Этотъ годъ (пусть читатель обратитъ на это особенное вниманіе) былъ промежуточнымъ между старымъ и новымъ обществомъ; это былъ періодъ самаго большаго бездѣйствія членовъ всѣхъ обществъ, въ особенности проживавшихъ въ Петербургѣ.

Въ какое же именно время въ этомъ году возникла мысль о возмущеніи? произошло ли это въ Москвѣ, на общемъ собраніи? Все бывшее на этомъ собраніи описано довольно подробно, и, обсудивъ то, что происходило въ Москвѣ, я спрашиваю, есть ли хоть тѣнь вѣроятія, чтобы мысль о возмущеніи возникла именно въ Москвѣ? Говорилъ ли тамъ объ этомъ кто-либо? Мнѣ кажется, мы видѣли тамъ какъ разъ противоположное.

Быть можетъ, это случилось въ Петербургѣ, послѣ того, какъ общество было распущено? Это также весьма мало вѣроятно; мы не знаемъ ничего о томъ, что происходило въ этомъ году въ Петербургѣ, исключая возникновенія общества, въ учрежденіи котораго меня обвиняютъ, и дѣятельность котораго прекратилась такъ быстро. Наконецъ, быть можетъ, это случилось въ Тульчинѣ? Это также весьма мало вѣроятно, такъ какъ въ Донесеніи говорится, что лица, находившіяся въ это время

въ Тульчинѣ, были заняты поддержаніемъ или воскрешеніемъ распавшагося общества. Имъ некогда было думать о возмущеніи въ то время, когда общество было въ такомъ упадкѣ.

По какому роковому стеченію обстоятельство редакторъ избралъ самое не подходящее, самое мало вѣроятное время и приурочилъ къ нему фактъ самый важный во всемъ слѣдственномъ дѣлѣ? Можно ли говорить, что мысль о возмущеніи возникла въ то время, когда прежнее общество болѣе не существовало, а новое еще не было учреждено? Господь обнаруживаетъ иногда клевету весьма странными путями. Этотъ неудачный выборъ времени значительно ослабляетъ обвиненіе.

Нельзя сказать, чтобы было безразлично, когда именно возникла мысль о возмущеніи, въ 1821 г. или позднѣе и что достаточно знать, что возмущеніе было произведено и что, слѣдовательно, оно было задумано раньше. Это могло дѣйствительно быть безразлично для редактора, объ этомъ свидѣлствуетъ лучше всего та легкость, съ какою онъ упоминаетъ объ этомъ чрезвычайно важномъ обстоятельствѣ въ примѣчаніи, но это не безразлично для меня. Прежнее общество распалось только въ 1821 г. Если мысль о возмущеніи возникла до распущенія общества, въ особенности, если бы эта мысль была приписана, какъ это дѣлается здѣсь, большинству членовъ, въ такомъ случаѣ отвѣтственность могла бы падать и на меня. Поэтому для меня весьма важно обратить вниманіе читателя, во-первыхъ, на то, какъ неправдоподобно это обвиненіе и, во-вторыхъ, на легкость, съ какою объ этомъ говорится.

Псвторияю—за эту мысль отвѣтственны только тѣ, въ чемъ умѣ она зародилась ¹⁾.

«Между тѣмъ и въ обществѣ Петербургскомъ явилась большая противъ прежняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени вступленія Рылѣева въ думу, на мѣсто князя Сергѣя Трубецкаго. Онъ и принятый имъ въ апрѣлѣ 1825 года, причисленный къ Верхнему кругу Александръ Бестужевъ... утверждаетъ,

---

¹⁾ Въ повѣствованіи о томъ, что происходило въ Тульчинѣ, въ Донесеніи упоминается о показаніи одного обвиняемаго, который говоритъ, что уже въ 1821 году, на одномъ собраніи, происходившемъ послѣ восстановления Союза на югѣ, на которомъ присутствовалъ Пестель, — было объявлено о цѣли общества измѣнить во что бы то ни стало существующій государственный порядокъ, низпровергнуть престолъ и т. п... Весьма возможно, что, говоря въ своемъ примѣчаніи о существовавшемъ съ 1821 г. проектѣ возстанія, докладчикъ имѣлъ въ виду и это показаніе. Имя Пестеля встрѣчается въ этомъ показаніи такъ же, какъ и въ примѣчаніи редактора. Если это такъ, то изъ этого же показанія видно, что это рѣшеніе было принято въ Тульчинѣ, послѣ того, какъ прежнее общество было распущено; и этого достаточно для моего личнаго оправданія.

что съ перваго засѣданія его въ кругѣ Убѣжденныхъ, онъ увѣрился въ ничтожности силъ ихъ общества, что съ тѣхъ поръ, до 27-го ноября, онъ видѣлъ въ немъ одну игрушку, даже искалъ средства удалиться, только не нарушая даннаго обѣщанія и не ссорясь съ товарищами; что для сего думалъ нынѣшнею зимою жениться въ Москвѣ и ѣхать на нѣсколько лѣтъ за границу».

Изъ этихъ строкъ Донесенія нельзя вывести инаго заключенія, кромѣ того, что Петербургское общество проявило лихорадочную дѣятельность со времени вступленія Рылѣева въ составъ правленія. Проявляло ли оно какую-нибудь дѣятельность до этого времени—не видно.

Мы видѣли выше, что Рылѣевъ замѣстилъ въ правленіи князя Трубецкаго, уѣхавшаго въ Кіевъ. Князь Трубецкой уѣхалъ въ Кіевъ въ исходѣ 1824 г. Я выѣхалъ изъ Россіи въ началѣ 1824 г. (9-го апрѣля).

Изъ этого сопоставленія чиселъ выходитъ, что Петербургское общество проявило свою дѣятельность послѣ моего отъѣзда изъ Россіи. Поэтому, не выходя изъ предѣловъ благоразумія, можно предположить, что во время пребыванія въ Петербургѣ я могъ и не замѣтить о существованіи этого общества, такъ какъ оно было въ то время бездѣятельно.

Я останавливаюсь еще на этомъ пунктѣ только для того, чтобы замѣтить, что даже люди, принимавшіе дѣятельное участіе въ возмущеніи, какъ, напримѣръ, Бестужевъ, считали общество ничтожнымъ и смотрѣли на его занятія какъ на простое препровожденіе времени, и это въ періодъ гораздо болѣе близкій къ возмущенію, нежели эпоха, когда я уѣхалъ изъ Россіи.

Далѣе говорится въ Донесеніи, что Бестужевъ и Рылѣевъ привлекли въ общество много новыхъ членовъ и между прочимъ Торсона; слѣдовательно, Торсонъ вступилъ въ общество въ 1825 году.

Члены сѣвернаго правленія познакомились съ капитаномъ Якубовичемъ въ 1825 г. Въ томъ же 1825 г., осенью, подполковникъ Батенковъ познакомился съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ. Рылѣевъ, въ присутствіи Батенкова, слѣдовательно, въ 1825 году, обсуждалъ вопросъ о томъ, что они сдѣлаютъ, въ случаѣ ежели бы императоръ отвергнулъ условія, которыя будутъ ему предложены, и сказалъ: «не вывезти ли за границу? Что къ сему мнѣнію пристали: Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Оболенскій и Николай Тургеневъ, и что для сего ему (Рылѣеву) отъ думы велѣно приготовить Кропштадтскій флотъ чрезъ надежныхъ офицеровъ».

Читатель видѣлъ, что все рассказанное происходило въ 1825 году; а я уѣхалъ изъ Россіи въ 1824 году и провелъ всю зиму 1825 г. въ Неаполѣ, и слѣдовательно ясно, что я не могъ раздѣлять высказаннаго ими мнѣнія.

Однако, не только Рылѣевъ заставляетъ меня присутствовать въ

1825 г. на одномъ изъ петербургскихъ засѣданій, но другой подсудимый, Матвѣй Муравьевъ, подтвердилъ это показаніе. Правда, онъ взялъ свои слова обратно впослѣдствіи, но при какихъ обстоятельствахъ это было сдѣлано? Онъ сдѣлалъ это заявленіе въ то время, когда его допрашивали вторично по поводу этого засѣданія, разумѣется, не для того, чтобы узнать правду обо мнѣ, но по какому-то другому поводу, такъ что онъ отказался отъ своихъ словъ случайно, между прочимъ.

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что это обвиненіе, отвергнутое слѣдственной комиссіей, устранено также и Верховнымъ уголовнымъ судомъ; несмотря на несправедливость, съ какою я осужденъ, я признателенъ ему за то, что онъ не упомянулъ объ обвиненіи, которое огорчило бы меня болѣе всего.

Въ остальной части Донесенія мое имя больше не упоминается.

Сообщ. А. А. Фоминъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма В. А. Жуковского къ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 году ¹⁾.

1.

Дрезденъ, 1 іюня (н. стила, 1821).

Вотъ уже три дни, какъ я путешествую, но буду говорить вашему императорскому высочеству только о Берлинѣ; по сію пору (хотя я уже и видѣлъ много прекрасныхъ предметовъ, для меня совершенно новыхъ) самое живое чувство мое есть воспоминаніе о послѣднихъ минутахъ, проведенныхъ въ Берлинѣ. Ваше высочество позволили мнѣ писать къ вамъ просто, безъ принужденія, какъ перо велить: этимъ милостивымъ позволеніемъ дали вы неизъяснимую прелесть моему путешествію. Не довольно того, чтобы видѣть и чувствовать прекрасное, надобно еще и сказать объ немъ; а кому лучше, простѣе и непринужденнѣе скажешь о прекрасномъ, какъ не вамъ: прошу васъ мнѣ вѣрить; я не думаю

¹⁾ Печатаемыя нынѣ письма В. А. Жуковского къ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія нельзя назвать, за исключеніемъ лишь двухъ писемъ, вполне неизвѣстными. Именно письма отъ 20-го мая (1-го іюня) 1821 года и отъ 1-го (13-го) ноября того же года въ печати еще не появлялись. Изъ остальныхъ трехъ писемъ значительныя извлеченія были напечатаны еще при жизни самого Жуковского (въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824 года, Сочиненіяхъ въ прозѣ В. Жуковского, изданныхъ въ 1826 году, и въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года) и затѣмъ помѣщались въ послѣдующихъ изданіяхъ его сочиненій. Въ полномъ же видѣ и эти три письма не были изданы; но и въ напечатанныхъ отрывкахъ изъ нихъ встрѣчаются, сравнительно съ подлинниками, съ одной стороны пропуски, а съ другой небольшія измѣненія и добавленія. И. Б.

хвалить васъ—на что вамъ похвала!—но то, что составляетъ мое прямое счастье при васъ, есть эта полная свобода души; стоятъ только имѣть добрыя, чистыя чувства, и при васъ будетъ хорошо! И мнѣ почти всегда хорошо! Но я не дѣлаю изъ этого собственнаго достоинства—это достоинство ваше! Мое же достоинство состоитъ только въ томъ, что я способенъ чувствовать красоту другой души; мнѣ весело знать вашу душу во всей ея чистой, невинной прелести; это меня часто возвышаетъ и дѣлаетъ внутренно счастливымъ! Какъ я благодаренъ вашему позволенію писать къ вамъ: безъ бумаги и пера всего бы этого я никогда вамъ не сказалъ, а теперь это говорится само собою, безъ всякаго принужденія. Моимъ переводчикомъ передъ вами будетъ самъ великій князь: это новая прелесть моей переписки съ вашимъ высочествомъ; великій князь долженъ знать мое къ вамъ отношеніе такъ, какъ оно есть. Повѣрьте: не честь служить вамъ, не выгоды, какія можетъ мнѣ доставить моя служба, привязываютъ меня къ моей милой должности—нѣтъ! просто вашъ характеръ! Счастье знать вашу чистую душу, счастье понимать эту душу (ради Бога не вообразите, что я хвалю васъ! Это не иное что, какъ необходимость сказать вамъ то, что я думаю и чувствую про себя и чѣмъ такъ часто бываю счастливъ тихомолкомъ), надежда, что всѣ эти прекрасныя качества, данныя Богомъ, даны не напрасно, а принесутъ свой плодъ—вотъ то, что дѣлаетъ мое положеніе при васъ столь пріятнымъ! Ничего не желаю отъ васъ, кромѣ въ ры этому безкорыстному моему чувству! Знай я, что вы отдаете мнѣ полную справедливость въ этомъ отношеніи, и я совершенно доволенъ! Мысль о вашемъ счастьи всегда меня трогаетъ: я вижу тутъ что-то чистое, высокое! Примѣшать къ этому чувству какіе-нибудь посторонніе виды собственныхъ выгодъ значило бы его испортить! Къ счастью, до сихъ поръ со мною этого не случилось! Вы созданы для того, чтобы имѣть друзей въ тѣхъ, которые принадлежать вамъ—здѣсь слово друзей не должно казаться вамъ неприличнымъ! И не имѣя того дружескаго сношенія, какое бываетъ между равными, можно быть другомъ судьбы вашей, можно желать вамъ добра безкорыстно, точно изъ благодарности къ вашему прямому, прелестному характеру. Простите, что все это пишу; но для меня было необходимо все это написать; опять повторяю, для меня нужно, чтобы вы и въ особенности великій князь, который будетъ это читать и (hélas!) переводить, знали въ точности, въ чемъ состоитъ мое къ вамъ отношеніе. Можетъ ли быть для васъ лишнимъ тотъ человѣкъ, который, принадлежа вамъ, принадлежитъ вамъ единственно по искреннему уваженію къ вашему характеру, и все свое лучшее полагаетъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ этой же самой привязанности и въ томъ, что вы на этотъ счетъ ему отдаете справедливость.

Изъ начала моего письма ваше высочество можете замѣтить, что я путешественникъ, что уже нѣсколько привыкъ бродить; еще не покинувъ Берлина, я сдѣлалъ уже отступленіе. Возвращаюсь къ Берлину. Проводивъ ваше высочество ¹⁾, я нѣсколько времени шатался по потсдамскимъ улицамъ, ожидая возвращенія короля отъ парада, чтобы имѣть честь откланяться его величеству. Милостивая ласка, съ какою е(го) в(еличество) простился со мною, меня живо тронула; онъ два раза пожалъ мнѣ руку; онъ говорилъ мнѣ объ васъ; онъ говорилъ, что надѣется на Эмсъ и на Спа для вашего здоровья; а я шепнулъ про себя: *gewissenhaft* ²⁾ и прибавилъ: дай Богъ, чтобы это было такъ! А слово *gewissenhaft* великое слово!—Я хотѣлъ кончить этотъ печальный день у принцессы Радзивиль ³⁾, но никакъ не могъ успѣть отъ хлопотъ, и хорошо сдѣлалъ, что не успѣлъ, потому что я не видалъ бы ее: этотъ день утомилъ ее, и она въ вечеру не выходила. Я просидѣлъ у M-lle Wildermeth ⁴⁾, и ваше высочество можете сами угадать, въ чемъ состояли наши разговоры.

Но почти одиннадцать часовъ; время бѣжать съ письмомъ на почту; я долженъ отложить описаніе моихъ послѣднихъ минутъ въ Берлинѣ до другой почты, чтобы теперь сказать вашему высочеству о главномъ. Въ ту самую минуту, въ которую готовъ я былъ сѣсть въ мой смиренный Stuh(1)wagen ⁵⁾, чтобы начать свое странствіе, получаю письмо отъ князя Гарденберга ⁶⁾ и при немъ крестъ Краснаго Орла. Эта милость его величества есть въ то же время и ваша милость: не умѣю сказать, какъ она меня тронула. Я осмѣлился благодарить его величество письменно: здѣсь благодарю и ваше высочество. Этотъ крестъ есть для меня драгоценный памятникъ нѣсколькихъ веселыхъ дней жизни; и его пріятно получить отъ такого государя, котораго не можешь не любить и не уважать, когда узнаешь бѣлизу.

Простите, ваше высочество! Благослови Богъ ваше путешествіе—когда пишу это, слезы готовы навернуться на глазахъ! Ваша судьба кажется мнѣ святою принадлежностію Провидѣнія; объ васъ легко молиться: сердце само собою подымается въ высоту, и молитва объ васъ должна быть услышана: что можетъ быть чище такой молитвы!

¹⁾ Великая княгиня Александра Феодоровна отправилась лѣчиться въ Эмсъ.

²⁾ Т. е. добросовѣстно.

³⁾ Принцессы прусской Луизы (р. 1770†1836), бывшей замужемъ за княземъ Антономъ Радзивилломъ (р. 1775†1833).

⁴⁾ Воспитательница великой княгини Александры Феодоровны.

⁵⁾ Т. е. шарабанъ.

⁶⁾ Князь Карлъ-Августъ Гарденбергъ (р. 1750†1822), прусскій министръ, канцлеръ и предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

Перечитавъ мое письмо, нахожу, что въ немъ нѣтъ никакого порядка и что въ немъ одни повторенія одного и того же. Прошу ваше высочество милостиво меня простить! Не могу даже обѣщать вамъ и впередъ исправиться! Я не могу писать писемъ иначе, какъ давъ волю перу моему; и ваше высочество позволили мнѣ имѣть эту свободу. Смѣю просить у васъ милостиваго снисхожденія.

Приношу мое глубочайшее почтеніе его императорскому высочеству.

Съ чувствомъ неограниченной привязанности, благодарности и почтенія имѣю честь быть вашего императорскаго высочества всепокорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

2.

(Дрезденъ, 4-го (16-го) іюня—Прага, 10-го (22-го) іюня—Карлебадъ,
17-го (29-го) іюня 1821 года).
Дрезденъ, 4 (16) іюня ¹⁾).

Послѣ удовольствія видѣть начинается для меня удовольствіе рассказывать вашему императорскому высочеству о томъ, что я видѣлъ. Я прожилъ двѣ недѣли въ Дрезденѣ и завтра поутру ѣду. Но прежде, нежели буду говорить вашему высочеству о моемъ путешествіи, скажу нѣсколько словъ о моихъ послѣднихъ минутахъ въ Берлинѣ, о которыхъ хотѣлъ говорить и ничего не сказалъ въ первомъ письмѣ моемъ. Напередъ однако прошу у вашего высочества прощенія: вы позволили мнѣ писать къ вамъ непринужденно, слѣдовательно, быть болтливымъ, и я воспользуюсь этою привилегіею, можетъ быть, насчетъ вашего терпѣнія. Но, какъ важный учитель русскаго языка, считаю обязанностію остеречь васъ: не учитесь правильному русскому слогу изъ моихъ писемъ:

---

¹⁾ Настоящее письмо писано Жуковскимъ въ три приѣма: оно начато въ Дрезденѣ, 4-го (16-го) іюня, продолжено въ Прагѣ 10-го (22-го) іюня и кончено въ Карлсбадѣ 17-го (29-го) іюня. Въ Дрезденѣ Жуковскій пріѣхалъ, какъ видно изъ его дневника, вечеромъ 19-го (31-го) мая. Извѣщенія изъ этого письма были первоначально напечатаны: 1) въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года, ч. XIV, отдѣленіе второе, стр. 114—122, подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ письма о Саксоніи“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, Спб. 1885, т. V, стр. 421—425), при чемъ окончаніе въ этомъ „Отрывкѣ“ со словъ: „Я не буду описывать всего, что со мною было въ Дрезденѣ“ („Московскій Телеграфъ“, ч. XIV, отд. второе, стр. 122—124; Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 425—427) прибавлено изъ письма Жуковскаго къ его племянницамъ М. А. Мойеръ и А. А. Воейковой (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 544), и 2) въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 годъ, стр. 97—119, подъ заглавіемъ „Путешествіе по Саксонской Швейцаріи“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 427—438).

я ихъ не сочиняю, а пишу, какъ судьбѣ угодно, безъ всякой строгой правильности; мое перо иногда набредетъ на такую фразу, которую самъ же я послѣ, какъ критикъ, буду имѣть честь представить вамъ въ примѣръ ошибки, и съ этой стороны письма мои могутъ имѣть особенную пользу для нашихъ уроковъ.—Я покинулъ Берлинъ съ благодарнымъ чувствомъ за многія счастливыя минуты, въ немъ проведенныя, послѣднихъ же никогда не забуду. 28 мая ¹⁾, въ 10 часовъ поутру, пришелъ я прощаться къ кронпринцу ²⁾, по его назначенію. Я нашелъ въ его большомъ кабинетѣ посторонняго, и это сначала испортило было для меня то чувство, съ какимъ я вошелъ туда: подумалъ, что все кончится для меня тѣмъ, что я откланяюсь холодно наслѣдному принцу Пруссіи. Но онъ вышелъ къ намъ и, поговоривъ нѣсколько минутъ съ постороннимъ, позвалъ меня къ себѣ въ свой маленькій кабинетъ; тамъ провелъ я съ нимъ счастливые полчаса, и онъ простился со мною такъ, что я уже никогда не разстанусь съ нимъ въ благодарномъ воспоминаніи. Принцессы Вильгельмъ ³⁾, Александрина ⁴⁾ и Луиза ⁵⁾ были чрезвычайно ко мнѣ милостивы: и это меня особенно тронуло; ихъ милость была для меня безцѣннымъ признакомъ вашей. Въ этотъ день обѣдалъ я у принцессы Радзивиль ⁶⁾: это были для меня грустно-счастливыя минуты! Замѣтно было, что она безпрестанно думала объ васъ, и часто на глазахъ ея навертывались слезы. За столомъ сидѣлъ я между матерью и дочерью; разговоры были только объ васъ и о томъ, что къ вамъ близко; я рассказывалъ о прекрасныхъ московскихъ дняхъ, а они о вашемъ прошедшемъ. Какъ было ощутительно, что для нихъ всѣхъ чего-то общаго милаго не доставало; не будучи мрачны, они были наполнены однимъ печальнымъ чувствомъ, которое во всемъ само собою выразалось. Въ самомъ концѣ обѣда имѣлъ я нечаянное удовольствіе еще разъ увидѣть кронпринца: онъ пріѣхалъ прощаться съ принцессою Радзивиль. Но конецъ этого приятно-грустнаго дня долженъ былъ для меня испортиться: давали О д и м-

¹⁾ Новаго стиля.

²⁾ Кронпринцу Фридриху-Вильгельму, впоследствии прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV.

³⁾ Супруга прусскаго принца Вильгельма (брата короля Фридриха-Вильгельма III), принцесса Маріанна, рожд. принцесса Гессенъ-Гомбургская.

⁴⁾ Дочь короля Фридриха-Вильгельма III, принцесса Александрина, бывшая потомъ замужемъ за великимъ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ Павломъ-Фридрихомъ.

⁵⁾ Младшая дочь короля Фридриха-Вильгельма III, впоследствии бывшая замужемъ за принцемъ Фридрихомъ Нидерландскимъ.

⁶⁾ См. выше, стр. 222, прим. 3-е.

п ію ¹⁾; я сначала не намѣренъ былъ ѣхать въ театръ потому, что долженъ былъ въ девять часовъ итти къ M-lle Wildermeth, гдѣ общала меня дожидаться M-e Kleist, чтобы со мною проститься; но кронпринцъ сказалъ мнѣ, что еще увидится со мною въ театрѣ, и я отправился туда, съ тѣмъ чтобы уѣхать послѣ втораго акта: второй актъ кончился, я искалъ его, но его не было, и я долженъ былъ лишиться минуты удовольствія, о которой и теперь еще жалѣю; на другой день узнаю отъ графини Трухзееъ ²⁾, что по окончаніи пьесы онъ самъ искалъ меня, и не могу сказать вамъ, какъ это мнѣ было больно... Простите, что все это пишу: я вполнѣ пользуюсь своею привилегіею.

Путешествіе отъ Берлина до Дрездена. Чтобы не утомилось вниманіе вашего высочества, хочу раздѣлять свои письма на статьи. Вотъ первая. Отъ Берлина до Виттенберга ѣхалъ я по слѣдамъ вашего высочества. Въ Виттенбергѣ осматривалъ я, какъ и вы, обѣ старинныя церкви, заглянулъ въ келью Лютера, видѣлъ имя нашего Петра, написанное имъ на двери мѣломъ ³⁾, и, слѣдуя дурному примѣру всѣхъ посѣтителей (и вашему), отрѣзалъ себѣ кусокъ отъ Лютерова стола, котораго скоро не узнаешь духъ Лютеровъ (если онъ только посѣщаетъ прежнее, земное жилище свое): такъ онъ изрѣзанъ благоговѣйными ножами путешественниковъ; жаль, что въ этой кельѣ стоятъ старинныя портреты, которыхъ не было въ ней во время Лютера—это мѣшаетъ воображенію. Изъ Виттенберга поѣхалъ я черезъ Пречъ въ Торгау, гдѣ есть старинный, весьма живописный замокъ: его поправляютъ; я лазилъ на высокую его башню и любовался окрестностями. На другой день поутру (31 мая) пріѣхалъ я въ Мейссенъ, но фар-

¹⁾ Опера Спонтини.

²⁾ Оберъ-гофмейстерина королевскаго прусскаго двора.

³⁾ Петръ Великій посѣтилъ Виттенбергъ 3-го октября 1712 года. Объ этомъ посѣщеніи въ Походномъ журналѣ государя за 1712 годъ записано слѣдующее: „Октября 3-го дня изволилъ обѣдать въ Виттенбергѣ, которой отъ Вѣльца 3 миль, гдѣ лежитъ Мартынъ Лютеръ. И послѣ обѣда были въ его киркѣ, гдѣ онъ схороненъ, и потомъ смотрѣли его библиотеки; тутъ же видѣли его рюмку или стаканъ, которымъ онъ пилъ, и послѣ казали еще его полату, гдѣ онъ жилъ, и за печью въ той полатѣ указывали капли чернилъ и сказывали, что когда онъ, сидя въ той полатѣ, писалъ и въ то время пришелъ къ нему дьяволъ, тогда будто онъ въ дьявола чернилницу бросилъ и тѣ чернила будто тутъ на стѣнѣ доднесь остались. И тогда просили тутошныя пасторы, дабы государь изволилъ подписать въ той полатѣ свое имя по обычаю, какъ всѣ подписываютъ; и по тому прошенію имя свое подписать изволилъ мѣломъ на дверяхъ, а гдѣ капли чернилъ, и тутъ на доскѣ изволилъ подписать, такожь мѣломъ, сіе: „Чернила новыя и совершенно сіе неправда“. И потомъ изволилъ ходить по огороду и смотрѣлъ фортеціи; и тогда пили про здоровье и палили изъ пушекъ“ (см. Походный журналъ 1712 года, Спб. 1864, стр. 38—39).

форовой фабрики видѣть не могъ—былъ праздникъ Вознесеніе, — за то осмотрѣлъ соборную церковь, которая весьма достойна примѣчанія по своей величественной готической архитектурѣ. Въ ней есть двѣ картины, одна Лукаса Кранаха: Распятіе, другая, какъ увѣряютъ, Альбрехта Дюрера: Поклоненіе маговъ Христу. Последняя, кто бы ни былъ живописецъ, понравилась мнѣ гораздо болѣе первой: необыкновенная выразительность въ лицахъ; она створчатая; на дверцахъ, которыя служатъ и крышкою для картины, изображены четыре апостола. Видъ съ мейссенской башни чрезвычайно обширный. Дорога же отъ Мейссена до Дрездена есть не иное что, какъ веселый садъ на полугорѣ: съ правой стороны Эльба, а съ лѣвой то высокой утесистой берегъ, то отлогой зеленый скатъ или холмъ, то виноградники, и безпрестанно встрѣчаются веселые сельскіе дома. Дорога прекрасная, лучшей не можетъ быть и въ саду; по сторонамъ почти вездѣ широкіе тротуары изъ песчаного камня; ихъ не трудно и дѣлать и содержать: матеріалъ (то-есть утесы) у самой дороги. Вообще характеръ этой природы и ея жителей есть какая-то спокойная веселость: у каждой опрятной хижины есть небольшой садъ, обнесенный низкою каменною стѣною; полезное служить и украшеніемъ: почти всѣ дома одѣты виноградомъ, и на окнахъ между зеленью виноградныхъ листьевъ мелькаютъ цвѣты. Особенно плѣнило меня положеніе такъ называемаго Wackerbarth Ruhe ¹⁾: видишь на холмѣ зданіе, похожее на часовню — въ немъ похороненъ Wackerbart ²⁾, основавшій въ этомъ мѣстѣ училище. У подшвы холма, служащаго могилою основателю, стоитъ довольно обширный домъ, извѣстный нынче подъ именемъ Langes Institut: въ немъ живутъ и учатся дѣти. Простая архитектура дома, чистый вымощенный камнемъ дворъ, два высокіхъ тополя у воротъ, къ которымъ отъ дороги идетъ густая аллея, роши изъ яворовъ и каштановъ по обѣимъ сторонамъ дома съ дорожками и сидѣлками, окружающая ясная, плодотворная природа — все вмѣстѣ составляетъ картину прекрасную, и воображенію невольно представляются первыя счастливыя времена молодости. Если бы я не спѣшилъ въ Дрезденъ, то навѣстилъ бы этихъ

¹⁾ Т. е. Wackerbarthruhe, небольшой замокъ близъ мѣстечка Kötzschenbroda, въ 9 километрахъ отъ Дрездена.

²⁾ Одинъ изъ графовъ Ваккербартовъ (Wackerbarth), графъ Августъ-Христофоръ (р. 1662†1734 въ Wackerbarthruhe), былъ саксонскимъ генераломъ и губернаторомъ Дрездена.—Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года, гдѣ первоначально былъ напечатанъ отрывокъ изъ настоящаго письма (ч. XIV, отд. II, стр. 114—122) названіе этого мѣстечка и имя его владѣльца были напечатаны въ искаженномъ видѣ: Wackerfait Ruhe и Wackerfait (стр. 116). Эти ошибочныя чтенія повторяются и во всѣхъ послѣдующихъ перепечаткахъ „Отрывка изъ письма о Саксоніи“, включая и вышедшее въ текущемъ 1901-мъ году десятое изданіе Сочиненій В. А. Жуковскаго въ стихахъ и прозѣ.

дѣтей, которыя безопасно начинаютъ свою жизнь, въ веселомъ приютѣ, между гробомъ ихъ благодѣвателя (но этотъ гробъ названъ: die Ruhe) и большою дорогою, по которой столько путешественниковъ, имъ незнакомыхъ, мимо ихъ проходитъ и исчезаетъ. Вечеръ былъ прекрасный, и мнѣ хотѣлось застать послѣдній блескъ солнца на дрезденскомъ мосту. За четверть мили отъ города я вылѣзъ изъ своего смиреннаго Stuhlwagen, велѣлъ ему ѣхать въ трактиръ Золотаго ангела, а самъ съ планомъ въ рукахъ пошелъ пѣшкомъ. Время было удивительно ясное, я шелъ и радовался, глядя на близкій Дрезденъ. Видъ его отъ деревни Neudorf, черезъ которую я проходилъ, очаровательный: думаю, что это самый лучший при заходящемъ солнцѣ. Оно садилось позади меня такъ, что весь яркой свѣтъ лучей падалъ на городъ, который свѣтился между зеленою каштановъ, кленовъ и тополей; вблизи на берегу Эльбы между темными деревьями мелькала мельница; за нею свѣтлозеленый широкій лугъ; далѣе виденъ былъ прекрасный дрезденскій мостъ, надъ нимъ густыя липы Брюлева сада, и величаво изъ-за вершинъ древесныхъ подымался куполь церкви Богоматери (die Frauenkirche) и блистала великолѣпная католическая церковь со своею высокою башнею. Я остановился на мосту и долго любовался и прелестью береговъ Эльбы, которые съ обѣихъ сторонъ являлись обширнымъ амфитеатромъ, и городомъ, и множествомъ народа, который толпился на мосту. Я не хотѣлъ уйти въ свой темный трактиръ, не проводивъ на покой своего милаго солнца (съ которымъ такъ коротко познакомился въ Потсдамѣ), долго бродилъ по террасѣ Брюлевой; пестрая толпа мелькала въ лучахъ подъ зеленою липъ, и все было чрезвычайно живо; небо ясно угасало, и на немъ прекрасно выдѣлялся высокій крестъ, стоящій на мосту: это давало картинѣ вечерней что-то величественное. Жаль только, что Эльба своею мутностію ее нѣсколько портила: я еще ни разу не видалъ ее чистою; вода ея во все это время была желтокрасная: это отъ дождей; падая въ горахъ Богемскихъ, они мутятъ бѣгущіе въ нее ручьи, изъ которыхъ многіе заносятъ въ нее киноваръ и красятъ ее красною краскою; она текла спокойно, а цвѣтъ ея говорилъ о бурѣ.

Прага, 10 (22) іюня.

Дрезденъ. Плаунъ. Тарантъ. Буду описывать вашему высокочеству мое путешествіе по порядку. Въ Дрезденѣ нашелъ я многихъ изъ нашихъ русскихъ, между прочими и князя Гагарина ¹⁾, котораго ваше

¹⁾ Князя Григорія Ивановича Гагарина (р. 1782 † 1837), товарища Жуковскаго по Университетскому благородному пансіону. Князь Гагаринъ посвятилъ

высочество видѣли въ Берлинѣ: но онъ на другой же день уѣхалъ въ Карлсбадъ. Больше всѣхъ обрадовался я Олсуфьеву ¹⁾: онъ здѣсь съ матерью и сестрою. Чтобы не пропустить благоприятной минуты (погода, которая до сихъ поръ была весьма непостоянна, показала намъ установившеюся), условились мы вмѣстѣ съ Олсуфьевымъ итти на другой день (2 іюня) въ Плаунъ, а оттуда въ Тарантъ. Рано поутру мы отправились пѣшкомъ черезъ Рекницъ, гдѣ остановились, чтобы взглянуть на памятникъ Морд ²⁾; онъ очень простъ: гранитный пьедесталъ, на которомъ лежитъ бронзовый шлемъ. Видъ отъ него, въ ясную погоду, когда отдаленіе не покрыто парами, долженъ быть великолѣпный; мы не могли имъ любоваться; Дрезденъ не хотѣлъ намъ себя показать; онъ окутался въ густой дымъ собственныхъ своихъ печей и едва былъ виденъ, и всѣ окрестности были туманны. Наше удовольствіе было половинное; зато въ Плаунѣ было оно полное. Мой путешественникъ Олсуфьевъ (который Н. В. сдѣлался великимъ ботаникомъ и умѣетъ назвать по-латыни каждую дрезденскую травку) нарочно повелъ меня полями, чтобы вдругъ изумить нечаяннымъ взглядомъ на Плаунъ. Въ самомъ дѣлѣ неожиданно очутились мы на краю гранитнаго утеса саженъ въ 70, съ котораго вдругъ представилась намъ вся Плаунская долина, освѣщенная солнцемъ; надобно было тихонько подползти къ краю и лечь, чтобы взглянуть съ крутизны внизъ безъ круженія головы: это глубокая зеленая долина, вьющаяся между высокими утесами, которые однако не имѣютъ ничего чрезвычайно дикаго: они покрыты веселыми деревьями, буками, кленами, пирамидальными дубами и кое-гдѣ темными елями; быстрая рѣчка Вессерица, въ это время довольно мелкая, шумитъ и пѣнится по камнямъ и приводитъ въ движеніе колеса многихъ мельницъ, которыя оживляютъ всю долину. Узенькою тропишкою спустились мы въ ея глубину; у прекраснаго каменнаго моста Вессерицы

себя дипломатической дѣятельности; онъ служилъ при посольствахъ въ Константинополь, Парижѣ, Римѣ; потомъ былъ нашимъ министромъ въ Туринѣ и Мюнхенѣ.

¹⁾ Василій Дмитріевичъ Олсуфьевъ (р. 1796 † 1858), впоследствии бывшій гофмаршаломъ двора цесаревича Александра Николаевича и потомъ обер-гофмейстеромъ, въ 1856 году возведенный въ графское достоинство. Отецъ В. Д. Олсуфьева, Д. А. Олсуфьевъ былъ женатъ на Дарьѣ Александровнѣ Делицыной, отъ брака съ которою имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей: Марью Дмитріевну, бывшую замужемъ за П. И. Мухановымъ, и Софью Дмитріевну, бывшую замужемъ за И. М. Спиридовымъ.

²⁾ Памятникъ извѣстному французскому генералу Морд (Moreau), въ 1813 году вызванному императоромъ Александромъ I изъ Северо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ онъ проживалъ съ 1805 года. Онъ участвовалъ въ совѣтахъ о направленіи военныхъ дѣйствій союзниковъ противъ Наполеона. Тяжело раненый въ сраженіи подъ Дрезденомъ, онъ умеръ 20-го августа 1813 года.

ожидала насъ коляска, и мы поѣхали въ Тарантъ; дорога идетъ берегомъ Веесерицы, мимо деревень, сельскихъ домовъ и мельницъ, и все долиною, которая безпрестанно мѣняетъ видъ свой, такъ что одна и та же картина представляется въ тысячѣ живописныхъ оттѣнковъ. Въ часъ доѣхали мы до Таранта (маленькой, веселый городокъ, извѣстный минеральными водами), заказали въ трактирѣ обѣдъ и пошли бродить. День былъ жаркой, обѣщаль грозу, но не сдержалъ обѣщанія. Самый обширный видъ на Тарантъ и его окрестности—отъ Храма солнца: это бесѣдка изъ коры, покрытая соломой, весьма недостойная своего имени; но самый живописный видъ изъ оконъ развалившаго(ся) замка: подъ самыми стѣнами развалинъ прудъ, влѣво церковь, за прудомъ весь городокъ съ окружающими его кудрявыми утесами, и все чрезвычайно оживлено. Природа не хотѣла быть здѣсь ужасною и самыя дикіе утесы свои скрыла она здѣсь подъ свѣтлою зеленью разнообразныхъ деревъ, и впечатлѣніе, которое она здѣсь производитъ, есть какое-то спокойное, веселое довольство: радуешься настоящей минутой, не мысля о далекомъ! Ясная, живая существенность, не смѣшанная ни съ чѣмъ идеальнымъ! Заслуживъ свой аппетитъ, мы весьма вкусно отобѣдали въ трактирѣ, и между тѣмъ, какъ мы ѣли форелей и густо испеченныя яицы (вмѣсто выпускной яишницы, которой не умѣли описать по-нѣмецки трактирщику), нѣсколько менестрелей играли на арфѣ и пѣли *Freut euch des Lebens, Am Rhein, am Rhein* и польской Огинскаго; виртуозы были не перваго класса, но я слушалъ съ удовольствіемъ: всѣ эти мелодіи были знакомцы стараго времени. Мы возвратились довольно рано въ Дрезденъ, и, не желая потерять послѣднихъ прекрасныхъ минутъ яснаго дня, отправились пѣшкомъ въ *Linkische Bad*: здѣсь по воскресеньямъ, середамъ и пятницамъ проводятъ свой вечеръ жители Дрездена; за входъ надобно заплатить нѣсколько грошей, въ пользу музыкантовъ, забавляющихъ публику. Множество столовъ разставлено подъ липами для тѣхъ, которые хотятъ пить кофе, пиво, курить табакъ или просто сидѣть въ своемъ кругу и смотрѣть на проходящихъ. Въ сказанные три дни можно здѣсь увидѣть весь Дрезденъ, но я не видалъ всего Дрездена, хотя и была пятница: полное собраніе было наканунѣ, въ четвергъ (въ день Вознесенія), и жители Дрездена, весьма точные люди, заплативъ четвергу тѣ гроши, которые принадлежали пятницѣ, не захотѣли отступить отъ правила, и оркестръ игралъ въ пустынѣ.

Карлсбадъ, 17 (29) іюня.

Теперь опишу вашему высочеству свое путешествіе по Саксонской Швейцаріи. Я сдѣлалъ его вмѣстѣ съ моимъ вѣрнымъ товарищемъ Олеуфьевымъ, и мы употребили на него цѣлые три дни.

5 іюня рано поутру отправились мы въ коляскѣ въ дорогу; все это путешествіе можно бы сдѣлать пѣшкомъ, но есть мѣста, которыя мало достойны примѣчанія, и мы рѣшились обойти пѣшкомъ только то, что любопытнѣе, и надобно признаться, что ногамъ нашимъ было довольно работы.

П и л ь н и ц ь . Л о м е н ь . *Ottowalde-Grund*. Время было нѣсколько туманно, когда мы оставили Дрезденъ; но въ Пильницѣ встрѣтили мы ясную погоду, и во весь этотъ день солнце (не смотря на нѣсколько дождевыхъ эпизодовъ) было къ намъ довольно благосклонно. О Пильницѣ не могу сказать вашему высочеству ничего: окрестности его пріятны, но самъ дворецъ и садъ мало достойны примѣчанія. Напившись кофе въ трактирѣ, мы поѣхали далѣе, въ городокъ Ломенъ, гдѣ оставили свою коляску, и отсюда началось наше пѣшеходство; коляску же отправили мы дожидаться насъ въ деревнѣ Ратевальде. Въ Ломенѣ есть старинный замокъ: съ высокой его терассы взглянули мы на рѣчку Везеницу, которая течетъ живописными берегами—видъ прекрасный! Передъ глазами часть городка и мельница, которой колеса приводятся въ движеніе быстрымъ водопадомъ. Изъ Ломена пошли мы полемъ и скоро по крутой тропинкѣ спустились въ *Ottowalde-Grund*—я не знаю, какъ выразить по-русски слово *Grund*: это не долина, а узкій, глубокой и длинный порѣзъ между утесами, дорога, которую въ старыя времена проложила себѣ вода, проточившая камни. Незапная противоположность той глубины, въ которой мы очутились, съ тою веселою равниною, которую мы покинули, была весьма разительна: вдругъ все дико, мрачно и сурово; идешь узкою тропинкою, между огромныхъ камней, покрытыхъ старымъ мохомъ и въ ужасномъ безпорядкѣ набросанныхъ на днѣ долины; по обѣимъ сторонамъ стѣны утесовъ, покрытыя елями и соснами; надъ головою узкая полоса голубаго неба; кое-гдѣ на вершинахъ свѣтъ солнца; внизу же свѣжесть и сумракъ, и нельзя описать того разнообразія, въ какомъ представляются здѣсь утесы: то вдругъ огромная отдѣлившаяся колоина, на которой вмѣсто капители мохъ и сосны; то вдругъ цѣлая стѣна, треснувши, наклонилась и грозитъ тебя задавить; то вдругъ странныя фигуры камней поражаютъ глаза и воображеніе; и эти странныя фигуры подали поводъ ко многимъ народнымъ баснямъ. Нашъ болтливый проводникъ (котораго на все путешествіе взяли мы въ Ломенѣ) рассказывалъ намъ біографію нѣкоторыхъ утесовъ: такъ напримѣръ въ *Ottowalde-Grund* есть глубокая, низкая пещера, которая называется *Teufelsküche*: въ ней жарить свою дичь и, вѣроятно, угощаетъ ея дьявола такъ называемый дикій охотникъ (*der wilde Jäger*), здѣсь извѣстный подъ именемъ безголоваго Дидриха; онъ часто по ночамъ съ ужаснымъ крикомъ, вихремъ и градомъ бѣгаетъ по утесамъ и забавляется охотою; есть мѣсто, которое

называется *Steinerne Haus*: на днѣ долины лежитъ обрушившійся камень, имѣющій фигуру дома. Долина, почти вездѣ весьма узкая, вдругъ такъ стѣсняется, что едва можно пройти двумъ человѣкамъ, и нѣсколько камней, сорвавшись съ высоты, увязли въ ущелии и образовали кровлю: это мѣсто называется *Ottowalde Thor*. Сквозь эти ворота входишь въ *Raingrund*, потомъ въ *die Hölle*, потомъ узкою дорожкой начинаешь подыматься вверхъ: вокругъ тебя все дико по прежнему, кажется, что находишься въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никогда не была нога человѣческая, все въ разрушеніи, дико и сурово; но, взобравшись на высоту, видишь себя вдругъ на лугу, кругомъ кустарникъ и веселая, густая роща; тропинка вьется черезъ рощу, и тутъ кое-гдѣ сквозь деревья начинаютъ проскакивать виды на голубую даль съ свѣтлымъ небомъ, и начинаешь подозрѣвать, что величественное зрѣлище близко... Чтобы вполнѣ насладиться неожиданностію, я не далъ воли своему нетерпѣнію; какъ ни манили меня выглядывавшіе изъ-за деревьевъ утесы, я шель, оставивъ глаза на свою тропинку и на вялые листья, которыми она была покрыта: наконецъ, вдругъ исчезли деревья, и мы очутились на *Bastey*.

Die Bastey. Какъ жаль, что надобно употреблять слова, буквы, перо и чернила, чтобы описывать прекрасное. Природа, чтобы плѣнять и удивлять своими картинами, употребляетъ утесы, зелень деревьевъ и луговъ, шумъ водопадовъ и ключей, сіянье неба, бурю и тишину, а бѣдный человѣкъ, чтобъ выразить впечатлѣніе, производимое ею, долженъ замѣнить ея разнообразныя предметы однообразными чернильными каракулями, между которыми гораздо труднѣе добраться до смысла, нежели между утесами и пропастями до прекраснаго вида. Что мнѣ сказать вашему высочеству о несравненномъ видѣ съ *Bastey*! Какъ изобразить чувство нечаянности, великолѣпіе, неизмѣримость дали, множество горъ, которыя вдругъ открылись глазамъ, какъ голубыя окаменѣвшія волны моря, свѣтъ солнца и небо съ безчисленными облаками, которыя наводили огромныя, подвижныя тѣни на горы, поля, воды, деревни и замки, пестрѣвшіе передъ глазами съ удивительною прелестію! Каждый изъ этихъ предметовъ можно назвать особеннымъ словомъ, но то впечатлѣніе, которое всѣ они вмѣстѣ на душѣ производятъ, для него нѣтъ выраженія; тутъ молчитъ языкъ человѣка, и ясно чувствуешь, что прелесть природы въ ея невыразимости! Надобно однако посвятить нѣсколько чернильныхъ каракулекъ описанію *Bastey*. Это утесъ во сто сажень перпендикулярной вышины, выдавшійся изъ ряду другихъ утесовъ надъ самою Эльбою, которая у подошвы его извилась дугою; вправо и влѣво такіе же крутые, но не столь высокіе утесы; передъ глазами всѣ горы Саксонской Швейцаріи, или, лучше оказать, огромные камни, со всѣхъ сторонъ обтесанные и неприступные: высокій *Lilienstein* съ

кудрявою вершиною, Königstein съ своими башнями, Pfaffenstein, Papststein и множество другихъ, влѣвъ *der grosse Winterberg*, на горизонтѣ *die Erzgebirge*, вправѣ Пирна; въ дали Дрезденъ; деревни по берегамъ Эльбы кажутся карточными домиками, а лодки, плывущія на парусахъ по рѣкѣ, свѣтлыми тихо-ползущими мошками. На утесахъ, торчащихъ влѣво отъ *Basteu*, стоялъ въ старину, какъ увѣряетъ преданіе, разбойничій замокъ, еще видны окважины, означающія мѣсто бывшаго моста; нѣкоторыя щели утесовъ и теперь закладены камнями, и на нѣкоторыхъ скалахъ, по которымъ нынче трудно и ползти, остались еще коленны отъ колесъ: этотъ замокъ конечно былъ неприступенъ; но онъ разрушенъ пушками съ противоположныхъ утесовъ, которые и понынѣ называются шанцами и на которые мы взбирались: съ нихъ представляется глазамъ совсѣмъ другая картина: точно стоишь на крутой скалѣ, торчащей изъ моря, только вмѣсто волнъ окружають тебя вершины елей и сосенъ, и между ими, какъ острова, бѣлѣютъ и чернѣютъ другіе утесы, страшно разорванные и разбросанные. Случай оживилъ для насъ эту картину, плѣнительную мертвымъ своимъ ужасомъ, и воображенію довольно живо представилось старое время, когда на этихъ крутизнахъ гнѣздились разбойники, тираны окрестностей (какъ говорить Делиль)¹⁾: въ то самое время, какъ мы отъ *Basteu* спустились по крутизнѣ на дно пропасти, на высотѣ затрубили въ рогъ, эхо проснулось, раздалось по скаламъ, и все опять замолчало; опять тотъ же звукъ, тотъ же отзвѣвъ и то же молчаніе; вслѣдъ за рогомъ заиграла арфа и зашѣлъ голось; какъ ни глубока была пропасть, но звуки струнъ доходили до слуха; кто игралъ, было не видно, но окружающая дичь казалась оживленною: мы долго стояли, слушали, наконецъ пошли, скоро звуки замолкли, и все опять одичало. Надобно знать, что около *Basteu* есть нѣсколько досчатыхъ хижинъ: тамъ можно всегда найти обѣдъ, и тамъ всегда встрѣтишь арфистовъ: ихъ то пѣсня намъ слышалась.

Дорога отъ *Basteu* въ Шандау. Съ высоты *Basteu* спустились мы въ *Rat(h)ewalde-Grund* и ущельями, подобными первымъ, пошли къ деревнѣ Ратевальде, гдѣ насъ дожидалась наша коляска; тропинка вилась между такими же камнями, какъ и первые, но окружающіе виды были еще живописнѣе, а утесы огромнѣе и величественнѣе: одна громада этихъ утесовъ называется, не знаю почему, *die grosse Gans*, другая *die kleine Gans*; одинъ утесъ *der Lamn* въ самомъ дѣлѣ похожъ на ягненка, лежащаго на крутой скалѣ; о другомъ утесѣ, называемомъ *die Mönchsteine* рассказываетъ преданіе, что онъ есть памятникъ Божія гнѣва, наказавшаго преступную любовь: онъ есть не иное что,

¹⁾ Знаменитый французскій поэтъ Жакъ Делиль (р. 1738†1813).

какъ монахъ и монахиня, окаменѣвшіе въ минуту встрѣчи на мѣстѣ назначеннаго свиданія (то же самое рассказываютъ объ одномъ утесѣ близъ Эйзенаха). На одной высокой скалѣ видишь группу мелкихъ камней: ихъ называютъ Affensteine, ибо они должны изображать обезьянъ въ разныхъ положеніяхъ. Долиною Grünbachthal, по берегу ручья, отъ котораго она получила имя, начали мы снова взбираться на высоту: его воды въ своемъ теченіи образуютъ два водопада, которые въ началѣ весны или послѣ проливныхъ дождей должны быть весьма живописны: но мы видѣли одинъ мелкій, быстрый ручей, который пріятно шумѣлъ и пробирался между камней. Первое его паденіе называется Amselloch потому, что камень, съ котораго онъ падаетъ, образуетъ пещеру, довольно глубокую: видишь серебряную струю, перерѣзывающую надвое темный входъ пещеры; а вошедши подъ навѣсъ, видишь ту же струю, которая кажется прозрачнымъ кристалльнымъ столбомъ; сквозь брызги видна вся бѣгущая внизъ долина, и въ самомъ концѣ задвигаютъ ее дымящеюся отъ паровъ громадою огромныя скалы Affensteine. Довольно уставъ отъ своего путешествія, пришли мы наконецъ въ деревню Ратевальде, сѣли въ коляску и поѣхали въ Шандау черезъ Ziegenrück(en), съ котораго имѣли прелестный видъ на окрестность при заходящемъ солнцѣ. Шандау извѣстенъ своими минеральными водами и ваннами; мы остановились за городомъ, въ трактирѣ, гдѣ находятся и ванны. Его положеніе живописно; но намъ уже было не до живописныхъ положеній: усталость и ея родной братъ голодъ тормозили насъ; отъ голода избавились мы вкуснымъ ужиномъ, а усталость прогналъ услужливый сонъ, и могу увѣрить ваше высочество, что и я, и мой товарищъ покоились сномъ праведниковъ, ибо наши обѣ совѣсти (по крайней мѣрѣ на ту минуту) были весьма непорочны.

Kuhstall. Мы не дали себѣ воли вѣжиться, встали рано и, позавтракавъ, пустились въ путь. Нѣсколько времени — пока было можно и чтобы не тратить напрасно силъ — ѣхали мы берегомъ источника Кирнича въ коляскѣ; наконецъ дорога наша оборотилась въ тропинку; мы пошли пѣшкомъ и начали взбираться по крутизнѣ къ Kuhstall. Достигнувъ съ трудомъ до высоты, пришли мы дорожкой, обсаженною стриженными елями, ко входу пещеры или, лучше сказать, къ огромнымъ воротамъ, сдѣланнымъ самою природою посреди утесовъ: эти ворота называются Kuhstall потому, что въ 30-лѣтнюю войну жители окружныхъ мѣстъ прятали подъ ихъ сводомъ отъ хищничества шведовъ свою скотину, и они такъ огромны, что подъ ними могло скрываться довольно большое стадо. Въ наши времена этотъ пріютъ несчастія сдѣлался однимъ предметомъ беззаботнаго любопытства, и память минувшихъ ужасовъ только оживляетъ то удовольствіе, которое производитъ чудесный видъ пещеры и пропастей, ее окружающихъ.

И сводъ ея и стѣны кажутся мозаикою, такъ испестрены они именами путешественниковъ, которые вездѣ хотятъ оставить вѣчный слѣдъ своего минутнаго пребыванія. И намъ захотѣлось отвѣдать вѣчности: Олсуфьевъ взгромоздился на лѣстницу и, пока я занимался временнымъ, то есть кушалъ жареный картофель, начертилъ для будущихъ временъ свое и мое имя на такомъ мѣстѣ, далѣе котораго ничья смѣлая рука не достанетъ. Въ пещерѣ есть все для этого нужное, кисти и чернила. Въ стѣнахъ ея въ одномъ мѣстѣ выдолблена кухня, въ другомъ погребъ; во все лѣто живутъ здѣсь люди, которые угощаютъ путешественниковъ обѣдомъ и кофе; нашлись также и арфисты. На утесахъ, образующихъ Kuhstall, много предметовъ, достойныхъ любопытства; нѣкоторые напоминаютъ ужасную 30-лѣтнюю войну: напримѣръ одна маленькая пещера называется Wochenbett: въ ней, по преданію, скрывалась отъ шведовъ беременная женщина, родила своего младенца и провела первые дни родовъ въ безопасности; одинъ нависшій надъ пропастію камень, съ котораго страшно посмотрѣть въ глубину, называется die Kanzel: съ него проповѣдовалъ какой-то священникъ, который послѣ былъ сброшенъ въ пропасть, и мѣсто, съ котораго его толкнули, наименовано Pfaffensprung. Здѣсь въ старину скрывались и разбойники; ихъ замокъ, стоявшій на вершинѣ надъ самымъ Kuhstall, назывался Wildenstein; взбираться къ нему можно только по темной, узкой трещинѣ, въ самой срединѣ утеса находящейся; едва можетъ протѣсниться одинъ человекъ; мы кое-какъ пролѣзли и съ высоты, гдѣ нѣтъ уже и признаковъ замка, любовались ужасомъ окрестностей. Все это мѣсто окружено лабиринтомъ пещеръ, въ которыхъ было легко и скрываться и защищаться, и одна изъ нихъ называется Schneiderloch (по имени разбойника Шнейдера, который долгое время въ ней прятался); одинъ человекъ могъ оборониться въ ней отъ цѣлой арміи: къ ней надобно карабкаться по узкимъ камнямъ, висающимъ надъ бездною, согнувшись въ дугу, потому что и надъ головою висятъ такіе же камни; въ самой же пещерѣ нельзя стоять, такъ она низка—но видъ изъ нея удивительный: все вокругъ тебя, передъ тобою, надъ тобою и подъ тобою въ развалинахъ; здѣсь царство разрушенія; одно только эхо здѣсь существуетъ—минутный, быстро исчезающій житель, только разительнѣе напоминающій о ничтожествѣ. Нашъ проводникъ началъ кричать, и эхо по нѣсколько разъ повторяло его крики, и молчаніе, которое всякой разъ смѣняло голосъ, было еще разительнѣе послѣ мгновеннаго звука. Осмотрѣвъ всѣ эти предметы (ихъ можно видѣть безъ всякой опасности, ибо вездѣ для проходящихъ подѣланы перилы), мы опять сошли въ Kuhstall и, провожаемые арфою, начали спускаться въ глубину долины, которую надобно было пройти, чтобы потомъ подняться на Klein Winterberg. На днѣ долины мы остановились и увидѣли

надъ головою Kuhstall, который снизу показался намъ едва замѣтную трещиною; мы увидѣли нѣсколько мужчинъ и дамъ, пришедшихъ по слѣдамъ нашимъ въ пещеру, и въ трубку могли различить, что они вальсировали подъ арфу, которой звуки все намъ слышались: изъ пропасти закричали мы имъ браво! и ползли на Klein Winterberg.

Klein Winterberg. Фортуна, до сихъ поръ къ намъ благосклонная, отказалась отъ насъ у подошвы этой горы: небо задернулось облаками, и начался дождь, сначала мелкой, потомъ довольно сильной; мы промокли до костей. Одно утѣшеніе намъ оставалось; проводникъ увѣрялъ насъ, что на высотѣ горы найдемъ мы защиту. Хотя мы и шли все лѣсомъ, но это нисколько не спасало отъ дождя, напротивъ его удвоивало; вѣтеръ шаталъ деревья, и крупныя капли, сыпавшіяся съ листьевъ, составляли крупный древесный дождь, который нисколько не уступалъ небесному. Но вотъ мы на вершинѣ, и дождикъ пересталъ. Слѣшу къ общанному убѣжищу—что же? Это не иное что, какъ каменная бесѣдка, со всѣхъ сторонъ открытая, въ которой бушевалъ сильный, холодный вѣтеръ. На первую минуту чувство обманутой надежды было весьма непріятно: но часто живѣйшія удовольствія находишь тамъ, гдѣ ихъ не ожидаешь. Новое, чудесное зрѣлище поразило насъ: облака разорвались огромными массами и страшно летали надъ нашими головами; голубое небо выглядывало и исчезало; на всѣхъ пунктахъ горизонта являлись тучи, однѣ уходящія, другія идущія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ были совершенно черныя, и подъ ними чернѣли далекія горы, которыя врѣзывались въ нихъ своими вершинами; въ другихъ мѣстахъ тучи сливались дождемъ съ горизонтомъ, и казалось, что тамъ былъ промежутокъ пустоты, какъ будто что-то разрушилось и одинъ только столбъ пыли остался. Ближніе предметы были еще чудеснѣе! Горы съ лѣсистыми боками, долины, деревья, утесы, все смѣшалось въ одинъ хаосъ; дождикъ пересталъ, и со всѣхъ сторонъ начали подыматься пары: тамъ висала ужасная бѣлая змѣя въ клубящемся облакѣ дыму; тамъ множество легкихъ облаковъ летѣли, какъ стая привидѣній; тамъ вершина горы была перерѣзана туманною полосою; тамъ цѣлая гора синѣла на воздухѣ, и подъ нею волновались облака; тамъ вдоль глубокой долины тянулась и подымалась длинная полоса паровъ, похожая на дымъ отъ обширнаго пожара въ лѣсу или на необъятную, разбросанную сѣдую гриву какого-нибудь чудовища, которую раздувалъ и рвалъ сильный вѣтеръ—словомъ, зрѣлище было неописанное; я забылъ холодъ и мокроту и не могъ наглядѣться на этотъ величественный хаосъ. А арфа какъ тутъ! Вошедши въ бесѣдку, мы и не примѣтили, что въ углу ея притаился старый богемецъ съ маленькою дочерью; увидѣвъ путешественниковъ, онъ принялся исполнять свою должность, заигралъ и запѣлъ; а малютка начала ему вторить! И что жъ они за-

пѣли? Прощаніе Бонапарта съ Франціею. (Я списала эту пѣсню; она, кажется, стала народною: я олыпалаъ ее и на Bastey и послѣ на Schlossberg подлѣ Теплица). Признаюъ, такая неожиданная гармонія посреди туманнаго волненія, между утесовъ, поразила меня. Пѣніе было неискусное, но въ соединеніи дрожащаго голоса старика съ звонкимъ и еще не осозрѣвшимъ голосомъ младенца было что-то трогательное; а содержаніе пѣсни разительно огласовалось съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ она намъ слышалась: вокругъ насъ все было пустынно и дико; вѣчные утесы стояли неподвижно, и между ими легкимъ дымомъ, ничтожными призраками, летали остатки минувшей бури: по неволѣ видѣлось тутъ бурное, разлетѣвшееся величіе Наполеона! И что-то было прискорбно поражающее въ этомъ имени, недавно грозномъ, которое (безъ всякаго о немъ понятія) старикъ и младенецъ повторяли въ глухой дичи, чтобъ получить нѣсколько крейцеровъ отъ проходящаго. На наше счастье вблизи бесѣдки, построенной для удовольствія путешественниковъ, нашлась лачужка, въ которой мы развели огонь, обсушились и даже напивоъ кофе. Пока мы грѣлись и морщились отъ дыму, нашъ проводникъ рассказывалъ намъ сказки. Черезъ полчаса мы опять отправились въ путь; но на вершинѣ большаго Winterberg, съ котораго въ ясную погоду можно видѣть какъ въ панорамахъ всѣ горы Саксоніи и часть горъ Богемскихъ, не видали мы ничего: опять начался мелкой дождь, и все слилось въ однообразной, непроницаемый туманъ.

Prebisch Thor. Вдохнувъ о потерѣ удовольствія и не надѣясь переждать ненастья, которое, казалось, совсѣмъ овладѣло небомъ, пошли мы далѣе; но дождикъ вдругъ пересталъ, и мы ободрились и, наконецъ, миновавъ утесы, называемые die Schäfersteine, и переступивъ за границу Богеміи, очутились на высотѣ утеса, называемаго Prebisch Thor. Съ этой крутизны имѣли мы почти такой же видъ, какъ и съ Klein Winterberg; но впечатлѣніе, которое онъ сдѣлалъ надъ нами, было точно похоже на радость: прояснившееся время прояснило и душу. Воспоминаніе о Prebisch Thor есть самое пріятное изъ всѣхъ, оставшихся мнѣ отъ Саксонской Швейцаріи. Prebisch Thor есть такая же сквозная пещера, какъ и Kuhstall, только несравненно уже и выше; сперва всходишь на верхъ того камня, который образуетъ ея сводъ, потомъ уже спускаешься подъ самый сводъ; но какъ описать это чудесное мѣсто! Вообразите узкую скалу, длиною въ десять или пятнадцать сажень, а шириною не болѣе четырехъ аршинъ, положенную на два другихъ стоячихъ утеса; на этой узкой, каменной полосѣ стоишь, будучи окруженъ спереди, справа и слѣва пропастями сажень во сто глубину, изъ которыхъ какъ страшилища высовываются другіе голые утесы; за ними зеленѣютъ съ трехъ сторонъ долины; позади ихъ поднимаются лѣсистыя

невысокія горы, между которыми также видишь дно извивающихся долинъ, а за этими близкими зеленѣющими горами стоятъ, какъ привидѣнія, далекія, синія, и надъ всѣмъ этимъ неописаннымъ разнообразіемъ горъ и долинъ вообразите тотъ же чудесный туманъ, волнующійся, летающій, но гораздо болѣе прозрачный, такъ что по временамъ можно было различить все, что таилось подъ его зыбкими волнами; но иногда вдругъ онъ совершенно сгущался, и въ эти минуты казалось, что стоишь на краю свѣта, что земля кончилась и что за шагъ отъ тебя уже нѣтъ ничего, кромѣ бездны неба. Рядомъ съ Prebisch Thor находится другая скала, отдѣленная отъ первой пропастью, гораздо выше, уже и круче: она называется Prebisch Wand. Мы лазили на нее, чтобы взглянуть на Prebisch Thor сбоку—видъ несравненный! Не понимаешь, для кого созданы природою въ пустынѣ эти таинственные ворота и куда ведутъ они: кругомъ ихъ бездны, сквозь ихъ отверстіе виденъ одинъ волнующійся туманъ и что-то, какъ будто изъ другаго свѣта, мелькаетъ сквозь этотъ полупрозрачный сумракъ; и на высотѣ утеса, образующаго ихъ сводъ, на голомъ гранитѣ, растетъ одинокая ель; корни ея совсѣмъ обнажены, не знаешь, откуда берутъ они свою пищу, но она зелена, свѣжа, и бури ея не трогаютъ: я подумалъ о Фридрихѣ¹⁾—эта картина для его кисти! У самой Prebisch Wand стоятъ, какъ будто ея сторожъ, ужасная уединенная скала Prebisch Kegel: это гранитный столбъ, со всѣхъ сторонъ неприступный: съ начала свѣта никто, кромѣ развѣ орла, не бывалъ на его вершинѣ, и эта неприкосновенность придавала ему какое-то величіе.

Возвращеніе въ Шандау. Солнце выглянуло изъ тучъ, когда мы отъ Prebisch Thor спустились въ глубину долины по лѣсистой горѣ, называемой die Heiligen Hallen и которая, какъ необъятный разрушенный амфитеатръ съ безчисленными ступенями, подымалась позади насъ; утесы образовали стѣны, своды, ложи и галереи: надобно было итти по крутому ихъ скату почти цѣлую версту, чтобы добраться до dna долины, и тутъ я узналъ, что итти долго по крутизнамъ внизу гораздо труднѣе, нежели подыматься вверху. Все потемнѣло, когда мы спустились въ Bielgrund и по берегу быстрого ручья пошли къ Hirschkegelschen, пограничное мѣстечко, гдѣ находится австрійская таможня,—здѣсь кончится Саксонія и начинается Богемія. Нашъ проводникъ, шедшій впередъ, сыгралъ надъ нами забавную шутку; намъ надобно было проходить мимо нѣсколькихъ мельницъ, и онъ вездѣ рассказывалъ, что мы турки; усы Олсуфьева подтверждали этотъ рассказъ, и насъ вездѣ

¹⁾ Живописецъ Каспаръ-Давидъ Фридрихъ (р. 1774 † 1840). Его картины, преимущественно ландшафты, носятъ романтическій и меланхолическій характеръ.

встрѣчали толпы ребятишекъ; мы нарочно заговаривали съ ними по-русски, чтобъ насъ не поняли; но намъ или отвѣчали громкимъ хохотомъ, или совѣмъ не отвѣчали и разбѣгались. Въ Hirnischkretschien дожидалась насъ лодка, и мы поѣхали Эльбою въ Шандау. Несмотря на вечернюю сырость, наше плаваніе было приятно: между утесами, которые какъ стѣны поднимаются на правомъ берегу рѣки, одинъ достойнъ примѣчанія по своей фигурѣ: его называютъ die Königsnase; въ самомъ дѣлѣ видишь профиль огромной головы, смотрящей на воды изъ-за скалы, и эта голова съ движеніемъ лодки безпрестанно перемѣняетъ и фізіономію, и положеніе; наконецъ, она ложится и пропадаетъ; нѣсколько елей, выросшихъ на высотѣ, кажутся букетомъ, припиленнымъ ко груди каменнаго великана. Была почти ночь, когда мы возвратились въ Шандау, столь же усталые и голодные, какъ наканунѣ; но такъ какъ въ Шандау опять нашлись вкусныя форели и такъ какъ наши совѣсти все еще продолжали быть непорочными, то мы, какъ и наканунѣ, отужинали съ аппетитомъ и заснули глубокимъ сномъ праведныхъ.

Lilienstein. Brand. Hohnstein. Не стану подробно описывать вашему высочеству остальнаго нашего путешествія: ничто не будетъ ново въ описаніи, хотя видѣнные нами предметы имѣютъ каждый много отличнаго. Мы взбирались въ жаръ, по песку на крутой Lilienstein, съ котораго видишь вблизи Königstein и необъятную гористую окрестность: на краю горизонта можно различить, какъ темную точку, Ноллендорфскую часовню. У подошвы Лиліенштейна (въ 1813) расположились укрѣпленнымъ лагеремъ остатки французской арміи, почти уничтоженной въ Россіи — и теперь еще видны батареи. Это, какъ говоритъ Олсуфьевъ, было предсказаніемъ того, что случилось послѣ: Наполеонова армія нашла защиту подъ камнемъ лиліи, въ виду роковой Ноллендорфской часовни. Съ Лиліенштейна, черезъ поля и свѣжую долину Tiefegrund, достигли мы около вечера до утеса, называемаго der Brand: онъ очень сходенъ съ Bastey, и видъ съ него если не обширнѣе, то привлекательнѣе: передъ самыми глазами, въ глубинѣ, зеленая долина, вдоль которой по излучинамъ ручья вьется дорога; къ ней примыкаетъ другая долина, такая же свѣжая и зеленая; за ними густая, темная роща, за которою въ двухъ мѣстахъ блистаетъ Эльба и сияютъ тѣ же горы, которыя видны съ Bastey: вечернее солнце удивительно украшало и разнообразило эту картину. Прежде нежели оно закатилось, успѣли мы притти въ городокъ Hohnstein посмотреть находящійся въ немъ старинный замокъ: можно сказать, что онъ виситъ надъ пропастію и что скала, его держащая, всякую минуту готова съ нимъ обрушиться. Часть этой пропасти, въ которую со страхомъ глядишь съ террасы замка, обращенной нынѣ въ цвѣтникъ, называется Vâgen-

garten: въ ней когда-то за высокими стѣнами жилали медвѣди, которыхъ ловили въ окружныхъ лѣсахъ; изъ оконъ замка можно было любоваться ихъ дикою домашнею жизнію. Въ замкѣ показываютъ остатки старинныхъ тюремъ; одна изъ нихъ, темная и низкая, называлась die Marterkammer и была опредѣлена для пытки; нынче хранится въ ней одинъ невинный картофель; въ другой, полуразвалившейся, содержался преступникъ Клеттенбергъ (за дѣланіе фальшивой монеты); этотъ несчастный вздумалъ было спастись и изъ соломы, служившей ему подстилку, свилъ веревку, спустился по ней изъ окна, но веревка была слишкомъ коротка; онъ прынулъ и переломилъ ногу; его поймали и казнили; а предательницу-веревку и теперь показываютъ путешественникамъ. Въ Hohnstein кончилось наше странствіе. Здѣсь дожидалась насъ коляска наша, пріѣхавшая сюда изъ Шандау. Было гораздо за полночь, когда мы возвратились въ Дрезденъ.

Такъ прошли для меня въ самыхъ чистыхъ удовольствіяхъ три дни. Простите, если я наскутилъ вашему высочеству длиннымъ своимъ описаніемъ. Я предаюсь вполне тому счастью, которое вы же дали мнѣ милостивымъ своимъ приказаніемъ писать къ вамъ, счастью сообщать вамъ то, что я вижу, думаю и чувствую въ моемъ путешествіи. Это веселое путешествіе есть ваше благодареніе; и вы же сообщили ему и главную его прелесть: мнѣ весело видѣть и такъ же весело пересказывать о видѣнномъ вашему высочеству.

Приношу здѣсь мое глубочайшее почтеніе его императорскому высочеству и съ чувствомъ этого неограниченнаго почтенія, съ живѣйшею благодарностію за всѣ безцѣнные ваши милости честь имѣю быть вашего императорскаго высочества покорнѣйшимъ слугою

Жуковскій.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ные т ю к а м н, оставаясь безъ надлежащаго присмотра, поселяли о себѣ дурную славу въ обитателяхъ Петербургской стороны. По штату 1816 г., число воспитанниковъ ограничено 2,000, которыхъ составили 8 ротъ; въ томъ же году прекращенъ приемъ дворянъ, имѣвшихъ болѣе 20 лѣтъ. Суровая дисциплина тогдашняго времени практиковалась въ полку во всей силѣ; строй занималъ въ обученіи первое мѣсто; дворянъ муштровали ежедневно по пяти часовъ, а въ 1820 г. былъ отстроенъ для этого обширный манежъ; рядомъ съ нимъ находились столовый залъ и кухня, произведенія которой не отличались ни вкусомъ, ни опрятностью. Спали воспитанники по пяти на двухъ сдвинутыхъ кроватяхъ; бѣлье мѣнялось разъ въ недѣлю. Выпуски были частые: въ 1812 г.—17. Въ общемъ, до 1831 г. заведеніе дало свыше 8 тысячъ офицеровъ.

Въ 1832 г. Дворянскій полкъ совершенно отдѣленъ отъ 2-го корпуса и усиленъ средства образованія; въ 1834 г. учреждены 4 общихъ и 2 спеціальныхъ класса; по указаніямъ Я. П. Ростовцева, разработаны учебники, и полкъ ни въ чемъ не отличался отъ остальныхъ корпусовъ; въ 1837 г. онъ перемѣщенъ былъ въ существующее по нынѣ красное зданіе на Спасской улицѣ Петербургской стороны. Задачею полка сдѣлалось—довершать образованіе кадетъ губернскихъ корпусовъ, воспитанники которыхъ начали прибывать въ полкъ съ 1838 г., принося освѣжающіе, благотворные элементы и постепенно сливаясь съ корнями¹⁾.

Переименованный въ 1855 г. въ Константиновскій кадетскій корпусъ, Дворянскій полкъ перемѣщенъ въ 1857 г. на Обуховскій, нынѣ Забалканскій проспектъ, а въ 1859 г. получилъ названіе 2-го военного Константиновскаго училища.

«Перенесенъ же въ минувшее,—такъ закончилъ свою рѣчь М. Г. Гольмдорфъ,—и начнемъ наше собраніе, какъ и прежде бывало, молитвою за царя и павшихъ товарищей».

Музыка заиграла народный гимнъ, подхваченный всеми присутствовавшими; затѣмъ оркестръ перешелъ къ молитвѣ за павшихъ, слившейся въ общій аккордъ пѣвшихъ ее бывшихъ воспитанниковъ. Обѣдъ прошелъ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей кадетскаго быта. Вначалѣ повѣстка барабанщика пригласила къ закускѣ, а затѣмъ бой къ столу перемѣстивъ всѣхъ, какъ было въ заведеніи, къ сервированнымъ въ нѣсколько рядовъ обѣденнымъ столамъ. По сигналу барабанщика пропѣта предобѣденная молитва, и всѣ заняли мѣста, гдѣ при кувертахъ лежалъ складной погонъ бывшаго Дворянскаго полка и на внутренней его части помѣщено меню обѣда: «супъ съ пентухами, рыба по-волонтерски, говядина по-нестеровски²⁾, пуншъ Леткова». Прислуга разносила кушанья не вразсыпую, какъ на

обыкновенныхъ пиршествахъ, но, съ блюдами въ рукахъ, строилась въ двѣ шеренги и потомъ, по удару барабана, разомъ направлялась къ столамъ. Послѣ обѣда всѣ построились въ одну общую роту, по выпускамъ, и подъ звуки оркестра, игравшаго «тихой маршъ», по командѣ ген.-лейт. М. Г. Черныева, прошли церемониальнымъ маршемъ мимо своего фельдфебеля.

На второмъ обѣдѣ, 14 марта 1883 г., въ первый разъ въ числѣ присутствовавшихъ находилось болѣе 10 человекъ изъ юнкеровъ 2-го Константиновскаго училища. Кашеваръ предложилъ сборъ для учрежденія стипендіи въ какомъ-либо среднемъ заведеніи, въ память Дворянскаго полка. Обесенная имъ шапка дала основаніе будущему капиталу. На собраніи 1885 г. было постановлено: поручить собирателямъ товарищеской копилки ходатайство объ испрошеніи разрѣшенія учредить, на проценты съ капитала, стипендіи, и было собрано 300 р.

На обѣдѣ 14 марта 1888 г. М. И. Семеновъ предложилъ образовать при библіотекѣ Константиновскаго училища особый отдѣлъ изъ трудовъ бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка.

Обѣдъ 1892 г. былъ безъ винъ, такъ какъ деньги, обыкновенно расходующая на вина, пожертвованы были въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Праздникъ 1895 г. былъ особенно торжественъ: Константиновское артиллерійское училище, въ первый годъ своего существованія, праздновало 88-ю годовщину рожденія своего прадеда—Дворянскаго полка.

Въ 1899 г. «Дворяне» и «Константиновцы» праздновали 92-ю годовщину своей *almae matris*. Вотъ программа этого праздника: 1) вступленіе съ сферу дѣйствій; 2) подступъ къ чаркѣ; 3) занятіе позицій; 4) повѣстка; 5) кулиарная сѣтка въ 3 приема; 6) передовые тосты; 7) донесенія отсутствующихъ; 8) тризна по выбившимъ изъ строя; 9) здравницъ; 10) рядка курительныхъ патроновъ; 11) докладъ о товарищеской копилкѣ; 12) отбой и переходъ къ зеленому полю. 30-го января 1899 г., на совѣщательномъ собраніи 38 лицъ, рассмотрѣнъ былъ проектъ устава «Общества вспомоществованія бывшихъ «Дворянамъ» и «Константиновцамъ», который и былъ утвержденъ 2-го марта.

Особенно подробно описано празднованіе 14-го марта 1901 г.

Въ концѣ книги помѣщены: перечень литературныхъ трудовъ бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка и преемственныхъ ему заведеній, доставленныхъ въ особый отдѣлъ библіотеки Константиновскаго артиллерійскаго училища, по 1-е мая 1901 г., списокъ «Дворянъ» и «Константиновцевъ», участниковъ товарищескихъ собраній 14-го марта 1882—1901 г., по годамъ выпуска изъ заведенія, а также имена участниковъ этихъ собраній, не бывшихъ питомцами заведенія, но служившихъ и служащихъ въ немъ.

Н. К.-ш.-ъ.

диръ роты служителей и учитель пѣнія въ 50-хъ годахъ.

¹⁾ Корнями назывались воспитанники, поступавшіе прямо въ полкъ.

²⁾ Е. П. Нестеровъ былъ экономомъ съ 1836 по 1856 г., капитанъ А. Г. Летковъ—командиръ роты служителей и учитель пѣнія въ 50-хъ годахъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по 9 рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала бесплатно.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXII-й.

НОЯБРЬ.

1901 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Дубровина.....	241—264	Сообщилъ Н. А. Бычковъ.....	389—401
II. „Полярная Звѣзда“ и „Невскій Альманахъ“. (1826—1827 гг.). Сообщ. Н. Д.....	265—269	XII. Экспедиція Государствен. Хозяйства (1797—1803 гг.) В. И. Вешнякова.....	403—422
III. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.....	271—291	XIII. Родословн. Басмановыхъ.....	423—430
IV. Театральныя интриги въ 1822 году. (В. А. Каратыгинъ и П. А. Катенинъ). Ив. Кубасова.....	293—304	XIV. Записки генерала В. И. Левенштерна.....	431—457
V. Императоръ Павелъ. Очеркъ развитія его личности. П.....	305—322	XV. Празднованіе XI-й годовщины освобожденія крестьянъ.....	459—464
VI. Нѣсколько новыхъ словъ о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—51 гг. Николая Лернера.....	323—326	XVI. Записная книжка „Русской Старины“. Письмо М. Сперанскаго императору Николаю. 19-го июня 1827 г. (стр. 270).—Просьба арестантовъ въ 1812 году объ отправленіи ихъ въ дѣйствующую армію. 22-го сентября 1812 г. (292).—Письмо М. Сперанскаго—гр. Аракчееву. 14-го сентября 1816 г. Великополье.—Просьба графа Росточича объ увольненіи его въ отставку. 15-го октября 1823 г. Москва. (370).—Распоряженіе о наблюденіи за продажей каррикатуръ. 29-го мая 1823 года (402).—0 благочиніи въ церквахъ. Записка графа Аракчеева. 23-го января 1816 года. (458).	
VII. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи. (Изъ бумагъ Павла Васильевича Жуковскаго). Сообщ. А. А. Ожигинъ.....	327—340	XVII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).	
VIII. Михаилъ Васильевичъ Остроградскій подъ надзоромъ полиціи.....	341—342		
IX. Россія и палсій престолъ. П. Пирлинга. (Съ французскаго).....	343—369		
X. Былое. Изъ воспоминаній о пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ А. Р.....	371—388		
XI. Письма В. А. Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 году.			

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ Н. А. Бычковъ.
2) Портретъ графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. Грав. И. И. Хелмицкій.
Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1901 г.
Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.
Пріемъ подѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, 39.
1901.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1901 г.

Вибліографическій листокъ.

„Русскій Біографическій Словарь“. Фаберъ—Цявловскій. Изд. подъ наблюдениемъ Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. С.-Пб. 1901 г., 8°, 521 стр. (цѣна 6 р. 50 к.).

Мало еще извѣстное, а потому и не вошедшее въ обиходъ грандіозное изданіе Русскаго Историческаго Общества медленно, но безостановочно подвигается впередъ: настоящей томъ, по счету четвертый (I—А—Александръ II, II—Алексинскій—Вестужевъ-Рюминъ, III—Ибакъ—Ключаревъ), появился въ свѣтъ въ мартѣ текущаго года, а въ началѣ наступающаго, какъ мы слышали, готовится къ выходу новый выпускъ, въ который войдутъ біографія русскихъ дѣятелей на букву П. (до Петра Великаго исключительно). Своевременно, по мѣрѣ выхода предыдущихъ томовъ, въ печати появлялись замѣтки, посвященныя предпріятію А. А. Половцова (изданіе ведется на его личные средства), въ которыхъ, съ большимъ или меньшимъ безпристрастіемъ отмѣчались достоинства «Словара». Къ числу достоинствъ изданія справедливо причислялись широта плана, привлеченіе въ обиходъ большого количества архивныхъ матеріаловъ, къ которымъ сотрудничали «Словари» допускались съ большею или меньшею свободою, наконецъ, несомнѣнное достоинство многихъ статей, принадлежащихъ перу нашихъ извѣстныхъ, или начинающихъ ученыхъ. Настоящій томъ, отличающійся тѣми же качествами, что и ранѣе вышедшіе, производитъ еще болѣе благоприятное впечатлѣніе какъ со стороны полноты, такъ и въ отношеніи детальной разработки статей. Отсылая интересующихся къ самому изданію, отмѣтимъ въ помощь томъ статьи наиболѣе обстоятельныя: таковы біографіи В. Хмельницкаго (проф. Маркевича), Филарета Дроздова (проф. Корсунскаго), митр. Филиппа (С. В. Рождественскаго), А. С. Хомякова (А. М. Ловгина), Д. И. Фонвизина (акад. Жданова), статьи В. В. Сиповскаго (объ А. П. Хвостовой, Е. В. и М. М. Херасковъ), Н. П. Павлова-Сильванскаго, В. И. и Д. А. Корсаковыхъ, В. Л. Модзалевскаго (гр. Д. И. Хвостовъ, и др.), Я. Колубовскаго, С. Н. Кулибина, Вс. С—каго, А. Чулкова, Н. И. Веселовскаго, В. Савиннова (кн. П. Д. Цицановъ), В. Горскаго и др. Съ окончаніемъ всего задуманнаго изданія «Словарь» будетъ необходимъ всѣмъ изслѣдователямъ и любителямъ нашей старины, почему мы и желаемъ такому монументальному предпріятію Русскаго Историческаго Общества полнѣйшаго успѣха.

Д. В. Цвѣтаевъ. Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. Приложенія къ историческому изслѣдованію. Книга первая. Варшава. 1901 г.
С. Ф. Либровичъ. Царь въ плѣну. Спб. 1901 г.

Новый трудъ Д. В. Цвѣтаева представляетъ черновикъ собраннаго Д. В. историческаго матеріала, въ который вошли документы, планы и рисунки. На основаніи добытыхъ источниковъ Д. В. оспариваетъ распространенное мнѣніе, по которому заброшенная въ заднемъ дворѣ Первой мужской въ Варшавѣ гимназіи постройка въ видѣ часовни считается усыпальницей Шуйскихъ. Доказательству этого вопроса будетъ посвященъ слѣдующій выпускъ.

Трудъ С. Ф. Либровича—товенская книжка, цѣлкомъ посвященная тому же вопросу плѣненія, кончины и погребенія Шуйскихъ и представляетъ удачный популярный очеркъ смутнаго времени. Несмотря на скромную цѣну, въ книжкѣ до сорока прекрасно воспроизведенныхъ различныхъ иллюстрацій.
В. Л—ій.

Николай Лернеръ «Первая одесская газета». Страничка изъ исторіи русской печати. Одесса 1901 г.

Въ небольшой брошюрѣ, подъ выше приведеннымъ заглавіемъ, г. Лернеръ излагаетъ исторію возникновенія и прекращенія первой одесской газеты.

Газета эта, издававшаяся на французскомъ языкѣ и носившая названіе: «Messager de la Russie Méridionale, ou feuille commerciale, publié avec l'autorisation du gouvernement»¹⁾, выходила въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ: съ 1-го апрѣля 1820 до октября 1823 года. Издателемъ газеты была небогатая компанія, подъ руководствомъ весьма образованнаго француза Ивана Даваллона; онъ былъ агрономъ и хозяинъ овчарнаго заведенія во Франціи; но, испытавъ разныя потери, исхаль средствъ для существованія, для чего и началъ издавать газету, которая выходила по вторникамъ и пятницамъ сперва на одномъ полулистѣ, по невозможности, какъ сказано въ программѣ, издавать ее, при недостаткѣ типографскихъ средствъ, цѣлыми листами. Газета была посвящена преимущественно торговлѣ, а потому въ пей объявлялось о прибывшихъ и отшедшихъ корабляхъ, курей веселей и мо-

¹⁾ «Вѣстникъ Южной Россіи или коммерческій листокъ, издаваемый съ позволенія начальства».

ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ХРИСТОФОРОВИЧЪ
БЕНКЕНДОРФЪ.

ИЛЬ
МИ.

Арх. 1869 г., т. I, стр. 759.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1901 г., т. VIII. НОЯБРЬ.

10 г. „Русский

16

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XIV ¹⁾).

Отношенія Россіи къ Франціи въ 1810 году.— Докладъ Наполеону министерства иностранныхъ дѣлъ о необходимости войны съ Россіею.— Положеніе Наполеона во Франціи.— Приготовленія Россіи къ военнымъ дѣйствіямъ.— Записка М. М. Сперанскаго.— Учрежденіе должностей военныхъ агентовъ при нашихъ посольствахъ.— Желаніе и просьбы Барклая-де-Толли о скорѣйшемъ заключеніи мира съ Турціею.

Въ началѣ 1810 года многіе, по ходу политическихъ событій, считали войну съ Наполеономъ неизбѣжною.— «Я нашелъ въ Москвѣ, писалъ графъ Ростопчинъ ²⁾, множество слуховъ о близкомъ разрывѣ съ Франціею и уныніе отъ упадка денегъ и возвышенія цѣнъ».

Невыгодный для Россіи Шёнбрунскій миръ съ Австріею, возбудившій продолжительную дипломатическую переписку по такъ называемому польскому вопросу, о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, и неудачное сватовство Наполеона положило, можно сказать, конецъ союзу его съ императоромъ Александромъ. Полное, но скрытое до времени охлажденіе началось съ того времени, когда Наполеону было заявлено, что императрица Марія Ѳеодоровна, по молодости великой княжны Анны Павловны, не можетъ согласиться на бракъ своей дочери съ императоромъ Франціи. Этотъ отказъ глубоко оскорбилъ Наполеона, но за то былъ сочувственно встрѣченъ русскими людьми.

¹⁾ См. „Русск. Старину“ октябрь № 10, 1901 г.

²⁾ Великой княгини Еватерини Павловны 24-го марта 1810 г. „Русскій Арх.“ 1869 г., т. I, стр. 759.

«Извѣстіе о разводѣ императора французовъ съ Жозефиною, писалъ *О. П. Ключаревъ А. Д. Балашеву* ¹⁾, очень поспѣшно дошло сюда (въ Москву) изъ Петербурга. Расположеніе мыслей о нашей великой княжнѣ, ежели бы жребій палъ быть ей невѣстою императора Наполеона, имѣю долгъ представить вамъ со всею искренностію, что ни одинъ голосъ, въ краткое время существованія сего слуха, не былъ пріятнымъ. Причина—недовѣренность, далеко распространенная, къ намъревающемуся вступить въ новый бракъ. Даже говорили, что Жозефина не неплодна, а можетъ быть самъ онъ таковъ».

Какъ бы то ни было, но Наполеонъ послѣ отказа старался при всякомъ удобномъ случаѣ выказать свою неприязнь и нерасположеніе, но дѣлалъ это скрытно, а въ разговорахъ и объясненіяхъ увѣрялъ въ противномъ. Въ 1810 году онъ болѣе чѣмъ когда-либо нуждался въ союзѣ съ Россіею. Французскіе курьеры поминутно отправлялись въ Петербургъ изъ различныхъ мѣстъ пребыванія императора; многія письма Наполеона и депеши его министра иностранныхъ дѣлъ посылались по почтѣ, конечно, съ тою цѣлью, чтобы вся Европа могла узнать ихъ содержаніе, доказывающее о тѣснѣйшемъ союзѣ Россіи съ Франціею.

Вступая во второй бракъ съ австрійскою эрцгерцогинею, Наполеонъ, прежде окончательнаго объявленія о томъ австрійскому дому, сообщалъ объ этомъ русскому посланнику въ Парижѣ и своею любезностію старался во всемъ предупредить Александра. Причиною такого поведенія были запутанныя дѣла Франціи въ Испаніи, гдѣ французы по временамъ терпѣли значительную неудачу и почти не имѣли никакого успѣха. Переговоры съ Англіею тоже не подвигались впередъ, отчего увеличивалось число недовольныхъ мѣрами французскаго императора. Выдти изъ этого онъ могъ, только опираясь на союзъ съ сильнымъ и могущественнымъ государствомъ, какова была въ ту эпоху Россія. Сознавая это, Наполеонъ готовъ былъ временно употребить всѣ средства, чтобы только расположить, или, лучше сказать, ввести въ заблужденіе императора Александра и отдалить все то, что могло ослабить его союзъ съ Россіею.

Въ Петербургѣ не довѣряли его любезностямъ.

«Все сіе показываетъ, писалъ между прочимъ графъ Румянцовъ графу Н. М. Каменскому ²⁾, что императоръ Наполеонъ, обремененный многими уже затрудненіями, старается избѣгать новыхъ. Дѣла его, особливо же въ Испаніи, въ такомъ положеніи, что, конечно, въ тече-

¹⁾ Отъ 13-го января 1810 г. „Русскій Архивъ“ 1889 г. № 6, стр. 311.—*О. П. Ключаревъ* былъ въ то время московскимъ почтъ-директоромъ, а *А. Д. Балашевъ*—министромъ полиціи.

²⁾ Арх. минист. иностр. дѣлъ. „Campagnes Turques“.

ніе сего года не успѣеть онъ распутать ихъ на столько, чтобы обратить вниманіе свое на другой край».

Императоръ Александръ не придавалъ особенной цѣны любезностямъ Наполеона. Онъ сознавалъ, что, въ виду затруднительности положенія, французскій императоръ готовъ сдѣлать все, чтобы сохранить необходимый для себя союзъ съ Россією. Петербургскій кабинетъ смотрѣлъ на дѣло, какъ оно было въ дѣйствительности.

«Я не скрою отъ васъ, писалъ графъ Румянцовъ тому же графу Н. М. Каменскому ¹⁾, того, что хотя дѣйствительно императоръ Наполеонъ во всѣхъ случаяхъ тѣхитса показать дружество и привязанность къ нашему августѣйшему монарху, но я, тѣмъ себя не ослѣпляя, считаю сіе не столько дѣйствіемъ его личной склонности, сколько послѣдствіемъ его затруднительнаго положенія, въ каковое многія обстоятельства его поставили и въ коемъ нынѣ нужно ему болѣе, нежели когда-нибудь, сохранить доброе къ себѣ расположеніе его величества и подержать существующій между ними союзъ».

Графъ Румянцовъ былъ болѣе чѣмъ правъ въ своемъ мнѣніи.

Въ мартѣ 1810 года, по приказанію Наполеона, былъ составленъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ докладъ ²⁾, въ которомъ говорилось, что, въ виду неизбежнаго сближенія Россіи съ Англією, союзъ Франціи съ первою державою приходитъ къ концу и война съ нею настоятельно необходима для сохраненія первенствующаго положенія Франціи въ Европѣ.

По словамъ доклада, второй бракъ Наполеона, устанавливая новыя и близкія отношенія съ Австрією, не можетъ не привести въ недалекомъ будущемъ къ перемѣнѣ европейской политики и требуетъ немедленнаго обсужденія интересовъ французской имперіи. Пока австрійскій домъ придерживался совѣтовъ Англіи, до тѣхъ поръ Франція принуждена была смотрѣть на свои связи съ Россією, какъ на необходимый противовѣсъ, который обезпечивалъ бы хотя нейтралитетъ сѣвера. «Я говорю,—сказано въ секретномъ докладѣ,—скорѣе нейтралитетъ, чѣмъ союзъ, и это не безъ основанія» потому, что, несмотря на кажущееся присоединеніе къ континентальной системѣ четырехъ державъ, господствующихъ на Балтійскомъ побережьи, не подлежитъ сомнѣнію, что «испорченность и недобросовѣстность дворовъ съ одной

¹⁾ Отъ 4-го іюля 1810 г. Арх. минис. иностранныхъ дѣлъ. „Campagnes Turques“.

²⁾ Секретный докладъ, представленный Наполеону министерствомъ иностранныхъ дѣлъ 4-го (16-го) марта 1810 г. „Рус. Стар.“ 1897 г. № 3, стр. 421.

стороны и старыя привычки народовъ—съ другой» открыли англичанамъ сбытъ своихъ товаровъ ¹⁾).

«При такомъ положеніи вещей, — спрашивалъ составитель доклада, — къ чему служить для Франціи мнимая коалиція сѣверныхъ государствъ противъ англичанъ? Не обладая морскими силами для дѣйствительнаго воздѣйствія на послѣднихъ, расположенныя въ тайнѣ покровительствовать обману, замѣняющему для нихъ дозволенную торговлю, они, отдавая пустыя приказанія, лишь дѣлаютъ видъ, что споспосбствуютъ цѣлямъ вашего величества и исполняютъ свои обязательства. По этому-то и блокада, которая должна была заставить Англію умереть съ голода среди сокровищъ обѣихъ Индій, свелась къ системѣ безсвязной, лишенной единства и безрезультатной. Россія, Пруссія, Данія, Швеція, подъ видомъ открытаго разрыва съ лондонскимъ дворомъ и близкихъ отношеній къ Франціи, сохраняютъ настоящій нейтралитетъ, выгодный лишь для англичанъ, такъ какъ состояніе нашего флота дѣлаетъ его совершенно призрачнымъ для насъ. И тогда преимущества, которыхъ мы ожидали отъ союза съ Россіей, съ каждымъ днемъ исчезаютъ. Россія, напротивъ того, быстро пользуется всѣми выгодами, вытекающими для нея изъ союза съ нами. Она уже мирно владѣетъ Финляндіей и, для полного осуществленія всѣхъ секретныхъ соглашеній тильзитскаго и эрфуртскаго, ей остается лишь обезпечить себѣ договоромъ обладаніе Молдавіей, Валахіей и Бессарабіей, съ давнихъ поръ покоренныхъ и занятыхъ ея войсками».

Указавъ на то, что лишь одно вліяніе Россіи можетъ противодѣйствовать видамъ Франціи относительно сѣвера и востока Европы, докладъ обращается къ характеристикѣ императора Александра. «Этотъ государь ни достаточно силенъ, чтобы облечь одного изъ своихъ министровъ исключительнымъ довѣріемъ, ни достаточно слабъ, чтобы быть управляемымъ имъ. Его политика—проявленіе личныхъ взглядовъ: его чувства, повидимому, влекутъ его къ союзу съ вашимъ величествомъ, но вліяніе императрицы-матери, хотя обусловленное скорѣе любовью, чѣмъ политикой, и различіе взглядовъ въ совѣтѣ незамѣтно, и какъ бы мимо его сознанія, дѣйствуютъ на умъ императора».

Состояніе финансовъ Россіи, паденіе торговли, по словамъ доклада, рано или поздно приведутъ ее къ сближенію съ Англією; толчокъ, данный Россією, заставитъ Пруссію, Швецію и Данію сдѣлать то же. При такихъ условіяхъ Англія можетъ распространить свое вліяніе на Турцію и такимъ образомъ создать коалицію противъ Франціи. «Поэтому

¹⁾ Секретный докладъ, представленный Наполеону министерствомъ иностранныхъ дѣлъ 4-го (16-го) марта 1810 г. „Русс. Старина“ 1897 г. № 3 стр. 422—424.

пріучимъ себя смотрѣть на Россію, какъ на естественную союзницу Англіи и приготовимся бороться на континентѣ съ послѣдствіями сближенія между этими двумя державами, какъ только уже не въ нашей власти будетъ помѣшать ему».

«Прежде,—продолжаетъ докладъ,—у Франціи были три союзника, сдерживавшіе въ должныхъ границахъ колоссальную имперію, которою Петръ Великій отяготилъ Европу. Всѣ трое продолжаютъ еще существовать, несчастные, ослабленные, унылые, но могущіе воспринять новую жизнь и даже быть возвращенными къ ихъ прежней политикѣ творческою рукою вашего величества». Союзники эти: турки, шведы и поляки, на которыхъ слѣдовало обратить особенное вниманіе.

«Необходимо протянуть войну турокъ съ русскими до тѣхъ поръ, пока значительная часть французскихъ войскъ, необходимая въ Испаніи и Португаліи, сохранить за собою посредничество въ случаѣ заключенія мира и убѣдить Порту уступить Франціи Морею и Кандію въ замѣнъ помощи, которую она получила бы для того, чтобы снова завладѣть Малой Татаріей и Крымомъ. Въ случаѣ, если Турція принуждена будетъ заключить миръ съ Россією, постараться отбросить на англичанъ всю постыдную необходимость уступки (Россіи) Молдавіи и Валахіи. Выѣстѣ съ тѣмъ гарантировать султану неприкосновенность остальной части его владѣній и пробудить въ немъ надежду на помощь въ другое время». Вторымъ союзникомъ были шведы, лишившіеся Финляндіи. Несомнѣнно, что союзъ Англіи съ Россією доведетъ Швецію до крайности, и Франціи необходимо возвратитъ ей независимость и безопасность, такъ какъ граница ея съ Россією ничѣмъ не обезпечена. «Было бы благоторазумно возбудить въ шведахъ надежды и дать имъ субсидіи, упрочить ихъ новое правительство, поддержать озлобленіе, которое должна возбуждать потеря Финляндіи; но при всемъ томъ заключить явный союзъ съ этимъ пошатнувшимся престоломъ лишь послѣ того, какъ будетъ обезпечено спокойствіе Испаніи и будутъ приготовлены затрудненія для Россіи на сѣверѣ, востокѣ и центрѣ Европы».

«Поляки—вотъ третій изъ старинныхъ союзниковъ Франціи противъ колоссальной Русской имперіи. Въ Польшѣ Франція найдетъ постоянно самыхъ полезныхъ союзниковъ для униженія русской державы и для спасенія Турціи и Швеціи отъ ига, имъ угрожающаго. Вотъ, гдѣ долженъ быть установленъ центръ равновѣсія сѣвера, столь необходимаго для спокойствія остальной Европы и для величія Франціи».

Воссоединеніе всей прежней Польши подъ управленіемъ саксонскаго дома отбросило бы Россію къ своимъ прежнимъ границамъ. Она сохранила бы только «отъ своего полувѣковаго узурпаторства лишь Курляндію и провинціи, отнятыя отъ Оттоманской имперіи. Турки, пользуясь ослабленіемъ Россіи и всеобщимъ движеніемъ, направленнымъ противъ

нея, могли бы возстановить свои границы до Днѣстра и, можетъ быть, даже до Днѣпра, теченіе котораго отъ его верховьевъ до Очакова должно было бы составлять русскую границу».

«Успѣхъ этого предпріятія навѣки упрочилъ бы зданіе новой имперіи, а численность, храбрость, явное превосходство французской арміи, еще болѣе безспорное превосходство того, кто руководить ею, сокровенныя желанія, готовность, энтузіазмъ поляковъ и ничтожество Пруссіи со времени Тильзитскаго мира—не позволяютъ сомнѣваться въ успѣхѣ, если вѣнскій дворъ, соединенный съ французскимъ священными узами и его дѣйствительными интересами, пожелаетъ способствовать его осуществленію. Тогда въ дѣйствительности была бы возстановлена имперія Карла Великаго, увеличенная и укрѣпленная просвѣщеніемъ десяти вѣковъ; тогда Россія была бы дѣйствительно отрѣзана отъ цивилизованной Европы, а Англія—отъ континента. Этотъ планъ можетъ казаться гигантскимъ, а онъ, однако, является лишь слѣдствіемъ довѣрія, которое должны возбуждать величайшія чудеса, сотворенныя гениемъ вашего величества»¹⁾.

Сводя въ одно цѣлое, составитель доклада приходилъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) что союзъ Франціи съ Россією, несмотря на личный характеръ Александра, слѣдуетъ считать союзомъ непрочнымъ и близящимся къ концу;

2) что сближеніе петербургскаго и лондонскаго дворовъ не можетъ быть отдалено на очень долгое время и зависитъ отъ состава и политики англійскаго министерства;

3) что на Пруссію, въ случаѣ разрыва съ Россією, слѣдуетъ смотрѣть какъ на врага;

4) что Польша и Саксонія являются самыми полезными и вѣрными союзниками Франціи противъ Россіи и наиболѣе заинтересованными въ раздѣлѣ остатковъ Прусской монархіи;

5) что не слѣдуетъ ничѣмъ пренебрегать для привлеченія къ себѣ Швеціи; продолжать переговоры въ Константинополѣ и привлечь на свою сторону Австрію и Данію.

Докладъ этотъ, дававшій программу будущихъ дѣйствій, выражавшій довѣріе къ гению Наполеона, и ожиданія отъ него еще большихъ чудесъ льстилъ ему и увлекалъ его.

— Черезъ пять лѣтъ я буду владѣть свѣтомъ, — говорилъ онъ. Остается только Россія, но я подавлю ее... Я строю ежегодно по пятнадцати кораблей; какъ только у меня ихъ будетъ полтораста, я буду господствовать и на морѣ.

¹⁾ „Русская Старина“ 1897 г., № 3, стр. 442 и 443.

Въ разговорѣ съ генераломъ Вреде во время охоты, Наполеонъ сократилъ и этимъ сродкъ.

— Еще три года,—сказалъ онъ ему,—и я буду владыкою вселенной.

Онъ не сознавалъ еще тогда, что звѣзда его меркнетъ и что среди его окружающихъ есть противники, подкапывающіеся подъ его величіе. Во главѣ ихъ стоялъ Талейранъ и въ послѣдствіи Коленкуръ, его посланникъ въ Петербургѣ.

Въ январѣ 1810 года графъ Нессельроде былъ посланъ въ Парижъ подъ предлогомъ заключенія займа, а въ дѣйствительности для того, чтобы обо всемъ происходившемъ увѣдомлять императора Александра, черезъ посредство Сперанскаго, помимо канцлера графа Румянцова. Недовѣрчивый и неоткровенный императоръ Александръ I велъ дипломатическіе переговоры тремя путями: черезъ графа Румянцова, флигель-адъютанта Чернышева и графа Нессельроде и при томъ такъ, что ни одинъ изъ нихъ не зналъ, что поручалось другому и третьему.

«Заемъ не удался,—говоритъ Нессельроде ¹⁾,—но переписка установилась и продолжалась восемь мѣсяцевъ. Куракинъ ²⁾ и министръ иностранныхъ дѣлъ ³⁾ ничего о ней не подозрѣвали. Письма мои основывались на разговорахъ съ Талейраномъ и другими лицами, противниками возраставшаго честолюбія Наполеона».

Всѣ эти лица вели сношенія съ графомъ Нессельроде въ тайнѣ, но повелитель Франціи, не подозрѣвая о томъ, все болѣе и болѣе развивалъ свое самовластіе.

Присоединеніе къ Франціи Церковной области и Ганновера, распространеніе континентальной системы, разорившей всѣ союзныя съ Франціею государства, и не удавшіеся переговоры по поводу Польши ⁴⁾ возстановили императора Александра противъ Наполеона. Непріязнь эта усилилась и дошла до оскорбленія, когда въ декабрѣ 1810 года былъ присоединенъ къ Франціи сѣверный берегъ Германіи. При этомъ родственникъ русскаго императора, герцогъ Ольденбургскій, лишился наслѣдственныхъ своихъ владѣній. Императоръ Александръ протестовалъ противъ такого нарушенія трактатовъ. Парижскій кабинетъ не принялъ протеста, и тогда Александръ приказалъ отправить его ко всѣмъ нашимъ посланникамъ, для сообщенія дворамъ, при которыхъ они находились.

Вмѣстѣ съ тѣмъ 19-го (31-го) декабря было обнародовано «Положеніе о неутральной торговлѣ на 1811 годъ». Этимъ положеніемъ раз-

¹⁾ Записки графа К. В. Нессельроде. „Русск. Вѣст.“ 1865, № 10, стр. 545.

²⁾ Тогдашній посолъ нашъ въ Парижѣ.

³⁾ Графъ Н. П. Румянцовъ.

⁴⁾ О нихъ будетъ сказано ниже.

рѣшался ввозъ въ Россію колоніальныхъ товаровъ, на нейтральныхъ американскихъ судахъ, и запрещался ввозъ многихъ французскихъ товаровъ, а на другіе налагалась высокая пошлина, чтобы оградить вывозъ звонкой монеты изъ Россіи ¹⁾. Этою мѣрою былъ нанесенъ чувствительный ударъ континентальной системѣ, сохраненіе которой упорно преслѣдовалось Наполеономъ. Понятно, что обнародованіе Россіею новаго положенія о торговлѣ было для многихъ предзнаменованіемъ скорого разрыва и хотя миръ наружно сохранялся, но въ дипломатическихъ сношеніяхъ, между Петербургомъ и Парижемъ, усилилась неискренность, сдержанность, а иногда колкость и рѣзкость ²⁾.

Наполеонъ настаивалъ на отмѣнѣ таможеннаго тарифа, а Александръ требовалъ восстановленія герцогства Ольденбургскаго, и оба стали явно во враждебныя отношенія другъ къ другу.

— Вотъ большая планета, — сказалъ Наполеонъ присланному къ нему флигель-адъютанту Чернышову, — которая принимаетъ ложное направленіе; я ничего болѣе не понимаю въ ея движеніи. Она можетъ такъ дѣйствовать только съ намѣреніемъ разойтись съ нами; будемъ насторожѣ и примемъ мѣры, предписываемыя благоразуміемъ.

Продолжая съ Чернышевымъ разговоръ о недоразумѣніяхъ, возникшихъ между Россіей и Франціею, Наполеонъ сказалъ ему: «что всѣ они не важны, если бы императоръ Александръ не издалъ новаго тарифа, взволновавшаго всю Европу». Наполеонъ жаловался на то, что у насъ жгли запрещенные французскіе товары. Чернышевъ отвѣчалъ, что подобныя мѣры принимались еще при императрицѣ Екатеринѣ II.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ, — съ жаромъ возразилъ Наполеонъ, — что въ то время Россія предписывала законы всей Европѣ и къ тому же не считалась въ числѣ просвѣщенныхъ государствъ; въ настоящее же время, сдѣлавшись европейскою націею, она не можетъ уклоняться отъ соблюденія установленныхъ правилъ. Я жгу англійскіе товары потому, что веду съ Англіей непримиримую войну. Въ отвѣтъ на сдѣланное мнѣ оскорбленіе, я приказалъ жечь въ своихъ гаваняхъ лѣсъ, поташъ, пеньку, желѣзо, вообще все, что приходитъ изъ Россіи: вотъ каковъ союзъ нашъ съ вами!

— Американцы имѣютъ доступъ въ мои гавани, — отвѣчалъ Александръ, — потому что я не могу обойтись совершенно безъ торговли и, по условіямъ тильзитскаго договора, я обязанъ соблюденіемъ не берлинскаго и миланскаго договоровъ, а уставовъ, руководствующихъ въ

¹⁾ Шлоссеръ, „Всемирная исторія“, изд. 1872 г., т. VI, стр. 587.

²⁾ Подробности этихъ сношеній не входятъ въ нашу программу, и желающіе могутъ найти ихъ въ сочиненіяхъ: Н. К. Шильдера: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“; М. И. Богдановича: „Императоръ Александръ“ и многихъ другихъ.

сношеніяхъ съ нейтральными государствами; я держусь этихъ уставовъ точнѣе, нежели Франція.

Недовольный такимъ отвѣтомъ, Наполеонъ сталъ обращаться съ нашимъ посланникомъ княземъ Куракинымъ дерзко и грубо.

— Вы хотите, — сказалъ онъ ему, — вести дѣла, а единственный умный человекъ изъ вашего посольства, графъ Нессельроде, собирается уѣхать отъ васъ.

— Не понимая ничего въ ходѣ дѣлъ, которому у васъ слѣдуютъ, — говорилъ Наполеонъ тому же Куракину 3-го (15-го) августа 1811 г., — я поступаю какъ человекъ въ первобытномъ состояніи, который когда не разумѣетъ, высказываетъ недовѣрчивость. Въ Россіи есть таланты; но то, что тамъ дѣлается, доказываетъ, что у васъ или потеряли голову, или таятъ заднія мысли. Въ первомъ случаѣ вы походите на зайца, у котораго дробь въ головѣ и который кружится то въ ту, то въ другую сторону, не зная, по какому направленію онъ слѣдуетъ, ни куда добѣжить. Пора намъ кончить наши споры. Императоръ Александръ и графъ Румянцовъ будутъ отвѣчать передъ лицомъ свѣта за всѣ бѣдствія, могущія постигнуть Европу въ случаѣ войны. Легко начать войну, но трудно опредѣлить, когда и чѣмъ она кончится.

Сваливая вину на другихъ, Наполеонъ жаловался всѣмъ, что императоръ Александръ лишилъ его дружбы, увѣрялъ что не желаетъ войны; но что политическое положеніе дѣлаетъ ее неизбежною.

«Война будетъ, — писалъ онъ королю Виртембергскому ¹⁾. Она будетъ вопреки мнѣ, вопреки императору Александру, вопреки благу Франціи и Россіи. Я уже такъ часто бывалъ въ такомъ положеніи, и опытъ прошедшаго раскрываетъ мнѣ будущность. Все это сцена изъ оперы, а дѣйствующія машины въ рукахъ англичанъ».

Эта нація была большимъ мѣстомъ въ сердцѣ Наполеона, вела его къ разнаго рода заблужденіямъ и ошибкамъ. Въ 1811 году онъ находился на высотѣ своего величія и могущества; онъ подчинилъ себѣ все, что можно было подчинить, и могъ бы спокойно почить на лаврахъ. Быстрое и легкое достиженіе родственнаго союза съ Австрією, только-что разбитою и униженною имъ, указывало, что вчерашніе враги ищутъ его покровительства и преклоняются передъ нимъ, что всѣ остальные раболѣпствуютъ въ безмолвномъ молчаніи и ловятъ каждое слово, чтобы судить о степени его благоволенія или неудовольствія. Это низкопоклонство, вмѣстѣ съ честолюбіемъ и самоувѣренностію, развило въ Наполеонѣ то, что онъ считалъ себя выше всего земнаго. Не

¹⁾ Отъ 21-го марта (2-го апрѣля) 1811 г. „Русскій Арх.“ 1890 г., № 10, стр. 224.

безъ его, конечно, согласія во всѣхъ низшихъ школахъ Франціи преподавали катехизисъ, въ которомъ говорилось, что самъ Богъ поставилъ Наполеона великаго своимъ представителемъ на землѣ и что потому всякое вѣроломство въ отношеніи особы императора Франціи влечетъ за собою вѣчное проклятіе ¹⁾. Какъ такому человѣку не стать во главѣ всемірной монархіи? Тому препятствуютъ, однако же, двѣ державы: Россія и ненавистная ему Англія, не признающія его божественнаго происхожденія, не подчиняющіяся его волѣ и желаніямъ, и остающіяся свободными.

Неудачная въ теченіе многихъ лѣтъ борьба съ Англіей и желаніе подавить ее во что бы то ни стало сдѣлались задачею жизни Наполеона, и нелѣпая идея о полномъ закрытіи ей доступа въ порты континентальныхъ государствъ стала руководящимъ началомъ его политики. А между тѣмъ въ концѣ 1810 года Россія обнародовала новый тарифъ, облегчающій Англіи доступъ въ ея порты. Это обнародованіе не только разрушило союзъ, но нанесло явное оскорбленіе Наполеону, и походъ въ Россію сталъ для него неизбѣжнымъ. Сначала онъ самъ утверждалъ, что такой походъ былъ бы безуміемъ; но когда дѣло коснулось Англіи и его оскорбленія, то Наполеонъ сталъ убѣждать себя и доказывать другимъ всю необходимость войны и возможность ея успѣха. Такъ какъ Россія сдѣлалась главнымъ препятствіемъ дѣлу морскаго мира, то война съ нею являлась только одною изъ операцій въ борьбѣ противъ Англіи. Подъ влияніемъ страсти и ненависти, Наполеонъ считалъ необходимымъ нанести ударъ съверху и стать, наконецъ, владыкою вселенной. «Ему хотѣлось воевать съ Россією, говоритъ Барантъ ²⁾, онъ готовился къ тому, но въ то же время сознавалъ трудность и опасность этой войны. Завоевательная страсть боролась въ немъ съ холодностью разсудка и яснымъ пониманіемъ обстоятельствъ. Онъ никому не повѣрялъ мучительныхъ думъ и тревогъ, которыя одолѣвали его. Онъ не могъ не подумать о случайностяхъ войны въ семи стахъ миляхъ отъ Франціи, въ странѣ неизвѣстной, столь мало похожей на всѣ страны, въ которыхъ водилъ онъ войска свои. Кромѣ того позади себя онъ оставлялъ въ Испаніи англійскую армію, которую не удавалось его генераламъ выгнать оттуда и которая служила опорой возставшему населенію» Наполеонъ зналъ, что Германія стонетъ подъ игомъ его, которое становилось съ каждымъ днемъ тяжелѣе, и что она готова свергнуть оное при первой его неудачѣ.

¹⁾ М. И. Богдановичъ, „Исторія царств. императора Александра I-го“, т. III, примѣчаніе II, стр. 36 (приложеніе).

²⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русскій Арх.“ 1890 г. № 10, стр. 224.

«Припоминая себѣ,—говоритъ графъ П. X. Граббе ¹⁾,—это время, я нахожу въ собственныхъ и въ чужихъ впечатлѣніяхъ что-то похожее на ощущенія, предшествующія разрушительному урагану. Воздухъ казался душнѣ.—Тучи собирались на разныхъ точкахъ Европы; громъ, еще отдаленный, гремѣлъ только за Пиренеями. Мюраты, Жеромы, Иосифы занимали брошенные престолы. Чувство неясное непрочности всего существующаго наполняло сердца. Людовикъ Бонапарте, король Голландіи, не постигшій знаменія времени и помышлявшій о благосостояніи своего народа, осмѣянный и поруганный Наполеономъ, бѣжалъ съ своего опозореннаго трона. Нелѣпные костры изъ англійскихъ товаровъ горѣли въ разныхъ городахъ Германіи къ изумленію жителей. Раствлѣніе нравовъ, отъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, какъ бываетъ во времена чумы, видимо развивалось повсюду, особливо въ высшихъ сословіяхъ общества.

«Наполеонъ казался наверху насильственного могущества и въ изступленномъ раздраженіи противъ Россіи, особливо противъ Англій, мысленно поглощалъ мимоходомъ первую и помышлялъ объ Индіи. Прейсишъ-Эйлау, Аспернъ, Ваграмъ въ Германіи, Байона и истребительная война въ Испаніи, эти остерегательныя угрозы Провидѣнія ослѣпленному завоевателю, не вразумили его. Совѣты и противорѣчія благоразумія и предусмотрительности не находили уже къ нему доступа.

«И я удивляюсь Наполеону, но для меня онъ далекъ отъ истиннаго идеала величія человѣка. Удивляюсь я рѣдкому, многообъемлющему уму его, поразительной дѣятельности; но онъ не противостоялъ ни одному искушенію; но даръ, рѣдкій даръ остановиться во-время не принадлежалъ ему.... Наполеонъ прошелъ какъ всеокрушительная буря, оставивъ послѣ себя однѣ развалины и урокъ блистательнаго ума и огромнаго всепопирающаго самолюбія».

Европа желала столкновенія Россіи съ Франціею, видѣла въ немъ свое спасеніе и опасалась, что борьба Александра съ Наполеономъ не состоится. Графъ Меттернихъ не скрывалъ своихъ опасеній насчетъ примиренія Россіи съ Франціей въ ущербъ Австріи и Пруссіи. Другой дипломатъ, Жозефъ де-Местръ, даже съ ужасомъ говорилъ объ этомъ. Онъ писалъ, что миръ можетъ состояться потому, «что оба государя запугиваютъ одинъ другаго; но если примиреніе состоится, то оно совершится при помощи новаго дьявольскаго соглашенія: съ одной стороны будетъ признанъ титулъ Западнаго императора со всѣми его послѣдствіями, а съ другой—кто же помѣшаетъ этимъ двумъ господамъ раздѣлить между собою Европу» ²⁾.

¹⁾ Въ своихъ памятныхъ запискахъ. „Рус. Арх.“ 1873 г., т. I, 856 и 857.

²⁾ Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ I-й“, т. III, стр. 21.

Нельзя допустить, чтобы Наполеонъ не зналъ о всеобщей къ нему ненависти какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, но когда человѣкъ желаетъ убѣдить себя въ противномъ, онъ всегда это сдѣлаетъ. Такъ дѣлалъ и императоръ Франціи: онъ ласкалъ себя мыслию, что подъ его желѣзною рукою никакое возстаніе невозможно и положеніе его прочно.

— Вы надѣетесь на союзниковъ,—говорилъ онъ князю Куракину,— гдѣ они? Не на австрійцевъ ли, съ которыми вели войну въ 1809 г. и у коихъ взяли область ¹⁾ при заключеніи мира? Не на шведовъ ли, у которыхъ отняли Финляндію? Не на Пруссію ли, отъ которой отторгли часть владѣній, несмотря на то, что были съ нею въ союзѣ.

Произнося эти слова, Наполеонъ ласкалъ себя надеждою и старался убѣдить другихъ, что всѣ эти державы будутъ скорѣе союзницами его, чѣмъ Россіи. Онъ не обращалъ вниманія на то внутреннее состояніе, въ которомъ находилась тогда Франція. Онъ зналъ о настроеніи умовъ и недовольствѣ своихъ подданныхъ, но не придавалъ этому значенія; зналъ, что онъ надобѣлъ французамъ, но не зналъ что противъ него ведутъ интригу даже лица, близкія къ нему. Мы говорили уже о тайныхъ переговорахъ графа Нессельроде съ Талейраномъ, а теперь къ нимъ примкнулъ и Коленкуръ, тогдашній французскій посолъ въ Петербургѣ. Въ интимныхъ разговорахъ съ императоромъ Александромъ, Коленкуръ нерѣдко обращалъ его вниманіе на властолюбіе своего императора, угрожавшее Россіи.

Получивъ изъ Парижа депешу о томъ, что французское правительство никогда не было такъ наклонно къ миру, какъ въ настоящее время, и что армія не будетъ усилена, Коленкуръ представилъ ее императору Александру.

— Это противно всѣмъ полученнымъ мною свѣдѣніямъ,—отвѣчалъ государь,—но ежели вы скажете мнѣ, что этому вѣрите, то я измѣню свое убѣжденіе.

Такое обращеніе къ чести благороднаго человѣка заставило Коленкура встать, взять свою шляпу, поклониться государю и уйти, не сказавъ ни слова. Въ другой разъ, получивъ изъ Парижа депешу, посолъ сказалъ одной изъ своихъ знакомыхъ: «бываютъ минуты, когда честный человѣкъ желаетъ смерти» ²⁾.

Положеніе Коленкура въ Петербургѣ было очень трудное. Наполеонъ говорилъ, что онъ сдѣлался русскимъ, былъ недоволенъ его донесеніями о миролюбіи Александра и, въ апрѣлѣ 1811 года, замѣнилъ его Лористономъ. Это былъ человѣкъ откровенный и честный, но не имѣвшій дипломатическихъ дарованій своего предшественника и, конечно,

¹⁾ Тарнопольскую.

²⁾ Богдановичъ, „Исторія царствованія императора 'Александра', т. III, стр. 115.

не пользовавшійся благосклонностію и довѣріемъ Александра. Не желая терять столь драгоцѣннаго источника для полученія свѣдѣній, какимъ являлся Коленкуръ, государь предложилъ ему войти въ сношеніе съ графомъ Нессельроде и посылать черезъ него письма въ Петербургъ. Стараясь оправдать противниковъ Наполеона и своихъ корреспондентовъ, Нессельроде говоритъ, что «всѣ эти люди не помышляли объ измѣнѣ (?) Наполеону; они хотѣли лишь остеречь его (?) отъ порывовъ его собственныхъ страстей, воспрепятствовать веденію нескончаемыхъ войнъ, изводившихъ народонаселеніе Франціи, обѣднявшихъ его и угрожавшихъ катастрофой».

Французы не охотно уже пополняли ряды войскъ частыми наборами. Конскрипты скрывались по лѣсамъ и уклонялись отъ службы, представлявшей имъ одни лишенія и тягость въ будущемъ. Ихъ отцы, матери и жены проклинали виновника общихъ бѣдствій; страна, лишенная лучшей части молодаго поколѣнія, обложенная тяжкими поборами, бѣднѣла замѣтно отъ стѣсненія и почти прекращенія торговли. Рабочіе въ Парижѣ жаловались на постоянно возрастающую цѣну хлѣба и прочихъ необходимѣйшихъ потребностей. «Прежнее восторженное обаяніе и чувство признательности французовъ къ Наполеону за восстановленнѣй общественный порядокъ и высоко вознесенную народную славу смѣнились усталою покорностію, потребностію отдыха, затаенною памятію столькихъ пожертвованій и полнѣмъ отсутствіемъ усердія и преданности».

«Человѣку, жившему при немъ (Наполеонѣ),—говоритъ Барантъ¹⁾,—и внимательно его наблюдавшему, было очевидно, что онъ былъ свѣдаемъ мыслию обо всемъ этомъ. Онъ страдалъ бессонницею и ночью по пѣлымъ часамъ не сходилъ съ дивана, погруженный въ думы. Не будучи боленъ, онъ однако не пользовался полнымъ здоровьемъ. У него иногда пухли ноги; онъ ощущалъ потребность развлечься охотою или верховою ѣздою. То, что дѣлалось вопреки его волѣ, болѣе надѣдало ему, нежели раздражало. Иногда, повидимому, онъ предавался отчаянію».

Но настоящее прискучило ему и уже не удовлетворяло; будущее манило къ себѣ новою славою, могуществомъ и неудержимо звало впередъ.

— Я обязанъ идти постоянно впередъ,—сказалъ однажды Наполеонъ генералу Фoa,—если остановлюсь, я паду.

Это убѣжденіе заставляло повелителя Франціи отталкивать всякую мысль о затрудненіяхъ и препятствіяхъ, а вѣра въ себя, въ свой гений давала ему твердую надежду побѣдить ихъ.

Онъ думалъ покорить Россію свободою и Москвою: свободою прель-

¹⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ, „Русс. Арх.“ 1890 г. № 10, стр. 224.

стить народъ и привязать его къ себѣ; а Москвою онъ думалъ приобрести миръ славный для себя и пагубный для Россіи ¹⁾).

— Я, — говорилъ онъ ²⁾, — не только не опасался этой войны, но почиталъ ее неизбежною. Мнѣ хотѣлось только начать ее въ надлежащей часъ. Россія была слишкомъ сильна, чтобы составить часть той политической системы Европы, которой я былъ творцомъ и которой средоточіе находилось во Франціи. Зданіе, мною воздвигнутое, отстояло слишкомъ далеко отъ его основанія. Россія тяготѣла всею своею тяжестію на верхнюю часть сего зданія. Александръ I, будучи меня моложе, вѣроятно, пережилъ бы меня, и тогда моя Имперія распалась бы непременно на части. Слѣдовательно, нужно было отбросить Россію за предѣлы Европы, дабы она не вредила единству моей Имперіи. Нужно было дать этому новому политическому распредѣленію довольно твердые предѣлы, чтобы сообщить ему силу бороться успѣшно съ могуществомъ царей. Для осуществленія моего плана слѣдовало возсоздать Польшу на крѣпкомъ основаніи, и въ то же время нужно было побѣдить русскихъ на полѣ брани, дабы принудить ихъ къ принятію тѣхъ границъ, которыя я хотѣлъ начертать мечемъ. Вытѣсненная такимъ образомъ изъ политической системы Европы, Россія была бы отдѣлена отъ нея двумястами тысячъ стражей, которыхъ я былъ бы готовъ поддержать при всякомъ случаѣ.

Идея великой войны на сѣверѣ обрисовалась передъ нимъ ясно; эта послѣдняя борьба казалась ему все менѣе и менѣе невѣроятною; онъ какъ-бы читалъ ее въ исторіи будущаго..... онъ говорилъ себѣ, что успѣхъ такого предпріятія уничтожилъ бы повсюду послѣдніе остатки сопротивленія и возстанія, освободилъ бы его отъ необходимости имѣть союзниковъ, т. е. признавать кого-либо равнымъ себѣ, и оставилъ бы его одного среди колѣнопреклоненной Европы. «Чудовищная мечта о всеобщемъ владычествѣ, основанномъ на паденіи послѣдней державы (Россіи), существующей еще независимо отъ него, коснулась Наполеона; пагубное видѣніе поднялось передъ нимъ, призывало, искушало его ³⁾. . .»

Рѣшаясь на борьбу съ Россіею, Наполеонъ сознавалъ, что для успѣха ея необходима значительная подготовка, а слѣдовательно время, пока онъ устроитъ свои дѣла въ Европѣ такъ, что въ состояніи будетъ обратить всѣ свои силы на пораженіе Россіи. Но влекомый безотчетно впередъ и подъ вліяніемъ назрѣвавшей мысли, онъ не въ состояніи

¹⁾ Письмо графа Ростопчина издателю „Русскій Вѣстникъ“, 1813, ч. 22, № 5, стр. 66 и 67.

²⁾ „Паденіе Польши“ М. Волковъ. Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей 1864 г., кн. I, стр. 133.

³⁾ «Вѣстникъ Европы» 1893 г. № 5, стр. 359.

былъ скрыть своихъ намѣреній и съ непостижимою наивностью высказался Чернышеву, въ одномъ изъ разговоръ съ нимъ.

— Вы, — сказала онъ, — поставили себя въ непріязненное положеніе со всѣми. Даю честное слово, что если только вы не начнете со мною войны, я не начну ее въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Выжиданіе для меня чистый выигрышъ; я уже разсчиталъ все: война съ вами остановитъ развитіе моихъ морскихъ силъ, но шести-сотъ милліоновъ моей казны станетъ на все. Употребивъ въ семь году сто милліоновъ на чрезвычайные расходы, буду имѣть триста тысячъ человѣкъ, не считая войскъ Рейнскаго союза; на будущій годъ издержавъ 50-ю милліонами болѣе, буду имѣть шестьсотъ тысячъ человѣкъ, а черезъ четыре года выставлю 800 или 900 тысячъ, и тогда—можетъ ли Россія дѣйствовать противъ меня такими же силами?

Послѣ такого заявленія чего было ожидать въ будущемъ отъ хищника престоловъ? Неужели уступить его требованіямъ и смотрѣть спокойно, какъ онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, будетъ готовиться къ ополченію на Россію и, приготовившись, предъявить еще болѣшія претензіи. Императоръ Александръ не желалъ идти ни на какія уступки и былъ не прочь отъ того, чтобы ускорить развязку.

Въ запискѣ, составленной по порученію государя и ему представленной 11-го марта 1811 г., Сперанскій писалъ, что «необходимо показать рѣшительную твердость, что не токмо по видамъ пользы, но по совершенной необходимости, мы принуждены удерживать прежнія наши положенія во всей силѣ. Податливости и снисхожденія тутъ могутъ только поощрить предпримчивость Наполеона, а между тѣмъ готовится къ неминуемой войнѣ».

По мнѣнію М. М. Сперанскаго, предыдущія войны мы вели почти безъ денегъ, въ долгъ. «Отъ того, — говорилъ онъ, — войска наши бились храбро на мѣстахъ; но впередъ никогда не подвигались, ибо безъ денегъ все приходитъ поздно и некстати. Сверхъ того обѣ прошедшія войны начали мы внезапно и почти безъ опыта. Теперь было время приготовиться, познать людей и вещи. Войска тѣ же, но генералы опытнѣе. Въмѣсто Вязмитинова и князя Волконскаго есть Аракчеевъ и Барклай. Сіе одно полагаетъ уже необъятную разность. Впрочемъ, хотя энтузіазму много вѣрить и не должно, но нельзя отрицать, что энтузіазмъ есть великая мѣра, когда не управляются имъ, а управляютъ. Извѣстно же, что войны съ Франціею у насъ всѣ желаютъ, и нѣтъ, можетъ быть, извѣстія, которое принято бы было съ равнымъ восхищеніемъ. Не должно предаваться сему восхищенію, но можно воспользоваться имъ въ свое время слѣдующимъ образомъ:

- 1) Войну вести не въ долгъ, но наличными деньгами.
- 2) Денегъ достать можно: а) посредствомъ внутренняго окладнаго

займа, расположеннаго по имуществу на дворянство и купечество. Теперь одно купечество, за открытіе морской торговли ¹⁾, съ радостію даромъ дастъ до 25 милліоновъ рублей. Заемъ у обоихъ состояній (дворянства и купечества) безъ всякаго усилія составить можетъ до ста милліоновъ рублей. б) Заемъ серебромъ въ посудѣ. Примѣръ сего займа мы видѣли въ Австріи, но съ тою разностью, что онъ открытъ былъ не въ войнѣ (т. е. не во время войны), но послѣ войны, послѣ поражений и потери всѣхъ портовъ. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ успѣхъ.

«Сими способами и приготовляясь благовременно, можно съ твердостью вступить въ войну и хотя успѣхъ ея неизвѣстенъ,—то однако же достовѣрно, что изъ двухъ золъ надобно выбирать меньшее; а война конечно, лучше, чѣмъ потеря осьми (западныхъ) губерній и всѣ слѣдствія, кои отъ сего произойти могутъ. Во всѣхъ случаяхъ должно быть увѣреннымъ, что Россію можно побѣдить разъ и два, но покорить ее, по самому физическому ея положенію, невозможно».

Сперанскій совѣтовалъ сближать къ границѣмъ нечувствительно наши войска и запасы и готовить связи «войнѣ сей приличныя».

«Сколь не благоразумно было бы,—говорилъ онъ,—отступать нынѣ отъ принятой (континентальной) системы, столь неудобно, да и невозможно будетъ, вступая въ войну съ Франціею, продолжать ее съ Англіею. Изъ сего само собою уже слѣдуетъ, что съ первымъ, такъ оказать, выстрѣломъ должно возстановить связь съ Англіею. Но тогда возстановить ее будетъ поздно и неудобно. Англія возмечаетъ, что нужда заставила насъ броситься въ ея систему, и поставитъ податливости своей высокую цѣну. Слѣдовательно, связь съ Англіею должно издалека приготовить и, ничего нынѣ не перемѣняя въ настоящемъ, устроить будущее. По сему нынѣ же нужно завести тамъ безгласнаго агента изъ купечества, который бы словесно и по одной рекомендаціи графа Воронцова могъ передавать наши виды, по мѣрѣ ихъ раскрытія, ведя сіе дѣло такъ, чтобы при открытіи войны оставалось только его кончить. Симъ однимъ всѣ связи наши по необходимости теперь должны быть ограничены».

Сперанскій предполагалъ, что Наполеонъ въ непосредственную войну съ нами не вступитъ, а «будетъ производить ее своимъ вліяніемъ». Онъ обѣщаетъ Швеціи Финляндію, Австріи—Силезію въ замѣнъ Галиціи или Сербію и даже Малую Валахію, Польшѣ—возстановленіе, «а насъ будетъ увѣрять въ дружбѣ».

По мнѣнію автора записки, Швеція «со всѣмъ жаромъ бросится въ Финляндію, какъ скоро обнадежена будетъ Франціею. Она будетъ считать, что теперь можетъ возвратитъ Финляндію или никогда. Польскія наши провинціи безъ сомнѣнія отложатся и предиримутъ войну за спа-

¹⁾ По случаю объявленія новаго тарифа.

сеніе отечества; сіе весьма естественно. Австрія не вступить, можетъ быть, въ войну дѣятельную, но, промѣнявъ Силезію на Галицію, обязана, конечно, будетъ двинуть свои войска здѣсь или въ Молдавію». Порта всегда будетъ готовымъ намъ непріателемъ; въ мирѣ съ нами ее обольстятъ Молдавію, а въ войнѣ—сильнымъ пособіемъ.

Опредѣливъ, кто будутъ наши враги, Сперанскій предлагалъ свой планъ поведенія, который должно принять съ каждымъ изъ названныхъ государствъ.

«Какъ скоро,—писалъ онъ,—война по возстановленіи Польши содѣлается неизбѣжною, то всякое угожденіе видамъ Франціи къ отвращенію сей войны будетъ не дѣйствительно. Къ дерзости прибавитъ она большую еще предприимчивость. Слѣдовательно, какъ скоро первыя представленія наши о неперемѣнности положенія герцогства Варшавскаго будутъ на самомъ дѣлѣ отвергнуты, должно показать Франціи, что мы готовы на войну и перемѣняемъ всю свою (политическую) систему.

«Ничего не падить, чтобы привязать къ намъ Финляндію. Между тѣмъ однако же не терять надъ нею твердаго надзора.

«Въ Австріи намъ дѣлать нечего, кромѣ того, чтобы стараться предвидѣть движеніе войскъ ея. Она есть совершенное орудіе Франціи.

«На Польшу считать никакъ не нужно Свойство войны, которая въ ней можетъ возникнуть, будетъ имѣть всѣ опасности воспаленнаго патріотизма. Посему нынѣ же, т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ (1811 г.), должно начать къ ней (войнѣ) приготовленія. Существо плана (приготовленій) состоитъ въ простомъ разсужденіи, чего могутъ желать наши (западные) провинціи въ новомъ вещей порядкѣ?—свободы и возстановленія. Россія можетъ имъ дать и то и другое, и никто не дастъ имъ и дешевле, и прочіе.

«Сколько ни лестно кажется обладаніе Молдавіей, но по истинѣ оно никакъ не вѣроятно. Какой интересъ можетъ имѣть Франція, въ настоящемъ ея союзѣ съ Австрією, усиливать насъ и ослаблять Порту? Между тѣмъ отъ одного ея слова, отъ малѣйшаго движенія войскъ австрійскихъ, зависить остановить всѣ мирные переговоры даже и при совершенномъ турецкихъ войскъ пораженіи, ибо что поразить мы можемъ? Корпусъ отъ 15—20 тысячъ человекъ. Слѣдовательно, продолжая войну, стараясь поражать, должно искать, помогаться всѣхъ случаевъ вступить въ переговоры; должно приучать себя къ той мысли, чтобы оставить Молдавію, удержавъ земли по Прутъ, и, если можно, взять порядочную контрибуцію».

Мѣнне Сперанскаго сводилось къ тому, чтобы привлечь на свою сторону возможно большее число союзниковъ и дѣятельно готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Приготовленія эти были начаты еще въ 1810 году.

— Если Наполеонъ вторгнется въ Россію,—говорилъ графъ Н. М. Каменскій,—и мнѣ придется дѣйствовать противъ него, то я начну отражать его отъ Смоленска.

— Читайте и перечитывайте журналъ Петра Великаго,—совѣтовалъ императоръ Александръ Барклаю-де-Толли. Великій преобразователь, заманивая Карла внутрь Россіи, предписывалъ своимъ полководцамъ томить непріятеля, упорно драться въ мелкихъ стычкахъ и, избѣгая генеральнаго сраженія, портить дороги и не оставлять непріятелю надежнаго пріюта ¹⁾).

Совѣты эти не нужны были Барклаю. Еще въ 1807 году, когда, тяжело раненый подъ Прейсшпг-Эйлау, лежалъ въ Мемелѣ, онъ говорилъ знаменитому историку Нибуру:

— Если бы мнѣ пришлось воевать противъ Наполеона въ званіи главнокомандующаго, то я избѣгалъ бы генеральнаго сраженія и отступалъ, увлекая за собою французскую армію, ослабляя ее на каждомъ шагу недостаткомъ въ жизненныхъ запасахъ и частными нападеніями, а между тѣмъ сохранялъ собственныя войска и усиливалъ ихъ подкрѣпленіями, пока Наполеонъ вмѣсто рѣшительной побѣды нашелъ бы вторую Полтаву.

Италианецъ графъ Фаньяни въ своихъ письмахъ изъ Россіи, появившихся до отечественной войны, упоминаетъ, что многіе русскіе говорили ему объ отступленіи внутрь страны, для ослабленія непріятеля и выигранія времени, пока глубокая осень и зима прекратятъ возможность продолжать военныя дѣйствія ²⁾).

Гораздо позже и именно въ маѣ 1812 года, когда императоръ Александръ, послѣ смотра 1-го корпуса, уѣзжалъ изъ Шавли, офицеры генеральнаго штаба спрашивали генерала Довре и полковника Дибича о характерѣ дѣйствій.

— Мы отступимъ,--отвѣчали они.

— Далеко ли?

— Какъ угодно будетъ Наполеону, хоть до Волги.

Въ сентябрѣ 1811 года флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ писалъ графу Румянцову: «Необходимо продлить борьбу, по возможности. — Самый опытъ показалъ намъ, что таковъ единственный способъ, могущій дать намъ почти несомнѣнную надежду побѣдить Наполеона, который всегда приходилъ въ замѣшательство и запутывался, какъ только встрѣчалъ сколько-нибудь продолжительное сопротивление; но доселѣ еще никогда не умѣли пользоваться затрудненіями, въ коихъ онъ находился, потому что не заботились своевременно собрать необхо-

¹⁾ Исторія жизни и царствованія Александра I, С. Глинки. Издан. 1828 г. стр. 75, 76 и 84.

²⁾ М. И. Богдановичъ, Т. III, стр. 173—179.

димья къ тому силы. — Должно вести медленную, не рѣшительную войну, удерживать непріятеля, пользуясь каждою преградой, имѣть всегда подъ рукою значительные резервы, для поддержанія дѣйствующей арміи въ случаѣ неудачи, либо для того, чтобы воспользоваться ошибками противника. — Такими средствами можно совершенно разстроить военную систему Наполеона, заставить его отказаться отъ его намѣреній и совершенно истощить его силы.

Къ этому надо прибавить, что иностранцы, въ томъ числѣ и бывший маршалъ Бернадотъ, такъ жаждавшіе войны Россіи съ Франціею и опасавшіеся, что она можетъ не состояться, наперерывъ другъ передъ другомъ присылали свои проекты, число которыхъ достигало до двадцати. — По большей части авторы ихъ предлагали завлечь Наполеона въ Россію, длить оборону, избѣгать рѣшительныхъ сраженій, томить непріятеля малою войною и истреблять голодомъ огромныя массы войска, противъ насъ направляемая ¹⁾).

Такимъ образомъ въ основу будущихъ нашихъ военныхъ дѣйствій былъ положенъ оборонительно-отступательный планъ. — Съ этою цѣлью въ западное пограничное пространство были равосланы офицеры разнаго рода оружія для рекогносцировокъ и выбора позицій. — Къ концу августа 1810 года было осмотрѣно все пространство между Западною Двиною и Днѣстромъ до границъ Пруссіи, герцогства Варшавскаго, Галиціи и Молдавіи, намѣчены переправы, мѣста для укрѣпленныхъ лагерей и запасовъ продовольствія; все это нанесено на карту, съ обозначеніемъ выбранныхъ позицій ²⁾. — Вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ Въ 1841 году, — пишетъ Ю. К. Арнольди, — служилъ я помощникомъ столоначальника въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и на моей обязанности лежало приводить въ порядокъ дипломатическую корреспонденцію съ 1801 по 1820 годъ. — Такимъ образомъ оказалась, между прочимъ, въ моихъ рукахъ и переписка императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича съ иностранными государями и правителями государствъ. — Къ послѣднимъ принадлежалъ въ то время, въ 1810 году, королемъ и народомъ шведскимъ избранный наслѣдный принцъ Карлъ Іоаннъ Понте-Корвоскій и Нефшательскій, бывший маршалъ Бернадотъ. Россіи, предвидѣвшей въ 1811 г. неминуемое столкновеніе съ французскимъ императоромъ, необходимо было заручиться союзомъ съ Швеціею, или, по крайней мѣрѣ, ея нейтралитетомъ. — Указывая въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императору Александру Павловичу на обычную любимую манеру Наполеона быстро всею массою вторгаться во внутрь непріятельской страны, Бернадотъ подалъ практической совѣтъ, чтобы русская армія, избѣгая по возможности генеральнаго сраженія, вовлекала непріятеля въ самое сердце Россіи, а затѣмъ, нападая на него со всѣхъ сторонъ, постаралась уничтожить его по частямъ. — (Воспоминанія Юрія Арнольди „Русскій Архивъ“, 1891 г. № 7, стр. 327).

²⁾ Отношеніе Барклая-де-Толли кн. Волконскому 21-го августа 1810 г. № 291. Подробности распоряженій правительства по приготовленію къ воен-

укрѣпляли Ригу, строили новую крѣпость въ Бобруйскѣ, исправляли и строили крѣпости: въ Динабургѣ (Двинскѣ) и Киевѣ.

Одновременно съ этимъ, въ маѣ 1810 г. были приняты мѣры къ тому, чтобы на приходящихъ въ наши порты купеческихъ корабляхъ не могли въѣзжать въ Россію подозрительные люди и провозиться тайно письма изъ-за границы.—Съ этою цѣлью было высочайше повелѣно воѣ эстляндскія, лифляндскія, курляндскія и финляндскія таможи, заставы и таможенный досмотръ подчинить военному надзору, «не снимая однако же съ нихъ обыкновенной зависимости отъ Коммерцъ-коллегіи» ¹⁾. Для поддержанія же наружнаго союза съ Наполеономъ, разрѣшено было французскому правительству покупать въ Россіи корабельный лѣсъ и отправлять его во Францію ²⁾.

Сознавая всю важность имѣть точныя свѣдѣнія о состояніи иностранныхъ армій о дѣлаемыхъ тамъ приготовленіяхъ, о благосостояніи жителей и направленіи ихъ умовъ, въ особенности въ государствахъ, прилегавшихъ къ нашимъ границамъ, военный министръ Барклай-де-Толли обращалъ особенное вниманіе на польскія провинціи. — Бѣлостокскому коменданту полковнику Шицу поручено было слѣдить за тѣмъ, вѣтъ ли въ области лицъ, преданныхъ Наполеону, не вооружаются ли жители и не готовятъ ли скрытно оружія, мундировъ и военной амуниціи; не дѣлаютъ ли того же въ герцогствѣ Варшавскомъ; не утѣсняются ли крестьяне неблагонамѣренными помѣщиками и гражданскимъ начальствомъ, не ведется ли секретной переписки съ заграничными обывателями и проч. ³⁾.

«Варшава, — писалъ Барклай-де-Толли графу Ливену ⁴⁾, — составляющая главный узелъ многихъ военно-политическихъ сношеній, должна наиболѣе быть предметомъ нашихъ обзорѣній. — По неимѣнію тамъ нашего агента, нужно туда чаще отправлять эмиссаровъ, свѣдущихъ, проникательныхъ и опытныхъ.

«При вашемъ сіятельствѣ находится достойный чиновникъ подполковникъ Ренни. — Весьма полезно бы было, подъ видомъ службы, командировать его будто къ главнокомандующему Молдавскою арміею, приказавъ ему ѣхать на Варшаву и Каменецъ-Подольскъ. Въ настоящемъ

нмъ дѣйствіямъ, по распоряженію Главнаго штаба печатаются въ изданіи: „Отечественная война 1812 г. Подготовка къ войнѣ“ подъ редакціей А. З. Мышлаевскаго. Въ настоящее время вышло два тома.

¹⁾ Отношеніе Барклая-де-Толли генералъ-лейтенанту Штейнгелю 6-го мая 1810 г. № 116.

²⁾ Тоже графу Витгенштейну 23-го сентября 1810 г.

³⁾ Предписаніе полк. Шицу 23-го апрѣля 1810 г. № 107.

⁴⁾ Письмо Барклая графу Христофорову Андр. Ливену 26-го августа 1810 г., № 296.

политическомъ состояніи Россіи, мѣста сіи, по ближайшему къ ней со-
сѣдству, достойны особаго уваженія и замѣчанія. — При обратномъ воз-
вращеніи, г. Ренни можетъ взять другое направленіе пути, дабы болѣе
распространить обзорѣніе того пространства. — Я отправляю на-дняхъ
надежнаго чиновника черезъ Кѣнигсбергъ и Торнъ въ Дрезденъ, чтобы
получить всѣ по сей дирекціи нужныя по предмету военной части свѣ-
дѣнія».

Точно такія же свѣдѣнія Барклай просилъ графа П. А. Шувалова
доставить ему объ Австріи и отправилъ въ Молдавскую армію полков-
ника барона Тейля, приказавъ ему ѣхать черезъ Венгрію и обратно
черезъ Галицію и Моравію ¹⁾.

Но всѣ получаемыя такимъ путемъ свѣдѣнія имѣли отрывочный и
случайный характеръ, а потому Барклай впервые учредилъ должности
военныхъ агентовъ при нашихъ посольствахъ. «Поводомъ къ этой мѣрѣ,
— говоритъ П. Х. Граббе ²⁾, — было слѣдующее: миссіи наши при иностран-
ныхъ дворахъ, несмотря на тогдашній рѣшительный перевѣсъ меча
надъ перомъ, оставались на дипломатической ногѣ и не довольно обра-
щали вниманія на все, до военныхъ приготовленій въ Европѣ относя-
щееся. Да и тѣ свѣдѣнія, которыя доходили дипломатическимъ путемъ
до канцлера графа Румянцова, не всегда сообщались вполне военному
министру. Барклай-де-Толли нашелъ, что по важности обстоятельствъ
необходимо было имѣть при значительныхъ миссіяхъ военныхъ офице-
ровъ, которые бы, если не исключительно, то въ особенности занима-
лись наблюденіями по части военной, во всѣхъ отношеніяхъ».

Такъ въ Мюнхенѣ былъ назначенъ артиллеріи поручикъ Граббе, въ
званіи канцелярскаго чиновника при миссіи, Брозинъ—въ Кассель,
полковникъ Ренне—въ Берлинъ, майоръ Прендель—въ Дрезденъ, въ
званіи адъютанта посланника нашего генералъ-лейтенанта Ханыкова,
а флигель-адъютантъ Чернышевъ, по извѣстнымъ императору Александру
«его способностямъ», оставленъ въ Парижѣ, для исполненія возлагае-
мыхъ на него порученій и доставленія свѣдѣній ³⁾.

«Превосходное состояніе физическихъ и военныхъ силъ Француз-
ской имперіи, — писалъ ему Барклай-де-Толли ⁴⁾, — и непосредственное
вліяніе ея на большую часть европейскихъ державъ заключаютъ въ
себѣ всѣ виды нашего вниманія. Я поставляю себѣ пріятною обязан-
ностью начертать вашему высокоблагородію цѣль и правила сего пору-
ченія. Благоразуміе ваше убѣждаетъ меня, что, во всѣхъ дѣйствіяхъ,

¹⁾ Отношеніе Барклая гр. Шувалову отъ 26-го августа 1810 г. № 297.

²⁾ Записки графа П. Х. Граббе. «Русскій Арх.» 1873 г., т. I, стр. 844.

³⁾ Письма Барклая графу Н. П. Румянцову 3-го и 10-го сентября 1810 г.
№№ 304 и 925.

⁴⁾ Предписаніе Чернышеву, отъ 23-го сентября 1810 г. № 340.

по возлагаемой на васъ обязанности, вы сохраните надлежащую скромность и осторожность. Пользуясь всѣми удобствами нахождения вашего въ Парижѣ, вы должны прилагать неусыпное стараніе къ пріобрѣтенію точныхъ познаній статистическихъ и физическихъ о состояніи Французской имперіи, обращая наиболѣе на военное состояніе оной вниманіе. Вслѣдствіе чего потщитесь собирать достаточныя извѣстія о всѣхъ, относительно до военнаго соображенія отношеніяхъ Франціи къ зависимымъ отъ ея вліянія державамъ и, рассмотрѣвъ оныя основательнымъ образомъ, доставьте ко мнѣ описанія: о числѣ войскъ во Франціи, устройствѣ, образованіи и вооруженіи ихъ; расположеніи ихъ по квартирамъ, съ означеніемъ мѣстъ главныхъ запасовъ; о состояніи крѣпостей; о свойствахъ, способностяхъ и достоинствахъ лучшихъ генераловъ и о расположеніи духа войскъ».

Точно такія же инструкціи были даны и другимъ офицерамъ, посылаемымъ за границу. Впослѣдствіи къ этимъ обязанностямъ прибавлены: доставленіе картъ и плановъ, а въ особенности секретныхъ проектовъ военныхъ операцій, тайныхъ диспозицій о движеніи, дѣйствіи или расположеніи войска. «Употребляйте, — писалъ Барклай посылаемымъ офицерамъ, — всевозможныя старанія къ пріисканію и доставленію ко мнѣ сихъ рѣдкостей, какою бы ни было цѣною».

Собирая свѣдѣнія объ иностранныхъ арміяхъ и проявивъ въ этомъ отношеніи необыкновенную дѣятельность, Барклай не могъ не сознать всю трудность своего положенія и опасность, угрожавшую Россіи. Отклоненіе этой опасности онъ видѣлъ въ скорѣйшемъ заключеніи мира съ Турціею.

«Мы здѣсь, въ столицѣ, — писалъ онъ графу Н. М. Каменскому ¹⁾, — съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ извѣстій о началѣ военныхъ дѣйствій. По настоящимъ политическимъ обстоятельствамъ, единственно отъ скорого мира съ турками зависитъ благоденствіе Россіи. Обширность открытыхъ западныхъ границъ нашихъ, союзъ родства императора французовъ съ австрійскимъ домомъ и развлеченность военныхъ нашихъ силъ, — все угрожаетъ опасностью отечеству нашему. Я поставляю сіе на видъ передъ вашимъ сіятельствомъ по обязанности моей и искреннему желанію быть съ вами всегда откровенну. Вы теперь въ такомъ положеніи, что государь императоръ и всѣ соотечественники ваши отъ рѣшительныхъ токмо вашихъ дѣйствій и быстрыхъ успѣховъ ожидаютъ цѣлости и благосостоянія знаменитой Россійской имперіи».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Барклай просилъ и содѣйствія министра иностранныхъ дѣлъ графа Н. П. Румянцова къ скорѣйшему заключенію мира съ Турціею.

¹⁾ Отъ 14-го марта 1810 г. № 71. Графъ Н. М. Каменскій въ то время командовалъ войсками, дѣйствовавшими въ Турціи.

«Сколь ни скрыты обстоятельства,—писалъ онъ ему ¹⁾),—отъ коихъ можетъ возникнуть пламя сей брани, и сколь ни пагубны ея послѣдствія, однако же мы всѣ еще въ несомнѣнной пребываемъ надеждѣ, что тотъ, который по днесь столь искусно управляетъ политическими сношеніями государствъ ²⁾), предвидя неизбѣжную для Россіи опасность, конечно, предприметъ всѣ мѣры къ отвращенію оной; а если того уже нельзя, то неукоснительно всевозможное употребить стараніе, дабы приуготовить надежныя средства къ противуборствованію оной. Послѣдній сей долгъ есть священнѣйшая обязанность, возложенная на особу вашего сіятельства, а также и на меня, коего правленію ввѣрены военныя силы. Умѣя всегда достойно цѣнить заслуги и высокія качества вашего сіятельства по взаимнымъ сношеніямъ нашихъ обязанностей, я смѣю вамъ, какъ вѣрный сынъ отечества, открыть сопряженное съ чистѣйшими чувствами разсужденіе мое относительно до разсматриваемаго нами предмета».

Вопреки мнѣнію М. Сперанскаго, Барклай-де-Толли находилъ, что войны 1805—1807 гг. были ведены при обстоятельствахъ, совершенно противныхъ настоящему положенію. Тогда русская армія увѣнчивалась лаврами побѣдъ съ союзѣмъ съ Австріею, Англіею, Пруссіею и Швеціею. Цвѣтущее состояніе финансовъ представляло обильные источники для продолженія войны; тогда обширныя сосѣднія провинціи отдѣляли насъ отъ непріязненной державы. «Нынѣ держава сія, деспотически властвующая надъ важною (большею) частью Европы, прилегаетъ къ предѣламъ тѣхъ провинцій, на вѣрность коихъ мы полагаться не можемъ ³⁾)... Къ симъ обстоятельствамъ прибавить еще должно недостаточную защиту обширныхъ предѣловъ нашихъ, скудость въ запасахъ, нужнѣйшихъ къ продовольствію, недостатокъ въ крѣпостныхъ орудіяхъ, снарядахъ, порохѣ и проч. и, наконецъ, истощенные источники денегъ въ казнѣ.

«Сообразивъ все сіе,—прибавлялъ Барклай-де-Толли,—ваше сіятельство, безъ сомнѣнія, согласитесь со мною, что безпокойствія мои не безъ основанія, и надѣюсь, что извините во мнѣ неодолимое желаніе видѣть въ наискорѣйшемъ времени прекращеніе настоящей съ Портою Оттоманскою войны. Беззамедлительное заключеніе съ нею мира легко можетъ исторгнуть насъ изъ настоящаго положенія».

Увѣренный въ томъ, что уменьшеніе нашихъ требованій можетъ склонить турокъ къ миру, Барклай просилъ графа Румянцова подумать объ этомъ, но получилъ отвѣтъ, что императоръ не соглашается на уступки.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 18-го августа 1810 г. № 288.

²⁾ Т. е. графъ Румянцовъ.

³⁾ Т. е. къ провинціямъ, присоединеннымъ къ Россіи послѣ раздѣла Польши.

«На сіе позвольте вамъ представить,—отвѣчалъ Барклай-де-Толли,— что государь императоръ, коего милосердіе къ вѣрнопопдааннымъ неограниченно, поставляя свыше всего благосостояніе своего народа и уважая съ толикою мудростію и снисхожденіемъ всѣ средства къ достиженію онаго,—не откажетъ изъявить высочайшее свое соизволеніе, коль скоро его величеству сдѣлано будетъ въ томъ надлежащимъ образомъ представленіе. Въ надеждѣ чего, и осмѣливаюсь утруждать ваше сіятельство покорнѣйшею моею просьбою о принятіи на себя сего труда.

«Я думаю съ справедливостію утверждать, что участь Россіи зависать отъ мѣръ, каковыя въ настоящемъ положеніи будутъ приняты къ скорѣйшему прекращенію войны съ турками, ибо когда миръ въ теченіе сего года не будетъ восстановленъ, то на будущій годъ къ совершенію онаго болѣе еще встрѣтятся затрудненія.

«Переговоры, которые, какъ понимаю я, предполагаете ваше сіятельство вести въ зимнее время, кажется, весьма слабую представляютъ надежду, потому что до будущей весны многія обстоятельства переменятся, и вмѣсто желаемаго мира легко случиться можетъ, что мы принуждены будемъ заняться обороною беззащитныхъ западныхъ границъ нашихъ. Неминуемый сей жребій предусмотрѣть можно изъ настоящаго положенія раздробленныхъ и разсѣянныхъ военныхъ нашихъ силъ. Однако жъ повторить я долженъ, что если миръ сей годъ утверждёнъ будетъ, то довольно еще останется намъ времени сосредоточить наши силы и сугубымъ мужествомъ и благоразумными мѣрами отразить участь, Россію угрожаемую..... Я не осмѣливался бы ваше сіятельство симъ беспокоить, если бы не предвидѣлъ неизбѣжную войну, слѣдствіе коей тѣмъ можетъ быть для насъ пагубнѣе, что настоящее положеніе нашихъ финансовъ не въ силахъ содѣйствовать пожертвованіямъ достаточной суммы, дабы быстрыми и рѣшительными мѣрами привести въ устройство стѣсненныя недостатками военныя силы и тѣмъ утвердить безопасность нашей Имперіи».

Опасенія Барклая въ этомъ послѣднемъ отношеніи были тѣмъ сильнѣе, что онъ сознавалъ недостаточность боевыхъ силъ, которыми могъ располагать, и ихъ неподготовленность. «Вмѣсто сильныхъ и мужественныхъ войскъ,—говорилъ онъ ¹⁾,—полки наши составлены теперь болѣею частію изъ солдатъ неопытныхъ и къ тягостямъ войны не приобыкшихъ».

На подготовку ихъ и было обращено особое вниманіе.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Письмо Барклая-де-Толли графу Н. П. Румянцову 18-го августа 1810 г. № 288.

«Полярная Звѣзда» и «Невскій Альманахъ».

(1826—1827 гг.).

Въ январѣ 1827 года генераль-адъютантъ А. Х. Бенкендорфъ препроводилъ къ начальнику Главнаго штаба графу И. И. Дибичу безыменную записку, въ которой было сказано, что въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1827 годъ, издавномъ коллежскимъ секретаремъ Егоромъ Аладьинымъ, помѣщены изъ «Звѣздочки», котору ю К. Рылѣвъ и А. Бестужевъ хотѣли издать какъ приложение къ «Полярной Звѣздѣ» на 1826 годъ, слѣдующія статьи:

1) «Замокъ Эйзенъ», безъ подписи автора, а въ «Звѣздочку» статья эта была набрана подъ заглавiемъ «Кровь за кровь», сочиненiе А. Бестужева.

2) «Гайдамакъ», сочиненiе Порфирия Байскаго, а въ «Звѣздочкѣ» подписано сочиненiе Сомова.

3) «Пѣсня», стихотворенiе Туманскаго.

4) «Къ зарѣ», стихотворенiе Хомякова.

«Кромѣ оныхъ помѣщены нижеслѣдующія сочиненiя Θ . Глинки, кои хъ въ «Звѣздочкѣ» не оказалось: 1) «Дорогіе перлы». 2) «Пригожей рыболовкѣ». 3) «Завѣянные слѣды». 4) «Къ Алинѣ». 5) «Сказки».

При этомъ была приложена слѣдующая биографическая справка:

«Нѣкто Аладьинъ, служащій по особымъ порученiямъ при здѣшнемъ вице-губернаторѣ, вовсе не литераторъ, а спекуляторъ, издаетъ третій годъ «Невскій Альманахъ».

«Александръ Бестужевъ и К. Рылѣвъ приготовили къ новому 1828 г. прибавленiе къ «Полярной Звѣздѣ», подъ названiемъ «Звѣздочка». Нѣсколько листовъ уже было отпечатано въ типографiи Главнаго штаба и на прочія статьи находились также пропущенныя цензурою рукописи. Послѣ 14-го декабря, отпечатанные листы и оригиналы удержаны

въ штабѣ и не выданы родственникамъ. Между тѣмъ, книгопродавцы хотѣли купить у вдовы Рылѣва и у матушки Бестужевыхъ рукописи за 2.500 р. съ правомъ напечатать безъ именъ.

«Достовѣрно извѣстно, что рукописи сіи не выходили въ свѣтъ; но вдругъ піесы сіи появляются напечатанными въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1827 годъ.

«Извѣстно, что Аладѣинъ выпрашивалъ позволеніе у нѣкоторыхъ лицъ къ напечатанію ихъ піесъ, отданныхъ въ «Звѣздочку», объявляя, что онъ уже имѣетъ ихъ въ рукахъ, равно какъ и другія—Бестужева и Рылѣва, доставъ оныя изъ типографіи Главнаго штаба.

«Обстоятельство сіе, кажется, заслуживаетъ особеннаго вниманія».

Чтобы узнать, отъ кого именно Аладѣинъ получилъ помѣщенныя имъ статьи, графъ И. И. Дибичъ приказалъ потребовать отъ него объясненіе, въ которомъ онъ показалъ:

1) Что статья «Зѣмокъ Эйзенъ» куплена имъ у матери Бестужева за 400 рублей.

2) «Гайдамакъ»—получена имъ отъ г. Сомова, какъ автора.

3) «Пѣсня», стихотвореніе Туманскаго и «Къ зарѣ» — сочиненіе Хомякова получены отъ авторовъ въ Москвѣ.

4) Стихотворенія Ѳ. Глинки: «Дорогіе перлы», «Пригожей рыболовкѣ», «Завѣянные слѣды», «Къ Алинѣ» и «Сказки»—получены еще въ началѣ 1826 года отъ самого автора, приславшаго ихъ изъ Петрозаводска, куда онъ былъ высланъ на службу.

Сверхъ того, Аладѣинъ объявилъ, что и въ другихъ журналахъ напечатаны нѣкоторыя статьи изъ «Звѣздочки», приготовленной на 1826 г.

Такъ, говорилъ Аладѣинъ, въ «Новостяхъ литературы», издаваемыхъ Воейковымъ, напечатано: «Княгинѣ Волконской», сочиненіе Козлова; «Зависть Генія», сочиненія Языкова¹⁾. Въ журналѣ, издаваемомъ Измайловымъ, напечатано: «Описаніе шахова кладбища»; въ Альманахѣ «Сѣверные цвѣты», издаваемомъ Дельвигомъ—«Графинѣ * * *»²⁾, сочиненія князя Вяземскаго и «Двѣ картины», отрывокъ неизвѣстнаго. Въ газетѣ «Сѣверная Пчела», издаваемой Ѳ. Булгаринимъ, напечатано: «Отрывокъ изъ персидской повѣсти», соч. Ободовскаго и въ журналѣ «Сынъ Отечества», издаваемомъ Н. Гречемъ,—«Вечеръ на Мечукѣ», соч. Григорьева.

Ко всему этому Аладѣинъ присовокупилъ, что напечатанныя имъ въ «Невскомъ Альманахѣ» статьи набраны имъ по корректурнымъ листамъ печатавшейся въ военной типографіи Главнаго штаба «Звѣз-

¹⁾ Въ «Новостяхъ литературы» напечатано подъ заглавіемъ „Геній“.

²⁾ Въ Альманахѣ напечатано подъ заглавіемъ „Княгинѣ * * *“.

дочки», нынѣ остановленной и задержанной; что листы эти хранились у извѣстнаго по занятіямъ литературою г. Сомова.

Для удостовѣренія, справедливо ли показаніе Аладьина, были спрошены черезъ полицію ¹⁾ г. Орестъ Сомовъ и мать Бестужева. Последняя подтвердила, что она дѣйствительно получила за статью сына четыреста рублей ²⁾, а служившій при главномъ управленіи Россійской американской компаніи столоначальникомъ Орестъ Сомовъ далъ слѣдующее объясненіе ³⁾:

«По словесному запросу вашего высокоблагородія, точно ли я общалъ корректурные листы двухъ статей, помѣщенныхъ въ «Невскомъ Альманахѣ»: «Замокъ Эйзенъ», соч. А. Бестужева и «Гайдамакъ», повѣсть моего сочиненія, издателю «Невскаго Альманаха» г. Аладьину, имѣю честь симъ вамъ почтительнѣйше объяснить, что, занимаясь уже нѣсколько лѣтъ печатаніемъ разныхъ книгъ, я, по просьбѣ издателей, просматривалъ также корректуру изданныхъ за прошлые годы альманаховъ: «Полярная Звѣзда» и печатавшагося въ 1825 году также альманаха «Звѣздочка»; ибо многіе издатели книгъ и журналовъ, имѣя довѣріе къ грамматическимъ моимъ свѣдѣніямъ, часто меня просили объ оказаніи имъ таковой услуги. И какъ послѣдняя только корректура нужна типографіи для поправокъ, то, дабы не смѣшивать подшитыхъ листовъ, предпослѣдняя обыкновенно почти всегда удерживается тѣмъ, кто оную просматриваетъ, яко вовсе ненужная, и употребляеть потомъ въ видѣ оберточной бумаги. Таковыхъ ненужныхъ корректурныхъ листовъ отъ печатавшагося альманаха «Звѣздочки» оставалось у меня нѣсколько, впрочемъ не полныхъ, ибо третьяго полулиста повѣсти: «Замокъ Эйзенъ» (въ подлинникѣ «Кровь за кровь») у меня вовсе не было; да и сохранившіеся валялись съ прочими ненужными бумагами. Впослѣдствіи, разбирая мои бумаги, я отыскалъ сія листки, и какъ въ оныхъ заключалась написанная мною и одобренная цензурою повѣсть «Гайдамакъ», то я и сберегъ оныя.

«Весною же минувшаго 1826 года, издатель «Невскаго Альманаха» г. Аладьинъ, который не знаю для чего самъ искалъ моего знакомства, пришедъ ко мнѣ и узнавъ изъ разговоровъ, что мною была написана помянутая повѣсть, просить у меня оной для просмотрѣнія; и какъ у меня не было ея переписанной набѣло, то я и рѣшился дать ему оную въ корректурныхъ листахъ, ни мало не подозрѣвая, чтобъ онъ могъ

¹⁾ Отношеніе дежурнаго генерала Потапова — петербургскому оберъ-полиціймейстеру 18-го февраля 1827 г. № 261.

²⁾ Объясненіе статской совѣтницы Прасковьи Бестужевой 20-го февраля 1827 г.

³⁾ С.-Петербургскому полиціймейстеру полковнику К. Θ. Дершау 21-го февраля 1827 г.

сдѣлать какое-либо изъ оныхъ употребленіе безъ воли тѣхъ, кому принадлежатъ піесы въ собственность; ибо на сей счетъ между литераторами должна существовать литературная совѣсть, запрещающая имъ самовольно присвоивать себѣ чужое. Отдавая не долге какъ на сутки— время, въ которое можно было только прочесть оныя статьи—я тѣмъ болѣе былъ спокоенъ, что оныя печатались съ одобренія цензуры и, слѣдовательно, не могли считаться въ числѣ запрещенныхъ. Сверхъ того, какъ выше сказано, они были неполны. Г. Аладынь и дѣйствительно на другой же день по утру возвратилъ мнѣ оныя, и съ тѣхъ поръ случай сей вовсе вышелъ у меня изъ памяти, какъ маловажный и изъ котораго я не предвидѣлъ и не ожидалъ никакихъ послѣдствій. Наконецъ, 3-го декабря, г. Аладынь, послѣ нѣсколькихъ настоятельныхъ просьбъ дать въ альманахахъ піесу моего сочиненія (чего, по болѣзни и не имѣя времени, не могъ я сдѣлать), писалъ ко мнѣ, прося позволенія помѣститъ повѣсть «Гайдамакъ» въ «Невскомъ Альманахѣ». Считая себя въ правѣ располагать своею собственностію, я далъ ему на то позволеніе и ожидалъ, что онъ будетъ просить у меня самой піесы для переписанія съ черновой моей тетради; но крайне былъ удивленъ, когда въ вышедшемъ въ началѣ сего года «Невскомъ Альманахѣ» нашелъ не только мою повѣсть, но и повѣсть А. Бестужева, подъ другимъ заглавіемъ. Я тогда же заготовилъ было письмо къ г. Аладыну, но какъ дѣло сіе показалось мнѣ весьма щекотливымъ, ибо въ письмѣ я по необходимости долженъ былъ говорить объ его поступкѣ не въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ; то и отложилъ объясненія съ нимъ по сему дѣлу до личнаго свиданія. Между тѣмъ, г. Булгаринъ, встрѣтивъ г. Аладына, вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ «Невскаго Альманаха» въ книжной лавкѣ Н. Слѣнина, на извиненія г. Аладына въ похищеніи чужой собственности, при многихъ свидѣтеляхъ сказалъ ему, что весьма неприлично и неблагопрістойно печатать статьи безъ названія тѣхъ, кои имѣютъ на оныя право собственности, и что симъ не только нарушается цензурный уставъ, но и законы чести. Г. Булгаринъ сказалъ при семъ, что поелику имѣнія государственныхъ преступниковъ не конфискованы, а отданы родственникамъ по праву наслѣдства, то и литературная собственность, какъ-то книги и одобренныя цензурою статьи принадлежатъ также родственникамъ. Семейство же Бестужевыхъ весьма недостаточно, а за статьи «Звѣздочки», въ случаѣ, если правительство благоволитъ разрѣшить печатаніе оныхъ, давали помянутому семейству 1.000 руб., а за одну статью прозаическую 400 р. Тогда г. Аладынь сказалъ, что поелику статья уже напечатана, то онъ просить г. Булгарина доставить росписку и деньги семейству Бестужевыхъ 400 руб., говоря, что онъ самъ не знакомъ съ онымъ, и сты-

дится показаться въ первый разъ въ домѣ послѣ подобнаго поступка. Булгаринъ согласился и отдалъ деньги 400 руб. г-жѣ Бестужевой.

«Вотъ все, что мнѣ извѣстно о семъ дѣлѣ и о чемъ имѣю честь по всей справедливости донести вашему высокоблагородію».

Изъ всего изложеннаго было видно, что доносъ на военную типографію оказался несправедливымъ, и дежурный генераль главный штаба генераль-адъютантъ Потаповъ писалъ А. Х. Бенкендорфу:

«По полученной отъ вашего превосходительства запискѣ о нѣкоторыхъ статьяхъ «Невскаго Альманаха», я приказалъ сдѣлать подъ рукою изслѣдованіе. Личное объясненіе издателя того «Альманаха», г. Аладына, изложенное во включенной у сего запискѣ, удостовѣряетъ, что статьи «Полярной Звѣзды», на 1826 годъ приготовленныя, которыя помѣщены въ его «Альманахѣ», имѣ получены отъ самихъ сочинителей, и одна куплена у матери Бестужева, а вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ всю неосновательность доноса и ложную клевету на военную типографію Главнаго штаба его императорскаго величества.

«Обстоятельство, упомянутое въ объясненіи Аладына, что изъ статей «Полярной Звѣзды», приготовленныхъ на 1826 годъ, нѣкоторыя напечатаны и въ другихъ журналахъ и альманахахъ, издаваемыхъ г. Воейковымъ и другими литераторами, заслуживаетъ особенное вниманіе, ибо оно даетъ поводъ къ заключенію, что доносчикъ, говоря объ одномъ «Невскомъ Альманахѣ», дѣйствовалъ изъ личной вражды къ Аладыну или къ чиновникамъ военной типографіи. Вообще я полагаю, что чело-вѣкъ, который по неосновательности или по пристрастію могъ бы ввести начальство въ несправедливое заключеніе на счетъ подчиненныхъ, долго и хорошо служившихъ, недостойнъ, чтобы показаніямъ его впредь дана была вѣра».

Сообщ. Н. Д.

**Собственноручное благодарственное письмо М. Сперанскаго
императору Николаю.**

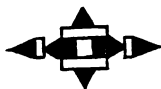
19-го іюня 1827 г.

Повергаю къ стопамъ вашего императорскаго величества чувства благодарности за всѣ милости, коими благоугодно вамъ было ободрить посильные труды мои и лично и въ высочайшемъ рескриптѣ, здѣсь мною полученномъ.

Тщетны были бы всѣ усилія мои и моихъ сотрудниковъ ¹⁾, если бы не были они одушевляемы непосредственнымъ и непрерывнымъ вниманіемъ вашего величества.

Послѣ столѣтнихъ колебаній и безуспѣшныхъ опытовъ, ваше императорское величество положили твердую основу сему дѣлу. Совершеніе его должно быть первымъ долгомъ совѣсти для всѣхъ тѣхъ, коихъ благоугодно вамъ было къ тому предназначить.

Съ сими расположеніями, при помощи Божіей, можно быть увѣреннымъ, что время ожиданій сократится и попеченія вашего величества скоро достигнуть своей цѣли, получать единую награду, неуспынныхъ трудовъ вашихъ достойную, правильнаго и твердаго законодательства.

¹⁾ По составленію Полнаго Собранія законовъ.

Воспоминанія протоіерія І. І. Базарова.

XII ¹⁾.

Письмо В. П. Титова съ текущими новостями въ Россіи. — Покушеніе на жизнь императора Александра II въ Парижѣ. — Прибытіе императрицы въ Стутгартъ. — Устройство православной церкви въ По.—О. М. И. Горчаковъ и его книга „Монастырскій приказъ“. — Императорское семейство въ Киссингенѣ. — Приѣздъ туда баварскаго короля Людвигъ.—Швальбахъ и его окрестности. — Прусская королева Августа. — Юенгеймъ. — И. С. Тургеневъ въ Стутгартѣ. — Положеніе нашего духовенства въ Россіи. — Двадцатипятилѣтній юбилей І. І. Базарова. — Письмо В. П. Титова.

Мотя чаша труда и службы на пользу церкви въ званіи ректора Академіи прошла мимо меня, тѣмъ не менѣе, я не переставалъ еще надѣяться, что рано или поздно мнѣ удастся такимъ или другимъ образомъ послужить церкви и отечеству на родной почвѣ, и люди, близко знавшіе меня и дружески расположенные ко мнѣ, могли думать, что несостоявшееся назначеніе могло и должно было причинить мнѣ болѣе или менѣе основательное огорченіе. Въ такомъ смыслѣ первымъ отозвался мой старинный пріятель и другъ Владиміръ Павловичъ Титовъ, котораго письмо я тѣмъ охотнѣе прилагаю здѣсь въ подлинникѣ, что оно кромѣ личнаго характера содержитъ въ себѣ много подробностей общественнаго интереса. Вотъ это письмо:

С.-Петербургъ. 1-го (13-го) марта 1867 года.

«Давно собираюсь писать вамъ, почтеннѣйшій и дорогой батюшка. Безпорядокъ въ дипломатической канцеляріи отчасти виновать въ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 г.

моемъ безмолвіи. Грамотка, вами ко мнѣ пущенная 16-го (28-го) декабря, во время отлучки моея изъ Петербурга, попала ко мнѣ въ руки лишь 10-го февраля, да и то вовсе случайно, бывъ замѣчена среди кипы конвертовъ дежурившимъ въ канцеляріи моимъ племянникомъ. Это не худо имѣть въ виду и вообще вѣрнѣе переписываться по почтѣ, исключая тѣхъ особыхъ случаевъ, когда грамота или пакетъ могутъ быть поручены личному вниманію и аккуратности курьера. Такую оказію скоро представить вамъ вѣроятно возвращеніе въ Россію графа Менгдена. Воротаясь изъ Россіи, я не нашель ожидаемаго отъ васъ отголооска ни касательно г-жи Пелопидасъ, ни о впечатлѣніи, произведенномъ на васъ назначеніемъ о. Янышева. Затѣмъ, получивъ отвѣдъ ея изъ Тюбингена и ваше послѣдующее посланіе, я до 10-го февраля могъ думать, что въ незримомъ для меня уголкѣ вашего сердца залегло какое ни есть уныніе, оставляемое вами про себя. Тѣмъ болѣе порадовали меня запоздалыя ваши строки отъ 16-го (28-го) декабря, ибо я изъ нихъ удостовѣрился, что унынія вовсе не бывало и что добрѣйшій мой духовный отче по-прежнему остался себѣ вѣренъ, *semper idem*—черта всегда успокоительная для моея души въ людяхъ, мною любимыхъ—и что вы на сей разъ откровенно и въ полномъ согласіи съ собою довольны продолжать вашу не только духовную, но задушевную дѣятельность въ Стутгартѣ. Кромѣ того удовлетворительнаго чувства, что мое внутреннее чутье оказалось безошибочнымъ, пріятно мнѣ было и за васъ и за нашу добрую, вѣрную себѣ королеву, для которой не могло быть равнодушнымъ отпустить васъ именно въ тѣ годы, когда ваше отсутствіе столь полезно для воспитанія и развитія Вѣры Константиновны. Значить, придворные знахари, т. е. тѣ люди, въ коихъ ясный человѣческій смыслъ изнемогъ подъ гнетомъ темной стороны придворнаго быта—ибо во всякомъ быту есть свой свѣтъ или благовидность и свои потемки, сирѣчь безобразіе—эти знахари могли спокойно оставаться при своихъ премудрыхъ догадкахъ и намекахъ. Мнѣ же утѣшительно было слышать отъ самой императрицы подтвержденіе того, что послѣ вашей условной отвѣди быстрый и рѣшительный поворотъ къ назначенію Іоанна Леонтьевича произошелъ именно изъ внимательности къ чувствамъ королевы, дабы не держать въ недоумѣніи вопросъ, ей очевидно лежащій къ сердцу.

«Обращаясь къ совѣтмъ иному предмету, именно къ заботамъ и стѣсненнымъ обстоятельствамъ Авдотьи Васильевны Пелопидасъ, прошу васъ, любезнѣйшій батюшка, потрудиться прочесть и переслать ей въ Тюбингенъ прилагаемое письмо. Въ виду тяжкихъ ея недоумѣній, нельзя издалеца ничего совѣтовать, и вы, находясь ближе, можете лучше нашего руководить ее къ выбору разумной стези. Къ сожалѣнію, не предвижу для нея ничего по части женскихъ учебныхъ заведеній.

Вообразите, увѣряють, будто въ одномъ Питерѣ нѣсколько сотъ замужнихъ и незамужнихъ дамъ, по разстроеннымъ обстоятельствамъ, чають опредѣленія на разныя степени должностей по этому вѣдомству. Къ тому же, вводятъ по оному теперь новые штаты, въ силу которыхъ содержаніе отчасти увеличивается, но за то число должностей вообще сокращается. Межъ верхняго слоя чающихъ, конечно, происходитъ уже волненіе по случаю отъѣзда директрисы Шостака въ Флоренцію, въ соупутствіи юной дѣвицы графини Перовской, тогда какъ бѣдная А. А. В—ва по-прежнему остается доживать зимовку у Синяго моста. Графиню Толстую будетъ горько оплакивать княжна Е. М., всегда находившая въ покойной преданное расположеніе и поддержку. Узнавъ про эту неожиданную кончину, я вздохнулъ, невольно вспомнивъ сообщенное когда-то королевѣ дополненіе притчи о десяти дѣвахъ съ вопросомъ: почему остался забытымъ третій разрядъ дѣвъ съ излишнимъ преизбыткомъ масла? Новый примѣръ, какъ трудно, или, вѣрнѣе, невозможно угодить на всѣхъ и всегда. Изъ чего слѣдуетъ, что вѣрнѣйшимъ и спокойнѣйшимъ для житейской практики девизомъ остается мое любимое: *semper idem*. Въ мужскомъ кругу гражданскихъ хлопотъ, продолжаютъ толковать о шести московскихъ профессорахъ, которые вдругъ подали въ отставку изъ университета, по примѣру Чичерина и Дмитріева, вслѣдствіе личности и неурядицы тамошняго совѣта, при выборѣ Лешкова на новыя 5 лѣтъ, послѣ 25 проведенныхъ имъ на кафедрѣ. Графъ Д. Толстой не хочетъ уступить упорству меньшинства. Но и онъ и публика съ грустію теряютъ въ меньшинствѣ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ преподавателей, при грустномъ и безъ того безрыбьѣ такихъ и въ Москвѣ и повсюду. Мелкія страсти усложнили вопросъ. Но испортила оный главное слабость попечителя и не къ стати хитрая уклончивость бывшаго министра. Опасаясь новой ссоры съ прежними врагами, Катковымъ и Леонтьевымъ, онъ испугался правильно отвѣчать и чрезъ то обратилъ вопросъ на прямую дорогу.—Такими же уловками Валуевъ предостерегаетъ двѣ бѣдовныя газеты: «Москву» и «Народный голосъ». Разница между ними та, что Аксаковъ,—человѣкъ неугомонный и крайне пристрастный, но честный. А издатель «Народнаго голоса», съ помощникомъ его, бывалымъ арктическимъ префектомъ іезуитовъ и папы (Джунковский), просто неугомонны, и никто не понимаетъ, чѣмъ снискали себѣ какую-то закулисную подпору. Книгу Чичерина о народномъ представительствѣ вы, конечно, уже имѣете. Судя по ней, земскіе соборы всегда играли довольно жалкую роль въ русской исторіи. По новымъ судебнымъ учрежденіямъ произвела въ Москвѣ великій эффектъ оправданная въ убійствѣ мужа крестьянка; присяжныхъ убѣдила въ пользу ея защита юнаго адвоката князя Урусова, племянника покойной княгини Горчаковой. Не говорю вамъ ни о Критѣ, ни о

Серби, хоть многіе продолжаютъ вѣрить, что туда собираются въ отставномъ видѣ ташкентскій Черняевъ, Раевскій и другіе нетерпѣливые войны. Опоздалъ и спѣшу послать пакетъ мой къ графу Толлю. Не оставляйте меня, батюшка, добрыми вашими письмами. В. Т.»

Другіе, напротивъ, какъ, напримѣръ, мой строгій дядюшка, протоіерей Иванъ Васильевичъ Рождественскій, прямо осуждали меня за то, что я не принялъ безусловно предложеннаго мѣста, и не щадилъ даже королевы Ольги Николаевны, которая при каждомъ случаѣ такъ или иначе удерживала меня при себѣ. Самъ же я въ своемъ христіанскомъ квіетизмѣ спокойно предавалъ себя въ волю Божию, готовый по зову свыше идти, куда укажутъ, или оставаться на мѣстѣ, гдѣ уже указано жить и дѣйствовать по силѣ и способностямъ. Такъ, и въ эту зиму 1867 года, я спокойно продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ въ Стутгартѣ, какъ вдругъ со мной случилось небывалое происшествіе—меня чуть не раздавило на улицѣ переѣхавшимъ черезъ меня экипажемъ. Это происшествіе было для меня и громомъ Божиимъ, пронесшимся надъ моею головою, и вмѣстѣ чудеснымъ перстомъ Божиимъ, спасшимъ мнѣ жизнь на дальнѣйшую дѣятельность на землѣ. Это событіе такъ еще живо въ моемъ воспоминаніи, несмотря на разстояніе 20 лѣтъ, что я въ состояніи записать его здѣсь во всѣхъ подробностяхъ. Это было въ мартѣ, вечеромъ часу въ 11-омъ. Я возвращался домой отъ Свербѣевыхъ, у которыхъ пилъ чай, и проходилъ по улицѣ, упирающейся въ поперечную, не имѣвшую другаго исхода, какъ направо или налево. Слыша за собою стукъ экипажа, я спѣшилъ перейти эту улицу поперекъ къ противоположнымъ домамъ, увѣренный, что экипажъ повернетъ направо или налево, такъ какъ прямо въ моемъ направленіи ему пришлось бы упереться въ дома. Но потому ли, что кучеръ былъ пьянъ и заснулъ, или это былъ иногородній экипажъ, незнакомый съ улицами Стутгарта, только въ ту минуту, какъ я ступилъ уже на троттуаръ, экипажъ на всемъ скаку чуть не врѣзался въ окна нижняго этажа и быстро повернулъ въ сторону уже на троттуарѣ, гдѣ я находился. Я помню это мгновеніе, когда лошадь свалила меня съ ногъ, и моя первая мысль была подобрать подъ себя руки и ноги и подставить спину подъ экипажъ. Затѣмъ я слышу, какъ четыре колеса прогремѣли мимо меня съ двухъ сторонъ; я всталъ на ноги, экипажъ исчезъ, а ко мнѣ подбѣжали люди, стоявшіе тутъ же у воротъ дома, въ который чуть не въѣхалъ бѣшеный экипажъ; одинъ изъ нихъ подаетъ мнѣ шляпу, другой зонтикъ, и оба спрашиваютъ, не зашибленъ ли я, не поврежденъ ли? Но я, какъ во снѣ, отвѣчаю чуть не съ изумленіемъ, что со мной ничего не случилось такого, и взявъ отъ нихъ шляпу и зонтикъ, пошелъ преспокойно домой. Когда я раздѣлся, оказалось, что на шляпѣ, прямо на лбу, отпечатлѣлся слѣдъ копыта лошади и другой такой же на спинѣ

пальто. Но я не почувствовалъ ни этихъ ударовъ, ни даже слѣда боли отъ нихъ на тѣлѣ. Все это какъ будто и прошло незамѣтно для меня самого, но когда на другое утро я сидѣлъ спокойно въ своемъ кабинетѣ и читалъ какую-то книгу, входитъ ко мнѣ мой домашній докторъ, посѣщавшій меня и безъ того ежедневно, а въ этотъ разъ предупрежденный о случившемся, и спрашиваетъ меня озабоченно о моемъ здоровьѣ, я вдругъ вмѣсто отвѣта такъ сильно разрыдался, что не могъ остановиться нѣсколько минутъ. Тутъ только я понялъ, что случай этотъ, въ которомъ Богъ сохранилъ мнѣ жизнь, оставивъ меня невредимымъ, произвелъ однако такое потрясеніе нервовъ, отъ котораго я затѣмъ слегъ въ постель и долго не могъ поправиться. И на этотъ случай я получилъ сочувственный отзывъ отъ моего друга В. П. Титова въ слѣдующемъ письмѣ:

С.-Петербургъ. 29-го апрѣля 1867 года.

«Что съ вами, дорогой и почтеннѣйшій батюшка? Слышу объ опасности и спасеніи вапемъ такіе чудесные рассказы, что не знаю, чему вѣрить, и во всякомъ случаѣ желалъ бы получить удостовѣреніе, что вы теперь совсѣмъ здоровы. Во-первыхъ, просто не понимаю, какъ могъ произойти среди нашей безмятежной Фридрихсптрассе казусъ отъ коней, гдѣ жизнь ваша спасена особливимъ промысломъ Божиимъ? Во-вторыхъ, говорятъ, будто вы послѣ того самаго казуса и вовсе независимо отъ него были нездоровы, такъ что не могли служить на праздникъ Пасхи. Все это, надѣюсь, принадлежитъ уже къ разряду давнопрошедшаго, и нѣсколько строкъ вашей руки авось меня вполне удовлетворять и успокоять.

«Въ такомъ упованіи дозвольте еще разъ обратиться къ вапему доброму, благотворительному посредству. Мнѣ писала изъ Тюбингена А. В. Пелопидасъ, что рѣшается на-дняхъ выѣхать въ Россію и весьма скоро предполагаетъ видѣть меня проѣздомъ черезъ Питеръ. Сама по себѣ такая рѣшимость меня радуеть, ибо вполне согласна съ извѣстными и вамъ совѣтами московскихъ ея родныхъ. Надлежало бы однако не выпускать изъ виду два обстоятельства: 1) Въ Петербургѣ и Москвѣ доселѣ такъ упорно стоитъ зимняя стужа, что едва-ли не лучше переждать съ дѣтьми, привыкшими къ теплomu климату. 2) Мнѣ сдается, что на перенутьѣ къ парижской выставкѣ или оттуда неминуемо послѣдуетъ родственное посѣщеніе въ Стутгартъ. Королева такъ милостива, что это, можетъ статься, открыло бы болѣе удобства, нежели въ Россіи, замолвить съ пользою о дѣтяхъ родственницы В. А. Жуковскаго. Никто лучше васъ, добрѣйшій батюшка, не можетъ преподать ей полезнаго совѣта и поддержки. Надѣюсь, что она еще не выѣхала, и потому спѣшу отправить вамъ эти бѣглыя строки. В. Т.»

*

Упомянутое въ письмѣ В. П. Титова высочайшее посѣщеніе Стутгарта дѣйствительно состоялось 12-го іюня этого года. Но въ то время, какъ мы радостно готовились къ встрѣчѣ дорогаго гостя, изъ Парижа получена была депеша о покушеніи на жизнь государя. Нашъ посоль Будбергъ телеграфировалъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: «En revenant de la revue du bois de Boulogne un coup de pistolet a été tiré contre la calèche où se trouvaient notre auguste maître, l'empereur Napoléon et les deux grands ducs. Personne n'a été atteint. L'indignation publique est générale»⁴⁾. По полученіи этого извѣстія, всѣ русскіе въ Стутгартѣ собрались въ придворную церковь на благодарственный молебенъ, который былъ совершенъ въ присутствіи короля и королевы и многочисленныхъ лицъ, придворныхъ и военныхъ, поспѣвшихъ выразить сочувствіе къ миновавшей опасности, грозившей жизни столь дорогаго для отечества и столь почитаемаго всѣми иностранцами монарха. Вскорѣ послѣ этого, именно 12-го іюня, государь прибылъ изъ Парижа въ Стутгартъ. Для встрѣчи его величества всѣ собрались въ церкви. Государь явился прямо съ желѣзной дороги въ дорожномъ партикулярномъ платьѣ, очень серьезный и какъ бы утомленный. По выслушаніи краткаго молебствія, онъ подъ руку съ королевою обошелъ всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви русскихъ, удостоивъ каждого, не исключая и маленькихъ дѣтей, милостивымъ словомъ. При этомъ мнѣ припоминается маленькій смѣшной анекдотъ. Въ числѣ встрѣчавшихъ государя былъ состоявшій секретаремъ посольства въ Стутгартѣ графъ Толь съ супругою и двумя дочками, лѣтъ 4 и 6. Когда мы ожидали государя, я въ праздничныхъ ризахъ и митрѣ былъ среди церкви и между прочимъ разговаривалъ и съ семействомъ графа Толя и его малютками. Потомъ, когда всѣ воротились домой, графиня Толь спрашиваетъ своихъ дѣвочекъ, какъ имъ понравился государь.

— Очень, — отвѣчали онѣ, — особенно понравилась эта длинная мантия и муфта съ фотографіями на головѣ.

Сначала не поняли этого дѣтскаго лепета, но потомъ объяснилось, что онѣ приняли меня за государя, удивляясь моею богатою ризѣ, поихнему, длинной мантии, и глядя на мою митру съ образами въ медальонахъ, которая въ ихъ глазахъ представилась муфтою съ фотографіями. Когда же имъ старались объяснить, что государь былъ тотъ господинъ въ пальто, который съ ними разговаривалъ послѣ службы, онѣ не хотѣли вѣрить, чтобы такъ просто одѣтый господинъ могъ быть госу-

⁴⁾ Возвращаясь со смотра въ Булонскомъ лѣсу, былъ сдѣланъ пистолетный выстрѣлъ въ коляску, гдѣ находились нашъ августѣйшій повелитель, императоръ Наполеонъ, и оба великихъ князя. Никто не былъ раненъ. Негодованіе было всеобщимъ.

даремъ. Когда я послѣ рассказывалъ про это королевѣ, она отвѣчала, что съ нею бываетъ то же, когда она заѣзжаетъ въ дѣтскіе пріюты, состоящіе подъ ея покровительствомъ, по окрестнымъ деревнямъ, и разговариваетъ съ дѣтьми, то они всегда смотрятъ ей на голову, ища короны, безъ которой они не могутъ представить себѣ королевы.

Остальное время 1867 года прошло для меня въ мирныхъ занятіяхъ не только своимъ мѣстнымъ дѣломъ, но и отдаленными интересами нашихъ заграничныхъ церквей. Не знаю, по какой особой причинѣ почти всѣ наши заграничныя церкви обращались и со своими нуждами, и за совѣтомъ въ Стутгартъ. Способствовало ли этому центральное положеніе нашей церкви среди остальныхъ, или пребываніе въ здѣшней столицѣ царственной особы русской, хотя въ то время находились еще въ живыхъ великая княгиня Марія Павловна въ Веймарѣ и королева нидерландская Анна Павловна въ Гагѣ. Какъ бы то ни было, но еще покойная великая княгиня Елена Павловна, мимо зоркаго взгляда которой не проходило незамѣченнымъ ни одно явленіе политической и церковной жизни, говорила мнѣ въ свое время, что изъ заграничныхъ священниковъ слѣдовало бы одного сдѣлать благочиннымъ, по ея мнѣнію, даже архіереемъ, во всякомъ случаѣ главнымъ священникомъ всѣхъ заграничныхъ церквей, къ которому всѣ и каждый могъ бы обращаться за совѣтомъ и разрѣшеніемъ въ трудныхъ случаяхъ, «потому,—прибавила ея высочество,—что ваше петербургское начальство не понимаетъ ни вашихъ нуждъ, ни вашего положенія за границей». Хотя ничего подобнаго не было сдѣлано нашимъ правительствомъ, но de facto я съ давнихъ поръ, что продолжается и доселѣ, сдѣлался нѣкотораго рода центромъ разныхъ сношеній по мѣстнымъ нуждамъ заграничныхъ церквей. Такъ и въ этомъ году ко мнѣ обратились за помощью и совѣтомъ наши соотечественники, проживавшіе въ По въ южной Франціи, возымѣвшие мысль устроить тамъ постоянную церковь для пріѣзжающихъ туда проводить зиму больныхъ русскихъ. Одна изъ моихъ бывшихъ прихожанокъ по Стутгарту писала мнѣ по этому поводу изъ По слѣдующее: «Колонія русскихъ здѣсь значительно увеличилась, и это дало возможность подвинуть дѣло нашей церкви нѣсколько впередъ; купили землю и уже начали постройку. Покамѣстъ церковное служеніе продолжается въ маленькой комнатѣ, нанятой въ прошломъ году, и у насъ въ настоящее время здѣсь два священника, представители чернаго и бѣлаго духовенства. О. Несторъ, присланный къ намъ изъ Петербурга, іеромонахъ, бывший прежде морскимъ офицеромъ и носившій фамилію Засъ, прибылъ сюда на-дняхъ, а до него совершалъ у насъ службы о. Кустодіевъ, состоящій при нашемъ посольствѣ въ Мадридѣ, молодой, весьма скромный и образованный человѣкъ, прибывшій сюда для поправленія здоровья своей жены. Итакъ, повидимому, осуще-

ствляется давно задуманная мысль имѣть въ По, куда стекается столько больныхъ соотечественниковъ нашихъ, постоянную церковь и постоянного священника, коего христіанскія утѣшенія и напутствія могли бы подкрѣплять и ободрять страждущихъ, болѣе или менѣе готовыхъ къ переходу въ жизнь вѣчную. Быть можетъ, императрица, равно и королева Ольга Николаевна не откажутъ помочь намъ въ этомъ добромъ дѣлѣ!»

По моему представленію объ этомъ королевѣ, ея величество изъявила свою готовность пожертвовать на это извѣстную сумму, но съ однимъ условіемъ, чтобы не строили отдѣльнаго храма, а удовольствовались бы покупкою дома, въ которомъ помѣстили бы домашнюю или, такъ называемую, походную церковь. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда наши соотечественники собирались строить храмы за границею, королева въ своихъ возраженіяхъ противъ этихъ предпріятій руководилась тою справедливою мыслью, что мѣста временнаго сбора русскихъ на водахъ или климатическихъ курортахъ вовсе не обезпечены отъ случайностей, которыя могутъ помѣшать имъ собираться туда, и тогда эти храмы останутся пустыми и даже безъ хозяевъ, такъ какъ они строились и содержались на добровольныя пожертвованія. Въ такихъ случаяхъ домовую церковь легко закрыть, снѣвъ иконостасъ и—пожалуй—продать опять домъ. Но храмъ! Что съ нимъ дѣлать въ подобномъ случаѣ? Закрыть и запечатать двери, а ключи и надзоръ за охраною зданія передать комитету, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Карлсбадѣ, состоялъ изъ доктора еврея и одного нѣмца протестанта. Въ По послушали нашего совѣта: вмѣсто того, чтобы строить храмъ, приобрѣли покупкою домъ и въ немъ устроили домовую церковь, и не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ нашъ совѣтъ оказался практичнымъ. По—такое мѣсто, которое, въ родѣ Мерана и другихъ климатическихъ курортовъ, принадлежитъ къ числу временно излюбленныхъ русскими мѣстностей, въ которыя разъ и два стекается множество посѣтителей, и затѣмъ вдругъ ни одного изъ русскихъ. И вотъ, недавно былъ случай, что священникъ, состоящій на службѣ при нашей церкви въ По, принужденъ былъ въ одну зиму, когда никого не было изъ русскихъ въ По, а слѣдовательно не было и источниковъ для содержанія церкви и священнослужителя, явиться въ Ниццу и просить пребывавшихъ тамъ русскихъ спасти его отъ бѣды и голодной смерти. Соотечественницы наши устроили въ пользу его благотворительный базаръ, который далъ около 10.000 франковъ, и такимъ образомъ, временно спасли осиротѣвшую церковь въ По. Но это можетъ повториться и опять, и тогда не останется другаго средства, какъ закрыть церковь и домъ продать хотя бы въ пользу благотворительной цѣли. Поэтому правъ былъ князь Горчаковъ, который, бывши мини-

стромъ иностранныхъ дѣлъ, отвѣчалъ на всѣ просьбы русскихъ основать тамъ или здѣсь русскую церковь за границею, что онъ не дастъ на это разрѣшенія, пока ему не представятъ капитала въ 200.000 руб., обеспечивающаго содержаніе церкви и причта при ней. Но наши соотечественники, руководимые тою мыслью, что намъ стыдно не имѣть своей церкви вездѣ, гдѣ есть русскіе, когда англичане повсюду строятъ свои кирки и имѣютъ свое богослуженіе, стали обходиться безъ разрѣшенія своего правительства и настроили на свой счетъ много церквей, которыя остаются и доселѣ безъ причта, за неимѣніемъ основнаго капитала. Такъ, въ Эмсѣ церковь, приписанная къ Висбаденской, такъ въ Баденъ-Баденѣ, состоящая подъ вѣдѣніемъ нашего священника въ Карлсруэ, такъ въ Веве, куда наѣзжаетъ для службы нашъ священникъ изъ Женевы, такъ въ Карлсбадѣ и другихъ богемскихъ водахъ, гдѣ церкви на зиму закрываются, а лѣтомъ приглашаются для служенія наши священники изъ Праги и Веймара. Издержки на это покрываются ежегодно сборами съ прїѣзжающихъ русскихъ. А если ихъ будетъ мало или вовсе не будетъ? Тогда придется закрывать.

Весной 1868 года меня порадовалъ мой бывшій сослуживецъ М. И. Горчаковъ своими успѣхами на поприщѣ богословской науки, приславъ мнѣ свою книгу «Монастырскій приказъ», за которую онъ получилъ степень магистра государственнаго права отъ С.-Петербургскаго университета. Хотя предметъ этой диссертациі былъ спеціально русскій, тѣмъ не менѣе удачею этой ученой работы онъ много обязанъ той подготовкѣ которая ему досталась на долю во время его пребыванія за границею въ должности псаломщика при нашей церкви, при чемъ онъ все свободное отъ церковной службы время — а его много при заграничныхъ церквяхъ — употреблялъ на слушаніе лекцій въ Тюбингенскомъ университетѣ. Такъ какъ Тюбингенъ находится въ разстояніи трехъ часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Стутгарта, то Горчаковъ совсѣмъ поселился въ Тюбингенѣ и оттуда прїѣзжалъ на службу въ Стутгартъ. Тамъ онъ слушалъ знаменитаго профессора церковной исторіи Гефеле, извѣстнаго въ учено-богословскомъ мірѣ своею исторіею соборовъ. Онъ извѣстенъ и своимъ протестомъ противъ догмата непогрѣшимости папы на ватиканскомъ соборѣ. Онъ говаривалъ мнѣ при частомъ свиданіи съ нимъ: «*ich bin ein guter Katholik, aber kein Römlich*». И, несмотря на это, его сдѣлали епископомъ ротенбургскимъ въ Виртембергѣ, правда, по особому ходатайству нашей королевы, и заставивъ его подчиниться опредѣленію ватиканскаго собора, что онъ и сдѣлалъ, выбросивъ при новомъ изданіи своей *Conciliengeschichte* все, что находилось въ ней неблагопріятнаго для новаго догмата ¹⁾. Припоминается мнѣ при этомъ

¹⁾ Въ оправданіе себя въ этомъ противорѣчій себѣ самому онъ говорилъ: «протестуя противъ непогрѣшимости, я не хотѣлъ самъ быть непогрѣшимымъ».

одинъ случай изъ перваго знакомства М. И. Горчакова съ тогда еще профессоромъ Гефеле, характеризующій разность отношеній пастырей къ пасомымъ въ нашей и римско-католической церкви. Когда я представилъ въ первый разъ Горчакова Гефеле, тотъ, зная, что профессоръ вмѣстѣ и духовное лицо, подошелъ къ нему по русскому обычаю подъ благоооловеніе. Это ужасно изумило Гефеле, и когда ему объяснили, что таковъ обычай въ Россіи, онъ удалился въ свой кабинетъ, надѣлъ на себя эпитрахиль, и тогда только преподавъ Горчакову свое благословеніе, показавъ этимъ, что это онъ считаетъ актомъ церковной службы, а не такъ, какъ у насъ видятъ въ этомъ простое благословеніе духовнаго отца на свое духовное чадо. Такъ какъ М. И. Горчаковъ, вмѣстѣ съ экземпляромъ своего сочиненія, прислалъ мнѣ два экземпляра для поднесенія королю и королевѣ, то я исходатайствовалъ ему отъ его величества золотую медаль «für Kunst und Wissenschaft», выдаваемую ученымъ и художникамъ за особыя заслуги.

Между тѣмъ, немощи мои, повторявшіяся ежегодно при наступленіи весны, потребовали и въ этомъ году починки моего здоровья. Въ этотъ разъ меня отправили въ Киссингенъ пить тамошній Ragozzi и купаться въ соленой водѣ. Ужь я доканчивалъ тамъ свой курсъ водъ и надѣялся скоро избавиться отъ этого скучнаго занятія, какъ пришло извѣстіе, что въ Киссингенъ ѣдетъ императрица Марія Александровна для лѣченія и что на время пребыванія ея величества въ Киссингенъ командируется наша походная церковь со всѣмъ причтомъ изъ Стутгарта. Такимъ образомъ, я попалъ прямо съ мѣста лѣченія на службу. Въ началѣ іюля прибыла императрица и при первомъ свиданіи со мною стала жаловаться на то, что ее вырвали изъ прекраснаго пребыванія въ Петергофѣ и прислали въ этотъ душный Киссингенъ, гдѣ дышать нечѣмъ. И дѣйствительно, кто бывалъ въ Киссингенѣ среди лѣта, тотъ знаетъ, какое это противное мѣсто съ его грязною рѣченкою, протекающею у самой променады, гдѣ на небольшомъ пространствѣ подъ деревьями толпится масса народа, пьющаго воды подъ звуки надобѣвшей всѣмъ музыки куръ-оркестра. Но доктора неумолимы. По ихъ понятію, одно водолѣченіе должно замѣнять и воздухъ, и радости жизни, которыхъ лишаются люди, оставляющіе и домъ, и семью на время лѣченія водами. Впрочемъ, императрица прибыла въ сопровожденіи своихъ младшихъ дѣтей и въ ожиданіи скорого прибытія и государя императора. Дѣйствительно, 10-го (22-го) іюля послѣдовало прибытіе его величества. Я спросилъ, не нужно ли будетъ устроить встрѣчу государю въ церкви, но князь Барятинскій отвѣтилъ мнѣ, отъ имени императрицы, что этого не нужно, такъ какъ пріѣздъ ожидается поздно вечеромъ и что его величество будетъ утомленъ отъ продолжительнаго путешествія; поэтому императрица предлагаетъ мнѣ встрѣтить государя на крыльцѣ у подъ-

ѣзда вмѣстѣ съ прочими русскими, проживающими въ Киссингенѣ, и при томъ въ сюртукѣ, а не въ рясѣ. Последнее бывало обязательно для всей свиты во время заграничнаго путешествія государя, такъ какъ и самъ онъ являлся въ партикулярномъ платьѣ. Поэтому удостоенный во все время пребыванія ихъ величествъ въ Киссингенѣ каждый день быть приглашеннымъ къ высочайшему столу, я всегда являлся не иначе, какъ въ сюртукѣ. Вообще покойный государь держалъ себя за границею очень просто, какъ бы слагая съ себя на время свое величество. Помню, разъ шелъ я гулять за городъ, поднимаясь по узкой улицѣ въ гору, какъ изъ-за угла на встрѣчу мнѣ появился государь. Не успѣлъ я еще снять шляпы, какъ его величество взялъ меня подъ руку и повелъ назадъ, говоря: «посторонитесь». Я сначала не понялъ, какъ вслѣдъ за этимъ изъ-за того же угла показался экипажъ, тяжело спускавшійся съ довольно крутаго подъема. Въ экипажѣ находилась императрица съ дѣтьми. Государь, очевидно, вышелъ изъ экипажа на спускѣ и, встрѣтивъ меня почти на поворотѣ за уголъ, вѣроятно, опасался, чтобы я не попалъ подъ экипажъ. Въ другой разъ я шелъ гулять съ однимъ моимъ знакомымъ, Н. Н. Шидловскимъ по узкой тропинкѣ по направленію къ салинамъ, какъ на встрѣчу намъ появился государь, возвращавшійся по той же тропинкѣ изъ салинъ, гдѣ его величество бралъ ванны. Мы остановились, чтобы дать дорогу государю. Поровнявшись съ нами, его величество подаль мнѣ руку, потомъ взглянулъ на моего спутника, вдругъ, какъ бы вспоминая, произнесъ:

— Ты—Шидловскій?

— Такъ точно, ваше величество.

— Лѣчишься здѣсь?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество. Приѣхалъ только повидаться съ отцомъ Базаровымъ.

— А-А!—сказалъ государь и прошелъ далѣе.

Шидловскій не могъ придти въ себя отъ изумленія, какъ государь могъ узнать его.

— Тому назадъ,—говорилъ онъ,—лѣтъ десять, что я служилъ адъютантомъ у Сухожанета. Съ тѣхъ поръ я вышелъ въ отставку, обросъ, какъ видите, бородою, и въ этомъ почти дорожномъ костюмѣ!

Но государь обладалъ зоркостью взгляда и этою часто изумительною памятью лицъ. Въ одинъ изъ его приѣздовъ въ Стутгартъ на дебаркадерѣ была масса народу, въ которую замѣшалась и моя невѣстка, жена моего старшаго сына, желавшая увидать государя, который знавалъ ее дѣвочкой въ Николаевскомъ институтѣ и отличалъ ее, какъ дочь полковника.

Хромова, бывшаго, въ свою очередь, сотоварищемъ его величества по дѣтскимъ играмъ въ кадетскомъ корпусѣ. Вышедъ изъ вагона, государь, едва окинулъ взоромъ толпу, какъ замѣтилъ мою невѣстку и протянулъ ей руку. Немудрено, что передъ нимъ благоговѣли и—по-институтски—обожали его всѣ воспитанницы нашихъ женскихъ воспитательныхъ институтовъ.

Еще до пріѣзда въ Киссингенъ государя, туда прибылъ баварскій король Людвигъ, тотъ самый, который такъ трагически и такъ загадочно погибъ въ волнахъ Штаренбергскаго озера. Въ то время это былъ крайне красивый юноша, несмотря на свой 23-лѣтній возрастъ, царствовавшій уже 4 года на престолѣ, доставшемся ему въ такихъ юныхъ лѣтахъ. Уже и тогда онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе юношескимъ энтузіазмомъ ко всему изящному въ области искусства. Самъ онъ, представляя изъ себя изящную фигуру молодого человѣка, привлекалъ на себя взоры любопытства и удивленія, такъ какъ и въ то время въ немъ замѣчались странности, обращавшія на себя вниманіе. Начать съ того, что онъ имѣлъ странную походку. Онъ ходилъ, какъ-то особенно выкидывая ноги въ обѣ стороны и безпрестанно снимая шляпу и раскладываясь на обѣ стороны, хотя бы никого не было ни съ той, ни съ другой стороны. Онъ особенно благоговѣлъ передъ нашею императрицею; другіе говорили, что онъ просто былъ влюбленъ въ нее, несмотря на то, что въ это время она могла бы быть ему если не матерью, то тещею. Король все время устремлялъ свое вниманіе на императрицу, за которой онъ слѣдилъ на каждомъ шагу, и на водахъ, и на прогулкахъ, сопровождая ее даже въ нашу церковь, богослуженіе которой ему такъ понравилось, что, оставляя Киссингенъ, онъ пожаловалъ мнѣ свой баварскій орденъ св. Михаила 2-й степени. Разъ случилось мнѣ видѣть этого юношу-короля въ такомъ положеніи. Прихожу я какъ-то утромъ въ домъ, гдѣ жила наша императрица, и вижу въ корридорѣ почти у самыхъ дверей императрицы короля, который стоитъ прижавшись къ стѣнѣ и чего-то дожидается. Въ это время изъ дверей выходитъ секретарь ея величества Шторхъ и тоже съ изумленіемъ замѣчаетъ короля въ такомъ положеніи. Онъ обращается къ нему съ вопросомъ: «Прикажете, ваше величество, доложить о васъ императрицѣ?» на что король, видимо сконфуженный, отвѣчалъ: «о, нѣтъ! но я думалъ, что въ это время императрица выходитъ на прогулку, и хотѣлъ сопровождать ея величество». Когда же Шторхъ замѣтилъ, что императрица сегодня чувствуетъ себя усталою и на прогулку не пойдетъ, то король сталъ потихоньку ретироваться, прося ничего не говорить о себѣ императрицѣ.

При императрицѣ находилась въ это время фрейлиной А. В. Жуковская, дочь нашего незабвеннаго поэта Василя Андреевича, и мнѣ

пріятно было возобновить съ нею знакомство. Я зналъ ее еще дѣвочкой въ семействѣ ея родителей, потомъ послѣ смерти ихъ она жила года два въ ортопедическомъ заведеніи въ Канштатѣ близъ Стутгарта, гдѣ я занимался съ нею уроками закона Божія, и вотъ теперь я встрѣтился съ нею при дворѣ, гдѣ она была принята не только фрейлиной, но почти въ семью, какъ дочь столь близкаго императорской фамиліи чело-вѣка.

Въ концѣ пребыванія въ Киссингенѣ, я получилъ отъ старшаго моего сына извѣстіе изъ Лейпцига, что онъ удостоенъ степени доктора. Такъ какъ онъ съ перваго курса въ Петербургскомъ университетѣ отправился за границу и штудировалъ сперва въ Тюбингенѣ, потомъ въ Гейдельбергѣ и, наконецъ, докторировалъ въ Лейпцигѣ, то ему для полученія мѣста въ Россіи приходилось сдавать сперва кандидатскій экзаменъ, что очень было трудно не прошедшему всего курса въ русскомъ университетѣ; поэтому я обратился съ просьбою къ находившемуся тогда въ Киссингенѣ министру народнаго просвѣщенія графу Толстому, нельзя ли допустить моего сына, въ качествѣ доктора иностраннаго университета, къ экзамену прямо на магистра. Но министръ мнѣ отрѣзъ отказалъ въ этомъ, говоря, что изъ этого вышелъ бы прецедентъ, которымъ воспользовались бы многіе изъ иностранныхъ докторовъ, отъ которыхъ не было бы отбою. По счастью, бывшіе въ одно время съ моимъ сыномъ за границею наши ученые профессора, Бутлеровъ, Менделѣевъ и другіе, взяли подъ свое покровительство молодаго доктора, допустивъ сына моего, на основаніи устава, дающаго право факультетамъ призывать иностранныхъ ученыхъ къ преподаванію, съ держаніемъ экзамена на магистра, чѣмъ онъ и воспользовался, получивъ вслѣдъ за тѣмъ мѣсто доцента химіи въ Кіевскомъ университетѣ.

Но моя служба при высочайшемъ дворѣ не ограничилась Киссингеномъ. Государь уѣхалъ, но императрица съ младшими дѣтьми переехала въ Швальбахъ, куда и мы съ церковью и причтомъ послѣдовали за ея величествомъ. Въ Киссингенѣ, по случаю пребыванія тамъ государя, было еще большее оживленіе, но въ Швальбахѣ было такъ тихо и скучно, что всѣ мы, служащіе при императрицѣ, порывались, хоть куда-нибудь, только бы не сидѣть въ этой ямѣ, гдѣ одни только пользовавшіеся водами были заняты съ утра до вечера лѣченіемъ. И вотъ, разъ собрались мы, А. А. Тютчева съ великой княжной Маріей Александровной и я, сдѣлать прогулку по Рейну до Штольценфельса, этого возобновленнаго замка прусской королевской фамиліи. При этомъ было условлено, что великая княжна поѣдетъ въ строжайшемъ инкогнито, чтобы избѣгнуть всякихъ представленій и встрѣчь. И дѣйствительно, на пароходѣ мы свободно двигались между пассажирами, и никто не обращалъ на насъ вниманія. Но каково было наше изумленіе, когда,

высаживаясь на берег у Штольценфельса, мы замѣтили на берегу цѣлую толпу нѣмцевъ въ бѣлыхъ галстукахъ и съ растопыренными пальцами въ бѣлыхъ перчаткахъ. То были чиновники, служащіе при замкѣ, которымъ дано было знать о посѣщеніи великой княжной для осмотра замка, въ который допускаются посѣтители только съ особаго разрѣшенія. Дѣлать было нечего. Пришлось принимать представленія и въ присутствіи чопорныхъ нѣмцевъ, стоявшихъ кругомъ насъ безъ шляпъ, усаживаться на ословъ, такъ какъ подъемъ въ замокъ очень крутъ, а экипажей нарочно не было заказано. Впрочемъ, благодаря нарушенному incognito, намъ показали внутренность замка во всѣхъ подробностяхъ, какъ не показываютъ простымъ туристамъ.

Въ другой разъ мнѣ захотѣлось побывать въ Шлангенбадѣ, отстоящемъ на одинъ часъ пути отъ Швальбаха, и какъ я и здѣсь обѣдалъ каждодневно со всею свитою за столомъ императрицы, то я долженъ былъ отправиться на цѣлый день для этой прогулки. На другой день, когда я явился къ столу, императрица мнѣ говоритъ:

— А вчера у насъ обѣдала королева прусская Августа (теперешняя императрица германская, вдова императора Вильгельма), которая поручила вамъ кланяться и сожалѣла, что вы выбрали день для прогулки, когда она была здѣсь.

Этотъ милостивый поклонъ былъ вмѣстѣ и высочайшимъ выговоромъ. Объ отношеніяхъ моихъ къ императрицѣ Августѣ я уже говорилъ раньше, и здѣсь только мнѣ припомнилось ея завѣщаніе мнѣ являться къ ея величеству, гдѣ бы я ни былъ въ ея присутствіи. Хотя въ этотъ разъ я отлучился не намѣренно, не зная объ ея посѣщеніи нашей императрицы въ этотъ день, тѣмъ не менѣе я далъ себѣ слово больше не отлучаться изъ Швальбаха и дѣлать скуку съ другими. По отбытіи императрицы изъ Швальбаха въ Дармштадтъ, мы воротились съ нашею походною церковію и причтомъ въ Стутгартъ, но къ 30-му августа насъ потребовали опять въ Югенгеймъ, имѣніе принца Александра Гессенскаго, куда прибылъ и государь, для совершенія только молебна, для чего въ саду была раскинута палатка, такъ какъ помѣщеніе въ замкѣ принца было небольшое, а при наѣздѣ гостей даже тѣсное. Прелестно мѣстоположеніе этого замка въ горахъ Оденвальда недалеко отъ Дармштадта! Видъ съ того мѣста, на которомъ была раскинута палатка для нашей службы, былъ восхитительный. Известно, что принцъ Александръ, теперь уже покойный, былъ любимымъ братомъ покойной императрицы Маріи Александровны, и потому всякій разъ, когда императрица бывала за границею, она проводила нѣсколько недѣль въ этомъ прелестномъ имѣніи, совершенно какъ въ своей семьѣ, тѣмъ болѣе, что и государь любилъ эту семью и одному изъ сыновей принца Александра удалось сдѣлаться княземъ болгарскимъ,

и можно быть увѣреннымъ, что если бы живъ былъ императоръ Александръ Николаевичъ, не случилось бы всего того, отчего пострадала и Болгарія и наши отношенія къ ней, такъ какъ всѣ дѣти принца Александра любили и почитали покойнаго государя, какъ роднаго отца, и никогда молодой принцъ Александръ не позволилъ бы себѣ увлечься чѣмъ бы то ни было вопреки волѣ и желаніямъ своего августѣйшаго дяди.

По окончаніи моего служенія въ этотъ годъ при императорскомъ дворѣ, за чтó мнѣ пожалованъ былъ опять брилліантовый крестъ, я долженъ былъ явиться въ Фридрихсгавенъ, лѣтнее пребываніе нашей королевы, гдѣ встрѣтилъ мою воспитанницу великую княгиню Ольгу Ѳеодоровну, и пробывъ тамъ нѣсколько дней, воротился на свой Ротенбергъ, чтобы заключить тамъ лѣтній сезонъ обычнымъ сборомъ винограда и затѣмъ воротиться въ Стутгартъ на зимнія квартиры.

Здѣсь въ ноябрѣ мнѣ привелось сдѣлать два интересныхъ знакомства. На эту зиму въ Стутгартѣ поселился съ семействомъ А. М. Жемчужниковъ, и здѣсь у него родилась дочь. Восприемникомъ при крещеніи ея былъ И. С. Тургеневъ, который для этого пріѣхалъ изъ Бадена. Какъ рассказывалъ мнѣ Свербѣевъ, Тургеневъ всячески избѣгалъ Стутгартъ, зная, что королева Ольга Николаевна была недовольна имъ за то, что онъ въ повѣсти «Отцы и дѣти» далъ герою романа имя Базарова, «какъ будто онъ не знаетъ,—прибавляла при этомъ ея величество,—что это имя носить мой духовникъ». Поэтому и въ этотъ разъ онъ пріѣхалъ въ Стутгартъ только на нѣсколько часовъ и послѣ крестинъ сейчасъ же уѣхалъ обратно въ Баденъ. Я въ первый разъ встрѣтился съ нашимъ знаменитымъ писателемъ, и мнѣ показалось, что ему было какъ-то неловко со мною. Но потомъ мы разговорились и при этомъ—не знаю по какому поводу—Тургеневъ сказалъ о себѣ:

— У меня такая глупая натура, что если я видѣлъ или слышалъ что-нибудь замѣчательное, я не могу быть спокоенъ, пока не напишу этого. Хоронили мы Грановскаго въ Москвѣ. Уже наша процессія, протянувшаяся чуть не на версту, приближалась къ кладбищу, какъ въ это самое время обгоняетъ нашу процессію какой-то мужиченко въ розвальняхъ, сидя бочкомъ на гробу и изъ всѣхъ силъ погоняя веревочнымъ кнутикомъ свою кляченку. Очевидно, онъ спѣшилъ обогнать наше помпезное погребальное шествіе, чтобы поскорѣе свалить своего покойнаго въ могилу. Вотъ этотъ-то контрастъ картины преслѣдуетъ меня доселѣ, и я не успокоюсь, пока не напишу его.

И дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ онъ включилъ эту сцену въ одинъ изъ своихъ прекрасныхъ рассказовъ. Послѣ этого мнѣ никогда не случилось болѣе встрѣчаться съ Тургеневымъ, хотя я часто бывалъ въ Баденѣ, гдѣ онъ тогда жилъ въ своей виллѣ рядомъ съ виллой m-me Viardot,

которая и до сихъ поръ носить имя «villa Тургеневъ», хотя уже давно перешла въ другія руки. Но странно, что мнѣ не разъ случалось во время этихъ поѣздокъ въ Баденъ попадать на русскихъ людей, изъ которыхъ многіе только за тѣмъ и заѣзжали въ Баденъ, чтобы посмотрѣть на Тургенева. Они подходили ко мнѣ и учтиво спрашивали:

— Позвольте узнать, вы не Тургеневъ ли? — и на мой отрицательный отвѣтъ говорили:—извините, но такое сходство.

А другіе, даже знавшіе меня лично, также увѣряли, будто я ужасно напоминаю собою Тургенева. Я не знаю, могъ ли я или кто другой гордиться такимъ сходствомъ, а скорѣе слѣдовало жалѣть, что наружность бываетъ обманчива, не всегда соответствуя внутреннему достоинству.

Зимой въ своемъ уединеніи я возобновилъ переписку съ своими пріятелями въ Россіи, поставленными волею судьбы дѣйствовать на благо общее. Такъ, между прочимъ, о. Янышевъ, бывшій въ это время ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи, сообщалъ мнѣ о всѣхъ современныхъ теченіяхъ и чаяніяхъ въ нашей родной церкви. «Новый уставъ академіи,—писалъ онъ мнѣ,—еще не рассмотрѣнъ Св. Синодомъ; надѣмся въ слѣдующемъ году на введеніе его, и тогда только можно будетъ ожидать болѣе прочнаго и плодотворнаго просвѣщенія нашего духовнаго юношества, которое, вообще говоря, показываетъ много доброй воли и способно принести пользу церкви и отечеству. Много, много предстоитъ трудовъ нашей церкви, но только понемногу дѣятеля ея могутъ уразумѣть, что ей предстоитъ сдѣлать и какъ приняться за это дѣло. Переводъ св. писанія есть только первый шагъ къ той великой цѣли, которая состоитъ въ томъ, чтобы церковь была не только сокровищницею таинствъ, но прежде всего воспитательницею народа чрезъ богослуженіе и школу. Для этой цѣли и внѣшнее положеніе духовенства и внутреннее направленіе нашей іерархіи должно совершенно измѣниться,—а это задача для цѣлаго государства, исполнимая только при совокупномъ содѣйствіи и божескихъ и человѣческихъ средствъ. Народу—настоятельная нужда въ нравственномъ содѣйствіи и воспитательномъ влияніи церкви, а духовенство между тѣмъ шагу не можетъ сдѣлать безъ того, чтобы не протянуть руки и не вымалывать насущнаго хлѣба у своихъ воспитанниковъ. Судите, какъ нелегко быть педагогомъ въ такой обстановкѣ. Міръ нашъ—понятнѣ иной міръ, чѣмъ западный. Въ государственномъ отношеніи все, что ни сдѣлано доселѣ, оказывается превосходно сдѣланнымъ, и каждый годъ будетъ болѣе и болѣе доказывать это къ общему счастью или лучше къ увеличенію общаго благоденствія. Но для церкви, если она должна хоть отрицательно не мѣшать общему дѣлу, нужны большія и радикальныя улучшенія. Будемъ ждать, не скажутъ ли что ближайшіе годы? А пока

отрадно хоть что-нибудь дѣлать, хоть даже не мѣшать дѣлать другимъ полезное на будущія времена».

Въ 1869 году 16-го апрѣля исполнилось 25 лѣтъ моего служенія въ священническомъ санѣ. По этому случаю мнѣ оказаны были разныя милости, какъ со стороны королевы, такъ и отъ государя. Кромѣ пожалованнаго мнѣ по этому случаю изъ Кабинета его величества креста, замѣнъ котораго мнѣ было выдано 3.000 рублей, государю угодно было положить мнѣ пожизненную пенсію по 1.500 рублей въ годъ. Королева заказала для этого случая образъ-складень, на которомъ въ срединѣ находится образъ Ѳеодоровской Божіей Матери (фамильный образъ дома Романовыхъ), а въ четырехъ боковыхъ поляхъ изображенія святыхъ дня моего рожденія, моего посвященія, святыхъ соименныхъ моему семейству и 4-хъ святыхъ соименныхъ тѣмъ великимъ княгинямъ, при которыхъ я служилъ: великой княгинѣ Елизаветѣ Михайловнѣ, въ Висбаденѣ, великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ и Вѣрѣ Константиновнѣ въ Стутгартѣ, и королевѣ Екатеринѣ Павловнѣ, погребенной на Ротенбергѣ. Образъ этотъ былъ присланъ императрицею съ нарочнымъ курьеромъ ко дню моего юбилея и несказанно меня обрадовалъ не столько своимъ богатымъ и изящнымъ исполненіемъ, сколько мыслью, положенною въ основаніе этого поднесенія, и чувствомъ высочайшаго благоволенія, выраженнымъ въ выгравированномъ на обратной доскѣ образа псалмѣ: «Живыи въ помощи Вышняго», также излюбленномъ и испробованномъ нашею царскою фамиліею. При этомъ мнѣ вспоминается разговоръ А. А. Окуловой, бывшей воспитательницею великой княгини Ольги Николаевны.

— Покойный государь Николай Павловичъ, — рассказывала она, — собирался ѣхать на Кавказъ. Передъ самымъ отъѣздомъ мы сидимъ за завтракомъ, и я приготовила напередъ псаломъ «Живыи въ помощи Вышняго», написанный на маленькой бумажкѣ, сложенной въ видѣ ладонки, какія носятъ на крестѣ. Но какъ отдать это государю? Я и сунула эту бумажку въ руку сидѣвшей подлѣ меня Ольги Николаевны, чтобы она попросила государя взять это съ собою. Но и та сконфузилась, не смѣя обратиться съ такою просьбою хотя и къ любимому и всегда ласковому съ дѣтьми своими отцу, но всегда и для нихъ могущественному монарху. Государь, сидѣвшій противъ насъ, замѣтилъ это замѣшательство и, прямо обратившись къ великой княжнѣ, спросилъ: «Оля, ты хочешь мнѣ что-то сказать?» Тогда нужно было открыть нашъ разговоръ, и государь, улыбувшись, протянулъ черезъ столъ руку съ словами: «ну, дай сюда. Я надѣну это на крестъ». Во время этой поѣздки на Кавказъ, при спускѣ съ горы, экипажъ государя опрокинулся и чуть не свалился въ пропасть. Государь вспомнилъ при этомъ усердіе своей любимой дочери и приказалъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ

ему угрожала такая опасность, поставить столбъ и на немъ написать псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго». Съ тѣхъ поръ этотъ псаломъ сталъ излюбленнымъ въ царской семьѣ.

Изъ моей переписки съ тогдашними общественными дѣятелями у меня сохранилось нѣсколько интересныхъ писемъ, бросающихъ свѣтъ на тогдашнее настроеніе и скромныя начинанія, которыя въ настоящее время стали совершившимися фактами. Вотъ одно изъ такихъ писемъ графа А. Е. Комаровскаго, извѣстнаго патриота и славянофила, писанное мнѣ изъ Москвы 4-го марта 1869 года. «Послѣ пребыванія прошлымъ лѣтомъ въ Ревель судьба привела насъ въ Либаву, гдѣ мы присутствовали при освященіи тамъ православнаго храма вмѣсто убогаго молитвеннаго дома, существовавшаго въ Либавѣ въ продолженіе 34-хъ лѣтъ. Какъ изготовлялся нашъ храмъ къ освященію, того описывать не стану. Довольно сказать, что мы уготовляли его почти такъ же, какъ безродная бѣдная невѣста снаряжается къ вѣнцу. Это зрѣлище и все нами тогда пережитое такъ сильно на всѣхъ насъ подѣйствовало, что, возвратясь сюда, мы не могли скрыть нашихъ впечатлѣній отъ родныхъ и знакомыхъ. Избраніе же меня почетнымъ братчикомъ и попечителемъ въ возникающихъ въ балтійскомъ краѣ братствахъ возлагало еще болѣе на меня обязанность передать здѣсь нами тамъ слышанное, видѣнное и испытанное. Слѣдствіемъ этого было воззваніе, напечатанное въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» отъ здѣшнихъ дамъ къ пожертвованію въ пользу православныхъ церквей, братствъ и школъ балтійскаго края. Благодаря большому сочувствію общества, дѣло наше пошло хорошо. Оно возникаетъ и въ Петроградѣ и также въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Государыня императрица и царскія дѣти пожертвовали деньги и разныя церковныя принадлежности. Хотя государынѣ императрицѣ, говоря о нашихъ дѣлахъ, и угодно называть его: «votre société, votre association», но мы не дерзаемъ еще принимать названіе общества или комитета, полагая, что дѣло не въ кличкѣ, а въ сущности самаго дѣла. А что оно полезно и дѣйствуетъ благотворно, въ томъ я вполне убѣдился въ послѣднюю поѣздку въ Ригу. Къ превеликой моей радости я нашелъ тамошній православный и неправославный русскій людъ какъ бы воскресшимъ, обновленнымъ. Такъ пригрѣлъ нашихъ балтійскихъ братьевъ первый лучъ теплаго русскаго солнца». Далѣе графъ Комаровскій пишетъ о стараніяхъ его по проведенію Ковно-либавской желѣзной дороги, «въ виду прочѣйшаго закрѣпленія балтійскаго края за Россіей» и въ этомъ отношеніи отдаетъ справедливость «Московскимъ Вѣдомостямъ», которыя однѣ «съ непоколебимымъ постоянствомъ» отставали необходимость этой дороги, и прибавляетъ: «Надѣюсь, что мнѣ удастся, когда концессія на эту дорогу будетъ выдана, видѣть редакторовъ «Московскихъ

Вѣдомостей», потрудившихся по дѣлу Ковно-либавской дороги, избранными въ почетные граждане г. Либавы».

Осенью этого года мнѣ предстояла было интересная поѣздка въ Римъ вслѣдъ за королевою, отправившеюся туда, чтобы познакомиться съ сокровищами древности и искусства воспитывавшуюся у нея великую княжну Вѣру Константиновну. Къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили мнѣ увидать Римъ въ этотъ интересный моментъ, когда тамъ собрался извѣстный ватиканскій соборъ. Правда, изъ свиты королевы мнѣ сообщали подробности о всемъ происходившемъ въ это время въ вѣчномъ городѣ, но все это было не то, что мнѣ пришлось испытывать лично нѣсколько лѣтъ спустя при моемъ посѣщеніи Рима, хотя и не въ такую интересную минуту, какъ въ этомъ году. О пребываніи нашей королевы въ Римѣ и ея свиданіи съ папою Піемъ IX много говорили и писали въ это время въ газетахъ. По этому случаю мнѣ писала оттуда воспитательница ¹⁾ великой княжны Вѣры Константиновны: «Мы здѣсь читаемъ въ газетахъ разговоръ ея величества съ папою и не понимаемъ, какъ могутъ печатать и выдавать за истину то, что было говорено *en tête à tête*». А говорено было, какъ я послѣ узналъ отъ самой королевы, между прочимъ, о назначеніи на вакантную кафедру католическаго епископа въ Виртембергѣ профессора Тюбингенскаго университета Гефеле, который присутствовалъ въ это время на ватиканскомъ соборѣ и успѣлъ уже заявить себя протестомъ противъ дебатировавшагося вопроса о непогрѣшимости папы. И несмотря на это, ходатайство королевы было принято во вниманіе, и Гефеле былъ назначенъ епископомъ Ротенбургскимъ съ именемъ Іосифа. Правда, его заставили при этомъ произнести *Pater, messavi!* и при новомъ изданіи его извѣстной исторіи соборовъ смягчить его рѣзкій отзывъ объ еретичествѣ папы Либерія, которое онъ особенно выставлялъ, какъ доказательство противъ непогрѣшимости папы. Изъ подробностей настоящаго пребыванія въ Римѣ заимствую изъ того же письма слѣдующее: «Въ прошлый понедѣльникъ мы присутствовали при посвященіи одного испанца въ кардиналы; по правдѣ сказать, это чистая комедія, которой придаютъ только окраску духовной церемоніи. Сегодня же была торжественная служба въ церкви св. Петра въ присутствіи папы и всего духовенства здѣшняго и иностраннаго, съѣхавшагося со всѣхъ концовъ свѣта на предстоящій соборъ. По окончаніи богослуженія была процессія, въ которой принималъ участіе и папа, несшій св. дары, а духовенство шло попарно съ зажженными свѣчами. Прибавьте къ этому великолѣпное пѣніе папской капеллы и массы народа, стоящаго на колѣнахъ. Картина была поразительно хороша.

¹⁾ Е. М. Трусова.

Но при этомъ надобно замѣтить, что мы всё въ Римѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, чувствуемъ отсутствіе, или, лучше сказать, недостатокъ нашей православной церкви. Вчера королева поѣхала въ церковь св. Хризостома, прежнюю греческую церковь, гдѣ теперь служатъ пріѣхавшіе сюда армяне, но нашла ее пустою. Въ катакомбы мы ходили вмѣстѣ съ Путятиными подъ руководствомъ Palmer'a, который изъяснялъ намъ все очень подробно». Все это заставило меня очень сожалѣть, что меня тамъ не было, и укрѣпляло во мнѣ намѣреніе побывать въ Римѣ, чему суждено было исполниться только 12 лѣтъ спустя.

Въ заключеніе воспоминаній этого года не могу удержаться, чтобы не приложить здѣсь письма ко мнѣ Владиміра Павловича Титова, которое хотя и не содержитъ въ себѣ никакихъ особенно важныхъ извѣстій изъ Рима, тѣмъ не менѣе интересно по своему характеру, свойственному перу этого во всякомъ случаѣ историческаго дѣятеля, который умѣлъ въ мимолетныхъ чертахъ давать намеки на современныя теченія. Вотъ это письмо:

«С.-Петербургъ, 29-го сентября 1869 года. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ норовлю заявить вамъ, добрый, почтеннѣйшій батюшка, возвратъ мой на сырые холодные берега финской нашей Леты изъ Елисейскихъ полей замосковной Руси, гдѣ мое лѣто текло среди жаровъ, достойныхъ средней Италіи. Вслѣдъ за письмомъ моимъ отъ 17-го текущаго мѣсяца къ ея величеству королевѣ, узнавъ я подлежащій скорому исполненію проектъ путешествія ея съ Вѣрой Константиновной въ Римъ. Прибавляютъ, что и вы думаете употребить въ пользу вакантъ, создаваемыхъ отсутствіемъ августѣйшей покровительницы стутгартскаго православнаго прихода, на тотъ конецъ, чтобы съ вашей стороны взглянуть на открытіе сие рекомаго вселенскаго собора и погрѣться цѣлебными лучами южнаго солнца. Дай Богъ, чтобы вліяніе ихъ оказалось подлинно цѣлебнымъ въ крымской Ливадіи. Всѣ здѣсь заняты вопросомъ: гдѣ окажется удобнѣйшимъ зимовать въ ожиданіи возстановленія силъ императрицы? Между тѣмъ, здѣшній оффиціальныи міръ понемножку воскресаетъ изъ лѣтняго, не столько еще застоя, сколько разброда. Завтра 30 лѣтняя годовщина службы нашего принца Петра Георгіевича по воспитательнымъ и благотворительнымъ заведеніямъ императрицы Маріи. Всѣ званы на открытіе новой больницы, жертвуемой городу принцемъ, и на освященіе тамъ Петропавловской домовои церкви. Будутъ, вѣроятно, о. Васильевъ и кое-кто еще изъ членовъ комиссіи, наряженной, дабы разсудить адресъ Овербека къ Св. Синоду за подписью 106 западныхъ христіанъ, желающихъ сочетаться съ православною церковью во всемъ, исключая нѣкоторыхъ мѣстныхъ своихъ обрядовъ. Проведя въ Москвѣ 10 дней на обратномъ сюда пути, я познакомился тамъ съ англичаниномъ Хетзерле, который, чисто и всецѣло

перейдя въ нашу вѣру, добивается денегъ на постройку греко-восточнаго храма въ небольшомъ промышленномъ городѣ близъ Бирмингама, гдѣ самый собиратель будетъ служить православную обѣдню на англійскомъ нарѣчїи. Я надѣялся, но, увы, не могу извѣстить васъ о вступленїи въ духовную семинарію облагодѣтельствованнаго королевою крестника моего Владиміра Смирнова. Онъ не выдержалъ экзамена прїемнаго, впрочемъ, кажется не по своей винѣ, а потому, что заранѣе было велѣно принять всего 20 мальчиковъ изъ числа слишкомъ 80 охотниковъ. Опасаются переполнить церковныя училища, въ виду сокращенїя числа сельскихъ приходскихъ церквей, сокращенїя, которое, впрочемъ, не обойдется безъ многихъ ощутительныхъ неудобствъ. Если ворота въ церковную карьеру найдутся слишкомъ узкими, то и Смирнову придется, по примѣру другихъ, готовить себя къ мірскимъ профессїямъ. Я ему толкую не терять духу и продолжать учиться дома для поступленїя со временемъ, можетъ статься, въ гимназію. — Жена моя задержана въ Парижѣ кончиною престарѣлой своей тетки. — Не знаю теперь, когда ожидать ее назадъ. Преданный вамъ Титовъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

*

Просьба арестантовъ въ 1812 году объ отправленіи ихъ въ дѣйствующую армію.

Предложеніе Сенату министра юстиціи И. И. Дмитріева.

22-го сентября 1812 г. № 4838.

По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, главнокомандующій въ С.-Петербургѣ г. генераль-отъ-инфантеріи Вязмитиновъ препроводилъ ко мнѣ списокъ о содержащихся въ здѣшней Градской тюрьмѣ арестантахъ, объявившихъ желаніе вступить въ военную службу, съ тѣмъ, чтобъ ихъ употребить въ первое дѣло противъ непріятеля.

По разсмотрѣніи моемъ означеннаго списка, я имѣлъ счастье входить съ докладомъ къ государю императору, и его императорское величество высочайше повелѣтъ соизволилъ:

1) Дѣла о подсудимыхъ дворянскаго состоянія, производящіяся въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ здѣшней губерніи и въ Правительствующемъ Сенатѣ, привести немедленно къ окончанію на основаніи законовъ. На сей конецъ предоставить разсмотрѣніе ихъ уголовной и гражданской палатамъ по равнымъ частямъ, а въ Правительствующемъ Сенатѣ 1-му и 2-му отдѣленіямъ 5-го департамента, и по мѣрѣ окончанія ихъ подносить всеподданнѣйшіе доклады на высочайшую конфирмацію.

2) Дѣла о разночинцахъ, преданныхъ суду за кражу, пристанодержательство, составленіе подложныхъ актовъ и тому подобное, гдѣ съ обличеніемъ подсудимаго сопрягается и удовлетвореніе обиженныхъ, раздѣля подобнымъ же образомъ между уголовною и гражданскою палатами, привести немедленно къ окончанію на основаніи законовъ.

3) Дѣла о людяхъ простаго состоянія, судимыхъ за побѣгъ, составленіе фальшивыхъ паспортовъ, отпускныхъ и тому подобное, гдѣ преступленіе влечетъ по себѣ одно личное взысканіе безъ всякой сторонней претензіи, далѣе не производить и таковыхъ подсудимыхъ отправить немедленно по распоряженію главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ въ полки дѣйствующей арміи противъ непріятеля.

Я честь имѣю предложить Правительствующему Сенату о приведеніи въ надлежащее исполненіе послѣдовавшей по сему предмету высочайшей воли.

Театральныя интриги въ 1822 году.

(В. А. Каратыгинъ и П. А. Катенинъ).

П. А. Каратыгинъ въ VIII-ой главѣ своихъ «Записокъ» довольно подробно рассказываетъ о двухъ театральныхъ мелочахъ 1822 года, бывшихъ въ Петербургѣ, именно — объ арестованіи брата его извѣстнаго трагическаго актера Василя Андреевича Каратыгина и о высылкѣ изъ столицы записнаго театрала и писателя Павла Александровича Катенина. Факты эти сами по себѣ незначительныя, даже мелочныя, но они представляютъ любопытную страничку въ исторіи отношеній нашей публики, общества и власти къ театральнымъ дѣятелямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчиво говорятъ о той чрезмѣрной строгости, которая къ этимъ дѣятелямъ прилагалась.

Мелочи, о которыхъ идетъ рѣчь, небезъизвѣстны, и мы напоминаемъ о нихъ не по чему-либо иному, какъ изъ желанія подѣлиться съ публикой имѣющимися у насъ «документальными» данными къ упомянутымъ двумъ исторіямъ.

Документы эти — «Переписка по поводу арестованія и освобожденія актера Каратыгина» и «Дѣло о неприличномъ поведеніи въ театрѣ отставнаго полковника Катенина и о высылкѣ его изъ С.-Петербурга, съ воспрещеніемъ вѣзда въ обѣ столицы» — отчасти исправляютъ, отчасти восполняютъ и иллюстрируютъ свѣдѣнія, проникшія въ печать, а потому могутъ быть для любителей и не лишними и не безъинтересными ¹⁾.

---

¹⁾ „Переписка“ (въ копіи) была весьма любезно предоставлена въ наше распоряженіе Г. А. Иванишнымъ, нашедшимъ ее въ Архивѣ Комендантскаго Управленія С.-Петербургской крѣпости. „Дѣло“ извлечено нами при содѣй-

Одиннадцатаго марта 1822 года въ 9-мъ часу вечера комендантъ С.-Петербургской крѣпости А. Я. Сукинъ получилъ отъ графа М. А. Милорадовича слѣдующую записку: «Милостивый Государь, Александръ Яковлевичъ! Актеръ Карадигинъ (sic) нагрубилъ и продолжаетъ грубить главному директору ¹⁾, почему, дабы здѣлать примѣръ, прошу вашего превосходительства его посадить въ крѣпости впредь до повеленія». Просьба генераль-губернатора была немедленно исполнена: въ 10 часовъ вечера того же дня Каратыгинъ былъ уже доставленъ въ крѣпость и посаженъ въ казематъ. Отецъ и братъ Василя Андреевича скрыли отъ матери «преступника» его участь, и та узнала о судьбѣ сына лишь на другой день отъ прѣхавшихъ къ нимъ актрисы А. М. Колосовой и П. А. Катенина. Рѣшено было написать просьбу о помилованіи и ѣхать къ генераль-губернатору.

Перепуганная А. Д. Каратыгина взяла наскоро составленное Катенинымъ прошеніе и въ сопровожденіи Колосовой поѣхала къ гр. Милорадовичу съ ходатайствомъ за сына. Графъ принялъ дамъ очень строго, его не тронули и слезы несчастной матери преступника; но смѣлыя рѣчи Колосовой подѣйствовали на генераль-губернатора...

«Этотъ урокъ»—сказалъ онъ, отпуская просительницу—«былъ нуженъ молодому либералу, который набрался духу отъ своего учителя Катенина ²⁾; впрочемъ, нынѣшній же день велю его освободить».

Дѣйствительно, въ тотъ же день гр. Милорадовичемъ была написана, а на слѣдующій отправлена къ коменданту крѣпости слѣдующая записка: «Милостивый государь, Александръ Яковлевичъ! Актера Карадигина въ уваженіе раскаянія его и по желанію Аполлона Александровича Майкова прошу приказанія выпустить изъ крѣпости». А отъ директора театровъ комендантъ получилъ 13-го же марта письмо такого содержанія: «Милостивый государь, Александръ Яковлевичъ! Прилагаемое при семъ письмо къ содержащемуся подъ арестомъ актеру Каратыгину покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать ему вручить, и, когда онъ прочтетъ оное, то съ подателемъ же сего, освободя его изъ-подъ ареста, препроводить ко мнѣ,—о чемъ честь имѣю при семъ присоединить и приказаніе его сиятельства графа Михайла Андреевича. Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Аполлонъ Майковъ». Итакъ, В. А. Каратыгинъ былъ освобожденъ, послѣ

ствіи А. З. Мышлаевскаго изъ бумагъ, принадлежащихъ Военно-ученому архиву. Названныхъ лицъ покорнѣйше просимъ принять нашу искреннюю признательность.

¹⁾ Т. е. директору театровъ—А. А. Майкову.

²⁾ П. А. Катенинъ былъ учителемъ декламации В. А. Каратыгина и другомъ его.

того какъ просидѣлъ въ казематѣ 42 часа ¹⁾). До насъ не дошло письмо А. А. Майкова къ В. А. Каратыгину, и не извѣстно, было ли Каратыгинымъ изложено письменно раскаяніе, о которомъ говорится во второмъ приведенномъ нами предписаніи генералъ-губернатора; но въ чемъ состояло «преступленіе» В. А. Каратыгина, извѣстно изъ «Записокъ» брата знаменитаго нашего трагика.

«Въ 1822 году, 9-го марта, на 4-й недѣлѣ великаго поста»—говоритъ онъ—«былъ у насъ въ театральномъ училищѣ домашній спектакль, подъ руководствомъ кн. Шаховскаго. Я участвовалъ въ этомъ спектаклѣ, и братъ мой пришелъ посмотреть меня... По окончаніи первой пьесы, въ которой я игралъ, мы съ братомъ вышли въ танцевальную залу, гдѣ тогда помѣстили учебные столы и скамейки, которые были сдвинуты на самый конецъ залы. Отойдя къ сторонѣ, мы прислонились къ одному изъ этихъ столовъ и начали разговаривать между собою; онъ дѣлалъ мнѣ нѣкоторыя замѣчанія на счетъ сыгранной мною роли. Во время антракта зала наполнилась нашей театральной публикой; на другомъ концѣ этой длинной залы были кн. Шаховской и Майковъ; мы, загороженные отъ нихъ толпою, вовсе ихъ не замѣтили и продолжали спокойно разговаривать. Вдругъ Майковъ подбѣжалъ къ намъ и съ рѣзкимъ выговоромъ обратился къ брату, какъ онъ смѣлъ сидѣть въ его присутствіи. Братъ, озадаченный такою неожиданностью, нѣсколько сконфузился и отвѣчалъ, что, во-первыхъ, онъ не сидѣлъ, а стоялъ, прислонясь къ столу; во-вторыхъ, вовсе не видалъ его. Майковъ не хотѣлъ слышать никакихъ оправданій и явно старался своею грубостью вызвать моего брата на дерзость.

— Ты мальчишка,—говорилъ онъ ему—я научу тебя уважать начальство! Ты не смотри на то, что я хожу въ старомъ фракѣ,—я все-таки твой директоръ и не позволю тебѣ забываться передо мною!..

Братъ мой поблѣднѣлъ отъ негодованія и твердо отвѣчалъ ему: «Повторяю вамъ, ваше превосходительство, что я васъ не видалъ. Что же вамъ еще отъ меня угодно?»—«Хорошо, хорошо! Я проучу тебя за эту дерзость!» сказалъ онъ и, отойдя отъ насъ, началъ опять разговаривать съ княземъ Шаховскимъ вполголоса... Слѣдующій затѣмъ день прошелъ очень спо-

---

¹⁾ П. А. Каратыгинъ говоритъ, что, отпуская преступника, комендантъ обратился къ нему съ слѣдующими напутственными словами: „Я, по моей должности, никогда не бываю въ театрѣ, но слышалъ отъ многихъ знакомыхъ, что вы артистъ даровитый; вотъ, теперь, какъ вамъ придется представлять на сценѣ какого-нибудь арестанта, вы, побывши у насъ, конечно, еще натуральнѣе сыграете свою роль. Прощайте, сударь! До свиданія я уже не скажу вамъ (смѣючись, прибавилъ онъ). Я къ вамъ въ театръ не ѣзжу, такъ дай Богъ, напередки и вамъ не посѣщать насъ грѣшныхъ. Желаю вамъ успѣховъ. Не поминайте насъ лихою“ („Записки“. С.-Петербургъ. 1880, стр. 88).

койно, и мы полагали, что тѣмъ и кончится эта вздорная исторія» ¹⁾. Но братья, какъ оказалось, ошибались: исторія только что начиналась.

Трудно сказать, насколько достовѣренъ рассказъ П. А. Каратыгина, и въ совершенной точности не извѣстны подробности преступленія его брата; но извѣстенъ достовѣрно тотъ фактъ, что за грубость своему начальству актеръ могъ получить довольно внушительный «урокъ»: не больше, не меньше, какъ заключеніе въ крѣпость.

Павла Александровича Катенина, друга и учителя В. А. Каратыгина, постигла въ тотъ же годъ еще горшая участь: за свое сильное пристрастіе къ театральнымъ дѣламъ и дѣлишкамъ и за слишкомъ свободное и громкое выраженіе своихъ театральныхъ вкусовъ онъ былъ лишенъ права входа въ театры и даже былъ высланъ изъ Петербурга, «съ воспрещеніемъ вѣзда въ обѣ столицы». Кара, понесенная Катенинымъ, въ свое время надѣлала много шума въ петербургскомъ театральномъ мірѣ. О ближайшемъ поводѣ и причинахъ удаленія Катенина отъ храма Мельпомены повѣствуетъ и лѣтописецъ русскаго театра П. Н. Араповъ, рассказываетъ въ своихъ «Запискахъ» и П. А. Каратыгинъ и отецъ послѣдняго А. В. Каратыгинъ въ своемъ «Дневникѣ» ²⁾; самъ П. А. Катенинъ вотъ что писалъ между прочимъ о постигшей его неприятой исторіи своей хорошей знакомой-артисткѣ А. М. Колосовой ³⁾: «Я болѣе не хожу въ русскій театръ. Мнѣ это чисто-на-чисто воспретили. Я былъ насколько непочтителенъ, что сказалъ вслухъ послѣ представленія «Поликсены», что царица-мать не имѣетъ права выводить съ собою своихъ протеже, которыхъ никто не вызываетъ; любовникъ Гекубы по этому поводу насплетничалъ, а сія вдова Пріама, которая всегда была зла, а въ этотъ день злѣе обыкновеннаго, потому что ей меньше апплодировали, чѣмъ молодому Пирру ⁴⁾, который впервые имѣлъ честь играть съ нею, — явилась съ великимъ шумомъ жаловаться, говоря, что она не можетъ быть спокойна на сценѣ до тѣхъ поръ, куда я буду въ залѣ. Аполлонъ ⁵⁾, по совѣту Аристофана ⁶⁾, обратился къ нынѣшнему, вамъ знакомому Меценату ⁷⁾, а Меценатъ, черезъ три

¹⁾ «Записки», стр. 82—83.

²⁾ См. «Лѣтопись русскаго театра» П. Арапова, Спбрг. 1861, стр. 328—329; «Записки П. А. Каратыгина» Спбрг. 1880, стр. 89—91; «Русскій театръ въ царствованіе Александра I-го», въ «Рус. Стар.» 1880 г., № X, стр. 272.

³⁾ Въ письмѣ отъ октября 1822 года. Письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой напечатаны В. И. Бодяновскимъ въ «Рус. Стар.» 1893 г., № III и IV.

⁴⁾ В. А. Каратыгину.

⁵⁾ А. А. Майковъ.

⁶⁾ Кн. А. А. Шаховского.

⁷⁾ Гр. М. А. Милорадовичу.

дня призвавъ меня къ себѣ, запретилъ мнѣ навсегда входить въ русскій театръ. Въ основѣ этого дѣла лежитъ нѣчто гнусное, но есть въ немъ и добрая доля смѣшныхъ подробностей, о которыхъ вы узнаете по возвращеніи: писать было бы слишкомъ долго. Утѣшаюсь тѣмъ, что, когда это дѣло стало предметомъ общихъ разговоровъ, нашлось не болѣе трехъ или четырехъ голосовъ, не принявшихъ мою сторону; но увы! я тѣмъ не менѣе страдаю, ибо мнѣ скучно, и я не смѣю дѣлать того, что дѣлають всѣ, потому что... Случаются ли подобныя вещи въ Парижѣ?»¹⁾

Итакъ, Катенинъ навлекъ на себя наказаніе «непочтительностью» къ знаменитой трагической актрисѣ Е. С. Семеновой, непочтительностью особенно рѣзко выразившейся 18-го сентября 1822 г. при представленіи трагедіи Озерова «Поликсена». Небезынтересно повтормъ вспомнить, какъ прошелъ этотъ роковой для Катенина спектакль. Сообщаемъ свѣдѣнія о немъ по имѣющимся подъ руками даннымъ, сопоставленіе которыхъ не лишено нѣкотораго любопытства. Вотъ что прежде всего говорится въ официальномъ донесеніи графа М. А. Милорадовича государю: «18-го сентября давали на Большомъ театрѣ трагедію «Поликсена», въ которой ролю Гекубы играла Семенова большая, ролю Пирра (В. А.) Каратыгина, а ролю Агамемнона Брянской. Публика по обыкновенію вся вообще апплодировала Семеновой, отчасти же апплодировано было и Каратыгину. По окончаніи спектакля публика вызывала Семенову, продолжая апплодировать. Нѣкоторые голоса вызывали новую дебютантку—воспитанницу театральнѣ школы Азаревичеву, игравшую ролю Поликсены. Отставной полковникъ Катенинъ кричалъ: «Каратыгина!» Когда занавѣсъ былъ поднятъ, то показалась Семенова съ Азаревичевой и принята была съ обыкновеннымъ восторгомъ; но полковникъ Катенинъ кричалъ: «не надобно намъ ихъ; дайте намъ Каратыгина!» Всталъ изъ кресла и махалъ руками, повторяя сіе съ крикомъ нѣсколько разъ. Семенова, услышавъ сіе и замѣтивъ маханіе руками, подала знакъ Азаревичевой подойти ближе, однако жъ со всѣмъ приличіемъ сдѣлала нѣсколько поклоновъ публикѣ. Между тѣмъ слышны были голоса: «Какъ это дерзко! Какъ это можно себѣ позволить!» Нѣсколько другихъ вызывали Каратыгина и Брянскаго. Занавѣсъ опять поднятъ. Каратыгинъ и Брянской вышли на сцену. Потомъ занавѣсъ опущенъ и тѣмъ все окончилось. На счетъ поступка Катенина были въ партерѣ неприятыя сужденія. Я былъ въ креслахъ и хотя я замѣтилъ поступокъ Катенина, но не подавалъ никакого вида.

На другой день узналъ я, что Катенинъ уговорилъ нѣсколько своихъ

¹⁾ А. М. Колосова находилась въ то время въ Парижѣ.

знакомыхъ какъ можно болѣе ашлодировать Каратыгину и стараться, чтобы онъ былъ вызванъ прежде Семеновою; но когда увидѣлъ, что вся публика желала вызвать Семенову, тогда онъ сдѣлалъ ей вышешозначенное огорченіе. Узналъ я также, что Катенинъ дерзокъ и подбираетъ въ партіи партіи, дабы господствовать въ ономъ и заставлять актеровъ и актрисъ искать его покровительства. А посему и нашелъ я приличнымъ пригласить къ себѣ полковника Катенина, внушилъ ему неблагоразумный его поступокъ, какъ относительно Семеновою, которую онъ огорчать не имѣлъ права, равномѣрно и относительно публики, которая была тѣмъ недовольна, отчего могла бы произойти съ кѣмъ-либо и ссора. Совѣтовалъ ему впредь въ русской театрѣ не ѣздить, дабы рѣшительно прекратить подобные поступки и могущія отъ оныхъ случиться непріятныя происшествія» ¹⁾.

Въ «соотвѣтствіи» съ донесеніемъ графа Милорадовича былъ напечатанъ и отчетъ объ этомъ спектаклѣ въ журналѣ «Благонамѣренный» (единственная отличающаяся подробностями рецензія на «Поликсену», данная тогдашней періодической печатью.)

«Чѣмъ инымъ можно начать замѣчанія о семъ представленіи — читаемъ въ «Благонамѣренномъ» ²⁾ — «какъ не признательностью и удивленіемъ къ неподражаемому таланту г-жи Семеновою б(ольшой). Чего не въ состояніи сдѣлать она надъ сердцемъ зрителя?... Нѣтъ, ничье перо не выразитъ всего того, что чувствовалъ я при видѣ несчастной Гекубы, и я, не умѣя говорить объ игрѣ несравненной Семеновою, молчу... но доволенъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что понимаю ее». Далѣе идетъ снисходительный отзывъ объ игрѣ Азаревичевою и Брянскаго. Но вотъ какое замѣчаніе находимъ объ игрѣ В. А. Каратыгина: «Хотя роль Пирра весьма незавидна, но, вѣроятно, г. Каратыгинъ обнадеженъ былъ, что онъ отличится, и потому-то не шадя ни себя, ни зрителей, выбивался изъ силъ и кричалъ... Ахъ! какъ онъ кричалъ! А охриплый голосъ его доказывалъ, что, приготавлиаясь отличиться, навѣрное разъ десятокъ также прокричалъ онъ роль свою и на дому. Какъ жаль этого молодого актера, подававшего прежде большую о себѣ надежду! Неужели не краснѣлъ онъ, выходя послѣ піесы вмѣстѣ съ Семеновою и не былъ

¹⁾ Изъ „Дѣла о неприличномъ поведеніи въ театрѣ отст. полк. Катенина“ и пр. (Военно-ученый архивъ).—Катенинъ такъ передалъ своимъ друзьямъ замѣчаніе, сдѣланное ему гр. Милорадовичемъ: „Первая наша актриса Семенова, чувствуя себя вами обиженною, не желаетъ болѣе являться на сцену, если вы, г. Катенинъ, останетесь судьей ея представленій, а это было бы большое лишеніе для публики, и потому я васъ прошу не ѣздить въ театръ, когда г-жа Семенова будетъ играть“ (См. у Арапова, „Дѣтопись рус. театра“, стр. 329.)

²⁾ „Благонамѣренный“ 1822 г., ч. XX, стр. 140—146.

внутренно убѣжденъ, что игралъ Пирра чрезвычайно дурно, такъ дурно, какъ никогда еще не игралъ?...

«Если до такой степени успѣли уже его ослѣпить, то, искренно сожалѣя о немъ, вину тѣхъ мнимыхъ знатоковъ театра, которыхъ онъ слушается; вину также партеръ и раѣкъ, которымъ давно надлежало бы запретить хлопанье и вызовы и предоставить это право только сидящимъ въ креслахъ».

О степени достовѣрности и правдивости этого отзыва можно судить уже по одному пристрастію и по запальчивости, которыми дышетъ перо рецензента. Очевидно, что послѣдній не столько хотѣлъ возвеличить уже знаменитую Семенову, сколько унижить ученика Катенина и вмѣстѣ съ тѣмъ (между строкъ) излить свое негодованіе по поводу происшедшаго скандала. Ясно, какъ день, что журналъ А. Е. Измайлова былъ весьма недоволенъ аплодисментами, раздававшимися въ честь Пирра-Каратыгина. Прямымъ подтвержденіемъ этому можетъ служить и замѣчаніе самого редактора-издателя по поводу аплодисментовъ вообще, сдѣланное, правда, не въ отчетѣ о спектаклѣ, 18-го сентября, но представляющее несомнѣнный отголосокъ этого злополучнаго спектакля. (Оно и напечатано-го въ одной книжкѣ съ отзывомъ о «Поликсенѣ»). Вотъ это замѣчаніе: «Желательно, чтобы вызовы и даже аплодисменты въ нашемъ театрѣ дѣлались безъ всякаго пристрастія. Интриги между актеровъ непростительны; но интриги между зрителями во сто разъ непростительнѣе. И сколько есть молодыхъ шалуновъ, которые безъ зазрѣнія совѣсти говорятъ публично, что по приказанію какого-нибудь молокососа-сочинителя аплодировали такому-то актеру, или шикали такой-то актрисѣ. О, дѣти! некому васъ сѣчь!»¹⁾

Ниже мы постараемся выяснитъ причины такого неодобрительнаго отзыва «Благонамѣреннаго» и намековъ его редактора-издателя, теперь же послушаемъ, что говоритъ altera pars. Отецъ знаменитаго впоследствии В. А. Каратыгина—А. В. Каратыгинъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Сентября 18-го. «Поликсена», трагедія В. А. Озерова... Приемъ Василія въ роли Пирра былъ чрезвычайный. Это породило зависть въ г-жѣ Семеновой, которая обратила свое мщеніе на П. А. Катенина, будто бы онъ, при вызовѣ ея, кричалъ: «не надо!» Она сама неправильно поступила, выведя съ собой на сцену свою ученицу Азаревичеву, которую хотя и вызывали, но очень слабо... и г. Катенину запрещено было ѣздить въ театры. О правосудіе!»²⁾. Послушаемъ, наконецъ, что говоритъ объ этомъ же спектаклѣ лѣтописецъ русскаго театра:

¹⁾ „Благонамѣренный“ 1822 г., ч. XX, стр. 108, примѣчаніе.

²⁾ „Русск. Старина“ 1880 г., № X, стр. 272.

«18-го сентября, дана была въ бенефисъ Толченова трагедія Озерова «Поликсена». Кат. Сем. Семенова руководила въ это время Мар. Азаревичеву въ приготовляемыхъ ею роляхъ молодыхъ принцессъ въ трагедіи. Нельзя было отказать молодой актрисѣ въ дарованіи; но талантъ ея значительно уступалъ таланту Алекс. Мих. Колосовой, которой появленіе на русской сценѣ въ подобномъ аплуа было появленіе замѣчательное... В. А. Каратыгинъ въ первый разъ игралъ въ трагедіи «Поликсена» съ Семеновою роль Пирра... Трагедія была сыграна на славу; театръ былъ полонъ; приѣмъ Каратыгина въ роли Пирра былъ чрезвычайный: зала безпрестанно оглашалась рукоплесканіями послѣ его монологовъ, и это возродило зависть въ Семеновою. По опущеніи окончателно занавѣса, публика начала вызывать Каратыгина; Семенова, привыкшая разыгрывать сценическую повелительницу, вывела Азаревичеву и, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, безмолвно объяснила публикѣ, что слава этого приѣма должна относиться къ ея ученицѣ. Многимъ любителямъ театра не понравилось это, и нѣсколько голосовъ закричали: «Азаревичеву на надо!» Когда произошелъ шумъ въ театрѣ, П. А. Катенинъ громко замѣтилъ, что «не слѣдовало Азаревичевой выходить, никто ее не звалъ, и что это—дерзость со стороны Семеновою и значить смѣяться надъ публикой». Такое заключеніе Катенина, котораго Семенова не любила за его руководство Каратыгина, было передано ей тотъ же вечеръ съ прибавленіями, какъ это всегда водится...¹⁾.

Сопоставляя всѣ приведенныя данныя объ этомъ спектаклѣ, не трудно замѣтить, что они, сходствуя въ мелочахъ, различно говорятъ именно о самомъ главномъ—степени «неприличія» въ поступкѣ Катенина и о поводахъ къ скандалу, Катенинымъ въ театрѣ учиненному. Хорошо ли дѣйствительно игралъ П. А. Каратыгинъ, были ли въ честь его шумные аплодисменты, кричалъ ли Катенинъ «Семенову не надо!», вотъ собственно пункты, безпристрастное освѣщеніе которыхъ дало бы возможность выяснитъ степень виновности Катенина. Въ донесеніи графа Милорадовича, несмотря на всю его официальность, чувствуется пристрастіе: оно въ пользу Семеновою. И это понятно. Милорадовичъ былъ предупрежденъ; ему были извѣстны и прежнія «самонадѣянныя и неприличныя выходки» пылкаго и увлекающагося Катенина; наконецъ, графъ Милорадовичъ скорѣе могъ принять сторону Семеновою [пріѣхавшей къ нему на другой же день послѣ скандала въ театрѣ съ жалобой], какъ потому, что знаменитая трагическая актриса, съ упрочившейся репутациею «неподражаемой», пользовалась его отъѣмнымъ покровительствомъ, такъ и потому, что за нее горой стояло большинство

¹⁾ Араповъ, „Лѣтопись русскаго театра“. Спб. 1861 г., стр. 327—328.

«высокопоставленныхъ» дѣятелей искусства (начать хотя бы съ князя И. А. Гагарина, впоследствии на ней женившася), которые, конечно, требовали возмездія за причиненное актрисѣ—выражаясь языкомъ донесенія—«огорченіе»... Что же касается журнала А. Е. Измайлова, то отъ него и нельзя было ожидать безпристрастнаго голоса тамъ, гдѣ рѣчь шла о Катенинѣ. Издатель «Благонамѣреннаго», во-первыхъ, былъ горячимъ и убѣжденнымъ поклонникомъ Е. С. Семеновою, а главное—литературнымъ врагомъ Катенина. Въ «Благонамѣренномъ» мы находимъ не мало самыхъ восторженныхъ отзывовъ о первой и самые рѣзкіе приговоры литературной дѣятельности второго; въ перепискѣ же Измайлова находимъ и весьма несочувственный отзывъ о Катенинѣ, какъ учитель декламаціи ¹⁾. Катенинъ, въ свою очередь, терпѣть не могъ Измайлова и вотъ что, между прочимъ, писалъ однажды А. М. Колосовой: «Не лишнимъ полагаю васъ и Евгенію Ивановну (мать А. М.) предостеречь на счетъ «Благонамѣреннаго» Измайлова, который къ вамъ ѣздитъ. Это — преподлое животное, преданное Тиграну ²⁾ и Семеновою; нѣтъ имени достойнаго тѣхъ статей, которыя онъ обо мнѣ печаталъ,—это превосходитъ вѣроятіе ³⁾. Берегитесь и вы, а то онъ пожалуй, ѣздитъ къ вамъ будетъ и прочее, да какъ обругаетъ въ журналѣ, такъ и досадно даться въ обманъ» ⁴⁾.

Далѣе. Обращаясь къ «показаніямъ» Арапова, А. В. и П. А. Каратыгиныхъ, мы замѣчаемъ въ нихъ сочувственное отношеніе къ Катенину; они подтверждаютъ шумный и заслуженный успѣхъ В. А. Каратыгина, а въ «неприличномъ поступкѣ» Катенина видятъ лишь вполнѣ понятное и справедливое негодованіе страстнаго театралла. Если вѣрить П. А. Каратыгину, то Катенинъ и по отношенію къ Семеновою былъ далеко не непочтителенъ: по его словамъ, Катенинъ не кричалъ «Семенову не надо!», а кричалъ «Семенову одну!», когда та вышла съ Азаревичевою ⁵⁾. Но, какъ бы то ни было, а блюстителями тишины и порядка поведеніе Катенина было найдено неприличнымъ. Оправдывать виновнаго вполнѣ было бы рисковано.

Не забудемъ, что хотя Катенинъ и былъ дѣйствительно окруженъ интригами, но онъ и самъ нерѣдко ихъ велъ. Вѣдь это былъ страстный, самолюбивый, «вѣчно-кипѣвшій, какъ кофейникъ»—по выраженію Ф. Ф.

¹⁾ «Не умѣя, подобно прочимъ нашимъ учителямъ декламаціи, читать, Катенинъ обучаетъ молодую Колосову»,—писалъ однажды А. Е. Измайловъ И. И. Дмитріеву. (См. „Русскій Архивъ“ 1871 г., № 7 и 8, ст. 972).

²⁾ Т. е. графу М. А. Милорадовичу.

³⁾ Катенинъ имѣлъ въ виду статьи, напечатанныя о его „Сидѣ“ въ 21 и 22 ч. „Благонамѣреннаго“ за 1823 г.

⁴⁾ „Русск. Стар.“ 1893 г., № 3, стр. 653—654.

⁵⁾ „Записки П. А. Каратыгина“. Спб. 1880 г., стр. 91.

Вигеля—театралъ. Что Катенинъ могъ вызвать въ театрѣ скандалъ,— это вѣроятно: на то онъ былъ способенъ; доказательствомъ сему могутъ служить нѣкоторые факты изъ его жизни и характеристики его, оставленныя современниками.

Вотъ что говорятъ о немъ, на примѣръ, только-что упомянутый Ф. Ф. Вигель: «Круглолицый, полнощекій и румяный, какъ херувимъ на вербѣ, этотъ мальчикъ вѣчно кипѣлъ, какъ кофейникъ на комфоркѣ. Онъ былъ довольно хорошъ съ Шаховскимъ, ибо далеко превосходилъ его въ неистощимой хулѣ писателямъ: ни одному изъ нихъ не было пощады, ни русскимъ, ни иностраннымъ, ни древнимъ, ни новымъ, и Virgilii всегда бывалъ первой его жертвой. Мудрено завидовать людямъ, двѣ тысячи лѣтъ назадъ умершимъ; можетъ быть, ему не хотѣлось быть на-ряду съ обыкновенными людьми, почтительными къ давно признаннымъ достоинствамъ, и смѣлостью суждений стать выше ихъ; а скорѣе не было ли это слѣдствіемъ страсти его къ спорамъ?.. Катенину много помогали твердая память и сильная грудь; съ ихъ помощью онъ всякаго перекрикивалъ и долго еще продолжалъ спорить, когда утомленный противникъ отвѣчалъ ему молчаніемъ... Видалъ я людей самолюбивыхъ до безумія, но подобнаго ему не встрѣчалъ...¹⁾». Характеристика злая, но довольно справедливая.

Итакъ, оставляемъ открытымъ вопросъ о степени виновности Катенина. Во всей этой нѣсколько запутанной и какъ бы недосказанной исторіи намъ, по крайней мѣрѣ, яснымъ кажется то, что поведение Катенина въ этотъ злополучный спектакль было лишь поводомъ къ столь строгому наказанію его; что скандалъ, вызванный имъ въ театрѣ 18-го сентября 1822 г., былъ лишь «девятымъ валомъ», послѣднимъ раскатомъ бури, начавшейся далеко ранѣе за кулисами и вдругъ хлынувшей въ зрительный залъ въ этотъ роковой вечеръ. Едва ли не за кулисами былъ составленъ и приговоръ Катенину...

Въ отвѣтъ на свое донесеніе графъ Милорадовичъ получилъ слѣдующее отношеніе князя Волконскаго изъ Вероны отъ 20-го октября 1822 года:

«Государь императоръ, прочитавъ записку вашего сіятельства о неприличномъ поступкѣ отставнаго полковника Катенина, повелѣтъ мнѣ возбудить сообщить вамъ, что, ежели бы сей поступокъ сдѣланъ былъ кѣмъ-нибудь другимъ, то его величество нашель бы достаточнымъ рас-

¹⁾ „Записки Ф. Ф. Вигеля“. Москва 1892 г., т. III, стр. 148; см. также Сочин. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 148; „Истор. рос. академій“ М. И. Сухомятина, т. VII, стр. 89—91; о П. А. Катенинѣ см. статью Е. П. Пѣтухова („Ист. Вѣстн.“ 1878 г., № VIII), В. И. Боцяновскаго („Русск. Стар.“ 1893 г., № III и IV, тамъ же и письма его къ А. М. Колосовой), Л. Н. Майкова (въ прим. къ III т. Сочин. К. Н. Батюшкова).

поряженіе, вашимъ сіятельствомъ опредѣленное; но какъ г-нъ Катенинъ и на предъ сего замѣченъ былъ неоднократно съ невыгодной стороны и потому и удаленъ изъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, то его величество повелѣваетъ вашему сіятельству выслать г-на Катенина изъ Петербурга, съ запрещеніемъ въѣзжать въ обѣ столицы безъ высочайшаго на то разрѣшенія, о чемъ благоволите сообщить г. управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и московскому военному губернатору»¹⁾. Повелѣніе государя было немедленно сообщено Катенину; полиція отобрала у него подписку—не въѣзжать въ обѣ столицы²⁾ и 7-го же ноября (въ день полученія отношенія изъ Вероны) въ 11 час. утра Катенинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Красное Село. Но пребываніе опальнаго въ Красномъ Селѣ графу Милорадовичу показалось неудобнымъ, и онъ просилъ генерала И. Ѳ. Паскевича удалить его отсюда; о каковомъ дѣйствіи и писалъ князю П. М. Волконскому слѣдующее:

«Милостивый государь, князь Петръ Михайловичъ! Отставной полковникъ Катенинъ, получивъ повелѣніе выѣхать изъ столицы, отправился было въ Красное Село, гдѣ расположенъ 3-й батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Находя пребываніе его тамъ крайне неприличнымъ, сказалъ я о семъ генераль-лейтенанту Паскевичу, по опредѣленію котораго Катенинъ изъ Краснаго Села тотъ же часъ и выѣхалъ. О всевысочайшемъ запрещеніи ему въѣзда въ обѣ столицы, сообщилъ я господамъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и московскому генераль-губернатору»³⁾.

Вyslанный и изъ Краснаго Села, онъ остановился недалеко отъ него въ гостиницѣ, прозванной «Красной Кабачекъ», находившейся на петергофской дорогѣ. Тамъ онъ прожилъ почти мѣсяцъ, пока не окончили (черезъ друзей) своихъ домашнихъ дѣлъ въ Петербургѣ: у него было большое хозяйство, бібліотека и проч. Онъ рѣшилъ уѣхать и перевезти все цѣнное и бібліотеку изъ столицы въ свою деревню (въ Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда, близъ Чухломы), куда и выѣхалъ въ сопровожденіи А. В. Каратыгина 5-го декабря 1822 года. Такъ кончилась эта исторія, принесшая Катенину столь великое огорченіе: онъ на три года былъ разобщенъ съ столицей, театромъ и литературной средой, три года прожилъ—по его выраженію—«въ странѣ медвѣдей». Лишь въ іюнѣ 1825 года онъ получилъ высо-

¹⁾ Копія съ отношенія князя П. М. Волконскаго—графу Милорадовичу отъ 20-го октября 1822 г. изъ Вероны (Военно-ученый архивъ).

²⁾ См. подробности въ „Запискахъ П. А. Каратыгина“, стр. 91—92—и въ дневникѣ А. В. Каратыгина („Русск. Старина“ 1889 г., № X, стр. 272).

³⁾ Письмо графа Милорадовича—князю П. М. Волконскому отъ 10-го ноября 1822 г. (Военно-ученый архивъ).

чайшее разрѣшеніе вернуться вновь въ Петербургъ ¹⁾, каковымъ разрѣшеніемъ вскорѣ и воспользовался.

Разсказъ о неприятности, постигшей въ 1822 г. Катенина, заключаемъ сообщеніемъ остроты, пущенной кѣмъ-то по поводу его исторіи и долго ходившей по Петербургу. Кто-то сказалъ: «Буря разбила Катенина у Гагаринской пристани» ²⁾. Если вспомнить отношенія князя И. А. Гагарина къ Е. С. Семеновой, которая пользовалась княжескимъ покровительствомъ чуть ли не съ перваго своего выхода на сцену и впоследствии стала княгиней Гагариной, то остроту эту нельзя не признать весьма удачной...

Ив. Кубасовъ.

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1893 г., № 4-й, стр. 201.

²⁾ Изъ неизданной рукописи П. Л. Яковлева.

Императоръ Павелъ.

Очеркъ развитія его личности.

IV ¹⁾.

Характеръ Павла Петровича развивался и окончательно сложился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ взаимныхъ отношеній его и Екатерины и того ложнаго положенія, которое создали ему обстоятельства. Въ его позднѣйшемъ облигѣ нѣтъ ни одной черты, ни одной особенности, задатковъ которой не было бы въ его раннемъ дѣтствѣ; но, силою вещей, изъ нихъ особенно развились тѣ, которыя, напротивъ того, было бы желательно если не искоренить совершенно, то, по крайней мѣрѣ, на сколько возможно смягчить.

Въ 1773 году, не за долго до вступленія цесаревича въ первый бракъ, Сольмсъ писалъ о немъ своему другу Ассбургу: «Не будучи большаго роста, онъ красивъ лицомъ, безукоризненно хорошо сложенъ, пріятенъ въ разговорѣ и въ обхожденіи, мягокъ, въ высшей степени вѣжливъ, предупредителенъ и веселаго нрава. Въ этомъ красивомъ тѣлѣ обитаетъ душа прекраснѣйшая, честнѣйшая, великодушнѣйшая и въ то же время чистѣйшая и невиннѣйшая, знающая зло лишь съ дурной стороны, знающая его лишь на столько, чтобы преисполниться рѣшимости избѣгать его для себя самой и чтобы порицать его въ другихъ; однимъ словомъ, нельзя въ достаточной степени нахвалиться великимъ княземъ, и да сохранить въ немъ Богъ тѣ же чувства, которыя онъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 г.

питаеть теперь. Если бы я сказалъ больше, я заподозрѣлъ бы самого себя въ лести».

Этотъ отзывъ рисуеть намъ того очаровательнаго «*prince adorable*», который скрывался въ Павлѣ Петровичѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отзывъ Сольмса несомнѣнно доказываетъ, что въ то время равновѣсіе между противоположными качествами, присущими Павлу-цесаревичу, еще не было нарушено. Какъ разъ къ этому времени относится усиленная работа Павла Петровича надъ самимъ собою. Онъ старался какъ можно чаще искать возможности сближаться съ матерью, проводилъ время въ величайшемъ согласіи со всѣмъ окружавшимъ его, обуздывалъ свою горячность на сколько могъ, держалъ себя сдержанно и ровно, придя къ заключенію, что безпокойство, которому мы даемъ проявляться внутри самихъ себя, очень часто заставляетъ насъ считать чернымъ если не бѣлое, то сѣрое. Конечнымъ результатомъ этихъ усилій надъ самимъ собою явилось то, что ему «удалось отдѣлаться отъ безпокойствъ и подозрѣній, дѣлавшихъ жизнь крайне тяжелою».

Но для того, чтобы подобное счастливое состояніе духа цесаревича упрочилось, нужно было бы стеченіе особо благоприятныхъ условій, а этого-то и не случилось. Прежде всего, «безпокойство», заставляющее насъ видѣть бѣлое чернымъ, должно было снова завладѣть Павломъ Петровичемъ подъ вліяніемъ честолюбивыхъ замысловъ Наталіи Алексѣевны и происковъ различныхъ интригановъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ Петербургъ явился Потемкинъ, вызванный Екатериною изъ Дунайской арміи. Виолнѣ естественно, что сыновнее чувство цесаревича не могло не возмущаться и мириться съ вліяніемъ фаворитовъ. Возвышеніе же Потемкина было особенно неприятно Павлу Петровичу: это былъ уже не «дуралей (*butor*)», какъ онъ называлъ Орлова. Напротивъ того, «въ лицѣ новаго фаворита явился даровитый исполнитель мыслей Екатерины, вліяніе котораго вскорѣ почувствовалось въ дѣлахъ, тогда какъ самолюбивый наслѣдникъ оставался въ тѣни... «Къ тому же,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—цесаревичъ усмотрѣлъ еще въ Потемкинѣ не только врага по убѣжденіямъ, но и соперника, пользовавшагося довѣріемъ императрицы, а это преимущество онъ считалъ своимъ исключительнымъ, законнымъ правомъ».

Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ рѣшимости цесаревича сближаться съ матерью и отдѣлаться отъ безпокойствъ и подозрѣній было ниспослано тяжелое испытаніе. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при своихъ врожденныхъ особенностяхъ Павелъ Петровичъ не могъ выдержать этого испытанія. Наконецъ, когда у него родились первые два сына, и Екатерина устранила его отъ руководства ихъ воспитаніемъ, «чаша терпѣнія Павла Петровича переполнилась»,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—«сердце прониклось желчью, а душа гнѣвомъ.. Въ умѣ

Павла воскресали съ новой силой... тяжелыя воспоминаія давно прошедшихъ событій, тѣ терзавшіе его призраки (*fantômes*), о которыхъ Марія Θεодоровна упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Изъ него стало выработываться своеобразное воплощеніе новаго Гамлета, неумолимый судья за совершенное нѣкогда злое дѣло... Всѣ эти тяжелыя думы преисполненнаго желчи и негодованія цесаревича прикрывались наружнымъ видомъ полной покорности, подъ которымъ однако таились бессильная злоба и нетерпѣливое поджиданіе вождѣвннаго часа возмездія».

Къ сожалѣнію, вокругъ Павла не нашлось никого, кто бы своимъ вліяніемъ на него воспрепятствовалъ его характеру развиваться въ томъ направленіи, какъ это произошло въ дѣйствительности.

Напротивъ того, окружающіе его, пользуясь его именемъ какъ орудіемъ для своихъ интригъ, всячески разжигали его страсти. А между тѣмъ Павелъ Петровичъ, по природѣ своей, вовсе не принадлежалъ къ разряду людей, недоступныхъ благотворному вліянію. Еще Порошинъ замѣтилъ, что «очень возможно исправлять въ его высочествѣ случающіяся иногда за нимъ погрѣшности и склонить его къ познанію добраго: надобно знать только, какъ за то браться». Мы видѣли также, какое чудо произвело въ немъ вліяніе Разумовскаго. Но вліяніе это, какъ умиротворяющій элементъ, было кратковременно: оно прервалось бракомъ Павла Петровича съ Наталіей Алексѣвной, когда и Разумовскій не устоялъ противъ искушенія завязать политическія интриги. Позднѣ Репнинъ старался подѣйствовать на цесаревича успокоительнымъ образомъ, и его письма къ нему проникнуты несомнѣнною искренностью. Но голосъ Репнина, совѣтовавшаго «хорошенько изучить самого себя, чтобы не подавать повода къ тому предубѣжденію, которое часто внушается намъ безпокойствомъ въ характерѣ, приводящимъ къ тому, что мы дѣлаемся подозрительными», учившаго, что «думать, что постоянно поступаютъ не хорошо, столь же дурно, какъ и воображать, что кто-либо постоянно поступаетъ хорошо»,—голосъ этотъ звучалъ одинокою звучалъ къ тому же изъ прекраснаго далека. Безспорно полезнымъ было вліяніе Маріи Θεодоровны. Она выработала себѣ извѣстную систему, «хранительную тактику, осторожное примѣненіе о которой,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—въ виду болѣзненнаго самолюбія Павла Петровича, поддерживало до нѣкоторой степени миръ и правильное теченіе жизни при великокняжескомъ дворѣ. Тяжелый опытъ привелъ Марію Θεодоровну къ усвоенію подобнаго образа дѣйствій, и она пользовалась для этой цѣли разными близкими ко двору ея лицами. Этимъ путемъ иной разъ удавалось спасать цесаревича отъ послѣдствій дурныхъ внушеній, порывовъ гнѣва, доходившихъ нерѣдко до бѣшенства, и напрасной подозрительности». Но вліяніе Маріи Θεодоровны, при

*

всей его благотворности вообще, не могло быть особенно дѣйствительнымъ и прочнымъ уже по тому одному, что она сама была оскорблена Екатериной въ своихъ материнскихъ чувствахъ. Поэтому при ея благоуміи и осторожности она могла удерживать цесаревича отъ того или иного отдѣльнаго опрометчиваго поступка, но не могла содѣйствовать искорененію въ немъ «безпокойства» и «подозрѣній», побуждавшихъ его къ извѣстному шагу. Что же касается вліянія Нелидовой, то, къ сожалѣнію, оно явилось слишкомъ поздно, когда характеръ Павла Петровича сформировался окончательно. Ей оставалось лишь смягчать отдѣльныя проявленія характера Павла, но не вліять на самообразование его личности. Слагался же этотъ характеръ такъ, что особенно доступнымъ сдѣлался дурному вліянію. И, какъ писалъ Лагарпъ, — «злые совѣтники овладѣли умомъ Павла и наполнили душу его подозрѣніями».

Мы уже упомянули выше, что Екатерина, ознакомившись со взглядами сына на вопросы государственнаго управленія, увидѣла себя вынужденною оставить его въ сторонѣ отъ дѣлъ. По этой причинѣ онъ не былъ призванъ даже къ участию въ дѣлахъ Совѣта, учрежденнаго въ 1769 году.

Почти постоянно люди, отстраненные отъ власти и вліянія на ходъ дѣлъ, становятся въ ряды оппозиціи господствующему направленію. Вполнѣ естественно, что, при его впечатлительности, Павель Петровичъ не избѣгъ подобной же участи. Главнымъ образомъ, отмѣченнымъ свойствомъ человѣческой природы слѣдуетъ объяснить положеніе, занятое цесаревичемъ по отношенію къ мѣропріятіямъ правительства Екатерины. Постепенно онъ сталъ критиковать все, что ни дѣлалось вокругъ него. Уже въ 1777 году онъ заявлялъ, что ему «тяжело видѣть, что дѣла идутъ вкривь и вкосъ, въ особенности же, что причиною тому являются небрежность и личные виды». А десять лѣтъ спустя онъ откровенно высказывалъ прусскому посланнику барону Келлеру, что его принципы, «какъ многимъ, безъ сомнѣнія, извѣстно», совершенно расходятся съ принципами администраціи Екатерины.

Вынужденное бездѣйствіе томило цесаревича, оскорбляло и еще болѣе растравляло его болѣзненное самолюбіе, вызывало въ немъ тяжелое чувство обиды. Онъ съ горечью жаловался на это. Такъ, въ 1778 году онъ высказывалъ въ письмѣ къ барону К. И. Сакену, что жестоко быть обреченнымъ на бездѣйствіе въ двадцать четыре года и лишь наблюдать за событіями «съ верхушки своей башни». Позднѣе, въ 1784 году, онъ съ грустью восклицалъ въ письмѣ къ графу Н. П. Румянцову: «вотъ я тридцать лѣтъ безъ всякаго дѣла!»

Оппозиція же, чисто пассивная, но въ силу этого еще болѣе упорная, въ которую онъ сталъ по отношенію къ правительству Екатерины, въ

связи съ сознаниемъ своего полного безсилія измѣнить что-либо въ происходящемъ, должна была ожесточать его, усиливать раздражительность характера, выработывать въ немъ взглядъ на необходимость пріятія крайнихъ мѣръ. Въ этомъ отношеніи уже въ 1782 году Павелъ Петровичъ поддавался вспышкамъ запальчиваго гнѣва. Такъ, коснувшись въ разговорѣ съ великимъ герцогомъ Тосканскимъ ближайшихъ сотрудниковъ Екатерины (Потемкина, Безбородки, Бакунина, Маркова и графовъ Семена и Александра Воронцовыхъ) и выразивъ увѣренность, что они подкуплены австрійскимъ дворомъ, Павелъ Петровичъ воскликнулъ между прочимъ: «Какъ только я получу какую-нибудь власть, я прикажу выдрать ихъ, я разжалую, выгоню ихъ!»

Но человекъ не можетъ жить безъ дѣла. Если у него нѣтъ прямого дѣла, онъ самъ создаетъ, просто выдумываетъ себѣ дѣло. Такъ было и съ Павломъ Петровичемъ. Спасаясь отъ томившаго его бездѣйствія, онъ создалъ себѣ пресловутыя гатчинскія войска, которымъ сталъ отдавать все свое время, всѣ свои помыслы. Екатерина мѣтко охарактеризовала эти занятія цесаревича, назвавъ ихъ игрою въ куклы. «Организація, обмундированіе и обученіе гатчинцевъ,— читаемъ мы въ сочиненіи «Императоръ Павелъ Первый»,— не имѣли ничего общаго съ порядками, существовавшими въ правительственныхъ російскихъ войскахъ. Это былъ какъ-бы молчаливый протестъ противъ военной системы, установившейся въ царствованіе Екатерины. Среди російской арміи появились какимъ-то чудомъ, какъ-бы съ дозволенія правительства, какія-то обособленныя войска, устроенныя по прусскому образцу и походившія на живую карикатуру уже отжившихъ свое время Фридриховскихъ порядковъ. Однимъ словомъ, по подвѣйшему выраженію Екатерины, «батюшкина армія» воскресла во всей красѣ. Дѣйствительно, въ Гатчинѣ всецѣло возродились «обряды неудобно-носимые», которые, будучи введены Петромъ III, «не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ».

«Великій князь, который, впрочемъ, очень уменъ и можетъ быть пріятнымъ въ обхожденіи, если онъ того желаетъ,— писала принцесса Саксенъ-Кобургская о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ ею изъ посѣщенія Гатчины,—отличается непонятными странностями, между прочимъ, дурачествомъ устраивать все вокругъ себя на старо-прусскій ладъ. Въ его владѣніяхъ тотчасъ встрѣчаются шлагбаумы, окрашенные въ черный, красный и бѣлый цвѣтъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Пруссіи; при шлагбаумахъ находятся часовые, которые опрашиваютъ проѣзжающихъ, подобно пруссакамъ. Всего хуже то, что эти солдаты русскіе, переодѣтые въ пруссаковъ; эти прекрасные на видъ русскіе, наряженные въ мундиры временъ короля Фридриха-Вильгельма I, изуродованы этой допотопной формой. Русскій долженъ оставаться русскимъ. Онъ самъ

это сознаеть, и каждый находить, что онъ въ своей одеждѣ, въ короткомъ кафтанѣ съ волосами, остриженными въ кружокъ, несравненно красивѣе, чѣмъ съ косою и въ мундирѣ, въ которомъ онъ въ стѣсненномъ и несчастномъ видѣ представляется въ Гатчинѣ. Офицеры имѣютъ видъ, точно они срисованы изъ стараго альбома. За исключеніемъ языка, они во всемъ прочемъ вовсе не похожи на русскихъ. Нельзя сказать, чтобы эта метаморфоза была умно придумана. Мнѣ было больно видѣть эту перемѣну, потому что я чрезвычайно люблю этотъ народъ».

«Тактика прусская и покррой ихъ военной одежды,—пишетъ одинъ изъ современниковъ, Пишчевичъ,—составляли душу сего воинства; служба вся полагалась въ просаленной головѣ, сколь можно больше, коротенькой трости, непомерной величины шляпѣ, натянутыхъ сапогахъ выше колѣна и перчаткахъ, закрывающихъ локти. Въѣзжая въ Гатчину, казалось, въѣзжаешь въ прусское владѣніе. При разводахъ его высокочество наблюдалъ точно тотъ же порядокъ, какой наблюдался въ Потсдамѣ во времена Фридриха II. Здѣсь можно было замѣтить повторенія нѣкоторыхъ анекдотовъ сего прусскаго короля, съ нѣкоторыми прибавленіями, которыя сему государю никогда бы въ мысль не вошли, напримеръ: Фридрихъ II во время Семилѣтней войны одному изъ полковъ въ наказаніе оказанной имъ робости велѣлъ отпороть тесьму съ ихъ шляпъ. Подражатель гатчинской одному изъ своихъ баталіоновъ за неточное выполненіе его воли велѣлъ сорвать петлицы съ ихъ рукавовъ и провестъ, въ примѣръ другимъ, черезъ кухню въ ихъ жилища. Запальчивость наслѣдника оказывалась при всѣхъ ученіяхъ: за ничто офицеровъ сажалъ подъ стражу, лишалъ чиновъ, помѣщая въ рядовые, и потомъ толикая жъ малость приводила ихъ опять въ милость. Всякой день можно было слышаться новыхъ анекдотовъ въ Петербургѣ о дворѣ Гатчинскомъ».

Что касается личнаго состава гатчинскихъ войскъ, то, пишетъ Н. К. Шильдеръ, «онъ былъ не завидный. Одинъ изъ современниковъ отзывается о гатчинскихъ офицерахъ цесаревича, этихъ будущихъ опричникахъ Павловскаго царствованія, слѣдующимъ нелестнымъ образомъ: «Это были, по большей части, люди грубые, совсѣмъ не образованные, соръ нашей арміи; выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость, эти люди находили убѣжище въ гатчинскихъ баталіонахъ и тамъ, добровольно обратясь въ машины, безъ всякаго неудовольствія переносили всякій день отъ наслѣдника брань, а можетъ быть, иногда и побой. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливыхъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почестей. Когда, наконецъ, счастье имъ также улыбнулось, они закипѣли местію, развѣзжая

по полкамъ, вездѣ искали жертвъ, дѣлали непріятности воѣмъ, кто отличался богатствомъ, пріятною наружностію или воспитаніемъ, а потомъ на нихъ доносили».

«Гатчинскіе офицеры,—пишетъ уже упомянутый нами Пишчевичъ,— были бродяги, выгнанныя за разныя гнусности изъ арміи, которые, не имѣя пристанища, рады были все переносить изъ-за куска хлѣба. Гатчинская армія не помѣщала ни одного офицера, который бы помышлялъ о чести,—имъ нерѣдко придають охоту къ службѣ палкой».

Вообще, по словамъ Ростопчина, Павелъ былъ окруженъ въ Гатчинѣ людьми, «изъ которыхъ наиболѣе честный заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда».

Хотя Екатерина Великая и назвала занятія Павла Петровича съ Гатчинскими войсками игрою въ куклы, но въ глазахъ цесаревича это была далеко не игра. Напротивъ того, по словамъ Н. К. Шильдера, «онъ видѣлъ въ этихъ войскахъ вѣрный залогъ будущаго возрожденія російской арміи, нуждавшейся, по его мнѣнію, въ коренномъ преобразованіи въ гатчинскомъ духѣ. Постепенно онъ совершенно погрузился въ мелочи военнаго дѣла», признавая все болѣе подобное занятіе важнѣйшимъ для государя занятіемъ. «Вмѣстѣ съ тѣмъ мелочность требованій, которую онъ привыкъ проявлять въ Гатчинѣ въ области военнаго дѣла, онъ перенесъ въ послѣдствіи и на дѣла общаго государственнаго управленія».

Къ сожалѣнію, вліяніе гатчинской кардегардіи не ограничилось сферою одного, Павловскаго, царствованія: оно распространилось и на слѣдующее царствованіе, Александра I. По справедливому замѣчанію историка императора Павла, «Гатчинскіе порядки причинили Александру непоправимое зло; они привили ему увлеченіе фронтомъ, «мелкостями» военной службы, солдатской выправкой, однимъ словомъ, экзерцирмейстерство, парадоманію. Усмотрѣвъ въ порядкахъ, введенныхъ отцомъ, существенную сторону военнаго дѣла, Александръ, свыкнувшись съ подобнымъ взглядомъ, перещеголялъ въ послѣдствіи въ этомъ искусствѣ даже своего брата Константина и довелъ въ свое царствованіе выправку до небывалаго совершенства. Кромѣ того, Александръ сблизился въ Гатчинѣ съ людьми, которые при другихъ порядкахъ остались бы для него вѣчно чуждыми. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ; сближеніе великаго князя съ этимъ выдающимся представителемъ Гатчинскаго капральства дорого обошлось въ послѣдствіи Россіи».

Чтобы понять, на сколько глубоко было вліяніе гатчинской кардегардіи на Александра Павловича, достаточно припомнить, что подъ Аустерлицемъ русскіе сражались съ Наполеономъ такъ же, какъ ма-

неврировали въ Гатчинѣ: для соображеній и руководства операціями штабъ захватилъ съ собою планы гатчинскихъ маневровъ.

Къ концу восьмидесятыхъ и къ началу девяностыхъ годовъ Павель Петровичъ долженъ былъ почувствовать себя окончательно неудовлетвореннымъ и несчастнымъ; безпрестанные удары, наносимые его самолюбію, какъ самой императрицей, такъ и ея приближенными, томительное и оскорбительное для него бездѣйствіе, отстраненіе его отъ воспитанія дѣтей, наконецъ, денежныя затрудненія, — все это не могло не дѣлать его положенія особенно тягостнымъ. Единственнымъ исходомъ изъ этого положенія являлся переходъ власти въ его руки, и онъ страстно сталъ желать ея. Обладаніе властью представлялось ему тѣмъ лучезарнымъ свѣтомъ, который долженъ былъ озарить его жизнь. Но и въ этомъ отношеніи онъ не могъ быть спокоенъ за будущее: для него, конечно, не оставалось тайной намѣреніе императрицы устранить его отъ престолонаслѣдія и передать вѣнецъ, помимо него, Александру Павловичу. Такимъ образомъ, отъ него ускользнула бы послѣдняя возможность, послѣдняя надежда на улучшеніе своего положенія. Впрочемъ естественно поэтому, что опасеніе не быть допущеннымъ до обладанія властью держало его въ состояніи постояннаго душевнаго напряженія. «Возможность измѣненія порядка престолонаслѣдія въ пользу великаго князя Александра Павловича, — пишетъ Н. К. Шильдеръ, — волновала цесаревича болѣе всѣхъ прочихъ обрушившихся на него въ ту пору заботъ и огорченій; мысль утратить престолъ окончательно лишила Павла Петровича всякой способности спокойно обсудить какое бы то ни было дѣло». Сосредоточивъ всѣ свои помыслы и надежды на мысли объ обладаніи властью, Павель Петровичъ ревниво и съ предупрежденіемъ присматривался по всему окружающему, склонный во всякомъ ничтожномъ обстоятельстве видѣть грозящую ему опасность, выводившую его изъ себя. «Невозможно безъ содроганія и жалости видѣть все, что дѣлаетъ великій князь отецъ, — писалъ Ростопчинъ, въ 1793 году, — онъ какъ будто-бы изобрѣтаетъ способы внушить къ себѣ нелюбовь. Онъ задался мыслью, что ему оказываютъ неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ. Исхрдя отсюда, онъ привязывается ко всему и наказываетъ безъ разбора... По середамъ у него бывають маневры, и каждый день онъ присутствуетъ при разводѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онѣ случаются; малѣйшее опозданіе, малѣйшее противорѣчіе выводитъ его изъ себя, и онъ воспаляется гнѣвомъ.... Каждый день, только и слышно, что о насильствахъ, о мелочныхъ придиркахъ, которыхъ постыдился бы всякій частный человекъ. Онъ ежеминутно воображаетъ, что хотятъ ему досадить, что намѣрены осуждать его дѣйствія».

«Исторія всѣхъ царей, низложенныхъ съ престола или убитыхъ, —

пишетъ въ своихъ мемуарахъ Сегюръ,—была для него мыслью, неотступно преслѣдовавшею его и ни на минуту не покидавшею его. Эти воспоминанія возвращались, точно привидѣніе, которое, безпрестанно преслѣдуя его, сбивало его умъ и затемняло его разумъ».

Подъ давленіемъ постоянной мысли о возможности утраты престола въ будущемъ, въ характерѣ Павла Петровича окончателно окрѣпли подозрительность, недовѣрчивость, раздражительность, отсутствіе самообладанія, склонность къ гнѣвнымъ вспышкамъ, къ крутымъ мѣрамъ. Въ довершеніе всего, около этого же времени во Франціи разыгрывалась революція. Конечно, цесаревичъ не могъ относиться къ ней спокойно. Еще Панинъ вселялъ въ него убѣжденіе, что цари—намѣстники на землѣ Бога во плоти, а въ Парижѣ посягнули на жизнь вѣнценосца. Но этого мало. Французская революція грубо касалась и самого больнаго мѣста Павла Петровича: она грозила ниспроверженіемъ престоловъ, а мысль о престолѣ въ будущемъ была завѣтною мыслью цесаревича. Поэтому французская революція являлась какъ-бы его личнымъ врагомъ. Этимъ обстоятельствомъ, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить ту особенную страстность, съ которой относился Павель Петровичъ къ событіямъ, совершавшимся во Франціи въ бытность его наслѣдникомъ престола. Въ этомъ же, какъ намъ кажется, кроются причины той неустанной строгости, съ которою, по своему воцареніи, онъ преслѣдовалъ «якобинцевъ» и «якобинскій духъ».

«Со времени начала французской революціи,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—весь складъ понятій, мыслей и чувствъ цесаревича получилъ особенный, еще болѣе рѣзкій противъ прежняго оттѣнокъ нетерпимости и самого крайняго деспотизма; наслѣдникъ сокрушался ужасами, сопровождавшими революцію, и не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣчать причинъ, вызвавшихъ столь печальныя явленія. Разсуждая о сихъ несчастіяхъ, великій князь все относилъ къ слабости въ правленіи короля французскаго. Нахлынувшіе же въ Россію съ той поры эмигранты окончателно сбили съ толку цесаревича: онъ, не стѣсняясь, сталъ говорить о необходимости править желѣзною дозою».

«Великій князь,—писалъ Ростопчинъ весною 1774 года,—всюду видитъ вѣтви революціи. Онъ всюду находитъ якобинцевъ».

Когда получались извѣстія о какихъ-либо новыхъ ужасахъ, совершавшихся во Франціи, Павель Петровичъ говорилъ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ:

— Вы видите, мои дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками.

Однажды Павель Петровичъ читалъ газеты въ кабинетѣ императрицы и выходилъ изъ себя:

— Что они все тамъ толкуютъ!—воскликнулъ онъ.—Я тотчасъ все бы прекратилъ пушками.

Считая воспитателя своихъ сыновей Лагарпа якобинцемъ, Павель Петровичъ около трехъ лѣтъ ни слова не говорилъ съ нимъ, а при встрѣчахъ отворачивался отъ него. Упомянувъ же о немъ въ разговорахъ съ дѣтьми, цесаревичъ спрашивалъ:

— Что, этотъ якобинецъ все еще при васъ?

На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно положительно утверждать, что лѣтомъ 1796 года императрица Екатерина рѣшила привести наконецъ въ исполненіе свою мысль объ устраненіи Павла Петровича отъ престолонаслѣдія. Въ іюлѣ она предложила Маріи Ѳеодоровнѣ потребовать отъ цесаревича отреченія отъ правъ на престолъ, а въ сентябрѣ посвятила въ свои планы и Александра Павловича. Около того же времени въ Петербургѣ стали распространяться слухи, что 24-го ноября, въ день тезоименитства Екатерины, а по другимъ извѣстіямъ 1-го января 1797 года, послѣдуютъ важныя перемѣны; что появится манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола Александра Павловича; что Павла Петровича удалятъ въ замокъ Лоде и т. п.

Слухи эти, конечно, доходили до цесаревича. Зная, какъ онъ дорожилъ возможностью быть у власти, легко представить себѣ, какое впечатлѣніе они должны были произвести на него. Съ 12-го сентября онъ уже не видѣлъ императрицы. Повидимому, онъ приготовился ко всевозможнымъ случайностямъ. По крайней мѣрѣ, когда 5-го ноября 1796 года въ Гатчину пріѣхалъ графъ Николай Зубовъ, чтобы извѣстить Павла о смертельной болѣзни императрицы, онъ воскликнулъ, обращаясь къ Маріи Ѳеодоровнѣ: «мы погибли!» «Когда же онъ узналъ,—читаемъ мы въ статѣ «Императоръ Павель въ его дѣяніяхъ и приказахъ»¹⁾, что вотъ, наконецъ, онъ будетъ императоромъ, переходъ отъ страха къ радости былъ слишкомъ неожиданъ, нравственное потрясеніе слишкомъ сильно, и нервная система цесаревича не могла не пошатнуться. Впослѣдствіи Кутайсовъ выражалъ сожалѣніе, что не пустилъ ему кровь при этомъ случаѣ».

«Такимъ образомъ какъ бы оправдались слова Эпинуса, преподававшего цесаревичу физику и часто говорившаго про него: «голова у него умная, но въ ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточкѣ; порвется эта ниточка, машинка завертнется, и тутъ конецъ и уму, и разуму». Есть основаніе думать, что эта ниточка оборвалась именно 5-го ноября 1796 г.

¹⁾ „Русская Старина“ 1897 года, ноябрь.

V.

Справедливость требует однако сказать, что тѣневныя стороны въ характерѣ Павла Петровича во многихъ случаяхъ какъ-бы ступшевывались. По роковой неизбежности, нежелательныя черты его характера съ каждымъ годомъ получали, по выраженію Н. К. Шильдера, «все большее преобладаніе надъ мимолетными проблесками чего-то другаго, лучшаго, безспорно проявлявшагося при различныхъ случаяхъ», но полного преобладанія ихъ никогда не наступило. «Безпокойство, подвижность, недовѣрчивость, крайняя впечатлительность, однимъ словомъ, тѣ странности, которыя явились впоследствии причинами его ошибокъ, его несправедливостей и его несчастій¹⁾, проявлялись лишь тогда, когда, такъ или иначе, затрогивался вопросъ объ его положеніи. Въ эти моменты онъ какъ бы перерождался весь. «Любезенъ въ обществѣ, невозможенъ въ дѣлахъ», сказалъ о немъ князь де-Линь, и трудно было бы подыскать болѣе счастливое и мѣткое выраженіе для опредѣленія той раздвоенности личности, которая наблюдается въ Павлѣ Петровичѣ: какъ просто человѣкъ, онъ былъ склоненъ мыслить и поступать совершенно иначе, чѣмъ въ тѣ минуты, когда онъ выступалъ официально. Явившись въ Берлинъ въ качествѣ наслѣдника русскаго престола, для выбора себѣ невѣсты, онъ хотя и находился въ гостяхъ у своего кумира, Фридриха Великаго, «величайшаго героя, удивленіе нашего вѣка и удивленіе потомства», но производилъ совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ то, которое произвелъ позднѣе въ Парижѣ, пріѣхавъ туда инкогнито подъ именемъ графа Сѣвернаго. Вотъ что записалъ о немъ Фридрихъ Великій въ своихъ историческихъ трудахъ: «Мы не можемъ пройти молчаніемъ сужденіе, высказанное знатоками относительно характера этого молодаго принца. Онъ показался гордымъ, высокоумнымъ и рѣзкимъ (*altier, haut et violent*), что заставило тѣхъ, которые знаютъ Россію, опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престолѣ, на которомъ, будучи призванъ управлять народомъ грубымъ и дикимъ (*dure et feroce*), избалованнымъ къ тому же мягкимъ управленіемъ нѣсколькихъ императрицъ, онъ можетъ подвергнуться участи, одинаковой съ участью его несчастнаго отца».

Сама манера великаго князя кланяться поражала неприятно: «Вообще, — замѣчаетъ въ своихъ запискахъ очевидецъ берлинскихъ празднествъ Тьебо, — высокопоставленные люди наклоняются очень мало, если они отвѣчаютъ на поклонъ другихъ; они предоставляютъ намъ сгибать все тѣло, но, по крайней мѣрѣ, и они немного наклоняютъ голову. Великій

¹⁾ Слова Сегюра.

же князь поступалъ прямо наоборотъ: онъ взглядывалъ на тѣхъ, которые ему кланялись и, не наклоняя голову, поднималъ ее еще выше; однимъ словомъ, онъ предоставлялъ себѣ только вторую часть поклона, который, такимъ образомъ, походилъ у него на какое-то проявленіе владычества. Я скажу еще, что онъ говорилъ очень мало, и нельзя привести ни одного слова, имъ сказаннаго».

Между тѣмъ, «въ Парижѣ,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—подобно тому, какъ и во всѣхъ случаяхъ, когда онъ того желалъ, Павель Петровичъ очаровалъ французское общество».

Отзывъ Фридриха Великаго особенно поражаетъ, если сопоставить его съ отзывами большинства современниковъ объ обращеніи Павла цесаревича при обычныхъ условіяхъ. Мы уже привели отзывъ князя де-Линя. «Онъ любезенъ и очень вѣжливъ»,—писала о немъ ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская въ 1773 году. «Павель желалъ нравиться»,—высказалъ Сегюръ на основаніи перваго же знакомства съ Павломъ Петровичемъ въ 1785 году. «Вѣшнія формы обращенія цесаревича,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—если онъ того желалъ, отличались привѣтливостью, изысканною вѣжливостью, чарующею любезностью. Проявленіе этихъ сторонъ характера Павла Петровича преимущественно поражало лицъ, мало его знавшихъ, и привлекало къ нему сочувствіе тѣхъ, которыхъ онъ удостоивалъ подобнаго обращенія; отъ вниманія постороннихъ наблюдателей, конечно, ускользали при этомъ неприятыя стороны его характера, а также мрачныя думы, терзавшія подчасъ новаго Гамлета и отравлявшія ему существованіе».

Павель цесаревичъ, такой, какимъ онъ являлся въ минуты душевнаго спокойствія, не могъ не привлекать къ себѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ отзывы современниковъ и отдѣльныя, сдѣлавшіяся извѣстными, мысли и разсужденія цесаревича. Наиболѣе всесторонними слѣдуетъ признать отзывы о Павлѣ цесаревичѣ, высказанные въ интимной перепискѣ императоромъ австрійскимъ Іосифомъ II и его братомъ великимъ герцогомъ тосканскимъ Леопольдомъ. Іосифъ II писалъ о графѣ и графинѣ Сѣверныхъ, что съ незаурядными способностями и довольно обширными познаніями они соединяютъ большое желаніе видѣть и учиться; что лучше всего съ ними быть совершенно откровенными, и, «такъ какъ они нѣсколько болѣе недовѣрчивы въ силу обстоятельствъ, чѣмъ по своему характеру», то тщательно избѣгать всего, что могло бы показаться комедіей; что они очень вѣжные и заботливые родители; что они ведутъ крайне правильную жизнь; что всѣ предметы, истинно прекрасные, безконечно интересуютъ ихъ; что общественныя учрежденія, благотворительныя и воспитательныя, возбуждаютъ въ нихъ большой интересъ; что знакомство съ наиболѣе образованными и извѣстными людьми составляетъ главную цѣль ихъ любопытства; что они крайне нетребовательны по части

стола и любить простыя, но хорошія кушанья. Съ своей стороны, Леопольдъ повѣрялъ своему брату, что графъ Сѣверный сверхъ большихъ ума, способностей и вдумчивости обладаетъ талантомъ вѣрно схватывать идеи и быстро соображать всѣ возможные выводы изъ нихъ; что онъ будетъ строгъ и склоненъ къ поддержанію порядка, неограниченной дисциплины, правилъ и точности, что ни разу, ни однимъ словомъ, онъ не обмолвился ни о своемъ положеніи, ни объ императрицѣ.

Громадное значеніе для характеристики Павла цесаревича, въ его «свѣтлыя минуты» ¹⁾, имѣютъ написанное имъ передъ вступленіемъ въ бракъ съ Маріей Ѳеодоровной наставленіе своей невѣстѣ ²⁾, наказъ, сочиненный имъ, повидимому, въ 1788 году, во время приготовленій къ отъѣзду въ дѣйствующую армію, въ которомъ онъ излагалъ свои взгляды на различные вопросы государственнаго правленія, и письма-завѣщанія Маріи Ѳеодоровнѣ и великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, относящіяся къ тому же времени ³⁾.

Хотя наставленіе невѣстѣ и запечатлѣно постоянно отличавшимъ Павла Петровича стремленіемъ къ строгой регламентаціи, и цесаревичъ касался въ немъ даже вопросовъ о гардеробѣ, совершеніи туалета и пр., но въ общемъ оно является прекраснымъ памятникомъ его мыслей и чувствъ. Такъ, нельзя не отмѣтить выраженнаго въ немъ цесаревичемъ трогательнаго сознанія своихъ собственныхъ недостатковъ и слабостей. «Ей (Маріи Ѳеодоровнѣ),—писалъ Павелъ Петровичъ,—придется прежде всего вооружиться терпѣніемъ и кротостью, чтобы сносить мою горячность и измѣнчивое расположеніе духа, а равно мою нетерпѣливость. Я желалъ бы, чтобы она принимала снисходительно все то, что я могу выразить иногда даже, быть можетъ, довольно сухо, хотя и съ добрымъ намѣреніемъ, относительно образа жизни, умѣнья одѣваться и т. п. Я прошу ее принимать благосклонно совѣты, которые мнѣ случится давать ей, потому что изъ десяти совѣтовъ все же можетъ быть одинъ и хорошій, допустивъ даже, что остальные будутъ непригодны».

Изъ отдѣльныхъ взглядовъ и мнѣній, высказанныхъ Павломъ Петровичемъ въ наставленіи, приведемъ здѣсь слѣдующіе:

«Ровность въ обхожденіи всегда пріятна, такъ какъ она никого не отличаетъ, никому не вредитъ и не даетъ повода ни къ хвастовству, ни къ жалобамъ».

¹⁾ Выраженіе графа Палена, употребленное имъ въ разговорѣ съ графомъ Ланжерономъ.

²⁾ „Русская Старина“ 1898 г. февраль, Е. С. Шумигорскій: „Инструкція великаго князя Павла Петровича великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ“.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1867 г., т. I, отд. I. М. И. Семеvскій: „Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка“.

«Вопросъ о знаніи русскаго языка—вопросъ первостепенной важности какъ для извѣстнаго рода публики, такъ и для народа, для прислуги, для молитвъ, чтенія и т. п.».

«Надобно привыкнуть самой принимать счетъ всего израсходованнаго, провѣрять итоги и такимъ образомъ самой привыкнуть къ порядку и сдерживать и внушать страхъ тѣмъ, кто нашель бы для себя выгоднымъ представлять не особенно вѣрные счеты, ссылаясь на ошибки въ вычисленіяхъ, что случается очень часто».

«Никогда ничего не брать въ долгъ, но всегда на наличныя деньги».

«Нашъ образъ жизни,—писаль онъ,—долженъ быть строго опредѣленъ, какъ для насъ самихъ, такъ и для прочихъ лицъ, и приблизительно по одиѣмъ и тѣмъ же причинамъ. Подчиняясь въ жизни извѣстнымъ правиламъ, этимъ мы защищаемъ себя отъ своихъ собственныхъ фантазій, которыя нерѣдко переходятъ въ капризы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даемъ примѣръ другимъ людямъ, которые обязаны подчиняться тѣмъ же правиламъ».

Затронувъ въ наставленіи даже такой вопросъ, какъ обращеніе съ прислугой, Павель Петровичъ говорилъ, что въ отношеніи къ прислугѣ «болѣе мягкое обхожденіе всегда будетъ наилучшимъ; однако, слѣдуетъ внимательно слѣдить затѣмъ, чтобы прислуга точно исполняла свои обязанности, а въ случаѣ неисправности, чтобы ей было тотчасъ сдѣлано по этому поводу замѣчаніе, дабы заставить ее быть всегда внимательной».

Крайне характерными для Павла Петровича являются его разсужденія, касающіяся домашняго образа жизни. «Я сказалъ выше,—читаемъ мы въ объясненіяхъ къ двѣнадцатой статьѣ,—что точное исполненіе правилъ—одно изъ главныхъ условій, которыя слѣдуетъ соблюдать въ жизни, повторяю это еще разъ, въ особенности, относительно домашняго обихода. Пока мы придерживаемся извѣстныхъ правилъ, до тѣхъ поръ мы спасаемъ себя отъ многого, а скука, одинъ изъ главныхъ недуговъ чловѣка, не имѣетъ, такъ сказать, власти надъ нами. Поэтому я считаю долгомъ просить принцессу подчиниться, съ своей стороны, извѣстнымъ правиламъ какъ въ образѣ жизни, такъ и относительно занятій въ частности. Я совѣтоваль бы принцессѣ вставать довольно рано, чтобы имѣть время причесаться, употребить часъ или два на занятія и затѣмъ окончить свой туалетъ вполне, тѣмъ болѣе, что мое собственное препровожденіе времени распределено такъ, что, начиная съ девяти часовъ, когда я бывало совсѣмъ одѣтъ, и до полудня у меня нѣтъ ни минуты свободной (это касается вставанія). Я убѣдительно прошу ее быть готовой къ полудню, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ 10¹/₂ часамъ. Въ послѣобѣденное время я прошу ее заниматься также чтеніемъ, музыкой и иными предметами, которые она сама най-

дѣть полезными и пріятными; въ числѣ утреннихъ занятій я прошу принцессу назначить извѣстные часы на русскій языкъ и другія занятія для того, чтобы пріобрѣсти нѣкоторыя познанія по части исторіи, политики и географіи нашей страны, а также относительно религіи и церковныхъ обрядовъ. Что касается времени отхода ко сну, то я прошу принцессу подчиняться моей привычкѣ къ регулярной жизни (которая вначалѣ покажется ей, быть можетъ, стѣснительной), тѣмъ болѣе, что, въ видахъ моего здоровья и моихъ утреннихъ занятій, я не имѣю возможности, несмотря на мои молодые лѣта, бодрствовать ночью»...

«Я прошу ее никогда не дѣлать, даже въ ея собственной комнатѣ, ничего такого, что имѣло бы видъ таинственности или желанія сдѣлать что-либо тайкомъ, ибо это болѣе, чѣмъ что-либо, подстрекаетъ любопытство своею таинственностью и заставляетъ дѣлать не особенно лестныя предположенія, ибо всякій говорить себѣ, что, у кого чиста совѣсть, тому нечего бояться и, слѣдовательно, прятаться отъ кого-либо».

Въ наказѣ или «предписаніи» о порядкѣ управления Россіей не только обращаютъ на себя вниманіе, но просто поражаютъ слѣдующія мѣста:

«Предметъ каждаго общества,—писалъ цесаревичъ,—блаженство каждаго и всѣхъ. Общество не можетъ существовать, если воля каждаго не будетъ направлена къ общей цѣли. Для того правительство; правительства разнаго рода. Лучшее то, которое ближайшимъ способомъ преимущественно достигаетъ до своего предмета. Изъ того разные роды правленія рождаются. Чѣмъ больше земля, тѣмъ способы исполненія труднѣе, слѣдственно, первое попеченіе должно быть—облегчать ихъ. Самое простое облегченіе сего рода—препорученіе исполненія одному, но связано съ неудобствами человѣчества...»

«Законы у насъ есть, но въ порядокъ привести въ ихъ смыслѣ. Новыхъ не дѣлать, но сообразить старыя съ государственнымъ внутреннимъ положеніемъ, а указы почитать просто учрежденіями, а не законами».

«Законы для наблюденія. За наблюденіемъ должно смотрѣть. Государь, будучи человѣкъ, за всѣмъ усмотрѣть не можетъ, хотя бы и не имѣлъ страстей; то для того и другаго надобны правительства. Таковъ Сенатъ, прочія судебныя мѣста и прочее».

«Государь, будучи надъ всѣмъ смотрѣть за разными частями, и для того въ облегченіе не только ума его, но и совѣсти, имѣть ему совѣтъ, составленной изъ особъ, которымъ поручено смотрѣть за разными частями и родами дѣлъ государства».

«Сказавъ о способахъ непосредственныхъ къ достиженію предмета общества, т. е. блага утвержденіемъ законовъ,—сказать должно: сіе состояніе законы утверждаютъ. Таковое первое дворянство. Оно—под-

пора государства и государя и для того придать ему уваженія, не попуская въ него лишнѣхъ членовъ или недостойныхъ и имѣя съ государемъ равный интересъ должно его на службу обращать».

«Крестьянство содержитъ собою все прочія части и своими трудами, слѣдственно, особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія, не подверженнаго нынѣшнимъ переменамъ его, изъ благодарности отечества и для того, чтобъ тѣмъ лучше трудились, и государство имѣло тѣмъ вѣрнѣе снабженіе.

«Но сего предписанія не довольно, ибо исполненіе потребно; а прежде онаго быть не можетъ, пока каждое состояніе и каждый онаго членъ не узнаетъ воспитаніемъ пространства своихъ должностей къ первому предмету—благу общества; а сего достигнуть не можно безъ воспитанія, отъ котораго понятіе прямого закона, самого себя и вещей и, слѣдственно, нравы, безъ которыхъ опять общество бѣдственно, ибо члены развратны.

«Для сего школы и училища, основанныя на правилахъ правленія, дабы воспитаніемъ влагалось понятіе вещей къ назначенной цѣли и напряженія каждаго, по мѣрѣ состоянія, исполненіемъ должностей къ общей цѣли общества.

«Торговля, служа къ богатству земли, сводитъ народы и тѣмъ самымъ полируетъ нравы и открываетъ новыя стези смыслу человѣческому и способамъ государственнымъ.

«Мануфактуры, фабрики и ремесла—отрасли сего, сила и, слѣдственно, цѣлость общества,—итакъ о нихъ пещись отмѣнно, а особливо у насъ, гдѣ сія часть запущена.

«Сюда къ промысламъ принадлежитъ вино и соль. Последняя запущена, итакъ стараться исправить, а первое основано на злоупотребленіи, ибо коронной монополіе развратительный для нравовъ; итакъ искать сей доходъ не прибавлять, а убавлять, замѣня прилежаніемъ въ другихъ отрасляхъ.

«Доходы государственные—государства, а не государя, и, составляя богатство его, составляютъ цѣлость, итакъ знакъ, и способъ благополучія земли. Они двоякіе: или съ земли, или съ промысла. Первые держатъ соразмѣрно возможности съ надобностію, ибо удѣляются отъ имѣній частныхъ людей. Другіе поощрять, ибо основаны на трудахъ и прилежаніи, всегдшнія средства силы и могущества земли. Поощреніе сіе—одобреніе и способствованіе.

«Расходы размѣрять по приходамъ и согласовать съ надобностями государственными, и для того вѣрно однажды росписать такъ, чтобъ никакъ не отягчать земли, но помнить, что можетъ быть случай, гдѣ нужда заставитъ большой расходъ дѣлать, итакъ не вполоть и обрѣзъ

власть, и при томъ нѣкоторое количество имѣть въ казнѣ, но не большое, дабы не отвратить онаго отъ вужнаго теченія.

«Распорядясь,—какъ сказалъ выше,—не можетъ не произойти моральнаго и физическаго равновѣсія, доводящаго до общей доброй вѣры во всѣхъ частяхъ, за которую смотрѣть, ибо основаніе тишины и блаженство каждаго и всѣхъ и достиженіе цѣли закона Божія, предмета первѣйшаго.

«Для достиженія таковаго предмета и сохраненія его—необходимо стараться постановить правила общей безопасности, рождающейся отъ стеченія всѣхъ вещей къ одному предмету, и для соблюденія оной учредить земскую и городовую полицію.

«Родства, которыя никогда не должны заставлятъ забывать прямого, государственнаго интереса, и суть послѣднія всегда, ибо обыкновенно идутъ на персону».

Письма-завѣщанія Павла Петровича къ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, помѣченныя 4-го января 1788 года, свидѣтельствуютъ, какъ серьезно смотрѣлъ цесаревичъ на свои обязанности, и какъ высоко ставилъ онъ заботы о благѣ государства. Въ письмѣ-завѣщаніи Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 4-го января 1788 года онъ писалъ: «Старайся о благѣ прямомъ всѣхъ и каждаго. Дѣтей воспитай въ страхѣ Божіи, какъ началъ премудрости, въ добронравіи, какъ основаніи всѣхъ добродѣтелей. Старайся объ ученіи ихъ наукамъ, потребнымъ къ ихъ званію, какъ о томъ, что, преподавая знанія, открываешь разумокъ. Не пренебрегай и тѣлесныхъ выгодъ, ибо отъ нихъ здоровье къ понесенію трудовъ и наружность благообразная, плѣняющая глаза. Все сіе клони къ поспѣшествованію бодрости и твердости духа. Укрѣпи ихъ въ намѣреніи моемъ о наслѣдствѣ и законѣ онаго и въ приведеніи въ порядокъ прочихъ частей, но старайся имъ внушить, что человекъ всякій долженъ подчинять себя разсудку, а особливо такой, которой Богомъ призванъ подчинять страсти другихъ и управлять людьми и цѣлымъ государствомъ и народомъ. Такииъ только себя подчиненіемъ можетъ удержать другихъ въ ономъ, а особливо своихъ собственныхъ потомковъ, подавая имъ примѣръ, а свою же совѣсть успокоить».

Въ завѣщаніи же своимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, цесаревичъ Павелъ Петровичъ высказывалъ между прочимъ такія мысли: «Вы теперь обязаны предъ престоломъ Вышняго посвященіемъ жизни вашей отечеству заслуживать и за меня, и за себя, что избралъ Онъ насъ и предопредѣлилъ. Помните оба, что вы посланы отъ Всевышняго къ народу, а не народъ къ вамъ, и для его блага; итакъ, пекитесь о немъ, сохраняя его, а лучшее сохраненіе—тишина, которой примѣръ подавайте вы между собою, ибо

вы примѣръ всему, и нигдѣ оное столь не нужно, какъ въ нашемъ государствѣ, которое не наслаждалось много плодами тишины».

Свое завѣщаніе дѣтямъ Павелъ Петровичъ заключилъ слѣдующими глубоко трогательными словами: «Будьте счастливы, счастьемъ земли вашей и спокойствіемъ души вашей. Богъ вамъ да дастъ его, какъ меня сподобилъ въ жизнь свою онымъ наслаждаться».

Къ числу безспорно интересныхъ и характерныхъ для Павла Петровича мыслей, высказанныхъ имъ въ бытность свою цесаревичемъ, слѣдуетъ отнести и глубоко вѣрную мысль, выраженную имъ въ запискѣ о гвардіи: «въ бездѣлицахъ опасно идти противу обычая и привычки. Развѣ не чувствительнымъ образомъ».

Мысль эта особенно поражаетъ въ устахъ Павла Петровича, такъ какъ постоянно онъ поступалъ какъ разъ обратно.

Всобще ко всѣмъ этимъ сужденіямъ Павла цесаревича можно примѣнить замѣчаніе, сдѣланное Н. К. Шильдеромъ въ одномъ частномъ случаѣ: «Онъ одушевленъ былъ, какъ видно, наилучшими намѣреніями и, подъ счастливымъ вдохновеніемъ, всегда находилъ хорошія слова для ихъ выраженія. Не разъ Павелъ Петровичъ пользовался въ своей жизни такими хорошими словами, и, читая ихъ, можно даже удивляться, какимъ образомъ благія намѣренія не сопровождались лучшими послѣдствіями. Но для осуществленія этихъ прекрасныхъ намѣреній не въ мірѣ грезъ, а на дѣлѣ, недоставало у него одного—выдержки. Характера хватало только на мгновеніе, а человѣческая жизнь долга, какъ выразилась Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ. Являлось непредвидѣнное огорченіе, и оно вызывало тотчасъ неразумную вспышку гнѣва, сопровождаемую иной разъ и сожалѣніемъ, а задуманное хорошее дѣло отодвигалось на недосыгаемую даль и оставалось хорошимъ словомъ».

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нѣсколько новыхъ словъ о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—51 г.г.

21-го февраля будущаго года минетъ ровно полстолѣтія со дня кончины Гоголя. Уже теперь, почти за полгода до будущихъ юбилейныхъ празднествъ, немало говорится о приготовленіяхъ къ нимъ. Произведенія великаго писателя станутъ съ этого дня общою собственностью, и немало популярныхъ и дешевыхъ изданій Гоголя разоидется по всей грамотной Россіи. Надо думать, что благодарное отечество сдумѣетъ достойно почтить память своего великаго сына. Одесса, два раза видѣвшая Гоголя въ своихъ стѣнахъ, несомнѣнно, приметъ участіе въ этомъ великомъ праздникѣ нашей культуры и тоже «отпразднуетъ и отликуетъ» грядущіе «гоголевскіе дни». Настоящія строки имѣютъ цѣлью сообщить воспоминанія о Гоголѣ одного почтеннаго одесскаго старожила, въ дни своей юности имѣвшаго случай пожимать ту руку, которая написала «Мертвыя души», и любезно подѣлившася этими немногими и незначительными, но все же освященными драгоцѣннымъ именемъ Гоголя воспоминаніями съ пишущимъ эти строки, а также указать одинъ способъ увѣковѣченія памяти о пребываніи Гоголя въ столицѣ Новороссійскаго края.

Гоголь былъ въ Одессѣ, какъ сказано, два раза ¹⁾. Въ первый, онъ пріѣхалъ въ столицу Юга, возвращаясь на родину изъ своего путешествія въ Святую землю, во второй половинѣ апрѣля 1848 года и черезъ двѣ недѣли — 6-го мая выѣхалъ изъ нея. Во второй разъ Гоголь

¹⁾ Нѣкоторыя данныя для исторіи пребыванія Гоголя въ Одессѣ можно найти въ IV-мъ томѣ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“ В. И. Шеврока, въ сборникѣ Л. М. де Рибаса „Изъ прошлаго Одессы“ (воспоминанія Н. Г. Тройницкаго и Толченова) и въ стат. моей „Гоголь въ Одессѣ“ („Одесскій листокъ“ 1900 г. 25-го февраля, № 52).

Н. Л.

*

прибыль въ Одессу въ октябрѣ 1850 года, измученный, больной, рассчитывая поправить на югѣ свое слабое здоровье, и прожилъ здѣсь всю зиму 1850—51 г.г. На третьей недѣлѣ великаго поста 1851 г. онъ уѣхалъ изъ Одессы. Къ этому-то времени и относятся немногія воспоминанія о Гоголѣ почтеннаго старожилы, д. с. с. Антона Людвиговича Деменитру (старшаго брата извѣстнаго героя-студента Ришельевского лицея, нынѣ покойнаго, отличившагося въ 1854 году своимъ рѣдкимъ мужествомъ на знаменитой Щеголевской батарее, во время бомбардированія Одессы флотомъ союзниковъ). Въ настоящее время Антонъ Людвиговичъ одинъ изъ очень немногихъ, которые помнятъ Гоголя, и это придаетъ его коротенькому разсказу особый интересъ.

Въ бытность въ Одессѣ Гоголя проживалъ въ ней младшій братъ А. С. Пушкина, Левъ Сергѣевичъ, вѣкогда непосѣдливый, пылкій «Левушка» и «*vaillant capitaine*», какъ звали его близкіе, а потомъ мирный членъ одесской таможи (сконч. 19-го іюля 1852 г. въ Одессѣ). Въ его семьѣ, гостепріимной, любезной и общительной, собиралось лучшее одесское общество. Самъ хозяинъ дома, живой, умный, образованный и добродушный, былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ со многими писателями и выдающимися людьми. Въ Одессѣ у него часто бывалъ молодой Я. П. Полонскій; однимъ изъ первыхъ Левъ Сергѣевичъ призналъ и оцѣнилъ по достоинству развивавшійся съ необычайною силою поэтическій талантъ незабвеннаго Н. Э. Щербина ¹⁾. Бывалъ у него и Гоголь, другъ его великаго брата. Въ домѣ Л. С. Пушкина, жившаго на углу Греческой и Преображенской ул., зимою 1850—51 г.г. имѣлъ случай познакомиться съ Гоголемъ и А. Л. Деменитру, тогда студентъ Ришельевского лицея.

По его разсказу, худой, блѣдный, съ длиннымъ, выдающимся и острымъ, словно птичьимъ, носомъ, Гоголь своей оригинальной наружностью, эксцентрическими манерами произвелъ на своего новаго знакомаго весьма странное впечатлѣніе какого-то «буки». На великомъ писателѣ тогда уже лежала печать не здѣшняго міра. Всѣ окружающіе оказывали творцу «Мертвыхъ душъ» знаки величайшаго вниманія, но Гоголя это стѣсняло и коробило, и онъ относился какъ-то небрежно къ этимъ проявленіямъ уваженія своихъ поклонниковъ. Онъ былъ вялъ, угрюмъ, сосредоточенъ; говорилъ очень мало. За обѣдомъ его всячески старались растормошить,—что называется, «разговорить», заводя рѣчь о предметахъ, которые, казалось, могли его заинтересовать,

¹⁾ Въ концѣ 1849 г. Щербина напечаталъ въ Одессѣ первый сборникъ своихъ произведеній: «Греческія стихотворенія». (Книжка эта нынѣ очень рѣдка).
Н. Л.

но онъ былъ по-прежнему молчаливъ и угрюмъ. Одна дама обратилась къ нему съ какимъ-то вопросомъ, но уткнувшійся въ свою тарелку Гоголь ничего не отвѣтилъ, какъ будто и не разслышалъ вопроса (а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не разслышалъ). Его оставили въ покоѣ и заговорили о мѣстныхъ одесскихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ. Кто-то произнесъ фамилію негодіанта-грека Родоканаки. При этомъ словѣ Гоголь на мгновеніе встрепенулся и спросилъ студента Деменитру, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ:

— Это что такое? фамилія такая?

— Да,—подтвердилъ Деменитру: это фамилія.

— Ну, это Богъ знаетъ что, а не фамилія,—сказалъ Гоголь. Этакъ только обругать человѣка можно: ахъ ты, ррродоканака ты этакая!..

Всѣ разсмѣялись, а Гоголь опять погрузился въ свои мысли. Обѣдъ кончился. Хозяева и гости перешли въ гостиную. Зашелъ разговоръ о Лермонтовѣ. Левъ Сергѣевичъ досталъ и показалъ гостямъ перчатку Лермонтова, снятую съ руки безвременно погибшаго поэта послѣ его злополучной дуэли съ Н. С. Мартыновымъ. Всѣ съ любопытствомъ поглядѣли на эту реликвію, но Гоголь не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія и, казалось, не слушалъ и разсказа хозяина дома о Лермонтовѣ, котораго Левъ Сергѣевичъ близко знавалъ. Это, впрочемъ, понятно. Со второй половины сороковыхъ годовъ Гоголь былъ уже не тотъ пламенный юноша-поэтъ, который написалъ «Вечера на хуторѣ», не тотъ гениальный художникъ, въ полномъ расцвѣтѣ своего дарованія, который создалъ «Ревизора» и «Мертвыя души». Иначе отнестись къ памяти погибшаго на поединкѣ представителя свободной, кристально-чистой поэзіи, гордо возвеличивавшей человѣческой духъ и права личности, не могъ мрачный, истерзанный душевнымъ недугомъ, мистически-настроенный авторъ «Переписки съ друзьями».

Жилъ Гоголь за Сабанѣвымъ мостомъ, въ домѣ А. А. Трощинскаго, нынѣ принадлежащемъ Дептѣ, на Надеждинской улицѣ. Въ этомъ домѣ проживала также, по сосѣдству съ Гоголемъ, семья Картамышевыхъ, у которыхъ часто бывалъ А. Л. Деменитру ¹⁾. Въ домѣ Трощинскаго Гоголь жилъ въ находившемся во дворѣ отдѣльномъ флигелѣ, до сихъ поръ сохранившемся безъ значительныхъ измѣненій, и занималъ во второмъ этажѣ двѣ небольшія комнатки. Бывая у жившихъ бокъ-о-бокъ съ Гоголемъ Картамышевыхъ, Ант. Людв. иногда слышалъ несшіеся изъ комнатъ Гоголя вздохи и шепотъ молитвы: «Господи помилуй! Господи помилуй!» ²⁾.

¹⁾ Одинъ изъ членовъ этой семьи, Константинъ Вонифатьевичъ Картамышевъ, литераторъ, былъ впоследствии основателемъ газеты „Новороссійскій Телеграфъ“, нынѣ уже не издающейся.

²⁾ А. Л. Деменитру до сихъ поръ отлично помнитъ тѣ комнаты, въ которыхъ жилъ Гоголь, и легко можетъ ихъ указать.

Когда совершился въ Гоголѣ печальныйъ внутренній переломъ, и явилась въ свѣтъ «Переписка съ друзьями», Гоголь, какъ извѣстно, сталъ смотрѣть на свою прежнюю литературную дѣятельность какъ на тяжкій грѣхъ и, сознавая, что ей обязанъ своею славой, старательно избѣгалъ какихъ бы то ни было знаковъ вниманія къ нему, какъ къ писателю. Зачитывавшіеся его произведеніями студенты Ришельевского лицея, какъ рассказываетъ А. Л. Деменитру, съ благоговѣніемъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ и любопытствомъ, оглядывали на улицѣ странно одѣтаго, съ сумрачнымъ и скорбнымъ, блѣднымъ лицомъ гениальнаго поэта, уже человѣка «не отъ міра сего». Тѣ, что были посмѣлѣе, даже слѣдовали за нимъ; правда, въ довольно почтительномъ отдаленіи. Это раздражало Гоголя, и, завидя студентовъ, шедшихъ ему на встрѣчу, онъ иной разъ бѣгствомъ въ первыя попавшіяся ворота спасался отъ стѣснявшаго и тяготившаго его, такъ сказать, и внѣшне, и внутренне, вниманія молодежи.

Въ Одессѣ, на Пушкинской улицѣ, надъ воротами скромнаго двухъ-этажнаго дома старой постройки, красуется простая мраморная доска, говорящая прохожему о томъ, что въ этомъ домѣ жилъ въ 1823 году Пушкинъ. Такую же доску, съ надписью: «Здѣсь жилъ Гоголь въ 1850—51 гг.» слѣдовало бы Одесской думѣ установить надъ воротами того дома на Надеждинской улицѣ, въ которомъ молился и работалъ надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ душъ» великій писатель. Отношеніемъ къ памяти гениель родины измѣряется ростъ нашего культурнаго сознанія, а наше пренебреженіе къ ихъ славнымъ именамъ—неуваженіе къ самимъ себѣ. Пусть же скромная мраморная доска съ немногорѣчивой надписью всегда напоминаетъ о великомъ человѣкѣ, чьимъ именемъ гордится даже каждый клочекъ земли, по которому ступала нога бессмертнаго поэта.

Николай Лернеръ.

Николай Ивановичъ Тургеневъ

ВЪ СВОЕМЪ ОПРАВДАНИИ.

(Изъ бумагъ Павла Васильевича Жуковскаго).

Къ напечатанному редакціею оправданію Николая Ивановича Тургенева присоединено три „Приложенія“, въ которыхъ хотя и встрѣчаются повторенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаются и весьма любопытныя новыя подробности. Эти приложенія помѣщаются ниже на страницахъ „Русской Старины“.

Р е д.

I ').

Въ первой части этого приложенія я попытаюсь изложить если не поводы обвиненія, то, по крайней мѣрѣ, тотъ путь, коимъ это обвиненіе состоялось. Начинаю съ оговорки, что все, что я скажу, не можетъ быть подтверждено мною никакими законными доказательствами. По примѣру Донесенія, за отсутствіемъ доказательствъ, я ограничусь слухами.

Въ верховномъ уголовномъ судѣ былъ членъ, который, какъ говорить, былъ главнымъ рычагомъ всего этого дѣла. Онъ будто-бы редактировалъ заключенія суда и умолялъ императора не прощать осужденныхъ. Однако, этотъ человекъ былъ въ свое время несчастенъ. Онъ самъ былъ нѣкогда жертвою несправедливыхъ подозрѣній и ничѣмъ не доказанныхъ обвиненій.

Въ тотъ самый день, когда долженъ былъ быть произнесенъ въ судѣ окончательный приговоръ подсудимымъ, человекъ этотъ говорилъ, что по его мнѣнію не было достаточныхъ уликъ для моего обвиненія.

‘) См. „Русскую Старину“ октябрь, 1901 г.

— Единственно,—сказалъ онъ,—въ чемъ его можно обвинить, это въ отказѣ явиться въ судъ. Но русскій законъ не караетъ за это, такъ что его ни въ чемъ нельзя обвинить.

Сказавъ это, онъ въ тотъ же день подписалъ мой смертный приговоръ. Говорятъ, будто въ началѣ засѣданія онъ по-прежнему былъ того мнѣнія, что меня нельзя обвинить, но уstraшенный гнѣвомъ сенатора Баранова или, если хотите, увлеченный его краснорѣчіемъ, онъ присоединился въ концѣ-концовъ къ его мнѣнію и увлекъ остальныхъ.

Другой судья N ¹⁾, человекъ извѣстный возвышенностью и благородствомъ своего характера и своими дипломатическими способностями, имѣлъ много времени, спустя послѣ событія, случай разсмотрѣть предъявленныя противъ меня обвиненія и призналъ, что приговоръ, произнесенный противъ меня, былъ несправедливъ. Разумѣется, его нельзя обвинять въ томъ, что онъ участвовалъ въ произнесеніи этого приговора, если принять во вниманіе, въ какомъ видѣ ему было представлено дѣло, и отсутствіе съ его стороны опытности въ уголовномъ судопроизводствѣ. Но все же ему дѣлаетъ честь, что онъ сознался въ томъ, что приговоръ былъ произнесенъ несправедливо. Мы видѣли въ моихъ замѣчаніяхъ на Донесеніе, что редакторъ не хотѣлъ даже признать ошибки, доказанной числами. Читатель припомнить, съ какимъ трудомъ юристы признали, слишкомъ поздно, важную ошибку, происшедшую въ дѣлѣ Калласа. Герцогъ Орлеанскій спросилъ, однажды, председателя суда:

— Какъ могло случиться, чтобы столь извѣстный судья могъ сдѣлать подобную ошибку?

— Нѣтъ той лошади, ваше высочество,—отвѣчалъ председатель,—которая бы не спотыкалась.

— Но не цѣлая же конюшня!—отвѣчалъ принцъ.

Другой судья, сенаторъ К., также имѣлъ случай прочесть нѣкоторыя объясненія, данныя по моему дѣлу. Но онъ призналъ несправедливость приговора, произнесеннаго противъ меня послѣ нѣкоторыхъ колебаній возраженій съ его стороны.

Другой судья, также бывшій дипломатъ, на вопросъ, предложенный ему однимъ почтеннымъ человекомъ, какимъ образомъ меня обвиняли на основаніи столь неправдоподобныхъ показаній,—отвѣчалъ простодушно: «мы отлично знали, что относительно его приговоръ не могъ быть приведенъ въ исполненіе, вотъ почему мы не возражали противъ него».

Наконецъ, одинъ судья заявилъ уже впоследствии, что если бы я

---

¹⁾ Въ оригиналѣ фамилія не названа.

явился въ судъ, то я былъ бы оправданъ и что причиною моего обвиненія было мое отсутствіе.

Въ числѣ судей былъ одинъ человекъ, котораго мнѣ было весьма прискорбно видѣть среди нихъ. Это былъ почтенный старецъ, котораго я знавалъ прежде и который меня хорошо зналъ.

Во время моихъ служебныхъ сношеній съ нимъ (въ Государственномъ Совѣтѣ), которыя продолжались нѣсколько лѣтъ, я неоднократно былъ свидѣтелемъ того, какъ заботливо онъ относился къ соблюденію справедливости и человѣколюбія въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Я не разъ видѣлъ, какъ, во время засѣданія Государственнаго Совѣта, онъ вставалъ со своего мѣста и заявлялъ, что такое-то дѣло, рѣшенное и подписанное имъ и его товарищами, было рѣшено несправедливо, и не упускалъ при этомъ случая замѣтить, что онъ убѣдился въ своей ошибкѣ, вслѣдствіе представленныхъ мною доводовъ.

Эти дѣла касались въ большинствѣ случаевъ крестьянъ, которые хотѣли получить отпускныя отъ своихъ помѣщиковъ. Но были и другаго рода дѣла.

Я помню, что однажды, приготовляя къ рѣшенію въ Совѣтѣ одно уголовное дѣло, я убѣдился, читая краткое извлеченіе дѣла, представленное Сенатомъ, что въ немъ были замѣшаны другія лица, участь которыхъ была рѣшена за годъ передъ тѣмъ и которые были сосланы въ Сибирь по указу Сената, подтвержденному въ свою очередь Государственнымъ Совѣтомъ. Я замѣтилъ, что эти лица были осуждены незаконно, но увидѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что вышеупомянутый сановникъ принималъ участіе въ рѣшеніи Совѣта; я показалъ ему это дѣло и доказалъ неправильность приговора. Онъ всталъ со своего мѣста, сознался въ ошибкѣ, сдѣланной имъ и его товарищами, назвалъ того, кто нашелъ эту ошибку, и потребовалъ отмѣны приговора. Государственный Совѣтъ рѣшилъ единогласно отмѣнить его, и императоръ, болѣе дорожившій интересами правосудія, нежели произнесеннымъ приговоромъ, утвердилъ это рѣшеніе.

Почтенный старикъ, о которомъ я говорю, отлично зналъ, что въ моихъ взглядахъ не было ничего преступнаго. Онъ зналъ, что я былъ далеко отъ желанія поступить по русской пословицѣ («вымести лѣстницу сверху»), но что я всегда утверждалъ, что надобно было заняться улучшеніемъ фундамента, т. е. освобожденіемъ крестьянъ.

II.

Я представлю здѣсь на благоусмотрѣніе читателя нѣкоторые факты, которые прольютъ свѣтъ на побочныя обстоятельства, способствовавшія, быть можетъ, моему обвиненію.

Проведя нѣсколько лѣтъ за границею, во-первыхъ, для своего образованія, а затѣмъ въ качествѣ чиновника, состоявшаго на государственной службѣ, я возвратился въ Россію приблизительно два года спустя послѣ умиротворенія Европы въ 1815 г. Я началъ свою дѣятельность въ Россіи, издавъ, въ 1821 г., книгу: «О теоріи налоговъ», которая была написана мною равнѣе, когда цензура была не такъ строга, какъ впоследствии; мнѣ разрѣшили высказать печатно свои взгляды относительно различныхъ формъ правленія, на сколько это касается налоговъ; главное, мнѣ разрѣшили высказать въ этой книгѣ откровенно мой взглядъ на положеніе крѣпостныхъ людей въ Россіи. Мысли, высказанныя мною по этому поводу, вызвали съ одной стороны сочувствіе нѣкоторыхъ лицъ, но съ другой—неодобреніе весьма многихъ, доходившее до озлобленія. Съ этихъ именно поръ я прослылъ во мнѣніи многихъ лицъ, дающихъ въ Петербургѣ тонъ, либераломъ, революціонеромъ, якобинцемъ, карбонаріемъ и т. п.

Что касается меня, то мысль объ освобожденіи крестьянъ занимала меня за долго до моего возвращенія въ Россію. Чѣмъ долѣе я жилъ въ этой странѣ, тѣмъ болѣе убѣждался въ необходимости и возможности уничтоженія крѣпостнаго ига.

Было извѣстно, что покойный императоръ, съ самаго восшествія своего на престолъ, возмѣнилъ намѣреніе совершить этотъ великій актъ. Онъ исполнилъ это впоследствии относительно извѣстной части своей Имперіи.

Когда мнѣ предложили вступить въ члены Союза Благодѣствія и когда я прочелъ уставъ этого общества, я подумалъ, что, вступивъ въ него, я буду въ состояніи способствовать успѣху этого дѣла.

Вступивъ въ это тайное общество, я не нашелъ въ немъ никакой организаціи. Я слышалъ только о томъ, что такой-то и такой-то былъ членомъ или продолжалъ быть членомъ общества. Встрѣчаясь со мною, члены то говорили мнѣ, что общество падаетъ, что никто не знаетъ, что дѣлать, что тотъ или другой членъ бездѣятеленъ, а тотъ никогда не сходится со своими товарищами; то говорили, что нѣкоторые члены, видя, что общество бездѣятельно, желали созвать общее собраніе, чтобы рѣшить что-нибудь опредѣленное. Я былъ одинъ или два раза на подобнаго рода собраніяхъ, на которыхъ члены, повторивъ свои обычные сѣтованія на бездѣятельность общества, на затруднительность и даже невозможность чего-либо достигнуть при недостаткѣ усердія въ однихъ и равнодушія другихъ, переходили обыкновенно къ разговорамъ о литературѣ, о текущихъ новостяхъ и т. п. На одномъ изъ этихъ собраній, видя, что члены не могутъ найти предмета для занятій, я сказалъ имъ,

что существуютъ вещи, не только заслуживающія вниманія; но коими всякому честному человѣку даже обязательно заняться.

— У каждаго изъ васъ, господа,—сказалъ я,—есть или будутъ крѣпостные; освободите ихъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлайте все возможное для этого. Пусть каждый изъ васъ поставитъ себѣ задачу освободить хотя бы лакея, который ему служить. Не думайте, что это будетъ гласъ вопиющаго въ пустынь. Примѣръ подѣйствуетъ. Вы говорите, что общество не предписываетъ вамъ никакой опредѣленной дѣятельности. Обязуйтесь сдѣлать то, что я вамъ предлагаю. Это будетъ занятіе полезное для васъ и благотворное по своимъ послѣдствіямъ. Кромѣ этой существенной дѣятельности, ищите занятій въ наукѣ,—читайте.

Въ то же время я называлъ нѣсколько книгъ, которыя могли служить къ ихъ самообразованію.

Всѣ, съ кѣмъ я говорилъ, присоединились къ моему мнѣнію. Но мнѣ не извѣстно, какую это принесло пользу.

Я высказывалъ свой взглядъ на крѣпостное право не однимъ только членамъ общества. Я говорилъ объ этомъ со всѣми; какъ только мнѣ приходилось бесѣдовать съ кѣмъ-нибудь, я тотчасъ старался развивать мои сокровенныя мысли. Я писалъ по этому поводу проекты для коммисіи законовъ, для Государственнаго Совѣта и, наконецъ, написалъ записку для самого государя ¹⁾.

Эта записка, въ которой я высказалъ все, что у меня было на душѣ относительно крѣпостнаго права и освобожденія крестьянъ, была передана однимъ изъ моихъ пріятелей графу Милорадовичу, въ то время петербургскому генералъ-губернатору, который былъ, какъ мнѣ говорили, отъ нея въ восторгѣ и поспѣшилъ представить ее императору.

Нѣсколько дней спустя, увидавъ меня въ Государственномъ Совѣтѣ, графъ высказалъ по поводу этой записки свое удовольствіе въ выраженіяхъ, которыя показались мнѣ даже преувеличенными, и сказалъ, что въ ту минуту мою записку читаетъ самъ императоръ.

Нѣсколько времени спустя я узналъ, что императоръ также остался доволенъ этой запиской, говорилъ о ней съ графомъ и сказалъ, что у него имѣются и другія записки по этому предмету и что онъ намѣренъ со временемъ воспользоваться ими. Въ то же время императоръ показалъ графу печать покойной императрицы Екатерины II, изображавшей улы, и сказалъ, что онъ будетъ дѣйствовать, руководствуясь этимъ символомъ. Ничто въ жизни не доставило мнѣ такого удовольствія. Я былъ обязанъ этимъ графу Милорадовичу. А меня обвинили въ участіи

---

¹⁾ Записка эта напечатана мною въ IV выпускѣ „Сборника историческихъ матеріаловъ изъ архива собственной его величества канцеляріи“, стр. 441.

въ возмущеніи, во время котораго этотъ человѣкъ погибъ жертвою своего долга.

Словомъ, во все время моего пребыванія въ Россіи, мысль объ освобожденіи крестьянъ была моею единственною думою и заботою; меня называли ея апостоломъ. Надо мною шутили по этому поводу.

— По его мнѣнію,—сказаль однажды тотъ почтенный старецъ, о коемъ я упоминаль выше,—по его мнѣнію только одни мужики честные люди.

— Онъ сердится,—говориль другой,—что я не говорю объ освобожденіи крестьянъ въ своихъ балладахъ.

Однажды представился случай примѣнить мою теорію на дѣлѣ, и я подписалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицами, не принадлежавшими къ тайному обществу, прошеніе на имя императора, предлагая дать волю крестьянамъ, принадлежавшимъ каждому изъ насъ, и умоляя его величество позволить намъ предложить другимъ послѣдовать нашему примѣру. Прошеніе было подано, но осталось безъ послѣдствій. Хотя я только присоединился къ этому проекту и число моихъ крестьянъ было слишкомъ незначительно по сравненію съ крѣпостными, принадлежавшими прочимъ лицамъ, подписавшимъ прошеніе, чтобы я могъ играть главную роль въ этомъ дѣлѣ, но это предложеніе было признано революціоннымъ и приписано моему мнимому якобинству.

Если мои читатели страдали когда-нибудь навязчивой идеей, то они поймутъ, что человѣкъ бываетъ иногда всецѣло поглощенъ одною мыслию и ко всему другому относится равнодушно,

Въ Донесеніи говорится, что члены тайныхъ обществъ обсуждали вопросъ о различныхъ формахъ правленія и конституціяхъ, что либеральныя идеи были въ то время въ модѣ.

Полагаетъ ли редакторъ, что вліяніе этой моды ограничивалось тайными обществами? Объ образѣ правленія и конституціяхъ могли говорить не только въ тайныхъ обществахъ. Объ этомъ говорили въ свѣтѣ, въ салонахъ, при дворѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ, въ кабинетахъ министровъ. Самъ императоръ поручиль однажды нѣкоторымъ лицамъ представить ему проекты конституціи для Россійской Имперіи. Какъ извѣстно, его величество далъ конституцію царству Польскому и объявилъ въ своей рѣчи, что оная дастъ конституцію и Россіи, когда она будетъ къ тому болѣе подготовлена. Кто осмѣлится сказать послѣ этого, чтобы было преступно говорить о конституціяхъ?

Достаточно было бы ссылки на такіе авторитеты, чтобы оправдать мои разговоры относительно революціонныхъ идей. Но дѣло въ томъ, что я не только не былъ ихъ дѣятельнымъ поборникомъ, но я никогда не раздѣляль мнѣнія тѣхъ лицъ, кои находили, что конституція была бы благомъ для Россіи, по той простой причинѣ, что мнѣ казалось всегда

не приличны мѣ домогаться политическихъ правъ для себя въ то время, какъ милліоны нашихъ согражданъ не пользовались даже гражданскими правами.

Я неоднократно высказывалъ не только членамъ общества, но и постороннимъ лицамъ, что единственный недугъ государства, настоятельно требующій лѣченія, есть крѣпостное право, что конституція не излѣчитъ его, что какъ только высшіе классы получаютъ политическія права, то будетъ очень трудно лишить ихъ тѣхъ несправедливыхъ правъ, коими они пользуются надъ своими крѣпостными; найдутся, быть можетъ, люди, которые откажутся отъ этихъ правъ, но что цѣлыя классы общества никогда этого не сдѣлаютъ; слѣдовательно, только самодержавная монархическая власть, существующая въ Россіи, можетъ освободить крестьянъ. Дворянское сословіе никогда не сдѣлаетъ этого, тѣмъ болѣе, если оно получитъ новыя права; надобно сначала получить необходимое, а затѣмъ уже думать о роскоши; высшіе классы, не имѣя политическихъ правъ, пользуются за то полной личной и имущественной безопасностью и могутъ проживать свободно, гдѣ хотятъ, тогда какъ съ крестьянами, привязанными къ землѣ, обращаются почти какъ съ вещами, а не какъ съ существами, созданными по образу и подобию Божию.

— Васъ по крайней мѣрѣ не продаютъ,—говорилъ я нерѣдко,—а вы думаете объ улучшеніи своего благосостоянія, не думая отказаться отъ права продавать другихъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ я всегда говорилъ о конституціяхъ и разныхъ образахъ правленія; я бьюсь объ закладъ, что не найдется чловѣка въ мірѣ, будь то членъ тайнаго общества, или членъ какого-нибудь литературнаго общества, англійскаго клуба, Государственнаго Совѣта, который могъ бы привести сказанное мною слово, которое показало бы, что я думалъ о чемъ-нибудь иномъ кромѣ освобожденія крестьянъ.

Читатель пойметъ послѣ этого мое изумленіе, когда я узналъ, что я былъ обвиненъ и приговоренъ къ смертной казни за намѣреніе ниспровергнуть существующій въ Россіи порядокъ и ввести республиканскій образъ правленія.

Чтобы покончить съ вопросомъ о репутации, которой я пользовался, скажу, что нѣкоторые сострадательные люди не преминули говорить обо мнѣ съ императоромъ, изображая меня либераломъ, якобинцемъ, чловѣкомъ опаснымъ, подстрекателемъ, возбуждающимъ людей противъ правительства. Однажды, когда на меня пожаловался одинъ высшій сановникъ, министръ, обвинившій меня въ томъ, что благодаря моимъ интригамъ въ Государственномъ Совѣтѣ былъ отвергнутъ его проектъ, то императоръ разсердился и велѣлъ сказать мнѣ, что его тер-

пѣнию есть границы. Такъ какъ я былъ вполне увѣренъ въ великодушія императора, то я написалъ ему, высказавъ въ письмѣ откровенно всю несправедливость этого обвиненія. Милостивое отношеніе государя ко мнѣ въ послѣдствіи даетъ мнѣ право думать, что этотъ доносъ не повредилъ мнѣ болѣе, чѣмъ всѣ другія обвиненія.

Доносъ по поводу тайныхъ обществъ и моей принадлежности къ нимъ произвелъ, мнѣ кажется, болѣе сильное впечатлѣніе.

Изъ Донесенія мы видѣли, что императору сдѣланъ былъ доносъ на общество, именуемое Союзомъ Благоденствія, однимъ изъ его членовъ и что въ этомъ доносѣ было упомянуто обо мнѣ. Это доказываетъ, что императору было извѣстно о существованіи общества и о моей принадлежности къ нему; я имѣю еще другія доказательства, что императору было извѣстно все, что могло быть извѣстно объ этомъ обществѣ. Такъ напр. я узналъ, вскорѣ послѣ того какъ было распущено Московское общество, что правительству было извѣстно о собраніи, происходившемъ въ Москвѣ; самыя слова его величества, переданныя мнѣ при моемъ отъѣздѣ, о которыхъ будетъ упомянуто далѣе, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что императоръ зналъ о моей принадлежности къ тайному обществу; если это общество было въ самомъ дѣлѣ такъ преступно, какъ старается показать Донесеніе слѣдственной комиссіи, если я, лично, былъ такимъ отъявленнымъ заговорщикомъ, какъ можно предполагать, судя потому, что я былъ приговоренъ къ смерти, то какъ же согласовать то обстоятельство, что императоръ зналъ объ этомъ и въ то же время оказалъ мнѣ столь милостивое вниманіе, въ особенности передъ моимъ отъѣздомъ? Я знаю положительно (и даже изъ оффиціальнаго источника), что долгое время спустя послѣ моего отъѣзда изъ Россіи, императоръ соблаговолилъ говорить обо мнѣ съ участіемъ и высказалъ, что я нуженъ ему въ Государственномъ Совѣтѣ для работъ надъ Сводомъ законовъ. Очевидно, императоръ, зная, что я былъ членомъ тайнаго общества, не считалъ это обстоятельство достаточно важнымъ не только для того, чтобы подвергнуть меня какой-либо отвѣтственности, но даже для того, чтобы относиться ко мнѣ съ меньшимъ благоволеніемъ. Между тѣмъ слѣдствіемъ удостовѣрено одно только это преступленіе съ моей стороны, если его можно считать таковымъ.

Надобно полагать, что его величество лучше сумѣлъ оцѣнить это общество, нежели это было сдѣлано въ послѣдствіи. Я знаю также, что, говоря обо мнѣ, его величество сказалъ однажды, что нельзя себѣ представить всѣ ужасы, которые ему наговорили обо мнѣ.

— Но я ничему не вѣрю, — присовокупилъ императоръ, — такъ какъ я знаю, что онъ честный человѣкъ.

Императоръ выражалъ свое доброе мнѣніе обо мнѣ не одними словами, я приведу тому доказательство.

Видя, что мое здоровье было разстроено непомерными трудами въ Государственномъ Совѣтѣ, я рѣшилъ уѣхать весною 1823 г. за границу, не оставляя однако службы. Мнѣ сказали, въ это время, что скоро освободится одно мѣсто, которое я имѣлъ бы право занять. Не имѣвъ никогда такъ называемыхъ покровителей, я написалъ императору письмо, въ коемъ высказалъ ему свое желаніе занять это мѣсто. Два или три дня спустя императоръ приказалъ графу Аракчееву передать мнѣ, что ему неизвѣстно, освободится ли указанное мѣсто, и что онъ желалъ бы, чтобы я остался въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ я былъ ему полезенъ, и что если незначительный размѣръ содержанія, присвоеннаго занимаемому мною мѣсту, и недостаточность личныхъ средствъ требуютъ денежнаго вспомошествованія, то императоръ готовъ дать мнѣ пособіе.

Я отказался отъ этого, отвѣтивъ, что я обратился къ его величеству не ради денегъ; говорю это не изъ хвастовства, а только для того, чтобы сказать, что мой отвѣтъ заслужилъ одобреніе императора.

Это милостивое вниманіе ко мнѣ государя заставило меня съ удвоеннымъ усердіемъ предаться своимъ служебнымъ занятіемъ, что отразилось на моемъ здоровьи; годъ спустя врачи посовѣтовали мнѣ ѣхать въ Карлсбадъ. Императоръ соблаговолилъ разрѣшить мнѣ повѣзку за границу и вмѣстѣ съ тѣмъ пожаловалъ меня въ слѣдующій чинъ, приказавъ оставить мнѣ содержаніе, коимъ я пользовался, и выдать мнѣ извѣстную сумму денегъ на путевыя издержки. Но это не все. Императоръ приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ генералу графу Аракчееву передать мнѣ, что онъ совѣтуетъ остерегаться за границею злонамѣренныхъ людей, коихъ вездѣ много и которые, конечно, постараются обмануть меня.

— Передайте ему,—сказалъ императоръ генералу графу Аракчееву,—что я вѣдою ему быть осторожнымъ не какъ монархъ, но что я даю ему этотъ совѣтъ какъ христіанинъ.

Обсуждая все сказанное выше, читатель можетъ по справедливости удивиться тому, что Донесеніе слѣдственной комиссіи, приводя противъ меня всѣ несообразныя и противорѣчивыя показанія обвиняемыхъ, умолчало о моихъ мысляхъ относительно освобожденія крестьянъ и о моихъ стараніяхъ достигнуть этого. Быть можетъ, объ этомъ обстоятельстве боялись упоминать, чтобы не пролить въ глазахъ людей, хорошо меня знавшихъ, слишкомъ яркій свѣтъ на истинную причину неудовольствія противъ меня. Это могло не понравиться нѣкоторымъ членамъ слѣдственной комиссіи, которые, видя въ числѣ учредителей, преобразователей и главныхъ членовъ тайныхъ обществъ однихъ военныхъ, хотѣли, какъ говорятъ, вѣроятно изъ духа солидарности, бросить обвиненіе я

противъ кого-либо изъ статскихъ и избрали меня, какъ одно изъ самыхъ видныхъ среди нихъ лицъ.

Если есть какая-либо возможность найти причину моего несчастія, то надобно полагать, что этою причиною были мои взгляды на освобожденіе крестьянъ, мои старанія достигнуть этого и ненависть, которую это возбудило въ нѣкоторыхъ лицахъ.

Чтобы быть послѣдовательнымъ, я не могъ желать прекращенія въ Россіи монархической власти, ибо, зная личный характеръ императора, его взглядъ на этотъ предметъ и его власть, я былъ увѣренъ, что онъ болѣе радѣлъ о благѣ своихъ крестьянъ, нежели кто-либо изъ его подданныхъ. Я долженъ былъ весьма естественно придерживаться этого взгляда, такъ какъ рабы всегда пользовались большимъ благосостояніемъ при неограниченной монархіи, нежели при иномъ образѣ правленія, въ особенности при республикѣ. Мы видимъ даже, что завоеванныя страны пользуются нерѣдко большими льготами со стороны неограниченной монархической власти (какъ напр. Финляндія и царство Польское), нежели при конституціонномъ правленіи (Ирландія и Корсика подъ владычествомъ англичанъ).

Если это такъ, то возможно ли, чтобы я стремился къ испроверженію существующаго въ Россіи порядка и къ учрежденію республики? Чтобы допустить подобное противорѣчіе въ моихъ взглядахъ, подобную нецѣльность въ моихъ поступкахъ, надобно было бы имѣть ясныя, положительныя и законныя доказательства. А мы видѣли, къ чему сводятся слухи, ходившіе на мой счетъ.

Возвращаясь къ моему тайному обществу, я скажу, что въ то время, когда я состоялъ его членомъ, я присутствовалъ въ Петербургѣ всего на одномъ или двухъ засѣданіяхъ или совѣщаніяхъ; я упоминаю объ нихъ только потому, что они были назначены по просьбѣ нѣкоторыхъ членовъ, желавшихъ созыва общаго собранія; я былъ на этомъ собраніи по ихъ приглашенію, хотя надобно сказать, что эти такъ называемыя засѣданія или совѣщанія ничѣмъ не отличались отъ моихъ бесѣдъ съ нѣкоторыми членами при случайной встрѣчѣ у знакомыхъ.

Въ то время, когда я состоялъ членомъ этого общества, т. е. съ 1819—1821 г., оно находилось въ упадкѣ, какъ это признано самою слѣдственной комиссіей. Въ 1821 г., нѣкоторые члены, наскучивъ бездѣятельностью общества, хотѣли рѣшить что-нибудь окончательно и собрались для этого въ Москвѣ. Я былъ на этомъ собраніи случайно, а не въ качествѣ депутата. На этомъ собраніи, въ Москвѣ, было объявлено о прекращеніи общества; говорятъ, будто я объявилъ, что оно распускается окончательно и безповоротно. Вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ изъ Москвы, гдѣ остались почти всѣ тѣ, кои участвовали въ этомъ собраніи.

Я узналъ изъ Донесенія, что когда общество было распушено, то члены говорили (только говорили) о преобразованіи общества.

По возвращеніи въ Петербургъ, я продолжалъ знакомство съ тѣми членами общества, коихъ я зналъ раньше. Да и почему бы мнѣ было не водить съ ними знакомства? Я вѣдь былъ знакомъ съ ними не по обществу.

Если, какъ видно изъ Донесенія, въ 1822 г. общество дѣйствительно было учреждено или преобразовано, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что это произошло безъ моего вѣдома.

Лица, учредившія это общество, знали, что я былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, кои распустили прежнее общество. Они видѣли мое нежеланіе учреждать новое общество, мое полнѣйшее отвращеніе къ этому. Въ ихъ показаніяхъ встрѣчаются указанія, свидѣтельствующія о томъ, что мои чувства въ этомъ отношеніи были имъ извѣстны.

Развѣ они не видѣли, что при моихъ работахъ въ Государственномъ Совѣтѣ у меня физически не было времени заняться обществомъ.

Развѣ они не знали, что мои чувства къ императору совершенно не соответствовали ихъ собственнымъ?

Развѣ они не знали моихъ мыслей относительно освобожденія крестьянъ?

Къ чему было имъ говорить мнѣ объ учрежденіи ихъ общества, если они не могли вмѣстѣ съ тѣмъ высказать мнѣ своихъ намѣреній относительно императора и возмущенія?

Это новое общество, говорится въ Донесеніи, уже не преслѣдовало патріотическихъ и филантропическихъ цѣлей, оно готовилось къ вооруженному возстанію.

Теперь я спрашиваю, было ли упомянуто обо мнѣ хотя въ одномъ изъ многочисленныхъ показаній, данныхъ обвиняемыми относительно ихъ намѣреній, касавшихся возмущенія и цареубійства? Ни въ ихъ показаніяхъ, ни въ Донесеніи, разумѣется, не опущено ничего, чтó могло бы послужить къ обвиненію моему и прочихъ сообвиняемыхъ.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я видѣлъ Бриггена чаще другихъ обвиняемыхъ и помню, что онъ говорилъ объ этомъ обществѣ не иначе, какъ шутя; я долженъ даже сказать, что никто изъ членовъ общества не говорилъ объ немъ серьезно, и не ожидалъ отъ него никакихъ результатовъ. Я высказалъ то же самое въ моей первой запискѣ и этимъ навлекъ на себя гнѣвъ тѣхъ лицъ, кои читали ее въ Петербургѣ, ознакомившись предварительно съ Донесеніемъ слѣдственной коммисіи.

Но я говорилъ въ то время объ обществѣ только то, что мнѣ было извѣстно, и не могъ говорить иначе, ибо я не могъ знать въ то время

о томъ, какую связь Донесеніе старалось установить между обществомъ и возмущеніемъ 14-го декабря.

Мое полнѣйшее равнодушіе къ обществу доказывается еще тѣмъ, что въ предыдущей моей запискѣ я предлагалъ спросить Митькова, одного изъ обвиняемыхъ, говорили ли мы съ нимъ хотя одно слово объ обществѣ, живя вмѣстѣ въ одномъ домѣ въ Карлсбадѣ?

Въ самомъ Донесеніи есть одно обстоятельство, подтверждающее мое показаніе о томъ, что я не зналъ объ учрежденіи новаго общества.

Это то мѣсто, въ которомъ говорится, что общество начало проявлять дѣятельность или, лучше сказать, подало признакъ жизни только въ исходѣ 1824 г. Между тѣмъ я уѣхалъ изъ Россіи въ началѣ этого года (4-го апрѣля); поѣтому я спрашиваю, неужели же такъ невѣроятно, что я ничего не зналъ въ Петербургѣ объ учрежденіи новаго общества, коль скоро учредители его имѣли, съ одной стороны, причины не открывать мнѣ своихъ тайнъ, а съ другой стороны, коль скоро извѣстно, что это новое общество не подавало признака жизни до моего отъѣзда?

Безъ сомнѣнія, послѣ 1821 г. между разными лицами могли происходить преступные разговоры, но никто не говоритъ, что я принималъ въ нихъ участіе.

Единственный разговоръ, по поводу котораго упоминается обо мнѣ, происходилъ въ 1825 г., когда я былъ въ Неаполѣ.

Я долженъ сказать еще, что, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я все рѣже и рѣже встрѣчался съ бывшими членами нашего общества: я видѣлся въ то время съ моими знакомыми очень рѣдко по причинѣ моихъ служебныхъ занятій. Уже въ началѣ 1823 г. я рѣшилъ ѣхать за границу и отложилъ это рѣшеніе до слѣдующаго года только по причинѣ милостиваго ко мнѣ отношенія государя.

Скажу въ заключеніе, что, уѣзжая изъ Россіи, я вовсе не думалъ о тайныхъ обществахъ, а тѣмъ менѣе зналъ о существованіи такового въ Петербургѣ. Еще менѣе я могъ подозрѣвать, что меня могли обвинить впоследствии въ томъ, что я зналъ о существованіи подобнаго общества, или что я принадлежалъ къ нему: съ самаго отъѣзда моего по настоящее время я не переписывался ни съ кѣмъ изъ членовъ тайныхъ обществъ.

Общее заключеніе и выводъ.

Я доказалъ свою принадлежность исключительно къ тому обществу, которое было распущено въ 1821 г., уставъ котораго существуетъ подъ названіемъ Зеленой книги, которое не имѣло никакой преступной цѣли и относилось настолько безразлично ко всякимъ благимъ и дурнымъ начинаніямъ, что естественнымъ послѣдствіемъ этого было его распущеніе.

Я доказалъ, что послѣ того, какъ это общество было распущено, я не принадлежалъ ни къ какому иному обществу, я до такой степени ничего не зналъ о его существованіи, что, уѣзжая изъ Россіи, я не счелъ нужнымъ дать ни одному изъ членовъ ни малѣйшаго отчета о моемъ намѣреніи оставить отечество; ни одно письмо, ни одна строчка, написанная мною, не указываетъ на то, что я принималъ впоследствии хотя бы малѣйшее участіе въ томъ, что дѣлалось въ Россіи.

Я доказалъ, что не было ни засѣданія, ни письменнаго постановленія относительно мнимой республики; впрочемъ, въ подтвержденіе этой истины не было бы надобности приводить никакихъ доказательствъ кромѣ словъ самаго Донесенія, которое по весьма странной сбивчивости говорить о разговорахъ, которые могли показаться инымъ лицамъ совѣщаніями. Слѣдовательно, это не были совѣщанія; но кромѣ того 4 свидѣтеля противъ 3 доказали, что и эта фраза не была произнесена.

Я доказалъ, что кромѣ этой фразы противъ меня не можетъ быть предъявлено никакого обвиненія, такъ какъ всѣ мои сношенія съ членами принадлежащими къ первому обществу, прекратились съ моимъ отъѣздомъ изъ Россіи. Я также точно не отвѣтственъ за ихъ дальнѣйшіе мысли и поступки, какъ всѣ тѣ люди, которые встрѣтились съ ними только разъ въ жизни.

Я доказалъ, что участь моя была рѣшена столь легкомысленно, что даже не сочли нужнымъ обратить вниманіе верховнаго уголовного суда на то, что я уѣхалъ изъ Россіи приблизительно за два года до возмущенія, не поддерживалъ никакихъ сношеній съ обвиняемыми,—обстоятельство, которое должно было убѣдить всякаго доброжелательнаго чело-вѣка въ моей невинности.

Я доказалъ, что не сочли нужнымъ обратить вниманіе на неврѣнность показанія одного изъ обвиняемыхъ относительно удаленія императора, хотя это показаніе опровергается тѣмъ, что я отсутствовалъ въ это время изъ Россіи и не провѣрили всего, что могли сказать въ обвиненіе отсутствующаго люди, коимъ память такъ сильно измѣняла.

Я доказалъ, наконецъ, что я не принималъ и не могъ принимать участія въ возмущеніи 14-го декабря; что самый дальновидный чело-вѣкъ не могъ бы себѣ представить возможности этого событія до моего отъѣзда изъ Россіи и что мой смертный приговоръ, сводится къ слѣдующему:

Николай Тургеневъ приговоренъ къ смертной казни за то, что онъ былъ лично знакомъ съ нѣкоторыми обвиняемыми, разговаривалъ съ ними о самыхъ обыкновенныхъ вопросахъ философіи, или о политическихъ вопросахъ; мечталъ (если хотите) о преобразованіяхъ

*

суда и народномъ образованіи, но находилъ осуществленіе ихъ невозможнымъ и торжественно отъ нихъ отказался.

Если смерть и ссылка должны быть удѣломъ тѣхъ, кто, преслѣдуя невинную цѣль, вступилъ когда-либо въ сообщество съ преступными людьми, если считается преступнымъ принадлежать къ тайному обществу въ то время, когда таковыя общества еще не воспрещены и когда о существованіи его было извѣстно императору, и цѣль общества была совершенно невинна или, по крайней мѣрѣ, судя по словамъ Донесенія, оно не имѣло никакой опредѣленной цѣли, если это можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы смѣшать обвиняемаго съ людьми, съ коими онъ такъ долго не имѣлъ ничего общаго, въ такомъ случаѣ я страдаю не напрасно.

Но законъ божественный и человѣческій налагаетъ на насъ отвѣтственность только за наши собственные поступки. Онъ не караетъ насъ за преступныя мысли, если онѣ не сопровождались дѣйствіемъ.

Читатель будетъ удивленъ, что я воспользовался для своего оправданія только текстомъ Донесенія, на основаніи котораго произнесенъ мой приговоръ; я оспаривалъ выводы и противорѣчія, не противопоставляя имъ никакихъ новыхъ фактовъ, о которыхъ бы не упоминалось въ Донесеніи.

Я доказалъ этимъ, что можно было бы безо всякой защиты съ моей стороны убѣдиться въ моей невинности изъ простаго сопоставленія фактовъ и чиселъ.

Я присвокую, что, мучимый всю жизнь мыслию объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, я не могъ желать перемѣны въ образѣ правленія или домогаться ея, такъ какъ только воля самодержавнаго монарха могла достигнуть этой цѣли безпрепятственно.

Сообщ. А. А. Фоминъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Михаилъ Васильевичъ Остроградскій ¹⁾ подѣ надзоромъ по
лиціи.**

1.

*Отношеніе начальника Главнаго штаба графа Дибича главнокомандую-
щему въ С.-Петербурѣ графу П. Толстому.*

5-го іюня 1828 г. № 1454.

По высочайшему повелѣнію имѣю честь препроводить при семъ къ вашему сіятельству рапортъ л.-гв. Московскаго полка полковника Бутовскаго ²⁾ на имя его императорскаго высочества, командующаго гвардейскимъ корпусомъ, о нѣкоемъ Остроградскомъ, прибывшемъ изъ Риги въ Дерить и отправившемся въ С.-Петербурѣ. Государю императору благоугодно, дабы ваше сіятельство приказали за симъ Остроградскимъ имѣть въ столицѣ секретный надзоръ и примѣчать за его поведеніемъ и связями съ тѣмъ, что буде изъясненное въ рапортѣ Бутовскаго подозрѣніе окажется не безосновательнымъ, то Остроградскаго арестовать, а бумаги, при немъ имѣющіяся, отобрать и разсмотрѣть, Г-ну Бутовскому же объявить высочайшее благоволеніе за тѣ вѣрнопоподанническія чувства, коими онъ руководствовался, сдѣлавъ вышеупомянутое донесеніе объ Остроградскомъ.

Сію высочайшую волю имѣю честь сообщить вашему сіятельству для приведенія оной въ надлежащее исполненіе.

---

¹⁾ Блослѣдствіи академикъ и геніальный математикъ, извѣстный всему ученому міру.

²⁾ Рапортъ эготъ не былъ возвращенъ Дибичу и потому при дѣлѣ не находится.

2.

Письмо главнокомандующаго въ С.-Петербургъ—графу И. И. Дибичу.

17-го іюля 1828 г. № 2803.

Въ исполненіе высочайшей воли, объявленной миѣ вашимъ сіятельствомъ, въ отношеніи отъ 5-го іюня, подѣ № 1454, при коемъ вы изволили препроводить ко миѣ рапортъ полковника Бутовскаго его императорскому высочеству, командующему гвардейскимъ корпусомъ, о прибывшемъ изъ Риги въ Дерптъ и отправившемся въ С.-Петербургъ, нѣкоемъ Остроградскомъ, я поручилъ г. военному генераль-губернатору приказать немедленно отыскать означеннаго Остроградскаго, учредить за нимъ дѣятельнѣйшій секретный надзоръ и увѣдомить меня какъ можно скорѣй: гдѣ онъ живетъ? съ кѣмъ онъ знается? каковаго онъ поведенія и образа мыслей? равно какъ вообще о всемъ, что въ отношеніи къ нему узнано будетъ. При семъ я просилъ г. генераль-адъютанта Голенищева-Кутузова, чтобы всѣ мѣры для отысканія Остроградскаго и наблюденія за нимъ были приняты самымъ секретнымъ и непримѣтнымъ образомъ, дабы отнюдь не подать ему повода къ сокрытію чего-либо отъ бдительности правительства.

Вслѣдствіе сего, военный генераль-губернаторъ увѣдомилъ меня, что помянутый Михайло Остроградскій есть дворянинъ Полтавской губерніи и живетъ здѣсь у брата своего, чиновника 8-го класса, Осипа Остроградскаго, служащаго въ канцеляріи морскаго министерства и квартирующаго въ 1-й морской казармѣ. Михайло Остроградскій имѣетъ здѣсь значительный кругъ знакомыхъ, большею частью изъ сослуживцевъ брата его, чиновниковъ департамента морскаго министерства; онъ знакомъ также съ флигель-адъютантомъ его императорскаго величества, полковникомъ Лазаревымъ. Въ образѣ жизни сего Остроградскаго не замѣчено ничего предосудительнаго. Нынѣ изъявилъ онъ желаніе ѣхать отсюда Полтавской губерніи въ Кобелецкій повѣтъ, и какъ онъ не подалъ никакого повода къ подозрѣнію, то генераль-губернаторъ приказалъ полиціи въ томъ ему не препятствовать, а я просилъ г. малороссійскаго военнаго губернатора имѣть его секретно на замѣчаніи.

Увѣдомляя о семъ васъ, милостивый государь мой, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Россеія и папекій престолю.¹⁾

КНИГА ПЯТАЯ. ПОЛЯКИ ВЪ КРЕМЛѢ.

ГЛАВА I.

Война съ Москвою. 1609—1618 гг.

Политическое движеніе въ Польшѣ и въ Ватиканѣ.—Предложенія, сдѣланныя москвитянами.—Тайное порученіе, возложенное на князя Волконскаго.—Предложеніе возобновлено другимъ эмиссаромъ.—Легкая добыча.—Денежный вопросъ.—Положеніе Симонетти.—Походъ на Ватиканъ.—Проекты и воспоминавія.—Причины войны съ русскими, наложенныя Сигизмундомъ III.—Дѣло, рѣшенное въ Римѣ.—Отсутствіе свидѣній и справокъ.—Точка зрѣнія на Ватиканъ кардинала Боргезе.—Посланіе папы.—Желанія короля.—Наставленіе королевы.—Ея слезы и пожиманіе плечами.—Вольскій въ Римѣ.—Отказъ въ субсидіи.—Ловкія мѣры.—Затрудненія Павла V.—Его денежныя затрудненія.—Сикстъ V и Стефанъ Баторій.—Призваніе папы.—Отвѣтъ, поданный нунцію.—Польское посольство къ папѣ.—Оно возложено на Павла Волоцкаго.—Данныя ему инструкціи.—Милости папы.—Онъ даетъ субсидію въ сорокъ тысячъ злѣю.—Досада короля.—Порицаніе ваднимъ числомъ.—Отецъ Вембо и подарки кардинала Боргезе.

1609 годъ ознаменовался перемѣною въ польской политикѣ, которая отразилась на политикѣ Ватикана, послѣдовавшаго примѣру Польши. Идея объединенія и союза славянскаго міра, носившаяся время отъ времени въ воздухѣ, принимала всегда въ концѣ концовъ воинственный характеръ. Поэтому призрачная дружба Сигизмунда и Димитрія I привела къ войнѣ съ Москвою.

Никогда еще обстоятельства не слагались благоприятнѣе для поляковъ. Во-первыхъ, москвитяне сами дѣлали разныя предложенія Сигизмунду и желали сближенія обоихъ народовъ. Припомнимъ, что уже въ исходѣ 1605 г. Безобразовъ предлагалъ ему престолъ отъ имени нѣко-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 года.

торыхъ бояръ, пожелавшихъ какъ можно скорѣе покончить съ Димитріемъ. Съ тѣхъ поръ переговоры съ Польшею не прекращались, но они велись тайно и въ смыслѣ противоположномъ официальнымъ переговорамъ. Въ то время не существовало секретной дипломатіи; Людовикъ XV не подалъ еще къ тому примѣра; большею частью одни и тѣ же лица принимали на себя безъ зазрѣнія совѣсти двойственную роль: отвергали съ глаза на глазъ то, что они сами заявляли публично. То же случилось и въ 1606 г., когда князь Волконскій прибылъ въ Польшу съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Василя Шуйскаго и съ требованіемъ, чтобы Польша признала его. Это былъ шагъ вполне правильный; только нѣсколько довѣренныхъ лицъ были посвящены въ тайну. Волконскій заявилъ имъ по секрету, что бояре не хотятъ видѣть на престолѣ Василя Шуйскаго и намѣрены предложить корону самому Сигизмунду или его сыну Владиславу. Московскій посланникъ также былъ сторонникъ этого плана и хотѣлъ имѣть личное свиданіе съ молодымъ принцемъ; его желаніе было удовлетворено.

Нѣсколько времени спустя въ Вавельскій замокъ прибылъ другой агентъ, посланный тѣми же боярами и на котораго было возложено подобнаго же рода порученіе. Онъ сознался полякамъ вполне откровенно, что второй Димитрій былъ личностью, подставною для того, чтобы досадить Шуйскому, и побуждалъ короля выставить на границу войско, говоря, что русскіе помогутъ ему овладѣть страной безъ шума и сопротивленія. Припомнивъ недавнія событія, Сигизмундъ могъ бы увидѣть, что москвитяне повторяли буквально все то, что они говорили нѣкогда претенденту. Это было весьма знаменательно. Эти свѣдѣнія почерпнуты нами у нунція Симонетти, который слышалъ ихъ отъ самого короля.

Предложѣнія, съ коими обратились къ королю москвитяне, чрезвычайно взволновали его, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые поляки, лица повидимому весьма компетентныя, изображали ему Россію какъ добычу, овладѣть которой было чрезвычайно легко. Объятая анархіей, раздражаемая партіями, она не могла бы оказать сопротивленія отвагѣ поляковъ, которые предали бы ее огню и мечу. Олесницкій писалъ королю изъ тюрьмы, въ которой онъ былъ заключенъ, что вслѣдствіе непрекращавшихся въ Россіи волненій погибло за послѣдніе годы болѣе ста тысячъ человѣкъ; цѣлые города были разорены и опустошены, у Шуйскаго не было войска и денегъ, и его враги усиливались и держали сторону короля польскаго¹⁾.

Другіе совѣтники короля, обсуждая практическую сторону вопроса, настаивали на немедленномъ взятіи Смоленска, важной крѣпости, ко-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 234, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 7-го октября 1607 г.

торую поляки всегда стремились возвратить, какъ только она доставалась въ руки русскихъ. Поляки льстили себя надеждою, что, при приближеніи ихъ войска, передъ ними сами собою откроются ворота этой крѣпости.

Въ сущности, король считалъ войну съ Москвою вполне естественной и необходимой. Какъ потомокъ Ягеллоновъ, онъ былъ убѣжденъ въ своихъ неоспоримыхъ правахъ на Россію; заключенное недавно перемиріе считалось недѣйствительнымъ, въ особенности послѣ того, какъ Шуйскій вступилъ въ сношенія съ Швеціей; великая мысль о религиозной пропагандѣ еще болѣе подкрѣпляла эти доводы. Оставалось только рѣшить вопросъ о денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для того, чтобы довести до конца войну, которая могла разрѣшить всѣ вопросы въ желаемомъ смыслѣ, но требовала огромныхъ затратъ. Гдѣ удалось бы найти на это деньги, если страна отказала въ нихъ королю? Единственнымъ средствомъ казалось прибѣгнуть къ помощи папы. Правда, Павелъ V ничего не далъ Димитрію, и Димитрій, въ свою очередь, не просилъ у него денежной помощи; но было ли это достаточною причиною, для того, чтобы король отказался отъ своихъ плановъ? Почему бы, по крайней мѣрѣ, не вывѣдать кое-что у нунція?

Симонетти не пользовался такимъ довѣріемъ Сигизмунда, какъ Рангони. Упорный отказъ со стороны папы пожаловать епископу Реджіо кардинальскую шапку вызвалъ охлажденіе между Ватиканомъ и Вавельскимъ замкомъ; это отразилось на положеніи нунція при дворѣ короля польскаго. Однако, король, оставляя въ сторонѣ всякую подозрительность, бесѣдовалъ съ нимъ иногда откровенно, сообщалъ ему свои дальнѣйшіе планы, говорилъ съ нимъ о событіяхъ, происходившихъ въ Москвѣ, и опытный глазъ дипломата легко могъ подмѣтить воинственные поползновенія короля. Нунцій еще въ 1607 г. убѣдился въ томъ, что Сигизмундъ помышлялъ о войнѣ и что эта мысль преслѣдовала его давно. Уже въ 1608 г. король говорилъ объ этомъ съ нунціемъ вполне откровенно. Рѣшивъ начать войну съ Московскимъ государствомъ, Сигизмундъ предпринялъ одновременно миролюбивый походъ на Ватиканъ, съ нескрываемою цѣлью получить отъ него субсидію. Самыми дѣятельными его союзниками въ этомъ случаѣ была его супруга, королева Констанція, и гофмаршалъ Николай Вольскій.

Король приступилъ къ вопросу издалека: прежде, нежели говорить о деньгахъ, онъ изложилъ нунцію 6-го декабря 1608 года свои планы, объяснилъ ему свои права и предался историческимъ воспоминаніямъ. Двадцать пять лѣтъ назадъ, Сикстъ V, не коснувшись даже своего знаменитаго денежнаго сундука, хранящагося въ замкѣ св. Ангела, оказалъ Стефану Баторію обильную помощь золотомъ. Бережливый до мелочности, онъ берегъ свои средства для великихъ дѣлъ, которыя онъ

всегда готовъ былъ поддержать съ изумительной щедростью. Сигизмундъ разсчитывалъ найти въ папѣ изъ семейства Боргезе втораго Сикста V, быть можетъ не столь богатаго, но не менѣе щедраго. Онъ разыгрывалъ роль человѣка, продолжающаго дѣло Баторія, которое вызывало всегда сочувствіе Ватикана и казалось въ то время легче осуществимымъ, и прежде, чѣмъ обнажить шпагу, онъ излагалъ свои политическіе взгляды: его цѣлью будетъ всегда,—говорилъ онъ,—слава Божія, которую онъ готовъ распространять хотя бы цѣною своей крови. Эти слова не были въ устахъ Сигизмунда только условной формулой, они вполнѣ согласовались съ его сокровенными убѣжденіями и составляли самую сущность его программы¹⁾.

Возвращаясь неоднократно къ этому предмету, король высказалъ его Симонетти во всѣхъ подробностяхъ. Впослѣдствіи, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ папѣ, онъ изложилъ въ нѣсколькихъ словахъ причины, побудившія его объявить войну Россіи. Онъ говорилъ, какъ крестonosецъ, какъ мститель, какъ человѣкъ, призванный творить судъ и расправу. «Хотя я не сомнѣваюсь,—писалъ онъ Павлу V, 30-го октября 1610 г.,—что вашему святѣйшеству извѣстны причины, побудившія меня объявить войну Московскому государству, но здѣсь будетъ уместно повторить ихъ вкратцѣ для того, чтобы окончательно выяснитъ ихъ. Причины эти слѣдующія: распространеніе истинной христіанской вѣры и польза моего государства, неприкосновенность моихъ владѣній и сохраненіе пограничныхъ городовъ, которые непріятель собирался, повидимому, разорить, пуская для этого въ ходъ тайныя козни, захватъ исконныхъ владѣній королей польскихъ, совершенный измѣнническимъ образомъ тиранномъ Васи́ліемъ Ивановичемъ, наконецъ, тиранство столькихъ самозванцевъ, которые, будучи увлечены страстнымъ желаніемъ царствовать, выдавали себя за потомковъ великихъ князей московскихъ, разоряли Россію, какъ завзятые разбойники, и усыяли ее могилами своихъ жертвъ, угнетая въ то же время подданныхъ моего королевства и нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ мои права на наслѣдіе великихъ князей московскихъ»²⁾).

Какъ много было сказано въ этихъ словахъ! Король припомнилъ и исторію польскаго народа, и свое царственное происхожденіе, и законность своихъ правъ, и современныя событія,—все это было затрунуто въ его письмѣ, все говорило въ его оправданіе. Надобно, впрочемъ, отмѣтить то обстоятельство, что самая сущность фактовъ и ихъ юриди-

¹⁾ Тамъ же, рукоп. Боргезе, II, 226, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 6-го декабря 1608 г.

²⁾ Римъ, Архивы Волсcomagni, E., 7, собственноручное письмо. См. также Lubienski, стр. 153; Theiner, т. III, стр. 316, 25-го октября 1609 г.

ческое значеніе не подвергалось обсужденію въ Римѣ. Они были приняты на вѣру. Все сказанное Сигизмундомъ было принято безъ провѣрки и не возбудило сомнѣній. Никто не подумалъ о необходимости выслушать и другую сторону. Правда, Шуйскій не послѣдовалъ примѣру Бориса Годунова и не позаботился освѣдомить папу о положеніи дѣлъ. Поэтому въ Римѣ были въ полномъ невѣдѣніи, относительно намѣреній москвитянъ, и въ Ватиканѣ всѣ обстоятельства дѣла представлялись въ томъ освѣщеніи, какое придавали ему поляки.

Вслѣдствіе того, что папа не былъ надлежащимъ образомъ освѣдомленъ и къ тому же искренно сочувствовалъ королю польскому, онъ неожиданно отказался отъ издавна лелѣянной имъ мысли о союзѣ Россіи съ Польшей, которую самъ же Павелъ V неоднократно проповѣдывалъ. Папа не интересовался сущностью столкновенія, происшедшаго между обѣими націями, онъ признавалъ совершившійся фактъ объявленія войны и принялъ сторону поляковъ. Сигизмундъ выдавалъ себя избранникомъ москвитянъ, его личныя свойства и принципы общали многое въ будущемъ, его планы согласовались съ намѣреніями папы; поэтому въ Римѣ возносили молитвы о дарованіи ему побѣды такъ же точно, какъ нѣкогда молились объ успѣхѣхъ Димитрія. Кардиналъ Боргезе, позабывъ вопросъ національный, держался исключительно этой точки зрѣнія. Онъ писалъ 3-го января 1609 г., что никакое предпріятіе не могло быть болѣе славнымъ и достохвальнымъ, какъ покореніе Москвы; восхищался величіемъ души того, кто былъ способенъ предпринять это благочестивое дѣло, и призывалъ на него благословеніе Божіе. Два года спустя, онъ находилъ, что московская корона, возложенная на главу Сигизмунда, будетъ лучшимъ залогомъ религіознаго возрожденія москвитянъ. Подобныя чувства выражались и въ папскихъ грамотахъ. Въ ночь подъ Рождество Христово 1609 г., Павелъ V, благословивъ, по обыкновенію, мечъ и нарамникъ, послалъ эти воинскіе знаки отличія Сигизмунду, который, какъ защитникъ истинной вѣры, долженъ былъ стяжать побѣду¹⁾.

Король польскій благодарилъ за эти знаки сочувствія, коими онъ былъ очень тронутъ, хотя они казались ему слишкомъ платоническими. Ему приходилось сдѣлать огромныя затраты, его средства были скудны, ему нужны были не слова, но крупныя суммы денегъ. Поэтому, пока продолжались его свиданія съ нунціемъ, онъ настаивалъ все время на крайней для него необходимости получить субсидію.

¹⁾ Ватиканскій архивъ. Polonia, 173, л. 280 v°, 285 v°; шк. 45, т. V, стр. 46 v°, № 128. Theiner, т. III, стр. 327, 328, № CCLV, CCLVI. Римъ, Архивы Вонсопрати, Е, 37, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 7-го февраля 1611 г.

Послѣ отъѣзда Рангони, настала очередь дѣйствовать его царственной супругѣ.

Королева Констанція, весьма преданная своей новой родинѣ, сумѣла снискать любовь поляковъ, несмотря на то, что она была по происхожденію изъ австрійскаго дома. Она унаслѣдовала качества своей доблестной матери, королевы баварской Маріи, и разумную настойчивость ея характера. Симонетти вскорѣ убѣдился, что ему приходилось имѣть дѣло съ личностью энергичной и настойчивой. Королева говорила о томъ, что папа окажетъ поддержку королю, какъ о вещи само собою понятной, и дѣлала видъ, что она въ этомъ ни мало не сомнѣвается. Стоило только убѣдить любящаго отца въ бѣдственномъ положеніи его возлюбленнаго сына. Всякій разъ какъ только нунцій рѣшался пробормотать что-либо въ опроверженіе этихъ словъ, королева любезно упрекала его за его пристрастіе, возобновляла разговоръ и приходила всякій разъ къ одному и тому же неизбѣжному заключенію. «Я не могу повѣрить,—говорила она,—что въ виду огромной важности, какую будетъ имѣть это пріобрѣтеніе для блага всего христіанскаго міра, религіи и святаго престола, папа могъ бы отказать его величеству королю въ помощи, которую онъ великодушно оказывалъ весьма многимъ монархамъ при менѣ важныхъ обстоятельствахъ». Истощивъ все свое краснорѣчіе, королева прибѣгла къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ. Однажды, глаза ея наполнились слезами, которыя она съ трудомъ могла удержать; другой разъ, почтительная дочь святаго отца, къ великому изумленію нунція, презрительно пожала своими королевскими плечами. Домогательства королевы то ласковыя, то настойчивыя, не прекращались въ теченіе всего 1610 г. Съ февраля мѣсяца 1611 г. королева не говорила болѣе о субсидіяхъ и только просила молиться за короля, стараясь запечатлѣть въ умѣ нунція, что король имѣлъ цѣлью «славу Божію и возвеличеніе и распространеніе святой католической вѣры». Нунцію оставалось только прикидываться непонимающимъ и дѣлать видъ, будто онъ не видитъ въ этихъ словахъ намека и упрека ¹⁾).

Королева Констанція не одна старалась воздѣйствовать на папу въ этомъ дѣлѣ. Наперсникъ Сигизмунда, Николай Вольскій, пользовавшійся его особымъ довѣріемъ, также употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы заставить папу раскошиться. Онъ предпринялъ даже съ этой цѣлью поѣздку въ Римъ и словесно изложилъ Павлу V «причины, побудившія короля объявить войну Московіи, его требованія и надежды на успѣшное окончаніе войны, а равно пользу, какая могла

¹⁾ Theiner, т. III, стр. 324.—Римъ, архивы Вонсопрани, Е., 35; письма Симонетти къ Боргезе, отъ 30-го января 1610 г.; Е., 36, 18-го августа 1610 г.; Е., 37, 7-го февраля 1611 г.

проистечь изъ этого для христіанскаго міра вообще и для Польши въ частности». Папа принялъ маршала съ почетомъ, осыпалъ его милостями, поручилъ ему свезти Сигизмунду мечъ и нарамники и, ничего не давъ отъ себя лично, обѣщалъ замолвить слово въ Венеціи, во Флоренціи и въ отдаленной Лотарингіи. Отказъ былъ высказанъ въ столь вѣжливой формѣ, что Вольскій не пришелъ въ особенное уныніе и уѣхалъ изъ Рима, тотчасъ принялся докучать объ этомъ дѣлѣ папѣ и кардиналамъ, составивъ себѣ такъ же, какъ и королева, заранѣе извѣстный планъ дѣйствій.

Исходнымъ пунктомъ этого плана былъ случайный ходъ событій. «Милость Господня ясно видна въ томъ,—писалъ онъ Павлу V изъ Флоренціи, 15-го марта 1610 г.,—что столь обширная имперія изъясняетъ свою преданность его величеству добровольно, безъ кровопролитія и, такъ сказать, съ общаго согласія», и въ то время, какъ измощенная и истерзанная Россія изнемогала подъ ударами ея враговъ, онъ восторгался по поводу тѣхъ «кроткихъ» мѣръ, коими надѣялся достигнуть дружескаго съ нею соглашенія. Единственною его заботою, послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ это чудное открытіе, было, чтобы Павелъ V раздѣлилъ заслуги и славу Сигизмунда, само собою разумѣется давъ послѣднему денегъ. Онъ приходилъ въ отчаяніе, видя, что папа не добивался этой чести и что христіанскіе монархи мало заботятся о дѣлахъ вѣры, но, по зрѣломъ размысленіи, онъ утѣшался мыслию, что Господь ниспослетъ помощь ненсповѣдными путями ¹⁾.

Настойчивыя просьбы Сигизмунда повергали папу и его министровъ въ жестокое затрудненіе. Павелъ V одобрилъ не колеблясь грандіозные планы короля; онъ былъ не прочь, чтобы на московскомъ престолѣ воссѣдалъ монархъ-католикъ, но онъ предпочиталъ, чтобы походъ совершился на средства Польши и не обременилъ далеко не цвѣтушіе финансы Ватикана. Онъ жаловался, что, при его вступленіи на папскій престолъ, касса Ватикана оказалась почти пустою и что ему предстояли большіе расходы. Большая часть его доходовъ была поглощена борьбою съ «турецкой опасностью», какъ выражались въ то время. Надобно было дать Германіи и Италиі средства къ защитѣ противъ подумѣяща и не забыть также Авиньона, который, послѣ убіенія Генриха IV, всегда могъ подвергнуться внезапному нападенію со стороны гугенотовъ. Въ Римѣ со всѣхъ сторонъ получались просьбы о вспомошествованіи. Папа не зналъ, какъ выполнить обѣщанія, коими онъ связалъ себя раньше и ему не хотѣлось ничего обѣщать впредь;

¹⁾ Ватиканскій архивъ, Polonia, 174, л. 33 v°. — Восемь племемъ Вольскаго къ Павлу V, къ кардиналамъ: Боргезе, Ланфранко и Симонетти, хранящіеся въ Ватиканскихъ архивахъ; Polonia, 37 A, л. 232, 344, 358 и въ архивахъ Вонсопрані, Е. 40.

поэтому въ Римѣ съ самаго начала постарались поставить дѣло такъ, чтобы Сигизмундъ не могъ сослаться на бывшіе примѣры.

«Стефанъ Баторій,—писаль нунцію кардиналь Боргезе, 10-го января 1609 г.,—намѣревался воевать съ турками, а не съ москвитянами, поэтому Сикстъ V обѣщаль помочь ему и даже послалъ ему вексель на 25 тысячъ экю».

Память нѣсколько измѣняла автору этого письма, ибо завоеваніе Москвы входило такъ или иначе въ планы Баторія, но тогда не время было предаваться особенно точнымъ историческимъ воспоминаніямъ¹⁾. Главное нужно было чѣмъ-нибудь объяснить и оправдать отказъ папы помочь королю. Павелъ V сознавался откровенно, что его денежные средства не соотвѣтствовали его доброму желанію; взамѣнъ денегъ онъ расточаль королю свои пожеланія и не скупился въ выраженіяхъ своего участія. Кардиналь Боргезе совѣтоваль нунцію отвѣчать королю въ томъ же духѣ и поощрять его храбро вести съ нимъ борьбу. Въ Польшѣ и въ Римѣ безконечно разнообразили припѣвъ одной и той же пѣсни: одни просили субсидій, другіе отказывали въ нихъ²⁾.

Мы не находимъ слѣдовъ переговоровъ, которые велись въ 1611 г., но не подлежитъ сомнѣнію, что переговоры эти возобновились, по крайней мѣрѣ, по случаю отправления къ папѣ посольства, для увѣренія его въ сыновнемъ послушаніи короля. Сигизмундъ III откладывалъ съ года на годъ отправку этого посольства, во избѣжаніе значительныхъ расходовъ, какіе оно влекло за собою. На настойчивыя напоминанія объ этомъ, онъ отвѣчалъ нунцію уклончиво, подчасъ даже насмѣшливо. «Я пошлю въ Римъ, въ качествѣ посланника, каноника»,—сказаль онъ однажды. Симонетти вѣжливо отклонилъ это предположеніе.

Наконецъ, въ 1613 г. эта высокаторжественная и дѣловая миссія была возложена официально на епископа житомирскаго Павла Волицкаго. Его друзья заранѣе разболтали тайну данныхъ ему инструкцій. Относительно войны съ Московіей королю хотѣлось убѣдить Павла V въ своей правотѣ и законности и въ пользѣ, какая могла изъ этого произойти. Боязнь, чтобы завистники не оклеветали его намѣреній, заставляла короля защищать ихъ во всеуслышаніе. Несмотря на всѣ препятствія, онъ хотѣлъ продолжать войну во что бы то ни стало, побѣдить упорство москвитянъ и заставить ихъ вступить съ нимъ въ соглашеніе. Папу любезно предупреждали о томъ, что въ дѣлахъ церкви православнымъ придется, быть можетъ, сдѣлать вначалѣ кое-какія

¹⁾ Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, л. 282.—См. т. II, стр. 291 и сл.—Wierzbowski, Materyaly, стр. 264, № 362.

²⁾ Theiner, т. III, стр. 328, № CCLVI.—Ватиканскій архивъ, Polonia, 174, л. 60 v°, письмо Боргезе къ Симонетти, отъ 29-го мая 1610 г.

уступки, но что онъ вознаграждается затѣмъ съ лихвою. О денежной помощи на этотъ разъ не говорилось ни слова. Въ официальной бумагѣ упоминалось только объ аннатѣ (папскихъ доходахъ) и о правѣ получать подати съ духовенства, но это не успокоило папу, такъ какъ было рѣшено, что объ остальномъ посолье будетъ говорить съ нимъ лично¹⁾.

Дѣйствительно, онъ обсуждалъ въ Римѣ вопросъ о субсидіи, хотя также безуспѣшно. Впрочемъ, папа далъ, согласно желанію короля, не только просимыя имъ денежныя уполномочія, но даже убѣждалъ богатыхъ польскихъ епископовъ добровольно исполнить требованіе короля. Чтобы подкрѣпить сказанное примѣромъ, онъ самъ далъ 40 тысячъ экю, которыя были предоставлены 10-го августа 1613 г. въ распоряженіе кардинала Монтальта, протектора Польши²⁾). Признательность короля не была равносильна папской щедрости. Такъ какъ папа не согласился дать Рангони кардинальскую шапку, какъ о томъ просилъ Воуцкій, то настойчивый покровитель бывшаго нунція былъ такъ опечаленъ этимъ, что все остальное казалось ему ничтожнымъ. Его озлобленіе и досада возрастали, онъ то и дѣло представлялъ своего кандидата, и папа, во избѣжаніе того, что отъ него потребуютъ выполненія его обязательствъ, былъ вынужденъ то и дѣло перечислять тѣ «особыя одолженія, какія были оказаны имъ королю польскому», при чемъ онъ особенно настаивалъ на тѣхъ суммахъ, которыя были имъ даны или получены при его посредствѣ для веденія войны съ Москвою³⁾). Это напоминаніе было равносильно упреку, который и былъ съ теченіемъ времени высказанъ даже прямо. 8-го апрѣля 1617 г., кардиналъ Боргезе писалъ нунцію по поводу нѣкоторыхъ слуховъ, ходившихъ въ Краковѣ, и, между прочимъ, писалъ въ видѣ упрека, что «король выказалъ такъ мало благодарности по поводу субсидій, данныхъ ему въ прежнее время, что всякая новая просьба съ его стороны была бы просто неумѣстна». Онъ осыпалъ похвалами представителя папы за то, что онъ сумѣлъ отклонить домогательства черезчуръ смѣлыхъ просителей.

Впредь отъ Ватикана болѣе нечего было ожидать. Сигизмундъ не настаивалъ уже на деньгахъ, но онъ не отступался отъ своего любимца. Слишкомъ преданный церкви и вѣрный своимъ принципамъ, чтобы возставать противъ папы, онъ нападалъ на довѣренное лицо Павла V

¹⁾ Римъ. Архивъ Vncomraghi, E., 38, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 29-го декабря 1611 г.; E., 39, письмо Бароффи къ нему же отъ 22-го іюня 1612 г.

²⁾ Theiber, т. III, стр. 356, № CCLXXXII.—Краковъ; Музей Чарторыйскихъ, № 320, л. 327.

³⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 67, л. 71.

и изливалъ на него свою желчь. Возвратясь изъ Рима, отецъ Бембо не посмѣлъ даже поднести королю подарки, присланные кардиналомъ Боргезе: онъ хорошо зналъ, что они не будутъ приняты¹⁾.

II.

Война съ Москвою. — Чѣмъ объясняется довѣрчивость Сигизмунда III. — Отъѣздъ изъ Кракова. — Переходъ черезъ границу. — Жолкѣвскій, военный герой. — Догадливый совѣтникъ. — Побѣда при Клушинѣ. — Реакція, наступившая въ Москвѣ. — Показаніе Василя Шуйскаго. — Его постриженіе. — Избраніе на престолъ Владислава. — Русское посольство, отправленное въ Смоленскъ. — Занятіе Москвы Жолкѣвскимъ. — Его торжество въ лагерѣ подъ Смоленскомъ. — Бѣгство Димитрія II въ Калугу. — Затруднительное положеніе Марины. — Ея письмо къ Сигизмунду III. — Марина присоединяется къ Димитрію. — Войско выступаетъ изъ Тушина. — Шествіе Димитрія на Москву и возвращеніе въ Калугу. — Счастливыя случайности. — Охота. — Местъ Петра Урусова. — Убіеніе Димитрія. — Отчаяніе Марины. — Рожденіе Іоанна. — Осада Смоленска. — Побѣдоносный приступъ. — Посѣщеніе королею Вильны и Варшавы. — Показываютъ плѣннаго царя. — Инструкціи Сигизмунда III. — Сеймъ 1611 г. — Сарматская имперія. — Единство правительственной власти и вѣроисповѣданія. — Сеймъ одобряетъ войну.

Папа оказался щедрѣе на обѣщанія, нежели на дѣло, но и поляки не спѣшили принести свою лепту въ общее дѣло. Когда король объявилъ, въ 1609 г., войну Москвѣ, то большинство сенаторовъ одобрили его намѣреніе, но Сеймъ не утверждалъ чрезвычайныхъ налоговъ, которыхъ потребовала война. Сигизмундъ предпринималъ походъ на свой страхъ, что было съ его стороны большой смѣлостью. «Я возлагаю надежду единственно на помощь Всевышняго», — говорилъ онъ нунцію наканунѣ своего отъѣзда²⁾. — Весьма возможно, что онъ слишкомъ довѣрялъ свѣдѣніямъ, которыя доставляли ему его агенты, и возлагалъ слишкомъ большія надежды на обѣщанія той партіи, которая держала въ Москвѣ сторону поляковъ.

Король видѣлъ передъ собою только двухъ враговъ: царя Василя Шуйскаго, коего положеніе на престолѣ было весьма шатко и самозванца Димитрія II, который еще не достигъ престола. Можно было льстить себя надеждою устранить того и другаго, но одержать надъ ними побѣду не значило еще покорить страну: это было бы только началомъ ея завоеванія. Великая ошибка Сигизмунда, ослѣпленнаго кратковременнымъ успѣхомъ, заключалась въ томъ, что онъ не понималъ,

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 358, депеша на имя кардинала Боргезе, отъ 8-го апрѣля 1617 г. — Велевницкій, т. III, стр. 247.

²⁾ Римъ, Архивъ Vopcomagni, E., 34, письмо Симонетти къ Боргезе, отъ 3-го августа 1609 г. — Ватиканскій архивъ, Germania, 114, A; его же письмо къ тому же лицу отъ 17-го августа 1609 г.

что позади Василія и Димитрія, позади бояръ, игравшихъ въ руку полякамъ и мятежной толпы народа, была Россія, приверженная къ старинѣ, враждебная всему иностранному, Россія могучая и здоровая, готовая на жертвы, способная на терпѣніе и героизмъ. Война была продолжительнѣе и тяжелѣе, а ея результаты менѣе прочны, нежели думалъ или предполагалъ король.

28-го мая 1609 г., онъ выѣхалъ изъ Кракова, куда ему не суждено было вернуться въ теченіе тѣхъ двадцати трехъ лѣтъ, которыя продолжалось еще его царствованіе, и направился вмѣстѣ со своей супругою и принцемъ Владиславомъ въ столицу Литвы.

Чтобы получать возможно скорѣе извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, королева жила во время похода въ Вильнѣ. Нунцій считъ долгомъ переселиться туда же. Два мѣсяца слишкомъ были посвящены на послѣднія приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ. Король простился со своей супругою 18-го августа и двинулся во главѣ своей арміи въ Оршу. Въ исходѣ сентября, поляки приблизились къ московской границѣ; погода была сырая и туманная, но въ ту минуту, когда они вступили на московскую землю, лучъ солнца пробился сквозь тучи, заволакивавшія небо, и осѣнилъ армію своимъ блескомъ. Она огласилась восторженными кликами; солдаты сочли это за счастливое предзнаменованіе и привѣтствовали короля ¹⁾). Излишне было бы описывать походъ, который уже не разъ былъ изложенъ съ талантомъ и знаніемъ дѣла ²⁾), но, въ виду его связи съ папскою политикою, мы отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя выдающіеся его эпизоды.

Героємъ этой войны и самымъ свѣдущимъ совѣтникомъ короля по дипломатической части былъ великій польскій гетманъ Станиславъ Жолкіевскій, ветеранъ побѣдоносныхъ войнъ Баторія, личный другъ и сотоварищъ по оружію безсмертнаго героя. Онъ не сочувствовалъ этому походу, но, будучи призванъ принять въ немъ участіе, выполнилъ блестящимъ образомъ долгъ гражданина и воина; на его долю выпала самая трудная обязанность. Король рѣшилъ осадить Смоленскъ, а Жолкіевскому съ отдѣльнымъ отрядомъ поручилъ собрать польскія банды, разсѣявшіяся въ Россіи, дать сраженіе Шуйскому и въ случаѣ надобности самому Димитрію. Это порученіе было весьма серьезное, такъ какъ Жолкіевскому приходилось углубиться въ страну, подвергаясь опасности быть окруженнымъ болѣе сильнымъ непріятелемъ; за то въ случаѣ успѣха оно сулило большія выгоды. Нанести непріятелю смѣлый

¹⁾ Велевицкій, т. III, стр. 7 и сл.—Theiner, т. III, стр. 313.

²⁾ См. Иловайскаго, Бостомарова, „Смутное время“, Платонова, Очерки, Нѣмцевичъ, Вержбовскій, Матеріалы, т. II; Арсеній (надъ Дмитріевскаго), Кобержицкій, Видекиндъ.—Мы будемъ руководствоваться главнымъ образомъ дѣлешами Симонетти.

и рѣшительный ударъ было въ духѣ Жолкіевскаго. Пройдя хорошую военную школу, онъ прекрасно сѣумѣлъ воспользоваться своими смѣлыми развѣдчиками и шпионами. Благодаря искусно принятымъ имъ мѣрамъ, московская армія, стоявшая лагеремъ въ Клушинѣ, была застигнута врасплохъ. Она состояла изъ русскихъ, шведовъ, французовъ и нѣмцевъ и находилась подъ командою Дмитрія Шуйскаго и Якова де-ла-Гарди.

Предводители и солдаты, погруженные въ глубокой сонъ, проснулись при звукахъ польскихъ трубъ, дававшихъ сигналъ къ атакѣ. Завязалось жаркое сраженіе, Жолкіевскій одержалъ полную побѣду и захватилъ огромную добычу. Оружіе, знамена, золото и серебро, одежда, драгоценныя мѣха—все было брошено въ лагерьъ москвитянами, которые обратились въ бѣгство.

Многіе наемные французскіе и нѣмецкіе солдаты перешли на службу поляковъ. Что касается шведовъ, то они получили, въ силу особаго соглашенія, право вернуться на родину съ воинскими почестями. Послѣ этого пораженія у московскаго царя не было болѣе арміи.

Побѣда, одержанная поляками при Клушинѣ, отразилась въ Москвѣ. Столица, которой угрожали одновременно съ двухъ сторонъ: Жолкіевскій, расположившійся лагеремъ въ Можайскѣ, и Дмитрій, послѣдпившій изъ Тушина, возстала противъ Шуйскаго. Для этого человѣка, искусившагося въ заговорахъ и измѣнѣ, настала роковой часъ, ему готовилось возмездіе, и онъ сдѣлался вскорѣ жертвою измѣнниковъ. Руководители заговора ловко сѣумѣли скрыть свои замыслы; они призывали всѣхъ москвитянъ къ возстанію; толпѣ былъ данъ пароль; всѣ въ одинъ голосъ требовали низложенія Шуйскаго; это была воля народа. У царя не нашлось защитниковъ, и онъ не оказалъ бунтовщикамъ никакого сопротивленія. Преклонившись передъ приговоромъ народа, онъ сошелъ безъ славы съ престола, который былъ созданъ не для него, и сложилъ знаки своего царскаго достоинства. Своей покорностью онъ надѣялся быть можетъ, избѣжать мести народа. Но вышло иначе. 7-го іюля, въ 4 часа по полудни, къ нему явились бояре и объявили, что ему придется надѣть монашескую рясу и поселиться навсегда въ монастырѣ: это было равносильно гражданской смерти ¹⁾. При этомъ требованіи пробудилась вся энергія Шуйскаго; онъ рѣшительно отказался исполнить его и подчинился только силѣ. Говорятъ, будто въ то время, какъ монахъ брилъ ему голову, одинъ свѣтскій священникъ читалъ за него обычную при

¹⁾ По словамъ Симонетти, который передаетъ рассказъ Жолкіевскаго, Шуйскій былъ низложенъ и заточенъ въ монастырь въ одинъ и тотъ же день, а именно 7-го іюля. Римъ, архивъ Vncomraghi, E., 36, депеша 9-го августа 1610 г.

постриженіи формулу, которую онъ упорно не хотѣлъ произнести. Насильственно отторгнутый отъ міра, онъ понималъ, что его общественная жизнь была покончена на всегда; для него настало горе и бѣдствія. Жена Василія также была заключена въ монастырь. Двое его братьевъ, Димитрій, побѣжденный при Клушинѣ, и Иванъ содержались подъ строгимъ карауломъ.

Въ то время, какъ москвитяне смѣло низложили своего царя, Жолкіевскій поддерживалъ сношенія со столицею и зорко слѣдилъ за ходомъ событій. Уже 2-го августа ему было извѣстно о существованіи въ Москвѣ партій, изъ коихъ одна желала имѣть русскаго царя; другая была на сторонѣ Димитрія, а третья была предана Владиславу. Во главѣ этой послѣдней состоялъ князь Мстиславскій, именитый бояринъ, превосходившій мно гихъ богатствомъ и знатностью рода. Хотя эта третья партія была не особенно сильна, но она находилась въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, ибо Мстиславскій стоялъ во главѣ временнаго правительства, заступившаго мѣсто Шуйскаго. Поэтому не трудно было предсказать дальнѣйшія событія.

Московское правительство обмѣнялось съ Жолкіевскимъ письмами, ему было дано свиданіе, съ нимъ вступили въ переговоры. Владиславъ одержалъ верхъ надъ своими соперниками; принцу-католику предлагали корону съ условіемъ, чтобы онъ принялъ православную вѣру: Россія готова была присягнуть только православному царю. Чтобы не встрѣтить непреодолимаго препятствія, гетманъ не хотѣлъ самъ рѣшить этого щекотливаго вопроса, предоставивъ это принцу Владиславу и его отцу; онъ дѣйствовалъ такъ искусно, что успѣлъ заключить съ москвитянами договоръ, кото рый Сигизмундъ долженъ былъ быть ратификованъ впоследствии. Главная статья этого договора была такова, что она могла перевернуть верхъ дномъ исторію всѣхъ славянскихъ народовъ: судьбы Россіи вручались этимъ договоромъ въ руки поляка, передъ которымъ открывались Кремлевскія ворота. Москвитяне, не ожидая отвѣта Сигизмунда, начали присягать Владиславу и только по исполненіи этого торжественнаго обряда отправили пословъ въ лагерь подъ Смоленскъ для обсужденія совмѣстно съ королемъ условій договора.

Но настоящее торжество великаго гетмана было впереди: партія, приверженная полякамъ, движимая страхомъ, который ей внушали полчища Димитрія, и измѣнчивая московская чернь предложила ему занять столицу войскомъ. Жолкіевскій тотчасъ изъявилъ на это свое согласіе. 9-го октября 1610 года онъ отправилъ королю донесеніе изъ Кремля, извѣщая его объ одержанномъ мирнымъ путемъ столь изумительномъ успѣхѣ. Гетманъ былъ настолько хозяиномъ положенія, что къ нему привезли Василія Шуйскаго изъ монастыря и его двухъ братьевъ изъ тюрьмы и отдали ихъ въ его полное распоряженіе, предоставивъ ему

*
*

рѣшить ихъ дальнѣйшую участь. Три потомка славнаго рода Шуйскихъ не могли ничего болѣе ожидать отъ своихъ соотечественниковъ.

Хотя присутствіе Жолкѣвскаго было необходимо въ Москвѣ, однако онъ счелъ долгомъ тотчасъ отправиться въ лагерь подъ Смоленскъ. Нельзя было ничего считать оконченнымъ до тѣхъ поръ, пока король не одобритъ избранія Владислава; съ его стороны можно было предвидѣть опасенія и колебанія. Гетманъ ожидалъ этого, и ему хотѣлось лично переговорить съ Сигизмундомъ, поэтому онъ появился 8-го ноября въ королевскомъ лагерѣ, таща за собою Василя Шуйскаго. Бывшій тираннъ, какъ называетъ его Симонетти, сидѣлъ на телѣгѣ, свидѣтельствуя по пути о бѣдствіи, постигшемъ его отечество. Слѣдующіе дни были посвящены дѣламъ. Несмотря на похвалы, коими король осыпалъ счастливаго побѣдителя, послѣдній вскорѣ убѣдился, что условія договора, заключеннаго имъ съ московскимъ правительствомъ, никогда не будутъ соблюдены.

Въ концѣ того же 1610 года, исчезъ другой врагъ Сигизмунда Димитрій II, который былъ такъ же весьма опасенъ для Россіи, но его исчезновеніе, давъ народу возможность быстрѣе сосредоточиться, принесло болѣе пользы москвитянамъ, нежели полякамъ. Бракъ съ Мариною не поднялъ значенія этого жалкаго искателя приключеній и не возвысилъ его нравственно.

Даже по отзывамъ его сторонниковъ, онъ оставался все тѣмъ же, невѣжественнымъ и ограниченнымъ человѣкомъ, пьяницей, ненавистнымъ для всѣхъ окружающихъ.

Въ немъ не было ни одного изъ тѣхъ военныхъ качествъ, которыя способны воодушевить толпу. Онъ не обладалъ даже самымъ обыкновеннымъ мужествомъ, какъ онъ и доказалъ это на дѣлѣ. Сигизмундъ, перейдя границы Московіи, вошелъ въ сношеніе не съ Димитріемъ, а съ тѣмъ сбродомъ, который находился подъ его командою. Польскіе агенты, прибывшіе въ Тушино, даже наотрѣзъ отказались вести переговоры съ обманщикомъ. Они предпочитали имѣть дѣло прямо со своими соотечественниками или съ русскими. Это открыло глаза Димитрію; бояры и войско не внушали ему болѣе довѣрія. Подвергаясь ежедневно всевозможнымъ непріятностямъ, онъ поддался страху и, ни съ кѣмъ не посоветовавшись, бѣжалъ тайно отъ Марины, 6-го января 1610 г., въ Калугу. Съ стратегической точки зрѣнія выборъ былъ сдѣланъ превосходно.

Въ Тушинѣ были болѣе удивлены, нежели встревожены бѣгствомъ Димитрія, но для Марины это былъ страшный ударъ. Она была одна, безо всякой поддержки; что ожидало ее среди этой недисциплинированной вольницы? Одною изъ ея первыхъ мыслей былъ ея прежній монархъ. Она не забыла благосклонности короля, была увѣрена въ благо-

городствѣ его чувствѣ и въ письмѣ отъ 16-го января 1610 г. обратилась къ Сигизмунду съ мольбою о защитѣ. Перенеся жестокіе удары судьбы и покоряясь волѣ Провидѣнія, молодая полька, заживо погребенная въ Тушинѣ, съумѣла выразить свои чувства въ выраженіяхъ трогательныхъ, но исполненныхъ благородства.

«Я потеряла все,—писала она королю,—но вѣрю въ правоту моего дѣла и въ мои права на московскій престолъ, основанныя на коронованіи, принадлежащія мнѣ по праву наслѣдства и въ силу принесенной мнѣ двукратно присяги». Не требуя возстановленія своихъ правъ, она полагалась на милосердіе короля, на его доброту и справедливость; просила щедро вознаградить ее и ея семью и писала, что если король желаетъ, то онъ можетъ продолжать войну съ Московіей ¹⁾. Это письмо, разумѣется, дошло до Сигизмунда, но, насколько намъ извѣстно, оно осталось безъ отвѣта.

Впрочемъ, ему трудно было отвѣтить Маринѣ, такъ какъ, начертывая эти строки, она помышляла въ то же время о томъ, какъ бы присоединиться къ Дмитрію. Объ этомъ догадывались въ Тушинѣ и зорко слѣдили за нею, но она съумѣла обмануть бдительность своихъ караульщиковъ. Надѣвъ военный мундиръ, она бѣжала въ свою очередь 2-го марта въ сопровожденіи нѣсколькихъ преданныхъ ей слугъ и прибыла сначала въ Дмитровъ къ Сапѣгѣ. Неостатіе возбудило въ ней храбрость. Ей позволили говорить съ солдатами. Ея пылая рѣчь, ея слезы и мольбы привлекли многихъ на ея сторону, и, получивъ подкрѣпленіе, она добралась съ нимъ благополучно до Калуги.

Въ то же время, т. е. въ теченіе марта мѣсяца 1610 г., изъ тушинскаго лагеря было выведено все войско. Послѣ побѣга Дмитрія, въ то время какъ Марина также готовилась бѣжать, переговоры, начатыя съ королемъ, привели къ заключенію договора, коимъ престолъ былъ утвержденъ за Владиславомъ, но обязательная сила этого договора была весьма сомнительна. Въ войскѣ, находившемся въ Тушинѣ, царствовало самое страшное безначаліе и своеволіе, и оно разсѣялось во всѣ стороны. Большинство казаковъ двинулось въ Калугу, гдѣ они собирались снова вести жизнь, исполненную приключеній. Что касается поляковъ, то они предпочли дѣйствовать заодно съ Сигизмундомъ и подчиниться его власти. Тушино опустѣло, движеніе и жизнь перенеслись въ новую резиденцію Дмитрія ²⁾.

Несмотря на испытанныя неудачи, самозванецъ не отказывался отъ

¹⁾ Симонетти препроводилъ латинскій текстъ этого письма папѣ (Римъ, Архивъ Ватиканскій, Е, 35). Итальянскимъ переводомъ, изданнымъ Чампи и другими, нельзя довѣрять.

²⁾ Платоновъ, Очерки, стр. 424, 622, прим. 165.

своихъ плановъ и собиралъ своихъ приверженцевъ. Вскорѣ послѣ пораженія при Клушинѣ, онъ снова ободрился и сталъ лагеремъ въ Коломенскомъ, въ то время какъ Жолкіевскій шелъ къ столицѣ на Можайскъ. Всеобщее смятеніе было такъ велико и Москва находилась въ столь опасномъ положеніи, что самыя смѣлыя мечты могли осуществиться. Трудно сказать, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы въ него не вмѣшался Жолкіевскій. Послѣ изложенія Шуйскаго было рѣшено, что великій гетманъ дастъ сраженіе Дмитрію. Послѣдній узналъ объ этомъ во-время и убѣждалъ, снова въ Калугу, гдѣ его ожидала трагическая кончина.

22-го декабря 1610 г. Дмитрій не помнилъ себя отъ радости. Нѣсколько маленькихъ крѣпостей изъявили ему свою покорность. Петръ Урусовъ донесъ ему, что онъ встрѣтилъ и разбилъ нѣсколько польскихъ патрулей. Для того чтобы отпраздновать это счастливое событіе, въ окрестностяхъ города была организована охота, на которую Дмитрій отправился въ сопровожденіи москвитянъ и трехъ сотъ татаръ. Начальникомъ этихъ послѣднихъ былъ тотъ же Петръ Урусовъ, который, относясь къ Дмитрію съ виду почтительно и покорно, питалъ къ нему въ душѣ жажду мести. Заключение въ тюрьму татаринъ составилъ въ темницѣ самыя мрачныя замыслы и хотя онъ былъ помилованъ Дмитріемъ и получилъ весьма почетное назначеніе, но онъ не отказался отъ мести. Случай къ тому представился ему въ тотъ день. Когда охотники расположились отдохнуть и предались обильнымъ возліаніямъ, то Урусовъ, все предусмотрѣвъ и подготовивъ заранѣе, сдѣлалъ знакъ своимъ татарамъ; они тотчасъ кинулись на Дмитрія, изрубили его саблями и послѣдно обратились въ бѣгство, побивъ и ранивъ москвитянъ, которые по своей малочисленности не могли защититься и радовались тому, что они не были всѣ перебиты. Они сообщили въ Калугу печальное извѣстіе о кончинѣ Дмитрія.

Раздраженные его убійствомъ приверженцы Дмитрія перебили около сотни татаръ, которые оставались въ городѣ и не принимали участія въ заговорѣ. Подобная участь ожидала и поляковъ, но возбужденную чернь удалось успокоить. Горе Марины по поводу этого событія не поддается описанію. Обезумѣвъ отъ этой неожиданной потери, находясь въ послѣднемъ періодѣ беременности, она горько жаловалась на свою судьбу и выражала желаніе раздѣлить участь покойнаго. Она осушила слезы только тогда, когда у нея родился сынъ, котораго она поручила приближеннымъ къ ней москвитянамъ, смотрѣвшимъ на него какъ на наслѣдника престола. До нунція дошелъ слухъ, что этотъ младенецъ былъ крещенъ по православному обряду и назывался Иваномъ Дмитріевичемъ ¹⁾. Но Марина успокоилась ненадолго. Судьба готовила ей тяжкія испытанія.

¹⁾ Римъ. Архивъ Vncomagni, E, 37, депеша 19 февраля 1611 г.

Въ то время какъ происходили всѣ вышеописанныя событія, и Жолкіевскій, покрывъ себя славой, проникъ въ Москву, король не могъ похвастать никакой побѣдою. Нѣсколькихъ дней, проведенныхъ подъ Смоленскомъ, было достаточно для того, чтобы онъ убѣдился, какъ невѣрны были полученныя имъ свѣдѣнія. Ворота крѣпости не только не открылись передъ нимъ, какъ это ему предсказывали, но, напротивъ того, они накрѣпко захлопнулись. Поляки очутились передъ толстыми каменными стѣнами, увѣнчанными тридцатью всею семью башнями, доступъ къ которымъ былъ весьма затрудненъ холмами и долинами. Всѣ требованія поляковъ были отвергнуты осажденными съ величайшимъ негодованіемъ, такъ что полякамъ пришлось вести правильную осаду крѣпости, воздвигнуть апроши и нѣсколько разъ идти на приступъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а осажденные все не сдавались. Болѣе благоразумные люди настоятельно совѣтовали королю оставить Смоленскъ, идти на Москву, соединить свою армію съ войскомъ Жолкіевского, владѣвшаго уже Кремлемъ, и основаться съ принцемъ Владиславомъ въ самомъ центрѣ страны. Смѣлость идеи говорила за нее, но король считалъ постыднымъ тронуться съ мѣста, не взявъ Смоленска. Осажденные проявляли не менѣе упорства въ своей защитѣ. Какъ ни пытались поляки проникнуть въ крѣпость силою, перелѣзть черезъ стѣны, поджечь крѣпость, русскіе всякій разъ отражали съ успѣхомъ ихъ нападенія, гибли отъ непріятельскаго огня, отъ лишеній и болѣзней, но не сдавались. Въ польскомъ лагерѣ появлялись изрѣдка перебѣжчики, коихъ пожелтѣвшія лица и распухшіе члены свидѣтельствовали о геройствѣ, съ какимъ остальные исполняли свой долгъ, несмотря на всѣ претерпѣваемыя ими лишенія. Однако Сигизмундъ, не желая явиться на сеймъ съ пустыми руками, рѣшилъ въ половинѣ 1611 года, и именно 13-го іюня, штурмовать крѣпость. Искусно заложеною миною была взорвана часть крѣпостной стѣны, въ которой открылась широкая брешь. Поляки энергично атаковали крѣпость съ четырехъ сторонъ одновременно. Когда осаждающіе проникли въ нее, то она представляла собою море огня и крови; дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно. Воевода Шеинъ, запершись въ башнѣ, сдался только при послѣдней крайности. Вскорѣ на стѣнахъ Смоленска взвилось польское знамя. Русскіе, послѣ геройской защиты, потерпѣли пораженіе; счастье улыбнулось ихъ врагамъ. Король имѣлъ удовольствіе адресовать 25-го іюня посланіе Павлу V *ex arce mea Smolensco*, по поводу чего папа принесъ ему и королевѣ Констанціи самыя искреннія поздравленія ¹⁾).

¹⁾ На дубликатѣ письма Сигизмунда поставлено: 26-го іюня 1611 г. — Римъ, Архивъ *Voncomagni*, E. 7. — Письма папы напечатаны у *Teiner'a*, т. III, стр. 347, № CCLXVII; Ватиканскій архивъ, шк. 45, т. VII, л. 11 V^o, № XXXIX.

Наконецъ-то Сигизмундъ могъ вернуться побѣдителемъ. Вильна первая принесла ему поздравленія. Королева и принцъ Владиславъ встрѣтили его за городомъ, гдѣ были воздвигнуты триумфальныя арки, прославлявшія его подвиги. Нунцій Симонетти обратился къ королю съ рѣчью, воспитанники іезуитской коллегіи произнесли стихотворенія. Празднество окончилось торжественнымъ молебствіемъ въ церкви бернардинскаго монастыря. Это было только прелюдіей еще болѣе восторженнаго приѣма, оказаннаго ему въ Варшавѣ. Верхомъ торжества было появленіе плѣннаго царя и его братьевъ. Жолкіевскій произнесъ трогательную рѣчь, поручая царя ихъ милосердію, а король поздравилъ ихъ съ тѣмъ, что они попали во власть христіанина, а не тирана. Плохое утѣшеніе для Василя Шуйскаго, которому было суждено пережить гибель всѣхъ своихъ надеждъ, быть трофеемъ побѣдителя и олицетворить собою униженіе Москвы передъ Польшею.

Это происходило 19-го октября 1611 г. на глазахъ у сейма, собравшагося въ Варшавѣ еще 27-го сентября. Сейму предстояло высказаться по поводу московскихъ дѣлъ; отъ него зависѣло утвержденіе налоговъ. Поэтому Сигизмундъ давно и тщательно подготовилъ къ этому почву. Инструкціи, данныя имъ сеймикамъ, представляли этотъ вопросъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Одержанные успѣхи служили залогомъ окончательнаго покоренія Россіи. Король обѣщалъ не обращать ее въ ленное владѣніе ни свое, ни сына. «Всякое новое приобрѣтеніе послужитъ на пользу республики,—говорилъ онъ,—и если потребуются жертвы, то онѣ вознаграждаются огромными преимуществами» ¹⁾.

Такого рода рѣчи произвели переворотъ въ общественномъ мнѣніи, и это отразилось при подачѣ голоса сенатомъ. Въ 1605 г., когда на сеймѣ раздавался еще голосъ Замойскаго, большинство сенаторовъ высказалось противъ войны съ Москвою. 8-го октября 1611 г. всѣ двадцать три присутствовавшіе на засѣданіи сенатора, въ томъ числѣ воевода Мнишекъ, единогласно одобрили этотъ походъ. Высказавъ похвалы королю, они рѣшили, что «impresa di Moscovia», какъ называлъ ее нунцій, было необходимо продолжать, и что объ этомъ надобно было довести до свѣдѣнія прочихъ монарховъ христіанскихъ державъ и въ особенности его святѣйшества, затѣмъ слѣдовало наложить большія подати, уплатить солдатамъ недоданное имъ жалованіе и ассигновать нужныя суммы на дальнѣйшіе расходы.

Усердіе нѣкоторыхъ сенаторовъ шло еще дальше. Они напомнили своимъ коллегамъ, что король израсходовалъ на военныя надобности изъ своихъ собственныхъ средствъ миліонъ сто тысячъ флориновъ, и

¹⁾ Ватиканскій архивъ, Polonia, 37, А., л. 384, Instructio Sigismundi III.—Римъ, Архивъ Вонсопагні, Е., 7, письмо Сигизмунда III Вольскому отъ 12-го іюня 1611 г., Е, 40, письмо Вольскаго Павлу V отъ 2-го августа 1611 г.

что республика обязана принять это въ соображеніе. Предложеніе было щекотливое, такъ какъ оно затрогивало принципиальный вопросъ. Не преступилъ ли король законныхъ границъ, объявивъ войну безъ согласія сейма? и не слѣдовало ли предупредить впредь возможность подобнаго злоупотребленія властью, обнаруживъ новую конституцію? Самыя строгія лица такъ именно и взглянули на это дѣло, но нашлись сговорчивые сенаторы, которые не желали нововведеній и оправдывали дѣйствія короля. Они напомнили о данной ими клятвѣ вернуть отторгнутыя провинціи и сослались, какъ говоритъ нунцій, на «многія другія уважительныя причины». Большинство сенаторовъ рѣшительно высказалось за короля и его политику. Блестательнымъ доказательствомъ этого была рѣчь, произнесенная великимъ канцлеромъ вслѣдъ за подачею голосовъ. Обращаясь къ депутатамъ сеймиковъ, Лаврентій Гембицкій, епископъ Владиславскій, умолялъ ихъ идти по стопамъ сенаторовъ, подать единодушно голосъ за войну съ Москвою, не мѣшать исполненію несповѣдимыхъ путей Провидѣнія, которыя могли привести къ созданію обширной сарматской имперіи подъ главенствомъ одного монарха и одушевляемой единой святой католической вѣрой. Эти краснорѣчивыя рѣчи убѣдили слушателей только на половину. Сеймъ одобрилъ войну; что касается налоговъ, то они были увеличены въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, и въ добавокъ нѣкоторая часть ихъ была присуждена въ видѣ вознагражденія королю. Но *impres a tѣмъ* не менѣе продолжалась ¹⁾).

III.

Война и дипломатія.—Кровавыя сцены, происходившія въ Москвѣ.—Россія овладѣваетъ собою.—Польскій гарнизонъ въ непріятельской странѣ.—Сигизмундъ и Владиславъ у воротъ Москвы.—Вынужденное отступленіе.—Предложеніе заключить миръ.—Зарудскій, Марина и Иванъ Димитріевичъ.—Ихъ бѣгство.—Ихъ выдаютъ москвитянамъ.—Дальнѣйшая ихъ судьба.—Марина передъ судомъ исторіи.—Смягчающія вину обстоятельства.—Отзывъ Сигизмунда III о Михаилѣ Романовѣ.—Императоръ Матвей избранъ въ посредники.—Неудача переговоровъ.—Война съ Москвою.—Владиславъ начинаетъ дѣйствовать.—Переписка съ папою.—Затрудненія, предвидѣнныя въ Москвѣ.—Мнѣніе окружающихъ.—Два письма Владислава Павлу V.—Ясно изложенная двойная просьба.—Важный вопросъ, превратившійся въ вопросъ совѣсти.—Три пункта, предложенные инквизиціи.—Отрицательный и не полный отвѣтъ.—Этотъ пробѣлъ возмѣщенъ Павломъ V.—Его двойной отвѣтъ.—Его предпочтеніе къ латинской вѣрѣ.—Предосторожности, принятыя нунціемъ.—Владиславъ удовлетворенъ.—Деулинское перемиріе.

Сигизмундъ думалъ покорить Москву двоякимъ путемъ: силою оружія и путемъ дипломатіи. Военныя дѣйствія не мѣшали ему вести,

¹⁾ Тамъ же, Е., 38, двѣ депеши Симонетти къ Боргезе отъ 8-го октября 1611 года.

впрочемъ, съ весьма малою надеждою на успѣхъ, переговоры съ боярами, которые были на сторонѣ Польши. Камнемъ преткновенія было избраніе Владислава. Москвитяне присягнули ему и требовали, чтобы онъ прибылъ въ Москву, но Сигизмундъ не отпускалъ его; твердо рѣшивъ замѣнить сына, хотя бы только вначалѣ, и временно овладѣть властью, онъ не спѣшилъ высказаться и по поводу религіозныхъ вопросовъ, которые были навязаны будущему царю, и обратился за совѣтомъ къ папѣ въ послѣдній моментъ; отвѣтъ святѣйшаго отца уясняетъ римскую политику.

Дѣйствуя столь медленно и прибѣгая къ подобнымъ уловкамъ, король сильно рисковалъ, въ чемъ онъ скоро убѣдился по ходу событій. Послѣ отъѣзда Жолкіевскаго, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1611 г., на Пасхѣ, въ Москвѣ разыгрались снова кровавыя сцены. Жителямъ надоѣли поляки, они хотѣли быть хозяевами у себя дома и отдѣлаться отъ своихъ докучливыхъ гостей. Послѣдніе подозрѣвали это и, не будучи столь безпечны, какъ Дмитрій, при первыхъ же признакахъ возмущенія оставили Кремль, подожгли городъ съ четырехъ концовъ, предалися грабежу и убійствамъ и возвратились въ укрѣпленія съ богатой добычей изъ драгоценныхъ вещей и съѣстныхъ припасовъ. Отнынѣ, польскій гарнизонъ находился въ странѣ непріятельской и могъ ожидать мщенія, ибо не только Москва, но вся Россія воспряла духомъ и была злобно настроена противъ иноземцевъ. Во главѣ народнаго движенія стала Троицкая Лавра, она побѣдоносно отразила нападеніе Сапѣги и Лисовскаго и выдержала продолжительную осаду. Изъ монастыря раздавались пламенные рѣчи, возбуждавшія народъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ страны. Народъ призывался къ оружію, чтобы изгнать иностранцевъ, подавить анархію и какъ можно скорѣе воскресить отечество, бывшее при послѣднемъ издыханіи. Этотъ призывъ нашелъ откликъ во всѣхъ сердцахъ, потому что онъ затрогивалъ религіозное чувство, возбужденное кандидатурой католика на московскій престолъ. Защитники отечества выросли изъ-подъ земли, соревновали между собою въ воодушевленіи и стекались подъ знамена Минина и Пожарскаго. Между тѣмъ какъ поляки торжествовали въ Варшавѣ кратковременную побѣду, русская армія быстро сформировалась, сосредоточила свои силы въ окрестностяхъ Москвы, подала вооруженную помощь жителямъ и обложила поляковъ въ Кремлѣ.

Народное движеніе приняло уже огромные размѣры, а Сигизмундъ все еще надѣялся подавить его. Но онъ понялъ наконецъ, что имя Владислава звучало лучше его имени, что избранный монархъ долженъ былъ находиться среди тѣхъ, кто его избралъ, поэтому, приказавъ гетману литовскому Ходкевичу приблизиться къ Москвѣ, онъ рѣшилъ въ исходѣ 1612 года лично привезти туда своего сына. Зablужденіе Си-

гизмунда было еще такъ велико, что, не успѣвъ собрать болѣе значительныхъ силъ, онъ отправился въ сопровожденіи самаго незначительнаго отряда, который можно было назвать скорѣе конвоемъ, нежели настоящей арміей. Но уже было поздно. Прибывъ въ Вязьму, онъ узналъ, что Кремлевскій гарнизонъ, изнемогши отъ усталости, голода и всевозможныхъ лишеній, сдался на капитуляцію. Городъ и укрѣпленія были въ рукахъ русскихъ; и послѣднихъ уже нельзя было поставить межъ двухъ огней, какъ въ томъ случаѣ, если бы у поляковъ были соумышленники въ крѣпости.

Тѣмъ не менѣе, король съ обычнымъ своимъ упрямствомъ дошелъ до Волоколамска; тутъ только глаза его открылись окончательно. Прибытіе Владислава далеко не походило на вѣздъ монарха въ свою имперію. Какая разница съ побѣдоноснымъ шествіемъ Димитрія! Народъ вмѣсто того, чтобы выходить ему на встрѣчу, запирался въ своихъ крѣпостяхъ, которыя преграждали ему путь. Уполномоченные Владислава, посланные въ Москву, были прогнаны оттуда, и въ столицѣ уже не было преданныхъ Польшѣ бояръ, которые могли бы вести съ ними переговоры. Сигизмундъ очутился у воротъ враждебно настроенной противъ поляковъ столицы, съ малочисленной до смѣшнаго арміей и съ царемъ, котораго подданные не хотѣли признавать; польское войско страдало отъ холода и не имѣло возможности достать сѣстныхъ припасовъ. Увидавъ себя на краю пропасти, Сигизмундъ взвѣсилъ свое положеніе, и его рѣшеніе было быстро принято: онъ возвратился въ Польшу со своимъ сыномъ Владиславомъ, намѣреваясь осуществить свой планъ современемъ. Отступленіе короля польскаго было спасеніемъ для Россіи. Несмотря на господствовавшія въ странѣ смуты, борьбу партій и соперничество бояръ, русскимъ удалось, наконецъ, избрать себѣ царя и прекратить безначаліе, господствовавшее во время междуцарствія. Выборъ страны палъ на юнаго Михаила Романова, коронованнаго въ Москвѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1613 года. Его избраніе было равносильно низложенію Владислава, о чемъ бояре успѣли довести до свѣдѣнія Сигизмунда, предложивъ ему заключить миръ и обмѣняться плѣнными, въ числѣ коихъ находился отецъ царя, архіепископъ Филаретъ, отправленный въ Варшаву посланникомъ и съ коимъ поляки обращались, какъ съ плѣннымъ — сознаніе весьма тяжкое для любящаго сына ¹⁾).

Прежде чѣмъ окончить переговоры съ Польшей, которые привели между прочимъ къ новой войнѣ, Михаилу надобно было подумать о соперникѣ, который находился еще въ колыбели. Сынъ Марины былъ провозглашенъ царемъ въ Калугѣ; Марина руководствовалась совѣтами Заруцкаго, а Заруцкій былъ способенъ на все. Мы уже упоминали его

¹⁾ Собр. гос. грам., т. III, стр. 22, № 7.

и́мя на предъидущихъ страницахъ. Это былъ атаманъ Донскихъ казаковъ, отличавшійся только умѣніемъ владѣть саблей. Сторонникъ Дмитрія II, осыпанный имъ милостями, онъ игралъ нѣкоторую роль во время междоусобствъ и послѣ избранія Михаила Романова заявилъ себя преданнымъ сыну Маринны. Преслѣдуемый и разбитый войсками новаго царя, онъ бѣжалъ въ Астрахань, гдѣ пытался поднять татаръ и персовъ противъ Михаила. Его удалось прогнать изъ Астрахани, откуда онъ бѣжалъ съ Мариной, маленькимъ Иваномъ и нѣсколькими стами казаковъ. Въ догоню за нимъ были посланы войска, съ приказаніемъ взять Заруцкаго живымъ или мертвымъ. Казаки не особенно спѣшили, поэтому царское войско нагнало ихъ; будучи окружены, они выдали Заруцкаго, Марину, ея сына Ивана и, какъ сказано въ русскомъ документѣ, монаха Николая. Для такихъ важныхъ преступниковъ не было пощады. Заруцкій былъ посаженъ на колъ въ Москвѣ. Что касается Маринны, то объ ней съ тѣхъ поръ не имѣется никакихъ извѣстій. Погибла ли она насильственной смертью? Влачила ли до тѣхъ поръ гдѣ-либо въ тиши монастыря жалкое существованіе? Этому никто не знаетъ. У Бернардиновъ сохранилось преданіе, что она была потоплена вмѣстѣ съ ея родными, въ томъ числѣ и ея домовымъ священникомъ, отцомъ Антономъ, который былъ преданъ ей до конца жизни ¹⁾.

Впрочемъ, съ самаго вступленія Маринны въ бракъ съ Дмитріемъ II, ея жизнь полна таинственнаго. Очевидно, молодая женщина, измученная ссылкой, испытавъ такія ужасныя несчастія, не могла снести послѣдняго удара судьбы. Исторія отнеслась къ ней такъ же сурово, какъ и сама жизнь: поляки и русскіе осыпали ее наперерывъ самыми жестокими упреками. Набожная дочь Самборскаго воеводы стала, по ихъ словамъ, женщиной безстыдной, порочной, весьма сомнительной патриоткой; непомѣрно честолюбивая, она была готова всѣмъ пожертвовать для того, чтобы сохранить для сына призракъ престола. Ослѣпленная безумными мечтами величія, она отвергла, по ихъ словамъ, съ презрѣніемъ всѣ предложенія Сигизмунда III и предпочла мирной, но безвѣстной жизни безумную погоню за счастіемъ. Дѣйствительно, поступки Маринны говорятъ скорѣе противъ нея: неустрашимая наѣздница, она скакала по большимъ дорогамъ, передѣтая въ мужское платье, окруженная казаками, чтобы раздѣлить жизнь искателя приключеній. Но кто скажетъ, дѣйствовала ли она по своему собственному побужденію или подчинялась чьей-либо волѣ? Увлекалась ли она сво-

¹⁾ Акты Ист., т. III, стр. 23, № 25 и сл.—Краковъ, музей Чарторыйскихъ, Тека Naguszevicza, 108, л. 196 v°.—Монахъ Николай, о которомъ говорится въ документѣ, быть можетъ, и былъ именно отецъ Андрей.—По словамъ іезуита Ростовскаго (стр. 284), сынъ Маринны находился въ 1626 г. въ іезуитской коллегіи въ Вильно, подъ покровительствомъ короля и Льва Сапѣги.

ими фантазіями или же была жертвою роковаго степенія обстоятельствъ? Написавъ 16-го января 1610 г. королю письмо съ большимъ достоинствомъ и разсудительностью, она умоляла. Намъ не извѣстно, что она говорила впослѣдствіи, какія ей были даны обѣщанія или какими угрозами, быть можетъ, старались подѣйствовать на нее. Между Самборомъ и Астраханью цѣлая пропасть: молодая женщина, прошедшая этотъ путь при самыхъ тяжкихъ и безотрадныхъ условіяхъ, заслуживаетъ снисхожденія по многимъ причинамъ. Справедливость требуетъ, чтобы онѣ были приняты во вниманіе, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не выяснились всѣ обстоятельства дѣла.

Какова бы ни была таинственная кончина Марины, съ ея исчезновеніемъ для Михаила Романова уменьшилась опасность и стало одною заботою меньше. Его власть мало по малу упрочивалась среди глубоко потрясеннаго общества; въ то время какъ вся Россія уже признала его своимъ монархомъ, Сигизмундъ еще не допускалъ мысли, чтобы такая прекрасная страна могла ускользнуть изъ-подъ его власти. Въ его глазахъ Михайлъ былъ не болѣе, какъ сынъ попа, человекъ незначительнаго происхожденія, ребенокъ, неспособный управлять страной, посаженный на престолъ, помимо знатныхъ бояръ, какими-то неизвѣстными избирателями. Избраніе Михаила было величайшимъ беззаконіемъ, — говорилъ онъ, — ибо единственнымъ законнымъ монархомъ Россіи былъ Владиславъ, коему народъ присягнулъ, коего знатнѣйшіе бояре все время звали въ Россію и который возсѣдалъ бы уже на престолѣ, если бы нѣкоторыя лица не затѣяли противъ него интриги, и ввелъ бы Имперію въ концертъ европейскихъ державъ.

Такъ думалъ Сигизмундъ о Россіи, послѣ междуцарствія, когда ненависть къ полякамъ и католикамъ достигла среди русскихъ высшей степени. Онъ бесѣдовалъ объ этомъ откровенно съ германскимъ императоромъ Матвѣемъ, котораго русскіе, наскучивъ войною, избрали посредникомъ для переговоровъ съ Польшею. Императоръ отнесся къ возложенной на него роли добросовѣстно. Обсуждая съ королемъ польскимъ вопросъ о вѣроятномъ исходѣ войны, онъ осторожно проводилъ мысль, что признаніе Михаила было бы самымъ вѣрнымъ средствомъ добиться мира. Это выводило Сигизмунда изъ себя. Онъ засыпалъ императора письмами, заставляя писать ему Владислава, заподозрилъ императора въ пристрастіи, но въ концѣ концовъ согласился на его вмѣшательство, въ дѣйствительности котораго онъ сильно сомнѣвался. 6-го апрѣля 1616 г., когда переговоры кончились полнѣйшею неудачею, онъ могъ похвастать, что сбылось все то, что онъ предвидѣлъ, и что отъ этихъ вѣроломныхъ варваровъ, какъ онъ называлъ москвитянъ, нечего было ожидать. Подъ этими словами скрывалась тайная угроза;

дѣйствительно, четыре мѣсяца спустя, 25-го іюля, Сигизмундъ заявилъ императору, что сеймъ одобрилъ войну съ Москвою ¹⁾).

Когда была объявлена война, польскою молодежью овладѣло необычайное воодушевленіе; она устремилась вслѣдъ за Владиславомъ, который самъ сталъ этотъ разъ во главѣ войска, довольный возможностью избѣгнуть такимъ образомъ родительской опеки. Уѣхавъ къ арміи, онъ говорилъ, что предпочитаетъ умереть скорѣе, нежели продолжать свою монотонную жизнь въ Варшавѣ. Приобрѣсти монархію на сѣверѣ было равносильно для него покончить со всѣми домашними непріятностями и стяжать славу и независимость ²⁾). Его честолюбивыя мечты заходили очень далеко; раздѣляя заблужденіе отца, онъ счелъ долгомъ открыть свои надежды папѣ и испросить у него, чрезчуръ преждевременно, разрѣшеніе на нѣкоторые предметы.

Мнимый побѣдитель такъ твердо надѣялся короноваться въ Кремлѣ, что онъ хотѣлъ заранѣе обсудить всѣ подробности этой церемоніи. Его положеніе было весьма сходно съ положеніемъ злополучнаго претендента, съ тою лишь разницею, что одинъ изъ нихъ исповѣдывалъ католическую вѣру тайно, а другой исповѣдывалъ ее открыто. Владиславъ, подобно своему предшественнику, боялся оскорбить религіозное чувство православнаго народа, выставляя напоказъ пышные обряды латинской церкви. Идеаль, къ которому онъ стремился, было возсѣсть на московскій престолъ, не поступаясь своей совѣстью и вмѣстѣ съ тѣмъ не огорчая своихъ новыхъ подданныхъ; примирить эти два требованія было не легко; надъ разрѣшеніемъ этой задачи трудились всѣ окружающіе принца. Одни изъ нихъ склонялись къ безусловно строгому исполненію долга другіе, въ томъ числѣ отецъ Бембо, духовникъ короля, находили необходимымъ сдѣлать самыя широкія уступки. Всѣ были того мнѣнія, что Владиславу необходимо представить этотъ вопросъ на благоусмотрѣніе папы и положиться на его рѣшеніе: точно также дѣйствовалъ Мнишекъ относительно Димитрія. Первый шагъ былъ сдѣланъ самимъ Владиславомъ. Передъ крещеніемъ огнемъ католическому принцу приличествовало заручиться благословеніемъ папы. 6-го апрѣля 1617 года, онъ обратился къ нему съ просьбою благословить его для того, чтобы онъ могъ послужить достойнымъ образомъ вѣрѣ и отечеству; за этимъ письмомъ послѣдовало второе, помѣченное тѣмъ же числомъ, въ которомъ обсуждался вопросъ о коронованіи. Это пись-

¹⁾ Вѣна, государственный архивъ, Polonia; письма Сигизмунда къ Матвѣю отъ 14-го апрѣля 1613 г., 11-го мая 1615 г., 6-го апрѣля и 23-го іюля 1616 г.

²⁾ Краковъ, музей Чарторыйскихъ, нѣсколько важныхъ рукописей объ этой войнѣ, см. №№ 2726, 2763.

мо написано самимъ принцемъ, но по внушенію отца; вотъ приблизительно что онъ говорить въ этомъ письмѣ:

«Мои предки, — писалъ Владиславъ, — понимали, какое важное значеніе будетъ имѣть «возвращеніе» Московіи во владѣніе христіанской республики и въ нѣдра католической церкви, но они по большей части не обладали возможностью добиваться этого; нынѣ обстоятельства приняли болѣе благоприятный оборотъ, прежняя династія угасла, всѣ классы общества избрали меня единогласно, и несмотря на промедленіе съ моей стороны весьма многіе москвитяне остались мнѣ вѣрны. Поэтому мы рѣшили воспользоваться этимъ выгоднымъ положеніемъ, расширить границы не только Польши, но и христіанской республики и католической вѣры, и я поспѣшаю повиноваться божественному Провидѣнію и волѣ моего отца».

Вступая на это блестящее поприще принцу приходилось считаться съ однимъ серьезнымъ затрудненіемъ. Русскіе, глубоко преданные стариннымъ обычаямъ, могли предъявить по случаю коронованія разныя требованія, которыя необходимо было предусмотрѣть. Поэтому Владиславъ, какъ человѣкъ, понимавшій значеніе обрядовъ и ихъ отношеніе къ догматамъ вѣры, изложилъ свою просьбу вполне ясно и опредѣленно. Во-первыхъ, онъ выражалъ самымъ опредѣленнымъ образомъ желаніе, чтобы ему была предоставлена полная свобода сообразоваться съ обрядами греко-уніатской церкви; онъ желалъ, чтобы его короновалъ греко-уніатскій епископъ, и хотѣлъ пріобщиться святынь тайнъ подъ обоими видами. Во-вторыхъ, допуская возможность того, что ему придется короноваться у православнаго епископа, принцъ просилъ у папы на это разрѣшенія, совѣта и указаній.

Письмо Владислава затрогивало чрезвычайно важные національные и религіозные вопросы. Обращеніе къ греко-уніатскому вѣроисповѣданію открывало новую эру сближенія: между католическимъ монархомъ и православной Имперіей появлялась неожиданно точка соприкосновенія. Та и другая сторона соблюдала бы одни и тѣ же обряды, и единство богослуженія облегчило бы соглашеніе относительно догматовъ. Попытка къ подобному соглашенію была сдѣлана на Флорентійскомъ соборѣ, повтореніемъ котораго былъ Брестскій соборъ. Но въ Римѣ, повидимому, не поняли огромнаго, совершенно исключительнаго значенія этого нововведенія и предпочли сдѣлать изъ него только вопросъ совѣсти и стать на строго богословскую точку зрѣнія. Впрочемъ, Павелъ V пожелалъ лично заняться этой просьбою; приказалъ сдѣлать справку въ документахъ и представилъ все дѣло на заключеніе инквизиціи. Въ іюль мѣсяцѣ 1617 г., на обсужденіе этой высшей духовной инстанціи были представлены слѣдующіе три пункта: 1) можетъ ли Владиславъ, въ виду общаго блага христіанской респу-

блики, быть коронованъ православнымъ епископомъ? 2) можетъ ли онъ приобщиться подъ двумя видами? 3) и въ случаѣ крайней необходимости, можетъ ли онъ исполнять всѣ прочіе обряды?

Эти вопросы не представляли сами по себѣ ничего новаго или неожиданнаго; для того, чтобы отвѣтить на нихъ, стоило только справиться, въ какомъ смыслѣ были рѣшены въ недавнее время подобныя же вопросы, затронутые Сигизмундомъ III и Димитріемъ. Члены инквизиціи дѣйствительно сослались въ своемъ отвѣтѣ на эти рѣшенія, и между прочимъ на постановленія Лаодикійскаго, Кареагенскаго и Латранскаго соборовъ, которые вполнѣ согласовались съ мѣрами, принятыми въ послѣднее время; постановленія этихъ соборовъ были утверждены самими знаменитыми богословами; святой Герменегильдъ запечатлѣлъ ихъ своею кровью. Вопросы, предложенные на обсужденіе инквизиціи, были разносторонни, поэтому и отвѣтъ инквизиціи былъ подкрѣпленъ многочисленными ссылками: онъ былъ отрицательный по всѣмъ тремъ пунктамъ. Впрочемъ, римскіе инквизиторы отвѣтили на предложенные имъ вопросы не достаточно точно, они обсуждали вопросъ о православномъ епископѣ и вовсе не приняли во вниманіе высказанное Владиславомъ предположеніе, что надъ нимъ могъ совершить обрядъ коронаціи греко-уніатскій епископъ ⁴⁾.

Обстоятельный отвѣтъ, присланный папою, восполнилъ этотъ пробѣлъ. Во-первыхъ, Павелъ V вполнѣ соглашался съ рѣшеніемъ инквизиціи. «Папскій престолъ не дастъ просимаго принцемъ разрѣшенія,—писалъ онъ,—въ томъ случаѣ, если епископъ, которому придется короновать принца, будетъ православнаго вѣроисповѣданія. Если же епископъ будетъ греко-уніатскій, то папа согласится на то, чтобы онъ священнодѣйствовалъ при коронаваніи и чтобы Владиславъ приобщился по православному обряду». Слѣдовательно, папа дѣлалъ уступку только на этотъ разъ и давалъ разрѣшеніе весьма неохотно, не скрывая при этомъ своихъ сокровенныхъ мыслей. Онъ отдавалъ, разумѣется, предпочтеніе латинской вѣрѣ и желалъ, если возможно, чтобы Владиславъ приобщился по католическому обряду. Онъ даже заранѣе назначилъ для этой церемоніи епископа житомирскаго Андрея Липскаго и снабдилъ его надлежащими полномочіями. Мысль, что католикъ будетъ возсѣдать на московскомъ престолѣ, окруженный православными подданными—нисколько не смущала папу. Онъ полагалъ даже, что если вести дѣло умѣючи, то это нововведеніе не представитъ никакихъ затрудненій. Впрочемъ, папа, точно такъ же, какъ и члены инквизиціи, не распространялся по поводу этого вопроса, придавая ему значеніе частнаго случая, который требовалъ немедленнаго рѣшенія, и не ка-

⁴⁾ Римъ, Архивъ папскаго престола, IV, л. 94 и сл.

сался вопроса о единеніи церквей, что было дѣломъ будущаго. Относительно главнаго пункта польскому принцу пришлось удовлетвориться отказомъ, точно такъ же, какъ Димитрію.

Пока этотъ вопросъ обсуждался въ Римѣ, Владиславъ выступилъ въ походъ. Папа не пожелалъ отвѣтить ему лично и только предупредилъ принца, что отвѣтъ будетъ сообщенъ ему нунціемъ; при этомъ были приняты всевозможныя мѣры предосторожности, чтобы дать понять Владиславу, что ему не будетъ сдѣлано болѣе никакихъ уступокъ и чтобы отнять у него всякое желаніе настаивать на своей просьбѣ. Такъ, напримѣръ, краковскому нунцію Франциску Діотавелли, епископу сентъ-анджельскому (evêque de Sant Angelo) было приказано никому не показывать текста папской депеши, а сдѣлавъ изъ нея краткое извлечение, передать его Владиславу на отдѣльномъ листѣ безъ подписи. Услужливые посредники взялись разъяснить принцу свойство и размѣръ даннаго ему разрѣшенія; все пошло какъ по маслу. Владиславъ находился въ то время въ Вязмѣ; онъ только-что одержалъ незначительный успѣхъ на полѣ битвы и предавался, впрочемъ, нѣсколько преждевременно, радостнымъ надеждамъ. При тогдашнемъ его настроеніи все казалось ему прекраснымъ: такъ было принято имъ и папское рѣшеніе ¹⁾.

Впрочемъ, польскому королевскому принцу не пришлось имъ воспользоваться. Не имѣя достаточныхъ силъ, несмотря на контингентъ казаковъ и, не имѣя достаточно денежныхъ средствъ, онъ не могъ овладѣть Москвою. Всѣ его попытки были побѣдоносно отражены, онъ былъ вынужденъ начать переговоры, а 1-го декабря 1618 г. (по ст. ст.) было заключено въ Деулинѣ перемиріе, на четырнадцать лѣтъ на такихъ выгодныхъ условіяхъ, на какія поляки не могли даже разсчитывать. За ними остались такія важныя крѣпости, какъ Смоленскъ, Новгородъ Сѣверскій, Черниговъ, не считая другихъ. Утомленіе, которое испытывали москвитяне, сдѣлало ихъ сговорчивыми. Впрочемъ, поляки возвратили свободу Филарету Романову, отцу царя, и вернули русскимъ нѣсколько крѣпостей. Честь была спасена, но народная вражда не угасла.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 68, л. 480; II, 225, л. 169; II, 241, письмо Діотавелли къ Боргезе, отъ 1-го сентября 1617 г.; II, 427, л. 183, V; II, 74, л. 54

Собственноруч. письмо М. Сперанскаго—гр. Аракчееву.

14-го сентября 1816 г. Великополье.

Довершите ваши ко мнѣ милости, дозволивъ мнѣ себя видѣть или здѣсь или въ Грузинѣ.—Какъ скоро позволите, то черезъ часъ или два я буду въ Новгородѣ.—Не откажите, м. г., въ сей милости.—Это есть первая необходимость сердца, исполненнаго благодарности.

Рукою Аракчеева написано: «Новгородъ 15-го сентября отвѣчалъ тотъ же часъ».

**Собственноручное всеподданнѣйшее прошение графа Ростопчина
объ увольненіи въ отставку.**

15-го октября 1823 г. Москва.

Употреба безъ успѣха многія средства къ поправленію разстроеннаго здоровья, принесеннаго усердіемъ въ жертву вамъ и отечеству, возвратился нынѣ въ оное. Но признавая въ себѣ недостатокъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ быть болѣе съ честію и пользою по службѣ вашего императорскаго, величества осмѣливаюсь просить объ увольненіи меня отъ оной оберъ-камергеромъ ¹⁾).

---

¹⁾ Последовалъ указъ государственному совѣту 14-го декабря № 137.

Б Ы Л О Е.

Изъ воспоминаній о пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ.

VI¹⁾.

Петербургскіе пожары въ 1862 г.— Наше участіе въ ихъ тушеніи.— Люди нажившіеся на чужомъ несчастіи.— Публичное наказаніе кнутомъ.

Весною 1862 г. мы сдавали выпускные экзамены. Время было тогда въ Петербургѣ тревожное: общее вниманіе поглощено было студенческими волненіями и пожарами, по поводу которыхъ ходили самыя разнообразныя толки. Пожары приписывались поджогамъ, но никто не могъ сказать, кѣмъ и съ какою цѣлью они производятся. Одни подозрѣвали тутъ польскую интригу, другіе винили студентовъ, третьи намекали на возможность участія въ этомъ дѣлѣ недовольныхъ крестьянскою реформой. То и дѣло распространялись по городу слухи о захваченныхъ, будто-бы, въ томъ или другомъ мѣстѣ поджигателяхъ. Подметнымъ письмамъ съ предупрежденіемъ о предстоявшихъ пожарахъ не было числа; люди находились въ постоянномъ страхѣ и жили какъ на бивакахъ, заблаговременно завязавъ свои вещи въ узлы и уложивъ въ сундуки, чтобы легче было вынести ихъ въ случаѣ опасности. Городъ ежедневно загорался въ различныхъ мѣстахъ, и пожарные сбились съ ногъ, едва поспѣвая туда, гдѣ требовалась ихъ помощь. Жаркая и сухая погода способствовала распространенію огня въ кварталахъ, гдѣ были скучены деревянныя постройки. Огромныя пространства выгорали съ необычно-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 г.

венной быстротой, что объясняется какъ характеромъ тогдашнихъ строений, такъ и недостаточностью противопожарныхъ средствъ. Надо было видѣть, что представлялъ собою до пожара выгорѣвшій тогда Апраксинъ дворъ. То были ряды сбитыхъ въ кучу ветхихъ деревянныхъ лавчонокъ и ларей, стоявшихъ такъ тѣсно и до такой степени загроможденныхъ всевозможнымъ хламомъ, что мѣстами между ними можно было пробраться не иначе, какъ бокомъ. Старое платье, тюфяки, перья, пухъ и разный мелкій скарбъ—все это грудами висѣло и валялось здѣсь, загромождая дорогу. Не менѣе опасно въ пожарномъ отношеніи было положеніе извозничьихъ дворовъ, тянувшихся сплошными рядами вдоль Лиговки. Жалкія деревянныя клѣтушки, служившія конюшнями, покривившіеся досчатые заборы, тѣсные дворы, полные навоза, соломы и всякаго сухого мусора, придавали этой части города видъ забытаго Богомъ захолустья. Водопровода не было тогда еще и въ поминѣ ¹⁾, а мелководная Лиговка не могла дать достаточнаго количества воды въ случаѣ пожара. А пожаръ не заставилъ себя долго ждать; я видѣлъ его и никогда не забуду этой страшной картины. Не прошло и часа съ тѣхъ поръ, какъ загорѣлось въ одномъ домишкѣ,—и уже оба берега Лиговки были охвачены пламенемъ. Обитавшая здѣсь бѣднота была объята паникой. Люди суетливо вытаскивали изъ пылавшихъ костромъ домовъ свой скарбъ и, какъ безумные, давая другъ друга, сваливали его въ кучу у рѣчки; нагроможденные вещи падали въ Лиговку, запружая ея и безъ того узкое русло. Среди треска пламени, въ адской жарѣ, въ одинъ общій гулъ смѣшивались крики, стоны, причитанія, удары лома и топоровъ. Хищники растаскивали вынесенное изъ домовъ имущество въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его не успѣвали опѣнить войсками. Дрожки, столы, табуретки, расколовшіеся комоды загромождали проѣздъ, затрудняя доступъ пожарнымъ. Въ воротахъ били чѣмъ попало лошадей, испуганныхъ общею сумятицею и не дававшихъ вывести себя со двора; многія изъ нихъ падали и гибли въ пламени. Надъ толпою взвивались горѣвшія головни, въ раскаленномъ воздухѣ захватывало дыханіе. Вспоминается мнѣ растерянное лицо бабы, стоявшей съ иконою въ рукахъ подъ окнами своей квартиры: всѣ надежды свои она возложила на заступничество иконы. Помню: недалеко отъ меня кто-то выбросился изъ окна и, тяжело хлопнувшись на землю, остался недвижимъ, а черезъ него уже бѣжали потерявшіе всякое соображеніе люди. Группы добровольцевъ, потные и грязные, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лицъ, отчаянно работали пожарными насосами, помогая пожарнымъ; пожарные рукава сопѣли, высасывая жидкую грязь со дна обезводѣвшей Лиговки.

---

¹⁾ Съ ужасомъ вспоминаю, какъ мы пивали воду изъ Фонтанки. Какъ мы только уцѣлѣли?

Къ вечеру почти вся Лиговка представляла собою два длинныхъ ряда тлѣвшихъ и дымившихся развалинъ.

Свидѣтелемъ этого и нѣсколькихъ другихъ пожаровъ мнѣ довелось быть потому, что нашъ классъ рѣшилъ посвящать промежутки между экзаменами спасенію погоравшихъ. Сдавъ тотъ или другой экзаменъ, каждый спѣшилъ къ условленному мѣсту пожара и, не дожидаясь прибытія товарищей, принимался за дѣло. Для насъ это было не спортомъ, не развлеченіемъ; намъ казалось, что наше ничтожное участіе дѣйствительно можетъ облегчить горе иного бѣдняка, и къ этому мы относились, какъ къ дѣлу чести. По этому поводу опять повторю, что зеленая молодежь смотритъ на все по-своему и что эту черту ея необходимо принимать во вниманіе при оцѣнкѣ ея поступковъ. Само собою, толку отъ нашей страстной работы на пожарахъ было мало, но намѣренія наши были хороши. Лучшее, чего намъ удавалось достигнуть, ограничивалось тѣмъ, что мы успѣвали иногда поспѣть кстати, чтобы снести съ переполненной дымомъ лѣстницы какого-нибудь растерявагося отъ страха челоуѣка, какую-нибудь старушку, или вынести на улицу ту или другую вещь, которую, быть можетъ, черезъ нѣсколько минутъ покидали воры. Въ остальномъ мы были совершенно бесполезны и нерѣдко смѣшны. Разъ мы, въ пылу усердія, съ большимъ трудомъ выбросили на улицу изъ третьяго этажа чье-то фортепіано; отъ него навѣрное остались послѣ этого одни осколки, и хорошо еще, если оно не придавило какого-нибудь случайнаго прохожаго. Лично себѣ я ставлю въ заолугу спасеніе кипѣвшаго самовара: съ опасностью жизни я снесъ его съ пятаго этажа подъ ворота, гдѣ на него тогда же наѣхали пожарные. Не думаю, чтобы владѣльцы самовара были особенно благодарны мнѣ за такую услугу.

Тогдашніе пожары были для большинства людей недостаточнаго класса гораздо болѣе тяжелымъ бѣдствіемъ, чѣмъ нынѣшніе: теперь страхованіе имущества практикуется этими людьми довольно часто, а въ то время о немъ мало кто думалъ. Поэтому множество людей, разъ погорѣвъ, надолго лишалось возможности обзавестись заново необходимымъ скарбомъ. Зато, съ другой стороны, находились предприимчивые людишки, для которыхъ общее бѣдствіе служило источникомъ легкой наживы. Рассказывали, что послѣ истребленія огнемъ Апраксина двора выкраденное оттуда имущество послужило основаніемъ для богатства кое-какихъ скупщиковъ, со временемъ обратившихся въ крупныхъ торговцевъ и достопочтенныхъ домовладѣльцевъ. Кто знаетъ, не ихъ ли почину обязано было столичное населеніе поджогами?

Изъ сильныхъ впечатлѣній, пережитыхъ мною въ этотъ годъ, особенно ярко запечатлѣлось въ моей памяти воспоминаніе о первой и послѣдней видѣнной мною сценѣ публичнаго наказанія кнутомъ. Не умѣю объяснить, что именно побудило меня отправиться на это потрясаю-

щее зрѣлище; не думаю, чтобы мною руководилъ при этомъ инстинктъ жестокости, такъ какъ ни тогда, ни послѣ, я не ощущалъ его въ себѣ. Помню только, что, идя на мѣсто казни вмѣстѣ съ товарищемъ, которому принадлежала инициатива въ этой затѣѣ, я испытывалъ величайшее волненіе. Дѣло было очень раннимъ утромъ; тѣмъ не менѣе, когда мы пришли на Конную площадь, гдѣ назначено было совершеніе казни, народа было уже тамъ видимо-невидимо. Толпа состояла изъ людей всякаго званія, но преобладало простонародье; были тутъ же и дѣти, которыхъ старшіе поднимали на рукахъ, чтобы и имъ было видно. Съ нашего мѣста можно было разглядѣть вдали высокій помостъ, на которомъ стояла «кобыла», а около нея человѣкъ въ красной рубахѣ съ засученными рукавами. Разсмотрѣть лица его я не могъ за дальностью разстоянія и съ біеніемъ сердца вслушивался въ раздававшіяся отрывочныя фразы ближайшихъ сосѣдей. Говорили объ инокѣ палача, о томъ, что онъ умѣетъ, если захочетъ, однимъ ловкимъ ударомъ забить человѣка на-смерть. Гулъ толпы то крѣпчалъ, то ослабѣвалъ; мнѣ чувствовалось въ немъ возбужденное настроеніе собравшейся здѣсь массы людей. Вдругъ гулъ затихъ, и въ толпѣ произошло усиленное движеніе къ центру; насъ сдавили со всѣхъ сторонъ. Вскорѣ мы увидѣли, что на помостѣ происходитъ какое-то замѣшательство; потомъ все какъ будто пришло въ порядокъ, и стало видно, что на кобылѣ распростертъ человѣкъ съ обнаженной спиной. Палачъ, отступивъ отъ него, поправилъ свой засученный рукавъ, издалъ какой-то рѣзкій звукъ и взмахнулъ кнотомъ. Я невольно зажмурился и уже не видалъ, какъ опустилась плеть; я только услышалъ отчаянный, пронзительный вопль наказуемаго и, зажавъ уши, сталъ изо всѣхъ силъ протискиваться вонъ изъ толпы. Пробраться сквозь эту плотную массу людей, приковавшихъ взоры къ роковому помосту, было крайне трудно, и, пока я работалъ локтями и плечами, расчищая себѣ путь и получая тумаки, до слуха моего долетѣло еще нѣсколько раздражающихъ душу воплей съ помоста. Когда, весь мокрый и дрожащій, я выбрался, наконецъ, на свободное мѣсто, я увидѣлъ около себя моего товарища, о которомъ совсѣмъ было позабылъ. Онъ тоже дрожалъ, былъ блѣденъ и смотрѣлъ на меня расширенными глазами. Не сказавъ другъ другу ни слова, мы бросились почти бѣгомъ прочь отъ этого ужаснаго мѣста.

VII.

Наше дѣтское самомиѣніе, обусловленное незнаніемъ жизни.—Практическіе плоды гимназическаго ученія.

Говоря выше о чистотѣ и безкорыстіи нашихъ юношескихъ стремленій въ выпускномъ классѣ, я отнюдь не имѣлъ намѣренія выставить моихъ товарищей, а тѣмъ менѣе себя самого, образцами добродѣтели. Въ насъ, несомнѣнно, было много очень непохвальныхъ качествъ. Иначе и быть не могло: вѣдь мы были плоть отъ плоти и кость отъ кости нашихъ взрослыхъ современниковъ. Природа не допускаетъ скачковъ, и никогда не можетъ случиться, чтобы молодое поколѣніе не имѣло значительнаго сходства со старымъ. Но молодежи всегда было и будетъ свойственно считать себя представительницею совершенно новаго типа, не имѣющаго никакихъ точекъ соприкосновенія съ предшествовавшимъ поколѣніемъ. Такъ смотрѣли на себя и мы, и отсюда происходили тѣ несуразные поступки наши, которые внесли горе и страданіе во многія почтенныя семьи. Многіе изъ насъ, ослѣпленные ничѣмъ не оправдывавшимся самомиѣніемъ, нисколько не щадили чувствъ своихъ родителей и родныхъ, которымъ обязаны были своимъ воспитаніемъ, и явно—иногда даже до наглости—давали имъ чувствовать свое якобы превосходство надъ ними. Много родительскихъ, особенно любящихъ материнскихъ сердець было жестоко ранено въ то время не въ мѣру заносчивыми дѣтми, которыя вообразили себя солью земли. Пылкіе юноши, отрицая естественность семейныхъ привязанностей, думали поставить на ихъ мѣсто холодно-разсудочныя отношенія, которыхъ, какъ извѣстно, оказывается недостаточно даже для поддержанія добраго знакомства съ посторонними. вмѣсто того, чтобы быть людьми ума и сердца вмѣстѣ, они хотѣли стать простыми мыслящими машинками. Но какой же отецъ, какая мать—если они сами не искалѣченные нравственно люди—могутъ удовлетвориться однимъ разсудочнымъ отношеніемъ къ нимъ ихъ дѣтей?

Да, приняли-таки мы тогда грѣха на душу! При всей нашей гуманности, при всемъ благородствѣ нашихъ стремленій, мы были несправедливы и жестоки къ хорошимъ людямъ, которымъ были очень многимъ обязаны. Виною тому была наша чрезмѣрная заносчивость и прямолинейность, обыкновенно сопутствующая односторонности. Не зная жизни, мы считали всѣ наши розовыя мечты осуществимыми и такъ какъ во взрослыхъ замѣчали сомнѣніе на этотъ счетъ, то готовы были видѣть въ нихъ противниковъ. Мы были «передовыми», а они «постепеновцами»; но зачѣмъ же—разсуждали мы—прогрессу совершаться по-

степенно, если все можетъ быть сдѣлано сразу? Какъ это сдѣлать? Очень просто: декретировать «свободу, равенство и братство»; только и всего. Какъ только предписаніе выйдетъ, всё тотчасъ же обратятся въ братьевъ и заживутъ какъ нельзя лучше. Не будетъ ни униженныхъ, ни оскорбленныхъ, ни обездоленныхъ матеріально, потому что всякій вѣдь только того и ждетъ, чтобы ему позволили поступиться собственными интересами въ пользу ближняго.

Повторяю: не зная жизни и людей, мы приписывали массѣ тѣ же мысли и чувства, которыя одушевляли насъ самихъ. Въ этомъ отношеніи мы, пожалуй, очень походили на институтокъ недавняго прошлаго; зато и насъ, подобно имъ, дѣйствительность начала съ первыхъ же шаговъ гладить противъ шерсти. Въ шестнадцать-семнадцать лѣтъ отроку надо бы уже знать что-нибудь о тѣхъ условіяхъ, которыя ожидаютъ его по выходѣ даже изъ средней школы, а главное—о тѣхъ побужденіяхъ, которыми руководится въ жизни большинство, ставящее низменные интересы превыше всякихъ идеаловъ. Но мы не знали этого; въ нашихъ рыцарскихъ мечтаніяхъ не было мѣста для такой «унизительной» мысли. Не испытавъ сами гнетущей нужды, мы не имѣли и не могли имѣть живого представленія о томъ, какъ отражается она въ большинствѣ случаевъ на всемъ духовномъ складѣ человѣка. Отсюда наша крайняя нетерпимость ко всему, что не совпадало съ нашими радужными ожиданіями, и къ людямъ, порою возражавшимъ намъ на основаніи житейскаго опыта. Такихъ людей мы безъ дальнихъ разсужденій зачисляли въ ретрограды и, по возможности, сторонились отъ нихъ. Прямые преемники такъ-называемыхъ «людей сороковыхъ годовъ», мы не очень-то далеко ушли отъ нихъ въ отношеніи склонности къ идеологии, хотя и приписывали себѣ — неизвѣстно, почему — качества «практическихъ» людей въ хорошемъ значеніи этого слова. Принимая за источникъ человѣческихъ поступковъ единственно духовныя побужденія, мы, въ сущности, совершали такую же ошибку, въ которую впали позднѣйшія поколѣнія юнцовъ, рѣшившія, съ чужого голоса, что источникомъ всего служить единственно желудокъ. Мнѣ кажется, что виною этихъ ошибокъ является наша школа; въ ней несомнѣнно есть изъянъ, объ устраненіи котораго давно пора бы позаботиться.

Относительно насъ могу сказать одно: по выходѣ изъ гимназіи, мы обладали извѣстнаго рода развитіемъ, знали пройденные по программѣ «предметы» и имѣли совершенно неправильныя представленія о дѣйствительности. Въ смыслѣ подготовительной ступени къ высшему образованію, такого багажа было, пожалуй, и достаточно; но куда годились тѣ изъ насъ, которымъ, въ силу обстоятельствъ, либо нельзя было поступить въ университетъ, либо не удалось окончить въ немъ курса? Не зная ни ремесла, ни какого-нибудь другаго практическаго дѣла, что могли

они предпринять, кромѣ обычной розничной продажи своихъ школьныхъ познаній, въ формѣ грошовыхъ уроковъ, кромѣ занятій перепискою, изготовленіемъ для рынка сомнительнаго качества переводовъ и т. п.? Притомъ, гимназія всѣмъ своимъ строемъ отрывала своихъ питомцевъ недворянскаго происхожденія отъ интересовъ той среды, изъ которой они вышли. Сыновья купцовъ ни за что не хотѣли заняться торговлей: зная темныя стороны купеческой дѣятельности, они относились къ ней съ понятною брезгливостью. То же было съ дѣтьми мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ и иного званія людей. По существу, это можетъ быть названо явленіемъ хорошимъ: никто не хотѣлъ служить дѣлу, которое признавалъ неблагороднымъ. Но не должна ли бы входить въ число задачъ школы забота о томъ, чтобы юношество, просвѣтляясь духовно, вмѣстѣ съ тѣмъ выросло съ сознаниемъ, что наибольшую пользу прогрессу всякій можетъ принести честною работою въ той средѣ, которая всего ближе знакома ему съ ранняго дѣтства? И не должна ли средняя школа, помимо столь занимательныхъ предметовъ, какъ стереометрія, латинская грамматика и проч., вооружать своихъ питомцевъ также и тѣми познаніями, которыя могутъ пригодиться имъ въ практической жизни? Здѣсь, конечно, не мѣсто рѣшать эти вопросы, но въ школьныхъ воспоминаніяхъ нельзя не коснуться ихъ попутно хотя-бы вскользь.

VIII.

Спектакль и литературный вечеръ въ гимназіи.—Мих. Ив. Семевскій, какъ актеръ и рассказчикъ.—Депутаціи къ французскимъ артистамъ.—Пьяный поэтъ.—Чтеніе Некрасова, Майкова, Писемскаго и Бенедиктова.—Разказы И. Ѳ. Горбунова.

Зима 1862 г., предшествовавшая нашему выпуску, ознаменовалась въ гимназіи двумя небывалыми до тѣхъ поръ въ ея стѣнахъ событіями: устройствомъ спектакля и литературнаго вечера съ благотворительною цѣлью. Такихъ спектаклей и вечеровъ бывало тогда въ Петербургѣ множество, и всѣ они, по новости дѣла, имѣли большой успѣхъ. Это подало нашему наставнику В. И. Водовозову мысль воспользоваться стремленіемъ публики къ зрѣлищамъ, чтобы путемъ спектакля собрать хоть какія-нибудь средства для тѣхъ изъ выпускныхъ воспитанниковъ, которые, по выходѣ изъ гимназіи, не имѣли бы возможности даже экипироваться. Дѣятельнымъ помощникомъ его въ осуществленіи этой мысли явился близкій къ нему въ то время человекъ, Мих. Ив. Семевскій, впоследствии основатель «Русской Старины», а тогда еще

начинавший писатель изъ молодыхъ офицеровъ. Оба эти лица энергично взялись за дѣло. Не безъ труда и хлопотъ добыли они разрѣшеніе на постановку запретной до тѣхъ поръ пьесы Островскаго «Доходное мѣсто», приискали исполнителей и исполнительницъ ролей и руководили ихъ репетиціями. Двѣ роли пришлось на долю воспитанниковъ старшаго класса гимназій. Уже первыя считки показали, что пьеса, во всякомъ случаѣ, не «провалится», а можетъ быть сойдетъ даже и совсѣмъ гладко. Достали на прокатъ у театральнаго предпринимателя въ Измайловскомъ полку декораціи, соорудили въ большомъ рекреационномъ залѣ заправскую сцену, наняли оркестръ. Надо было, сверхъ того, пригласить нѣсколько лицъ для участія въ предполагавшемся послѣ спектакля дивертисментѣ; съ этою цѣлью воспитанники выбрали изъ своей среды двѣ депутаціи, на которыя и были возложены разѣзды по знаменитостямъ. Въ одну изъ нихъ попалъ и я, что дало мнѣ случай разъ въ жизни увидѣть во-очію установленныя всякими ненужными вещами и сильно парфюмированныя жилища нѣкоторыхъ артистокъ тогдашней французской труппы Михайловскаго театра. Мой товарищъ и я, вдводемъ составлявшіе эту депутацію, чрезвычайно конфузились въ совершенно непривычной для насъ обстановкѣ и навѣрное были очень смѣшны въ нашихъ парадныхъ мундирчикахъ, изъ которыхъ успѣли немного вырости; но, сознавая важность возложенной на насъ миссіи, мы бодрились и старались не уронить своего достоинства. Помнится, мы прежде всего побывали у г-жи Мокуръ, очень посредственной, но бывшей въ модѣ актрисы. Она вышла къ намъ въ какомъ-то «доводящемъ умъ до восторга» пеньюарѣ и съ ярко накрашенными губами; потомъ поѣхали къ плѣнительной, хотя и черезчуръ полной Мидѣ, были и у красавицы Деверіа, о которой въ то время ходило по городу столько заманчивыхъ анекдотовъ. Не знаю, вслѣдствіе ли нашего неумѣнія обходиться съ дамами этого круга или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, только изъ всѣхъ посѣщенныхъ нами звѣздъ французской сцены одна лишь Деверіа съ первыхъ же словъ выразила согласіе помочь доброму дѣлу и—что важнѣе всего—исполнила свое обѣщаніе: послѣ спектакля, на который она пріѣхала въ гимназію въ сопровожденіи красиваго кирасирскаго офицера, она продекламиривала со сцены какое-то слащавое стихотвореніе, начинавшееся словами: «*Donnez aux pauvres!*»

Спектакль нашъ сошелъ какъ нельзя лучше, при переполненномъ зрительномъ залѣ. Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю жены нашего учителя географіи Д. Д. Семенова, въслѣдствіи сдѣлавшаго удачную педагогическую карьеру; роль Фелицаты Герасимовны (въ «Доходномъ мѣстѣ») исполнена была этою дамою дѣйствительно мастерски. Недуренъ хотя недостаточно натураленъ, былъ въ роли благороднаго Жадова Мих. Ив. Семевскій. Естественность, кажется, и вообще не была свой-

ственна его характеру. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, онъ держался либеральнаго образа мыслей и былъ не прочь щегольнуть свободомысліемъ въ «сценахъ изъ народнаго быта», которыя охотно рассказывалъ. Съ легкой руки И. Ѳ. Горбунова, такихъ рассказчиковъ развелось тогда немало, но всѣ они, какъ почти всегда бываетъ съ подражателями, не сумѣли достигнуть той степени искусства, какую обладалъ ихъ оригиналъ. Общій недостатокъ ихъ «сценъ» заключался въ вымученности темы и въ замѣнѣ живого, естественнаго юмора смѣшными словами. Не былъ свободенъ отъ этого недостатка и Семевскій, какъ сочинитель и рассказчикъ «сценъ». Слушая его, нельзя было не получить впечатлѣнія, что онъ говоритъ не совсѣмъ то и не совсѣмъ такъ, чтó и какъ думаетъ, а какъ будто немного фальшивить. Такой же неискренній тонъ приданъ былъ имъ и роли Жадова; тѣмъ не менѣе, благодаря самой сущности этой роли, онъ былъ награжденъ бурными рукоплесканіями зрителей.

Спектакль, согласно программѣ, завершился дивертисментомъ, который ознаменовался, между прочимъ, довольно характернымъ для того времени скандаломъ. Надо сказать, что за кулисами у насъ устроенъ былъ буфетъ для угощенія участниковъ представленія. Дамы пили чай и кушали фрукты, мужчины приналегли преимущественно на напитки и закуску. Въ числѣ участниковъ дивертисмента находился одинъ изъ весьма небезызвѣстныхъ въ ту пору поэтовъ, любезно оогласившійся прочесть одно изъ своихъ стихотвореній. Поэтъ этотъ, къ сожалѣнію, принадлежалъ къ многочисленной тогда группѣ литераторовъ-алкоголиковъ, не только не стыдившихся своего недуга, но даже какъ будто щеголявшихъ выставленіемъ его напоказъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ гимназію вполпьяна и, конечно, тотчасъ же пристроился къ бутылкамъ у буфета: пилъ-пилъ, даже не закусывая, и къ тому времени, когда пришла пора выходить ему на сцену, оказался пьянъ, какъ сапожникъ. Какъ ни старались распорядители спровадить его домой, онъ, съ шумомъ и поползновеніемъ къ буйству, ворвался на сцену. Я какъ сейчасъ помню этотъ отвратительный эпизодъ. Ослѣпленный свѣтомъ лампъ, пьяный поэтъ остановился посреди сцены и нѣсколько мгновеній молча смотрѣлъ осоловѣлыми глазами на публику, какъ-бы соображая, куда онъ попалъ. Зрители въ недоумѣніи притихли; всѣ бывшіе за сценой съ тревогою приникли къ щелямъ въ кулисахъ. Поэтъ постоялъ, пошатываясь, потомъ громко икнулъ и вдругъ, взмахнувъ рукою, началъ декламировать заплетающимся языкомъ что-то безсвязное.

— Занавѣсъ! — трагическимъ шопотомъ командовали за сценою растерявшіеся распорядители.

— Н-не надо! Погоди! — крикнулъ поэтъ и, жестикулируя, сѣлъ на полъ.

Пока спускали занавѣсъ, онъ успѣлъ, среди общаго смущенія, довольно громко и отчетливо продекламировать:

„Одѣяло сбито... свернуто въ комокъ...
Съ головы свалился шелковый платокъ“...

Но тутъ его уже силою убрали со сцены. Изъ залы неслось шиканье и слышались свистки.

По нынѣшнимъ нравамъ, сцена эта должна быть признана невѣроятною; но я не выдумалъ ее и изобразилъ все такъ, какъ было въ дѣйствительности. Повторяю, среди тогдашнихъ литераторовъ была многочисленная группа алкоголиковъ, и пьянство ихъ, даже публичное появленіе ихъ въ пьяномъ видѣ, весьма многихъ тогда нисколько не шокировало. Я не хочу называть именъ, потому что имѣю въ виду не обличеніе, а только обрисовку нѣкоторыхъ чертъ той удивительной поры, когда въ одномъ и томъ же человѣкѣ наилучшія стремленія, умъ, порою даже значительный талантъ, могли уживаться съ привычками и нравами дикаря. Нѣсколько далѣе мнѣ придется еще разъ коснуться этой непривлекательной темы; теперь же скажу только, что въ запискахъ моихъ нѣтъ вымысла.

Вскорѣ послѣ такъ нелѣпо закончившагося театральнаго вечера, устроенъ былъ у насъ еще и вечеръ музыкально-литературный, съ тою же, какъ и прежде, благотворительною цѣлью. Изъ литераторовъ участвовали въ немъ Некрасовъ, Майковъ, Писемскій и почему-то приглашенный Бенедиктовъ, уже задолго передъ тѣмъ вышученный Добролюбовымъ съ его прежней литературной позиціи. Въ виду существовавшего тогда почти всеобщаго охлажденія публики къ этому поэту, никто не думалъ, чтобы онъ могъ имѣть успѣхъ на вечерѣ, но вышло наоборотъ. При появленіи на эстрадѣ Бенедиктова, маленькаго тщедушнаго, франтовато одѣтаго старичка съ гладко зачесанными впередъ височками, въ залѣ послышались лишь очень жидкія рукоплесканія, какія обыкновенно расточаются публикою изъ простой вѣжливости; но когда онъ съ паеосомъ прочиталъ выбранное имъ небольшое стихотвореніе, зала огласилась бурными кликами одобренія и аплодисментами: старикъ подкупилъ слушателей какъ пламенемъ своею декламациі, такъ и темою прочитанной вещицы. Въ стихахъ, сколько помню, говорилось о томъ, что на смѣну старымъ бойцамъ пришли новые, молодые, которымъ поэтъ и говорить въ послѣдней строкѣ: «шагайте черезъ насъ!» Къ такому призыву, конечно, не могла не отнестись сочувственно тогдашняя публика, возлагавшая необыкновенныя надежды на «молодое поколѣніе». Особенно неистово кричали въ залѣ мы, гимназисты, принявшіе возгласъ Бенедиктова прямо на свой счетъ. Поэтъ былъ видимо растроганъ горячимъ приемомъ, котораго, быть можетъ, не ожидалъ, и съ поклонами на всѣ стороны, пятясь, удалялся съ эстрады среди общаго шума.

Потомъ мы увидѣли на эстрадѣ плотную, тяжеловѣсную фигуру Писемскаго. Онъ какъ-то мужиковато сѣлъ за поставленный для него столикъ съ традиціонными при публичныхъ чтеніяхъ двумя свѣчами въ высокихъ подсвѣчникахъ и, развернувъ книгу, прочелъ отрывокъ изъ какой-то своей повѣсти. Читалъ онъ грубымъ голосомъ и имѣя строгій видъ, но отгѣнки разговоровъ своихъ персонажей передавалъ мастерски; окончивъ же чтеніе, самымъ спокойнымъ образомъ поднялся со стула и, мало обращая вниманія на рукоплесканія, ушелъ какъ-бы чѣмъ-то недовольный.

Некрасовъ и Майковъ, читавшіе нѣсколько позже, по окончаніи различныхъ вокальныхъ и инструментальныхъ нумеровъ программы, оказались декламаторами двухъ совершенно несходныхъ между собою школъ. Майковъ, прочитавшій, сколько мнѣ помнится, свое извѣстное стихотвореніе «Поля», увлекъ всю залу пыломъ и энергіей своей декламации; онъ не пѣлъ, не подвывалъ на тѣхъ словахъ и фразахъ, которымъ требуется придать особенную выпуклость, т. е. не впадалъ въ шаржировку, свойственную декламаторамъ, лишеннымъ чувства эстетической мѣры. Съ другой стороны, онъ не читалъ стиховъ, какъ прозу, съ остановками на точкахъ среди стиха на столько продолжительными, что для слушателя утрачивается возможность наслаждаться плавностью, какъ-бы музыкальностью пьесы и звучностью рифмъ. Такая шероховатая манера чтенія была, какъ извѣстно, свойственна Полонскому, декламация котораго производила мѣстами такое впечатлѣніе, будто чтець либо занкнулся, либо споткнулся. У Майкова же, при отсутствіи какъ излишней пѣвучести, такъ и спотыканія, каждое слово выдѣлялось съ надлежащею полнотою, а между тѣмъ стихи оставались стихами, не сбиваясь на прозу. Что касается Некрасова, то его чтеніе нельзя было бы назвать декламацией. Не говоря о томъ, что уже въ тотъ вечеръ, когда мнѣ впервые довелось слышать его, голосовыя средства его были подточены болѣзнью и говорилъ онъ силнымъ голосомъ, самая манера его поражала однообразіемъ и унылою монотонностью. Ни пониженій, ни повышеній тона, все ровно, одинаково, какъ шорохъ песку подъ колесами медленно движущагося воза. На нашемъ вечерѣ Некрасовъ прочиталъ свое стихотвореніе на смерть Добролюбова, которое, конечно, многіе еще помнятъ:

„Я побинулъ кладбище унылое,
Но я мысль мою тамъ позабылъ:
Подъ землею въ гробу пріютился
И глядитъ на тебя, мертвый другъ“ и т. д.

Къ такой вещи и манера, и слабый голосъ Некрасова, пожалуй, подходили: они, въ параллель самой темѣ, вызывали въ слушателяхъ скорбное, кладбищенское настроеніе. Но достаточно представить себѣ,

что такимъ же могильнымъ тономъ были бы прочитаны строфы, полная огня и энергіи, и несостоятельность некрасовской манеры выкажется сама собою.

Музыкально-литературный вечеръ нашъ, говоря вообще, прошелъ блестяще. Огромный успѣхъ имѣли пѣвицы-любительницы, которыхъ, помимо прекрасныхъ голосовъ, публика горячо привѣтствовала преимущественно за самый фактъ появленія ихъ на подмосткахъ. Въ ихъ лицѣ чествовался либеральной починъ особъ, порвавшихъ связь съ недавнимъ еще нелѣпымъ предрасудкомъ, признававшимъ сценическую дѣятельность унизительною. Давно ли для актрисъ закрыты были двери въ «порядочные» дома, а на воспитанницъ Театральнаго училища смотрѣли какъ на дѣвушекъ, которыхъ сама судьба предназначила для карьеры наложницъ? И вотъ являются дамы и дѣвицы изъ вполне «порядочнаго» круга, которыя смѣло—даже не подъ тремя звѣздочками, а съ пропечатаніемъ полной фамиліи на афишѣ—выступаютъ публично на подмосткахъ! Это была одна изъ перчатокъ, которыя въ то время бросаемы были новымъ временемъ старому; тогдашняя чуткая публика цѣнила это.

Успѣху вечера немало способствовалъ также и юный актеръ Ив. Ѳед. Горбуновъ, уже успѣвшій въ то время создать себѣ извѣстность разсказами изъ народнаго быта, вызвавшими вскорѣ, какъ уже было сказано, множество подражателей. Разсказы его, частью появившіеся потомъ въ печати, дышали здоровымъ юморомъ и обличали въ авторѣ тонкую наблюдательность; но особенный, какъ говорится, «смакъ» они получали въ устной передачѣ самого Горбунова. Лицо его, очень заурядное, изъ тѣхъ, какія часто встрѣчаются среди смышленныхъ простолюдиновъ, обладало необычайною подвижностью; благодаря этому, а также умѣнію соотвѣтственно распоряжаться своими тѣлодвиженіями, Горбуновъ мастерски воспроизводилъ разнообразнѣйшіе типы. При этомъ природа надѣлила его настолько гибкимъ голосомъ, что еслибы прослушать съ закрытыми глазами какую-нибудь изъ его сценъ, гдѣ идетъ разговоръ въ толпѣ, слушателю едва ли повѣрилось бы, что передъ нимъ говорить всего одинъ человекъ. Переходы отъ одного голоса къ другому не представляли для Горбунова никакой трудности, такъ что непосредственно вслѣдъ за фистулою какого-нибудь мастерового до уха слушателей доходилъ сильный басъ городского, убѣждающаго толпу разойтись, а городского почти на полусловѣ перебывалъ уже новый голосъ, не похожій на прежніе. Вслѣдствіи извѣстности этого талантливаго разсказчика еще болѣе упрочена была созданнымъ имъ типомъ резонера генерала Дитятина; но рѣчей Дитятина мнѣ, къ сожалѣнію, не доводилось слышать лично отъ Горбунова.

IX.

Первые шаги по выходѣ изъ гимназiи.—Частные кружки; ихъ каррикатурная сторона.—Увлеченiя и разочарованiе.

Выше уже было говорено, что наша гимназiя, по внутреннему своему строю, была не хуже, а въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ даже лучше другихъ. Тѣмъ не менѣе, она ни въ одномъ изъ насъ не возбудила привязанности къ себѣ, и уже одно это является осуждающимъ приговоромъ ей, какъ воспитательному заведенiю. Получивъ на руки аттестаты объ окончанiи курса, мы безъ сожалѣнiя покинули гимназическое зданiе, чтобы уже никогда больше не заглядывать въ него. Взаимная связь наша прекратилась такъ же прозаически, какъ прекращаются чисто дѣловыя отношенiя. Обѣ стороны какъ-бы исполнили нѣчто въ родѣ договора: мы терпѣливо высидѣли въ гимназiи семь лѣтъ, она, съ своей стороны, снабдила насъ аттестатами—и дѣло съ концомъ. Никакихъ такъ-называемыхъ «телячьихъ нѣжностей», въ родѣ теплаго напутствiя выбывающему на волю юношеству, добраго совѣта на дорогу и проч., не было: просто—ступайте, молъ, и разбирайтесь сами, какъ знаете, въ житейской гущѣ!

И вотъ мы стали разбираться.

Прежде всего, по традици, устроили въ складчину прощальное товарищеское пиршество въ скромной кухмистерской. Ъли, пили, говорили рѣчи, приличные вольнымъ людямъ, и, прогулявъ рубля по три на человѣка, разошлись по домамъ въ самомъ приподнятомъ настроенiи и въ увѣренности, что будущее Россiи въ нашихъ рукахъ. Никто изъ насъ и не подумалъ бы тогда, что руки-то у насъ коротки.

Университетъ въ тотъ годъ стоялъ закрытый, вслѣдствiе предшествовавшихъ безпорядковъ; поэтому намъ предстоялъ продолжительный досугъ. Кто могъ, пользовался имъ для чтенiя всяческихъ книгъ и журналовъ, кто не могъ, тотъ старался приискать себѣ какое-нибудь хлѣбное занятiе—уроки, переписку или переводы, такъ какъ ничего другого дѣлать мы не умѣли. Нѣкоторые, чтобы не терять года, рѣшили поступить въ другiя высшiя учебныя заведенiя. Но и тѣ, и другiе, и третьи особенно страстно бросались въ разговоры, причемъ многимъ довольно скоро удалось выработаться въ заправскихъ говорунѣхъ и настолько облаглѣть, чтобы непрерываемо рѣшать сплеча самые сложные вопросы. Надо замѣтить, что подобныя говоруны пользовались въ то время въ извѣстныхъ кружкахъ нѣкотораго рода почетомъ: легковѣрные люди принимали ихъ шумное краснобайство за чистую монету, не допуская даже мысли, чтобы за красивыми фразами могъ скрываться просто

пустой болтунъ. Я далекъ отъ намѣренія бросить камнемъ въ лучшую, серьезную часть тогдашняго общества, давшую немало число вполне почтенныхъ дѣятелей на разнообразныхъ поприщахъ, но не вижу надобности умалчивать и объ обратной сторонѣ медали, затушевывать каррикатурную сторону петербургскаго настроенія той эпохи. Безъ каррикатуры же дѣло не могло обойтись уже потому, что тогдашнее общественное движеніе, разлившись очень широкою волной, вынесло на поверхность немало незрѣлыхъ и несерьезныхъ элементовъ. Они-то (выражаясь цвѣтисто) и составили ту мутную накипь на варившемъ великія реформы котлѣ, которая впоследствии сослужила такую хорошую службу реакціонной партіи. Эту каррикатурную сторону эпохи общественнаго пробужденія составляли образовавшіеся тогда въ Петербургѣ, въ значительномъ числѣ, кружки и собранія для пустопорожнихъ разговоровъ. Въ разныхъ домахъ съѣзжались въ опредѣленные дни люди, нерѣдко даже недостаточно близко знакомые съ хозяевами, и «дѣлились мыслями» по современнымъ вопросамъ. Почти всѣ дни недѣли были разобраны: у кого собирались по воскресеньямъ, у кого по вторникамъ, у кого по субботамъ, такъ что праздному человѣку, любящему поговорить, можно было хоть каждый вечеръ проводить въ гостяхъ. Въ этомъ, конечно, еще не было ничего дурного, тѣмъ болѣе, что существовали дома, въ которыхъ дѣйствительно собиралось дѣльное и трезвое общество, соответствующее чему и происходившій тамъ обмѣнъ мнѣній могъ только способствовать умственному подъему присутствовавшихъ. Но значительное, если не большее, число тогдашнихъ собраній, впоследствии получившихъ названіе «говориленъ», походило просто на забаву досужихъ людей. Два-три такихъ кружка мнѣ довелось наблюдать довольно близко; не называя лицъ, я попытаюсь обрисовать, въ общихъ чертахъ, эти собранія въ томъ видѣ, въ какомъ они запечатлѣлись въ моей памяти. Прибавлю кстати, что въ консервативныхъ кружкахъ я не бывалъ и характера ихъ не знаю, а потому и буду говорить только о либеральныхъ или, вѣрнѣе, о я к о б ы-либеральныхъ или, пожалуй, даже просто безтолковыхъ.

Обыкновенный ходъ дѣлъ на подобныхъ собраніяхъ бывалъ таковъ: въ назначенный разъ навсегда день, хозяйинъ закупалъ сыру, колбасы, сардинъ или иныхъ закусокъ, смотря по средствамъ, и часовъ съ девяти вечера начиналъ поджидать гостей. Хозяйка, въ большинствѣ случаевъ, даже при скудныхъ средствахъ мужа, не принимала участія въ хозяйственныхъ хлопотахъ, такъ какъ не считала такихъ мелочей заслуживающими вниманія «развитой» женщины (а какая же женщина не считала себя тогда развитою?). Устройство банкета возлагалось на прислугу, а прислуга чаще всего бывала изъ дешевыхъ, простая деревенская дѣвушка съ весьма невысокими понятіями о чистоплотности.

Это, конечно, не особенно выгодно отражалось на сервировкѣ стола: на немъ появлялись испаранные отъ чистки пескомъ тусклый самоваръ, далеко не безукоризненной чистоты чайная и иная посуда и грубо, какъ для судорабочихъ, наръзанныя колбаса, селедка и проч. Впрочемъ, и гости не бывали особенно требовательны; по тогдашней либеральной модѣ, большинство интеллигенціи прямо бравировало неряшествомъ. Юноши ходили нестриженными и нечесанными, потому что имъ «некогда» было заниматься такими пустяками; по той же причинѣ дѣвушки демонстративно не мыли себѣ шею по цѣлымъ мѣсяцамъ и нимало не заботились о чистотѣ костюма. Странно было то, что одна и та же причина вызывала два совершенно противоположныхъ результата у молодыхъ людей двухъ половъ: юноши, за недосугомъ, отпускали себѣ длинные волосы, а дѣвушки, напротивъ, остригались въ скобку — и тоже за недосугомъ. Но подобный вздоръ оставался тогда незамѣченнымъ, и примѣру дѣвицъ вскорѣ начали подражать пожилыя дамы, на склонѣ лѣтъ внезапно замѣтившія, что коса мѣшаетъ имъ «заниматься».

Мало-по-малу квартира наполнялась или даже переполнялась посѣтителями всѣхъ возрастовъ. За недостаткомъ мебели разиѣщались гдѣ случится: на подоконникахъ, на отнятой у прислуги табуреткѣ, на письменномъ столѣ хозяина, и вообще держали себя непринужденно. Шумъ, говоръ, смѣхъ не прерывались ни на минуту; общество то окружало какого-нибудь оратора, среди облаковъ табачнаго дыма произносившаго заглушаемую общимъ движеніемъ рѣчь, то разбивалось на группы, причемъ шумъ становился оглушительнымъ. Въ одномъ углу кто-нибудь читалъ вслухъ отрывки изъ послѣдняго русскаго заграничнаго листка, въ другомъ декламировалось безцензурное стихотвореніе, въ третьемъ съ азартомъ, свойственнымъ русскому человѣку (которому, какъ извѣстно, и споръ не въ споръ, если онъ безъ крика), дебатировались тѣ или другіе отвлеченные или общественные вопросы. Иной изъ посѣтителей, заранѣе обдумавшій шансы подготовленнаго имъ эффекта и все время переходившій отъ одной группы къ другой съ загадочной улыбкой, внезапно — но такъ, чтобы всѣ видѣли — удалялся въ переднюю, откуда черезъ минуту возвращался съ печатнымъ листкомъ въ рукѣ. Листокъ этотъ — конечно, безцензурный — онъ мужественно носилъ съ собою, тая его подъ стелькою калоши до востребованія. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ постоянно встрѣчались двѣ-три фигуры въ русскіхъ боярскихъ костюмахъ; такіе костюмы были носимы тогда даже лицами, имѣвшими вовсе не русскія фамиліи. Это дѣлалось въ подражаніе извѣстному изслѣдователю отечественной старины Хмырову, щеголявшему въ цвѣтной шелковой рубашкѣ и бархатныхъ шароварахъ. Встрѣчались и люди, одѣтые по-крестьянски, наподобіе другого извѣст-

наго писателя, Якушкина, носившаго совѣмъ простонародное одѣяніе. Всегда можно было встрѣтить здѣсь и нѣсколькихъ литераторовъ, преимущественно изъ разряда алкоголиковъ, о которыхъ я уже упоминалъ ранѣе. Изъ нихъ мнѣ чаще всего доводилось видѣть двухъ братьевъ Ш., рѣдко бывавшихъ трезвыми. Оба были талантливы и умны; одинъ пользовался извѣстностью, какъ недурной беллетристъ, другой писалъ иностранное обозрѣніе въ «толстомъ» журналѣ, но оба были горькими пьяницами, нѣсколько разъ допивались до бѣлой горячки и умерли потомъ въ ужаснѣйшей обстановкѣ въ какихъ-то трущобахъ. Одного изъ нихъ—того, что писалъ иностранныя обозрѣнія—мнѣ довелось однажды, нѣсколько лѣтъ спустя, встрѣтить зимою, въ трескучій морозъ, на Сѣнной, въ ужасномъ видѣ: засунувъ окоченѣвшія руки въ карманы брюкъ и весь съезжившись отъ холода, онъ пробирался черезъ площадь рыцкою; все одѣяніе его состояло изъ фуражки съ порваннымъ козырькомъ, порывлага фрака, видимо съ чужого плеча, и галошъ, надѣтыхъ на босую ногу. Несчастный недугъ обоихъ этихъ писателей не препятствовалъ имъ, однако, пользоваться радушнымъ пріемомъ во многихъ домахъ. Какъ уже было сказано, пьянство не ставилось тогда въ вину интеллигентному человѣку. Былъ даже одинъ стихотворецъ, человѣкъ весьма даровитый, но разбѣнявшійся на мелочь, который открыто похвалялся тѣмъ, что не можетъ писать иначе, какъ въ состояніи опьяненія—и ничего: въ иныхъ домахъ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Трудно подыскать объясненіе такому тогдашнему взгляду на пьянство, но, если не ошибаюсь, дѣло заключалось въ ошибочной оцѣнкѣ причинъ этого порока. Предполагалось, что человѣкъ прибѣгаетъ къ вину не вслѣдствіе безхарактерности и внутренней дряблости, а потому, что окружающая дѣйствительность слишкомъ угнетаетъ его умъ, который и вынужденъ искать забвенія въ одурманеніи. Про литератора-пьяницу говорили тогда: «При его впечатлительности, онъ не можетъ равнодушно переносить господствующаго въ мірѣ зла». При этомъ упускали, однако, изъ вида, что быть равнодушнымъ зрителемъ зла нѣтъ никакой надобности, а если требуется бороться съ нимъ то ужъ, во всякомъ случаѣ, не пьянствомъ. Оставляли безъ вниманія также и то соображеніе, что, потакая пьянству во имя впечатлительности натуры, можно было логически дойти до утвержденія, что чѣмъ впечатлительнѣе человѣкъ, тѣмъ большее количество спиртныхъ напитковъ должно ему требоваться.

Какъ бы ни было, присутствіе пьяныхъ было въ ту пору не только терпимо на вечеринкахъ, но даже мало кого шокировало. Само собою разумѣется, что людямъ, пьянствовавшимъ «отъ впечатлительности», охотно подражали многіе, никакою впечатлительностью не обладавшіе, но желавшіе этимъ способомъ засвидѣтельствовать свою «близость къ

народу», который, как известно, тоже не прочь отъ выпивки. Слово «народъ» вообще не сходило тогда съ языка у всѣхъ говорунговъ, начиная отъ недавнихъ откупщиковъ, высосавшихъ изъ крестьянскаго населенія миллионы, и кончая помѣщиками, выдѣлившими крестьянамъ негодные для обработки земельные надѣлы. О народѣ же разлагольствовавали на всѣ лады и либеральныя петербургскіе чиновники, и мы, зеленая молодежь, большею частью въ глаза не выдавшіе деревни. Все «народное» вдругъ сдѣлалось всѣмъ чрезвычайно милымъ и «мужички» (какъ называли тогда крестьянъ) обратились въ идеальныя созданія. Начавшееся вскорѣ послѣ того «хожденіе въ народъ» слишкомъ ясно показало, однако, что, при всей нашей вѣжности къ «мужичку», между нимъ и нами лежитъ зіяющая пропасть и что понять другъ друга мы не можемъ, потому что говоримъ на разныхъ языкахъ. А мы-то, отуманенные нашими теоретическими выводами, на которые мы были такіе мастера, полагали, что «мужички» только того и ждутъ, чтобы вышли впередъ мы, бойцы за право и справедливость, и повели ихъ за собою!

Разговоры начинались за чаемъ, не прерывались въ теченіе всего вечера и достигали кульминаціоннаго пункта послѣ закуски. Къ этому времени всеобщее возбужденіе бывало обыкновенно уже настолько велико, что требовало выхода въ усиленныхъ тѣлодвиженіяхъ: начинались танцы подъ плохенькое фортепіано, отъ времени до времени смѣнявшіеся пѣніемъ. Отъ исполнителей требовалась не столько изящная передача данной пьесы, сколько «идейность» выбора: надо было, чтобы пьеса была непременно съ гражданскою начинкой, какъ будто дѣло шло не о пріятномъ препровожденіи времени, а о пробужденіи въ слушателяхъ цивическихъ чувствъ. Нужды нѣтъ, что вся «идейность» известной вещицы не стоила ломаннаго гроша и ни для кого не была новостью—содержанію всегда отдавалось предпочтеніе передъ формою. Исполненіе, хотя бы даже плохое, какихъ-нибудь стишковъ, похожихъ на отрывки изъ передовыхъ статей, положенныя на музыку, цѣнилось выше художественно спѣтаго поэтическаго романа, въ которомъ не было гражданскаго элемента. Если же такіе романы и бывали исполняемы, то развѣ только съ сатирическою цѣлью скопировать какого-нибудь изъ современныхъ известныхъ пѣвцовъ. Невозможно, конечно, предположить, чтобы подобное отношеніе къ искусству раздѣлялось всѣми участниками вечеринокъ, особенно изъ «стараго поколѣнія» (т. е. въ возрастѣ свыше 40 лѣтъ); но едва-ли будетъ ошибкою, если предположить, что многіе лукавили и не высказывали своего мнѣнія, чтобы не прослыть «отсталыми». При такихъ условіяхъ неудивительно, что успѣхъ выпадалъ порою на долю людей самой посредственной даровитости и только кружилъ имъ голову, развивая въ нихъ преувели-

*

ченное представленіе о собственныхъ силахъ. Всего комичнѣе было то, что подобнымъ собраніямъ участники ихъ придавали серьезное общественное значеніе: они видѣли въ нихъ одно изъ средствъ служенія прогрессу. Неудивительно, что при такомъ взглядѣ на дѣло многіе, уходя съ вечеринки, уносили съ собою сознаніе исполненнаго гражданскаго долга. Все это достаточно свидѣтельствуетъ о нашемъ тогдашнемъ недомыслии и о нашей склонности создавать себѣ миражи, въ чемъ, наравнѣ съ извѣстною частью взрослыхъ, были повинны и мы, юноши того времени, которымъ средняя школа не дала мѣрки для сужденія о житейскихъ дѣлахъ.

Мѣрка эта начала слагаться у каждого изъ насъ лишь впоследствии, когда, подъ влияніемъ усилившагося консервативнаго теченія, многіе недавніе либералы неожиданно обратились въ чистѣйшей воды консерваторовъ. Для насъ это было первымъ разочарованіемъ, за которымъ послѣдовалъ рядъ другихъ. Въ началѣ мы приписывали происшедшую въ нашихъ недавнихъ единомышленникахъ перемѣну ихъ «измѣнѣ убѣжденіямъ» и только потомъ разгадали, что и измѣнять-то имъ было нечему, такъ какъ люди эти были просто говорильными машинками и умѣли лишь поворачивать носъ по вѣтру.

А. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма В. А. Жуковского къ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 году¹⁾.

3¹⁾.

(Карлсбадъ, 23-го іюня (5-го іюля) — 29-го іюня (10-го іюля) 1821 г.).
Карлсбадъ, 23 іюня (5 іюля).

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ описывалъ я вашему императорскому высочеству путешествіе мое по Саксонской Швейцаріи. Теперь буду имѣть честь представить вамъ отчетъ въ остальной моей дрезденской жизни. Я познакомился въ Дрезденѣ съ нѣкоторыми интересными людьми, но буду говорить вашему высочеству только о двухъ, о Фридрихѣ²⁾ и Тигѣ³⁾.

¹⁾ Извлеченія изъ этого письма были первоначально напечатаны: 1) въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года, часть XIII, отдѣленіе первое, стр. 20—32, подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ письма о Саксоніи“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковского, изд. 8-е, т. V, стр. 438—445) и 2) въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 г., стр. 241 — 249, подъ заглавіемъ „Рафаелева Мадонна“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковского, изд. 8-е, т. V, стр. 445 — 449).— Не лишнимъ будетъ замѣтить, что П. А. Ефремовъ ошибочно указывалъ, будто „Отрывокъ изъ письма о Саксоніи“ (Соч. Жуковского, т. V, стр. 438—445), находящійся въ настоящемъ письмѣ, составляетъ извлеченіе изъ письма Жуковского къ великой княгинѣ отъ 17-го (29-го) іюня 1821 года (см. тамъ же, стр. 445 и 543). Добавимъ, что въ экземплярѣ XIII-й части „Московскаго Телеграфа“ за 1827 годъ, принадлежащемъ Императорской Публичной Библиотекѣ, въ началѣ „Отрывка изъ письма о Саксоніи“ (стр. 20), рукою князя П. А. Вяземскаго карандашомъ написано: „Мною доставлено“.

²⁾ Живописецъ Фридрихъ (о немъ см. „Русскую Старину“ 1901 г., октябрь, стр. 238, примѣчаніе).

³⁾ Людвигъ Тигъ (Tiesck, р. 1773 † 1853), извѣстный поэтъ и критикъ одинъ изъ главнѣйшихъ представителей романтизма въ Германіи.

Кто знаетъ Фридриховы туманныя картины и по этимъ картинамъ, изображающимъ природу съ одной только мрачной ея стороны, вздумаетъ искать въ немъ задумчиваго меланхолика съ блѣднымъ лицомъ, съ поэтическою мечтательностію въ глазахъ, тотъ ошибется. Лице Фридриха не поразитъ никого, кто съ нимъ встрѣтится въ толпѣ; это сухошавый, средняго роста человѣкъ, бѣлокурый, съ бѣлыми бровями, нависшими на глаза; отличительная черта его фізіономіа есть простодушіе; таково онъ и характеромъ: простодушіе чувствительно во всѣхъ его словахъ; онъ говоритъ безъ краснорѣчія, но съ живостию искренности и чувства, особливо когда коснешься до любимаго его предмета, до природы, съ которою онъ какъ семьянинъ; но онъ говоритъ объ ней такъ же, какъ ее изображаетъ, безъ мечтательности, а съ оригинальнію: и въ картинахъ его нѣтъ ничего мечтательнаго; напротивъ, онѣ нравятся своею пѣрностію, ибо каждая возбуждаетъ въ душѣ воспоминаніе о чемъ-то знакомомъ; если находишь въ нихъ болѣе того, что видятъ глаза, то этому та причина, что живописецъ смотрѣлъ на природу не какъ артистъ, который въ ней ищетъ только образца для кисти, а какъ человѣкъ съ чувствомъ и воображеніемъ, который повсюду находитъ въ ней символъ человѣческой жизни. Фридрихъ мало заботится о правилахъ искусства: онъ пишетъ свои картины не для знатоковъ живописи, а для друзей его образца, природы; критики могутъ имъ быть недовольны, но лучший изъ критиковъ, непредубѣжденное чувство, всегда на его сторонѣ. Онъ такъ же точно и судитъ о чужихъ картинахъ: я нѣсколько разъ былъ съ нимъ вмѣстѣ въ галлерей; смотря на многія картины, онъ не умѣлъ назвать мнѣ живописцевъ, и вообще все то, что заключается въ учебныхъ книгахъ о живописи, мало ему знакомо: за то во многихъ картинахъ находилъ онъ такія красоты или недостатки, которые только тому, кто заглянулъ въ учебную книгу природы, могутъ быть примѣтны. Я нашелъ у него нѣсколько начатыхъ картинъ—одну изъ нихъ вѣрно было бы пріятно вамъ имѣть; она можетъ служить дополненіемъ той, которую вы уже имѣете: лунная ночь; небо было бурно, но буря миновалась, и всѣ облака сбѣжались на отдаленный горизонтъ, оставивъ полнеба уже совершенно чистымъ; луна стоитъ надъ самыми тучами, и ихъ края освѣщены ея блескомъ; море тихо низкій берегъ усыпанъ камнями; на берегу якорь; вдали на самомъ краю моря виденъ парусъ бѣгущаго къ берегу корабля (это возвращающаюся на родину тѣ, которые на вашей картинѣ ее покидаютъ)—его ждутъ! Двѣ молодыя женщины сидятъ на камняхъ и смотрятъ на далекій парусъ съ спокойною надеждою; двое мужчинъ, болѣе нетерпѣливыхъ въ своей надеждѣ, перепрыгнули черезъ первые камни и стоятъ нѣсколькими шагами ближе къ кораблю, посреди воды и смотрятъ также въ даль; передъ ними еще нѣсколько камней, но до нихъ уже допрыгнуть невозможно—эта картина только что начата; но рисунокъ прекрасный—просто

и выразительно! Она вдвое больше вашей; я спросилъ о цѣнѣ—сто червонцевъ! Фридриху теперь задана задача: кому-то хочется имѣть двѣ картины; на одной должна быть изображена южная природа въ ея роскошной и величественной прелести; на другой природа съ вѣра во всей красотѣ ея ужасовъ—послѣднюю взялся написать Фридрихъ; но онъ еще самъ не знаетъ, что напишетъ; ждетъ минуты вдохновенія, которое (по его словамъ) приходитъ къ нему иногда во снѣ. Я такъ скоро и коротко познакомился съ Фридрихомъ, и онъ такъ показался мнѣ сродни, что я предложилъ было ему ѣхать вмѣстѣ со мною въ Швейцарію—моихъ денегъ достало бы на двоихъ,—но онъ мнѣ отказалъ и еще болѣе понравился своимъ отказомъ. «Вы хотите имѣть меня съ собою (отвѣчалъ онъ мнѣ), но тотъ я, который вамъ нравится, съ вами не будетъ! Я долженъ остаться одинъ и знать, что я одинъ, чтобы разглядѣть и почувствовать природу вполнѣ; я долженъ отдаться тому, что меня окружаетъ, слиться съ моими облаками и утесами, чтобъ быть тѣмъ, что я есмь. Одиночество необходимо мнѣ для разговора съ природою: однажды случилось мнѣ прожить цѣлую недѣлю въ Оттовальде-Grund между утесами и елями, и во все это время не встрѣтилъ я ни одного живаго человѣка; правда, такой методы не присовѣтую никому—и для меня было это уже излишествомъ: невольно мрачность заходитъ въ душу. Но это же должно доказать вамъ, что мое товарищество не можетъ ни для кого быть пріятно!».

Послѣ Фридриха надо описать Тика. Онъ имѣетъ важную, но прекрасную наружность; въ молодости вѣрно былъ онъ красавецъ; теперь ему должно быть около 50-ти лѣтъ: человѣкъ посредственнаго роста, довольно толстый; въ лицѣ нѣтъ ничего разительнаго, но это лице всегда замѣтишь: во всѣхъ чертахъ какое-то пріятное согласіе; глаза, не имѣя ни особеннаго блеска, ни быстроты, весьма выразительны: въ нихъ есть мечтательность Штернбалда ¹⁾; и вообще видишь въ Тикѣ человѣка мыслящаго, но котораго мысли болѣе принадлежать его собственному, идеальному міру, нежели существенности. Это поэтическая сторона Тика—вотъ прозаическая: онъ безпрестанно страдаетъ ревматизмомъ, ходитъ согнувшись и едва можетъ передвигать ноги. Въ первое мое свиданье съ нимъ мы немного поспорили: онъ обожатель Шекспира, и можетъ быть никто изъ самихъ англичанъ не понимаетъ Шекспирова духа такъ, такъ онъ. Я признался ему въ своемъ грѣхѣ, сказалъ, что *chef-d'oeuvre* Шекспира Гамлетъ кажется мнѣ чудовищемъ, что я никакъ не могу найти въ немъ того глубокаго смысла, который находить

¹⁾ Дѣйствующее лицо романа Тика „Franz Sternbalds Wanderungen“, вышедшаго въ свѣтъ въ 1798 году.

въ немъ Шлегель ¹⁾: онъ видитъ въ его непонятности всю человѣческую судьбу съ ея загадками; такимъ образомъ легко изъяснить нелѣпости, и мнѣ кажется, что тѣ, кто столь много видятъ въ Гамлетѣ, доказываютъ тѣмъ болѣе собственное богатство мыслей и воображенія, нежели его превосходство. «Но въ томъ-то и привилегія гения (скажаль мнѣ Тикъ), что онъ, безъ ясной мысли и не назначая себѣ напередъ дороги, по одному естественному стремленію вдругъ доходитъ до того, что другіе медленнымъ размышленіемъ по слѣдамъ его открываютъ. Чувство, которому онъ повинуется, есть темное, но вѣрное; онъ вдругъ подымается на высоту и, стоя на ней, служитъ для другихъ свѣтлымъ маякомъ, которымъ они руководствуются на невѣрной своей дорогѣ!»—Это прекрасно и справедливо вообще, но право не знаю, какъ примѣнить это къ Гамлету!—Тикъ нѣмецкій Плещеевъ ²⁾: онъ прекрасно читаетъ драматическія сочиненія. Я просилъ, чтобы онъ прочиталъ мнѣ Гамлета и чтобы послѣ чтенія сообщилъ подробно свои мысли объ этомъ чудесномъ уродѣ. Онъ далъ мнѣ слово, и я, по окончаніи моего путешествія по Швейцаріи Саксонской, явился къ нему опять. Въ первое мое посѣщеніе нашелъ я его одного съ какою-то пожилою дамою, которую принялъ за его жену, потому что она хозяйничала и меня угощала: но это была графиня Финкенштейнъ, живущая съ его семействомъ. Во второй разъ нашелъ я ихъ всѣхъ въ сборѣ; жена его кажется женщиною простаго, здраваго ума; обѣ дочери милы, особливо старшая, которая, не будучи красавицею, имѣетъ много пріятнаго: доброе дитя, съ умною простотою, образованностію и женскою скромностію. Это семейство мнѣ понравилось; они приняли меня съ доброжелательствомъ, и во всѣ минуты, которыя послѣ я провелъ съ ними вмѣстѣ, былъ я у нихъ, какъ дома,* какъ съ домашними знакомцами, и въ Тикѣ я радъ былъ найти то, чего единственно ищу въ людяхъ, уже знакомыхъ мнѣ по таланту: добродушіе. Онъ не могъ читать Гамлета (піеса слишкомъ длинна, а онъ былъ не совсѣмъ здоровъ), но прочиталъ Макбета. Великое искусство! точно живопись въ словахъ; особенно понравились мнѣ въ чтеніи всѣ мѣста ужасныя! Онъ такъ же, какъ Плещеевъ, читаетъ, не называя лицъ, но по голосу и по фізіономіи легко можно ихъ всѣхъ узнавать: кажется однако, что въ выраженіи чувства уступаетъ онъ нашему смуглому декламатору ³⁾. Въ

¹⁾ Извѣстный критикъ, поэтъ и языковѣдъ Августъ-Вильгельмъ Шлегель (р. 1767†1845).

²⁾ Пріятель Жуковскаго, Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ (р. 1775†1827). Онъ обладалъ сценическими дарованіями, замѣчательною мимикою и прекрасною дикціею. На него обратила вниманіе императрица Марія Феодоровна, пригласившая его къ себѣ въ чтецы.

³⁾ А. А. Плещеевъ имѣлъ смуглый цвѣтъ лица и черные волосы, почему

другой разъ читаль онъ мнѣ Шекспирову комедію Was Ihr wollt ¹⁾, и въ комическомъ онъ еще лучше, нежели въ трагическомъ; но все Плетцеевъ кажется мнѣ забавнѣе, можетъ быть и потому, что французская комедія мнѣ болѣе знакома, нежели Шекспирова. Шекспиръ смѣшитъ рѣзкимъ изображеніемъ характеровъ; но въ шуткахъ его нѣтъ тонкости; по большей части одна игра словъ, и онъ часто оскорбляетъ ими вкусъ. Сверхъ того кажется мнѣ, что Тикъ дошелъ до смѣшнаго и с к у с с т в о м ъ: характеръ его болѣе важный, нежели веселый; а нашъ Плетцеевъ забавенъ и веселъ характеромъ: за то въ каждой комедіи онъ, какъ дома; и разные рожи, которыя во время чтенія появляются на черноватомъ его ликѣ, не стоятъ ему ничего. Мнѣ жаль было разставаться съ Тикомъ: вѣроятно это навсегда! Онъ обрадовался, когда я ему сказалъ, что вы любите его Штернвальда ²⁾ и что въ вашемъ альбомѣ выписано нѣсколько мѣстъ изъ этой книги.

Картинная галлерея. Внутренняя зала. Я видѣлъ въ Дрезденѣ оружейную, собраніе древностей, Менгсовы гипсы ³⁾, но видѣлъ мелькомъ, слѣдовательно и говорить объ нихъ не могу. Сожалѣю, что ненастье почти не позволило мнѣ познакомиться съ прелестными окрестностями Дрездена; въ мое пребываніе были ясными только тѣ дни, которые такъ удачно я выбралъ для путешествія въ Тарантъ и по Саксонской Швейцаріи: остальные же почти всѣ были дождливыя. Но я воспользовался ими для обозрѣнія картинной галлереи, въ которой былъ разъ шесть—слишкомъ мало, чтобъ познакомиться съ нею, какъ должно. Я подходилъ къ этой галлерей съ любопытствомъ ожиданія: мнѣ весело было передъ нею остановиться и сказать себѣ, что между мною и лучшимъ созданіемъ Рафаелева генія одна только стѣна, что разстояніе и препятствія исчезли и что я черезъ минуту увижу глазами то, о чемъ до сихъ поръ слышало только одно воображеніе. Но при входѣ въ эту галлерею первое чувство, какое въ себѣ замѣчаешь, есть досада неисполненнаго ожиданія. Думаешь войти во святилище искусства, въ которомъ его уважають, и входишь въ огромный сарай, довольно темный, котораго стѣны загромождены нечистыми картинами въ бѣдныхъ золотыхъ рамахъ. Маленькія неопрятныя сѣнцы

Жуковский называлъ его „негромъ“ (см. „Русскую Старину“ 1883 года, томъ XXXVIII, стр. 99 и 106, и т. XXXIX, стр. 236, а также „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 20). По этой же причинѣ Плетцеевъ получилъ въ „Арзамасѣ“, коего онъ былъ членомъ, прозвище „Черный вранъ“.

¹⁾ Какъ вамъ угодно.

²⁾ См. выше, стр. 391, прим.

³⁾ Собраніе гипсовыхъ слѣпковъ съ произведеній античной скульптуры, сдѣланныхъ извѣстнымъ живописцемъ Антономъ-Рафаелемъ Менгсомъ (1729† 1779).

ведутъ прямо въ галерею; на окнахъ бросаются въ глаза множество шляпъ; безпрестанно нарушаетъ вниманіе звонъ колокольчика, висящаго на двери, затворяемой и отворяемой всякую минуту; множество станковъ для тѣхъ, которые списываютъ картины, стоитъ въ окнахъ и заслоняетъ свѣтъ, и число самихъ картинъ такъ велико въ одномъ мѣстѣ, что вниманіе невольно приходитъ въ замѣшательство: однимъ словомъ, здѣсь все сдѣлано, чтобы помѣшать искусству произвести свое дѣйствіе. Галерея состоитъ изъ двухъ огромныхъ залъ—одна внутренняя, гдѣ италянская школа, другая наружная, въ которой фламандская и пр. Последняя гораздо обширнѣе первой. Можно сказать, что треть картинъ не существуетъ для зрителя: однѣ повѣшены такъ высоко, что никакое зрѣніе до нихъ не доставитъ; другія висятъ въ простѣнкахъ, въ темнотѣ, и глаза, ослѣпленные свѣтомъ изъ оконъ, видятъ одну темную холстину съ неясными фигурами въ запачканныхъ золоченыхъ рамахъ. Вотъ нѣкоторыя картины италянской школы, на которыя успѣлъ я посмотрѣть съ бѣльшимъ примѣчаніемъ. Двѣ головы Спасителя, Гвидо Рени. Онѣ почти одинакія, но выраженіе лицъ розное: на одномъ страданіе съ покорностію и смиреніемъ, на другомъ то же страданіе, но съ живостію спасающей любви. Объ этихъ двухъ картинахъ сказала покойная великая княгиня Екатерина Павловна ¹⁾: *L'un souffre, l'autre supporte* ²⁾.—Иродіада съ головою святаго Іоанна Крестителя, Леонардо да Винчи—прекрасное женское лице, на которомъ выражается суровость души, не растроганной, но втайнѣ смущенной образомъ мертвой головы Іоанна.—Святая Сесилія, играющая на органахъ, Карло Дольче. Вамъ она извѣстна: это идеаль женской, скромной прелести. Славная Тиціанова Венера—признаюсь въ своемъ преступленіи; эта Венера, несмотря на совершенство живописи, показалась мнѣ холодна, какъ ледь.—Спаситель съ чашею, Карло Дольче. Это также славная картина; она, кажется, была нѣсколько разъ выгравирована; но дѣйствіе, которое она производитъ, болѣе механическое, нежели нравственное; оно принадлежитъ болѣе яркимъ ея краскамъ. Стоя передъ нею, по предубѣжденію, силился я себя увѣрить, что въ лицѣ Спасителя, благословляющаго таинственную чашу, точно есть все то, чему въ немъ быть должно въ минуту любви и жертвы, но какое-то темное чувство со мною спорило; наконецъ Фридрихъ рѣшилъ сомнѣніе однимъ словомъ: *Es ist kein Gott der Liebe, es ist ein Heuchler* ³⁾. И это правда: искусство безъ души.—Что сказать о Коррежіевой ночи?

¹⁾ Королева Виртембергская (р. 1788†1819).

²⁾ Т. е. Одинъ страдаетъ, другой терпитъ.

³⁾ Т. е. Это не Богъ любви, это лицемеръ.

Надобно быть живописцемъ или знатокомъ, чтобы вполнѣ ей удивляться! Въ самомъ дѣлѣ, сіяніе, на ней распространенное, есть чудное созданіе кисти: все, что близко Спасителя, освѣщено яркимъ его блескомъ, который безъ лучей кругомъ его разливается; чѣмъ далѣе отъ него, тѣмъ мрачнѣе, и за этимъ ночнымъ мракомъ видна вдали на горизонтѣ полоса утренняго свѣта: удивительная свѣжесть и прозрачность! Но вотъ и все дѣйствіе! Сама же сцена, изображенная на картинѣ, не производитъ никакого: пастухи не боготворятъ Новорожденного, а смотрятъ на Него съ грубымъ любопытствомъ, ангелы не радуются, а кривляются; одно только лице Богоматери прекрасно.—Здѣсь въ трехъ картинахъ есть полная исторія святой Магдалины. Фра (н)ческѣи изображилъ ее въ минуту перехода отъ свѣта къ покаянію и Богу: блестящіе уборы сброшены, у ногъ ея лежитъ дисциплина, которою она сама себя истерзала; уставъ отъ тѣлеснаго страданія и скорби душевной, она лежитъ на рукахъ женщины, ее ободряющей; за нею другія двѣ, которыя смотрятъ на нее съ удивленіемъ и жалостію; Магдалина Коррежіева уже забыла свѣтъ; она читаетъ, но на лицѣ ея одно вниманіе и важное размышленіе; она еще только старается постигнуть. Магдалина Баттоніева не только забыла свѣтъ, но уже подружилась съ пустынею: всѣ прежнія живыя чувства въ ней пробудились, но ихъ предметъ перемѣнился; она читаетъ и улыбается отъ радости: любящая душа нашла, что ей надобно. Коррежіева совершеннѣе, какъ картина, Баттоніева пріятнѣе по милому выраженію.

Наружная зала. Чувствуешь, что отдыхаешь послѣ большого напряженія нравственнаго, когда отъ италіанской школы переходишь къ фламандской. До сихъ поръ передъ тобою была идеальная, возвышенная природа; надобно было съ усиліемъ отдѣлиться отъ обыкновеннаго, чтобы постигнуть то, что представлялось глазамъ твоимъ, и вдругъ изъ этого величественнаго міра вступаешь въ знакомый земной, гдѣ все понятно и ясно: изъ области возвышеннаго воображенія переселяешься въ область любезнаго воспоминанія. Я это испыталъ надъ собою, когда изъ внутренней галереи перешелъ въ наружную. Въ ней много картинъ Рубensoвыхъ, но я на нихъ не смотрѣлъ; я не люблю Рубенса; его натура для меня отвратительна; одна только картина его меня плѣнила, Воскресеніе Лазаря въ Сансуси; остальными пускай восхищаются живописцы. Хотя Дрезденская галерея не такъ богата картинами фламандской школы, какъ нашъ Эрмитажъ, но есть прекрасныя: есть много Рюисдалевыхъ ландшафтовъ, еще болѣе Вувермановыхъ, три или четыре прекрасныхъ Поттера и не болѣе трехъ Клодъ Лоррена. Между Рембрантовыми замѣтилъ я такъ называемаго Ганимеда, но это Ганимедъ въ каррикатурѣ: орелъ схватилъ мальчика и мчитъ его на утесъ, чтобы тамъ разорвать; мальчикъ кричитъ отъ

страха и боли; въ немъ нѣтъ ничего идеальнаго, но воображенію разительнѣе представляется его неизбѣжная, мучительная смерть. Не говоря о другихъ картинахъ, скажу объ одной, которую навѣщалъ я всякой разъ, когда приходилъ въ галерею, она—Дидрихова¹⁾: Спаситель и сцѣляетъ увѣчныхъ. (Мнѣ кажется, что она была выгравирована). Христосъ окруженъ учениками и книжниками, но Онъ отъ нихъ отдѣляется, Онъ стоитъ на высотѣ и у ногъ Его страдалцы, молящіе исцѣленія. Противуположность между ихъ лицами, обезображенными болѣзнію или горемъ, и лицомъ Христа, спокойно-величественнымъ и полнымъ всемогущей милости, весьма разительна. И какъ много разнообразія и чувства въ изображеніи страждущихъ! На носилкахъ лежитъ молодой человѣкъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, но разслабленный; его принесла старушка мать съ помощью маленькаго его брата: не его молодая рука служила опорой дряхлой матери, а она при старости должна нести на плечахъ своего сына, свою умирающую надежду; сильный, рослый человѣкъ съ напряженіемъ и осторожностію несетъ другаго, который совсѣмъ опустился и виситъ на плечахъ его: это братъ, вѣрный другъ въ бѣдѣ, несетъ роднаго своего брата. Въ колыбели лежитъ младенецъ: онъ уже умираетъ, и молодая его мать, пораженная этимъ видомъ, забыла самого Спасителя, къ которому пришла съ надеждою, она стоитъ на колѣняхъ, нагнувшись лицомъ на колыбель, и плачетъ. Еще множество лицъ, и все составляетъ одно пріятное цѣлое. До сихъ поръ я говорилъ вашему высочеству только о прекрасныхъ картинахъ, теперь буду говорить о Мадоннѣ, которую видѣлъ Рафаель.

29 іюня (10 іюля).

Рафаелева Мадонна. Я смотрѣлъ на нее нѣсколько разъ, но видѣлъ ее только однажды такъ, какъ мнѣ было надобно. Въ первое мое посѣщеніе я даже не захотѣлъ подойти къ ней: я увидѣлъ ее издали, увидѣлъ, что передъ нею торчала какая-то фигурка съ пудреною головою, что эта проклятая фигурка еще держала въ своей дерзкой рукѣ кисть и безпощадно ругалась надъ великою душею Рафаеля, которая вся въ этомъ чудесномъ твореніи; въ другой разъ испугалъ меня самъ директоръ галереи (который за червонецъ показываетъ картины путешественникамъ и къ которому я не разсудилъ прибѣгнуть): онъ стоялъ передъ нею съ своими слушателями и, какъ попугай, болталъ вытвержденный наизусть вздоръ; наконецъ однажды, только было я расположился дать волю глазамъ и душѣ, подошла ко мнѣ одна моя зна-

¹⁾ Живописца Христіана-Вильгельма-Эриста Дитриха (Dietrich, р. 1712 † 1774).

комка и принялась мнѣ нашептывать на ухо, что она передъ Мадонною видѣла Наполеона и что ея дочери похожи на Рафаелевыхъ ангеловъ. Я рѣшился притти въ галерею какъ можно ранѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей: это удалось. Я усѣлся на софу противъ картины и просидѣлъ цѣлый часъ, смотря на нее. Надобно признаться, что здѣсь поступаютъ съ нею такъ же непочтительно, какъ и со всѣми другими картинами. Во-первыхъ, она, не знаю для какой готтентотской причины, уменьшена: верхняя часть полотна, на которомъ она написана, и съ нею верхняя часть занавѣса, изображеннаго на картинѣ, загнуты назадъ (это сказывала мнѣ M-me Humbol(d)t)¹⁾, слѣдовательно и пропорція и самое дѣйствіе цѣлаго теперъ убавлены и не отвѣчаютъ намѣренію живописца; второе, она вся въ пятнахъ, не вычищена, худо поставлена, такъ что сначала можешь подумать, что копія, съ нея сдѣланная, чистыя и блестящія, лучше самаго оригинала; наконецъ, что не менѣе досадно, она, такъ сказать, теряется между другими картинами, которыя, окружая ее, развлекаютъ вниманіе: напримѣръ, рядомъ съ нею стоитъ портретъ сатирическаго поэта Аретина, Тиціановъ, прекрасный—но какое сосѣдство для Мадонны! И такова сила той души, которая дышетъ и вѣчно будетъ дышать въ этомъ божественномъ созданіи, что все окружающее пропадаетъ, какъ скоро посмотришь на нее со вниманіемъ. Сказываютъ, что Рафаель, натянувъ полотно для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило; однажды онъ заснулъ съ мыслию о Мадоннѣ, и вѣрно какой-нибудь ангелъ разбудилъ его; онъ вскочилъ! Она здѣсь! закричалъ онъ, указавъ на полотно, и начертилъ первый рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ это не картина, а видѣніе: тѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что передъ тобою что-то неестественное происходитъ (особливо, если смотришь такъ, что ни рамы, ни другихъ картинъ не видишь). И это не обманъ воображенія: оно не обольщено здѣсь ни живостію красокъ, ни блескомъ наружнымъ! Здѣсь душа живописца, безъ всякихъ хитростей искусства, но съ удивительною простотою и легкостію, передала холстинѣ то чудо, которое во внутренности ея совершилось. Я описываю ее вамъ, какъ совершенно для васъ неизвѣстную; вы не имѣете объ ней никакого понятія, видѣвши ее только въ спискахъ или въ Миллеровомъ²⁾ эстампѣ: не выдавъ оригинала, я хотѣлъ купить себѣ въ Дрезденѣ этотъ эстампъ, но, увидѣвъ, не захотѣлъ и посмотрѣть на него: онъ, можно сказать, оскорбляетъ святыню воспоминанія. Часъ,

¹⁾ Жена Вильгельма фонъ Гумбольдта, съ которою Жуковский, какъ видно изъ его дневника, познакомился въ Берлинѣ.

²⁾ Граверъ Іоганнъ - Фридрихъ - Вильгельмъ Миллеръ (Müller, p. 1782 1816).

который провелъ я передъ этою Мадонною, принадлежитъ къ счастливымъ часамъ жизни, если счастьемъ должно почитать наслажденіе самимъ собою. Я былъ одинъ; вокругъ меня было все тихо; сперва съ нѣкоторымъ усиленіемъ вошелъ въ самого себя, потомъ ясно началъ чувствовать, что душа распространялась: какое-то трогательное чувство величія въ нее входило; неизобразимое было для нея изображено, и она была тамъ, гдѣ только въ лучшія минуты жизни быть можетъ! Геній чистой красоты былъ съ нею.

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
 Бытія слетаетъ къ намъ,
 И приносить откровенья,
 Благодатныя сердцамъ:
 Чтобъ о небѣ сердце знало
 Въ темной области земной,
 Лучшей жизни покрывало
 Приподъемлетъ онъ порой!
 А когда насъ покидаетъ—
 Въ даръ любви, у насъ въ виду
 Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
 Онъ прощальную звѣзду! ¹⁾

Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное! Передъ глазами полотно; на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и, несмотря на то, все необъятно и неограничено! И точно приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздёрнулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ; оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихой, неестественный свѣтъ, полный ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго ангела въ присутствіи этой небесной, мимоидущей Дѣвы. И Рафаэль прекрасно подписалъ свое имя на картинѣ: внизу ея, съ границы земли, одинъ изъ двухъ ангеловъ устремилъ задумчивые глаза въ высоту; важная, глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ: не таковъ ли былъ долженъ быть самъ Рафаэль въ то время, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ?—Будь младенцемъ, будь ангеломъ на землѣ, чтобы имѣть доступъ къ тайнѣ небесной! И какъ мало средствъ нужно было для живописца, чтобы произвести что-то такое, чего нельзя истощить мыслию: онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновение и на мгновение, но для души, которая тѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Въ Богоматери, идущей по небесамъ, не примѣтно никакого движенія,

¹⁾ Приведенные стихи взяты Жуковскимъ изъ его стихотворенія „Далла Рукъ“.

но чѣмъ болѣ смотришь на нее, тѣмъ болѣе кажется, что она приближается; на лицѣ ея ничто не выражено, то есть на немъ нѣтъ выраженія понятнаго, имѣющаго опредѣленное имя, но въ немъ находишь въ какомъ-то таинственномъ соединеніи все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство, но чувство, уже перешедшее за границу земнаго, слѣдовательно, мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной; въ глазахъ ея нѣтъ блистанія (блестящій взоръ человѣка всегда есть признакъ чего-то необыкновеннаго, случайнаго, а для нея уже нѣтъ случая—все совершилось!), но въ нихъ есть какая-то глубокая, чудесная темнота; въ нихъ есть какой-то взоръ никуда особенно не устремленный, но какъ будто видящій необъятное; она не поддерживаетъ Младенца, но руки ея смиренно и свободно служатъ Ему престолу: и въ самомъ дѣлѣ эта Богоматерь есть не иное что, какъ одушевленный престолъ Божій, чувствующій величіе Сидящаго. И Онъ, какъ царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ; и въ Его глазахъ есть тотъ же никуда не устремленный взоръ; но эти глаза блистаютъ, какъ молніи, блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничто ни произвести, ни измѣнить не можетъ! Одна рука Младенца съ могуществомъ Вседержителя оперлась на колыно; другая какъ будто готова подняться и простерться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе, св. Сикстъ и мученица Варвара, стоятъ также на небесахъ: на землѣ этого не увидишь. Старикъ не въ восторгѣ: онъ полонъ обожанія мирнаго и счастливаго, какъ святость; святая Варвара очаровательна своею красотою: великость того явленія, котораго она свидѣтель, дала и ея стану какое-то разительное величіе; но красота лица ея человѣческая именно потому, что на немъ уже есть выраженіе понятное: она въ глубокомъ размышленіи; она глядитъ на одного изъ ангеловъ, съ которымъ какъ будто дѣлится таинствомъ мысли. И въ этомъ нахожу я главную красоту этой картины (если слово картина здѣсь у мѣста). Если бы Рафаель представилъ обыкновеннаго человѣка зрителемъ того, что на картинѣ его видятъ одни ангелы и святые: онъ или далъ бы лицу его выраженіе изумленнаго восторга (ибо восторгъ есть чувство здѣшнее: онъ на минуту, быстро и неожиданно отрываетъ насъ отъ земнаго) или представилъ бы его падшаго на землю съ признаніемъ безсилія и ничтожности. Но состояніе души, уже покинувшей землю и достойной неба, есть глубокое, постоянно(е) чувство, возвышенное и просвѣщенное постигнувшею мыслию, безмолвное, неизмѣняемое счастье, которое все заключается въ двухъ словахъ: чувствую и знаю! И эта-то блаженствующая мысль царствуетъ на всѣхъ лицахъ Рафаелевой картины (кромѣ, разумѣется, лица Спасителя и Мадонны): все въ размышленіи, и святые и ангелы. Рафаель какъ будто хотѣлъ изобразить для глазъ верховное назначеніе

души человѣческой. Одинъ только предметъ напоминаетъ въ картинѣ его о землѣ: это Сикстова тиара, покинутая на границѣ здѣшняго свѣта.—Вотъ то, что я думалъ въ тѣ счастливыя минуты, которыя провелъ передъ Мадонною Рафаеля. Какую душу надлежало имѣть, чтобы произвести подобное! Бѣдный Миллеръ ¹⁾! Онъ умеръ въ домѣ сумасшедшихъ! Удивительно ли? Онъ сравнилъ бѣдное свое подражаніе съ оригиналомъ, и мысль, что онъ не понялъ великаго, что онъ его обезобразилъ, что оно для него недостижимо, убила его. И въ самомъ дѣлѣ надобно быть или безразсуднымъ, или просто механическимъ маляромъ безъ души, чтобы осмѣлиться списывать эту Мадонну: одинъ разъ душѣ человѣческой было подобное откровеніе! Дважды случиться оно не можетъ. Здѣсь было бы у мѣста, но я не стану говорить о Мадоннѣ Голбейновой, которая также въ своемъ родѣ есть совершенство: она столько же трогаетъ душу своею простотою, сколько Рафаелева ее наполняетъ своимъ величіемъ; Голбейнъ свелъ на землю все то, что Рафаель представилъ на небесахъ; и каждая изъ этихъ двухъ картинъ дѣйствуетъ наоборотъ: смотря на Рафаелеву, сначала углубляешься въ какое-то высокое размышленіе, потомъ уже чувствуешь, что ты растроганъ, радъ бы стать на колѣна и благодарить, но не за милость особенную, а за то, что ты человѣкъ и имѣешь душу, которой назначеніе у тебя передъ глазами; смотря на Голбейнову, ты прежде всего тронуть, потомъ уже невольно и высокая мысль на тебя находить, и ты вспоминаешь о небѣ.

Послѣ Мадонны Рафаелевой говорить уже не о чемъ, и я обанчиваю свое письмо, черезъ мѣру длинное: но это есть натуральное слѣдствіе милостивой привилегіи, данной мнѣ вашимъ высочествомъ. Прибавлю одно: вашему высочеству должно уже быть извѣстно, что великій князь Михаилъ Павловичъ въ Карлсбадѣ. Я имѣлъ счастье здѣсь съ нимъ встрѣтиться, и ему угодно было остановить меня на нѣсколько дней въ здѣшнемъ мѣстѣ. Онъ усердно посѣщаетъ источники, скоро дойдетъ до горячаго Шпруделя и гуляетъ во фракѣ. Не думаю, чтобы Карлсбадъ, который до сихъ поръ не выходилъ изъ-подъ дождя и сырыхъ туманныхъ облаковъ, имѣлъ много прелести для его высочества; но онъ знаетъ святое слово *gewissenhaft* ²⁾, и я уже слышала отъ него, что онъ чувствуетъ нѣкоторое облегченіе. Сердечно желаю, чтобы ваше высочество испытали надъ собою всю силу этого волшебнаго *gewissenhaft*; если оно произведетъ желанное дѣйствіе, то я напишу къ нему благодарное посланіе, и оно будетъ признано лучшимъ словомъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Изъ Цириха буду имѣть честь описать вашему

¹⁾ См. выше, стр. 397.

²⁾ Т. е. добросовѣстно.

высочеству мое путешествіе отъ Дрездена до Швейцаріи. Ёду черезъ нѣсколько часовъ изъ Карлсбада. Не смѣю надѣяться счастья получить нѣсколько строкъ отъ вашего высочества, но если вы не захотите мнѣ отказать въ этомъ счастья, то вотъ мой адресъ: à Zurich à M-r H. Gaspar d Escher ¹⁾ pour remettre à J.

Осмѣливаюсь здѣсь засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе его императорскому высочеству.

Съ чувствомъ неограниченной преданности честь имѣю быть вашего императорскаго высочества покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Hans-Kaspar Escher (р. 1775 † 1859), архитекторъ и фабрикантъ машинъ въ Цюрихѣ.

Наблюденіе за продажею каррикатуръ.

Отношеніе Дибича управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

29-го мая 1823 г.

Государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобъ ваше сіятельство циркулярно предписали всѣмъ гг. гражданскимъ губернаторамъ обратить особенное вниманіе, посредствомъ градскихъ и земскихъ полицій, на всѣхъ торгующихъ карриатурами въ губерніяхъ, имъ ввѣренныхъ, не окажутся ли въ числѣ сихъ каррикатуръ такія, кои оскорбляютъ нравственность и правительство; и буде таковыя будутъ найдены, то немедленно доносили бы вашему сіятельству съ приложениемъ эстамповъ, для доведенія оныхъ до высочайшаго свѣдѣнія.

О сей высочайшей волѣ государя императора, я имѣю честь сообщить вашему сіятельству для зависящаго отъ васъ распоряженія.

Экспедиція Государственнаго Хозяйства.

(1797—1803 гг.).

II').

Работы Экспедиции по улучшению земледѣлія въ Россіи выразились, прежде всего и главнымъ образомъ, въ устройствѣ, согласно плану генераль-прокурора князя Куракина, особенной Практической школы земледѣлія. Учрежденіе такой школы мотивировалось «необходимостью приведенія сельскаго домоводства въ успѣшнѣйшій порядокъ и надежнѣйшее устройство». Съ этою цѣлью въ школѣ предполагалось преподавать какъ теоретическія, такъ и практическія свѣдѣнія по сельскому хозяйству, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ «никакія предписанія безъ дѣйствительнаго опыта изъяснены и доказаны быть не могутъ»²⁾.

Для производства опытовъ, школѣ былъ отведенъ изъ вѣдомства царскосельской конторы участокъ земли въ 152 дес. 1.170 кв. саж., въ 24 верстахъ отъ Петербурга, близъ г. Павловска, между деревнею Тярлевою, домомъ протопресвитера Самборскаго и Московскою дорогою. Задачи школы и приписаннаго къ ней хозяйства были очень обширны. Такъ, она должна была на опытѣ доказать пользу многопольнаго хозяйства и возможность избѣгать обычнаго въ Россіи трехпольнаго земледѣлія, при которомъ государство лишается ежегодно плодовъ отъ третьей части своей прально лежащей пахотной земли. Затѣмъ школа должна была вводить въ свои сѣвообороты новыя растенія, полезныя для человѣка или скота, а также для удобренія земли, знакомить

¹⁾ См. „Русскую Старину“, 1901 г., октябрь.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, №№ 17866 и 17946.

съ травосѣяніемъ, производить опыты устройства живыхъ изгородей, осушенія болотъ, удобренія минеральными туками, обработки полей улучшенными орудіями. Сверхъ того, на школу возлагалось перевести на русскій языкъ лучшія тогда сельскохозяйственныя сочиненія съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Ученики должны были, сообразно съ временами года и обыкновеннымъ ходомъ хозяйства, производить всѣ работы своими собственными руками подъ руководствомъ наставниковъ, чтобы практически достигать познаній въ каждой отрасли хозяйства. Грамотные и болѣе развитые ученики должны были, сверхъ того, заниматься чтеніемъ сельскохозяйственныхъ книгъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; незнающіе грамотѣ обучались дѣланію земледѣльческихъ орудій и крестьянскимъ ремесламъ, а ученицы—домашнимъ работамъ.

Курсъ ученія полагался трехлѣтній. По штату, высочайше утвержденному 20-го февраля 1798 года¹⁾, въ школѣ полагалось 53 казенныхъ вакансій, всего на 5.040 руб., въ томъ числѣ: 8—для студентовъ Московскаго университета по 150 руб. для каждого, 5—для семинаристовъ, по 104 рубля; 10—для питомцевъ сиропитательныхъ домовъ, по 104 р., 10—для воспитанницъ такихъ же домовъ, по 84 руб. и 20—для казенныхъ крестьянъ, поочередно отъ разныхъ губерній, по 72 руб. Сверхъ того, допускался пріемъ господскихъ и вольныхъ людей отъ 17 до 30 лѣтъ, съ платою по 90 рублей въ годъ.

Различнаго званія ученики и ученицы, говорилось въ Положеніи о школѣ (§ 14), могутъ, по выходѣ изъ нея, различными средствами обратить пріобрѣтенныя ими познанія на пользу общую: студенты, какъ болѣе способные, могутъ быть употребляемы съ успѣхомъ при удѣльныхъ экспедиціяхъ для учрежденія новыхъ земледѣльческихъ школъ; питомцы сиропитательныхъ домовъ могутъ поступить потомъ въ управители, приказчики и садовники казенныхъ и владѣльческихъ деревень, а питомцы—въ домостроительницы, скотницы и огородницы. Относительно семинаристовъ предполагалось, что они, сдѣлавшись священниками, будутъ возбуждать поселянъ къ улучшенію сельскаго хозяйства; относительно же казенныхъ и господскихъ крестьянъ,—что они будутъ служить примѣромъ своимъ сосѣдамъ и сообщать имъ полученныя свѣдѣнія.

Все, что производилось въ школѣ по разнымъ отраслямъ хозяйства, должно было служить, какъ говорилось въ Положеніи о школѣ, «примѣромъ къ подражанію, для поправленія и усовершенствованія оныхъ на всемъ пространствѣ Имперіи. Посему земля школы, сообразно четыремъ главнымъ отдѣламъ сельскаго хозяйства [1) земледѣліе, 2) садоводство и лѣсоводство, 3) скотоводство и 4) архитектура и механика],

¹⁾ П. С. З., т. XLIV, ч. II, книга штатовъ № 18390.

раздѣлена была на четыре части: 140 дес. отведено подъ пашню, раздѣленную на 7 полей; 25 дес.—подъ сады и огороды; 62 дес.—подъ лѣсъ, 25 дес.—подъ усадьбу, строенія для скота и пастбище. Каждымъ отдѣломъ долженъ былъ завѣдывать особый наставникъ съ однимъ или двумя помощниками. При архитекторѣ и механикѣ полагались столяръ, слесарь и кузнецъ. Наставникъ скотоводства предполагался женатый, чтобы жена его, занимая мѣсто скотницы и птвичницы, могла давать воспитанницамъ школы наставленія по разнымъ частямъ домашняго хозяйства. Сверхъ того, при школѣ полагался земскій, онъ же казначей и журналистъ, и при немъ лекарь. Для перевода иностранныхъ книгъ назначался переводчикъ. Окладнаго жалованья не назначалось, потому что многія лица приглашались по контракту, съ жалованьемъ по ихъ искусству и знанію. Всего на наставниковъ и на весь личный составъ опредѣлено было 11.000 руб.

На ремонтъ строеній, инвентаря и на всѣ хозяйственные расходы, включая книги и лекарства, назначалось 4.000 руб.; общій же расходъ по содержанію школы исчислялся въ 20.040 руб.

Необходимыя издержки по первоначальному устройству школы повелѣвалось заимствовать изъ орденской капитальной суммы по мѣрѣ надобности, докладывая о каждомъ позаимствованіи его величеству; нужный же для удобренія земли навозъ отпускать изъ близъ квартирующихъ кавалерійскихъ полковъ.

Устройтеlemъ и начальникомъ школы былъ назначенъ, какъ уже сказано выше, членъ Экспедиціи, протоіерей Самборскій, подъ особеннымъ наблюденіемъ самого генераль-прокурора. Школа оставалась въ вѣдѣніи Самборскаго до 1799 года, когда онъ былъ назначенъ состоять духовникомъ ко двору великой княгини Александры Павловны въ Буда-Пешть.

Изъ дѣлъ Экспедиціи объ устройствѣ земледѣльческой школы, сохранившихся въ архивѣ бывшаго министерства госуд. имущ. ⁴⁾), видно, что на первоначальныя издержки по школѣ отпущено было 88.808 р. 47 к. Въ томъ числѣ:

Изъ департамента удѣловъ, въ 1797 году, 10.000 р.

Изъ государственнаго ассигнаціоннаго банка на строенія школы, въ 1798 году, 48.711 руб. 70 к.

Изъ штатной суммы, на жалованье и на ремонтъ школы, съ 22-го сентября 1798 г. по 13-е ноября 1799 года . . . . . 17.169 р. 17 к.

Изъ прибыльной экспедиціонной суммы отъ дѣланія вексельной бумаги, съ іюня 1798 г. до сентября 1799 г., на хлѣбопашество и ремонтныя работы. . . 12.928 р. 70 к.

⁴⁾ №№ 13911 и 13912.

Такимъ образомъ изъ 88.000 р. въ первые два года употреблено было на школу 64.129 р. 67½ к., изъ остальныхъ же денегъ часть, 9.535 р., пошла на постройку двухъ маленькихъ домовъ въ Среднерогатской колоніи, а прочія суммы переданы были въ распоряженіе премника Самборскаго, по управленію школою, д. ст. сов. Вакунина.

Нельзя сказать однако, чтобы дѣло устройства школы шло успѣшно. Изъ сохранившейся переписки Самборскаго съ Экспедиціею видно, что, несмотря на оказанное ему высочайшее довѣріе, онъ встрѣчалъ постоянное противодѣйствіе со стороны членовъ Экспедиціи. Результатомъ такого положенія дѣлъ было то, что, по заявленію Самборскаго, въ августѣ 1799 года никакого хозяйства въ школѣ заведено не было, ни одно строеніе ни для людей, ни для скота не было окончено, многія работы начаты, но ни одна не была приведена къ концу; поэтому годовой ремонтной суммы для окончанія всего оказывалось недостаточнымъ. Самый отпускъ денегъ на жалованье служащимъ производился съ большими задержками, такъ что Самборскій вынужденъ былъ занимать деньги и снабжать служащихъ всѣмъ нужнымъ. Самое назначеніе служащихъ производилось не всегда согласно съ представленіями Самборскаго. Такъ, на мѣсто рекомендованнаго имъ въ архитекторы—Амвросимова, человѣка искуснаго, уволеннаго съ хорошими аттестатами отъ графа Панина изъ экспедиціи городского строенія, назначенъ былъ корнетъ Ушинскій, только что переименованный въ архитекторы. Нѣкоторые же должностныя лица, назначенныя помимо Самборскаго, во все не явились; какъ напр. актеръ (комедіантъ) Прейфелисъ, имѣвшій будто бы, по отзыву Экспедиціи, основательныя познанія(?) въ виноградарствѣ, садоводствѣ, земледѣліи, пчеловодствѣ, скотоводствѣ и скотоврачеваніи. Наилучшимъ и наиболее дѣятельнымъ помощникомъ своимъ по хозяйству Самборскій считалъ Гребницкаго, который производилъ всѣ хозяйственныя работы и съ успѣхомъ обучалъ воспитанниковъ, такъ какъ наставники еще не были назначены, хотя Самборскій и рекомендовалъ для этой цѣли англичанина Петита, какъ опытнаго земледѣльца, знакомаго съ климатомъ Россіи и условіями русскаго хозяйства и извѣстнаго лично ихъ величествами, потому что онъ въ прежніе годы пахалъ въ Павловскомъ саду пашню. На должность земскаго Самборскій рекомендовалъ переводчика школы Брандорфа, находя лицо, исполнявшее эти обязанности (Софронова), человѣкомъ недостойнымъ и неспособнымъ. Подъ конецъ, отношенія дотого обострились, что Экспедиція прислала Самборскому рядъ запросовъ, наполненныхъ обвиненіями по поводу неустройствъ школы. Это вынудило Самборскаго, при выходѣ его изъ школы, отвѣчать рѣзкимъ, но исполненнымъ достоинства отзывомъ отъ 26-го августа 1799 г. При этомъ вину всѣхъ указанныхъ неурядицъ Самборскій приписывалъ самой Экспедиціи и

преимущественно нѣкоторымъ ея членамъ; имена въ письмѣ впрочемъ не упомянуты. По всей вѣроятности, одинъ изъ таковыхъ былъ Полторацкій, которому Экспедиція поручила значительную часть денегъ, ассигнованныхъ на веденіе хлѣбопашества, еще въ то время, когда школоу завѣдывалъ Самборскій.

Полагаясь на правоту своихъ дѣяній, Самборскій предлагалъ Экспедиціи прислать трехъ членовъ въ школу для обзорѣнія всего въ ней производства и, еслибы что оказалось неисправнымъ, то въ добромъ согласіи и молчаніи исправить. Однако такого посѣщенія школа не удостоилась. «Обвиненіемъ ли, или оправданіемъ сіе почитать? Я недоумѣваю,— писалъ Самборскій и присовокуплялъ: и не надлежитъ мнѣ болѣе о семъ размышлять, поелику ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей и наипочетливѣйшей матери посѣщеніе и обзорѣніе всего торжественно меня оправдаетъ, а при томъ и око цареву, проникнувшее во всѣ подробности, господинъ генераль-прокуроръ, мужъ, преисполненный правосудія и безпристрастія, его высокопревосходительство Александръ Андреевичъ Беклемишевъ не предастъ меня на жертву оглашателямъ, да и самыя бѣдныя сироты и ихъ успѣхи меня оправдаютъ»...

«Послѣ всего сего, писалъ въ заключеніе Самборскій, я съ тяжкимъ вздыханіемъ скажу, что не тако созидается общее благо. Искушенъ многими оскорбленіями долгомъ поставляю также просить всенижайше господь сочленовъ нѣкоторыхъ, дабы не предписывали, яко же мнѣ, насаждать терновникомъ, достойно-почтеннѣйшему моему преемнику и новому члену, его превосходительству Модесту Петровичу Бакунину; ибо онъ, будучи одаренъ весьма чувствительнымъ сердцемъ и благородными свойствами души, а при томъ имѣя слабое здоровье, если когда уязвится острыми терновника иглами, то непремѣнно оставитъ практическую школу, которая послѣ него или въ слабомъ останетсѣ дѣйствиіи, или совсѣмъ разрушится! Молю васъ, почтенинѣйшіе члены, сохраните сего истиннаго сына церкви и отечества, яко зѣницу ока, и простите меня великодушно, что такъ откровенно пишу къ вамъ. Сіе я принужденъ былъ сдѣлать потому, дабы ясно открылось, на чьей сторонѣ есть перевѣсъ неустройства, которое да удалится отъ всѣхъ на всегда, еще и потому, что я былъ первымъ орудіемъ въ соглашеніи г-на Бакунина къ принятію въ свое попеченіе практическую школу, въ основаніи которой я имѣлъ счастье участвовать, еще и потому, что азъ есмь слуга Божъ Вышняго, которому отъ Бога же предписуется настоять благовременнѣ и безвременнѣ обличать и умолять, да творите судъ и правду и прочая; я же горячѣйшія буду приносить молитвы, да Богъ міра и любви обитаетъ въ сердцахъ вашихъ. Аминь».

Приложивъ къ своему посланію вѣдомость количества занятой и

обработанной земли, а также счетъ въ полученныхъ и израсходованныхъ имъ деньгахъ, Самборскій просилъ прислать жалованье находящимся при школѣ лицамъ за двѣ трети и уплатить ему лично 5.500 р., должные ему за домъ, изъ котораго его выгнѣнъ и еще въ прибавокъ обругалъ. Сверхъ того было приложено англійское письмо съ переводомъ англичанина Роберта Пурвиза (R. Purves), о томъ, что онъ можетъ изготовлять всякаго рода земледѣльческія орудія и машины, а также производить постройку мельницъ, деревянныхъ и каменныхъ домовъ, и готовъ быть наставникомъ молодыхъ людей въ практическихъ архитектурныхъ занятіяхъ. Экспедиція, однако, уклонилась отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній съ протоіереемъ Самборскимъ на томъ основаніи, что 11-го августа 1799 г. послѣдовалъ высочайшій указъ о назначеніи директоромъ школы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бакунина, а опредѣленіемъ Сената отъ 17-го августа и резолюціею Экспедиціи отъ 22-го августа сдѣлано было распоряженіе о принятіи Бакунинымъ школы земледѣлія. Посему правителю канцеляріи поручено было возвратить Самборскому его письмо отъ 27-го августа 1799 (изъ Бѣлозерки близъ г. Павловска) въ подлинникѣ, оставивъ копию при дѣлѣ, а Бакунину предоставлено было сдѣлать окончательный расчетъ съ Самборскимъ и по своему усмотрѣнію избрать въ наставники сельской архитектуры или рекомендованнаго Самборскимъ Амвросимова, или англичанина Пурвиза.

Почему у протоіерея Самборскаго сложились столь ненормальныя отношенія къ другимъ членамъ Экспедиціи? Были ли они вызваны недостатками его характера, или завистью къ нему кого-либо изъ членовъ Экспедиціи, или другими причинами? Данныхъ для выясненія такой ненормальности у насъ нѣтъ. Всего вѣроятнѣе, что Самборскій, какъ главный, повидимому, иниціаторъ земледѣльческой школы, былъ проникнутъ сознаніемъ превосходства англійской системы земледѣлія и мечталъ путемъ нагляднаго примѣненія ея въ Россіи содѣйствовать исправленію нашего исконнаго трехпольнаго хозяйства, а это встрѣтило полное недоувѣріе и равнодушіе въ остальныхъ членахъ, которые и старались ему противоувѣйствовать всякими способами, считая всѣ его увлеченія несбыточной утопіею.

Недолго, однако, послѣ Самборскаго земледѣльческая школа оставалась въ вѣдѣніи Экспедиціи. Уже въ октябрѣ 1799 года, въ докладѣ Сената о всѣхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ экспедиція указывалось, между прочимъ, что съ самаго открытія школы всѣ вакансіи, назначенныя для крестьянъ, замѣщались людьми, взятыми изъ удѣльныхъ селеній, а потому признано было болѣе цѣлесообразнымъ передать эту школу, съ приписаннымъ къ ней кирпичнымъ заводомъ, въ удѣльное вѣдомство, такъ какъ польза, ожидаемая отъ заведенія, можетъ распро-

страняться съ большимъ успѣхомъ между удѣльными крестьянами, какъ находящимися подъ особымъ управленіемъ и надзоромъ. О таковой передачѣ послѣдовалъ высочайшій указъ 10-го октября 1799 г., при чемъ всѣ расходы по содержанію школы были отнесены на счетъ удѣльнаго вѣдомства, которому переданы были также всѣ дѣла, счета и шнуровыя книги по учрежденію и строеніямъ практической школы земледѣлія и состоящихъ при ней бывшей полотняной фабрики и такъ называемаго Галичскаго кирпичнаго завода.

Дальнѣйшая судьба практической школы не относится до исторіи Экспедиціи, а потому мы ограничимся здѣсь краткимъ указаніемъ, что, несмотря на заботы, приложенныя Бакунинымъ къ содержанію и развитію школы и къ созданію вспомогательныхъ къ ней примѣрныхъ усадебъ или запашекъ въ разныхъ губерніяхъ, на чтѣ послѣдовало соизволеніе императора Павла I въ 1800 году ¹⁾, министромъ удѣловъ Трошинскимъ, въ концѣ 1803 года, представленъ былъ императору Александру I подробный докладъ о результатахъ дѣятельности школы, и испрошено было разрѣшеніе, «для сохраненія казенныхъ выгодъ и спокойствія поселянъ», на закрытіе школы земледѣлія съ Смоленскимъ ея усадбищемъ, которыя, по выраженію Трошинскаго, въ пять лѣтъ обошлись правительству въ 206.028 р. 89³/₄ к.; «за сію толико знатную издержку существенной прибыли получено деньгами 1.087 р. 85 к., ученьемъ—ничего».

Желающіе ближе ознакомиться съ судьбою первой въ Россіи практической школы земледѣлія могутъ найти не безинтересныя свѣдѣнія въ статьѣ покойнаго В. И. Чаславскаго: Первая земледѣльческая школа въ Россіи (1797—1803), въ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство» (часть CV, отд. II). Статья эта была основана, впрочемъ, только на общедоступныхъ печатныхъ источникахъ, а не на подлинныхъ дѣлахъ Экспедиціи и Департамента удѣловъ.

Одновременно съ учрежденіемъ первой практической школы земледѣлія, близъ г. Павловска, Экспедиціи пришлось заняться разсмотрѣніемъ нѣсколькихъ поступившихъ въ нее заявленій и проектовъ о необходимости другихъ подобнаго рода учреждений. Такъ, надворнымъ совѣтникомъ Эли, въ числѣ разныхъ замѣчаній по управленію казенными имѣніями и по сельскому хозяйству вообще, предлагалось, между прочимъ, учредить на первый случай въ Петербургѣ экономическое училище, выбравъ достойныхъ и знающихъ экономію людей къ преподаванію экономическихъ знаній. По этому поводу Экспедиція высказала, что къ учрежденію въ С.-Петербургѣ училища пракческаго земледѣлія и сельскаго домоводства вообще предположеніе уже сдѣлано; но весьма

¹⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19760.

было бы полезно заведеніе такихъ же училищъ и въ другихъ частяхъ Имперіи ¹⁾).

Въ мартѣ 1798 года, генераль-прокуроромъ княземъ Куракинымъ, по высочайшему повелѣнію, передана была на разсмотрѣніе Экспедиціи всеподданнѣйшая записка коллежскаго совѣтника, члена Бергъ-коллегіи Франца-Людвига фонъ-Канкринна (отца знаменитаго впоследствии русскаго министра финансовъ Е. Ф. Канкринна) объ учрежденіи въ Россіи Академіи лѣснаго, городского и сельскаго хозяйства. Согласно представленному при этой запискѣ плану, Академія должна была состоять изъ двухъ классовъ, каждый съ 5-ти-лѣтнимъ курсомъ. Въ первомъ классѣ три года посвящалось изученію языковъ русскаго, французскаго и особенно нѣмецкаго, а остальные два—арифметикѣ, черченію и чистой математикѣ. Во второмъ классѣ—первые три года назначались для изученія физики, химіи, въ предѣлахъ нужныхъ для сельскаго хозяйства, сельскохозяйственной архитектуры и механики, нужной какъ для городского, такъ и для сельскаго хозяйства. Послѣдніе два года назначались для лѣсной ботаники, егерскаго и форстнаго искусства, для городского и сельскаго хозяйства. Принимать учениковъ предполагалось съ 8-ми-лѣтняго возраста, но тѣхъ, которые до вступленія своего уже упражнялись въ наукахъ, разрѣшалось принимать и позже, въ первый или во второй классъ, смотря по познаніямъ, сокращая имъ, сообразно съ успѣхами, время пребыванія въ Академіи.

Студенты должны быть выпускаемы въ регистраторы, секретари и въ егерскіе офицеры. Тѣхъ, которые окажутъ особливую охоту къ егерскому и лѣсному искусству и къ стрѣлянню въ цѣль, рекомендовалось выпускать егерскими офицерами. Студентамъ форстнаго и егерскаго искусства присвоивались кортики, а прочимъ—мѣдные тесаки. Лучшихъ изъ выпускныхъ студентовъ предполагалось посылать, въ числѣ двухъ и болѣе въ Швецію, Англію и Германію, для ознакомленія съ тамошнимъ лѣснымъ и сельскимъ хозяйствомъ.

Учителей, нужныхъ для обученія разнымъ наукамъ, Канкринъ находилъ возможнымъ приискать за сходное содержаніе въ С.-Петербургѣ; преподавателей же лѣснаго, городского и сельскаго хозяйства выписать изъ Германіи, равно какъ и хорошаго форстмейстера для обученія студентовъ егерскому искусству и стрѣлянню въ цѣль.

Недостатка въ ученикахъ, какъ на казенное, такъ и на собственное содержаніе за годовую плату, авторъ проекта не предвидѣлъ, если выпускнымъ студентамъ будутъ предоставлены преимущества для скорѣйшаго опредѣленія къ должностямъ.

Управленіе Академіи должно было состоять изъ куратора или глав-

¹⁾ Дѣло Экспедиція № 13861 по архиву М. Г. И.

наго директора, который всё управляет, изъ директора, который бы руководил науками и хозяйствомъ, изъ одного оберъ- и унтеръ-инспектора, надзирающихъ за учащимися, и одного эконома для веденія счетовъ. Какъ главный, такъ и подчиненный ему директоръ должны были знать науки, преподаваемыя въ Академіи, особенно же форстъ- и камеральную науку, а также нѣмецкій языкъ. При директорѣ предполагалась канцелярія, а при Академіи библіотека, собраніе моделей разныхъ машинъ и натуральный кабинетъ или собраніе разныхъ породъ деревъ. Для Академіи Канкринъ испрашивалъ право именоваться, по имени императора, Павловскою и пользоваться всѣми правами, предоставленными другимъ подобнымъ же учрежденіямъ, и имѣть печать съ высочайшимъ императорскимъ гербомъ. Для помѣщенія Академіи Канкринъ считалъ необходимымъ избрать казенное строеніе съ садомъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ съ болѣшимъ удобствомъ можно было найти учителей и другихъ служащихъ за сходную цѣну, и ближе ознакомиться съ городскимъ хозяйствомъ, фабриками и т. п. Для практическаго же изученія сельскаго хозяйства Канкринъ просилъ дать въ управленіе Академіи лежащую близъ Петербурга деревню, населенную колонистами.

При Академіи авторъ проекта желалъ имѣть служителей изъ нѣмцевъ, а рабочихъ людей изъ казенныхъ крестьянъ; для обезпеченія же академическаго дѣла—снарядить при ней небольшую команду.

Для учрежденія Академіи Канкринъ испрашивалъ ежегодную сумму, не опредѣляя ея размѣра, считая, что государство, образованіемъ полезныхъ людей для статской службы, сохранитъ тѣ деньги, которыя вывозились бы въ чужія страны для найма иностранцевъ.

Сверхъ того, Канкринъ полагалъ, что расходы казны будутъ со временемъ сокращаться, если: 1) будетъ взимаема извѣстная сумма съ пансіонеровъ, при вступленіи ихъ въ Академію; 2) если въ пользу учрежденнаго института будутъ предоставляемы деньги за отдачу на откупъ удобныхъ для охоты мѣстъ; 3) если бы учредить сборъ съ оборотныхъ денегъ (лѣсныхъ пошлинъ) съ казенныхъ дровъ, продаваемыхъ для фабрикъ, по 20 коп. на каждыя сто бревенъ, и наконецъ, 4) если брать одну двадцатую долю со всѣхъ денегъ, издерживаемыхъ внѣ государства не для казенныхъ надобностей.

Представляя вышеизложенный планъ проектированной имъ Академіи, Канкринъ присовокупилъ, что считалъ бы себя счастливымъ, если бы это начертаніе удостоилось милостиваго вниманія его императорскаго величества и если бы въ отношеніи сего вкратцѣ начертаннаго плана онъ могъ быть удостоенъ высочайшаго довѣрія и призванъ къ участию въ дальнѣйшей разработкѣ этого дѣла и затѣмъ занять въ институтѣ мѣсто директора, сохранивъ должность члена государственной Бергъ-коллегіи, такъ какъ касательно преподаваемыхъ въ институтѣ наукъ,

онъ и своими услугами, и вышедшими въ печать сочиненіями, уже достаточно выказалъ свои знанія, и какъ въ російскомъ, такъ и въ лифляндскомъ сельскомъ хозяйствѣ не мало упражнялся.

Записка фонъ-Канкрина докладывалась 4-го марта 1798 года въ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, которая признала учрежденіе Академіи по предложенному имъ плану совершенно не нужнымъ, въ виду того, что

1) «для сельскаго хозяйства, яко важнѣйшей части, нынѣ находится подъ вѣдѣніемъ Экспедиціи особая школа, въ коей назначенное практическое ученіе имѣеть болѣе близкое отношеніе къ полному сельскому хозяйству, нежели тѣ науки, о коихъ предполагаетъ прожекторъ, и тѣмъ скорѣе ученики, въ школу принимаемые, долженствуя большею частью состоять изъ поселянъ, могутъ распространить по всей Имперіи земледѣльческое искусство и знаніе сельскаго хозяйства;

2) «для лѣснаго хозяйства Экспедиція, въ начертаніяхъ своихъ о управленіи сею частью, опредѣлила при форстмейстерахъ быть нѣкоторому числу учениковъ, кои на самой практикѣ будутъ познавать свойства деревъ и способы къ ихъ разведенію и сохраненію, руководствуясь правилами о лѣсахъ, составленными въ сей Экспедиціи и основанными на ботанической наукѣ; сверхъ чего и въ вышесказанной школѣ будутъ преподаваться нужныя наставленія въ лѣсоводствѣ;

3) «городовое хозяйство не требуетъ почти никакихъ знаній: ариметика и здравый рассудокъ для сего достаточны, и въ европейскихъ государствахъ не токмо Академіи, ниже какого училища для сей особенно части учреждаемо не было».

Заключеніе Экспедиціи было представлено, черезъ генераль-прокурора князя Куракнна, на высочайшее усмотрѣніе и утверждено государемъ, о чемъ и объявлено фонъ-Канкрину 21-го іюня того же года ¹⁾.

Кромѣ того, Экспедиція въ самомъ началѣ своего существованія занята была проектомъ учрежденія ветеринарнаго училища для предупрежденія и борьбы съ распространенными въ Россіи скотскими болѣзнями, но объ этихъ проектахъ будетъ умѣстнѣе упомянуть тогда, когда мы будемъ говорить о мѣрахъ по развитію и улучшенію скотоводства.

Здѣсь же въ связи съ мѣрами объ улучшеніи земледѣлія и сельскаго домоводства, слѣдуетъ сказать объ учрежденіи въ вѣдѣніи экспедиціи Школы глинобитнаго строенія.

Въ 1797 году, одинъ изъ членовъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. А. Львовъ, человекъ, одаренный разнообразными талантами, очень любезнательный и дѣя-

¹⁾ Дѣло Экспедиціи № 13879.

тельный, придумалъ способъ строить дома изъ земли и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе императора Павла, по повелѣнію котораго онъ построилъ въ Гатчинѣ изъ этого новаго матеріала такъ-называемый Пріоратъ, красиво расположенное зданіе, до сихъ поръ сохранившееся. По этому поводу и по ходатайству Львова, 21-го августа 1797 года былъ данъ Правительствующему Сенату указъ объ учрежденіи въ принадлежащемъ Львову селѣ Никольскомъ (близъ Торжка, Тверской губерніи) Училища землянаго битаго строенія, «для доставленія сельскимъ жителямъ здоровыхъ, безопасныхъ, прочныхъ и дешевыхъ жилищъ и въ соблюденіе лѣсовъ въ государствѣ», на слѣдующихъ основаніяхъ ¹⁾:

«1) Управляющіе губерніями имѣютъ отправить въ училище изъ безлѣсныхъ провинцій по два ученика, выбравъ оныхъ изъ молодыхъ и добропорядочнаго поведенія крестьянъ казеннаго вѣдомства, снабдить ихъ отъ правительства паспортами, а отъ общества—одеждою и харчевыми деньгами.

2) Ученики сіи, получая отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Львова нужныя для нихъ квартиры, дрова, желѣзные и деревянные инструменты безденежно, въ ученіи своемъ должны имѣть предметомъ строеніе изъ земли всякаго рода жилыхъ домовъ, скотныхъ дворовъ, конюшенъ, оградъ и т. п., дѣланіе разнаго рода фундаментовъ, покрытіе сельскихъ и хозяйственныхъ строеній прочными изъ соломы и изъ вереса съ глиною сдѣланными кровлями, особаго рода черепицею и гонтомъ.

3) А дабы училище сіе могло существовать безъ особой на то суммы и, распространяя пользу свою въ государствѣ, не отяготитъ частнаго начальника заведенія сего издержками какъ на матеріалы и инструменты, такъ и на содержаніе мастеровъ на его коштѣ, отдать означенному дѣйствительному статскому совѣтнику Львову въ собственность Московскаго уѣзда, бывшую Симонова монастыря землю, нынѣ въ числѣ оброчныхъ статей находящуюся, подъ названіемъ Тюхольскихъ казенныхъ покосовъ, съ лѣсными и пахотными угодьями и водами, съ коихъ хозяйственнымъ доходомъ имѣетъ онъ распорядиться не только на содержаніе школы, но и на выстройку на той данной ему землѣ образцовыхъ земляныхъ строеній изъ собственныхъ его матеріаловъ.

4) По выучкѣ, каждой губерніи ученики обязаны построить на вышписанной землѣ образцовое земляное строеніе, по окончаніи котораго получаютъ они названіе присяжныхъ мастеровъ и о томъ отъ начальника своего аттестаты, безъ каковыхъ запрещается земляное строеніе дѣлать, дабы по неумѣнію строителей не подвергнуть строеніе опасно-

¹⁾ П. С. З., т. XXIV № 18103. Дѣла экспедиціи №№ 13867, 13863, 13872 (по архиву мин. гос. имущ.).

сти и тѣмъ не отвратить поселянъ отъ подражанія толико полезнаго для нихъ дѣла.

5) По возвращеніи первыхъ присяжныхъ мастеровъ съ аттестатами на свое жилище управляющіе губерніями имѣютъ отправить немедленно другихъ, повторяя таковое отправленіе, доколѣ нужно число строителей, по мѣрѣ надобности въ нихъ для казенныхъ селеній, выучено будетъ.

6) Не возбраняется и помѣщикамъ отдавать въ ученіе сего хозяйственнаго строенія собственныхъ своихъ людей, на добровольныхъ условіяхъ съ начальникомъ училища; а дабы извѣстно было въ публикѣ учрежденіе онаго, припечатать о семъ въ вѣдомостяхъ».

Въ томъ же 1797 году изъ всѣхъ губерній, кромѣ Архангельской, Вятской, Выборгской, Иркутской и Лифляндской (какъ богатыхъ лѣсомъ и потому не нуждающихся въ земляныхъ постройкахъ), были присланы въ Никольское потребованные указомъ ученики, а два года спустя было выпущено изъ школы 72 мастера и 56 подмастерьевъ. Затѣмъ до 1802 года выпущено всего: мастеровъ—377, подмастерьевъ—87 и учениковъ—351, а всѣхъ—815 человекъ. Какъ въ селѣ Никольскомъ, такъ и на Тухольской дачѣ ими были построены разныя зданія, жилыя и нежилыя, и въ 21 губерніи, какъ видно изъ присланныхъ губернаторами свѣдѣній,—различныя пробныя постройки, впрочемъ, весьма незначительныя (большею частью—сарай для пожарныхъ инструментовъ и караульныя будки). Сомнительное въ своихъ результатахъ изобрѣтеніе вызвало много разнородныхъ толковъ, пересудовъ и насмѣшекъ; такъ Карамзинъ говорилъ, что подъ начальствомъ Львова мужики толкутъ землю безъ толку; зато другіе ожидали отъ этого изобрѣтенія очень многого, и другъ Львова, Державинъ, написалъ къ его портрету двустипшіе:

„Хоть взять онъ отъ земли и въ землю онъ пойдетъ,
Но въ зданьяхъ земляныхъ онъ вѣчно проживаетъ“⁴⁾.

Наконецъ, по представленію нѣкоторыхъ губернаторовъ, что во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ ученики для землянаго строенія не нужны, Сенатъ, указомъ 26-го іюня 1802 года, приказалъ болѣе учениковъ къ Львову не отправлять. Такимъ образомъ, занятія въ училищѣ должны были прекратиться; вскорѣ затѣмъ (въ началѣ 1803 года) умеръ и самъ Львовъ, а со смертью его все это дѣло было оставлено, такъ какъ на практикѣ оказалось, что земляное битое строеніе обходится гораздо дороже деревяннаго, а въ иныхъ мѣстахъ равняется и каменному.

⁴⁾ Сочиненія Державина, 2-е изд. изданіе, I, 365—366; II, 289—291.

III.

Вопросы о народномъ продовольствіи и о хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ занимали Павла Петровича съ самаго начала его царствованія и были поручаемы имъ особенному вниманію Сената и Экспедиціи Государственнаго Хозяйства. Хотя мысль о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ высказана была уже Петромъ Великимъ въ его указахъ 27-го февраля 1723 года и 20-го января 1724 года ¹⁾, при чемъ предполагалось при камеръ-коллегіи учредить особую контору и особаго чело-вѣка (экономіи Генеральнаго), «который бы всегда мыслить и доносить о магазинахъ государственныхъ» и о томъ какъ «во время недорода народъ довольствовать»; но мысль эта долго оставалась безъ примѣненія и ограничивалась одними проектами, напримѣръ: генераль-полиціймейстера Салтыкова ²⁾ (1733 годъ) и проектъ генераль-фельд-маршала П. И. Шувалова (1754 годъ). Лишь именнымъ указомъ 20-го августа 1762 года ³⁾ Екатерина II повелѣла: «хлѣбные магазины завести во всѣхъ городахъ, дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была». Постепенное учрежденіе хлѣбныхъ запасовъ въ селеніяхъ начинается съ 1765 года, какъ видно изъ именнаго указа 10-го марта 1765 года, даннаго коллегіи экономіи ⁴⁾; однако, учрежденіе запасныхъ магазиновъ въ экономическихъ и дворцовыхъ волостяхъ шло довольно медленно и мало успѣшно; поэтому при установленіи порядка внутренняго управленія въ селеніяхъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства 5-го апрѣля 1797 года предписывалось при каждомъ сельскомъ приказѣ учредить запасный магазинъ и для наполненія магазиновъ установить ежегодный хлѣбный сборъ съ поселянъ, по количеству земли, каждымъ владѣемой, съ каждой десятины озимаго хлѣба по полупуду ржи, а съ десятины яроваго—по 30 фунтовъ овса и гречи, при этомъ предписывались мѣры для освѣженія запасовъ хлѣба и для выдачи ссудъ на посѣвъ и на прокормленіе крестьянъ ⁵⁾. Вслѣдъ за тѣмъ и въ казенныхъ селеніяхъ, по докладу Экспедиціи, высочайше утвержденному 7-го августа 1797 года, предписывалось учредить въ каждой волости запасные магазины на одинаковыхъ основаніяхъ съ удѣльными. Именнымъ указомъ 18-го марта 1798 года повелѣвалось Сенату обратить надлежащее вниманіе, находятся ли сельскіе и городовые магазины

¹⁾ П. С. З., т. VI, № 4120 и т. VII, № 4175.

²⁾ П. С. З., т. IX, № 6426.

³⁾ П. С. З., т. XVI, № 11,649.

⁴⁾ П. С. З., т. XVII, № 12351.

⁵⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17906.

тамъ, гдѣ учредить ихъ велѣно, и то ли количество хлѣба содержать, какъ по вѣдомостямъ быть должно, имѣя неослабное бдѣніе, чтобы сія часть, столь хозяйству государственному необходимая, была всегда въ надлежащей исправности и охраненіи. Сенатъ потребовалъ отъ губернаторовъ обстоятельныхъ свѣдѣній, съ тѣмъ, чтобы не оставались безъ должнаго исполненія всѣ тѣ требованія объ исправномъ содержаніи магазиновъ, какія послѣдовали изъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, въ силу предоставленнаго ей попеченія и распоряженія по этому предмету ¹⁾). Затѣмъ именнымъ указомъ 9-го апрѣля 1798 года было вновь подтверждено Сенату обратить особенное вниманіе на скорѣйшее приведеніе въ порядокъ запасныхъ магазиновъ.

Между тѣмъ до высочайшаго свѣдѣнія продолжали доходить слухи о неудовлетворительномъ состояніи хлѣбныхъ запасовъ; посему именнымъ указомъ 11-го ноября 1799 года было вновь предписано Сенату со ссылкой на 20 губернскихъ начальствъ, не исполнившихъ распоряженіе правительства,—ислѣдовать о причинѣ таковыхъ упущеній и възыскать безъ изыятія все то, чего въ запасныхъ магазинахъ недостаетъ. Сенатъ назначилъ губернаторамъ 4-хъ недѣльный срокъ для представленія подробныхъ вѣдомостей о сельскомъ запасномъ хлѣбѣ и о способахъ, коими они полагаютъ пополнить предписанный двухъ-годовой запасъ.

Въ какой степени императоръ Павелъ интересовался этимъ вопросомъ, видно изъ того, что, въ самый день изданія вышеупомянутаго указа 11-го ноября, государь назначилъ засѣданіе общаго собранія Сената въ Гатчинѣ и прибылъ лично въ собраніе послѣ развода съ цесаревичемъ Александромъ Павловичемъ. Подойдя къ своему мѣсту и представивъ присутствующимъ великаго князя, какъ сенатора, императоръ выразилъ свою волю, чтобы наслѣдникъ его занималъ первое по немъ мѣсто въ Сенатѣ, а затѣмъ объявилъ, что предметъ настоящаго собранія есть разсмотрѣніе составленнаго по его приказанію проекта объ учрежденіи запасныхъ магазиновъ въ имперіи. «Поручаю вамъ, милостивые государи»,—прибавилъ въ заключеніе Павелъ Петровичъ,—«неотлагательно заняться этимъ дѣломъ, съ которымъ сопряжено благосостояніе народа, претерпѣвающаго большія бѣдствія во времена неурожая». Проектъ составленъ былъ генераль-провіантмейстеромъ, генераль-лейтенантомъ Обольяниновымъ ²⁾).

Разсмотрѣвъ этотъ проектъ въ общемъ собраніи всѣхъ петербург-

¹⁾ П. С. З., т. XXV, № 18448.

²⁾ Императоръ Павелъ Петровичъ, Н. К. Шильдера, стр. 371—372. Авторъ изслѣдованія относитъ это засѣданіе къ октябрю 1799 г., но вѣроятно, что оно происходило 11-го ноября 1799 года.

скихъ департаментовъ, Сенатъ, поставивъ задачу гораздо шире, чѣмъ въ предшествовавшихъ своихъ докладахъ, и, признавая количество запаснаго хлѣба недостаточнымъ для оказанія помощи въ случаѣ нужды, предположилъ завести запасные хлѣбные магазины по всей Имперіи, въ селеніяхъ всякаго званія, казенныхъ и владѣльческихъ, съ годовою пропорціею хлѣба, согласно мнѣнію Оболянинова, по три четверти ржи и по три четверика яроваго на ревизскую душу, съ тѣмъ, чтобы запасные сельскіе магазины или житницы находились непременно при всякомъ селеніи, имѣющемъ не менѣе 50 дворовъ; селеніямъ же, состоящимъ изъ меньшаго числа дворовъ, дозволялось соединяться къ содержанію одного магазина по удобствамъ мѣстнаго положенія. При этомъ предполагалось поручить губернаторамъ обсудить, совместно съ дворянскими предводителями и почетнѣйшими изъ дворянъ, вопросъ о томъ, нельзя ли въ изобильныхъ губерніяхъ наложить сборъ и въ большемъ количествѣ, а въ губерніяхъ не хлѣбныхъ устранить возможные затрудненія въ сборѣ, и мнѣніе свое представить въ Экспедицію Государственнаго Хозяйства.

Указавъ порядокъ хранения и освѣженія хлѣба, Сенатъ обязалъ губернаторовъ доставить въ Экспедицію Государственнаго Хозяйства, не позже шести недѣль по полученіи предписанія, обстоятельныя вѣдомости о томъ, въ какихъ именно казенныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ заведены или предположены запасные магазины, сколько хлѣба полагается для каждаго магазина, и сколько его требуется собрать. Два раза въ годъ, всѣ запасные магазины, какъ въ казенныхъ, такъ и въ помѣщичьихъ селеніяхъ подлежали освидѣтельствуванію нижними земскими судами или довѣренными чиновниками отъ губернатора, а затѣмъ генеральная вѣдомость о запасномъ хлѣбѣ во всей губерніи съ указаніемъ количества собраннаго хлѣба и количества взаимобразныхъ выдачъ, и не послѣдовало ли какого помѣшательства въ сборѣ хлѣба, должна быть доставляема въ Экспедицію Государственнаго Хозяйства.

На докладѣ Сената послѣдовала 29-го ноября 1799 года высочайшая резолюція: «быть по сему, а смотрѣніе имѣть предводителямъ, а не инымъ» ¹⁾).

IV.

Дѣятельность Экспедиціи касалась не только устройства сельскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, но и внутренняго устройства казенныхъ поселеній, какъ это видно изъ высочайше утвержденнаго 7-го августа 1797 года доклада Экспедиціи о раздѣленіи казенныхъ селеній на волости и

¹⁾ П. С. З., т. XXV, № 19203

о порядкѣ внутренняго ихъ управленія ¹⁾. Дѣло это возникло по поводу высочайшаго повелѣнія, чтобы, при сочиненіи вѣдомостей казеннымъ имѣніямъ, не различать селеній по званіямъ, но писать цѣлыми волостями, показывая число деревень, ревизскихъ душъ, земель и угодій. При составленіи этого доклада Экспедиція руководствовалась, главнымъ образомъ, высочайше утвержденнымъ 5-го апрѣля 1797 г. учрежденіемъ объ удѣльныхъ имѣніяхъ. Въ числѣ матеріаловъ, предложенныхъ для соображенія Экспедиціи генераль-прокуроромъ по этому дѣлу, было и установленіе сельскаго порядка въ казенныхъ селеніяхъ бывшаго Екатеринбургскаго намѣстничества, введенное тамъ въ 1787 г. ²⁾ и распространенное въ 1790 г. на нѣкоторыя сѣверныя губерніи ³⁾, однако установленіе это, какъ не утвержденное высочайшею властью, не было признано возможнымъ принять во вниманіе ни Экспедиціею, ни комиссіею составленія законовъ ⁴⁾. По разнообразію губерній и неравенству казенныхъ селеній по числу душъ и количеству земли, опредѣлительнаго числа душъ для каждой волости не было назначено, но гражданскимъ губернаторамъ предоставлено было вмѣстѣ съ казенными палатами, образовать волости для лучшаго порядка въ сельскомъ управленіи, не болѣе какъ изъ 3.000 душъ. Въ каждой волости учреждалось волостное правленіе съ волостнымъ старшиною, однимъ старостою или выборнымъ мѣстнаго селенія и однимъ писаремъ, въ каждомъ селѣ или деревнѣ—по одному выборному или старшинѣ и на каждые 10 дворовъ по одному десятскому. Голова и писарь выбирались на 2 года, а старосты на одинъ годъ. Обязанности волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ были подробно опредѣлены согласно учрежденію объ удѣлахъ.

Экспедиція не оставляла безъ надлежащаго вниманія и разсмотрѣнія и частные проекты или заявленія, нерѣдко поступавшія къ генераль-прокурору. Такъ, вадворнымъ совѣтникомъ Эли были представлены на разсмотрѣніе Экспедиціи замѣчанія ⁵⁾ по управленію казенными имѣніями. Сущность предложеній заключалась въ слѣдующемъ:

1) Казенныя деревни осматрѣть и описать чрезъ знающихъ экономію людей.

2) Для умноженія выгоды отъ казенныхъ деревень, вмѣсто платежа трехрублевой въ годъ подати, установить, чтобы крестьяне работали два дня въ недѣлю для короны.

3) Для прекращенія недоимокъ податей съ казенныхъ крестьянъ

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18082.

²⁾ П. С. З., т. XXII, № 16603.

³⁾ П. С. З., т. XXIII, № 16840.

⁴⁾ Дѣло Экспедиціи, 1797 г., № 13865, по Архиву М. Г. И.

⁵⁾ Дѣло Экспедиціи, № 13861, по Архиву М. Г. И.

и для управления казенными помѣстьями учредить въ С.-Петербургѣ или Москвѣ особое правительство, составленное по примѣру прочихъ коллегій, которое бы состояло подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ его императорскаго величества. Для управления же по уѣздамъ, для 500 душъ мужскаго пола быть приказчику, у 3.000 душъ—эконому, у 15 до 20.000 душъ—оберъ-эконому, съ тѣмъ, чтобы приказчики завясѣли отъ экономовъ, экономы отъ оберъ-экономовъ, а сіи—отъ правленія.

Подробно разсмотрѣвъ эти проекты, Экспедиція высказала слѣдующее заключеніе:

«По великому пространству Россіи, заключающему въ себѣ различные климаты, земли и народы, нельзя постановить общихъ для сельскаго хозяйства правилъ и утвердительно положить, которая часть онаго вообще полезнѣйшая. Хотя земледѣліе и скотоводство суть лучшія средства для обогащенія народнаго, но въ Россіи есть мѣста, гдѣ, по свойству климата и земли, сіи части сельскаго хозяйства или мало приносятъ прибыли, или и вовсе неудобны, и для того жители занимаются тамъ другими, выгоднѣйшими для нихъ, промыслами. Описать всѣ казеннаго вѣдомства деревни съ хозяйственными примѣчаніями, дабы по тому можно было сдѣлать лучшее соображеніе о недостаткахъ ихъ и выгодахъ, признается полезнымъ.

«Обратить всѣхъ казенныхъ крестьянъ на пашню, съ тѣмъ, чтобы они вмѣсто платежа трехрублеваго оброка, работали два дня въ недѣлю на государя, могло бы, конечно, принести казнѣ болѣе дохода противъ нынѣшняго; но сіе не повсюду въ дѣйство произведено быть можетъ. Учрежденіе для управления казенныхъ помѣстей особой коллегіи будетъ то же, что бывшая коллегія экономин: тогда были казенные управители и комиссары, но недоимки черезъ то не прекращались. Личная же оберъ-экономовъ власть, столь обширная, можетъ служить поводомъ къ разнымъ злоупотребленіямъ и не соответствуетъ никакимъ узаконеніямъ Россійскаго государства».

Въ числѣ проектовъ хозяйственнаго свойства, передаваемыхъ на разсмотрѣніе Экспедиціи генераль-прокуроромъ, были и весьма странныя, какъ, на примѣръ, слѣдующія замѣчанія костромскаго помѣщика князя Шелешпанскаго ¹⁾.

1) «Для прекращенія опустошенія цѣлыхъ селеній побѣгомъ въ скиты по подговору раскольниковъ, обольщающихъ простодушныхъ крестьянъ мнимымъ благочестіемъ, укрывающихъ ихъ отъ государственныхъ поборовъ, и чрезъ предстательство богатыхъ людей ихъ секты не только въ скитахъ, но и въ городахъ умножающихъ число тунеядцевъ», авторъ предлагалъ «опредѣленіемъ изъ казны награжденія побудить къ

¹⁾ Дѣло Экспедиціи, № 13863 (по Архиву М. Г. И.).

доносамъ о таковыхъ бѣглецахъ, которыхъ, такъ же, какъ и ихъ угры-
вателей, отдавать годныхъ—въ солдаты съ зачетомъ, а негодныхъ—
на поселеніе или на рудокопные заводы; изслѣдованія же по доносамъ
чинить отправленіемъ тайно воинской команды; капитанъ-исправниковъ,
у коихъ въ уѣздѣ найдутся слободы съ живущими бѣглецами, штрафо-
вать лишеніемъ чиновъ, а съ деревень, въ коихъ бѣглецы найдены
будутъ, брать рекрутъ безъ зачета».

2) «Къ искорененію нерадѣнія касательно сбереженія жизни и вос-
питанія незаконныхъ дѣтей, рожденныхъ во время отлучки крестьянъ
для промысловъ, дабы, бывъ призрачны, не погибали», авторъ предла-
галъ «учрежденіе изъ доходовъ общественного призрѣнія сиротскихъ
домовъ въ такихъ губерніяхъ, откуда крестьяне болѣе на промыслы
отлучаются, или позволить помѣщикамъ и поселянамъ принимать къ
себѣ таковыхъ дѣтей и укрѣплять ихъ за собою».

3) «Для вящшаго умноженія народа позволить служащимъ въ арміи
начальникамъ и шляхетству брать изъ разныхъ магометанскихъ и идо-
лопоклонническихъ націй плѣнниковъ въ вѣчное услуженіе, а по вос-
пріятіи ими христіанскаго закона позволить женить ихъ на крѣпостныхъ.
Также дозволить купечеству вывозить съ новонайденныхъ острововъ
дикій народъ, ясакомъ не обложенный, и продавать владѣльцамъ въ
крѣпость. Сверхъ сего, бѣжавшихъ изъ Россіи и пока возвратившихся
раздавать офицерамъ, такъ же какъ и разнаго рода вольныхъ ино-
страницевъ, въ Россію пріѣхавшихъ и ни въ цехъ, ни въ какое другое
состояніе не записавшихся».

Разсмотрѣвъ эти замѣчанія, Экспедиція нашла:

1) Что хотя бы и былъ побѣгъ въ скиты раскольниковъ, но не
уменьшается тѣмъ сборъ узаконенныхъ податей, потому что не токмо за
выбылыхъ разными случаями, но даже за отданныхъ въ рекруты и
умершихъ, каждое селеніе платитъ подати отъ ревизіи до ревизіи; рав-
нымъ образомъ, не нужно и средство для прекращенія побѣговъ, ибо
существуетъ законъ о доносителяхъ и какимъ образомъ доводы свои
доказывать должны. Способъ для сыска бѣглыхъ тайнымъ отправле-
ніемъ воинской команды представляется насильственнымъ и послужитъ
явнымъ поводомъ къ притѣсненію раскольниковъ въ противность
указамъ.

2) Для сохраненія жизни дѣтей незаконнорожденныхъ, предписано
съ подробностію въ учрежденіи о Воспитательномъ домѣ; укрѣпленіе
же ихъ за помѣщиками и поселянами не соотвѣтствуетъ челоувѣколю-
бію и совершенно противно существующимъ узаконеніямъ.

3) Плѣнниковъ безъ войны не бываетъ, а при заключеніи мира
дѣлается раздѣлъ или особенное о возвратѣ оныхъ постановленіе. Брать
иначе идолопоклонниковъ и магометанъ на границахъ и островахъ

законы благоустроеннаго государства и общенародное право воспрепятствуют. О иностранцахъ, въ Россію прїѣхавшихъ, существуютъ трактаты тѣхъ державъ или республикъ, откуда они происхожденіе свое имѣютъ.

Въ виду этихъ соображеній, Экспедиція предлагала оставить предположенія кн. Шелешпанскаго безъ всякаго вниманія, съ чѣмъ и согласился генераль-прокуроръ, князь Куракинъ.

Въ мартѣ 1800 г. генераль-прокуроръ П. Х. Оболяниновъ передалъ въ Экспедицію, для рассмотрѣнія и заключенія, два проекта о продажѣ казенныхъ пустопорожнихъ земель, небольшими участками, людямъ всѣхъ состояній.

Неизвѣстные авторы проектовъ указывали, что польза отъ такого дозволенія состоятъ будетъ въ умноженіи пошлинъ за совершеніе купчихъ и въ увеличеніи земельной подати, и предлагали предоставить право покупки земель также и огородникамъ изъ ростовскихъ и ярославскихъ крестьянъ. Рассмотрѣвъ эти проекты, Экспедиція высказалась противъ нихъ, на томъ основаніи, что «купцы и мѣщане уже имѣютъ право на покупку земель; ежели же распространить сіе позволеніе и на крестьянъ, то симъ смѣшаются всѣ состоянія, поравняяся нѣкоторымъ образомъ чрезъ сіе право собственности одно съ другимъ, чрезъ что нарушатся государственныя постановленія, опредѣляющія каждому роду людей приличныя преимущества и обязанности. Если же дать сіе позволеніе и помѣщичьимъ крестьянамъ, то сіе послужитъ къ нарушенію правъ дворянства, тѣмъ болѣе, что земель казенныхъ, впускъ лежащихъ и удобныхъ, далеко не много, ибо недостаетъ оныхъ и въ обширѣйшихъ губерніяхъ для нарѣзки указной 15-ти десятинной пропорціи казеннымъ крестьянамъ. А ежели бы въ нѣкоторыхъ губерніяхъ таковыя земли и были, то именнымъ его императорскаго величества указомъ декабря 8-го дня 1796 года запрещена таковая продажа порозжихъ казенныхъ земель въ частныя руки».

По всѣмъ этимъ причинамъ Экспедиція не находила ни пользы, ни возможности въ помянутомъ предположеніи, ибо оно основано на слабости заключенія отъ одной части къ цѣлому государству, ни знаніемъ статистическаго его состоянія, ни законодательныхъ порядковъ не подкрѣпленное; о чемъ и было донесено рапортомъ генераль-прокурору.

Вопросъ о разрѣшеніи людямъ всѣхъ состояній пріобрѣтать земли былъ разрѣшенъ въ слѣдующемъ году, указомъ императора Александра I, 12-го декабря 1801 г. ¹⁾, по обсужденіи въ особомъ состоявшемъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора, негласномъ комитетѣ ²⁾.

¹⁾ П. С. З., т. XXVI, № 20075.

²⁾ См. мою брошюру: „Крестьяне-собственники“. Спб. 1858 г. и Н. К. Шильдера, „Императоръ Александръ I“, т. I.

Изыскивая средства для приведенія въ лучшее состояніе земледѣлія у крестьянъ, Экспедиція вошла также въ разсмотрѣніе положенія многочисленнаго класса однодворцевъ, которые, обитая въ изобильнѣйшихъ губерніяхъ Имперіи, терпѣли большую нужду по малоземелью. Сдѣлавъ подробный историческій обзоръ происхожденія однодворцевъ и ихъ крестьянъ, Экспедиція пришла къ заключенію, что малоземелье ихъ было результатомъ не только ихъ размноженія, но главнымъ образомъ разныхъ злоупотребленій, вслѣдствіе которыхъ они нерѣдко одни и тѣ же участки продавали и закладывали въ разныя руки и оттого завели множество судныхъ и исковыхъ дѣлъ. Для устраненія этихъ затрудненій Экспедиція полагала нарѣзать всѣмъ однодворцамъ и ихъ крестьянамъ, въ виду уравненія ихъ съ казенными крестьянами, до 15 дес. на душу, согласно высочайше утвержденному 27-го ноября 1797 г. докладу Сената о надѣлѣ казенныхъ крестьянъ землею ¹⁾, прекратить большую часть спорныхъ дѣлъ о земляхъ между однодворцами и другими лицами, при недостаткѣ же излишнихъ земель для надѣла однодворцевъ, часть жителей переселить въ другія губерніи. Докладъ Экспедиціи, по разсмотрѣніи его въ общемъ Сената собраніи, былъ высочайше утвержденъ 21-го іюля 1798 г. и опубликованъ въ сенатскомъ указѣ отъ 24-го сентября того же года ²⁾. Впрочемъ, въ слѣдующемъ же году, по высочайше утвержденному 10-го октября 1799 г. докладу Сената, дѣло о нарѣзкѣ земель однодворцамъ передано было изъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства въ межевой департаментъ Сената для сосредоточенія съ прочими дѣлами о надѣлѣ землею казенныхъ крестьянъ ³⁾.

В. Вешняковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18256.

²⁾ П. С. З., т. XXV, 18676.

³⁾ П. С. З., т. XXV, № 19146 п. 6.

Родословная Баемановыхъ.

I.

Басмановы были отраслью рода Плещеевыхъ.

Родоначальникъ Басмановыхъ, Даниль Андреевичъ Плещеевъ (кол. VII, 100) носилъ прозваніе Басманъ. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ литовцами подъ Оршею въ 1514 году и умеръ въ Литвѣ ¹⁾.

Сынъ его, Алексѣй Даниловичъ, записанный въ тысячной книгѣ 1550 г., по первой статьѣ, съ отмѣткою «съ Перяславля», пожалованъ былъ въ окольнічіе въ 155¹/₂ (7060) г.; въ бояре въ 155⁵/₆ (7064) г. и показанъ «выбывшимъ», т. е. казненнымъ въ 156⁹/₉ (7077) г.) ²⁾.

Казнь его вызвана была подозрѣніемъ въ измѣнѣ.

Въ переписной книгѣ Посольскаго приказа 1626 года значится: «столпъ, а въ немъ статейный списокъ изъ сыскаго измѣннаго дѣла 15⁶⁹/₇₀ (78) году на новгородскаго архіепископа Пимена, новгородскихъ діаковъ, подъячихъ, гостей, владычныхъ приказныхъ, дѣтей боярскихъ и подъячихъ, какъ они ссылались въ Москвѣ съ бояры, съ Алексѣемъ Басмановымъ, сыномъ его Ѳеодоромъ, казначеемъ Никитою Фуниковымъ, печатникомъ Иваномъ Михайловымъ Висковатого, Семеномъ Василье-

---

¹⁾ Кн. Долгоруковъ. „Росс. род. книга“, IV, 174. Ср. С. И. Р. И. О. т. 35, стр. 654, гдѣ, подъ 1522 г., онъ значится въ числѣ „лучшихъ людей“, содержавшихся въ плѣну въ Литвѣ.

²⁾ Древн. Росс. Вивл., XX, 38, 40 и 50. О немъ упоминается въ духовной Дмитрія Григорьевича Плещеева (кол. VIII, 154) весьма важной для уясненія родственныхъ связей Плещеевыхъ. Лихачевъ. Сборникъ актовъ. Спб. 1895, № XI. Грамоту по мѣстническому его дѣлу съ Шереметевымъ см. у Лихачева. Мѣстническія дѣла. Спб. 1894 г., № 1.

вымъ Яковля, да съ дьякомъ Васильемъ Степановымъ, Андреемъ Васильевымъ, да съ княземъ Аонасіемъ Вяземскимъ о сдачѣ Великаго Новгорода и Пскова ¹⁾).

По словамъ Курбскаго, Алексѣй Басмановъ былъ зарѣзанъ сыномъ своимъ Ѳедоромъ ²⁾).

Ѳедоръ Алексѣевичъ Басмановъ, любовникъ, какъ выразился бн. Курбскій, царя Ивана, пожалованъ въ кравчіе въ 156⁵/₆ (7074) г. и показанъ «выбывшимъ» въ 157⁹/₁ (7079) году ³⁾).

Имѣлъ онъ двухъ сыновей: Петра и Ивана. Въ 1588 году раздѣлили они данныя имъ матерью ихъ (т. е. женою Ѳедора Алексѣевича) вотчины, при чемъ старшій братъ, Петръ, получилъ, между прочимъ, въ Переяславскомъ уѣздѣ село Елизарово съ деревнями ⁴⁾). Въ раздѣльной съ братомъ Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ говоритъ, что «пожаловала насъ государыня наша матушка княгиня Варвара Васильевна, подѣлила насъ съ братомъ, полюбовно, государскимъ жалованьемъ, вотчинами и помѣстьемъ» ⁵⁾).

Позднѣе, а именно въ 1623 году, только что упомянутое село Елизарово сдѣлалось предметомъ спора между Ѳаддеемъ Ивановичемъ Колодкинымъ-Плещеевымъ (кол. X, 247) и сыномъ его Михаиломъ (кол. XI, 300), съ одной стороны, и вдовою Ивана Ѳедоровича Басманова, Ириною Васильевною, съ другой. Въ судебномъ объ этомъ селѣ дѣлѣ записано, что «сосланъ-де былъ Алексѣй Даниловичъ (Басмановъ-Плещеевъ) на Бѣлоозеро и съ дѣтьми съ Ѳедоромъ съ сыномъ, а у Алексѣя жены не было въ тѣ поры, а былъ женатъ сынъ его Ѳедоръ Алексѣевичъ и Алексѣя-де Даниловича и сына его Ѳедора не стало въ опалѣ на Бѣлоозерѣ, а остались послѣ Ѳедора жена съ дѣтьми съ Петромъ да съ Иваномъ Ѳедоровичи, а послѣ-де того царь Иванъ Васильевичъ всея

¹⁾ Карамзинъ, IX, прим. 299. Архіепископъ Пименъ хирот. 20-го ноября 1552 г. изъ иноковъ Кириллова м-ря; 14-го февраля 1570 г. повезенъ, въ опалѣ, въ Москву и † 25-го сентября 1571 г.

²⁾ Въ одной рукописной разрядной книгѣ (Лихачевъ. Разрядные дьяки. Спб. 1888, стр. 278, пр.) упоминается въ 1552 г., въ чинѣ окольничаго, Василій Даниловичъ Басмановъ, но въ боярскомъ спискѣ, изд. въ Древн. Росс. Вивл., такого имени нѣтъ. Можно думать, что имя „Василій“ Басмановъ поставлено опискою, вмѣсто „Алексѣй“, такъ какъ ему предшествуетъ, въ рукописи, имя Василя Семеновича Серебрянаго.

³⁾ Древн. Росс. Вивл. XX, 47 и 51.

⁴⁾ Дѣдъ его, бояринъ А. Д. Басмановъ купилъ у племянника своего Ивана Дмитріевича Плещеева-Колодки (кол. IX, 192) въ Нерльскомъ стану Переяславльскаго уѣзда, пустошь Вишка ~~и~~ отдалъ ее въ церковь Никиты и Онуфрія въ селѣ Елизаровѣ по своему роду и „по своимъ люддемъ, которые въ государскихъ службахъ подѣ Казанью при мнѣ, Алексѣѣ, побиты“. Дарственная его объ этомъ запись во „Влад. губ. вѣд.“ 1855 г. № 48 или во Владимірскомъ Сборникѣ Тихомирова. М. 1857, стр. 132.

⁵⁾ А. Ю., № 266.

Русіи пожаловаль Ѳедорову жену съ дѣтьми съ Петромъ да съ Иваномъ, велѣлъ ихъ взять въ Великій Новгородъ и отдать брату ея князю Андрею Васильевичу Сицкому; а послѣ того изъ Новгорода велѣлъ ее взять къ Москвѣ и выдать за князя Ивана Константиновича Курлятева, а дѣтей ея Петра и Ивана взять къ себѣ, къ государю ¹⁾.

Изъ приведенныхъ документовъ явствуетъ, что жена Ѳедора Алексѣевича Басманова была рожденная княжна Варвара Васильевна Сицкая; овдовѣвъ, вступила она во второй бракъ съ княземъ Иваномъ Константиновичемъ Курлятевымъ и была еще въ живыхъ въ 1588 г., когда приложила печать къ раздѣльной своего сына Петра.

Бракомъ Ѳ. А. Басманова съ княжной В. В. Сицкою Басмановы вступили въ свойство съ Романовыми, такъ какъ отецъ княжны Варвары Васильевны, бояринъ кн. Василій Андреевичъ Сицкій, убитый въ 1578 г. подъ Венденомъ, жевать былъ на Аннѣ Романовнѣ Юрьевой-Захарьиной, старшей сестрѣ царицы Анастаси ²⁾. Онъ былъ дружкой, а его жена—свахой княжны Маріи Владиміровны Старицкой, на свадьбѣ ея съ королемъ Арцымагнусомъ, происходившей въ Новгородѣ, въ 1573 г. ³⁾. Вѣроятно, послѣ этой свадьбы, Варвара Васильевна Басманова поручена была своему брату, князю Андрею Васильевичу ⁴⁾.

Въ родѣ князей Курлятевыхъ было два князя Ивана Константиновича. Они были родные братья. Старшій умеръ на государевой службѣ въ Серпуховѣ въ 1583 году, время кончины младшаго не извѣстно. Вѣроятно, вдова Басманова выдана была за Ивана большого, имѣвшаго сына, кн. Ивана Ивановича; князь же Иванъ Константиновичъ меньшей показанъ въ родословной росписи неженатымъ и бездѣтнымъ.

Второй бракъ В. В. Басмановой съ кн. Курлятевымъ можетъ быть объясненъ тѣмъ, что князья Курлятевы были еще ранѣе въ свойствѣ съ Плещеевыми (вѣтвь рода которыхъ составляли Басмановы), такъ какъ дѣдъ князя Ивана Константиновича, кн. Иванъ Васильевичъ Курля-Оболенскій женатъ былъ на Анастаси Ѳедоровнѣ Плещеевой ⁵⁾.

Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, извѣстный сподвижникъ Лжедими-

¹⁾ Акты Ѳедотова-Чеховскаго. Кіевъ. 1860, I, 266.

²⁾ Еще ранѣе Андрей Петровичъ Плещеевъ (кол. VII, 86) женатъ былъ на дочери Якова Ивановича Кошвина-Казака (колѣно V рода Андрея Кобылы). Селифонтовъ. Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила. Спб. 1898, II, 12 и 18.

³⁾ Древ. Росс. Вивл., XIII, 98 и 102.

⁴⁾ Другой братъ В. В. Басмановой, кн. Иванъ Васильевичъ Сицкій, женатый на Евфиміи Никитичнѣ Романовой, сосланъ и постриженъ былъ, вмѣстѣ съ женою, при дарѣ Борисѣ. Доводчикомъ на него былъ Осипъ Ивановичъ Плещеевъ (кол. X, 236). Временникъ М. О. И. и Д., XIV, 49. Ср. тамъ же стр. 64—65 и 140—141.

⁵⁾ Кн. Лобановъ, „Русск. род. книга“, II, 35—36.

трія, одновременно съ нимъ погибшій, имя котораго едва-ли не въ первый разъ встрѣчается въ разрядахъ подъ 1590 г. ¹⁾, женатъ былъ на княжнѣ Дарьѣ Ивановнѣ Турениной († 1603 г.), дочери окольного, кн. Ивана Самсоновича Туренина († 1597 г.) ²⁾ и его жены, Домны Ивановны.

Кромѣ дочери Дарьи, у кн. Ивана Самсоновича были еще двѣ дочери: княжна Елена, за кн. Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ ³⁾ и княжна Марія, за кн. Андреемъ Владиміровичемъ Кольцовымъ-Мосальскимъ ⁴⁾.

Бракомъ съ кж. Турениною Васмановъ вступилъ въ свойство съ Годуновыми, ибо дядя кн. Ивана Самсоновича, кн. Ѳеодоръ Ивановичъ Туренинъ женатъ былъ на Евдокии Михайловнѣ Годуновой ⁵⁾.

Петръ Ѳеодоровичъ Васмановъ имѣлъ одного сына, умершаго рагѣ отца.

Младшій братъ Петра Ѳеодоровича, окольный Иванъ Ѳеодоровичъ Васмановъ, убитый въ 1604 году въ стычкѣ съ разбойничьею шайкою атамана Хлопко ⁶⁾, женатъ былъ на Иринѣ (инока Ираида) Васильевнѣ Салтыковой, † 2-го апрѣля 1639 г.

У него была дочь, Ѳотинія Ивановна, † 8-го октября 1642 г. въ замужествѣ за кн. Василиемъ Яншіевичемъ Сулешевымъ, † 28-го октября 1641 г. Она была второю его женою, такъ какъ первая его супруга, Анна Ивановна N, † 6-го іюля 1620 г. ⁷⁾.

¹⁾ Симбирскій сборникъ. М. 1845 г., стр. 110. Мѣсяца января въ 18 д. пошелъ даръ и великій князь изъ Новагорода въ Нѣмецкую землю. А рынды у царя и великаго князя, князь Иванъ большой да князь Иванъ меньшей Никитичи Одоевскіе, князь Андрей Андреевичъ Телятевскій; четвертый рында Петръ Ѳеодоровичъ Васмановъ; и Петръ Васмановъ билъ челомъ въ отечествѣ о счетѣ на князь Андрея Телятевскаго; и Петра Васманова государь отставилъ, а въ Петрово мѣсто, четвертый рында Алексій Романовъ сынъ Плещеевъ (кол. IX, 196).

²⁾ Древ. Росс. Вивл., XX, 65 и 66. Кн. И. С. Туренинъ былъ приставомъ при князѣ И. П. Шуйскомъ, сосланномъ царемъ Ѳеодоромъ. Нов. лѣтописецъ. М. 1853, стр. 26.

³⁾ Холмогоровъ. Истор. свѣд. о церквахъ, V, 146. У кн. Долгорукова (I, 315) и въ архивѣ кн. Куракина, Спб. 1890, I, 357, женою кн. Ивана Семеновича показана Гликерія NN.

⁴⁾ Холмогоровъ. Истор. свѣд. о церквахъ, V, 147. Былъ рындомъ на свадьбѣ Лжедимитрія. Древ. Росс. Вивл., XIII, 118. Г. Бранденбургомъ въ Родѣ кн. Мосальскихъ, Спб. 1893, стр. 48, имя его жены не указано.

⁵⁾ Извѣстія Рус. Генеалог. Общ. Спб. 1890, I, 102—103.

⁶⁾ Древ. Росс. Вивл. XX, 72—73.

⁷⁾ Древ. Росс. Вивл. XIX, 387 и 388. Братъ кн. Василія, кн. Юрій Яншіевичъ Сулешевъ † 6-го февраля 1637 г., женатъ былъ первымъ бракомъ на сестрѣ кн. Димитрія Мамстрюковича Черкаскаго, кж. Маріи, а вторымъ на дочери Михаила Михайловича Салтыкова, Марѣѣ. Бѣлокуровъ во Вре-

Въ 1636—1644 г.г. упоминается Евпраксія Басманова, первоначально соборная старица, а потомъ игуменья Покровскаго въ Суздаль монастыря ¹⁾).

Смертью Петра Ѳеодоровича, 17-го мая 1606 г., пресѣкъся родъ Басмановыхъ.

Хотя Басмановы съ Плещеевыми въ роду разошлись, но, тѣмъ не менѣе, общность ихъ происхожденія сохраняла силу. Когда Петръ Ѳеодоровичъ Басмановъ передался Лжедмитрію, то съ грамотою лжецаря посланъ былъ въ Москву, вмѣстѣ съ Гаврилою Пушкинымъ, Наумъ Михайловичъ Плещеевъ (кол. IX, 201), который за это былъ «пожалованъ помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ» ²⁾. Еще болѣе интересно записанное въ судебномъ дѣлѣ 1623 года о селѣ Елизаровѣ, о которомъ говорено было выше, свидѣтельство повѣреннаго Ѳаддея Плещеева, что когда «Петра (Басманова) при Ростригѣ убили, и они-де (Плещеевы) и всѣ того же надъ собою убивства чаяли» ³⁾.

II.

Представленная родословная Басмановыхъ основана на раздѣльныхъ и владныхъ ⁴⁾ записяхъ и на данныхъ, заключающихся въ тяжебномъ о недвижимомъ имуществѣ дѣлѣ. Въ одной части, однако, не согласна она со свѣдѣніями, встрѣчающимися въ трудахъ русскихъ генеалоговъ.

Сенаторъ Бороздинъ въ статьѣ о Басмановыхъ утверждаетъ, что вдова Ѳеодора Алексѣевича Басманова вышла въ другой разъ за князя Василя Юрьевича Голицына, который также имѣлъ отъ перваго брака (съ кѣмъ не сказано) сыновей и въ томъ числѣ Василя, прославившагося впоследствии посольствомъ своимъ въ Польшу ⁵⁾.

мен. 1899, IV, стр. 7; Леонидъ. Владная книга Новоспасскаго м-ря. Спб. 1883, стр. 27; Древ. Росс. Вивл. XIX, 386 и Забѣлякъ. Бытъ русскихъ царей. М. 1859, стр. 349.

¹⁾ Строевъ, Списки іерарховъ. Спб. 1877, стол. 692; А. И., III, 345.

²⁾ Временникъ, XIV, 41 и 140.

³⁾ Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, 267.

⁴⁾ Списокъ погребенныхъ въ Троицкой Сергіевской лаврѣ. М. 1880, №№ 93, 94 и 95.

⁵⁾ Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара, Спб. 1836, V, 41—43. Согласно этому, въ статьѣ о кн. Голицыныхъ (тамъ же, XIV, 3) князь Василій Васильевичъ названъ сведеннымъ братомъ Петра Ѳеодоровича Басманова.

Загѣмъ, кн. Долгоруковъ, въ своей «Россійской Родословной книгѣ», въ одномъ случаѣ, въ родословной кн. Голицыныхъ (I, 284), показалъ, что князь Василій Юрьевичъ Голицынъ женатъ былъ на вдовѣ Петра Ѳедоровича Басманова (жена котораго, однако, умерла ранѣе мужа), а въ другомъ—въ родословной Басмановыхъ (IV, 174, примѣч.), что Ѳедоръ Алексѣевичъ Басмановъ женатъ былъ на вдовѣ того же князя В. Ю. Голицына (во инокиняхъ Софіѣ), хотя первый изъ этихъ двухъ лицъ казненъ въ 1571 году, а второй умеръ въ 1584 году. Несообразности очевидны.

Наконецъ, въ Матеріалахъ для полной родословной росписи кн. Голицыныхъ, собранныхъ кн. Н. Н. Голицынымъ (Кіевъ, 1880, стр. 9), повторяются приведенныя свѣдѣнія, и показано, что кн. Василій Юрьевичъ, † 1589 г., былъ женатъ (послѣ 1571 года), на вдовѣ боярина и кравчаго Ѳедора Алексѣевича Басманова-Плещеева ¹⁾ († 1571), въ схимонахиняхъ Вознесенскаго монастыря въ Кремлѣ Софѣѣ, † между 1623—1625 г.

Такимъ образомъ мірское имя жены кн. В. Ю. Голицына продолжало оставаться невыясненнымъ, и только въ «Родословномъ сборникѣ» г.г. Руммеля и Голубцова (Спб. 1886, I, 262) въ родословной Желябужскихъ показана: «Соломонида Григорьевна, во иночествѣ Софія, игуменья Вознесенскаго монастыря въ Кремлѣ (до 1613), † 1623—1625; 1) за бояриномъ и кравчимъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Басмановымъ, † 1571; 2) за бояриномъ княземъ Василіемъ Юрьевичемъ Голицынымъ (Будгаковымъ), † 1584 г. Это показаніе включено кн. Н. Н. Голицынымъ въ его послѣдній трудъ: «Родъ кн. Голицыныхъ». (Спб. 1892, стр. 114).

Однако Н. П. Лихачевъ документально доказалъ, въ своемъ разборѣ книги кн. Н. Н. Голицына ²⁾, что въ 1573 году упоминается жена кн. Василія Юрьевича, Дарья, которая и должна быть признана первою его супругою, и что отчество второй его жены (во инокиняхъ Софія) было не Григорьевна, а Ивановна. Этимъ, конечно, въ значительной степени подрывается достовѣрность показанія родословной Желябужскихъ о принадлежности ея къ этому роду. Во всякомъ случаѣ, она никоимъ образомъ не могла быть вдовою Ѳедора Басманова, такъ какъ послѣднюю звали Варвара Васильевна.

Утвержденіе, что кн. Василій Юрьевичъ Голицынъ женатъ былъ, будто бы, на вдовѣ Ѳедора Алексѣевича Басманова, основывается, ка-

¹⁾ Ѳ. А. Басмановъ не былъ бояриномъ, а только кравчимъ.

²⁾ Новое родословіе кн. Голицыныхъ. Спб. 1893 (изъ журнала „Библиографъ“), стр. 14, 18 и 25.

жется, на приведенномъ Карамзинымъ (X, пр. 572) изъ московской лѣтописи пастора Бера свѣдѣніи, что, по убіеніи Петра Басманова, князь Иванъ Голицынъ ¹⁾, сводный братъ умершаго, взялъ съ площади, съ дозволенія бояръ, трупъ его и похоронилъ подлѣ его сына, за англійскимъ подворьемъ.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что нѣмецкій текстъ лѣтописи Бера (до сихъ поръ неизданный) Карамзинъ и Устряловъ ²⁾ передали порусски вполнѣ точно. Подтверждается это тѣмъ, что въ хроникѣ Буссова говорится о погребеніи Басманова въ слѣдующихъ словахъ: «*Des Baschmanoffs Stief-Bruder erlangte bey den Vornehmsten, dass er seines Brüders Körper vom Marckte mögte abholen und begraben lassen*» ³⁾. Равнымъ образомъ Петрей сообщаетъ, что: «*weil aber Bosmanno von einem fürnemen Geschlecht und Familia war, und seinen Stieffbruder im Leben hatte, erlangte er bey den vornehmsten Fürsten und Herren so viel, dass er seinen Bruder von Marckt möchte weg holen und begraben lassen*» ⁴⁾.

Ни Буссовъ, ни Петрей не называютъ однако этого Stiefbruder'a Басманова княземъ Голицынымъ, и если фамилія Голицынъ находится въ лѣтописи Бера, то произошло это, несомнѣнно, по ошибкѣ. Признавъ, что кн. Иванъ Васильевичъ Голицынъ былъ сводный братъ Петра Ѳедоровича Басманова, необходимо признать или, что Ѳедоръ Алексѣевичъ Басмановъ († 1571 г.) былъ женатъ на вдовѣ кн. Василя Юрьевича Голицына († 1584 г.), а это, очевидно, невозможно, или, наоборотъ, что кн. В. Ю. Голицынъ былъ женатъ на вдовѣ Ѳ. А. Басманова, а это также невозможно.

Какъ показано выше, Варвара Васильевна Басманова отъ перваго брака имѣла двухъ сыновей, Петра и Ивана Басмановыхъ. Затѣмъ вступила она во второй бракъ съ княземъ Иваномъ Константиновичемъ Курлятевымъ, у котораго, по родословной, показанъ сынъ, князь Иванъ. Остается предположить, что онъ былъ сынъ князя Ивана Константиновича отъ перваго брака, или, другими словами, что кн. Иванъ Константиновичъ женился на Басмановой, будучи вдовцомъ, и что, слѣдовательно, Петръ Басмановъ и князь Иванъ Курлятевъ были сводные братья. Беръ, по незнанію, назвалъ кн. Курлятева ⁵⁾ княземъ Голицынымъ, -- ошибка, для иноземца, возможная.

¹⁾ Второй сынъ кн. Юрія Васильевича.

²⁾ Сказанія современниковъ. Спб. 1831, I, 99. По Никоновской лѣтописи (VIII, 75), Петръ Басмановъ похороненъ былъ у Николы Мокраго.

³⁾ *Rerum Rossicarum Scriptores Exteri*. Petropoli. 1851, I, 58.

⁴⁾ *Ibid.*, 193.

⁵⁾ Князь Иванъ Ивановичъ Курлятевъ въ спискѣ чиновъ 1605 г. названъ чашникомъ великимъ и присутствовалъ при свадьбѣ Лжедимитрія. Древ. Росс. Вивл., XIII, 119 и 121.

Между тѣмъ наши генеалогіи, труды большинства которыхъ лишены исторической критики и, вслѣдствіе этого, представляютъ весьма малую научную цѣнность, приняли на вѣру показаніе хроники Бера, несомнѣнно ошибочное. Очевидно, что признаніе ими точнымъ показанія ошибочнаго, не подвергнутаго ими анализу, неизбежно должно было, въ свою очередь, привести къ новымъ ошибкамъ и, дѣйствительно, къ нимъ привело.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XLIV ¹⁾.

Взятіе французскихъ блокаузовъ.—Принцесса Ангальтская.—Маршалъ Ней.—
Сраженіе при Денневицѣ.—Полковникъ Лачиновъ.—Въ ожиданіи дуэли.—
Баронъ Паленъ.

Я не заставилъ себя долго ждать; я былъ радъ служить подъ начальствомъ молодаго генерала, который уже успѣлъ заявить о себѣ, умѣлъ разсчитать свои движенія и пользоваться обстоятельствами.

Генералъ Чернышевъ обладалъ рѣдкимъ качествомъ—не завидовать подчиненнымъ; напротивъ, онъ давалъ имъ случай отличиться, умѣлъ выставить ихъ заслуги и такъ какъ онъ пользовался благоволеніемъ при дворѣ, то награды сыпались на тѣхъ, кто служилъ подъ его начальствомъ.

Онъ сообщилъ мнѣ свой планъ атаковать одновременно всѣ аванпосты передъ Виттенбергомъ и поручилъ мнѣ командованіе его правымъ флангомъ и приказалъ мнѣ начать атаку.

Непріятель, находившійся у опушки лѣса, встрѣтилъ меня довольно сильнымъ ружейнымъ огнемъ.

Чернышевъ пустилъ въ ходъ орудія и далъ мнѣ такимъ образомъ возможность обойти лѣсъ и взять одинъ блокаузь, который непріятель, застигнутый мною врасплохъ, тотчасъ покинулъ; я взялъ его, не потерявъ ни одного человѣка.

Послѣ того какъ блокаузь былъ взятъ, всѣ остальные, находившіеся на этой линіи блокаузы были оставлены французами и заняты нашими войсками.

Мы никакъ не ожидали столь блестящаго результата, и когда объ немъ донесли королевскому принцу, то онъ не хотѣлъ вѣрить этому.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1901 г. августъ.

— Я считаю казаковъ способными на многое, сказалъ онъ, но все-таки не думаю, чтобы они могли брать блокгаузы, обороняемые французами.

Если подвигъ цѣнится по количеству потерянныхъ людей, то подвигъ, совершенный нами, былъ ничтоженъ, такъ какъ мы не потеряли при этомъ ни одного человѣка.

Наше движеніе было совершенно смѣло и быстро; оно внушило страхъ непріятелю, который предполагалъ, вѣроятно, что за нами шла пѣхота и, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ крѣпости, оставилъ эти блокгаузы, которые мы тотчасъ принялись разрушать; но это дѣло было не легкое, и намъ не удалось бы выполнить его безъ помощи крестьянъ, коимъ мы позволили взять всѣ деревянные части здаій.

Послѣ этого Чернышевъ устроилъ свою главную квартиру въ Смилькендорфѣ и поручилъ мнѣ командованіе аванпостами.

Я обѣдалъ у него каждый день; обѣдъ присылался ему отъ принцессы Ангальтской, двоюродной сестры и современницы Екатерины II, которая жила въ Косвигѣ. Обѣдъ привозила въ фургоны, запряженномъ четверкою лошадей, и Чернышевъ получалъ его буквально горячимъ.

Въ числѣ приглашенныхъ находились обыкновенно Константинъ Бенкендорфъ и Шоппигъ (Schoppingh); изъ нихъ первый услаждалъ насъ игрою на гитарѣ, а второй—своимъ прекраснымъ голосомъ. Романсы и водевильные куплеты, которые я слушалъ, лежа на соломѣ и покуривая трубку, доставляли мнѣ болѣе удовольствія, нежели въ театрѣ.

Къ моимъ аванпостамъ пріѣхалъ адъютантъ королевскаго принца съ письмомъ отъ его королевскаго высочества къ маршалу Нею.

Это былъ графъ Лилленкроевъ или Лилленкранцъ, обратившій общее вниманіе въ Парижѣ своей красивой наружностью и пріятнымъ обхожденіемъ; его сопровождало нѣсколько англичанъ, находившихся при главной квартирѣ принца.

Не дожидаясь появленія трубача, я приблизился къ французскимъ аванпостамъ и сдѣлалъ знакъ платкомъ, что я желаю говорить съ ними.

Мнѣ предложили подъѣхать ближе; между тѣмъ явился трубачъ, котораго я просилъ Чернышева прислать мнѣ; графъ Лилленкроевъ также подъѣхалъ. Въ этотъ моментъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей.

Къ счастью никто, кромѣ моей бѣдной лошади, не былъ раненъ.

Однако, письмо надобно было передать во что бы то ни стало; по этому приходилось вновь продѣлать тотъ же маневръ.

Этотъ разъ изъ предосторожности я приблизился къ французамъ пѣшкомъ и приказалъ трубить, что есть мочи.

Заслышавъ выстрѣлы, полковникъ выбѣжалъ изъ крѣпости; онъ подошелъ ко мнѣ и вѣжливо извинился, взялъ депешу изъ рукъ адъютанта, и мы возвратились на бивуакъ, довольные тѣмъ, что у насъ никто не былъ раненъ, хотя въ насъ и стрѣляли чуть не въ упоръ.

Однако, королевскій принцъ, узнавъ объ этомъ изъ донесенія своего адъютанта, написалъ маршалу Нею, прося его сдѣлать необходимыя распоряженія, дабы избѣжать повторенія фактовъ, столь противныхъ военнымъ обычаямъ и честности.

Маршалъ Ней извинился передъ нимъ, обѣщалъ, что виновные будутъ наказаны, присовокупивъ, что выстрѣлы были сдѣланы не французами, но поляками и что онъ ручается за то, что если принцъ пожелаетъ вести съ нимъ переговоры, то его парламентары не будутъ подвергаться оскорбленіямъ.

Пока мы проводили время, истребляя вкусные обѣды принцессы Ангальтской, любясь колокольнями Виттенберга и вспоминали неутомнаго Лютера, который произвелъ изъ своей монашеской кельи такой переворотъ въ Европѣ. Начались приготовленія къ достопамятному сраженію при Денневицѣ.

Маршалъ Ней двинулъ свои войска къ Ютербоку. Королевскій принцъ перемѣнилъ фронтъ и нанесъ ему рѣшительное пораженіе.

Въ сраженіи принимала участіе часть корпуса Воронцова. Кавалерія барона Палена покрыла себя славою; ею были взяты первыя орудія. И этотъ разъ эвергичиѣ всѣхъ дѣйствовали пруссаки.

Генераль Чернышевъ отправилъ меня на лѣвый флангъ въ Лютербрунненъ, откуда я долженъ былъ оперировать на Цаане и Зейда.

Я прибылъ туда въ тотъ моментъ, когда началось бѣгство Нея; такъ какъ его сообщеніе съ Виттенбергомъ было прервано, то онъ былъ вынужденъ отступить къ Йоргау; это движеніе вызвало большое замѣшательство въ войскѣ; Ней потерялъ много людей, которые были взяты въ плѣнъ, и не мало орудій. Я, со своей стороны, взялъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ, много повозокъ и резервныхъ парковъ.

Потерпѣвъ пораженіе, Ней перешелъ обратно Эльбу, чтобы реорганизовать свою армію, которая была почти вся истреблена.

Королевскій принцъ пошелъ на Косвигъ и Цербстъ.

Чернышевъ оставилъ меня одного у Виттенберга, чтобы наблюдать за непріателемъ до прибытія графа Тауенцина, которому было поручено вести осаду Виттенберга и Торгау.

Я расположился на высотахъ Аполлендорфа, откуда могъ слѣдить за всѣми движеніями непріателя. Вскорѣ прибылъ графъ Тауенцинъ (Tauenzien), а я получилъ отъ графа Воронцова приказаніе соединиться къ нему на равнинахъ Цербста.

На этихъ плодородныхъ равнинахъ была сосредоточена вся сѣверная армія, съ цѣлью приготовиться къ переправѣ черезъ Эльбу или двинуться на оборону Берлина и дать третье сраженіе въ случаѣ, если бы Наполеону вздумалось идти на эту столицу.

Я передалъ занятые мною посты пруссакамъ и уѣхалъ въ ту же

ночь; не останавливаясь въ Косвигѣ, переполненномъ шведами, я прибылъ рано утромъ въ Біаць (Biaz), сборный пунктъ всѣхъ казачьихъ полковъ.

Въ самой деревнѣ стоялъ полковникъ Лачиновъ, командовавшій полкомъ калмыковъ; онъ собралъ, по приказанію генерала Стаала, весь бывшій въ этой деревнѣ фуражъ. Я попросилъ его подѣлиться со мною; онъ прикинулся глухимъ. Такъ какъ генерала Стааль не было, то мнѣ приходилось либо обойтись бѣвъ фуража, либо взять его силою.

Мои лошади изнемогали отъ усталости, поэтому я не колебался. Я приказалъ казачьей сотнѣ сѣсть на лошадей и, взявъ вторую сотню для подкрѣпленія, отправился съ ними, чтобы взять силою то, что мнѣ не хотѣли дать добровольно.

Это надѣлало страшнаго шума; калмыки сбѣжались, чтобы защитить свои магазины; мои казаки угрожали имъ, держа пики на перевѣсѣ, между тѣмъ какъ ихъ товарищи связывали копны сѣна и увозили ихъ. Полковникъ былъ взбѣшенъ этимъ самоуправствомъ, которое произошло по его винѣ, и послалъ письменную жалобу графу Воронцову.

Тѣмъ временемъ мои лошади наѣлись властью; я этого только и хотѣлъ и не заботился объ остальномъ, такъ какъ я чувствовалъ себя совершенно правымъ: я взял силою сѣно, которое было получено путемъ реквизиціи, а не было куплено за деньги.

Графъ Воронцовъ, который меня совершенно не зналъ, весьма естественно, повѣрилъ взведенному противъ меня обвиненію и писалъ мнѣ въ этомъ смыслѣ, впрочемъ, съ соблюденіемъ должной вѣжливости. Оправдывать свой поступокъ письменно казалось мнѣ слишкомъ долго, поэтому я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ графу.

Дѣло было улажено въ пять минутъ.

Отказывая мнѣ въ сѣнѣ, полковникъ Лачиновъ сослался на пословицу: «всякій за себя, Богъ за всѣхъ»; на этомъ основаніи и я сказалъ графу Воронцову, что хотя мои лошади не были знакомы съ пословицами, но онѣ потребовали отъ меня того же и такъ какъ я исполнилъ ихъ просьбу, то могу выступить со своимъ отрядомъ минутъ черезъ пять, если онъ прикажетъ.

Графъ Воронцовъ не могъ удержаться отъ улыбки и сказалъ:

— Хотя вы и поступили самовольно, но, будь я на вашемъ мѣстѣ, я поступилъ бы точно такъ же: первая обязанность всякаго начальника заботиться о своемъ отрядѣ, къ тому же жители деревни были обязаны кормить всѣхъ. Полковникъ Лачиновъ не понялъ смысла приказанія, даннаго мною генералу Стаалу. Оставьте это дѣло; Лачиновъ также забудетъ о немъ; ваши лошади и люди имѣютъ все необходимое, поэтому вы можете сѣсть со мною въ коляску и отправиться въ глав-

ную квартиру: королевскій принцъ и генералъ Винценгероде имѣютъ въ васъ надобность.

Генералъ Винценгероде пригласилъ меня отобѣдать; онъ сказалъ мнѣ, что писалъ императору и просилъ о награждѣ для меня; я былъ польщенъ его пріемомъ и доволенъ тѣмъ, что онъ сулилъ мнѣ въ будущемъ.

Пригласивъ меня послѣ обѣда къ себѣ въ кабинетъ, онъ приказалъ мнѣ выступить два часа спустя, общалъ дать мнѣ въ видѣ подкрѣпленія полкъ тверскихъ волонтеровъ и предписалъ переправиться черезъ Эльбу вплавь, занять мѣстность между Заадою и Мульдью, наблюдать за Магдебургомъ, запастись лодками и матеріалами, нужными для постройки моста черезъ Эльбу у Авена, собрать съ жителей контрибуцію и пройти впередъ какъ можно далѣе, прикрывая въ то же время движеніе генерала Чернышева на Кассель.

«Почему бы мнѣ не блокировать въ то же время и луну?» подумалъ я, но промолчалъ, чтѣ приходилось, къ сожалѣнію, дѣлать довольно часто, получая столь несообразныя приказанія.

И такъ я былъ снова представленъ своимъ собственнымъ силамъ.

Эта самостоятельность сопряжена съ большою отвѣтственностью поэтому приходится немало волноваться и тревожиться, но зато приобретаешь въ одинъ годъ болѣе опытности, нежели служба въ арміи десять лѣтъ.

Привычка дѣлать многое на свою отвѣтственность вырабатываетъ твердость характера и сообразительность, необходимыя во всякомъ дѣлѣ.

На обратномъ пути я остановился на минутку на бивуакѣ, и приказавъ казакамъ сѣсть на лошадей, поѣхалъ далѣе. Мнѣ пришлось проѣхать черезъ деревню, занятую полковникомъ Лачиновымъ съ его калмыками. Нуждаясь въ проводникѣ, я просилъ сельскаго старосту дать мнѣ такового, но оказалось, что Лачиновъ уже забралъ всѣхъ людей, кои могли быть намъ полезны.

Пришлось снова вступить съ нимъ въ переговоры и просить его уступить мнѣ хотя одного человѣка; но полковникъ, разсерженный тѣмъ, что я взялъ у него силою магазинъ съ сѣномъ, отказалъ мнѣ въ этомъ отрѣзъ. Я не сталъ спорить и удалился. Но какъ только онъ ушелъ къ себѣ, я вернулся и, благодаря моему знакомству съ нѣмецкимъ языкомъ, мнѣ удалось безъ труда за два экю соблазнить одного изъ его проводниковъ; ко мнѣ явились еще два молодца, перескочивъ черезъ заборъ со двора, гдѣ ихъ держали подъ присмотромъ.

Когда полковнику донесли объ этомъ, то онъ прибѣжалъ ко мнѣ въбѣшенный и потребовалъ объясненія. Я отвѣчалъ спокойно, что мой поступокъ былъ вызванъ крайнею необходимостью. Мнѣ нуженъ былъ

*

хорошій проводникъ, а онъ оставался на мѣстѣ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько проводниковъ.

Дрожа отъ гнѣва, онъ потребовалъ отъ меня удовлетворенія.

— Охотно,—отвѣчалъ я,—но не теперь; въ настоящее время я себѣ не принадлежу, я долженъ отправиться въ экспедицію, которую я не могу отложить. Въ первую же свободную минуту я буду къ вашимъ услугамъ и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ тогда въ проводникѣ на тотъ свѣтъ, котораго вы не хотѣли дать мнѣ на семь свѣтѣ.

Онъ удовольствовался моимъ словомъ, хотя шутка, сказанная мною, вызвала съ его стороны маленькую гримасу; мы условились драться при первой же встрѣчѣ.

Къ несчастью для него и, быть можетъ, къ счастью для меня онъ былъ вскорѣ убитъ. Я искренно пожалѣлъ о немъ: хотя это былъ человѣкъ не далекій, но вполне честный и порядочный; во всякомъ случаѣ дуэль въ военное время, по моему мнѣнію, вещь нелѣпая; каждый изъ насъ ежедневно подвергаетъ свою жизнь опасности.

Покончивъ съ этимъ, я направился къ тому пункту, гдѣ я считалъ возможнымъ безъ особеннаго труда переправиться черезъ Эльбу.

Вскорѣ я встрѣтилъ графа Воронцова съ его начальникомъ штаба, генераломъ Понсе (Poncet); онъ ѣхалъ въ дрожкахъ оттуда, гдѣ я долженъ былъ переправиться черезъ рѣку.

Мы долго говорили объ экспедиціи, которую мнѣ предстояло совершить; онъ увѣрялъ меня, что мнѣ нельзя будетъ переправиться черезъ рѣку иначе, какъ вплавь, что было не особенно пріятно.

Со своей очаровательной улыбкою, Воронцовъ сказалъ, что ему очень пріятно видѣть, какъ весело и беззаботно я иду на встрѣчу опасности.

— Да,—отвѣчалъ я,—но повадятся кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить. Меня уже пятый разъ посылають развѣдать, что дѣлается въ тылу непріятельской арміи!

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, что вашъ кувшинъ останется цѣлъ.

XLV.

Переправа черезъ Эльбу впасть.—Шведскій королевскій принцъ.—Графъ Лемарра.—Камергеръ Вестфальскаго двора.—Генераль Ланюссъ и казаки.—Воронцовъ и Дмитрій Нарышкинъ.—Бюлетенъ шведскаго королевскаго принца.—Генераль Гиршфельдъ.—Полковники: Платенъ и Бойне.—Винценгероде и Бюловъ.—Занятіе Бернбурга.

Я присоединился къ генералу Чернышеву на самомъ берегу Эльбы, гдѣ онъ со своей обычной дѣятельностью успѣлъ уже соорудить небольшой плотъ и переправить на другой берегъ нѣсколько орудій и батальонъ гренадерскаго полка подполковника Бекера, который долженъ былъ прикрывать нашу переправу.

Лошади переправились вплавь; надъ водою выставлялись только ихъ коздри и уши. Во время этой переправы шелъ проливной дождь, такъ что всѣмъ намъ, такъ или иначе, пришлось вымокнуть. Я потерялъ при этомъ только одну лошадь; всѣ остальные переплыли рѣку благополучно.

Молодымъ офицерамъ, коимъ придется совершить когда-либо подобную переправу, могу дать слѣдующій совѣтъ: лошадей надобно ставить треугольникомъ, острымъ угломъ впередъ. Въ вершинѣ этого угла долженъ находиться хорошій и смѣлый пловецъ, а по обѣимъ сторонамъ слѣдуетъ поставить смѣлыхъ людей, которые заставили бы лошадей войти въ воду. Какъ только онѣ будутъ въ водѣ, дѣло пойдетъ само собою; ни одна лошадь не повернетъ назадъ; ими руководить инстинктъ.

Вступивъ на лѣвый берегъ, промокши до костей, я тотчасъ отправился къ Заалѣ и расположился на ночлегъ на берегу этой рѣки въ замкѣ Розенбурга, принадлежащемъ шведскому королевскому принцу, и который былъ пожалованъ ему Наполеономъ, какъ французскому маршалу.

Помѣщеніе въ замкѣ было прекрасное, управляющій имъ г. Гоничъ оказался весьма любезнымъ, а его жена была хороша собою и очаровательна.

Я сушился передъ каминомъ, когда прибылъ адъютантъ генерала Чернышева, съ приказаніемъ прибыть къ нему.

Совершивъ переправу такъ же благополучно, какъ я, генераль остановился въ разстояніи полуверсты отъ Розенберга.

Какъ мнѣ ни было досадно тащиться снова ночью, по дождю, но я не могъ отвѣчать отказомъ и поѣхалъ.

Генераль сообщалъ мнѣ, что ему приказано вернуться: шведскому королевскому принцу донесли, что изъ Магдебурга выступилъ французскій отрядъ численностью въ 5.000 человекъ, чтобы занять Бернбургъ

и теченіе Заалы; поэтому можно было ожидать, что онъ атакуетъ насъ на слѣдующій день и такъ какъ мы были гораздо малочисленнѣе его и намъ некуда было отступить, то, по всей вѣроятности, мы утонули бы въ Эльбѣ. Поэтому принцъ приказалъ Чернышеву немедленно начать отступление. Генераль предупредилъ меня, что онъ выполнить это движеніе въ ту же ночь, и совѣтовалъ послѣдовать за нимъ, такъ какъ и я, вѣроятно, незамедлю получить подобное же приказаніе.

Такъ какъ цѣль моей экспедиціи была совершенно иная и я былъ подчиненъ непосредственно графу Воронцову и поэтому долженъ былъ руководствоваться его приказаніями, то мнѣ слѣдовало выждать ихъ. Поэтому я отвѣчалъ, что не могу воспользоваться его совѣтомъ, и буду ожидать приказаній.

Генераль дружески замѣтилъ мнѣ, что я подвергаю себя большой отвѣтственности; если его считали слишкомъ слабымъ, чтобы противустоять непріятелю, тѣмъ болѣе мнѣ нельзя было полагаться на мои незначительныя силы.

— Вамъ достаточно совѣта, который я вамъ даю,—присовокупилъ онъ.—Бываютъ обстоятельства, когда совѣтъ замѣняетъ непосредственное приказаніе.

Когда я попросилъ его изложить этотъ совѣтъ письменно, то онъ отвѣчалъ отказомъ; поэтому я рѣшилъ остаться.

— Предоставляю васъ судьбѣ,—сказалъ генераль,—но не пеняйте на меня, если я не одобряю ваше рѣшеніе.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ я,—за ваши добрые совѣты и за выказанное мнѣ участіе; вы не сомнѣваетесь, конечно, что мнѣ было бы пріятно исполнить ваше приказаніе, но въ настоящую минуту позвольте мнѣ поступить такъ, какъ повелѣваетъ долгъ.

Онъ дружески пожалъ мнѣ руку и удалился.

Я разослалъ во всѣ стороны развѣдчиковъ, чтобы слѣдить за движеніемъ мнимаго 5.000 корпуса, такъ напугавшаго шведскаго королевскаго принца.

Одинъ прусскій офицеръ, поручикъ Клицингъ, зять хозяйки замка, пріѣхавшій туда тайкомъ для свиданія со своей молодой женою, переправился по моей просьбѣ черезъ Заалу. Какъ мѣстный житель, онъ выполнилъ возложенное на него порученіе такъ успѣшно, что возвратился три часа спустя со ста лошадьми, нагруженными овсомъ, водкою и съ 50 быками, коихъ гнали въ Магдебургъ и которыхъ онъ захватилъ близъ этой крѣпости.

Онъ увѣрилъ меня, что въ окрестностяхъ никто не слышалъ о появленіи непріятельской колонны.

Хотя я получилъ, въ свою очередь, отъ графа Воронцова приказаніе слѣдовать за генераломъ Чернышевымъ, но, будучи лучше его освѣ-

домленъ о положеніи дѣлъ, я рѣшилъ на свой страхъ не исполнять это приказаніе и отправилъ въ главную квартиру графа транспортъ, захваченный мною у самыхъ воротъ Магдебурга.

Я писалъ ему въ своемъ донесеніи, что такъ какъ приказаніе перейти обратно Эльбу было дано мнѣ вслѣдствіе распространившагося извѣстія о появленіи французскаго отряда, идущаго изъ Магдебурга, то я считаю долгомъ (такъ какъ этой колонны нигдѣ не видали) не оставлять занятой мною весьма выгодной позиціи, тѣмъ болѣе, что мнѣ уже удалось достать и спустить на рѣку лодки, находящіяся на Заалѣ. Я ручался головою за цѣлость моего отряда и выражалъ надежду, что графъ Воронцовъ оцѣнитъ мою рѣшимость остаться на лѣвомъ берегу Эльбы и извинитъ меня за неповиновеніе, принимая во вниманіе, какія важныя причины руководили моимъ рѣшеніемъ.

Графъ Воронцовъ, умѣвпшій оцѣнить все то, что дѣлалось подѣ влияніемъ настоятельной необходимости, одобрилъ мое рѣшеніе, но возлагалъ на меня всю отвѣтственность за послѣдствія, какія оно могло имѣть. Онъ рѣшилъ, однако, просить королевскаго принца и генерала Винценгероде отмѣнить данное мнѣ приказаніе.

Дѣйствительно, мнѣ было разрѣшено продолжать мои операціи на Заалѣ; генералу Чернышеву велѣно было вторично перейти Эльбу и идти на Кассель. А мнѣ было поручено прикрывать его движеніе, наблюдать за Магдебургомъ и въ особенности за всѣми отрядами, какіе непріятель могъ выслать изъ этой крѣпости, тревожить его какъ можно болѣе, постараться дойти до Гальберштадта и Вольфенбюттеля и кружиться около Бернбурга, чтобы обезпечить отступленіе Чернышева, если бы ему пришлось совершить его въ этомъ направленіи.

Съ этой цѣлью, я немедленно переправился черезъ Заалу у Резенбурга, гдѣ едва не утонулъ. Послѣ этого я направился къ Барбы (Barby), откуда прогналъ эскадронъ конныхъ егерей; въ Гроссензальца (Grossensalza) также находился отрядъ егерей, которые, получивъ подкрѣпленіе, атаковали насъ, но были опрокинуты и оставили въ моихъ рукахъ до двадцати плѣнныхъ солдатъ и двухъ офицеровъ.

Оттуда я пошелъ на Шенебекъ, разославъ сильныя отряды къ Фрозе, Фемерслебену и Оттенлебену.

Встревоживъ этими быстрыми движеніями всѣ непріятельскіе отряды, находившіеся внѣ стѣнъ Магдебурга, я вернулся обратно и остановился въ Кальбе, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, и въ тотъ же вечеръ отправился чрезъ Стасфуртъ (Stasfurth), чтобы ночевать въ Ашерслебенѣ (Aschersleben).

Бросивъ взглядъ на карту, всякій убѣдится, что подобныя переѣзды могутъ быть совершены только на казачьихъ лошадяхъ. Всякая иная кавалерія совершенно выбилась бы изъ силъ.

Я имѣлъ при этомъ цѣлью заставить графа де-Лемарруа подумать, что вся Магдебургская равнина была наводнена нашими войсками: этотъ планъ удался вполнѣ, такъ какъ онъ приказалъ всѣмъ отрядамъ, находившимся въ этой мѣстности, отступить къ городу.

На слѣдующее утро я появился въ Гальберштадтѣ, къ великому удивленію жителей, и расположился лагеремъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ генераль Чернышевъ столь блистательно взялъ въ плѣнъ генерала Окса и захватилъ 24 орудія.

Я былъ въ тотъ же день въ Вольфенбюттелѣ и узналъ, что Чернышевъ прошелъ черезъ Брауншвейгъ безпрепятственно и шелъ къ Касселю.

Желая доставить это пріятное извѣстіе какъ можно скорѣе въ главную квартиру, я повернулъ обратно, завладѣвъ, однако, предварительно всѣми вещами, принадлежавшими вестфальскому правительству, какъ-то: кассою, архивами и списками тайно й полиціи, изъ коихъ мы узнали имена многихъ лицъ, служившихъ шпіонами, и могли такимъ образомъ остерегаться ихъ впредь.

Я воспользовался своимъ кратковременнымъ пребываніемъ въ этой мѣстности, чтобы обложить жителей довольно значительной контрибуціей въ видѣ овса, водки, быковъ и лошадей для артиллеріи, которые были препровождены въ Берибургъ, гдѣ, по приказанію главной квартиры, я долженъ былъ занять позицію.

Чтобы обложить жителей контрибуціей какъ можно равномернѣе, я созвалъ властей Гальберштадта, Вольфенбюттеля и Кведлинбурга и поручилъ имъ наблюдать за этимъ, но рѣшилъ, однако, со своей стороны, слѣдить за тѣмъ, чтобы мои приказанія были строго исполнены.

Всѣ лица, приглашенные мною, явились въ назначенное время, принимая, какъ важно было ихъ присутствіе въ вопросѣ, имѣвшемъ такое огромное значеніе для страны.

Только одинъ бывший камергеръ прусскаго двора, всецѣло преданный въ то время вестфальскому правительству, не явился лично, а прислалъ протестъ по поводу объявленной мною мѣры, которую онъ называлъ противузаконной. Такъ какъ мнѣ некогда было обсуждать вопросъ о законности, то я приказалъ двадцати казакамъ сѣсть на лошадей и привезти бывшего камергера изъ его замка силою, что и было исполнено. Я никогда не видалъ болѣе жалкой фізіономіи.

Когда онъ вошелъ ко мнѣ, я работалъ съ его коллегами; я приказалъ поставить ему стулъ въ углу въ той залѣ, гдѣ происходило наше совѣщаніе. Когда всѣ бумаги были изготовлены, то онъ подписалъ ихъ вмѣстѣ съ остальными, и его супруга, прибѣжавшая изъ замка, чтобы просить о его помилованіи, была очень удивлена, увидавъ его съ перомъ въ рукахъ, подписывавшаго, правда, не особенно охотно, актъ, который прочіе подписали добровольно.

Прибывъ въ Бернбургъ, я успѣшилъ ознакомиться съ мѣстностью, будучи увѣренъ, что генераль Лемарруа не оставитъ меня въ покоѣ; я поставилъ двѣ сотни казаковъ въ Кальбѣ (Kalbe) и, не теряя времени, сталъ переправлять на другой берегъ лодки и матеріалы, необходимыя для сооруженія моста, по которому Сѣверная армія должна была перейти Эльбу; всѣ эти матеріалы были сосредоточены генераломъ Александромъ Бенкендорфомъ въ Акенѣ.

Я нашелъ въ Ротенбургѣ очень большія барки, которыя доставили мнѣ немало хлопотъ, такъ какъ французы пустили ихъ ко дну. Но мнѣ удалось починить ихъ и отправить, куда слѣдуетъ, но графъ Лемарруа, желая помѣшать этому, приказалъ генералу Ланюссу (Lanusse) атаковать меня. Мои аванпосты предупредили во-время о приближеніи нѣсколькихъ тысячъ человекъ пѣхоты и кавалеріи; я рѣшилъ защищать свою позицію, на сколько позволятъ мои средства и данныя обстоятельства. Дѣйствительно, вскорѣ показалась голова колонны, шедшей изъ Гаттерслебена.

Я отлично понималъ, что, не имѣя ни пѣхоты, ни артиллеріи, я не имѣлъ шансовъ на успѣхъ, но, не желая оставить позицію, не предпринявъ все возможное, чтобы сохранить ее, я сдѣлалъ соответствующія распоряженія. Полкъ Попова былъ поставленъ передъ Бернбургомъ, въ оврагѣ, который тянулся параллельно большой дорогѣ, коей шель неприятель. Этотъ оврагъ скрывалъ устроенную противъ него засаду.

Я приказалъ полку пропустить пѣхоту и атаковать кавалерію, шедшую въ нѣкоторомъ разстояніи позади пѣхотной колонны. Надѣясь смѣшать неприятеля этимъ неожиданнымъ движеніемъ, я рассчитывалъ, что онъ остановится; а я всталъ съ полкомъ тверскихъ волонтеровъ на большой дорогѣ впереди Бернбурга.

Какъ только французская кавалерія выступила изъ деревни, я приказалъ атаковать ее, производя адскій шумъ; она не успѣла построиться. Считая себя въ совершенной безопасности, французы не приняли обычныхъ предосторожностей: поэтому кавалерія была опрокинута и отброшена къ пѣхотѣ, потерявъ 120 солдатъ и 5 офицеровъ, взятыхъ нами въ плѣнъ.

Эта внезапная атака приостановила, какъ я и ожидалъ, движеніе пѣхоты.

Генераль Ланюссъ приказалъ выдвинуть орудія и открылъ по моему отряду сильный огонь. Благодаря тому, что онъ дѣйствовалъ слишкомъ методично, я успѣлъ собрать полкъ Попова, который отступилъ къ занятой мною позиціи; а это было бы чрезвычайно трудно выполнить, если бы генераль Ланюссъ быстро и энергично двинулся впередъ, что я, конечно, сдѣлалъ бы на его мѣстѣ. Я говорю это не для того, чтобы похвастать; я всегда дѣйствовалъ по вдохновенію, и опытъ показалъ

мнѣ, что это былъ наилучшій и зачастую самый безопасный образъ дѣйствій.

Когда дымъ отъ выстрѣловъ разсѣялся, то генераль Ланюссъ убѣдился, что я просто-на-просто надулъ его. Тогда онъ двинулъ свое войско впередъ, велѣлъ бить атаку, осыпалъ меня картечью и заставилъ отступить.

Уланскій поручикъ Сонинъ, исполнявшій обязанности моего адъютанта, былъ контуженъ, и подъ нимъ была убита лошадь, но это не помѣшало ему поскакать во весь опоръ къ графу Воронцову, чтобы сказать ему отъ моего имени, что я не надѣюсь удержаться въ Бернбургѣ, хотя онъ находился еще въ моихъ рукахъ.

Французская колонна безъ труда проникла въ городъ; мы продолжали сражаться въ рукопашную на улицахъ Бернбурга.

Я приказалъ казачьей сотнѣ спѣшиться; эти превосходные стрѣлки, вооруженные хорошими ружьями, обороняли мостъ, который мнѣ вовсе не хотѣлось отдать неприятелю.

Въ этомъ пунктѣ происходила оживленная перестрѣлка до тѣхъ поръ, пока генераль Ланюссъ не поставилъ двухъ орудій такъ, что они могли обстрѣливать мостъ въ длину, между тѣмъ какъ изъ двухъ другихъ орудій стрѣляли по немъ съ боку; такъ какъ весь берегъ былъ кромѣ того усеянъ стрѣлками, то съ моей стороны было бы безуміемъ долѣе защищать мостъ и жертвовать напрасно моими храбрыми казаками. Поэтому я былъ вынужденъ оставить его, снявъ предварительно нѣсколько досокъ, чтобы неприятель не могъ преслѣдовать меня по пятамъ. Я занялъ позицію въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ города. Французы быстро починили мостъ и атаковали меня на моей позиціи. Ихъ поддерживали два эскадрона кирасиръ. Собравъ легкую кавалерію, съ которой я имѣлъ дѣло часть тому назадъ, они вышли изъ города и вступили со мною въ бой, за ними шла пѣхота по узкой улицѣ, подававшейся довольно круто въ гору.

Я окружилъ кирасиръ и смѣло атаковалъ ихъ; они повернули обратно, но не смѣшались; однако, отступая, они опрокинули легкую кавалерію, которую я такъ хорошо проучилъ по утру, а она оттѣснила, въ свою очередь, пѣхоту; въ концѣ концовъ войско пришло въ замѣшательство и перешло обратно черезъ мостъ, коимъ я снова овладѣлъ.

Послѣ этой стычки, происшедшей на улицахъ города, мостъ и самый городъ остались во власти генерала Ланюсса, а же занялъ позицію позади маленькой рѣчки, въ четверти верстахъ отъ Бернбурга. Огонь прекратился, и мы разставили аванпосты въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга.

Наши потери, которыя могли бы быть весьма значительны, соотвѣтственно тѣмъ усиліямъ, какія были употреблены нами, чтобы удер-

жать теченіе Заалы, оказались не особенно велики. Я взялъ у французовъ 120 солдатъ и 5 офицеровъ.

Между прочимъ два казака, изъ полка Попова, увлекшись сраженіемъ на улицахъ Бернбурга, замѣтили слишкомъ поздно, что мною былъ данъ сигналъ къ отступленію и были окружены французами на самомъ мосту. Переила моста были сломаны; они этимъ воспользовались и смѣло соскочили съ моста на своихъ лошадяхъ съ высоты 8 — 10 саженей.

Такъ какъ французы заняли уже оба берега, то помочь имъ не было возможности; одинъ изъ нихъ былъ тяжело раненъ въ рѣкъ, а другой взять въ плѣнъ здоровымъ и невредимымъ.

Доблестный генералъ Ланюссъ, бывшій свидѣтелемъ этого геройскаго поступка, приказалъ положить казака въ свою карету и отправилъ его вмѣстѣ съ товарищемъ къ губернатору Магдебурга, графу де-Лемарруа, наградивъ каждого изъ нихъ наполеондоромъ.

Я узналъ объ этомъ изъ донесенія генерала Ланюсса, перехваченнаго моими развѣдчиками, и которое я препроводилъ чрезъ графа Воронцова къ шведскому королевскому принцу; онъ былъ въ восторгѣ. Изъ этого же донесенія онъ узналъ, что я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ весьма энергично, за что онъ и выразилъ мнѣ благодарность въ дневномъ приказѣ.

Послѣ этого сраженія я провелъ ночь весьма тревожно на бивуакѣ.

Графъ Воронцовъ, слышавъ кононаду и узнавъ нѣкоторыя подробности отъ моего адъютанта, посылалъ своихъ офицеровъ узнать, въ какомъ я нахожусь положеніи. Онъ тревожился за работы, начатыя въ Акенѣ и Росславѣ (Rosslaw).

Я досадовалъ по поводу того, что мнѣ пришлось покинуть Бернбургъ, и рѣшилъ атаковать непріятеля на слѣдующій день и прогнать его во что бы то ни стало.

Я хотѣлъ добиться хитростью того, чего мнѣ не удалось достигнуть силою. Отъ преданныхъ мнѣ людей я получилъ самыя точныя свѣдѣнія о силахъ непріятеля и о томъ, какія контрибуціи онъ собиралъ съ жителей.

Занявъ довольно выгодную позицію, въ четверти верстахъ отъ города, позади небольшой рѣчки съ весьма крутыми берегами, и имѣя для отступленія два каменныхъ моста, одинъ отъ другаго на разстояніи трехъ верстъ, я приказалъ охранять эти мосты сильными отрядами, и на слѣдующій день я надѣлалъ хлопотъ французамъ, непрестанно тревожа ихъ и подготавливая такимъ образомъ атаку.

Я хотѣлъ утомить французовъ, держа ихъ весь день въ тревогѣ. Чтобы скрыть отъ нихъ численность моихъ силъ, я спряталъ казаковъ позади деревни и приказалъ имъ, время отъ времени, бить въ един-

ственный бывший въ моемъ распоряженіи барабанъ, чтобы они думали, что ко мнѣ подходитъ на помощь пѣхота.

Съ наступленіемъ ночи, я послалъ двѣ сотни, подъ командою прусскаго поручика Клицинга, прекрасно знакомаго съ мѣстностью, приказавъ ему переправиться черезъ Заалу вплавь, въ разстояніи одной мили отъ Бернбурга и появиться по ту сторону города, на Магдебургской дорогѣ, надѣлавъ болѣе шума, нежели причинивъ вреда неприятелю. Кромѣ того я намѣревался атаковать на разсвѣтѣ французскіе посты, опрокинуть ихъ и вступить въ городъ, смѣшавшись съ ними.

За часъ до восхода солнца, я атаковалъ одновременно всѣ аванпосты неприятеля. Счастье благоприятствовало мнѣ; ни одинъ человѣкъ не ускользнулъ отъ меня, всѣ были взяты въ плѣнъ. Я поскакалъ къ мосту, гдѣ французы не оказали мнѣ почти никакого сопротивленія; овладѣлъ имъ и вступилъ въ городъ.

По ту сторону города, мой отрядъ дѣйствовалъ такъ же успѣшно. Генералъ Ланюссъ, застигнутый буквально врасплохъ, приказалъ отступать и, собравъ своихъ солдатъ, оставилъ городъ. Намъ достались всѣ повозки, нагруженные разными предметами, взятыми у жителей въ видѣ контрибуцій. Поручикъ Клицингъ преслѣдовалъ неприятеля верстъ съ десять, а я былъ безконечно радъ, имѣвъ возможность помѣтить свое донесеніе графу Воронцову изъ самаго Бернбурга.

Графъ Воронцовъ былъ весьма доволенъ достигнутымъ результатомъ, а шведскій королевскій принцъ, узнавъ обо всемъ изъ моего донесенія и въ особенности изъ донесенія, посланнаго генераломъ Ланюссою графу Лемарруа и перехваченнаго казаками, былъ такъ доволенъ, что пожаловалъ мнѣ крестъ (*la croix militaire du glaive*), и просилъ императора дать мнѣ Георгія. Я получилъ его, наконецъ, хотя мнѣ слѣдовало имѣть его, по представленію генерала Ермолова, за Бородинское сраженіе и по представленію генерала Милорадовича за пораженіе, нанесенное Нею; какъ бы то ни было, я получилъ, наконецъ, Георгія, это главное.

Графъ Воронцовъ прислалъ мнѣ своего адъютанта, Дмитрія Нарышкина, съ копіей весьма лестнаго для меня бюллетеня шведскаго королевскаго принца, который казаки хранятъ, какъ доказательство ихъ славнаго подвига. Воспроизвожу здѣсь этотъ бюллетень:

Главная квартира у Дессау. 4-го октября 1813 года.

«Полковникъ баронъ Левенштернъ сражался, съ горстью казаковъ, противъ двухъ слишкомъ тысячъ человѣкъ неприятеля, на улицахъ Бернбурга.

«Послѣ 4 часового боя, когда къ неприятелю подошла артиллерія, горедъ былъ оставленъ, но на слѣдующій день онъ взятъ обратно.

«Смѣтливость и храбрость, выказанныя казаками въ этомъ, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ, дѣлають имъ величайшую честь.

«Эти неустрашимые люди суть глаза арміи; они сражаются въ сомкнутомъ строю, разсѣиваютъ эскадроны, атакуютъ карре, перешлываютъ рѣки и появляются въ тылу непріятельской арміи, внося въ нее ужасъ и смятеніе».

Графъ Воронцовъ прислалъ мнѣ шесть серебряныхъ Георгіевскихъ крестовъ для раздачи наиболѣе отличившимся солдатамъ; мои офицеры также не были забыты.

Шведскій королевскій принцъ придавалъ большое значеніе сохраненію позиціи при Бернбургѣ; это было ясно изъ того, какія значительныя силы были предоставлены имъ въ мое распоряженіе послѣ этого дѣла. Онъ далъ мнѣ два прекрасныхъ шведскихъ батальона, съ двумя орудіями, подъ командою подполковниковъ Платена и Бойе (Boyé), одинъ батальонъ и два эскадрона прусскихъ уланъ, съ двумя орудіями подъ командою графа Шверина.

Шведскій королевскій принцъ писалъ 18-го октября 1813 г. графу Тауенцину изъ Брейтенфельдта нижеслѣдующее:

«Прикажите генералу Гиршфельдту оказать дѣятельную поддержку отряду, находящемуся въ Бернбургѣ, въ случаѣ если полковникъ Левенштернъ будетъ атакованъ непріателемъ. Эта позиція имѣетъ весьма важное значеніе».

Въ другомъ дневномъ приказѣ, на имя генерала Бюлова, данномъ въ главной квартирѣ въ Цербстѣ 10-го октября 1813 г., говорилось:

«Его королевское высочество приказываетъ вамъ послать, по полученіи настоящаго приказа, въ Бернбургъ два батальона и два орудія, которые поступятъ въ распоряженіе полковника Левенштерна». Въ другомъ приказѣ на имя маршала Штедингга (Stedingk), отъ 15-го октября, говорилось:

«По приказанію королевскаго принца, шведская кавалерія должна выдвинуться завтра въ 6 часовъ утра впередъ позиціи, занятой шведской арміей».

Вмѣстѣ съ тѣмъ королевскій принцъ приказалъ, чтобы два орудія, одинъ батальонъ бригады Бойе и батальонъ Энгельбрехтена были посланы немедленно въ Бернбургъ, гдѣ они будутъ состоять, вмѣстѣ съ русскими и прусскими войсками, подъ начальствомъ полковника Левенштерна.

Наконецъ, въ дневномъ приказѣ, данномъ 16-го октября 1813 г., въ Гогентурнѣ на имя генераловъ Винценгероде и Бюлова, были указаны слѣдующія диспозиціи:

«По приказанію королевскаго принца, генералы Винценгероде и Бюловъ должны увѣдомлять генерала Гиршфельда и Левенштерна

о всякомъ движеніи непріятеля. Отъ нихъ зависятъ успѣшныя дѣйствія Сѣверной арміи».

Изъ этого видно, что занятіе Бернбурга имѣло цѣлью не только овладѣть этимъ городомъ и получить отъ мѣстныхъ жителей необходимое продовольствіе; значеніе его было гораздо важнѣе.

Одержавъ побѣду надъ непріятелемъ, я овладѣлъ снова обоими берегами Заалы и имѣлъ такимъ образомъ возможность препровождать по назначенію матеріалы, необходимыя для постройки мостовъ черезъ Эльбу, безъ коихъ Сѣверная армія не могла бы совершить переправу черезъ рѣку.

Моя позиція служила въ то же время опорнымъ пунктомъ генералу Чернышеву, и я имѣлъ возможность поддерживать сообщеніе съ нимъ и съ арміей.

Но главной моей цѣлью было открыть Сѣверной арміи путь къ Эльбѣ и служить ей прикрытіемъ, чтобы гарнизонъ Магдебурга не могъ тревожить ее. Кромѣ того, владѣя всею мѣстностью, между Магдебургомъ и Заалю, я лишалъ генерала Лемарруа продовольствія и фуража, которые онъ могъ бы получить въ этой изобилующей всѣмъ мѣстности.

Шведскій королевскій принцъ, оцѣнивъ всѣ преимущества моей позиціи и понимая, какъ мнѣ трудно было удержать ее съ горстью казаковъ, не хотѣлъ болѣе подвергать меня опасности—встрѣтиться съ непріятелемъ съ неравными силами. Поэтому онъ прислалъ мнѣ вышелоименованныя подкрѣпленія. Такимъ образомъ, мой маленькій отрядъ состоялъ изъ русскихъ, шведовъ и пруссаковъ, которые жили между собою въ полномъ согласіи и горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ.

Поручивъ мнѣ своихъ шведовъ, королевскій принцъ выказалъ этимъ особое довѣріе, такъ какъ, за исключеніемъ генерала Чернышева, никто до тѣхъ поръ не могъ похвастать, что у него былъ подъ командою хотя бы одинъ шведъ. Принцъ не расточалъ своихъ шведовъ и поступалъ въ этомъ случаѣ вполне правильно, такъ какъ Швеція не организуется и не содержитъ такихъ большихъ армій, какъ Россія, Франція, Пруссія и Австрія.

XLVI.

Намѣреніе Наполеона двинуться на Берлинъ.—Переправа шведскаго королевскаго принца на лѣвый берегъ р. Саалы.—Оставленіе французами с. Кальбе.—Движеніе Сѣверной арміи къ Лейпцигу.—Радость жителей по случаю побѣды, одержанной союзниками.—Балъ, данный Левенштерномъ.—Движеніе его отряда къ Эйслебену.—Охота.—Прибытіе въ Нордгаузенъ.—Контрибуція, собираемая съ жителей шведскимъ комиссаромъ.

Сѣверная и силезская арміи выполняли предписанныя имъ движенія. Блюхеръ перешелъ Эльбу у Вартенбурга и двинулся къ Галле. Королевскій принцъ перешелъ эту рѣку у Акена и Росслава и остановился между Саалой и Мульдю.

Армія Блюхера измѣнила боевой порядокъ и стала вправо отъ Сѣверной арміи; что же касается королевскаго принца, то, опасаясь атаки со стороны Наполеона, онъ перешелъ Саалу у Ротенбурга, а Винценгероде у Альслебена; маршалъ Штедингъ у Бернбурга.

Тогда Наполеонъ отдалился на время отъ своей операціонной линіи по направленію къ Виттенбергу и Дессау, что заставило предположить съ его стороны намѣреніе идти на Берлинъ, вслѣдствіе чего наше сообщеніе съ этою столицею было прервано, и королевскій принцъ и маршалъ Блюхеръ едва не были вынуждены перейти обратно Эльбу.

Въ то время говорили, что противъ этого энергично возсталъ самъ маршалъ и его ближайшіе совѣтники, между прочимъ Гейзенау и Мюффлингъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣли возможность принять участіе въ славномъ Лейпцигскомъ сраженіи только благодаря тому, что мы удержались на Саалѣ.

Переправа на лѣвый берегъ Саалы, совершенная королевскимъ принцемъ, объяснялась различно. Вотъ въ чемъ заключалась истинная причина этого движенія, какъ я это слышалъ изъ вѣрнаго источника.

Французскій отрядъ, перешедшій Эльбу у Виттенберга, разрушилъ мостъ у Росслава: это былъ авангардъ французской арміи. Наполеонъ имѣлъ намѣреніе переправить всю свою армію съ лѣваго на правый берегъ Эльбы и перенести такимъ образомъ театръ военныхъ дѣйствій изъ саксонскихъ провинцій, гдѣ онъ былъ почти окруженъ нами, въ Пруссію, бывшую очагомъ нѣмецкаго революціоннаго движенія.

Наполеонъ могъ бы осуществить этотъ планъ, какъ только ему удалось бы переправиться черезъ Эльбу. Оба фланга его арміи и фронтъ были бы прикрыты съ одной стороны Дрезденомъ, Виттенбергомъ, Торгау и Магдебургомъ, а съ другой Глогау, Кюстриномъ и Штеттинномъ. Онъ могъ бы въ такомъ случаѣ, смотря по обстоятельствамъ, снять блокаду съ крѣпостей, лежащихъ по Вислѣ, Одери и Эльбѣ, взять

Штральзундъ, охраняемый весьма слабымъ гарнизономъ, вызвать еще разъ возстаніе въ Польшѣ, которая, ожидая къ тому указанія, поддерживала сношенія съ Франціей и съ Голландіей и, наконецъ, призвать на помощь маршала Даву и датскую армію.

Операціонный базисъ Наполеона былъ обезпеченъ, и сѣверная Германія была открыта для его военныхъ операцій, такъ какъ слабый корпусъ Вальмодина, входившій въ составъ арміи шведскаго королевскаго принца, очутившись между двухъ огней, былъ бы, вѣроятно, вынужденъ сложить оружіе.

Мосты черезъ Эльбу, находившіеся въ Иеркландѣ, Бойценбургѣ, между Гамбургомъ и Магдебургомъ, давали Наполеону возможность перенести войну въ Ганноверъ, Брауншвейгъ и курфиршество Гессенское и заключить такимъ образомъ союзниковъ между Дрезденомъ, крѣпостями на Эльбѣ, Одерѣ, Вислѣ и возставшей Польшей.

Таковъ былъ обширный стратегическій планъ, составленный Наполеономъ. Для выполненія его все уже было подготовлено; переправа черезъ Эльбу, совершенная у Виттенберга корпусомъ генерала Ренье, коего прикрывалъ маршалъ Ней, была первымъ шагомъ къ осуществленію этого плана.

Наполеону достаточно было опередить на одинъ или два перехода войска Шварценберга, прикрывъ свое движеніе однимъ армейскимъ корпусомъ, и онъ могъ бы направить свои главные силы противъ сѣверо-германской и силезской армій, которыя, будучи подавлены его превосходными силами, оставили бы открытыми дороги на Берлинъ, Гамбургъ и Варшаву.

Шведскій королевскій принцъ угадалъ планъ своего противника и, понимая, насколько онъ могъ быть опасенъ для насъ въ случаѣ его удачи, постарался помѣшать его выполненію своими искусными и ловкими движеніями.

Съ одной стороны было большою смѣлостью преградить Наполеону переправу черезъ Эльбу, такъ какъ, въ случаѣ неудачи, мы могли быть опрокинуты въ рѣку, не имѣя съ фланговъ ни крѣпостей, ни тетъ-де-поновъ. Перейти обратно на правый берегъ Эльбы было бы равносильно пожертвованію всѣми плодами побѣдъ, одержанныхъ Гросбееренѣ и Денневицѣ. Имѣя же столь смѣлаго и отважнаго противника, владѣвшаго при томъ крѣпостями, значило поставить на карту всю дальнѣйшую участь похода.

Поэтому надобно было прибѣгнуть къ иному средству, взять храбростью, броситься на операціонную линію непріятеля въ тотъ моментъ, когда онъ угрожалъ нашей операціонной линіи, поддержать богемскую армію, соединить наши силы съ силами силезской арміи и разрушить такимъ образомъ планъ Наполеона.

Эта цѣль была вполне достигнута переправою черезъ Саалу; маневръ былъ рассчитанъ безподобно.

Онъ помѣшалъ выполнению смѣлаго плана Наполеона, который, не имѣя уже возможности напасть на Сѣверную армію, или помѣшать ея соединенію съ силезской арміей, отказался отъ выполнения своего втораго обширнаго плана и потерялъ такимъ образомъ свободу дѣйствій, которую онъ все время старался сохранить. Этотъ маневръ привелъ къ Лейпцигскому сраженію.

Каждый обсуждалъ его въ то время со своей точки зрѣнія, но угадать намѣреніе противника и помѣшать осуществленію его плана было дѣломъ генераловъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ судьбы имперіи.

Бернадоттъ зналъ тактику своего противника, умѣлъ быстро схватить его мысль и такъ же быстро принять мѣры къ тому, чтобы разстроить его планы; поэтому онъ сосредоточилъ всѣ свои силы тамъ, гдѣ непріятель былъ всего слабѣе; въ этомъ и заключается все искусство веденія войны. Очутиться въ томъ пунктѣ, гдѣ непріятель не ожидаетъ вашего появленія, значитъ приготовить побѣду; это сдѣлалъ шведскій королевскій принцъ.

Вслѣдствіе этихъ новыхъ соображеній, маршалъ Штедингъ пришелъ съ шведской арміей въ Бернбургъ, чтобы переправиться въ этомъ пунктѣ черезъ Саалу, и устроилъ тутъ свою главную квартиру.

Я обѣдалъ у него въ то время, какъ одинъ казачій офицеръ доложилъ мнѣ, что изъ Магдебурга выступила сильная непріятельская колонна, которая направлялась на Кальбе, откуда она прогнала моихъ казаковъ; онъ прибавилъ, что, по всей вѣроятности, непріятель не замедлитъ явиться къ Бернбургу.

Маршалъ Штедингъ былъ встревоженъ этимъ извѣстіемъ, опасаясь за свой правый флангъ, которому непріятель видимо угрожалъ. Я тотчасъ предложилъ ему встать съ моими двумя казачьими полками и съ двумя эскадронами прусскихъ уланъ на дорогѣ, соединявшей Магдебургъ съ Кальбе, отрѣзать такимъ образомъ французамъ отступленіе, устранивъ ихъ, однимъ словомъ, въ то время какъ маршалъ атакуетъ французовъ съ фронта, мои батальоны нападутъ на ихъ тылъ.

Маршалъ одобрилъ мой планъ и, чтобы обезпечить мнѣ успѣхъ, приказалъ гусарскому полку Мернера, слѣдовать за мною и выполнить то же движеніе; онъ далъ мнѣ сверхъ того четыре орудія конной артиллеріи. Этотъ планъ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе.

Мои казаки мигомъ были на лошадяхъ, и я ускакалъ съ ними, что очень удивило старика маршала. Онъ не могъ понять, что одного слова, сказаннаго мною казачьему офицеру, было достаточно для того, чтобы эти непоколебимые воины, какъ онъ ихъ называлъ, вскочили на лошадей и тронулись въ путь.

Я приказалъ шведскимъ гусарамъ слѣдовать за мною, какъ только они будутъ готовы, и эшелонироваться вслѣдъ за прусскими уланами, которые шли вмѣстѣ со мною.

Вся блестящая молодежь главной квартиры выразила желаніе сопровождать меня; каждый хотѣлъ участвовать въ экспедиціи; это была съ ихъ стороны своего рода овація, сдѣланная мнѣ. Но маршалъ разрѣшилъ это только нѣкоторымъ лицамъ; еслибы онъ отпустилъ всѣхъ, кто просился ѣхать со мною, то онъ остался бы одинъ.

Между тѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ изъ силезской арміи мой братъ Георгій, капитанъ л. гв. Гусарскаго полка, адъютантъ генераль-адъютанта барона Корфа. Онъ былъ свидѣтелемъ испытаннаго мною нѣсколько тщеславнаго чувства при видѣ того, что у меня была такая почетная овита. Я далъ ему превосходную лошадь, и его красный мундиръ, расши- тый золотомъ, нисколько не портилъ общаго впечатлѣнія.

Въ то время какъ я разыгрывалъ такимъ образомъ роль главно-командующаго въ миниатюрѣ, мои бородатые и немного грязненькіе казаки были уже довольно далеко.

Пришпоривъ лошадь, я вскорѣ былъ въ главѣ отряда, который былъ поставленъ мною по дорогѣ, идущей изъ Кальбе въ Магдебургъ; казакамъ было приказано не спѣшивать.

Разсчитывая на содѣйствіе маршала Штедингга, который, располагая цѣлою арміею, легко могъ захитить Бернбургъ, я послалъ мои батальоны вдоль рѣки по направленію къ Кальбе, приказавъ имъ однако не атаковать непріятели, а ограничиться демонстраціею на его флангѣ.

Я рѣшилъ беречь, на сколько возможно, шведовъ, будучи увѣренъ, что королевскій принцъ будетъ признателенъ мнѣ за это; за то они должны были помочь мнѣ вытѣснить французовъ изъ Кальбе и погнать ихъ ко мнѣ на равнину, гдѣ я намѣревался встрѣтить ихъ, какъ подобаетъ. Я не располагалъ употребить въ дѣло гусаръ Мернера, полагая обойтись съ одними казаками и храбрыми прусскими уланами, но шведская конная артиллерія была мнѣ необходима для того, чтобы ослабить французскую колонну.

Жители деревень Глоте и Ценцъ (Glote et Zentz) должны были доставить продовольствіе моему отряду; розданные мною солдатамъ спиртные напитки заняли на нѣкоторое время этихъ молодцовъ, горѣвшихъ нетерпѣніемъ поскорѣ увидѣть зрѣлище, которое обѣщало быть весьма интереснымъ и могло покрыть ихъ славою. Шведы страстно желали услышать свистъ пуль, что имъ рѣдко удавалось вслѣдствіе крайней осторожности Штедингга и прекрасно разсчитанныхъ дѣйствій королевскаго принца. Эта осторожность входила въ намѣченный принцемъ планъ дѣйствій. Ему предстояло еще завоевать Норвегію, и поэтому

надобно было шадить армію; онъ не былъ простымъ главнокомандующимъ, которому даютъ новое войско, когда его армія погибла.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія шведовъ, но увидѣлъ на обширной равнинѣ только приближавшуюся ко мнѣ французскую колонну, которая была вынуждена оставить Кальбе вслѣдствіе движенія, совершеннаго моими батальонами. Я стоялъ на дорогѣ, по которой должна была пройти эта колонна, и былъ готовъ принять ее, но, увы, не было видно ни орудій, ни гусаръ.

Наконецъ, прискакалъ адъютантъ маршала Штедингга и объявилъ, что гусары Мернера не будутъ посланы мнѣ на помощь; онъ передалъ мнѣ письмо маршала и копію съ полученнаго имъ приказанія, пожалѣлъ о томъ, что я поставленъ въ такое затруднительное положеніе, и выразилъ надежду, что я выйду изъ него со славою.

Вотъ дневной приказъ, данный маршаломъ Штединггомъ въ Ротенбургѣ 12-го октября 1813 г. на имя генерала Мернера:

«Его королевское высочество получили донесеніе вашего превосходительства относительно положенія шведской арміи подъ Бернбургомъ и въ его окрестностяхъ.

«Принцъ приказываетъ вамъ не разсѣвать ввѣренной вамъ кавалеріи, такъ какъ вы должны быть готовы къ выступленію. Предложите полковнику Левенштерну дѣйствовать, не ожидая посторонней помощи. Войска, данныя въ его распоряженіе генераломъ Путтлицомъ, должны остаться съ нимъ впредь до дальнѣйшаго распоряженія даже тогда, когда вы уйдете съ позиціи.

«Вмѣсто того чтобы посылать разѣзды въ Дессау, полковникъ Левенштернъ пошлетъ ихъ только по направленію къ Магдебургу и т. д.

Всѣ молодые шведы тотчасъ оставили меня, и я очутился въ очень печальномъ положеніи въ виду приближавшейся непріятельской колонны съ 8 орудіями во главѣ.

Я послалъ маршала Штедингга ко всѣмъ чертямъ за то, что я потерялъ по его винѣ такой прекрасный случай показать ему, что можно сдѣлать, дѣйствуя энергично.

Его кавалерія успѣла бы возвратиться въ-время, къ тому же появленіе непріятельской колонны, восьми орудій и двухъ генераловъ было достаточно вѣскимъ аргументомъ, чтобы оправдать его въ этомъ случаѣ, если бы его отрядъ запоздалъ часа на два; этого времени было бы вполне достаточно, чтобы покончить дѣло; трофеи, которые достались бы намъ, разумѣется, успокоили бы гнѣвъ Бернадотта; шведамъ не мѣшало немного понюхать пороха, и они могли сдѣлать это ничѣмъ не рискуя.

Событія давали маршалу Штедингу возможность воспользоваться

*

тѣмъ, что графу Лемарруа (de Lemarrois) не было извѣстно о прибытіи шведской арміи на берега Саалы.

Французскій генераль былъ слишкомъ опытный и хорошій воинъ, чтобы обречь 2.000 человекъ вѣрной гибели; поэтому если бы онъ только зналъ о присутствіи шведскихъ войскъ, то конечно не началъ бы дѣла: слѣдовало воспользоваться этимъ обстоятельствомъ! Графъ Воронцовъ такъ и сдѣлалъ бы; но старый посланникъ, пріятный и остроумный собесѣдникъ въ салонѣ, позабылъ уже свои блистательные подвиги во время финляндской войны. Онъ исполнилъ буквально приказаніе шведскаго королевскаго принца, который, находясь вдали отъ театра военныхъ дѣйствій, не могъ правильно судить о нихъ.

Старикъ маршалъ лишилъ меня такимъ образомъ славнаго дѣла.

Однако надобно было что-нибудь предпринять въ виду этой проклятой колонны, которая подходила все ближе и ближе.

Впослѣдствіи, въ 1814 г., я былъ свидѣтелемъ того, какъ двѣ кавалерійскія дивизіи, генерала Корфа и Васильчикова, не могли прорвать колонну генерала Пактгода; только съ появленіемъ конной артиллеріи, приведенной самимъ императоромъ Александромъ, побѣда склонилась на сторону русскихъ.

Я находился, сравнительно говоря, въ подобномъ же положеніи, поэтому я отвѣчалъ отказомъ на настоянія храбраго графа Шверина, который умолялъ меня позволить ему атаковать французовъ съ его уланами; я поступилъ въ этомъ случаѣ отчасти инстинктивно, отчасти по зрѣломъ размышленіи.

Я имѣлъ основаніе не соглашаться на его предложеніе, тѣмъ болѣе, что я былъ вполне увѣренъ, что графъ Лемарруа навѣрно эшелонировалъ другой отрядъ, чтобы поддержать эту колонну. Чтобы быть своевременно увѣдомленнымъ объ этомъ, я послалъ 200 человекъ казаковъ на Магдебургскую дорогу.

Послѣ того какъ непріятель осыпалъ насъ ядрами и картечью, я подвѣхалъ къ французской колоннѣ одинъ съ трубачемъ и закричалъ, чтобы она сдалась: мнѣ отвѣчали насмѣшками и выстрѣлами. Это было вполне справедливо.

Поневоля пришлось ограничиться дѣйствіями на флангъ непріятеля и исполнять роль жандармовъ, подбирая французскихъ мародеровъ.

Отъ смѣшнаго по великаго одинъ шагъ.

Я пришелъ на эту позицію сіяя отъ радости, а вернулся въ Бернбургъ сконфуженнымъ; шведской арміи уже и слѣдъ простылъ, она ушла въ Ротенбургъ, чтобы соединиться съ шведскимъ королевскимъ принцемъ. Я не имѣлъ даже удовольвенія сказать старому маршалу, что онъ пропустилъ блестящее дѣло и подвергъ меня безо всякой надобности большой опасности.

Мои шведскіе и прусскіе батальоны добросовѣстно исполнили свой долгъ, вытѣснивъ непріятеля изъ Кальбе и заставивъ его выйти на равнину.

Мой братъ, съ которымъ я не успѣлъ еще сказать ни слова, смѣялся надъ моимъ страннымъ гостепримствомъ, говоря, что я угощаю гостей пулями и картечью.

Его веселость заставила меня позабыть свою неудачу. Мой способъ веденія войны нравился ему болѣе, нежели служба въ арміи, гдѣ приходилось рѣдко участвовать въ сраженіяхъ; поэтому онъ рѣшилъ остаться со мною, что доставило мнѣ несказанное удовольствіе.

Онъ разстался со мною только въ Ліэжѣ (Lièges), вступивъ въ отрядъ генерала Александра Бенкендорфа, съ коимъ онъ совершилъ блестящій походъ въ Голландію, забывъ такимъ образомъ совершенно о существованіи генерала барона Корфа, съ которымъ онъ свидѣлся только въ Суассонѣ; генераль съ удивительной снисходительностью простилъ ему его продолжительное и опасное свиданіе со мною.

Между тѣмъ армія начала свое большое движеніе на Лейпцигъ.

Въ дневномъ приказѣ королевскаго принца было сказано: «генераль Гиршфельдтъ и полковникъ Левенштернъ первый въ Акенѣ, а второй въ Бернбургѣ должны оборонять свои позиціи до послѣдней крайности, чтобы обезпечить Сѣверной арміи возможность совершить наступательное движеніе; королевскій принцъ будетъ благодаренъ имъ за ихъ дѣйствія».

16-го, 17-го, 18-го и 19-го числа происходило сраженіе подъ Лейпцигомъ.

Сраженіе это настолько достопамятно и неоднократно описано такъ талантливо и въ такой подробности, что я не рѣшаюсь писать о немъ.

Трудно себѣ представить радость мѣстныхъ жителей, когда они узнали о благопріятномъ исходѣ Лейпцигскаго сраженія.

Я хотѣлъ принять участіе въ общей радости и дать мѣстнымъ дамамъ балъ, надѣясь, что генераль Лемарруа не попрепятствуетъ этому послѣ сдѣланныхъ имъ безплодныхъ попытокъ вытѣснить меня изъ Бернбурга.

Герцогъ Ангальтъ Бернбургскій, жившій въ Бюттельштедтѣ (Buttelstedt), весьма любезно прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ камергеровъ, поручивъ ему заботиться о моемъ благополучіи во время моего пребыванія въ Бернбургѣ, поэтому у меня было вдоволь всякой дичи, плодовъ и превосходнаго вина.

У этого камергера была сумасшедшая жена, за которою ухаживала очень красивая и къ тому же очень кокетливая особа, которая замѣняла, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ хозяйку дома. Я сталъ ухаживать за нею, къ величайшему огорченію моего любезнаго камергера, и

когда мнѣ хотѣлось удалить его изъ дома; то я давалъ ему какое-либо порученіе къ герцогу, въ чемъ онъ не могъ мнѣ отказать. Такимъ образомъ я злоупотреблялъ немного моимъ положеніемъ.

Такъ какъ эта дама любила до страсти танцы, то я воспользовался всеобщимъ радостнымъ настроеніемъ и далъ для нея балъ, который обошелся мнѣ 200 луидоровъ.

Но еще мало было не жалѣть денегъ, надобно было организовать балъ сколько-нибудь сносно въ городѣ, гдѣ нельзя было достать самаго необходимаго и въ которомъ только что разсѣялся дымъ сраженія.

Мой братъ, неутомимый танцоръ, и нѣсколько шведскихъ офицеровъ любителей повеселиться, взяли на себя этотъ трудъ.

Приглашенія были разосланы всѣмъ значительнымъ лицамъ города и его окрестностей. Оказалось, что нѣкоторыя приглашенныя дамы жили въ районѣ, занятомъ французами; тѣмъ не менѣе, онѣ пріѣхали на балъ, выхлопотавъ на это разрѣшеніе у французскаго генерала, который просилъ ихъ передать мнѣ, что, не желая лишить дамъ удовольствія присутствовать на моемъ балу, онъ далъ имъ конвой, который сопровождалъ ихъ до нашихъ аванпостовъ, но такъ какъ этотъ балъ дается въ ознаменованіе побѣды подъ Лейпцигомъ, то онъ выговариваетъ себѣ право присутствовать на немъ.

Я понялъ ироническій смыслъ его словъ, но пренебрегъ его угрозою и не отмѣнилъ бала.

Домъ, нанятый мною для бала, находился на окраинѣ города, близъ нашихъ аванпостовъ; я удвоилъ число этихъ постовъ и поставилъ возлѣ дома двѣ заряженныя пушки и цѣлый батальонъ подъ ружьемъ, собираясь принять гостя достойнымъ образомъ, если бы ему вздумалось въ самомъ дѣлѣ пожаловать къ намъ.

Не малаго труда стоило составить сносный оркестръ. Капельмейстеръ явился ко мнѣ съ вытянутымъ лицомъ и заявилъ, что оркестръ будетъ хромать, такъ какъ въ немъ отсутствуютъ два кларнета и первая скрипка, которые не могутъ выбраться изъ деревни, занятой неприятелемъ.

Я велѣлъ сдѣлать репетицію и убѣдился, къ величайшему моему ужасу, что получилось дѣйствительно нѣчто ужасное. Если бы къ этому оркестру прибавить нѣсколько кастрюль, то отъ этой музыки улетѣла бы изъ нашихъ степей вся саранча. Оставалось одно средство. Я спросилъ капельмейстера, рискнуть ли музыканты уѣхать изъ деревни, если имъ будетъ обѣщано за это каждому по два луидора.

Онъ отвѣчалъ утвердительно.

Тогда я приказалъ 150 казакамъ сѣсть на лошадей и послалъ съ ними моего неутомимаго и смѣлаго поручика Клицинга (пруссакъ) съ приказаніемъ вытѣснить изъ деревни неприятельскій отрядъ, имѣть на-

готовѣ трехъ лошадей и похитить музыкантовъ, разумѣется, съ ихъ инструментами и какъ можно скорѣе ускакать изъ деревни.

Поручикъ Клицингъ исполнилъ это порученіе безподобно, прогналъ непріятели, увезъ моихъ виртуозовъ и не потерялъ при этомъ ни одного человѣка, такъ что эта шутка не доставила мнѣ ни малѣйшихъ угрызений совѣсти.

Этотъ балъ, по разнообразному составу приглашенныхъ, могъ быть довольно натянутымъ, но вышло иначе. Всѣ были такъ рады избавиться отъ тяготѣвшаго надъ ними ига французовъ, что веселились отъ души; танцы затянулись до утра.

Французскій генераль не пріѣхалъ на балъ, какъ онъ обѣщалъ, и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ я принялъ бы его съ воинскими почестями.

Въ полночь ко мнѣ привели взятыхъ въ плѣнъ вахмистра и четырехъ конныхъ егерей. Я велѣлъ ввести ихъ въ зало; дамы немного испугались, но, видя, что эти господа были изумлены своимъ положеніемъ не менѣе ихъ, онѣ быстро успокоились. Я встрѣтилъ плѣнныхъ любовно и, зная, что всѣ французы умѣютъ танцовать, предложилъ имъ принять участіе въ вечерѣ, на что они согласились. Танцы и вино заставили ихъ скоро позабыть, что они находятся въ плѣну. Мои казаки, не желая отставать отъ своихъ изящныхъ и веселыхъ противниковъ, протанцовали казачка; такимъ образомъ всякій способствовалъ по мѣрѣ силъ оживленію праздника.

На слѣдующій день, въ 7 часовъ утра, въ Бернбургъ не осталось и слѣда о нашемъ пребываніи.

Я получилъ ночью приказъ оставить позицію, которая послѣ Лейпцигскаго сраженія не имѣла уже никакого значенія: заботы о Магдебургѣ были предоставлены арміи Беннитсена.

Мнѣ велѣно было отправиться въ Эйслебень и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній.

Графъ Воронцовъ шелъ на Кассель.

Шведскимъ баталіонамъ было приказано присоединиться къ арміи королевскаго принца, а пруссакамъ — къ корпусу генерала Гиршфельда.

Я былъ уже далеко отъ Бернбурга, когда проснулись прелестныя дамы, составлявшія украшеніе моего бала.

Генераль Гиршфельдтъ потребовалъ, чтобы поручикъ Клицингъ вернулся къ нему. Такъ какъ онъ мнѣ былъ необходимъ, въ особенности въ Германіи, какъ нѣмецъ, то я обратился къ королю прусскому съ просьбою дозволить ему не возвращаться въ полкъ и остаться при мнѣ. Король разрѣшилъ это охотно.

Поручикъ Клицингъ былъ прекрасный, усердный, смысленный

и очень храбрый офицеръ. Поэтому я былъ очень доволенъ, что онъ остался со мною. Онъ отправился изъ Бернбурга въ Эйсlebenъ впередъ, чтобы приготовить мнѣ встрѣчу въ замкѣ, принадлежавшемъ его зятю.

Такъ какъ онъ зналъ мою страсть къ охотѣ, то его зять организовалъ таковую въ честь меня. Со мною всегда было шесть левретокъ; саксонскіе землевладѣльцы выходили изъ себя, видя, какъ много дичи я истребляю на ихъ землѣ и въ ихъ лѣсахъ, хотя въ этой мѣстности было множество зайцевъ.

Наши степные зайцы проворнѣе и имѣютъ болѣе сильныя ноги; надобно полагать, что въ Германіи зайцы заразились флегматичностью нѣмцевъ, такъ какъ мнѣ не случилось тутъ упустить ни одного зайца, тогда какъ на Украинѣ они нерѣдко посрамляли моихъ собакъ.

Я составилъ свой конвой изъ тѣхъ казаковъ, которые лучше всего охотились на лисицъ и зайцевъ. Ихъ было пятнадцать человекъ; они не разставались со мною ни днемъ, ни ночью и носили гусарскіе мундиры, взятые ими въ бою. Всѣ остальные казаки добивались чести поступить въ этотъ конвой и поэтому не давали пощады французскимъ гусарамъ, такъ какъ, не имѣя гусарскаго мундира, снятаго съ плѣннаго, они не имѣли ни малѣйшей надежды попасть въ конвойные. Гусарскій мундиръ представлялъ еще то преимущество, что непріятель, видя въ нашихъ рядахъ мундиры регулярныхъ войскъ, думалъ, разумѣется, что въ нашемъ отрядѣ было также регулярное войско; это зачастую нагоняло на него страхъ.

Привилегію этого маленькаго отряда составляло то, что онъ всегда первый шелъ въ огонь и дѣйствовалъ на моихъ глазахъ, вслѣдствіе чего этимъ казакамъ легче было получить Георгія; кромѣ того они освобождались отъ аванпостной и пикетной службы, ихъ лучше кормили, и они всегда имѣли по мѣрѣ возможности лучшее помѣщеніе, но за то подвергались болѣе опасности. Кромѣ того, они исполняли при мнѣ роль жандармовъ или внутренней полиціи. Если кто-либо изъ казаковъ обвинялся въ кражѣ, то конвойнымъ поручалось раскрыть дѣло, и они исполняли это всегда успѣшно.

Согласно полученному мною приказанію, я остановился въ Эйсlebenѣ и разставилъ казаковъ на хорошихъ квартирахъ.

Бургомистръ помѣстилъ меня въ плоховькой гостиницѣ.

Я отдохнулъ не болѣе 36 часовъ, какъ прискакалъ отъ генерала Винценгероде курьеръ съ приказаніемъ идти къ Гейлигенштадту и находиться въ распоряженіи маршала Штедингга.

Я пріѣхалъ въ Нордгаузенъ поздно вечеромъ. Тамъ находился въ это время шведскій военный комиссаръ, который обложилъ городъ

большой контрибуціей въ видѣ одежды, продовольствія, фуража и потребовалъ кромѣ того 10.000 луйдоровъ.

Жителѣ, выведенные изъ себя, прислали ко мнѣ депутацію, прося освободить ихъ отъ уплаты этой суммы, увѣряя, что они охотно доставятъ все остальное.

Я пригласилъ къ себѣ шведскаго комиссара и потребовалъ, чтобы онъ предъявилъ мнѣ приказаніе начальства, на основаніи котораго онъ дѣйствовалъ. Онъ попросилъ меня пройти въ сосѣднюю комнату, служившую мнѣ кабинетомъ, и, когда мы остались одни, объявилъ, что онъ не имѣетъ письменнаго приказанія обложить жителей денежной контрибуціей, но что маршалъ Штедингъ приказалъ ему словесно взять съ нихъ 10.000 луйдоровъ и далъ въ его распоряженіе эскадронъ, чтобы поддержать это требованіе.

Я нашелъ, что словеснаго приказанія недостаточно, тѣмъ болѣе, что если бы почтенному маршалу пришла подобная мысль, то онъ, по всей вѣроятности, захотѣлъ бы принять на себя въ этомъ случаѣ отвѣтственность и слѣдовательно далъ бы комиссару письменное приказаніе.

Шведскій военный комиссаръ былъ въ отчаяніи и предложилъ мнѣ подѣлить контрибуцію; тогда я поспѣшно отворилъ дверь въ замо и сказалъ уполномоченнымъ отъ города, что я очень радъ тому, что имѣю возможность объявить имъ, что г. комиссаръ не настаиваетъ болѣе на денежной контрибуціи, но что вещи должны быть немедленно доставлены, такъ какъ г. комиссаръ уѣзжаетъ изъ города въ тотъ же день.

Я постарался уладить дѣло какъ можно деликатнѣе: комиссаръ ушелъ взбѣшенный.

Городъ прислалъ депутацію благодарить меня за то, что я избавилъ его отъ когтей этого шведскаго вампира, и поднесъ мнѣ великолѣпное ружье, сдѣланное въ Нордгаузенѣ. Я принялъ подарокъ и, полагаю, имѣлъ на это нравственное право.

Французскіе генералы составляли себѣ такимъ путемъ пѣлыя состоянія, да и самъ Наполеонъ приобрѣлъ отель въ улицѣ Шантеренъ и Мальмезонъ не на капиталъ, доставшійся ему отъ отца. Надобно отдать честь русскимъ войскамъ: они вели себя съ 1813 и 1814 г.г. честно и не выказывали алчности.

Я уѣхалъ изъ Нордгаузена на слѣдующій день.

Въ Эйслебенѣ меня дотого восхитилъ оркестръ мѣстныхъ музыкантовъ, что я нанялъ ихъ на все время до окончанія военныхъ дѣйствій. Это обошлось довольно дорого, но я могъ доставить себѣ это удовольствіе послѣ всѣхъ понесенныхъ мною трудовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О благочиніи въ церквахъ.

Записка графа Аракчсва 23-го января 1816 г. № 50.

Государь императоръ, усматривая изъ получаемыхъ донесеній о происшествіяхъ нерѣдко происходящіе со стороны разнаго званія людей въ церквахъ предосудительные поступки, повелѣтъ мнѣ соизволилъ объявить комитету высочайшую волю, дабы повсемѣстно сдѣлано было подтвержденіе о соблюденіи въ церквахъ должнаго порядка и тишины и чтобы строжайше взыскиваемо было за всякій противный тому шагъ, ибо его величество считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ преступленій нарушенія обязанностей благопочитанія и вѣроисповѣданія. Для чего въ особенности поручаетъ г. управляющему министерствомъ полиціи и министру юстиціи, первому имѣть строгій надзоръ черезъ полицію и при малѣйшемъ отступленіи отъ правилъ, которыя соблюдаемы быть должны въ церквахъ, отсылать виновныхъ, не взирая ни на какое лицо, къ суду; а послѣднему наблюдать, чтобы не происходило медленности въ судопроизводствѣ по таковымъ дѣламъ и послабленія, но чтобы каждый неукоснительно получалъ достойное по законамъ воздаяніе.

Празднованіе XL-й годовщины освобожденія крестьянъ ¹⁾).

19-го февраля давно уже считается у насъ знаменательнымъ днемъ, посвященнымъ воспоминанію о великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ,—самой славной и свѣтлой страницѣ въ исторіи Россіи за вторую половину истекшаго столѣтія. Въ этотъ день происходитъ ежегодно, всегда отличающийся большой задушевностью, традиціонный обѣдъ участниковъ великой реформы.

Первоначально (именно съ 1862 г.) на обѣды эти собирався тѣсный кружокъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣятельности знаменитыхъ Редакціонныхъ Коммиссій или имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ дѣлу освобожденія крестьянъ, но, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ ряды главныхъ дѣятелей крестьянской реформы постепенно рѣдѣли, къ участію въ обѣдахъ были привлечены лица, дѣйствовавшія по приведенію въ исполненіе Положеній 19-го февраля 1861 г., а также старшіе дѣятели нынѣшнихъ крестьянскихъ учрежденій и, наконецъ, лица, согласно высочайшему повелѣнію 30-го августа 1898 г., имѣющія право на ношеніе по наслѣдству золотой медали за труды по освобожденію крестьянъ.

19-го февраля 1901 года, въ сорокалѣтнюю годовщину великой реформы, обѣдъ, происходившій въ ресторанѣ Донона, имѣлъ особенно сердечный характеръ и отличался многолюдствомъ ²⁾. Изъ

---

¹⁾ Редакція не могла помѣстить этой статьи ранѣе, такъ какъ она была поздно доставлена.

²⁾ Участниками его были слѣдующія 32 лица: М. В. Арцимовичъ, сынъ В. А. Арцимовича, Н. А. Боровковъ, А. А. Герке, А. С. Дембовецкій, Г. А. Евреиновъ, В. В. Калачовъ, графъ П. А. Капнистъ, Н. В. Кидошенковъ, Н. Н. Колошинъ, баронъ П. Л. Корфъ, Е. А. Куровскій, Е. И. Ламанскій,

числа участниковъ обѣда только два, именно Е. И. Ламанскій и П. П. Семеновъ, принимали участіе, въ качествѣ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, въ подписаніи проекта Положенія 19-го февраля ¹⁾, а П. А. Шульцъ и Н. Н. Колошинъ были совѣщательными членами Редакціонныхъ Коммиссій ²⁾.

Предсѣдательствовалъ на обѣдѣ П. П. Семеновъ, а обязанности распорядителя обѣда, за отсутствіемъ и по просьбѣ А. Н. Куломзина, исполнялъ графъ Я. Н. Ростовцовъ, внукъ Я. И. Ростовцова, главного и при томъ непосредственнаго сподвижника императора Александра II по крестьянской реформѣ.

Обычные на обѣдахъ 19-го февраля, освященные традиціей, тосты были провозглашены этотъ разъ слѣдующими лицами:

П. П. Семеновымъ за здоровье государя императора.

Имъ же въ память главнаго виновника великаго дѣла крестьянской реформы, покойнаго императора Александра II и завершившаго это дѣло императора Александра III.

Е. И. Ламанскимъ: за великое дѣло 19-го февраля 1861 г.

П. А. Шульцемъ: за всѣхъ дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ въ пользу крестьянской реформы.

Вслѣдъ за этимъ тостомъ, согласно общему единодушному желанію, была составлена и послана предсѣдателемъ телеграмма великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ съ благодарнымъ воспоминаніемъ о незабвенныхъ заслугахъ великаго князя Константина Николаевича въ крестьянскомъ дѣлѣ. На телеграмму эту полученъ былъ слѣдующій милостивый отвѣтъ ея императорскаго высочества:

«Меня глубоко трогаетъ добрая память славныхъ дѣятелей великаго дѣла 19-го февраля, бывшихъ сотрудниковъ моего незабвеннаго великаго князя въ осуществленіи великодушной воли Царя-Освободителя. Васъ, вашего брата и всѣхъ участниковъ телеграммы сердечно благодарю. Александра».

А. А. Мельниковъ, Ю. Н. Милютинъ, А. А. Нарышкинъ, А. И. Нератовъ, И. А. Новиковъ, князь А. Д. Оболенскій, А. И. Петровъ, графъ Я. Н. Ростовцовъ, П. П. Семеновъ, А. П. Семеновъ, внукъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, А. С. Стишинскій, П. Е. Татаринцовъ, Ф. Г. Тернеръ, Л. П. Томара, Н. А. Тройницкій, Н. А. Хвостовъ, князь М. И. Хилковъ, князь П. Н. Цертелевъ, П. А. Шульцъ, Н. П. Щепкивъ.

¹⁾ Третій изъ оставшихся въ живыхъ членовъ этихъ Коммиссій, Н. П. Семеновъ, не могъ, по болѣзни, присутствовать на обѣдѣ.

²⁾ Изъ числа приглашенныхъ кромѣ Н. П. Семенова не могли участвовать на обѣдѣ по нездоровью или другимъ причинамъ: А. П. Бранчаниновъ, В. Г. Быховецъ, В. И. Вешниковъ, Н. П. Долгово-Сабуровъ, Я. Г. Есиновичъ, А. Ф. Кони, А. Н. Куломзинъ, П. Ф. Лилиенфельдъ-Гоаль, В. М. Маркусъ, баронъ В. М. Менгденъ, А. И. Скрещицкій, Н. П. Смирновъ, А. С. Танѣевъ.

Затѣмъ П. П. Семеновымъ былъ провозглашенъ молчаливый тостъ въ память умершихъ труженниковъ по крестьянской реформѣ, при чемъ была почтена память перваго предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій Я. И. Ростовцова и всѣхъ главныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ: Н. А. Милютина, Ю. Ѳ. Самарина, кн. В. А. Черкаскаго и др.

Теплымъ словомъ предсѣдательствующій помянулъ вслѣдъ за этимъ скончавшихся въ прошломъ году дѣятелей по крестьянскому дѣлу, постоянныхъ участниковъ обѣдовъ 19-го февраля, бывшаго послѣдніе годы ихъ предсѣдателемъ Н. И. Стояновскаго, графа П. П. Шувалова, С. А. Мордвинова и Н. Н. Биппена.

Графъ Петръ Павловичъ Шуваловъ явился впервые виднымъ дѣятелемъ по крестьянскому дѣлу въ качествѣ петербургскаго губернскаго предводителя дворянства и предсѣдателя С.-Петербургскаго комитета, гдѣ онъ безусловно былъ горячимъ сторонникомъ крестьянъ. Призванный волею Царя-Освободителя къ участию въ качествѣ члена-эксперта въ составъ Редакціонныхъ Коммиссій, онъ очень скоро разошелся во взглядахъ съ большинствомъ коммиссій, допуская только немедленное личное освобожденіе крестьянъ и настаивая на оставленіи на вѣчныя времена земель, состоящихъ въ ихъ пользованіи, въ собственности землевладѣльцевъ; при чемъ допускалъ дарованіе крестьянамъ, какъ онъ выражался, эмфитевтическаго права на пользованіе владѣемыми ими землями, за существующія повинности, съ переобработкою ихъ по истеченіи каждаго 20 лѣтъ. Такая форма освобожденія крестьянъ, которую предсѣдатель Редакціонной Коммиссій называлъ «птичьей свободой», не встрѣтила сочувствія въ средѣ Редакціонной Коммиссій, и графъ П. П. Шуваловъ самъ пожелалъ оставить Редакціонныя Коммиссіи, но, удержанный императоромъ Александромъ II въ ихъ составѣ, не принималъ однакоже дѣятельнаго участія въ ихъ трудахъ. Тѣмъ не менѣе члены Коммиссій сохранили глубокое уваженіе къ личному характеру антагониста ихъ мнѣній, цѣня въ немъ не только честность и стойкость его убѣжденій, но и неизмѣнное сочувствіе къ дарованію немедленной личной свободы крѣпостнымъ крестьянамъ.

Н. И. Стояновскій собственно членомъ Редакціонныхъ Коммиссій не былъ. Когда по высочайше утвержденному положенію объ образованіи этихъ Коммиссій члены отъ правительства назначались отъ каждаго министерства по соглашенію ихъ министровъ съ предсѣдателемъ Коммиссій, то Я. И. Ростовцовъ просилъ графа В. Н. Панина о назначеніи въ Коммиссію просвѣщенныхъ и извѣстныхъ своимъ сочувствіемъ дѣлу освобожденія крестьянъ оберъ-прокуроровъ Сената М. Н. Любощинскаго и Н. И. Стояновскаго. На назначеніе Любощинскаго графъ Панинъ немедленно согласился, но вмѣсто Н. И. Стояновскаго назначилъ, въ видѣ особаго, деликатнаго вниманія къ Я. И. Ростовцову, Н. П. Семенова.

Но и Н. И. Стояновскій обойденъ не былъ и нѣсколько позже былъ назначенъ графомъ Панинымъ членомъ отъ министерства юстиціи въ административную, такъ называемую губернаторскую, комиссію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, выработавшую, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина, первоначальный проектъ мировыхъ судей, рассмотрѣнный и значительно видоизмѣненный Редакціонными Коммиссіями. Члены этой административной комиссіи, работавшіе параллельно и въ связи съ Редакціонными Коммиссіями, получили также золотыя медали за труды по освобожденію крестьянъ. Впослѣдствіи Н. И. Стояновскій былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей по судебной реформѣ и до конца дней своихъ не переставалъ трудиться на пользу Россіи въ средѣ Государственнаго Совѣта, въ особенности по пересмотру нашего гражданскаго законодательства. Добрую память оставилъ по себѣ Н. И. Стояновскій и въ тѣсномъ дружескомъ кругѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ великихъ реформахъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

С. А. Мордвиновъ тоже не былъ членомъ Редакціонныхъ Коммиссій, но, по близости своихъ отношеній къ Н. А. Милютину, на сестрѣ котораго былъ женатъ, стоялъ вблизи ко всему ходу дѣлъ освобожденія крестьянъ, а впослѣдствіи принялъ непосредственное участіе въ дѣлѣ приведенія въ исполненіе Положеній 19-го февраля 1861 г., въ качествѣ члена отъ правительства въ Псковскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи. Вѣрнымъ своимъ гуманнымъ и широкимъ взглядамъ остался С. А. Мордвиновъ и въ своей позднѣйшей дѣятельности въ средѣ Государственнаго Совѣта.

Сенаторъ Н. Н. Биппенъ въ эпоху освобожденія крестьянъ былъ сначала мировымъ посредникомъ, а потомъ астраханскимъ вице-губернаторомъ, еще въ то время, когда въ Астраханской губерніи завершалась крестьянская реформа.

Обычный тостъ за благоденствіе Россіи былъ провозглашенъ Н. П. Щепкинымъ. Отъ имени отсутствующаго Н. П. Семенова прочтено было кн. П. Н. Цертелевымъ слѣдующее стихотвореніе, посвященное памяти А. С. Пушкина.

Памяти А. С. Пушкина въ день 26 мая 1899 года.

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манию царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщен пою
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?
А. Пушкинъ.

Надъ Пушкинымъ святою триву
Его рожденья въ сотый годъ,
Свершаетъ, любящій отчизну,
Россіи доблестный народъ.

И слава вѣщаго поэта
 Бѣжить теперь изъ края въ край,
 И отъ заботъ ничтожныхъ свѣта
 Уносить насъ въ волшебный рай.
 Отнынѣ слѣдъ неизгладимый
 Оставленъ русскимъ торжествомъ
 Пусть знаетъ міръ, что нашъ любимый
 Поэтъ насъ близилъ съ Божествомъ;
 Что онъ народу сталъ любезенъ
 Своей великою душой,
 Что былъ отечеству полезенъ,
 Ставъ путеводною въ немъ звѣздой.
 Ее затмить вздымались козни:
 Пошли мы гибельнымъ путемъ.
 Не замѣчая въ нашей розни,
 Какой стезею мы идемъ.
 Въ народномъ чувствѣ нѣтъ двоенья:
 И такъ, покинемъ путь чужой,
 Пойдемъ, отвергнувъ заблужденья,
 Пѣвца дорогою прямой.
 Онъ нашъ пророкъ, онъ русскій геній
 Въ своихъ возвышенныхъ мечтахъ,
 Въ изящной прелести твореній,
 Въ неподражаемыхъ стихахъ.
 Къ нему любовь есть наша сила.
 Пока въ насъ духъ его живетъ,
 Не разлучить насъ и могила:
 Идемъ смѣлѣй за нимъ впередъ!
 Достигли рабства мы паденья
 По мановенію Царя.
 Свободы, мира, просвѣщенья
 Восходитъ новая заря!

Николай Семеновъ,

бывшій воспитанникъ Императорскаго
 Царскосельскаго Лицея 12-го выпуска.

Вслѣдъ за этимъ пили за здоровье Н. П. Семенова, одного изъ многихъ оставшихся въ живыхъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій и историка крестьянской реформы. По общему желанію ему была отправлена телеграмма, подписанная всѣми присутствовавшими на обѣдѣ. Такая же телеграмма была послана и отсутствовавшему постоянному распорядителю обѣдовъ 19-го февраля А. Н. Кудомзину вслѣдъ за тостомъ за его здоровье. Особо пили здоровье председателя обѣдовъ 19-го февраля бывшаго члена-завѣдывавшаго дѣлами Редакціонныхъ коммиссій П. П. Семенова, распорядителя нынѣшняго обѣда графа Я. Н. Ростовцова, а также Ю. Н. Милютина, сына извѣстнаго государственнаго дѣятеля и самаго выдающагося труженика по крестьянской реформѣ Н. А. Милютина. При этомъ председателемъ были по-

вторены слѣдующія прекрасныя слова, посвященныя памяти Н. А. Милютина покойнымъ предсѣдателемъ обѣдовъ 19-го февраля и также известнымъ государственнымъ дѣятелемъ П. А. Заблоцкимъ-Десятовскимъ:

«Да будетъ же честно и славно имя Николая Алексѣевича; да будетъ благословенна среди насъ его память; да благословится она и послѣ того, когда тотъ изъ насъ, кому судьба пошлетъ справить послѣдній обѣдъ, 19-го февраля, благословить имя Николая Алексѣевича въ послѣдній разъ отъ имени Редакціонныхъ Коммиссій» ¹⁾.

Въ заключеніе Н. А. Боровковымъ была прочитана безсмертная рѣчь императора Александра II въ предсѣдательствуемомъ имъ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта при внесеніи въ него проекта Положенія объ освобожденіи крестьянъ.

Среди всѣхъ этихъ рѣчей и тостовъ общимъ сочувствіемъ была встрѣчена депутація земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, которая, по обыкновенію, справляла обѣдъ 19-го февраля въ томъ же ресторанѣ Донова; нѣкоторые изъ присутствующихъ составили отвѣтную депутацію.

Товарищескіе обѣды участниковъ великаго дѣла 19-го февраля 1861 г. происходятъ въ этотъ день неизмѣнно съ 1862 г. Первымъ предсѣдателемъ до самой своей кончины (въ 1881 г.) былъ одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей крестьянской реформы А. П. Заблоцкій-Десятовскій; позже его замѣнилъ К. К. Гротъ, бывшій до того неизмѣннымъ распорядителемъ обѣдовъ; послѣ смерти К. К. Грота предсѣдательство на обѣдахъ перешло къ Н. И. Стояновскому, а затѣмъ — къ П. П. Семенову, Вотъ завѣтъ, высказанный на первомъ же обѣдѣ 19-го февраля Н. А. Милютинымъ и воѣми тогда единодушно принятый: «Отнынѣ ежегодно, въ великій день 19-го февраля, собираться членамъ Редакціонныхъ Коммиссій для чествованія сего дня. И когда, одинъ за другимъ, сойдутъ въ могилу члены Редакціонныхъ Коммиссій, а останется въ живыхъ хоть одинъ изъ нихъ, — да подыметъ онъ, въ день 19-го февраля, бокалъ въ память своихъ сотоварищей и выпьетъ за благоденствіе Россіи и за великое дѣло, совершенное 19-го февраля 1861 года. И только этотъ обѣдъ да будетъ послѣднимъ обѣдомъ участниковъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ» ²⁾.

Будемъ надѣяться, что память объ этомъ великомъ дѣлѣ будетъ чтиться всегда такъ же сердечно и свято, а всѣ традиціи знаменательныхъ обѣдовъ 19-го февраля будутъ незбылемы среди отмѣченныхъ высочайшимъ вниманіемъ наслѣдниковъ славныхъ дѣятелей великой эпохи освобожденія крестьянъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, т. ХLI, 1884, стр. 693.

²⁾ См. „Русская Старина“, т. ХLI, 1884, стр. 672.

пять, цѣнахъ на товары, о продажѣ съ публичнаго торга; по политическимъ извѣстіямъ помѣщать издатель не было дозволено; для нужды мѣстныхъ жителей печатались извѣстія о прибыжкахъ и выѣзжающихъ изъ Одессы и пѣкаторыхъ замѣтки о театрѣ, музыкѣ и увеселеніяхъ. Цѣна газеты была довольно высока для того времени: годовая—45 руб. ассигнаціями, полугодовая—25 руб.

Компанія издателей газеты «Messenger» состояла изъ слѣдующихъ лицъ: А. В. Гибала, дворянина Петербургской губерніи, кончившаго курсъ въ Мецкомъ университетѣ и бывшаго учителемъ французскаго языка въ одесской коммерческой гимназіи и институтѣ; г. Сорона — содержателя французской книжной лавки; Л. Л. Элкана, по происхожденію еврея, питомца Кѣнигсбергскаго университета, занимавшагося педагогическою дѣятельностью и впоследствии бывшего директоромъ одесской коммерческой гимназіи; I. Ф. Феррарина, питомца Палестринскаго университета, преподававшего итальянскій языкъ въ одесскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ своемъ письмѣ графу М. С. Воронцову г. Даваллонъ сообщаетъ о себѣ слѣдующее: уроженецъ Лиона, онъ въ 1786 г. пріѣхалъ въ Лондонъ, вступилъ въ англійское подданство, былъ гражданиномъ Лондона, negociантомъ, главнымъ секретаремъ комитета по дѣламъ о взятыхъ въ войнѣ съ Франціей плѣнныхъ, совѣтниковъ французскаго консулата. Вернувшись во Францію, онъ былъ редакторомъ «Обозрѣнія торговли и статистики», былъ затѣмъ секретаремъ комиссіи по продажѣ шерсти въ Байоннѣ, кассиромъ этой комиссіи; потомъ былъ директоромъ склада и общественнаго заведенія для мытья шерсти въ Парижѣ и офицеромъ національной гвардіи. По приглашенію герцога де-Ришелье, Даваллонъ въ 1816 г. пріѣхалъ въ Россію. «Я первый ввелъ въ здѣшнемъ краѣ,—продолжаетъ онъ свою автобіографію,—способъ приготовленія шерсти, сдѣлавъ ее годной для вывоза и выдѣлки суконъ; я построилъ на Варобѣ заведеніе съ новымъ приспособленіемъ для мытья шерсти, а до моего пріѣзда въ Одессу эта отрасль промышленности была здѣсь неизвѣстна; я первый предпринялъ изданіе коммерческой газеты»...

Компаніоны принялись за дѣло энергично, и 1-го апрѣля 1820 г. вышелъ въ свѣтъ первый номеръ газеты на французскомъ языкѣ. Редакція «Messenger» два раза пыталась выпустить газету на русскомъ языкѣ, и первый русскій номеръ ея вышелъ 1-го іюня 1821 г., подъ редакціей Гибала; онъ носилъ названіе «Вѣстника Южной Россіи». Опытъ не удался: число подписчиковъ на это изданіе достигло всего семѣи, и газета, тѣмъ не менѣе, издавалась въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; при вторичной попыткѣ въ 1822 г. издавать газету на русскомъ языкѣ, нашлось всего пять человѣкъ, желавшихъ получить эту газету. Что же касается французскаго изданія, то оно пользовалось нѣ-

которымъ вниманіемъ публики; ее выписывали въ разныхъ мѣстахъ Европы и получали даже въ Филадельфіи.

Одними торговыми извѣстіями газетъ довольствоваться было трудно, и предпріимчивый Даваллонъ обратился къ графу Воронцову съ просьбой разрѣшить печатать въ «Messenger» политическія статьи, извлеченныя изъ журналовъ, напечатанныхъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Позволеніе было дано 18-го сентября 1823 г. Но пользовался этимъ правомъ Даваллонъ очень не долго. 10-го октября того же года въ прибавленіи къ своей газетѣ онъ напечаталъ кое-какія сообщенія, которыхъ печатать не имѣлъ права. Это и было поводомъ къ прекращенію изданія газеты. Графъ Воронцовъ, наказывая издателя лишеніемъ дарованнаго недавно позволенія, хотѣлъ не только сдѣлать наказаніе это болѣе ощутительнымъ, но и довести о немъ до всеобщаго свѣдѣнія черезъ же изданіе и написалъ объ этомъ своемъ рѣшеніи слѣдующую замѣтку для газеты: «Замѣтка для напечатанія въ слѣдующемъ номерѣ «Messenger de la Russie Méridionale». Одесса, 13-го октября 1823 г.

«Въ виду того, что редакція этого листка напечатала въ прибавленіи къ 80 № одну статью, еще неопубликованную въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ, и нарушила этимъ тѣ точныя условія, на которыхъ было разрѣшено печатать, кромѣ торговыхъ, еще другія статьи, то это разрѣшеніе у нея отнято; ей запрещено отнынѣ впредь до новаго распоряженія печатать статьи какого бы то ни было содержанія, если онѣ не относятся къ торговлѣ Одессы, и она должна руководствоваться тѣми правилами, которыя были въ силѣ до 18-го сентября сего года».

Эта замѣтка была вручена г. Даваллону, который отказался ее напечатать. Вслѣдъ за отказомъ Даваллона напечатать набросанная графомъ Воронцовымъ строка, послѣдовало въ скоромъ времени прекращеніе выпуска газеты. 17-го ноября того же года начала выходить новая газета «Journal d'Odessa ou Courrier Commercial de la Nouvelle Russie», при чемъ графъ Воронцовъ исходатайствовалъ для нея разрѣшеніе печатать политическія извѣстія и метеорологическія наблюденія. Редакторомъ и издателемъ ея былъ Карлъ-Морицъ Сейтцъ, завѣдывавшій городской типографіей. Въ 1827 г. это изданіе было преобразовано въ дюймовую русско-французскую газету — «Journal d'Odessa» или «Одесскій Вѣстникъ».

Такимъ образомъ, первая одесская газета просуществовала всего 3½ года. Ея краткое существованіе нѣсколько выяснило тѣ задачи, которыя должна была преслѣдовать тогдашняя одесская печать, и ея преемникъ, «Одесскій Вѣстникъ» явился лучшимъ периодическимъ изданіемъ на югѣ Россіи.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается; для **городскихъ** подписчиковъ въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

~~Въ~~ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

~~Въ~~ Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXII-й.

ДЕКАБРЬ.

1901 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Дубровина.....	465—494	XI. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи. (Изъ бумагъ Павла Вас. Жуковскаго). (Оконч.). Сообщ. А. А. Оомина.....	649—680
II. Воспоминанія К. С. Веселовскаго. Время президентства графа Д. П. Блудова въ Академіи Наукъ. 1855—1864. Академика К. С. Веселовскаго.....	495—528	XII. О преобразованіи учебныхъ заведеній. Рескриптъ императ. Николаю—А. С. Шишкову.....	681—682
III. Три „Молитвы“. Николая Дернаера.....	529—532	XIII. Записки генерала В. И. Левенштерна.....	683—699
IV. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова (Оконч.)..	533—560	XIV. Записная книжка „Русской Старины“: Опоздываніе чиновниковъ на службу. Письмо Барклая-де-Толли гр. Н. А. Апраксину. 26 янв. 1810 г. (стр. 634).—Н. М. Карамзинъ и А. С. Шишковъ. Письмо Р. Р. Державина—А. С. Шишкову. 12 февр. 1816 г. (648).—Н. М. Карамзинъ и гр. Н. П. Румянцовъ. Собственноруч. письмо Н. М. Карамзина—гр. Н. П. Румянцову. 14 апр. 1816 г. Москва. (700).	
V. Императоръ Павелъ. Очеркъ развитія его личности. (Окончаніе). П.....	561—572	XV. Указатель личныхъ именъ въ 105, 106, 107 и 108 томахъ „Русской Старины“ изд. 1901 года.	
VI. Алексѣевскій равелинъ въ 1862—65 гг. (Изъ моихъ воспоминаній). Ив. Ворисова.....	573—578	XVI. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).	
VII. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.....	579—592		
VIII. Къ исторіи изданій „Горь отъ ума“. Сообщ. А. И. Станкевичъ.....	593—596		
IX. Россія и папскій престолъ. (Окончаніе). П. Пирлинга.....	597—633		
X. Былое. Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ. А. Р.....	635—647		

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Вычковъ.

2) Портретъ графа Дмитрія Николаевича Блудова. Грав. И. И. Хельницкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 страп. обертки.

Пріемъ подѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

При семъ номерѣ прилагаются объявленія: 1) Нива; 2) Изданія „Бронгаузъ-Ефронъ“. Библиотека Естествознанія; 3) Народное здравіе, Самообразование и Хозяина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.

1901.

XII-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1901 г.

Библиографическій листокъ.

А. С. Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность. Историко-литературный очеркъ К. Кузьминскаго. Изд. И. П. Жемочкина подъ редакціею проф. А. И. Кирпичникова. Москва. 1901 г.

Членъ Попечительнаго Совѣта студенческаго обществія имени Императора Николая II, И. П. Жемочкинъ, годъ назадъ пожертвовалъ въ бібліотеку обществія полный экземпляръ Пушкинскаго «Современника». Студентъ-филологъ г. Кузьминскій взялся написать объ этомъ драгоценномъ памятникѣ русской литературы классическаго періода рефератъ, который разросся въ дѣло небольшое изслѣдованіе о публицистической и журнальной дѣятельности Пушкина вообще, — вотъ происхожденіе разсматриваемой нами книги.

Прежде всего авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ главнѣйшихъ событій изъ жизни поэта, особенно ярко отразившихся на его судьбѣ и дѣятельности. Пушкинъ, какъ известно, получилъ образованіе въ наиболѣе либеральную пору царствованія императора Александра I, когда западно-европейскія политическія идеи стали известны русскимъ не только изъ книгъ, но и изъ непосредственнаго наблюденія лицъ, побывавшихъ въ Западной Европѣ. Потому онъ долго вращался среди тѣхъ лицъ, которые хотѣли воспользоваться этими идеями, выработанными вѣковой исторіей, и перенести ихъ на русскую почву. Обладая могущественнымъ средствомъ — стихотворнымъ талантомъ, онъ способствовалъ распространенію этихъ идей и возбуждалъ, зачастую въ рѣзкой формѣ, критическое отношеніе къ русской дѣйствительности и правительству. Рѣзкіе и часто необдуманые поступки возбуждали противъ него правительство и довели его до ссылки на югъ Россіи. Эта ссылка, вмѣстѣ съ вліяніемъ западно-европейскаго пессимизма, усилія раздраженіе и недовольство существовавшимъ порядкомъ, что и повлекло за собою новую ссылку. Покинувъ югъ, онъ проводитъ два года въ деревнѣ, занимается изученіемъ русской исторіи и русской жизни вблизи народа и среди чисто-русской природы. Тѣмъ временемъ совершаются важныя событія: умеръ императоръ Александръ, и вступилъ на престолъ императоръ Николай Павловичъ. Вступленіе на престолъ сопровождалось бунтомъ «декабристовъ», — по большей части друзей и вдохновителей Пушкина въ области политики. Это событіе вырвало изъ русскаго общества лучшую его часть, которая необдуманно приступила къ проведенію лучшихъ стремленій того времени; уцѣлѣвшимъ единомышленникамъ нужно было

позаботиться о просвѣщеніи общества, и это сдѣлалось главною цѣлью ихъ дѣятельности. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей былъ А. С. Пушкинъ, который своимъ талантомъ охватилъ всѣ главнѣйшіе вопросы, формулировалъ ихъ, возбуждалъ сочувствіе или нечуживость. Его поэзія была зачастую проникнута публицистикою; она откликалась на все то, что интересовало лучшую часть общества, пробуждая въ немъ лучшія стремленія.

Когда Пушкинъ прибылъ въ Москву и нашла въ кружкѣ Веневитинова людей, всюю душою преданныхъ литературѣ, то у него явилось желаніе поработать именно съ ними на журнальномъ поприщѣ. Намѣреваясь издать альманахъ «Гермесъ», Веневитиновъ и Погодинъ обратились къ Пушкину за содѣйствіемъ. Онъ воспользовался удобнымъ случаемъ и сказалъ: «Альманахъ не надо издавать, пусть Погодинъ издаетъ въ послѣдній разъ, а послѣ станемъ и издавать журналъ; кого бы редакторомъ». Предложеніе Пушкина издавать журналъ понравилось кружку Веневитинова. Журналъ назвали «Московскимъ Вѣстникомъ»; редакторомъ былъ назначенъ Погодинъ, въ помощники ему Рожалинъ. Изданіе велось на коллективныхъ началахъ, статьи должны были помѣщаться по большинству голосовъ главныхъ сотрудниковъ. Пушкину былъ назначенъ огромный гонораръ — съ каждыя 1.200 экз. 10.000 руб. Цензоромъ журнала былъ назначенъ С. Т. Аксаковъ, и сотрудники были всѣ люди талантливые, а дѣло шло плохо, и въ 1830 г. журналъ прекратилъ свое существованіе; онъ не выдержалъ трудной борьбы съ тѣми, противъ которыхъ сражался, и не достигнулъ цѣли, которую себѣ поставилъ, главнымъ образомъ благодаря равнодушію общества. Участіе въ изданіи «Московскаго Вѣстника» для Пушкина было урокомъ въ томъ отношеніи, что онъ ближе присмотрѣлся къ журнальной работѣ и увидѣлъ на яркомъ примѣрѣ, что русская публика еще очень и очень неподготовлена къ серіозному чтенію.

Далѣе авторъ говоритъ о дѣятельности Пушкина въ «Литературной Газетѣ», редактировавшейся барономъ Дельвигомъ. Главная цѣль, которою руководились издатели «Литературной Газеты», заключалась, по словамъ Анненкова, въ томъ, чтобы образованъ какой-либо оплотъ противъ журнальной монополіи, захваченной издателями «Сѣверной Пчелы» и «Сына отечества». Въ третьемъ номерѣ «Литературной Газеты» была помѣщена статья Пушкина «О литературной критикѣ», въ которой предложеніе критики расцвѣтаетъ садыующимъ образомъ: «Критика въ нашихъ журналахъ или огра-

ГРАФЪ ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
БЛУДОВЪ.

Русская старина. 1901 г. № 12

XVII

В то время, когда в России происходило великое дело освобождения крестьян от крепостного права, в Европе, и особенно в Германии, происходило великое дело объединения немецких государств в одно государство. В это время Германия была разделена на много мелких государств, которые воевали друг с другом. В 1871 году Германия была объединена в одно государство. Это было великое дело, которое изменило историю Европы.

В то время, когда в России происходило великое дело освобождения крестьян от крепостного права, в Европе, и особенно в Германии, происходило великое дело объединения немецких государств в одно государство. В это время Германия была разделена на много мелких государств, которые воевали друг с другом. В 1871 году Германия была объединена в одно государство. Это было великое дело, которое изменило историю Европы.

В то время, когда в России происходило великое дело освобождения крестьян от крепостного права, в Европе, и особенно в Германии, происходило великое дело объединения немецких государств в одно государство. В это время Германия была разделена на много мелких государств, которые воевали друг с другом. В 1871 году Германия была объединена в одно государство. Это было великое дело, которое изменило историю Европы.

*) Приказъ военнаго министра 6-го сентября 1810 г. № 309. Воен.-учен. арх., отд. I д. № 277. По свидѣтельству Ланжерона, русскіе солдаты стрѣляли

Portrait of General [Name] in military uniform.

1860

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XV ¹⁾.

Мѣры, предприняты Барклаемъ-де-Толли къ обученію войскъ и облегченію солдатской службы.—Составъ офицеровъ.—Низкій уровень ихъ образованія.—Средства къ его поднятію.—Быть офицеровъ и солдатъ.—Дисциплина и ученіе.—Переводъ наставленія Наполеона въ день сраженія.—Сознаніе офицеровъ въ необходимости изученія военной исторіи.—Образованіе съ этою цѣлью общества въ Измайловскомъ полку.—Изданіе подполковникомъ Хатовымъ «Опыта общей тактики».—Всеобщая ненависть къ Наполеону.—Появленіе кометъ.—Патріотическое настроеніе.

Вѣтательный и неутомимый, пріобрѣвшій опытъ въ предъидущихъ кампаніяхъ, Барклай-де-Толли, со дня назначенія своего военнымъ министромъ, обращалъ особенное вниманіе на живую боевую силу Россіи и на нравственную подготовку войскъ.

«Главное въ военныхъ экзерциціяхъ занятіе солдата,— писалъ онъ,—должно быть въ цѣльной стрѣльбѣ; искусство сіе не можетъ иначе пріобрѣтаться, какъ безъ принужденнымъ поощреніемъ къ тому охоты.

«Офицеры, отъ коихъ зависитъ весь успѣхъ сего дѣла, предварительно должны быть сами испытаны въ правилахъ необходимыхъ цѣльной стрѣльбѣ; замѣчанія и приемы ихъ должны быть основательны и вѣрны» ²⁾.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, ноябрь 1901 г.

²⁾ Приказъ военнаго министра 6-го сентября 1810 г. № 309. Воен.-учен. арх., отд. I д. № 277. По свидѣтельству Ланжерона, русскіе солдаты стрѣляли

Указавъ на нѣкоторыя подробности, которыя должны быть приняты при обученіи стрѣльбѣ, военный министръ выражалъ надежду, «что если дивизионные, полковые и баталіонные командиры неослабное будутъ имѣть смотрѣніе за симъ ученіемъ, то въ короткое время нижніе чины въ цѣльной стрѣльбѣ доведены будутъ до совершеннаго искусства, которое у насъ нынѣ еще въ большомъ небреженіи. Гг. начальники обязаны надзирать, чтобы офицеры сами занимались стрѣляніемъ въ цѣль, дабы они могли съ лучшимъ успѣхомъ учить солдатъ».

«По дошедшимъ ко мнѣ свѣдѣніямъ,—писалъ Барклай въ другомъ приказѣ ¹⁾,—что въ нѣкоторыхъ полкахъ обучаютъ нижнихъ чиновъ стрѣлять въ цѣль безъ штыковъ и ранцевъ, я въ обязанности себя нахожу рекомендовать дивизионнымъ начальникамъ, чтобы они приказали ученіе сіе производить съ примкнутыми штыками, а иногда и въ полной амуниціи, ибо людямъ должно пріучаться стрѣлять мѣтко въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ будутъ находиться во время сраженій съ непріателемъ».

Вмѣстѣ со введеніемъ новыхъ правилъ въ обученіе солдата, принимались мѣры и къ облегченію его службы, но къ сожалѣнію мѣры эти ограничивались одними бумажными распоряженіями и въ большинствѣ случаевъ не исполнялись.

Такъ, 9-го апрѣля 1801 года повелѣно было во всѣхъ полкахъ обрѣзать у нижнихъ чиновъ пукли, косы же оставить, но только такъ, чтобы были длиною въ 4 вершка и завязывались бы въ половину воротника.—«Его императорское величество, дѣлая сіе облегченіе,—писалъ генералъ-адъютантъ Ливень,—надѣется что гг. шефы тѣмъ болѣе будутъ наблюдать опрятность нижнихъ чиновъ» ²⁾.

Распоряженіемъ, этимъ воспользовались прежде всего офицеры; они стали придумывать разныя прически и дозволять себѣ отступленія отъ формы.

«Помню какъ теперь,—говоритъ О. В. Булгаринъ ³⁾,—удивленіе наше, когда поручикъ нашей роты Бабинъ явился безъ пуклей, съ небольшою косою, привязанною въ полворотника, съ волосами, спущенными на лобъ (называемыми тогда эсперансами), въ короткихъ сапогахъ вмѣсто

на удачу, иногда на воздухъ и вовсе стрѣлять не умѣли. Ученій со стрѣльбою не производилось. Для этой цѣли выдавалось по три пули на солдата, и нѣкоторые командиры, понимая важность стрѣльбы, заготавливали пули изъ глины, но отъ стрѣльбы ими портились ружья. (Запис. Ланжерона, „Русская Мысль“ 1896 г. № 9, стр. 39).

¹⁾ Приказъ военного министра 10-го іюня 1811 г. № 28. Военно-ученый архивъ, отд. I, № 277.

²⁾ Арх. Канцел. воен. минист., высочайшія повелѣнія кн. № 127.

³⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ, изд. 1846 г. т. II, стр. 5—7.

штиблетъ... Намъ казалось это удивительно хорошо! При отступленіи отъ прежней формы появились военныя моды въ прическѣ, повязкѣ галстука, ношеніи шляпы и шпаги.—Вмѣсто чрезвычайно низкихъ офицерскихъ шляпъ, введены огромныя высокія шляпы съ чернымъ султаномъ (въ кавалеріи бѣлымъ); вмѣсто отлогато воротника, лежавшаго на спинѣ, стали носить превысокіе воротники до самыхъ ушей; вмѣсто широкихъ и длинныхъ фалдъ мундировъ, мундиры были короткіе съ фалдочками въ два пальца.—Пудра и косы не были отгнѣнены, но прическа совершенно измѣнилась.—Щеголи сбивали волосы на верху головы (тупей) и всю красу поставляли въ вискахъ (*oveilles de chien*), эсперансахъ и широкой короткой косѣ».

Возникшая мода не затрудняла конечно офицеровъ, но тяжело отзывалась на солдатахъ, отъ которыхъ требовала также тщательной и красивой прически.—Чтобы достигнуть этого, необходимо было употребить много времени, и потому въ большей части полковъ прическа производилась съ вечера. Связанные ею солдаты думали только о томъ, чтобы не испортить ее къ утру; убранство головы не давало имъ покоя и ночью.

Такимъ образомъ желаніе императора Александра облегчить солдата на первыхъ же порахъ, несмотря на сдѣланное распоряженіе, не было исполнено.

«Дошло до свѣдѣнія его императорскаго величества, — писалъ государь самъ, отъ своего имени, въ собственноручной запискѣ ¹⁾, — что въ нѣкоторыхъ полкахъ продолжается еще обычай чесать волосы людямъ съ вечера, передъ строемъ.—Столь не нужное щегольство совсѣмъ противно намѣренію его величества.—Оное имѣло цѣлю, при заведеніи существующей простой чески, единственно доставленіе бѣльшаго спокойствія солдатамъ.—Долгъ гг. шефовъ былъ сему въ точности сообразоваться и за онымъ строго наблюдать.

«Въ подтвержденіе сего, его императорское величество предписываетъ всѣмъ шефамъ, чтобы подобнаго впредь не случалось и чтобы приложили свое стараніе о приученіи людей во ввѣренныхъ имъ полкахъ какъ возможно проворнѣе чесаться и одѣваться, сохраняя при томъ всю должную опрятность.—Для достиженія же сего умножить число умѣющихъ убирать такъ, чтобы одинъ другаго чесалъ».

Облегченіе по внѣшности мало облегчало внутреннюю жизнь солдата, и положеніе его было очень тяжелое.—Оно, конечно, зависѣло прежде всего отъ командировъ частей и состава офицеровъ.—Послѣдніе комплектовались почти исключительно дворянами, уровень образованія которыхъ былъ весьма низокъ. Графъ Ланжеронъ называлъ ихъ просто

¹⁾ Военно-ученый арх., отд III, № 1053.

невѣждами, считавшими лишнимъ заниматься военными науками и ни во что ставившими военное искусство такихъ знаменитостей, каковы Густавъ Адольфъ, Конде, Тюренъ, Евгенийъ Савойскій, Лаудонъ и Фридрихъ II.—Ланжеронъ указываетъ лишь на очень не многимъ русскихъ генераловъ, которые занимались военными науками, а остальные смѣялись надъ ними. Познанія большинства генераловъ, по словамъ графа Ѳ. П. Толстаго ¹⁾, ограничивались «вытяженіемъ носковъ», ружейными приемами и полковыми учениями.

— Мнѣ,—говоритъ онъ,—однажды случилось быть въ ихъ обществѣ, въ кабинетѣ Петра Александровича Толстаго, гдѣ они разсматривали географическія карты и разные планы, которыхъ у Петра Александровича было большое собраніе.—Между прочимъ зашла рѣчь объ опредѣленіи разстоянія до предметовъ, находящихся на дальнемъ и недоступномъ мѣстѣ, а также объ опредѣленіи высоты горъ; никто изъ присутствующихъ не могъ объяснить, какъ это дѣлается».

«Офицеры кичились быть хорошими фронтовиками,—говоритъ С. Г. Волконскій ²⁾,—и книги забытыя не сходили съ полокъ». По словамъ генерала Маевского, до 1812 года военная наука была у насъ совершенно въ «дикомъ состояніи» ³⁾. Впрочемъ, не надо забывать, что въ то время многими европейскими государственными дѣятелями признавалось, что наука не только не нужна военнымъ, но и вредна.

Вотъ что писалъ извѣстный де-Местръ графу Разумовскому ⁴⁾: «Наука, по самому существу своему, во всѣ времена и при всякой формѣ правленія, годна не для всѣхъ, даже и не для всѣхъ, принадлежащихъ къ высшему сословію.—Напримѣръ, военные (т. е. ⁸⁰/₁₀₀ дворянства) отнюдь не должны, да и не могутъ быть учеными.—Однимъ только артиллерійстамъ, инженерамъ и морякамъ потребны познанія въ математикѣ, но познанія эти почти исключительно практическія и вовсе не такъ глубоки, какъ воображаютъ.—Весьма кстати замѣчено было во Франціи, что никогда не случилось моряку-академику захватить вражескій фрегатъ.—Къ тому же вездѣ существуютъ для разныхъ этихъ родовъ службы спеціальныя школы, но для того, что называется а р м і е ю, наука не только недосыгаема, она даже вредна.—Наука изъ военнаго дѣлаетъ домошда, лѣнивца, она почти всегда его лишаетъ того безответнаго мужества и удалства, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ на войнѣ.—Къ тому же, большинство никогда не захочетъ прилежно заниматься, въ особенности же высшій классъ общества.—Военная жизнь,

¹⁾ Записка гр. Ѳ. П. Толстаго. „Русская Старина“ т. VII, стр. 42.

²⁾ Въ своихъ запискахъ, изд. 1901 г., стр. 61.

³⁾ „Русская Старина“ 1873 г. № 8, стр. 141.

⁴⁾ Бывшему въ то время министромъ народнаго просвѣщенія въ іюнѣ 1810 г. А. А. Васильчиковъ.—„Семейство Разумовскихъ“, т. II, стр. 254.

за нѣкоторыми исключеніями, которыхъ нельзя брать въ соображеніе, всегда была и будетъ разсѣянною.—Отнимите отъ ежедневныхъ занятій офицера время, необходимое для свѣтскихъ обязанностей, для удовольствій и для военнаго ученія, спрашивается, что останется для науки?».

У насъ не раздѣляли такого взгляда, но недостаточное число учебныхъ заведеній въ Россіи было причиною того, что большая часть дворянъ, маминькиныхъ сынковъ, не обучаясь ничему, даже грамотѣ, и достигнувъ извѣстнаго возраста, поступали преимущественно въ полки, расположенные въ мѣстахъ ихъ жительства, унтеръ-офицерами и за тѣмъ, часто проживая спокойно въ своихъ имѣніяхъ, дослуживались, правдами и неправдами, до офицерскаго чина. 8-го апрѣля 1801 года графъ Ливенъ сообщилъ циркуляромъ всѣмъ начальникамъ частей, что государь императоръ, усмотрѣвъ, что въ полкахъ находится очень много унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ, не умѣющихъ совсѣмъ грамотѣ, «повелѣлъ принимать безграмотныхъ не иначе какъ рядовыми»¹⁾. Тѣ же, которые успѣли быть произведенными въ офицеры до этого разпоряженія, оставались неграмотными во всю свою службу.

Поэтому въ 1807 году было объявлено «благородному дворянскому сословію», что всѣ желающіе вступить въ военную службу молодые неслужащіе дворяне, отъ 16 лѣтъ и болѣе, могутъ, вмѣсто опредѣленія въ полки унтеръ-офицерами, пріѣзжать въ Петербургъ и являться въ кадетскіе корпусы, куда они будутъ немедленно приняты. Оставаясь тамъ только самое необходимое время, для изученія порядка службы и продолжая ученіе въ классахъ, соотвѣтственныхъ ихъ познаніямъ, они будутъ выпускаемы въ полки прапорщиками или корнетами.

«Я увѣренъ,--писалъ императоръ Александръ ²⁾,—что симъ распоряженіемъ достаточно облегчены будутъ благородному юношеству средства ко вступленію въ службу соотвѣтственно ихъ званію, наипаче въ такое время, когда честь и польза государства призываетъ къ службѣ каждаго члена благороднаго сословія, знаменитаго своею любовію и вѣрностію къ отечеству».

Одновременно съ этимъ министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому поручено ³⁾ извѣстить черезъ попечителей округовъ всѣхъ дворянъ, обучающихся въ гимназіяхъ, университетахъ и другихъ училищахъ, что желающіе поступить въ военную службу будутъ приняты на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Студенты, окончившіе курсы въ университетахъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, должны явиться въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ, куда

¹⁾ Арх. Канцеляр. воен. министер., высочайшія повелѣнія кн. № 127.

²⁾ Въ рескриптѣ графу Кочубею 14-го марта 1807 г. Арх. Севата, копія высочайшихъ повелѣній, кн. № 292.

³⁾ Рескриптомъ отъ того же 14-го марта. Тамъ же.

будутъ немедленно приняты унтеръ-офицерами и, пробывъ въ оныхъ опредѣленное время, для приученія ихъ къ воинской службѣ, будутъ выпускаемы и опредѣляемы въ полки офицерами.

2) Не имѣющіе званія студентовъ, гимназисты и обучающіеся въ другихъ заведеніяхъ дворяне, въ возрастѣ не менѣе 16 лѣтъ, являясь въ кадетскіе корпусы въ Петербургѣ, будутъ помѣщаемы, по мѣрѣ ихъ познаній, въ соотвѣтственные классы, для окончанія въ оныхъ наукъ и приученія ихъ къ воинской службѣ, послѣ чего, по мѣрѣ ихъ успѣховъ, будутъ опредѣляемы въ полки прапорщиками и корнетами.

Дворянство не охотно слѣдовало такому предложенію и предпочитало поступать унтеръ-офицерами преимущественно въ гвардейскіе полки, что годъ спустя и вызвало новое распоряженіе военного министра.

«Объявляется всѣмъ гвардейскимъ полкамъ,—писалъ графъ Аракчеевъ¹⁾,—что по высочайшей волѣ, опредѣляющіеся въ гвардію недоросли изъ дворянъ не иначе могутъ быть приняты, какъ по испытаніи въ знаніяхъ предположенныхъ для сего наукъ. Оный экзамень назначено производить у генераль-маіора Клингера и не прежде можно представлять таковыхъ на смотръ государю императору, какъ по полученіи отъ него, генераль-маіора Клингера, аттестата объ удостоеніи къ приянтію. А безъ сего аттестата запрещается утруждать таковыми представленіями государя императора, ибо сіе будетъ противъ установленія, основаннаго на высочайшей волѣ».

Мѣра эта могла оказать благодѣтельное вліяніе на корпусъ офицеровъ только въ будущемъ; настоящее же представлялось въ неприглядномъ видѣ.

«Пѣхоту (гвардейскую) я не любилъ,—пишетъ Ѳ. Я. Мирковичъ²⁾,—и служба въ ней была такъ обременительна, что челоуѣку некрѣпкаго сложенія трудно было и выносить. Караулы, которые пѣхота содержала во всѣхъ концахъ столицы, дежурства и непрерывныя ежедневныя ученія просто изнуряли, и кто только могъ, избѣгалъ пѣхоты. При томъ только въ двухъ полкахъ, Преображенскомъ и Семеновскомъ, было тогда болѣе порядочное общество офицеровъ, состоявшее наполовину изъ пажей. Государь былъ шефомъ обоихъ полковъ и особенно ихъ любилъ. Общество офицеровъ остальныхъ полковъ было менѣе, чѣмъ посредственное, такъ что въ общественномъ мнѣніи армейскіе артиллерійскіе офицеры стояли выше гвардейскихъ пѣхотныхъ.

¹⁾ Въ приказѣ отъ 11-го февраля 1808 г. Воен.-учен. арх., отд. I № 265.

²⁾ Въ своихъ запискахъ. См. жизнеописаніе Ѳ. Я. Мирковича, т. I, изд. 1889 г., стр. 19.

Въ кавалеріи отличались обществомъ офицеровъ только кавалергарды и лейбъ-гусары, куда поступала вся знатная и богатая молодежь.

«Хотя Кавалергардскій полкъ, — говоритъ С. Г. Волконскій ¹⁾, — славился составомъ корпуса офицеровъ, но въ общемъ смыслѣ о моральной (нравственной) жизни не могу ничего сказать хорошаго. Во всѣхъ моихъ товарищахъ, не исключая и эскадронныхъ командировъ, было много свѣтской щекотливости, что французы называютъ *point d'honneur*, но врядь ли кто бы выдержалъ во многомъ разборъ своей собственной совѣсти. Вовсе не было ни въ комъ религіозности, скажу даже во многихъ безбожничество. Общая склонность къ пьянству, разгульной жизни, молодечеству... Шулерничать не было считаемо за порокъ, хотя въ правилахъ чести были мы очень щекотливы. Еще другое странное было мнѣніе, — это, что любовникъ, приобретенный за деньги, за плату, не подлець... Весьма ложное понятіе о чести, весьма мало дѣльной образованности и почти во всѣхъ преобладаніе глупаго молодечества, которое теперь я назову чисто порочнымъ. Въ одномъ одобряю ихъ: это — тѣсная дружба товарищеская и храненіе приличій того времени».

Офицеры сливались въ одно цѣлое, «какъ скоро рѣчь шла о какомъ-либо дѣлѣ, относящемся до чести полка и мундира или защиты обиженнаго начальствомъ офицера».

Эта особенность была, какъ увидимъ впоследствии, достояніемъ всего корпуса офицеровъ.

Кромѣ названныхъ четырехъ полковъ, офицерскій составъ вообще «представлялъ сборище молодыхъ людей мало образованныхъ и чуждыхъ столичныхъ обществъ. Отъ нихъ требовалось только, чтобы они были исправными фронтовыми офицерами. Не посѣщать общество и не ѣздить ни на какіе балы, — это было непремѣннымъ условіемъ, чтобы понравиться своему корпусному командиру ²⁾. Цесаревичъ ненавидѣлъ всю знать и преслѣдовалъ ихъ въ полкахъ ³⁾.

Многіе офицеры гордились тѣмъ, что кромѣ полковыхъ приказовъ ничего не читали; фронтовая служба ихъ исключительно занимала, и они рѣдко показывались въ обществѣ.

Отчужденіе отъ него вело къ суровости нравовъ, кутежамъ и попойкамъ. День проходилъ среди учений, хожденія по набережной, обѣдъ въ трактирѣ, всегда орошенномъ черезъ край виномъ, въ отправленіи общей ватагой въ театръ, или кутежъ и пьянство ⁴⁾. Молодечество и удалство составляли исключительный характеръ молодежи. «И въ войнѣ

¹⁾ Въ своихъ запискахъ. Изд. 1901 г.

²⁾ Великому князю Константину Павловичу.

³⁾ Жизнеописаніе Ф. Я. Мирковича. Изд. 1889 г., т. I, стр. 19.

⁴⁾ Записки С. Г. Волконскаго, изд. 1901 г., стр. 59.

и мирѣ,—говорить Ѳ. В. Булгаринъ ¹⁾),—мы искали опасностей, чтобы отличиться безстрашіемъ и удалствомъ. Попировать, подраться на сабляхъ, побушевать, гдѣ бы не слѣдовало, это входило въ составъ нашей военной жизни въ мирное время». Ведя вѣчную войну съ рябчиками, т. е. со статскими, военная молодежь не покорялась никакой власти кромѣ полковой и всегда противодѣйствовала городской и земской полиціямъ.

Сами начальники подавали тому примѣръ. Командиръ Измайловскаго полка генералъ Малютинъ отличался своимъ хлѣбосольствомъ, молодечествомъ и удалствомъ. «Этотъ Малютинъ,—говорить Вигель,—былъ добрый малый, гуляка, великій другъ роскоши и всякихъ увеселеній, который имѣлъ особенное искусство придавать щеголеватость даже безобразному тогдашнему военному костюму. Но это въ немъ было не главное: въ фронтовомъ дѣлѣ былъ онъ величайшій мастеръ; за то все ему прощалось, даже страсть его къ щегольству ²⁾).

Тогда было въ модѣ держать собственные катера, и Малютинскій катеръ былъ извѣстенъ всему Петербургу своимъ роскошнымъ убранствомъ и удалыми гребцами, а Измайловскій полкъ—своими пѣсельниками и плясунами.

«Осенью 1806 года,—пишетъ Булгаринъ ³⁾),—въ пять часовъ по полудни отправился я въ Измайловскія казармы. На половинѣ Вознесенскаго проспекта услышалъ я звуки русской пѣсни и музыки. У Измайловскаго моста я нашелъ такія густыя толпы народа, что долженъ былъ слѣзть съ дрожжекъ и пробираться пѣшкомъ. Что же я тутъ увидѣлъ? Возлѣ моста на Фонтанкѣ стоялъ катеръ генерала Малютина. Онъ сидѣлъ въ немъ съ дамами и нѣсколькими мужчинами, а на мосту находились полковые пѣсельники и музыканты и почти все офицеры Измайловскаго полка въ шинеляхъ ⁴⁾ и фуражкахъ съ трубками въ зубахъ ⁵⁾. Хоры пѣсельниковъ, т. е. гребцы и полковой хоръ, то смѣнялись, то пѣли вмѣстѣ, а музыканты играли въ промежутки. Шампанское лилось рѣвкой въ пивные стаканы и громогласное «ура!» раздавалось подѣ открытымъ небомъ».

Въ это самое время императоръ Александръ подѣхалъ на дрожкахъ съ набережной Фонтанки и спросилъ у полицейскаго офицера:

— Что это значитъ?

— Генералъ Малютинъ гулять изволить,—отвѣчалъ спрошенный.

¹⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ, т. II, стр. 135.

²⁾ Записки Вигеля, т. I, 91.

³⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ, т. II, стр. 142—145.

⁴⁾ Тогда не было мундирныхъ сюртуковъ. Прим. Булгарина.

⁵⁾ Тогда на городскихъ улицахъ курить не дозволялось.

Государь приказалъ кучеру повернуть лошадь и поторопился удалиться.

Подобные кутежи продолжались всю ночь до утра и сопровождались разными насиліями надъ мирными жителями. На слѣдующій день приходили въ полки жалобы, и виновные тотчасъ сознавались, что считалось долгомъ чести. На полковыхъ гауптвахтахъ всегда было тѣсно отъ арестованныхъ офицеровъ, особенно въ Стрѣльнѣ, Петергофѣ и Мраморномъ дворцѣ. «Буянство хотя и подвергалось наказанію, но не почиталось порокомъ и не помрачало чести офицера, если не выходило изъ извѣстныхъ условныхъ границъ. Стрѣлялись чрезвычайно рѣдко, только за кровавыя обиды, за дѣла чести; но рубились за всякую мелочь, за что нынѣ и не поморщатся».

Распушенность начальниковъ была весьма заразительна и, по мнѣнію великаго князя Константина Павловича, вела къ упадку дисциплины. Впрочемъ, онъ смотрѣлъ на нее своими особыми глазами. Съ раннихъ лѣтъ великій князь усвоилъ себѣ понятіе, что офицеръ есть не что иное, какъ машина; все, что командиръ приказываетъ своему подчиненному, должно быть исполнено, хотя бы это была жестокость «По его мнѣнію, начальнику должна быть предоставлена полная и неограниченная власть надъ подчиненнымъ: онъ можетъ сдѣлать подчиненнаго своимъ слугою и употреблять его на все и вездѣ».

«Понеже,—сказано было въ высочайшемъ указѣ 4-го іюня 1806 г. ¹⁾,—ничто такъ не наноситъ вреда службѣ, какъ ослабленіе субординаціи, то стражайшимъ образомъ подтверждается, чтобы низшіе къ высшимъ чинамъ имѣли совершенное по службѣ повиновеніе и приказанія ихъ исполняли безпрекословно. Высшіе же, обращаясь съ подчиненными ласково и отдавая справедливость отличающимся исправностью и достохвальнымъ поведеніемъ, не входили бы однако же ни въ какое фамиллярное обхожденіе, но взыскивали должное къ себѣ почтеніе и уваженіе не только при отправленіи службы, но и во всякомъ мѣстѣ и случаѣ».

Спустя два года графъ Аракчеевъ счелъ необходимымъ подтвердить высочайшій указъ, при чемъ ставилъ себя примѣромъ исполненія обязанностей начальника.

«Съ самаго вступленія моего въ званіе военнаго министра,—писалъ онъ ²⁾,—замѣчалъ я, что субординація не наблюдается въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ полной ея силѣ. А какъ извѣстно, что она есть главнѣйшее правило, связующее всѣ части военной службы, то и полагаю

¹⁾ Циркулярный указъ главнымъ начальникамъ. Арх. канцелярія военн. министерс. Связка 8, дѣло № 7.

²⁾ Въ приказѣ отъ 9-го іюня 1808 г. „Русскій Арх.“ 1875 г. т. III, 314.

должною по званію моему обязанностію объявить слѣдующее. Нерѣдко случается, что, особливо въ публичныхъ собраніяхъ, младшіе чиновники не сохраняютъ въ отношеніи старшихъ должнаго уваженія, и даже самой благопристойности, то причину сему отношу я не столько на счетъ младшаго чиновника, какъ къ лицу старшаго, упускающаго изъ виду должное за сіе взысканіе, и черезъ то дающаго совершенный поводъ къ явному ослабленію установленныхъ правилъ военной службы. Въ ономъ мнѣніи удостовѣряюсь я, поставляя собственно себя примѣромъ: ибо никогда не замѣчалъ я, чтобы въ отношеніи меня была нарушена субординація; слѣдовательно, какъ, нынѣ, такъ и впредь увѣрительно заключать должно, что если генераль не будетъ взыскивать за неисполненіе обязанностей младшихъ его чиновниковъ, то таковой докажетъ, что онъ не умѣетъ удержать должнаго къ себѣ уваженія».

Великій князь Константинъ Павловичъ тотчасъ же воспользовался этимъ распоряженіемъ и, будучи генераль-инспекторомъ всей кавалеріи, писалъ въ своемъ приказѣ ¹⁾:

«Господамъ офицерамъ передъ всѣми генералами дѣлать внѣ службы фронтъ, какъ на улицѣ, такъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, исключая, если случится сіе въ комнатахъ, поднявъ лѣвую руку къ шляпѣ, киверу или каскѣ ²⁾, а въ комнатахъ встрѣтятся съ генералами становиться къ онымъ лицомъ; равномѣрно всякому младшему передъ старшимъ штабъ- или оберъ-офицеромъ, не останавливаясь на улицѣ, поднимать лѣвую руку къ шляпѣ, киверу или каскѣ.

«Всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ наубѣдительнѣйше предписываю себѣ вразумить, что какъ въ службѣ, такъ и внѣ оной, во всякомъ обществѣ, въ публичныхъ собраніяхъ, на гуляньяхъ—единымъ словомъ вездѣ, гдѣ двое встрѣтятся, одинъ изъ нихъ есть старѣе и для того младшему передъ старшимъ оказывать военное почтеніе и послушаніе и что мнимаго названія въ одномъ чинѣ (камрадства) товарищества нѣтъ, ибо одинъ выше, а другой ниже въ списокѣ поставленъ.

«Часто мною замѣчено, что г.г. офицеры, имѣя братьевъ или родственниковъ въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ, обходятся съ ними фамильярно въ публикѣ, и какъ оное совсѣмъ противно порядку службы, ибо со стороны чужіе офицеры и унтеръ-офицеры, не зная родства

¹⁾ Въ приказѣ по всей кавалеріи отъ 29-го октября 1808 г., № 16.

²⁾ До 23-го іюня 1808 г., всѣ генералы, штабъ-и оберъ-офицеры при встрѣчѣ съ императоромъ снимали шляпы и каски. Въ этотъ день приказомъ военнаго министра предписано „шляпъ не снимать, а вмѣсто сего, во-первыхъ, останавливаться, и во-вторыхъ, подымать лѣвую руку къ шляпѣ. Равнымъ же образомъ наблюдать сіе штабъ-и оберъ-офицерамъ при встрѣчѣ съ генералами и вообще во время строя ни въ какомъ случаѣ шляпъ не снимать“. См. Военно-учебный арх., Отд. I, д. № 265.

между таковыми, могутъ взять съ того примѣръ, который совсѣмъ противенъ порядку службы и законамъ, устанавливающимъ раздѣленіе чиновъ, то и въ сихъ случаяхъ должно равномерно сохранить чиновочитаніе.

«Находя себя принужденнымъ дать сей приказъ, я буду неослабно взыскивать за несоблюденіе онаго».

Вскорѣ послѣ Тильзита императоръ Александръ предоставилъ Константину Павловичу главное распоряженіе по администраціи и обученію войскъ. Отъ великаго князя зависѣло введеніе и отмѣна во всей арміи какъ фронтowychъ, такъ и хозяйственныхъ порядковъ. Константинъ Павловичъ писалъ строгіе приказы, напоминалъ о дисциплинѣ, но всѣ его старанія не вели къ желаемымъ результатамъ. Причина того лежала въ тогдашнемъ строѣ общества. Офицеры, почти исключительно дворяне и помѣщики, были сибариты, не привыкшіе подчиняться, а напротивъ повелѣвать и пользоваться жизнью. Они переносили въ войска привычки родительскаго дома, своеволие и всѣ особенности помѣщичьяго быта. Командиръ полка или ротный были въ сущности помѣщики своей части, болѣе дисциплинированной и послушной, чѣмъ крестьяне, и, смотря на солдатъ какъ на своихъ крестьянъ, считали себя въ правѣ распоряжаться ими, какъ своею вещью и собственностію. Ходячая нынѣ излюбленная фраза «сѣрая скотина» была тогда больше примѣнима къ солдату, чѣмъ теперь. Солдатъ въ глазахъ тогдашнихъ офицеровъ былъ тотъ же крестьянинъ, надъ которымъ они имѣли власть жизни и смерти. Это понятіе такъ всосалось въ плоть и кровь офицеровъ, что жестокое обращеніе съ солдатомъ не считалось предосудительнымъ, никого не удивляло, не оскорбляло и не вызывало противодѣйствія.

Были люди честные и добрые, готовые придти на помощь ко всякому въ частной жизни, сочувствовавшіе чужому горю, возмущавшіеся при чтеніи романовъ или въ разговорахъ противъ всякой жестокости и въ то же время сурово и безжалостно наказывавшіе солдатъ. П. Пестель, проповѣдывавшій равенство, писавшій Русскую Правду и ратовавшій за республиканскій образъ правленія, былъ необыкновенно жестокъ съ солдатами своего полка. Таково было то время! Плакали надъ жалостливыми романами, сентиментальничали въ жизни и въ то же время слѣдовали поговоркѣ: «моему праву не препятствуй».

Въ общемъ, положеніе солдата было очень тяжелое.— Въ то время по рукамъ ходили вирши подъ заглавіемъ «Жизнь солдатская» въ которыхъ говорилось:

Я отечеству защита,
А спина всегда избита.
Я отечеству ограда,
Въ тычкахъ—пнякахъ вся награда.

Кто солдата больше бьетъ,
И чины тотъ достаетъ,
Тѣмъ старателемъ, хорошъ,
Хоть на черта онъ похожъ,
А коль бить кто не умѣетъ,
Тотъ ничего не разумѣетъ.

Графъ Ланжеронъ, отстаивавшій строгія правила въ обращеніи съ солдатами и считавшій тѣлесныя наказанія необходимыми для поддержанія дисциплины, приводитъ, однако же, съ особымъ раздраженіемъ примѣръ безумной жестокости.—Онъ говоритъ о множествѣ случаевъ, въ которыхъ солдаты умирали подъ ударами палокъ и розогъ.—Многіе офицеры находили въ этихъ истязаніяхъ «особое удовлетвореніе и, какъ бы ради спорта, за чаемъ, велѣли наказывать солдатъ виновныхъ и невинныхъ» ¹⁾.

Вотъ что рассказываетъ М. С. Щепкинъ въ своихъ запискахъ ²⁾.

Въ 1802 году зашелъ онъ палатку къ И. Ф. Б. ³⁾, гдѣ находилось еще нѣсколько офицеровъ, и услышалъ споръ. И. Б. держалъ на 500 руб. пари съ другимъ офицеромъ, что солдатъ его роты Степановъ выдержитъ тысячу палокъ и не упадетъ. «Это меня чрезвычайно поразило, говоритъ Щепкинъ, тѣмъ болѣе, что мы знали И. Б. какъ благороднаго человѣка; но вотъ каково было наше хваленое время: я, признаюсь, старался скрыть мое волненіе, боясь быть уличеннымъ въ слабости».

Послали за солдатомъ, мужчиною вершковъ восьми, широкоплечимъ и костистымъ.

— Степановъ! синенькую и штофъ водки,—сказалъ ему И. Б.,—выдержишь тысячу палокъ?

—Рады стараться, ваше благородіе,—отвѣчалъ онъ.

Щепкинъ обезумѣлъ.

— Какъ же ты, братецъ на это согласился?—спросилъ онъ у проходившаго мимо его Степанова.

— Ахъ! парнюга,—отвѣчалъ онъ,—все равно даромъ дадутъ.

Щепкинъ сообщил объ этомъ полковому командиру, у котораго были гости, и «повѣрите ли,—замѣчаетъ Щепкинъ,—все это принято обществомъ съ хохотомъ, а нѣкоторые даже повторяли: «ахъ, какіе милые шалуны». А другіе отзывались: «каковъ русскій солдатъ!» Только одна А. А. Анненкова замѣтила полковому командиру князю И. Г. В.

— Князь! пожалуйста, хоть для своего рожденія не прикажи; право, жалко, все-таки человѣкъ.

¹⁾ „Русская Мысль“ 1896 г. № 9, стр. 33.

²⁾ Записки и письма М. С. Щепкина, Москва, изд. 1864 г., стр. 149.

³⁾ Полныхъ фамилій авторъ не называетъ.

Князь призвалъ офицеровъ.

— Что вы, шалуны,—сказалъ онъ,—тамъ затѣяли какое-то пари? Ну, вотъ дамы просить оставить это; надѣюсь, что просьба дамъ будетъ уважена.

Такое поведеніе и жестокость офицеровъ осуждались, хотя и довольно робко, военною литературою.

«Еще и понинѣ,—писалъ Трухачевъ¹⁾,—водится въ нѣкоторыхъ полкахъ не жестокость, не тиранство, но что-то на сіе похожее и едва-ли сносное, а болѣе за ученья. Хотя со времени царствованія государя Александра Павловича весьма примѣтнымъ образомъ прекращена жестокость; но все еще остались въ полкахъ слѣды таеъ называемыхъ бравыхъ капитановъ, которые однимъ тиранствомъ заслужили имя бдительнаго и попечительнаго ротнаго начальника; другіе же, чтобы быть на счету таковыхъ же, слѣдовали совсѣмъ противу чувствъ своихъ не похвальному сему примѣру. Продли милосердный Боже благословенно многія лѣта императору; его сердце остановило (?) въ войскахъ тиранство, и солдатъ не страшится (?) уже службы, однако же поколачиваютъ безъ содроганія²⁾».

Поколачиваніе происходило большею частію во время учений, не имѣвшихъ однообразія, а потому не удобо-усваиваемыхъ солдатомъ. Въ то время, по словамъ Э. Я. Мирковича, не придерживались и не руководствовались уставомъ, а были рукописныя тетради, въ родѣ «Эволюціи Коннаго полка». Каждый полкъ имѣлъ свою тетрадь неизвѣстнаго происхожденія или заимствовалъ у другаго, вносилъ свои поправки и измѣненія по своему произволу и по нимъ производилъ муштровку. Такое разнообразіе въ обученія вызвало вмѣшательство военного министерства. 16-го апрѣля 1801 г. генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ объявилъ высочайшее повелѣніе, чтобы до полученія особаго распоряженія полки во всемъ поступали на основаніи устава и прочихъ предписаній, до порядка службы относящихся.

• «Если же бы дошло до свѣдѣнія ихъ, что въ войскахъ, въ Петербургѣ находящихся, и сдѣлана какая-либо перемѣна, то равномерно, чтобы себѣ примѣромъ не ставили, но ожидали бы надлежащаго предписанія³⁾».

Муштровка войскъ доводилась до поэтического восторга. — Войска выводились на ученье задолго до назначеннаго часа. — Измученные долгимъ ожиданіемъ, валившіеся подъ грузомъ ранца, подавленные тяжестью туго надѣтаго кивера, съ колыхающимся отъ вѣтра почти аршин-

¹⁾ Маіоръ Бѣлозерскаго мушкетерскаго полка.

²⁾ „Военный Журналъ“ 1810 г., книга V, стр. 61.

³⁾ Арх. Канцел. воен. минист. Высочайшія повелѣнія, книга № 127

нымъ султаномъ, затянутые «до удавленія» туго застегнутымъ воротникомъ и скрещенными на груди ремнями, солдаты съ напряженнымъ вниманіемъ исполняли команды, требовавшія отъ нихъ бодрости и быстрого исполненія.

— Смотри веселѣя!.. Больше игры въ носкахъ... Прибавь чувства въ икры!..—кричали имъ начальники.

«Бывало,—говорить современникъ ¹⁾),—церемоніальнымъ маршемъ передъ начальникомъ проходишь, такъ всѣ до одной жилки въ тѣлѣ почтеніе ему выражаютъ; а о правильности темпа въ шагѣ, о плавности поворота глазъ направо, налѣво и бодрости вида—и говорить нечего! Идешь это передъ ротомъ, точно одно туловище съ ногами впередъ идетъ, а глаза такъ отъ генерала и не отрываются... А нынче что? Ну, кто нынче ухитрится ногу съ носкомъ въ прямую линію горизонтально такъ вытянуть, что носокъ такъ тебѣ и выражаетъ, что, вотъ-моль, до послѣдней капли крови готовъ за царя и отечество животъ свой положить».

Одиночныя ученья зимою были еще сносны, но съ наступленіемъ весны они производились съ 9 часовъ утра до 2-хъ по полудни, при чемъ за малѣйшую ошибку съ солдатами обращались не только строго, но и жестоко.

Ахъ, прекрасная весна,
Ты пріятна и красна,
Если вольнымъ кто родится.
А солдату ты, весна,
Очень, очень несносна!
Тутъ начнется въ ней ученье
И тиранство и мученье.
О! солдатская спина,
Ты къ несчастью рождена.
    Лучше въ свѣтѣ не родиться,
    Чѣмъ въ солдатахъ находиться,
    Этой жизни хуже нѣтъ,
    Изойди весь бѣлый свѣтъ.

Въ караулъ пойдешь, такъ горе,
А съ караула, такъ и вдвое.
Въ караулѣ намъ мученье,
А какъ смѣнишься,—ученье.
Въ караулѣ жмутъ подтяжки,
На ученьи жди растяжки,
Стой прамѣ, не таянись,
За тычками не гонись.
Оплеухи и пинки
Принимай какъ блинны ²⁾.

¹⁾ «Изъ очерковъ недавней старины». «Русскій Арх.» 1871 г., т. II стр. 1255.

²⁾ Поэма «Жизнь солдатская» (рукопись).

Жестокость въ обращеніи съ солдатомъ была всеѣмъ извѣстна, и правительство неоднократно приходило къ нему на помощь, но безуспѣшно.

«Доходить до свѣдѣнія моего,—писалъ императоръ Александръ всеѣмъ главнымъ начальникамъ ¹⁾,—что во многихъ полкахъ при обученіи солдатъ и рекрутъ экзерциціи, наказываютъ ихъ съ такою строгостію, какую употреблять должно въ случаѣ важныхъ только преступленій. Метода сія, бывъ столь же вредна для службы, сколько противна здравому разсудку, введена, конечно, или отъ непонятія, въ чемъ состоятъ должна воинская строгость, или же отъ природной нѣкоторыхъ наклонности къ жестокостямъ.

«Первое непростительно никакому офицеру, а послѣдняя, обнаруживая дурныя свойства души, уничтожаетъ въ немъ самое достоинство человѣка. Неоспоримо, что строгость въ войскѣ отнюдь ослабляема быть не должна, и взысканіе за проступки дѣлать надлежитъ неупустительно; но съ преступленіями, подвергающими виновнаго строгому наказанію, нельзя смѣшивать погрѣшностей, происходящихъ отъ неумышленности или отъ непривычки еще къ тому, о чемъ погрѣшающій не имѣлъ прежде никакого понятія. Преступленія моральныя, какъ запрещаемыя всеѣми законами: грабежъ, воровство, обманъ и проч., такъ въ особенности нетерпимыя въ службѣ воинской: неповиновеніе командиру, оплошность стоя въ караулѣ, небреженіе ружья своего и аммуниціи, отлучка безъ позволенія, трусость противъ непріятели и т. п., требуютъ неотложнаго взысканія, сужденія по воинскимъ артикуламъ и неизбѣжнаго наказанія; но ошибки въ ружейныхъ приѣмахъ, въ маршированіи, въ словахъ, когда рапортуетъ или является вѣстовымъ, особливо же въ новопринятомъ солдатѣ, требуютъ больше неусыпности офицера и способности къ его поученію, нежели строгости. Она въ семъ случаѣ не только невмѣстна, но вредна для службы и для самыхъ успѣховъ въ доведеніи обучаемыхъ до надлежащаго познанія, ибо, кромѣ того, что черезъ частыя безразсудныя наказанія лишается солдатъ здоровья и крѣпости, толико нужныхъ ему для понесенія трудовъ военныхъ, не согласно съ разумомъ, чтобы онъ, выходя на ученье, имѣлъ въ намѣреніи своемъ ошибаться съ умысла; напротивъ того, ежеминутное ожиданіе палочныхъ ударовъ, а особливо въ человѣкѣ торопливомъ, разстраиваетъ вниманіе его, и при всеѣмъ напряженіи силъ исполнять наилучшимъ образомъ командуемое, ошибается онъ на всякомъ шагу и при всякомъ словѣ.

«Движимъ будучи чувствованіемъ состраданія къ сему толико заслуживающему о себѣ попеченія классу людей и желая, чтобы какъ вышніе,

¹⁾ Отъ 12-го іюня 1804 г. «Русская Старина» т. VI, стр. 283.

такъ и другіе офицеры, при обученіи солдатъ должностямъ ихъ и экзирпциі, давали себѣ больше труда къ вразумленію ихъ въ томъ прилежнымъ и частымъ растолкованіемъ и тѣмъ, а не побоями, гдѣ безъ нихъ обойтись можно, доводя ихъ до совершенной исправности, отличали сами себя успѣхами и пріобрѣтеніемъ похвалы и достойной справедливости. Я рекомендую вамъ возымѣть объ ономъ рачительное попеченіе и сообщить съ сего копіи гг. шефамъ полковъ ввѣренной вамъ инспекціи, на тотъ конецъ, чтобы они не предписаніями и не отдачею въ приказахъ, а внушеніями при случаяхъ приличныхъ ротнымъ (эскадроннымъ) командирамъ и собственнымъ своимъ надзоромъ, старались дать желаемое на сей предметъ вліяніе. Впрочемъ, сіе мое повелѣніе сохранить имъ, какъ и вамъ, въ одномъ своемъ только свѣдѣніи.

Въ 1808 году, графъ Аракчеевъ объявилъ ¹⁾ всему петербургскому горнизону высочайшее повелѣніе, чтобы во время жаровъ не производить никакого ученія, а когда оно бываетъ рано утромъ, то оканчивать не позже 8 часовъ. Аракчеевъ общалъ слѣдить за этимъ и строго взыскивать съ ослушивающихся командировъ.

Наконецъ, въ 1810 году послѣдовало новое распоряженіе военнаго министра Барклая-де-Толли.

«Усматривая изъ всѣхъ вообще полковыхъ рапортовъ непомѣрное число больныхъ нижнихъ чиновъ,—писалъ Барклай ²⁾,—я долгомъ себѣ поставлю обратиться къ вашему превосходительству, чтобы предписать гг. дивизионнымъ командирамъ, при наступающихъ осмотрахъ войскъ во всѣхъ родахъ ученія: цѣльной стрѣльбѣ, исправности оружія и одеждъ, обратить особенное вниманіе на содержаніе солдатъ. По моему мнѣнію, нѣтъ другой причины къ умноженію больныхъ и даже смертности, какъ неумѣренность въ наказаніи, изнуреніе въ ученіяхъ силъ человѣческихъ и непопеченіе о сытной пищѣ. Вашему превосходительству по опыту должно быть извѣстно закоренѣлое въ войскахъ нашихъ обыкновеніе: всю науку, дисциплину и воинскій порядокъ основывать на тѣлесномъ и жестокомъ наказаніи;—были даже примѣры, что офицеры обращались съ солдатами безчеловѣчно, не полагая въ нихъ ни чувствъ, ни разсудка. Хотя съ давняго времени мало-по-малу такое звѣрское обхожденіе перемѣнилось, но и по нынѣ еще часто за малыя ошибки весьма строго наказываютъ, учатъ весьма долго и даже по два раза въ день, что допустить можно только въ наказаніе лѣнивыхъ и непонятныхъ; въ пищу солдатамъ кромѣ хлѣба ничего не доставляютъ; а на лицахъ ихъ не токмо не видно здоровья и жив-

¹⁾ Въ приказѣ отъ 29-го мая 1808 г. Военн.-учен. арх., Отд. I, № 265.

²⁾ Въ циркулярномъ отношеніи отъ 9-го іюня 1810 г. Воен.-ученый арх. Отдѣл. I, дѣло № 277.

ности, но по цвѣту и худобѣ можно назвать цѣлыя роты или баталіоны больными и страдающими.

«Господа дивизионные командиры обязаны употребить усиленные старанія о сбереженіи людей въ полкахъ, чрезъ бдительный надзоръ за обращеніемъ офицеровъ съ нижними чинами. Россійскій солдатъ имѣеть всѣ отличнѣйшія воинскія добродѣтели: храбръ, усерденъ, послушенъ, преданъ и непряхотливъ, слѣдственно, есть много способовъ, не употребляя жестокости, довести его до познанія службы и содержать въ дисциплинѣ.

«Я приказалъ ежемѣсячно представлять мнѣ выписку изъ полковыхъ рапортовъ о числѣ больныхъ, по коей судить буду о способностяхъ и усердіи полковыхъ начальниковъ, ибо за неопровергаемую истину принять можно, что число въ полку больныхъ показываетъ ясно образъ управленія.

«Покорнѣйше прошу ваше превосходительство предписать въ донесеніяхъ объ осмотрѣ войскъ, сверхъ предписаннаго прежними повелѣніями, помѣщать мнѣние дивизионныхъ командировъ о здоровомъ состояніи нижнихъ чиновъ и хорошемъ ихъ содержаніи».

Распоряженія эти остались историческими памятниками благихъ намѣреній императора Александра и его соподвижниковъ, не осуществившихся на дѣлѣ: они остались свидѣтелями того, что за исполненіемъ сдѣланнаго распоряженія необходимо неослабное наблюденіе и обузданіе ослушниковъ, а это было дѣло трудное, когда примѣръ тому подавалъ великій князь Константинъ Павловичъ, стоявшій во главѣ начальниковъ.

Живя постоянно въ Стрѣльнѣ, великій князь цѣлый день и даже ночью муштровалъ свое войско и стрѣлбою по ночамъ не давалъ покоя жителямъ. Смирный инокъ Троицко-Сергіевской пустыни Евгений Болховитиновъ, впоследствии знаменитый митрополитъ кіевскій, жаловался своему пріятелю Македонцу, что Константинъ Павловичъ не даетъ монахамъ спать, открывая по ночамъ около 11 или 12 часовъ пушечную пальбу. «Онъ ужасный охотникъ до пальбы и до экзерциціи», прибавлялъ Евгений ¹⁾).

Желая водворить порядокъ и однообразіе въ строю, великій князь вызывалъ въ Стрѣльну изъ всѣхъ кавалерійскихъ полковъ по одному штабъ и по два оберъ-офицера, для узнанія порядка кавалерійской службы. Онъ производилъ имъ ученя съ ранняго утра и до поздней ночи.

Трепещеть Стрѣльна вся, по всюду ужась, страхъ.

Неужель землетрасенье?

Нѣтъ, нѣтъ! Великій князь ведетъ насъ на ученя.

Будучи чрезвычайно вспыльчивъ, Константинъ Павловичъ былъ рѣзокъ въ обращеніи съ офицерами и солдатами и весьма часто вы-

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1870 г. Т. I, стр. 827.

ходилъ изъ границъ предоставленной ему власти. Гнѣвъ его не зналъ предѣловъ. Онъ самъ потомъ осуждалъ свои поступки и нерѣдко просилъ у оскорбленныхъ прощенія. «Много офицеровъ, полковниковъ и генераловъ были имъ оскорблены на маневрахъ, парадахъ и ученьяхъ, въ особенности на послѣднихъ»¹⁾.

«Однажды,—пишетъ графъ Ланжеронъ въ своихъ запискахъ²⁾,—я видѣлъ, какъ великій князь Константинъ Павловичъ велѣлъ наказать одного прапорщика, Лаптева, 50-ю ударами за неважное упущеніе при разводѣ. Другой случай: не задолго до коронаціи императора Александра I, Николай Олсуфьевъ былъ наказанъ пятнадцатью ударами (сабли) плашмя. На другой день онъ сдѣлался гвардейскимъ офицеромъ, а впослѣдствіи генеральсь-адъютантомъ великаго князя Константина Павловича».

При такомъ обращеніи съ офицерами о солдатахъ и говорить нечего. Но солдатъ съ терпѣніемъ переносилъ самыя жестокія наказанія, проходилъ безъ ропота нѣсколько разъ сквозь строй или какъ тогда называли по «зеленой улицѣ», если назначенное ему наказаніе было справедливо и одинаково для всѣхъ. Онъ покорялся и покорялся безропотно всѣмъ требованіямъ, если они исходили отъ начальника справедливаго, дѣливаго съ нимъ холодъ и голодъ, готоваго положить животь свой за честь русскаго знамени.

— Для милаго дружка и сережку изъ ушка, говорили гусары, когда Кульневъ запретилъ своимъ солдатамъ носить серьги³⁾.

Несмотря на всѣ невзгоды, на всю тяжесть службы, русскій солдатъ удивлялъ Европу. Нѣмецъ Шторхъ, французъ графъ Ланжеронъ и англичанинъ Вильсонъ одинаково восторгались имъ.

Русскій солдатъ—спартанецъ,—говоритъ Ланжеронъ⁴⁾,—онъ «воздержаніемъ въ пищѣ и питъѣ походитъ на испанца, терпѣніемъ на чеха, гордостью на англичанина, мужествомъ—на шведа, предприимчивостью и энтузіазмомъ—на француза или на венгерца. Въ немъ нѣтъ жестокости.—Никогда не слышенъ ропотъ въ средѣ русскихъ солдатъ; во имя Россіи и царя, они всегда готовы на геройскіе подвиги».

«Когда россиянинъ нападаетъ на непріятеля,—писалъ Шторхъ⁵⁾,—то онъ почитаетъ долгомъ своимъ или побѣдить или умереть. Искусный маневръ и предусмотрительное отступленіе вовсе ему не нравятся. Онъ не

¹⁾ Изъ разсказовъ стараго лейбъ-гусара, „Русскій Арх.“ 1887 г. № 10, 196.

²⁾ „Русская Мысль“ 1896 г. № 9, стр. 33 и 34.

³⁾ Изъ очерковъ недавней старины „Русскій Арх.“ 1871 г., т. II, стр. 1264. Въ этихъ очеркахъ читатель найдетъ многія подробности жестокаго обращенія съ солдатами.

⁴⁾ „Русская Мысль“ 1896 г. № 9, стр. 31.

⁵⁾ Въ статьѣ: «Русскій солдатъ» „Улей“ на 1812 г., ч. III, стр. 491—495.

знаеть, что такое отступить, а сильно разумѣть только слово—впередь. Необходимый жаръ, чтобы пробиться побѣдительно, соединенный съ народнымъ духомъ, также особенная довѣренность къ судьбѣ—«чему быть, того не миновать»—поставляютъ пѣхоту російскую на первѣйшей степени въ Европѣ.

«Сперва довѣренность къ народному патрону (заступнику Николаю чудотворцу) ¹⁾ творила все, а нынѣ мѣсто сіе заступило сильное слово и аши, коего могущество производить чудеса. Русскій начинаетъ битву хладнокровно; но лишь только изъ нихъ падеть одинъ, то раздаются тысячи голосовъ: нашихъ бьютъ; они (солдаты) требуютъ дозволенія броситься на непріятеля, отъ чего тогда весьма трудно воздержатъ ихъ... Въ очевидной опасности русскій солдатъ идетъ равнодушно, будучи увѣренъ, что съ нимъ ничего не сдѣлается, если Богъ не допуститъ; онъ вѣритъ, что если время не пришло, то пуля не возьметъ.

«Русскій особенно отличается отъ прочихъ народовъ удивительнымъ терпѣніемъ, перенесеніемъ всего и безъ сомнѣнія онъ крѣпче изъ всѣхъ европейцевъ. Суворовъ, хорошо знавшій сіе свойство, нападалъ на непріятеля тотчасъ послѣ самыхъ тягостныхъ переходовъ, безъ роздыха, а особливо въ Италіи подъ жаркимъ небомъ. И французы всегда обманывались, когда хотѣли утомить русскихъ. Сей солдатъ готовить свой обѣдъ, когда можетъ, не спитъ, когда занятъ службою; напротивъ того на досугѣ радъ спать сутки. Онъ гораздо меньше имѣетъ нуждъ, въ сравненіи съ прочими войсками, и потому во время войны не много стоитъ».

По словамъ графа Ланжерона, русскіе солдаты какъ нельзя болѣе скромны въ пищѣ и могутъ обойтись безъ говядины и водки. Онъ восхищается безусловнымъ послушаніемъ русскаго солдата.

То же или почти то же писалъ и англичанинъ Вильсонъ²⁾: «Русскій солдатъ,—говоритъ онъ,—привыченъ ко всѣмъ перемѣнамъ погоды и нуждамъ, къ самой худой и скудной пищѣ, къ походамъ днемъ и ночью, къ труднымъ работамъ и тягостямъ. Солдаты упорно храбры и удобно возбуждаются къ славнымъ подвигамъ, преданы своему государю, начальнику и отечеству, набожны, но не омрачены суевѣріемъ, терпѣливы и сговорчивы. Природа одарила ихъ самыми лучшими существенными способностями для военныхъ дѣйствій; штыкъ есть истинное оружіе русскихъ; храбрость ихъ безпримѣрна».

Извѣстны слова Фридриха II-го, сказавшаго, что «убить русскихъ солдатъ легче, чѣмъ побѣдить ихъ».

¹⁾ Такъ думалъ нѣмецъ Шторхъ.

²⁾ Выписка изъ книги: „Краткія замѣчанія о составѣ русскихъ войскъ“ и проч. С.-Петербургъ, издан. 1812 г.

Въ такомъ положеніи были живыя боевыя силы Россіи, когда въ половинѣ 1810 года сильно запахло войною. Всѣ встрепенулись, стали оглядываться назадъ и въ ожиданіи гостя, хотя и не желаннаго, готовились встрѣтить его достойнымъ образомъ

Назначенный въ маѣ 1810 года управляющимъ квартирмейстерскою частью князь П. М. Волконскій употреблялъ всѣ усилія къ улучшенію устройства этой части и привлекалъ на службу хорошо подготовленныхъ и образованныхъ офицеровъ. Князь всѣми средствами поощрялъ поступленіе въ колонновожатые молодыхъ людей, обладавшихъ основательными свѣдѣніями въ математическихъ наукахъ, въ чемъ ему много помогало основанное въ Москвѣ Н. Н. Муравьевымъ «Общество математиковъ».

Въ высочайше утвержденномъ уставѣ Общества ¹⁾ говорилось, что члены его, будучи убѣждены въ необходимомъ содѣйствіи математическихъ наукъ познанію, во многихъ частяхъ споспѣшествующихъ государственному благу, при томъ возбуждаемые истинною и чистѣйшею любовію къ Отечеству, постановили себѣ непреложнымъ правиломъ возможно стараться о распространеніи математическихъ наукъ между своими соотечественниками. «Но какъ изъ прикладныхъ частей математики вообще самыя полезныя суть механика и военное искусство, то наипаче на нихъ Общество обратило свое вниманіе и устремило всѣ труды къ приготовленію молодыхъ людей особенно въ военную службу».

Принявъ званіе почетнаго члена математическаго общества и познакомившись съ его президентомъ Н. Н. Муравьевымъ, князь Волконскій нашелъ въ немъ полезнаго сотрудника, который частными средствами и своими обширными знаніями содѣйствовалъ къ возвышенію и усовершенствованію квартирмейстерской части, одной изъ важнѣйшихъ отраслей военной службы.

Съ своей стороны великій князь Константинъ Павловичъ, очарованный военнымъ гениемъ Наполеона и подъ его вліяніемъ, перемѣнилъ свой взглядъ на военное дѣло, и въ іюлѣ 1810 года, приказалъ напечатать у себя въ Стрѣльнѣ и разослать войскамъ переводъ «Наставленія въ день сраженія его императорско-королевскаго величества Наполеона I». Въ немъ говорилось о сбереженіи людей отъ утомленія передъ сраженіемъ, «ибо свѣжія войска способнѣе къ дѣлу, нежели обремененныя усталостью», указывалось на то, что войска должны въ точности знать, что отъ нихъ требуютъ, и чтобы всякій зналъ, что ему дѣлать. Отъ начальниковъ требовалось, чтобы они ясно, но кратко излагали обязанности каждаго подчиненнаго имъ лица, не

¹⁾ Полное Собр. Законовъ, т. XXXI № 24614.

увеличивая и не уменьшая трудностей, равномерно не оказывая къ неприятелю ни страха, ни презрѣнія... «Итакъ начальники не должны скрывать отъ подчиненныхъ трудности, которыя имъ преодолѣть, и усилія, которыя вынести надобно будетъ, давъ на замѣчанія, что во всякомъ случаѣ успѣхъ зависѣть будетъ отъ тишины, порядка и послушанія во время дѣла и особенно отъ твердости духа и храбрости, которыя по мѣрѣ неприятельскаго стремленія увеличиваться должны...

«Какъ бы главный начальникъ ни былъ дѣятеленъ,—говорилось далѣе въ «Наставленіи»,—ему невозможно видѣть всего войска и быть вездѣ, слѣдовательно остается частнымъ начальникамъ дѣйствовать по обстоятельствамъ каждому, стараясь одержать побѣду, но не отходя отъ даннаго начальствующимъ плана, который долженъ быть основаніемъ всѣхъ частныхъ дѣйствій».

Наставленіе это перечитывалось и изучалось въ войскахъ. Готовясь къ предстоящимъ военнымъ дѣйствіямъ, нѣкоторые офицеры стали читать военныя сочиненія и изучали кампаніи преимущественно самого Наполеона. Еще лѣтомъ 1809 года въ Измайловскомъ полку образовалось общество офицеровъ, занимавшихся военными науками.

«Мы,—пишетъ М. М. Муромцевъ ¹⁾,—собирались у нашего поручика Михаила Александровича Фонвизина ²⁾. Тутъ бывали Дибичъ, Березинъ, графъ Дамасъ, Спиридовъ ³⁾ и многіе, которыхъ не упомяну. Читали «Commentaires de César», Семилѣтнюю войну Фоларда и Вобана. Всѣ чувствовали, что война будетъ неизбежно, а потому множество офицеровъ стало заниматься военными науками.... Кругъ нашъ прибавился А. А. Вельяминовымъ и П. А. Рахмановымъ, людьми замѣчательными. Они издавали «Военный журналъ». Этому обществу я много обязанъ тѣмъ малымъ образованіемъ, какое приобрѣлъ. Тактика вошла теперь въ моду.

Подполковникъ Хатовъ издалъ «Опытъ общей тактики». Барклай-де-Толли писалъ по этому поводу въ приказѣ по войскамъ: «Весьма пріятно видѣть, когда офицеръ, съ отличнымъ рвеніемъ и исправностію исполняя долгъ службы своей, занимается сверхъ того въ свободные часы военными науками, столь необходимыми для своей и общей пользы. Сочиненіе свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части подполковника Хатова: «Опытъ общей тактики» много приносить чести его усердію и военнымъ познаніямъ. Выхваляя по достоинству его трудъ, свидѣтельствую ему должную благодарность въ

¹⁾ Воспоминанія М. М. Муромцева. „Русскій Арх.“ 1890 г. № 1, стр. 70 и 71.

²⁾ Впослѣдствіи декабристъ.

³⁾ Впослѣдствіи декабристъ.

примѣръ всѣмъ господамъ офицерамъ, кои отъ правительства или домашнее получили хорошее воспитаніе и образованіе въ наукахъ» ¹⁾).

Приказъ этотъ оказалъ благодѣтельное вліяніе на офицеровъ. Мы,—говоритъ М. М. Муромцевъ ²⁾),—начали по утрамъ опять сѣзжаться у Фонвизина и заниматься военными науками. Дибичъ (впослѣдствіи фельд-маршалъ) читалъ намъ Семилѣтнюю войну. Въ это же время Д. Давыдовъ написалъ:

Жомини да Жомини, а о водкѣ ни полслова.

Императоръ Александръ I былъ съ офицерами очень внимателенъ и милостивъ, «а великій князь Константинъ не смѣлъ дѣлать тѣхъ непріятностей, какъ прежде. 1811 годъ смягчалъ сердце начальства: офицеровъ берегли». Никогда государь не занимался своею гвардіею такъ много, какъ въ 1811 году: присутствовалъ ежедневно въ дворцовомъ манежѣ на разводѣ, а каждое воскресенье производился такъ называемый кейзеръ-парадъ ³⁾).

Неизбѣжность войны была ясна для Александра I, для большей части русскаго общества и для угнетенной Европы. Тамъ, всѣ стремились къ тому, чтобы свергнуть ненавистное имъ иго Наполеона, а въ Россіи возбудить національное единство противъ злаго генія войны, исполина, передъ однимъ именемъ котораго все трепетало ⁴⁾). Въ этомъ направленіи дѣйствовали и обѣ императрицы.

На одномъ изъ обѣдовъ во дворцѣ, Коленкуръ сказалъ, что пріятнѣе было бы сѣздать въ Парижъ, чѣмъ въ Сибирь.

— А я лучше поѣду въ Сибирь, чѣмъ въ Парижъ,—отвѣчала императрица Елисавета Алексѣевна, обращаясь къ Н. С. Мордвинову ⁵⁾).

Всѣ, кто только имѣлъ случай, высказывали полную ненависть къ Наполеону. Извѣстная г-жа Сталь, ненавидѣвшая императора Франціи, во время обѣда у графа Румянцева замѣтила великолѣпный форфоровый сервизъ, присланный Наполеономъ въ подарокъ графу. Посмотрѣвъ на поставленную ей тарелку, она увидѣла на ней изображеніе ястреба необыкновенной породы. Это было изображеніе такъ называемаго королевскаго ястреба, или, какъ было сказано въ надписи: «царя ястребовъ». Обратившись къ хозяину, Сталь сказала ему: «это царь ястребовъ, а вы получили его въ подарокъ отъ ястреба царей» ⁶⁾).

¹⁾ Приказъ военнаго министра 26-го января 1811 г. Воен.-учен. арх. отд. I, д. № 282.

²⁾ „Русскій Арх.“ 1890 г., № 1, стр. 80 и 81.

³⁾ О. Л. Мирковичъ. Его жизнеописаніе, т. I, изд. 1889 г., стр. 24.

⁴⁾ Изъ воспоминаній графа Ротшиуара „Рус. Арх.“ 1890 г. № 4, стр. 484.

⁵⁾ Воспоминанія графини Мордвиновой, изд. 1873 г., стр. 51.

⁶⁾ „Маякъ“ 1842 г., т. I, стр. 59.

Этотъ послѣдній все болѣе и болѣе омрачалъ политическій горизонтъ, а въ небесномъ пространствѣ являлись знаменія, по вѣрованію народа, не предвѣщавшія ничего хорошаго.

9-го марта 1811 года жители г. Богоруслана видѣли на небѣ три свѣтлыя линіи, сближавшіяся другъ къ другу и образовавшія нѣчто въ родѣ колчана со стрѣлами и потомъ исчезнувшія ¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ явилась на горизонтѣ великолѣпная комета краснаго цвѣта съ длиннымъ хвостомъ, видимая въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Она была очень замѣчательна по своей величинѣ и блеску. Комета имѣла большое ядро, хвостъ очень густой и свѣтлый; когда не было луны, то отъ кометы освѣщалась часть неба ²⁾. Подобной кометы, — говоритъ Вигель ³⁾,— «я во всю жизнь мою не видывалъ ни прежде, ни послѣ. Все лѣто вплоть до осени, горѣла она на нашемъ небѣ и освѣщала мои вечернія и ночныя прогулки». Комета была такъ ярка, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ее можно было видѣть невооруженнымъ глазомъ. По вечерамъ на набережныхъ и бульварахъ Петербурга толпы гуляющихъ любовались ея длиннымъ хвостомъ, горѣвшимъ на голубомъ небѣ ⁴⁾. Жители Москвы, наоборотъ, предавались тревожнымъ опасеніямъ и ожидали для себя неминуемыхъ бѣдствій. Въ Тулѣ совершенно сгорѣлъ большой оружейный заводъ; послѣдовавшія вслѣдъ за тѣмъ пожары во многихъ городахъ, селахъ и горящіе лѣса давали поводъ къ разнаго рода предсказаніямъ и толкамъ. «Хотя мы,—говоритъ М. П. Третьяковъ ⁵⁾,—знали по слухамъ, что между Россією и Францією возникли тогда важныя несогласія и что обѣ державы вооружаются и увеличиваютъ ратныя силы, однако, надѣялись, что властелинъ Франціи, Наполеонъ, не осмѣлится напасть на Россію въ собственныхъ ея предѣлахъ».

А если бы и напалъ, то «народъ,—писалъ С. Н. Глинка ⁶⁾,—помнящій древніе нравы и славу предковъ; народъ, отличный отъ другихъ нарѣчіемъ своимъ и обычаями, безпредѣльно преданный государю и начальникамъ; наконецъ, твердый и непоколебимый въ вѣрѣ—сей народъ, одушевляясь вѣрою, прославится подвигами неслыханными. Вѣра все замѣнитъ; и можетъ ли быть что-нибудь сильнѣе мысли, что смерть на полѣ сраженія есть начало жизни безсмертной и блаженной! Вѣра пре-

¹⁾ Рапортъ оренбургскаго военнаго губернатора министру внутр. дѣлъ 3-го мая 1811 г., Арх. мин. внутр. дѣлъ департ. полиціи, дѣло № 136.

²⁾ Калейдоскопъ воспоминаній.—„Русскій Арх.“, 1872 г., т. II, 2270.

³⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ. Ч. III, стр. 172.

⁴⁾ Воспоминанія А. П. Бутенева. „Русск. Арх.“ 1881 г., кн. III, стр. 58.

⁵⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русская Старина“ 1892 г., № 8, стр. 307.

⁶⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1811 г. № 1, ч. 13, стр. 79.

восходи́те мнѣнія о чести, которое не удовлетворяетъ ни сердца, ни души».

Вѣра въ неизбежность и стойкость русскаго народа, С. Н. Глинка сравнивалъ его съ галлами (французами).

«Галлы,—писалъ онъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»,—управляемые римлянами, смѣшались съ ними. Римскіе законы и нарѣчія почти повсѣмѣстно водворились; нравы римлянъ часть отъ часу болѣе вкоренялись. Явились римскія бани, конскія ристалища, сраженія бойцовъ или гладиаторовъ. Словомъ, въ началѣ пятаго столѣтія едва-ли галлы были въ галлахъ».

«То ли видимъ во время владычества татаръ надъ Россіей. Въ какомъ изъ нашихъ городовъ возникли нравы татаръ? Гдѣ учредились ихъ обычаи, празднества, обряды, вѣра и проч.? Гдѣ узаконенія ихъ истребили коренное русское право? Наконецъ, гдѣ русскіе не были русскими? Тщетно Батый и наслѣдники его стремились истребить Россію въ Россіи. Князья, бояре, граждане, люди всѣхъ сословій, противоборствуя угрозамъ, мученіямъ, въ примѣръ грядущихъ столѣтій, жили и умирали русскими.

«Непоколебимо храня любовь къ вѣрѣ, отечеству и Богу, они текли подъ знаменами Д о н с к и х ъ и прочихъ героевъ своихъ къ низложенію татарскихъ племенъ; не унывали отъ неудачъ, зная и чувствуя, что постоянство и твердость духа все преодолеваютъ. Наконецъ, достигли цѣли своей: счастье покорилось ихъ усиліямъ, усиліямъ твердымъ, постепеннымъ; потряслось владычество царей ордынскихъ.—Орды пали передъ торжествующей Россіей... Русскіе остались русскими».

Съ приближеніемъ отечественной войны появились въ печати патриотическіе стихи, основывались новыя періодическія изданія, съ патриотическою цѣлію. Правительство поощряло то и другое, и когда при появленіи «Сына Отечества» императоръ Александръ узналъ о недостаточности состоянія издателя его, Н. Греча, то приказалъ выдать ему тысячу рублей ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, оберегая общество отъ возможныхъ со стороны Наполеона интригъ и происковъ, Комитетъ министровъ положилъ ²⁾, чтобы въ настоящихъ обстоятельствахъ, издатели всѣхъ періодическихъ сочиненій въ государствѣ, въ коихъ помѣщаются политическія статьи, почерпали изъ иностранныхъ газетъ такія только извѣстія, которыя до Россіи вовсе не касаются, а имѣющія нѣкоторую связь съ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ, заимствовали единственно изъ

¹⁾ Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи. Изд. 1862 г., стр. 19.

²⁾ Письмо графа Алексѣя Разумовскаго С. С. Уварову 20-го апрѣля 1812 г. № 1568, Арх. С.-Петербур. универс., дѣла попечителя № 117.

С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», издаваемыхъ подъ ближайшимъ надзоромъ».

При этомъ необходимо припомнить, что въ то время существовало двѣ литературы: одна печатная, болѣе обширная и другая рукописная—менѣе обширная, но зато болѣе ядовитая. По рукамъ ходило множество стиховъ, акростиховъ, эпиграммъ и разныхъ листовъ, направленныхъ противъ Наполеона и современныхъ политическихъ событій.— Въ числѣ ихъ были, между прочимъ и «Скрижали Наполеона».

I. Народы Европы! Азъ есмь единый вашъ царь и властелинъ, да не будутъ вамъ иные цари.

II. Не творите себѣ другихъ владыкъ, ни всякаго подобія онымъ. Хочу, да ни въ какой странѣ не будетъ инаго повелителя, кромѣ меня; поклоняйтесь и служите мнѣ единому.

III. Однако же не приѣмлите имени моего всуе, но произносите его всегда съ ужасомъ и трепетомъ.

IV. Помните мою конскрипцію! Бсякій годъ изъ семи юношей—шесть должны поступать подъ мои знамена, а седьмой будетъ мнѣ работати и давати дани, яко Кесарю.

V. Оставляйте дѣти отцовъ и матерей вашихъ, идите на войну.— Тамъ благо вамъ будетъ, хотя вы и не долготѣни будете на землѣ.

VI. Изъ подъ знаменъ моихъ никто не уйди.

VII. Отнюдь не ропщите, сіе бо противно волѣ моей, и кто разверзеть уста, того я лютой смерти предамъ.

VIII. Не укради только у меня, ибо я самъ стяжалъ отъ другихъ все, что имѣю.

IX. Не послушайте на меня свидѣтельствъ ни истинныхъ, ни ложныхъ; а другихъ царей безславьте и поносите елико возможно.

X. Если не сотворите моихъ заповѣдей, то я не пожалѣю ни женъ, ни домовъ вашихъ, ни селъ, ни рабовъ, ни рабынь; пойму вашихъ воловъ, куръ, ословъ и свиней и все, елико имате.

«Въ сихъ десяти заповѣдяхъ содержатся главныя правила поступковъ новаго Макиавеля—завоевателя.—Съ перваго взгляда онѣ кажутся смѣшны, но Наполеонъ доказалъ ихъ основательность своимъ поведениемъ.—Его прокламація къ солдатамъ, декреты и другія публичныя бумаги содержать сіи заповѣди только въ другихъ словахъ».

Въ отвѣтъ на «Скрижали» явился листокъ подъ заглавіемъ «Символъ политической вѣры русскаго»:

I. Вѣрую во единого государя Александра I, кроткаго и человеколюбиваго царя земли русской и всея сѣверныя страны.

II. Исповѣдую священные уставы мудростью великихъ князей, православныхъ царей, императоровъ утвержденные и никогда не признаю

законовъ чуждыхъ, не преклоню колѣно предъ владыкою чужеземныхъ или пришлецовъ.

III. Вѣрую во единое Отечество, охранявшее благоденствіе нашихъ предковъ и нынѣ охраняющее насъ самихъ. Исповѣдую, что его польза единосушна съ моею собственною.

IV. Вѣрую, что благотворное правительство избавитъ насъ отъ злыхъ рукъ Наполеона, рожденнаго въ Корсикѣ, отъ невѣрной жены Летици, проницательствомъ достигнувшаго престола, поработившаго Францію, Италію и Германію.—Наконецъ, въ восьмое лѣто своего лютаго царствованія пришедшаго на сѣверъ съ своими клевретами и крамольниками, для поработенія или ограбленія земли русской.

V. Но я вѣрую, что онъ пострадаетъ отъ рукъ нашихъ воиновъ.

VI. И не превознесется (онъ) по описаніямъ живыхъ его рабовъ и наемниковъ.

VII. И не сядетъ одесную отца-отечества царя русскаго.

VIII. И паки не придетъ къ намъ со славою творити живыхъ мертвыми и царствію его скоро будетъ конецъ.

IX. Чаю возстановленія престоловъ, низверженныхъ хищною его рукою.

X. И будущаго благоденствія разоренныхъ имъ народовъ.

Такіе листки читались съ увлеченіемъ и жадностью, переписывались въ разные сборники и усиливали нерасположеніе къ Наполеону, котораго справедливо считали виновникомъ всѣхъ невзгодъ.

Всѣ желали выдти изъ того тяжелаго положенія, въ которое были поставлены совершеннымъ прекращеніемъ торговли, упадкомъ курса, дороговизною первыхъ потребностей жизни и усиленными чрезвычайными налогами. «Тяжкое время пережили мы отъ Тильзитскаго мира до разрыва 1812 года,—говоритъ Н. И. Гречъ ¹⁾. Россія не была покорена врагомъ, не повиновалась ему формально, но и союзъ съ властолюбивымъ завоевателемъ былъ уже нѣкотораго рода поработеніемъ.—Земля наша была свободна, но отяжелѣлъ воздухъ; мы ходили на волю, но не могли дышать».—Ненависть къ французамъ возростала по часамъ. Няни рассказывали, что они нехристи, питаются лошадинымъ мясомъ и даже пожираютъ маленькихъ дѣтей ²⁾, а простой народъ еще не забылъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ церквахъ проповѣдывалось, что Наполеонъ антихристъ. Для всѣхъ сословій онъ являлся какимъ-то чудовищемъ, подвиги котораго были собраны въ такъ называемомъ его Титулѣ.

«Мы, Наполеонъ Великій, Божіимъ гнѣвомъ и кровію вѣнчанный,

¹⁾ Въ своихъ запискахъ. Изд. 1836 г., стр. 224.

²⁾ Воспоминанія Ю. К. Арнольди, „Русскій Арх.“, 1891, № 7, 326.

императоръ французовъ, кавалеръ ордена Большаго Чернаго, у Пруссій похищеннаго орла, военачальникъ многочисленной адской ватаги, разбойникъ, вѣроотступникъ египетскій, похититель престоловъ: Неаполя и Испаніи; палачъ Италіи, золотожадная пѣвица Голландіи, великій разрушитель польскій, переторжчикъ владѣній Саксоніи, Баваріи и Вюртемберга, гнусный бездѣльникъ, мальтійскій разбойникъ, атаманъ черной парижской шайки, грабитель галлерей въ Дрезденѣ, тать сокровищъ гессенъ-кассельскихъ, королевско-княжескій воръ лошадей въ Берлинѣ, мошенникъ саксонскій, живодеръ тѣла Фридриха Великаго въ Потсдамѣ, ненасытный волкъ въ Германіи, измѣнникъ и клятвопреступникъ противъ Россіи, братъ Плутуса и начальникъ всего дьявольскаго рыцарства въ преисподней и проч. и проч.».

Ненависть къ Наполеону естественно переносилась и на его посланника Коленкура. Онъ видѣлъ это и всѣми средствами старался, участливостью и предупредительностью, сгладить непріязненные къ нему чувства. Тѣмъ не менѣе «многіе изъ насъ,—говоритъ С. Г. Волконскій ¹⁾,—прекратили посѣщенія въ тѣ дома, куда онъ былъ вхожъ. На зовъ его на балъ мы не ѣздили, хотя насъ сажали за это подъ арестъ и между прочими нашими выходками негодованія было слѣдующее:

«Мы знали, что въ угловой гостиной занимаемаго имъ дома былъ поставленъ портретъ Наполеона, а подъ нимъ какъ бы тронное кресло, а другой мебели не было, что мы почли обидой народности. Что же мы сдѣлали? Зимней порой, въ темную ночь, нѣсколько изъ насъ, сѣвъ въ пошевни, поѣхали по Дворцовой набережной, взявъ съ собою удобометательные камни, и, поровнявшись съ этой комнатою, пустили въ окна эти метательныя вещества.

«Зеркальныя стекла были повреждены, а мы, какъ говорится французами, *folette cachet* ²⁾. На другой день жалоба, розыски; но донинѣ врядъ ли кто знаетъ и то по моему разсказу—кто былъ въ санкахъ и я въ томъ числѣ».

Военная молодежь горѣла нетерпѣніемъ отомстить французамъ за неудачи, испытанныя въ предыдущихъ кампаніяхъ. Это желаніе было столь сильно, что въ немъ офицеры полагали единственно свой гражданскій долгъ. Побѣды въ Финляндіи и Турціи не ослабляли чувства мщенія къ французамъ и ненависти къ Наполеону. Литература воспѣвала подвиги предковъ, а С. Н. Глинка печаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» разсужденія о военномъ искусствѣ, и въ этотъ періодъ времени его литературный журналъ обратился въ военный, отмѣчавшій всякую особенность прежнихъ патріотическихъ событій въ Россіи.

¹⁾ Въ своихъ запискахъ. Изд. 1901 г., стр. 61 и 62.

²⁾ А насъ и слѣдъ простылъ.

Подобно тому, какъ въ 1807 году и теперь въ театрахъ Петербурга и Москвы давались патриотическія пьесы, среди которыхъ трагедія Озерова «Дмитрій Донской», какъ наиболѣе подходившая къ современнымъ событіямъ, вызывала особый восторгъ и энтузіазмъ. Трагедія эта читалась и перечитывалась, и многіе знали подходящіе стихи наизусть.

Вспоминая о Наполеонѣ, какъ похитителѣ престоловъ, кто могъ равнодушно слушать слѣдующія слова:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнуть, наконецъ, насильствія яремъ!
Доколь было намъ въ отечествѣ своемъ
Терпѣть татаровъ власть и въ униженной долѣ
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?..
Ахъ! лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы... ¹⁾

Рѣчь эта покрывалась рукоплесканіями, подобными грому, и театръ трещалъ отъ нихъ. Но особенный восторгъ вызывали стихи:

Вы видѣли, князья, татарскую гордыню
Россіи миру нѣтъ, доколь ее въ пустыню
Свирѣпостью своей враги не превратятъ,
Иль къ рабству пріучивъ, сердце не развратятъ,
И не введутъ межъ насъ свои влчестны нравы.
Отъ нашей храбрости намъ должно ждать управы;
Въ крови враговъ омытъ прошедшихъ лѣтъ позоръ,
И начертать мечемъ свободы договоръ.
Тогда по истинѣ достойными отцами
Мы будемъ Россіянь, освобожденныхъ нами... ²⁾
Постыдно будетъ намъ отъ боя уклоняться,
Когда священный долгъ и честь велятъ сражаться... ³⁾
Но первый сердца долгъ къ Тебѣ, Царю Царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей:
Прославь, и утверди, и возвеличь Россію!
Какъ прахъ земной, сотри враговъ влчливу выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Ляжки вѣдайте: великъ Россійскій Богъ! ⁴⁾

Современники, перенесшіе, за послѣднее время, много тревогъ, опасеній и лишеній, не могли не восторгаться такими рѣчами и примѣняли ихъ къ текущимъ событіямъ. Во всѣхъ слояхъ общества, «въ позолоченныхъ ли салонахъ высшаго круга, въ отличающихся ли простотою казарменныхъ помѣщеніяхъ, въ тихой ли бесѣдѣ дружеской, въ разгуль-

¹⁾ Сочиненія Озерова, изд. 1828 г., ч. II, стр. 3, 7 и 8.

²⁾ Тамъ же, стр. 13.

³⁾ Тамъ же, стр. 54.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 85.

номъ ли обѣдѣ или вечеринкѣ,—одно, одно только высказывалось: желаніе борьбы, надежда на успѣхъ, на возрожденіе отечественнаго достоинства и славы имени русскаго. Въ домашнемъ кругу отцы благословляли дѣтей своихъ, жены—мужей, любовницы—милыхъ ихъ сердцу на дѣло святое, близкое каждому русскому» ¹⁾.

Были конечно и такіе, которые, помня наши неудачи въ предыдущихъ кампаніяхъ и преклоняясь передъ военнымъ гениемъ Наполеона, говорили, что затѣваемая борьба будетъ намъ не по силамъ, но ихъ было очень мало и ихъ считали трусами. Никто ихъ не оспаривалъ, но выражалъ презрѣніе къ ихъ словамъ и поступкамъ. «Общество чувствовало опасности,—говоритъ Н. И. Гречъ²⁾,—но возвышенное ощущеніе благодарнѣйшихъ движеній любви къ государю и отечеству волновало всѣ сердца. Но это не былъ страхъ. Мы отнюдь не ужаснулись нашествія Наполеонова; ни мало имъ не изумились. Оно давно уже было предвидѣно, предсказано и ожидалось со дня на день. Особы, посвященные въ тайны кабинетовъ, утверждали, что, вѣроятно, все кончится миролюбиво, что нѣтъ никакихъ ясныхъ примѣтъ скорого начатія войны. Но публика судила и видѣла иначе, видѣла правду, которой до времени нельзя было возгласить во всеуслышаніе».

Въ общемъ, вся Россія какъ одинъ человекъ желала войны, ненавидѣла Наполеона и радовалась его неудачамъ въ Испаніи. Вѣсти о возникшихъ несогласіяхъ и близости борьбы жадно ловились публикою и были встрѣчаемы съ такимъ же восторгомъ, какъ извѣстія объ одержанной нами побѣдѣ надъ турками. Въ устахъ cadaго было ненавистное имя Наполеона; въ обществѣ только о немъ и говорили. «Но онъ въ безуміи своемъ самолюбіи,—писалъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ,—не хочетъ признать за истину, что неудовольствіе его есть похвала, немилость—награда, гнѣвъ—слава, а печатная брань—грамота на безсмертіе». Наполеону приписывали всѣ невзгоды: говорили, что онъ, при помощи своихъ сторонниковъ—французовъ, жившихъ въ Россіи, поджигаетъ наши города, распространяетъ фальшивыя ассигнаціи и проч. Какъ же не отомстить ему? Порывъ національной гордости и чести высказывался при всякомъ случаѣ словомъ и дѣломъ. Молодежь спѣшила въ ряды войскъ, а удалившіеся изъ военной службы поступали опять въ нее, не обращая вниманія на то, что, за время ихъ отставки, бывшіе ихъ подчиненные становились начальниками.

«Наполеонъ,—писалъ Ѳ. Н. Глинка ³⁾,—разгромивъ большую часть Европы, стоитъ, какъ туча, и хмурится надъ Нѣманомъ. Онъ подобенъ бурной рѣкѣ, надменной тысячею похищенныхъ источниковъ; грудь рус-

¹⁾ Записки С. Г. Волконскаго, изд. 1901 г., стр. 149.

²⁾ Въ своихъ запискахъ. Изд. 1886 г., стр. 223.

³⁾ Письма русскаго офицера. Москва, изд. 1870 г., стр. 4.

ская есть плоти и а, удерживающая его стремленіе,—прорвется—и наводненіе будетъ неслыханное! О, другъ мой! ужели бѣдствія нашествій повторятся въ дни наши?.. Ужели покореніе? Нѣтъ, русскіе не выдадутъ земли своей! Если недостаетъ воиновъ, то всякъ изъ насъ будетъ одною рукою водить соху, а другою сражаться за Отечество!»

Патріотическое настроеніе достигло до высшаго предѣла; каждый считалъ своимъ долгомъ пожертвовать своимъ достояніемъ и собою для блага и счастья Россіи. Ненависть къ французамъ и нерасположеніе ко всѣмъ иностранцамъ были всеобщія и высказывались при каждомъ удобномъ случаѣ.

— Для васъ Россія мундиръ вашъ,—сказалъ однажды графъ Остерманъ иностранцу маркизу Паулуччи: вы его надѣли и снимете, когда хотите, а для меня Россія—кожа моя.

Съ такими патріотическими задатками можно было спокойно смотрѣть на будущее и ожидать великихъ событій.

— У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какъ ваши,—говорилъ императоръ Александръ Коленкуру въ прощальной аудіенціи; я самъ не такой полководецъ и администраторъ, какъ Наполеонъ, но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступать съ нами, какъ съ голландцами и гамбургцами. Но увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ, и самъ его не перейду; будьте увѣрены, что я не объявлю вамъ войны; я не хочу войны; мой народъ, хотя и оскорбленъ отношеніями ко мнѣ вашего императора, но такъ же, какъ и я, не желаетъ войны, потому, что онъ знакомъ съ ея опасностями. Но если на него нападутъ, то онъ сьумѣетъ постоять за себя¹⁾.

«Въ 1811 году,—писалъ Н. М. Карамзинъ въ посвященіи своей исторіи императору Александру,—въ счастливейшія минуты моей жизни, читалъ я вамъ, государь, нѣкоторыя главы моей исторіи объ ужасахъ Батыева нашествія, о подвигѣ героя Димитрія Донскаго въ то время, когда густая туча бѣдствій висѣла надъ Европой, угрожая и любезному отечеству нашему. Вы слушали съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно минувшее съ настоящимъ и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славнѣйшія».

Александръ твердо вѣрилъ въ патріотизмъ и въ предстоящую стойкость русскаго народа, но его беспокоило положеніе западныхъ нашихъ губерній, недавно присоединенныхъ отъ Польши.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Шильдеръ, т. III, стр. 26. Богдановичъ, т. III, 116.

Воспоминанія К. С. Веселовскаго.

Время президентства графа Д. Н. Блудова въ Академіи Наукъ
1855—1864 ¹⁾.

„Воспоминаніе, двойникъ того, что было,
„Отъ жатвы времени сей уцѣлѣвшій цвѣтъ“.

Кн. П. А. Вяземскій.

резидентство графа Д. Н. Блудова въ Академіи Наукъ составляетъ свѣтлую страницу въ исторіи нашего высшаго учебнаго учрежденія; но для вѣрной оцѣнки его оно должно быть вставлено въ болѣе обширныя рамки. Началомъ своимъ оно совпадаетъ съ тяжелыми годами ликвидаціи, приведшей къ Парижскому миру, какъ слѣдствію Крымской войны, а конецъ его соприкасается съ началомъ эпохи великихъ реформъ, увѣковѣчившихъ имя императора Александра II. Для справедливой оцѣнки этого президентства требовалось бы рассмотретьъ его въ связи съ условіями времени и съ характеромъ всей многообразной государственной дѣятельности Блудова, и опредѣлить его значеніе путемъ сравненія съ предыдущими временами,—президентства графа С. С. Уварова,—и послѣдовавшими—графа Ѳ. П. Литке. Не задаваясь такою обширною и сложною темою, для которой можетъ быть еще и не настало время, за неимѣніемъ под-

¹⁾ Помѣщая на страницахъ „Русской Старины“ настоящую статью, редакція съ грустью заявляетъ, что она написана и исправлена авторомъ за нѣсколько дней до его кончины, послѣдовавшей 3-го ноября. Имя Константина Степановича Веселовскаго тѣсно связано съ дѣятельностью Академіи Наукъ въ теченіе почти полвѣка, и редакція надѣется въ непродолжительномъ времени представить читателямъ біографическія о немъ свѣдѣнія. Ред.

готовительныхъ для нея работъ, я имѣю въ виду только болѣе скромную цѣль—представить рядъ набросковъ и воспоминаній, какъ свидѣтельство современника, поставившаго себѣ закономъ—искренность и безпристрастіе даваемыхъ имъ показаній.

Представляемыя здѣсь воспоминанія относятся къ восьмилѣтію 1855—1864 гг. Не всѣ они касаются до графа Блудова, но могутъ оказаться иногда не лишними для изображенія того времени.

1855 годъ отмѣченъ въ исторіи Академіи почти одновременною смѣною двухъ человекъ, блюстителей ея интересовъ и вершителей ея дѣлъ. 4-го сентября скончался въ Москвѣ престарѣлый графъ С. С. Уваровъ, распорядившійся Академіей почти 38 лѣтъ въ званіи ея президента, а незадолго передъ тѣмъ, именно 10-го января того же года, сошелъ въ могилу многолѣтній *socius laborum*, «потомственный» ея непремѣнный секретарь Павелъ Николаевичъ Фуссъ, исполнявшій въ ней 30 лѣтъ секретарскую должность ¹⁾. Эти два имени до того срослись съ названіемъ Академіи, и преобладающее вліяніе ихъ на направленіе всѣхъ ея дѣлъ пустило въ теченіе столь долгаго времени до того глубокіе корни, что и тотъ и другой могли съ полнымъ правомъ, пародируя знаменитое изреченіе Лудовика XIV, сказать о себѣ «Академія—это я», и это тѣмъ болѣе, что время установило между обоими полное согласіе, скажу болѣе: истинную и искреннюю дружбу. Всѣ и въ Академіи, и внѣ ея, до того къ нимъ привыкли, что въ то время нельзя было себѣ представить Академію безъ Уварова и Фусса, и одновременное исчезновеніе ихъ открывало двери въ неизвѣстность.

Назначеніе преемника Уварову было дѣломъ самого государя. Когда министръ просвѣщенія доложилъ ему объ открывшейся вакансіи президента Академіи, государь сказалъ: «Я дамъ ей президента, которымъ она будетъ довольна», и указомъ 26-го ноября 1855 года назначилъ Блудова. Выборъ этотъ, конечно, былъ самый счастливый. По своимъ государственнымъ заслугамъ онъ былъ, можно сказать, первымъ сановникомъ въ Имперіи; многосторонняя образованность и рѣдкія качества прекрасной души соединялись въ немъ съ высокимъ уваженіемъ къ наукѣ,

¹⁾ П. Н. Фуссъ родился въ Петербургѣ въ 1798 году, когда его отецъ, Николай Ивановичъ, былъ уже ординарнымъ академикомъ; ему еще не было и двухъ лѣтъ, какъ отецъ былъ сдѣланъ, 7-го сентября 1800 г., непремѣннымъ секретаремъ, и оставался въ этомъ званіи до самой своей кончины, послѣдовавшей 23-го декабря 1825 г., такъ что секретарство обоихъ Фуссовъ, отца и сына, обнимаетъ собою въ исторіи Академіи періодъ въ 55 лѣтъ. А если присоединить къ нимъ 31 годъ секретарства Иоанна-Альберта Эйлера, связаннаго съ Фуссами узамъ родства, то окажется, что эта вліятельная должность находилась въ рукахъ семейства Эйлеръ-Фуссъ непрерывно въ теченіе 86 лѣтъ. Рѣдкій примѣръ пригодный, можетъ быть, для защитниковъ наслѣдственности умственныхъ способностей.

что и отражалось у него въ постоянномъ, неподдѣльномъ благодушномъ расположеніи къ ея представителямъ и служителямъ. При этихъ задаткахъ, восьмилѣтнее президентство графа Дмитрія Николаевича было однимъ изъ счастливѣйшихъ для Академіи, а въ особенности для академикомъ.

Не такъ скоро и удачно разрѣшили вопросъ о непремѣнномъ секретарѣ. При томъ значеніи, какое во всякой Академіи имѣетъ лицо, облеченное этимъ званіемъ, какъ представитель ея въ ученое свѣтъ и какъ органъ, черезъ руки котораго проходятъ всѣ ученія дѣла ея, выборы въ эту должность составляютъ одно изъ важнѣйшихъ событій во внутренней жизни ученой корпораціи, и поэтому не мудрено, что они приводятъ въ движеніе весь муравейникъ. Такъ какъ исполненіе всего установленнаго порядка этихъ выборовъ требовало времени, то, во избѣжаніе остановки въ отправленіи текущихъ дѣлъ, поручено было, по смерти Фусса, временно исполнять секретарскія обязанности, по физико-математическому отдѣленію—В. Я. Буяновскому, а по историко-филологическому—М. И. Броссе, и затѣмъ началась избирательная агитація, изъ которой выдѣлились два кандидата: одна часть членовъ конференціи, дорожа традиціей, по которой секретарствовали въ нашей Академіи почти цѣлое столѣтіе одни математики, стояли за Буяновскаго; другіе, отдавая полную справедливость благородству характера его, находили, что недостатокъ въ немъ самостоятельности и энергіи, при крайней скромности и уступчивости, могло имѣть неблагоприятное вліяніе на ходъ общаго академическаго дѣла, выставляли своимъ кандидатомъ академика А. О. Миддендорфа. Борьба между ними была очень оживленная и кончилась 7-го апрѣля 1855 г., еще до президентства графа Блудова—избраніемъ въ непремѣнные секретари Миддендорфа, т. е. человѣка, наименѣ созданнаго и приготовленнаго для этой должности, какъ это и оказалось потомъ на дѣлѣ.

Гр. Блудовъ, при вступленіи своемъ въ Академію президентомъ, засталъ, что званіе вице-президента носилъ князь Сергій Ивановичъ Давыдовъ, именно—только носилъ, такъ какъ онъ не принималъ почти никакого участія въ дѣлахъ Академіи. Это былъ человѣкъ пожилой, много послужившій, въ то время уже сенаторъ, и хотя свѣтски и образованный, но при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ неволью возникалъ вопросъ: какое отношеніе могло быть между нимъ и высшимъ ученымъ учрежденіемъ. И самъ собою кстати вспоминался отзывъ историка университета св. Владиміра о дѣятельности кн. Давыдова, какъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа ¹⁾.

¹⁾ Исторія Имп. Университета св. Владиміра, сост. М. Ф. Владимирскій-Будановъ, т. I, стр. 175.

Тамъ читаемъ: кн. Давыдовъ былъ «повидимому, не чуждъ общаго, болѣе свѣтскаго просвѣщенія», но «незнакомство его съ сферою для него совершенно новою и крайняя лѣнь и безпечность побуждали его отдаваться въ руки другихъ. Ему было тягостно посѣщать университетъ. Если иной разъ приходилъ онъ въ университетъ во время экзаменовъ, то развѣ отъ скуки; онъ садился на студентской скамьѣ и рисовалъ карандашемъ головки, а рисовалъ онъ очень хорошо; съ такимъ же небреженіемъ относился онъ и къ текущимъ дѣламъ по управленію округомъ». Тѣмъ же характеромъ отличалось и пребываніе его въ званіи вице-президента Академіи; дѣлами ея онъ очевидно не интересовался; почти никогда не бывалъ въ засѣданіяхъ и собраніяхъ конференціи, разумѣя повидимому указанія устава такъ, что должность вице-президента состоитъ лишь въ томъ, чтобы замѣнять президента въ случаѣ его болѣзни или отсутствія. Всѣ прикосновенія къ нему Академіи состояли только въ томъ, что ему иногда посылались для подписанія неважныя бумаги, изъ комитета правленія, касавшіяся хозяйственной части и личнаго состава служащихъ. Такое положеніе было для него тѣмъ естественнѣе, что и гр. Блудовъ никогда не возлагалъ на него никакихъ порученій по Академіи. Что касается академикомъ, то всѣ ихъ прикосновенія къ нему заключались лишь въ томъ, что они въ Новый годъ ѣздили къ нему записываться въ поздравительную книгу, лежавшую для этого въ его прихожей ¹⁾).

Однимъ изъ первыхъ распоряженій гр. Блудова по вступленіи его на президентство было назначеніе особой комиссіи для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ приложенія дѣйствующихъ для Академіи законоположеній. Поводомъ къ этому распоряженію послужили

¹⁾ Кн. С. И. Давыдовъ происходилъ изъ князей Грузинскихъ, которыхъ родъ получилъ свое начало отъ сына царя кахетинскаго Александра I († 1511), царевича Дмитрія, сынъ котораго — Давидъ получилъ княжеское достоинство и сдѣлался родоначальникомъ этой фамиліи. — Изъ потомковъ его — сынъ князь Ивана Михайловича — кн. Сергій Ивановичъ родился въ 1790 г. Воспитаніе получилъ въ домѣ родителей, а потомъ учился въ университетахъ Геттингенскомъ и Оксфордскомъ. Въ 1809 г. поступилъ въ гражданскую службу, которую въ 1812 г. перемѣнилъ на военную, и, дослужившись до полковничьяго чина, вышелъ въ 1825 г. въ отставку. Въ 1827 г. поступилъ опять въ гражданскую службу, въ которой назначенъ въ 1828 г. витебскимъ, а въ 1832 г. гродненскимъ вице-губернаторомъ, въ 1833 г. — правителемъ Бѣлостокской области, въ 1835 г. — минскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а въ 1838 г. — попечителемъ Киевскаго учебнаго округа, въ 1845 г. сенаторомъ, и наконецъ въ 1852 г. 18-го марта вице-президентомъ Академіи Наукъ. Изъ этой должности уволенъ 7-го августа 1863 г., скончался 17-го марта 1878 г. — Такимъ образомъ, біографія его вся умѣщается въ рамкѣ гражданской службы, въ исторіи же Академіи онъ прошелъ, какъ тѣнь, не оставляющая по себѣ никакого слѣда.

дошедшія до Блудова мнѣнія и желанія нѣкоторыхъ членовъ отдѣленія русскаго языка и словесности. Одни изъ этихъ членовъ находили неумѣстною и невыгодною ту обособленность отъ двухъ остальныхъ отдѣленій, которыя были установлены изданнымъ въ 1841 г. Положеніемъ о II отдѣленіи; другіе же напротивъ считали эту самую обособленность, и какъ слѣдствіе ея—извѣстнаго рода самостоятельность и независимость отъ конференціи Академіи,—за драгоцѣнную привилегію отдѣленія, которая должна быть сохранена и придавать отдѣленію характеръ преемницы и наслѣдницы созданной Великой Екатериной—Россійской Академіи.

И вотъ, предложеніемъ 1-го марта 1856 года графъ Блудовъ поручилъ Академіи избрать изъ среды своей комиссію, по два члена отъ каждаго отдѣленія, «для разсмотрѣнія разныхъ вопросовъ, возникающихъ при соглашеніи устава Академіи 1836 года съ изданнымъ въ 1841 году Положеніемъ объ отдѣленіи русскаго языка и словесности». Членами этой комиссіи были избраны по I-му отдѣленію Ленцъ и Гельмерсенъ; по II-му отдѣленію—Плетневъ и Никитенко, и по III-му отдѣленію Кеппенъ и я; впоследствии вмѣсто Гельмерсена назначенъ былъ членомъ Остроградскій, а на мѣсто Плетнева—Срезневскій.

Съ перваго приступа къ своимъ занятіямъ комиссія натолкнулась на подводный камень. По издавна установленному ея обычаю, да и по указаніямъ устава, во всѣхъ собраніяхъ, какъ конференціи, такъ и особыхъ комиссій, если не присутствуетъ президентъ или вице-президентъ, право предсѣдательства принадлежитъ непремѣнному секретарю; на этомъ основаніи Миддендорфъ и сталъ было предсѣдательствовать въ комиссіи; но это, Богъ знаетъ почему, показалось обиднымъ для предсѣдательствовавшего въ то время въ отдѣленіи русскаго языка и словесности, властолюбиваго и тщеславнаго И. И. Давыдова, который захотѣлъ играть въ этомъ дѣлѣ первенствующую роль. Отсюда произошло столкновеніе съ Миддендорфомъ, который, понятно, не хотѣлъ добровольно поступиться неотъемлемымъ, принадлежавшимъ ему правомъ. Споръ о предсѣдательствѣ затянулся не къ пользѣ дѣла и разрѣшился тѣмъ, что Блудовъ, предложеніемъ 31-го марта, назначилъ И. И. Давыдова предсѣдателемъ комиссіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ Миддендорфу, какъ непремѣнному секретарю, принимать участіе во всѣхъ разсужденіяхъ комиссіи.

Это насильственное вмѣшательство Давыдова въ это дѣло вызвало величайшее неудовольствіе академикомъ, и они, поддаваясь весьма обыкновенному человѣческому чувству, вымещали свою досаду нѣкою обструкціей, держась въ засѣданіяхъ пассивной роли и предоставивъ самому Давыдову, мало знакомому съ внутреннею жизнью Академіи наукъ и чуждому ея интересамъ, разбираться самому въ этомъ дѣлѣ.

*

Легко себѣ представить, какъ, при такихъ условіяхъ, должна была идти работа: она была большою тратою времени; породила много горячихъ споровъ и стоила немалой порчи крови. Первое засѣданіе комиссіи, подъ предсѣдательствомъ И. И. Давыдова, происходило 5-го апрѣля 1856 года, а кончила она свои труды только въ мартѣ 1857 года, внесеніемъ въ общее собраніе конференціи проекта новаго устава Академіи, который и былъ конференціею одобренъ въ засѣданіи 30-го мая 1857 года.

Когда я, вслѣдъ затѣмъ, исправляя уже обязанности непрѣмнаго секретаря, представилъ графу Блудову этотъ такими трудными родами вымученный плодъ занятій комиссіи, графъ принялъ его очень холодно и спросилъ только, предполагается ли при этомъ какое-либо увеличеніе отпуска на Академію суммъ изъ казны. Когда же я ему доложилъ, что въ представляемомъ проектѣ такое увеличеніе составило бы до 30.000 руб. въ годъ, графъ сказалъ мнѣ очень опредѣлительно и ясно почти текстуально слѣдующее: «вотъ видите, мнѣ очень хорошо извѣстно нынѣшнее затруднительное положеніе нашихъ государственныхъ финансовъ, вынуждающее ограничиваться при назначеніи новыхъ расходовъ крайнею неотложностью; характера такой неотложности потребности науки и Академіи не имѣютъ, и я составленному вами проекту новаго устава не могу дать хода». При этомъ онъ мнѣ возвратилъ, даже не развернувъ его, представленный ему проектъ; и комиссіи пришлось только сказать: «oleum et oreganum perdidit».

Вотъ, что была въ сущности эта комиссія, съ точки зрѣнія правдивой исторіи; но не таковою она изображалась устами современныхъ академическихъ ораторовъ. Въ похвальномъ словѣ, произнесенномъ вкорѣ послѣ смерти Блудова, въ общемъ собраніи Академіи 6-го марта 1864 г., академикъ А. В. Никитенко, увлекаясь естественнымъ при надгробныхъ рѣчахъ желаніемъ превознести чествуемую личность, зашелъ слишкомъ далеко, приписавъ Блудову реформаторскія вождельнія по отношенію Академіи. «Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность президента, — сказалъ Никитенко, — Блудовъ предпринялъ измѣнить устройство Академіи согласно съ требованіями времени, обновить, такъ сказать, ея организацію и усилить ея матеріальныя средства». Академическое краснорѣчіе пользуется иногда особою вольностью, почти даже правомъ усиливать краски, хотя бы съ нѣкоторою неточностью относительно истины; но исторія такого права не имѣетъ, она не можетъ принимать риторическія фіоритуры за свидѣтельскія показанія: для нея одинъ законъ—голая истина, безъ румянъ и прикрасъ. А исторія обязана сказать, что ни о какой реформѣ Академіи Блудовъ никогда не думалъ; никакихъ указаній въ этомъ смыслѣ членамъ комиссіи никогда не

дѣлалъ, предоставляя имъ, какъ ближе знакомымъ съ положеніемъ и нуждами Академіи, полную свободу высказаться по своему усмотрѣнію. Наконецъ, Блудовъ былъ слишкомъ опытный государственный дѣятель, чтобы предпринимать реформу чего-нибудь при отсутствіи положительныхъ фактовъ, указывающихъ на ея необходимость; а такихъ фактовъ Академія не представляла; измѣненіе редакціи нѣкоторыхъ параграфовъ устава, какую имѣлъ въ виду Блудовъ, еще не есть реформа, и если въ послѣдніе годы президентства его снова возникла мысль о новомъ уставѣ для Академіи, то починъ исходилъ не отъ Блудова, а отъ бывшаго тогда министромъ А. В. Головкина, бывшаго, какъ извѣстно, большимъ охотникомъ надѣлать всѣ бывшія въ его вѣдомствѣ учрежденія новыми уставами.

Признавъ по обстоятельствамъ времени не возможнымъ думать о какомъ-либо увеличеніи денежныхъ средствъ Академіи насчетъ государственнаго казначейства, Блудовъ за то стойко оберегалъ тѣ средства, какими она пользовалась, отъ всякихъ посягательствъ на нихъ для постороннихъ надобностей. Такъ, въ одномъ году когда въ министерствѣ просвѣщенія не достало средствъ для выдачи ежегодныхъ пособій минералогическому и нѣкоторымъ другимъ ученымъ обществамъ, Норовъ рѣшилъ выдать такое пособіе изъ экономическихъ суммъ, которыя въ то время, т. е. до введенія въ 1863 году правилъ составленія государственныхъ смѣтъ и системы единства кассы, были въ распоряженіи Академіи. Когда объ этомъ дошло до свѣдѣнія Блудова, то онъ, вопреки министерскаго распоряженія, рѣшительно въ такой выдачѣ отказалъ. Это привело Норова въ величайшій гнѣвъ, и вотъ какое средство онъ придумалъ, чтобы выместить свою досаду. Пригласивъ меня къ себѣ на обѣдъ, онъ во все время, что мы сидѣли за столомъ, формально пушилъ меня, что называется, распекалъ меня по-начальнически, и это еще въ присутствіи постороннихъ, такъ какъ тутъ же были еще кто-то изъ его семейства, и какой-то чиновникъ, кажется, его секретарь. Такая вспыльчивость была въ натурѣ вообще добродушнаго и даже слабохарактернаго Норова. «Видано ли это,—говорилъ онъ,—я министръ, и не могу распорядиться въ подвѣдомой мнѣ Академіи! На что это похоже!» Напрасно я ему объяснялъ, что я тутъ былъ ни при чемъ, что о распоряженіи Блудова я до той минуты даже ничего не зналъ (я въ то время не присутствовалъ въ комитетѣ правленія Академіи, по которому состоялось это распоряженіе); Норовъ, разъ расхолившись, продолжалъ свои упреки, забывъ или не желая знать, что такое своеобразное гостепріимство онъ оказываетъ своему гостю, а не своему подчиненному.

Я уже сказалъ, что за полгода до назначенія графа Блудова президентомъ, академикъ Миддендорфъ былъ избранъ въ непрѣмныя

секретари. Трудно себѣ представить, что заставило его принять это званіе. Проявевши обширныя изслѣдованія для изученія природы на огромныхъ пространствахъ русскаго сѣвера—въ экспедицію 1840 г., въ сообществѣ К. М. Бѣра, къ Бѣлому и Ледовитому морьямъ, съ 1842 по 1844 гг. въ академическую экспедицію на сѣверѣ Сибири, Миддендорфъ былъ въ то время весь погруженъ въ разработку привезенныхъ изъ этихъ экспедицій матеріаловъ и съ большимъ одушевленіемъ трудился надъ своимъ монументальнымъ «Сибирскимъ путешествіемъ», составившимъ ему громкую славу въ ученomъ свѣтѣ. Послѣ трудовъ такого рода, лежащія на непремѣнномъ секретарѣ канцелярскія занятія представлялись ему слишкомъ скромными и не интересными; они тѣмъ болѣе были для него докучливы, что до того времени онъ не имѣлъ случая освоиться съ порядками оффиціального дѣлопроизводства. Не желая нисколько жертвовать для нихъ временемъ, необходимымъ для ученыхъ занятій, онъ устроилъ секретарскую часть слѣдующимъ образомъ: все до-обѣденное время было у него отдано наукѣ, а для письменныхъ занятій по должности непремѣннаго секретаря онъ назначилъ вечерніе часы. При такомъ порядкѣ не только значительно сокращалось время для этихъ занятій, но и являлись разныя неудобства для сношеній съ канцелярією секретаря. Затрудняясь составленіемъ дѣловыхъ бумагъ, онъ для этого нанялъ особаго чиновника, титулярнаго совѣтника Альберта Альбертовича Люджера, столоначальника въ гидрографическомъ департаментѣ морскаго министерства, свѣдущаго въ иностранныхъ языкахъ, которому онъ платилъ за его работу изъ собственныхъ своихъ средствъ; онъ-то собственно и былъ редакторомъ всѣхъ бумагъ Миддендорфовой канцеляріи¹⁾. Когда я послѣ Миддендорфа вступилъ въ завѣдываніе канцеляріей конференціи, то нашелъ дѣла въ большомъ безпорядкѣ. Напримѣръ, съ писемъ и отношеній, которыя отправлялись изъ канцеляріи въ разныя мѣста и разнымъ лицамъ, не оставались при дѣлахъ копии, или такъ называемые отпуски и мнѣ приходилось года два послѣ того распутывать дѣла и пополнять по возможности старыя упущенія. Когда я говорилъ объ этомъ Миддендорфу, именно о невѣннн при дѣлахъ копій съ того, что имъ куда-нибудь писано, то онъ отвѣчалъ: «и, и, батенька, всѣ мы и все нами писанное потонетъ въ Леть забвенія; не стоятъ они сохраненія». Такая примѣсь философіи къ канцелярскому порядку довольно характеризуетъ этотъ порядокъ.

Къ счастью, секретарствованіе Миддендорфа было не продолжительное.

¹⁾ Этотъ Люджеръ былъ сынъ Генріеты Люджеръ, урожденной Рочфордъ, содержавшей въ 1830 годахъ въ Петербургѣ пансіонъ для дѣвицъ и о которой сохранилъ извѣстія графъ Бутурлинъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ въ „Русскомъ Архивѣ“, 1897 г. № 2, стр. 243 и № 3, стр. 409 и 440.

Не долге года по избраніи его въ непремѣнные секретари, онъ по приглашенію военнаго вѣдомства, принялъ участіе въ составленіи устава кавалерійской службы, и по этому поводу онъ просилъ объ увольненіи его отъ занятій по должности секретаря и его обязанности по этой части были возложены на меня. Вступивъ затѣмъ 2-го ноября 1856 г. въ отправленіе секретарской должности, онъ скоро заболѣлъ горломъ (съ потерю голоса) и уѣхалъ на четыре мѣсяца, съ 23-го мая по 20-е сентября 1857 года за границу для лѣченія на минеральныхъ водахъ, и мнѣ пришлось вторично исправлять его должность. Въ томъ же году, 1-го ноября, онъ просилъ и получилъ полное увольненіе отъ званія непремѣннаго секретаря, обязанности котораго были исполняемы имъ менѣе двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ я, замѣняя его, вполне ознакомился съ этою должностію, да и товарищи мои имѣли достаточно времени, чтобы испытать меня съ этой стороны; такъ что когда назначены были новые выборы на эту должность, то избраніе мое въ общемъ собраніи конференціи 1-го ноября 1857 г. состоялось такимъ огромнымъ, лестнымъ для меня большинствомъ голосовъ (30 изъ 34 баллотировавшихъ), что мнѣ оставалось только повноваться такъ дружно высказанному желанію товарищей.

Миддендорфъ, въ бытность свою непремѣннымъ секретаремъ, составлялъ какъ бы центръ, около котораго охотно группировались ученые и образованные люди, будучи привлекаемы къ нему его значеніемъ въ наукѣ, его умомъ и остроуміемъ, его любезностію и привѣтливостію. Устроенные имъ тогда у себя еженедѣльные, по воскресеньямъ, журъ-фиксы были весьма многолюдны и оживленны; здѣсь всегда можно было встрѣтиться съ интересными личностями изъ міра ученаго, медицинскаго, педагогическаго, и просто съ людьми пресвѣщенными, интересующимися наукою. Кто-нибудь изъ гостей, а чаще всего самъ хозяинъ, читалъ составленное специально для этой цѣли полуученное, полупутливое изложеніе какой-нибудь интересной темы, для оживленія бесѣды, въ ожиданіи скромнаго, но всегда веселаго ужина, которымъ кончался вечеръ. Всѣ академики, т. е. члены всѣхъ трехъ отдѣленій, были разъ на всегда приглашены на эти журъ-фиксы; но не знаю, почему никто изъ членовъ втораго отдѣленія на нихъ не показывался; имѣли ли они что-либо лично противъ Миддендорфа, или же причиною ихъ отсутствія было то, что фамилія хозяина кончалось на дорфъ и что онъ былъ лютеранинъ, не знаю.

Я охотно бывалъ на этихъ вечерахъ, находя удовольствіе быть въ обществѣ людей образованныхъ, связанныхъ между собою узами радужной пріязни. Но это послужило тогда нѣкоторымъ лицамъ, ко мнѣ недоброжелательнымъ, поводомъ распускать слухи о моемъ пристрастіи къ нѣмцамъ. Что такіе слухи тогда ходили, я узналъ изъ такого источ-

ника, который имѣлъ для меня особое значеніе; объ нихъ сообщили мнѣ вскорѣ по назначеніи меня непремѣннымъ секретаремъ самъ графъ Блудовъ. Понятно, что къ такому упреку, исходившему изъ такихъ устъ, я не могъ оставаться равнодушнымъ, тѣмъ болѣе, что я легко угадывалъ, гдѣ эти слухи зарождались, и догадывался о не совсѣмъ дружжелюбныхъ чувствахъ со стороны нѣкоторыхъ товарищей. «Враговъ имѣеть въ мірѣ всякъ». Поэтому обдумавъ хорошенько свое положеніе въ Академіи, я рѣшился лучше сложить съ себя званіе непремѣннаго секретаря, чѣмъ испытывать недоброжелательство тѣхъ, кому не успѣлъ угодить, и вслѣдствіе этого отправилъ къ графу Блудову письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь графъ Дмитрій Николаевичъ! При послѣднемъ докладѣ моемъ ваше сіятельство изволили сообщить мнѣ замѣчаніе о распространившемся, какъ въ самой Академіи, такъ и внѣ оной, обвиненіи меня въ пристрастномъ направленіи мною дѣлъ Академіи въ пользу сочленовъ нѣмецкаго происхожденія и въ ущербъ русскихъ ученыхъ изъ соотечественниковъ. Обвиненіе въ недостаткѣ патріотизма должно быть тяжело для всякаго гражданина, любящаго свое отечество, для всякаго честнаго человѣка, дорожащаго своимъ именемъ; но еще тяжелѣе для того, кто, будучи облеченъ общественнымъ довѣріемъ, поставленъ на такую должность, при исполненіи которой онъ дѣйствуетъ отъ имени цѣлаго сословія и можетъ имѣть болѣе или менѣе вліянія на ходъ общаго дѣла. Наконецъ, еще менѣе могу я оставаться равнодушнымъ къ подобному обвиненію предъ лицомъ вашего сіятельства, какъ начальника и покровителя Академіи, коего высокія и всѣмъ извѣстныя чувства патріотизма и справедливости должны нещадно осуждать человѣка, подвергшагося такому важному обвиненію. Въ сихъ обстоятельствахъ настоящее мое объясненіе кажется мнѣ священнымъ моимъ долгомъ.

«Я никогда не искалъ мѣста непремѣннаго секретаря. Вступая въ Академію, я радовался лишь возможности исключительно предаться наукѣ, въ которой находилъ больше душевной отрады, чѣмъ въ практической жизни. Еще гораздо прежде избранія меня въ секретари, я всѣми силами отклонялъ отъ себя предложенія нѣкоторыхъ сочленовъ моихъ, которые уже тогда говорили мнѣ объ ихъ желаніи содѣйствовать такому избранію; и если послѣ того я рѣшился принять званіе секретаря, то единственно уступая почти единодушному желанію моихъ сочленовъ, выразившемуся столь лестнымъ для меня образомъ, въ баллотировкѣ общаго собранія 1-го ноября 1857 года. Въ голосѣ общаго избранія есть какое-то обаяніе, противъ котораго не всякій можетъ устоять. Тѣмъ не менѣе, даже принявъ должность, съ которою соединенъ нѣкоторый почетъ, я считалъ, что принесъ съ своей стороны жертву Академіи. Не говорю уже о томъ, что при этомъ я долженъ

былъ отказаться отъ выгодъ гражданскоѣ карьеры въ то самое время, когда, послѣ 20 лѣтней службы, она начинала манить меня уже неслишкомъ несбыточными надеждами повышенія, и отъ такихъ, довольно значительныхъ для меня, матеріальныхъ выгодъ, отъ которыхъ отецъ семейства и человѣкъ, живущій единственно своими трудами, можетъ быть не всегда и въ правѣ отказываться; но главною съ моей стороны жертвою я считалъ то, что, принимая на себя обязанности, для исполненія которыхъ едва доставало всего моего времени, я долженъ былъ разстаться съ занятіями наукой, которой себя посвятилъ, и отказаться отъ спокойствія кабинетной жизни, которое столько цѣнилъ. Смѣю самымъ чистосердечнымъ образомъ удостовѣрить ваше сіятельство, что душевно и искренне былъ бы радъ, если бы въ то время выборъ Академіи палъ не на меня. Но разъ рѣшившись принять на себя обязанности, при исполненіи которыхъ неизбежно столкновеніе съ весьма различными характерами, убѣжденіями и стремленіями, я твердо рѣшился неуклонно руководствоваться одними правилами строжайшаго безпристрастія, и нисколько не жертвуя своими собственными убѣжденіями, ибо человѣкъ безъ твердыхъ убѣжденій не достоинъ быть представителемъ какого бы то ни было сословія,—всякое дѣло направлять, по крайнему моему разумѣнію, единственно съ точки зрѣнія требованій науки и достоинства Академіи. Я всегда былъ далекъ отъ духа партій, а еще менѣе имѣлъ сочувствія къ тѣмъ, которые поднимаютъ раздоръ во имя одной національности. Смотрѣть неприязненно и завистливо на нѣмцевъ значить имѣть слишкомъ мало вѣры въ жизненные силы и будущность Россіи. Когда же дѣло идетъ о наукѣ, то вліянія вопроса о національности кажутся мнѣ совершенно неумѣстными, и созданное недавно, писателями извѣстнаго рода, слово: Русская наука считаю рѣшительно лишеннымъ всякаго смысла. Если національныя раздраженія вносятся иногда нашею современною литературою въ область ученыхъ споровъ, то это служитъ только доказательствомъ младенчества у насъ науки, которой міровое значеніе еще не достаточно сознается. Но въ Академіи, какъ соединеніи главныхъ представителей науки, какъ высшаго ученаго сословія, коего задача состоитъ въ расширеніи области человѣческихъ знаній, всякія увлеченія чувствъ національности были бы крайне неумѣстны и не только оскорбляли бы достоинство науки, но и служили бы укоромъ для цѣлой Академіи. — Академикъ, будь онъ русскій или нѣмецъ, если онъ добросовѣстно и по мѣрѣ силъ трудится надъ наукою, достоинъ въ одинаковой степени признательности. — Иностранцы, оставляющіе свое отечество для того, чтобы привести намъ сокровища своихъ знаній и помогать намъ въ дѣлѣ водворенія у насъ науки, достойны столько же благодарности Россіи, какъ и природные русскіе, успѣшно дѣйствующіе на томъ же

поприщѣ. — Но когда среди этой самой Академіи, нѣкоторые русскіе позволяютъ себѣ наносить жестокія оскорбленія своимъ товарищамъ во имя ихъ не русскаго происхожденія, то такіе поступки могутъ только возбуждать негодованіе всякаго самаго даже искренняго патріота, если онъ при этомъ сколько-нибудь образованный человѣкъ. Я былъ свидѣтелемъ подобныхъ поступковъ и долженъ былъ краснѣть за Россію. Тѣ, которые позволяли себѣ подобные поступки, доказывали ими, что они не понимаютъ ни своихъ обязанностей въ отношеніи къ Академіи, ни своего положенія въ отношеніи къ наукѣ. Раздѣлять ихъ слѣпыя и заносчивыя увлеченія я, конечно, не могу, а это должно было послужить въ глазахъ ихъ достаточнымъ поводомъ къ обвиненію меня въ пристрастіи къ нѣмцамъ.

«Скажу болѣе — мое чувство національности гораздо глубже оскорбляется подобными поступками нѣкоторыхъ русскихъ, чѣмъ сознаниемъ того несомнѣннаго и объясняемаго исторіею факта, что въ дѣлѣ науки мы еще далеко отстали отъ нѣкоторыхъ народовъ Европы и въ особенности отъ нѣмцевъ. Это аксіома для всякаго, кто изучалъ современное состояніе науки добросовѣстно, не внося въ мирную область знанія неумѣстныхъ въ этомъ дѣлѣ и всегда слѣпыхъ увлеченій ложнаго патріотизма.

«Безпристрастіе, которое я себѣ поставилъ путеводною нитью при отправленіи обязанностей секретарскихъ, и отъ котораго я, по моему убѣжденію, никогда не отступалъ, заставляетъ меня сказать, что въ Академіи нѣтъ партій; что если, съ одной стороны, нѣкоторые, впрочемъ немногіе русскіе, члены ея вносятъ, къ прискорбію, даже въ сферу чисто ученой дѣятельности постороннюю примѣсь запальчивыхъ страстей худо понимаемаго патріотизма, то съ другой стороны нѣмцы (я съ сожалѣніемъ употребляю эти неточныя названія; но это для краткости) далеки отъ того, чтобы платить имъ тѣмъ же; они скорбятъ о нихъ, пренебрегаютъ ихъ оскорбленіями, чѣмъ, конечно, доказываютъ свое нравственное превосходство. Они любятъ Россію и русскихъ, и доказываютъ это тѣмъ, что посвящаютъ свои труды пользѣ Россіи. Тѣ самые нѣмцы, которымъ нѣкоторые столь несправедливо приписываютъ непріязненное настроеніе противъ всего русскаго, первые радуются всякому проявленію науки между природными русскими и ничего не желаютъ усердѣе, какъ возможности призывать въ среду Академіи нашихъ отечественныхъ ученыхъ. Съ 1850 года принято въ Академію наукъ (по I и III отдѣленіямъ оной) 12 новыхъ членовъ: изъ нихъ 7 природныхъ русскихъ, 3 изъ уроженцевъ Остзейскихъ губерній, которые, какъ уроженцы части имперіи, должны быть принимаемы наравнѣ съ русскими, и только двое изъ новыхъ членовъ суть иностранцы. Эти цифры достаточно доказываютъ, что Академія внимательно слѣ-

дѣть за движеніемъ науки въ отечествѣ и не упускаеть случая призывать въ свой составъ отечественныхъ ученыхъ, когда къ тому представляется возможность.

«Но какъ бы я ни чувствовалъ, въ своей собственной совѣсти, убѣжденія, что въ продолженіе кратковременнаго пребыванія моего въ должности непремѣннаго секретаря, всегда, во всѣхъ случаяхъ поступалъ безъ всякаго пристрастія и руководствовался ежедневно соображеніями о выгодахъ науки и достоинствѣ Академіи; тѣмъ не менѣе зная, что никто въ своемъ собственномъ дѣлѣ судьбою быть не можетъ, охотно отдаю свои поступки и дѣйствія на судъ другихъ. Если, какъ ваше сіятельство изволили замѣтить, обвиненія меня въ пристрастіи къ нѣмцамъ слышатся и въ Академіи, и внѣ оной, то можетъ быть, что такія обвиненія имѣють достаточныя основанія. Если такими основаніями служатъ мои убѣжденія, которыя я со всею откровенностью изложилъ выше предъ вашимъ сіятельствомъ, то мнѣ остается только сожалѣть объ этомъ; но убѣжденія мои перемѣнить уже не въ моей власти, ибо они плодъ наблюденій, размышлений и опытовъ всей моей жизни. Но благо общее должно быть для каждаго выше личныхъ расчетовъ, и если я, какъ человекъ пристрастный, не заслуживаю болѣе довѣрія, а безъ довѣрія нельзя, съ пользою для общаго дѣла, исполнять столь трудныя обязанности непремѣннаго секретаря, то я готовъ, безъ малѣйшаго колебанія, сложить съ себя сіе званіе.

«Высокія чувства великодушія и справедливости вашего сіятельства, которыя я имѣлъ счастье извѣдать, будучи поставленъ обязанностями своей должности въ столь непосредственныя отношенія къ вашему сіятельству, служатъ мнѣ порукою въ томъ, что ваше сіятельство оцѣните истинныя мои побужденія въ настоящемъ случаѣ, а потому не лишите меня, и какъ просто лишь академика, благосклоннаго и столь высоко цѣнимою мною расположенія вашего».

Не прошло и двухъ часовъ, послѣ того какъ я отправилъ это письмо, какъ пріѣзжаетъ курьеръ, съ приглашеніемъ, чтобы я тотчасъ же явился къ Блудову. Онъ принялъ меня до чрезвычайности любезно, почти извинялся, что нечаянно и неумышленно оскорбилъ меня; говоря, что онъ и не думалъ упрекать меня въ недостаткѣ безпристрастія, а сообщалъ только, въ видѣ разговора, о ходившихъ о томъ слухахъ, которымъ онъ самъ не вѣритъ; и заключилъ тѣмъ, что на увольненіе меня отъ должности непремѣннаго секретаря онъ не согласенъ, такъ какъ считаетъ, что мое удаленіе было бы потерей для Академіи, и онъ отпустилъ меня только послѣ того, какъ взялъ съ меня слово объ увольненіи и не думать.

Такія объясненія изъ устъ такого прямаго и симпатическаго человека, какъ Блудовъ, обезоружили меня, и я остался.

По множеству лежавших на немъ дѣлъ государственной важности, графъ Блудовъ не могъ часто присутствовать въ засѣданіяхъ Академіи; въ засѣданія отдѣленій онъ никогда не прѣвзжалъ. Но, желая показать свое вниманіе къ Академіи, онъ въ первые годы своего президентства, пока позволяло ему здоровье, бывалъ въ засѣданіяхъ общаго собранія конференціи, при чемъ постоянно выказывалъ замѣчательную любознательность, вызывая объясненія объ ученыхъ вопросахъ, о которыхъ упоминалось въ читаемыхъ въ его присутствіи протоколахъ засѣданій. Такъ, услышавъ, что астрономы, для опредѣленія своихъ уравненій, прибѣгаютъ къ наблюденію искусственныхъ звѣздъ, онъ полюбопытствовалъ узнать, что это за звѣзды; на это старикъ В. Я. Струве замѣтилъ, что это очень сложный вопросъ, и что онъ боится утомить вниманіе графа слишкомъ длинными объясненіями, какія были бы для этого необходимы, что повидимому не очень понравилось любознательному президенту.

Но къ сближенію президента съ академиками служили не столько присутствіе въ собраніяхъ конференціи, сколько застольныя бесѣды съ ними.

Блудовъ не былъ охотникъ до большихъ обѣдовъ и банкетовъ; но не любилъ также обѣдать одинъ. Время обѣда было для него временемъ отдыха отъ государственныхъ дѣлъ, въ теченіе котораго лучшимъ развлеченіемъ отъ нихъ служила для него бесѣда съ умными и образованными людьми. Поэтому у него ежедневно было три, четыре и рѣдко болѣе приглашенныхъ, передъ которыми онъ расточалъ всѣ чары своей любезности; при его многосторонней образованности, при его живости ума, громадной памяти и словоохотливости, разговоры съ нимъ были для собесѣдниковъ необыкновенно занимательны и поучительны. Особенно неистощимъ былъ Блудовъ въ занимательныхъ разсказахъ о современныхъ и прошедшихъ, важнѣйшихъ событіяхъ политической и литературной исторіи Россіи,—разсказахъ, источникомъ для которыхъ служило знакомство Блудова съ массою архивныхъ документовъ и важнѣйшихъ дѣлъ, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ въ теченіе своей долгой и дѣятельной жизни.

Къ такимъ-то обѣдамъ и были нерѣдко приглашаемы то тотъ, то другой изъ академиковъ; и я не разъ бывалъ удостоиваемъ этой чести и всегда въ послѣдствіи сожалѣлъ, что въ то время не записывалъ всѣ интересные и поучительные разсказы, которые удавалось мнѣ на этихъ обѣдахъ слышать изъ устъ Блудова.

По окончаніи обѣда, хозяинъ и гости переходили въ гостиную графини, гдѣ подавали кофе и продолжалась начатая за столомъ бесѣда, пока Блудовъ, опустивъ незамѣтно руку въ карманъ, не надавливалъ пружины своихъ часовъ съ репетиторомъ. Это было сигналомъ, что

гости должны были удалиться, тогда хозяинъ требовалъ къ себѣ своего секретаря или другаго чиновника своей канцеляріи и начиналъ свои вечернія занятія государственными дѣлами.

Однажды, когда я былъ приглашенъ къ Блудову на обѣдъ, онъ былъ за столомъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, по обыкновенію любезенъ и разговорчивъ, но когда послѣ обѣда мы перешли въ гостиную графини, гдѣ подавали кофе, графъ вдругъ пришелъ въ какое-то возбужденное состояніе и сталъ пенять, что въ русской Академіи до сихъ поръ нѣтъ настоящаго представителя русской исторіи, и говорилось это тономъ упрека. Конечно, внутренне я не могъ не соглашаться съ Блудовымъ; но съ формальной стороны могъ бы замѣтить, что, по уставу, въ Академіи полагается лишь одна ординатура по исторіи, и ее занимаетъ Н. Г. Устряловъ, а экстраординарнымъ академикомъ по этой же части состоитъ А. А. Куникъ; оба они избраны были задолго до моего вступленія въ Академію, такъ что въ избраніи ихъ я не участвовалъ и поэтому не могу нести никакой отвѣтственности за ихъ избраніе. Но всего этого, что впрочемъ и самъ Блудовъ долженъ былъ знать, я не считалъ возможнымъ тутъ же напомнить ему, зная по опыту, что это могло бы только болѣе раздражить Блудова, и поэтому я отвѣчалъ на его попрекъ уклончиво, общими мѣстами, въ возможно примирительномъ духѣ. Но во всякомъ случаѣ такая вспышка неудовольствія меня очень удивила, и я стороною узналъ, что было поводомъ къ ней, и узналъ слѣдующее: утромъ того же дня у графини былъ профессоръ Московскаго университета С. М. Соловьевъ, обыкновенно пріѣзжавшій, во время университетскихъ ваканцій, въ Петербургъ, для собранія въ государственномъ архивѣ матеріаловъ для своихъ работъ. Этимъ все объяснялось. Соловьевъ считалъ кровною для себя обидою, что онъ, авторъ многотомной «Русской Исторіи», до сихъ поръ не членъ Академіи Наукъ, въ которой сидитъ ненавистный ему Куникъ, котораго трудовъ онъ, кажется, совсѣмъ не признавалъ, какъ и не особо высоко цѣнимаго имъ автора неконченной исторіи «Петра Великаго». Куникъ съ своей стороны платилъ Соловьеву такую же взаимностью; когда, послѣ смерти Устрялова, предстояло избрать ему преемника по ординатурѣ, то въ комиссіи, на которую было возложено избрать кандидата, одно упоминаніе имени Соловьева приводило Куника въ неистовство, и потому, чтобы дѣйствовать примирительно, сю предложенъ былъ Н. В. Калачевъ, а Соловьевъ былъ избранъ членомъ Академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности.

Вспоминается мнѣ при этомъ еще другой эпизодъ, связанный съ обѣдами у графа Блудова, случившійся въ первыхъ числахъ апрѣля 1859 года. Гости, приглашенные къ обѣду, собирались, въ ожиданіи появленія хозяина, въ гостиной графини; подойдя къ дверямъ этой ком-

наты, я увидѣлъ, что графиня Антонина Дмитріевна сидѣла на диванѣ, а противъ нея на креслѣ Иванъ Давыдовичъ Деляновъ, которому она говорила съ большимъ жаромъ и съ видомъ сильнѣйшаго огорченія, чуть не задыхаясь отъ слезъ. Я остановился въ дверяхъ, не зная, войти мнѣ или нѣтъ въ комнату. До слуха моего долетѣли только послѣднія фразы: «успокойтесь же, графиня,—говорилъ слащавымъ голосомъ и съ своей обычной улыбочкой Иванъ Давыдовичъ,—вѣдь это уже люди образованные».

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите, какъ бы ни былъ человекъ образованъ, но если онъ худо говоритъ о моей матери, я ему руки не подамъ!—былъ отвѣтъ.

Когда я затѣмъ вошелъ въ комнату, разговоръ этотъ прекратился, но послѣ я узналъ отъ Делянова о причинѣ огорченія графини: она только въ тотъ день, изъ газетъ, узнала о распубликованномъ 3-го апрѣля того (1859) года, высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта о предоставленіи евреямъ-купцамъ 1-й гильдіи и евреямъ-иностраннымъ подданнымъ права жительства и торговли въ черты постоянной осѣлости евреевъ. Графъ, щадя антисемитическія чувства дочери, чтобы ее не огорчать, скрывалъ отъ нея, что подобный законъ разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ.

1859 годъ отмѣченъ большимъ пожаромъ, истребившимъ, 16-го февраля, химическую лабораторію Академіи, помѣщавшуюся въ то время въ первомъ этажѣ зданія, обращенномъ окнами къ университету, тамъ, гдѣ теперь находится физиологическая лабораторія; а надъ нею, во второмъ этажѣ, помѣщался Азіатскій Музей. Пожаръ произошелъ по неосторожности академика Ю. Э. Фричше, который производилъ въ лабораторіи перегонку каменно-угольнаго масла и, не окончивъ ее, уѣхалъ куда-то на званый обѣдъ, не погасивъ огня въ печи и не отставя реторты отъ огня. Въ его отсутствіе реторта лопнула, содержимое ея вспыхнуло и разлилось, и какъ лабораторія была въ это время заперта, и въ ней никого не было, то огонь имѣлъ достаточно времени похозяйничать на просторѣ въ помѣщеніи, въ которомъ находилась масса каменно-угольныхъ продуктовъ, бывшихъ предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій Фричше. Огонь былъ очень силенъ; громадные огненные языки, вырывавшіяся изъ оконъ, лизали стѣны до втораго этажа, представляя опасность и для Азіатскаго Музея, и только энергическимъ дѣйствіямъ пожарной команды должно приписать, что этотъ музей не пострадалъ.

Это происшествіе, когда о немъ было доложено общему собранію Академіи, въ ближайшемъ его засѣданіи, вызвало цѣлую бурю негодованій противъ академика Фричше; ориенталисты и присоединившіяся къ нимъ члены II отдѣленія Академіи и слышать не хотѣли, чтобы

лабораторія оставалась долѣ въ такой опасной близости къ музеямъ; не соглашались даже на то, чтобы она была исправлена и оставалась бы временно въ своемъ помѣщеніи, а требовали, чтобы были приняты мѣры къ устройству лабораторіи въ особомъ зданіи, вдали отъ музеевъ. На это другіе члены собранія возражали, что, конечно, постройка для химической лабораторіи особаго зданія есть дѣло весьма желательное, но какъ неизвѣстно, будутъ ли у Академіи когда-нибудь средства для возведенія такого зданія, и можетъ пройти много времени, пока представится къ тому возможность, то было бы несправедливо лишать химиковъ Академіи возможности заниматься учеными изслѣдованіями, и при томъ въ теченіе неопредѣленнаго и можетъ быть долгаго времени; поэтому они полагали необходимымъ возобновить погорѣвшую лабораторію, съ принятіемъ лишь нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности, и между прочимъ, обязать химиковъ не дѣлать въ лабораторіи никакихъ работъ съ взрывчатыми веществами. Дебаты по этому предмету, какъ всегда бываетъ, когда въ дѣло замѣшаются личные вопросы, скоро приняли весьма страстный характеръ и составили собою такое бурное засѣданіе, какого я другаго не помню во все мое долгое пребываніе въ Академіи.

Въ ту пору проводилась предложенная Татариновымъ весьма важная финансовая мѣра, извѣстная подъ названіемъ единства кассы, по которой всѣ хозяйственные доходы, бывшіе въ распоряженіи разныхъ вѣдомствъ, подлежали обращенію въ Государственное казначейство. Изъ такихъ доходовъ въ то время составилось въ кассѣ Академіи 40.000 руб. экономической суммы, а когда «по примѣрному» разсчету, составленному состоявшимъ при Академіи архитекторомъ А. С. Кириловымъ, было опредѣлено, что этой суммы было бы достаточно для постройки особаго зданія для химической лабораторіи, то этимъ и воспользовался графъ Блудовъ, чтобы дать ходъ этому дѣлу согласно желанію общаго собранія конференціи. Такимъ образомъ онъ и отнесся 26-го апрѣля 1860 года къ министру народнаго просвѣщенію Евгр. Петр. Ковалевскому, о необходимости—вывести лабораторію изъ зданія музеевъ, постройкою для нея особаго зданія, съ расширеніемъ ея для работъ обоихъ химиковъ Академіи, и съ употребленіемъ для сего, по «примѣрному» разсчету, до 40.000 руб. экономической суммы, подлежавшей передачѣ въ Государственное казначейство.

Это предположеніе Блудова, по докладу Ковалевскаго, 20-го мая 1860 года удостоилось высочайшаго соизволенія. Но когда, вслѣдствіе этого, были составлены архитекторомъ необходимые для предположенной постройки подробные чертежи и полная смѣта, то оказалось, что для возведенія особаго зданія лабораторіи потребно ровно вдвое (т. е. до 90.000), противъ исчисленной по «примѣрному» разсчету суммы.

Такъ какъ у Академіи не было въ распоряженіи такихъ денежныхъ средствъ, а графъ Блудовъ, по своимъ убѣжденіямъ, не считалъ возможнымъ просить изъ Государственнаго казначейства какихъ-либо пособій на науку въ то время, какъ всѣ финансовыя средства требовались для покрытія болѣе важныхъ государственныхъ потребностей, то пришлось все дѣло объ этой постройкѣ остановить или, какъ говорится на официальномъ языкѣ—отложить до болѣе благоприятнаго времени. Это было тѣмъ удобнѣе, что отъ такой проволочки не страдали ученые интересы, такъ какъ погорѣвшая лабораторія была между тѣмъ исправлена и отремонтирована въ прежнемъ видѣ, и въ ней возобновились по-прежнему работы химиковъ.

Дѣло, можетъ быть, и долго оставалось бы въ такомъ положеніи, въ ожиданіи лучшихъ дней, если бы не подоспѣло на его выручку слѣдующее обстоятельство:

Въ Академіи, въ числѣ разныхъ коллекцій, было собраніе египетскихъ древностей, пріобрѣтенное въ давнее время отъ кѣкогого Кастильона; оно было совершенно не нужно Академіи, въ которой и египтолога никогда не было, и было куплено на ея малыя денежные средства единственно по приказанію министра народнаго просвѣщенія. Эта-то коллекція оказалась въ то время желательною для Императорскаго Эрмитажа, въ которомъ она очень кстати пополняла бы собраніе памятниковъ древняго искусства. Поэтому коллекція эта, по высочайшему повелѣнію, была передана въ Эрмитажъ, а графъ Блудовъ получилъ отъ министра императорскаго двора увѣдомленіе, отъ 21-го мая 1863 г., о томъ, что государь пожаловалъ въ вознагражденіе за нее 11.500 руб. изъ суммъ Кабинета. Съ присоединеніемъ этихъ денегъ къ капиталу изъ хозяйственныхъ суммъ Академіи, предназначенному на постройку химической лабораторіи и нараставшему съ тѣхъ поръ процентами, образовался всего капиталъ въ 56.500 руб. Такъ какъ и этой суммы было еще недостаточно для предполагаемой постройки, то графъ Блудовъ, вѣрный своему правилу не обременять государственную казну какими-либо требованіями на пользу науки, прибѣгъ къ слѣдующему средству: онъ предложилъ извѣстному подрядчику, много лѣтъ производившему обыкновенныя лѣтомъ ремонтныя работы по домамъ Академіи, петергофскому 2-й гильдіи купцу Никитѣ Артамонову, взять на себя всю работу постройки лабораторіи оптомъ за 55.000 руб., а подъ рукою дано было ему знать, что за хорошее исполненіе этой работы онъ можетъ ожидать себѣ почетной награды. Когда Артамоновъ на это согласился, то графъ Блудовъ, 30-го мая 1863 г., просилъ министра народнаго просвѣщенія, въ то время уже А. В. Головнина, испросить высочайшее соизволеніе на приведеніе въ исполненіе его предположеній и исходатайствовать: 1) чтобы предназначѣнная на по-

стройку химической лабораторіи сумма, составлявшая въ то время до 45.000 руб., а равно и деньги, слѣдующія Академіи изъ Кабинета его императорскаго величества за египетскія древности, въ количествѣ 11.500 руб., а всего 56.500 руб., какъ не вошедшія въ смѣту Академіи на 1863 годъ, не были обрацаемы, на основаніи высочайше утвержденного 8-го февраля 1863 г. журнала комитета финансовъ, въ Государственное казначейство, а предоставлены на постройку означенной лабораторіи; 2) предоставить Академіи заключить съ Артамоновымъ контрактъ съ тѣмъ, чтобы работы производились подъ руководствомъ архитектора Академіи, кол. ассес. Кирилова, при содѣйствіи особой комиссіи, назначенной гр. Блудовымъ, изъ непремѣннаго секретаря, одного или двухъ академикомъ; а въ эту комиссію, по части технической, графъ Блудовъ пригласилъ архитектора II отдѣленія Собственной его императорскаго величества канцеляріи, кол. ассес. Пеля.

Дѣло по этому представленію было внесено Головиннымъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ оно подлежало разсмотрѣнію департамента экономіи. Предсѣдатель этого департамента К. В. Чевкинъ твердо стоялъ на стражѣ того, чтобы во вводившейся тогда «системѣ единства 'кассы» не было допускаемо ни малѣйшаго отступленія и послабленія, поэтому на предлагаемый Блудовымъ способъ покрытія расходовъ на постройку лабораторіи онъ не соглашался. Нужды нѣтъ, что дѣло шло о суммѣ собственно незначительной, нужды нѣтъ, что Блудовъ могъ бы и просто просить объ отпускѣ такой суммы изъ государственныхъ средствъ, не связывая этого требованія съ изытіемъ изъ закона, обратившаго воѣ хозяйственные средства разныхъ вѣдомствъ въ доходъ казны. Въ томъ видѣ, въ какомъ сдѣлано было представленіе о лабораторіи, Чевкинъ увидѣлъ отступленіе отъ «системы»; а одобреніе его—составило бы собою прецедентъ, который открылъ бы двери и для болѣе важныхъ уклоненій отъ закона. Желая избѣжать конфликта съ Блудовымъ, который въ это время (съ 1861 г.) былъ уже предсѣдателемъ Государственного Совѣта, Чевкинъ, чтобы достигнуть соглашенія путемъ личныхъ объясненій, пріѣхалъ самъ къ Блудову, полагаясь, конечно, при этомъ на силу своего краснорѣчія и на извѣстную уступчивость и сговорчивость графа. Вышло однако не такъ, какъ онъ ожидалъ; возраженія его сильно не понравились графу, въ немъ заговорили нервы, и онъ, всегда столь учтивый и мягкій, впалъ въ такой тонъ крайняго раздраженія, что Чевкину оставалось только отступить. «Успокойтесь, графъ! успокойтесь; все будетъ сдѣлано по вашему», повторялъ онъ, отступая задомъ къ дверямъ кабинета.

Наконецъ, 26-го декабря 1863 года графъ Блудовъ получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія увѣдомленіе о состоявшемся въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣніи, высочайше утвержденномъ, относительно

постройки новой химической лабораторіи Академіи; вслѣдствіе чего и было тотчасъ же приступлено къ работамъ; но Блудовъ, какъ извѣстно, не дожидь до окончанія этой постройки, точно такъ, какъ не дожидь до того и составитель плановъ и смѣты на эту постройку, архитекторъ Кириловъ, погибшій подъ ножомъ убійцы въ самомъ центрѣ столицы.

Кириловъ имѣлъ обычай проводить свои вечера въ клубъ, помѣщавшемся на углу Гороховой улицы и Адмиралтейской площади; чтобы возвращаться оттуда къ себѣ домой, на Васильевскій островъ, ему нужно было проходить черезъ очень пустынный уголъ, бывшій между Адмиралтейскимъ бульваромъ, берегомъ Большой Невы и Петровскою площадью, усѣянной огромными гранитными глыбами, привезенными по Невѣ для постройки Исакиевскаго собора. И среди бѣлаго дня, прохожіе старались обходить этотъ дикій уголъ, а подъ вечеръ и особенно ночью это былъ прямой пустырь. Тутъ-то убійца, выбравъ ночь по-темнѣе, зарѣзалъ и ограбилъ несчастнаго Кирилова, неосторожно пробравшагося домой среди этихъ глыбъ ¹⁾.

Постройку послѣ него лабораторіа продолжалъ принятый послѣ Кирилова архитекторомъ Академіи Рудольфъ Богдановичъ Беригардтъ, первый въ ту пору знатокъ строительнаго искусства, бывшій впоследствии директоромъ строительнаго училища. Имъ-то и окончена постройка прекраснаго зданія, находящагося по 8-й линіи Васильевскаго Острова, между Николаевскою набережною и Большимъ проспектомъ, и составляющаго единственный памятникъ президенства графа Блудова въ Академіи.

Изъ воспоминаній, относящихся къ 1861 году, позволяю себѣ привести слѣдующее. Въ началѣ марта этого года, я получилъ отъ академика А. Я. Купфера слѣдующую записку:

Monsieur et cher confrère

Le comte Stroganoff m'a demandé, si je ne savai pas un statisticien qui pourrait donner des leçons dans cette science au Grand-duc Héritier; je lui ai promis de vous consulter pour cette affaire. Il voudrait un savant qui se borne aux faits sans en faire le canevas des idées politiques d'un parti, enfin qui ne soit ni rouge ni blanc. Réfléchissez et repondez moi aussitôt que vous serez satisfait de votre choix ¹⁾. Tout à Vous.

3-e mars 1861.

Kupffer.

¹⁾ Архитекторъ кол. ас. Алексѣй Семеновичъ Кириловъ былъ ученикомъ императорской Академіи художествъ, въ которую поступилъ въ 1809 г. и въ которой онъ былъ современникомъ К. П. Брюлова, Андр. Тона, Ник. Ефимова, и получилъ въ 1821 году аттестатъ первой степени.

²⁾ П е р е в о д ъ. „Графъ Стrogановъ спрашивалъ меня, не знаю ли я статистика, который могъ бы давать уроки этой науки великому князю наследнику. Я обѣщалъ ему посоветоваться съ вами. Онъ желаетъ такого уче-

Такой вопрос, еслибы я былъ честолюбивъ и искалъ бы сдѣлать карьеру, представлялъ мнѣ случай и поводъ предложить свои услуги для чтенія лекцій статистики наслѣднику. Но, по зрѣломъ обсужденіи, я на это не рѣшился. Уже одно указаніе, что лекціи должны состоять изъ однихъ фактовъ, т. е. безъ объясненія ихъ значенія и смысла, представляло для меня мало соблазнительнаго. Излагать съ глубокимъ видомъ ученаго однѣ цифры, которыя каждый безъ всякой науки можетъ и самъ находить въ любомъ статистическомъ ежегодникѣ, — это дѣло столь же скучное для лектора, какъ и для слушателя. Конечно, можно одною уже группировкою простыхъ фактовъ сказать многое, дающее имъ смыслъ, не рассказывая его и не подчеркивая ихъ значенія какими-либо комментаріями. Но для этого, кромѣ особаго таланта, необходимо было близкое знакомство съ тою обстановкою, въ которой должны были происходить лекціи цесаревичу, съ понятіями и требованіями тѣхъ лицъ, подъ надзоромъ и контролемъ которыхъ они поставлены, и прежде всего самого гр. Строганова, какъ воспитателя великаго князя. Излагать науку такъ, какъ самъ ее понимаешь, безо всякой утайки и поддѣлки—есть задача на столько пріятная, что ею можно увлечься; но читать ее *in usum delphini*—на это я не чувствовалъ въ себѣ достаточно способностей. *Sim ut sum, aut non sim*. Кромѣ того чтеніе лекцій, о которыхъ мнѣ писалъ Купферъ, во всякомъ случаѣ потребовало бы много времени для приготовленій къ нимъ, а исполненіе обязанностей по званію непремѣннаго секретаря, въ которое я былъ облеченъ не задолго передъ тѣмъ конференціею Академіи (1858, ноября 1-го), поглощало все мое время и всѣ мои помыслы. Поэтому, отвѣчая Купферу на его вопросъ, я, ничего не говоря о себѣ, назвалъ ему имена профессоровъ, читавшихъ статистику въ разныхъ университетахъ, какъ на кандидатовъ, изъ которыхъ можетъ быть сдѣланъ выборъ самимъ Строгановымъ.

Вскорѣ затѣмъ я получилъ отъ Ивана Ивановича Давыдова, директора Педагогическаго института, уже прямой вопросъ отъ имени графа Строганова, не желаю ли я принять на себя чтеніе лекцій статистики наслѣднику цесаревичу. Ему я отвѣчалъ, что какъ ни лестно было бы для меня такое порученіе, но, не занимавшись никогда преподаваніемъ и не имѣя поэтому случая приобрѣсти навыка въ немъ, я опасаюсь, что не буду въ состояніи оправдать высокаго довѣрія, которое было бы мнѣ въ этомъ случаѣ оказано. Тѣмъ и окончились эти переговоры.

наго, который ограничился бы одними фактами, не дѣлая ихъ канвою для политическихъ идей какой-нибудь партіи, однимъ словомъ, чтобы онъ не былъ ни краснымъ, ни бѣлымъ. Подумайте объ этомъ и дайте мнѣ отвѣтъ, какъ скоро вы будете довольны выборомъ“.

*

Слѣдствіемъ этого было то, что къ чтенію означенныхъ лекцій былъ приглашенъ профессоръ Кіевскаго университета Н. Хр. Бунге, которому эти лекціи открыли дорогу къ министерскому портфелю.

За два года до смерти графа Блудова, послѣ ефемернаго министерства графа Путятина (1861), на постъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ 25-го декабря 1861 г. А. В. Головининъ, имѣвшій большое вліяніе на Академію. вмѣсто того, чтобы оставлять всецѣло за президентомъ работу о ближайшемъ направленіи дѣлъ, касающихся внутренней жизни ученаго учрежденія, онъ часто принималъ такую заботу непосредственно на себя, пользуясь при этомъ правами добраго лицейскаго товарищества со мною. Минуя громоздкія формы оффиціальныхъ бумагъ за номеромъ, онъ, и будучи уже министромъ, сохранилъ для сношеній между нами существовавшую и прежде форму маленькихъ интимныхъ записокъ даже и тогда, когда онъ касались дѣлъ Академіи. Пока живъ былъ Блудовъ, вліяніе Головинина на Академію было еще не очень чувствительно, но при преемникѣ Блудова,—при графѣ Литке, оно было таково, что въ сущности Академіей управлялъ не столько президентъ, сколько непосредственно самъ министръ.

Однимъ изъ первыхъ дебютовъ Головинина въ роли министра народнаго просвѣщенія была забота объ упорядоченіи всего, что касается дѣлъ періодической печати и въ особенности цензуры, бывшей въ то время еще въ вѣдомствѣ того министерства. Въ этихъ видахъ, онъ, вскорѣ послѣ своего назначенія, пригласилъ къ себѣ редакторовъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ на совѣщаніе объ этомъ предметѣ, а вслѣдъ затѣмъ, въ февралѣ 1862 г., и я былъ приглашенъ къ Головинину, который сообщилъ мнѣ о своемъ предположеніи дать дѣлу цензуры иную организацію, а для доставленія по этому предмету проекта новаго устава назначить особую комиссію, придавъ ей, въ отношеніи ея состава, не столько чиновничій, сколько ученый характеръ; вслѣдствіе чего онъ назначаетъ меня предсѣдателемъ такой комиссіи. Какъ я ни отпѣкивался отъ такой чести, приводя разные резоны, онъ, однако, принимая, кажется, мой отказъ за отказъ пьяницы отъ чарки вина, настаивалъ на своемъ и заставилъ меня согласиться, сказавъ съ удареніемъ, что я дол же н ѣ принять предсѣдательство въ комиссіи, на которую будетъ возложено дѣло такой государственной важности, и что онъ мнѣ предоставляетъ сдѣлать выборъ лицъ для назначенія въ члены этой комиссіи. На это я замѣтилъ, что для сохраненія за комиссіею, согласно его желанію, характера ученаго, естественнѣе всего было бы составить ее изъ профессоровъ университета какъ юристовъ, такъ и тѣхъ, которые и сами бывали цензорами и слѣдовательно знакомы съ цензурною практикою, при чемъ, въ видѣ примѣра, назвалъ А. В. Ни-

китенко; впрочемъ, я просилъ дать мнѣ подумать объ остальныхъ, и мы условились, что дня черезъ два или три я представлю ему списокъ предполагаемыхъ мною кандидатовъ въ члены комиссіи. На этомъ мы и разстались, но еще не истекъ этотъ срокъ, какъ я получилъ уже теперь отъ министра официальную бумагу, которою мнѣ давалось знать, что комиссія для пересмотра, измѣненія и дополненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія, назначена имъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Д. А. Оболенскаго, и что я назначенъ въ эту комиссію членомъ. Эта сухая официальная бумага послѣ выше описанной полу-начальнической, полу-товарищеской бесѣды, безъ всякихъ объясненій о причинѣ перемѣны, не могла не возмутить меня, и я въ первую минуту хотѣлъ было написать Головинну письмо, съ просьбою уволить меня изъ числа членовъ комиссіи; но въ это самое время прѣзжаетъ ко мнѣ князь Оболенскій и сообщаетъ, что Головинну очень совѣстно, что онъ такъ поступилъ со мною, при чемъ Оболенскій усердно просилъ меня не отказываться отъ членства въ комиссіи. Нечего было дѣлать; чтобы не выказывать мелочную обидчивость, когда дѣло идетъ о дѣлѣ дѣйствительно государственной важности, я, по слабости характера, уступилъ и впоследствии жалѣлъ.

Эта комиссія состояла, кромѣ меня, изъ предсѣдателя Петербургскаго цензурнаго комитета, В. А. Цев, профессора полицейскаго права Петербургскаго университета Андріевскаго и директора департамента народнаго просвѣщенія Воронова. Засѣданія комиссіи начались тотчасъ по ея учрежденіи и происходили въ квартирѣ Оболенскаго, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ графа Протасова, тестя Оболенскаго. Въ первыхъ засѣданіяхъ предстоявшая работа была раздѣлена между членами: на меня было возложено—приготовить главу о періодическихъ изданіяхъ; Вороновъ взялъ на себя главу о порядкѣ надзора за типографіями, литографіями и другими заведеніями, связанными съ печатнымъ дѣломъ; Андріевскій долженъ былъ проектировать статьи о карательныхъ мѣрахъ за проступки и преступленія, совершенные посредствомъ печатнаго слова, а князь Оболенскій оставилъ за собою проектированіе общихъ постановленій. По распредѣленіи такимъ образомъ работы, мы разстались до осени, обязавшись изготовить къ тому времени каждымъ принятую имъ на себя часть общаго труда. Я тотчасъ же принялся за специальное изученіе законодательства о періодической печати главнѣйшихъ государствъ: Франціи, Бельгіи, Австріи, Пруссіи и другихъ государствъ Германіи; обложившись полною, или по крайней мѣрѣ лучшею литературою предмета, трактатами и комментаріями, я при помощи такихъ пособій составилъ проектъ постановленій, который по долгомъ обдумываніи представлялся мнѣ наиболѣе отвѣчающимъ съ

одной стороны видамъ правительства, а съ другой—интересамъ литературы.

Еще не возобновлялись засѣданія коммиссіи и проектъ мой еще не былъ сообщенъ ни предсѣдателю, ни членамъ ея, какъ Головиннъ раза два призывалъ меня къ себѣ, чтобы освѣдомиться о положеніи работъ коммиссіи, и, узнавъ, что лежавшая на мнѣ часть ихъ уже готова, потребовалъ, чтобы я написалъ о главныхъ выводахъ, къ которымъ я пришелъ, «статью для газетъ». Это было совершенно въ его духѣ. Объ этихъ выводахъ онъ весьма мало меня спрашивалъ, а главнымъ дѣломъ для него было завязать газетную полемику. Въ первый разъ, что онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, я еще могъ отдѣлаться кое-какими уклончивыми фразами, но когда онъ во второй разъ повторилъ свое требованіе о газетной статьѣ, я вынужденъ былъ сказать ему, что приготовленная мною работа есть изложеніе пока лишь моего личнаго взгляда, до котораго публикѣ нѣтъ никакого дѣла; что работа моя исполнена по порученію коммиссіи, но ей еще не была сообщена, и что поэтому отдать ее на судъ печати, прежде чѣмъ она подвергнется обсужденію членовъ коммиссіи, я счелъ бы поступкомъ неприличнымъ по отношенію своихъ товарищей по коммиссіи. Такое возраженіе не понравилось министру, да и не могло ему понравиться. Головиннъ при всей своей учтивости—даже утонченной учтивости—не терпѣлъ, какъ министръ, возраженій, и тотчасъ же впадалъ въ начальническій тонъ, съ оттенкомъ досады. Какъ бы то ни было, я не поступился своими убѣжденіями и статьи для газетъ не написалъ.

Такая неподатливость моя получила потомъ должное возмездіе. Когда коммиссія, окончивъ порученное ей дѣло, была 14-го января 1863 года закрыта, то Головиннъ объявилъ князю Оболенскому, за его усердіе, благодарность его императорскаго величества, предоставивъ ему объявить такую же и лицамъ, участвовавшимъ въ трудахъ коммиссіи. Эта градація въ способѣ объявленія высочайшей благодарности была тонкимъ чиновничьимъ уколомъ, который я понялъ, но къ которому остался совершенно равнодушенъ. Работая не для награды, я счелъ для себя самою лучшею наградою то, что проектируемые мною статьи закона о печати, относящіяся до періодическихъ изданій, по обсужденіи ихъ какъ въ означенной коммиссіи, такъ и въ бывшей потомъ по тому же предмету второй коммиссіи, и наконецъ въ Государственномъ Совѣтѣ, были одобрены почти безъ всякихъ существенныхъ измѣненій и вошли въ дѣйствующій законъ почти цѣликомъ въ той редакціи, какая была мною предложена.

Во все время президентства графа Блудова расходъ на удовлетворенія такихъ потребностей Академіи, для которыхъ по штату не отпускалось особыхъ суммъ изъ Государственнаго казначейства, произ-

водился изъ бывшей тогда въ ея распоряженіи такъ называемой экономической суммы, составлявшейся изъ доходовъ, какіе ей предоставлялось самой извлекать изъ назначенныхъ ей для этого оброчныхъ статей, а именно изъ доходовъ отъ изданій «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», отъ продажи календарей, отъ частныхъ работъ, производимыхъ въ типографіи Академіи, отъ продажи академическихъ изданій и пр. Поэтому увеличеніе доходности этихъ источниковъ составляло постоянную заботу ея администраціи. Обстоятельства времени, о которомъ я говорю, заставили обратить особое вниманіе на необходимость мѣръ къ увеличенію доходности «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Эта газета, старѣйшая представительница русской періодической печати, была долгое время въ рукахъ Очкина, который былъ сперва только редакторомъ на жалованьи, когда газета издавалась самою Академіею, а потомъ получилъ ее въ арендное содержаніе, соединяя въ себѣ званіе и редактора и издателя. Послѣдній контрактъ его съ Академіею былъ заключенъ 28-го декабря 1856 года, срокомъ на шесть лѣтъ, т. е. по 28-е декабря 1862 года, такъ что дальнѣйшія мѣры относительно этой газеты приходились на время президентства Блудова. Очкинъ велъ редакторское дѣло «аккуратно¹⁾ и благонамѣренно», не ссорился съ своимъ цензоромъ²⁾, такъ какъ онъ и самъ былъ прежде цензоромъ; понимая свое время и будучи по природѣ человѣкомъ смиреннымъ и даже смиреннымъ, онъ былъ самъ для своей газеты строже всякаго цензора. При этомъ онъ, конечно, не могъ придать «Вѣдомостямъ» особой жизни и значенія и если свою аренду, впрочемъ очень умѣренную³⁾, онъ долгое время уплачивалъ исправно, т. е. другими словами—велъ дѣло не безъ выгоды для себя, то единственно благодаря тому, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» были долгое время вполне защищены отъ всякой конкуренціи⁴⁾. Но эта блаженная для редакціи пора постепенно, незамѣтно смѣнялась иными днями: съ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ литература стала оживляться, печатному слову

¹⁾ Объ этихъ мѣрахъ я имѣлъ случай помѣстить особую статью въ „Русскомъ Архивѣ“ П. И. Бартенева, 1893 г., № 7; но для полноты разсказа о дѣлахъ, характеризующихъ президентство Блудова, я позволилъ себѣ привести здѣсь небольшое пвлеченіе изъ той статьи.

²⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ до 1848 г. издавались безъ цензуры, но въ этомъ году въ числѣ другихъ мѣръ усиленія надзора за періодическою печатью, и имъ данъ съ 9-го апрѣля того года цензоръ.

³⁾ Онъ платилъ Академіи за право изданія по 13.000 руб. въ годъ, и сверхъ того по 1 рублю за каждый годовой экземпляръ газеты свыше 5.000 экземпляровъ.

⁴⁾ Въ то время еще не утратилъ силы циркуляръ графа Уварова по цензурному вѣдомству отъ 1-го октября 1836 г., запрещавшій входить съ представленіями о разрѣшеніи новыхъ періодическихъ изданій.

понемногу давалось болѣ простора, начали появляться новыя періодическія изданія, и къ ежедневнымъ газетамъ ходъ времени предъявлялъ новыя требованія, тогда какъ самъ Очкинъ старѣлъ, былъ одолеваемъ старческими недугами, и послѣ случившагося съ нимъ параличнаго припадка, былъ вынужденъ ежегодно въ лѣтніе мѣсяцы ѣздить для лѣченія за границу на минеральныя воды. Въ этихъ обстоятельствахъ онъ взялъ себѣ въ помощники А. А. Краевскаго, съ которымъ и заключилъ частный контрактъ; этотъ контрактъ, какъ частная между ними сдѣлка, былъ заключенъ помимо Академія, которой содержаніе его оставалось неизвѣстнымъ. Кажется, по заключеніи такого контракта, Очкинъ былъ только по имени редакторомъ газеты, а въ дѣйствительности редактировалъ, а, можетъ быть, и издавалъ ее Краевскій; но до этого Академія не было никакого дѣла, такъ какъ всѣ обязательства контрагента по отношенію къ ней въ точности исполнялись. Краевскій, я думаю, видя въ Очкинѣ человѣка отжившаго, разбитаго параличемъ, не упустилъ бы, если бы могъ, перевести на свое имя весь контрактъ его съ Академіею; но дѣло въ томъ, что едва-ли онъ въ то время могъ бы получить на такую передачу разрѣшеніе со стороны цензурнаго вѣдомства, у котораго онъ состоялъ еще съ 1849 года на худомъ счету ¹⁾, такъ что когда въ 1855 г. Очкинъ уѣзжалъ на три мѣсяца за границу лѣчиться, министръ народнаго просвѣщенія, разрѣшивъ поручить Краевскому на это время всѣ обязанности редактора и издателя «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», предложилъ Академіи имѣть за редакціею ихъ самое строгое наблюденіе.

Въ этихъ обстоятельствахъ, въ виду предстоявшаго истеченія срока контракта съ Очкинымъ, Академія должна была заблаговременно позаботиться о томъ, чтобы передать газету въ болѣе солидныя руки; чтобы въ то время, какъ подготовлялись великія реформы государственныя, открывались новые горизонты для общественной дѣятельности и зарождалась у насъ публицистика, имѣть во главѣ редакціи человѣка, который сдѣлалъ бы изъ старѣйшей русской газеты органъ, отвѣчающій требованіямъ времени ²⁾. Въ охотникахъ съестъ послѣ Очкина на редакторское кресло недостатка не было, осо-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1892 г., іюль, Воспоминанія С. Д. Полторацкаго, стр. 46.

²⁾ Что такимъ человѣкомъ не могъ быть и физически и умственно отжившій Очкинъ, въ томъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Это доказалъ всего лучше самъ же Очкинъ, когда, по прекращеніи контракта съ Академіею, онъ затѣялъ издавать новую ежедневную газету „Очерки“, жалко просуществовавшую всего съ небольшимъ три мѣсяца (съ 1-го января по 8-е апрѣля 1863 г.), а черезъ два года и самъ Очкинъ скончался, 12-го марта 1865 года.

бенно между чиновниками и такого сорта претендентами, которые готовы были, за неимѣніемъ литературныхъ заслугъ, проложить себѣ дорожку путемъ протекціонизма. При этомъ случаѣ нельзя не вспомнить съ глубокою признательностью о графѣ Д. Н. Блудовѣ. Высоко цѣня Академію, онъ никогда не оказывалъ на нее какого-либо давленія, въ угоду какихъ бы то ни было вліяній на него со стороны; по отличавшему его возвышенному чувству справедливости, онъ, во всѣхъ дѣлахъ, связанныхъ съ честью Академіи, оказывалъ ей полное довѣріе и предоставлялъ ей самой свободно рѣшать всѣ тѣ самые существенные и часто деликатные вопросы, по которымъ она одна несла отвѣтственность. Когда я въ первый разъ докладывалъ ему дѣло о газетѣ и спросилъ, не имѣетъ ли онъ въ виду кого-либо, кому онъ счелъ бы желательнымъ поручить редакцію, то Блудовъ сказалъ, что онъ предоставляет Академіи поискать достойнѣйшаго, полагаясь вполне на ея выборъ, но не желаетъ стѣснять ее какимъ-либо съ своей стороны указаніемъ, лишь бы только не былъ ею предложенъ въ редакторы Краевскій. Это произнесъ онъ съ особымъ удареніемъ, которое давало знать, что то была не мимолетная фраза. Тогда я обратилъ вниманіе Блудова на то, что лучшею большою политическою газетою были тогда «Московскія Вѣдомости», обязанныя своимъ превосходствомъ, конечно, таланту М. Н. Каткова, бывшаго ихъ редакторомъ до 1855 г. и который, можетъ быть, согласится переселиться въ Петербургъ и взять въ аренду академическую газету. Эта мысль очень понравилась графу и по его порученію я тотчасъ же написалъ объ этомъ Каткову въ Москву. Но прошло много времени, а отвѣта на мое письмо не было. Такое молчаніе нельзя было понять иначе, какъ за отказъ, а между тѣмъ время летѣло, и долѣе медлить рѣшеніемъ дѣла о газетѣ не было возможно. Тогда явилась мысль о Валентинѣ Ѳедоровичѣ Коршѣ. Лично его въ Академіи не знали, но на него, какъ на желаннаго кандидата, указывало то обстоятельство, что онъ былъ послѣ Каткова, т. е. съ 1856 г., редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и съ того времени содѣйствовалъ доставленію этой газетѣ выдающагося положенія въ русской тогдашней прессѣ¹⁾. Въ этихъ соображеніяхъ было, по порученію Блудова, писано Коршу, который, вмѣсто того, чтобы перекидываться письмами, тотчасъ пріѣхалъ изъ Москвы и подалъ Блудову, 23-го января 1862 г., записку объ условіяхъ, на которыхъ онъ соглашался принять на себя изданіе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Вслѣдъ затѣмъ, 16-го апрѣля того же года

---

¹⁾ Помощникомъ Корша по редакціи означенныхъ „Вѣдомостей“ былъ съ 1856 года по октябрь 1857 года К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, а послѣ него— М. П. Щепкинъ.

было получено въ Академіи отъ Головинина увѣдомленіе, что, по его всеподданнѣйшему докладу о порядкѣ отдачи въ аренду «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», государь императоръ повелѣтъ соизволилъ: предоставить графу Блудову отдавать эти «Вѣдомости» собственною его властью лицамъ по его избранію и на условіяхъ, какія онъ признаетъ правильными⁴⁾. При этомъ Головининъ просилъ увѣдомить его, то ль ко для свѣдѣній, кому и на какихъ условіяхъ будетъ предоставлено изданіе «Вѣдомостей». На этомъ основаніи проектъ контракта съ Коршемъ былъ утвержденъ графомъ Блудовымъ 28-го апрѣля 1862 г. срокомъ на шесть лѣтъ, съ 1-го января 1863 г. по 31-е декабря 1868 г. Прибавлю съ сожалѣніемъ, что Коршъ не совладѣлъ со всеми трудностями, какія ему представлялись при изданіи газеты, и далъ поводъ къ тому, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» были графомъ Д. А. Толстымъ перенесены изъ Академіи наукъ въ непосредственное завѣдываніе министерства народнаго просвѣщенія. Но это относится уже къ позднѣйшему времени, которое лежитъ за предѣлами того періода лѣтъ, которыми ограничиваются настоящія воспоминанія.

Нѣсколько дней спустя по рѣшеніи дѣла съ Коршемъ, но еще до подписанія контракта съ нимъ, Блудовъ потребовалъ меня къ себѣ и сказалъ: «Вотъ Катковъ пріѣхалъ изъ Москвы и былъ у Антонины (дочери графа, жившей вмѣстѣ съ нимъ), которая проситъ отдать ему «С.-Петербургскія Вѣдомости»; но я сдѣлать этого не могу, такъ какъ я далъ слово Коршу. Я готовъ доставить Каткову вознагражденіе въ иномъ видѣ. Повидайтесь съ нимъ и предложите ему, не хочетъ ли онъ взять и издавать отъ имени Академіи ученый журналъ, въ родѣ Парижскаго *Journal des Savants*, при чемъ мы могли бы предоставить ему нужныя средства. А между тѣмъ онъ незнакомъ съ министромъ народнаго просвѣщенія и желаетъ быть ему представленнымъ. Вы хорошо знакомы съ Головиннымъ, такъ съѣздите къ нему съ Катковымъ и представьте его министру».

Такъ и было сдѣлано. Я заѣхалъ за Катковымъ въ гостиницу, въ которой онъ остановился, и привезъ его къ Головинину, который жилъ тогда на Гагаринской пристани, въ домѣ Яковлева. Представленіе было не длинное и ограничилось обычнымъ въ этихъ случаяхъ обмѣномъ фразъ. Головининъ, который съ близкими ему людьми и въ интимномъ кругу былъ пріятливъ и изысканно любезенъ, почему-то, когда говорилъ какъ министръ, съ людьми мало ему знакомыми, старался принимать на себя видъ какой-то напускной важности—*gravitas romana*—

⁴⁾ Этимъ отмѣнялся существовавшій дотогѣ порядокъ, по которому объ отдахъ „Вѣдомостей“ въ аренду Академія входила съ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія, а имъ дѣло вносилося въ Комитетъ министровъ.

которая такъ мало шла къ его вѣдѣности. Этимъ ли или чѣмъ другимъ, только произвелъ онъ на Каткова невыгодное впечатлѣніе, и когда мы вышли отъ министра и спускались съ лѣстницы, Катковъ тутъ же коротко сказалъ мнѣ: «а не нравится мнѣ вашъ Головиннѣ».

Сдача съ 1863 г. «Петербургскихъ Вѣдомостей» въ аренду Коршу повлекла за собою два эпизода. Для Каткова она послужила поводомъ просить и получить въ арендное содержаніе «Московскія Вѣдомости», которыя онъ прежде издавалъ только какъ редакторъ на жалованьи за счетъ университета, и создать одною силою своего таланта органъ печати небывалаго до того времени значенія. Въ немъ онъ явился систематическимъ и сильнымъ противникомъ Головина и своими яростными на него нападками много содѣйствовалъ его паденію. А. Краевскій нашелъ себѣ дорогу къ сердцу министра народнаго просвѣщенія и при его поддержкѣ основалъ свою ежедневную политическую газету «Голосъ», съ характеромъ министерскаго оффиціоза, который однако не смогъ защитить Головина отъ нападковъ московской газеты, но за то съ самаго своего основанія радушно открылъ свои столбцы, вѣроятно въ интересахъ народнаго просвѣщенія, безпрестаннымъ и всаческимъ нападкама на Академію наукъ.

Когда Шницлеръ задумалъ свое извѣстное сочиненіе «L'Empire des Tsars», то, будучи знакомъ съ А. В. Головиннымъ, обратился къ нему съ просьбою содѣйствовать ему въ исполненіи этого предпріятія сообщеніемъ свѣдѣній о министерствѣ народнаго просвѣщенія и подвѣдомыхъ ему учрежденіяхъ. Такъ какъ это соотвѣтствовало всегдашнимъ заботамъ нашего правительства способствовать распространенію за границей правильныхъ свѣдѣній о Россіи, то Головиннѣ принялъ просьбу Шницлера очень горячо и поручилъ составленіе записки съ означенными свѣдѣніями одному изъ чиновниковъ его министерства, который исполнялъ приказанія начальства, какія бы они ни были, безъ отговорокъ и скоро. Записка была составлена и приготовлена къ печати; но когда она была представлена Головину въ корректуру, то онъ, прежде чѣмъ одобрить ее, прислалъ ее мнѣ при слѣдующей пидулкѣ: отъ 27-го октября 1863 г. «Прилагаемая при семъ въ корректуру записка составлена для Шницлера, который помѣститъ ее въ третьемъ томѣ «L'Empire des Tsars», и можетъ быть и мы напечатаемъ ее въ «Журналѣ министерства просвѣщенія», но прежде отсылки Шницлеру прошу васъ потрудиться исправить свѣдѣнія, касающіяся Академіи наукъ, и возвратитъ мнѣ».

Прочитавъ записку, я увидѣлъ, что составитель ея, очевидно, совсѣмъ незнакомый съ исторіею Академіи наукъ, не придумалъ ничего лучшаго, какъ взять всѣ свѣдѣнія о ней изъ одной весьма тенденціозной о ней статьи Русскаго Энциклопедическаго Словаря. Поэтому, возвращая Головину доставленную имъ корректуру, я отвѣчалъ ему, что въ приго-

товленной для Шницлера запискѣ «статья объ Академіи наукъ составлена весьма неудовлетворительно; при всей своей краткости, она содержитъ въ себѣ много невѣрнаго относительно Академіи, и при томъ, такъ какъ эта невѣрность относится не столько къ существу фактовъ, сколько къ ихъ оцѣнкѣ и къ духу изложенія, то исправить эту статью измѣненіемъ нѣкоторыхъ выраженій и невѣрныхъ указаній на факты невозможно, а было бы необходимо, вмѣсто нея, составить совершенно новую статью, которая полнѣе и правильнѣе изображала бы исторію Академіи и болѣе соответствовала бы требованію тѣхъ читателей, для которыхъ она назначается. Самъ г. Шницлеръ, человѣкъ весьма начитанный и хорошо знакомый съ трудами нашей Академіи, былъ бы, конечно, весьма удивленъ этой статьѣ, если бы получилъ ее въ настоящей ея редакціи и при томъ отъ самого министерства народнаго просвѣщенія. Еще менѣе удобно было бы помѣщеніе этой статьи въ «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія». Въ поясненіи моей мысли долгомъ считаю присовокупить, что составитель упомянутой статьи, видимо, въ своемъ изложеніи слишкомъ близко держался статьи, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ была напечатана противъ Академіи, и въ которой авторъ, увлекаясь пристрастными взглядами той школы, къ которой онъ принадлежитъ, очевидно, нисколько не дорожа историческою истиною, искаженіе фактовъ недостаточно извѣстной ему исторіи Академіи употребилъ какъ средство для проведенія своихъ одностороннихъ политическихъ убѣжденій, не имѣющихъ, впрочемъ, никакого отношенія къ исторіи наукъ. Такъ какъ по изложеннымъ выше причинамъ исправить доставленную вами статью невозможно, то долгомъ считаю обратить ваше вниманіе на то, что для приложенія къ составляемому нынѣ проекту устава готовится историческая записка о трудахъ и дѣятельности Академіи за все время ея существованія, и что этою запискою могла бы быть замѣнена статья объ Академіи въ запискѣ, назначенной для г. Шницлера».

На это Головиннѣ отвѣчалъ записочкой отъ 4-го ноября: «я вамъ чрезвычайно благодаренъ за прекрасную мысль замѣнить въ запискѣ для Шницлера то, что говорится объ Академіи, статью, которая готовится у васъ, и буду ожидать эту статью съ нетерпѣніемъ».

Нѣсколько дней послѣ того, именно 12-го ноября того же 1863 г., я получилъ отъ Головина слѣдующую писульку: «Вотъ, почтеннѣйшій Константинъ Степановичъ, статья «Современника», которую я прошу васъ серьезно заняться и на которую написать сильное опроверженіе, чтобы разъ навсегда покончить съ толками о бесполезности Академіи; пожалуйста покажите мнѣ вашу статью прежде напечатанія».

При этой запискѣ была приложена октябрьская книжка «Современ-

ника» 1863 г., въ которой въ отдѣлѣ «Внутреннее Обзорѣніе» стр. 403—409, былъ напечатанъ написанный въ ироническомъ тонѣ обзоръ нѣкоторыхъ послѣднихъ трудовъ Академіи, преимущественно по отдѣленію русскаго языка и словесности, и помѣщены насмѣшки надъ Я. К. Протомъ и надъ его изданіемъ Державина.

Такое подталкиваніе меня Головиннымъ на полемику съ газетами изъ-за Академіи—было не первое; напротивъ, подобныя требованія возобновлялись имъ нерѣдко, и я рѣшился разъ навсегда покончить не съ газетными выходками противъ Академіи—ихъ нельзя прекратить никакими опроверженіями—а съ наталкиваніями меня на газетную войну. Въ этихъ видахъ я написалъ Головинну совершенно частное, интимное письмо, въ которомъ очень откровенно высказалъ мои взгляды на вопросъ, поднятый его пріятельскою записочкой. Если такое учрежденіе, какъ Академія наукъ, можетъ черезъ газеты опровергать лишь невѣрное изложеніе фактовъ, до нея относящихся, но не имѣетъ никакихъ средствъ на то, чтобы прекратить въ газетахъ сужденія и толки о ней хотя бы даже и о бесполезности ея, особенно еще менѣе можетъ она выступать съ опроверженіями противъ насмѣшекъ надъ нею, когда вся цѣль журнальныхъ балагуровъ—показать свое остроуміе и позабавить читателей подобно анонимному остряку фельетоннаго отдѣла «Современника». Наконецъ, если Головиннъ желаетъ прекращенія газетныхъ нападокъ на Академію, то у него для этого есть всѣ средства. Главнымъ образомъ эти нападки пускаются въ свѣтъ газетою, составляющею оффиціозный органъ его министерства «Голосомъ», а оттуда, какъ эхо, вторятся другими изданіями, и ему стоитъ сказать слово Краевскому, и нападки прекратятся. Моею откровенностью Головиннъ оскорбился и отвѣчалъ мнѣ не маленькой писулькой, съ которой завязалась эта переписка, а длиннымъ письмомъ въ начальническомъ тонѣ. Въ немъ совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что Академіи не слѣдуетъ вступать въ споры съ журналами, отличающимися недобросовѣстностью къ ней, онъ утверждаетъ, будто ученая дѣятельность Академіи подвергается въ теченіе многихъ лѣтъ порицаніямъ (совершенно произвольное и ни на чемъ не основанное утвержденіе) и такъ какъ они остаются безъ опроверженія (какъ будто можно опровергать порицанія; противъ нихъ можно только оправдываться, но оправданія путемъ газетъ были бы несогласны съ достоинствомъ Академіи, да они были бы и бесполезны; единственнымъ достойнымъ ея оправданіемъ служатъ ея собственныя изданія, весьма распространенныя и уважаемыя во всемъ ученомъ мірѣ); далѣе онъ заявляетъ, будто этими газетными порицаніями обусловливаются между прочимъ трудности, съ которыми сопряжено усиленіе средствъ Академіи (тогда какъ Головиннъ, будучи

министромъ, не сдѣлалъ ни одной попытки къ какому бы то ни было усиленію средствъ Академіи), и сводитъ все это къ тому, что обвиняетъ во всемъ этомъ непремѣннаго секретаря, упрекая меня въ томъ, что я не пишу въ газетахъ популярныхъ статей о трудахъ Академіи, т. е. другими словами—что я не рекламирую академическихъ изданій, какъ будто писаніе такихъ статей входитъ въ кругъ обязанностей непремѣннаго секретаря, а не частныхъ періодическихъ изданій, которыя понимаютъ свой долгъ передъ отечественнымъ просвѣщеніемъ.

Эта переписка имѣла послѣдствіемъ, что понуканія меня на газетную полемику съ той поры прекратились, но за то между нами произошло охлажденіе, продолжавшееся все время, что Головинъ былъ министромъ.

Въ дѣлѣ пополненія рядовъ членовъ Академіи графъ Блудовъ дѣлалъ строгое различіе между избраніемъ дѣйствительныхъ ея членовъ и членовъ почетныхъ; относительно первыхъ, онъ предоставлялъ конференціи полную свободу, не желая стѣснять ее какими-либо съ своей стороны внушеніями, зато относительно назначенія почетныхъ членовъ онъ широко пользовался правами, присвоенными президенту уставомъ. За его время на открывавшіяся вакантныя мѣста были приняты академики: по физико-математическому отдѣленію: математикъ О. И. Сомовъ, астрономъ А. Н. Савичъ, зоологъ Л. И. Шренкъ и физиологъ—Ф. В. Овсянниковъ; по отдѣленію русскаго языка и словесности: П. П. Павскій, Ѳ. И. Буслаевъ, П. С. Билярскій, П. П. Пекарскій; и по историко-филологическому отдѣленію: по языкамъ и этнографіи финскихъ племенъ Ф. И. Видеманъ, по греческой и римской словесности А. К. Наукъ, и ориенталистъ В. В. Вельяминовъ Зерновъ.

Такъ какъ число почетныхъ членовъ не ограничено ни уставомъ, ни какимъ-либо постановленіемъ конференціи, то президентъ имѣлъ полный просторъ предлагать къ избранію такое число, какое считалъ нужнымъ. Такимъ образомъ по его предложенію было избрано почетныхъ членовъ: въ 1855 году—8, 1856—11, 1857—11, 1858—8, 1859—4, 1861—2, 1862—1, 1863—4, всего—49 членовъ.

Правда, что академики считали такое переполненіе списка почетныхъ членовъ по разнымъ причинамъ неудобнымъ и нежелательнымъ; но изъ уваженія къ Блудову давали, хотя и не охотно, бѣлые шары предлагавшимся имъ кандидатамъ.

Какъ непремѣнный секретарь, будучи поставленъ въ частія непосредственныя отношенія къ графу Блудову, я получилъ возможность близко узнать эту почтенную личность, и болѣе и болѣе проникался глубокимъ къ нему уваженіемъ. Первый сановникъ въ Имперіи, принимавшій въ теченіе болѣе полустолѣтія участіе въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, осыпанный милостями двухъ монарховъ, Блудовъ и на высотѣ своего

общественнаго положенія сохранялъ свою необыкновенную простоту, какъ въ обращеніи съ людьми, такъ и въ своей жизни. Не дѣлая различія между сходящимися съ нимъ, ни по чинамъ, ни по богатству или знатности, онъ цѣнилъ въ людяхъ только умъ и душевныя достоинства, былъ ко всѣмъ привѣтливъ и доброжелателемъ. Въ его обращеніи не было замѣтно и тѣни какого-либо высокомерія или чувства своего превосходства, какія въ его высокомъ положеніи могли бы быть столь естественны и извинительны. Такъ съ нами, съ академиками, онъ былъ какъ равный съ равными. Когда онъ былъ назначенъ президентомъ, онъ жилъ во второмъ этажѣ небольшого дома Бодиско, по Офицерской улицѣ, возлѣ Пассажа; кто бы зашелъ въ его квартиру, не зная, кѣмъ она занята, никакъ бы не угадалъ, что тутъ живетъ важный государственный сановникъ, такъ проста была вся обстановка небольшого числа занимаемыхъ имъ комнатъ, съ ихъ незатѣйливою мебелью, съ отсутствіемъ въ нихъ какихъ бы ни было предметовъ роскоши, и единственною декорациею которыхъ служили развѣшенные по стѣнамъ фамильные портреты въ старинныхъ, потускнѣвшихъ рамахъ.

Другою характерною чертою Блудова была необыкновенная душевная доброта, не та, которая выражается пріятными улыбками и ласковыми словами, а доброта, вытекающая прямо изъ сердечной потребности. Блудовъ былъ счастливъ, когда могъ оказать кому-нибудь услугу, или сдѣлать человѣку что-нибудь пріятное. Ни въ одномъ вѣдомствѣ служащіе не получали столько наградъ, какъ во Второмъ отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи за время завѣдыванія имъ Блудова. Точно также въ Академіи никогда ни прежде, ни послѣ не было столько награждаемыхъ, какъ при немъ, и я могу по всей справедливости сказать, что когда дѣлаемыя имъ представленія о наградахъ удостоивались высочайшаго утвержденія, онъ радовался больше, чѣмъ сами награжденные.

Искренно гуманный, графъ Н. Д. Блудовъ былъ глубоко преданъ дѣлу просвѣщенія и блага отечества. Очень хорошо сказалъ о немъ одинъ изъ близкихъ друзей его, М. Н. Лонгиновъ: «Никакія вліянія, никакія колебанія въ историческомъ ходѣ судебъ нашего отечества не могли заставить его измѣнить дѣлу просвѣщенія, когда обстоятельства неблагопріятствовали этому дѣлу. Посреди такихъ обстоятельствъ онъ иногда удалялся и молчалъ, но не принималъ солидарности съ ними, и ему никогда не предложили бы дѣйствовать въ подобныхъ обстоятельствахъ; а это уже было много. Роль графа Блудова въ этомъ отношеніи была не только блистательна, но и благотворна»¹⁾.

Въ связи съ содержаніемъ этой замѣтки позволю себѣ привести здѣсь

¹⁾ Современная лѣтопись „Московскихъ Вѣдомостей“ 1864, № 8-й.

слышанное мною въ то время отъ одного лица, близко знакомаго съ дѣловыми сферами Петербурга. Императоръ Николай Павловичъ очень цѣнилъ и уважалъ Блудова, но замѣчалъ, что его чрезвычайная доброта и неподдѣльная скромность лишаютъ его тѣхъ свойствъ, которыя въ то время признавались необходимыми для высшихъ административныхъ должностей ¹⁾; въ этомъ-то именно смыслѣ государь говорилъ о Блудовѣ: «*cet homme n'a jamais eu le courage d'être quelque chose*» ²⁾).

Когда болѣзнь, при его преклонномъ возрастѣ, заставляла ожидать близкой кончины Блудова, Головинъ призвалъ меня къ себѣ и спросилъ, кого бы Академія могла желать себѣ президентомъ. Не будучи приготовленъ къ такому вопросу, я отвѣчалъ, что между академиками я не слышалъ объ этомъ разговорѣ. Тогда онъ перебралъ нѣсколько именъ, не останавливаясь, впрочемъ, ни на одномъ предпочтительно, какъ бы выражая, что самъ онъ еще не имѣетъ подходящаго кандидата. Это дало мнѣ поводъ замѣтить, что возможна еще другая комбинація, соединеніе званія президента съ должностью министра просвѣщенія. «О нѣтъ, это теперь было бы неудобно», возразилъ онъ. На этомъ кончилась наша бесѣда, въ теченіе которой ни разу не было упомянуто имя того, кто пять, шесть дней послѣ былъ посаженъ на президентское кресло.

Блудовъ скончался 19-го февраля 1864 года и былъ погребенъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры; при отпѣваніи въ церкви присутствовали государь императоръ, члены императорской фамиліи, высшіе чины служебнаго міра, представители Академіи наукъ и высшаго общества столицы и тутъ же въ церкви кто-то сообщилъ свѣжую новость—о назначеніи президентомъ Академіи адмирала Э. П. Литке (онъ тогда еще не былъ графомъ). При этомъ извѣстіи у меня такъ и юкнуло сердце. Я зналъ Литке давно, по совмѣстной нашей дѣятельности въ географическомъ обществѣ, истинно уважалъ его, но ясно видѣлъ, чего ему недоставало для того, чтобы быть во главѣ высшаго ученаго учрежденія; переходъ отъ тонко образованнаго, ко всѣмъ привѣтливаго, проникнутаго благодушіемъ Блудова къ сухому, угловатому, полуглухому, полуслѣпому адмиралу былъ слишкомъ рѣзокъ. Предчувствіе мое меня не обмануло. Исторія, если она будетъ когда-нибудь написана, не назоветъ президентство Литке счастливымъ для Академіи временемъ.

К. Веселовскій.

---

¹⁾ Блудовъ перебивалъ прежде министромъ внутреннихъ дѣлъ и министромъ юстиціи.

Три „МОЛИТВЫ“.

Неоднократно указывалось, какое влияние имѣла на Лермонтова могучая поэзія Пушкина. Критики обращали вниманіе на встрѣчающіеся у Лермонтова перегибы изъ Пушкина, какъ это сдѣлали, на примѣръ, г. Кончакъ въ «Новомъ Времени» (1899 г., августъ), г. Федоровскій въ брошюрѣ: «Забытый литературный вопросъ» (Тифлисъ, 1891 года), проф. Н. Э. Сумцовъ въ своей статьѣ, о которой будетъ говориться ниже. Болѣе чѣмъ естественно, что Пушкинъ оказалъ сильное влияние на своего хотя и гениальнаго современника, но все-же младшаго «брата по музѣ». Но не одинъ Пушкинъ оказалъ свое воздѣйствіе на Лермонтова. Молодой поэтъ, который лишь незадолго до своей безвременной кончины сталъ освобождаться отъ различныхъ влияній и вступилъ на дорогу истинно-народнаго творчества, не могъ, конечно, «на зарѣ туманной юности» отрѣшиться отъ влияния современной ему литературы. Она иногда давала поэту не только идеи и темы, но и образы, и, позаимствовавъ ихъ, юноша-поэтъ претворялъ ихъ въ горнилѣ своего вдохновенія, и они выходили и чище, и краше, и благоуханнѣе своихъ первоначальныхъ прообразовъ. На одинъ примѣръ такого заимствования—при томъ несомнѣннаго—я и хочу здѣсь указать.

Кто не знаетъ знаменитой лермонтовской Молитвы («Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою»)? Стихотвореніе это—одинъ изъ прелестнѣйшихъ цвѣтковъ, вплетенныхъ музою въ поэтическій вѣнокъ Лермонтова, одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній великаго поэта, полное самаго христіанскаго чувства, за душу хватающей любви и нѣжности. Стихи эти—вдохновенное изліяніе поэтической души; они показываютъ, какая небесная красота, какія сокровища духа таились подъ непривѣтливой подчасъ наружностью поэта, въ которомъ не каждый могъ разгадать избранника Божія, и который бывалъ не разъ «межъ дѣтей ничтожныхъ

міра, быть можетъ, всёхъ ничтожнѣй». Хотя читатель навѣрное знаетъ это стихотвореніе наизусть, я, тѣмъ не менѣе, приведу его цѣликомъ, для того чтобы мой выводъ предсталъ яснѣе.

«Молитва» (въ одной рукописи: «Молитва странника») написана въ 1836 г. Поэтъ обращается къ Божіей Матери:

1. Я, Матерь Божія, вынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью или покаянiемъ.
5. Не за свою мою душу пустынную,
За душу странника, въ свѣтѣ безроднаго,
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.
Окружи счастьемъ счастья достойную,
10. Дай ей спутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.
Срокъ ли приблизится часу прощальному,
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
15. Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела—душу прекрасную.

Въ Альманахѣ бар. А. А. Дельвига: «Сѣверные Цвѣты» на 1826 г. (отдѣлъ «Поэзіи», стр. 92) напечатано недурное стихотвореніе Θεод. Ант. Туманскаго, подъ тѣмъ же заглавіемъ, что въ послѣдствіи у Лермонтова: Молитва. Приведу и его цѣликомъ:

Благослови, всесильный Боже,
Ея полунощный покой!
Алтарь невинности святой
Есть непорочной дѣвы ложе.
Къ нему до утра призови
Съ толпой счастливыхъ сновидѣній
Мечту небеснаго любви,
Восторги чистыхъ наслажденій!
Да безмятежно въ сладкомъ снѣ
Играеть въ ней веселость та же,
И у возглавья въ тишинѣ
Поставь къ ней ангела на стражѣ.

Въ произведеніяхъ Н. М. Языкова мы находимъ подобное же стихотвореніе, тоже подъ заглавіемъ: Молитва. Оно написано въ 1835 году. Поэтъ проситъ, чтобы ночь продлилась и дала ему, при свѣтѣ молитвенной лампы,

1. Молиться Богу за нее,
Его прелестное созданье,
Мое любимое мечтанье
И украшеніе мое.

5. Да жизни мирной и надежной
 Онъ дастъ ей счастье на землѣ:
 И въ сердцѣ пламень безмятежный,
 И ясность мысли на челѣ!
 И дастъ ей вѣрнаго супруга,
10. Младого, чистаго душой,
 И съ нимъ семейственный покой,
 И въ немъ привѣтливаго друга;
 И дастъ почтительныхъ дѣтей,
 Здоровыхъ, умныхъ и красивыхъ,
15. И дочерей благочестивыхъ,
 И веледушныхъ сыновей...
- .....
- О! Будь вся жизнь ея свѣтла,
 Какъ этотъ сводъ лазури ясной,
 Высокій, тихій и прекрасный,
20. Живая Господу хвала!

Все эти три «Молитвы» имѣютъ между собою много общаго. Начать съ того, что основная мысль въ нихъ одна и та же: въ каждой поэтъ молится о любимой дѣвушкѣ, о дарованіи ей счастья и радости. Затѣмъ и въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ три стихотворенія весьма сходны. Напримѣръ, стихи 9—12 Лермонтовской «Молитвы» соотвѣтствуютъ указаннымъ стихамъ 5—20 стихотворенія Языкова. Какъ Ѳ. Туманскій, такъ и Лермонтовъ—оба просятъ о низпосланіи къ дѣвѣ ангела: одинъ—къ спящей, а другой къ умиравшей. (Сходство не трудно прослѣдить и еще въ нѣкоторыхъ подробностяхъ). На каждомъ изъ этихъ трехъ стихотвореній, столь схожихъ по содержанию и кое-гдѣ по внѣшнему выраженію, однако, отразился духъ его творца. Такъ, «Молитва» Ѳ. Туманскаго отличается какимъ-то спокойствіемъ, ровностью; стихи Языкова дышутъ его всегдашнею бурной страстностью, кипучестью; обычная разочарованность и грусть Лермонтова выразились въ тѣхъ мѣстахъ его «Молитвы», гдѣ онъ говоритъ о себѣ, «странникѣ въ свѣтѣ безродномъ», о своей «пустынной душѣ».

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ въ своихъ «Исслѣдованіяхъ о Пушкинѣ», говоря «О вліяніи Пушкина на Лермонтова» («Харьковскій университетскій сборникъ въ память А. С. Пушкина», Харьковъ, 1900, стр. 321—322), находитъ, что Лермонтовская «Молитва» создавалась подъ вліяніемъ стихотворенія Пушкина: «Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу волненіямъ любви безумно предаваться». Съ Н. Ѳ. Сумцовымъ въ этомъ случаѣ согласиться трудно. Стихи Пушкина, правда, написанные гораздо раньше стихотворенія Лермонтова (они относятся къ 1832 году), впервые были напечатаны В. А. Владиславлевымъ въ «Альманахѣ на 1838 годъ» и во время изданія Лермонтовымъ его «Молитвы» не могли еще быть извѣстны ему. Къ тому же, это прекрасное пушкинское

*

стихотвореніе, хотя по мысли, по чувствамъ и родственно съ «Молитвой» Лермонтова, но все-таки стоитъ не такъ близко къ ней, какъ два указанная стихотворенія Языкова и Ө. Туманскаго.

Сродство трехъ «Молитвъ», такимъ образомъ, несомнѣнно, и смѣло можно считать, что Лермонтову были извѣстны оба приведенныя стихотворенія Языкова и Ө. Туманскаго. Стихи ихъ задѣли соотвѣтствующія струны души Лермонтова, коснулись его «чуткаго слуха» своимъ голосомъ прямо изъ души идущаго чувства, и изъ-подъ пера юнаго поэта вылилась трогательная, вызывающая слезы «Молитва», одно изъ самыхъ величественныхъ произведеній музы Лермонтова и самыхъ дивныхъ украшеній нашей поэзіи.

Николай Лернеръ.

Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.

ХІІІ *).

Ватиканскій соборъ 1870 г.—Графъ Е. В. Путятинъ.—Проповѣдникъ Пальмеръ.—Война Германіи съ Франціею.—Представленіе Страстей Господнихъ въ Оберъ-Аммергау.—Раненые и плѣнные.—Два письма Местрала І. Базарову.—Мнѣніе о нихъ графа Д. А. Толстаго.—Церковно-политическія дѣла во Франціи.—Старо-католическое движеніе въ Германіи.—Поѣздка Базарова въ Петербургъ, а ватѣмъ въ Константинополь.

Въ началѣ 1870 года еще раздавались отголоски изъ Рима о совершавшемся тамъ въ это время великомъ событіи въ католическомъ мірѣ—ватиканскомъ соборѣ. Такъ въ началѣ января писалъ мнѣ объ этомъ мой старый знакомый графъ Е. В. Путятинъ. Но прежде, чѣмъ приводитъ здѣсь его слова, я долженъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о личности этого тоже государственнаго мужа. Извѣстна его миссія въ Японію для заключенія трактата съ этимъ тогда еще закрытымъ для всѣхъ иностранцевъ государствомъ. У него тамъ разбило его судно у береговъ Японіи, и онъ собственными средствами построилъ новое, а японцамъ объявилъ, что не уйдетъ отъ нихъ, пока не исполнитъ возложеннаго на него порученія, и трактатъ былъ заключенъ. Изъ благоговѣйнаго уваженія къ авторитету онъ сильно преклонился передъ папскою властью и съ своимъ другомъ Пальмеромъ, извѣстнымъ англійскимъ профессоромъ, искавшимъ соединенія съ православною церковью и кончившимъ переходомъ въ римскій католицизмъ, слѣдилъ съ интересомъ за ватиканскимъ со-

*) См. „Русскую Старину“, ноябрь 1901 г.

боромъ. А между тѣмъ, въ душѣ онъ былъ крѣпкій исповѣдникъ православной вѣры. Поэтому тѣмъ интереснѣе его впечатлѣнія, полученныя имъ въ Римѣ отъ ватиканскаго собора. Вотъ что онъ писалъ мнѣ объ этомъ.

«Римъ. 16-го (28-го) января 1870 г. Писать въ теперешнее время изъ Рима и не упомянуть ничего о соборѣ кажется неестественнымъ. Главныя черты его заключаются въ томъ различіи отъ прежнихъ соборовъ, что въ немъ собралась іерархія съ частей свѣта, едва вѣдомыхъ въ прежнія времена, и что дѣйствія его отличаются полною независимостью какъ отъ свѣтской власти, такъ и того, что слыветъ общественнымъ мнѣніемъ. Новѣйшія законодательства конституціонныхъ правительствъ, направленные къ отстраненію церкви отъ вліянія на семейство и къ уничтоженію учрежденій, почитаемыхъ ею неприкосновенными, вѣроятно, были поводомъ къ такимъ дѣйствіямъ римскаго двора, и одно время можетъ показать, какія изъ этого произойдутъ слѣдствія. Въ проповѣдяхъ, произносимыхъ здѣсь наиболѣе замѣчательными лицами, только и слышится необходимость усиленія палской власти для противодѣйствія съ одной стороны правительственнымъ мѣрамъ, несогласнымъ съ церковными постановленіями, съ другой—новымъ направленіямъ наукъ и распрстраняющемуся въ обществѣ мнѣнію о безпольности религіи или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ началъ, на которыхъ основывается ученіе церкви. Призывая опасность положенія, духовные витіи утверждаютъ однакожъ, что церковь стоитъ если не тверже, то никакъ не менѣ непоколебимо, какъ и прежде, и въ борьбѣ своей всегда одерживаетъ верхъ. Въ этомъ заключается преобладающее мнѣніе въ здѣшнемъ соборѣ, несмотря на оппозицію духовныхъ лицъ, болшею частью принадлежащихъ Германіи».

Упомянувъ о Пальмерѣ, я долженъ сказать, что я познакомился съ нимъ въ семействѣ Путятиныхъ, у которыхъ онъ подолгу гостилъ во время ихъ пребыванія въ Канштатѣ. Разъ онъ рассказывалъ, какъ пріѣхалъ въ Россію съ цѣлью присоединиться къ православію, долго искалъ предержащей власти русской церкви и не нашелъ ея. Къ кому онъ ни обращался изъ членовъ Синода, всѣ они отвѣчали ему, что они, каждый по себѣ, не начальники церкви, а только члены верховнаго Синода. Даже самъ, всесильный тогда, оберъ-прокуроръ графъ Пратовъ, отказался принять отъ него вѣрительную грамоту отъ его кентерберійскаго архіепископа, посовѣтовавъ ему обратиться къ константинопольскому патриарху. Поѣхалъ онъ и въ Константинополь, но тамъ потребовали отъ него перекрещенія какъ отъ обливанца. Тогда онъ обратился къ римской церкви принять его въ общеніе на условіяхъ непризнанія нѣкоторыхъ ученій этой церкви, несогласимыхъ съ его совѣстью. Католики на все согласились, только бы онъ призналъ гла-

венство папы, какъ высшаго авторитета церкви. На это Пальмеръ легко согласился и напелъ въ этомъ сочувствіе друга своего Путятина, который не могъ говорить безъ раздраженія о недостаткѣ такого авторитета въ нашей православной церкви.

Въ эту зиму мнѣ пришлось бороться на два фронта между фанатизмомъ остзейскаго партикуляризма и столь же фанатическаго панславизма. Представителемъ перваго былъ проживавшій въ Стутгартѣ баронъ Вольфъ, проповѣдникомъ втораго—графъ Комаровскій. Желая примирить эти двѣ крайности, я нерѣдко бесѣдовалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ въ смыслѣ примиренія крайностей, но почти всегда безуспѣшно, тѣмъ болѣе, что возгорѣвшаяся тогда борьба національностей въ нашихъ остзейскихъ провинціяхъ была въ полномъ разгарѣ. Помню, какъ я разъ выставлялъ барону Вольфу въ примѣръ наше русское дворянство, поспѣшившее навстрѣчу желаніямъ государя въ своихъ вѣрно-подданническихъ адресахъ. На это мой антагонистъ отвѣчалъ мнѣ:

— У васъ есть русская пословица: что русскому здорово, то нѣмцу смерть. Можетъ быть, вашимъ дворянамъ это освобожденіе крестьянъ и будетъ здорово, но намъ, нѣмцамъ, это будетъ смерть!

По счастью, мой другой антагонистъ, славянофилъ графъ Комаровскій, не находился въ это время въ Стутгартѣ, иначе ихъ борьба съ барономъ Вольфомъ могла бы дойти до личностей и пожалуй кровавой расправы. За то графъ Комаровскій тѣмъ усерднѣе распространялся въ письмахъ ко мнѣ на счетъ остзейскаго и славянскаго вопросовъ. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ мнѣ въ апрѣлѣ этого года изъ Дрездена слѣдующее:

«Посылаю вамъ при семь три номера «Биржевыхъ вѣдомостей», въ коихъ статьи г. Фадѣева. Позволяю себѣ выбрать и копіи съ двухъ писемъ моихъ: къ княжнѣ Шаликовой, въ Прагу, и къ преосвященному Веніамину, въ Ригу ¹⁾. Изъ нихъ вы усмотрите, многоуважаемый ба-

¹⁾ Копія съ письма графа Комаровскаго княжнѣ Н. П. Шаликовой въ Прагу отъ 16-го (28-го) марта 1870 года.

„Съ глубокой грустью прочелъ я вчера, многоуважаемая княжна, въ 71-мъ номерѣ „Голоса“ отъ 12-го (24-го) числа сего мѣсяца, о полемикѣ, болѣе недѣли продолжавшейся въ чешскихъ газетахъ, между младо и старочехами. Это чувство печали раздѣляютъ и раздѣлять со мною, безъ сомнѣнія, всѣ тѣ, сердце которыхъ живо бьется для великаго славянскаго дѣла. И, наоборотъ, можно представить себѣ злорадство нашихъ враговъ и тайное ихъ чаяніе будущаго... Не скрою отъ васъ, наконецъ, княжна, и той грусти, которую я испытывалъ при чтеніи объ этомъ особенно въ русскій газетѣ, потому что вамъ не безызвѣстно, какъ много у насъ, на Руси, людей не вѣрящихъ въ величіе будущихъ судебъ славянства, а потому возстающихъ и противъ излишняго сближенія Россіи съ прочими славянскими народами. И внѣшнимъ, и внутреннимъ недругамъ нашимъ это прискорбное событіе чрез-

тющка, и взглядъ мой на славянскій и балтійскій вопросы, и тотъ образъ дѣйствій, коему я неуклонно въ нихъ слѣдую... Между многими письмами, полученными въ мое краткое отсутствіе, есть и отвѣтъ рижскаго преосвященнаго. Къ сожалѣнію, и оттуда самыя безотрадныя вѣсти,— вотъ, между прочимъ, что онъ пишетъ. «Генераль-губернаторъ Альбединскій во вторникъ, на страстной недѣлѣ, отправился въ Петербургъ и едва ли возвратится къ намъ; по крайней мѣрѣ, при прощаніи со мной, говорилъ, что убѣдительнѣйше будетъ просить государя, чтобы уволилъ его отъ службы въ настоящемъ мѣстѣ. Крѣпко намъ жаль его, не только намъ, духовнымъ, но рѣшительно и всѣмъ русскимъ людямъ. Съ другой стороны, какъ послушаешь, что творится у насъ, право, скажешь, что едва ли достанетъ у кого-либо терпѣнія служить здѣсь, сколько успѣлъ выказать г. Альбединскій. Вы изволите знать исторію ревельскую, возбужденную губернаторомъ Галкинымъ на счетъ присутствованія служащихъ лицъ на царскихъ молебнахъ. Г. Галкина поддержалъ генераль Альбединскій, и все ни къ чему не послужило. Мало того, 4-го апрѣля, какъ вашему сіятельству извѣстно, служится молебенъ по случаю спасенія государя. Въ прошедшее 4-е апрѣля былъ мо-

---

вычайно на руку... Вы, многоуважаемая княжна, находитесь на мѣстѣ, а потому всего лучше можете судить, на сколько истины въ разсказѣ „Голоса“ о полемикѣ между чешскими газетами и партіями. Умоляю васъ неустанно проповѣдывать знакомымъ и близкимъ намъ чехамъ о мирѣ и согласіи и столь же неустанно напоминать имъ, что, кромѣ обязанностей къ ихъ собственной родинѣ и соотечественникамъ, у нихъ есть обязанности еще болѣе возвышенныя и еще болѣе священныя—это обязанности ихъ какъ передовыхъ дѣятелей и передовой стражи всеславянства: сто милліоновъ соплеменниковъ напряженно слѣдятъ за всѣми ихъ дѣйствіями, внимая почти каждому ихъ слову, сорадуясь всѣмъ ихъ успѣхамъ, порываясь даже, можетъ быть, вступить въ ихъ слѣдъ... Напротивъ, какъ они смущаются и глубоко скорбятъ при каждомъ ихъ колебаніи, ошибкѣ или неудачѣ... Да свѣтитъ же всегда чехамъ эта высокая миссія путеводною звѣздой“...

Копія съ письма графа Комаровскаго преосвященному рижскому отъ 4-го (16-го) апрѣля.

„Наконецъ-то могу поздравить ваше преосвященство епископомъ рижскимъ и митавскимъ. Отъ души радуюсь вашему утвержденію за васъ и за дѣло русское и православіе въ Балтійскомъ краѣ, которому вы можете принести теперь много болѣе пользы, чѣмъ прежде. Благодаря событіямъ послѣдняго времени, вопросъ: „либо мы, либо нѣмцы“ формулируется отнынѣ во всей его ясности и простотѣ. Въ рѣшеніи этого важнаго государственнаго вопроса, въ русскомъ и православномъ направленіи, вашему преосвященству и подначальному вамъ православному духовенству выпала святая и завидная доля: быть передовыми дѣятелями и стражами православія и русской народности. На васъ и ваше духовенство съ пытливымъ ожиданіемъ обращены теперь взоры всей Россіи... По моему внутреннему глубокому убѣжденію, важная задача, предстоящая вамъ, можетъ быть выполнена лишь при

лебень и у насъ, на онѣй пожаловалъ и одинъ изъ лифляндскихъ ландратовъ. И что же? На другой день дворянство лифляндское объявляет торжественно своему ландрату, что оно, дворянство, оскорблено его вчерашнимъ поступкомъ, а потому онъ не можетъ быть ландратомъ, и его уволила. Ранѣе этого слышалъ я, былъ въ Феллинѣ съѣздъ г.г. пасторовъ, и одинъ изъ нихъ, профессоръ Дерптскаго университета, сказалъ публичную проповѣдь на тему, что страна лифляндская обязана быть вѣрною женой своего повелителя только, доколѣ онъ самъ вѣренъ. Нашъ повелитель началъ измѣнять странѣ, и она вольна отплатить ему тою же монетой. Заговорилъ было г. Альбединскій о реформахъ въ Балтійскомъ краѣ, въ духѣ русскомъ, о русскомъ языкѣ и о присяжныхъ изъ крестьянъ, его въ Питерѣ и слушать не хотѣли. Выпросилъ онъ 600 тысячъ рублей на постройку православныхъ церквей,—надъ нимъ за это чуть не въ глаза смѣются... Поэтому мы не на шутку унываемъ: съ отбытіемъ г. Альбединскаго не рухнулъ бы и проектъ о построеніи церквей. Тогда послѣдняя бѣда будетъ горше первой». Вотъ въ главныхъ чертахъ своихъ, почтеннѣйшій батюшка, письмо весьма скромнаго и сдержаннаго преосвященнаго Веніамина. Вы видите, что и здѣсь, къ несчастію, какъ и вездѣ на Руси, сомнѣніе, уныніе, почти

слѣдующихъ условіяхъ: 1) при тщательномъ выборѣ нашего духовенства и строгомъ, совершенно безпристрастномъ контролѣ всѣхъ его дѣйствій. Между духовенствомъ, какъ русскимъ, такъ и латышскимъ и эстонскимъ, должно быть полное равенство, согласіе и любовь, при благородномъ соревнованіи лишь единственно къ пользѣ общаго дѣла. 2) Всему духовенству, особенно же русскому, должно быть неустанно внушаемо безкорыстное, вполне гуманное и согласное съ евангеліемъ братское обращеніе нашихъ причтовъ съ ихъ прихожанами, чѣмъ мы, русскіе, должны, въ особенности, стараться отличаться отъ нѣмецкихъ бароновъ, чиновниковъ и пасторовъ. Наконецъ, въ 3-хъ, позвольте мнѣ, преосвященный владыка, убѣдительнѣе просить васъ не чуждаться болѣе такъ старообрядцевъ, составляющихъ по сіе время большинство русскаго населенія въ Ригѣ; вспомните отношенія покойнаго митрополита Филарета и теперешняго Иннокентія къ московскимъ старообрядцамъ и всю пользу, принесенную православію такими просвѣщенными, по-истинѣ пастырскими отношеніями, и вы согласитесь со мной, что во взглядѣ на русскихъ старообрядцевъ не столько какъ на отщепенцевъ церкви, сколько на русскихъ людей, могущихъ принести огромную пользу общему для всѣхъ насъ дѣлу, будетъ болѣе христіанскаго чувства и политическаго смысла... Наконецъ, это есть и единственное средство сблизить ихъ съ нашею церковью, всегда готовою, какъ нѣжная мать, открыть объятія для всѣхъ заблудшихъ своихъ сыновъ...

Надѣюсь, что ваше преосвященство не погнѣвается за мою прямую и откровенную рѣчь: въ радости моеи отъ радостнаго событія вашего утвержденія, я почелъ долгомъ высказать предъ вами мои глубокія убѣжденія, какъ отъ собственнаго моего лица, такъ и отъ лица Москвы, которой имѣю честь быть представителемъ“...

отчаяніе... Что это: измѣна ли, или не менѣе того пагубный индифферентизмъ преступнаго противъ Россіи и царя ея космополитизма? Что бы ни было, послѣдствія, къ несчастію, одни и тѣ же... Вотъ единственная причина поѣздки моей въ Стутгартъ, вотъ почему—именемъ самого Бога мы умоляемъ ея величество, какъ дочь Россіи и славной памяти императора Николая, предостеречь ея царственнаго брата отъ внутреннихъ враговъ его и отечества. *Dixi et animam levavi!* Сердце царевы въ руцѣ Божіей... Да будетъ Его пресвятая воля»...

Дѣйствительно, сообщаемыя въ этомъ письмѣ подробности, почерпнутыя изъ отвѣта преосвященнаго рижскаго графу Комаровскому, были возмутительны, и я сообщилъ ихъ барону Вольфу. Тотъ, конечно, сталъ на свою точку зрѣнія, въ то время казавшуюся такою законною даже въ глазахъ нашего правительства, и разразился въ жалобахъ на несправедливость и притѣсненія со стороны русскихъ. Все это я сообщилъ графу Комаровскому и въ отвѣтъ получилъ отъ него цѣлое историческое изложеніе событій послѣдняго времени въ нашемъ Балтійскомъ краѣ. Всѣ эти подробности такъ интересны и для настоящаго времени, что я прилагаю здѣсь какъ это письмо графа Комаровскаго, такъ и приложеніе къ нему.

«Зальцбруннъ. 13-го (25-го) мая 1870 г. Возраженіе г. Вольфа на переданныя вами ему слова преосвященнаго Веніамина для меня не новость—я уже много разъ это слышалъ. Возраженіе это несправедливо. Отчего, прежде, не было того, что мы теперь видимъ въ Балтійскомъ краѣ? Оттого, что до рѣчи рижскаго епископа Вальтера, произнесенной имъ въ 1864-мъ или 1865-мъ г. (навѣрно не помню), при открытіи лифляндскаго ландтага, никто въ Россіи, ни правительство, ни общество, не обращалъ вниманія на Балтійскій край и не зналъ, что тамъ дѣлается. Но когда высшее лицо изъ лифляндскаго духовенства, съ высоты духовной каѳедры, въ сильныхъ выраженіяхъ, стало укорять лифляндскихъ нѣмцевъ въ равнодушіи къ національнымъ интересамъ и напомнило имъ о святой ихъ обязанности: обращать въ нѣмцевъ всѣхъ живущихъ на нѣмецкой землѣ,—тогда взрывъ негодованія раздался по всей Русси, и не пресса наша первая заговорила тогда о балтійскихъ порядкахъ, а заговорили всѣ тѣ письма, которыя, со всѣхъ сторонъ, ежедневно сыпались тогда въ редакціи всѣхъ нашихъ газетъ; пресса наша лишь повиновалась настоячивымъ требованіямъ общественнаго мнѣнія, наученнаго недавнимъ опытомъ 1863-го года. Съ рѣчи епископа Вальтера началась та борьба, которая по нынѣ продолжается. Вальтеръ былъ, однако, несовѣтъ правъ въ своихъ обвиненіяхъ: духовенство лютеранское и среднее сословіе, особенно же такъ называемые литераты, давно уже усиленно трудились и употребляли всевозможныя

мѣры къ онѣмеченію Балтійскаго края,—но дворянство, превосходно устроивъ свои дѣла, при освобожденіи крестьянъ, оставалось, по разнымъ причинамъ, безучастно; поэтому на него-то, въ особенности, обращены были громы обличителя. Крестьянская и другія реформы, составляющія славу нынѣшняго царствованія, отозвались сильно и въ Балтійскомъ краѣ: для угнетенныхъ латышей и эстовъ блеснулъ лучъ надежды, между тѣмъ, какъ тамошніе землевладѣльцы стали опасаться за свою собственность и за свои привилегіи, и эти-то опасенія, гораздо дѣйствительнѣе Вальтеровскихъ обличеній, облизали дворянство съ духовенствомъ и среднимъ сословіемъ... Когда наша пресса обратила наконецъ вниманіе на Балтійскій край, тогда поѣхали туда и русскіе туристы, и заговорили объ утѣсненномъ положеніи своего живущіе тамъ русскіе люди и тамошнее православное духовенство робко осмѣливалось поднять и свой голосъ о недостаткахъ всякаго рода православныхъ храмовъ и школъ, и о приниженномъ своемъ тамъ положеніи... Лѣтомъ 1866 г., къ всеобщему изумленію, совершилась дивная 7-ми дневная кампанія, приведшая прусаковъ къ вратамъ Вѣны: ихъ быстрое торжество и побѣдные крики электрической искрой пробѣжали по всему Балтійскому краю и, разумѣется, оставили въ немъ глубокіе слѣды. Когда, черезъ годъ послѣ того, лѣтомъ 1867 г., государь нашъ, въ бытность свою въ Ригѣ, съ свойственнымъ ему благородіемъ, возвѣстилъ балтійцамъ о необходимости нѣкоторыхъ реформъ, возвѣщеніе это принято было привилегированными лояльными нашими соотечественниками, повидимому, съ покорностію,—но, на самомъ дѣлѣ, съ сильнымъ негодованіемъ и съ полной рѣшимостью всевозможной оппозиціи... (Говорю это, какъ и все прочее, не по наслышкѣ и не изъ нашихъ газетъ только,—а de visu и de auditu, въ продолженіе 8-ми лѣтъ посѣщая тамошній край). Съ этого времени начинается складываться у балтійскихъ нѣмцевъ и нелѣпо-гнусное понятіе: земля наша относится къ нашему государю (Landesherr), какъ жена къ своему мужу: пока онъ ей вѣренъ и она обязана ему вѣрностію, какъ скоро онъ ей измѣняетъ, и она можетъ послѣдовать его примѣру?!.. понятіе, высказываемое теперь уже на всѣхъ тонахъ и ладахъ фонъ-Бокками, Ширрелами, Сиверсами, Эккортами, Катнерами и многими другими, выступающими за границей на помощь ревельскихъ, дерптскихъ и рижскихъ газетъ для ослѣпленія и обмана заграничной и туземной публики и устрашенія русскаго правительства.

«Вы спрашиваете, многоуважаемый батюшка, почему мы заставляемъ поляковъ и нѣмцевъ молиться по-русски? Сколько мнѣ извѣстно, мы до сего времени, не только никогда не заставляли никого молиться на нашемъ языкѣ, государственномъ въ Россіи, но постоянно, всегда, воспрещали это дѣлать въ Литвѣ и на Волыни, и только недавно пра-

вительствомъ дано разрѣшеніе населеніямъ, въ случаѣ ихъ желанія, заявлять объ этомъ... Что же касается нѣмцевъ, то куда тамъ вводить въ ихъ церкви нашъ языкъ, когда они не допускаютъ его въ суды и школы... Единственный, извѣстный мнѣ, случай, подходящий будто подъ это обвиненіе,—это предложеніе эстляндскаго губернатора Галкина служащимъ въ его губерніи лицамъ присутствовать въ царскіе дни на молебнахъ въ православныхъ храмахъ; но развѣ это религіозное принужденіе? много—много, что служебное... А какой крикъ подняли изъ за этого нѣмцы! и какъ отвѣтили на это? принужденіемъ лифляндскаго губернскаго предводителя фонъ-Нольбена, подписавшаго недавно адресъ лифляндскаго ландтага, выйти въ отставку... А какъ отблагодарили дояльные подданные своего государя за освобожденіе ихъ отъ обязанности крестить въ православную вѣру дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ? не упомянувъ объ этой мѣрѣ, въ Россіи никому не понравившейся и въ Балтійскомъ краѣ производящей столько семейнаго раздора, —нигдѣ, ни единымъ словомъ,—а, напротивъ, усугубленіемъ своей брани противъ Россіи и русскихъ, и усиленіемъ своей оппозиціи правительству!...

«Почему мы вдругъ такъ раздражились противъ нашихъ нѣмцевъ?

«Потому, что издавна пользуясь въ Россіи привилегированнымъ положеніемъ, занимая въ войскахъ, администраціи, судахъ и школахъ всегда лучшія мѣста, наши балтійскіе нѣмцы, наши дорогіе культуртрегеры, по врожденному имъ самообольщенію, никакъ не хотятъ признать ни славныхъ реформъ нынѣшняго царствованія, ни благодѣтельныхъ ихъ послѣдствій для всего русскаго народа, они все видятъ въ насъ тѣхъ же мадыхъ и глупыхъ дѣтей, которыми они такъ издавна привыкли помыкать и водить на помочахъ... Diese dummen Russen rüi!.. И не замѣчаютъ они, бѣдные слѣпцы, тѣхъ огромныхъ успѣховъ, которые, по милости Божіей, и предводимые своимъ царственнымъ реформаторомъ, сдѣлали эти dummen Russen съ 1861 и 1863 годовъ... что если мы отъ нихъ еще въ чемъ нуждаемся—такъ это, можетъ быть, въ преподавателяхъ древнихъ языковъ—и то замѣнимъ ихъ чехами... Наконецъ, мы раздражены еще на нашихъ нѣмцевъ за ихъ неблагодарность, за ихъ лживую дояльность, — за то, что они хороши лишь, пока ихъ не трогаютъ и не заглядываютъ въ ихъ замкнутый мірокъ; коль скоро же дерзнули обратить вниманіе и на то, что у нихъ дѣлается, и стали прислушиваться и къ стонамъ замуравленныхъ ими латышей и эстовъ—тогда *Changement à vue complet*—тѣ же благодушные и дояльные нѣмцы подняли крикъ и вопль на весь Божій міръ, стали скликать на Русь крестовый походъ всего германскаго гезамтфатерланда, и дерзко и открыто стали высказывать свои понятія и теоріи—одна нелѣпѣе другой... Пора же положить конецъ

такому безобразію.—Я увѣренъ, что при первомъ появленіи—не говорю строгости—хотя бы послѣдовальной твердости со стороны нашего правительства противъ взбалмошныхъ и избалованныхъ имъ дѣтей, въ Трансаровіа (незабвенное открытіе русскаго академика Бера) все разомъ стихнетъ и смолкнетъ, а наши нѣмчики забѣгаютъ въ запуски другъ передъ другомъ, умоляя предать прошлое забвенію и гнѣвъ положить на милость. Повѣрьте, многоуважаемый батюшка, такъ есть—такъ и будетъ.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Г. А. Комаровскій.

«Мои всѣ вамъ и Софьѣ Александровнѣ кланяются.

«Сейчасъ прочелъ въ газетахъ о переводѣ барона фонъ-Бруннова въ Парижъ и князя Орлова въ Лондонъ».

Зальдбрунъ 18-го (30-го) мая 1870 г.

«Многоуважаемый батюшка. Последнее писаніе, которымъ я отвѣчалъ на почтенное письмо ваше и на возраженіе г. Вольфа, и историческимъ изложеніемъ событій въ Балтійскомъ краѣ, извѣстныхъ мнѣ какъ очевидцу,—дотого удлиннилось, что мнѣ стало даже совѣстно такъ долго утомлять ваше вниманіе. Мнѣ желалось бы, однако, очистить себя въ вашихъ глазахъ отъ мнѣнія, которое, можетъ быть, вамъ дало обо мнѣ последнее мое письмо. Я слишкомъ уважаю заслуги нѣмцевъ въ наукѣ и искусствѣ, и признаю пользу, принесенную Россіи нашими прибалтійскими соотечественниками, чтобы быть ein Deutschfresser, или врагомъ нѣмцевъ даже трансаровскихъ,—но я дотого ненавижу интригу, неблагодарность и лесть, къ сожалѣнію, въ столь широкихъ размѣрахъ прилагаемая теперь въ Балтійскомъ краѣ, что, признаюсь, не могу совершенно хладнокровно говорить о томъ, что намъ непременно хотять показать бѣлымъ и чистымъ, въ то время, какъ до глубины души моей, я убѣжденъ, что оно грязно и черно...

«Не знаю, помните ли вы бесѣду нашу въ Стутгартѣ и высказанное мною убѣжденіе, что никогда балтійскіе нѣмцы не осмѣлились бы такъ дерзко выступать противъ нашего правительства, если ихъ не поддерживали и не подстрекали бы со стороны. Вчера навѣстилъ меня нашъ докторъ, бывшій любимый ассистентъ Лангенбека, а теперь штаб-докторъ и Sanitätsrath, дѣлавшій съ прусскими войсками оба послѣдніе похода, горячій патриотъ, но при этомъ, по нѣмецкому выраженію, и ein biederer und rechtschaffener Mann. Въ разговорѣ я выразилъ удовольствіе за блистательный приемъ государя нашего въ Берлинѣ и высказалъ мнѣніе, какъ легко германскій и славянскій вопросы могли бы разрѣшиться при родственныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ нашего императорскаго дома съ прусскимъ королевскимъ семействомъ и

при соглашеніи прусской политики съ нашей. Меня удивляло только отсутствіе Варцинскаго отшельника... Слушая мои *ria desideria*, докторъ качалъ головой и когда я спросилъ его о причинѣ его сомнѣнія, онъ отвѣчалъ: «да, если Бисмаркъ былъ бы другой человѣкъ и руководился бы другими правилами,—но припомните возбужденіе венгерцевъ противъ австрійскаго правительства во время войны 1866 г., — посмотрите на происходящее теперь въ Балтійскомъ краѣ и будьте увѣрены, что и во Франціи и въ Парижѣ не обходятся безъ Бисмарковыхъ интригъ»... Такое подтвержденіе нашихъ подозрѣній со стороны пруссака-патріота, имѣющаго большія связи и знакомства, меня поразило, и я почелъ нужнымъ вамъ о томъ сообщить.

«Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностью остаюсь, дражайшій батюшка, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Г. А. Комаровскій».

Между тѣмъ, наступало лѣто 1870 года, столь чреватое важными событіями, о которыхъ никто почти наканунѣ ихъ не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія. Напротивъ, все шло своимъ мирнымъ чередомъ, все какъ будто обѣщало спокойное теченіе лѣтняго сезона. Нашъ государь успѣлъ безмятежно окончить свое лѣченіе въ Эмсѣ и воротился, побывавъ по дорогѣ въ Фридрихсгавенѣ у королевы. Сама королева отправилась въ Швейцарію на лѣтнее пребываніе. Мой старый пріятель В. П. Титовъ, зная, что я сталъ свободенъ отъ службы, писалъ мнѣ изъ Россіи, приглашая меня съѣзжаться съ нимъ въ Оберъ-Аммергау на представленіи Страстей Господнихъ по обѣщанію, взаимно данному 10 лѣтъ тому назадъ снова побывать на этомъ рѣдко виданномъ зрѣлищѣ, которое дается черезъ 10 лѣтъ въ десятичные годы столѣтія. Но мнѣ невозможно было принять это приглашеніе въ назначенный Титовымъ срокъ, такъ какъ мнѣ предстояло семейное торжество, именно свадьба моего старшаго сына 1-го (13) іюля въ Висбаденѣ. Этотъ городъ былъ избранъ для совершенія его бракосочетанія какъ потому, что родственники его жены находились въ это время на водахъ въ окрестностяхъ Висбадена, такъ еще болѣе потому, что въ этомъ городѣ родился мой сынъ и тамъ же была могила его матери. И вотъ всѣ мы собрались на нашъ праздникъ. Но когда послѣ торжественнаго и веселаго обѣда наши молодые, собираясь въ свое свадебное путешествіе, зашли къ банкиру размѣнять русскія ассигнаціи на нѣмецкія деньги, имъ сказали, что теперь не принимаютъ никакихъ бумагъ, по случаю объявленія войны Франціею Германіи. «Какъ? когда? почему?»—всѣ спрашивали другъ друга. Оказалось, что въ то самое время, какъ мы праздновали нашу свадьбу, въ Эмсѣ, гдѣ въ то время пребывалъ прусскій король, произошла извѣстная сцена между нимъ и французскимъ посломъ, окончившаяся объявленіемъ войны со стороны Франціи. Нужно было видѣть, какое произошло вслѣдствіе этого смятеніе между всѣми

иностранцами, находившимися въ ту минуту на водахъ. Всѣ, кто только могъ, спѣшили воротиться по домамъ. Мои молодые, вмѣсто предполагавшагося путешествія, отправились въ Гейдельбергъ, чтобы черезъ Баденъ-Баденъ возвратиться въ Стутгартъ. Я тоже отправился домой, ожидая прибытія ихъ къ себѣ на другой или на третій день. Но вмѣсто того, мнѣ пришлось прождать ихъ нѣсколько дней, такъ какъ въ это время началось сильное передвиженіе войскъ, и всѣ поѣзда желѣзныхъ дорогъ были заняты исключительно перевозкою на западную границу войска. Мои молодые какъ разъ попали въ это лихорадочно-военное движеніе, выѣхавъ изъ Бадена на какомъ-то товарномъ поѣздѣ и вмѣсто обычныхъ 3 часовъ ѣзды отъ Бадена до Стутгарта, пробывъ чуть не двое сутокъ въ дорогѣ. На каждой станціи ихъ высаживали, и поѣздъ ихъ брали подъ военный багажъ, оставляя ихъ на станціи ждать другаго удобнаго случая для слѣдованія дальше. А когда такой случай представлялся, то на слѣдующей станціи повторялась та же исторія—пассажировъ высаживали, а поѣздъ брали подъ войска. Мнѣ самому пришлось въ это время испытать такое неудобство. Позвали меня въ Гейдельбергъ къ умиравшему тамъ русскому. Изъ Стутгарта я могъ еще выѣхать съ обыкновеннымъ поѣздомъ, но, пріѣхавъ въ Бруксаль, я нашелъ тамъ всю станцію запруженную войсками всѣхъ оружій, и конечно нашъ поѣздъ былъ тотчасъ взятъ подъ войска, и мнѣ пришлось бы просидѣть на станціи, можетъ быть, цѣлыя сутки, если бы я не заявилъ о своемъ званіи и цѣли моей поѣздки въ Гейдельбергъ. Тогда только мнѣ дали мѣстечко въ поѣздѣ и довели меня до мѣста моего назначенія.

Между тѣмъ, по первому извѣстію о войнѣ король и королева воротились въ Стутгартъ, гдѣ уже образовалось санитарное общество Краснаго Креста, во главѣ котораго стала королева и въ работахъ котораго, заготовленіи корпіи, бинтовъ для раненыхъ и т. п. приняли участіе и русскія дамы, находившіяся тогда въ Стутгартѣ. Мнѣ, конечно, нельзя было болѣе удалиться изъ дому, и В. П. Титовъ долженъ былъ безъ меня сдѣлать условленный было совмѣстный пелеринажъ на представленіе Страстей Господнихъ. Интересно его письмо ко мнѣ по возвращеніи его съ этого зрѣлища. Вотъ что онъ писалъ мнѣ изъ Рагаца, куда онъ пріѣхалъ для лѣченія.

«Рагацъ. 22-го іюля (3-го августа) 1870 года. Крайне жалѣю, что судьба, сильнѣйшая воли человеческой, не допустила меня исполнѣ и буквально привести въ исполненіе десятилѣтній обѣтъ—встрѣтиться съ вами на духовномъ представленіи лѣтомъ 1870 года въ Оберъ-Аммергау. Кто бы подумалъ? Мы, пріѣзжіе съ далекаго сѣвера, благополучно туда попали; а вамъ—осѣдлому, постоянно близкому сосѣду—проказница нечаянность въ послѣднюю рѣшительную минуту помѣшала. Впрочемъ

и для насъ удача висѣла на волоскѣ. Въ Мюнхенѣ всѣ сначала увѣряли, что игра 5-го (17-го) іюля была послѣднею, что мы явились «viel zu spät» и дѣйствительно, Iesus Christ, служа канониромъ и унтеръ-офицеромъ въ резервѣ 2-го баварско-артиллерійскаго полка, былъ уже вызванъ къ своей пушкѣ. Потомъ стали рассказывать, что игра еще будетъ, но плохая, съ помощью кое-какихъ подставныхъ актеровъ. Только въ пятницу 10-го (22-го) мы были ободрены достовѣрнымъ свѣдѣніемъ, что юный король Людвигъ, внемля убѣдительно и слезной доукѣ сельскаго общества, разрѣшилъ, не въ примѣръ другимъ, отпустить канонира на одну недѣлю, такъ чтобы представленіе 12-го (24-го) не только совершилось, но совершилось во всей первобытнѣйшій полнотѣ и порядкѣ, ни въ чемъ не измѣняя прежняго состава труппы. И подлинно, представленіе вышло славное. Весь ландшафтъ и погода были еще лучше 1860 года. Въ отсутствіи вашемъ, представителемъ православнаго духовенства, въ числѣ зрителей былъ І. Л. Янышевъ. Моя жена и строгіе знатоки, г-жа Муханова (Калержи) и присоединившійся къ ея свитѣ аббатъ Листъ находили весьма слабыми хоры и всю вообще музыкальную часть. Сценическаго совершенства никто не могъ и чаать. Но всѣ единогласно хвалили въ игрѣ сельскихъ артистовъ то же, что меня съ вами такъ пріятно поразило десять тому лѣтъ: неподдѣльную простоту, задушевность и безукоризненное, строго сдержанное достоинство пантомимы, походки, произношенія и голоса. Женщины, какъ актрисы, замѣтно были ниже мужчинъ. Богоматерь, годомъ старѣе бывшей знакомой нашей 1860 года, игрою столь же посредственна, а лицомъ менѣе миловидна. Напротивъ, роль Спасителя, по всеобщему сознанію, исполнена въ совершенствѣ, между прочимъ благодаря именно тому обстоятельству, что исполнитель былъ не записной актеръ, не городской артистъ, а простодушный сынъ зелено-величавой альпійской долины, гдѣ быстрыми струями бѣжитъ и журчитъ прозрачная, чистая, какъ слеза, знакомая намъ рѣчка Аммеръ. Въ концѣ всего послѣдовало со сцены громогласное объявленіе, что подъ гнетомъ военной тревоги представленія теперь закрываются, но съ такою надеждою, что Богъ дастъ возобновить ихъ во второй половинѣ будущаго лѣта. Тогда вамъ книги въ руки, почтеннѣйшій батюшка. Усердно желаю, чтобы удалось и вамъ, и великой княжнѣ Вѣрѣ съ ея свитою насладиться въ 1871 году тѣмъ же зрѣлищемъ. А мнѣ уже, какъ Богу угодно. Правду сказать, боюсь глубокой, умственно и тѣлесно инвалидной старости. Но если Господня воля такова, чтобы мнѣ еще 10 лѣтъ кружиться подъ луною, то я не прочь и въ 1880 году воротиться дряхлымъ дѣдушкою, взглянуть на тотъ же Passion-Spiel, на крестъ, освѣняющій долину и деревню съ верхушки востраго зубца исполинской скалы, на свѣжую зелень ароматныхъ луговъ и лѣсистыхъ крутогорьевъ. Мы всѣ скрѣпя

сердце уѣхали въ тотъ же вечеръ назадъ въ Мюнхенъ. Но до отъѣзда я водилъ о. Янышева посмотрѣть нашъ съ вами ночлегъ 1860 года и возобновить знакомство съ тогдашними хозяевами. Нашли на томъ же мѣстѣ софу, на которой я ночевалъ съ 30 душами швабовъ, и верхнюю свѣтелку, гдѣ вы квартировали съ докторомъ Сашей...

«Вотъ вамъ, батюшка, полный доскональный отчетъ. Спѣшу сплавить письмо, дабы не упустить почты. Сію минуту получаю милостивую отвѣтную депешу ея величества. Вашъ В. Т.»

Уже въ началѣ августа послѣ перваго кровопролитнаго сраженія при Вертѣ, начали прибывать раненые, которыхъ встрѣчали на станціи желѣзной дороги санитары, затѣмъ скоро стали прибывать и плѣнные, не въ одиночку, но цѣлыми тысячами, которыхъ чрезъ Стутгардъ направляли въ крѣпость Ульмъ. И этихъ несчастныхъ сострадательныя дамы угощали на станціи виномъ, пивомъ и сосисками. Много было между плѣнными и туркосо́въ, которыхъ дамы тоже старались угощать, но къ ихъ немалому изумленію были такъ неучтиво отталкиваемы этими свирѣпыми воинами, что у нихъ летѣли изъ рукъ подносы съ ихъ винами и сосисками. Бѣдныя доброволки-сестры милосердія забывали, что туркосы—мусульмане, и что для нихъ и вино, и свинина были оскорбленіемъ ихъ религіозныхъ чувствъ.

Такъ проходило лѣто среди тревогъ военнаго времени, какъ вдругъ въ первыхъ числахъ сентября наши величества рѣшились оставить Стутгартъ, чтобы воротиться въ ихъ лѣтнюю резиденція — Фридрихсгавенъ. Я поспѣшилъ на желѣзную дорогу, чтобы проститься съ королевою, которая встрѣтила меня словами:

— Ну, слава Богу, все кончено! Мы разбили окончательно французовъ при Седанѣ и самого Наполеона взяли въ плѣнъ. Теперь можно вздохнуть свободно.

Но если бы королева могла знать въ эту минуту, какъ еще далеко не все было кончено и сколько еще тяжелыхъ потерь пришлось понести ея вѣрнымъ виртембергцамъ въ продолженіе этой войны, затянувшейся еще на цѣлые полгода! Началась осада Парижа, и при одной вылазкѣ французовъ около Шампиньи 2-го декабря однихъ виртембергцевъ пало 384 убитыми и около 1.500 человекъ ранеными. Въ этой стычкѣ погибли между прочими два единственныхъ сына камергера королевы графа Таубе, прекрасные юноши, изъ которыхъ одинъ былъ на службѣ, а другой пошелъ добровольцемъ на войну. Оба они находились въ стрѣлковомъ батальонѣ и впереди всѣхъ были посланы противъ непріятели. Пуля поразила старшаго брата; младшій, находившійся рядомъ съ нимъ, нагнулся, чтобы пособить брату и тутъ же палъ пораженный такою же пулею. Когда ихъ тѣла привезены были въ Стутгартъ для погребенія, весь городъ собрался на похороны,

и только слышны были со всѣхъ сторонъ рыданія при видѣ престарѣлыхъ и всѣми уважаемыхъ родителей, лишившихся вдругъ всѣхъ радостей жизни въ лицѣ своихъ юныхъ, подававшихъ столько надеждъ сыновей. И сколько было подобныхъ душу раздиравшихъ сценъ при погребеніи павшихъ въ эту войну молодыхъ людей!

Но отдохнемъ отъ этихъ плачевныхъ сценъ и возвратимся къ мирнымъ занятіямъ. Осенью этого года мой знакомый профессоръ Тиршъ, извѣстный ирвингіанецъ, переслалъ мнѣ отъ имени своего пріятели Местрала изъ Лозанны изданную имъ книгу: «Tableau de l'église chrétienne» съ замѣчаніемъ, что авторъ въ своей книгѣ отдаетъ полную справедливость восточной церкви. По этому поводу у меня завязалась переписка съ г. Местралемъ, которая впрочемъ скоро приняла отгѣнокъ политическій, что легко объяснить совершавшимися тогда событіями. Я прилагаю здѣсь два письма этого господина для тѣхъ, кто захотѣлъ бы поинтересоваться тогдашнимъ настроеніемъ умовъ по вопросу объ общей политикѣ и въ особенности о пробуждавшейся уже тогда мысли сближенія Франціи съ Россією.

Вотъ эти два письма: ¹⁾

Лозанна, 22-го сентября 1870 г.

«Милостивый государь, въ то время когда мы обмѣнялись послѣдними письмами, мы были далеки отъ того, чтобы предвидѣть страшный кризисъ, который вскорѣ разразился. Правда, въ духовной области ожидали провозглашенія догмата о непогрѣшимости папы, и это никого не удивило. Въ сущности, это есть только дальнѣйшее развитіе всемирной власти Рима (du romanisme), которая давно уже овладѣла западной католической церковью, и новый догматъ не измѣнить, по всей вѣроятности, сколько-нибудь существеннымъ образомъ положеніе этой церкви по отношенію прочимъ церквямъ христіанскаго міра. Она уже обособлена отъ нихъ на первенствующую роль своимъ притязаніемъ, которое снова подтверждено соборомъ, и при томъ съ согласія епископовъ, возстающихъ противъ догмата о непогрѣшимости. Но особенно благотворныя и неизмѣримыя послѣдствія можетъ имѣть совершившееся нынѣ, гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, паденіе свѣтской власти папы. Весьма вѣроятно, что папа, принужденный ограничиться одною духовною властью (ни болѣе, ни менѣе, какъ патріархъ константинопольскій и архіепископъ кантерберійскій), будетъ держать себя нѣсколько менѣе надменно и высокомерно по отношенію къ прочему христіанскому міру. Вниманіе умовъ, интересующихся дѣлами религіи, весьма естественно будетъ, въ скоромъ времени, обращено на великія событія, совершившіяся въ Римѣ 18-го іюля и 20-го сентября. Въ настоящую ми-

¹⁾ Въ переводѣ съ французскаго.

нугу всѣ взоры и, можно сказать, всѣ мысли обращены исключительно на Парижъ, на Францію, столь подавленную и униженную. Какого бы взгляда ни держаться на причины этой войны и падающую за нее отвѣтственность, невольно придетъ на умъ, что въ настоящее время Пруссія далеко преступила свои неоспоримыя права и что она нарушаетъ великіе законы челоуѣколюбія и христіанскаго милосердія, упорствуя въ своемъ походѣ на Парижъ послѣ побѣды при Седанѣ и плѣненія императора. Умѣренность была бы, со стороны побѣдителя, болѣе разумною политикою, въ особенности въ виду будущаго. Даже въ интересахъ европейскаго равновѣсія весьма желательно, чтобы Франція могла выйти изъ этого кризиса не слишкомъ ослабленною. Надобно, въ особенности, желать, чтобы французскій народъ, выйдя изъ этого страшнаго испытанія умудреннымъ, болѣе смиреннымъ и болѣе проникнутымъ христіанскими идеями, вступилъ, если возможно, на путь своихъ прежнихъ монархическихъ традицій, отъ которыхъ онъ слишкомъ легко отказался въ 1830 г., когда была изгнана старшая и законная линія Бурбоновъ и когда этотъ народъ пустился производить всевозможные опыты, которые оказались прискорбными для него и для его сосѣдей, и привели къ разыгравшейся въ настоящее время катастрофѣ. Если будетъ восстановлена монархія, то я желалъ бы, чтобы вспомнили царственнаго изгнанника 1830 года, графа Шамбора, представителя законной власти, который, не имѣя дѣтей, могъ бы усыновить кого-нибудь изъ принцевъ Орлеанскихъ и назначить его своимъ преемникомъ.

«Подобная комбинація имѣетъ то преимущество, что она повела бы къ слиянію обоихъ фракцій монархической партіи, существующей во Франціи, и—что еще важнѣе—она восстановила-бы въ умахъ идеи права и уваженія къ порядку вещей, ниспосылаемому Провидѣніемъ, и къ законной власти. Не менѣе важно было бы для Франціи распознать своихъ истинныхъ друзей и обезпечить себѣ союзъ съ ними. Такъ, союзъ съ Англіей, коего домогался Людовикъ Филиппъ и послѣ него Наполеонъ III и мысль о которомъ дѣлать до сихъ поръ Гизо, былъ по моему мнѣнію большою ошибкою, въ особенности въ томъ отношеніи, что онъ вовлекъ Францію въ систематическую вражду съ Россіей и въ гнусную Крымскую войну. Вотъ въ чемъ мнѣ очень хотѣлось бы убѣдить тѣхъ людей, которые держатъ и будутъ держать въ своихъ рукахъ бразды правленія во Франціи, и я полагаю, что въ случаѣ если бы они стали искренно искать союза съ Россіей и дали бы на это какія-либо гарантіи (прежде всего пожертвовавъ для этого союзомъ съ Англіей), то они встрѣтили бы и со стороны Россіи соотвѣтствующее благопріятное настроеніе. Правда, родственныя узы, связующія императора съ нѣкоторыми изъ германскихъ владѣтельныхъ

*

домовъ, создали бы, быть можетъ, въ настоящее время нѣкоторыя затрудненія, но подобнаго рода соображенія не могутъ вліять на общую политику Россіи. Я не имѣю претензіи быть великимъ политикомъ, но во мнѣ давно уже возникло убѣжденіе (основанное на исторіи) что союзъ между Франціей и Россіей былъ бы естественнымъ и благотельнымъ для Европы и для христіанскаго Запада. Я пораженъ тѣмъ, что эта мысль начинаетъ высказываться въ настоящее время въ нѣкоторыхъ французскихъ журналахъ. Они подмѣтили, что союзъ съ Англіей сулитъ поддержку, которую она не оказываетъ въ минуту нужды. Къ сожалѣнію, католическое духовенство во Франціи не поддерживаетъ этихъ мыслей, такъ какъ оно относится весьма враждебно къ православной церкви и вслѣдствіе этого къ самой Россіи. Въ этомъ состоитъ главное препятствіе, которое надобно преодолѣть, но паденіе свѣтской власти папы облегчитъ, по всей вѣроятности, сближеніе, весьма желательное также и съ точки зрѣнія религіозной.

«Если вы полагаете, милостивый государь, что вышеизложенныя мысли могли бы заинтересовать королеву Ольгу, которая можетъ имѣть весьма благотворное вліяніе, то я ничего не имѣю противъ того, чтобы онѣ были сообщены ей.

«Примите, м. г., увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и любви во Христвѣ. А. де-Местраль, министръ».

Лозанна, 2-го ноября 1870 г.

«Милостивый государь, въ письмѣ, посланномъ мною 6 недѣль тому назадъ, я позволилъ себѣ изложить вамъ мои мысли относительно политическаго положенія Европы и тѣхъ отношеній, какія могли бы установиться между Франціей и Россіей. Съ тѣхъ поръ эти мысли еще болѣе упрочились въ моемъ умѣ.

«Для несчастной Франціи горизонтъ еще болѣе омрачился и, вмѣстѣ съ тѣмъ, я вижу, что нѣкоторая по крайней мѣрѣ часть прессы начинаетъ все болѣе высказывать желаніе сближенія съ Россіей. Эта мысль высказывается, правда, главнымъ образомъ въ органахъ легитимистской партіи, которые стараются дать понять (и вполнѣ справедливо), что вступленіе на престолъ графа Шамбора представило бы наибольшія гарантіи для благополучія Франціи и для поддержанія мира въ Европѣ. Эти же самые журналы отмѣчаютъ тотъ фактъ, что старшая линия Бурбоновъ искала сближенія съ Россіей, какъ наиболѣе надежнаго союза, и что, къ сожалѣнію, эта политика была совершенно оставлена за послѣднія, 40 лѣтъ, такъ какъ Людовикъ Филиппъ и Наполеонъ III искали и добились союза съ Англіей. Я отлично знаю, м. г., что нѣкоторые вліятельные государственные люди, какъ напримѣръ г. Гизо и, быть можетъ, г. Тьеръ, раздѣляютъ до нынѣ это пристрастіе къ союзу

съ Англіей; я полагаю также, что если бы принцы Орлеанскіе стали снова у власти, то и они искали бы вначалѣ поддержки съ этой стороны. Тѣмъ не менѣе, я считаю возможнымъ, что общественное мнѣніе и ясное пониманіе истинныхъ интересовъ Франціи заставятъ умы склониться въ сторону Россіи, е сли бы эта держава чѣмъ-либо поддержала это настроеніе, если бы, напримѣръ, она оказала Франціи нѣкоторую существенную поддержку при происходящихъ въ настоящее время переговоровъ или на конгрессѣ, который состоится послѣ заключенія мира; весьма возможно, что будущіе правители Франціи оцѣнили бы услуги, оказанныя Россіей, и оказали бы со своей стороны содѣйствіе ея политическимъ интересамъ.

«Я упомянулъ о союзѣ съ Англіей. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, м. г., что онъ былъ пагубнымъ для Европы, а равно и для Франціи, и это убѣжденіе постоянно возрастаетъ. Я желалъ бы, чтобы Англія была совершенно одинока и чтобы ея вліяніе на европейскій континентъ было совершенно ослаблено. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно быть особенно дальновиднымъ, чтобы замѣтить, что за послѣднія 50 лѣтъ ея вліяніе всегда и вездѣ употреблялось для поощренія революціи какъ во Франціи, такъ равно и въ Итали и Польшѣ. Что касается моего возлюбленнаго отечества, нашей маленькой Швейцаріи, то это вліяніе чрезвычайно давало себя чувствовать въ этомъ отношеніи, во время войны Зондербунда ¹⁾, 23 года тому назадъ. Англійскій посланникъ, Р. Пиль, (Peel), дѣйствуя по внушенію Пальмерстона, игралъ во время ея по истинѣ дьявольскую роль. Поэтому мнѣ представляется весьма желательнымъ, чтобы отнынѣ великія континентальныя державы, съ Россіей и Франціей во главѣ, стали по отношенію къ Англіи въ положеніе, если не болѣе враждебное то, по крайней мѣрѣ, держали бы себя относительно ея болѣе осторожно и недовѣрчиво. Эта нація, со всѣми своими сектами и своимъ сектантскимъ и эгоистическимъ духомъ, приноситъ также много зла и въ области религіи.

«Я уже коснулся въ своемъ послѣднемъ письмѣ одного препятствія, которое мѣшаетъ повидимому сближенію Франціи съ Россіей, а именно антагонизма, существующаго между обѣими церквями. Я знаю, что во Франціи католическая пресса относится, къ сожалѣнію, къ православной церкви весьма несправедливо и страстно. Я счелъ долгомъ обратиться на это вниманіе нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ католическаго духовенства, съ которыми я нахожусь въ сношеніи, а равно и г. Дюпанлу (Dupanloup), епископа орлеанскаго. Я питаю нѣкоторую надежду

---

¹⁾ Политическій союзъ клерикальныхъ кантоновъ Швейцаріи, основанъ въ 1843 г. въ видахъ противодѣйствія радикальной политикѣ Швейцарскаго союза и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ кантоновъ.

на то, что римская церковь и ея руководители вступать вскорѣ на болѣе правильный путь. Совершающіяся нынѣ событія (побѣда протестантской Пруссіи и утрата папою свѣтской власти), которыя будутъ имѣть послѣдствіемъ ослабленіе католицизма въ отношеніи его матеріальнаго и политическаго вліянія, сообщать ему въ будущемъ характеръ религіи не столь господствующей и исключительной и облегчать такимъ образомъ весьма желательное сближеніе между христіанскими церквами, которыя будутъ тогда въ состояніи сплотить свои силы противъ о б щ а г о в р а г а, невѣрія, который, повидимому, угрожаетъ намъ все болѣе и болѣе.

«Предоставляю, м. г., вамъ самимъ рѣшить, насколько умѣстно будетъ представить настоящее письмо для прочтенія ея величеству королевѣ, вліяніе которой можетъ быть столь благодѣтельно во всѣхъ отношеніяхъ. Г. Деляновъ, директоръ С.-Петербургской публичной бібліотеки, сообщилъ мнѣ недавно, что его императорское величество видимо заинтересовался моею К а р т и н о ю ц е р к в и, коего одинъ экземпляръ попалъ въ его руки. Быть можетъ, его величество удѣлитъ также нѣсколько минутъ вниманія и политическимъ *pia desideria* автора».

«Примите, м. г., увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи. А. де Местраль, министръ.

«Р. S. Сю минуто получилъ отъ г. Лауренги, редактора легитимистскаго журнала *Union* (издаваемого нынѣ въ Турѣ) письмо, написанное, какъ мнѣ кажется, совершенно подъ вліяніемъ тѣхъ же мыслей и пожеланій, какія изложены мною выше».

Замѣчательно мнѣніе по этому предмету графа Д. А. Толстаго, которому я сообщилъ эти письма Местраля. Въ предвидѣніи государственнаго ума онъ справедливо замѣтилъ, что «союзъ Россіи возможенъ только съ Франціею у н и ж е н н о ю, которая—разумѣется—въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оправится». Впрочемъ, все это письмо графа Толстаго такъ интересно, что я прилагаю его здѣсь въ подлинникѣ.

«Милостивый государь Іоаннъ Іоанновичъ. Возвращая съ благодарностію письмо г. Местраля, долженъ сказать вамъ, что я во многомъ ему сочувствую: совершенно согласенъ съ его взглядомъ на коварный Альбіонъ и на возможность сближенія Россіи съ Франціею. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи мои убѣжденія имѣютъ значительные оттѣнки. Местраль, какъ французъ, по крайней мѣрѣ, по симпатіямъ, желалъ бы немедленнаго союза между двумя странами, дабы лишить Германію плодовъ ея побѣдъ,—что очевидно невозможно. Я же, какъ русскій, желаю этого въ будущемъ и думаю, что это случится, если Бисмаркъ сдѣлаетъ ошибку присоединеніемъ къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи. Для нея это будетъ тѣмъ, что для насъ Польша. Поэтому я вовсе не сокрушаюсь объ уничтоженіи Франціи, напро-

тивъ того, увѣренъ, что союзъ Россіи возможенъ только съ Франціею униженною, которая, разумѣется, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оправится. Вспомните прошлое: несмотря на всю естественность союза между двумя странами, которымъ дѣлится нечего, его не было ни при Бурбонахъ, ни при Орлеанахъ, ни, разумѣется, при Наполеонахъ. Франція сильная не нуждается въ Россіи; Франція ослабленная, униженная, не можетъ встать на ноги иначе, какъ съ помощію Россіи. Не Италия и не Австрія могутъ ей помочь. Провидѣніе устраиваетъ по-своему судьбы народовъ, и какъ знать—не выберетъ ли оно этотъ длинный путь для сближенія двухъ націй, что, по человѣческому взгляду, могло бы сдѣлаться и скорѣе, и проще.

«Потрудитесь напомнить обо мнѣ ея величеству королевы,—къ которой я всегда сохраняю и сохраню самую благоговѣйную память».

15 ноября 1870 г.

Въ заключеніе описанія событій этого замѣчательнаго историческаго 1870 года не могу не сдѣлать выписки изъ письма ко мнѣ изъ Москвы графа Комаровскаго, характеризующей тогдашнее настроеніе общественнаго мнѣнія въ Россіи, и преимущественно въ Москвѣ, по поводу франко-германской войны.

«Странныя событія,—писалъ онъ мнѣ 31-го октября, происходяція нынѣ на западѣ, въ высшей степени интересуютъ все наше общество. Никогда не выдано еще въ Россіи, въ самую даже эпоху крымской войны, чтобы люди всѣхъ сословій во всѣхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества слѣдили бы за политическими событіями съ такимъ любопытствомъ. Номера газетъ съ телеграммами раскупаются на расхватъ и вездѣ и во всѣхъ кружкахъ составляютъ предметъ оживленныхъ, даже страстныхъ бесѣдъ и споровъ. Если въ Петроградѣ, особенно въ началѣ войны, было не мало приверженцевъ Германіи, то здѣсь, въ Москвѣ, да и во всей остальной Россіи, симпатіи всего общества были на сторонѣ французовъ. Съ седанской катастрофы, ясно обнаружившей настояція цѣли и стремленія короля Вильгельма и его сподвижниковъ, симпатіи всѣхъ русскихъ людей перешли рѣшительно на сторону французовъ. Мы всѣ съ сильнѣйшею грустью видимъ, что правительство наше, упуская случай и благопріятнѣйшее время занять опять въ Европѣ то первенствующее мѣсто, которое съ такою честью и славою занимали императоры Александръ I-й и Николай, и которое такъ приличествуетъ правительству великаго и преданнаго народа—увы!—упуститъ въ своемъ нейтралитетѣ, благосклонномъ къ Германіи и враждебномъ къ естественной союзницѣ нашей Франціи... Дай Богъ, чтобы намъ не пришлось въ этомъ поздно раскаиваться».

Интересно также, какое впечатлѣніе производили событія 1870—

1871 г. и въ глубинѣ нашего отечества. Объ этомъ мнѣ писалъ изъ Костромы отъ 3-го февраля 1871 г. тамошній вице-губернаторъ А. Д. Свербѣевъ слѣдующее:

«Событія въ Франціи и насъ здѣсь сильно донимають. Но что будетъ и на долго ли Европа станетъ казармою? гдѣ конецъ бойни и гдѣ будетъ новое ея начало? Удовольствуются ли нѣмцы своимъ единствомъ или примутся еще за восточный вопросъ? Какъ должно быть странно вамъ въ этой единой Германіи поневолѣ вспоминать 66-й годъ и борьбу противъ желаннаго тогда и достигнутаго Пруссіей единенія. А теперь недалеко и до цѣли, никто уже не подымается противъ kaiser'a и долго ли просуществуютъ отдѣльныя царства. Это узнаеть близкое потомство».

Въ 1871 году въ іюлѣ праздновалась серебряная свадьба короля и королевы въ присутствіи покойнаго государя Александра Николаевича. По этому случаю мнѣ была пожалована первая звѣзда Анны I-й степени, а отъ короля, кромѣ ордена Фридриха, выбитая по этому случаю серебряная медаль.

Послѣ празднествъ въ Фридрихсгавенѣ, я воротился на свой Ротенбергъ къ мирнымъ занятіямъ, гдѣ нашель отъ моего рьянаго корресподента по текущимъ церковно-политическимъ дѣламъ письмо изъ Лозанны г. Местраля, который подписывался на своихъ письмахъ: *A de Mestrале ministre*, разумѣя, конечно, подъ послѣднимъ словомъ свое званіе протестантскаго пастора. По поводу только-что окончившейся войны между Франціей и Германіей этотъ, хотя и швейцарецъ, но горячій французскій патріотъ, былъ очень озабоченъ судьбою французской націи и тогда еще провидѣлъ спасеніе ея въ тѣсномъ союзѣ ея съ Россією, и не въ одномъ только политическомъ, но и церковномъ отношеніи. «Для нравственнаго возстановленія Франціи, писалъ онъ мнѣ въ этомъ письмѣ, особенно желательно, чтобы тамъ возымѣла свое вліаніе религія; Но какая религія? Есть много людей, которые громко говорятъ, что католичество составляетъ главное препятствіе къ возрожденію Франціи, что она не найдетъ себѣ другаго спасенія, какъ въ протестантствѣ. Но, хотя я самъ протестантъ, я думаю, что это большое заблужденіе. Прежде всего трудно ожидать, чтобы нація такъ легко могла порвать со всѣмъ своимъ прошедшимъ, со всею своею исторією. Протестантство, какъ оно теперь находится во Франціи, мало прибавило бы этой націи нравственной силы и счастья. Оно само находится въ глубокомъ распаденіи и—что еще хуже—проникнуто принципами раціонализма, субъективизма и пуританства. Это нѣкоторымъ образомъ религія безъ авторитета, безъ правилъ, безъ церемоній, безъ таинствъ. Но и самый католицизмъ во Франціи совсѣмъ не то, чѣмъ бы онъ долженъ былъ быть для этой націи умной, но въ то же время насмѣшливой и скептической.

Этому народу нужно не это католичество, римское, ультра-монтанское, папистское, какъ оно развито и опредѣлено на этомъ несчастномъ Ватиканскомъ соборѣ. Чтобы воздѣйствовать на французовъ, чтобы удовлетворить ихъ разсудокъ, воздѣйствовать на ихъ совѣсть и возродить ихъ нравственность, нужно католичество болѣе духовное, болѣе согласное съ исторіею и св. писаніемъ, однимъ словомъ, католичество дѣйствительно католическое. Къ сожалѣнію, французскій клиръ, кажется, не понимаетъ этого. Напротивъ, онъ воображаетъ себѣ, что для утвержденія вѣрующихъ надобно привязать ихъ сколько возможно крѣпче къ Риму. Даже тѣ епископы, которые на соборѣ больше всѣхъ говорили и писали противъ новаго догмата непогрѣшимости папы, начинаютъ одинъ за другимъ подчиняться соборному опредѣленію, не исключая Дюпанлу и архиепископа парижскаго. Это печально! Правда, съ католической точки зрѣнія, какъ скоро вселенскій (?) соборъ что-либо опредѣлилъ, всѣ обязаны подчиняться этому. Но это еще вопросъ, дѣйствительно ли Ватиканскій соборъ имѣетъ характеръ вселенскаго. Вотъ съ этой стороны сипозиція должна бы продолжать начатую борьбу. Кажется, во Франціи о. Гиацинтъ намѣревается стать на эту почву, а въ Германіи Деллингеръ и нѣкоторые другіе католическіе богословы. Будемъ надѣяться, что они найдутъ себѣ отголоски въ массѣ. Теперь, когда замолкли пушки, вниманіе снова обратится на религиозные вопросы. Вотъ почему я позволяю себѣ настаивать на мысли, которую я сообщалъ вамъ не разъ въ предыдущихъ письмахъ. Я бы желалъ, чтобы православная восточная церковь сдѣлала бы теперь какую-нибудь манифестацію, подвинулась бы на нѣсколько шаговъ впередъ и заявила бы о себѣ на западѣ хотя бы устройствомъ небольшихъ церквей, въ которыхъ совершалось бы ея богослуженіе на языкахъ страны, по-французски, по-нѣмецки, по-англійски. Эта пропаганда, совершенно мирная и ни для кого не оскорбительная, удовлетворила бы, по моему мнѣнію, дѣйствительной потребности. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашей западной Европѣ встрѣчается все болѣе и болѣе католиковъ, которые не хотятъ быть римскими, но желаютъ однако удержать литургію и главныя вѣрованія своей религіи, а также не мало и протестантовъ, которые недовольны протестантизмомъ въ томъ видѣ, какъ онъ устроенъ былъ реформаторами XVI вѣка, но не могутъ рѣшиться перейти въ римскую католическую церковь, особенно въ такую, какою она сдѣлалась послѣ Ватиканскаго собора. И тѣмъ, и другимъ православная церковь представила бы *via media*, но нужно, чтобы ее лучше знали, и чтобы доступъ къ ней былъ удобнѣе. Можно было бы также, чтобы лучше познакомились съ нею, воспользоваться періодическою прессою, на примѣръ, журналомъ «le Nord», издаваемымъ въ Брюсселѣ, какъ гово-

рять, подъ русскимъ вліяніемъ. Я имѣю случай читать этотъ журналъ постоянно вотъ уже нѣсколько лѣтъ, и я удивляюсь, какъ онъ вообще свѣдущъ во всемъ и дѣйствительно умень, консервативенъ и христіански настроенъ. Я читаю его съ удовольствіемъ, такъ какъ онъ представляется мнѣ воодушевленнымъ любовію къ правдѣ и общему благу. Его цитируютъ многіе изъ журналовъ, особенно легитимистскій журналъ, въ которомъ я самъ принимаю участіе, «l'Union», издаваемый *mr. Laurentie*, однимъ изъ ветерановъ монархической и католической прессы во Франціи. Это одинъ изъ журналовъ, проводящихъ мысль о союзѣ Франціи съ Россіей, только направленіе его слишкомъ римско-католическое. И вездѣ-то этотъ Римъ, который служитъ главнымъ препятствіемъ къ единенію, какъ политическому, такъ и церковному».

Желанія и мечты Местраля скоро должны были осуществиться. Старо-католическое движеніе стало распространяться по всей Германіи, особенно въ университетскихъ городахъ, гдѣ оно нашло большое сочувствіе между профессорами католическихъ факультетовъ и отголосокъ у насъ въ Россіи.

Мнѣ предстояла поѣздка съ королевою въ Петербургъ, а оттуда черезъ Ялту въ Константинополь, гдѣ мнѣ пришлось заняться вопросомъ, гораздо болѣе близкимъ намъ—возникшею въ это время распріею болгаръ съ греками.

Поѣздка наша въ Петербургъ состоялась въ февралѣ. Послѣ краткаго пребыванія въ Берлинѣ, гдѣ я не могъ избѣжать взятаго съ меня слова императрицею Августою представляться ей, въ какомъ бы городѣ я ни встрѣтился съ нею, я принужденъ былъ представиться ея величеству, что въ путешествіи составляетъ большое неудобство, такъ какъ нужно облекаться во фракъ и надѣвать на себя всѣ регалии. Къ счастью, мы оставались въ Берлинѣ недолго, иначе пришлось бы участвовать и въ приглашенныхъ обѣдахъ во дворцѣ и представляться разнымъ лицамъ, начиная съ Бисмарка. Королева, а съ нею и мы, ея свита, отправились до русской границы въ своемъ собственномъ поѣздѣ, снаряженномъ для нея еще въ Стутгартѣ. Но на границѣ насъ встрѣтилъ царскій поѣздъ, роскошный, снабженный всевозможными удобствами для путешествія. Мы размѣстились въ немъ просторно и покойно, и какъ дѣло было къ вечеру, всѣ предалися спокойному сну. Но вдругъ, среди ночи толчекъ, и поѣздъ сталъ. Что такое? «Ничего-съ. Не извольте беспокоиться, въ одномъ вагонѣ ось сломалась. Мы его отцѣпимъ и сейчасъ поѣдемъ дальше». Но это подмѣченное Бисмаркомъ русское «ничего» такъ было характерно для насъ, давно не бывавшихъ въ Россіи, при самомъ вступленіи на русскую почву, что мы невольно почесали себѣ въ затылкѣ, тѣмъ болѣе, что и второе русское слово

«сейчасъ» заставило насъ простоять на одномъ мѣстѣ около часу, пока опростали пострадавшій вагонъ, пока разсадили находившуюся въ немъ прислугу по другимъ вагонамъ и пока самый вагонъ выдвинули изъ поѣзда, для чего нужно было раздвинуть весь поѣздъ, такъ какъ несчастный вагонъ находился въ серединѣ, и снова составить поѣздъ. Но, наконецъ, мы тронулись и, перекрестившись съ благодарностью Богу, что не случилось бѣды, мы снова загнули на удобныхъ нашихъ ложахъ. По утру мы всѣ собрались въ столовую къ завтраку, и тутъ начали резонировать всѣ, особенно иностранцы изъ свиты королевы, какъ это можно, чтобы царскій поѣздъ, нарочно высланный на встрѣчу королевы, могъ имѣть такіе недостатки, что у одного вагона сломалась ось? и какое бы могло случиться отъ этого несчастье. Сопровождавшее насъ желѣзнодорожное начальство успокаивало и увѣряло, что этому причиною сильный морозъ, и что этотъ вагонъ, назначенный для прислуги, не былъ особенно тщательно осмотрѣнъ, но что теперь мы можемъ быть совершенно спокойны, дождемъ благополучно до Петербурга. Но не прошло и пяти минутъ послѣ этого успокоенія и увѣренія, какъ нашъ столовый вагонъ, въ которомъ мы еще сидѣли за завтракомъ, началъ скакать по рельсамъ, и поѣздъ опять остановился. Оказалось, что и въ этомъ вагонѣ одно колесо было въ неисправности, и все тотъ же морозъ былъ виноватъ. Пришлось опять пересаживаться и потѣсниться. Но уже было недалеко до Петербурга, куда мы прибыли съ опозданіемъ на два часа. Государь выѣхалъ на встрѣчу королевѣ въ Гатчину и стоялъ на платформѣ, видимо уже раздраженный всеми этими неисправностями, о которыхъ ему, конечно, доносили съ дороги по телеграфу. Какъ нарочно, и здѣсь поѣздъ не сумѣлъ остановиться такъ, чтобы вагонъ съ королевою пришелся противъ государя, и прокатился гораздо дальше и долженъ былъ дать задній ходъ, чтобы остановиться какъ слѣдуетъ. При этомъ государь не могъ сдержать своего гнѣва и почти крикнулъ: «дураки, даже не умѣютъ остановиться какъ слѣдуетъ!»

Всѣхъ насъ, прибывшихъ въ свитѣ королевы, должны были помѣстить во дворцѣ, но меня уже напередъ пригласилъ остановиться у себя графъ Е. В. Путятинъ.

Но вотъ насталъ великій постъ, и королева рѣшилась говѣть на первой недѣлѣ, желая исповѣдываться у своего стараго духовника Бажанова. Но тутъ случилось непріятное недоразумѣніе. Опасаясь, какъ будто обидѣть ея духовника, прибывшаго съ нею, Бажановъ сталъ отговариваться и недосугомъ, и старческою слабостію. Королева хотя и согласилась съ нимъ, но была очень огорчена неисполненіемъ своего желанія. Бажановъ это зналъ, но было уже поздно. И вотъ въ пятницу, за преждеосвященною обѣдней стоимъ мы съ нимъ рядомъ на колѣняхъ

въ придворной церкви, и онъ съ умпленіемъ повторяетъ, обращаясь ко мнѣ, слова молитвы: «положи, Господи, храненіе устамъ моимъ», прибавивъ: «а когда это нужно, тутъ-то и забудешь поставить дверь огражденія о устнѣхъ своихъ!» Дѣйствительно, онъ поздно понялъ, какого утѣшенія онъ лишилъ своимъ отказомъ королеву, которая такъ радовалась еще разъ исповѣдываться у духовника, который съ малолѣтства былъ ея духовнымъ отцомъ.

Между тѣмъ, здоровье императрицы продолжало ухудшаться, и уже на третьей недѣлѣ поста рѣшили перевезти ее большую прямо съ постели въ Крымъ въ Ливадію. Королева вмѣстѣ съ великою княжною послѣдовала за нею, я же долженъ былъ остаться еще въ Петербургѣ, гдѣ меня задержалъ князь Горчаковъ, рѣшившійся дать мнѣ порученіе по болгарскому вопросу въ Константинополь.

— Мы теперь,—говорилъ онъ,—съ тѣхъ поръ, что умеръ Филаретъ московскій, остались безъ рукъ и головы во всѣхъ церковныхъ вопросахъ.

И дѣйствительно, съ кѣмъ бы я ни заговорилъ изъ членовъ Синода о болгарскихъ дѣлахъ, всѣ относились къ этому такъ безучастно, какъ будто дѣло шло о какомъ-то пустомъ столкновеніи болгарскаго экзарха съ константинопольскимъ патриархомъ. Но князь Горчаковъ взглянулъ на это дѣло серьезнѣе, провидѣвъ уже тогда въ немъ и политическую подкладку. Поэтому онъ приказалъ открыть мнѣ весь архивъ дипломатической переписки по болгарскому вопросу, и я работалъ надъ этимъ въ министерствѣ нѣсколько дней, дѣлая выписки и замѣтки изъ представленныхъ въ мое распоряженіе бумагъ.

Но мнѣ надлежало спѣшить, чтобы поспѣть въ Ливадію къ Пасхѣ, послѣ которой королева собиралась отправиться въ свое путешествіе. Забывъ по дорогѣ въ Кіевъ, гдѣ мой старшій сынъ служилъ доцентомъ при Кіевскомъ университетѣ, я прибылъ въ Ливадію на страстной недѣлѣ и нашелъ императрицу настолько поправившеюся, что она могла присутствовать въ великую пятницу вечеромъ при выносѣ плащаницы при прекрасной весенней погодѣ. Здѣсь я нашелъ письмо моего интимнаго друга В. П. Титова, который писалъ мнѣ слѣдующее:

«С.-Петербургъ. Великая среда 1872 г. Вчера я писалъ королевѣ, а сегодня въ Петропавловскомъ соборѣ усердно молился за императрицу. Ровно семь лѣтъ кончинѣ покойнаго цесаревича. Да вознаградитъ Богъ страданія державной матери цѣлымъ рядомъ надеждъ и отрадъ въ ея семействѣ. Но главное, вѣра въ Божественный Промыслъ и безъ того всегда была тверда въ ея сердцѣ. Здоровье же, судя по всѣмъ доходащимъ сюда извѣстіямъ, видимо поправляется подъ благодатнымъ вліяніемъ солнца, воздуха, зелени и цвѣтовъ южнаго берега.

«Жена и мы всѣ васъ поздравляемъ съ наступающею Пасхой и кромѣ

наслажденія вдоволь красотами крымской природы желаемъ полного успѣха путешествію вашему на Босфоръ. Только для королевы рѣшительно мало провести тамъ трое сутокъ. Надо недѣлю. Такое убѣжденіе дозволилъ я себѣ громко высказать во вчерашнемъ письмѣ. Однажды будучи въ Царьградѣ, какъ не взглянуть, напимѣрь, на монастырь Панагія, на Принцевыхъ островахъ? не говоря уже о монастырѣ св. Георгія, нѣсколько менѣе доступномъ, но откуда виды на Анатолю, Мраморное море и Европу еще очаровательнѣе? Я вѣкъ буду сокрушаться, если ея величество уѣдетъ, не видавъ Панагіи. При семидневномъ пребываніи такія дальнія прогулки весьма сбыточны, безъ чрезмѣрнаго напряженія силъ. При трехсуточномъ даже немислимы. А можетъ ли сравниться съ ними, сказать примѣромъ, утомительное посѣщеніе какого-нибудь нелѣпаго гарема? просто изъ удовольствія рассказать, что видѣли такую диковинку, какъ турецкій гаремъ. Истинными красотами Царьграда надо наслаждаться не для другихъ, а для своей души.

«Между болгаръ и грековъ вы, батюшка, попадете въ самый благоприятный моментъ. Патриархъ не хочетъ принимать эзарха, и ссора, какъ видно, такъ разгорѣлась, что злѣй уже и быть не можетъ. Слѣдовательно, за самый мало-мальскій признакъ или надежду сближенія будутъ признательны миротворцу. Въ академіи видѣлъ вашъ портретъ. Хвала г-жѣ Кочетовой. Сходство отмѣнное. Исполать вамъ. В. Т.»

Вскорѣ послѣ Пасхи въ самыхъ первыхъ числахъ мая мы сѣли въ Ялтѣ на пароходъ «Великая княгиня Ольга», предоставленный въ распоряженіе королевы на все время ея плаванія черезъ Константинополь и Аѳины до Бриндизи въ Италиі, откуда она должна была вернуться въ Стутгартъ сухимъ путемъ. Плаваніе наше на этомъ пароходѣ, собственно яхтѣ царской фамиліи, было такъ удобно, а главное, такъ благополучно, что въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ на морѣ, не только не было никакой качки, но вода стояла какъ зеркало вокругъ насъ. Напрасно капитанъ нашего парохода предупреждалъ насъ, что у мыса Монтепана насъ нежножко покачаетъ, но мы обогнули и этотъ мысъ безъ малѣйшей качки, такъ что самъ капитанъ изумился, говоря, что ему еще никогда не приходилось проходить это мѣсто при такомъ совершенномъ штилѣ. Переѣздъ черезъ Черное море былъ устроенъ такъ, чтобы попасть въ Константинополь утромъ. Но пароходъ нашъ былъ такой ходкій, что мы подѣхали къ Босфору только что съ разсвѣтомъ и здѣсь остановились, дожидаясь, когда королева проснется и встанетъ съ постели. Между тѣмъ, къ намъ прибылъ на своемъ пароходѣ изъ Буюкдере нашъ посоль Н. П. Игнатьевъ, который распорядился везти королеву черезъ Босфоръ къ Принцевымъ островамъ, обогнувъ которые, мы вернулись назадъ и остановились у Золотаго

Роба. Королева заранѣ рѣшила не сходить съ парохода и пробyla на немъ всѣ восемь дней пребыванія своего въ Константинополѣ, съѣзжая на берегъ только для визитовъ и приѣмовъ и для осмотра достопримѣчательностей. Поэтому, какъ только мы стали на якорь, какъ на нашъ пароходъ явился паша въ сопровожденіи молодаго эфенди, носившаго титулъ *Introduceur des ambassadeurs*, чтобы привѣтствовать королеву отъ имени султана и съ назначеніемъ состоять при ея величествѣ во все время пребыванія ея въ Константинополѣ. Намъ было очень интересно познакомиться съ этими турками, но мы скоро убѣдился, что это были типы новаго поколѣнія. Одинъ изъ нихъ, паша, былъ женатъ на нѣмкѣ-христіанкѣ и велъ семейную европейскую жизнь безъ гаремовъ, оставаясь впрочемъ мусульманиномъ. Другой же, Хамди-Бей, представлялъ собою *gamin de Paris*, гдѣ онъ воспитывался, и на каждомъ шагу копировалъ вертляваго француза. Онъ, впрочемъ, хвастался и своимъ литературнымъ образованіемъ, увѣряя насъ, что онъ написалъ нѣсколько пьесъ, которыя были поставлены на турецкомъ театрѣ. Но надо было видѣть этого фрянта при исполненіи имъ его придворной должности, какъ онъ изгибался передъ своимъ падишахомъ! Этому мы были свидѣтелями, когда королева принимала султана въ домѣ русскаго посольства. Мы смотрѣли съ верхней площадки лѣстницы, какъ поднимался по ступенькамъ султанъ, сопровождаемый блестяшею свитою, а передъ нимъ скорчившись, бокомъ шель или, лучше, ползъ нашъ Хамди-Бей. Послѣ короткой аудіенціи у королевы, мы всѣ, свита королевы, были введены въ залъ и представлены его величеству. При представленіи меня, паша назвалъ меня *и мамомъ* королевы, за что я былъ награжденъ отъ султана привѣтливою улыбкою.

На другой день королева отправила меня привѣтствовать отъ имени патріарха. Такъ какъ этотъ визитъ былъ официальный, о чемъ была предупреждена и патріархія, то я отправился туда въ экипажѣ посольства, въ сопровожденіи драгомана, и былъ встрѣченъ тамъ торжественнымъ образомъ. Въ послѣдующіе мои визиты патріарху, неофициальные, я бралъ въ Константинополѣ какъ и водою отправлялся въ Фанаръ, но въ этотъ разъ пришлось пробираться по маленькимъ улицамъ въ этотъ отдаленный кварталъ и вытерпѣть по турецкой мостовой качку и бросанье изъ стороны въ сторону въ экипажѣ хуже всякой морской качки. Но, слава Богу, мы доѣхали до патріархин, не сломавъ ни экипажа, ни себѣ головы. Тамъ, какъ сказано, насъ уже ожидали, и по всей лѣстницѣ, деревянной наружной, какія у насъ бываютъ построены на постоянныхъ дворахъ, были разставлены патріаршіе кавасы, а на верхней площадкѣ стояли и члены синода, которые ввели меня въ приѣмную патріарха. Мнѣ было немного неловко предстать въ своихъ орденахъ и звѣздахъ предъ старцемъ-патріархомъ, скромно одѣтымъ въ

черную рясу безъ всякихъ знаковъ отличія. При послѣдующихъ моихъ посѣщеніяхъ я являлся уже просто въ черной рясѣ, не надѣвая даже наперснаго креста. Въ этотъ же разъ, исполняя должность посланника королевы, я обязанъ былъ показать величіе нашей церкви и величество особы, при которой я служилъ. Визитъ этотъ, какъ официальный, ограничился взаимными привѣтствіями при неизбѣжномъ восточномъ угощеніи чашкою кофе и сладостями. О жгучемъ болгарскомъ вопросѣ при этомъ не было упомянуто ни однимъ словомъ. При прощаніи драгоманъ заявилъ патриарху, что королева желаетъ принять его святѣйшество на другой день въ русскомъ посольствѣ, что онъ и исполнилъ, явившись туда со всѣмъ соборомъ, сопровождаемый по дорогѣ своими кавасами, эскортировавшими его карету верхомъ на коняхъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ возложенному на меня порученію, намъ предстояло осмотрѣть достопримѣчательности Константинополя, въ числѣ которыхъ, по словамъ нашего посла Н. П. Игнатьева, на первомъ мѣстѣ стоитъ выѣздъ султана по пятницамъ въ мечеть для молитвы, и какъ мы были наканунѣ одной изъ пятницъ, то рѣшено было на другой день отправиться на это зрѣлище. Для этого королевѣ былъ предоставленъ на другомъ берегу Босфора султанскій кіоскъ, мимо котораго султанъ долженъ былъ проѣхать верхомъ на конѣ. Хотя мы собрались въ этотъ кіоскъ заранѣе, но мы не знали, что его мусульманское величество заставляетъ себя ждать часъ и болѣе того, какъ это было даже при посѣщеніи имъ королевы въ русскомъ посольствѣ. И вотъ мы на досугѣ стали присматриваться къ обстановкѣ этого торжественнаго шествія. По всему пути были разставлены по обѣ стороны шпалерами войска, а у троттуаровъ стояли кареты-купе съ гаремными красавицами. Хотя онѣ и охранялись евнухами, но это намъ не мѣшало заглянуть мимоходомъ во внутрь купе и видѣть, какъ эти красавицы охотно отбрасывали свои прозрачныя вуали при взглядѣ на нихъ проходящихъ. Другая характерная подробность, обратившая на себя наше вниманіе, состояла въ томъ, что среди улицы, по которой долженъ былъ проѣхать султанъ, въ пробойнѣ мостовой лежала свернувшись одна изъ собакъ, извѣстныхъ Константинополю. Намъ удивляло не только то, что эту собаку не смущало множество всей обстановки этой улицы, но еще болѣе то, что никто и не думалъ прогнать ее отсюда. Намъ хотѣлось видѣть, побезпокоится ли она при приближеніи султанскаго кортежа, и что же? вотъ появился и султанъ на своемъ конѣ и за нимъ многочисленная свита тоже на коняхъ, и вся эта масса лошадиныхъ копытъ перешагнула черезъ эту собаку, не задѣвъ ея, и та преспокойно продолжала спать въ своемъ логовищѣ.

Обратнаго шествія изъ мечети мы не стали дожидаться и отправились въ св. Софію осмотрѣть эту дорогую для cadaго православнаго

сердца святыню. Насъ ввели на верхнюю галерею, откуда легче было обозрѣть всѣ подробности этого храма. Здѣсь, стоя прямо противъ ясно просвѣчивавшаго сквозъ легкую штукатурку лика Господа Саваоа, мы невольно погрузились въ молитвенное настроеніе, и королева, несмотря на то, что ее окружали приставленные къ ней для почета турки, обратилась ко мнѣ со словами: «помолимся здѣсь съ вами», и мы сотворили тайную молитву, которая не осталась незамѣченной и нашими турками.

Императоръ Павелъ.

Очеркъ развитія его личности.

VI ¹⁾.

Переходъ къ Павлу Петровичу неограниченной власти отразился на немъ главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ: представленіе о собственной личности возросло до недосыгаемой высоты, а подозрительность и мнительность развились до проявленій чисто болѣзненныхъ.

Мы уже видѣли, что воспитатель Павла Петровича Панинъ вселялъ въ него убѣжденіе, что государи—намѣстники во плоти Бога. И хотя Павелъ Петровичъ неоднократно высказывалъ, что государи тоже люди, что и онъ самъ человѣкъ и потому можетъ заблуждаться и т. д., но въ общемъ сѣмена, брошенная Панинымъ, упали на достаточно благодарную почву. Дашкова въ своей характеристикѣ новаго императора прямо называетъ его убѣжденнымъ въ сверхъестественномъ характерѣ его положенія. И надо сказать, что нѣкоторыя событія въ жизни Павла Петровича легко могли вселить въ него подобное убѣжденіе, породить въ немъ вѣру, что Промыслъ не оставляетъ его своимъ ближайшимъ вмѣшательствомъ въ его личныя обстоятельства. Такъ, въ 1772—1773 году онъ видитъ призракъ Петра Великаго, поучающій его, какъ ему слѣдуетъ жить. Когда передъ отправленіемъ въ Крымское путешествіе Екатерина наносила ему одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ для него ударовъ, рѣшивъ взять съ собою

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 г.

обоихъ его сыновей, даже не предупредивъ его объ этомъ предварительно, и когда всѣ мольбы Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны оставить дѣтей съ ними или же и ихъ самихъ взять съ собою оказывались безуспѣшными, какъ бы сама судьба вмѣшивается въ это дѣло: почти передъ самымъ отъѣздомъ Константинъ Павловичъ заботѣвается сыпью, и императрица была вынуждена начать путешествіе безъ внуковъ. Осенью 1796 года можно было быть вполне увѣреннымъ, что Павлу Петровичу не суждено достигнуть престола, какъ вдругъ императрица внезапно заболѣваетъ и лишается языка.... Наконецъ, въ ночь подъ 5-е ноября и Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна видятъ одновременно сонъ, что какая-то невидимая и сверхъестественная сила возноситъ его къ небу. Поэтому онъ былъ совершенно искрененъ, когда 5-го того же ноября, по дорогѣ изъ Гатчины въ Петербургъ, выйдя изъ кареты и устремивъ наполненные слезами глаза на луну въ полномъ сіяніи, воскликнулъ: «Я прожилъ сорокъ два года. Господь Богъ поддерживалъ меня..... Будемъ надѣяться на его милость». Вообще, по замѣчанію Н. К. Шильдера, таинственное и чудесное играли роль въ жизни Павла Петровича, и онъ любилъ останавливаться на этомъ.

Вѣрующій въ сверхъестественность своего положенія, проникнутый искреннимъ и горячимъ желаніемъ дѣлать добро, онъ сталъ считать себя началомъ и концомъ всего, сталъ думать, что онъ можетъ дѣлать все самъ. Въ противность высказанной когда-то мысли, что «указы почитать просто учрежденіями, а не законами», онъ сталъ отождествлять съ закономъ свои желанія. «Здѣсь вашъ законъ», крикнулъ однажды Павелъ Петровичъ, ударивъ себя въ грудь, когда кто-то осмѣлился возражать ему по поводу принятаго имъ рѣшенія и упомянулъ о законѣ. «Въ этихъ немногихъ словахъ,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—выразился весь смыслъ правительственной системы, усвоенной себѣ преемникомъ Екатерины II» ¹⁾. «Одно понятіе—самодержавіе, одно желаніе—самодержавіе неограниченное—были двигателями всѣхъ дѣйствій Павла. Въ его царствованіе Россія обратилась почти въ Турцію», высказалъ баронъ М. А. Корфъ въ неизданной главѣ біографіи Сперанскаго ²⁾. «Личное самовластіе въ непремѣнномъ исполненіи самымъ скорымъ образомъ его воли, хотя бы какія дурныя слѣдствія отъ того ни произошли, было главный его порокъ», пишетъ одинъ изъ современниковъ, князь Ѳ. Н. Голицынъ.

До какой степени искренно Павелъ Петровичъ былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ въ состояніи дѣлать все самъ, что онъ—«все», наглядно подтверждается слѣдующими случаями.

¹⁾ Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. I, стр. 146.

²⁾ Ib., стр. 244.

Во время задуманнаго Павломъ Петровичемъ пресловутаго морскаго путешествія въ Ревель съ цѣлымъ флотомъ, онъ вышелъ однажды на палубу и, увидѣвъ, что состоявшій эскадръ-маіоромъ Шишковъ держитъ въ рукахъ какую-то тетрадь, спросилъ у него о ней. Тотъ отвѣчалъ, что это чертежи для походныхъ строевъ. Онъ сталъ разсматривать ихъ, а затѣмъ спросилъ Шишкова:

— А если я захочу, чтобъ корабли иначе построились, нежели здѣсь изображено?

«Нечаянный вопросъ сей,—пишетъ Шишковъ въ своихъ запискахъ,—привелъ меня въ затрудненіе, ибо я принужденъ былъ отвѣчать, что этого сдѣлать невозможно.

— Для чего невозможно?—подхватилъ онъ съ нѣкоторою досадою.

«Не зная, подлинно ли не имѣетъ онъ достаточнаго о семъ свѣдѣнія, или испытываетъ меня, сталъ я ему объяснять.... Онъ выслушалъ меня терпѣливо; но, повидимому, не вразумясь хорошенько, сердитымъ голосомъ сказалъ:

— Что мнѣ нужды до вашихъ чертежей! Я хочу, чтобъ дѣлали то, что я велю!

«Не смѣя больше прекословить ему и не вѣдая, какъ отъ сего отдѣлаться, я приведенъ былъ въ крайнее недоумѣніе и очень обрадовался, увидя вышедшаго въ сіе время на верхъ графа Кушелева. Я, тотчасъ указавъ на него, сказалъ:

— Вотъ графъ Кушелевъ: не угодно, ли вашему величеству у него о томъ спросить.

«Графъ, по извѣщеніи его, о чемъ идетъ дѣло, сталъ то жъ самое, чтѣ и я, говорить. Государь замолчалъ и пошелъ въ свою каюту. Черезъ нѣсколько минутъ выходитъ оттуда одинъ изъ приближенныхъ къ нему и говорить намъ:

— Что такое вы сдѣлали? Государь очень вами недоволенъ: онъ, сойдя на низъ, сказалъ: «тамъ два умника спорятъ со мною; я не пойду больше наверхъ и посмотрю, какъ они безъ меня управлять стануть».

Въ другомъ случаѣ, сообщая Аракчееву о дошедшихъ до него слухахъ о недовольствѣ среди офицеровъ Преображенскаго полка, Павелъ Петровичъ писалъ:

«Свѣдалъ я, что офицеры ваши разглашаютъ вездѣ, что они не могутъ ни въ чемъ угодить, забывая, что если бы они дѣлали, что другихъ полковъ дѣлаютъ, то бы они равно имъ угождали; то и извольте имъ сказать, что легкой способъ сіе кончить—отступиться мнѣ отъ нихъ и ихъ кинуть, предоставляя имъ всегда таковыми оставаться, каковы мерзки они прежде были, что я и исполню, а буду заниматься и безъ нихъ обороною государственною».

*

«У меня всѣ Безбородки!» съ досадою воскликнулъ Павелъ Петровичъ, когда ему было доложено о кончинѣ канцлера, при чемъ было употреблено выраженіе: «Россія лишилась Безбородки».

Конечно, развитію въ Павлѣ Петровичѣ самомиѣнія способствовали также низкопоклонство и лесть, въ которыхъ, повидимому, не было недостатка. Поражаетъ только та грубая форма, въ которой выражалась эта лесть. Такъ, во время однихъ маневровъ генераль баронъ Дибичъ, отецъ извѣстнаго впослѣдствіи фельдмаршала, бывший адъютантъ Фридриха Великаго, ловко маскировалъ передъ государемъ часто неизбѣжные со стороны войскъ промахи, а самъ между тѣмъ восклицалъ безпрестанно: «О, великій Фридрихъ! Если бы ты могъ видѣть армію Павла. Она выше твоей». «Этимъ кстати проявленнымъ чувствомъ восторга,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—сердце Павла было совершенно покорено, а на участниковъ маневровъ посыпалась награда». Коцебу въ своемъ описаніи Михайловскаго замка рассказываетъ, какъ нѣкоторые пользовались для мести извѣстнымъ пристрастіемъ Павла Петровича къ своему творенію. «Императоръ,—пишетъ онъ,—былъ дотогу прельщенъ своимъ созданіемъ, что самое осторожное порицаніе раздражало его на столько же, на сколько ему льстила самая грубая похвала. Однажды онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ пожилую даму. «Мнѣ говорили, будто лѣстницы дворца неудобны,—сказала она,—но я нахожу ихъ превосходными». Императоръ пришелъ отъ этой похвалы въ такой восторгъ, что поцѣловалъ даму. Царедворцы умѣли прекрасно пользоваться этою слабостью. Они были неистощимы въ похвалахъ, и мнѣ извѣстно, что, высказавши все, что можно было придумать, они повергались на колѣни передъ бронзами и поклонялись имъ въ нѣмомъ восторгѣ».

Вполнѣ естественно, что при томъ представленіи, которое составилось у него на власть и на значеніе своей личности, онъ долженъ былъ стараться окружить ее подобающимъ ореоломъ. Такъ, въ одномъ случаѣ онъ командуетъ войсками на парадѣ въ далматикѣ и коронѣ. На выходѣ 1-го января 1798 г. онъ появляется въ коронѣ, суперверсѣ и императорской мантии. «L'Empereur,—пишетъ графиня В. Н. Головина,—mettait dans la représentation souveraine toute l'exagération de son caractère». «Государь,—въ свою очередь замѣчаетъ Н. К. Шильдеръ,—съ какою-то, присущею ему, особою страстностью и мелочностью придумывалъ все новыя усовершенствованія для придворнаго этикета; по этой причинѣ празднества и даже балы дѣлались не менѣе утомительными и скучными, чѣмъ торжественныя поздравленія». При встрѣчахъ съ государемъ на улицахъ даже дамы, несмотря на грязь или дождь, должны были выходить въ экипажахъ и дѣлать глубокій реверансъ, а статскіе—сбрасывать шинели и отдавать честь по-военному. Престижъ своей власти Павелъ Петровичъ старался поддерживать даже такими мѣрами, какъ

запрещеніе произносить на улицахъ столицы слово «Курносый» и называть козу и кошку «Машкой»....¹⁾

Будучи высокаго мнѣнія о своемъ положеніи, Павелъ Петровичъ предъявлялъ къ нему и строгія требованія. По его словамъ «долгъ тѣхъ, которымъ Богъ вручилъ власть править народами,—думать и заботиться объ ихъ благосостояніи». И онъ всѣми силами старался выполнить этотъ долгъ, какъ онъ понималъ его. Онъ проявлялъ громадную дѣятельность. Мысль о народномъ благосостояніи была его постоянною мыслью. Онъ во всемъ хотѣлъ служить примѣромъ для всѣхъ.

«Царь самъ за работою съ ранней зари, съ шести часовъ утра,—пишетъ одинъ изъ современниковъ,—генераль-прокуроръ, въ домѣ котораго жилъ князь (Н. В. Репнинъ) и я при немъ, каждый день отправлялся съ докладами во дворецъ въ 5½ часовъ утра. Приходя съ порученіемъ отъ князя къ графу Н. И. Салтыкову, въ исходѣ шестаго часа утра, не одинъ разъ я находилъ уже его не въ томъ, а въ другомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ цесаревича-наслѣдника. Миръ живетъ примѣромъ государя. Въ канцеляріяхъ, въ департаментахъ, въ коллегіяхъ, вездѣ въ столицѣ свѣчи горѣли съ пяти часовъ утра; съ той же поры въ вице-канцлерскомъ домѣ, чтó былъ противъ Зимняго дворца, всѣ люстры и всѣ каминны пылали. Сенаторы съ восьми часовъ утра сидѣли за краснымъ столомъ. Возрожденіе по военной части было еще явственнѣе—съ головы началось. Сѣдые съ георгіевскими звѣздами военачальники учились маршировать, равняться, салютовать эсконтономъ».

Если же, несмотря на всѣ благія намѣренія Павла Петровича, оказалось возможнымъ, что цесаревичъ Александръ Павловичъ писалъ уже въ 1797 году, характеризуя его правленіе, что «несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію», что «хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены», что «благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами» и что «существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ навыворотъ»,—то это, такъ сказать, крушеніе добрыхъ желаній Павла Петровича объясняется поспѣшностью, съ которою онъ хотѣлъ пересоздать все сразу, его взглядомъ на свою власть, его врожденными нетерпчивостью и порывистостью и, наконецъ, главное, выработавшеюся въ немъ въ Гатчинѣ мелочностью и увлеченіемъ экзерцирмейстерствомъ, парадоманіей съ ея плутонгами, пуанъ-де-вю, пуанъ-д'анюки и «прочими мистеріями воинскаго устава». По признанію самого Александра Павловича, онъ, наслѣдникъ

¹⁾ „Русская Старина“ 1897 г. ноябрь. „Императоръ Павелъ въ его дѣяніяхъ и приказахъ“.

престола, терялъ все свое время на выполнение обязанностей унтеръ-офицера...

Къ сожалѣнiю, какъ уже упомянуто выше, вступленiе Павла Петровича на престолъ отразилось на немъ не только чрезмѣрнымъ, почти болѣзненнымъ развитiемъ представленiя о своемъ собственномъ «я». «Онъ сталъ относиться къ своей власти такъ, какъ будто кто-то все не хочетъ признать ея и готовъ оспаривать ея права на нее. Отсюда происходитъ какое-то нервное безпокойство, обнаруживаемое имъ при пользованiи своею властью, и этимъ же, намъ кажется, слѣдуетъ объяснить всѣ его невоздержанности, всѣ его черезчуръ крутыя мѣры: онъ какъ будто хочетъ испытать силу своей власти и убѣдиться, видя исполненiе всѣхъ проявленiй своей воли, что его слушаются, что его признаютъ... Потребность новыхъ и еще болѣе наглядныхъ доказательствъ увлекала его по этому пути все далѣе и далѣе... Онъ дѣйствуетъ и держитъ себя не какъ государь, по праву первородства вступившiй на прародительскiй престолъ и проникнутый спокойнымъ сознаниемъ своей власти, а какъ человекъ, вдругъ, по волѣ случая, неожиданно для себя и для другихъ, очутившiйся на престолѣ, обезпокоенный мыслью о томъ, какъ смотреть на это другiе, и желающiй убѣдить всѣхъ въ томъ, что они должны повиноваться ему».

Хотя цѣль всѣхъ страстныхъ, затаенныхъ желанiй—власть—и была достигнута, но глубоко вкоренившаяся многолѣтняя привычка къ подозрительности и мнительности уже не могла исчезнуть. Вся разница только въ томъ, что опасенiе не достигнуть престола смѣнилось опасенiемъ преждевременно утратить его.

Подъ влиянiемъ этого опасенiя, подозрительность и мнительность находили себѣ обильную пищу, болѣзненно настроенное воображенiе работало неустанно при этомъ, вполне естественнымъ образомъ, подъ вѣчнымъ напоромъ воспоминанiй о судьбѣ Петра Ѳеодоровича; Павелъ Петровичъ не дѣлалъ исключенiй даже для самыхъ близкихъ ему людей. Въ отношенiи къ нимъ проявленiе подозрительности и мнительности принимало уже несомнѣнно болѣзненный характеръ.

Такъ, въ одномъ разговорѣ съ Комаровскимъ Павелъ Петровичъ сталъ рассказывать ему, что всѣ противъ него, т. е. императрица и наследникъ, что онъ окруженъ шпионами и т. д. Какъ разъ въ это время проходилъ парикмахерскiй ученикъ, и императоръ, указывая на него Комаровскому, сказалъ:

— Ты видишь этого мальчишку; я не увѣренъ, чтобы и ему не велѣно тоже за мной присматривать.

Съ графомъ же Вiельгорскимъ былъ слѣдующiй случай.

По званiю гофмаршала ему часто приходилось бесѣдовать съ императрицею о предметахъ, касающихся его должности. Когда, на одномъ

изъ придворныхъ собраній, онъ заговорилъ съ нею о чемъ-то подобномъ, государь нахмурился и замѣтилъ великому князю Александру:

— Вотъ онъ опять толкуеть ей о пустякахъ.

Великій князь бросилъ на графа взглядъ, желая дать ему понять, чтобы онъ удалился. Вельгорскій отошелъ и приблизился къ игрокамъ въ бостонъ, сидѣвшимъ за карточнымъ столомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ государя.

— Вотъ, посмотрите,—сказалъ Павель,—теперь онъ старается приблизиться къ намъ, чтобы подслушать, о чемъ мы говоримъ.

Великій князь далъ Вельгорскому знакъ отойти; но тотъ, находясь подлѣ четырехъ игроковъ, даже не воображалъ, что въ немъ подозрѣваютъ столь тонкій слухъ, а тѣмъ болѣе,—намѣреніе подслушивать своего государя, и остался на своемъ мѣстѣ, спокойно продолжая разговаривать съ игроками. На другой день графъ Вельгорскій былъ смѣненъ и нѣсколько позже долженъ былъ выѣхать въ Вильно.

Подозрительность Павла Петровича коснулась и цесаревича. Старанія Александра Павловича не давать отцу поводовъ подозрѣвать его въ чемъ бы то ни было не привели ни къ чему: въ умѣ Павла созрѣлъ планъ отстранить Александра Павловича отъ престолонаслѣдія и усыновить выписаннаго имъ въ Россію тринадцатилѣтняго племянника Маріи Ѳеодоровны, принца Евгенія Виртембергскаго. По словамъ графини Д. Х. Ливенъ, рѣшительное вліяніе на отношеніе отца къ сыну оказало слѣдующее ничтожное обстоятельство.

Войдя однажды неожиданно въ комнату наслѣдника, императоръ Павель нашелъ на его столѣ трагедію «Брутъ» Вольтера; она оканчивается, какъ извѣстно, словами Брута:

Rome est libre: il suffit.
....Rendons grâces aux dieux!

Государь призывалъ сына къ себѣ наверхъ и, показывая на указъ Петра Великаго о несчастномъ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его: знаетъ ли онъ исторію этого царевича?

По справедливому замѣчанію Сегюра, онъ мучилъ всѣхъ тѣхъ, которые были къ нему близки, потому что безпрестанно онъ мучилъ самого себя. Престоль постоянно казался ему окруженнымъ пропастями. Страхъ смутилъ его разумъ: путемъ боязни воображаемыхъ опасностей онъ создалъ дѣйствительныя опасности, потому что монархъ рано или поздно возбуждаетъ недовѣріе, выказываемое имъ самимъ, и страхъ, который онъ самъ оспариваетъ.

Параллельно съ подозрительностью и мнительностью росла раздражительность, доводившая до полной потери самообладанія, когда становилось возможнымъ проявленіе наклонности щипать. По словамъ князя

Павла Петровича Лопухина, брата извѣстной княгини Гагариной, раздражительность, порывы необузданнаго гнѣва Павла Петровича являлись ничѣмъ инымъ, какъ болѣзненными припадками, сопровождавшимися слѣдующими явленіями: императоръ блѣднѣлъ, черты его лица до того измѣнялись, что трудно было узнать его, ему давило грудь, онъ выпрямлялся, закидывалъ голову назадъ, задыхался и пыхтѣлъ. Продолжительность этихъ припадковъ не всегда бывала одинакова. Когда же онъ приходилъ въ себя и вспоминалъ, что говорилъ и дѣлалъ въ эти минуты, или когда какое-нибудь «благонамѣренное лицо изъ его приближенныхъ напоминало ему объ этомъ, то, по удостовѣренію князя П. П. Лопухина, не было примѣра, чтобъ онъ не отмѣнялъ своего приказанія и не старался всячески загладить послѣдствія своего гнѣва.

Послѣ этого станеть особенно наглядною вся благодѣтельность вліянія, которое оказывала на Павла Петровича въ первую половину его царствованія Е. И. Нелидова, увѣщавшая его: «будьте добры, будьте сами собою, ибо истинное ваше расположеніе—доброта».

И какъ правъ былъ Шишковъ, восклицающій въ своихъ запискахъ: «О, еслибы при царяхъ, а особливо строптивыхъ и пылкихъ, всѣ были Катерины Ивановны».

Къ числу воображаемыхъ опасностей, постоянно грезившихся Павлу Петровичу и особенно волновавшихъ и раздражавшихъ его, относятся «потемкинскій», и главное «якобинскій» духъ.

— Я изъ васъ потемкинскій духъ вышибу,—вскричалъ въ одномъ случаѣ Павелъ Петровичъ съ глазами, блиставшими, по выраженію современника, какъ зажженные свѣчи.

И, дѣйствительно, въ продолженіе всего своего царствованія Павелъ Петровичъ неутомимо старался искоренить этотъ «духъ», усматривая его проявленіе въ малѣйшемъ упущеніи по части эзерцирмейстерства и военной субординаціи, такъ какъ, по его убѣжденію, при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, «вмѣсто службы обращались въ передней и въ пляскѣ». А такъ какъ извѣстно, съ какими неутомимостью и стремительностью занимался Павелъ Петровичъ перереформированіемъ русскихъ войскъ на свой образецъ, какъ онъ входилъ во всѣ мелочи военнаго дѣла, проявляя при этомъ строгую требовательность, то легко понять, что ему очень часто приходилось наталкиваться на проявленіе «потемкинскаго духа». Въ этомъ обстоятельствѣ онъ усматривалъ упорное нежеланіе подчиниться его волѣ, непризнаніе его власти, и это особенно сильно раздражало и ожесточало его. Конечно, не въ спокойномъ состояніи духа онъ могъ отдать предписаніе (въ 1798 году), чтобы тѣло Потемкина, сохранявшееся непредааннымъ землѣ, подъ церковью, въ Херсонской крѣпости, безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ же томъ погребу погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы

его никогда не бывало. Исполненіе этого повелѣнія породило даже легенду, будто тѣло князя Потемкина было вынуто изъ гроба и выброшено. Но Павелъ Петровичъ не ограничился приведеннымъ распоряженіемъ: онъ повелѣлъ также уничтожить памятникъ Потемкину, сооруженный императрицей Екатериной въ Херсонѣ.

Что касается «якобинскаго духа», порождавшаго развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка, поправшія Законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ, то малѣйшее проявленіе его выводило Павла Петровича изъ себя, а проявленіе этого «духа» онъ былъ склоненъ видѣть во всемъ рѣшительно, вплоть до ношенія круглыхъ шляпъ, фраговъ и т. д.

Постоянно мучимый подозрѣніями, легко раздражающійся, и подъ вліяніемъ болѣзненныхъ припадковъ гнѣва, подававшійся первому душевному побужденію, Павелъ Петровичъ, конечно, не могъ быть послѣдовательнымъ въ своихъ поступкахъ. По выраженію біографа Суворова А. Петрушевскаго, каждое движеніе больной души Павла Петровича тотчасъ же переходило въ дѣло, и у него завтра не было логическимъ послѣдствіемъ сегодняшняго дня. «Мой отецъ,—высказалъ великій князь Константинъ Павловичъ,—объявилъ войну здравому смыслу, съ твердымъ намѣреніемъ никогда не заключать мира». Да, повидимому, онъ даже чувствовалъ инстинктивное отвращеніе ко всякой послѣдовательности. По крайней мѣрѣ, въ одномъ случаѣ, характеризуя графа Н. П. Панина, онъ прямо высказалъ, что быть педантичнымъ, систематичнымъ и методичнымъ—недостатки.

Хотя современники и находили, что слѣпой случай, прихоть государя дѣлають невозможнымъ что-либо разсчитать, что-либо предвидѣть и подвергаютъ (ихъ) самымъ неприятымъ случайностямъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ дѣлать вывода, чтобы нельзя было руководить Павломъ Петровичемъ, сознательно направлять его къ заранѣе намѣченной цѣли. Невозможность управлять подобными характерами—только кажущаяся. Стоитъ лишь изучить всѣ страсти такого человѣка, и затѣмъ уже можно играть на нихъ, какъ на струнахъ. Все несчастіе только въ томъ, что обыкновенно этому искусству научаются люди, надѣленные злою волею.

Такъ было и съ Павломъ Петровичемъ. Когда интрига удалила отъ него Нелидову, а вліяніе Маріи Ѳеодоровны стало недействительнымъ, вокругъ Павла Петровича не оказалось никого, кто бы искренно былъ преданъ ему, желалъ вліять на него въ благодѣтельномъ смыслѣ. О великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ оба они дотога боялись отца, что блѣднѣли и дрожали, «какъ осиновый листъ», какъ только Павелъ Петровичъ сердито взглядывалъ на нихъ.

Предоставленный самому себѣ, искусно разжигаемый въ своихъ страстяхъ, Павелъ Петровичъ быстро мѣнялся, все болѣе и болѣе удаляясь отъ облика суворовскаго «prince adorable».

«Вы, которые близко знали Павла въ первые два года его царствованія,—патетически восклицаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ баронъ Гейкингъ,—скажите, развѣ не имѣлъ онъ чувствительнаго сердца, не обладалъ доброжелательнымъ характеромъ, просвѣщеннымъ умомъ? И если ему случалось дѣлать несправедливость — не проистекало ли это отъ избытка его любви къ справедливости, и развѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ убѣждался въ своей ошибкѣ, не имѣлъ онъ мужества сознаться въ ней и стараться ее исправить? Но нязкіе льстецы, но люди, желавшіе удержаться на своемъ мѣстѣ въ ущербъ правдѣ, испортили эти хорошія свойства и мало-по-малу задушили драгоценные зародыши его добродѣтелей, способствуя развитію противоположныхъ качествъ».

Въ особенности хорошо изучилъ характеръ Павла Петровича графъ Паленъ. Въ своемъ умѣннн играть на струнахъ его души онъ дошелъ до совершенства, до виртуозности. Но какъ-то неприятно становится при мысли, что при этомъ пользовались также самыми лучшими, самыми возвышенными нотами, таившимися въ душѣ Павла. Вотъ, что рассказывалъ самъ Паленъ о томъ, какъ ему удалось добиться появленія въ Петербургѣ трехъ братьевъ Зубовыхъ, удаленныхъ въ деревню, а также Беннигсена, уволеннаго отъ службы.

«Я рѣшилъ воспользоваться одной изъ свѣтлыхъ минутъ императора,—передавалъ впоследствии графъ Паленъ въ откровенномъ разговорѣ графу Ланжерону,—когда ему можно было говорить, что угодно, чтобы разжалобить его на счетъ участи разжалованныхъ офицеровъ. Я описалъ ему жестокое положеніе этихъ несчастныхъ, выгнанныхъ изъ ихъ полковъ и высланныхъ изъ столицы, и которые, видя карьеру свою погубленною, а жизнь испорченною, умираютъ съ горя и нужды за поступки легкіе и простительные. Я зналъ порывистость Павла во всѣхъ дѣлахъ, я надѣялся заставить его сдѣлать тотчасъ же то, что я представилъ ему подъ видомъ великодушія; я бросился къ его ногамъ. Онъ былъ романческаго характера, онъ имѣлъ претензію на великодушіе. Во всемъ онъ любилъ крайности: два часа спустя, послѣ нашего разговора, двадцать курьеровъ уже скакали во всѣ части Имперіи, чтобы вернуть назадъ въ Петербургъ всѣхъ сосланныхъ и исключенныхъ со службы. Указъ, дарующій имъ помилованіе, былъ продиктованъ мнѣ самимъ императоромъ».

«Тогда я обезпечилъ себѣ два важныхъ пункта: 1) заполучить Беннигсена и Зубовыхъ, необходимыхъ мнѣ, а 2) еще усилить общее ожесточеніе противъ императора: я изучилъ его нетерпѣливый нравъ, бы-

стрые переходы его отъ одного чувства къ другому, отъ одного намѣренія къ другому, совершенно противоположному. Я былъ увѣренъ, что первые изъ вернувшихся офицеровъ будутъ приняты хорошо, но что скоро они надѣются ему, а также и слѣдующіе за ними. Случилось то, что я предвидѣлъ: ежедневно сыпались въ Петербургъ сотни этихъ несчастныхъ, каждое утро подавали императору донесенія съ заставъ. Вскорѣ ему опротивѣла эта толпа прибывающихъ; онъ пересталъ принимать ихъ, затѣмъ сталъ просто гнать ихъ и нажилъ себѣ такимъ образомъ непримиримыхъ враговъ въ лицѣ этихъ несчастныхъ, снова лишенныхъ всякой надежды и осужденныхъ умирать съ голоду у воротъ Петербурга»...

Что же удивительнаго послѣ этого, что, какъ пишетъ Н. К. Шильдеръ,—съ каждымъ днемъ настроеніе Павла Петровича дѣлалось все болѣе мрачнымъ, подозрительность усиливалась...—Я не знаю почему, дорогая Нелидова,—писала императрица Марія Ѳеодоровна въ концѣ 1800 года—но мнѣ кажется, что все выглядитъ какъ-то грустно; быть можетъ, этому содѣйствуетъ недостатокъ солнца...

И погода какая-то темная, чудная,—писалъ другой современникъ,—по недѣлямъ солнца не видно: не хочется изъ дому выйти, да и не безопасно... Кажется, и Богъ отъ насъ отступился. Столица приняла небывалый, своеобразный видъ; въ 9 часовъ вечера, послѣ пробитія зари, по большимъ улицамъ перекладывались рогатки и пропускались только врачи и повивальныя бабки. «Для благоразумнаго человѣка остается одинъ исходъ—умереть»—высказалъ будущій графъ, фельдмаршалъ и князь, баронъ Фабианъ Вильгельмовичъ Остенъ-Сакенъ.

Въ рѣдкія «свѣтлыя минуты» Павелъ Петровичъ не могъ не замѣтить дѣйствительнаго положенія вещей, не могъ не чувствовать, чисто инстинктивно, того разлада, который создался между нимъ и обществомъ. Надѣленный отъ природы добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ отличавшійся несомнѣнными возвышенностью и благородствомъ понятій, проникнутый наилучшими намѣреніями, онъ не могъ не тяготиться этимъ сознаніемъ... Въ эти «свѣтлыя минуты» оно должно было дѣйствовать на него самымъ удручающимъ образомъ.—«Въ своей душѣ онъ носитъ затаенную грусть, которая подтачиваетъ его,—писала о немъ Марія Ѳеодоровна въ ноябрѣ 1800 года,—улыбка рѣдко появляется на его губахъ».

Тою же несомнѣнною грустью звучатъ слова, сказанныя Павломъ Петровичемъ въ послѣдній вечеръ своей жизни 11-го марта 1801 г., передъ тѣмъ какъ удалиться въ свою спальню:

— Чему быть, тому не миновать!

Въ этихъ словахъ слышится также тихая покорность велѣніямъ рока. Въ жизни Павла Петровича чудесное играло большую роль, и, быть

можетъ, эти слова явились отголоскомъ необычнаго сна, который Павелъ Петровичъ видѣлъ въ ночь подъ 11-е марта: ему снилось, что ему натягиваютъ узкій парчевой кафтанъ съ такимъ усилиемъ, что онъ проснулся отъ боли...

П.

Алексѣевскій рavelинъ въ 1862—65 г.г.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Въ разказахъ современниковъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ нашимъ внутреннимъ смутамъ политическаго характера въ истекшемъ столѣтїи, нерѣдко упоминается этотъ рavelинъ Петербургской крѣпости, какъ одно изъ самыхъ секретныхъ мѣстъ одиночнаго заключенія государственныхъ преступниковъ, а потому, полагаю, мои личныя воспоминанія о немъ не будутъ лишены нѣкотораго интереса, въ особенности о томъ времени его, когда въ немъ содержались въ 60 годахъ Шелгуновъ, Серно-Соловьевичъ, Чернышевскій, Мартыановъ, Писаревъ и другіе.... Впрочемъ, Писаревъ вскорѣ былъ переведенъ въ одинъ изъ казематовъ самой крѣпости.

Совсѣмъ юношей я попалъ на службу въ этотъ рavelинъ въ тѣ годы нашего блужданія общественной мысли, которые закончились потомъ, чрезъ 20 лѣтъ, такимъ ужаснымъ злодѣяніемъ, какъ 1-ое марта 1881 года.

Не знаю, каковъ былъ Алексѣевскій рavelинъ въ былые годы, но 40 лѣтъ назадъ онъ ни по наружному, ни по внутреннему виду не напоминалъ собою той грозной и таинственной легенды, какая сложилась о немъ въ народномъ представленіи.

По преданію, цесаревичъ Алексѣй, по имени котораго и названъ Петромъ Великимъ этотъ рavelинъ, содержался въ одномъ изъ казематовъ его. Этотъ казематъ въ 1862 году былъ отведенъ мнѣ подъ квартиру.

Алексѣевскій рavelинъ, вообще, какъ одинъ изъ отдѣловъ крѣпости, многіе могли видѣть, но въ то же время не имѣть понятія о немъ, какъ о мѣстѣ строгаго одиночнаго заключенія политическихъ преступ-

никовъ. А видѣть его могли, съ птичьяго полета, впрочемъ, всѣ тѣ, кто принималъ участіе въ торжественномъ крестномъ ходу по стѣнамъ крѣпостныхъ бастионовъ въ день Преполовенія. Съ этой высоты взглядъ крестноходцевъ невольно останавливался съ любопытствомъ и недоумѣніемъ на внутреннемъ пространствѣ этого бастиона, тихомъ и безлюдномъ, по срединѣ котораго стоялъ каменный, бѣлый, одноэтажный, трехугольный домъ, съ окнами по всѣмъ тремъ сторонамъ, стекла которыхъ на двѣ-трети снизу закрашены были густо мѣломъ, и съ одной входною дверью и караульною будкою около нея. Но вотъ изъ-за угла показался солдатъ-часовой съ обнаженною у плеча саблею, и любопытный взглядъ крестноходца изъ простаго недоумѣнія переходитъ уже въ выраженіе страха и тайной боязни чего-то....

Въ публикѣ, я слышалъ не разъ, распространены далеко не вѣрныя свѣдѣнія о мѣстахъ заключенія такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ; свѣдѣнія эти, кромѣ того, носятъ характеръ окраски темныхъ цвѣтовъ не въ пользу власти. А потому, мнѣ думается, правдивое и достовѣрное описаніе внутренняго быта заключенныхъ будетъ не бесполезно во всѣхъ отношеніяхъ.

Единственный доступъ въ рavelинъ шелъ ¹⁾ черезъ огромныя въ западной стѣнѣ крѣпости ворота, постоянно запертыя большимъ внутреннимъ замкомъ. Рavelинъ отдѣлялся отъ крѣпости, кромѣ стѣны, еще небольшимъ каналомъ изъ Большой Невы въ Кронверкскій проливъ, съ деревяннымъ черезъ него мостомъ. Само собою разумѣется, что въ рavelинъ можно было войти только съ доклада смотрителю его.

Одна, какъ разъ противу воротъ и моста, дверь дома вела въ пріемную, отъ которой направо и налево шли по всѣмъ тремъ фасамамъ внутренніе корридоры, прерываясь лишь въ одномъ изъ угловъ квартирою смотрителя и кухней для арестованныхъ и самого смотрителя. Съ внѣшней стороны въ эти корридоры выходили двери одиночныхъ камеръ, или номеровъ, а съ внутренней—они замыкались стѣной съ небольшими, противъ каждой камеры, окнами, размѣщенными выше головы самаго рослаго человѣка. Последнее для того, чтобы проходящіе по корридору не могли, безъ помощи какой-либо подставки, заглянуть въ эти окна, выходящія во внутренній трехъугольный садикъ-цвѣтникъ. Въ садикъ вела дверь изъ пріемной. Караульная комната была въ одномъ изъ номеровъ, рядомъ съ пріемной.

Всѣхъ камеръ въ мое время было 21, которыя именовались номерами съ № 1 до № 21 включительно. Часть номеровъ была занята: квартирою смотрителя, цейхгаузомъ и библиотекою.

---

¹⁾ Я говорю въ формѣ прошедшаго времени, такъ какъ не знаю, существуетъ ли этотъ домъ и нынѣ и въ какомъ видѣ.

Всѣхъ арестованныхъ въ 1862—65 г.г. было заключено въ рavelинѣ отъ 10 до 17 человекъ.

Въ каждой двери, выходящей, какъ выше упомянуто, во внутренней корридоръ, было небольшое, въ одно звено, окошко, прикрытое со стороны корридора зеленою шерстяною занавѣскою. Приподнявъ уголь занавѣски, часовой могъ наблюдать за заключеннымъ.

Два часовыхъ съ обнаженными саблями ходили по всѣмъ тремъ сторонамъ корридора; толстый, мягкій половикъ совершенно скрадывалъ ихъ шаги.

Камеры отапливались небольшими голландками изъ корридора; тепловыя же отдушныны ихъ были въ камерахъ. Обстановка номеровъ состояла: изъ деревянной зеленой кровати съ двумя тюфяками изъ оленьей шерсти и двумя перовыми подушками, съ двумя простынями и байковымъ одѣяломъ; изъ деревяннаго столика съ выдвигнымъ ящикомъ и стула.

Заключенные были одѣваемы во все казенное: въ холщевое тонкое бѣлье, носки, туфли и байковый халатъ; послѣдній безъ обычныхъ шнуровъ, которые замѣнялись короткими, спереди, завязками изъ той же байки. Вообще, всѣ крючки и пуговицы въ бѣльѣ и одеждѣ были изъяты; вмѣсто нихъ были короткія завязки изъ той же матеріи. Головнымъ уборомъ была мягкая русская фуражка. Собственная фуражка или шляпа дозволялись, если то не былъ цилиндръ.

Собственная одежда, бѣлье и все прочее имущество и деньги тотчасъ же, по прибытіи въ рavelинъ, отбирались, тщательно осматривались и хранились въ цейхгаузѣ. Описи на все это составлялись тутъ же, въ камерѣ, и подписывались заключеннымъ и смотрителемъ рavelина. Собственныя одежда и бѣлье выдавались только на время выхода арестованныхъ на свиданье съ родственниками въ домъ крѣпостнаго коменданта и слѣдованія для допросовъ въ судъ.

Вся обѣденная и чайная посуда состояла изъ литаго олова; ножей и вилокъ не подавалось, въ виду чего хлѣбъ и мясо предварительно разрѣзывались и разрубались на кухнѣ поваромъ, при чемъ всѣ кости бывали тщательно изъяты.

Обѣдъ и чай, послѣдній утромъ и вечеромъ, подавались на деревянныхъ некрашенныхъ подносахъ солдатами рavelинной команды, подъ наблюденіемъ караульнаго начальника изъ унтеръ-офицеровъ. Эти же солдаты, входившіе въ камеры всегда безъ всякаго оружія, убирали камеры и подавали заключеннымъ умываться.

Въ случаѣ надобности, арестованный стучалъ въ дверное окно, ближайшій изъ двухъ часовыхъ подходилъ къ нему и спрашивалъ о надобности стучавшаго. Собственныхъ часовъ также не полагалось имѣть заключеннымъ; стѣнные же часы находились въ общемъ корридорѣ, и

бой ихъ, при той безусловной тишинѣ, какая царила въ домѣ, былъ слышенъ во всѣхъ камерахъ.

Собственно на пищу и чай отпускалось по 50 коп. въ день на каждаго человѣка, обѣдъ состоялъ изъ щей или супа съ мясомъ или рыбой и жаркого; въ праздники и всѣ воскресные дни третье блюдо, какое-нибудь сладкое, въ царскіе же дни еще и по стакану винограднаго вина. Чай, утромъ и вечеромъ, съ французской булкой.

Постельное и носильное бѣлье мѣнялось каждую субботу, а русская баня, устроенная въ одномъ изъ казематовъ рavelина, топилась для арестантовъ, а равно и для караульной команды, два раза въ мѣсяцъ.

Изъ библіотеки, по желанію, выдавались заключеннымъ книги, всѣ состоявшія изъ историческихъ и религіозныхъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Въ камерахъ имѣлись оловянные чернильницы и гусинья перья, уже очиненныя заранѣе. Арестанты могли просить бумагу писчую и почтовую. Имъ дозволялось писать сочиненія и письма, но все это, прежде отправленія по адресу, прочитывалось и цензуровалось въ III отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи. Точно также заключенные могли получать и письма, предварительно просмотрѣнныя въ томъ же III отдѣленіи.

Изъ стѣнъ этого рavelина вышелъ въ свѣтъ романъ Чернышевскаго: «Что дѣлать?». Я читалъ его въ рукописи и могу удостовѣрить, что цензура III отдѣленія въ очень немногомъ исправила его. Точно также читалъ я въ рукописи и всѣ критическія статьи Писарева, проходившія черезъ канцелярію крѣпостнаго коменданта.

Кстати, о почеркѣ руки Чернышевскаго и Писарева: у перваго онъ былъ чрезвычайно сжатъ и въ то же время крупенъ, а у втораго—мелокъ, четокъ и красивъ. Въ рукописяхъ того и другаго почти не было помарокъ, и онѣ писались сразу, безъ передѣлки, какъ видно подъ сильнымъ вліяніемъ горячей мысли и высокаго вдохновенія.

Скажу мимоходомъ, статьи Писарева на меня, юнаго тогда, страшно повліяли въ томъ отношеніи, что я сжегъ все, чему прежде поклонялся.

На службѣ въ рavelинѣ, мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчаться съ заключенными. Въ особенности я хорошо помню Чернышевскаго, Шелгунова и Писарева и еще одного арестанта подъ № 17.... Послѣдній—высокій, красивый мужчина лѣтъ подъ 30, съ огромною темною бородою, такъ и остался загадкою какъ для меня, такъ и для самого смотрителя рavelина: въ спискахъ онъ значился просто подъ № 17 и только. Его не водили и къ допросамъ и въ суды, и онъ оставался въ рavelинѣ даже и тогда, какъ всѣ другіе арестанты по разнымъ причинамъ были изъ рavelина....

Писарева, тогда еще совсѣмъ молодаго человѣка, съ едва пробив-

вавшими свѣтло-рыжеватыми усами и бородкой, видѣлъ я во время привода его въ комендантскій домъ для свиданія съ матерью. Вообще, политическихъ преступниковъ сопровождалъ въ судъ, комиссію или на свиданье одинъ изъ комендантскихъ адъютантовъ или самъ смотритель рavelина, но не солдаты.

Внѣшній скромный, въ общемъ добродушный видъ Писарева вовсе не напоминалъ того горячаго, безпощаднаго отрицателя, какимъ являлся онъ въ своихъ публицистическихъ статьяхъ.

Шелгуновъ, полковникъ корпуса лѣсничихъ, доставленный въ рavelинъ прямо изъ Сибири, въ то время былъ еще вполне бодрый человекъ. Спустя много лѣтъ мнѣ пришлось еще разъ видѣть его въ Пятигорскѣ, но уже совсѣмъ сѣдымъ, худымъ и больнымъ, извѣстнымъ авторомъ «Очерковъ провинціальной жизни».

Чернышевскій былъ тогда еще сильнымъ и здоровымъ человекомъ.

И вотъ, этотъ-то сильный по натурѣ человекъ порѣшилъ было умирить себя голодомъ. Это было съ нимъ еще до написанія имъ романа «Что дѣлать?».

Дѣло было такъ: нижніе чины караула, да и самъ смотритель замѣтили, что арестантъ подъ № 9 ¹⁾, т. е. Чернышевскій, замѣтно блѣднѣетъ и худѣетъ. На вопросъ о здоровьи, онъ отвѣчалъ, что совершенно здоровъ. Пища, приносимая ему, по видимому, вся съѣдалась. Между тѣмъ, дня черезъ 4 караульные доложили смотрителю, что въ камерѣ № 9 началъ ощущаться какой-то тухлый запахъ. Тогда, во время прогулки Чернышевскаго въ садикъ, осмотрѣли всю камеру, и оказалось, что твердая пища имъ пряталась, а щи и супъ выливались.... Стало очевидно, что Чернышевскій рѣшилъ умереть голодною смертью.... Ни увѣщанія добряка смотрителя, ни воздѣйствія со стороны III отдѣленія долго не вліяли на него. Приказано было, однако, приносить ему въ камеру, по-прежнему, всю пищу ежедневно, но онъ еще 3—4 дня не дотрогивался до нея и пилъ только по 2 стакава въ день воды. Соблазнительный ли запахъ пищи, страхъ ли мучительной голодной смерти, или другія побужденія, но на 10-й день Чернышевскій сталъ ѣсть, и недѣли черезъ двѣ онъ совершенно оправился, и тогда изъ-подъ пера его вышелъ романъ: «Что дѣлать?».

Нѣкоторый намекъ на этотъ эпизодъ его личной жизни, только въ другомъ видѣ, имѣется въ жизни главнаго героя этого романа.

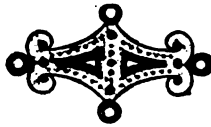
Въ послѣдній разъ я видѣлъ Н. Г. Чернышевскаго сидящимъ на печальной телѣгѣ утромъ рано въ Петербургѣ, когда его везли на пло-

¹⁾ Караульные знали заключенныхъ только подъ номерами, а въ обращеніи къ нимъ называли ихъ „господиизъ“.

щадь для исполненія надъ нимъ приговора суда. Оттуда онъ уже не былъ возвращенъ въ равелинъ, а прямо изъ пересыльной тюрьмы былъ отправленъ въ Сибирь....

Припоминаю еще случай изъ жизни заключенныхъ въ равелинѣ. Нѣкоторымъ захотѣлось узнать товарищей по мѣсту заключенія, и ими придумано было два способа: начертаніе камешкомъ, найденнымъ въ садкѣ, на днѣ оловянной посуды своихъ фамилій и предупрежденій, что въ слѣдующій разъ товарищъ найдетъ тутъ же надлежащее сообщеніе въ цифровомъ шифрѣ; второй способъ въ выстукиваніи пальцемъ по сосѣдней стѣнѣ камеры по телеграфной системѣ. Конечно, то и другое вскорѣ было замѣчено и прекращено подъ угрозою перевода заключенныхъ въ другое помѣщеніе и при болѣе худшей обстановкѣ. Да и сами арестованные поняли, что разъ ихъ способы переговоровъ открыты, то они сдѣлались для нихъ не только бесполезны, но и вредны имъ самимъ.

Ив. Борисовъ.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXV¹⁾.

Итальянская опера прежнихъ лѣтъ: Рубини и отношенія къ нему императора Николая.—Г-жа Віардо.—Прощальное представленіе Рубини и Віардо.—Теноры: Сильва.—Маріо.—Тамберликъ.—Кольцолари.—Баритоны: Дебосини.—Граціани.—Пѣвицы: Грива.—Бовіо.—Фіоретти.—Нильсонъ и Паттл.

Во главѣ итальянской оперы въ Петербургѣ долженъ встать не забвенный и неизгладимый въ памяти сезонъ 1843—1844 годовъ, не только по первенству времени, но и по силѣ впечатлѣнія, произведеннаго имъ на петербургскую публику.

За долго до этого сезона, итальянская опера въ Петербургѣ была закрыта. Не безынтересно разказать поводъ къ ея возобновленію, о которомъ я лично слышалъ отъ графа А. В. Адлерберга, какъ свидѣтели одного обстоятельства, касающагося даннаго вопроса. Во время великаго поста 1843 года, пріѣхалъ въ первый разъ знаменитѣйшій изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ теноровъ, Рубини, «король теноровъ», какъ его называли, уже въ очень зрѣлыхъ лѣтахъ. Онъ далъ нѣсколько концертовъ въ залѣ Дворянскаго собранія, и, конечно, громкое имя Рубини привлекало массу публики, естественно приходившей въ великій восторгъ. Несмотря на просьбы и настоянія графини Адлербергъ, императоръ Николай Павловичъ не пожелалъ ѣхать слушать Рубини.

— Я не люблю слушать мужчинъ съ женскими голосами,—отвѣчалъ государь.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 г.

Таковъ былъ его взглядъ на теноровъ. Однако, государь, по просьбѣ разныхъ лицъ, разрѣшилъ Рубини дать въ театрѣ, послѣ великаго поста, одно или два представленія съ русскими пѣвцами. Послѣ перваго представленія «Лючія», которое было на Пасхѣ, публика поразилась могучестью голоса и восхитительнымъ пѣніемъ Рубини. Тогда государя убѣдили поѣхать послушать великаго тенора въ театръ. Войдя въ ложу, государь сѣлъ спиною къ сценѣ; но, по мѣрѣ того, какъ Рубини сталъ потрясать театръ своими могучими нотами, государь поворачивался и, вдругъ, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ въ ложѣ, захопалъ.

Возвратившись изъ театра, императоръ прошелъ прямо на вечерній чай къ императрицѣ и, обращаясь къ графинѣ Адлербергъ, сказалъ:

— Ну, наконецъ-то, я слышалъ вашего идола Рубини, чтобъ его чортъ взялъ,—заставилъ меня плакать... Хорошо, хорошо, нечего сказать, я не ожидалъ ничего подобнаго.

Вслѣдъ за симъ, государь приказалъ дать неотлагательно нѣсколько представленій, разумѣется съ одними русскими пѣвцами, такъ какъ Рубини находился въ Петербургѣ одинъ. Въ теченіе одного съ небольшимъ мѣсяца, Рубини успѣлъ дать 15 представленій, поставивъ три оперы, а именно: «Лючію», «Пирата» и «Севильскаго цирюльника». Роль Лючія, какъ извѣстно, была конькомъ Рубини. Въ этой роли онъ производилъ необычайно потрясающее впечатлѣніе, и государь, оцѣнившій геніальнаго пѣвца, приказалъ пригласить его на весь предстоящій сезонъ 1843—1844 годовъ съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ нѣсколькихъ другихъ артистовъ. Рубини указалъ незабвеннаго баритона Тамбурины и незабвенную *m-me Viardot-Garcia*, сестру знаменитой Малибранъ. За хлопоты, по подготовкѣ хоровъ и оркестра къ означеннымъ 15-ти представленіямъ, государь приказалъ вручить Рубини дирижерскую палочку съ огромнымъ рубиномъ, осыпанную брилліантами. Впослѣдствіи, желая вознаградить пѣвца за то эстетическое удовольствіе, которое онъ доставлялъ, императоръ Николай далъ ему мундиръ VIII класса. Тогда же было учреждено званіе солиста его величества, которое давало право носить мундиръ придворнаго вѣдомства, и Рубини была пожалована золотая медаль на Андреевской лентѣ, украшенная брилліантами стоимостью въ 10 тысячъ франковъ.

Такимъ образомъ, положено было начало возобновенію италіанской оперы въ Петербургѣ. Изъ италіанскихъ артистовъ были только: Рубини, Тамбурины и Виардо; лишь подъ конецъ сезона прибыла еще артистка Асандро, сопрано.

Въ продолженіе всего сезона давали только 5 оперъ: «Сомнамбулу», «Лючію», «Пуритане», «Севильскаго цирюльника» и «Ромео и Юлію», Беллини. Поэтому, нѣкоторыя оперы даны были болѣе чѣмъ по 10 разъ.

Понятно, что, при одномъ абонементѣ въ 60 представленій, публика абонировалась въ складчину. Мы съ братомъ имѣли, на примѣръ, 20 представленій, и имѣли кресло въ 10-мъ ряду у самаго прохода за два рубля. Замѣчу, что тогда разстояніе между рядами кресель было гораздо шире, чѣмъ теперь. Никто не мыслилъ претендовать, что многимъ пришлось слышать одну и ту же оперу по 5 разъ и болѣе. Напротивъ слышались сожалѣнія отъ тѣхъ, кому не пришлось слышать излюбленную имъ оперу большее число разъ. Я позѣтилъ оперу въ этотъ сезонъ болѣе 15 разъ потому, что имѣлъ возможность, кромѣ абонемента, бывать въ ложѣ у родныхъ и не упускалъ бенефисовъ, дававшихся сверхъ абонемента.

Въ «Лючіи» Рубини, какъ я уже сказалъ выше, производилъ такое особенно сильное впечатлѣніе, котораго нельзя забыть во вѣкъ. Никто изъ всѣхъ послѣдующихъ знаменитѣйшихъ теноровъ, которыхъ я всѣхъ перевидалъ въ своей жизни, не могъ и близко исполнить сцену послѣ подписанія Лючіей свадебнаго контракта.

Поверхностные люди осуждали Рубини вообще за то, что онъ былъ будто бы плохъ имъ актеромъ, хотя и восхитительнымъ пѣвцомъ. Я положительно отвергаю этотъ ошибочный взглядъ. Вѣрно то, что Рубини пренебрегалъ шаблонно-традиціонной манерой игры италіанскихъ актеровъ, съ ихъ ходульною походкой и неестественной жестикюляціей; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ плохой актеръ. Я приведу сцену изъ «Лючіи». Вѣроятно, есть еще не мало людей, которые видали Рубини въ этой роли. Это та сцена, когда появляется Равенсвудъ въ моментъ подписанія Лючіей свадебнаго контракта. Рубини былъ такъ величественно страшенъ въ этотъ моментъ, что у всякаго зрителя, ожидающаго его появленія, пробѣгалъ, какъ говорится, морозъ по кожѣ. Показывается Рубини на заднемъ планѣ сцены, останавливается, сбрасываетъ съ себя лихорадочно плащъ, нѣсколько мгновеній не двигается, бросивъ взоръ на Лючію, и затѣмъ быстро подходитъ къ ней. До этой минуты не вылетало еще изъ него никакого звука; но его взглядъ, его движенія приводили зрителя въ содроганіе. Рубини былъ такъ благородно хорошъ въ этотъ моментъ, что нельзя забыть впечатлѣній отъ однихъ лишь его движеній. Если бы Рубини не носилъ въ себѣ высоко-артистическаго элемента, если бы въ немъ не было истинно й искры художественности и неподдѣльнаго огня, то онъ не могъ бы производить такого сильнаго впечатлѣнія, которое по сей-часъ осталось у видѣвшихъ Рубини. Но что сказать о томъ, когда вырывалось у Рубини слово: «risponde a me» и затѣмъ взрывъ проклятія? Тогда Рубини сразу оглашалъ театръ такою могучею потою, потрясающею отчаяніемъ душу слушателя, что ничего подобнаго мнѣ не случалось уже въ жизни болѣе слышать.

У Рубини былъ чистѣйшій теноровый тембръ, что, по большей части, встрѣчается не часто. Онъ не рѣдко переходилъ въ горловыя ноты, но такъ искусно, что этотъ переходъ не замѣчался. Но когда нужно было потрясти слушателя драматическимъ звукомъ, то онъ бралъ ту же ноту грудью, съ необыкновенной силой.

Послѣ Рубини я переслушалъ всѣхъ знаменитѣйшихъ теноровъ, но никто не могъ дать и тѣни того впечатлѣнія, какое производилъ Рубини въ означенной сценѣ: у всѣхъ онѣ проходили вяло, безцвѣтно, даже у Маріо и Кольцолари. Конечно, въ послѣднемъ дѣйствіи, они были почти такъ же хороши, какъ и Рубини, но полной красоты оперы далеко передать не могли. Не мудрено, что послѣ Рубини эту оперу публика перестала любить и называла ее скучной.

Другимъ конькомъ Рубини, въ этотъ сезонъ, была «Сомнамбула». Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о взглядѣ моемъ на эту оперу, взглядѣ, который, вообще, раздѣляли многіе любители италіанской музыки.

Мнѣ всегда казалось, что если человѣкъ, съ музыкальнымъ ухомъ, пришелъ бы слушать эту оперу, не зная ни ея содержанія, ни языка, закрылъ бы глаза прежде представленія, то онъ скоро почувствовалъ бы, что передъ нимъ поютъ не герои, ни графы или князья, не люди въ плащахъ, мечахъ, латахъ и проч., а непремѣнно люди простые. Таковъ колоритъ музыки, а между тѣмъ она достигаетъ потрясающаго драматизма. Прослѣдя всю оперу, нельзя, по совѣсти, не признать, что невозможно создать музыки болѣе соответствующей всюду положенію людей, въ которыхъ они находятся. Вслушайтесь въ тихую грусть Алины, готовящейся удалиться изъ-подъ роднаго крова и отъ нѣжныхъ заботъ любящей матери, и, въ то же время, вы слышите ожиданіе еще новаго, неизвѣданнаго счастья.—эта арія перлъ граціи. Затѣмъ, дуэтъ съ женихомъ, гдѣ выливается пламень любви: невозможно лучше выразить музыкой нѣжную страсть, охватывающую оба существа. А хоръ простолудиновъ?—не рисуется ли здѣсь музыка необыкновенно подходящее къ данному моменту настроеніе толпы. Слѣдующій затѣмъ дуэтъ Эльвина и Алины, гдѣ выражаются страшные упреки съ рыданіями жениха и отчаяніе невинной невѣсты, я отнесу къ апопееозу истинно-музыкальнаго гениа автора, который, писавши этотъ дуэтъ, видимо страдалъ вмѣстѣ съ лицами, имъ музыкой изображаемыми. Въ слѣдующемъ дѣйствіи мы слышимъ нестерпимую боль души и раздрающую грусть жениха. Въ послѣднемъ дѣйствіи какова молитва, выраженная пѣніемъ еще не очнувшейся Алины, и въ то же время неудержимые звуки, вполголоса, жениха, входящаго въ дуэтъ? Наконецъ, неистовый восторгъ Алины, увидавшей жениха и обручальное кольцо

на своей рукѣ; этотъ восторгъ подобенъ стремительному клочотанію каскада, и все это выражено музыкой.

Однажды, я встрѣтилъ въ Ниццѣ, въ одномъ обществѣ, серьезнаго музыканта, хотя музыка не составляла его профессіи. До этой встрѣчи, я не былъ съ нимъ знакомъ. Завязался въ обществѣ разговоръ послѣ видѣній нами въ тотъ вечеръ «Сомнамбулы» въ театрѣ, и у меня врѣзался въ памяти отзывъ этого музыканта объ означенной оперѣ.

— «Сомнамбула»,—сказалъ онъ,—представляетъ такой неисчерпаемый источникъ разнообразныхъ мотивовъ, подходящихъ къ движеніямъ человѣческой души, что современный композиторъ могъ бы начертать изъ этого источника матеріала на 20 оперъ.

Я не помышляю навязывать никому ни моего мнѣнія, ни мнѣнія тѣхъ, которые совпадаютъ съ моимъ; но такъ какъ всякому дана способность чувствовать музыку, если только у него правильное ухо, то я, не будучи музыкантомъ, позволю себѣ однако высказать, что я смотрю на музыку «Сомнамбулы», какъ на предѣлъ творческаго музыкальнаго вдохновенія. Можно, по моимъ понятіямъ, указать еще на двѣ оперы, гдѣ тоже является полное соотвѣтствіе музыки изображаемымъ ею положеніямъ и характерамъ. Я назвалъ бы «Аиду» — Верди и «Фауста» — Гуно. Въ «Аидѣ» композиторъ нашелъ такое сочетаніе звуковъ, что ухо слышитъ музыку не европейскую, а какъ бы въ самомъ дѣлѣ музыку древнихъ народовъ. Въ «Фаустѣ» композиторъ нашелъ, для Мефистофеля, рѣшительно музыку дьявольскую, а не человѣческую; въ третьемъ дѣйствіи лиризмъ музыки доходитъ до своего предѣла; въ четвертомъ дѣйствіи ухо положительно слышитъ душевныя угрызения совѣсти Маргариты, и, наконецъ, въ послѣднемъ дѣйствіи невозможно выразить лучше восторженную молитву уже помѣшанной или душевно-страдающей дѣвушки. Очевидно, композиторъ вложилъ въ свое произведеніе весь свой умъ и всю свою душу. Онъ создалъ музыкальную поэму совершенно равносильную, если еще не болѣе выразительную, чѣмъ сама поэма Гёте.

Двухъ такихъ произведеній композиторъ создать не можетъ. Если я остановился на «Фаустѣ», то потому, что я позволилъ себѣ характеризовать музыку «Сомнамбулы» — предѣломъ творческаго вдохновенія. Въ «Фаустѣ» я вижу и вдохновеніе, и могучій музыкальный умъ. Здѣсь обращаю только вниманіе на слѣдующій вопросъ: почему Рубини, этотъ гений пѣнія, любилъ, по преимуществу, пѣть въ операхъ Беллини? Несомнѣнно, что если бы въ то время была уже создана опера «Фаустъ», то никто не могъ бы сравниться съ нимъ въ третьемъ дѣйствіи.

И такъ, Рубини, будучи неподражаемъ въ «Лючіи», былъ тоже восхитителемъ и въ «Сомнамбулѣ», въ особенности, въ дуэтѣ перваго дѣйствія; затѣмъ въ третьемъ дѣйствіи, выражая свою великую грусть,

а равно и въ послѣднемъ дѣйствіи, гдѣ слышались его нѣжные звуки, какъ будто летящіе съ небесъ; но въ дуэтѣ упрековъ и рыданій Рубини достигалъ потрясающаго драматизма.

«Сомнамбула» была также исключительнымъ конькомъ для m-me Viardot. Ея сцена съ матерью, дуэтъ съ женихомъ въ первомъ дѣйствіи, отчаяніе въ дуэтѣ втораго дѣйствія, грусть и ея молитва — все это услаждало или разрывало душу слушателя. Но когда Алина увидала кольцо на своемъ пальцѣ и увидала жениха, m-me Viardot достигала тутъ такого поглощающаго восторга, что вырывающіеся у нея въ этой аріи звуки не могутъ быть забыты во-вѣки. Ни одна изъ послѣдующихъ знаменитостей и великихъ пѣвицъ не могли дать и подобія того восторга, который охватывалъ въ эти минуты m-me Viardot.

Правда, слышавшіе нѣкогда Малибранъ, сестру m-me Viardot, говорили, что Малибранъ была въ означенной аріи еще лучше Виардо. Позволительно однако въ томъ усомниться, потому что трудно представить себѣ что-либо лучше, тѣмъ болѣе, что надо, въ такомъ случаѣ, допустить, что Малибранъ, будучи очень высокимъ сопрано, имѣла грудныя контральтовыя ноты еще болѣе звучныя и болѣе чистыя, чѣмъ у Виардо.

Виардо обладала неслышаннымъ діапазономъ: она пѣла и въ роляхъ для сопрано и въ роляхъ для контръ-альто. Въ послѣдней аріи восторга, въ «Сомнамбулѣ», она съ высокой ноты сопрано внезапно переходила въ весьма низкую ноту контръ-альто, ноту, которая являлась у ней и могуча, и необыкновенно звучна. Кто слышалъ эту арію, исполнявшуюся Виардо, тому казалось, что подобное исполненіе выше человѣческихъ средствъ. M-me Viardot, будучи могучей драматической артисткой до глубины души и до послѣдняго волоска, имѣла въ высшей степени обработанный голосъ. Въ оныя времена, артистки не подготавливались, исключительно, или для драматическаго, или для колоратурнаго пѣнія. Оперы требовали и того и другаго условія. M-me Viardot исполняла съ равнымъ успѣхомъ партіи драматическія и фіоритурныя. Напримѣръ, она восхитительно пѣла Резину въ «Севильскомъ цирюльникѣ». Въ этой оперѣ она пустила въ ходъ романсъ—«Соловей», который, черезъ 25 лѣтъ, пѣла Патти. Трудно сказать, которая изъ этихъ исполнительницъ придавала болѣе фіоритурнаго блеска этому романсу.

M-me Viardot оставалась у насъ въ Петербургѣ до 1848 года и все это время приводила публику въ восторгъ. Въ особенности, она была также хороша въ «Пророкѣ». Мнѣ придется еще возвратиться къ m-me Viardot, а именно къ тому времени, когда я специально поѣхалъ, года на полтора, въ Парижъ, для того, чтобы дать моей дочери возможность докончить свое музыкальное образованіе въ рукахъ великой артистки.

Теперь обращусь къ Тамбурины. По искусству, по тембру голоса, его выработкѣ, звучности и бархатности, я не встрѣчалъ уже послѣ равносильнаго Тамбурины баритона. Всѣ, между прочимъ, признавали за нимъ титулъ всеевропейскаго, неподражаемаго Фигаро. Въ упомянутый сезонъ, у Тамбурины былъ еще конекъ: «Пуритане», гдѣ онъ, положительно, сосредоточивалъ на себѣ вниманіе во второмъ дѣйствіи. Въ этотъ сезонъ, роль баса исполнялъ Петровъ, мѣняясь съ Артемовскимъ, и они самостоятельно пожинали лавры въ извѣстномъ дуэтѣ съ Тамбурины. Петровъ пѣлъ тоже съ большимъ успѣхомъ въ роли Донъ-Базиліо въ «Севильскомъ цирюльникѣ». Мнѣ всегда казалось страннымъ, что всѣ послѣдующіе знаменитые баритоны не могли придать того блестящаго колорита, который придавалъ во 2-мъ дѣйствіи Тамбурины своему пѣнію, и оно проходило безцвѣтно, тогда какъ, при Тамбурины, театръ стоналъ въ этомъ дѣйствіи отъ восторга. Тамбурины оставался въ Петербургѣ многіе годы, и всегда, и вездѣ былъ превосходенъ; въ особенности онъ былъ хорошъ въ «Донъ-Жуанѣ». Впослѣдствіи, въ этой роли появился Дебосини, славившійся ею, но все же былъ не то, что былъ въ этой роли Тамбурины, въ началѣ своего пребыванія въ Петербургѣ. Послѣдніе годы, Тамбурины былъ уже неузнаваемъ, допѣвъ до совершенной потери голоса.

Итакъ, несмотря на то, что въ сезонъ 1843 — 1844 годовъ было всего три артиста, этотъ сезонъ я называю незабвеннымъ потому, что въ ней участвовалъ геній пѣнія — Рубини, съ величайшей артисткой Віардо и великимъ артистомъ, Тамбурины.

Въ моей памяти осталось живо послѣднее представленіе означеннаго сезона, какъ будто бы я еще вчера былъ его свидѣтелемъ. Это послѣднее представленіе было заключительнымъ представленіемъ артистической карьеры Рубини, оставившимъ послѣ того сцену еще въ полномъ ореолѣ своей славы.

Означенное представленіе было утромъ, въ прощальный день маляницы. Для того, чтобы удовлетворить публику и дать каждому артисту блеснуть на прощанье во всю свою силу, назначенъ былъ спектакль сборный изъ выдающихся сценъ трехъ драматическихъ оперъ: изъ «Лючіи» — сцена подписанія контракта; изъ «Сомнамбулы» — дуэтъ финала 2-го дѣйствія и молитва съ окончательной аріей; изъ «Пуританъ» — упомянутая сцена 2-го дѣйствія.

Надо сказать, что въ тѣ времена, по установленнымъ правиламъ формы, военные, въ воскресный день, должны были быть весь день въ мундирахъ и даже въ шарфахъ, до окончанія развода. Это обстоятельство придадо упомянутому спектаклю особую торжественность. Нечего и говорить, что публика, отъ совокупности быстро смѣнявшихся сильныхъ впечатлѣній, стонала отъ восторга. Но когда Рубини и Віардо

пропѣли въ «Сомнамбулѣ» дуэтъ и, по желанію пубрики, повторили его, театрѣ потребовалъ сдѣлать дуэтъ въ третій разъ. Конечно, всѣ чувствовали, что это, можно сказать, требованіе безчеловѣчное, но, въ то же время, всякому хотѣлось еще разъ воспріять неописуемое наслажденіе. Послѣ нѣкотораго колебанія и двухъ-трехъ словъ переговоровъ съ m-me Viardot, Рубини далъ знакъ оркестру снова начинать. Въ эту минуту, театрѣ моментально стихъ, и всѣ, сидѣвшіе въ первомъ ряду кресель, поднялись на ноги. Надо замѣтить, что въ этотъ сезонъ, первый рядъ былъ исключительно абонированъ генералитетомъ и высшими сановниками, и тамъ не появлялись ни оберъ, ни штабъ-офицеры и часто преобладали генералъ-адъютантскіе эксельбанты. Вслѣдъ за первымъ рядомъ поднялся весь партеръ; затѣмъ и бель-этажъ, наполненный дамами, а за нимъ и вся публика въ ложахъ. Этотъ необычайный порывъ пубрики былъ порывомъ «spontané» и тѣмъ произвелъ глубочайшее впечатлѣніе на артистовъ. Все свершилось не болѣе, какъ въ одну минуту; въ театрѣ установилась тишина. Рубини и Виардо заплѣли, но ни единый человѣкъ не шевельнулся, чтобы сѣсть, и, такимъ образомъ, вся публика прослушала весь длинный дуэтъ — стоя. Когда же онъ кончился, то понятно уже — что сдѣлалось въ театрѣ. Свершился какой-то всеобщій праздникъ какъ въ публикѣ, такъ и между артистами. Въ публикѣ многіе плакали отъ наслажденія и восторга; на сценѣ артисты плакали тоже отъ умиленія, оцѣнки ихъ генія и таланта и необычайной чести, имъ отданной. Главное то, что такое торжество совершилось безъ всякихъ предварительныхъ уговоровъ, по единодушному, индивидуальному побужденію. — Вотъ истинное торжество геніевъ!

Вызовамъ не было конца; публика не расходилась; потушили лампы; но партеръ былъ, все-таки, почти полонъ. Наконецъ вбѣжалъ какой-то офицеръ и крикнулъ: «господа, къ подъѣзду!» Всѣ бросились туда. День былъ ясный, стоялъ морозъ градусовъ въ 20. На площадкѣ, около подъѣзда, собралось не менѣе тысячи человѣкъ, и больше половины офицеровъ, носившихъ тогда треугольныя шляпы съ перьями. Несмотря на морозъ, публика ожидала выхода артистовъ. У подъѣзда стоялъ низенькій возокъ на полозьяхъ для m-me Viardot. Рубини удалось ускользнуть черезъ другой подъѣздъ, а m-me Viardot приходилось выйти черезъ подъѣздъ, гдѣ стоялъ ея экипажъ. Нѣсколько разъ выходили разныя лица, прося публику разойтись, потому, что m-me Viardot очень устала и желала бы ѣхать скорѣе, безъ задержки, домой, но все было тщетно. О вмѣшательствѣ полиціи не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что большинство пубрики были офицеры. Прошло болѣе получаса прежде, нежели показалась m-me Viardot. Усаживая ее въ возокъ, кто-то успѣлъ спустить стекла дверецъ, и m-me Viardot стала

раздавать цвѣты. Мнѣ досталась фіалка, которую я хранилъ у себя болѣе 20 лѣтъ. Наконецъ, возокъ тронулся; на запяткахъ оказались два студента въ треуголкахъ, а третій вскочилъ на козлы. Затѣмъ кто-то крикнулъ: «господа, ѣдемъ на квартиру», и масса публики поѣхала туда и успѣла подѣхать минутъ за 10 до пріѣзда возка. Мы расположились по лѣстницѣ, съ обѣихъ сторонъ, на ступеняхъ, вплоть до 3-го этажа. Публика состояла преимущественно изъ офицеро́въ. Когда пріѣхала m-me Viardot, то ей пришлось подниматься сквозь строй офицеро́въ, растянувъ обѣ руки на-право и налѣво, которыя и цѣловали, послѣдовательно, стоящіе по лѣстницѣ. Лѣтъ 30 спустя, когда я сталъ посѣщать m-me Viardot въ Парижѣ, я напомнилъ ей объ означенномъ днѣ, и она вспомнила, тоже не безъ волненія, объ исключительномъ торжествѣ своемъ и Рубини.

Очертивъ сезонъ 1843—1844 г., я, кстати, поману вкратцѣ нѣкоторыхъ выдающихся пѣвцовъ и пѣвицъ послѣдующихъ сезоно́въ.

Послѣ Рубини появился теноръ Сильва. Лучшей оцѣнкой этого артиста будетъ то, что онъ выступилъ въ тѣхъ же роляхъ, въ которыхъ пѣлъ Рубини, и имѣлъ положительный и заслуженный успѣхъ въ продолженіе трехъ сезоно́въ. Послѣ Сильвы пѣлъ Гуаско, пѣвецъ очень искусный, но не имѣвшій сильнаго голоса.

Маріо появился уже въ 1851 году. Его имя гремѣло по всей Европѣ, и Петербургъ приходилъ въ неистовый восторгъ отъ этого соловья, но, кажется, болѣе отъ его красоты. Такъ какъ я не жилъ постоянно въ Петербургѣ, а пріѣзжалъ туда зимой мѣсяца на два, то, по моему пріѣздѣ, всюду только и было слышно о Маріо, какъ о какомъ-то чудѣ. Когда же я прослушалъ его въ трехъ, четырехъ операхъ, то не только не испыталъ наслажденія, или хоть бы удовлетворенія, но, наоборотъ, испыталъ нѣсколько разъ досадное раздраженіе нерво́въ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это былъ сладко-пѣвучій соловей, но въ его голосѣ не было и признака драматизма. Былъ ли у него драматизмъ въ голосѣ въ прежнее время,—я не знаю; я говорю о Маріо, явившемся въ Петербургъ въ 1851 г. Онъ раздражалъ мои нервы именно тогда, когда ухо требуетъ сильнаго драматическаго звука, и вдругъ, вмѣсто того, оно услышитъ высокую, тончайшую фистулу. Самые переходы въ эти горловые ноты были у Маріо неприятно рѣзки, тогда какъ Рубини переходилъ въ эти ноты совершенно незамѣтно. Зная, что Петербургъ плѣняется его красотой, Маріо очень любилъ рисоваться на сценѣ. И вотъ онъ ставитъ въ свой бенефисъ какую-то неочастную оперу — «Сарданапалъ», въ которой изображаетъ нѣгу въ очень нескромномъ костюмѣ. Послѣ этой оперы, мнѣ казалось, что это было какъ бы нѣкоторое оскорбленіе великому драматическому искусству, и я рѣшительно пересталъ ходить слушать Маріо.

Черезъ 17 лѣтъ, Маріо вновь появился въ Петербургъ, воображая, что онъ найдетъ еще себѣ поклонниковъ или поклонницъ, но жестоко ошибся. Его послѣднее появленіе въ Петербургѣ было его позоромъ; у него не только не было уже голоса, но были слышны лишь нескончаемая детонація или фальшь. Тѣмъ, которые помнятъ Маріо въ первый его прїѣздъ, мой взглядъ на него, расходящійся съ общимъ мнѣніемъ, покажется рѣзкимъ; но, говоря о немъ, я не могъ не выразить того впечатлѣнія, какое онъ производилъ на меня. Повторю—это былъ сладко-звучный соловей, но не драматическій пѣвецъ, хотя и очень хорошій актеръ.

Въ томъ же году, когда Петербургъ наслаждался Маріо, мнѣ случилось пойти на какой-то бенефисъ въ Александринскій театръ. На афишѣ значилось, что въ одномъ антрактѣ будетъ пѣть какой-то итальянскій пѣвецъ, по имени, Тамберликъ. Хотя оказалось, что Тамберликъ и состоялъ въ итальянской труппѣ Большаго театра, но я не слышалъ еще ни единого слова о немъ отъ посѣщавшихъ въ этомъ году оперу. Появляется какой-то незнакомый мнѣ пѣвецъ и поетъ изъ «Отелло». Я пришелъ въ великій восторгъ, и послѣ этого, повсюду, гдѣ я бывалъ, сталъ упрекать посѣщавшихъ оперу—какимъ образомъ они могутъ восхищаться пѣніемъ Маріо, когда въ итальянской Петербургской труппѣ находится такой великій артистъ, какъ Тамберликъ. Меня, положительно, вездѣ подымали на смѣхъ; но на повѣрку оправдалась французская пословица: «*riga celui, qui riga le dernier*». Съ слѣдующаго сезона, Тамберликъ поглотилъ вниманіе Петербургской публики и поглощалъ его болѣе 15-ти лѣтъ. Въ какой бы роли Тамберликъ ни появлялся, онъ постоянно увлекалъ публику; но въ особенности въ «Отелло», «Вильгельмъ-Телъ», «Трубадуръ», «Риголето», словомъ вездѣ и всегда.

Въ Петербургѣ есть еще тысячи людей, которые помнятъ Тамберлика и помнятъ, конечно,—что это былъ за артистъ... Даже въ послѣдній свой прїѣздъ, въ 1884 году, когда ему было уже около 70 лѣтъ, этотъ артистъ могъ еще вполне потрясать слушателей. Кто слышалъ Тамберлика, тотъ знаетъ, что у него былъ могучій, абсолютный, грудной теноръ, и хотя въ его голосѣ не было слышно настоящаго тенороваго тембра, подобнаго Рубини, но за то задушевность издаваемыхъ имъ звуковъ лилась рѣкой въ душу людей, какъ будто эти звуки вылетали не изъ одной только теплой груди, а изъ всего существа чело-вѣка. Конечно, единымъ соперникомъ Тамберлику могъ быть только Рубини, и по своей добросовѣстности Тамберликъ признавалъ известное преимущество Рубини передъ собой. Въ послѣдніе годы, во время моего пребыванія въ Парижѣ, я довольно близко сошелся съ Тамберликомъ. Это былъ истинный артистъ до мозга костей, артистъ особенно умный и исключительно симпатичный чело-вѣкъ.

Одновременно съ Тамберликомъ, постепенно возникалъ другой великій артистъ—Кольцолари, съ чистѣйшимъ теноровымъ тембромъ. Это былъ пѣвецъ феноменальный, уже по тому одному, что голосъ его усиливался, развивался и совершенствовался съ каждымъ годомъ. Подъ конецъ, онъ достигъ такого совершенства и искусства въ пѣніи, что трудно найти въ этомъ отношеніи сравненіе. Слухи носились, что будто бы сама Паття завидовала колоратурности голоса Кольцолари. Онъ берегъ свой голосъ и пѣлъ, по преимуществу, въ Петербургѣ и, лишь иногда, на короткое время, появлялся въ другихъ столицахъ Европы. Онъ оставилъ сцену въ полномъ блескѣ своего голоса и таланта. Я былъ знакомъ съ Кольцолари. Будучи въ 1886 г. въ Миланѣ, я узналъ, что онъ боленъ и, отправившись къ нему на его виллу, верстахъ въ 20 отъ Милана, увидаль необыкновенно грустную картину. Будучи по виду совершенно здоровымъ, Кольцолари сидѣлъ въ креслахъ съ полнымъ параличемъ ногъ и языка. Когда онъ увидаль меня, свидѣтеля его славнаго музыкальнаго поприща въ Петербургѣ, онъ буквально зарыдалъ и сталъ мычать. Не было возможности воздержаться и мнѣ отъ слезъ при видѣ такой картины.

О послѣдующихъ тенорахъ я не буду говорить: всѣ они не могли идти въ какое-либо сравненіе съ Тамберликомъ и Кольцолари, хоть бы и Мазини. Былъ, правда, еще пѣвецъ Марини, съ высочайшимъ настоящимъ теноровымъ тембромъ, но это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, пѣвецъ бессмысленный. Затѣмъ былъ Николини, котораго публика любила. Это былъ очень хорошій артистъ и превосходный актеръ съ огненнымъ жаромъ; но въ голосѣ его не было надлежащаго звука, который онъ вырывалъ изъ себя съ страшнымъ усиленіемъ.

Послѣ Тамбурины явился превосходный баритонъ—Дебосини, но вскорѣ уступилъ мѣсто Граціани. Граціани долго справедливо плѣнялъ Петербургскую публику и своимъ искусствомъ, и мягкимъ тембромъ своего голоса. Но все же ни Дебосини, ни Граціани не могли сравняться съ Тамбуриной, въ его прежнее время.

Не помню, въ которомъ году, былъ въ Петербургѣ и знаменитѣйшій изъ бывшихъ когда-либо басовъ, Лаблашъ. Онъ былъ уже совершенный старикъ, громадной величины и толщины. Несмотря на это, онъ сохранялъ еще необычайный свой голосъ и искусство, доведенное до неслыханнаго совершенства. Онъ работалъ своимъ голосомъ на подобіе колоратурной пѣвицы. Въ Петербургѣ, онъ преимущественно участвовалъ только въ роляхъ баса-буффъ, да къ тому же онъ обладалъ неподдѣльнымъ комизмомъ.

Вспомню теперь о нѣкоторыхъ пѣвицахъ. Знаменитая Гризи появилась въ Петербургѣ одновременно съ Марію. Она была уже не очень молода, но еще очень хороша собою. Эта артистка, какъ извѣстно,

была пѣвица могучая; такой Нормы и такой Валентины въ «Гугенотахъ» мы никогда уже болѣе не слыхали.

Послѣ Гризи гремѣла Бозіо. Безспорно, эта пѣвица была изящная, искусная и съ мягкимъ голосомъ. Петербургъ былъ отъ нея безъ ума; другихъ отзывовъ о ней не было, какъ прелестная и несравненная Бозіо. Въ ней было много и лирическаго, и драматическаго таланта; но мнѣ, лично, казалось, что въ ней не было достаточно жара. Вѣроятно, на меня она произвела подобное впечатлѣніе отъ того, что я все еще не могъ забыть впечатлѣнія отъ пѣнія m-me Viardot. Бозіо, къ общему всѣхъ сожалѣнію, безвременно скончалась и похоронена здѣсь, въ Петербургѣ.

Послѣ Бозіо появилась Фіоретти. Ея голосъ былъ мягкій, сильный и баснословно обработанный. Но она была дурна собой и въ ней не было изящества, а потому большинство публики, у которой была свѣжа память о Бозіо, относилось къ Фіоретти довольно равнодушно. Затѣмъ выступила Барбо, признаваемая за красавицу. Голосъ ея былъ сильный и рѣзкій; но она частенько детонировала и фальшивила. Публика всегда встрѣчала ее хорошо, но я, съ моей точки зрѣнія, не признаю такихъ пѣвицъ, которыя могутъ детонировать.

Не бывъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, я услышалъ Нильсонъ только въ 1873 году. Она пріѣхала въ Петербургъ уже съ громкимъ именемъ. Какова она была ранѣе, я не знаю, но въ Петербургѣ Нильсонъ не произвела на меня сколько-нибудь сильнаго впечатлѣнія. Я услышалъ Нильсонъ послѣ того, какъ я слыхалъ уже Патти. Петербургская публика дѣлилась на двѣ партіи — на нильсонистовъ и на паттистовъ. Вообще Нильсонъ возводили въ степень великой драматической пѣвицы, а Патти называли чудной шарманкой. Когда я услышалъ Нильсонъ, то мнѣ показалось страннымъ, что можно было увлекаться пѣніемъ Нильсонъ, когда на другой день можно услышать Патти. Впрочемъ, это дѣло вкуса; но то, что должно быть дѣломъ не вкуса, а уха, это то, что у Нильсонъ нерѣдко прорывалась детонація, такъ что я не помню ни одного представленія, гдѣ бы она не согрѣшила въ этомъ отношеніи разъ или два. Я уже замѣтилъ выше, что, по моимъ взглядамъ, подобнымъ пѣвицамъ я не даю никакого значенія. Не разъ случилось мнѣ говорить объ этомъ вопросѣ не только съ обыкновенными смертными, но и съ профессиональными музыкантами, и слышать такіе отзывы: «правда, артистъ иногда детонируетъ, но это ничего не значитъ, все-таки онъ замѣчательный артистъ». По-моему, Богъ съ ними, съ этими замѣчательными артистами: я не желаю слушать ихъ и вкушать «медъ изъ бочки, въ которую влита ложка дегтю». Репертуаръ Нильсонъ былъ весьма ограниченъ, — вѣчно: «Фаустъ», «Миньонъ», «Гамлетъ»; а между тѣмъ, по своей дебелости и отсутствіи граціи, Нильсонъ

не подходила къ ролямъ Маргариты, Офеліи и Миньонъ. Быть можетъ, я отнесся черезчуръ не симпатично къ Нильсонъ, но это потому, что меня раздражала несправедливая оцѣнка двухъ пѣвицъ, одновременно пребывавшихъ въ Петербургѣ—Патти и Нильсонъ, между которыми, по моимъ понятіямъ, лежала большая пропасть.

Патти я услышалъ нѣсколько ранѣе Нильсонъ, а именно, въ концѣ 1872 года. Здѣсь я попрошу у читателя извиненія за нѣкоторое необходимое, по-моему, отступленіе.

Въ концѣ шестидесятихъ годовъ я заболѣлъ и уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ болѣе 4-хъ лѣтъ, и потому и Петербургской италянкой оперы въ это время не слышалъ. Я, конечно, умолчалъ бы о фактѣ моей болѣзни, кажущемся совсѣмъ не у мѣста, но, какъ читатель увидитъ далѣе, о немъ нужно упомянуть именно теперь, прежде дальнѣйшаго изложенія того, о чемъ я считаю не лишнимъ сообщить.

Моя болѣзнь была слѣдствіемъ чрезмѣрнаго умственного и физическаго утомленія, отъ непрерывнаго труда въ теченіе 28 лѣтъ, труда, слишкомъ напряженнаго, ни разу не прерывавшагося и чрезвычайно отвѣтственнаго. Симптомы болѣзни обнаружились полнѣйшимъ равнодушіемъ ко всему окружающему. Я не испытывалъ ни въ чемъ ни малѣйшаго удовольствія или какой-либо радости. Я потерялъ аппетитъ, ѣлъ по привычкѣ и совершенно безразлично, что бы мнѣ ни подавали. Настоящій сонъ тоже пропалъ, и вмѣсто него являлось лишь на нѣкоторое время забытѣе. Самымъ тяжелымъ моментомъ было утро, въ виду мысли тянуть опять день безъ всякаго интереса. Я ничего не могъ читать: беллетристическія произведенія представлялись мнѣ пустыми, ни сколько не интересными сказками, а что-либо серьезное необходимо вызывало потребность хотя бы незначительнаго умственного напряженія, что и отталкивало меня отъ подобнаго чтенія. Коротко говоря, я считалъ себя лишнимъ человѣкомъ для жизни: мнѣ хотѣлось умереть, во-время забытѣя, а между тѣмъ, очнувшись, я досадовалъ, что я живъ для того, чтобы продолжать свое невыносимое существованіе.

Продолжительное путешествіе за границей, по разнымъ мѣстамъ Европы, почти не улучшило моего здоровья; только морское купанье въ Корфу въ концѣ ноября и декабря мѣсяцевъ поправило нѣсколько аппетитъ и сонъ, но равнодушіе къ жизни продолжалось по-прежнему.

Въ такомъ положеніи, я вернулся въ Петербургъ. Дѣти мои неоднократно тянули меня въ театръ послушать Патти. Я наотрѣвъ отказывался, такъ какъ мнѣ казалось чѣмъ-то дикимъ искать развлеченіе въ театрѣ. Но однажды я уступилъ просьбамъ дѣтей и поѣхалъ съ ними въ оперу. Услыхавъ небывалый, необыкновенно ласкающій тембръ голоса Патти, я невольно заинтересовался и сталъ внимательно ее слушать. Возвратившись домой, я почувствовалъ потребность говорить много о

впечатлѣнія, произведенномъ на меня Патти. Въ эту ночь, я впервые, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, заснулъ настоящимъ крѣпкимъ сномъ и, проснувшись, почувствовалъ, что во мнѣ не угасла еще потребность удовольствія, и не было досады—зачѣмъ я проснулся для тоски предстоящаго дня, а, напротивъ, я возымѣлъ непреодолимое желаніе слышать вновь Патти и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать слѣдующаго спектакля.

Услыхавъ Патти во второй разъ, мнѣ захотѣлось слушать ее какъ можно чаще. Хотя семейство мое имѣло абонированную ложу на одинъ абониментъ, но я, неотлогательно перекупилъ еще ложу на другой абониментъ и, кромѣ того, не упустилъ случая доставать кресла въ другіе дни. Такимъ-то образомъ, я почувствовалъ въ себѣ извѣстное возрожденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возстановленіе въ себѣ интереса ко всѣмъ сторонамъ жизни.

Таково было вліяніе на мой организмъ музыки, текущей изъ живаго человѣческаго голоса. Я не вхожу въ анализъ причины и ея объясненія; не вывожу тоже изъ этого никакого слѣдствія, а сообщилъ лишь фактъ, который, быть можетъ, не будетъ лишнимъ для психологовъ. Понятно послѣ того, что Патти оставила во мнѣ особенно отрадное впечатлѣніе.

Публика, вообще, относилась къ Патти восторженно, но, по большей части, какъ я замѣтилъ уже выше, ее называли чудной, небывалой шарманкой, и болѣе ничего. Мнѣ было дико слушать подобныя отзывы и, вѣроятно, вслѣдствіе доходившихъ до нея подобныхъ слуховъ, она долгое время не рѣшалась выступить въ драматической роли. Вотъ, однажды, я увидалъ Патти въ роли Травіаты, и она явилась въ этой роли неузнаваемой.

Всѣ тѣ, у которыхъ живо въ душѣ чувство къ истинному драматизму, увидали передъ собой великую драматическую артистку. Впечатлѣніе было потрясающее.

Я былъ знакомъ съ Патти и не рѣдко посѣщалъ ее. Какъ человѣкъ, она была восхитительна и обворожала, въ особенности, простотой и искренностью своею обращенія. Въ ней не было и признака кичливости своимъ великимъ, необычайнымъ талантомъ и слишкомъ громкимъ артистическимъ своимъ положеніемъ.

Какъ ни благотворно отразилось на мнѣ вліяніе пѣнія Патти, по случайному обстоятельству, мною предъ симъ высказанному, но я долженъ поставить *in-me Viardot*, какъ драматическую пѣвицу, выше Патти. Изъ всѣхъ переслышанныхъ мною пѣвицъ мнѣ, собственно, только *Viardot* и Патти доставляли истинное наслажденіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи изданій „Горе отъ ума“.

Весною нынѣшняго года, директору французскихъ училищъ при церкви св. Людовика въ Москвѣ, г. Е. Ф. Фонде-де-Монтюсенъ удалось случайно найти въ архивѣ помянутой церкви нѣсколько документовъ, имѣющихъ отношеніе къ первымъ печатнымъ изданіямъ безсмертной комедіи «Горе отъ ума». Узнавъ объ этой счастливой находкѣ, управленіе императорскаго русскаго историческаго музея имени Императора Александра III обратилось къ г. Фонде-де-Монтюсенъ съ просьбою, взять на себя трудъ ходатайства передъ совѣтомъ церкви св. Людовика о передачѣ этихъ документовъ въ музей, во вновь образующійся при библиотекѣ его, отдѣлъ имени А. С. Грибоедова. Г. Фонде любезно на это согласился, и, вскорѣ, совѣтъ помянутой церкви препроводилъ въ музей три, приводимые ниже, документа. Какимъ образомъ они очутились въ архивѣ французской церкви—неизвѣстно; надо думать, что они попали туда вмѣстѣ съ другими бумагами Жоли, къ которому перешло право на изданіе «Горе отъ ума». Вотъ эти документа:

1.

1838 года мая 19-го дня я нижеподписавшейся Московскою третій гильдіи купецъ Николай Николаевичъ сынъ Глазуновъ, заключилъ сіе условіе съ Московскимъ второй гильдіи купцомъ Ксенофонтомъ Алексѣевичемъ Полевымъ, втомъ: что я Глазуновъ купленную мною начально обще съ кандидатомъ коммерціи Николаемъ Евграфовымъ Бушуевымъ, у наследниковъ умершаго статскаго совѣтника Александра Сергѣевича Грибоедова, жены его Нилы (sic!) Александровны Грибоедовой, и сестры порудчицы Марьи Сергѣевны Дурновой, по условію заключенному 1833 года сентября 5-го дня засвидѣтельствованному въ Москвѣ у но-

таріуса Алексѣя Иванова, за № 63 и нынѣ, по покупкѣ мною у него Бушуева, следующей ему части по условію заключенному 1834 года ноября 19-го, и записанному въ Москвѣ у того же нотаріуса Иванова за № 62, принадлежащую мнѣ одному комѣдію, подъ названіемъ Горѣ отъ ума, сочиненную реченымъ господиномъ Грибоедовымъ, продалъ ему господину Полевому, цѣною за дѣсять тысячъ рублей государственными Ассигнаціями, которые и получить мнѣ отъ него съ заключенія сего условія по временамъ, втѣченіи года, съ роспискою въ каждомъ полученіи на семь условій; и воленъ онъ Полевой ту комѣдію, какъ уже свою собственность единственному ему принадлежащую, печатать сколько пожелаетъ, продавать по какимъ ценамъ похочетъ, продать оную, или временно передать кому заблагоразсудить—до которой комѣдіи въ предъ, какъ мнѣ Глазунову, такъ и наслѣдникамъ моимъ дѣла никакого не имѣть, не почему не вступаться, и права на оную другимъ никому не передавать,—что всѣ и сохранить, какъ мнѣ Глазунову, такъ и наслѣдникамъ моимъ свято и ненарушимо, для чего и записать сіе условіе гдѣ слѣдуетъ, подлинное имѣть ему г. Полевому, а мнѣ Глазунову получить за подписаніемъ его точную съ него копию.

Къ сему условію Московской третьей гильдіи купецъ Николай Николаевъ сынъ Глазуновъ руку приложилъ.

№ 39-ый 19-го числа.

М. П.

1838 года мая девятнадцатаго дня, сіе условіе къ опредѣленному въ Москвѣ публичному нотаріусу, явлено, въ книгу подъ номеромъ тридцать девятымъ записано и слѣдующія въ городскія доходы по полу-проценту съ рубля, деньги пятдѣсять рублей взяты—въ чемъ съ приложеніемъ казенной печати и свидѣтельству.

Нотаріусъ Алексѣй Ивановъ.

Къ сему условію Московскій 2-ой гильдіи купецъ Ксенофонтъ Алексѣевъ Полевой, къ явленному, руку приложилъ.

По сему условію деньги десять тысячъ рублей, получилъ сполна Московской купецъ Николай Николаевъ Глазуновъ.

1844 года января 17-го дня, я нижеподписавшійся продалъ принадлежащее мнѣ по сему условію право на изданіе означенной въ ономъ книги: «Горѣ отъ ума», до истеченія законнаго срока по смерти автора оной г-ну Карлу Карловичу Жоли, Московскаго 1-го кадетскаго корпуса зубному лекарю 1-го отдѣленія, и условленную за сіе сумму ты-

сячу восемь сотъ рублей серебромъ, отъ него получилъ сполна. Московскій 2-ой гильдіи купецъ Ксенофонтъ Алексѣевъ Полевой ¹⁾).

2.

Милостивый государь.

Карль Карловичъ.

По общему соглашенію нашему, продалъ я вамъ принадлежащее мнѣ право на изданіе книги: Горе отъ ума, комедія сочиненія А. Грибоѣдова, пріобрѣтенное мною отъ Московскаго купца Николая Николаева Глазунова (что нынѣ Улитинъ) и по праву сему напечатанную мною вторымъ изданіемъ, въ 1839 году; послѣ же того книга сія не издавалась, и право на нее никому отъ меня передано не было. А какъ условленную сумму тысячу восемь сотъ рублей серебромъ за оное я сполна отъ васъ получилъ, то отъ нижеписаннаго числа, впродъ до истеченія законнаго срока по смерти автора, дѣлаются вы единственнымъ владѣльцемъ права на изданіе сей книги и вступаете во всѣ принадлежавшія мнѣ права.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Ксенофонтъ Алексѣевъ Полевой, купецъ Московскій.

Января 17-го 1844 г.

Москва.

Г-ну Карлу Карловичу Жоли, Московскаго 1-го кадетскаго корпуса зубному лекарю 1-го отдѣленія ²⁾).

3.

Manuscrit de «Горе отъ ума».

J'ai acheté dans le mois de Janvier 1844 à monsieur Polevoi tous les droits qu'il avait sur le manuscrit de «Горе отъ ума» comédie de Грибоѣдова pour la somme de R. Argt. 1800 ainsi qu'il est stipulé dans le present papier. J'ai donc acquis par cet achat le droit de faire imprimer cet ouvrage encore pendant dix années, époque à laquelle, d'après les lois finit le privilège concédé après la mort de l'auteur ³⁾).

¹⁾ Писано на гербовой бумагѣ «для письма крѣпостей отъ 7.001 до 10.000 рублей. Цѣна двадцать рублей». Правописание и пунктуация—сохранены вполнѣ. Текстъ условія писанъ писцемъ, подписи и росписва Полеваго—собственноручныя.

²⁾ Писанъ весь рукою Полеваго, на гербовой бумагѣ въ 15 копѣекъ серебромъ.

³⁾ Писано все однимъ почеркомъ на большемъ листѣ синеватой, почтовой бумаги. Подписи—нѣтъ. Если это писалъ самъ Жоли, то крайне стран-

[Переводъ] Рукопись «Горе отъ ума».

Я купилъ въ январѣ мѣсяцѣ 1844 г. у г. Полеваго всѣ права, которыя онъ имѣлъ на рукопись «Горе отъ ума», комедія Грибоѣдова, за 1.800 руб. сер., какъ это обозначено въ настоящей бумагѣ. Я пріобрѣлъ такимъ образомъ, благодаря сей куплѣ, право на печатаніе сего труда еще въ теченіе десяти лѣтъ, срока, когда, по законамъ, кончается преимущественное право, назначенное по смерти автора.

Сообщилъ А. И. Станкевичъ.

ными являются грубыя ошибки («dans» вмѣсто «au» и др.) противъ французскаго языка. Не есть ли это черновой проектъ, составленный кѣмъ-либо не вполне владѣющимъ французскимъ языкомъ? Во всякомъ случаѣ, по почерку, это писано не К. Полевымъ.

Россія и папекій престолъ.¹⁾

ГЛАВА II.

Немного критики.

Историческая загадка.—Таинственное дитя у Бориса Годунова.—Появление Димитрія.—Раздвоеніе общественнаго мнѣнія.—Протестантскіе писатели.—Защитники Димитрія.—Его собственный разсказъ Вишневецкому.—Важность этого документа.—Ошибка Костомарова.—Подлинность разсказа.—Доказательства.—Главные пункты.—Слабое мѣсто.—Всегдашняя сдержанность Димитрія.—Молчаніе Мишека.—Испытанія и за и противъ.—Заключеніе.—Предположенія на счетъ Димитрія.—Его національность по письму къ Клименту VIII.—Филологическій выводъ, подтвержденный исторіей.—Связи съ духовнымъ міромъ и мысль патриарха.—Слѣдствіе, произведенное патриархомъ Іовомъ.—Отождествленіе Димитрія съ Гришкою Отрепьевымъ.—Кратковременная уловка Бориса Годунова.—Единодушный отзывъ русскихъ источниковъ.—Извѣтъ Варлаама.—Двойной фактъ, подтвержденный эпитафией.—Три этапа.—Значеніе Извѣта.—Свидѣтельство князя Катирева-Ростовскаго.—Совпаденіе Извѣта съ доведеніемъ Вишневецкаго.—Черты изъ жизни Димитрія.—Семейство Отрепьева въ 1671 г.—Царь Алексѣй принимаетъ во вниманіе его просьбу.—Три записки Льва Сапѣги.—Его мнѣніе о Димитріѣ.—Оно сходится съ мнѣніемъ русскихъ.—Рыводкій и Ростовскій.—Возраженіе.—Показанія полковыхъ священниковъ и Маржерета.—Возможное рѣшеніе вопроса.—Подкладка самозванства.—Признаніе Димитрія.—Его московскій характеръ.—Даръ объединенія и покладливости.—Отсутствіе оригинальности.—Инициатива по отношенію Рима.—Снисходительность папъ.—Отвѣтственность Сигизмунда III.—Дѣло Димитрія внезапно прервано.—Роковыя послѣдствія его неудавшихся плановъ.

Въ злополучную эпоху, которую принято называть смутнымъ временемъ и которая обнимаетъ собою начало семнадцатаго вѣка, видную роль играла таинственная личность, извѣстная подъ именемъ Димитрія, коего богатая событіями жизнь разсказана на предъидущихъ страницахъ. Кто же былъ Димитрій? Былъ ли онъ прирожденнымъ сыномъ Іоанна IV или только гениальнымъ искателемъ приключеній? Былъ ли это Гришка Отрепьевъ или кто-либо иной? Этотъ вопросъ обсуждается уже триста лѣтъ, но его до сихъ поръ не удалось рѣшить окончательно. Поэтому само собою приходится вновь братья за рѣшеніе этой исторической загадки, какъ бы

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 г.

ни былъ ничтоженъ результатъ этого изслѣдованія и какъ бы ни пришлось при этомъ повторяться. Фактъ важенъ самъ по себѣ, и онъ, разумѣется, не могъ не повліять на текущія событія.

Димитрію Углицкому повидимому было суждено вводить въ заблужденіе историковъ. Въ 1598 г., нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его исчезновенія, когда московскій престолъ, влѣдствіе кончины Θεодора, былъ снова не занятъ, одинъ польскій шпионъ доносилъ Лятовскому канцлеру Львѣ Сапѣгѣ, что Борисъ Годуновъ скрываетъ у себя въ домѣ ребенка, который поразительно похожъ на Димитрія и долженъ играть его роль. По этому поводу одного несчастнаго человѣка даже пытали, и бояре, заботившіеся о будущемъ, исторгли у него признаніе, что онъ убилъ Димитрія по повелѣнію Годунова ¹⁾. Слѣдовательно, царевича считали умершимъ, и всѣ эти странные слухи были давно позабыты, когда въ Польшѣ появилась загадочная личность, выдававшая себя за царевича Димитрія. Общественное мнѣніе тотчасъ раздвоилось. Одни привѣтствовали претендента какъ потомка Іоанна Грознаго; другіе называли его самозванцемъ и похитителемъ престола. Былъ моментъ, когда вся Россія преклонялась передъ нимъ, а Европа имъ восхищалась. Реакція, наступившая послѣ его смерти, была особенно сильна потому, что этотъ спорный вопросъ обострился духомъ партійности. Кратковременный царь былъ въ сношеніяхъ съ папою, съ краковскимъ нунціемъ и съ иезуитами. Ихъ переписка была перехвачена и обнародована къ великому соблазну москвитянъ. Нѣкоторые протестантскіе, нѣмецкіе, англійскіе и голландскіе авторы подъ впечатлѣніемъ этихъ писемъ изобразили Димитрія какимъ-то чудовищемъ, созданнымъ ксендзами и имѣвшимъ миссію ввести въ Россію римско-католическую вѣру. Эту тему можно было разнообразить до безконечности, ею не преминули воспользоваться, и слава Димитрія была омрачена. Его новѣйшіе защитники утверждаютъ, что они еще не сказали своего послѣдняго слова; если имъ удастся привести въ подтвержденіе своего взгляда какія-либо вѣскія доказательства, то мы готовы сложить передъ ними оружіе. Но пока, изученіе всѣхъ извѣстныхъ намъ источниковъ приводитъ къ тому заключенію, что Димитрій не былъ сыномъ Іоанна IV.

Попытаемся разобраться въ этой тайнѣ. Всѣ доказательства, говорящія въ пользу тождества того человѣка, котораго мы продолжаемъ называть Димитріемъ, съ Димитріемъ Углицкимъ, ограничиваются рассказомъ самого Димитрія князю Адаму Вишневецкому, который этотъ послѣдній передалъ въ своемъ донесеніи королю. Этому первостепенной важности документу никогда еще не было отведено подобающаго мѣста, и онъ не былъ опѣненъ по достоинству. Костомарову онъ былъ

¹⁾ Archiwum domu Sapiehow, т. I, стр. 177 № 214.

извѣстенъ въ невѣрной передачѣ Товіанскаго, но онъ не потрудился сличить текстъ этого документа съ Ватиканскимъ текстомъ, изданнымъ Новаковскимъ, впрочемъ также съ нѣкоторыми пропусками и съ невѣрной датой (1606 г.); историческое значеніе этого разсказа казалось Костомарову ничтожнымъ; это не вѣрно. Выяснимъ сперва, въ чемъ состоитъ спорный вопросъ. Дѣло идетъ не о правдивости разсказа, который очевидно вымышленъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Дѣло идетъ не о полемикѣ относительно того, кто былъ его авторомъ; разумѣется, никто иной кромѣ Димитрія не могъ выдумать его. Вопросъ состоитъ въ томъ, дѣйствительно ли разсказъ, приписываемый Димитрію, былъ доложенъ Сигизмунду и сообщенъ сенаторамъ и послужилъ основаніемъ всѣхъ послѣдующихъ споровъ? Если это такъ, то мы имѣемъ въ рукахъ, такъ сказать, паспортъ Димитрія, свидѣтельство объ его происхожденіи, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ самъ объ этомъ по-вѣствовалъ.

Рангони говорить объ этомъ вполне опредѣлено. 8-го ноября 1603 г., получивъ донесеніе Вишневецкаго, въ точномъ переводѣ съ польскаго на латинскій языкъ, онъ тотчасъ послалъ его въ Римъ и воспроизвелъ въ депешѣ отъ 2-го іюля 1605 г. на италіанскомъ языкѣ съ сокращеніемъ и вариантами, присовокупивъ однако, что текстъ его депеши согласуется «слово въ слово» съ разсказомъ Димитрія, переданнымъ Сигизмунду княземъ Вишневецкимъ¹⁾.

Читали ли Сигизмундъ и Рангони одинъ и тотъ же документъ? Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Достаточно сличить циркулярное письмо короля къ сенаторамъ отъ 15-го февраля 1604 г., въ которомъ онъ излагалъ вкратцѣ исторію Димитрія, и отвѣты сенаторовъ, въ особенности отвѣтъ Барановскаго, епископа плоцкаго²⁾, съ разсказомъ, который Рангони приписываетъ Димитрію, чтобы убѣдиться, что дѣло идетъ объ одномъ и томъ же документѣ, такъ какъ они сходны въ мельчайшихъ подробностяхъ. Итакъ, во-первыхъ, надобно признать существованіе разсказа о походе Димитрія, который былъ распространенъ въ официальныхъ польскихъ кружкахъ и сообщенъ Рангони въ Ватиканъ 8-го ноября 1603 г. Эта дата объясняетъ весьма многое. Въ хронологическомъ порядкѣ первенство надъ всѣми прочими разсказами въ этомъ родѣ, включая разсказъ Товіанскаго, принадлежитъ первоначальному тексту Ватикана. Уже это одно значительно облегчаетъ трудъ изслѣдователя. Оно переноситъ насъ на вершину горы, откуда взоръ обнимаетъ долину. На нашихъ глазахъ брызжетъ изъ земли источникъ, несущій свои воды вдаль. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе. III. 90 а.

²⁾ Московскій Архивъ мин. юстиціи. лит. метр., нов. кн., т. 55, № 87.

послѣдующіе рассказы, въ которыхъ Димитрій Самборскій отождествляется съ Димитріемъ Угличскимъ, суть не что иное, какъ воспроизведеніе донесенія Вишневецкаго. Это можно сразу узнать по существующему между ними сходству; всѣ эти рассказы имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ и слѣпо подражаютъ своему оригиналу: они многорѣчивы или сдержанны, смотря по тому, какъ въ немъ говорится о томъ или другомъ случаѣ. Поэтому достаточно разсмотрѣть рассказъ Димитрія, чтобы произнести въ то же время сужденіе о всѣхъ тѣхъ, которые повторили этотъ рассказъ въ цѣломъ или сокращенномъ, распространенномъ или нѣсколько измѣненномъ видѣ. Какое же значеніе имѣетъ этотъ документъ? Принимая во вниманіе только его происхожденіе, можно сказать, что онъ не имѣетъ ровно никакого значенія; Димитрій говоритъ тутъ самъ за себя. Едва-ли можно допустить, что онъ былъ безпристрастенъ, и его показаніе имѣетъ весьма сомнительное значеніе; необходимо разсмотрѣть его подробно.

Во-первыхъ, припомнимъ обстоятельства, при которыхъ возникъ этотъ рассказъ. Онъ былъ написанъ по требованію короля, который хотѣлъ имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о Димитріѣ въ тотъ моментъ, когда только объявилъ себя царевичемъ и болѣе всего нуждался въ королевской помощи. Ничто не мѣшало Димитрію сказать все правду, хотя бы по секрету, тѣмъ лицамъ, которыя интересовались его судьбою; казалось бы, что все заставляло его говорить безъ утайки и представить убѣдительныя доказательства своего царственнаго происхожденія. Отъ этого зависѣла его будущность. Можно было ожидать, что онъ расскажетъ обстоятельно свое прошлое и приведетъ въ доказательство своихъ словъ самыя убѣдительныя доказательства; вмѣсто этого его рассказъ полонъ таинственности, недомолвокъ, ораторскихъ приемовъ и умышленныхъ пробѣловъ.

Первое, что производитъ весьма странное впечатлѣніе, это отсутствіе не только сыновней любви, но даже простой деликатности. Предполагаемый сынъ Іоанна IV является строгимъ судьей своего отца. Тиранство и сластолюбіе—вотъ пороки, въ которыхъ онъ не стѣсняется обвинять Іоанна Грознаго, который убилъ собственноручно старшаго сына, осквернилъ брачное ложе, населилъ монастыри своими женами, попиралъ добродѣтель. Всѣ эти обвиненія правдивы, но Димитрій совершенно свободно могъ объ этомъ умолчать.

Съ точки зрѣнія исторической, въ письмѣ бросается въ глаза одна несообразность: это сплетеніе грубыхъ ошибокъ съ самыми точными подробностями, которыя были мало извѣстны въ Россіи и ужъ, разумѣется, были совершенно неизвѣстны въ Польшѣ. Къ числу ихъ относится прискорбное событіе, опечалившее Іоанна IV въ 1553 г.; его перенець, Димитрій, утонулъ вслѣдствіе несчастнаго случая въ Бѣломъ

озерѣ ¹⁾. Объ этомъ упоминаетъ дьякъ Тимоѣевъ и рассказываетъ Масса, но проіе рѣдко упоминаютъ объ этомъ фактѣ. Авторъ разсказа называетъ также поименно женъ Іоанна: Анастасію Романову, Марію Черкасскую, Марю Собакину, Анну Котловскую, Марію Нагую; ему извѣстно, что царь предполагалъ заключить въ Англіи какой-то фантастическій бракъ, и также отлично извѣстны тѣ три города, которые были даны въ удѣлъ Дмитрію. Съ изумленіемъ читаемъ на слѣдующей страницѣ о томъ, будто Θεодоръ отрекъся отъ престола, удалился въ Кирилово-Бѣлозерскій монастырь и что его «наставники» были умерщвлены Борисомъ Годуновымъ!

Если это ошибки умышленныя, то онѣ могутъ быть объяснены только ненавистью къ Годунову, ибо обвиненіе направлено противъ него; авторъ разсказа хотѣлъ очевидно очернить именно его.

Годуновъ изображенъ тѣми же красками, какъ въ послѣдующихъ хроникахъ и въ услужливыхъ сочиненіяхъ временъ Василя Шуйскаго. Ему приписываются тѣ же намѣренія, та же злоба противъ нѣкоторыхъ лицъ, тѣ же преступленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отдается должное его талантамъ, его уму и хитрости. Возвысившись благодаря вліянію своей сестры Ирины, всемогущей въ царствованіе Θεодора, честолюбивый до безумія, страстно желавшій возложить на свою голову корону, Борисъ видѣлъ между собою и престоломъ, который вскорѣ долженъ былъ освободиться, только одно препятствіе, а именно законнаго наслѣдника престола, Дмитрія Угличскаго. Онъ рѣшилъ отдѣлаться отъ него.

Дойдя до этого пункта, разсказъ мѣняетъ тонъ, въ немъ все яснѣе становятся замѣтны ораторскіе приемы. Имена собственные, которыя приводились только-что весьма охотно, теперь тщательнo пропускаются, и сквозь строки проглядываетъ опасеніе, что разсказъ не вызоветъ довѣрія. Обвиненіе, взведенное впоследствии на Годунова лѣтописцами, высказано тутъ откровенно: прежде чѣмъ подкупить убійцъ, говорить Дмитрій, онъ попробовалъ прибѣгнуть къ отравѣ, но это средство не удалось. Что касается сцены убійства, то она передана подробно: убійство произошло ночью, безымянный наставникъ Дмитрія былъ предупрежденъ объ опасности, «двоюродный братъ» царевича былъ положенъ на кровать, убійцы покончили съ нимъ, Дмитрій былъ спасенъ. Мы не встрѣчаемъ въ разсказѣ ни одного предательскаго слова о знаменитомъ слѣдствіи, о коемъ разсказчику однако было извѣстно, такъ какъ онъ говоритъ, что Борисъ Годуновъ хотѣлъ обмануть Θεодора и убѣждалъ его въ томъ, что Дмитрій лишилъ себя жизни въ припадкѣ падучей, а это и было главное обстоятельство, обнаруженное слѣдствіемъ, которымъ руководилъ Василій Шуйскій. Но имя Шуйскаго повиди-

¹⁾ Платоновъ, Древн. сказ., стр. 138, прим. 3.

мому обречено раскащикомъ на забвеніе, онъ умалчиваетъ о немъ точно такъ же, какъ о произведенномъ имъ слѣдствіи, хотя о Клешиницѣ и митрополитѣ Геласіи въ рассказѣ упоминается, но не какъ о лицахъ, производившихъ слѣдствіе, а какъ объ уполномоченныхъ Годуновымъ присутствовать на похоронахъ Дмитрія. Неизвѣстный воспитатель заботился о ребенкѣ, коего Борисъ считалъ погребеннымъ. Чувствуя приближеніе смерти, воспитатель поручилъ его надежному человѣку, имя котораго также неизвѣстно. Надежный человѣкъ въ свою очередь умеръ, посовѣтовавъ своему воспитаннику, достигшему уже юношескаго возраста, надѣтъ монашескую рясу и искать убѣжища въ монастырѣ. Дмитрій послѣдовалъ этому совѣту и сдѣлалъ это такъ искусно, что его слѣды совершенно исчезаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ появился въ Польшѣ подобно Deus ex machina древнихъ трагедій. Послѣдними этапами его пути были: Острогъ, Гоща, Брагимъ; это заслуживаетъ вниманія.

Но авторъ рассказа понималъ его слабое мѣсто. Онъ предвидѣлъ возраженія, какія могли быть сдѣланы ему; предупреждая ихъ, онъ тѣмъ самымъ старался умалить ихъ значеніе, не достигая впрочемъ цѣли, такъ какъ несообразности его слишкомъ очевидны. Такъ, напр., какимъ образомъ мать, сжимая въ своихъ объятіяхъ трупъ ребенка, не замѣтила, что это было тѣло чужаго мальчика? Трупъ былъ синеватый, говоритъ раскащикъ, а мать обезумѣла отъ горя. Если Дмитрій былъ подмѣненъ другимъ ребенкомъ, то тотъ, кѣмъ былъ подмѣненъ Дмитрій, долженъ былъ исчезнуть. Какъ же могли не замѣтить его исчезновенія? До тридцати дѣтей было убито въ свалкѣ, говорится далѣе въ рассказѣ; полагаютъ, что въ томъ числѣ былъ и ребенокъ, коимъ замѣнили Дмитрія. Весьма странной причиной объясняется также появленіе Дмитрія въ Польшѣ: онъ былъ признанъ по царственной осанкѣ царскимъ сыномъ; это подозрѣніе мелькнуло въ умѣ одного монаха; съ этой минуты его присутствіе въ Россіи стало опасно; онъ долженъ былъ бѣжать.

Какъ ни извращенъ этотъ рассказъ, но его историческое значеніе неоспоримо. Дмитрій призналъ, что донесеніе Вишневецкаго написано съ его словъ; онъ имъ воспользовался и, повторяя всѣмъ этотъ рассказъ, онъ открылъ свои карты. Мы имѣемъ полное основаніе заключать изъ этого, что Дмитрій не могъ привести въ пользу своего царственнаго происхожденія иныхъ доказательствъ, кромѣ упомянутыхъ кн. Адамомъ въ его донесеніи, и что онъ скорѣе желалъ замести свои слѣды въ Россіи, нежели обнаружить ихъ. Послѣ этого понятна загадочная фраза, произнесенная Львомъ Сапѣгою на сеймѣ 1605 г.: «настоящій царевичъ, сказалъ онъ, нашелъ бы иное средство заявить о себѣ».

Димитрій не только ничѣмъ не нарушилъ своего упорнаго молчанія, но онъ остался вѣрнѣе ему всю жизнь. Его излюбленная тема можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ: чудесное спасеніе отъ козней Годунова и удивительное покровительство Провидѣнія; обо всемъ остальномъ онъ упорно умалчивалъ. Сколько разъ ему представлялся великолѣпный случай громогласно разсказать свое прошлое, но онъ всегда предпочиталъ говорить о событіяхъ своей предъидущей жизни одними намеками. Когда ему пришлось познакомить со своей личностью папу, то онъ предоставилъ нунцію Рангони изложить ему всѣ подробности, самъ же ограничился въ своемъ письмѣ отъ 24 апрѣля 1604 г. одними туманными увѣреніями. Пока на престолѣ восѣдалъ Борисъ Годуновъ, это умолчаніе можно было еще объяснить боязнію преслѣдованія съ его стороны, но послѣ смерти своего соперника, наканунѣ торжества, въ моментъ коронованія, почему было не разъяснить истину во всемъ ея блескѣ? Между тѣмъ Димитрій въ своихъ грамотахъ къ москвитянамъ¹⁾ и въ своихъ рѣчахъ былъ такъ же сдержанъ и скупъ на подробности, какъ прежде; онъ не сдѣлалъ ни разу ни малѣйшаго намека на тѣхъ лицъ, которыя заслужили признательность угличскаго ребенка, и не упомянулъ ни слова о монастыряхъ, въ которыхъ онъ жилъ.

Воевода Мнишекъ былъ такъ же точно сдержанъ, какъ и его зять. Выступая смѣло на защиту прирожденнаго сына Іоанна IV, онъ дѣйствовалъ повидимому больше подъ вліяніемъ слѣпой вѣры, нежели повинуюсь зрѣлому разсужденію. По крайней мѣрѣ, всякій разъ какъ ему приходилась давать объясненія, онъ говорилъ о царственномъ происхожденіи Димитрія въ утвердительномъ смыслѣ, но бездоказательно и уклончиво. Мнишекъ дважды подвергался допросу и долженъ былъ отстаивать Димитрія, такъ какъ его обвиняли и допрашивали по очереди русскіе и поляки. На другой день, послѣ трагическаго происшествія 29-го мая 1606 г. бояре потребовали отъ плѣннаго воеводы, чтобы онъ признался имъ во всемъ.

Какимъ торжествомъ было бы для него пристыдить своихъ слушателей, оправдать блистательнымъ образомъ свое поведеніе, защитить права Марины! Для этого ему стоило только привести несомнѣнное доказательство царскаго происхожденія Димитрія, но онъ этого не сдѣлалъ: онъ сослался на самихъ москвитянъ. Ему говорили: «Докажите, что Димитрій прирожденный сынъ Іоанна IV»; а онъ возражалъ: «Вы сами признали его таковымъ», и слова зампрали у него на устахъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Мнишекъ былъ снова подвергнутъ допросу на этотъ разъ поляками, которые обошлись со своимъ сооте-

¹⁾ Акты Археогр. эксп., т. II, стр. 76, № 26, стр. 89, № 34, стр. 92 № 37 и т. д.

чественникомъ гораздо болѣе безцеремонно, нежели русскіе съ иностранцемъ. Это было въ 1611 г., во время достопамятнаго сейма, на которомъ обсуждался вопросъ о войнѣ съ Москвою.

На одномъ изъ засѣданій, походъ на Москву, совершенный Мнишекомъ, подвергся жестокой критикѣ. Адамъ Стадницкій, каштелянъ калишскій, первый осыпалъ Мнишека язвительными насмѣшками. Вице-канцлеръ Крыскій пришелъ ему на помощь. Они обвиняли сендомірскаго воеводу въ эгоизмѣ, алчности, чуть не въ измѣнѣ отечеству, за то, что онъ покровительствовалъ обманщику и подвергалъ страну опасности. На этомъ собраніи присутствовалъ король и цвѣтъ дворянства. Мнишека осыпали такими оскорбленіями, что онъ не могъ долѣе молчать и вступилъ со Стадницкимъ въ жаркій споръ. Но, когда ему пришлось самому защищаться, то онъ ничего не могъ сказать въ свое оправданіе, а только поставилъ своихъ варшавскихъ собесѣдниковъ въ такое же затруднительное положеніе, какъ и московскихъ бояръ. Совершенное въ Краковѣ бракосочетаніе Марины и посольства, отправленные поляками въ Кремль, свидѣтельствовали, по его словамъ, объ ихъ симпатіи къ Дмитрію. Мнишекъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, какъ орудіемъ противъ своихъ противниковъ, но хотя онъ и поставилъ ихъ въ затруднительное положеніе, однако, ничего не могъ возразить по существу на главное предъявленное ими обвиненіе.

Нынѣ на это событіе пролить нѣкоторый свѣтъ. Мы имѣемъ показанія первыхъ свидѣтелей, которые лучше всего были освѣдомлены и наиболѣе заинтересованы въ успѣхѣхъ предпріятія. Изъ этихъ показаній слѣдуетъ съ полнѣйшей очевидностью, что ни самъ Дмитрій, ни воевода Мнишекъ, ни князь Вишневецкій, не привели сколько-нибудь вѣскихъ доказательствъ въ подтвержденіе того факта, что тотъ, кто выдавалъ себя царемъ въ 1605 г., былъ прирожденный сынъ Іоанна IV. Если они не доказали этого, значить, они не могли этого доказать; если у нихъ не было на это доказательствъ, значить, они не могли ихъ добыть. Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, приходится сказать, что при настоящемъ положеніи исторической науки, царское происхожденіе Дмитрія недостаточно доказано. Напротивъ, все даетъ право думать, что Дмитрій Самборскій не былъ тождественъ съ Дмитріемъ Угличскимъ.

Но, разумѣется, для того, чтобы на это нельзя было ничего возразить, надобно было бы назвать истиннымъ именемъ того, кто выдавалъ себя за царевича Дмитрія. Тутъ-то и встрѣчается затрудненіе. Сколько было потрачено на это чернилъ! Сколько высказано предположеній! Перечислять ихъ было бы скучно и бесполезно. Дмитрія называли

*) Краковъ, Библіотека Ягеллоновъ, № 102, л. 457.

даже незаконнымъ сыномъ короля Стефана Баторія! И въ доказательство этого приводили, какъ родственную черту, его страсть къ охотѣ. Если отнестись къ этому доводу серьезно, то, по правдѣ сказать, было бы не легко доискаться имени его отца, ибо въ то время многіе монархи отличались страстью къ охотѣ. Къ счастью, кромѣ этихъ ни на чемъ не основанныхъ догадокъ существуютъ иныя болѣе убѣдительныя данныя.

Во-первыхъ, является вопросъ, какой національности былъ Димитрій? Былъ ли онъ русскій или полякъ? Даже и въ этомъ отношеніи свидѣтельскія показанія расходятся. Письмо Димитрія къ Клименту VIII отъ 24-го апрѣля 1604 г., хранящееся въ Ватиканскомъ архивѣ, въ Римѣ, изданное въ недавнее время, представляетъ собою, повидному, единственный документъ, на основаніи котораго этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ окончательно. Писанное, съ начала до конца Димитріемъ собственноручно, на польскомъ языкѣ, и препровожденное къ папѣ нунціемъ Рангони, оно помѣчено 24-мъ апрѣля, но писано 18-го апрѣля, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, на другой день послѣ отреченія Димитрія. Чтобы не выдать своей тайны, Димитрій не хотѣлъ присутствовать на обѣднѣ и посвятилъ свой досугъ составленію письма къ папѣ, которое онъ передалъ нунцію 24-го апрѣля, скромно извиняясь въ томъ, что каллиграфія и слогъ письма не вполне удовлетворительны. Рангони присовокупляетъ, со своей стороны, что переводъ польскаго текста на латинскій языкъ сдѣланъ отцомъ Савицкимъ, который занялся этимъ дѣломъ, по приказанію нунція ¹⁾). Эти слова показываютъ, что въ дѣлѣ принималъ участіе полякъ, а это объясняетъ, въ свою очередь, нѣкоторыя несообразности въ письмѣ Димитрія. Оно было изучено фраза за фразой, буква за буквой, и сличено съ русскими и польскими грамматами той эпохи; это изслѣдованіе, въ связи съ самыми точными филологическими изысканіями, привело къ слѣдующему заключенію: письмо писано не однимъ человѣкомъ; составитель письма и переписчикъ были двѣ разныя личности; изъ нихъ первый былъ полякъ, а второй—русскій.

Въ самомъ дѣлѣ, составитель письма владѣлъ въ совершенствѣ польскимъ языкомъ и былъ знакомъ со всѣми его тонкостями. Слова такъ и лились изъ-подъ пера, выражая его мысль; онъ понималъ самыя тонкіе ихъ оттѣнки, не сказалъ ни слова необдуманно, всѣ тонкости языка соблюдены имъ въ совершенствѣ, безупречность его рѣчи не оставляетъ желать ничего лучшаго. Слогъ письма цвѣтистый, преувеличенное желаніе быть какъ-нельзя болѣе точнымъ выразилось въ оби-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 91, в., л. 107.—Rome et Démétrius, стр. 186, № 12.

ли синонимовъ и эпитетовъ, хотя между прочимъ замѣтно желаніе построить фразы нѣсколько искусственно и стремленіе округлить періоды, хотя бы въ ущербъ ясности. Что касается синтаксиса, то въ письмѣ не встрѣчается ни одного неправильнаго или неупотребительнаго оборота рѣчи; нѣкоторые своеобразные обороты, свойственные польскому языку, свидѣтельствуютъ о глубокомъ, теоретическомъ и практическомъ знакомствѣ съ построеніемъ рѣчи. Можно сказать, что составитель письма былъ такой тонкій знатокъ грамматики, и такъ умѣлъ разнообразить выраженія, дотога заботился о правильной орфографіи, что онъ вполне проникнулъ духъ польскаго языка. Вообще, съ точки зрѣнія лингвистики, письмо Дмитрія есть безспорно произведеніе чловека ученаго и болѣе того—ученаго поляка.

Если же мы обратимъ вниманіе на внѣшнюю сторону письма, то получится совершенно иное впечатлѣніе. Тотъ, кто, вооружившись перомъ, старался тщательно выводить буквы и при всемъ томъ писалъ не твердымъ почеркомъ, исправлялъ и подводилъ написанное, не могъ быть чловекомъ привыкшимъ писать по-польски. Несмотря на то, что онъ, видимо, старался изо всѣхъ силъ, ему не удалось справиться со всѣми трудностями правописанія, и онъ невольно дѣлалъ самыя элементарныя ошибки, которыя выдаютъ его иноземное происхожденіе. Его рука выводила инныя привычныя ей буквы, она инстинктивно повиновалась слуху, привыкшему къ иному произношенію. И оказывается, что привычныя для переписчика буквы были русскія буквы, его фонетика—московская фонетика. Эта особенность то и дѣло встрѣчается въ письмѣ, повторяясь съ систематической точностью. Поневоля приходится сказать, что это не могло быть дѣломъ случая, а только слѣдствіемъ укоренившейся привычки. Переписчикъ невольно изобличаетъ свою національность.

Филологическій выводъ подтверждается историческою справкой. Отецъ Савицкій, слѣдившій, по словамъ Рангони, за работой Дмитрія, прекрасно зналъ польскій языкъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ слава краснорѣчиваго проповѣдника, какою онъ пользовался въ Краковѣ, и написанныя имъ духовныя сочиненія. Очевидно, онъ взялъ на себя трудъ редактировать письмо Дмитрія. Что касается графическаго его изображенія, то оно было сдѣлано Дмитріемъ, ибо, по свидѣтельству того же Рангони, письмо написано и подписано имъ самимъ, а такъ какъ оно, очевидно, начертано русскимъ, то изъ этого можно заключить, что авторъ письма былъ русскій.

Въ жизни Дмитрія несомнѣнно еще одно обстоятельство: это его связь съ монастырскимъ міромъ и ясное представленіе, которое онъ имѣлъ о могуществѣ патріаршей власти. 24-го апрѣля 1604 года онъ признался добровольно Клименту VIII, что онъ жилъ долгое время

въ монастыряхъ. Все, что онъ говорилъ въ Путивлѣ о монахахъ, объ ихъ образѣ жизни, о необходимости преобразовать ихъ бытъ, изобличаетъ бывшаго обитателя монастыря; чтобы знать такъ хорошо монашескую среду, нужно было самому пожить въ ней. Строгий судья и критикъ монастырской жизни, Дмитрій всегда былъ защитникомъ патріаршей власти. Странно, что никто не говорилъ съ нимъ о необходимости уничтожить патріаршій санъ, такъ какъ единеніе церквей этого не требовало, и что онъ самъ завелъ съ краковскимъ нунціемъ рѣчь о своемъ желаніи сохранить патріаршій престолъ. При этомъ невольно напрашиваются нѣкоторыя сопоставленія: при Борисѣ Годуновѣ игралъ большую роль Іовъ. Дмитрій послѣдилъ обзавестись преданнымъ ему Игнатіемъ и воспользоваться его угодливостью и уступчивостью. Всѣ эти факты тѣсно связаны одинъ съ другимъ; Дмитрій заблаговременно настаивалъ на необходимости сохранить патріаршій престолъ, вѣроятно, потому, что онъ зналъ, какія услуги можетъ оказать царю патріархъ.

Приведенныя соображенія дадутъ намъ, быть можетъ, возможность напасть на слѣдъ того человѣка, имя котораго представляетъ для насъ загадку. Въ январѣ мѣсяцѣ 1605 г., подъ вліяніемъ страха, возбужденнаго претендентомъ, патріарху Іову было поручено произвести официальное слѣдствіе, и видимо онъ убѣдился въ томъ, что мнимый царевичъ былъ никто иной, какъ Гришка Отрепьевъ¹⁾. Явились и свидѣтели, рассказавшіе всю исторію этой таинственной личности. Исторія эта весьма поучительна. Бывшій слуга Романовыхъ, онъ постригся въ монахи, чтобы избѣгнуть смертной казни, и, бродя изъ монастыря въ монастырь, поселился, наконецъ, въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ, былъ посвященъ въ діаконы и исполнялъ при патріархѣ должность переписчика. Сдѣлавшись вторично жертвою своихъ дурныхъ наклонностей, обвиненный въ самыхъ ужасныхъ злодѣяніяхъ, за которыя онъ могъ подвергнуться наказанію, онъ бѣжалъ въ Польшу вмѣстѣ съ Варлаамомъ Ятскимъ и Мисаиломъ Повадинымъ, двумя монахами того же Чудова монастыря. Бѣглецовъ видѣли въ Кіевѣ; они посѣтили князя Острожскаго; наконецъ, въ Брагинѣ Гришка Отрепьевъ объявилъ себя царевичемъ Дмитріемъ.

Свѣдѣнія, добытыя слѣдствіемъ, были доложены Борису Годунову, и онъ принялъ соотвѣтственно этому извѣстныя мѣры. Онъ дѣйствовалъ либо на удачу, либо руководствовался твердымъ убѣжденіемъ. По мнѣнію Костомарова, имя Гришки Отрепьева было брошено народу совершенно случайно. Для того, чтобы уличить и нимаго царевича въ обманѣ, лучше всего было отождествить его съ какою-либо другою

¹⁾ Акты Археогр. Комиссіи, т. II, стр. 78, № 28. — Генеалогія Гришки Отрепьева была издана неоднократно съ значительными вариантами.

личностью: обезумѣвшій Кремль истерзалъ бы любого монаха-бродягу. Въ доказательство того, что Годуновъ не зналъ на что рѣшиться, приводится посольство Смирного-Отрепьева. Борисъ,—говорить Костомаровъ,—не посмѣлъ выдать своего посланнаго за дядю Гришки, коимъ онъ былъ въ дѣйствительности; Смирному было поручено только изслѣдовать почву.

Доводы г. Костомарова далеко не убѣдительны, такъ какъ и русскія лѣтописи п депеши Рангони свидѣтельствуютъ единогласно, что Смирной громко заявлялъ о своемъ родствѣ съ Гришкой. Дядя не только не боялся очной ставки съ племянникомъ, напротивъ, онъ требовалъ ея во что бы то ни стало; она не состоялась только вслѣдствіе рѣшительнаго отказа, со стороны поляковъ, дать эту очную ставку. За то поступки претендента въ этомъ случаѣ, какъ мы видѣли, были гораздо подозрительнѣе, нежели дѣйствія Бориса Годунова. Онъ зналъ, что его выдавали за Гришку Отрепьева, зналъ, что Смирной подкарауливалъ его въ Краковѣ; ему было необходимо опровергнуть показаніе посла, что онъ и сдѣлалъ, но въ весьма сомнительныхъ выраженіяхъ, ограничившись заявленіемъ, что Смирной не былъ дядею «царевича». Впрочемъ, и Борисъ Годуновъ выказывалъ подчасъ нѣкоторое колебаніе. Хотя онъ никогда не пытался назвать претендента какимъ-либо другимъ именемъ, кромѣ Гришки,—что особенно достойно вниманія,—но на него находили минуты сомнѣнія и колебанія, и онъ задавалъ себѣ вопросъ: «Да умеръ ли, въ самомъ дѣлѣ, настоящій Димитрій»? Онъ доказывалъ также императору Рудольфу, что по каноническому уставу претендентъ не имѣлъ бы никакого права на престолъ, хотя бы онъ и былъ дѣйствительно сыномъ Іоанна IV; между тѣмъ Смирной обѣщала изъяснить претенденту покорность и оказать ему всевозможную поддержку, если будетъ доказано, что онъ царскій сынъ. Слѣдовательно, всѣ сомнѣнія Годунова касались только вопроса: кто былъ таинственный претендентъ, Гришка или Димитрій? При томъ онъ высказывалъ свои сомнѣнія лишь изрѣдка иностранцамъ, когда приходилось замолвить слово въ свою защиту, и никогда не формулировалъ ихъ опредѣленно, а высказывалъ только, какъ самое странное и невѣроятное предположеніе.

Не останавливаясь на этихъ догадкахъ, можно сказать, что всѣ русскіе источники утверждаютъ, единогласно, что Димитрій былъ никто иной, какъ разстрига Гришка Отрепьевъ¹⁾. Это предположеніе, высказанное впервые при Борисѣ Годуновѣ, повторяется и въ наше время людьми

¹⁾ Большинство древнихъ русскихъ источниковъ изданы Платоновымъ; они составляютъ XIII т. Русск. Ист. Библ. — Тотъ же авторъ даетъ превосходный комментарий къ нимъ въ Древн. Сказ.

самыхъ противоположныхъ взглядовъ. Въ числѣ источниковъ, высказывающихъ это предположеніе, заслуживаетъ особаго вниманія, такъ называемый, Извѣтъ Варлаама, относящійся къ эпохѣ Шуйскаго. Костомаровъ дважды подвергалъ его критическому разбору, исправивъ второй разъ нѣкоторыя ошибки, сдѣланныя имъ при первоначальномъ изученіи этого источника, но у него не было почвы для сравненія.

Во-первыхъ, кто такой былъ Варлаамъ? Варлаамъ былъ монахъ, какого именно монастыря неизвѣстно, большой любитель странствованій. Онъ сопровождалъ Гришку Отрепьева вмѣстѣ съ Мисаиломъ Поваднымъ, когда тотъ отправлялся въ Польшу. По словамъ патріарха Іова, которыя подтверждаются и Варлаамомъ они выѣхали втроемъ, и послѣ Кіева ихъ первая остановка была въ Острогѣ у князя Константина.

Совмѣстное путешествіе Гришки, Варлаама и Мисаила и ихъ пребываніе въ Острогѣ—факты, не подлежащіе сомнѣнію.

Въ Загоровскомъ монастырѣ на Волыни сохранилось доказательство этого, пощаженное временемъ. Въ этомъ монастырѣ хранится славянскій переводъ твореній святаго Василія, архіепископа Кесарійскаго, напечатанный въ Острогѣ въ 1594 г., украшенный гербомъ князя Константина и снабженный слѣдующей предательской надписью: «Въ лѣто отъ сотворенія міра 7110 г. 31-го дня мѣсяца августа, сія книга Василія Великаго подарена намъ, Григорію (царевичу московскому) съ братьями Варлаамомъ и Мисаиломъ, Константиномъ Константиновичемъ, во святомъ крещеніи названномъ Василіемъ, милостію Божіей, святлѣйшимъ княземъ Острожскимъ, воеводою Кіевскимъ». Слова «царевичъ московскій» прибавлены позднѣе и написаны другою рукою; несмотря на это, надпись, сдѣланная на книгѣ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что Варлаамъ дѣйствительно путешествовалъ съ Гришкой и Мисаиломъ и что въ августѣ мѣсяцѣ 1602 г. они были у князя Острожскаго.

Сравненіе «Извѣта» Варлаама съ донесеніемъ Вишневецкаго приводитъ къ еще болѣе любопытнымъ выводамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что царь Дмитрій и человекъ, который объявлялъ себя царевичемъ въ Брагмѣ, а ранѣе того жилъ въ Гощѣ и Острогѣ, были однимъ и тѣмъ же лицомъ. Вишневецкій, ссылаясь на показаніе самого Дмитрія, называетъ именно эти три пункта, въ которыхъ онъ останавливался. Но также повидимому несомнѣнно, что человекъ, бывшій въ Брагмѣ, Гощѣ и Острогѣ, былъ никто иной, какъ Гришка Отрепьевъ. Извѣтъ говорить объ этомъ самымъ положительнымъ образомъ. Эти три пункта, въ которыхъ, по указанію Варлаама, путники останавливались, что признаетъ и Дмитрій, имѣютъ, по нашему мнѣнію, огромное значеніе. Они устанавливають связь между исторіей Дмитрія и исторіей Гришки Отрепьева, заполняя пробѣлъ, который чувствуется въ этой таинственной Одиссеѣ, и даютъ намъ возможность отождествить царя съ разстри-

гою монахомъ. Это—нить, связующая оба разсказа, такъ какъ въ этомъ они вполнѣ совпадаютъ. На это обстоятельство до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія потому, что до сихъ поръ не удавалось въ точности установить дату, когда именно было написано, донесеніе Вишневецкаго. Чтобы вполнѣ оцѣнить, насколько важно это совпаденіе, надобно припомнить, что эти два показанія исходятъ изъ двухъ совершенно противоположныхъ источниковъ: Варлаамъ считаетъ Дмитрія Гришкою, Дмитрій выдаетъ себя за истиннаго царевича, и оба они, сами того не зная, отождествляютъ загадочную личность претендента съ путешественникомъ, побывавшимъ въ извѣстное время въ указанныхъ трехъ пунктахъ. Очевидно, въ то время какъ Варлаамъ писалъ свой Извѣтъ, т. е. въ 1606 г., онъ не думалъ, что его показаніе подтвердится разсказомъ, изложеннымъ самимъ Дмитріемъ въ 1603 г., о которомъ, какъ по всему видно, Варлааму не было извѣстно. Вся сущность нашего доказательства заключается въ этомъ совпаденіи двухъ показаній.

Значеніе Извѣта увеличивается однимъ обстоятельствомъ, которое придаетъ ему значеніе самостоятельнаго свидѣтельства; Костомаровъ упустилъ это обстоятельство изъ вида.

Варлаамъ говоритъ, что онъ предупреждалъ короля о дѣйствіяхъ мнимаго царевича и что онъ былъ посланъ въ Самборъ съ вѣскимъ Яковомъ Пыхачевымъ. Дмитрій выдалъ ихъ за убійць, подкупленныхъ Борисомъ, и Яковъ былъ убитъ; что касается самого Варлаама, то онъ былъ, по его словамъ, закованъ въ кандалы и освобожденъ Мариною уже послѣ отъѣзда Дмитрія. Какъ ни теменъ и сбивчивъ этотъ разсказъ, но главный фактъ, упоминаемый имъ, подтверждается самимъ Мнишекомъ. 18-го сентября 1604 г. онъ писалъ Рангони изъ Скалаты въ Подоліи, что Борисъ послалъ по стопамъ Дмитрія убійць, что одинъ москвитянинъ обнаружилъ заговоръ и былъ казненъ въ Самборѣ¹⁾. Мнишекъ выражается не совсѣмъ точно, такъ какъ не доносчикъ былъ казненъ, но онъ ясно говоритъ, что былъ казненъ одинъ изъ москвитянь. Слѣдующее обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія: русскимъ лѣтописцамъ не было извѣстно о казни этого человѣка; поляки, за исключеніемъ Мнишека, также не упоминаютъ объ этомъ, и если этотъ фактъ былъ извѣстенъ Варлааму, значить, въ его распоряженіи были источники недоступныя другимъ лицамъ.

Но можно быть хорошо освѣдомленнымъ и въ то же время быть пристрастнымъ. Искренность Варлаама можетъ быть заподозрѣна вслѣдствіе его заднихъ мыслей, его хитрыхъ поступковъ и его преклоненія передъ преобладающей властью. Поэтому мы упомянули только факты, ко-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, в. л. 232.—Rome et Démetrius, стр. 201 № 1.

торые могутъ быть провѣрены и кромѣ свидѣтельства этого сторонника Шуйскихъ приведемъ еще слова представителя другой партіи. Князь Катыревъ-Ростовскій былъ въ родствѣ съ Романовыми и раздѣлялъ ихъ политическіе взгляды. Его положеніе въ Кремлѣ было блестящее. Имъ была подписана грамота объ избраніи на царство Бориса Годунова, онъ присутствовалъ при бракосочетаніи Димитрія съ Мариною въ 1606 г., а два года спустя при бракѣ Василя Шуйскаго съ его родственницею. Эти новыя узы родства не повліяли на его образъ мыслей. Онъ потерялъ свое мѣсто и перенесъ не мало испытаній за стойкость своихъ убѣжденій; какъ зять царя Михаила Феодоровича, онъ возвратился въ Москву только въ 1613 г. Оставленные имъ записки имѣютъ первостепенную важность. Онѣ отличаются серьезнымъ и трезвымъ взглядомъ, сдержаннымъ тономъ и стремленіемъ ихъ автора стать выше партій. Это слово умнаго, достойнаго уваженія современника, который могъ знать все, что происходило за кулисами, и котораго нѣтъ причины обвинять въ недобросовѣстности или во лжи. Одинъ только разъ онъ изливаетъ свои чувства въ желчной и восторженной рѣчи, проклиная Димитрія. Въ его глазахъ претендентъ былъ никто иной, какъ Гринка Отрепьевъ, монахъ-разстрига изъ Чудова монастыря, и его слова служатъ отголоскомъ возбужденнаго разстригою всеобщаго негодованія ¹⁾).

Замѣчанія, сдѣланныя нами по поводу сказаній русскихъ лѣтописцевъ, показываютъ, что какъ бы ни были различны ихъ политическіе взгляды и симпатіи и изъ какихъ бы источниковъ они ни черпали свои свѣдѣнія, всѣ они говорятъ одно и то же. О личности претендента, дѣйствительно, сторонники Шуйскихъ и Романовыхъ повторяли въ одинъ голосъ, хотя съ разными вариантами, то, что Борисъ Годуновъ первый провозгласилъ устами патріарха Іова. А между тѣмъ у Годуновыхъ, Шуйскихъ и Романовыхъ не было общихъ интересовъ, между ними никогда не существовало единомыслія и если они высказывали единогласно одно и то же мнѣніе, разумѣется, это дѣлалось не по взаимному согласію.

Въ жизни Димитрія встрѣчаются такія черты, которыя служатъ къ иллюстраціи этихъ сказаній. Припомнимъ, что еще до вступленія въ столицу онъ прибѣгнулъ къ мѣрѣ исключительной важности и далеко не соответствовавшей его обычному образу дѣйствій: онъ отправилъ въ ссылку патріарха Іова. Димитрію было необходимо жить въ согласіи съ духовенствомъ, для него было важно заслужить одобреніе православнаго народа и если онъ рѣшился совершить этотъ поступокъ, который не могъ не вызвать осужденіе народа, то, разумѣется, имѣлъ на это серьезныя и вѣскія причины. Очевидно, онъ хотѣлъ избѣгнуть свиданія съ

¹⁾ Русск. Ист. Библ., т. XIII, собр. 549 и сл. Платоновъ, Древн. Сказ., стр. 203.—Того же мнѣнія держится Димитрій Пожарскій, Schreiben, стр. 3.

патріархомъ; невольно является вопросъ, не боялся ли онъ быть признаннымъ имъ. Чудовъ монастырь также испыталъ на себѣ гнѣвъ царя; но тутъ источники расходятся, одни говорятъ, что монахи были разсѣяны, другіе утверждаютъ, будто они подверглись суровымъ наказаніямъ. Архіепископъ Арсеній, человѣкъ весьма добросовѣстный, передаетъ, что два архимандрита были сосланы вмѣстѣ съ патріархомъ Іовомъ и одинъ изъ нихъ былъ изъ Чудова монастыря. Въ настоящее время нѣтъ возможности провѣрить эти подробности и вывести изъ нихъ опредѣленнаго заключенія, но общее впечатлѣніе получается такого рода, что Димитрій опасался этого монастыря и не желалъ видѣть своего бывшаго архимандрита ¹⁾).

До насъ дошли также отзывы нѣкоторыхъ членовъ семейства Отрепьевыхъ; ихъ запоздалое показаніе нисколько не умаляетъ значенія ихъ словъ. Имя Гришки Отрепьева было опозорено, церковь каждый годъ проклинала похитителя престола, народъ считалъ его отступникомъ отъ вѣры, еретикомъ и самымъ заклятымъ врагомъ Московіи. Болѣе полувѣка прошло со времени трагическаго событія 1606 г., а семейство Отрепьевыхъ все еще подвергалось всевозможнымъ оскорбленіямъ: ему ставили въ упрекъ, что оно произвело на свѣтъ чудовище. Эти позорныя воспоминанія были для Отрепьевыхъ тѣмъ болѣе невыносимы, что ихъ родъ гордился своей преданностью законнымъ царямъ и заслужилъ признаніе отечества, сражаясь на полѣ брани. Чтобы избѣгнуть этихъ оскорбленій, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ было измѣнить поименные списки. Отрепьевы припомнили весьма кстати, что у нихъ была прежде еще другая фамилія, и просили царя Алексѣя Михайловича въ 1671 г. позволеніе принять ее. Въ ихъ просьбѣ чувствуется то угнетенное и мрачное настроеніе духа, какое они испытывали подъ вліяніемъ нанесенныхъ имъ оскорбленій, но хотя они старались оградиться отъ нихъ, однако имъ не пришлось даже въ голову стрѣчься отъ родства съ Гришкой, превратившимся въ Димитрія. Это былъ фактъ всеѣмъ извѣстный, вполне доказанный; они принимали его безъ спора, но не желали имѣть ничего общаго съ претендентомъ и гордились тѣми преслѣдованіями, которыя они терпѣли изъ-за него. Они признаютъ, что Смирной былъ посланъ въ Краковъ для очной ставки со своимъ племянникомъ, что нѣкоторые члены ихъ семьи всенародно изобличили такъ называемаго царя, что они были за это наказаны, что ихъ преслѣдовали и сослали въ Сибирь, откуда они были возвращены только при Василіи Шуйскомъ. Просьба Отрепьевыхъ была уважена: царь

¹⁾ Поповъ, Изборникъ, стр. 212.—Русск. Ист. Библ., т. XIII, собр. 652.—Димитріевскій, стр. 100.—Надобно впрочемъ замѣнить, что въ Чудовомъ монастырѣ, повидимому, былъ въ то время другой архимандритъ.

Алексѣй Михайловичъ разрѣшилъ имъ носить впредь прежнюю фамилію Нелидовыхъ. Время и забвеніе довершили остальное ¹⁾).

До сихъ поръ мы приводили отзывы москвитянъ. Послушаемъ теперь, что говорятъ поляки. Король Сигизмундъ заявилъ, какъ припомнимъ, что Димитрій не былъ сыномъ Іоанна IV; Льву Сапѣгѣ должно было быть извѣстно, кѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Литовскій канцлеръ могъ имѣть самыя вѣрныя свѣдѣнія. Тайная полиція была къ его услугамъ, дипломатія не имѣла тайнъ для него, Смирной и Огаревъ говорили ему о возложенномъ на нихъ порученіи. Правда, Сапѣга игралъ двуличную роль: во время сейма, въ 1605 г., онъ былъ въ рядахъ оппозиціи, а во время бракосочетанія Марины осыпалъ Димитрія громкими похвалами.

Позднѣе, послѣ появленія Димитрія II, во время войны съ Москвою, онъ возвратился къ тому же предмету и открылъ истинный смыслъ загадочной рѣчи, произнесенной имъ на сеймѣ. Къ этому предмету относятся три поданныя имъ записки ²⁾. Особенно замѣчательна одна изъ нихъ; это собственноручная его записка къ королю, въ которой подробно разсказана исторія Димитрія. Быть можетъ, покажется страннымъ, что Сапѣга говоритъ въ этой запискѣ то же, что и москвитяне; все сказанное имъ до такой степени согласно съ ихъ разсказомъ, что можно подумать, будто мы читаемъ только повтореніе чужихъ словъ. Но даже если бы это и было такъ, то надобно допустить, что Сапѣга провѣрилъ то, что онъ сообщалъ; дѣйствительно, это и замѣтно изъ его записки. Такъ напр. отождествляя Димитрія съ Гришкою Отрепьевымъ, сыномъ Богдана, поступившимъ въ монастырь противъ воли, а не по призванію и состоявшимъ два года при патріархѣ Іовѣ въ качествѣ діакона, Сапѣга присовокупляетъ, что онъ былъ сынъ боярскій, а не низкаго происхожденія, какъ многіе хотѣли доказать. Хотя Сапѣга и не упоминаетъ о донесеніи Вышневецкаго, но несомнѣнно онъ характеризуетъ именно это донесеніе, говоря, что исторія, разсказанная Димитріемъ для того, чтобы доказать законность своихъ правъ на престолъ, есть «грубая ложь». Сапѣга говоритъ, что Димитрій былъ обязанъ своимъ вліяніемъ главнымъ образомъ москвитянамъ, которые привѣтствовали въ лицѣ его сына Іоанна IV, движимые въ этомъ случаѣ либо ненавистью къ Борису Годунову, либо слѣпой преданностью къ бывшей династіи. Лживость его показаній доказывается слѣдующими фактами: еще до вступленія мнимаго царя въ столицу, вѣроятно въ Туль, нѣкоторые москвитяне признали въ немъ бывшаго монаха и діакона Гришку Отрепьева, а когда онъ уже возсѣдалъ на престолѣ, то попы и нѣкоторые свѣтскія лица

¹⁾ Щепкинъ, кратк. изв., стр. 9.

²⁾ Московскій главный архивъ, Метрика в. кн. Лит., 1554—1615, связка I.

громко заявляли о его самозванствѣ. Въ числѣ этихъ доносчиковъ былъ и его собственный дядя. Димитрій мстилъ и защищался, подписывая смертные приговоры и осуждая людей на изгнаніе. Онъ тщетно старался соблазнить своего дядю обѣщаніями; а когда это ему не удалось, то онъ сослалъ его въ дальнія мѣста, чтобы о немъ не осталось и слѣда. Сапѣга считалъ приведенныя доказательства вполне убѣдительными и старался убѣдить ими короля.

Его панегиристъ, іезуитъ Янъ Рывоцкій ставитъ Сапѣгѣ въ заслугу то обстоятельство, что онъ всегда относился къ Димитрію враждебно, препятствовалъ выполнению его замысловъ и совѣтовалъ не помогать ему ¹⁾. Кстати сказать, историкъ іезуитскаго ордена, въ Литвѣ, отецъ Ростовскій также считалъ Димитрія Гришкой Отрепьевымъ ²⁾

Что можно возразить на столь согласные отзывы поляковъ и москвитянъ? Одно изъ самыхъ серьезныхъ возраженій можетъ быть почерпнуто изъ писемъ двухъ полковыхъ священниковъ, отца Николая и Андрея. 8-го марта 1605 г. они сообщали изъ Путивля своему провинціалу, Децію Стривери, слѣдующую новость. «Привезли также Гришку Отрепьева, — писали они, — опаснаго колдуна, извѣстнаго во всей Москвѣ, котораго Годуновъ выдаетъ за принца, прибывшаго изъ Польши вмѣстѣ съ ляхами и старающагося овладѣть московскимъ престоломъ»; москвитяне понимали, что Гришка Отрепьевъ и Димитрій Ивановичъ были люди совершенно различныя. — Священники передаютъ этотъ фактъ съ полною увѣренностью; по ихъ тону видно, что они отнюдь въ этомъ не сомнѣвались: они, вѣроятно, сами видѣли этого Гришку Отрепьева. Маржеретъ также упоминаетъ о какомъ-то Гришкѣ Отрепьевѣ, отличномъ отъ Димитрія, который будто бы былъ сосланъ въ Ярославль и о которомъ впоследствии совсѣмъ позабыли. На первый взглядъ, это возраженіе чрезвычайно важно, но лѣтописцы объясняютъ его вполне естественно: Димитрій выдалъ, повидимому, какого-то человѣка за Гришку Отрепьева. Такимъ образомъ священники и Маржеретъ могли быть введены въ заблужденіе ³⁾. Впрочемъ, надобно сказать, что это возраженіе недостаточно вѣское, такъ какъ лѣтописцы не согласны между собою относительно личности, оказавшей Димитрію услугу. Тутъ есть какое-то темное, недосказанное обстоятельство, которое нѣтъ пока возможности разъяснить, точно такъ же, какъ и нѣкоторыя другіе мелкіе факты.

¹⁾ С.-Петербургская публичная библ., Лат., О., IV, 16, л. 39.—Рукопись Рывоцкаго была напечатана, но она представляетъ большую рѣдкость.

²⁾ Ростовскій, стр. 207.

³⁾ Rome et Démétrius, стр. 203, № 3.—Маржеретъ, стр. 156.—Русск. ист. библ., т. XIII, собр. 48, 156.

Допустивъ, что тождественность Дмитрія и Гришки Отрепьева будетъ вполне доказана, является вопросъ, какимъ образомъ монахъ, выгнанный патріархомъ, могъ увлечь за собой всю Россію и возложитъ на свою голову царскій вѣнецъ.

Мы уже указывали въ своемъ мѣстѣ на причины общаго характера, которыми этотъ фактъ можетъ быть объясненъ: самозванство было продуктомъ соціальной анархіи. Гораздо труднѣе прослѣдить, кто именно воспользовался Дмитріемъ какъ орудіемъ, и кто скрывался за нимъ. Появленіе Дмитрія было безъ сомнѣнія дѣломъ обширной и умѣло веденной интриги, но главные ея руководители такъ ловко скрывали свои происки, что по этому поводу могутъ быть сдѣланы только одни предположенія.

Собственныя слова претендента могутъ также служить источникомъ свѣдѣній о немъ, который до сихъ поръ не былъ вполне использованъ, хотя это источникъ не особенно обильный, но преимущество его состоитъ въ томъ, что онъ подлинный и достовѣрный. Хотя Дмитрій былъ рѣчистъ, но онъ умѣлъ владѣть собою. Онъ ни разу не выдалъ себя и былъ откровененъ до известной степени только съ нунціемъ Рангони. Это происходило въ Краковѣ въ 1604 году. Насталъ часъ дѣйствовать, а между тѣмъ король Сигизмундъ не спѣшилъ взяться за дѣло Дмитрія и даже не спѣшилъ заявить, что онъ не препятствуетъ ему дѣйствовать. Послѣдній горѣлъ нетерпѣніемъ и, чтобы убѣдить Рангони въ пагубныхъ послѣдствіяхъ, какія могло имѣть промедленіе, онъ открылъ ему свое критическое положеніе. У него была въ Москвѣ партія, сказалъ онъ, которая настаивала на томъ, чтобы онъ появился въ Россіи; промедливъ, Дмитрій подвергся двойной опасности: его приверженцы могли охладѣть къ его дѣлу и потерять энергію или же заговоръ могъ быть открытъ правительствомъ, что повлекло бы за собою неизбежное возмездіе. Было еще одно, довольно странное обстоятельство, тревожившее претендента, это возможное исчезновеніе Бориса Годунова.—«Если онъ умретъ,—говорилъ Дмитрій,—въ то время, когда я буду еще въ Польшѣ, то другой можетъ быть посаженъ на мое мѣсто».

Слѣдовательно, ему надобно было спѣшить предупредить быстрыми дѣйствіями непредвидѣнныя событія и появленіе соперниковъ. Ускоритъ рѣшеніе дѣла значило обезпечить его успѣхъ: Дмитрій мечталъ идти прямо на Москву, вступить въ Кремль и принять корону и скипетръ своихъ предковъ. Возсѣсть на престолъ было его мечтою, или навязчивой идеей, не дававшей ему покоя. Онъ говорилъ объ этомъ съ удивительной самоувѣренностью, какъ о чемъ-то условленномъ и обдуманномъ, предусматривая всѣ подробности и принимая соответственныя мѣры. Единственною его заботою было подать сигналъ, водрузить свое

знамя на границѣ; остальное должно было сдѣлаться само собою. Онъ ожидалъ легкаго и несомнѣннаго торжества.

Рангоны передавалъ въ своихъ депешахъ слышанное въ откровенной бесѣдѣ отъ Дмитрія, не провѣряя сказаннаго и не имѣя впрочемъ къ тому возможности, но, разумѣется, онъ не рѣшился прибавить ничего отъ себя и вложить въ уста Дмитрія слова, которыхъ тотъ не говорилъ; сравнивая же все сказанное Дмитріемъ съ послѣдующими событіями, невольно приходится заподозрить существованіе заранѣе обдуманнаго плана, скорѣе московскаго, нежели польскаго происхожденія, въ выполненіи котораго принимали гораздо болѣе дѣятельное участіе русскіе, нежели поляки.

Странная исторія, рассказанная Вишневецкому производить съ первыхъ же словъ впечатлѣніе урока, преподаваемаго въ Москвѣ, но плохо заученнаго и плохо отвѣченнаго. Отсюда простекаетъ эта удивительная смѣсь истиннаго и ложнаго, фактовъ общеизвѣстныхъ и грубыхъ ошибокъ. Тотъ, кто внушилъ Дмитрію этотъ рассказъ, прекрасно зналъ, что именно онъ хотѣлъ сказать и о чемъ ему надобно было умолчать. Такъ, напр., въ рассказѣ умалчивается о слѣдствіи, произведенномъ въ Угличѣ. О чинахъ слѣдственной комиссіи говорится, что они были посланы на погребеніе царевича и тогда какъ Геласій и Клепшинъ названы по-именно, о Василии Шуйскомъ, который игралъ въ этомъ дѣлѣ главную роль, не упоминается вовсе. Случилось ли это нечаянно, или, быть можетъ, рассказчикъ старался скрыть имя того, кто затѣялъ эту интригу?

Мысль наwerbenъ казаковъ и татаръ и идти съ ними на Москву, высказанная Дмитріемъ первоначально, была въ высшей степени проста; ея безыскусственность изобличаетъ ея туземное происхожденіе. Онъ не говорилъ вначалѣ ни о полякахъ, ни объ объединеніи церквей: это была идея чисто политическая или, если хотите, династическая. Король Сигизмундъ и канцлеръ Замойскій, не зная ея подкладки, назвали эту мысль нелѣпой, призрачной. Но поляки, друзья Дмитрія, развили его первоначальный планъ: это превращеніе бросается въ глаза; въ новомъ планѣ ясно видна примѣсь западнаго элемента, ибо вначалѣ не было даже намека на обращеніе русскихъ въ католическую вѣру или на крестовый походъ противъ турокъ. Но когда дѣло дошло до осуществленія плановъ Дмитрія, то поляки, по странной игрѣ случая, отошли на задній планъ, подсказанныя ими мысли были сочтены утопией, тогда какъ тѣ планы, которые считались тогда безуміемъ, воплотились, благодаря русскимъ, въ нѣчто реальное, дѣйствительное. Въ добавокъ все произошло именно такъ, какъ предвидѣлъ Дмитрій; его туманные намеки сбылись подобно предсказанію оракула. При одномъ извѣстіи о его появленіи, народъ двинулся ему на встрѣчу; исчезла всякая тѣнь сопротивленія;

исчезъ Борисъ Годуновъ, дорога въ Москву была открыта, коронаваніе совершилось въ Кремлѣ. Развѣ столь поразительный успѣхъ, предсказанный заранѣе и достигнутый безъ особеннаго труда, не заставляетъ предполагать, что у Дмитрія были въ Россіи многочисленные соумышленники?

Но если москвитяне внушили Дмитрію извѣстныя мысли и дали ему возможность дѣйствовать, то и онъ вложилъ въ это дѣло не мало своего собственнаго; взявшись за это опасное предпріятіе, этотъ искатель приключеній истощилъ на него весь свой геній. Онъ не походилъ на прочихъ молодыхъ людей; умъ его былъ своеобразный; въ его головѣ уживались самыя странныя противорѣчія, которыя онъ не старался даже примирить, это былъ человѣкъ двуличный, но талантливый, богато одаренный отъ природы, съ блестящими, хотя поверхностными способностями; его главное качество, переходившее нерѣдко въ порокъ, заключалось, повидимому, въ умѣнны приспособляться къ обстоятельствамъ, соединенному съ большою хитростью. Въ самомъ дѣлѣ, мы не видѣли, чтобы онъ заронилъ въ народъ какія-либо плодотворныя сѣмена и чтобы у него самого былъ какой-нибудь обширный планъ, какой-нибудь идеаль, коимъ онъ страстно увлекался. Его мечты объ императорскомъ достоинствѣ, о крестовомъ походѣ противъ турокъ, о военной гегемоніи были вызваны отчасти его слишкомъ возбужденной фантазіей, отчасти были продуктомъ кремлевскихъ традицій и внушеніемъ окружающихъ.

Излюбленный проектъ Дмитрія, о которомъ онъ постоянно говорилъ и который онъ пытался осуществить, распространеніе знаній и сооруженіе школъ, не представляетъ собою ничего оригинальнаго и необычайнаго ни по идеѣ, ни по практическому ея примѣненію. Образецъ, которому онъ желалъ подражать, былъ у него на глазахъ, онъ видѣлъ его въ Польшѣ и хотѣлъ поручить иезуитамъ примѣнить его въ Россіи, основать коллегіи и академіи. Разумѣется, Дмитрію должно быть поставлено въ заслугу, что онъ понялъ всю важность цивилизаціи, и рѣшилъ ввести ее въ свои владѣнія, но его обширные планы не носятъ отпечатка геніальности, они были навѣяны извнѣ.

Свойственная Дмитрію податливость выразилась въ особенности въ пережитой имъ религіозной борьбѣ. Легко сказать, что онъ былъ индифферентенъ къ религіи и лицемѣренъ, что онъ игралъ всю жизнь святотатственную комедію; провознося это поверхностное сужденіе, не принимаютъ обыкновенно во вниманіе тѣхъ перемѣнъ въ нравственномъ міровоззрѣніи, которыя были пережиты претендентомъ.

Вначалѣ, его выгоды требовали, чтобы онъ подлачился къ королю польскому и папѣ, согласившись на отреченіе отъ православія,

но онъ подвергалъ себя этимъ серьезной опасности по отношенію къ русскимъ, которые зорко слѣдили за нимъ и ненавидѣли католяковъ.

Слѣдовательно, его расчетъ могъ оказаться невѣрнымъ. На него вліяли тутъ другія, менѣе эгоистичныя побужденія. Окружающая атмосфера, вліяніе примѣра, умныя бесѣды о дѣлахъ вѣры, наконецъ, любовь къ полькѣ—все это вліяло на Димитрія. Онъ былъ, повидимому, самъ доступенъ той слабости, въ которой онъ такъ сильно укоряетъ москвитянъ: суевѣрному пристрастію къ высшимъ обрядамъ; хожденіе на богомолье, подхожденіе подъ благословеніе, частое осѣненіе себя крестнымъ знаменіемъ, мощи, иконы,—были излюбленнымъ проявленіемъ его благочестія. Подъ вліяніемъ этого онъ искалъ, быть можетъ, въ принятіи католической вѣры средство спасенія и залогъ успѣха. Человѣческое сердце полно противорѣчій; рѣшившись на самое безумное предпріятіе, человѣкъ трепещетъ передъ правдой и старается заглушить голосъ совѣсти самообольщеніемъ.

До тѣхъ поръ, пока счастье не улыбнулось Димитрію, онъ былъ вѣренъ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ высказалъ Рангони такъ трогательно и чистосердечно, предъ отъѣздомъ изъ Кракова. Во время похода на Москву, въ особенности во время пережитыхъ имъ неудачъ и бѣдствій, даже послѣ отъѣзда Мнишека, когда у него не было никого, кто слѣдилъ бы за нимъ и ободрялъ его, Димитрій часто бесѣдовалъ съ полковыми священниками, просилъ ихъ молиться за него, принималъ отъ нихъ частицы мощей, пріобщался, обѣщалъ соорудить церкви и исповѣдаться наканунѣ коронованія. Покинутый людьми, онъ возлагалъ надежды на Бога; кто скажетъ, какая доля искренности и притворства была въ этихъ душевныхъ порывахъ?

Послѣ одержанной побѣды и торжества, въ душѣ Димитрія произошла реакція. Баловень судьбы сдѣлался вольнодумцемъ, вольнодумецъ сдѣлался скептикомъ и индифферентнымъ къ дѣламъ вѣры. Конечно, задатки этихъ порочныхъ наклонностей давно уже запали въ сердце Димитрія, но онѣ побѣждались вліяніями инаго рода; въ Москвѣ же ихъ ничто болѣе не сдерживало, величіе ослѣпило царя. Его хитрость и изворотливость проявлялись также въ удивительномъ искусствѣ, съ какимъ онъ лавировалъ между католиками и православными. По свидѣтельству Арсенія, русское духовенство, за весьма малыми исключеніями, не могло пожаловаться на своего новаго монарха, который оказывалъ ему всевозможное вниманіе, осыпалъ его почестями и истинно царскими подарками. Съ другой стороны іезуиты видѣли въ этомъ только крайнюю осторожность Димитрія, а кармелиты были въ восторгѣ отъ оказаннаго имъ приѣма. Александръ Рангони подавалъ самыя радужныя надежды на будущее. Очевидно, Димитрій умѣлъ такъ ловко

соразмѣрять свою любезность и свои слова, что обѣ стороны заблуждались на его счетъ.

Эта черта характера заслуживаетъ особеннаго вниманія въ виду сношеній Димитрія съ папскимъ престоломъ. Димитрію не только принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ, но онъ самъ значительно облегчилъ сношенія съ папою, предложивъ ему свое содѣйствіе къ выполненію его плановъ, усвоивъ его идеи и программу. Фактъ неслыханный. Несмотря на всѣ бывшія до тѣхъ поръ дѣйствительныя или призрачныя попытки къ сближенію, никто изъ царей не усвоивалъ еще принциповъ папской политики во всемъ ея объемѣ; Димитрій первый сдѣлалъ это и снискалъ этимъ расположеніе Рима. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ большою ловкостью и искусствомъ. Нунцію Рангони онъ сулилъ въ будущемъ кардинальскую шапку, какъ заслуженную награду за его добрыя услуги, иезуитамъ рисовалъ картину Россіи, усѣянной коллегіями и школами, кармелитамъ разрѣшилъ свободный проѣздъ изъ Персіи, а съ папами былъ неистощимъ въ обсужденіи вопроса о единеніи вѣры и церквей.

Святѣйшій отецъ былъ тронутъ этими неоднократно повторенными увѣреніями. Вначалѣ, Климентъ VIII сравнивалъ Димитрія съ Себастьяномъ Португальскимъ, но это первоначально неблагоприятное впечатлѣніе разсѣялось при неожиданномъ полученіи извѣстія объ отреченіи Димитрія. Два конклава, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, совершенно отвлекли вниманіе Рима отъ событій, разыгравшихся въ славянскомъ мірѣ. Когда Павелъ V вспомнилъ о Димитріи, онъ уже успѣлъ обратить на себя всеобщее вниманіе своими псѣздами. Видя, какъ легко Димитрію удалось овладѣть престоломъ и съ какимъ восторгомъ его привѣтствовалъ народъ, невольно приходило на умъ, что только законный царь могъ одержать такіе блестящіе успѣхи. Въ Римъ доходили самыя лестныя для Димитрія слухи. Папа готовъ былъ отнестись къ нимъ серьезно, такъ какъ онъ принималъ отреченіе Димитрія за доказательство его искренности и могъ думать, что человекъ, который такъ заботился о спасеніи своей души и далъ такія доказательства своей набожности, не могъ быть злостнымъ обманщикомъ или преступнымъ искателемъ приключеній, иначе онъ былъ бы чудовищемъ. Такимъ образомъ, чувства, высказанныя Димитріемъ, пріемъ, оказанный ему москвитянами, и донесенія, которыя получалъ папа,—все способствовало поддержанію его иллюзій.

Большая доля отвѣтственности падаетъ на Сигизмунда III. Хотя нѣтъ возможности опредѣлить въ точности, въ какой именно моментъ и какимъ образомъ король польскій составилъ себѣ пзвѣстное мнѣніе о Димитріѣ, во всякомъ случаѣ въ 1606 году, въ то время, когда произошло роковое событіе, его колебанія прекратились: онъ уже имѣлъ

о немъ вполнѣ опредѣленное мнѣніе, и по всему можно думать, что это мнѣніе выработалось довольно давно. Но мы не имѣемъ данныхъ сказать, что онъ выдалъ тайну Димитрія или предостерегъ папу до аудіенціи, данной имъ венеціанскому посланнику. Оказавъ втайнѣ покровительство претенденту и не мѣшая ему дѣйствовать, Сигизмундъ велъ съ нимъ переговоры, какъ равный съ равнымъ, обмѣнивался съ нимъ посольствами и не подавалъ повода къ подозрѣнію. Такая же сдержанность замѣтна и въ его письмахъ къ Павлу V, который хвалилъ ему Димитрія и просилъ его оказать поддержку новому царю. Сигизмундъ отвѣчалъ заявленіями о своей преданности и обѣщалъ оказать ему свое содѣйствіе. Такимъ образомъ вѣковая программа Ватикана готова была осуществиться; надежда добиться единенія церкви могла, разумѣется, затуманить взоръ тѣхъ лицъ, которыя наводили справки о Димитріѣ, и могла заставить папу отнестись снисходительнѣе къ вопросу о его происхожденіи.

Что касается Димитрія, то не только его личность остается не выясненной исторіей, но и дѣло, затѣянное имъ и которое было внезапно прервано и осталось недоковченнымъ, представляется весьма загадочнымъ. Было бы слишкомъ смѣло дѣлать хотя бы какія-либо предположенія о возможномъ исходѣ переговоровъ, начатыхъ съ Римомъ. Почва для этого была, разумѣется, плохо подготовлена, со всѣхъ сторонъ возникали препятствія, и Димитрій, послѣ первыхъ порывовъ рвенія къ вѣрѣ, соблюдалъ только свои личные интересы и руководствовался требованіями своей политики.

Надобно сознаться, что неудавшіеся планы Димитрія, были ли они искренны или лживы, имѣли самыя пагубныя послѣдствія и еще болѣе увеличили пропасть, существовавшую между Кремлемъ и Ватиканомъ. Распространился слухъ, будто царь поклѣлся обманнымъ образомъ обратиться Россію въ латинскую вѣру; его планы единенія были истолкованы въ смыслѣ насильственного уничтоженія православной церкви; присутствіе поляковъ усилило подозрѣнія, письма папы и Равгоня были признаны неопровержимой уликой. Воспоминаніе объ этой попыткѣ тѣсно связано съ воспоминаніемъ о бѣдствіяхъ, коими столь богато, такъ называемое, «смутное время»; важныя историческія ошибки упрочились подъ вліяніемъ предрасудковъ, и проклятія, коими народъ осыпалъ Димитрія, коснулись его сообщниковъ и его дѣйствительныхъ или мнимыхъ соумышленниковъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Рангони Павлу V-му ¹⁾.

Ваше Святѣйшество!

Почѣловавъ смиренно ноги вашего святѣйшества, слѣдую приказаніямъ свѣтлѣйшаго кардинала Валенти, даннымъ мнѣ отъ имени вашего святѣйшества, и посылаю точный и подробный отчетъ о личности и характерѣ Дмитрія Московскаго. Если въ этомъ отчетѣ, вслѣдствіе моея слабости, не будетъ порядка и послѣдовательности достойныхъ вашего святѣйшества, однако будетъ вѣрная передача всего случившагося до сихъ поръ и дошедшаго до меня, сообразно съ ниже слѣдующими разсказами.

Въ концѣ октября 1603 года было доложено его величеству польскому королю, что какой-то москвитянинъ по имени Дмитрій открыто призналъ себя сыномъ великаго князя Ивана московскаго, и что онъ находится въ домѣ князя Адама Вишневецкаго ²⁾ въ той части Россіи, которая подвластна польскому королевству. Говорили, что къ нему стекается множество знатныхъ московскихъ людей, которые признаютъ его своимъ наслѣднымъ княземъ. Вслѣдствіе этого его величество, желая лично убѣдиться во всемъ, а также для избѣжанія смуть въ этихъ окраинахъ, приказалъ князю Вишневецкому призвать къ себѣ москвитянина, но раньше сообщить подробныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ и о приказаніяхъ Дмитрія. Эти приказанія, слово въ слово согласно съ разсказомъ Дмитрія, слѣдующія.

Иванъ, сынъ великаго князя московскаго Василія, послѣ того какъ короновался царемъ, взялъ въ жены Анастасію изъ дома Романа Захарьина ³⁾, отъ которой имѣлъ перваго сына Дмитрія; этотъ мальчикъ случайно утонулъ еще въ пеленкахъ вмѣстѣ съ мамкой въ Бѣлоозерѣ, (Albo), въ то время какъ его отецъ торжествовалъ надъ казанцами ⁴⁾. Родивши еще двухъ сыновей Ивана и Ѳедора, Анастасія умерла, а царь женился на Маріи Черкасской, съ которой развелся, какъ и съ нѣкоторыми другими, и всѣ эти жены были заключены Иваномъ въ монастырь. Наконецъ великій князь женился на Маріи, дочери Ѳедора Нагаго ⁵⁾, изъ боярскаго рода, отъ которой не имѣлъ нѣсколько лѣтъ дѣтей.

¹⁾ Архивъ Инквизиціи (IV, f 68—81 V.)

²⁾ Въ подлинникѣ: Duca Wisniewicz.

³⁾ Въ подлинникѣ: Della famiglia de Romanovii.

⁴⁾ Въ подлинникѣ: Casamesi.

⁵⁾ Въ подлинникѣ: Feodoro Naggio.

Не надѣясь на милосердіе Божіе и удрученный войной съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, царь Иванъ сдѣлался тиранномъ и убилъ своего старшаго сына Ивана; послѣ этого преступленія у него родился отъ Маріи Нагой вышеупомянутой Димитрій, который вполне естественно считаетъ себя наслѣдникомъ великаго князя московскаго Ивана.

Вскорѣ послѣ рожденія Димитрія Иванъ серьезно занемогъ и, предвидя близкую кончину, назначилъ опекуновъ обоимъ сыновьямъ Ѳедору и Димитрію. Слабоумный Ѳедоръ былъ уже въ это время женатъ, назначенные къ нему опекуны должны были своими совѣтами и опытомъ помогать ему въ правленіи государствомъ. Опекунамъ Димитрія поручено было вмѣстѣ съ его матерью заботиться объ его воспитаніи до совершеннолѣтія. Великій князь Иванъ назначилъ во владѣніе Димитрію три города: Угличъ, Дмитровъ и Городецъ ¹⁾, предоставивъ ихъ также попеченію опекуновъ.

Послѣ смерти Ивана, сынъ его Ѳедоръ, какъ старшій, вступилъ на престоль. Уступая просьбамъ жены, онъ записалъ въ ближніе бояре ²⁾ Бориса, ея брата, настоящаго великаго князя. Засѣдая въ боярской думѣ ³⁾ и пользуясь благоволеніемъ Ѳедора, проницательному и коварному Борису пришло на умъ самому сдѣлаться великимъ княземъ, и съ той поры онъ началъ обдумывать способъ умертвить Димитрія и отдѣлаться отъ Ѳедора, жену котораго боярская дума рѣшила заточить въ монастырь вслѣдствіе безплодія.

Не трудно было Борису убѣдить Ѳедора, склоннаго по природѣ къ набожности, оставить заботы о княжествѣ и удалиться въ монастырь Св. Кирилла. Это было сдѣлано безъ вѣдома опекуновъ Ѳедора, которыхъ Борисъ умертвилъ, чтобы они не мѣшали его предпріятіямъ.

Послѣ того какъ Ирина ⁴⁾, жена Ѳедора, сестра Бориса Годунова, достигла полной власти въ правленіи для своего брата, послѣдній началъ думать о томъ, какъ бы пзбавиться отъ Димитрія, который со временемъ могъ помѣшать его замысламъ.

Борисъ тайно отравилъ опекуновъ Димитрія, замѣстивъ ихъ отъ имени великаго князя другими, съ помощью которыхъ надѣялся отравить ребенка. Это злодѣяніе безъ сомнѣнія ему бы удалось, но воспитатель Димитрія замѣтилъ козни Бориса и многократно предупреждалъ мальчика объ угрожающей ему опасности и неминуемой смерти, если онъ не будетъ остерегаться, на что умный и развитый мальчикъ обратилъ вниманіе.

¹⁾ Въ подлинникѣ: *Visliviense, Dimitrioviense et Herodocense*.

²⁾ Въ подлинникѣ: *ordine senatorio*.

³⁾ Въ подлинникѣ: *senato*.

⁴⁾ Въ подлинникѣ: *Brina*.

Такъ какъ первая попытка убійства не удалась Борису, то онъ купилъ нѣсколькихъ злодѣевъ, которымъ приказалъ ворваться ночью въ комнату мальчика и убить его въ постель. Это злодѣяніе безъ сомнѣнія удалось бы, но вышеупомянутый воспитатель, предчувствуя опасность, грозящую его питомцу, положилъ въ постель Дмитрія другаго мальчика, его родственника, тѣхъ же лѣтъ, который и былъ убитъ злодѣями вмѣсто Дмитрія, а послѣдній спасся. Шумъ разбудилъ домашнихъ, которые, думая, что Дмитрій убитъ, начали искать убійцъ и, найдя ихъ, растерзали. Говорятъ, что въ этой смутѣ погибло тридцать дѣтей, и впоследствии предположили, что среди нихъ былъ тотъ ребенокъ, котораго въ дѣйствительности убили вмѣсто Дмитрія.

Слухъ объ этомъ злодѣяніи быстро распространился. Мать Дмитрія, увѣренная, что погибъ ея сынъ, такъ какъ убитый ребенокъ былъ неузнаваемъ вслѣдствіе нанесенныхъ ему ранъ, послала гонца къ великому князю съ извѣстіемъ объ убійствѣ. Но Борисъ, желая отвратить отъ себя всѣ подозрѣнія, отнялъ у гонца письмо и передалъ великому князю все дѣло въ другомъ свѣтѣ, именно, что Дмитрій въ припадкѣ падучей болѣзни убился самъ и такимъ образомъ былъ найденъ окровавленнымъ въ постель. Великій князь былъ очень опечаленъ этимъ происшествіями и приказалъ, чтобы тѣло брата было похоронено въ склепѣ его предковъ, но патріархъ ¹⁾, согласно указаніямъ Бориса, сказалъ, что не слѣдуетъ хоронить самоубійцу въ склепѣ, гдѣ покоются помазанники Божіи. Оедоръ хотѣлъ отдать брату послѣдній долгъ, но Борисъ удержалъ его отъ поѣздки въ Угличъ ²⁾ на похороны Дмитрія, такъ какъ всѣми сидами старался, чтобы великій князь ничего не узналъ объ этомъ ужасномъ злодѣяніи. Поэтому онъ послалъ Геласія, митрополита Крутицкаго ³⁾, и Андрея Клешинина ⁴⁾ въ Угличъ на погребеніе Дмитрія. Послѣ похоронъ они заточили мать Дмитрія въ монастырь, нѣкоторыхъ изъ ея слугъ умертвили, а другихъ выслали изъ предѣловъ государства. Кромѣ того они приказали обезглавить двѣсти человѣкъ изъ жителей Углича за то, что они безъ вѣдома великаго князя расправились съ слугами Дмитрія.

Между тѣмъ вышеупомянутый воспитатель, который такъ заботливо спасъ Дмитрія отъ смерти, не переставалъ пецись о своемъ питомцѣ и бережно скрывалъ его отъ всѣхъ. Заболѣвъ и чувствуя приближеніе смерти, онъ призвалъ къ себѣ вѣрнаго человѣка, боярскаго сына, которому рассказалъ всю исторію Дмитрія, и поручилъ ему маль-

¹⁾ Патріархъ Іовъ.

²⁾ Въ подлинникѣ: Vethlicia.

³⁾ Въ подлинникѣ: metropolita Cruslicienne.

⁴⁾ Въ подлинникѣ: Andrea Celestino.

чика. Будучи вѣрнымъ другомъ, этотъ человекъ охотно принялъ на себя подобную обязанность и тайно содержалъ у себя мальчика до своей смерти. Передъ своею кончиною онъ убѣдилъ Димитрія, который былъ уже юношей, для избѣжанія опасности, поступить въ монастырь. Послѣдній охотно принялъ этотъ дружескій совѣтъ и, надѣвъ монашескую рясу, пробылъ въ ней довольно долго, скитаясь по разнымъ монастырямъ Московіи. Но его благородный нравъ и осанка выдали его, и онъ однажды былъ узнанъ однимъ монахомъ. Въ виду близкой опасности, Димитрій рѣшилъ немедленно удалиться въ Польшу, гдѣ сначала скрывался у Гаврііла Гойскаго, а за симъ перешелъ къ Адаму Вишневецкому, и тамъ открыто объявилъ себя великимъ княземъ московскимъ.

Несмотря на правдоподобность этого разсказа, король, узнавъ, что у литовскаго канцлера Сапѣги находится ливонецъ, который, взятый въ плѣнъ во время войны короля Стефана въ Ливоніи, былъ назначенъ съ другими служить Димитрію, которому было тогда 10 или 12 лѣтъ, и что этотъ ливонецъ хвастается тѣмъ, что узнаетъ Димитрія при свиданіи, король приказалъ послать его къ Вишневецкому. Допущенный въ присутствіе Димитрія, послѣдній призналъ его своимъ прежнимъ слугою, а ливонецъ также узналъ Димитрія благодаря бородавкѣ, которая у него на носу и одной рукѣ, которая короче другой; кромѣ того они узнали другъ друга по разнымъ признакамъ на тѣлѣ того и другаго.

Все это было доложено его величеству, который приказалъ привезти Димитрія въ Краковъ, куда онъ прибылъ въ началѣ марта въ сопровожденіи вышеупомянутаго Вишневецкаго и его тестя, палатина Сендомирскаго ¹⁾). Послѣдній непременно желалъ, чтобы я присутствовалъ на банкетѣ, данномъ ими по пріѣздѣ Димитрія состоящимъ при дворѣ сенаторомъ. Такимъ образомъ мнѣ удалось въ первый разъ видѣть Димитрія, который сидѣлъ почти инкогнито за отдѣльнымъ столомъ, но въ той же комнатѣ съ нѣкоторыми лицами. Нѣсколько дней спустя палатинъ, по желанію короля, привелъ Димитрія ко мнѣ. Онъ былъ чрезвычайно учтивъ и почтителенъ, говорилъ, что уже давно желаетъ представиться мнѣ какъ здѣшнему намѣстнику святаго отца, не только для того, чтобы предложить мнѣ свои услуги, но чтобы подробно передать все касающееся его самого (хотя онъ зналъ, что вся его исторія была мнѣ хорошо извѣстна). Кромѣ того онъ просилъ меня ходатайствовать за него у св. отца ²⁾, прося не только его молитвъ за справедливое свое дѣло, но и помощи въ борьбѣ за свои владѣнія, такъ какъ обязанность всемірнаго пастыря—защищать и помогать угнетеннымъ.

¹⁾ Георгія Мпшекъ.

²⁾ Климента VIII.

Онъ очень подробно и съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ разсказалъ о томъ, какъ тяжело быть лишеннымъ царства слугой своего отца, который достигъ высшей власти, благодаря коварнымъ замысламъ противъ его жизни, отъ которыхъ спасъ его Богъ. Не менѣе тяжело видѣть ему терзаніе, которымъ тиракъ подвергаетъ его родину, вслѣдствіе чего онъ умоляетъ меня ходатайствовать за него у святаго отца и у короля. Послѣдній принялъ Дмитрія нѣсколько дней тому назадъ, почти частнымъ образомъ только въ присутствіи епископа Петра Тылицкаго ¹⁾, теперь подканцлера, великаго секретаря епископа Симона Рудницкаго ²⁾, короннаго маршала Сигизмунда Мышковскаго и Вѣйна, великаго писаря литовскаго. Во время этого пріема Дмитрій сказалъ, что его судьба сходна съ судьбой сына Креза, который былъ нѣмъ и получилъ даръ слова только тогда, когда увидѣлъ, что, вслѣдствіе приказанія Кира, жизни его отца грозитъ опасность. Также и онъ, Дмитрій, нѣсколько лѣтъ молчалъ, живя въ униженіи и окруженный опасностями, но теперь, видя страданіе замученной родины, находящейся подъ властью не великаго государя, какимъ былъ Киръ, но человѣка низкаго, презрѣннаго и своего подданаго, онъ испыталъ страшную скорбь и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, рѣшилъ высказаться и просить сочувствія и помощи его величества для возвращенія своихъ законныхъ владѣній.

Дмитрій говорилъ, что подобные случаи раньше бывали съ великими государями (князьями), и что они были поддержаны другими королями и въ особенности польскими; конечно, и онъ могъ бы прибѣгнуть къ помощи другихъ монарховъ, но довѣряется только его величеству, могущество, доброта и милосердіе котораго ему хорошо извѣстны. Въ надеждѣ на содѣйствіе его величества этому справедливому дѣлу, онъ въ свою очередь обѣщаетъ быть признательнымъ и думаетъ, что Богъ чрезъ его посредство пошлетъ свои благодѣянія его величеству, королевству и всему христіанству. Въ отвѣтъ на эту рѣчь Дмитрія подканцлеръ отъ имени короля сказалъ ему нѣсколько любезныхъ словъ. Король не имѣлъ права открыто рѣшить подобный вопросъ, не узнавъ предварительно мнѣнія сенаторовъ, поэтому онъ имъ тотчасъ написалъ объ этомъ дѣлѣ.

Большая часть изъ нихъ сначала были противъ притязаній Дмитрія, считая ихъ баснословными, однако нѣкоторые даже изъ важныхъ, узнавъ отъ него самого благопріятный отчетъ объ этомъ дѣлѣ и допросивъ ливонца, убѣдились въ правотѣ Дмитрія и перешли на его сторону.

Краковскій палатинъ, Николай Зебржидовскій былъ такимъ ярлымъ сторонникомъ Дмитрія, что безъ вѣдома его величества предложилъ

¹⁾ Въ текстѣ: „Mgr vescovo di Cuiavia“.

²⁾ Въ текстѣ: „vescovo di Varmia“.

ему свои услуги и денежную помощь, если окажется, что москвитяне, дѣйствительно, пожелаютъ признать его своимъ великимъ княземъ. Но великій канцлеръ Иванъ Замойскій находилъ, что признание Димитрія сыномъ великаго князя Ивана могло бы послужить сюжетомъ для комедій Теренція. Краковскій каштелянъ, Янушъ Острожскій, вмѣстѣ съ другими сенаторами, своими друзьями, были постоянными противниками Димитрія и говорили, что придерживались этого мнѣнія для общаго блага, т. е. въ случаѣ неудачи предпріятія вся тяжесть войны обрушилась бы на Польшу. Они находили, что слѣдуетъ обождать сейма, въ которомъ можно обсудить все это дѣло, и не отпускать отсюда Димитрія, чтобы этимъ заслужить благодарность Бориса. Однако, можно предположить, что они были движимы личными страстями. Великій канцлеръ былъ противникомъ Димитрія, потому что не желалъ, чтобы его славу затмилъ другой полководецъ, котораго пришлось бы дать Димитрію, между тѣмъ, какъ если бы послѣднему была оказана тайная помощь, а не открытая съ согласія сейма, то самъ канцлеръ всталъ бы во главѣ арміи и ему не пришлось бы видѣть на этомъ мѣстѣ своего противника, какимъ былъ палатинъ Сендомірскій.

Каштелянъ былъ противникомъ Димитрія, потому что не хотѣлъ принимать участіе въ дѣлѣ, которому не сочувствовалъ его отецъ, князь Константинъ Острожскій ¹⁾, такъ какъ, при первомъ своемъ обращеніи къ отцу, онъ не могъ убѣдить его въ справедливости притязаній Димитрія и не получилъ той помощи, о которой просилъ.

Его величество, хотя значительно благопріятствовалъ Димитрію, однако колебался въ своемъ рѣшеніи и не переставалъ поддерживать сенаторовъ (хотя не согласился на предложеніе палатина Краковскаго). Димитрій настоятельно просилъ многихъ, въ томъ числѣ и меня, чтобы ему позволили приблизиться къ границѣ, гдѣ легче было воодушевлять москвитянъ и продолжать начатое дѣло, которому его отсутствіе и отдаленность навѣрно принесутъ большой вредъ, такъ какъ многіе приверженцы, не видя его появленія, могутъ быть введены въ заблужденіе, повѣривъ слухамъ, что будто онъ умеръ, или же подвергнутся большой опасности, если Борису удастся ихъ забрать.

Димитрій былъ милостиво отпущенъ королемъ, получивъ въ подарокъ богатыя одежды, золотую цѣпь съ медалькой, на которой было изображеніе его величества, и нѣсколько сотъ золотыхъ наличными деньгами; кромѣ того, ему было назначено нѣсколько тысячъ флориновъ.

Во время своего пребыванія въ Краковѣ, Димитрій былъ всѣми обласканъ. Живя въ этомъ городѣ, онъ присматривался къ политической жизни поляковъ и благоговѣнно относился къ ихъ богослуженію.

¹⁾ Въ подлинникѣ: „Palatino di Rivoda“.

Во время великаго поста палатины Сендомірскій и Краковскій водили его во время богослуженія то въ одну, то въ другую церковь, а также въ часовни и моельни. Слѣдуя обычаю, Димитрій ходилъ съ палатиномъ Краковскимъ инкогнито, въ одеждѣ братства милосердія просить милостыни для бѣдныхъ. Они были у короля, у меня и у многихъ другихъ.

Въ этихъ обрядахъ Димитрій находилъ удовлетвореніе и назидательность, и хотя онъ придерживался схизмѣ, выказывая сомнѣнія относительно происхожденія Св. Духа, власти папы и другія, однако, охотно слушалъ разсужденія, касающіяся истины. Замѣтивъ это, я приставилъ къ пану двухъ іезуитовъ, именно, отца Савицкаго, тогда настоятеля Св. Варвары, и проповѣдника отца Гродзицкаго, чтобы они, посѣщая и наставляя Димитрія, вывели его изъ мрака заблужденія и привели къ познанію истинной вѣры.

Благодаря стараніямъ этихъ отцовъ и усердію вышеупомянутыхъ палатиновъ, Димитрій исповѣдался утромъ 24-го апрѣля 1604 года у отца Савицкаго. Послѣ этого онъ пришелъ проститься со мной, въ виду своего отъѣзда, послѣдовавшаго поздно вечеромъ, въ тотъ же день, и пожелалъ прослушать обѣдню, которую я совершалъ, и тайно приобщиться и конфирмоваться у меня. Все это произошло въ комнатѣ, нарочно приготовленной для этого обряда, при чемъ Димитрій выказалъ искреннюю, благоговѣйную радость, что позналъ свѣтъ св. вѣры и несомнѣннаго всемірнаго пастыря. Послѣ этого въ присутствіи палатина Сендомірскаго и отца Савицкаго, Димитрій въ разговорѣ со мной выказалъ благодарность Господу Богу за такое явное проявленіе Его милости и, преклонивъ предо мной колѣни, сказалъ, что онъ признаетъ власть Св. Отца и желаетъ всегда и во всемъ подчиняться и покоряться его святѣйшеству, зная, что такова обязанность каждаго истиннаго христіанина. Кромѣ того Димитрій общалъ, если ему удастся, какъ онъ надѣялся, возвратить себѣ отцовскій престолъ, уничтожить схизму своего народа греческаго вѣроисповѣданія и присоединить его къ католичеству, а также крестить магометанъ и язычниковъ, прибавляя, что, какъ видитъ Богъ, онъ говоритъ искренно, а не изъ личныхъ расчетовъ. Не имѣя возможности поцѣловать ноги его святѣйшества, Димитрій изъявилъ желаніе поцѣловать ихъ у меня, какъ у его намѣстника. Дѣйствительно, онъ хотѣлъ это исполнить, но я изъ любезности отклонилъ его желаніе. Кромѣ того, Димитрій далъ мнѣ собственноручное письмо на польскомъ языкѣ къ его святѣйшеству, приложивъ латинскій переводъ, сдѣланный отцомъ Савицкимъ.

Убѣдившись въ твердости религиозныхъ убѣжденій Димитрія, я не переставалъ относиться къ нему ласково, оказывая должное почтеніе и содѣйствіе, которое считалъ возможнымъ.

*

Такъ какъ онъ выразилъ желаніе имѣть при себѣ священника, и я нашелъ эту мѣру бесполезной для поддержанія его вѣры, то написалъ отцу Децію Стриверію, настоятелю іезуитскаго монастыря¹⁾, прося его назначить къ Димитрію двухъ священниковъ²⁾, которые и до сихъ поръ находятся при немъ въ милости³⁾.

Димитрій пользовался ими не только для исповѣди, но бралъ у нихъ также уроки реторики и діалектики; однако, эти уроки продолжались только три дня, такъ какъ москвитяне, состоящіе при немъ, видя его постоянно въ обществѣ этихъ монаховъ и замѣчая ихъ близкія отношенія, выразили неудовольствіе явному расположенію Димитрія къ католичеству и начали колебаться. Вслѣдствіе этого Димитрій объявилъ себя православнымъ и приобщился съ ними, хотя потомъ тайно исповѣдался монахамъ, которые соблюдаютъ всѣ предосторожности, слѣдуя полученному при отъѣздѣ приказанію и зная, что это необходимо въ данномъ случаѣ.

Съ этой же цѣлью я его освободилъ отъ принятія постной пищи, такъ какъ онъ по совѣсти утверждалъ, что она вредна его здоровью. Только касательно одного вопроса я отказался говорить съ нимъ и принять какое-либо рѣшеніе, именно, можетъ ли онъ во время коронаціи, если Богу угодно будетъ возвратить ему наслѣдственный престолъ, приобщиться отъ схизматиковъ въ Москвѣ, согласно обычаю. Я представилъ этотъ вопросъ рѣшенію его святѣйшества, который 15-го мая 1604 г. приказалъ отвѣтить черезъ кардинала Сая-Джорджіо, что подобныя сомнѣнія показываютъ чистосердечіе Димитрія, вслѣдствіе чего онъ не отказывается дать ему разрѣшеніе, которое онъ проситъ, послѣ того какъ этотъ вопросъ будетъ доложенъ и обсужденъ въ собраніи св. иневициціи.

Во время пребыванія своего здѣсь, Димитрій обѣщалъ и объявилъ, что если ему удастся возвратить себѣ отцовскій престолъ, то онъ дастъ средства королю, чтобы снова завоевать Шведское королевство и самъ приметъ участіе въ походѣ; нѣкоторые прибавляютъ, что кромѣ вѣчнаго мира и дружбы, онъ обѣщалъ также возвратить Польшѣ Сѣверскую землю (княжество), которая прежде была подвластна великому князеству Литовскому.

Говорятъ, что Димитрій обѣщалъ Сендомірскому палатину кромѣ соединенія церквей, которому онъ такъ усердно благопріятствовалъ, что заслуживаетъ большой похвалы, значительную сумму денегъ, не только

¹⁾ Въ подлинникѣ: „Padre provinciale de Gesuiti“.

²⁾ Николай Czuzowski (Чижовскій) и Андрей Лавицкій.

³⁾ Эти строки подчеркнуты въ подлинникѣ, также и слѣдующія.

для покрытія расходовъ въ пользу его дѣла, но въ видѣ награды за расположеніе къ нему и за тѣ услуги, которыя онъ и его дѣти оказали Димитрію въ самомъ началѣ войны, сражаясь въ большой опасности. Кромѣ всего этого онъ обѣщаль жениться на одной изъ дочерей палатина, къ которой привязался во время своего пребыванія въ его домѣ ⁴⁾.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе какъ частныхъ, такъ и общихъ интересовъ, всѣ надѣются на успѣхъ предпріятія, и что Господу Богу угодно будетъ проявить свою милость и спасти народъ отъ тиранства и варварства. Однако часто бываетъ, что обѣщанное не проводится въ исполненіе, и весьма возможно, что подобное случится съ Димитріемъ относительно обѣщанія возвратить Сѣверскую землю, т. е. москвитяне навѣрно возстанутъ противъ этого рѣшенія, но все-таки слѣдуетъ ожидать значительныхъ выгодъ не только относительно Швеціи, но и сизимы, имѣющей въ Московіи свое главное гнѣздо и даже, можно сказать, господство и силу. Конечно, сначала Димитрію придется поступать осторожно, но онъ настолько отваженъ и рѣшителенъ, что нѣтъ причины въ немъ сомнѣваться. Онъ часто говорилъ, что греки—невѣжды, и сравнивалъ москвитянъ съ конемъ, который подчиняется опытному сѣдоку.

Димитрію хотѣлось въ присутствіи знатныхъ московскихъ людей созвать своихъ митрополитовъ и католическихъ на диспутъ и за самъ самому разсудить, что послѣдніе лучше понимаютъ истину (какъ оно въ дѣйствительности есть), и такимъ образомъ ловко заставить первыхъ присоединиться къ его мнѣнію, какъ къ лучшему.

Димитрію казалось весьма важнымъ для благоденствія Московіи, чтобы пребывающій въ ней патріархъ, со времени Бориса, назначенный другимъ греческимъ патріархомъ, котораго называютъ константинопольскимъ, былъ бы навсегда утвержденъ или, по крайней мѣрѣ, пока Константинополь находится въ рукахъ турокъ, противъ которыхъ Димитрій охотно поднялъ бы оружіе. Подобная война была бы немаловажнымъ событіемъ, такъ какъ Московія настолько могущественна, что ее даже боятся турки, которые, какъ говорятъ, очень уважаютъ короля Стефана за то, что онъ не только одержалъ вверхъ надъ ней въ возвращеніи Ливоніи и Полоцка, но имѣлъ храбрость проникнуть въ самое сердце Московіи, противъ столь могущественнаго великаго князя, силы котораго страшатся даже сами турки, и котораго во время междуцарствій старались устранить, въ особенности отъ польской короны.

Турецкій посолъ, присланный недавно отъ Порты, находясь здѣсь, когда пришли послѣднія хорошія извѣстія о Димитріи и узнавъ, что

⁴⁾ Марина Миншекъ.

послѣдній пользуется помощью и симпатіей поляковъ, выказалъ огорченіе и большой гнѣвъ, говоря, что ему придется передать своему государю недобрый вѣсти.

Уѣхавъ изъ Кракова, Дмитрій направился въ Львовъ¹⁾ съ Сендомірскимъ палатиномъ и остановился на нѣкоторое время въ владѣніяхъ послѣдняго, гдѣ съ помощью палатина и князя Вишневецкаго собралъ нѣсколько тысячъ солдатъ. Съ этимъ войскомъ онъ сначала усмирилъ Краковскаго каштеляна, который возсталъ противъ него подъ предлогомъ, что войска Дмитрія, проходя черезъ его земли, нанесли имъ большой вредъ; за симъ Дмитрій направился къ границѣ. Здѣсь начали стекаться къ нему не мало знатныхъ московскихъ людей, которые сдали ему нѣсколько селъ и городовъ, но все это не обошлось безъ сопротивленія и даже безъ кровопролитія. Такимъ образомъ Дмитрій положилъ счастливое начало своему походу, продолженіе котораго было не менѣе блестящее. Ему очень помѣшала измѣна 800 отборныхъ польскихъ наѣздниковъ, которые во время первой битвы, хотя и удачною, но кровопролитною для войска Дмитрія, возвратились въ королевство. Дмитрій съ большой грустью сообщилъ объ этомъ королю и мнѣ чрезъ довѣренныхъ ему лицъ, которыя привезли мнѣ собственноручныя его письма. Общее мнѣніе—что вышеупомянутые поляки были подкуплены великимъ канцлеромъ и краковскимъ каштеляномъ. Говорятъ, что они же, для возбужденія москвитянъ, распространили въ Московіи слухъ о принятіи Дмитріемъ католической вѣры и о томъ, что какъ только онъ вступитъ на престолъ, то заставить ихъ переимѣнить вѣру. Все это дѣлалось съ цѣлью повредить хорошему исходу предпріятія, къ которому великій канцлеръ относился съ ироніей, говоря, что оно настолько трудно, что если удастся, слѣдуетъ сжечь все, что раньше было написано касательно исторіи народовъ и читать только исторію этого похода, въ которомъ принимаетъ участіе палатинъ Сендомірскій.

Между тѣмъ Борисъ, услышавъ, что въ здѣшнемъ королевствѣ находится Дмитрій и что онъ добивается его царства, но, не зная, что послѣдній уже въ предѣлахъ Московіи, прислалъ королю посла²⁾, которому была дана въ варшавскомъ сенатѣ публичная аудіенція. Во время этой аудіенціи посоль сказалъ, что посланъ своимъ государемъ, чтобы узнать, совершаются ли приготовленія Дмитрія (котораго называлъ воромъ, аріаниномъ, обманщикомъ, вѣроотступникомъ и сыномъ сапожника) къ разоренію Московіи съ согласія короля и сената? Этотъ посоль также не зналъ, что Дмитрій уже находится въ предѣлахъ

¹⁾ Въ подлинникѣ Leopoli.

²⁾ Постникъ-Огаревъ. Рангоны не упоминаетъ здѣсь о Смирномъ Отрепьевѣ, но онъ говоритъ о немъ въ своихъ депешахъ.

Московіи, т. е. покинулъ Польшу нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и здѣсь отъ него скрыли этотъ фактъ. Онъ настаивалъ, чтобы Димитрію помѣшали выступить въ походъ, и чтобы его приверженцы и сообщники были наказаны, въ знакъ того, что король и сенатъ имъ не сочувствуютъ. Въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ тѣмъ, что его государь сообщитъ объ этомъ римскому папѣ, императору и всѣмъ христіанскимъ государствамъ¹⁾, увѣряя, что вина пролитой крови падетъ главнымъ образомъ на его величество, которому передалъ отъ великаго князя грозныя посланія. На эту рѣчь ему отвѣчали, что король не давалъ войска Димитрію, но во время пребыванія послѣдняго въ королевствѣ, его величество желалъ ознакомиться съ его притязаніями, дабы сообщить о нихъ великому князю и узнать отъ него, дѣйствительно ли Димитрій—царской крови, но что послѣдній, узнавъ это, бѣжалъ къ запорожцамъ. Кромѣ того послу сообщили, что король приказалъ казнить тѣхъ, кто оказывалъ помощь Димитрію, и что если послѣдняго найдутъ въ королевствѣ, то онъ будетъ задержанъ, и о томъ будетъ сообщено великому князю, который настолько могущественъ, что можетъ взять его и всѣхъ его приверженцевъ въ Московію; и что если москвитяне согласны не нарушать перемирія, то поляки поступятъ также.

Въ то же время былъ присланъ другой посолъ, также знатный москвитянинъ, отъ Димитрія, но не нашли возможнымъ допустить его, вслѣдствіе чего задержали въ королевствѣ до окончанія сейма. Однако когда узнали объ успѣхахъ Димитрія, то онъ былъ допущенъ къ его величеству, который прочелъ послѣднія письма отъ 25-го мая палатину Сандомирскому, въ которыхъ говорилось о внезапной кончинѣ Бориса и о томъ, какъ войско признало Димитрія своимъ государемъ и присягнуло ему; объ увѣщаніяхъ скорѣе короноваться, вслѣдствіе которыхъ Димитрій собирался въ тотъ же день уѣхать въ Москву. Все это болѣе подробно описано въ бумагахъ, посланныхъ оттуда за эти дни и прибавленныхъ съ предшествующимъ. Вслѣдствіе этого его величество вернулъ посла вчера вечеромъ, приказавъ вышеупомянутому палатину встрѣтить и привезти его съ почестями. О томъ, какимъ образомъ допустить посла къ королевской аудіенціи, его величество будетъ совѣтоваться съ сенаторами. Мнѣніе одного изъ самыхъ высокопоставленныхъ и серьезныхъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, что его величеству слѣдуетъ написать полководцамъ, живущимъ на границѣ Московіи, чтобы они были наготовѣ, если надо помогать Димитрію. Это мнѣніе—явный знакъ разсудительности (здраваго смысла) его величества и всѣхъ сенаторовъ.

¹⁾ Борисъ Годуновъ послалъ въ ноябрѣ 1604 года письмо Клименту VIII и императору Рудольфу II-му.

Три дня тому назадъ распространились разные слухи, между прочимъ, будто жена Бориса ¹⁾, съ помощью своихъ родственниковъ и преданныхъ мужу бояръ, настаивала на провозглашеніи царемъ сына своего 14 лѣтъ, но что послѣдній, испуганный приближеніемъ Димитрія, его успѣхомъ и силой, будто бы отказался отъ великаго княжества, несмотря на угрозы и насиліе матери, которая умерла отъ горя, вслѣдствіе упрямства сына. Прибавляютъ, что этотъ мальчикъ послать къ Димитрію своихъ пословъ, чтобы присягнуть ему. Димитрій долженъ былъ короноваться 5-го или 6-го іюля.

Другіе слухи, идущіе изъ Данцига, сообщаютъ, будто сынъ Бориса одержалъ верхъ, а Димитрій палъ, но врядъ-ли они правдоподобны, такъ какъ исходятъ отъ жителей Данцига, которые еретики и противники всего, что можетъ принести пользу св. церкви, и кромѣ того распространяются какимъ-то армяниномъ (?) (Армено), который всегда былъ противникомъ Димитрія. Однако слуга его свѣтлости подканцлера ²⁾ писалъ своему господину, что до него дошло извѣстіе черезъ людей, что дѣла Димитрія идутъ успѣшно; вслѣдствіе этого преобладаетъ и живетъ больше, чѣмъ когда-либо, надежда на успѣхъ. Съ часу на часъ ожидаютъ писемъ, которыя подтвердили бы эту надежду, исполненія которой желаютъ всѣ добрые люди.

Димитрію около двадцати четырехъ лѣтъ; онъ—бритый, красивый, смуглолицый, съ бородавкой на носу наравнѣ съ правымъ глазомъ; у него длинныя, бѣлыя руки, которыя служатъ доказательствомъ благороднаго происхожденія; у него живой умъ, и онъ обладаетъ краснорѣчіемъ, въ его походкѣ и разговорѣ много благородства. Въ немъ всегда замѣчалась склонность изучать словесность и много скромности и умѣніе скрывать свои слабыя стороны.

Димитрій настолько жаждетъ славы, что слушалъ охотно и съ видимымъ удовольствіемъ, когда ему говорили, что, совершая соединеніе церквей и признавая главенство папы, онъ не только спасъ бы свою душу предъ Богомъ и души столькихъ своихъ подданныхъ, но кромѣ того онъ былъ бы уважаемъ всеми государствами міра, и что о немъ писали бы въ исторіи, и его изображеніе и дѣла были бы росписаны въ папскомъ дворцѣ, гдѣ представлены славныя дѣла другихъ великихъ императоровъ и королей.

Онъ смѣлъ и храбръ, вслѣдствіе чего говорятъ, что во время войны онъ настолько увлекался сраженіемъ, что углублялся одинъ въ непріятельское войско. Однажды, послѣ сраженія Димитрія безуспѣшно искали въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, наконецъ онъ вернулся усталый, съ

¹⁾ Марья Григорьевна, дочь Малюты Скуратова.

²⁾ Матвѣй Петроковскій.

обнаженнымъ и окровавленнымъ мечемъ въ рукѣ. Говорятъ, что передъ каждой битвой Димитрій преклоняетъ колѣна и обращается къ Богу съ слѣдующими словами: «Господи, Ты, Который все знаешь, если правда на моей сторонѣ, то помоги и защити меня, если же нѣтъ, то пусть на меня свисойдетъ Твой гнѣвъ». Когда же его просятъ остерегаться измѣны и покушеній, то онъ обыкновенно отвѣчаетъ: «Богъ, Который спасъ меня отъ ножа, защититъ меня и теперь». Дѣйствительно, видно, что Богъ его хранитъ, такъ какъ онъ остается цѣль и невредимъ не только во время битвы, но кромѣ того не удалась попытка злодѣевъ, подкупленныхъ Борисомъ, которые дважды хотѣли убить его.

Пока Димитрій былъ здѣсь, онъ каждый праздникъ, послѣ службы въ королевской капеллѣ, которую посѣщалъ инкогнито, бесѣдовалъ со мной и просилъ моего ходатайства за него у короля и сенаторовъ.

Я всегда охотно ему помогалъ, такъ что Димитрій обращался ко мнѣ даже послѣ своего отъѣзда, показывая этимъ особенное ко мнѣ довѣріе и надежду на успѣхъ моего заступничества, отъ котораго я никогда не отказывался, хотя соблюдалъ при этомъ осторожность относительно Бориса, чтобы, въ случаѣ его побѣды, онъ не имѣлъ предлога прервать сношеніе съ Римскимъ папой. Послѣдній охотно предписывалъ мнѣ писать ему, когда слѣдовало; эти письма не были мною подписаны и безъ моей печати, имѣя въ виду тѣхъ сенаторовъ королевства, которые были противъ Бориса, чтобы они не обидѣлись на меня за мое вмѣшательство въ эти дѣла. Можно судить, насколько сохранились наши добрыя отношенія съ Димитріемъ, изъ его писемъ ко мнѣ, копіи съ которыхъ прилагаю, также съ письма отъ 13-го мая, которое получилъ только пять или шесть дней тому назадъ.

Димитрію было сообщено о смерти блаженной памяти папы Климента VIII и о восшествіи папы Льва XI.

Теперь, какъ только будетъ возможно, онъ узнаетъ о восшествіи на папскій престолъ вашего святѣйшества и о томъ, что если онъ не измѣнитъ своихъ добрыхъ намѣреній, то можетъ надѣяться на ваше отцовское благословеніе и одобреніе и на то, что ему будетъ оказано возможное содѣйствіе для славы Божіей и чести и утѣшенія вашего святѣйшества. Теперь мнѣ остается только пожелать вашему святѣйшеству долгой и счастливой жизни, и снова съ глубочайшимъ уваженіемъ поцѣловать святѣйшія ноги ваши. Изъ Кракова 2-го іюля 1605 года.

Опаздываніе чиновниковъ на службу.

Письмо Барклая графу Ивану Александр. Апраксину.

26-го января 1810 г. № 6.

Усмотрѣвъ изъ рапортовъ, ежедневно мнѣ подаваемыхъ, что нѣкоторые изъ гг. присутствующихъ по военному департаменту вообще пріѣзжаютъ поздно къ должности, а нѣкоторые рано выходятъ изъ присутствія; канцелярскіе же служители въ иныхъ мѣстахъ и совсѣмъ послѣ обѣда къ исправленію дѣлъ своихъ не являются. Я довольствуюсь на первый случай партикулярно отнестись о семъ къ вашему сіятельству и увѣренъ, что мѣра сія возымѣетъ надлежащее ей дѣйствіе, и что впредь соблюденіемъ порядка, съ пользою службы сопряженнаго отвратится отъ меня неудовольствіе сдѣлать по сему предмету формальное мое подтвержденіе.

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаній о пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ.

—
X¹⁾.

Плутоватые юнцы.— Очень обязательный чиновникъ.— Дачный романъ въ Павловскѣ.

е скажу, чтобы всѣ мои товарищи по выпуску поголовно были такими наивными мечтателями, какъ изображено выше. Само собою разумѣется, что на каждомъ изъ насъ отразилось, въ извѣстной степени, вліяніе среды, въ которой тотъ или другой воспитанникъ вращался внѣ стѣнъ гимназіи во время отпусковъ и каникулъ. Поэтому были среди насъ и юнцы съ чисто практической складкой, люди, какъ говорится, «себѣ на умѣ».

Ихъ не манили идеалы правды и справедливости, но и они, слѣдуя общему теченію, старались выставить себя такими же «гражданами», какъ и прочіе. Въ сужденіяхъ своихъ они ничѣмъ не отличались отъ юношей, искренно вѣрившихъ въ близкое торжество помянутыхъ идеаловъ, но преимущество ихъ (въ житейскомъ отношеніи) надъ горячими головами заключалось въ томъ, что, блистая либеральными фразами, они сумѣли устроиться такъ, что оставались въ ладахъ съ нужными людьми и «противнаго лагеря», искусно скрывая это, до поры, до времени, отъ товарищей. Въ сущности, это были «юные старички», люди съ преждевременно увядшею душой. Быть можетъ, ихъ слѣдовало бы назвать «наиболѣе приспособленными для борьбы за существованіе», тѣмъ болѣе, что они почти всѣ дѣйствительно очень хорошо устроились

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 г.

потомъ въ жизни. Но еще вопросъ—какому сорту молодежи слѣдуетъ отдать предпочтеніе: юнымъ ли старичкамъ, уже на школьной скамѣ постигшимъ, гдѣ раки зимуютъ, или тѣмъ подлиннымъ юнцамъ, у которыхъ въ груди горитъ благородное пламя и сердце рвется къ подвигу на пользу ближнихъ? Практическое разрѣшеніе этого вопроса не входитъ, конечно, въ предѣлы моей компетенціи.

Почувствовавъ себя, по полученіи гимназическаго аттестата, вольнымъ казакомъ, я рѣшилъ, что я теперь уже взрослый (а мнѣ пошелъ тогда всего 17-й годъ) и что потому мнѣ неприлично жить у дяди, на его счетъ, а слѣдуетъ устроиться самостоятельно. Въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія или въ какомъ-то другомъ присутственномъ мѣстѣ—хорошенько не помню—хранились небольшія деньги, положенныя на мое имя отцомъ еще въ дни моего дѣтства; съ ними-то мнѣ и надо было начать самостоятельное существованіе, въ надеждѣ на коекакіе дополнительные заработки, отчасти уроками, отчасти путемъ поставки каррикатуръ для «Искры», благо тамъ не отказывали въ помѣщеніи моихъ рисунковъ. Присутственное мѣсто, откуда мнѣ предстояло получить мои деньги, помѣщалось на Большой Садовой (нынѣ просто Садовая), въ тогдашнемъ зданіи Управы Благочинія (а можетъ быть деньги лежали въ самой Управѣ—не умѣю теперь сказать этого). И вотъ, нанявъ себѣ комнату на Петербургской Сторонѣ, у нѣкоего вдовца-художника, я предпринялъ хожденіе въ Управу. Никогда не бывавъ до тѣхъ поръ ни въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, я былъ, при первомъ посѣщеніи казеннаго зданія на Большой Садовой, странно пораженъ господствовавшю тамъ нечистотою и какимъ-то неприятнымъ, тяжелымъ запахомъ, державшимся на парадной лѣстницѣ, несмотря на то, что, по случаю лѣтняго времени, двери и окна были открыты настежь. Швейцаръ въ заношенной ливреѣ, узнавъ отъ меня, чтò мнѣ нужно, направилъ меня наверхъ. Тамъ я попалъ въ просторную комнату, стѣны которой были выкрашены сизою краскою; въ комнатѣ стояло нѣсколько столовъ, съ пачками «дѣлъ» на нихъ, а за столами сидѣли чиновники. Одни изъ нихъ писали, склонивъ головы на-бокъ надъ бумагами, другіе оставались праздными и, когда я вошелъ, стали съ любопытствомъ разсматривать меня. Послѣ тщетныхъ разспросовъ моихъ у нѣсколькихъ столовъ, куда мнѣ обратиться за деньгами, мнѣ указали наконецъ комнату, въ которой находился нужный мнѣ «столъ». За нимъ, перелистывая бумаги, сидѣлъ чиновникъ въ вицмундирѣ и сѣрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ (либеральные чиновники позволяли себѣ тогда эту вольность въ костюмѣ). Онъ оказался очень обязательнымъ человекомъ: подробно разспросилъ меня о моемъ дѣлѣ, разсмотрѣлъ представленные мною бумаги, сказалъ, что дѣло это очень простое и никакихъ проволочекъ не потребуетъ, и чтобы я приходилъ черезъ недѣлю,

а на прощаніе подалъ мнѣ руку. Я былъ очарованъ его любезностью и былъ радъ, что все обойдется такъ скоро; я слыхивалъ ранѣе, что дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ ведутся обыкновенно съ большою волокитой. Но когда я снова явился черезъ недѣлю, чиновникъ оказался очень занятымъ и хотя былъ по-прежнему любезенъ, однако заявилъ, что «еще не готово» и мнѣ лучше всего зайти завтра. Но и завтра, и послѣ-завтра, и на третій день выходило все то же: то опять: «еще не готово», то «справочки не получено», то: «лучше всего—зайдите-ка вы завтра утречкомъ». И все это самымъ пріятельскимъ тономъ. Признаюсь, мнѣ стало досадно: ужъ не смѣется ли надо мной этотъ господинъ въ сѣрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ?

Однажды, послѣ новаго безплоднаго посѣщенія Управы, я рассказывалъ о своихъ злоключеніяхъ моему квартирному хозяину, и тотъ меня надоумилъ:

— Да вы сколько ему дали?—спросилъ онъ, смѣясь.

— Какъ «сколько далъ?» Ничего не давалъ.

— Ну, такъ и будете ходить до второго пришествія!—воскликнулъ художникъ и уже прямо залился смѣхомъ.

Потомъ онъ объяснилъ мнѣ, что надо дать чиновнику рублей хоть десять, такъ какъ иначе ничего не выйдетъ. Вотъ задача! Какъ это я предложу чиновнику взятку? А если онъ оскорбится этимъ, какъ оскорбился бы я на его мѣстѣ? Къ тому же, онъ, кажется, еще и либераль, если судить по сѣрымъ панталонамъ...

Но дѣлать было нечего: надо же мнѣ получить мои деньги! Обсудивъ дѣло, я придумалъ компромиссъ: куплю хорошихъ сигаръ и поднесу чиновнику, въ видѣ не взятки, а подарка. Такъ я и сдѣлалъ: пошелъ къ Фейку, купилъ 25 штукъ сигаръ и отправился въ Управу. Прихожу, а чиновникъ опять: «Какъ жаль, право: все еще не готово!» Тутъ я собрался съ духомъ и съ возможною учтивостью спросилъ:

— Вы курите? (А самъ чувствую, что краснѣю до корней волосъ).

— Курю. А что?

— Да вотъ я хотѣлъ... Хорошія сигары, попробуйте...

— А, благодарю, сказалъ чиновникъ. Онъ взялъ отъ меня коробку внимательно осмотрѣлъ ее и, еще разъ поблагодаривъ, вдругъ ударилъ себя рукою по лбу.

— Батюшки, да что же это я, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь дѣло-то ваше готово, а у меня и изъ головы вонъ!

Тутъ онъ порылся въ лежавшихъ на его столѣ бумагахъ и, вручивъ одну изъ нихъ мнѣ, провелъ меня въ другую комнату, гдѣ мнѣ тотчасъ же и выдали деньги.

Таково было мое первое знакомство съ тогдашними присутственными мѣстами. Для меня впервые слегка приподнялся уголокъ завѣсы,

заслонявшей дѣйствительность отъ моего взора; то были начатки «курса познанія чловѣка»—важнѣйшаго изъ всѣхъ житейскихъ позваній, какъ справедливо сказалъ Гёте ¹⁾. И какъ удачно случилось, что для начала попался мнѣ такой простой примѣръ: начинать надо всегда съ простѣйшаго. Жалкій чиновникъ въ сѣрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ являлся для меня уже, до нѣкоторой степени, намекомъ на ошибочность моего тогдашняго представленія, будто людямъ свойственно стыдиться зазорныхъ поступковъ. Въ это время взяточничество такъ рѣзко клеймилось въ нашей печати, что я и представить себѣ не могъ, чтобы оно еще гдѣ-нибудь удержалось; а вдругъ оказывается, что всѣ бичи «благодѣтельной гласности» оставляютъ даже мелкаго петербургскаго чиновника совершенно равнодушнымъ. Читая полемическія статьи органовъ печати того времени, нерѣдко винившихъ другъ друга въ печатныхъ «доносахъ», я полагалъ, что лица, подвергшіяся такому обвиненію, сторагутъ отъ стыда и не рѣшаются носа показать на улицу; я, пожалуй, даже не повѣрилъ бы тогда, еслибы мнѣ сказали, что на самомъ дѣлѣ они нисколько не смущались подобными укорами. Но, какъ я уже говорилъ, молодежь на все смотритъ по-своему.

Лѣто 1862 года я прожил самымъ беззаботнымъ образомъ: кое-что почитывалъ (именно почитывалъ, а не читалъ), но безъ системы, руководствуясь въ выборѣ книгъ тогдашнею модой, если можно такъ выразиться; много ходилъ пѣшкомъ, дѣлалъ попытки «сближенія съ народомъ», преимущественно въ лицѣ дворниковъ и извозчиковъ, причемъ—каюсь—въ бесѣдахъ съ ними нерѣдко поступался даже правильностью рѣчи, рассчитывая расположить ихъ этимъ въ свою пользу. Сильно насѣлъ я также на моего квартирнаго хозяина, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ «развить» его (тогда почти всѣ молодые люди заняты были «развиваніемъ» всякаго встрѣчнаго); но хозяинъ оказался неподатливымъ и охотно уваливалъ отъ собесѣдованій, либо начиная играть на гитарѣ, либо принимаясь за свою картину, которую писалъ уже года полтора и все не могъ окончить. Къ дядѣ, котораго я всегда любилъ, сталъ я ходить лишь изрѣдка, видя въ немъ «постепеновца», какъ онъ впрочемъ, и самъ называлъ себя, но зато началъ ѣздить въ Павловскъ, гдѣ жила на дачѣ моя сестра, въ качествѣ гувернантки въ довольно богатомъ домѣ. Семья, въ которую забросила ее судьба, состояла изъ мужа, жены и девятилѣтней дочери. Сама-ли сестра сѣумѣла поставить себя въ надлежащія отношенія къ патронамъ, родство ли ея съ такимъ виднымъ чиновникомъ, какъ нашъ дядя, помогло, или же патроны сами имѣли правильный взглядъ на значеніе воспитательницы ихъ дочери—

¹⁾ „Das höchste Studium der Menschheit ist der Mensch“ (Самый высокій предметъ изученія для чловѣчества, это—чловѣкъ).

только положеніе молоденькой гувернантки въ домѣ не было для нея тягостнымъ, что, какъ извѣстно, не часто встрѣчается. Какъ мужъ, такъ и жена относились къ ней даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ, благодаря той мягкости и тому такту, съ которыми она улаживала часто случавшіяся между супругами ссоры. Дѣло въ томъ, что хозяинъ дома, человѣкъ, впрочемъ, достаточно образованный, обладалъ крайне необузданнымъ характеромъ: любилъ кутнуть внѣ дома, заводилъ на сторонѣ связи и, случалось, дѣлалъ женѣ ужасныя сцены, когда возвращался домой во хмелю. Жену свою онъ любилъ, но «странною любовью»; говоря словами Некрасова,

„...по натурѣ бурлацкой,
Онъ то ноги ея цѣловалъ,
То стегалъ ее плетью казацкой“.

Жена же была красивая, полная брюнетка, отчасти восточнаго типа, съ большими жгучими черными глазами, и, втайнѣ отъ мужа, имѣла поклонника, въ лицѣ стройнаго кавказца рѣдкой красоты. Зная за собою эту вину, она, конечно, не могла обнаруживать надлежащаго безстрашія при столкновеніяхъ съ мужемъ и потому особенно цѣнила миротворное вмѣшательство моей сестры въ ихъ семейныя ссоры и, кажется, была искренно привязана къ ней. Но положеніе сестры было дурно въ томъ отношеніи, что въ тѣсномъ домашнемъ кругу, особенно на дачѣ, ей стоило большого труда держать свою маленькую питомицу вдали отъ вреднаго вліянія распрей и потасовокъ между родителями. Неразъ жаловалась она мнѣ на затруднительность своего положенія въ этомъ отношеніи и неразъ порывалась уйти изъ этого дома. Она не знала (да и я не зналъ), что, перемѣнивъ мѣсто, она легко могла бы очутиться въ такихъ же, если не худшихъ (для дѣтей) условіяхъ семейной жизни, такъ какъ въ дурно сложившихся семьяхъ недостатка у насъ тогда не было, какъ нѣтъ и теперь.

Объ отношеніяхъ черноокой дамы къ красавцу-кавказцу мнѣ не трудно было догадаться: въ отсутствіе ея мужа, мы всѣ вмѣстѣ ходили на музыку въ вокзалъ и тамъ неизмѣнно встрѣчали этого молодого, одѣтаго съ иголочки господина, который немедленно и подсаживался къ своей дамѣ, причемъ сестру мою и меня онъ привѣтствовалъ приподнятіемъ своего лоснящагося цилиндра. Господинъ этотъ держалъ себя съ спокойною самоувѣренностью, видимо зная себѣ цѣну; дама же его была недостаточно сдержанна и неосторожно выдавала свои чувства къ нему игрою глазъ и всею своею манерой. А дочь ея сидѣла тутъ же рядомъ и, можетъ быть, несмотря на свои дѣтскіе годы, уже дѣлала свои заключенія.

Говоря вообще, «свободная любовь» не представлялась мнѣ пред-

осудительною; скорѣе напротивъ. Но въ этомъ случайно замѣченномъ мною дачномъ романѣ мнѣ инстинктивно чувствовалось что-то нечисто-плотное, сопряженное съ обманомъ мужа. Было какъ-то непріятно, какъ будто стыдно присутствовать при этихъ воровскихъ свиданіяхъ, какъ-бы въ качествѣ участника или сообщника, а потому мы съ сестрою обыкновенно уходили съ музыки въ паркъ и уводили съ собою дѣвочку. И все-таки въ душѣ оставалось скверное впечатлѣніе какъ-бы косвеннаго пособничества нечистому дѣлу. Я не могъ не видѣть, что такое же непріятное чувство испытывала и моя сестра, дѣвушка необыкновенно чистыхъ помысловъ; мнѣ было жаль ея въ такіе вечера. Къ счастью, замужество вскорѣ избавило ее отъ необходимости тянуть лямку гувернантки. Впослѣдствіи, спустя много лѣтъ, мнѣ и самому пришлось отвѣдать прелестей, сопряженныхъ съ ролью воспитателя въ богатой петербургской семьѣ, и я по опыту могъ бы рассказать, въ какой гнилой атмосферѣ приходится иногда вырастать дѣтямъ людей даже вполне обеспеченнаго класса.

XI.

Моя „пропаганда“ въ семьѣ столяра.—Петербургскія увеселенія.—Г-жа Гебгардтъ.—Танцклассы.—Моя неудачная литературная попытка.—Петербургское настроеніе въ зиму 1862—63 г.—Широкіе замыслы восторженныхъ юнцовъ.—Люди подъ маскою революціонеровъ.

На зиму 1862—63 г. я переехалъ съ Петербургской Стороны въ городъ, нанявъ комнату въ Большой Подъяческой, у семейнаго столяра. Конечно, я первымъ дѣломъ озаботился тѣмъ, чтобы «развить» не только его, но и его жену, очень работающую и хозяйственную женщину; ребенка ихъ я рѣшилъ пока оставить въ покоѣ, такъ какъ онъ былъ еще грудной и потому едва-ли могъ бы вмѣстить мои толкованія. Оказалось, однако, что разглагольствія мои о томъ, какъ слѣдуетъ людямъ устроиться, чтобы быть счастливыми, встрѣтили въ этой семьѣ такъ же мало сочувствія, какъ и у прежняго моего квартирнаго хозяина, художника. Бывали даже минуты, когда, среди разговоровъ, мнѣ вдругъ представлялось, что слушатели смотрятъ на меня съ плохо скрытымъ сожалѣніемъ, какъ бы на свихнувшагося умомъ.

Упоминаю объ этомъ, сильно огорчавшемъ меня обстоятельствѣ потому, что тутъ дѣло касалось не одного меня лично (въ такомъ случаѣ оно не представляло бы никакого интереса); подобно мнѣ поступали въ ту пору очень многіе юнцы, считавшіе своею задачей пропагандированіе «здравыхъ понятій», какъ этическихъ, такъ и политиче-

скихъ. Движеніе это приняло вполнѣдствіи форму извѣстнаго «хожденія въ народъ», плачевные результаты котораго такъ ярко очерчены были позже Тургеневымъ въ «Нови». Съ тѣхъ поръ прошло безъ малаго сорокъ лѣтъ—періодъ, болѣе чѣмъ достаточный для того, чтобы можно было спокойно отнестись къ тогдашнему настроенію и тогдашнимъ поступкамъ молодежи. Теперь, на разстояніи столькихъ лѣтъ, представляются даже не совсѣмъ понятными тѣ опасенія, которыя вызывала тогда вся эта «агітація». Попытки сближенія пылкихъ юнцовъ съ народомъ ни въ какомъ случаѣ не могли бы вызвать сколько-нибудь серьезныхъ пертурбацій уже по одному тому, что обѣ стороны рѣшительно не понимали другъ друга. Въ этомъ отношеніи опасности не было никакой. Напротивъ, стоило только умѣло воспользоваться самоотверженнымъ стремленіемъ молодыхъ людей сослужить службу народу, направивъ юныя силы въ легальное русло—и дѣло просвѣщенія народной массы, необходимость котораго признана теперь всѣми, только выиграло бы. Въ распоряженіи власти сразу явилось бы множество добросовѣстѣйшихъ учителей для городовъ, деревень и селъ. И даже еслибы тѣ или другіе изъ нихъ оказались, въ роли учителей, проповѣдниками тѣхъ «здравыхъ понятій», о которыхъ упомянуто выше, бѣды въ томъ не было бы: простонародье, вплотную занятое своими ближайшими, непосредственными нуждами, далеко не такъ легковѣрно и податливо, какъ у насъ принято думать; нѣтъ уголка, гдѣ не нашелся бы свой «голоплѣкскій Еремѣй», изображенный въ романѣ Тургенева.

Но тогда ко всему этому отнеслись иначе, и, можетъ быть, тѣмъ самымъ тогдашнее зрѣлое поколѣніе возложило на себя отвѣтственность за ужасы, свидѣтелями которыхъ мы были лѣтъ двадцать спустя. Если вспомнить о молодыхъ силахъ, донныѣ самоотверженно отдающихъ себя въ разныхъ углахъ нашего отечества общественному служенію на поприщѣ учителей и учительницъ въ народныхъ училищахъ, въ качествѣ дѣятельныхъ помощниковъ въ случаяхъ эпидемій и народныхъ бѣдствій и т. д., то нельзя найти достаточно сильныхъ словъ для похвалы побужденій, движущихъ русскимъ юношествомъ. Въ дни моей молодости этого не сдумали понять и оцѣнить. Чтò дѣлать! прошлаго не воротить, но нельзя не пожелать, чтобы впредь было иначе и чтобы силы, могущія быть полезными родинѣ, не гибли безплодно вслѣдствіе недоразумѣній.

Во всякомъ случаѣ, неправы были тѣ, кто въ устройствѣ общественныхъ развлеченій, принявшемъ въ ту пору въ Петербургѣ широкіе размѣры, находилъ наилучшее средство отвлечь бродившіе умы отъ «политики».

Многіе видѣли въ этомъ подражаніе практикѣ, введенной въ Парижѣ правительствомъ второй имперіи и находившей у насъ поклонниковъ и подражателей.

Франція была тогда у всѣхъ на виду, вступивъ въ апогей внѣшняго блеска, и иные изъ нашихъ администраторовъ, а за ними и близорукіе политики изъ общества, стремились копировать приемы тюльрійскихъ правителей. Въ извѣстной части публики явилась даже наклонность перенять внѣшность Наполеона III, причемъ вошло въ моду ношеніе эспаньолки, съ вытягиваніемъ кончиковъ усовъ наподобіе иголокъ ¹⁾. Поэтому, когда вышло разрѣшеніе устраивать публичные балы, сочетая ихъ съ пѣніемъ куплетовъ съ эстрады, публика съ радостью встрѣтила эти, до тѣхъ поръ небывалыя у насъ развлечения. До тѣхъ поръ единственнымъ увеселителемъ Петербурга былъ извѣстный Излеръ, содержавшій памятнаго столичнымъ старожиламъ «Минерашки», какъ назывался въ игривомъ тонѣ его увеселительный садъ въ Новой Деревнѣ, на мѣстѣ нынѣшней «Аркадіи»; а тутъ вдругъ разомъ открылся цѣлый рядъ заведеній почти въ такомъ же родѣ, но еще и съ присоединеніемъ танцевъ, и съ дешевою входною платой. Центровъ для развлечения явилось множество, но, съ какой бы стороны ни разсматривать ихъ, они не могли бы быть признаны полезными, а ужъ въ смыслѣ отвлеченія отъ «политики» ихъ прямо слѣдовало отнести къ числу «попытокъ съ негодными средствами», какъ говорятъ юристы. Во всѣхъ этихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, открывшихся подъ разными вычурными названіями, въ родѣ «Вилла Боргезе», «Палѣ де Кристалъ», «Эльдорадо» и т. п., сразу установился самый непристойный тонъ, отклонявшій людей сколько-нибудь нравственно-чистоплотныхъ. Въ публикѣ всѣ они не замедлили приобрести общее, объединяющее названіе «танцклассовъ». А такъ какъ танцовать публично, на глазахъ массы незнакомыхъ, петербуржцы еще не имѣли въ то время привычки и, по новости дѣла, дичились, то учредителямъ танцклассовъ пришлось прибѣгнуть къ приглашенію наемныхъ танцоровъ и танцующихъ дамъ, чѣмъ вскорѣ же вызвано было появленіе особаго класса танцоровъ-профессіоналовъ, получавшихъ весьма приличное вознаграженіе. Впереди всѣхъ ихъ стоялъ нѣкій г. Фокинъ, имя котораго окружено было ореоломъ славы. Говорили, что онъ умѣетъ исполнять канканъ ничуть не хуже парижскаго, съ хожденіемъ на рукахъ, засучиваніемъ рукавовъ и проч. Къ величайшей горести моей, я долженъ сознаться, что видѣть эту гордость тогдашняго веселящагося Петербурга мнѣ не довелось ни раза, хотя я и бывалъ въ нѣсколькихъ танцклассахъ (впрочемъ, безъ участія въ танцахъ). Говорили, что инициаторшею въ дѣлѣ устройства увеселительныхъ заведеній этого рода была извѣстная въ то время г-жа Гебгардтъ, впоследствии осно-

¹⁾ Въ нынѣшнее время, какъ извѣстно, мода требуетъ закручиванія усовъ сверху—тоже подражаніе, но уже другому образцу.

вательница «Зоологического сада». Первые шаги этой предприимчивой особы и время появления ея въ Петербургѣ были, какъ говорится въ старинныхъ учебникахъ исторіи, «покрыты мракомъ неизвѣстности». Существовала легенда, что нѣкогда она занималась продажей горячихъ вафель на Невскомъ проспектѣ, а потомъ, благодаря своей привлекательной наружности или по другимъ причинамъ, нашла себѣ богатаго и вліятельнаго покровителя, послѣ чего получила возможность безбѣднаго существованія. Какъ бы ни было, зима 1862—63 г. застала ее обладательницею одного изъ крупнѣйшихъ танцклассовъ, помѣщавшагося, если не ошибаюсь, на Большой Садовой. Заведеніе ея усердно посѣщалось публикою, чему, въ извѣстной степени, способствовала всегдашняя готовность предупредительной хозяйки содѣйствовать установленію знакомства между наиболѣе достойными гостями и лучшими изъ «этихъ дамъ», какъ нѣкогда деликатно выразился Тьеръ, озабочиваясь «очищеніемъ» Парижа. Общее впечатлѣніе отъ нѣсколькихъ видѣнныхъ мною танцклассовъ осталось у меня не особенно пріятное. Въ залахъ, освѣщенныхъ керосиновыми лампами, стоитъ сызый, тяжелый воздухъ, пропитанный запахомъ табаку, кухни, духовъ и человѣческихъ испареній; прифрантившіеся кавалеры, порою въ заношенномъ бѣльѣ, но съ яркими цвѣтными галстухами, неуклюже отплясываютъ фигуры кадрили, выкидывая самыя смѣлыя «колѣна»; дамы съ подурмяненными лицами стараются не уступать имъ въ развязности. Среди танцующихъ проталкиваются люди, отдающіе предпочтеніе буфету, причемъ случаются и перебранки съ задѣтыми локтемъ танцорами. А надъ всѣмъ этимъ, покрывая шарканье ногъ по пыльному полу и отдѣльные возгласы танцующихъ, завываетъ дешевый струнный оркестръ, помѣстившійся на эстрадѣ. Еще два-три «легкихъ» танца и потомъ перерывъ, во время котораго «артистки» въ коротенькихъ юпочкахъ, оставляющихъ движенію ногъ полную свободу, исполняютъ болѣе чѣмъ пикантные куплеты, а «артисты» либо рассказываютъ сцены изъ народнаго или еврейскаго быта, либо тоже поютъ куплеты. Нечего сказать, умѣлое «отвлеченіе умовъ»! Если добавить, что въ ту зиму (а, кажется, и въ слѣдующую) въ трактирахъ, мелкихъ ресторанахъ и закусовыхъ, съ разрѣшенія полиціи, во множествѣ засѣдали тьеровскія «эти дамы» и «вольное» вино лилось рѣкою, то получится достаточно отчетливая картина тогдашняго ночного Петербурга, мало извѣстная людямъ, избѣгавшимъ соприкосновенія съ «улицею».

Присматриваясь къ этой сторонѣ столичной жизни, я началъ подумывать о томъ, что надо бы «предать ее благодѣтельной гласности», какъ тогда говорилось. Задумавъ я написать беллетристическій очеркъ, чтобы изобразить несчастное положеніе «жертвъ общественнаго темперамента» (какъ называлъ ихъ Герценъ), на которыхъ наглядѣлся въ

*

танцклассахъ. Намѣреніе это я исполнилъ нѣсколько позже, но скажу объ этомъ дѣлѣ теперъ же, забѣгая впередъ.

Въ «Русскомъ Словѣ» Благосвѣтлова появлялись тогда коротенькіе беллетристическіе очерки, плѣнявшіе юныхъ читателей (и меня въ томъ числѣ) чрезвычайнымъ реализмомъ; по крайней мѣрѣ, они казались намъ тогда полными реализма. Въ художественномъ отношеніи, вещицы эти не стоили ровно ничего; форма ихъ тоже не заслуживала похвалы: авторъ щеголялъ растрепанностью и небрежностью слога, словно съ умысломъ показать, что ему до такихъ мелочей, какъ стиль, нѣтъ дѣла. Судя по встрѣчавшимся въ его очеркахъ на каждомъ шагу психологическимъ несуразностямъ, можно думать, что онъ былъ еще очень молодъ. Въ памяти моей почему-то до сихъ поръ удержалась слѣдующая черточка въ одномъ изъ его рассказовъ, прямо свидѣтельствующая, что этотъ человѣкъ еще совсѣмъ не былъ знакомъ съ человѣческой натурой: излагая душевныя муки, которыя испытывалъ (не помню, по какому случаю) его герой, авторъ говорилъ, что истерзанный герой «сознательно рванулся къ книгѣ» и, погрузившись въ ея чтеніе, тотчасъ позабылъ свое горе. Не ясно ли, что самъ авторъ не успѣлъ еще извѣдать истиннаго горя, которое заставляетъ забыть даже о существованіи книгъ? Но мы вѣрили ему на слово и съ удовольствіемъ читали его рассказы, потому что въ нихъ изображались все «новые люди» и, притомъ, такіе, какихъ не бываетъ, съ небывалыми чувствами, небывалыми приемами. Вотъ эти-то очерки я и взялъ себѣ за образецъ.

Правда, художественный вкусъ мой былъ воспитанъ на произведеніяхъ образцовыхъ нашихъ и иностранныхъ писателей, и я не могъ не видѣть недостатковъ избраннаго мною автора; но таковъ ужъ былъ тогда туманъ въ моей (да и не только въ моей) головѣ, что новая, вывихнутая манера казалась мнѣ «современнѣе» старой. Вѣдь я былъ «новый человѣкъ», «дѣятель», такъ досугъ ли мнѣ былъ заниматься обдумываніемъ и внѣшнею отдѣлкой произведенія, когда надо «проводить» идеи. Да и вообще, что тамъ за эстетика? На кой прахъ она? И вотъ я началъ «проводить».

Тема моего очерка была такая: молодой человѣкъ, конечно изъ «новыхъ», возвращаясь вечеромъ съ урока заходить къ Излеру (естественнѣе чего трудно представить себѣ что-нибудь). На плечахъ у него, разумѣется, пледъ, подмышкою нѣсколько книгъ изъ библіотеки (Карлъ Фогтъ, Молешотъ, Бокль). Гнушаясь исполняемыми на сценѣ куплетами, онъ задумчиво бродитъ по саду, мысленно осуждая его посѣтителей, и вдругъ замѣчаетъ сидящую на скамейкѣ молодую нарумяненную дѣвушку изъ числа «падшихъ». Она плачетъ, но старается скрыть свои слезы отъ публики. Она несчастна. Надо ей помочь, вывести ее изъ ужаснаго ея положенія. Герой заводитъ съ ней разговоръ,

развертываетъ передъ нею потрясающую картину ея существованія, горячо говорить о чувствѣ собственнаго достоинства, о значеніи личности и т. д. Конечно, дѣвушка потрясена; рыдая, она сообщаетъ молодому человѣку, что сама уже пять лѣтъ какъ ищетъ выхода изъ «этой жизни», но никакъ не можетъ найти его. Тогда мой герой (кстати, приверженецъ идеи о свободѣ любви) предлагаетъ ей поселиться съ нимъ вмѣстѣ, чтобы совмѣстно развиваться и работать на общую пользу. Дѣвушка, конечно, соглашается—но тутъ и очерку конецъ. Словомъ, все, до послѣдней мелочи, было у меня почти такъ же естественно, какъ въ рассказахъ автора, взятаго мною за образецъ. Рассказецъ написанъ у меня какъ-то очень скоро, гораздо скорѣе, чѣмъ я ожидалъ, и вышелъ значительно короче, чѣмъ я думалъ. Перечитывая его, я самъ чувствовалъ, что онъ хромаетъ, въ смыслѣ литературности, но пренебрегъ этимъ, соображая, что форма въ рассказѣ—послѣднее дѣло; была бы только идея хороша. Поэтому я переписалъ свое произведеніе набѣло и рѣшилъ отвезти его въ «Русское Слово».

Сердце мое сильно билось, когда я прибылъ въ редакцію и предсталъ предъ Г. Е. Благосвѣтловымъ. Онъ принялъ меня довольно сухо—видно юные авторы, въ родѣ меня, успѣли уже достаточно надоесть ему—и сказалъ, чтобы я зашелъ черезъ двѣ недѣли. Не скрою, что эти двѣ недѣли я провелъ въ большомъ возбужденіи, терзаясь вопросомъ, попадетъ ли или не попадетъ мой очеркъ въ печать. Нечего и говорить, что напечатанъ онъ не былъ: въ назначенное время редакторъ, безъ всякихъ объясненій, возвратилъ мнѣ его. Объ этой попыткѣ моей выступить беллетристомъ, какъ и обо всемъ прочемъ, касающемся меня лично, я упоминаю здѣсь только потому, что въ ту пору не я одинъ, не имѣя еще никакихъ житейскихъ познаній, покушался на литераторство: такихъ, какъ я, было тогда весьма достаточно, такъ что меня, до нѣкоторой степени, можно считать во многихъ отношеніяхъ лицомъ собирательнымъ.

Неудачный исходъ моей попытки былъ очень полезенъ для меня въ томъ отношеніи, что понудилъ вникнуть поглубже въ вопросъ о томъ, достаточно ли ясны для меня характеры людей, которыхъ я взялся было описывать. Самолюбіе говорило: «достаточно», а разумокъ нашептывалъ противное, и мысли мои стали двоиться. Но окружающая атмосфера—всѣ эти кружковыя вечеринки, непререкаемыя сужденія сверстниковъ, подпольные листки и проч. не давали мнѣ (да и не мнѣ одному) возможности сосредоточиться. Несомнѣнно, что въ тогдашнемъ воздухѣ было что-то гипнотизирующее, тѣмъ болѣе, что противная реформамъ партія все выше поднимала голову, заставляя либеральную партію настораживаться. Казалось—особенно намъ, молодежи—будто

между противниками, готовится схватка, и ужь само собою разумѣется, что мы не сомнѣвались въ будущемъ торжествѣ «нашего» лагеря. Какъ водится, мы были ослѣплены нашими невѣрными представленіями о дѣйствительности и, вмѣсто несомнѣннаго усиленія консервативнаго течения въ обществѣ, видѣли побѣдоносное шествіе либерализма. Учащавшіеся въ Петербургѣ аресты ничуть не являлись для насъ предзнаменованіемъ совершавшейся въ обществѣ переменѣ; напротивъ, мы видѣли въ нихъ доказательство слабости нашихъ противниковъ, которые, на нашъ взглядъ, будто бы растерялись и не знаютъ, что дѣлать. Даже такой явный общественный симптомъ, какъ рѣзкая переменѣ фронта со стороны Каткова, изъ поклонника англійскихъ конституціонныхъ порядковъ открыто обратившагося въ проповѣдника противоположныхъ началъ и бросившаго перчатку Герцену, не уяснила намъ истиннаго положенія дѣлъ. Мы не поняли, что поступокъ Каткова знаменовалъ собою поворотъ въ общественномъ настроеніи—поворотъ, послѣдствія котораго дали знать себя черезъ нѣсколько лѣтъ. Каждый изъ насъ навѣрное призналъ бы тупицею того, кто осмѣлился бы доказывать намъ, что взглядъ московскаго публициста ближе и понятнѣе массѣ, чѣмъ наши проекты переустройства общественныхъ отношеній, не имѣвшіе почвы и потому смахивавшіе на воздушные замки.

Юные умы искали дѣятельности и не находили ея, отчасти по неподготовленности на къ какому практическому дѣлу, отчасти по неумѣнію отличить возможное отъ невозможнаго. Стремленія народа, тѣхъ самыхъ «мужичковъ», о которыхъ столько толковали тогда, оставались загадкою; поэтому принято было а priori, что народъ хочетъ именно того, чего хотимъ мы, т. е. «свободы, равенства и братства». Слѣдовательно, намъ оставалось только взять на себя руководство и «организовать» движеніе. Большія надежды возлагались, между прочимъ, на раскольниковъ, какъ элементъ «оппозиціонный»; многимъ казалось, что ничего нѣтъ легче, какъ «поднять» ихъ: пріѣхать въ какой-нибудь скитъ, потолковать по душѣ—и дѣло въ шляпѣ. Потомъ махнуть въ другой скитъ, въ третій и т. д. А когда всѣ раскольники «поднимутся», тогда... но какъ поступить въ такомъ случаѣ, объ этомъ и мысли не было. Повидимому, предполагалось, что все сдѣлается само собою, въ силу «логики вещей». Нѣкоторые предлагали оставить раскольниковъ въ покоѣ, причемъ ссылались на ихъ односторонность, предлагая вмѣсто нихъ лучше «поднять» югъ и Поволжье. Странно одно: среди юнцовъ, обсуждавшихъ подобныя вопросы, было немало людей, далеко не глупыхъ, но и изъ нихъ никто, кажется, не видѣлъ нелѣпости словопреній на такія темы. Всѣмъ казалось, что въ этомъ-то и заключается подлинное «дѣло», которое

надо дѣлать. Отсюда та энергія, съ которою, среди большихъ личныхъ опасностей и при скудости матеріальныхъ средствъ, были печатаемы и распространяемы всякаго рода отдѣльные листки и брошюрки. Все это было плодомъ какъ недомыслія и незнакомства тогдашней молодежи съ жизнью, такъ и неумѣнія или нежеланія лицъ, стоявшихъ у власти, дать надлежащее приложеніе бродившимъ молодымъ силамъ.

Само собою разумѣется, что къ увлекавшейся молодежи не замедлили пристроиться разные люди «себѣ на умѣ», потерпѣвшіе неудачу на жизненномъ поприщѣ и съумѣвшіе подъ маскою радикаловъ и революціонеровъ поставить себя въ возможность эксплуатировать довѣрчивыхъ юношей, отдававшихъ имъ свои послѣдніе гроши «на дѣло». Со временемъ начали появляться экземпляры смысленныхъ людей и ихъ сожительницъ или «гражданскихъ жёнъ», по тогдашнему модному выраженію, которые собственно никакихъ услугъ «дѣлу» не оказывали, а между тѣмъ жили на средства, слагавшіяся изъ складчины; а складчина эта собиралась среди невѣдомой имъ, жившей впроголодь, но фанатизованной молодежи. Впослѣдствіи, когда движеніе получило нѣкоторую организацію, явились еще и какіе-то закулисные диктаторы, которые, сидя гдѣ-нибудь въ безопасномъ мѣстѣ, таинственно руководили оттуда группами молодыхъ людей, подводя ихъ подъ удары рока. Роль ихъ удачно очерчена Тургеневымъ въ лицѣ «Василія Ивановича» («Новь»).

Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. М. Карамзинъ и А. С. Шишковъ.

Письмо Г. Р. Державина—А. С. Шишкову.

12-го февраля 1816 г. суббота.

Подноситель сего письма вашему превосходительству есть самый тотъ, который переводилъ на нѣмецкой языкъ сочиненія вашего всемилостивѣйшій и славный манифестъ, изданный сего года въ 1-й день января. Если переводчикъ удачно изобразилъ ваши мысли и предъ прочими переводчиками вразумительнѣе, то и безъ моей просьбы заслужить ваше благорасположеніе. Если жъ ему въ томъ не посчастливилось, то по усердію его въ семь трудѣ, а паче по доброму вашему сердцу помогать ближнимъ, сколько гдѣ можно, осмѣливаюсь васъ просить принять его въ ваше покровительство и рекомендовать по знакомству вашему кому-либо изъ генеральнаго штаба государю императору. Онъ человѣкъ съ нарочитыми способностями, хорошаго поведенія, честный, но бѣдный, такъ что не имѣетъ почти съ женою своею и съ дѣтьми дневнаго пропитанія, будучи на маломъ жалованьѣ въ службѣ военно-сиротскаго дома; не дурно по-русски пишетъ и можетъ быть съ пользою употребленъ на службу. Симъ вы изволите доставить оной способнаго человѣка и заслужить вѣчную себѣ благодарность.

Московскій пріѣзжій авторъ Николай Михайловичъ Карамзинъ будетъ ко мнѣ въ наступающій вторникъ обѣдать: не угодно ли и вамъ будетъ ко мнѣ пожаловать и составить пріятную компанію. Мнѣ чрезвычайно желается спознакомить васъ. Пребываю впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію.

Николай Ивановичъ Тургеневъ

ВЪ СВОЕМЪ ОПРАВДАНИИ.

(Изъ бумагъ Павла Васильевича Жуковскаго).

1⁴).

Когда разыгрываются такія важныя политическія событія, какъ возмущеніе 14-го декабря 1825 г., то умами овладѣваетъ тревога, которая мѣшаетъ зачастую безпристрастному истолкованію фактовъ, и лица, коимъ поручается разслѣдованіе преступныхъ замысловъ, легко поддаются чувству негодованія, которое весьма естественно выразилось особенно ярко въ Донесеніи слѣдственной комиссіи. Но эти чувства, какъ бы ни былъ похваленъ ихъ источникъ, могутъ быть весьма опасны для правосудія, если поведеніе обвиняемыхъ будетъ опредѣляться не поступками, совершенными каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, но всею совокупностью тѣхъ гнусныхъ намѣреній и дѣйствій, преступная связь которыхъ выясняется слѣдствіемъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о какомъ-нибудь заговорѣ, какъ бы онъ ни былъ ужасенъ, надобно судить обвиняемаго лишь на основаніи того, насколько этотъ заговоръ былъ извѣстенъ ему лично. Мысль о царевубійствѣ заставляетъ содрогаться, но невольно ужасаешься и при мысли, что въ этомъ преступленіи могутъ быть обвинены люди, коимъ столь гнусное намѣреніе было совершенно неизвѣстно.

Событіе 14-го декабря 1825 г. отнюдь не должно ухудшить положеніе тѣхъ лицъ, которыя ранѣе ничего не знали о немъ, а когда оно вспыхнуло, не имѣли ни желанія, ни возможности принять въ немъ, хотя бы косвенно, малѣйшаго участія.

⁴) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 года.

Однимъ изъ обвиняемыхъ, о коемъ упоминается въ донесеніи слѣдственной комиссіи, былъ Николай Тургеневъ. Онъ былъ причисленъ, въ его отсутствіе, ко второму разряду государственныхъ преступниковъ, къ числу лицъ первой категоріи этого разряда. Подробный разборъ касающихся его свидѣтельскихъ показаній, заключенныхъ въ Донесеніи, докажетъ его невинность.

Этому разбору необходимо предпослать нѣкоторыя поясненія.

Николай Тургеневъ, проведя нѣсколько лѣтъ за границею, сначала для довершенія своего образованія, а затѣмъ состоя чиновникомъ на государственной службѣ, возвратился въ Россію два года спустя послѣ умиротворенія Европы въ 1815 г. Съ этого времени онъ былъ всецѣло поглощенъ одною мыслию, которую не колеблясь долженъ высказать, хотя ему хорошо извѣстно, что она создала ему многочисленныхъ враговъ и была единственною причиною всѣхъ тяготѣющихъ надъ нимъ обвиненій.

Эти злосчастныя обвиненія высказываются противъ него до сихъ поръ нѣкоторыми лицами. Неотступная мысль, всецѣло наполнявшая его душу и все его существо, была идея о возможности освобожденія крестьянъ.

Предавался ли Николай Тургеневъ обманчивымъ мечтамъ, делѣя эту мысль, или же онъ постигъ истинный и возвышенный духъ христіанскаго ученія; заблуждался ли онъ, питая несбыточныя мечты, или же онъ здраво понималъ настоящія потребности Россіи и источникъ ея будущаго благосостоянія, это вопросы, которые не подлежатъ въ настоящую минуту обсужденію и разъясненію.

Подобная мысль можетъ показаться многимъ безуміемъ, но ни одинъ безпристрастный человекъ не признаетъ ее преступленіемъ. Здѣсь упоминается о неотступной мысли, не дававшей покоя Тургеневу не потому, что его приходится защищать въ этомъ отношеніи, ибо Донесеніе слѣдственной комиссіи отнюдь не ставитъ этого ему въ вину.—Объ этомъ говорится только потому, что это объясняетъ его поведеніе во всей его совокупности, и потому что это обстоятельство главнымъ образомъ создало ему репутацію либерала, что въ свою очередь подало поводъ ко всевозможнымъ обвиненіямъ и приумножило до безконечности тѣ толки и ничѣмъ недоказанные слухи, кои зачастую принимаются самыми добросовѣстными людьми за непреложное доказательство виновности.

Въ 1821 г. Николай Тургеневъ издалъ сочиненіе о теоріи налоговъ, въ которомъ онъ высказалъ свои мысли объ освобожденіи крестьянъ и благодаря которому онъ заслужилъ славу либерала, оказавшуюся для него со временемъ столь пагубной.

Изъ всѣхъ сообществъ, о коихъ упоминается въ Донесеніи, Союзъ Благодѣнствія, распавшійся въ 1821 г., былъ единственнымъ обществомъ, въ которомъ онъ состоялъ членомъ. Надежда послужить

своей излюбленной идеѣ была единственной побудительной причиною, которая заставила его вступить въ это общество. Несмотря на то, что оно проявляло самую незначительную дѣятельность, онъ все же старался обратить вниманіе членовъ на необходимость освобожденія крестьянъ. Всѣ сдѣланныя имъ по этому поводу предложенія сводились къ однимъ разговорамъ; и онъ не думалъ до прочтенія Донесенія слѣдственной комиссiи, что дѣятельность того общества выразилась въ чемъ-либо иномъ кромѣ разговоровъ.

Николай Тургеневъ былъ удостоенъ милостей покойнаго императора Александра и питалъ къ его особѣ чувства глубокой преданности, весьма мало совмѣстимыя съ преступными замыслами и съ участіемъ въ заговорѣ, въ чемъ его обвиняютъ. Его императорскому величеству были извѣстны его взгляды касательно освобожденія крестьянъ; онъ имѣлъ въ рукахъ записку, поданную ему Тургеновымъ по этому поводу, которая удостоилась высочайшаго одобренія. Его императорскому величеству также было извѣстно, что имя Николая Тургенева находилось въ спискѣ членовъ Союза Благоденствія. Несмотря на это, императоръ оказывалъ ему по-прежнему всевозможныя милости.

Николай Тургеневъ, видя, что его здоровье было подорвано трудами, коими онъ былъ обремененъ въ Государственномъ Совѣтѣ, рѣшилъ, весной 1823 г., уѣхать за границу, не оставляя однако службы.

Услыхавъ, что въ скоромъ времени должно было освободиться мѣсто, которое онъ имѣлъ право занять, Тургеневъ написалъ императору письмо, выразивъ желаніе получить это мѣсто. Два или три дня спустя императоръ приказалъ графу Аракчееву передать ему въ отвѣтъ, что государю неизвѣстно о томъ, что означенное мѣсто освободится, но что вообще его величество желалъ бы, чтобы Тургеневъ остался въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ онъ ему полезенъ. Если же ограниченное содержаніе, получаемое имъ на этомъ мѣстѣ, и отсутствіе личныхъ средствъ заставляютъ его нуждаться въ денежномъ пособіи, то государь готовъ оказать ему таковое.

Упомянувъ о томъ, что онъ отказался отъ этого предложенія и отвѣчалъ, что, обращаясь къ его величеству, онъ не искалъ денегъ, Тургеневъ говорить это не ради хвастовства, а для того, чтобы сказать, что его отвѣтъ удостоился одобренія императора. Этотъ новый знакъ высочайшей милости заставилъ его предаться своимъ служебнымъ обязанностямъ съ удвоеннымъ рвеніемъ, что отразилось на его здоровьѣ, и на слѣдующій годъ врачи были вынуждены послать его въ Карлсбадъ. Его императорское величество благоволило разрѣшить ему эту поѣздку и повысилъ его въ то же время по службѣ, разрѣшивъ ему отпускъ съ сохраненіемъ содержанія и приказавъ выдать ему извѣстную сумму денегъ на путевыя издержки. Это не все; его величество приказалъ

генералу графу Аракчееву передать Тургеневу, что государь совѣтуетъ ему остерегаться за границею злонамѣренныхъ людей, коихъ звездъ много и которые навѣрно постараются обойти его.

— Передайте ему,—присовокупилъ его величество,—что я, приказывая ему быть осторожнымъ, даю ему этотъ совѣтъ не какъ монархъ, а какъ христіанинъ.

Совѣтъ, данный со столь трогательной добротою, свидѣтельствуетъ о томъ, что императоръ придавалъ надлежащее значеніе обвиненіямъ, предъявленнымъ противъ Николая Тургенева, котораго неоднократно старались погубить въ его глазахъ, и что онъ хотѣлъ предостеречь его отъ политическихъ заблужденій, коимъ онъ отчасти считалъ его доступнымъ, не думая однако, что онъ былъ недостоенъ его благоволенія или способенъ запятнать себя государственнымъ преступленіемъ.

Николай Тургеневъ уѣхалъ въ Карлсбадъ 9-го августа 1824 г. Никто не обвиняетъ его въ томъ, что онъ велъ преступную переписку съ кѣмъ-либо въ Россіи или занимался какими-либо происками за границею. Чрезвычайно важно опредѣлить вполнѣ точно время его отъѣзда, ибо это дастъ возможность опровергнуть самое серьезное обвиненіе, направленное противъ него.

Въ то время когда вспыхнуло возмущеніе 14-го декабря 1825 г., Николая Тургенева уже не было въ Россіи годъ и восемь мѣсяцевъ. На требованіе явиться въ слѣдственную комиссію въ качествѣ соучастника въ возмущеніи 14-го декабря 1825 г., обвиняемаго въ государственномъ преступленіи, онъ отвѣчалъ, что имъ уже послана въ Петербургъ объяснительная записка относительно его принадлежности къ тайному обществу; этой записки, по его мнѣнію, было вполнѣ достаточно для его полного оправданія, а состояніе здоровья не позволяло ему принять путешествіе.

Николай Тургеневъ спѣшитъ оговориться: онъ понимаетъ, что его отказъ явиться въ слѣдственную комиссію могъ возстановить противъ него самыхъ безпристрастныхъ лицъ, но нѣтъ надобности доказывать, что его отсутствіе не могло ни въ какомъ случаѣ усугубить его вину. Явясъ въ судъ, или отсутствуя, Николай Тургеневъ, разумѣется, не былъ отъ этого ни болѣе, ни менѣе виновенъ; но его отсутствіе могло показаться, что онъ боялся объясненій, къ тому же онъ не имѣлъ возможности разъяснить письменно нѣкоторыя сомнѣнія, которыя онъ могъ бы разъяснить въ умѣ своихъ судей лично.

Его постигло между прочимъ одно обстоятельство, неизбежное при производствѣ всякаго судебного слѣдствія, въ которомъ замѣшано большое число лицъ, а именно, что прочіе сообвиняемые, зная объ его отсутствіи, не стѣснялись обвинять его, либо съ цѣлью снять съ себя нѣ-

которую долю своей вины либо для того, чтобы облегчить положеніе того или другаго изъ своихъ единомышленниковъ.

Николай Тургеневъ не оправдывается въ томъ, что онъ не явился въ комиссію, онъ только объясняетъ причины этого обстоятельства и указываетъ на послѣдствія, какія оно имѣло.

Его отсутствіе было вредно только для него самого, оно не могло усугубить его вину, но оно не дало ему возможности оправдаться. Докладъ слѣдственной комиссіи производить при чтеніи, въ общемъ, впечатлѣніе связнаго литературнаго произведенія.

Редакторъ увлекся желаніемъ создать изъ своего труда одно стройное цѣлое, поэтому онъ не довольствовался изложеніемъ фактовъ во всей ихъ наготѣ, но обобщилъ ихъ, тогда какъ они касались только каждаго изъ обвиняемыхъ лично, связалъ ихъ въ одно цѣлое, тогда какъ они были безсвязны, смѣшалъ ихъ, тогда какъ они были раздѣлены пространствомъ и временемъ.

Прежде нежели опровергать обвиненія, направленные лично противъ него, Николай Тургеневъ долженъ разсмотрѣть эти обвиненія, устранить изъ нихъ всѣ постороннія прикрасы и ограничиться фактами, касающимися только его лично. Винодность или невинность прочихъ обвиняемыхъ не имѣетъ никакого отношенія къ его виновности или невинности. Читая Донесеніе, трудно прослѣдить рядъ обвиненій, касающихся его лично. Невольно увлекаясь общей связью изложенія и построеннаго на немъ обвиненія, читателю трудно выяснитъ долю личнаго участія въ дѣлѣ каждаго изъ обвиняемыхъ. Дополненіе, приложенное къ Донесенію, могло бы сослужить въ этомъ отношеніи нѣкоторую пользу, но оно разнится съ Донесеніемъ въ столь существенныхъ пунктахъ и такъ плохо вяжется съ приведенными въ немъ датами и фактами, что не только не уменьшаетъ, но еще болѣе увеличиваетъ путаницу. Въ виду необходимости выяснитъ какъ можно точнѣе тѣ пункты, на коихъ должна быть построена защита, читатель будетъ конечно искать отвѣта въ Донесеніи, какъ документѣ главномъ и официальномъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Донесеніе и Дополненіе къ нему находятся въ разногласіи, и когда надобно остановиться на одномъ изъ нихъ. Слѣдовательно, для того чтобы отвѣтитъ обстоятельно на всѣ пункты, въ коихъ Николай Тургеневъ обвиняется, надобно прежде всего выдѣлать изъ Донесенія все, что касается его лично, для того чтобы составить себѣ ясное понятіе, въ чемъ именно заключается это обвиненіе. Всѣ пункты, въ коихъ упомянуто его имя, будутъ приведены съ величайшей точностью и подвергнуты критикѣ съ двойкой точки зрѣнія: можно ли было обвинить Тургенева и произнести приговоръ на основаніи этихъ фактовъ, если судить о нихъ только по Донесенію слѣдственной комиссіи, какъ оно ихъ изображаетъ? Установлены ли

эти факты законнымъ образомъ и доказаны ли они юридически? Правдивы ли эти факты и правдоподобны ли они?

Всѣ мѣста Донесенія, въ коихъ упоминается имя Николая Тургенева, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ девяти фактамъ или обвинительнымъ пунктамъ:

1-й фактъ. Николай Тургеневъ думалъ вмѣстѣ съ генераль-маіоромъ Михаиломъ Орловымъ и съ графомъ Мамоновымъ завести общество, подъ названіемъ «Русскихъ рыцарей». Это общество, коего уставъ предполагалось представить на утвержденіе его величества императора Александра, «не было составлено».

2-й фактъ. Коренная Управа Союза Благоденствія предполагала основать журналъ; въ примѣчаніи къ Донесенію объ этомъ говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

3-й фактъ. «Изданіе журнала предпринималъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Тургеневъ; есть нѣсколько возмутительныхъ пьесъ, которыя тогда были сочинены и, можетъ быть, распускаемы, но точно ли по предписаніямъ тайнаго общества, того нельзя сказать утвердительно».

4-й фактъ будетъ переданъ точными словами Донесенія.

«По крайней мѣрѣ достоверно, что между ними (т. е. членами Общества) были разговоры и пренія, которыя инымъ могли казаться правильными совѣщаніями о разныхъ образахъ правленія... А въ началѣ 1820 г. было, какъ показываетъ полковникъ Пестель, въ Санктпетербургѣ собраніе Коренной Думы (или Управы), которая по уставу имѣла въ союзѣ власть законодательную. Въ семь собраній, Пестель по вызову члена, исправлявшаго должность Блестителя, исчислялъ выгоды и невыгоды правленій монархическаго и республиканскаго, и послѣ многихъ разсужденій собирали голоса; всѣ, утверждаетъ Пестель, объявили, что предпочитаютъ республиканское правленіе; между прочими Николай Тургеневъ слѣдующими словами: un président sans phrases ¹⁾, кромѣ одного полковника Глинка», который былъ инаго мнѣнія. Сіе заключеніе Коренной Управы, по увѣренію Пестеля, опредѣлено было сообщить всѣмъ другимъ, и онъ сообщилъ его Тульчинской; съ тѣхъ поръ, прибавляетъ онъ, республиканскія мысли стали брать верхъ надъ монархическими, хотя члены еще говорили, что если императоръ Александръ самъ даруетъ Россіи хорошіе, по ихъ мнѣнію, законы, то они будутъ его вѣрными приверженниками и оберегателями. Но сія показанія полковника Пестеля не всѣ подтверждены другими допрошенными; одинъ (Глинка) говоритъ, что все рассказываемое происходило не на правильномъ совѣщаніи, а въ обыкновенномъ разговорѣ о раз-

¹⁾ Объявляю безъ фразъ, что хочу президента.

ныхъ политическихъ предметахъ. Фонъ-дербригенъ утверждаетъ, что большая часть присутствовавшихъ тутъ членовъ была не готова къ разсужденіямъ сего рода и къ объявленію какого-нибудь рѣшительнаго мнѣнія, что между прочими, онъ и Глинка отrekliсь дать свое, что Тургеневъ, вмѣсто приписываемыхъ ему словъ, сказалъ просто: «Республиканское правленіе съ президентомъ очень хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства въ народномъ представленіи». «Титулярный совѣтникъ Семеновъ прибавляетъ, что не было сдѣлано никакого опредѣленія, и совѣщаніе кончилось споромъ, въ коемъ полковникъ Глинка доказывалъ, что въ Россіи не можетъ существовать никакое правленіе кромѣ монархическаго. Наконецъ, ни одинъ не упоминаетъ о предложеніи касательно императрицы Елисаветы.

«Впрочемъ, все происходившее на семъ совѣщаніи, какъ показываетъ Никита Муравьевъ, не имѣло никакого вліянія на образъ мыслей и дѣвствія членовъ вообще; не сдѣлано въ слѣдствіе того никакихъ предписаній подвѣдомственнымъ управамъ, кромѣ Тульчинской; на многихъ бывшихъ послѣ собраній не говорено о республиканскомъ правленіи, а разсуждали о перемѣнѣ образованія и ходѣ Союза Благоденствія, и самъ Пестель свидѣтельствуетъ, что отъ начала до разрушенія сего Союза, ни одно правило не было постоянно признаваемо, и часто все единогласно рѣшенное чрезъ нѣсколько часовъ такъ же единогласно отмѣняли».

5-й фактъ. «Однако жъ въ исходѣ 1820 г. и между членами Южной Управы начали оказываться холодность, несогласія во мнѣніяхъ...» Пестель предложилъ, для прекращенія разномыслія, учредить временное Диктаторство; сіе предложеніе, равно и другое, чтобы замѣнить Диктатора Тріумвиратомъ, отвергнуты, а положено быть въ Москвѣ съѣзду депутатовъ Союза, для точнѣйшаго опредѣленія цѣли и дѣйствій онаго... Генераль-маіоръ фонъ-Визинъ пріѣзжалъ изъ Тульчина въ Петербургъ для приглашенія депутатовъ, и въ Москву отправились Николай Тургеневъ и Глинка... Сямъ членамъ, на многихъ предварительныхъ собраніяхъ, генераль фонъ-Визинъ предлагалъ раздѣлить общество на три разряда.

«Тутъ опять начались несогласія и споры; предложеніе фонъ-Визина отвергали Николай Тургеневъ (избранный предсѣдателемъ на время съѣзда и, по словамъ Комарова, показывавшій себя весьма умѣреннымъ), генераль-маіоръ Орловъ, Бурцовъ, Колошинъ и Комаровъ..., а въ концѣ февраля (1821 года) на общемъ засѣданіи, положено уничтожить Союзъ. Тургеневъ, какъ предсѣдатель, отъ имени всѣхъ уполномоченныхъ членовъ, объявилъ прочимъ, что ихъ сообщество разрушилось совершенно и навсегда, какъ по возникшему въ ономъ разно-

мыслию, такъ и для того, чтобы не возбудить подозрѣнія правительства. Уставъ Союза Благоденствія и прочія бумаги сожжены».

6-й фактъ. Фактъ составляетъ продолженіе предъидущаго, въ Донесеніи объ немъ говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Руководители оной (Коренной Управы) тогда же рѣшились современемъ составить новое общество и раздѣлить его на двѣ степени, съ тѣмъ, чтобы только принадлежащимъ къ первой была извѣстна настоящая цѣль онаго: готовить Россію къ измѣненію государственныхъ установленій».... Якушкинъ утверждаетъ, что сіе тайное общество, съ названіемъ, коего онъ не помнитъ, и новымъ Уставомъ, тогда же и составилось; генераль-маіоръ фонъ-Визинъ, напротивъ, что все окончилось одними предположеніями и признаніемъ, нѣсколько разъ повтореннымъ, что никакая цѣль не оправдываетъ средствъ.

«Титулярный совѣтникъ Семеновъ показываетъ, что Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 году, начиналъ изъ нѣкоторыхъ членовъ уничтоженнаго Союза составлять новое тайное общество; въ оное приглашалъ прежнихъ, князя Оболенскаго, полковника Нарышкина и его, Семенова; да принялъ полковника Митькова, Якова Толстаго и Миклашевскаго. Вскорѣ потомъ гвардія выступила въ походъ, и дѣйствія Общества прекратились. Семеновъ не знаетъ, имѣло ли оно Уставъ; онъ прибавляетъ, что ни Тургеневъ, ни другіе члены сего Общества не обнаруживали при немъ (Семеновѣ) злодѣйственныхъ намѣреній противъ императорской фамилии.

«Только въ исходѣ 1822 года, сіе Петербургское, или Сѣверное Общество снова образовалось. Его раздѣлили на Убѣжденныхъ и Соединенныхъ или Согласныхъ. Союзъ Убѣжденныхъ или Верхній Кругъ оставлялся изъ основателей.

«Главными изъ сихъ основателей, или возобновителей Общества, по словамъ Никиты Муравьева, были: онъ самъ, князь Оболенскій и Николай Тургеневъ, который однако же не участвовалъ въ принятіи новыхъ членовъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ Сѣвернаго Общества, Соединенныхъ и Убѣжденныхъ, равно какъ и въ Южномъ, членовъ принимали безъ всякихъ обрядовъ».

7-й фактъ. Въ томъ же дополненіи къ Донесенію упоминается объ этомъ фактѣ слѣдующее:

«Въ концѣ 1823 г., рѣшась для лучшаго успѣха имѣть трехъ предсѣдателей, присоединили къ нему князя Сергѣя Трубецкаго, лишь возвратившагося изъ-за границы, и князя Евгенія Оболенскаго».

«Мѣсто правителя предлагали Николаю Тургеневу; онъ отказался за нездоровьемъ, множествомъ иныхъ занятій и худымъ успѣхомъ его предсѣдательства въ Москвѣ».

8-ой фактъ. По поводу этого и слѣдующаго обвиненія, въ высшей

степени важно точно опредѣлить даты, на основаніи всего сказаннаго въ Донесеніи:

«Въ 1825 г. былъ и самъ Пестель (въ Петербургѣ)... ему противились во многомъ, и однажды онъ, въ нетерпѣннй ударивъ по столу, сказалъ: такъ будетъ же республика; всѣ согласились съ его мнѣніемъ и видами. Но члены Петербургскаго Общества показываютъ другое... По словамъ Никиты Муравьева, Пестель послѣ пріѣзда въ Петербургъ на собраніи при князѣ Трубецкомъ, Оболенскомъ, Николаѣ Тургеневѣ, Рыльевѣ, Матвѣѣ Муравьевѣ-Апостолѣ, жаловался на недѣятельность Сѣвернаго Общества, предлагалъ слить оба Общества въ одно, назвать Б о я р а м и главныхъ петербургскихъ членовъ, имѣть однихъ начальниковъ, всѣ дѣла рѣшать большинствомъ голосовъ Б о я р ѣ, обязать ихъ и прочихъ членовъ повиноваться слѣпо симъ рѣшеніямъ; предложеніе было принято, какъ сказалъ князь Трубецкой Никитѣ Муравьеву, который не былъ на семъ собраніи».

9-ый и послѣдній фактъ Донесенія. Черезъ годъ послѣ того (въ исходѣ 1824 г., черезъ годъ послѣ конца 1823 г.) князь Трубецкой отправился въ Кіевъ... на мѣсто князя Трубецкаго сдѣланъ членомъ Директоріи или Думы Рыльевъ.

Между тѣмъ и въ Петербургскомъ Обществѣ явилась бѣлая протѣя прѣжняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени вступленія Рыльева въ Думу на мѣсто князя Сергѣя Трубецкаго. Онъ и принятый имъ въ апрѣлѣ 1825 г., причисленный къ Верхнему Кругу Александръ Бестужевъ, тѣсно связанный съ нимъ... ревностнѣе всѣхъ старались распространять свои правила и умножать число сообщниковъ, хотя Бестужевъ и утверждаетъ, что съ перваго засѣданія его въ Кругѣ Убѣжденныхъ онъ увѣрился въ ничтожности силъ ихъ Общества... Имъ и Рыльвымъ, прямо и чрезъ другихъ, приняты многіе новыя члены».

Въ числѣ этихъ новыхъ членовъ въ Донесеніи названъ Торсовъ, время поступленія коего опредѣлено, слѣдовательно, точнымъ образомъ; оно послѣдовало въ 1825 г.

Около сего же времени, сказано въ Донесеніи, то-есть въ теченіе 1825 г., члены Сѣверной Думы познакомились съ пріѣхавшимъ изъ Грузіи капитаномъ Якубовичемъ».

«Осенью въ семъ же 1825 году, другой человекъ (подполковникъ Батеньковъ)... вошелъ случайно въ пріятельскія связи съ Рыльевымъ и Александромъ Бестужевымъ».

«Пріѣздъ сего послѣдняго (Якубовича) въ Петербургъ, его разговоры, объявленный имъ умыселъ, сильно дѣйствовали на тогдашняго начальника Сѣверной Думы, Рыльева... «Вотъ увидишь, когда возвратится государь (изъ Таганрога), мы что-нибудь

предпримемъ», сказалъ онъ въ отвѣтъ на вопросъ Пушина, что они дѣлаютъ.

На вопросъ «что дѣлать, если государь не согласится на ихъ условія? онъ (Рылѣвъ) сказалъ: не вывезти ли за границу? Къ сему мнѣнію пристали: Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Оболенскій и Николай Тургеневъ, и что для сего ему отъ Думы велѣно приготовить Кронштадтскій флотъ, чрезъ надежныхъ офицеровъ».

Въ этихъ девяти пунктахъ извлечены изъ Донесенія слѣдственной комиссіи всѣ мѣста, въ конхъ упоминается имя Николая Тургенева.

П е р в ы й ф а к т ь .

Относительно этого факта въ оправданіе достаточно будетъ привести объясненія, заимствованныя изъ самаго же Донесенія слѣдственной комиссіи.

1) Общество «Русскихъ рыцарей», второе изъ упомянутыхъ въ Донесеніи, осталось, по словамъ того же Донесенія, въ проектѣ, который не былъ осуществленъ и Общество не было составлено.

2) Намѣреніе, которое имѣлъ генералъ-маіоръ Михаилъ Орловъ при составленіи этого проекта, который не былъ выполненъ, было чисто и невинно, такъ какъ онъ хотѣлъ представить его на утвержденіе его императорскаго величества; это обстоятельство не было извѣстно Тургеневу, но оно подтверждается Донесеніемъ. Оба эти обстоятельства лишаютъ вышеупомянутые факты характера виновности; они говорятъ въ оправданіе Тургенева и не опровергаются показаніями другихъ лицъ.

Сверхъ того Николай Тургеневъ присовокупляетъ, что онъ никогда не видалъ графа Мамонова и что генералъ Орловъ сообщилъ ему только обряды двухъ масонскихъ степеней, заимствованные, какъ онъ полагаетъ, изъ уставовъ старинныхъ масонскихъ ложъ, существовавшихъ въ Москвѣ. Наконецъ, что проектъ и даже самое названіе Общества «Русскихъ рыцарей» не были ему извѣстны до прочтенія Донесенія слѣдственной комиссіи. Точно также до этого времени ему не было извѣстно объ отношеніяхъ, которыя существовали между Александромъ Муравьевымъ и генераломъ Орловымъ.

Самое главное возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано относительно перваго факта, заключается въ томъ, что графъ Мамоновъ, который, судя по Донесенію, принималъ въ этомъ обществѣ такое же участіе, какъ Николай Тургеневъ, ни въ чемъ не обвиненъ. Слѣдовательно, этотъ фактъ самъ по себѣ не былъ преступенъ; напротивъ, онъ могъ считаться невиннымъ, ибо не подалъ повода къ преслѣдованію противъ

одного изъ соучастниковъ. Спрашивается, можетъ ли фактъ, признанный невиннымъ, быть вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ виновности? Очевидно нѣтъ.

Но на это могутъ сказать, что если этого факта недостаточно для обвиненія, то онъ все же имѣетъ значеніе какъ внушающей подозрѣніе, которое въ связи съ прочими обвиненіями усиливаетъ ихъ.

Нѣтъ, этого не скажутъ, ибо это значило бы пренебречь самыми элементарными принципами уголовного права. Фактъ существуетъ или не существуетъ, онъ доказанъ, или не доказанъ. Если онъ не доказанъ, то естественно онъ не можетъ служить къ обвиненію. Фактъ подозрительный въ связи съ другимъ подозрительнымъ фактомъ еще не имѣетъ значенія доказаннаго факта. Тысячу подозрѣній не равносильны одной уликѣ. Нѣсколько необдуманыхъ поступковъ не составляютъ въ совокупности преступленія. По этому поводу существуетъ нѣсколько выраженій, вошедшихъ въ пословицу, коими не слѣдуетъ пренебрегать, несмотря на ихъ обыденность, или, лучше сказать, самая обыденность ихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что они суть выраженіе здраваго смысла. Такъ на примѣръ говорятъ: «если къ теплой водѣ прибавить теплую воду да еще теплую воду, то не получишь кипятку». Говорятъ еще: «сто бѣлыхъ кроликовъ не составляютъ одной бѣлой лошади». Точно также на языкѣ уголовного права говорятъ: подозрѣнія да подозрѣнія не составляютъ доказательства; неосторожность да неосторожность не составляетъ преступленія.

Этотъ первый фактъ не можетъ внушить даже простаго подозрѣнія; по этому о немъ излишне было бы распространяться.

Надобно еще замѣтить, что показанія свидѣтелей, относящіяся до проекта Общества «Русскихъ рыцарей», отнюдь не могутъ служить доказательствомъ участія Тургенева въ другихъ обществахъ, не имѣвшихъ съ нимъ ничего общаго. Въ дополненіи къ Донесенію доказательства приведены огуломъ, при чемъ между отдѣльными обществами не дѣлается различія. Это смѣшеніе представляетъ двоякаго рода неудобство: оно несправедливо усугубляетъ обвиненіе и мѣшаетъ разобраться въ фактахъ.

В т о р о й ф а к т ъ .

Вступленіе Николая Тургенева во второе изъ упомянутыхъ въ Донесеніи обществъ, въ Союзъ Благоденствія, составляетъ второй пунктъ обвиненія.

Надобно замѣтить, что первое Общество, названное въ Донесеніи Союзомъ Спасенія, прекратило свое существованіе въ то время когда Николай Тургеневъ вступилъ въ Союзъ Благоденствія. Слѣдова-

*

тельно, его не можетъ касаться ни одно изъ тѣхъ важныхъ обвиненій, кои предъявляются къ Союзу Спасенія, ибо Донесеніемъ установлено, что это первое Общество не принимало никакого участія въ дѣлѣ 14-го декабря, и что онъ не былъ къ нему причастенъ.

Дѣйствительно, въ Донесеніи говорится, что Общество было преобразовано послѣ того, какъ Якушкинъ разорвалъ связь съ Союзомъ Спасенія, что былъ сочиненъ новый уставъ Общества, и оно приняло новое имя Союза Благоденствія. Послѣ этого преобразованія прежнее Общество, вполне измѣнившее свой уставъ, не могло считаться существующимъ, ибо оно отказалось отъ того, чѣмъ оно было, и стало со-вѣмъ инымъ. Николай Тургеневъ обвиняется въ принадлежности ко второму Обществу, Союзу Благоденствія, называемому также Обществомъ Зеленой Книги и переплету той книги, въ которой заключался его уставъ, а не къ Союзу Спасенія, которое его вовсе не касается и коего дѣйствія, хотя бы таковыя существовали, и намѣренія, хотя бы ихъ злостность была доказана, было бы несправедливо приписывать ему.

Что же могло быть преступнаго въ принадлежности ко второму Обществу?

Поводомъ къ осужденію не могло быть то обстоятельство, что Союзъ Благоденствія имѣлъ характеръ тайнаго общества.

Дѣйствительно, тайныя общества, масонскія ложи и прочія подобнаго рода собранія не были запрещены въ то время въ Россіи, а все то, что не воспрещено закономъ, считается дозволеннымъ. Законъ, коимъ что-либо воспрещается впредь, не имѣетъ обратнаго дѣйствія. Этотъ принципъ признается всеми законодательствами какъ одинъ изъ основныхъ принциповъ охраненія общественнаго порядка. *Nulla poena sine lege* было всегда неоспоримой аксіомой.

Въ 4 ст. французскаго уголовного кодекса, представляющаго какъ бы переводъ этого изреченія, говорится: «Никакое нарушеніе закона, никакой проступокъ, никакое преступленіе не могутъ подлежать наказанію, если они не были предусмотрѣны закономъ до момента ихъ совершенія».

Принадлежность къ какому бы то ни было обществу можетъ, сама по себѣ, считаться преступленіемъ лишь по столько, по сколько общество преслѣдуетъ какую-нибудь преступную цѣль.

Если эта преступная цѣль выражена въ уставѣ и въ правилахъ общества, въ такомъ случаѣ самое вступленіе въ общество можетъ, само собою разумѣется, считаться преступнымъ, такъ какъ всякій вступающій въ общество членъ обязанъ прочесть и обсудить его уставъ и правила.

Если преступная цѣль не выражена ясно въ уставѣ, то принадлежность къ обществу можетъ быть поводомъ къ обвиненію только при на-

личности какихъ-либо другихъ уликъ. Надобно доказать не только, что Общество имѣло преступную цѣль, но, кромѣ того, что обвиняемому члену Общества эта цѣль была извѣстна.

Что цѣль, выраженная въ уставѣ Союза Благоденствія, была невинна, это вытекаетъ изъ разбора его устава, изложеннаго въ Донесеніи, гдѣ этотъ уставъ изложенъ безо всякаго упоминанія о дѣйствіяхъ правительства.

Цѣль, указанная въ уставѣ, есть благо отечества; и члены выражали въ немъ намѣреніе служить пособниками правительству въ добрѣ.

Программа дѣятельности четырехъ разрядовъ или отраслей общества заключалась въ занятіяхъ вполне законныхъ, которыя можно даже назвать достойными похвалы, хотя въ Донесеніи говорится, что это были весьма обыкновенныя филантропическія и патріотическія мысли, навѣяанныя модой. Обиженность идеи еще не можетъ быть поставлена ей въ вину, ибо означаетъ только, что ее проповѣдуютъ многие и раздѣляютъ почти всѣ, а это бываетъ преимущественно съ тѣми идеями, которыя настолько ясны, что онѣ безъ труда признаются здравымъ смысломъ. Что касается моды, вліяющей на ходящія въ обществѣ взгляды, то надобно стараться, чтобы эта мода благопріятствовала распространенію идей согласныхъ съ честностью, справедливостью и христіанскимъ ученіемъ. Какъ бы то ни было, въ Зеленой Книгѣ были намѣчены слѣдующіе четыре разряда: челоѣколюбіе, образованіе, судопроизводство, политическая экономія. Члены перваго разряда—челоѣколюбія, должны были представлять плоды своихъ наблюденій самому правительству; члены 2-го разряда—образованія, должны были внушать юношамъ школьнаго возраста любовь ко всему отечественному; члены 3-го разряда не должны были уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства или по назначенію правительства въ порядкѣ судебномъ и доводить до свѣдѣнія правительства о дѣйствіяхъ чиновниковъ; наконецъ, члены 4-й отрасли должны были посвятить себя изученію политической экономіи, стараться изыскивать и опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать всякаго рода промышленности и противиться монополіямъ.

Всѣ перечисленные пункты устава представляютъ собою дѣятельность весьма почтенную. Было ли это вполне искренно? Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; эти правила нельзя никоимъ образомъ считать только пустымъ предлогомъ, служившимъ для прикрытія преступныхъ замысловъ, коль скоро въ Донесеніи сказано, что нѣкоторые члены предлагали испросить согласіе покойнаго императора на утвержденіе ихъ Общества. Дѣйствительно, если подумать, что это предложеніе было сдѣлано въ самомъ Обществѣ, то это заставляетъ предполагать, что говорившіе были убѣждены въ томъ, что оно вполне согласовалось съ

цѣлью и съ духомъ Общества; говоря не передъ публикой и правительствомъ, а среди своихъ членовъ, они не могли и не желали обманывать сотоварищей относительно своихъ собственныхъ намѣреній. Если на это возразятъ, что только этимъ членамъ и была извѣстна истинная цѣль Общества, слѣдовательно было не достаточно состоять членомъ Общества для того, чтобы знать преступныя цѣли, о коихъ говорится въ Донесеніи, а это равносильно признанію, что участіе въ Обществѣ не есть еще доказательство участія въ преступныхъ замыслахъ и что необходимо имѣть особыя доказательства личной виновности каждаго изъ обвиняемыхъ членовъ. Изъ того, что нѣкоторые члены новаго Общества, называемаго Союзомъ Благоденствія, были членами Союза Спасенія и изъ того, что Союзъ Спасенія имѣлъ преступныя цѣли и замыслы, еще не слѣдуетъ выводить заключенія, что при составленіи втораго Общества преслѣдовались тѣ же цѣли и намѣренія. Напротивъ, естественно будетъ предположить, что, потерпѣвъ неудачу при примѣненіи нехорошихъ средствъ, они захотѣли дѣйствовать другими законными и правильными путями. Какая же надобность была перемѣнять уставъ Общества и возобновлять его существованіе для того, чтобы заниматься тѣмъ же предметомъ и стремиться къ той же цѣли.

Такъ какъ цѣль Союза Благоденствія ясно опредѣлена уставомъ, то, говоря, что у членовъ существовала иная цѣль, надобно доказать положительно ея существованіе, не довольствуясь однимъ обвиненіемъ. И это доказательство должно относиться къ самому Обществу, а не къ какому-либо другимъ обществамъ, которыя существовали до него или послѣ него.

Заявленіе, сдѣланное по этому поводу Семеновымъ, могло бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы оно не было единичное и бездоказательное. Но оно туманно и ничего не объясняетъ.

Впрочемъ, что же говорится въ этомъ показаніи? Что только главные члены Общества знали, что оно имѣло цѣлью измѣненіе государственныхъ установленій, а прочіе члены узнали объ этомъ намѣреніи впоследствии. Читая это показаніе, невольно являются два соображенія, изъ коихъ одно касается въ частности Николая Тургенева, а другое относится къ цѣли, указанной Семеновымъ.

Находился ли Николай Тургеневъ въ числѣ лицъ, кои знали объ этихъ намѣреніяхъ съ самаго начала, или же онъ вмѣстѣ съ другими узналъ о нихъ впоследствии.

Что это была за цѣль? По словамъ Семенова, это были только одни намѣренія. Но что такое намѣреніе, если оно не приведено въ исполненіе? Кто кромѣ Бога и собственной совѣсти можетъ судить о намѣреніи, если оно не обнаружилось дѣйствіями? Кто на свѣтѣ можетъ знать, какъ далеко идетъ намѣреніе, если оно ничѣмъ не проявляется; кто скажетъ,

на чемъ оно прекращается и какъ оно вырабатывается въ мысляхъ? Развѣ не можетъ та цѣль, о которой говорить Семеновъ, болѣе нежели какія бы то ни было намѣренія, получить тысячу истолкованій, изъ коихъ одни будутъ преступны, а другіе невинны. Можетъ ли быть что-нибудь менѣе заслуживающее порицанія, менѣе безвредное, болѣе чистое, непорочное и почтенное, нежели желаніе вызвать перемѣну, которая произвела бы улучшеніе въ государственныхъ установленіяхъ.

Если бывають такіа дурныя перемѣны, то развѣ не бываетъ и прекрасныхъ? Развѣ весь міръ не есть обширное поприще, гдѣ ежедневно, ежеминутно все измѣняется, все возобновляется? Развѣ каждый добродетельный монархъ, издавая новый законъ, не измѣняетъ существующее законодательство, въ полномъ убѣжденіи, что онъ его улучшаетъ? Развѣ Россія не подвергается постоянно подобнымъ преобразованіямъ, которыя измѣняютъ и улучшаютъ ея государственныя установленія, при томъ болѣе, чѣмъ всякая другая страна, такъ какъ она идетъ быстрѣе остальныхъ по пути цивилизаціи, на который она вступила гораздо позднѣе и на которомъ она дѣлаетъ огромные успѣхи. Не согласно ли это постепенное усовершенствованіе Общества и всего человѣчества съ духомъ христіанскаго ученія? Не было ли оно одною изъ сокровенныхъ мыслей покойнаго императора Александра, какъ это доказывали зачастую его поступки и слова и между прочимъ рѣчь, произнесенная имъ на польскомъ сеймѣ. Не есть ли это вѣчная слава Петра Великаго?

Желаніе улучшить государственныя установленія можетъ быть причислено къ самымъ похвальнымъ качествамъ, если оно будетъ правильно истолковано. Почему же истолковывать его, основываясь на показаніи Семенова, скорѣе въ дурную, нежели въ хорошую сторону? Гдѣ доказательства того, что оно должно быть истолковано въ дурномъ смыслѣ?

Слѣдовательно, все клонится къ тому, чтобы устранить показаніе Семенова, какъ неточное и бездоказательное, но, предположивъ даже, что оно было бы принято бездоказательно и свидѣтельствовало бы безразлично о невинной или преступной цѣли Общества, во всякомъ случаѣ это показаніе не имѣло бы непосредственнаго отношенія къ Николаю Тургеневу.

Говоря о внутреннемъ устройствѣ Союза Благоденствія, Донесеніе входитъ въ такіа подробности, которыя предполагають существованіе прочной и правильной организаціи. Но дѣло въ томъ, что въ дѣйствительности никогда не существовало ни Кореннаго Союза, ни Коренной Управы, ни законодательной и исполнительной власти, ни верховнаго судилища, ни временной законодательной палаты, ни засѣдателей, ни почетныхъ, ни постыдныхъ книгъ и т. д. Въ самомъ Донесеніи говорится, что верховное правленіе Союза, которое одно имѣло власть

утверждать законы, могло быть установлено тогда только, когда бы Союзъ совершенно составился, но нигдѣ не упоминается о томъ, что онъ былъ составленъ окончательно. Если бы Общество существовало на самомъ дѣлѣ, то самый фактъ его существованія заставилъ бы его соблюдать особенно строго правила, касающіяся денежныхъ средствъ Союза, ибо никакое Общество не можетъ существовать безъ денегъ. Между тѣмъ въ Донесеніи говорится, что правило, касающееся денежныхъ взносовъ, не соблюдалось особенно строго. Если бы Общество проявляло свою дѣятельность, если бы оно рѣшало дѣла, дѣлало постановленія, то отъ этого сохранились бы какіе-либо общественные слѣды. Но ихъ нѣтъ. Ни почетная, ни постыдная книга не могутъ быть розысканы. Николай Тургеневъ долженъ заявить, что, по его мнѣнію, всего этого никогда не существовало, а если и существовало, то онъ этихъ вещей никогда не видалъ. Онъ убѣжденъ въ томъ, что все это фантастическое законодательство, всѣ эти правила существовали только на бумагѣ. Если онъ ошибается, если все это дѣйствительно существовало, то во всякомъ случаѣ его мнимое вліяніе въ этомъ дѣлѣ сильно преувеличено, такъ какъ онъ обо всемъ этомъ ничего не зналъ.

Въ подтвержденіе мнѣнія, высказаннаго Николаемъ Тургеновымъ о вліяніи тайныхъ обществъ въ Россіи, здѣсь кстати будетъ привести его же отзывъ, имѣющій большое значеніе, если принять во вниманіе время, когда онъ былъ высказанъ. Дневникъ, веденный имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ который онъ заносилъ изо дня въ день приходившія ему въ голову мысли, былъ показанъ его братомъ двумъ членамъ верховнаго уголовнаго суда, во время ихъ пребыванія въ Дрезденѣ. Вотъ что записано имъ 16-го августа 1822 года на страницѣ, заполненной сверху до низу и на которой ничего не могло быть вписано позднѣе: «На дняхъ появился рескриптъ касательно масонскихъ ложъ, воспрещающій всѣ тайныя общества. Говорятъ, будто нѣкоторые ревностные масоны сожальютъ о ложахъ; что касается тайныхъ обществъ, то никто не говоритъ о нихъ, такъ какъ никто ихъ не знаетъ и не думаетъ, что они существуютъ и могутъ существовать въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, воспрещеніе ихъ кажется совершенно излишнимъ».

Если присутствіе преступнаго элемента въ организаціи Общества не доказано, если въ его уставѣ не говорится ничего преступнаго, если, вступая въ Общество и состоя его членомъ, можно было не знать о его преступныхъ намѣреніяхъ, то слѣдовательно доказано, что можно было состоять членомъ Общества, не бывъ виноватымъ въ государственномъ преступленіи.

Преступныя цѣли, которыя имѣли нѣкоторые члены Общества, его основатели и прочія лица, должны быть приписаны только тѣмъ лицамъ,

которыя преслѣдовали эти цѣли; тѣ же члены Общества, кои не принимали въ нихъ участія, не могутъ считаться виновными, ибо намѣренія, которыя чловѣкъ преслѣдуетъ лично, касаются только его, такъ какъ и по закону и съ нравственной точки зрѣнія каждый отвѣтственъ только за самого себя. Если въ обществѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ лицъ, найдутся люди, преслѣдующіе преступныя цѣли, то наказывать людей, соучастіе которыхъ въ этихъ цѣляхъ не можетъ быть доказано, было бы равносильно наказанію за преступленіе другихъ.

Слѣдовательно, принадлежность къ Союзу Благоденствія не есть еще преступленіе. Доказательствомъ этого и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвержденіемъ вышесказаннаго служитъ то обстоятельство, что не всѣ лица, принадлежавшія къ этому Обществу, были обвинены. Поэтому остается выяснить, принималъ ли Николай Тургеневъ лично участіе въ преступныхъ дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ Общества.

Третій фактъ.

Третій фактъ касается проекта основанія журнала, въ намѣреніи издавать который обвиняется Николай Тургеневъ.

Что касается упоминанія о какихъ-то возмутительнаго свойства пѣсняхъ, то сказаннаго въ самомъ Донесеніи само по себѣ достаточно, чтобы опровергнуть это обвиненіе самымъ положительнымъ образомъ.

1) Въ Донесеніи сказано, что быть можетъ онѣ распространялись, но не утверждается, что это было сдѣлано по предписанію тайнаго общества. Обвиненіе, которое не утверждается положительно и сопровождается словомъ «можетъ быть», нельзя признать серьезнымъ. Оно опровергается само собою.

2) Въ Донесеніи не говорится, что эти пѣсни были сочинены Николаемъ Тургеновымъ или кѣмъ-либо изъ членовъ Союза Благоденствія. Хотя бы онѣ и были сочинены прочими членами Союза Благоденствія, Николай Тургеневъ не можетъ быть за это отвѣтственъ.

3) Въ Донесеніи не говорится, что Союзу Благоденствія были извѣстны эти возмутительныя пѣсни. И не говорится также, что онѣ были извѣстны Николаю Тургенову, или что онъ подозрѣвалъ объ ихъ существованіи.

4) Въ Донесеніи не приводятся эти пѣсни. Слѣдовательно, нѣтъ возможности опредѣлить, когда именно онѣ были сочинены и въ чемъ состоялъ ихъ возмутительный характеръ.

Что же касается обвиненія, будто Тургеневъ намѣревался издавать журналъ, то онъ отрицаетъ самымъ положительнымъ образомъ, чтобы онъ когда-либо принималъ по отношенію къ Союзу Благоденствія подобнаго рода обязательство.

Это обвиненіе высказано въ Донесеніи въ такихъ выраженіяхъ, которыя не позволяютъ останавливаться на немъ; ибо Донесеніе не утверждаетъ этого факта, а только говоритъ: «если вѣрить показаніямъ посторонняго свидѣтеля, не подтвержденнымъ сознаніемъ допрошенныхъ».

Николай Тургеневъ не отрицаетъ, что ему приходила мысль издавать журналъ; онъ даже выработалъ его программу. Эта мысль не была приведена въ исполненіе. Но Николай Тургеневъ отрицаетъ то обстоятельство, что этотъ журналъ зависѣлъ когда-либо отъ Союза и что кто-либо поручалъ ему это изданіе, которое онъ намѣревался вести одинъ.

Самъ по себѣ это фактъ ничего незначащій. Для того чтобы издавать журналъ, надобно представить его предварительно на одобреніе цензуры. Можно ли повѣрить, чтобы кто-нибудь былъ настолько безуменъ, чтобы представить въ цензуру преступный проектъ или чтобы цензура была настолько слѣпа, чтобы пропустить проектъ, не просмотрѣвъ его. Или, наконецъ, чтобы этотъ проектъ проскользнулъ безъ вѣдома цензуры и былъ обнародованъ.

Къ этому можно прибавить, что такъ какъ этотъ журналъ никогда не издавался и даже не былъ составленъ, то онъ не можетъ служить предлогомъ къ обвиненію.

Безъ сомнѣнія, и сама коммиссія нашла это обвиненіе неосновательнымъ, такъ какъ объ немъ не упомянуто въ дополненіи къ Донесенію.

Въ дополненіи къ Донесенію, въ которомъ приведено это обвиненіе, ссылаются по этому поводу на замѣтку, найденную въ бумагахъ покойнаго императора Александра. Между тѣмъ она служитъ весьма вѣскимъ аргументомъ къ оправданію Тургенева относительно изданія журнала, а равно и вступленія его въ Союзъ Благоденствія.

Выше было замѣчено, что его императорское величество продолжалъ осыпая Николая Тургенева своими милостями и послѣ того какъ ему были извѣстны всѣ обстоятельства дѣла, которыя онъ могъ взвѣсить и которыя однако онъ не вмѣнилъ ему въ преступленіе.

Четвертый фактъ.

Если бы между заговорщиками происходило настоящее совѣщаніе для рѣшенія вопроса о томъ, какой образъ правленія долженъ замѣнить существующее правительство, если бы кто-либо изъ заговорщиковъ высказался за учрежденіе республиканскаго правленія съ президентомъ во главѣ, то это было бы государственнымъ преступленіемъ, заслуживающимъ наказанія по всей строгости закона.

Но если не было ни заговорщиковъ, ни обсужденія подобныхъ во-

просовъ, если не было принято никакого рѣшенія; если нѣсколько фразъ, сказанныхъ на удачу въ разговорѣ и не имѣвшихъ связи съ тѣмъ, что предшествовало и что было сказано вслѣдъ за тѣмъ, при томъ касавшихся вопросовъ чисто теоретическихъ, совершенно не примѣнимыхъ къ русской жизни, были схвачены на лету, невѣрно поняты и истолкованы по простетви шести лѣтъ, то мнимое государственное преступленіе разлетится прахомъ и сведется къ пустымъ разговорамъ, которые не заслуживаютъ вниманія правосудія.

Къ которой же изъ этихъ двухъ, столь различныхъ категорій слѣдуетъ отнести четвертый фактъ, въ которомъ обвиняютъ Николая Тургенева? Внимательное изученіе Донесенія даетъ намъ возможность рѣшить этотъ важный вопросъ.

Настоящее совѣщаніе и пустой разговоръ двѣ вещи весьма различныя. Въ разговорѣ не особенно взвѣшиваютъ слова; выраженія мѣняются ежеминутно, слѣдуя за мыслию; тонъ голоса, возраженія собесѣдника, отступленія, во время которыхъ бесѣдующіе переходятъ отъ одного предмета къ другому, прерывая нить мыслей,—всѣ эти обстоятельства и тысяча другихъ, которыя несравненно легче понять, нежели выразить словами, не позволяютъ придавать слишкомъ большаго значенія тому, что говорится въ простомъ разговорѣ. Слова, сказанныя во время совѣщанія, имѣютъ болѣе важное и серьезное значеніе; они должны выражать болѣе опредѣленные мысли и взгляды относительно обсуждаемыхъ вопросовъ.

Понятно, что человѣка можно обвинить за участіе въ совѣщаніи, но, обвиняя его за разговоръ, легко обвинить несправедливо.

Было ли собраніе, происходившее, какъ говорятъ, въ началѣ февраля 1820 г. и характеръ котораго еще надобно выяснить, простымъ разговоромъ или совѣщаніемъ?

Если этотъ вопросъ не рѣшенъ Донесеніемъ, то защита можетъ принять наиболѣе благопріятное изъ этихъ двухъ объясненій, ибо вездѣ принято за правило, что нельзя осуждать человѣка въ случаяхъ, возбуждающихъ сомнѣніе. Между тѣмъ единственное благопріятное для обвиняемаго и правдоподобное объясненіе заключается въ томъ, что означенное собраніе было не что иное, какъ простой разговоръ. Въ Донесеніи говорится, что по поводу разныхъ формъ правленія были «разговоры и пренія, которые инымъ могли казаться правильными совѣщаніями». Изъ этого слѣдуетъ, что нѣкоторые члены могли смотрѣть на нихъ иначе. Точно также ясно, что хотя ихъ можно было считать совѣщаніями, но это не есть необходимость.

Полковникъ Глинка показалъ дѣйствительно, что политическіе вопросы обсуждались въ обыкновенныхъ разговорахъ, а не на правильныхъ совѣщаніяхъ.

Время для подобнаго рода серьезныхъ совѣщаній было совершенно не подходящее. Общество могло начать свою дѣятельность только около 1819 г. Въ Петербургѣ Общество приходило въ разрушеніе, и изъ Донесенія не видно, когда именно оно процвѣтало. Подобные заговоры не могутъ вестись обществомъ въ то время, когда его существованіе ничѣмъ не обезпечено и организація не выработана. Было ли принято какое-нибудь рѣшеніе? Если бы таковое было принято, то безъ сомнѣнія оно имѣло бы какое-нибудь вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣлъ. Осуществленіемъ его были бы заинтересованы всѣ члены Общества, и это вызвало бы частыя и серьезныя совѣщанія. Но этого не было. Одинъ только Пестель утверждаетъ, что было принято какое-то рѣшеніе, но свидѣтельство Пестеля заслуживаетъ весьма мало довѣрія. Чрезвычайно скомпрометтированный слѣдствіемъ, онъ думалъ, повидимому, что, приумножая количество и серьезность обвиненій и уликъ, его собственное положеніе окажется не столь исключительнымъ и необычнымъ. Иначе Николай Тургеневъ не можетъ объяснить себѣ обвиненій, взведенныхъ противъ него Пестелемъ; онъ долженъ еще сказать, что тѣ два или три раза въ жизни, когда онъ встрѣчался съ Пестелемъ, послѣдній относился къ нему, повидимому, не особенно сочувственно и доброжелательно.

Говоря, что было принято извѣстное рѣшеніе, Пестель одинъ утверждаетъ это, всѣ же остальные опровергаютъ это обстоятельство. Все происходившее на этомъ совѣщаніи, какъ оно названо въ Донесеніи, не имѣло, по показанію Никиты Муравьева, никакого вліянія на образъ мыслей большинства членовъ. Самъ Пестель свидѣтельствуетъ, что «ни одно правило не было постоянно признаваемо». Четыре года спустя, въ 1824 г., въ Петербургѣ, Пестель изображенъ въ Донесеніи жалующимся на бездѣйствіе Сѣвернаго Общества и говорящимъ: «такъ будетъ же республика». Что же это за важное рѣшеніе, которое не оказываетъ никакого вліянія, не оставляетъ никакихъ слѣдовъ, и вопреки которому въ нѣсколькихъ прісходившихъ затѣмъ засѣданіяхъ не было рѣчи о республиканскомъ правленіи? Развѣ подобныя рѣшенія забываются, развѣ объ нихъ умалчиваютъ?

Пестель говоритъ о томъ, что былъ возбужденъ вопросъ предложить корону императрицѣ Елисаветѣ; но объ этомъ обстоятельстве не упоминаетъ никто изъ остальныхъ обвиняемыхъ. Между тѣмъ подобное предложеніе было настолько серьезно, что могло поразить умы и запечатлѣться у всѣхъ въ памяти.

Пестель утверждаетъ, что это заключеніе Коренной Управы было рѣшено сообщить всѣмъ другимъ управамъ и что онъ сообщилъ его Тульчинской. Это послѣднее обстоятельство, т. е. сообщеніе этого заключенія одной лишь Тульчинской управѣ, подтверждается нѣсколь-

кими свидѣтелями; всѣ они заявили, что прочимъ управамъ не было дано никакихъ предписаній. Желаніе Пестеля убѣдить своихъ Тульчинскихъ друзей въ томъ, что въ Петербургѣ стремились къ учрежденію республики, яполнѣ достаточно для того, чтобы объяснить, почему онъ сообщалъ имъ этотъ вымышленный результатъ вымышленныхъ совѣщаній, но это не доказываетъ, что таковыя совѣщанія когда-либо происходили или что на нихъ было принято какое-либо рѣшеніе.

Мысль объ учрежденіи республики была излюбленной мечтою Пестеля. Онъ хотѣлъ этого въ 1824 г., а изъ Донесенія видно, что онъ требовалъ и въ 1821 г. рѣшительнаго утвержденія его плана ввести въ Россіи республиканскій образъ правленія. Понятно, что если это была его мысль и его выдумка, то ему хотѣлось убѣдить своихъ друзей въ томъ, что эта мысль раздѣлялась и другими. Онъ надѣялся, вѣроятно, приобрести сторонниковъ своей республиканской мечты, убѣдивъ членовъ, что эта мысль зародилась не въ его головѣ и что не онъ одинъ считалъ ее осуществимой.

Николай Тургеневъ долженъ сказать по этому поводу, что онъ сдѣлался жертвою славы республиканца, которую ему приписывали совершенно неосновательно. Доказательствомъ того, что его именемъ и уваженіемъ, коимъ онъ пользовался, злоупотребили для того, чтобы пустить въ ходъ эту безумную мысль, служитъ показаніе одного свидѣтеля, которое признано серьезной уликой противъ него, ибо оно приводится въ Дополненіи. Это показаніе Бестужева-Рюмина, который, будучи спрошенъ не о самомъ фактѣ, а только о взглядахъ, на вопросъ, какой членъ болѣе склонялся къ введенію республиканскаго образа правленія, отвѣчалъ, что въ Сѣверномъ Обществѣ это былъ Тургеневъ, а въ Южномъ Пестель. Этотъ вопросъ относится къ числу такъ называемыхъ на юридическомъ языкѣ коварныхъ вопросовъ, такъ какъ онъ клонился къ тому, чтобы построить обвиненіе, основываясь не на фактѣ, а на слухѣ, распространенномъ въ обществѣ. Бестужевъ-Рюминъ никогда не видѣлъ и не могъ видѣть Николая Тургенева. Изъ Донесенія оказывается, что онъ былъ друженъ съ Пестелемъ и Сергѣемъ Муравьевымъ и участвовалъ не въ Сѣверномъ, а въ Южномъ Обществѣ; наконецъ, что онъ находился въ Тульчинѣ, а не въ Петербургѣ. Мнѣніе Бестужева-Рюмина могло быть только отголоскомъ идей Пестеля. Спрашивать его объ этомъ значило предлагать ему коварный вопросъ, и было равносильно тому, что дважды спросить Пестеля и придать его весьма подозрительному свидѣтельству значеніе двойкаго показанія. Спросить Бестужева-Рюмина, кто изъ членовъ имѣлъ вліяніе на остальныхъ, и придать значеніе отвѣту, основанному не на томъ, что онъ самъ видѣлъ, не на фактахъ, коихъ онъ былъ свидѣтелемъ, но единственно на слухахъ, дошедшихъ до него, значило завѣдомо

быть введеннымъ въ заблужденіе обманчивымъ отвѣтомъ. Нерѣдко случается, что на нѣкоторыхъ лицъ ссылаются безъ ихъ вѣдома, приписывая имъ самыя странныя рѣчи и намѣренія.

Николай Тургеневъ слылъ либераломъ; этого было достаточно, чтобы воспользоваться его именемъ. Но дѣлать его отвѣтственнымъ за уловку, коей онъ сдѣлался жертвою, приписывать ему слова Пестеля и другихъ лицъ, служившихъ отголоскомъ Пестеля, и строить на нихъ обвиненіе было бы большой несправедливостью.

Увлеченіе слухами въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится сдѣлать заключеніе объ обвиняемомъ, нерѣдко бываетъ источникомъ пагубныхъ юридическихъ ошибокъ, вслѣдствіе которыхъ осуждаются люди невинные и которыя омрачаютъ собою лѣтописи человѣчества.

Возвращаясь къ разговору, который ставится въ преступленіе Тургеневу, и переходя отъ оцѣнки этого разговора къ обсужденію того участія, которое принималъ въ немъ Николай Тургеневъ, мы наталкиваемся снова на имя Пестеля.

По увѣренію Пестеля, Николай Тургеневъ подалъ голосъ и выразилъ свое мнѣніе слѣдующими словами: «un Président sans phrases». Въ Дополненіи, въ общей сводкѣ обвиненій, объ этомъ не упоминается; точно также это обвиненіе не приводится и въ приговорѣ верховнаго уголовного суда, между тѣмъ какъ въ Донесеніи слѣдственной комиссіи эти слова приведены какъ одно изъ самыхъ серьезныхъ обвиненій противъ Николая Тургенева. Однако, въ Дополненіи, приложенномъ къ Донесенію, говорится, что Никита Муравьевъ и Сергій Муравьевъ-Апостолъ подтвердили показаніе Пестеля, въ Донесеніи же упомянуто имя только одного Пестеля. Слѣдовательно, трое свидѣтелей подтверждаютъ, а четверо отрицаютъ это обвиненіе; показаніе Никиты Муравьева будетъ рассмотрѣно далѣе, по поводу шестаго факта. Сергій Муравьевъ жилъ обыкновенно въ Тульчинѣ, и Тургеневъ не помнитъ, чтобы онъ встрѣчалъ его въ Петербургѣ гдѣ-либо кромѣ какъ въ свѣтѣ. Никита и Сергій Муравьевы слышали вѣроятно, что Пестель приписывалъ Тургеневу слова, приведенныя имъ въ своемъ показаніи, и повторили ихъ по наслышкѣ.

Редакторъ Донесенія былъ правъ, не придавая значенія ихъ показанію, хотя онъ и упоминаетъ немъ въ Дополненіи.

Достоинно вниманія, что злодѣйское намѣреніе произвести покушеніе на жизнь императора, принятое, какъ говорятъ, въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій (въ чемъ Тургеневъ не обвиняютъ), приписывается Донесеніемъ вышеупомянутымъ тремъ лицамъ; поэтому можно допустить, что ихъ личная польза требовала обвинить въ этомъ прочихъ членовъ, которые раздѣлили бы такимъ образомъ тяжесть ихъ личной вины.

Если бы фраза о президентѣ была произнесена, то лица, участвовавшія въ совѣщаніи, конечно, были бы поражены ею, какъ всякаго поражаетъ злостное и неумѣстное слово; они были бы поражены и самой фразой, и тѣмъ, что Николай Тургеневъ, говорившій обыкновенно по-русски, произнесъ эти слова по-французски. Фонъ-Бриггенъ влагаетъ въ уста Н. Тургенева совсѣмъ инныя слова. Со стороны Тургенева было бы нелѣпо вставить эту пародію на знаменитыя слова, понятныя въ устахъ аббата Сіуса, который, любя бить на эффектъ и производить впечатлѣніе, произнесъ эти три слова съ глубокомысленнымъ видомъ, не объясняя, по своему обыкновенію, ихъ смысла; но его слова были столь многозначительны, что они показали, до какой степени онъ былъ утомленъ рѣчами всѣхъ тѣхъ, кто говорилъ до него. Эти слова выражали холодное, ужасное рѣшеніе, были уместны въ то время и всѣмъ понятны. Но что значила бы эта фраза, сказанная въ подражаніе Сіусу при обсужденіи политическихъ вопросовъ и не имѣвшая въ данномъ случаѣ никакого смысла. Слова, переданныя Пестелемъ, весьма мало вѣроятны и ничѣмъ не доказаны.

Показанія четырехъ свидѣтелей имѣютъ болѣе вѣса, нежели показанія троихъ лицъ; четыре свидѣтеля, говорящіе въ оправданіе обвиняемаго, имѣютъ болѣе вѣса, нежели трое, обвиняющіе его. Четверо свидѣтелей, показанія которыхъ правдоподобны, имѣютъ болѣе значенія, нежели трое другихъ, показанія которыхъ весьма мало вѣроятны, въ особенности ежели эти три свидѣтеля, въ силу тяготящихся надъ ними обвиненій, подозрительнѣе всѣхъ остальныхъ.

Пятый фактъ.

Этотъ фактъ, о коемъ мы упоминаемъ только для того, чтобы не пропустить ничего заключающагося въ Донесеніи, не содержитъ никакого обвиненія, такъ какъ въ немъ говорится лишь о томъ, что было объявлено объ уничтоженіи Союза.

Объясненія требуетъ только одинъ пунктъ, касающійся званія депутата, коимъ будто-бы былъ облеченъ Николай Тургеневъ при поѣздкѣ въ Москву.

Надобно было, говорится въ Донесеніи, опредѣлить точнѣйшимъ образомъ цѣль Общества и дѣйствія онаго.

Въ какомъ положеніи находилось въ то время Общество? Оно было близко къ распаденію, а между тѣмъ члены заговорили о необходимости точнѣе опредѣлить его цѣль. Но что же слѣдуетъ думать въ такомъ случаѣ о рѣшеніи установить республиканскій образъ правленія? Едва ли что-нибудь могло быть серьезнѣе и опредѣленнѣе намѣренія совер-

шить преступный переворотъ. Могла ли послѣ этого быть рѣчь о цѣли, къ которой стремилось Общество.

Дѣло въ томъ, что Николай Тургеневъ долженъ былъ отправиться въ это время по семейнымъ дѣламъ въ Москву и въ Симбирскъ, отстоящій отъ Москвы въ 800 верстахъ. Узнавъ о томъ, что нѣкоторые члены Общества, наскучивъ его бездѣйствіемъ, выразили желаніе, чтобы въ Москвѣ состоялся съѣздъ членовъ, онъ заявилъ имъ, что онъ могъ бы присутствовать на этомъ собраніи. Вотъ какимъ образомъ онъ явился на немъ депутатомъ.

Но хотя бы дѣло шло о посылкѣ настоящихъ депутатовъ и о поѣздкѣ, совершенной именно съ этой цѣлью, можно ли осуждать ее, коль скоро результатомъ ея было расторженіе Общества? Впрочемъ, это и не вмѣняется ему въ преступленіе. Но, отдавая честь умѣренности, выказанной Николаемъ Тургеневымъ, ему ставить въ вину, что онъ участвовалъ въ мнимомъ расторженіи Общества, которое было уничтожено только для того, чтобы преобразовать его на наиболѣе прочныхъ началахъ. Это обвиненіе относится къ 6-му факту.

Шестой фактъ.

Этотъ фактъ состоитъ въ обвиненіи Николая Тургенева въ томъ, что онъ участвовалъ въ преобразованіи Общества, которое имъ же было объявлено закрытымъ въ исходѣ февраля мѣсяца 1820 г.

Если распущеніе Общества было, какъ сказано въ Донесеніи, только мнимымъ и придуманнымъ, съ цѣлью усилить Коренную Управу, то какъ могло случиться, что Пестель и Юшневскій въ Тульчинѣ отказались дать свое согласіе на то, чтобы Общество было разрушено. Если бы Общество было разрушено только для вида, то подобная мѣра, безъ сомнѣнія, подверглась бы предварительному обсужденію совмѣстно съ такимъ вліятельнымъ членомъ, каковъ былъ Пестель. Если же онъ осуждалъ ее, то могъ ли онъ отказаться впоследствии изъявить на это свое согласіе? Какимъ образомъ могъ Никита Муравьевъ утверждать, что Петербургское Общество было, по меньшей мѣрѣ, совершенно разстроено? Самая меньшая степень совершеннаго разстройства могла быть ни чѣмъ инымъ, какъ дѣйствительнымъ разрушеніемъ Общества.

Большая часть членовъ изъ него вышла, говоритъ онъ. Какіе же члены остались и гдѣ же они остались, коль скоро Общество было «по меньшей мѣрѣ совершенно разстроено».

Петербургскому или Сѣверному Обществу удалось снова образоваться только въ исходѣ 1822 г., говорится далѣе въ Донесеніи. Съ другой стороны, въ Донесеніи же сказано, что бывшіе въ Москвѣ руководители

Общества, съѣхавшіеся для того, чтобы объявить объ его распущеніи, тогда же рѣшили составить со временемъ новое общество. Такъ какъ новое общество должно было состояться только со временемъ, слѣдовательно, общество было распущено не для вида.

Николай Тургеневъ не могъ принимать участія ни въ какихъ дѣйствіяхъ Общества, слѣдовавшихъ непосредственно за его распущеніемъ, ибо онъ тотчасъ уѣхалъ изъ Москвы въ Сибирскъ. День его отъѣзда легко можетъ быть выясненъ, по тому, какого числа имъ была взята подорожная. Поэтому не упоминается болѣе его имени въ Донесеніи при описаніи того, что происходило со времени распущенія Общества и до возвращенія въ Петербургъ.

Для того, чтобы сказать, что Николай Тургеневъ принималъ участіе въ составленіи новаго общества, нужно доказать, что это общество дѣйствительно существовало, и указать его дѣль и дѣйствія. Между тѣмъ всѣ документы, на которые ссылается Донесеніе, и всѣ показанія, о коихъ въ немъ упоминается, крайне сбивчивы и противорѣчивы.

Въ Донесеніи ничего не говорится ни о дѣйствіяхъ, ни объ операціяхъ этого общества. Якушкинъ утверждаетъ, что общество получило новое названіе, коего онъ не помнитъ; онъ говоритъ кромѣ того объ его новомъ уставѣ, котораго никто не знаетъ. Фонъ-Визинъ заявляетъ, что все дѣло окончилось одними предположеніями и признаніемъ, не неоднократно повтореннымъ, что никакая цѣль не оправдываетъ средствъ; но въ Донесеніи не указано, что это была за цѣль, и какія это были средства. Показанія Якушкина и Фонъ-Визина противорѣчатъ одно другому; можно ли поэтому признать ихъ такими показаніями, на которыхъ можетъ быть основано обвиненіе?

Въ одномъ примѣчаніи сказано, что Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 г., началъ, вѣроятно въ Петербургѣ, составлять новое тайное общество. Это показаніе Семенова плохо вяжется съ тѣмъ мѣстомъ Донесенія, къ которому относятся сказанное примѣчаніе и въ которомъ говорится положительно, что Петербургское или Сѣверное Общество удалось снова образовать только въ исходѣ 1822 г. Тутъ же названы имена трехъ членовъ, принадлежавшихъ къ прежнему обществу, которыхъ Николай Тургеневъ убѣдилъ вступить въ новое общество. Кромѣ того названы три новыхъ члена, будто бы имъ привлеченные, что противорѣчитъ примѣчанію, въ коемъ говорится, что Николай Тургеневъ не участвовалъ въ принятіи новыхъ членовъ. Возможно ли основывать столь серьезное обвиненіе на такихъ несвязныхъ и противорѣчивыхъ показаніяхъ? Промежутокъ времени, протекшій между моментомъ расторгненія общества и роковыми событіями, совершившимися въ декабрѣ мѣсяцѣ 1825 г., вполне объясняетъ, какимъ образомъ свидѣтели могли перепутать въ своемъ воспомина-

ни даты по прошествіи столь долгаго времени, коль скоро при самомъ производствѣ слѣдствія, какъ видно изъ Донесенія, не старались точнѣе выяснить эти даты.

Николай Тургеневъ сохранилъ и послѣ расторженія Общества со многими изъ его членовъ личныя отношенія. Весьма понятно, что въ 1826 г. обвиняемые, смущенные тяготѣвшимъ надъ ними важнымъ обвиненіемъ, плохо отдавали себѣ отчетъ въ числахъ и повидимому примѣшали имя Тургенева къ такимъ событіямъ, коимъ онъ былъ чуждъ. Показанія обвиняемыхъ, которые дрожали за свою участь, преувеличивали значеніе каждаго сказаннаго ими слова и думали гораздо болѣе о себѣ, нежели о прочихъ обвиняемыхъ, не отмѣнены тѣмъ спокойствіемъ духа, тѣмъ отсутствіемъ страха и тѣмъ безпристрастіемъ при изложеніи своихъ воспоминаній, которыя составляютъ непремѣнное условіе довѣрія къ свидѣтельскимъ показаніямъ.

Никита Муравьевъ называетъ Николая Тургенева въ числѣ основателей или преобразователей новаго Общества.

Но дѣло въ томъ, что Никита Муравьевъ отлично зналъ, что Николай Тургеневъ не придавалъ никакого значенія тайнымъ обществамъ; онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ часто Тургеневъ смѣялся надъ ними, и самъ не рѣдко смѣялся вмѣстѣ съ нимъ надъ этими обществами. Николай Тургеневъ долго не могъ понять показанія столь мало согласнаго съ истиною. Впослѣдствіи, ему передавали, будто Никита Муравьевъ говорилъ близкимъ роднымъ, что все то, что онъ будто бы рассказывалъ о Тургеневѣ, не правда.

Жена Муравьева, которую можно назвать, не компрометируя ее, такъ какъ ея уже нѣтъ на свѣтѣ, говорила не разъ, что она слышала отъ мужа, что хотя онъ и показалъ противъ Тургенева и хотя эти показанія имъ подписаны, но они не согласны съ истиною и что онъ находился въ то время въ такомъ душевномъ разстройствѣ, что не зналъ, что говорить.

Обвиненіе въ составленіи новаго общества является въ приговорѣ Верховнаго уголовнаго суда въ числѣ поводовъ къ осужденію Тургенева. Въ дополненіи, приложенномъ къ Донесенію, сказано, что четверо свидѣтелей показали, будто Тургеневъ участвовалъ въ возстановленіи Общества. Эти лица суть Никита Муравьевъ, Трубецкой, Орловъ и Матвѣй Муравьевъ.

Показаніе Никиты Муравьева только-что нами разсмотрѣно.

Относительно князя Трубецкаго читаемъ въ Донесеніи: «потомъ въ концѣ 1828 г., рѣшили... присоединить (къ Обществу) князя Сергѣя Трубецкаго, лишь возвратившагося изъ-за границы».

Но, если князь возвратился въ Петербургъ лишь въ исходѣ 1823 г., и если онъ находился за границей въ то время, когда, по указанію

Донесенія, Общество было составлено, т. е. съ 1822 г., то нельзя ссылаться на его показаніе въ доказательство факта, случившагося за годъ до его приѣзда.

Можетъ ли показаніе Орлова относиться къ факту составленія Общества въ 1822 г.? Очевидно нѣтъ. Имя Орлова упоминается въ Донесеніи дважды: во-первыхъ по поводу не осуществленнаго проекта Общества «Русскихъ рыцарей» и его поступленія въ іюль мѣсяцъ 1820 г. въ члены Союза Благоденствія; во-вторыхъ, объ немъ упоминается какъ о человѣкѣ, принимавшемъ въ началѣ 1821 г. въ Москвѣ участіе въ распущеніи Союза Благоденствія. Въ Донесеніи говорится даже, что онъ заявилъ письменно о своемъ нежеланіи принадлежать долѣе къ Обществу и твердо настаивалъ на этомъ, несмотря на убѣжденія и настоянія его товарищей. Имя генерала Орлова болѣе въ Донесеніи не упоминается, и въ немъ нѣтъ никакого указанія на то, что онъ былъ впоследствии членомъ какого-нибудь общества. Слѣдовательно, онъ не могъ давать показаній относительно позднѣйшаго составленія Общества въ то время, когда онъ уже не участвовалъ болѣе ни въ какомъ обществѣ. О возстановленіи какого же общества могъ говорить Орловъ Тургеневу, который, уѣхавъ изъ Москвы въ 1821 г., болѣе не возвращался туда и не поддерживалъ съ нимъ никакой переписки и никакихъ отношеній

Что могъ сказать Матвѣй Муравьевъ? Изъ документновъ слѣдственнаго дѣла видно, что онъ не участвовалъ въ новомъ обществѣ, составившемся въ Петербургѣ; слѣдовательно, онъ не могъ дать показаній относительно тѣхъ обстоятельствъ, коими сопровождалось составленіе и преобразование этого общества. Трудно вѣрить Матвѣю Муравьеву, который далъ еще сначала нѣкоторые показанія противъ Тургенева, а затѣмъ отказался отъ нихъ.

Въ Донесеніи перепутаны факты и даты; эта путаница должна была ввести въ заблужденіе судей и въ особенности тѣхъ свидѣтелей, коихъ показаніями судьи должны были руководиться при произнесеніи приговора. Въ Дополненіи замѣчается также огромная путаница: въ немъ не дѣлается никакого различія между отдѣльными обществами, о коихъ говорится въ Донесеніи, и которыя, по его словамъ, смѣнялись одно другимъ. Внеся въ факты, изложенные въ Донесеніи, нѣкоторый порядокъ, мы видимъ, что обвиненіе въ заговорѣ и злонамѣренныхъ умыслахъ тяготѣетъ главнымъ образомъ надъ Южнымъ Обществомъ. Таковыя цѣли приписываются Сѣверному Обществу уже въ болѣе позднее время. Слово заговоръ произнесено въ Донесеніи по отношенію къ этому Обществу послѣ отъѣзда Николая Тургенева въ Карлсбадъ, а именно по поводу поѣздки князя Трубецкаго въ Кіевъ, состоявшейся годъ спустя послѣ окончанія 1823 г. По словамъ Донесенія,

*

Рылѣевъ былъ назначенъ членомъ Управы послѣ отъѣзда князя Трубецкаго, т. е. въ исходѣ 1824 г., а Сѣверное Общество проявило тревожную дѣятельность, которая постоянно усиливалась, послѣ того какъ князь Сергѣй Трубецкой былъ замѣщенъ Рылѣевымъ. Николай Тургеневъ не можетъ быть обвиненъ въ участіи въ этой тревожной дѣятельности, такъ какъ она обнаружилась, по словамъ Донесенія, во время его отсутствія изъ Россіи.

Въ Донесеніи говорится слѣдующее: «по всему видно, что сія мысль (о вооруженномъ возстаніи) родилась въ нихъ не прежде 1821 года, и вѣроятно вслѣдствіе незадолго предъ тѣмъ бывшихъ революцій въ Испаніи, Неаполѣ и Пьемонтѣ». Мысль о вооруженномъ возстаніи безъ сомнѣнія весьма преступна, но за нее могутъ быть отвѣтственны только тѣ лица, кои возымѣли ее. Союзъ Благоденствія былъ расторгнутъ въ 1821 году, а новое общество образовалось въ 1822 г. Весьма странно утверждать, что серьезное и преступное намѣреніе произвести вооруженное возстаніе могло возникнуть именно въ 1821 г., когда старое общество уже не существовало, а новое еще не было составлено.

При такой путаницѣ чиселъ, которыя взаимно противорѣчаютъ другъ другу, Николаю Тургеневу невозможно придерживаться при изложеніи намѣреній, приписываемыхъ членамъ вновь составленнаго общества, ни текста Донесенія, ни дополненія къ нему. Необходимость быть понятнымъ вынуждаетъ его ограничиться разсмотрѣніемъ тѣхъ фактовъ, по поводу которыхъ упоминается его имя.

Седьмой фактъ.

Седьмой фактъ, т. е. отказъ занять мѣсто директора, не составляетъ самъ по себѣ обвиненія, ибо Николаю Тургеневу не было въ то время извѣстно о существованіи новаго Общества. Этотъ фактъ не имѣетъ самъ по себѣ никакого значенія.

Что же можно заключить изъ него, какъ не то, что Николай Тургеневъ не принадлежалъ къ этому Обществу и уклонился отъ всякаго соучастія въ немъ?

Восьмой фактъ.

Восьмой фактъ, относящійся къ 1824 г. и заключающійся, по словамъ Донесенія, въ томъ, что Тургеневъ присутствовалъ, послѣ пріѣзда въ Петербургъ Пестеля, на одномъ собраніи Общества, приведенъ столь бездоказательно, что на немъ едва-ли стоитъ останавливаться и опровергать его. Николай Тургеневъ упоминается въ спискѣ лицъ,

кои будто бы присутствовали на собраніи, на которомъ Пестель жаловался на бездѣйствіе Сѣвернаго Общества, на недостатокъ въ немъ единства и опредѣленныхъ правилъ и сказалъ:—«а все-таки у насъ будетъ республика».

Мѣсяцъ и число, когда состоялось это собраніе въ 1824 г., въ точности не опредѣлены; вслѣдствіе этого нельзя провѣрить, не уѣхалъ ли уже Тургеневъ въ Карлсбадъ въ то время, когда состоялось это собраніе. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга 9-го апрѣля 1824 г.

Его называютъ въ числѣ присутствовавшихъ на собраніи, но въ Донесеніи не упомянуто ни одного факта, который касался бы его лично и могъ бы свидѣтельствовать объ его присутствіи. Кѣмъ онъ былъ названъ? Никитою Муравьевымъ, о показаніяхъ котораго можно судить по объясненіямъ, имъ даннымъ относительно предъидущаго факта.

Никита Муравьевъ говорилъ только по слухамъ, такъ какъ онъ самъ не присутствовалъ на засѣданіи. Показанія, основанныя на слухахъ, бываютъ крайне обманчивы; поэтому было бы опасно допускать ихъ въ уголовномъ судопроизводствѣ. Когда дѣло идетъ о государственномъ преступленіи, то требованіе предъявить болѣе ясныя доказательства не можетъ быть названо излишнимъ.

Девятый фактъ.

Этотъ фактъ самъ по себѣ и по гнусному преступленію, въ коемъ обвиняется Николай Тургеневъ, есть самое важное изъ всѣхъ относящихся къ нему обвиненій. Онъ заключается въ томъ, что Тургеневъ подалъ будто бы голосъ за удаленіе императора за границу. Между тѣмъ этотъ фактъ опровергается однимъ обстоятельствомъ, которое считается въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ не допускающимъ возраженій.

Николай Тургеневъ доказываетъ свое алиби (т. е. что онъ не присутствовалъ въ мѣстѣ преступленія въ моментъ его совершенія). Онъ находился въ Неаполѣ въ то время, когда въ Петербургѣ совершилось преступленіе, въ соучастіи въ которомъ его обвиняютъ. Мы уже видѣли по выдержкамъ изъ Донесенія, относящимся къ этому факту, что онъ могъ совершиться только въ исходѣ 1825 г.

Рылѣевъ былъ въ то время членомъ Директоріи. Александръ Вестужевъ, Якубовичъ, Батеньковъ, Штейнгель, Торсопъ названы дѣятельными его соучастниками.

Между тѣмъ Рылѣевъ замѣнилъ князя Трубецкаго, какъ членъ Директоріи или Думы въ исходѣ 1824 г. Рылѣевъ, совмѣстно съ Александромъ Вестужевымъ, котораго онъ посвятилъ въ тайну и который

былъ причисленъ къ Верхнему Кругу съ апрѣля мѣсяца 1825 г., привлекъ въ Общество Торсона; оба они привлекли осенью Батевькова и познакомились съ Якубовичемъ. Баронъ Штейнгель, вновь поступившій членъ Общества, прибылъ въ Петербургъ въ сентябрь 1825 г. Николай Тургеневъ уѣхалъ въ Кронштадтъ ¹⁾ 9 апрѣля 1824 г. Онъ былъ въ Неаполѣ въ то время, когда происходила сцена, при которой, по словамъ Донесенія, онъ яко бы присутствовалъ. Двадцать страницъ, написанныхъ въ его оправданіе, были бы менѣе содержательны и менѣе убѣдительно, нежели это сопоставленіе фактовъ. Я рѣшительно отвергаю это важное обвиненіе, высказанное столь легкомысленно. Простое объясненіе не нуждается ни въ какомъ поясненіи, когда оно столь убѣдительно.

З а к л ю ч е н і е .

Нами внимательно рассмотрѣны всѣ факты, касающіеся Николая Тургенева въ Донесеніи слѣдственной комиссін. Что же мы видимъ? Что онъ вступилъ въ общество, называемое Союзомъ Благоденствія, въ 1819 г. и вышелъ изъ него въ 1821 г., при чемъ это Общество, въ уставѣ и правилахъ котораго не было ничего предосудительнаго, ничѣмъ не проявило своего существованія, такъ что даже его члены не могли думать, что оно начало серьезно дѣйствовать.

Николай Тургеневъ совершенно былъ не причастенъ къ Обществу, существовавшему ранѣе, т. е. къ Союзу Спасенія, коему приписываютъ преступныя дѣла. Что же касается Общества «Русскихъ рыцарей», то оно вовсе не было составлено; къ тому же оно имѣло столь невинныя дѣла, что для составленія его предполагалось даже исходатайствовать соизволеніе императора.

Простой разговоръ, изложенный весьма неточно, коего истинный смыслъ и подлинныя выраженія трудно даже уловить изъ противорѣчивыхъ свидѣтельскихъ показаній, изображенъ въ Донесеніи какъ важное преступленіе, между тѣмъ какъ объ немъ вовсе не упоминается въ Дополненіи, которое должно было представлять собою сводку всѣхъ обвиненій, хотя въ сущности оно зачастую не согласуется съ Донесеніемъ.

Слова un Président sans phrases, которыя были бы ужасны, если бы они не были такъ нелѣпы, кажутся при болѣе внимательномъ обсужденіи невѣроятными и приведены совершенно бездоказательно. Такой незначительный самъ по себѣ фактъ, какъ намѣреніе издавать журналъ, который остался при томъ неосуществленнымъ, не можетъ имѣть

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ.

никакой связи съ тайными обществами, ибо журналъ, какъ изданіе гласное, не могъ имѣть ничего общаго съ характеромъ этихъ обществъ.

Николай Тургеневъ былъ такъ далекъ отъ мысли содѣйствовать осуществленію политическихъ плановъ, имѣвшихъ что-либо общее съ Союзомъ Благоденствія, что онъ употребилъ въ 1821 г. все свое вліяніе и все значеніе, какими онъ пользовался, чтобы добиться расторгненія Общества.

Благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, онъ сблизился впоследствии съ нѣкоторыми бывшими членами Общества, но не былъ связанъ съ ними общностью дѣйствій или взглядовъ. Впоследствии оказалось, что нѣкоторые сочлены одного съ нимъ Общества приняли участіе въ возмущеніи, которое такъ пагубно отразилось на Россіи. Тургеневъ находился въ то время уже около двухъ лѣтъ за границею; его не обвиняютъ за это время ни въ веденіи преступной переписки, ни въ какихъ-либо проискахъ и козняхъ. Легкомысліе, съ какимъ онъ былъ обвиненъ, доходило до того, что его обвиняютъ въ подачѣ голоса на собраніи, происходившемъ въ Петербургѣ въ то время, когда онъ находился въ Неаполѣ.

Будучи въ отсутствіи, онъ написалъ оправданіе, не зная еще всѣхъ фактовъ, обнаруженныхъ Донесеніемъ слѣдственной комиссіи, и это отразилось, само собою разумѣется, на его оправдательной запискѣ. Преисполненный почтительной любви и преданности къ августѣйшей особѣ императора Александра, онъ узналъ съ величайшимъ прискорбіемъ о томъ, что его считали соучастникомъ заговора противъ обожяемаго имъ монарха.

Донесеніе раскрываетъ весьма прискорбные факты, но въ немъ встрѣчается также не мало ошибокъ. Николая Тургенева не удивляютъ ошибки, касающіяся его лично и послужившія поводомъ къ его обвиненію, такъ какъ отсутствіе изъ Петербурга помѣшало ему опровергнуть ихъ.

Николай Тургеневъ приговоренъ къ смертной казни за то, что онъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми лицами, принявшими, послѣ его отъѣзда изъ Россіи, участіе въ возмущеніи 14-го декабря 1825 г., за то, что онъ бесѣдовалъ съ ними о предметахъ, касающихся вопросовъ челоѣколюбія и политики, за то, что онъ мечталъ объ улучшеніяхъ въ судопроизводствѣ и воспитаніи, которыя имъ самимъ были призваны впоследствии неосуществимыми и отъ которыхъ онъ торжественно отказался. Если смертная казнь и ссылка должны постигнуть тѣхъ лицъ, кои при самыхъ благихъ намѣреніяхъ и самыхъ невинныхъ цѣляхъ имѣли какія-либо отношенія къ людямъ, бывшимъ въ то время преступными или сдѣлавшимся таковыми впоследствии, то Николай Тургеневъ заслуживаетъ ссылки и смерти. Если же, согласно божескому и челоѣче-

скому закону, всякій отвѣтственъ только за свои собственные поступки, то Николай Тургеневъ долженъ быть признанъ невиннымъ на основаніи самаго Донесенія слѣдственной комиссіи. Если судить о немъ на основаніи его убѣжденій, то невольно является вопросъ, совмѣстимы ли приписываемыя ему преступныя мысли относительно республиканскаго образа правленія, которыми могли осуществиться только при покушеніи на жизнь императора Александра, совмѣстимы ли они съ его глубокою преданностью и горячей любовью къ этому монарху? Если судить о немъ по его стремленіямъ, то невольно спросишь, совмѣстима ли всецѣло поглощавшая его мысль объ освобожденіи крестьянъ съ идеей о какомъ-либо иномъ образѣ правленія кромѣ неограниченной монархіи? и если только воля монарха могла безпрепятственно совершить это трудное дѣло, то можно ли повѣрить, что онъ готовъ былъ содѣйствовать измѣненію образа правленія?

Николай Тургеневъ находитъ нужнымъ повторить, что только его отсутствіе могло придать нѣкоторое значеніе взведеннымъ противъ него обвиненіямъ. Нынѣ же онъ возлагаетъ всю свою надежду на справедливость, съ какою будутъ рассмотрѣны его поступки, и на чистосердечіе, съ какимъ онъ объясняетъ ихъ.

Императоръ желаетъ лучше простить десятерыхъ виновныхъ, нежели наказатъ одного невиннаго. Это августѣйшее слово, поставленное въ главѣ Донесенія, даетъ Николаю Тургеневу смѣлость надѣяться, что все то, что онъ говоритъ въ свою защиту, будетъ выслушано съ тою благосклонностью и съ тѣмъ челоуѣколюбіемъ, которыя заставляютъ радоваться уменьшенію числа виновныхъ. Общественное мнѣніе считало его преступнымъ до тѣхъ поръ, пока о немъ судили по слухамъ и по той репутаціи, какою онъ пользовался. Поэтому въ числѣ главныхъ свидѣтелей, обвинявшихъ его, является Бестужевъ-Рюминъ, который называетъ его однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ республиканскаго образа правленія, хотя онъ никогда не видалъ Тургенева и не могъ его видѣть.

Такъ какъ нынѣ Тургенева будутъ судить только по его поступкамъ, то онъ навѣрно будетъ признанъ невиннымъ.

Толки должны смолкнуть, когда заговорить судебная власть.

О преобразованіи учебныхъ заведеній.

Рескриптъ императора Николая—А. С. Шишкову.

14-го мая 1826 г.

Александръ Семеновичъ! Обозрѣвая съ особеннымъ вниманіемъ устройство учебныхъ заведеній, въ коихъ российское юношество образуется на службу государству,—я съ сожалѣніемъ вижу, что не существуетъ въ нихъ должнаго и необходимаго единообразія, на коемъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и ученіе.

Предметъ сей столь быстрое можетъ имѣть вліяніе на благо государственное, что нужно безъ всякаго отлагательства поспѣшить исправленіемъ сего недостатка въ нашей учебной системѣ. Оный лишаетъ государство большей части тѣхъ выгодъ, которыхъ оно имѣетъ право ожидать отъ питомцевъ своихъ, не пощадивъ для ихъ образованія ни издержекъ, ни всякихъ другихъ способовъ.

Съ симъ намѣреніемъ назначаю подъ предсѣдательствомъ вашимъ комитетъ: изъ генераль-лейтенанта графа Ливена, тайныхъ совѣтниковъ: Сперанскаго, графа Ламберта и Уварова, генераль-лейтенанта графа Сиверса, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шторха, исправляющаго должность попечителя Харьковскаго университета статскаго совѣтника Перовскаго, и флигель-адъютантовъ моихъ, полковниковъ: Перовскаго и графа Строганова, и предписываю ему въ обязанность:

1) Сличить всѣ уставы учебныхъ заведеній Имперіи, начиная съ приходскихъ до самыхъ университетовъ.

2) Разсмотрѣть и сличить курсы ученій, въ нихъ преподаваемые, приведа для сего предварительно на видъ, по какимъ книгамъ или сочиненіямъ оныя преподаются.

3) За симъ уравнивать совершенно по всѣмъ мѣстамъ Имперіи всѣ уставы оныхъ заведеній, сообразуясь со степенями ихъ возвышеній, допустивъ должныя измѣненія для округовъ Дерутскаго и Виленскаго.

4) Опредѣлить подробно на будущее время всѣ курсы ученій, означивъ и сочиненія, по коимъ оныя должны впредь быть преподаваемы.

5) При семъ случаѣ, рѣшивъ, которые изъ существующихъ хороши, вмѣстѣ съ тѣмъ распорядиться о дополненіи недостающаго, избравъ для того по вашему одобренію надежнѣйшихъ профессоровъ и академиковъ съ утвержденія моего,—дабы уже за совершеніемъ сего воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ.

По мѣрѣ успѣховъ, занятій и трудовъ сего комитета приготовленные новые уставы для различныхъ степеней учебныхъ заведеній, начиная съ низшихъ, представлять мнѣ на утвержденіе, равно какъ и избранные для нихъ учебные способы подносить къ моему усмотрѣнію.

Поставляя вамъ за непремѣнную обязанность немедленно приступить и исполнить во всей точности симъ на васъ возлагаемое порученіе, я приѣмлю ваше ревностное усердіе къ пользамъ государства залогомъ скораго и полнаго въ немъ успѣха.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

· XLVII ·)

Представленіе Левенштерна шведскому принцу.—Порученіе произвести реквизицію для шведской арміи—Маршалъ Штедингъ.—Полковникъ Біорнштернъ.—Занятіе Гёттингена.—Гильдесгеймскій епископъ.—Англійскіе комиссары въ Гильдесгеймъ.—Положеніе Вестфальскаго королевства.—Поступленіе въ отрядъ графа Воронцова.—Обѣдъ и балъ въ Брауншвейгѣ.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій.

Нзъ Нордгаузена я двинулся въ Боденроде, гдѣ меня нагналъ курьеръ, посланный шведскимъ королевскимъ принцемъ, съ приказаніемъ явиться немедленно въ его главную квартиру въ Гейлигенштадтъ.

Прибывъ туда, я явился къ генералу Адлеркрейцу, начальнику штаба Сѣверной арміи, который, прежде чѣмъ ввести меня къ принцу, передалъ мнѣ слѣдующій приказъ:

«Такъ какъ вы поступили съ вашими казаками подъ начальство г. маршала Штединга, то его королевское высочество приказываетъ вамъ совершить съ вашимъ отрядомъ экспедицію на Гёттингенъ, Гильдесгеймъ, Ганноверъ и Брауншвейгъ.

«Вы произведете въ этой мѣстности реквизицію для шведской арміи, собравъ съ жителей 40.000 раціоновъ мяса, хлѣба и водки, 12.000 паръ сапоговъ, чулокъ, рубашекъ и 20.000 аршинъ голубаго и сѣраго сукна съ соответственнымъ количествомъ подкладки.

«Распространите слухъ, что его королевское высочество идетъ со шведской арміей на Везель, не останавливаясь въ Гёттингенѣ.

·) См. „Русскую Старину“, ноябрь 1901 г.

«Королевскій принцъ желаетъ также, чтобы вы пресѣкли всякое сообщеніе съ Гамбургомъ и Ганноверомъ и чтобы вы собрали самыя вѣрныя свѣдѣнія о движеніяхъ маршала принца Эмюльскаго.

«Его королевское высочество приказалъ своему адъютанту, гвардіи капитану барону Адлеркрейцу и капитану Перейрѣ слѣдовать за вами и сообщать ему всѣ свѣдѣнія, какія имъ удастся получить во исполненіе данныхъ имъ инструкцій, независимо отъ тѣхъ извѣстій, какія будутъ сообщаться вами. Эти офицеры будутъ состоять при васъ впредь до полученія дальнѣйшихъ приказаній».

Въ главной квартирѣ въ Гейлигенштадтѣ.

30-го октября 1813 г.

Когда я ознакомился съ содержаніемъ этого приказа, то генераль Адлеркрейцъ ввелъ меня въ кабинетъ шведскаго принца.

Онъ стоялъ у стола, заваленнаго картами. На немъ былъ простой сюртукъ изъ голубаго сукна.

Увидавъ меня, принцъ сказалъ:

— Я очень радъ видѣть васъ, другъ мой, слышите, другъ мой, прощайте, другъ мой!

Меня предупреджали объ его привычкѣ оканчивать нѣкоторыя фразы словами: «прощайте, другъ мой», такъ что, не поймавъ его на словѣ, я продолжалъ почтительно стоять, не трогаясь съ мѣста.

— Получили ли вы приказаніе, переданное вамъ генераломъ Адлеркрейцомъ?—спросилъ онъ. Прощайте, другъ мой! возлагая на васъ это порученіе, я вполне полагаюсь на васъ; моя армія нуждается въ провіантѣ и новой обмундировкѣ; постарайтесь пополнить его со свойственнымъ вамъ умѣніемъ и поспѣшите. Я позабылъ упомянуть въ данныхъ инструкціяхъ, что мнѣ необходимо также тысяча лошадей. Вы займете войсками прекрасную страну, съ которой я знакомъ давно; пощадите жителей насколько возможно, но настаивайте на вашихъ требованіяхъ со всевозможной строгостью, дабы все, что нужно мнѣ, было доставлено безъ промедленія. Если вашимъ казакамъ понадобятся лошади и сукно, то можете взять то и другое и для нихъ. Военная цѣль вашей экспедиціи состоитъ въ томъ, чтобы ввести маршала Даву въ заблужденіе относительно направленія, въ которомъ я пойду. Дайте ему понять, что я иду къ Везеру, на Бременъ; тогда онъ рѣшится, быть можетъ, отдать мнѣ Гамбургъ, чтобы не потерять сообщеніе съ Голландіей; это было бы мнѣ очень пріятно, слышите, другъ мой, прощайте, другъ мой.

Я не двигался съ мѣста. Онъ продолжалъ:

— Сдѣлайте въ этой мѣстности рекогносцировки, пройдя какъ можно дальше, и повторяю, постарайтесь убѣдить Даву всевозможными хитростями, на что вы впрочемъ большой мастеръ, что я не намѣренъ идти на Гамбургъ.

Затѣмъ, разставивъ пальцы въ видѣ циркуля, онъ указалъ мнѣ на картѣ главные пункты, которые мнѣ надлежало занять и на которые слѣдовало обратить особое вниманіе.

Принцъ просилъ меня взять съ собою его адъютанта, г. Адлеркрейца и посвятить его въ искусство веденія аванпостной войны. Онъ удостоилъ меня похвалы за мое умѣніе вести этого рода службу и обѣщалъ написать государю и просить его о моемъ производствѣ въ генералы.

Все сказанное королевскимъ принцемъ было такъ ясно, всё его приказанія были такъ точны и опредѣленны, что надобно было быть большимъ дуракомъ, чтобы не понять того, что онъ желалъ. Тѣмъ не менѣе, не выходя изъ его кабинета, я отказался наотрѣзъ взять лошадей для моихъ казаковъ, объясняя свой отказъ тѣмъ, что мѣстные лошади слишкомъ велики для той службы, какая требуется отъ казаковъ; мною руководили иныя соображенія, но я не могъ высказать ихъ королевскому принцу: а именно, я предпочиталъ совершать подобныя реквизиціи по приказанію моего прямого начальства.

Королевскій принцъ простился со мною самымъ любезнѣйшимъ образомъ, и когда я поблагодарилъ его за любезное обѣщаніе написать императору, то онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Я думаю этимъ оказать вашему монарху добрую услугу, обративъ вниманіе на вполнѣ достойнаго офицера, который можетъ быть ему весьма полезенъ.

Я низко поклонился, и на этотъ разъ его обычная такъ часто повторяемая имъ фраза: «слышите, другъ мой, прощайте, другъ мой», была сказана кстати.

Выйдя изъ кабинета шведскаго принца, я отправился къ маршалу Штедингу, который принялъ меня съ той изысканной вѣжливостью, съ какою онъ держалъ себя въ петербургскихъ салонахъ въ свою бытность посланникомъ; но трудно было представить, что со мною говорилъ генералъ, командующій арміей. Онъ не упомянулъ даже о порученіи, какое было мнѣ дано. Но онъ заговорилъ съ особеннымъ удовольствіемъ о Лейпцигскомъ сраженіи; это было за всю войну единственное сраженіе, въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе, поэтому онъ былъ нестоющимъ, когда о немъ заходилъ разговоръ. Упомянувъ о неудавшейся экспедиціи на Бернбургъ, я заставилъ его смутиться; онъ сталъ оправдываться и свалилъ всю вину на приказаніе, полученное имъ отъ королевскаго принца. Само собою разумѣется, что я коснулся этого предмета слегка, такъ какъ оно повидимому не особенно было пріятно старику маршалу.

Побесѣдовавъ со мною, Штедингъ предложилъ мнѣ отправиться къ начальнику его штаба, полковнику Біорштерна, и переговорить съ нимъ подробно о возложенномъ на меня порученіи.

Это былъ молодой человѣкъ съ весьма пріятной, располагающей на-

ружностью. Онъ передалъ мнѣ списокъ дивизій, которымъ я долженъ былъ доставлять лошадей и прочія реквизиціонныя вещи, и я уѣхалъ въ сопровожденіи Адлеркрейца, сына генерала Перейры, привезшаго мнѣ новое приказаніе королевскаго принца выступить завтра въ 8 часовъ утра (31 октября) для исполненія возложеннаго на меня порученія.

Я предупредилъ желаніе шведскаго королевскаго принца и послалъ изъ самаго Гейлигенштадта курьера къ моему брату Георгію съ приказаніемъ идти немедленно на Гёттингенъ и занять его войскомъ. Что касается меня, я отправился туда же на почтовыхъ лошадяхъ, такъ что королевскій принцъ на слѣдующій день, въ 6 часовъ утра, уже получилъ извѣстіе о томъ, что я завладѣлъ этимъ городомъ.

Въ Гёттингенѣ мнѣ былъ оказанъ блестящій пріемъ.

Подъ моимъ окномъ собралась толпа студентовъ, привѣтствовавшихъ меня громкими криками «ура!»

Не имѣя возможности пригласить къ себѣ всѣхъ молодыхъ людей, чтобы поблагодарить ихъ за вниманіе, я приказалъ просить ихъ, чтобы они прислали своихъ депутатовъ и, когда послѣдніе явились, то я сказалъ имъ, что, желая доказать студентамъ мою признательность и выразить имъ мое довѣріе, я предлагаю имъ занимать караулы и нести обязанности городской стражи все время, пока я буду находиться въ городѣ.

Это предложеніе было принято съ восторгомъ; студенты были восхищены оказаннымъ имъ довѣріемъ и исполнили свою обязанность какъ нельзя лучше.

Но караулы внѣ города были заняты моими собственными солдатами, а на площадяхъ я разставилъ пикеты, съ коими студенты должны были войти въ сношеніе.

Муниципалитетъ отвелъ мнѣ помѣщеніе у извѣстнаго профессора Гуго ¹⁾. Этотъ пріятный для меня день, въ который молодежь славнаго Гёттингенскаго университета оказала мнѣ столь лестный пріемъ, закончился превосходнымъ ужиномъ.

Я былъ въ восторгѣ отъ моего достопочтеннаго хозяина и весело ужиналъ съ нимъ, какъ вдругъ въ комнату вошелъ чловѣкъ, закутанный въ венгерскую шубу и вооруженный большою саблею.

Казакъ хотѣлъ преградить ему путь въ столовую, но онъ грубо оттолкнулъ его и, подойдя къ профессору Гуго, спросилъ его, кто командуетъ русскими войсками: я или офицеры, ужинавшіе за тѣмъ же столомъ. Когда профессоръ указалъ ему на меня, то онъ обратился ко мнѣ очень развязно и заявилъ, что долженъ привести мнѣ большую жалобу.

¹⁾ Знаменитый юристъ, р. 1764 † 1844 г.

Фигура, рѣзкія манеры и задорный тонъ этого господина не понравились мнѣ и прежде, нежели отвѣчать, я спросилъ его, съ кѣмъ имѣю честь говорить.

Тогда, возвысивъ еще больше голосъ, онъ отвѣчалъ: «я проректоръ Гёттингенскаго университета».

Я вѣжливо предложилъ ему стулъ и сказалъ съ довольно злою усмѣшкою, что онъ не долженъ удивляться и пенять на меня зато, что я не узналъ проректора столь славнаго университета и что причиною тому его странный костюмъ и огромная сабля, и что я составилъ себѣ, по рассказамъ моихъ соотечественниковъ, учившихся въ Гёттингенѣ, совершенно иное представленіе о главѣ университета, но что я готовъ выслушать его и по возможности быть ему полезнымъ.

Не привыкнувъ, чтобы съ нимъ говорили такимъ тономъ, проректоръ нѣсколько потерялъ свою самоувѣренность и сталъ говорить запинаясь, что казаки отняли саблю у одного изъ студентовъ, ведшаго патруль. Видя, что я молчу и слушаю его внимательно, онъ воодушевился—заговорилъ снова тѣмъ же надменнымъ тономъ и закончилъ свою рѣчь, сказавъ, что если подобныя злоупотребленія повторятся, то онъ не отвѣчаетъ за безопасность города.

— Если вы, г. проректоръ, не отвѣчаете за безопасность города,—воскликнулъ я,—то я беру эту обязанность на себя и ручаюсь вамъ за его спокойствіе и безопасность, совѣтую вамъ лечь спать; ваша супруга, если вы женаты, будетъ быть можетъ благодарна мнѣ за это, а городъ не подвергнется опасности. Мнѣ нѣтъ надобности учиться, г. проректоръ, какъ держать городъ въ повиновеніи и какъ поддерживать въ немъ порядокъ. Положимъ, казаки отняли у студента саблю и совершили этимъ важный проступокъ, но научите меня пожалуйста, какъ розыскать виновнаго въ эту темную октябрьскую ночь. Завтра сабля будетъ возвращена вамъ, но, такъ какъ я желаю дать господамъ студентамъ несомнѣнное доказательство моего уваженія къ нимъ и моей признательности за выраженные ими патриотическія чувства, то я предлагаю вамъ передать имъ, что я крайне сожалѣю о неприятности, причиненной одному изъ нихъ моимъ казакомъ, что завтра утромъ виновный будетъ розысканъ и примѣрно наказанъ. Пока, прошу васъ передать мою саблю тому студенту, который лишился оружія, и попросить его сохранить ее на память.

Проректоръ былъ сконфуженъ этой развязкой, столь лестной для студентовъ. Чтобы вывести его изъ неловкаго положенія, я подаль ему бокалъ шампанскаго и предложилъ тостъ за процвѣтаніе университета. Мы простились.

Когда я садился на другой день на лошадь, чтобы произвести ре-

когносцировку въ окрестностяхъ Гёттингена, то студенты, собравшіеся возлѣ моего дома, встрѣтили меня громкими криками: «ура»!

По прибытіи предоставленныхъ въ мое распоряженіе королевскимъ принцемъ гусарь Мернера, я поручилъ этому полку охрану Гёттингена и пріемъ реквизиціонныхъ вещей, которыя я уже успѣлъ къ тому времени собрать, благодаря старанію мѣстныхъ властей. Вообще надобно отдать справедливость нѣмецкимъ властямъ, что онѣ всегда оказывали мнѣ полное содѣйствіе и относились къ своей обязанности въ высшей степени честно и безпристрастно. Относительно распредѣленія реквизиціи мнѣ приходилось вполнѣ полагаться на ихъ знакомство съ мѣстными условіями, и я ни разу не видѣлъ, чтобы они дѣйствовали неправильно или старались что-либо утаить. Они возставали единственно противъ той спѣшности, съ какою приходилось доставлять требуемыя вещи. Но тутъ я ничего не могъ подѣлать: армія прежде всего должна жить и не ходить босикомъ.

Я послалъ сильный отрядъ въ Ганноверъ, приказавъ немедленно занять его, — ниспровергъ вестфальское правительство, вмѣсто котораго было учреждено временное правленіе; всѣ требованія, предъявленные мною жителямъ, были исполнены съ такою точностью, какъ будто они исходили отъ вполнѣ признанной и установившейся власти.

Я направился черезъ Нордгеймъ и Эймбекъ въ Алефельдъ, гдѣ и переночевалъ; придя въ Гильдесгеймъ, я занялъ его войсками, послалъ сильный отрядъ въ Брауншвейнъ и занялся взиманіемъ реквизиціи. Эта утомительная и непріятная обязанность была для меня всегда ненавистна: честное содѣйствіе вновь учрежденныхъ властей дало мнѣ возможность исполнить ее какъ можно безобиднѣе для жителей, хотя эта мѣра все же была для нихъ весьма тягостна.

Жители такъ привыкли подкупать французскихъ генераловъ подарками, что когда мнѣ были приведены реквизиціонныя лошади для выбора, то во главѣ ихъ были поставлены два великолѣпныхъ жеребца съ подстриженными хвостами, которые, какъ я рѣшилъ съ перваго же взгляда, не могли идти для ремонта.

Не привыкнувъ къ подобнымъ подачкамъ, я приказалъ увести этихъ вороныхъ лошадей, какъ непригодныхъ для меня, чѣмъ всѣ были крайне удивлены. Впрочемъ я былъ не слишкомъ требователенъ и этимъ доказалъ, что я требую только возможнаго.

Шведскій полковникъ графъ Тоттъ, получивъ отъ меня ремонтныхъ лошадей, былъ въ восторгѣ отъ нихъ; жители также не были обижены. Королевскій принцъ приказалъ благодарить меня, и всѣ остались довольны. Большаго я и не желалъ.

Гильдесгеймскій владѣтельный епископъ, которому я счелъ дол-

гомъ представиться, принялъ меня торжественно и удостоилъ мой штабъ приглашенія къ обѣду.

Онъ угостилъ насъ на славу, и я имѣлъ при этомъ случай убѣдиться въ томъ, что пословица «il boit comme un chanoine», какъ нельзя болѣе вѣрна; я никогда не видѣлъ, чтобы кто-нибудь пилъ такъ много, ничѣмъ не закусывая, какъ господа каноники, приближенные къ епископу. Послѣ обѣда, епископъ отдалъ мнѣ визитъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ канониковъ, которые все время стояли за его кресломъ, раздвигали полы его одежды, когда онъ садился, и оправляли ихъ, когда онъ вставалъ съ мѣста, что было очень смѣшно въ особенности по той серьезности, съ какою они все это продѣлывали.

Наружность епископа была величественная и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятная; это былъ человекъ весьма образованный и пріветливый. Онъ происходилъ, кажется, изъ семьи князей Фюрстенбергскихъ, былъ страстный наѣздникъ и ежедневно катался верхомъ въ манежѣ. Я слышалъ впоследствии, что выставленные двѣ прекрасныя вороныя лошади были изъ его конюшни и что онъ очень боялся за нихъ и успокоился только тогда, когда узналъ, что я отослалъ ихъ обратно.

На слѣдующій день городъ далъ мнѣ балъ. Въ это время подошли гусары Мернера, которые эшелонировались за мною. Всѣ гусарскіе офицеры, со своимъ полковымъ командиромъ, графомъ Тоттомъ во главѣ, собрались ко мнѣ, и мы отправились вмѣстѣ на балъ.

Въ тотъ же день въ городъ явились англійскіе комиссары, чтобы вступить во владѣніе страной отъ имени курфюрста Ганноверскаго.

Мнѣ не хотѣлось допустить этого; но такъ какъ въ моихъ инструкціяхъ ничего подобнаго не было предусмотрѣно, то я не хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло, рѣшивъ только донести о случившемся кому слѣдуетъ, подъ условіемъ, конечно, чтобы комиссары не мѣшали мнѣ производить реквизицію.

На городскихъ площадяхъ было объявлено объ учрежденіи англійскаго правительства, и красные мундиры комиссаровъ затмили на время наши мундиры. Жители преклонялись передъ новыми властями, забывая, что въ моихъ рукахъ была матеріальная сила, которая всегда имѣетъ значеніе, хотя она не всегда бываетъ законна.

Я сдѣлалъ однако видъ, что ничего не замѣчаю, сознавая, что бразды правленія были въ моихъ рукахъ и что я могъ подтянуть ихъ или ослабить, по своему желанію. Надменность англичанъ, довольно таки компчая, не заставила меня измѣнить намѣченнаго мною образа дѣйствій.

Единственное, предъявленное мною требованіе, на которомъ я настаивалъ, было, чтобы комиссары явились ко мнѣ въ сопровожденіи мѣст-

ныхъ властей и попросили у меня позволенія провозгласить новое правительство.

Разъ общество сознавало, что разрѣшеніе на это было дано мною, остальное меня мало интересовало.

Городъ былъ роскошно иллюминованъ, а балъ, данный въ тотъ вечеръ, прошелъ весьма оживленно, но подъ конецъ его совершенно неожиданно разразилась гроза.

Англійскаго комиссара посадили за ужиномъ рядомъ съ той дамой, которая играла роль хозяйки вечера.

Меня не предупредили о томъ, что будетъ ужинъ, и всѣ уже заняли свои мѣста, когда меня пригласили къ столу. Распорядители бала предложили мнѣ сѣсть на стулъ, оставленный для меня по другую сторону отъ упомянутой дамы.

Я на это не согласился; къ тому же никто изъ присутствовавшихъ офицеровъ, шведовъ и русскихъ, не сѣлся въ ожиданіи меня: они были обижены тѣмъ, что ихъ начальнику не было оказано должнаго уваженія; всѣ были недовольны.

Я отвѣчалъ распорядителямъ, что я очень благодаренъ имъ, но не имѣю привычки ужинать, а когда меня пытались усадить силою, то я сказалъ съ раздраженіемъ, что такъ какъ всѣ прочіе сѣли, вѣроятно, кто куда хотѣлъ, то и я воспользуюсь этимъ правомъ и, не говоря болѣе ни слова, взялъ свободный стулъ и сѣлъ рядомъ съ самой хорошенькой дамой, которая была въ то же время хозяйка того дома, въ которомъ я жилъ.

Вслѣдъ за мною усѣлись и всѣ офицеры и поужинали съ большимъ аппетитомъ.

Англичанинъ, при всемъ своемъ высокомѣрїи, чувствовалъ себя неловко на почетномъ мѣстѣ.

Распорядители бала, отнесшіеся съ пренебреженіемъ къ тому, въ чьихъ рукахъ была, по крайней мѣрѣ въ тотъ моментъ, ихъ участь, поняли сдѣланный ими промахъ. Они подошли ко мнѣ съ бокалами въ рукахъ и провозгласили тостъ за здоровье императора Александра, затѣмъ за англійскаго короля и за мое здоровье, сопровождая эти тосты громкими криками «ура!».

Офицеры шведы поднялись со своихъ мѣстъ, выпили за мое здоровье, но затѣмъ тотчасъ всѣ удалились, обиженные тѣмъ, что не было предложено тоста за шведскаго королевскаго принца.

Я вполне раздвѣлялъ ихъ взглядъ и хотя былъ невольною причиною этого упущенія, но также удалился изъ зала вмѣстѣ съ русскими офицерами. Все это произвело на присутствующихъ очень тягостное впечатлѣніе и нарушило всеобщее веселіе.

Г.г. Кетглеръ и Гамерштейнъ, съ которыми я былъ знакомъ ближе,

послѣшили за мною и просили меня не уѣзжать и задержать шведскихъ офицеровъ, обѣщая, что сдѣланный промахъ тотчасъ будетъ исправленъ, но я отвѣчалъ имъ отказомъ, ибо не-могъ, по весьма понятному чувству приличія, допустить, чтобы за королевскаго принца былъ предложенъ тостъ послѣ того, какъ пили за мое здоровье.

На слѣдующій день ко мнѣ явилась депутація съ извиненіемъ. Я оставилъ это дѣло безъ послѣдствій, но далъ понять депутатамъ, что я могъ бы однимъ словомъ парализовать всѣ почести, оказываемыя ими англійскимъ комиссарамъ, воспретивъ имъ вступить въ исправленіе своихъ обязанностей, но что я не сдѣлалъ этого, видя, что ихъ появленіе было пріятно жителямъ; въ виду этого, имъ слѣдовало отнестись особенно внимательно къ представителямъ военной власти и главное не забывать того, что источникомъ этой власти былъ шведскій королевскій принцъ.

Желая загладить свою оплошность, депутаты пригласили насъ на роскошный обѣдъ: меня и англійскаго комиссара посадили посреди стола; всѣ шведскіе офицеры также присутствовали на обѣдѣ, который прошелъ весьма оживленно благодаря превосходному вину.

Я продолжалъ между тѣмъ взимать реквизицію, но не забывалъ и надобностей военной службы и посылалъ какъ можно дальше развѣдочные отряды по направленію къ Гамбургу и Бремену.

Такъ какъ королевскій принцъ далъ мнѣ словесное приказаніе перехватывать частную корреспонденцію и всѣ письма, адресованныя бывшимъ чиновникамъ короля Іеронима Бонапарте, то въ мои руки попало нѣсколько любопытныхъ писемъ, которыя были мною перлюстрированы. Одно изъ нихъ было адресовано баронессѣ Мальхусъ (Malchus), супругѣ перваго министра короля Іеронима Бонапарте, которая носила въ то время, если не ошибаюсь, имя графини Розенштейнъ.

Ея мужъ бѣжалъ вмѣстѣ съ королемъ Іеронимомъ и въ письмѣ къ женѣ, съ французской границы, описывалъ всѣ подробности ихъ бѣгства.

Я долженъ былъ переслать эти письма королевскому принцу, не желая однако лишить г-жу Мальхусъ извѣстій отъ ея мужа, я отправился къ ней и сообщил ей содержаніе этого письма, успокоивъ ее на счетъ здоровья ея супруга. Она была чрезвычайно благодарна мнѣ, но расплакалась, когда я не согласился оставить ей это письмо; я позволилъ списать его въ моемъ присутствіи. Г-жа Мальхусъ была очаровательная, хорошенькая женщина, игравшая большую роль при Кассельскомъ дворѣ. Ея мужъ былъ уменъ, способенъ, но пользовался въ Вестфальскомъ королевствѣ всеобщей ненавистью.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною весьма дѣятельно, мнѣ было приказано окончить реквизицію, идти въ Брауншвейгъ, чтобы составить авангардъ графа Воронцова, который

*

долженъ былъ идти впереди шведской арміи, обложить Гамбургъ и завладѣть Голштиніей.

Я тотчасъ пошелъ въ Брауншвейгъ, который еще ранѣе былъ занятъ по моему приказанію войсками. Туда же прибылъ вскорѣ и графъ Воронцовъ, видимо довольный тѣмъ, что я находился снова подъ его начальствомъ.

Такъ какъ графъ Воронцовъ далъ намъ день отдыха, то я воспользовался этимъ, чтобы осмотрѣть мѣста, посѣщенные нѣкогда моимъ отцомъ. Онъ воспитывался тутъ въ знаменитомъ Каролинскомъ институтѣ (Institut Carolinum) подъ личнымъ надзоромъ ученаго и набожнаго аббата Jérusalem'a. Я осмотрѣлъ комнату, въ которой отецъ прожилъ девять лѣтъ. Въ Брауншвейгѣ онъ сошелся съ молодымъ герцогомъ Брауншвейгскимъ, погибшимъ въ Одерѣ при спасеніи утопавшихъ.

Во время моего пребыванія въ Брауншвейгѣ, я имѣлъ удовольствіе увидѣться съ молодымъ докторомъ Постельсомъ, который былъ военнопленнымъ въ Россіи и которому я разрѣшилъ возвратиться домой до битвы при Моденѣ.

Его отецъ, извѣстный въ Брауншвейгѣ профессоръ и его почтенная матушка горячо благодарили меня за то, что я спасъ ихъ сына отъ неминуемой смерти; въ то время, когда я разрѣшилъ ему уѣхать, онъ болѣлъ лихорадкой и былъ весьма изнуренъ. Заботы и тщательный уходъ родныхъ возвратили ему здоровье, и онъ могъ употребить впослѣдствіи свои силы на службу человѣчеству.

Вечеромъ городъ далъ спектакль и балъ въ честь пріѣзда графа Воронцова и комиссара, уполномоченнаго принять во владѣніе герцогство отъ имени герцога Брауншвейгскаго. Здѣсь точно такъ же, какъ и въ Гильдесгеймѣ, все было сдѣлано не такъ, какъ слѣдуетъ. Комиссаръ, Ольффманъ, одѣтый въ англійскій мундиръ, приказалъ расклеить въ городѣ прокламаціи, не предупредивъ о томъ графа Воронцова; графъ перенесъ молча всѣ выходки г. Ольффмана, который держалъ себя на спектаклѣ и на балу, какъ настоящій монархъ, и старался все время играть первую роль, чему Воронцовъ отъ души смѣялся.

Мой другъ, генералъ баронъ Паленъ, командовалъ регулярной кавалеріей армейскаго корпуса графа Воронцова, и мы проводили съ нимъ все свободное время, предаваясь развлеченіямъ, которыя нерѣдко переходили въ оргіи.

Паленъ присоединился къ своей кавалеріи въ Гифюрнѣ, а я къ своимъ казакамъ въ Ульценѣ (Ulzen), гдѣ я получилъ приказаніе идти на Люебургъ, занять его и смѣнить войска генерала графа Вальмодена на занимаемыхъ имъ постахъ.

Военныя дѣйствія возобновились въ новой мѣстности въ позднее

время года, и намъ приходилось дѣйствовать противъ такого сильнаго противника, какимъ былъ маршалъ Даву.

Намъ предстояло впереди не мало труда, быть можетъ, и славы, но послѣ Лейпцигскаго сраженія мы ею пресытились.

Къ счастью, я воспользовался нѣсколькими днями отдыха для восстановления своихъ силъ и поэтому чувствовалъ себя бодрѣе и свѣжѣе въ тотъ моментъ, когда намъ пришлось начать походъ въ странѣ, гдѣ зима бываетъ очень сурова.

Главная квартира монарховъ находилась въ Франкфуртѣ на Майнѣ, а генерала Винценгероде—въ Бременѣ. Большая часть этихъ войскъ имѣла превосходныя квартиры. Только отряду графа Воронцова не пришлось отдохнуть какъ слѣдуетъ.

На долю Воронцова, Чернышева, Бенкендорфа и Нарышкина выпало болѣе всего труда, на нихъ вваливалась вся работа, а Винценгероде, покуривая трубку, эксплуатировалъ ихъ храбрость и усердіе. Слава, извѣстность достаются однимъ дорогою цѣною, а другимъ чуть не даромъ.

Воронцовъ остановился въ Голштиніи, окружилъ Гамбургъ и, перейдя Эйдеръ, дошелъ до герцогства Шлезвигскаго; никогда еще русскіе не заходили такъ далеко.

Чернышевъ занялъ Бельгію и первый вступилъ во Францію; Бенкендорфъ и Левъ Нарышкинъ наводнили войсками Голландію; въ Амстердамѣ еще помнятъ, какъ они овладѣли этимъ большимъ городомъ и низвергли французское правительство.

Винценгероде, смотрясь въ зеркало, возомнилъ себя героемъ, но онъ не былъ таковымъ въ нашихъ глазахъ, хотя мы все-таки были расположены къ нему; это былъ человекъ доброжелательный, услужливый, честный и если бы онъ не довѣрялъ слѣпо сварливому Сергѣю Волконскому, то дѣла могли бы идти своимъ чередомъ; но Волконскій внесъ въ нихъ невообразимую путаницу, и начальникъ штаба, генералъ Ренни, не имѣлъ при немъ никакого значенія.

XLVIII.

Сѣверная армія.—Сраженіе при Виазенѣ.—Рижскіе драгуны.—Генералъ Впшери.

Послѣ Лейпцигскаго сраженія Сѣверная армія получила назначеніе очистить отъ непріятеля сѣверную Германію, прогнать французовъ отовсюду, гдѣ бы она ихъ ни встрѣтила, и возвратятъ жителямъ той мѣстности утраченную ими свободу.

Графъ Воронцовъ остановился сначала въ Касселѣ, затѣмъ направился въ Гамбургъ. Генераль Теттенборнъ овладѣлъ Бременомъ и, совершивъ это удачное движеніе, пресѣкъ единственное сообщеніе, которое маршалъ Даву сохранялъ съ Франціей чрезъ Голландію.

Шведскій королевскій принцъ, отдѣливъ корпусъ Винценгероде и Бюлова для того, чтобы овладѣть Голландіей, двинулся къ Эльбѣ съ шведской арміей и съ отрядомъ Воронцова и графа Строганова, поставивъ себѣ главной цѣлью занять герцогство Голштинское и лелѣя заднюю мысль—завоевать Норвегію.

16-го ноября королевскій принцъ выѣхалъ изъ Ганновера, а 24-го числа перешелъ Эльбу у Бойценбурга.

Мнѣ было приказано занять Люнебургъ, гдѣ я засталъ графа Ностица, командовавшаго нѣмецкимъ легиономъ и корпусомъ Люцова. Онъ тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы условиться относительно того, какъ я предполагаю дѣйствовать, чтобы смѣнить его войска, занимавшія посты по берегу Эльбы отъ Винзена до Гаарбурга (Haarbourg).

Ему было приказано перейти Эльбу у Лауенбурга и присоединиться къ корпусу Вальмодена, который предназначался для дѣйствій противъ датчанъ и изгнанія ихъ изъ герцогства Голштинскаго, между тѣмъ какъ графъ Воронцовъ долженъ былъ занять Гамбургъ, до прибытія польской арміи, подъ командою генерала Беннигсена.

Я пробылъ два дня въ Люнебургѣ, гдѣ графъ Воронцовъ устроилъ свою главную квартиру, а затѣмъ отправился въ Бардвукъ (Bardvuk).

Французы не допустили насъ основаться въ Винзенѣ, какъ намѣревался Воронцовъ, поручивъ мнѣ защиту этого пункта. Онъ увеличилъ мой отрядъ однимъ батальономъ гренадеръ, батальономъ егерей, двумя орудіями и двумя эскадронами рижскихъ драгунъ.

Съ этимъ подкрѣпленіемъ, я рассчитывалъ на успѣхъ. Графъ Воронцовъ хотѣлъ имѣть главную квартиру временно въ Винзенѣ и приказалъ мнѣ овладѣть этой позиціей, чтобы непріятель какъ можно долѣе не смѣлъ насъ тревожить.

Главная квартира шведскаго королевскаго принца, эшелонировавшагося позади Воронцова, должна была находиться въ Люнебургѣ, откуда онъ намѣревался приготовить переправу черезъ Эльбу.

Я отправился тотчасъ въ Винзенъ. Рекогносцировка, произведенная мною въ городѣ и его окрестностяхъ, убѣдила меня въ томъ, что и этотъ разъ я могъ одержать верхъ надъ непріятелемъ не иначе, какъ при помощи хитрости. Дѣйствительно, французы, вышедши изъ Цолленъ-Спикера и Гопершанце, могли атаковать меня съ превосходными силами; моя артиллерія не могла бы противустоять орудіямъ большаго калибра ихъ передовыхъ окоповъ и Гамбургской крѣпости. При томъ,

я не могъ разсчитывать ни на какую поддержку, ибо я находился отъ графа Воронцова болѣе чѣмъ въ двадцати верстахъ.

Если бы французы разбили меня, то они могли отрѣзать мнѣ отступленіе. Поэтому надобно было сначала подпустить непріятеля поближе, а затѣмъ утратить его, принявъ его какъ слѣдуетъ. Я рѣшилъ защищать Винзенъ въ самомъ городѣ и дозволить непріятелю овладѣть апрошами, но рѣшилъ перейти въ наступленіе, какъ только обстоятельства будутъ этому благоприятствовать.

Съ этой цѣлью, я разставилъ аванпосты напротивъ Гопершанце и Цолленъ-Спикера, приказавъ казакамъ отступать, отстрѣливаясь, какъ только непріятель выйдетъ изъ своихъ окоповъ, и тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы никто изъ жителей не могъ проскользнуть сквозь цѣпь постовъ, и дать знать французамъ, что у меня были орудія и пѣхота.

Вся моя хитрость состояла въ томъ, чтобы убѣдить французовъ, что я занималъ Винзенъ съ одними только казаками.

Я приказалъ батальонамъ снять ранцы и поставилъ егерей въ домахъ, стоявшихъ вдоль плотины, по которой непріятель долженъ былъ пройти. Въ моихъ рукахъ была также водяная мельница, обнесенная высокой стѣною; наконецъ, подъ городскими воротами было поставлено орудіе, заряженное картечью, которое должно было обстрѣливать плотину вдоль.

Я велѣлъ прикрыть это орудіе соломой, такъ что оно походило издали на шалашъ, какіе казаки сооружаютъ, чтобы защищаться отъ дождя.

Позади городскихъ воротъ и въ смежныхъ улицахъ стояли въ резервѣ двѣ роты гренадеръ, пушка и рижскіе драгуны.

Пѣхотѣ и артиллеристамъ было строго-на-строго запрещено показываться; стрѣлять же изъ ружей было запрещено подъ страхомъ смертной казни до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣланъ первый выстрѣлъ изъ орудія, что могло воспослѣдовать только по моему словесному приказанію.

Казакамъ было приказано, совершивъ большой обходъ, переправиться черезъ Люге (Lühe) вплавъ и напасть на непріятеля съ тыла въ тотъ моментъ, когда раздастся первый орудійный выстрѣлъ, дабы отрѣзать имъ отступленіе.

Уланскому поручику Сониному, исполнявшему при мнѣ обязанности адъютанта, было поручено командовать казаками во время этихъ дѣйствій, которымъ я придавалъ особенное значеніе.

Подготовивъ все такимъ образомъ, я сталъ выжидать дальнѣйшихъ событій.

Къ Винзену шла сильная непріятельская колонна. Я вскочилъ на

лошадь и поспѣшилъ навстрѣчу непріятелю, сопровождаемый только братомъ и однимъ казакомъ.

Французскіе развѣдчики перестрѣливались уже съ моими, и колонна шла къ Винзену, съ музыкантами во главѣ, увѣренная въ побѣдѣ, которую она всегда одерживала до тѣхъ поръ.

Отступая, я завлекъ непріятеля по своимъ слѣдамъ. Не видя у меня ни пѣхоты, ни орудій, непріятель могъ думать, что ему придется вытѣснить изъ города только однихъ казаковъ; французы вступили на плотину сомкнутой колонной при барабанномъ боѣ.

Тогда, поспѣшно повернувъ лошадь, я поскакалъ къ воротамъ и приказалъ артиллерійскому поручику Ратманову стрѣлять. Дѣйствіе картечи было поразительное; въ ту же минуту изъ домовъ и изъ мельницы былъ открытъ бѣглый огонь; надобно было видѣть, какъ французы пустились бѣжать.

Я тотчасъ перешелъ въ наступленіе и двинулъ противъ непріятеля подполковника Филатьева съ егерями и подполковника Фишера съ гренадерами; Филатьевъ пошелъ прямо въ рукопашную, а Ратмановъ энергично осыпалъ французовъ картечью изъ своихъ двухъ орудій и не далъ имъ возможности сомкнуть ряды.

Изгороди и канавы помѣшали рижскимъ драгунамъ выполнить все то, что имъ было предписано, но мои казаки исполнили буквально все, мною приказанное, переплыли черезъ рѣку и весьма кстати ударили непріятелю въ тылъ.

Непріятельская колонна была совершенно разстроена и искала спасенія въ бѣгствѣ и защиты густаго лѣса.

Большая часть непріятельской колонны была перебита; ко мнѣ привели 350 плѣнныхъ, и я вступилъ въ Гопершанце, смѣшавшись съ бѣжавшими французами.

Въ теченіе десяти минутъ мы овладѣли десятью орудіями, но я не имѣлъ никакой возможности увезти ихъ; это были орудія самаго большаго калибра и такъ какъ къ французамъ подоспѣло подкрѣпленіе изъ Цолленъ-Спикера, то мнѣ пришлось, къ сожалѣнію, оставить эти бронзовые трофеи и удовольствоваться одними плѣнными.

Мой адъютантъ Сонинъ, къ величайшему моему прискорбію, былъ убитъ на-повалъ въ ту минуту, когда онъ первый вступилъ съ казаками въ Гопершанце. Онъ и мой братъ, которые ободряли, по моему приказанію, казаковъ, наиболѣе содѣйствовали нашему успѣху. Братъ приказалъ положить бездыханное тѣло Сонины на лошадь и привезъ его ко мнѣ. Смерть этого храбраго офицера омрачила мою радость по поводу одержаннаго нами успѣха.

Великолѣпная сѣрая лошадь, спасшая мнѣ жизнь въ Берибургѣ,

получила царапину по носу пумю, и съ тѣхъ поръ этотъ храбрый конь сдѣлался трусливъ и никогда не могъ забыть этой непріятности.

Графъ Воронцовъ, слышавъ канонаду, приказалъ одному изъ своихъ адъютантовъ узнать, что дѣлается со мною. Онъ прискакалъ въ тотъ моментъ, когда я принималъ плѣнныхъ, и поспѣшилъ съ донесеніемъ къ графу, который написалъ мнѣ любезное письмо, прислалъ мнѣ нѣсколько солдатскихъ георгіевскихъ крестовъ для раздачи отличившимся и разрѣшилъ мнѣ представить списокъ офицеровъ, заслуживавшихъ того, чтобы о нихъ было сдѣлано представленіе императору.

Мнѣ посчастливилось первому одержать побѣду надъ непріателемъ на новомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Королевскій принцъ упомянулъ объ этомъ въ своемъ бюллетенѣ, и я былъ награжденъ Анною съ алмазами. Мой братъ былъ произведенъ въ капитаны; всѣ офицеры, представленные мною къ награждѣ, удостоились таковой. Въ числѣ ихъ оказался, къ великому моему удовольствію, поручикъ артиллеріи Ратмановъ. Онъ получилъ Анну 2-й степени, что было въ то время выдающеюся наградою, въ особенности для офицера, не имѣвшего еще ни одного знака отличія.

Я ходатайствовалъ за него у графа Воронцова, который не отказалъ мнѣ въ этомъ, будучи всегда готовъ наградить истинную доблесть.

Послѣ этого урока, даннаго нами непріятелю, онъ пересталъ тревожить нашу позицію при Винзенѣ, и графъ Воронцовъ могъ совершенно спокойно основать тамъ свою главную квартиру. Вѣчно дѣятельный, хотѣвшій видѣть все своими собственными глазами, онъ посѣтилъ меня на слѣдующій день.

Я былъ въ самомъ жалкомъ положеніи; послѣ сраженія меня схватила лихорадка, и я не былъ ни на что способенъ. Графъ Воронцовъ далъ въ мое распоряженіе свою коляску, и я отправился въ сопровожденіи брата и прусскаго поручика Клицинга въ Люнебургъ, гдѣ уже находилась главная квартира королевскаго принца.

Графъ Воронцовъ со своей обычной заботливостью навѣщалъ меня нѣсколько разъ во время моей болѣзни и выказалъ мнѣ большое участіе.

Я чуть не поссорился въ это время съ моимъ другомъ, генераломъ барономъ Паленомъ.

Дѣло въ томъ, что въ моей реляціи о побѣдѣ, одержанной при Винзенѣ, не было упомянуто о рижскихъ драгунахъ, принадлежавшихъ къ бригадѣ Палена, по той простой причинѣ, что они не имѣли случая отличиться. Когда я отрядилъ два взвода для того, чтобы поддержать блестящую атаку, веденную моими казаками, то офицеръ, командовавшій этими взводами, дѣйствовалъ столь вяло, что я приказалъ тотчасъ

посадить его под арестъ; это произвело въ послѣдствіи большое впечатлѣніе въ Рижскомъ полку и дошло до свѣдѣнія барона Палена, который потребовалъ отъ меня официально объясненія по этому поводу.

Взыскавъ съ офицера за его нерадѣніе на мѣстѣ преступленія, я не хотѣлъ давать дальнѣйшаго хода этому дѣлу, такъ что мы покончили его съ Паленомъ къ обоюдному удовольствію. Впрочемъ, драгуны, составлявшіе мой резервъ, исполнили въ точности мои приказанія; не могъ же я въ самомъ дѣлѣ ходатайствовать о награжденіи тѣхъ, кои не сдѣлали ничего выдающагося; я не выигралъ сраженія, послѣ котораго раздають обыкновенно много наградъ безъ разбора. Каждый чело-вѣкъ былъ у меня какъ на ладони, на виду у всѣхъ.

Такъ какъ графъ Воронцовъ, составляя авангардъ арміи королевскаго, принца долженъ былъ перейти Эльбу, то графу Строганову было приказано занять его посты.

Здоровье не позволяло мнѣ еще вступить въ командованіе авангардомъ. Я остался въ Люнебургѣ. Пока въ городѣ находились довольно значительныя силы, у меня было отличное помѣщеніе и ко мнѣ относились внимательно, но какъ только изъ Люнебурга выступилъ послѣдній отрядъ, хозяинъ дома, въ которомъ я жилъ, измѣнилъ свое обращеніе со мною и сталъ въ высшей степени дерзокъ.

Мой братъ, чело-вѣкъ очень вспыльчивый, былъ взбѣшенъ этимъ. Въмѣсто обычнаго хорошаго завтрака, хозяинъ подаль намъ отвратительный хлѣбъ, прескверное масло и вонючую ветчину. Я былъ слишкомъ плохъ, чтобы замѣтить всѣ эти мелочи; но мой братъ, возмущенный этой неожиданной перемѣной, призвалъ хозяина дома и заставилъ его сѣсть отвратительное масло, которое онъ считалъ достаточно хорошимъ для насъ.

Разумѣется, онъ не имѣлъ ни малѣйшей охоты сдѣлать это, но присутствіе двухъ казаковъ заставило его быть кроткимъ и послушнымъ. Онъ повиновался, впрочемъ весьма неохотно, и, я думаю, послалъ насъ въ душѣ ко всѣмъ чертямъ.

Послѣ этой комической сцены, еще далеко не оправившись, я сѣлъ на лошадь и уѣхалъ изъ Люнебурга на поиски графа Воронцова, который успѣлъ, между тѣмъ, перейти Эльбу. Я нагналъ его въ Шварценбахѣ.

Бѣда и чистый воздухъ подкрѣпили меня, и я считалъ себя уже способнымъ командовать авангардомъ.

Мнѣ предстояло объѣхать кругомъ весь Гамбургъ, достигнуть вы-соты Альтоны и, такъ сказать, окончательно овладѣть этимъ городомъ.

Я пообѣдалъ по пути у генерала барона Палена, которому было приказано эшелонироваться за мною со своей кавалеріей. Прибывъ къ своему отряду, я убѣдился, что въ мое отсутствіе всѣ странно рас-

пустились; никто не могъ даже сказать мнѣ въ точности, гдѣ именно находится непріятель; я тотчасъ приказалъ всѣмъ сѣсть на лошадей и дошелъ въ ту же ночь до Куддиверде.

Непріятель сломалъ и сжегъ всѣ мосты на Биллѣ (La Bille); это заставило меня остановиться, чтобы приготовить переправу.

Подмораживало; снѣгъ шелъ хлопьями; необходимыхъ матеріаловъ у меня не было; мы встрѣтили бы тысячу препятствій, если бы я дѣйствовалъ менѣе энергично и сталъ заботиться о прочности новаго моста, но съ казаками всюду можно пройти. Я вскорѣ преодолѣлъ всѣ трудности и настигъ въ Паппендорфъ врасплохъ пикетъ конныхъ егерей, состоявшій изъ квартирмейстера и восьми егерей, которые были взяты нами въ плѣнъ и послужили графу Воронцову доказательствомъ того, что его авангардъ не терялъ непріятели изъ вида, какъ это случилось, къ его величайшему неудовольствію, во время моего отсутствія.

Я поспѣшно пошелъ къ Сіку (Siek), большой деревнѣ, лежавшей на шоссе, которое ведетъ въ Вандсбекъ и Гамбургъ.

Я переночевалъ въ этой деревнѣ въ домѣ священника.

Ночью я получилъ отъ графа Воронцова приказаніе пройти по дорогѣ въ Вандсбекъ какъ можно далѣе; онъ употребилъ выраженіе: чтобы увидѣть непріятели въ глаза. Для меня подобное приказаніе было излишне. Въ ту же ночь я послалъ на эту дорогу развѣдчиковъ, а на слѣдующее утро у меня уже завязалось жаркое дѣло между Ральстедтомъ и Тондорфомъ.

Отрядомъ, съ которымъ я вступилъ въ бой, командовалъ генералъ Вишери. Онъ выставилъ весьма значительныя силы, всѣхъ трехъ родовъ оружія, коимъ я могъ противопоставить только горсть казаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. М. Карамзинъ и гр. Н. П. Румянцовъ.

Собственноруч. письмо Н. М. Карамзина—гр. Н. П. Румянцову.

14-го апрѣля 1816 г. Москва.

Въ добавокъ къ милостямъ, вашимъ сіятельствомъ оказаннымъ мнѣ въ Петербургѣ, вамъ угодно было вспомнить обо мнѣ и по моемъ отъѣздѣ: примите за то и за другое мою сердечную благодарность. Умѣю цѣнить ваши ласки такъ же, какъ и ваши необыкновенныя достоинства, которыя дѣлаютъ честь нашему отечеству и времени. Извините простоту выраженія: она мнѣ свойственна вмѣстѣ съ искренностію. Готовясь возвратиться въ Петербургъ, увѣряю себя въ вашемъ неизмѣнномъ ко мнѣ благоволеніи, которое должно быть для меня замѣною многихъ истинныхъ пріятностей, оставляемыхъ мною въ доброй, старинной Москвѣ, гдѣ провелъ я три возраста жизни. Въ 49 лѣтъ уже не ищутъ такъ называемаго счастья; но пока мыслимъ и чувствуемъ, хотимъ удовольствій душевныхъ. Мысль о вашемъ привѣтливомъ, искреннемъ обхожденіи со мною украшаетъ для меня мысль о Петербургѣ. Уже не буду искать тамъ ни представленій, ни разсѣянія, и тѣмъ болѣе надѣюсь пользоваться вашою превлекательною, любезною бесѣдою о минувшемъ и настоящемъ.

Отъ всего сердца желая вашему сіятельству совершеннаго здоровья и спокойствія, какъ перваго блага въ жизни, съ истиннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію имѣю честь быть и проч.

Отвѣтъ графа Н. П. Румянцова безъ мѣсяца и числа.

Съ признательностію получа письмо, каковымъ меня удостоили, и за то васъ благодарю, что сами примѣтить изволили, какъ въ бытность вашу въ Петербургѣ я часто съ вами быть желалъ. Кто изъ насъ не почитатель ума, просвѣщенія и доброты душевной. Вы, такъ сказать, въ каждой масти людей въ правѣ найти себѣ приверженцевъ и посреди множества замѣтите меня особо. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1901 г.
ТОМЪ СТО ВОСЬМОЙ.
ОКТАБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН

I. Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.	
85—100, 271—291,	533—560
II. Воспоминанія Валеріана Александровича Папаева	109—135, 576—592
III. Былое. Изъ воспоминаній о пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ. А. Р.	137—158, 371—388, 635—647
IV. Записки генерала В. И. Левенштерна.	431—457, 683—699
V. Воспоминанія К. С. Веселовскаго.	495—528
IV. Алексѣвскій рavelинъ въ 1862—1865 гг. (изъ моихъ воспоминаній). Сообщ. Ив. Борисовъ	573—578

Портреты.

- I. Портретъ графа Поццо-ди-Борго. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 10-ой книгѣ).
- II. Портретъ графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 11-ой книгѣ).

III. Портретъ графа Дмитрія Николаевича Блудова. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 12-ой книгѣ).

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Сообщ. Н. Ѳ. Дубровинъ	465—494
II. Нотное пѣніе въ церквахъ. Предложеніе князя А. Н. Голицына Святѣйшему Правительствующему Синоду. 10-го января 1816 г.	42
III. Кончина А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ. (Изъ сочиненія Галуста-Шермазана: «Матеріалы для національной исторіи»). Сообщ. съ дополненіемъ М. Я. Алавердянцъ.	43—68
IV. Императоръ Павелъ. Очеркъ развитія его личности. II.	501—572
V. Письма Г. С. Батенькова—князю Е. П. Оболенскому. Сообщ. княг. М. Г. Оболенская.	101—108
VI. Памятники гр. Румянцову, кн. Суворову, Кутузову и Барклаю-де-Толли. Рескриптъ гр. С. К. Вязмитинову. 23-го сентября 1818 г. Ахенъ	136
VII. Россія и папскій престоль. П. Пирлинга. (Съ французскаго)	597—633
VIII. Къ портрету графа Поццо-ди-Борго	193—194
IX. Экспедиція Государствен. Хозяйства (1797—1803 гг.) В. И. Вешнякова	403—422
X. Новороссійскій край въ 1816 году. Высочайшее повелѣніе министру финансовъ. 4-го мая 1816 г.	206
XI. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи. Сообщ. А. А. Ѳоминъ	207—220, 327—340, 649—680
XII. Письма В. А. Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 году. Сообщ. И. А. Бычковъ.	221—240, 309—401
XIII. «Полярная Звѣзда» и «Невскій Альманахъ». (1826—1827 гг.). Сообщ. Н. Д.	265—269
XIV. Письмо М. Сперанскаго императору Николаю 19-го іюня 1827 г.	270
XV. Просьба арестантовъ въ 1812 году объ отправленіи ихъ въ дѣйствующую армію. 22-го сентября 1812 г.	292

XVI.	Театральныя интриги въ 1822 году. (В. А. Каратыгинъ и П. А. Катенинъ). Ив. Кубасова	293—304
XVII.	Нѣсколько новыхъ словъ о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—1851 г. Николая Лернера	323—326
XVIII.	Михайлъ Васильевичъ Остроградскій подъ надзоромъ полиціи	341—342
XIX.	Письмо М. Сперанскаго—гр. Аракчееву 14-го сентября 1816 г. Великополье. Просьба графа Растопчина объ увольненіи его въ отставку. 15-го октября 1823 г. Москва.	370
XX.	Распоряженіе о наблюденіи за продажей каррикатуръ 29-го мая 1823 года	402
XXI.	Родословная Басмановыхъ	423—430
XXII.	О благочиніи въ церквахъ. Записка графа Аракчеева. 23-го января 1816 года	458
XXIII.	Празднованіе XL-й годовщины освобожденія крестьянъ	459—464
XXIV.	Три «Молитвы». Сообщ. Николай Лернеръ	529—532
XXV.	Къ исторіи изданій «Горе отъ ума». Сообщ. А. И. Станкевичъ	593—596
XXVI.	Опаздываніе чиновниковъ на службу. Письмо Барклая графу Ивану Александровичу Апраксину, 26-го января 1810 г.	634
XXVII.	Н. М. Карамзинъ и А. А. Шишковъ.	648
XXVIII.	О преобразованіи учебныхъ заведеній. Рескриптъ императора Николая—А. С. Шишкову	681—682
XXIX.	Н. М. Карамзинъ и Н. П. Румянцовъ	700
XXX.	Систематическое оглавленіе 108-го тома. Сост. Н. И. Кашкадамовъ	701—704
XXXI.	Указатель личныхъ именъ въ 105, 106, 107 и 108 томахъ «Русской Старины» 1901 года. Сост. В. В. Тимошукъ	1—88

Библиографическій листокъ.

- 14-е марта. Двадцатилѣтній періодъ товарищескихъ собраній „Дворянъ“ и „Константиновцевъ“. (1882—1901 гг.). Воспоминанія одного изъ участниковъ. Спб. 1901. Н. И. Кашкадамова (На оберткѣ октябрьской книжки).
- „Русскій Биографическій Словарь“. Фабержъ—Цвѣловскій. Изд. подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. А. А. Половцова. Спб. 1901 г. (На оберткѣ ноябрьской книжки).
- Д. В. Цвѣтаевъ. Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. Приложенія къ историческому изслѣдованію. Книга первая. Варшава. 1901 г.—С. Ф. Либровичъ. Царь въ плѣну. Спб. 1901 г. В. Л-аго (тамъ же).

4. Николай Лернеръ. „Первая одесская газета.“ Страницка изъ исторіи русской печати. Одесса. 1901 г. Н. И. К а ш к а д а м о в а (тамъ же).
5. А. С. Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность. Историко-литературный очеркъ К. Кузьминскаго. Москва. 1901 г. Н. И. К а ш к а д а м о в а. (На оберткѣ декабрьской книги).

П р и л о ж е н і я.

Дневники В. А. Жуковского. Сообщилъ Н. А. Бычковъ. 129—192

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
въ 105, 106, 107 и 108 томахъ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
изд. 1901 года.

А.

- Абакумовъ**, сенат., 1828 г., т. CV, янв., 29, 31, февр., 266.
- Агамоновъ**, Мих. Анд., инж. подполк., 1864 г., т. CVI, июнь, 628.
- Аделунгъ**, Ник. Фед., секретарь вел. княг. Ольги Николаевны, 1851 г., т. CV, мартъ, 537, 538, 544, 545, 553, т. CVI, апр., 54, 73, т. CVIII, окт., 89—91.
- Адлербергъ**, графиня Марья Вас., рожд. Нелидова, т. CVI, май, прил., 58, июнь, прил. 69, 1843, т. CVIII, дек., 580.
- Адлербергъ**, гр., Александр. Влад., р. 1818 г. † 1888 г. т. CVI, июнь, 568, т. CVIII, дек. 579.
- Адлербергъ**, гр., Влад. Фед., мин. двор., съ 1852—1878 г., р. 1790 † 1884 г., т. CV, янв., 43, 44, т. CVI, май, прил., 58; июнь, 453, 568, прил., 71, т. CVII, июль, 14, 24, сент., 472, 473, 476, 534.
- Азаревичева**, актриса, 1823 г., том. CVIII, нояб., 227, 228, 229, 301.
- Аксаковъ**, Ив. Серг., писат., р. 1823 г. ум. 1886 г., т. CVII, сент., 510, т. CVIII, нояб., 273.
- Аксаковъ**, Конст. Серг., писат., род. 1817 г. † 1860 г., т. CVII, сентябрь, 510, т. CVIII, окт., 125.
- Аксаковъ**, Серг. Тимоф., писат., род. 1791 † 1859 г., т. CV, янв., 80—93, т. CVI, май, 407, т. CVIII, окт., 125.

- Алавердянцъ**, М. Я., сообщ. „Кочина А. С. Грибовцова по армянскимъ источникамъ“, т. CVIII, окт., 43—68.
- Аладьянъ**, Егоръ, изд. „Невскаго Альманаха“ 1827 г., т. CVIII, нояб., 265—269.
- Алединскій**, 1814 г., т. CVI, июнь, 449.
- Александра** Гюсифовна, вел. княг., т. CVIII, нояб., 460.
- Александра** Николаевна, вел. княг., ум. 1844 г., т. CV, февр., 288.
- Александра** Павловна, вел. княг., въ зам. палатина Венгерская, т. CVI, июнь, 504, т. CVIII, окт., 202, нояб. 405.
- Александра** Θεодоровна, императрица, р. 1798 † 1860 г., т. CV, янв., 27, 33, мартъ, 514, 545, 556, т. CVI, апр., 21, 31, 58—60, 66, 137, май, прил. 53—64, июнь, 453—463, 504—513, прил. 65—75, т. CVII, июль, 5—29, 103, прил. 86, 87, авг., 226—238, прил. 100—104, сент., 501, окт., 221—240, нояб., 389—401, прил., 162, 167, 169, т. CVIII, дек., 580, прил. 177—187, 190.
- Александръ I**, императоръ, р. 1777 † 1825 г., т. CV, янв., 51—72, 115, 121, 151, 224, 225, 235, 236, февр., 280, 342—496, 516, 571, 591—670, 724, т. CVI, апр., 24—44, 154—169, 184, 185, 198, 199, май, 225—233, 236, 241, 310, 363, 369, 375—393, 429, 440, прил. 39, 49, 53, июнь, 449—482, т. CVII, июль, 7—26, 153—

- 161, 201, 208, прил. 86, 89, 95, авг. 225—238, 321, 391, 402, 444, 447, сен., 449—464, 623, 642, 659, томъ CVII, окт., 5—23, 32, 39—41, 75, 78—84, 193, 194, 196, 202, 229, нояб., 241—264, 311—322, 334, 335, 409, 416, 421, 452, прил., 172, т. CVIII, дек. 467—494, 551, 565, 567, 569, 651—680, прил. 189.
- Александръ II**, императоръ, род. 1818†1881 г., т. CV, февраль, 293, мартъ, 548, 572, 635, 687, т. CVI, апр., 65, 67, май, 237, 284, 307, 358, прил., 63, июнь, 468, 568, т. CVII, июль, 97, 98, 151, прил., 96, авг., 229—231, 370, 371, сент., 500, 535, 542, 572, прил., 115, 117, 121, томъ CVIII, окт., 90, 137, 229, ноябрь, 280—285, 460—464, т. CVIII, дек., 495, 496, 552, прил. 178, 185—190.
- Александръ III**, императоръ, род. 1845—1894 г., т. CVII, авг., 371, т. CVIII, нояб., 460, т. CVIII, дек. 593.
- Алексѣвъ, В.**, сообщ. „Донесеніе о смерти кн. Аркадія Александровича Суворова-Рымникскаго“, томъ CVI, апр., 176.
- Алексѣвъ, Илья**, его стихотв. „Гроту Лермонтова“, т. CV, февр., 359.
- Алексѣй** (въ мирѣ Виноградовъ), членъ духов. миссіи въ Китаѣ, 1881 г., т. CV, янв. 181, 182.
- Алексѣй Александровичъ**, великій князь, т. CV, янв., 189.
- Алексѣй Михайловичъ**, царь, томъ CVIII, дек., 612, 613.
- Алексѣй Петровичъ**, царевичъ, ум. 1690 г., т. CV, янв., 238, мартъ, 517—520, т. CVIII, дек., 573.
- Аллагаевъ, А. X.**, сообщ. „Письма Павла Степановича Нахимова, въ свѣтъ на поздравленіе съ побѣдою при Синопѣ“, т. CVI, май, 394, 395.
- Альмова, Авдотья Аванас.**, рожд. Бунина, т. CVI, май, прилож. 41.
- Альбедиль, бар.**, Петръ Роман., гофмарш., р. 1764†1830 г., т. CVI, май, прил., 57, т. CVII, июль, 14.
- Альбединскій**, рижск. ген.-губ. 1870, т. CVIII, дек., 536, 537.
- Амвросимовъ**, архитект., 1799 г., т. CVIII, нояб., 406, 408.
- Амвросій** (Алексѣй Ключаревъ), архіеп. харьков., р. 1821 г., томъ CVII, авг., 253—256, т. CVIII, окт., 98, 99.
- Аммосовъ, Никол. Алексѣв.**, ген-майоръ, изобрѣт. аммосовскихъ печей, р. 1787†1868 г., т. CVI, июнь, 627, 628.
- Анастасевичъ, Василій Григорьев.** цензоръ, писат., р. 1775†1845 г., т. CVI, май, 398, 403—405.
- Анастасія Михайловна**, великая княг., въ зам. герцогиня Мекленбургская, т. CVI, июнь, 504.
- Анастасія Романова**, царица, томъ CVIII, дек., 621.
- Андреевъ, декабр.**, т. CV, янв., 158, **Андреевскій**, профес., т. CVIII, дек. 517.
- Андріановъ**, капит., 1877 г., т. CVI, июнь, 604.
- Анна Павловна**, вел. княг., въ зам. кор. Нидерландск., р. 1795†1865 г., т. CV, февр., 413, 414, т. CVI, апр., 45, июнь, 504, т. CVII, июль, 8, 11, т. CVIII, нояб., 241, 277.
- Анна Петровна**, вел. княг., въ зам. герцог. Голштейнъ-Готторпская, т. CV, янв., 62.
- Анна Ѳеодоровна**, вел. княг. (принцесса Саксенъ-Кобургская), супруга вел. князя Константина Павловича, т. CV, февр., 348, мартъ, 557, т. CVI, апр., 42, т. CVII, авг., 441—448, т. CVIII, окт., 90.
- Анненкова, А. А.**, т. CVIII, дек., 476.
- Анненкова, Анна Ив.**, рожд. Якоби, т. CV, мартъ, 676, 677.
- Анненкова, см. Поля.**
- Анненковъ, А. С.**, помѣщ., 1820 г., т. CVI, июль, 177.
- Анненковъ, Ив. Александр.**, декабр., т. CV, мартъ, 673—678.
- Анненковъ, Пав. Васил.**, критикъ, р. 1813†1877 г., т. CVII, сѣнт., 483.
- Ансеринусъ**, иезуитъ, 1604 года, т. CVIII, окт., 183.
- Антоній**, слб. митроп., 1844 г., т. CV, февр., 290.
- Анучинъ, Дм. Гавр.**, ген.-губ., вост. Сибири, 1881 г., т. CV, янв., 152, 155, 184, 196.
- Апштетъ, бар.**, Ив. Осип., послан. во Франкф., р. 1766†1835 года, т. CVIII, нояб., прил., 165.
- Аправсинъ, Серг. Степ.**, ген.-отъ-кав., р. 1747†1827 г., т. CVI, май, прил., 56.
- Аправсинъ, гр.**, Ив. Александров., 1810 г., т. CVIII, дек., 634.
- Арачевъ, гр.**, Алексѣй Андр., р. 1769†1834 г., т. CV, янв., 66, 67, 102, февр., 344, 358, 370, 495, 496, мартъ, 593, 629—631, 649, 679, 683, т. CVI, апр., 41, 157, 160, май, 369—371, 384—394, т. CVII, июль, 27, 52, 55, 173, 174, т. CVII, сент., 453, 454, 466, 480, т. CVIII, октябрь, 12—21, нояб., 255, 311, 335, 370, 458, томъ CVIII, дек., 470, 473, 480, 563, 651, 652, прил. 189.
- Араповъ, П. А.**, акт., „Лѣтописи рус. театра“, т. CVIII, нояб., 296, 300, 301.

Арбенева, Авд. Никол., рожд. Вельяминова, т. CVI, май, прилож., 41.
Аругтинскій-Долгоруковъ, вл. ген., 1877 г., т. CVI, июнь, 614, 624.
Арендтъ, лейбъ-мед., 1829 г., т. CVI, апр., 21.
Аристовъ, помѣщ., 1857 г., т. CVI, май, 353.
Арнольди, Ю. К., чинов. архива мнн. иностран. дѣл., 1841 г., т. CVIII, нояб., 259.
Арсеній, архіеи., 1605 г., т. CVII, сент., 617, т. CVIII, окт., 180, томъ CVIII, дек., 612, 618.
Арсеньевъ, Конст. Иван., профес., т. CV, мартъ, 635—637.
Арсеньевъ, 1814 г., т. CVI, июнь, 449.
Артамоновъ, Никита, купецъ 1861 г., т. CVIII, дек., 512, 513.
Артемовскій, пѣвецъ, 1845 года, т. CVIII, окт., 126, т. CVIII, дек., 585.
Арфимъ, мичманъ, 1881 г., т. CV, янв., 166.
Арцымовичъ, В. А. 1901 года, чл. редакц. ком., т. CVIII, нояб., 459.
Арцымовичъ, М. В., 1901 года, т. CVIII, нояб., 459.
Асеньова, артистка, т. CVIII, окт., 123.
Архаровъ, москов. воен. губ. 1799 г., т. CVII, июль, 30.
Асольевъ, капит., 1854 г., томъ CVI, май, 417—426.
Ахвердовъ, преподават., 1814 г., т. CVI, июнь, 463.
Ахматовъ, А. П., т. CVII, авг., 257.

В.

Бабинъ, поруч., 1801 года, т. CVIII, дек., 466.
Бабетъ, профес., 1842 г., томъ CVII, сент., 505.
Вагвугъ, ген., ум. 1812 г., т. CV, янв., 116, 117.
Ваграионъ, кн., Петръ Иванов., род. 1765 † 1812 г., т. CV, янв., 103, 107, 114, мартъ, 598, т. CVII, июль, 187, 188, сент., 454.
Важановъ, Васил. Борис., протопр., ум. 1883 г., т. CV, февр., 283—304, мартъ, 536, 537, 554, т. CVI, апр., 60, 63, май, 280, 282, 285, июнь, 499, 506, 507, 508, томъ CVII, авг., 243, 263, т. CVIII, окт., 88.
Вазанова, Ю. И., т. CV, янв., 155.
Вазаровъ, Ив. Ив., протоіерей, сообщ. свои воспоминаванія, т. CV, февраль, 283—304, мартъ, 521—558, т. CVI, апр., 53—75, май, 277—306, июнь, 497—522, т. CVII, июль, 77—96, авг., 241—266, сент., 531—554, т. CVIII, окт. 85—100, нояб., 271—291, томъ CVIII, дек., 533—560.
Вазенъ, директ. пист. путей сообщ., т. CVI, июнь, 482.
Вайскій, Порфирій, писат., 1827 г., т. CVIII, нояб., 265.
Вайковъ, ген., 1828 г., т. CV, мартъ, 505.
Вакуинъ, Модестъ Петров., камергеръ, членъ хозяйствен. экспедиц., 1799 г., т. CVIII, окт., 203, нояб., 406, 407, 408, 409.
Вакуинъ, слб. губернат., 1810 г., т. CVII, сент., 453, т. CVIII, нояб., 309.
Валашовъ, Александръ Дмит., мнн. полиц., 1815 г., р. 1770 † 1837 г., т. CV, февр., 356, 357, 450, т. CVI, май, 307—311, 388, т. CVIII, октяб., 21, нояб., 242.
Валугинскій, Мих. Андр. профес., ум. 1848 г., т. CVI, июнь, 463.
Варабашъ, Я. О., полковн., 1881 г., т. CV, янв., 160.
Варанова, графиня, Юліа Ѳеодоровн., рожд. Адлербергъ, т. CVI, июнь, 563.
Варановскій, еписк. плоцкій, 1604 г., т. CV, янв., 199, т. CVIII, дек. 599.
Варановъ, О. Г., хабаров. воен. губернат., 1881 г., т. CV, янв., 160.
Варановъ, гр., Эдуардъ Трофимов., команд. Преображ. пол., 1852 г., т. CV, мартъ, 574, 575, т. CVI, июнь, 567—586.
Варановъ, гр., предсѣд. деп. эконом. Госуд. Сов., 1882 г., т. CV, январь, 194, т. CVIII, нояб., 328.
Варатынскій, Евг. Абрамов., поэтъ род. 1800 † 1844 г., т. CV, февраль, 393, 395, 396, 454, т. CVI, май, 398, т. CVII, июль, 98.
Варбо, пѣвица, 1845 г., т. CVIII, дек., 590.
Вардовскій, Васил. Степ., инспект. 1-ой гимназіи, 1855 г., т. CVIII, окт., 139, 140, 145, 156, 158.
Варядай-де-Толли, кн., Мих. Богд., фельдмарш., р. 1761 † 1818 года, т. CV, янв., 102—128, мартъ, 597, 598, 651, 654, т. CVI, апр., 196, май, 436—441, июнь, 459, 460, 642, 662, т. CVII, июль, 26, 27, 187, 188, 206, 208, авг., 225, 390, 422, т. CVIII, окт., 136, нояб., 255—264, дек., 465, 466, 480, 631.
Варсуковъ, Н. П., т. CV, февр. 321.
Варчъ, іезуитъ, 1604 г., томъ CVIII, окт., 182, 183.
Варятинскій, кн. Александръ Иванов., т. CVI, июнь, 614, 624, томъ CVII, авг., 374, 388.

*

- Варягинскій, вл., Ив. Серг., ген.-поручикъ, 1810 г., т. CVII, сент., 459.
- Васманова, Варвара Васил., рожд. княж. Спцкал, во второмъ бракѣ княг. Курлатева, т. CVIII, нояб., 424—429.
- Васманова, Дарья Иг., см. Туревина.
- Васманова, Евпраксія, игуменья Суздальскаго монасты., 1636 года, томъ CVIII, нояб., 427.
- Васманова, Ирина Вас., см. Салтыкова.
- Васманова, Отинія Ив., въ зам. кн. Сулешева, т. CVIII, нояб., 426.
- Васмановъ, Ив. Ѳед., ум. 1604 года, т. CVIII, нояб., 426, 429.
- Васмановъ, Петръ Ѳед., сподвнж. Лжедимитрія I, т. CVII, июль, 119—125, т. CVIII, окт., 166, 167, нояб., 425, 426, 428.
- Васмановъ, Ѳед. Алексѣев., любимецъ Иоанна IV, ум. 1571 года, т. CVIII, нояб., 424, 425, 427, 428.
- Васмановы, родословная, т. CVIII, нояб., 423—430.
- Ватеньковъ, Гавр. Степ., декабр., т. CVIII, окт., 101—108, 219, декаб., 657, 677.
- Ватюшкова, Александра Никол., т. CVIII, дек., прил. 189.
- Ватюшковъ, Конст. Никол., писат., р. 1787 † 1855 г., т. CV, янв., 134, 135, 140, 143, мартъ, 742, т. CVIII, нояб., прил., 168, томъ CVIII, дек., прил. 189.
- Важметевъ, ген., 1812 г., т. CV, янв., 104.
- Вашуцкій, писат., 1842 г., т. CVII, сент., 483.
- Вбузовъ, В. О., ген., 1877 г. томъ CVI, июнь, 624.
- Везбородко, кн., Алексѣй Андреев., канцл., р. 1747 † 1799 г., т. CVI, янв., 56, февр., 335, апр., 45, 46, т. CVIII, нояб., 309, т. CVIII, дек., 564.
- Везобразовъ, 1605 г., т. CVIII, нояб., 343.
- Везобразова, Софья Ѳод., рожд. Вадковская, во втор. бракѣ Тимирязева, т. CVIII, дек., прил., 178.
- Везродный, А. В., т. CVI, апр., 139.
- Везоновъ, предсѣд. виленск. археограф. комис., 1864 г., т. CVII, авг., 437.
- Векеръ, подполковн., 1812 г., томъ CVIII, нояб., 437.
- Веллемишевъ, Александр. Андреев., ген.-прокур., 1799 г., томъ CVIII, нояб., 407.
- Веллешовъ, И. К., генерал.-прокур., 1799 г., т. CVII, июль, 30.
- Венедиктовъ, писат., т. CVIII, нояб., 380.
- Венятцкій, А. П., издат., „Пѣвница“ 1809 г., т. CV, янв., 133—140.
- Венкендорфъ, гр. Александр. Христоф., р. 1783 † 1844 г., т. CV, янв., 27—46, февр., 267—273, мартъ, 512—515, апр., 15, 21—25, т. CVI, май, 398, прил. 53, т. CVII, июль, 10, авг., 423, сент., 656—665, т. CVIII, нояб., 265, 269, 453.
- Венкендорфъ, Конст. Христофоров., ген.-ад., 1828 г., т. CV, январь, 35, т. CVIII, нояб. 432.
- Венкендорфъ, Петръ Христофор., генерал.-ад., посланникъ въ Штутгартъ, р. 1785 † 1829 г., т. CVI, апр., 167, т. CVIII, нояб., прилож., 161, дек., 693.
- Венингсонъ, гр., Леонтій Леонтьев., ген., р. 1745 † 1826 г., т. CV, янв., 105—128, т. CVIII, дек., 570, 694.
- Вентамъ, Іер., письма къ нему Н. С. Мордвинова, т. CVI, апр., 197—202.
- Вентамъ, Самуилъ, т. CVI, апрѣль, 197—202.
- Венуа, Никол. Леонтьев., архитект., т. CVII, сент., 476.
- Вергъ, гр., Ѳед. Ѳед., намѣстн. цар. Польск., р. 1794 † 1874 г., т. CV, мартъ, 504, т. CVII, авг., 379.
- Вернгардтъ, Рудольфъ Богданов., архитект. 1856 г., т. CVIII, дек., 514.
- Вестужева, Прасковья. 1827 г., томъ CVIII, нояб., 265—269.
- Вестужевъ (Марлинскій), Александр. Александр., писат., декаб., р. 1797 † 1837 г., т. CV, февр., 392—404. т. CVI, май, 397, 398, т. CVII, сент., 664, т. CVIII, окт., 218, 219, нояб., 265—269, дек., 657.
- Вестужевъ, Мих. Александр., декаб., ум. 1868 г., т. CV, янв., 184, томъ CVI, май, 252.
- Вестужевъ, Николай Александр., т. CV, янв., 184, февр., 404.
- Вестужевъ, Петръ, т. CV, февраль, 405.
- Вестужевъ-Рюминъ, К. Н., профес., † 1897 г., т. CVIII, дек., 521, 669, 680.
- Ветанкуръ, Августинъ, пнж. главноуправ. пут. сообщ., т. CVI, июнь 481, 482.
- Вехтвель, Ѳед., повѣрен. въ дѣлахъ во франц., воспитат. Павла I съ 1758—1760 г., т. CVI, сент., 513, 520.
- Велцкій, Ив. Ив., р. 1704 † 1795 г., т. CVII, сент., 521.
- Вибиковъ, Александр. Ильичъ, ген.-аншефъ, р. 1729 † 1774 г., т. CVI, июнь, прил., 75.
- Вибиковъ, кievск. ген.-губ. 1833 г., т. CVI, апр., 119—121.

- Вибиковъ**, поруч. 1812 года, т. CVI, июнь, 663, 664.
- Вильбасовъ**, Вас. Алексѣев., упом. т. CV, янв., 21, 22, февр., 382, сообщ.; „Разсказъ объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу“, февр., 257—262, „Иноземное преданіе объ императорѣ Александрѣ I“, т. CVI, апр., 33—41, „Который Капнистъ?“, май, 276, упом. т. CVIII, окт., 78.
- Вилярский**, -П. С., акад., 1863 года, т. CVIII, дек., 526.
- Вишневъ**, И. Н., сенат., т. CVIII, нояб., 462.
- Вистромъ**, ген.-ад., 1828 г., т. CV, янв., 43, мартъ, 649, 659, т. CVII, авг., 236.
- Вистромъ**, писат., 1826 г., томъ CV, февр., 466.
- Влаговсвятловъ**, Григ. Евг., писат., т. CVIII, дек., 644, 645.
- Влозь**, Александр. Ив., управл. придворн. контор. вел. кн. Николая Павловича, 1820 г., т. CVII, июль, прил., 93.
- Влозь**, ген.-м., 1820 г., т. CVII, июль, прил., 93.
- Влудова**, графиня, Антонина Дм., т. CVIII, дек., 510, 522.
- Влудовъ**, гр., Дм. Никол., мин. вн. дѣлъ, р. 1785 † 1864 г., т. CV, февр., 300, 385, т. CVI, апр., 127, 132, 135, май, 257, 273, прил. 39, томъ CVII, авг., 282, сент., 659, т. CVIII, дек., 495—523, прил. 177.
- Влюкеръ**, фельдмарш., 1814 г., томъ CVI, июнь, 459, 460.
- Вобрицкая**, графиня, Анна Влад., рожд. баронесса Унгернъ-Штернбергъ, род. 1769 † 1846 г., т. CVI, т. CVI, май, прил., 64.
- Вобрицкий**, гр., Алексѣй Алексѣев., р. 1800 † 1868 г., т. CVI, май, прил., 64, июнь, прил., 72, т. CVII, июль, прил., 93.
- Вобрицкий**, Алексѣй Григ., т. CVI, май, прилож., 38, т. CVIII, окт., 82.
- Вобрицкий**, графъ, А. П., фл.-ад., 1857 г., мин. пут. сообщ., т. CVI, май, 351—361.
- Вогдановичъ**, майоръ, 1854 года, т. CVI, май, 417—426.
- Воголюбовъ**, Варелом. Филип., ум. 1842 г., т. CVI, июнь, прил., 68.
- Вогословскій**, Мих. Измаиловичъ, протоіерей, т. CVI, май 279—296.
- Водкоко**, воен. агентъ въ Китаѣ, 1881 г., т. CV, янв., 177.
- Возю**, пѣвица, 1845 г., т. CVIII, дек., 590.
- Вожъ**, Тимоѣ Егоров., 1813 года, т. CVI, июнь, прил., 77, т. CVII, июль, прил., 86, 87.
- Волотовъ**, Алексѣй Павлов., генер. штаба поручикъ, 1827 г., т. CVI, май, 372.
- Волотовъ**, Андр. Тимоѣ., т. CVI, май, прил., 38.
- Ворисъ** Годуновъ, царь, см. Годуновъ.
- Ворисовъ**, Ив., сообщ., „Алексѣевскій ревеливъ“ въ 1862—65 г.г., т. CVIII, дек., 573—578.
- Воровцовъ**, Н. А., 1901 г. т. CVIII, нояб., 459, 464.
- Воровдинъ**, попеч. Сиб. учеб. округа, 1828 г., т. CVII, сент., 645, томъ CVIII, нояб., 427.
- Вортняковъ**, директ. придворнаго пѣвч. хора. 1816 г., композит., т. CVIII, окт., 42.
- Восграветъ**, іезуитъ, 1604 года, томъ CVIII, окт., 182.
- Воссе**, Эрнестъ, художн., р. 1780 † 1863 г., т. CVIII, дек., прил., 191.
- Вотинъ**, Вас. Петр., писатель, род. 1811 † 1869 г., т. CVIII, сентябрь, 483, 486, 504.
- Вотинъ**, Ник. Петр., т. CVII, сент., 483.
- Вошнякъ**, Александр. Карлов., вице-презид., Молдаво-Валах. Дивана, 1829 г., т. CVI, май, прил., 41.
- де-Врай**, графъ, Францъ-Габріель, баварск. послан. въ Россію въ 1803—1812 и 1814—1819 г., р. 1765 † 1832 г., т. CVIII, нояб., прил., 163.
- Врандорфъ**, 1799 г., т. CVIII, нояб., 406.
- Врандтъ**, В. Ѳ., лейтен., 1881 г., т. CV, янв., 167, 174.
- Враницкая**, графиня, Елис. Ксаверіевна, см. Воронцова.
- Вретшнейдеръ**, докт., 1881 года, т. CV, янв., 177.
- фонъ-деръ** Вриггенъ, Александръ Ѳедоров., декаб., т. CV, февр., 437—444, т. CVI, май, 253, 260, 262, т. CVII, июль, 103, сент., 624, 625, 628, т. CVIII, нояб., 337, дек., 655, 671.
- Врожеръ**, москов. полиційм. 1812 г., т. CV, мартъ, 599.
- Врозъ**, ген. 1877 г., т. CVI, июнь, 603, т. CVII, авг., 382.
- Врюдловъ**, А. П., т. CV, мартъ. 687.
- Врюдловъ**, Карлъ Павл., р. 1799, ум. 1852 г., т. CV, февр., 321, мартъ, 687, т. CVIII, окт., 185.
- Вроссе**, М. И., акад., т. CVIII, дек., 497.
- Врунновъ**, бар., посолъ въ Парижѣ 1871 г., т. CVIII, дек., 541.
- Врюсъ**, Яковъ Александр., ген.-аншефъ, 1786 г., т. CVII, сент., 576—578.
- Врянская**, артистка, т. CVIII, окт., 123.

- Врянскій**, актеръ, т. CVIII, октябрь, 114, 118, 130, нояб., 297, 298.
- Врянцевъ, Н. А.**, т. CVI, май, 398.
- Врянчаниновъ**, адъют., 1863 г., т. CV, февр., 308, 309.
- Врянчаниновъ, А. П.**, 1901 года, т. CVIII, ноябрь, 460.
- Вудбергъ**, посолъ въ Парижѣ, томъ CV, мартъ, 524, 525.
- Вудбергъ**, капит., 1812 года, т. CV, февр., 369.
- Вуйдосова-Ростовская**, княж., Екатерина Петров., т. CV, мартъ, 715.
- Вуйдосовъ-Ростовскій**, кн., Петръ Ив., ум. 1607 г., т. CV, мартъ, 715.
- Вукосведень**, гр., ген., 1812 года, т. CVI, апр., 187.
- Вулгавовъ**, Александр. Яковлевичъ, москов. почтъ-директ. 1849 г., т. CVII, июль, 100.
- Вулгавовъ**, Конст. Яков., р. 1782 † 1835 г., т. CVI, май, прил., 53, 59.
- Вулгавовъ**, оф., 1843 г., томъ CVII, сент., 483.
- Вулгаринъ**, Фаддей Венедикт., писатель, р. 1789 † 1860 г., т. CV, янв., 86, 92, февр., 383—408, 465, т. CVI, май, 398, 411, т. CVII, сент., 651, 655, 656, т. CVIII, нояб., 266, 268, 269, т. CVIII, дек., 466, 472.
- Вудатовъ**, чл. сов. гл. управ. Сибири, 1881 г., т. CV, янв., 185.
- Вунина**, Екат. Аванас., въ зам. Протасова, т. CVI, май, прил., 37.
- Вунина**, Марья Григ., т. CVI, май, прилож., 36, 38, 43.
- Вунины**. Аванас. Ив., ум. 1791 г., т. CVI, май, прилож., 36, 37.
- Вунге**, Н. Хр., профес., мин., томъ CVIII, дек., 516.
- Вуняковскій**, В. Я., акад., т. CVII, июль, 51, сент., 487, томъ CVIII, окт., 135, дек., 497.
- Вурдинъ**, артистъ, т. CVIII, октяб., 121.
- Вурцовъ**, полковн., декаб., т. CVII, авг., 278, 280, сент., 634, 636, томъ CVIII, окт., 207, дек., 655.
- Вуслаевъ**, Фед. Ив., профес., т. CV, янв., 95, т. CVIII, дек., 526.
- Вуташевичъ - Петрашевскій**, Мих. Вас., т. CV, февр., 493, 494, мартъ, 589, 594, 596, т. CVI, апр., 171—175.
- Вутеневъ**, А. П., послан. въ Римѣ, 1845 г., т. CVII, сент., 465.
- Вутера**, княг. въ перв. бракѣ графиня Шувалова, во втор. графиня Полье, т. CV, мартъ, 556, 557, т. CVI, май, 305, 306.
- Вутеровъ**, профес., 1867 года, томъ CVIII, нояб., 283.
- Вутовскій**, полковн., 1828 года, томъ CVIII, нояб., 341—342.
- Вутурлинъ**, Д. П., ген.-м., 1828 г., т. CV, мартъ, 504.
- Вушуевъ**, Никол. Евграф., книготоргов. 1838 г., т. CVIII, дек., 593, 594.
- Выгъевъ**, И. А., сообщ.: „Изъ неизданныхъ писемъ В. А. Жуковскаго“, т. CVII, июль, 97—109, „Записка А. И. Тургенева о В. А. Жуковскомъ, представленная имъ въ 1816 г. князю А. Н. Голицыну“, авг., 391—393, „Письма В. А. Жуковскаго въ вел. княгинѣ Александ. Феодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 г.“, т. CVIII, окт., 221—240, ноябрь, 389—401, „Дневники В. А. Жуковскаго“ кн. апр.—дек. приложение, упом. апр., 125.
- Выховецъ**, В. Г., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Вѣлинскій**, Виссар. Григ., писат., р. 1810 † 1848 г., т. CV, январь, 137 мартъ, 733, т. CVII, сент., 481—509, 550, т. VIII, окт., 111—135, 148, 150.
- Вѣлинскій**, графъ, 1812 года, т. CV, мартъ, 651, 652.
- Вѣлюжуровъ**, С. А., т. CV, янв., 197.
- Вѣлосельская**, княг., Анна Григ., рожд. Коричная, ум. 1846 года, т. CVI, июнь, прилож., 68.
- Вѣлосельскій-Вѣловерскій**, кн., ген.-ад., нач. жанд. управ. Никол. ж. дор., т. CVII, июль, 32, 38.
- Веръ**, К. М., акад., 1840 г., томъ CVIII, дек. 502.
- Вюлеръ**, бар., А., т. CVI, май, 398.
- Вюловъ**, ген., 1812 г., т. CVIII, нояб., 445.
- Вютковъ**, Е. К., 1881 г., т. CV, янв., 177, 179.

В.

- Вагшлагерь**, Яков. Иван., лифлянд. губ. казнач., 1825 г., т. CVIII, дек., прил., 177.
- Валицкій**, инж. 1848 г., т. CVI, июнь, 479.
- Валуевъ**, гр., Петръ Алекс., мин. вн. дѣлъ р. 1815 † 1890 г., т. CVI, май, 355, 357, 360, июнь, 513, т. CVII, июль, 96, т. CVIII, нояб., 273.
- Валуевъ**, Петръ Степан., об.-церемоніймейст. 1896 г., сенат., Главн.нач. Кремлевск. Экспеднц., р. 1743 † 1814 г., т. CVI, апр., 43—52.
- Валуевъ**, Степ. Мироновъ, картографъ, 1743 г., т. CVI, апр., 43.

- Вальберхова**, артистка, т. CVIII, окт., 123.
- Вальтеръ**, еписк. 1870 г., т. CVIII, дек., 538.
- Ванновскій**, Петръ Семен., ген.-ад., воен. мин., т. CV, янв., 194.
- Варлаамъ**, Итскій, монахъ Чудова, монаст., 1604 г., т. CVIII, дек., 607, 609, 610.
- Варнава**, архиеп. холмогор. и волжск. 1724 г., т. CV, янв., 242.
- Василій III**, вел. князь московскій, т. CVI, апр., 85—92.
- Василевскій**, Дм. Ефимов., профес. правъ, р. 1781 г., т. CVII, июль, 179.
- Васильевъ**, I. В., священ. въ Парижѣ. 1852 г., т. CV, мартъ, 551, т. CVI, апр., 55, май, 298, июнь, 508, т. CVII, авг., 265, сент., 531., т. CVIII, окт., 92, нояб., 290, 291.
- Васильевъ**, гр., Алексѣй Ив., р. 1742† 1807 г., мин. финан., т. CV, февр., 353.
- Васильевъ**, шт.-кап. Дагест. пол. 1854 г., т. CVI, май, 423.
- Васильчиковъ**, Илар. Вас., р. 1777† 1847 г., т. CV, янв., 113—122 февр., 281, мартъ, 497—501, т. CVI, июнь, 648, 649, т. CVII, авг., 237, сент., 666, т. CVIII, ноябр., 452.
- Васильчиковъ**, А. А., т. CVIII дек., 468.
- Веберъ**, г.-жа, рожд. Макъ, т. CV, янв., 175.
- Веберъ**, К. И., консулъ въ Тянь-Дзинь 1881 г., т. CV, янв., 175.
- Ведель**, Анна Родионов., 1765 г., т. CVII, сент., 530.
- Веденягинъ**, декабр., т. CV, февр., 439.
- Вейдмейеръ**, Татьяна Вас., рожд. княжна Херхулидзева, т. CVII, июль, 105.
- Великанова**, С. Н., сообщ.: „Императоръ Николай I въ Римѣ въ 1845 г.“, т. CVII, сент., 465—479.
- Великопольская**, Надежда Сергѣев., рожд. княж. Болховская, во втор. бракѣ Моисеева, т. CVI, июнь, 634.
- Великопольская**, Софья Матв., рожд. Мудрова, † 1897 г., т. CVI, июнь, 625, 626, т. CVII, июль, 178—184.
- Великопольскій**, Ермолай Ив., т. CVI, июнь, 634.
- Великопольскій**, Ив. Ермолаев., писат., р. 1797†1868 г., т. CVI, июнь, 625—641, т. CVII, июль, 171—186, авг., 427—435.
- Велланскій**, Дм. Мих., профес., р. 1774 † 1847 г., т. CV, янв., 5—19.
- Вельтманъ**, Алексд. Фомичъ, писат., т. CVI, май, 409, 410, 412, т. CVII, июль, 104.
- Вельяминова**, Марія Никол., въ зам. Свѣчина, т. CVI, май, прилож., 37.
- Вельяминова**, Наталья Афанас., рожд. Бунина, т. CVI, май, прил., 37, 38.
- Вельяминовъ**, Никол. Ив., т. CVI, май, 38.
- Вельяминовъ**, А. А., 1801 г., т. CVIII, дек., 485.
- Вельяминовъ-Зерновъ**, В. В. акад., ориенталистъ 1863 г., т. CVIII, дек., 526.
- Вендрихъ**, Фед. Григ: 1850 г., т. CVI, май, прил., 40.
- Веневитинова**, Аполлинарія Мих., рожд. гр-ня Вильгорская, р. 1818† 1884 г., т. CVI, июль, 101.
- Венедиктовъ**, Алексд. Саввичъ, профес. анатоміи 1834 г., т. CVI, июнь, 639, 640, т. CVII, июль, 171, 184.
- Венедиктовъ**, Ив. Ив., тн. сов. вице-директ. управл. воен.-учебн. завед., т. CVI, апр., 171—175.
- Веніаминъ**, архиеп. 1881 г., т. CV, янв., 185, 195.
- Веніаминъ**, еписк. рижск., 1870 г., т. CVIII, дек., 535—538.
- Венсовичъ**, Александр. Ив., т. CVII, июль, 180.
- Венсовичъ**, Ив. Фед., профес. анат., †1811 г., т. CVII, июль, 180.
- Венсовичъ**, Надежда Ив., 1830 г., т. CVII, июль, 180, 182, 184.
- Верещагинъ**, В. В., художн., т. CVI, июнь, 595—624.
- Верещагинъ**, купецъ, 1812 г., т. CV, мартъ, 599—609, т. CVI, апр., 156.
- Верманъ**, баронесса, см. Жуковская.
- Веселовскій**, Конст. Степ., дѣйст. т. совѣт., академ., † 1901 г., сообщ.: „Русскій философъ Д. М. Велланскій“, т. CV, янв., 5—19, утом. февр., 493, его „Воспоминанія. Время президенства графа Д. Н. Блудова въ академіи наукъ 1855—1864 г.“, т. CVIII, дек., 495—528.
- Вешняковъ**, В. И., статсъ-секрет., сообщ.: „Резолюціи имп. Николая Павловича на бумагахъ департамента государственныхъ имуществъ въ 1837 г.“, т. CVI, июнь, 491—495, „Экспедиція Государственнаго Хозяйства“, 1797—1803 г., т. CVIII, окт., 195—205, нояб., 403—422, упом. 460.
- Вигель**, Филиппъ Филип., управл. деп. духов. дѣлъ ин. исповѣд., р. 1786†1856 г., т. CVII, июль, 169, т. CVIII, окт., 29, нояб., 302, т. CVIII, дек., 472, 487.
- Видеманъ**, Ф. И., акад., 1863 г. т. CVIII, дек., 526.
- Фонъ-Вивинъ**, Мих. Александр. дек.,

- т. CV, февр., 438, 440, 441, т. CVI, май, 233, 244, дек., 655, 656, 673.
- Викторовъ, В.**, сообщ.: „Три письма Н. С. Мордвинова къ Гер. Бенгтаму“, т. CVI, апр., 197—202.
- Виландъ, въ зам. Шербакова**, т. CVII, авг., 317.
- Виландъ, жанд. полковн.**, 1850 г., т. CVII, июль, 38, 41, авг., 317, 318.
- Вилламовъ, Григ. Ив.**, главноупр. IV отд. соб. е. в. канц., т. CV, февр., 275, т. CVI, май, прил., 57.
- Виллие, Яковъ Вас.**, лейбъ-хирургъ, т. CVI, май, прил., 60, т. CVII, июль, 20.
- Вильдерметъ, воспит-ца в. кн. Александры Θεодоровны**, т. CVI, май, прилож., 64, т. CVII, июль, 11, прилож., 84, 96, сент., прилож., 115—120, т. CVIII, окт., 223, 226, нояб., прилож., 169, 171, 174.
- Винценгероде, бар.**, ген.-ад., 1812 г., т. CV, мартъ, 647—666, т. CVI, апр., 177—192, июнь, 643, 662—667, т. CVII, июль, 206—219, авг., 405—424, т. CVIII, нояб., 435—447, т. CVIII, дек., 694.
- Виртембергскій, герцогъ, Александр.**, главноуправл. п. сообщ., т. CVII, июль, 60.
- Витбергъ, Фед. Лаврентьев.**, архитект., т. CVI, май, прилож., 53.
- Витбергъ, художн. историч. живоп.** 1812 г., т. CVI, апр., 163, 164.
- Витгенштейнъ, гр.** Людов. фельдм., р. 1769†1843 г., т. CV, февр., 373, 379, т. CVI, апр., 183—191, май, 431.
- Витгенштейнъ, гр.** Петръ Христіан., ген. 1828 г., т. CV, янв., 29, 30, февр., 263—280, мартъ, 499—508, 661, т. CVI, июнь, 649, 652, т. CVII, июль, 177, 208, сент., 634.
- Виттъ, гр. Ив. Осипов.** ген.-отъ кавал., р. 1772†1840 г., т. CV, мартъ, 666, т. CVI, апр. 38, 176, 183, т. CVII, июль, 187, 188.
- Вишневецкій, кн.** Адамъ, 1604 г., т. CV, янв. 198, 199, т. CVI, апр., 111—117, май, 316—347, авг., 325, 328, 335, т. CVII, сент., 619, т. CVIII, окт., 180, дек., 598—630.
- Вишневецкій, кн.** Констант., т. CVI, май, 317.
- Вишневецкій, В. К.**, астрономъ 1814 г., т. CV, янв., 12.
- Вишняковъ, инж. пут. сообщ.**, 1845 г., т. CVI, июнь, 483.
- Влардо-Гарсиа, Паулина**, пѣвица, т. CVIII, нояб., 285, т. CVII, декаб., 580, 583, 587, 590, 592.
- Видьлгорская, гр-ня, Аполлинар. Мих.** см. Веневитинова.
- Видьлгорскій, гр. Мих. Юрьев.** об. шенкъ, р. 1788†1856 г., т. CVI, июнь, прил., 66, т. CVII, июль, 101, томъ CVIII, дек., 566, 567.
- Владиміръ Александровичъ, вел. князь**, т. CVI, апр., 43.
- Власевъ, Аванасій, дьякъ**, т. CVII, сент., 533—620, т. CVIII, окт., 181.
- Вобанъ, г-жа**, 1811 г., т. CVII, июль, 187, 188.
- Водозовъ, Вас. Ив.**, педагогъ, писат., т. CVIII, окт., 140, 146, 147, 154, ноябр., 377—379.
- Воеводскій, Платонъ, адмир.** 1874 г., т. CVI, май, 395, 396.
- Воейкова, Александр. Андр.** см. Протасова.
- Воейковъ, Александр. Фед.** писат., т. CV, февр., 384—385, 396, т. CVI, апр., 130, 131, 132, май, прилож., 43—55, т. CVIII, нояб., 266, 269.
- Войницкій, подпоруч.** 1877 г., т. CVI, июнь, 622.
- Войновичъ, гр.** 1782 г., т. CVIII, окт., 202.
- Войцеховскій, Евстафій** 1847 г., т. CVI, май, 414.
- Волковъ, Платонъ Григ.**, писат. 1842 г., т. CV, мартъ, 695.
- Волковъ, инж. пут. сообщ.** 1844 г., т. CVI, июнь, 474, 483.
- Волконская, княг.** Александра Ник., гофмейстерина в. кн. Александры Θεодоровны, т. CVI, май, прилож., 57, июнь, прилож., 66, 75.
- Волконская, княг.** Зинаида Александр., рожд. княж. Бѣлосельская, т. CV, февр., 321—323, т. CVI, июнь, прилож., 68.
- Волконская, Марья Никол.** жена декабриста, т. CV, февр., 439.
- Волконская, княг.** рожд. княж. Репнина, 1820 г., т. CVII, июль, 14.
- Волконская, княжна** 1589 г., т. CVI, апр., 101.
- Волконскій, кн.** А., т. CV, февр., 321—323.
- Волконскій, кн.** Григ., 1604 г., т. CVIII, окт., 164, 173, 178, 187, нояб., 344.
- Волконскій, кн.** Григор. Петров., 1845 г., т. CVII, сент., 478.
- Волконскій, кн.** Дм. Мих., ген.-лейт. 1800 г., т. CV, февр., 326.
- Волконскій, кн.** Петръ Мих., мн.-двора, р. 1776†1852 г., т. CV, янв., 27, 33, мартъ, 718, 724, т. CVI, май, 370, 371, июнь, прилож., 66, т. CVII, сент., 651, 652, 668, т. CVIII, нояб., 302, 303, т. CVIII, дек., 484.
- Волконскій, кн.** Серг. оф., 1812 г., т. CV, мартъ, 657, 662, т. CVII, авг., 410—423, т. CVIII, нояб., 255, 259, т. CVIII, дек., 468, 471, 491, 493.

Волконскій, кн., С. Г., декабр., т. CV, февр., 443.
 Волконскій, кн., помѣщ., 1866 г., т. CVIII, окт., 87.
 Волынский, Артемій Петров, кабинетъ-мин., † 1740 г., т. CVI, май, 312.
 Вольфъ, Ив. Франц., д. ст. сов., 1817 г., т. CVI, июнь, прил., 69.
 Вольфъ, членъ хозяйствен. экспедиц., 1800 г., т. CVIII, окт., 203, 204.
 Вольфъ, бар., 1870 г., т. CVIII, дек., 535, 538, 541.
 Воробьева-Петрова, пѣвица, т. CVIII, окт., 126, 127.
 Воробьевъ, художн., 1845 г., т. CVII, сент., 468.
 Вороновъ, директ., деп. нар. проsv., 1861 г., т. CVIII, дек., 517.
 Воронцова, гр-ня, Елис. Ксаверіевна, рожд. Браницкая, т. CVI, июнь, прилож., 66.
 Воронцовъ, гр., Александ. Романов., канцлеръ, р. 1741+1805 г., т. CVIII, окт., 19., нояб., 309.
 Воронцовъ, гр., Мих. Семенов., новорос. ген.-губ., намѣств. Кавказ., р. 1781 † 1856 г., т. CV, янв., 28—46, 104, т. CVI, май, прилож., 55, июнь, 624, прилож., 66, т. CVII, июль, 10, 11, т. CVIII, нояб., 433—455.
 Воронцовъ, гр., ген. 1812 г., дек., 691—699.
 Воронцовъ, гр., Сем. Роман., посолъ въ Лондонѣ 1793 г., т. CVI, июнь, 469, т. CVII, сент., 450, т. CVIII, окт., 29, нояб., 256, 309.
 Востоковъ, Александ. Христофор., акад., р. 1781+1868 г., т. CV, янв., 133, 134, 144, 247—256.
 Враская, Зинаида Степ., рожден. Ланская, т. CVII, июль, 106.
 Врасскій, Борисъ Алексѣев., экспедит. III отд. соб. е. в. канц., 1837 г., т. CVII, июль, 106.
 Вронченко, Мих. Павл., писат., переводч. Шекспира, р. 1801+1855 г., т. CVI, май, 401, июнь, 634—637.
 Вусоцкій, декабр., т. CV, февр., 438.
 Вѣра Константиновна, вел. княгиня, т. CVI, июнь, 521, т. CVIII, нояб., 272, 287, 289, 290.
 Вяземская, княгиня, † 1886 г., т. CVI, апр., 75.
 Вяземскій, кн., Анд. Ив., т. CVIII, окт., 19.
 Вяземскій, Никифоръ, 1708 г., т. CV, мартъ, 519.
 Вяземскій, кн., Петръ Андр., тов. мин. нар. проsv., писат., р. 1722+1878 г., т. CV, янв., 139, февр., 454, 465, 467, мартъ, 731, т. CVI, апр., 57,

72, 74, прил., 4, май, 272, 300, 398, прил., 53, июнь, прил. 69, 70, т. CVII, июль, 104—107, 165, прилож., 93, авг., 391, т. CVIII, нояб., 266.
 Вяземскій, кн., фл.-ад., 1877 г., т. CVI, июнь, 605
 Вязмитиновъ, гр. С. К., ген.-отъ-инф. 1814 г., т. CVI, апр., 82, т. CVII, сент., 464, т. CVIII, окт., 136, нояб., 255, 292.

Г.

Гаагъ, гр-ня, 1820 г., т. CVII, сент., прилож., 115.
 Габбе, Франц., консулъ 1826 года, т. CVIII, дек., прил., 180.
 Габлицъ, Карлъ Ив., ст. сов., членъ хозяйствен. экспедиц., 1808 г., р. 1752+1821 г., т. CVIII, окт., 201, 202, 203.
 Гавриловъ, Матв. Гаврилов., проф. славянск. яз., р. 1759+1829 г., т. CVI, июнь, 637.
 Гагаринъ, кн., Григ. Ив., дипломатъ, р. 1782+1837 г., т. CVIII, окт., 228.
 Гагарина, княжна, Любовь Фед., въ зам. Полуехтова, т. CVI, май, прил., 60.
 Гагарина, княг. рожд. Лопухина, 1800 г., т. CVIII, дек., 568.
 Гагарина, княг., рожд. Потоцкая, 1858 г., т. CVI, май, 299.
 Гагаринъ, кн., Гавриилъ, т. CV, янв., 67.
 Гагаринъ, кн., И. А., 1822 г., т. CVIII, нояб., 301, 304.
 Гагаринъ, кн., Ив. Серг., писат., иезуитъ, р. 1814+1882 г., т. CVI, май, 292.
 Гагаринъ, кн., Матвѣй, 1708 г., т. CVI, апр., 151—152.
 Гагаринъ, кн., † 1852 г., т. CV, мартъ, 545.
 Гагаринъ, кн., ген.-ад., 1799 г., т. CV, февр., 335.
 Гаевскій, цензоръ, 1829 г., т. CVII, сент., 652.
 Гаевскій, докт., 1819 г., т. CVI, июнь, 587.
 Галаховъ, Алексѣй Дм., педагогъ, т. CVI, апр., 76.
 Галкинъ, ревельск. губернат. 1870 г., т. CVIII, дек., 536, 540.
 Галкинъ-Враской, М. Н., чл. Госуд. Сов.; сообщ.: Поѣздка въ Сибирь и на островъ Сахалинъ въ 1881—1882 г. Изъ путевого дневника М. Н. Галкина-Враского*, т. CV, янв., 147—196; упом. т. CVI, май, 234.
 Галлеръ, виленск. губернат., 1862 г., т. CV, февр., 308.

- Гамель, акад., 1829 г., т. CVII, сент., 652.
- Гарновскій, т. CVII, сент., 578.
- Гартунгъ, владѣл. первой вольной типогр. въ Россіи, 1771 г., т. CVII, июль, 152.
- Гасе, Александр. Ив., секрет. по- сольства въ Штутгартѣ, 1819 г., т. CVIII, нояб., прилож., 162.
- Гасфортъ, ген.-губ. з. Сибири, т. CV, янв., 151.
- Гауеншильдъ, Ѳед. Матв., директ. лицейск. панс. въ Ц. Селѣ съ 1814—1822 г., т. CVI, июнь, прилож., 66.
- Гедыминъ, вн., Ольгердъ, 1855 г., т. CV, февр., 490.
- Гейденъ, гр., Лог. Лог., адм., 1881 г., т. CV, янв., 170, мартъ, 572, т. CVI, апр., 3.
- Гейкинъ, бар., т. CVII, сент., 512.
- Геймъ, Ив. Андреев., рект. университ. 1814 г., р. 1758†1821 г., т. CVII, авг., 431, 432.
- Гейсманъ, ген., 1877 г., т. CVI, июнь, 615.
- Геймаръ, бар., ген.-ад., 1828 г., т. CV, февр., 263.
- Геласій, митроп. 1804 г., т. CVIII, дек., 602, 616, 623.
- Гельмерсенъ, акад. 1856 г., т. CVIII, дек., 499.
- Геккеръ, голланд. послан., 1837 г., т. CV, февр., 257.
- Гельфрейхъ, ген., 1812 г., т. CVI, июнь, 645.
- Гендрикова, гр-ня, П. А., см. Хилкова.
- Гендривовъ, гр., Александр. Ив., т. CVII, июль, прилож., 84.
- Герье, Авг. Ант., сенаторъ, 1901 г., т. CVIII, нояб., 459.
- Германъ, Александр. Ив., полков. Преображ. пол., 1820 г., т. CVI, июнь, прилож., 75, т. CVII, июль, прилож., 88.
- Германъ, Ѳед. Ив., т. CVII, июль, 107.
- Германъ, профес. статист., 1823 г., т. CVII, июль, 166.
- Гермогенъ, патриархъ, 1604 г., т. CVII, сент., 615, т. CVIII, окт., 176.
- Геротфельдъ, Никол. Эдуард., оф. Преображ. пол., 1853 г., т. CVI, июнь, 573, 574, т. CVII, июль, 195.
- Герценъ, Александр. Ив., писат. р. 1812†1870 г., т. CVI, май, 397, т. CVII, сент., 486, 508, 568, т. CVIII, окт., 148, дек., 646.
- Геосъ, профес. математ., 1831 г., т. CV, янв., 12, т. CVI, июнь, 473, т. CVII, июль, 51.
- Гиларовъ, М. А., управл. казен. палатой въ Томскѣ 1881 г., т. CV, янв., 151.
- Гильдебрандтъ, Ѳед. Андреев., д-ръ медиц., профес., р. 1773†1845 г., т. CVII, июль, 185.
- Гирсъ, ст. секрет., 1882 г., т. CV, янв., 194.
- Гиршфельдъ, ген., 1812 г., т. CVIII, нояб., 445.
- Глазуновъ, книгопродав., 1841 г., т. CV, янв., 22—25, т. CVIII, дек., 593—596.
- Глинка, Григ. Андреев., профес., р. 1777†1818 г., т. CVI, апр., 137, май, прилож., 61, т. CVII, июль, 6, 8.
- Глинка, Д. Г., повѣрен. въ дѣлахъ во Франкфуртѣ, 1848 г., т. CV, мартъ, 530, 534, 537.
- Глинна, Мих. Ив., композит., т. CV, мартъ, 693, 703—705, т. CVII, июль, 107, т. CVIII, окт., 127, 135.
- Глинка, Серг. Никол., писат., р. 1774 † 1847 г., т. CV, мартъ, 718, 720, т. CVI, май, 410, т. CVII, июль, 101, 102, сент., 480, 661, т. CVIII, дек., 487—493, 654, 655, 667.
- Глинка, Ѳед. Никол., писат., † 1880 г., т. CV, февр., 456, мартъ, 718, 720, т. CVII, сент., 659, т. CVIII, нояб., 265, 266.
- Глинка, декаб., т. CVI, май, 253, 260, 261, 267, т. CVII, сент. 624—635.
- Глинка, кавалеръ при в. кн. Николаѣ Павловичѣ, 1814 г., т. CVI, июнь, 464, 469.
- Глинская, Елена, жена Василія III, т. CVI, апр., 86, 87.
- Глуховъ, ннж. пут. сообщ., 1845 г., т. CVI, июнь, 484, 489.
- Глѣбовъ, декабр., т. CV, февр., 439.
- Гнѣдичъ, Никол. Ив., поэтъ, писат., р. 1784 † 1833 г., т. CV, янв., 134, 139, февр., 385—396, 459, т. CVII, сент., 649, 650.
- Гоголь, Никол. Вас., писат., р. 1809. † 1852 г., т. CV, янв., 79—96, февр., 294, т. CVII, июль, 101, сент., 482, 491, 492, 502, т. CVIII, окт., 102, 119, 122, 135, нояб., 323—326.
- Годунова, Евдокія Мих., въ зам. кн. Туренина, т. CVIII, нояб., 426.
- Годунова, Ирина, царица, см. Ирина.
- Годунова, Ксенія, т. CVII, июль, 119, 123, сент., 606, 607.
- Годунова, Марья Григ., рожд. Скуратова, т. CVII, июнь, 119, 123, т. CVIII, дек., 632.
- Годуновъ, Борисъ, царь, т. CV, мартъ, 711, т. CVI, апр., 83—113, май, 324—347, июнь, 527—554, т. CVII, июль, 112—144, авг., 324—334, сент., 579—606, т. CVIII, окт., 164—192.

- нояб., 347 — 360, 714, дек., 598 — 633.
- Годуновъ, Ѳеодоръ, т. CVII, июль, 119, 126, 128.
- Голенищевъ-Кутузовъ, М. И., см. Кутузовъ.
- Голенищевъ-Кутузовъ, Пав. Ив., курат. Моск. унив., р. 1756+1829 г., т. CVI, июнь, 464, 469, т. CVII, авг., 431, сент., 461.
- Голенищевъ-Кутузовъ, ген.-ад., сбб. воен. ген.-губ., 1826 г., т. CVI, май, 415.
- Голенищевъ-Кутузовъ, гр. Пав. Вас., ген.-адъют. 1826 г., чл., госуд. сов., т. CVIII, дек., прил., 182.
- Голицына, кн., Дарья Алек., 1773 г., т. CVII, сент., 577.
- Голицына, княг., Наталья Петр., рожд. гр-ня Чернышева, статсъ-дама, р. 1741+1837 г., т. CVI, май, прил., 56.
- Голицына, княг., Соломонида Григ., (въ иноч. Софія), игум. Вознесенск. монаст. въ Кремль, † 1623 г., т. CVIII, нояб., 428.
- Голицына, княг., Марья А., рожд. княжна Суворова, т. CVIII, дек., прил., 185.
- Голицынкъ, кн., Александр. Никол., мин. проsv., об. прок. Синода, р. 1773+1844 г., т. CV, февр., 273, мартъ, 729, т. CVI, апр., 11, 22, 137, 157, май, 362, 373—394, прилож., 55, июнь, 561—565, 588, прилож., 67, т. CVII, июль, 154—179, авг., 361—394, 426, 440, т. CVIII, окт., 42.
- Голицынкъ, кн., Васил. Васил., посолъ въ Польшѣ, т. CVIII, нояб., 427.
- Голицынкъ, кн., Васил. Юрьев., † 1584 г., т. CVIII, нояб., 427, 428, 429.
- Голицынкъ, кн., Дм., ген., 1812 г., т. CV, янв., 104.
- Голицынкъ, кн., Ив. Васил., 1570 г., т. CVII, июль, 120, 121, т. CVIII, нояб., 429.
- Голицынкъ, кн., Н. Н., предсѣд. Москов. пенз. комит. † 1860 г., т. CVI, май, 397, 411.
- Голицынкъ, кн., Н. Н., 1880 г., т. CVIII, нояб., 428.
- Голицынкъ, кн., Петръ Алексѣевичъ, 1810 г., т. CVII, сент., 459.
- Голицынкъ, кн., Серг. Мих., москов. ген.-губ., 1827 г., т. CV, мартъ, 674.
- Голицынкъ, кн., Серг., москов. печат., 1830 г., т. CVII, сент., 661.
- Голицынкъ, кн., Серг., ген., 1809 г., т. CVII, авг., 410.
- Голицынкъ, кн., С. П., дипломатъ, 1860 г., т. CVI, апр., 69, июнь, 498.
- Голицынкъ, кн., С. Ѳ., главноком. арміей, 1810 г., т. CVII, окт., 451.
- Головацкій, Яковъ Ѳех., униатск. священ., профес. Львов. универ., предсѣд. виленск. архіограф. комис., 1868 г., т. CVII, авг., 437—539.
- Голицынкъ, кн., Ѳ. Н., т. CVIII, дек., 562.
- Головицъ, ген.-ад., 1828 г., т. CV, янв., 38.
- Головина, гр-ня, Екат. Львов., рожд. Нарышкина, † 1820 г., т. CVI, июнь, прилож., 70.
- Головинъ, гр., Ю. А., † 1845 г., т. CVI, июнь, прилож., 70.
- Головинъ, Александр. Вас., мин. нар. проsv., 1863 г., р. 1821+1886 г., т. CVII, авг., 241, сент., 542, т. CVIII, дек., 501, 512—527.
- Гольскій, помѣщ., 1812 г., т. CVI, апр., 144.
- Гончарова, Александра Ник., т. CV, янв., 261, 262, т. CVI, апр., 78—81.
- Гончарова, Ек. Никол., въ зам. Дантесъ, т. CV, янв., 257—262, т. CVI, апр., 78.
- Гончарова, Наталія Ив., т. CVI, апр., 80.
- Гончаровъ, Ив. Александр., писат., р. 1814+1891 г., т. CV, мартъ, 718, т. CVII, сент., 482, 491, т. CVIII, окт., 135, 152.
- Горбачевскій, архивар. виленск. централн. архива, 1864 г., т. CVII, авг., 437.
- Горбачевскій, декабр., т. CV, янв., 188.
- Горбуновъ, И. Ѳ., артистъ, т. CVIII, нояб., 379.
- Гордѣева, Анна Васил., т. CVII, авг., 319.
- Гордѣевъ, помѣщ., 1850 г., т. CVII, авг., 294.
- Горизонтовъ, П. А., священ., 1860 г., т. CVII, июль, 80, авг., 264.
- Горскій, профес. и рект. Москов. дух. акад., 1860 г., т. CV, мартъ, 543, т. CVI, июнь, 518, 519, т. CVII, июль, 92, 93, авг., 259.
- Гортинскій, Г. Н., сообщ.: „Къ исторіи июльской смуты 1863 г. 1) Воззвание бѣлорусса православнаго къ бѣлорусскимъ католикамъ. 2) Всеподдан. адресъ правосл. дворянъ Могилевской губ.“, т. CVI, апр., 145—150.
- Горчакова, княг., т. CV, мартъ, 528 530, 537.
- Горчаковъ, кн., Александр. Мих., канцлеръ, р. 1799+1883 г., т. CV, февр., 295, 296, мартъ, 534—557, т. CVI, апр., 64, 69, т. CVII, сент., 534, т. CVIII, окт. 88, ноябр., 278, прил. 163, т. CVIII, дек., 556.
- Горчаковъ, кн., Александр., ген.-

- лейг., воен. мин., 1813 г., р. 1764† 1825 г., т. CVI, май, 362.
- Горчаковъ**, кн., Алексѣй, 1814 г., т. CVI, апр., 82.
- Горчаковъ**, кн., Андрей, ген. 1812 г., т. CV, янв., 104, февр., 335.
- Горчаковъ**, кн., Мих. Дм., главноком. крымск. арм., 1855 г., намѣстн. ц. Польскаго, р. 1792†1861 г., т. CV, мартъ, 530, 721, т. CVI, май, 286, 287, 288, 359.
- Горчаковъ**, Мих. Ив., магистръ богословія, 1861 г., т. CVI, апр., 65, т. CVII, сент., 533, 534, т. CVIII, нояб., 279, 280.
- Госнеръ**, т. CV, мартъ, 683.
- Госевскій**, Александр., посолъ кор. польск., 1604 г., т. CVII, сент., 612, т. CVIII, окт., 168, 169, 186, 188.
- Готманъ**, инж., директ. инст. пут. сообщ. 1842 г., т. CVI, июнь, 477, 481, 482.
- Граббе**, гр., Мих. Пав., ген., р. 1834† 1877 г., т. CVI, июнь, 624.
- Граббе**, гр., Пав. Христоф. ген.-отъ-инф., р. 1787†1875 г., т. CVIII, нояб., 251, 261.
- Граббе**, декабр., т. CVI, май, 238, 244, 258, т. CVII, сент., 635.
- Градоскій**, авт. брошюры, „М. Д. Скобелевъ“, т. CVI, июнь, 595.
- Грамматинъ**, Н. Ф., писат., 1869 г., т. CV, янв., 139.
- Грановскій**, Тимое. Никол., профес., †1855 г., т. CVIII, нояб., 285.
- Грачевъ**, А., граверъ, 1810 г., т. CVI, апр., 45.
- Гребенка**, Евг. Павл., писат., р. 1812†1848 г., т. CVII, сент., 487.
- Гребницкій**, чл. Экспедиц. Государ. Хозяйства, 1799 г., т. CVIII, нояб., 406.
- Грейгъ**, А. С. адм., коменд. черно-морск. флота, т. CV, янв., 43, т. CVII, июль, 169, 170.
- Грейгъ**, мин. финанс., т. CV, мартъ, 572.
- Гречъ**, Никол. Ив., писатель, р. 1787† 1867 г., т. CV, янв., 136, 144, 145, февр., 337—467, мартъ, 687, т. CVI, май, 398, июнь, 410, 411, т. CVII, июль, 201—204, авг., 362, сент., 456, т. CVIII, нояб., 266, дек., 488, 490, 493.
- Грибодовъ**, Александр. Серг., писат., р. 1795†1829 г., т. CV, мартъ, 511, т. CVII, сент., 482, т. CVIII, окт., 43—63, т. CVIII, дек., 593.
- Грибодова**, Нина Александровна, т. CVIII, дек., 563.
- Григорій**, митроп., т. CVI, апр., 71.
- Григоровичъ**, Дм. Вас., писат., т. CVII, сент., 482, 490, 491, 500, 501, т. CVIII, окт., 135.
- Григорьевъ**, писат., 1827 г., т. CVIII, нояб., 266.
- Григорьевъ**, артистъ, т. CVIII, окт., 121.
- Григорьевъ**, прокуроръ, 1825 г., т. CVI, май, 307—311.
- Гризи**, пѣвица 1845 г., т. CVIII, дек., 589, 590.
- Гриммъ**, Фридрихъ-Мельхиоръ, кор. респ. Екатерины II, т. CVIII, окт., 70.
- Гротъ**, Конст. Карл., ст.-секрет., т. CV, янв., 187, т. CVIII, нояб., 461.
- Гротъ**, Яковъ Пахм., акад., т. CVIII, дек., 525.
- Грулевъ**, М., сообщ.: „Изъ прошлаго Забайкалья“, т. CVI, апр., 203—224.
- Гудовичъ**, гр., Ив. Вас., москов. главноком., 1811 г., т. CVI, май, 446, 447, т. CVII, авг., 390, сент., 455, 458, 459, 461, т. CVIII, окт., 16, 25.
- Гумилевскій**, А., священ. 1860 г., т. CVII, июль, 83—95, авг., 247—250.
- Гуровская**, гр.-ня, Децил. Владислав., см. Фредерикъ.
- Гурьевъ**, гр., Никол., 1829 г., т. CV, мартъ, 507.
- Гурьевъ**, акад., 1812 г., т. CV, янв., 10.
- Гюгель**, баронесса, Александр. Мих., т. CVII, сент., 549.

Д.

- Давыдовъ**, Денисъ Васильев., партизанъ, писат., р. 1784†1839 г., т. CV, янв., 114, мартъ, 658, 659, т. CVI, май, прилож., 53, т. CVII, июль, 23, т. CVIII, дек., 483.
- Давыдовъ**, Ив. Ив., акад., 1856 г., т. CV, мартъ, 739—741, т. CVIII, дек., 515.
- Давыдовъ**, кн. Серг. Иван., сенат. вице-презид. акад., наукъ, 1855 г., р. 1770 † 1863 г., т. CVIII, дек., 497, 500.
- Далматовъ**, В. П., артистъ, т. CVII, авг., 363, 369.
- Даль**, Влад. Иван., писат., р. 1801 † 1872 г., т. CV, янв., 87, мартъ, 687, т. CVI, май, 393, т. CVII, июль, 169, 170.
- Данделъ**, ген., 1877 г., томъ CVI, июнь, 603.
- Данделевскій**, Г. П., писат., т. CV, янв., 246.
- Дантесъ-Геккеръ**, бар., поруч. Кавалергард. пол. 1837 г., томъ CV, февр., 257—262, т. CVI, апр., 77—81.

- Дантесъ**, Ев. Ник., см. Гончарова.
- Дараганъ**, камеръ-гажъ, 1820 г., томъ CVII, июль, 20, 21, 22, 23.
- Даргомыжская**, М. Б., писательница, т. CV, февр., 466.
- Дашковъ**, Дмитр. Васильевичъ, мин. юстиц. † 1839 г., т. CV, янв., 138, 140, 141, 144, февр., 385, томъ CVI, апр., 12, т. CVII, сент., 666.
- Дашковъ**, Пав. Яковл., сообщ.: „Ссоры мои съ тремя министрами“, изъ переписки П. С. Валуева, т. CVI, апр., 43—52.
- Дашкова**, книг., Екат. Ром., т. CVIII, дек., 561.
- Девриентъ**, Людвигъ, актеръ, р. 1784 † 1832 г. т. CVI, июнь, прил. 75.
- Деятинъ**, инж., ген.-лейт. томъ CVII, июль, 51.
- Делекторскій**, К. И., протоиерей, т. CVI, май, 278.
- Делинстаузенъ**, ген., 1877 г. т. CVI, июнь, 598.
- Делицына**, Дарья Алексд., въ зам. гр-ня Олсуфьева, т. CVIII., окт., 229.
- Делицынъ**, Петръ Спирidon., писат., переводч., р. 1796 † 1863 г., т. CVI, июнь, 632.
- Дельвицъ**, бар., Антонъ Антонов., писат., р. 1798 † 1831 г., т. CV, февр., 454, т. CVI, май, 398, 400, т. CVII, сент., 650, 657, 662, т. CVIII, нояб., 266, дек., 530.
- Дельвицъ**, бар., А. И., управл. мин. пут. сообщ., т. CVI, май, 360, июнь, 483, т. CVII, июль, 107.
- Деляновъ**, Ив. Давыд., мин.-просв., т. CVIII, дек., 510, 550.
- Дембовецкій**, А. С., 1901 г., т. CVIII, ноябр., 459.
- Деменстру**, Антонъ Людвиг., студ. Ришельев. лицея 1850 г., т. CVIII, нояб., 323—326.
- Депрерадовичъ**, ген.-адъют. 1828 г., т. CV, февр., 266, мартъ, 507.
- Державинъ**, Гавр. Ром., род. 1743 † 1816 г., т. CV, янв., 134, 139, 156, т. CVI, май, 234, т. CVII, авг., 229, сент., 482, т. CVIII, окт., 200, нояб., 414, т. CVIII, дек., 525, 648.
- Дершау**, К. Ф., слб. полциѣм., 1827 г., т. CVIII, нояб., 267.
- Дестремъ**, инж., ген., т. CVI, июль, 488.
- Джанотти**, полковн., 1814 г., т. CVI, июнь, 449, 463.
- Джуновскій**, Степ., докт. богослов., т. CVII, сент., 542 — 547, 550, 551, 552, т. CVIII, нояб., 273.
- Джуновскій**, кол. асс., членъ хо-
зяйствен. экспедиц. 1800 г., т. CVIII, окт., 203, 204.
- Джибичъ-Забалзанскій**, гр., Ив. Ив., р. 1785 † 1831 г., т. CV, янв., 29—46, 99, февр., 263—280, 402, мартъ, 499, — 513, т. CIV, апр., 5—29, 185, 187, май, 308, 414, т. CVII, июль, 24, сент., 622, т. CVIII, нояб., 258, 265,—269, 341—342, 402, т. CVIII, дек., 485, 486, 564.
- Дивовъ**, управл. ин. коллег., 1831 г., т. CVII, сент., 663.
- Джержисъ**, П. А., т. CVII, сент., 575.
- Дмитрій**, царевичъ, † 1594 г., т. CVI, апр., 95, 96, 99—107, 113, дек., 598, 600, 601, 604.
- Дмитрій**, Самозванецъ, 1604 г., томъ CV, янв., 197 — 208, мартъ, 712, т. CVI, апр., 83—118, май, 313—347, июнь, 523—560, т., CVII, июль, 111—144, авг., 323—359, сент., 579—621, т. CVIII, окт., 159—192, нояб., 343—369, 425, 427, 715, дек. 597—633.
- Дмитрій II**, Самозванецъ, т. CVIII, окт., 186—192, нояб., 344—369.
- Дмитріевъ**, Ив. Ив., мин. юстициі, писат., р. 1760 † 1837 г., т. CV, янв., 99, мартъ, 637—639, 719, томъ CVI, апр., 122, 156, май, 406, прил., 39, 44, 52, июнь, 566, прил. 70, т. CVII, июль, 168, прил. 84, т. CVIII, окт., 40, 41, 200, 201, нояб., 292, дек., прил., 178.
- Дмитріевъ**, Мих. Александр., об. про-кур. моск. сената, писат., † 1866 г., т. CVII, июль, 100.
- Дмитріевъ**, профес., 1867 г., т. CVIII, нояб., 273.
- Дмитровскій**, В., сообщ.: „Радецкій и Скобелевъ въ сраженіи 27 и 28 дек. 1877 г. подъ Шипкой“, т. CVI, июнь, 595—624.
- Добродюбовъ**, Ник. Александр. р. 1836, † 1861 г., критикъ, т. CVII, сент., 506, т. CVIII, нояб., 380, 381.
- Доброправовъ**, инженер. пут. сообщ., т. CVI, июнь, 484, 489.
- Доброславинъ**, А. П., профес., 1881 г., т. CV, янв., 163.
- Долгово-Сабуровъ**, Н. П., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Долгорукай**, кн., 1604 г., т. CVII, июль, 113.
- Долгоруковъ**, кн., Вас. Андр., шефъ-жанд., р. 1804 † 1867 г., т. CV, февр., 442 494, т. CVI, май, 358, 360.
- Долгоруковъ**, кн., Никол. Александр., влпенск. ген.-губ., † 1847 г., т. CV, февр., 310.

- Долгоруковъ, вл., Юрій Влад., ген.-отъ-инф., писат., р. 1740 † 1830 г., т. CVI, апр., 51.
- Долгоруковъ, вл., камергеръ, 1820 г., т. CVII, июль, 14.
- Долгоруковъ, вл., авт. „Рос. Родосл., вл.“, т. CVIII, нояб., 428.
- Домейжо, виленск. предвод. двор., 1863 г., т. CV, февр., 308.
- Дороховъ, ген. 1812 г., т. CV, янв., 114, 119, февр., 367.
- Достоевскій, Фед. Мих., писат., т. CVI, апр., 172, 174, т. CVII, сент., 482, 490, 492, 500, т. CVIII, окт., 134.
- Дохтуровъ, ген., 1812 г., т. CV, янв., 105, т. CVI, июнь, 604.
- Дружининъ, Алексд. Вас., писат., р. 1824 † 1864 г., т. CVII, сент., 505.
- Дружининъ, Петръ Мих., профес., т. CVI, май, прил. 54.
- Дубельтъ, Леонт. Вас., нач. штаба корп. жанд., т. CVII, июль, 103.
- Дубенскій, сенат., 1837 г., т. CVI, июнь, 494.
- Дубровинъ, Никол. Фед., ген.-лейт., авад., писат., сообщ.: „Князь Петръ Ивановичъ Шамниковъ“, т. CV, янв., 96—101, „Присяга императору Николаю I въ Туль“, т. CVI, май, 307—311, „Размовка В. Р. Марченко съ гр. Аракчеевымъ“, 369—371, „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“, т. CVII, сент., 449—463, т. CVIII, окт., 5—41, нояб., 241—264, дек., 465—494, „Полярная Звѣзда“ и „Невскій Альманахъ“, 1826—1827 гг., нояб., 265—269, упом. июнь, 491, кромѣ того всѣ замѣтки, подписанныя „Ред.“ принадлежать Н. Ф. Дубровину.
- Дудышкинъ, Степ. Сем., писат., † 1866 г., т. CVII, сент., 505.
- Дурново, Никол. Дм., фл.-ад., 1817 г., т. CVI, май, прил. 53, 58.
- Дурново, Марья Серг., рожд. Грибофдова, т. CVIII, дек., 593.
- Духонинъ, команд. Подольск. пол., 1877 г., т. CVI, июнь, 608.
- Дядьковскій, Лустивъ Евдокимов., врачъ, профес., р. 1784 † 1841 г., т. CV, янв., 18, т. CVI, июнь, 639, 640, т. CVII, июль, 171, 172, 184.
- Демидовъ, оф. Преображ. пол. 1857 г., т. CVII, июль, 190.
- Дюръ, актриса, т. CVIII, окт., 116, 118, 124.
- 513, т. CVII, июль, 175, 176, т. CVIII, дек., 481.
- Евгеній, принцъ Виртембергскій, ген., 1812 г., т. CV, янв., 38, 39, февр., 264, т. CVI, апр., 186, 187, 192, май, 443, июнь, 644—646, т. CVIII, дек., 567.
- Евдошя Феодоровна Лопухина, парипа, т. CV, янв., 238, мартъ, 517, т. CVI, июнь, 638.
- Еврейкова М., т. CVII, авг., 435.
- Еврейновъ, Г. А., 1901 г., т. CVIII, нояб., 459.
- Екатерина I, императрица, р. 1679 † 1727 г., т. CV, янв., 237, 240, 242, февр., 337.
- Екатерина II, императрица, род. 1729 † 1796 г., т. CV, янв., 47—70, февр., 340, 346, 353, 492, мартъ, 625, т. CVI, апр., 157, 168, 167, 196, май, 276, прилож. 38, июнь, 573, т. CVII, июль, 152, сент., 522—527, 575—578, т. CVIII, окт., 69—84, 195—200, нояб., 248, 305—322, 331, 415, 432, т. CVIII, дек., 493, 561, 562, 569.
- Екатерина Михайловна, вел. княгиня, т. CV, мартъ, 532, 533, т. CVI, июнь, 504.
- Екатерина Павловна, вел. княгиня, герцог. Ольденбургская, во втор. бракъ кор. Виртембергская, † 1819 г., т. CV, февр., 284, 290, 355, 356, мартъ, 530—535, 553, т. CVI, июнь, 498, 504, т. CVII, июль, 11, сент., 458, 459, 532, 533, т. CVIII, нояб., 241, 287, 394, прил. 153, 161—164.
- Елагина, Авд. Петров., т. CV, февр. 321—323, т. CVI, апр., прилож. 17 июнь, прилож., 65, т. CVIII, окт. 107.
- Елена Павловна, въ зам. герцогина Мекленбургская, т. CVI, июнь, 504.
- Елена Павловна, вел. книг., (принцесса Виртембергская), род. 1806 † 1873 г., т. CVI, июнь, 509, 510, 512, т. CVII, июль, 176, т. CVIII, нояб., 277.
- Елисавета Алексеевна, императрица, р. 1779 † 1826 г., т. CV, февр., 348, т. CVI, апр., 137, 165, июнь, 459, т. CVII, июль, 15, 19, 20, 23, авг., 230, 231, 444, 447, сент., 623, 624, 659, т. CVIII, дек., 486.
- Елисавета Михайловна, вел. княг., въ супруж. герц-ня Наусская, томъ CV, февр., 283, мартъ, 534, 547, т. CVI, апр., 55, т. CVIII, нояб., 287.
- Елисавета Петровна, императрица, р. 1709 † 1761 г., т. CVII, сент., 513, 514, 660, т. CVIII, окт., 75, 76.
- Енохинъ, лейбъ-мед. 1845 г., т. CVII, сент., 478, 479.

Е.

Евгеній Болховитиновъ, митропол. кievскій, 1825 г., т. CV, мартъ, 512,

Ермавъ, т. CV, мартъ, 560.
Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, ген.-отъ-артил., р. 1777 † 1861 г., т. CV, янв., 104—116, 128, февр., 362, 373, мартъ, 507, т. CVIII, дек., прил., 180.

Ермоловъ, Петръ, секретарь генер.-прокур. Самойлова 1796 г., т. CV, янв., 57, 70.

Есиповичъ, Я. Г., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.

Ефимовъ, Н. Е., худож., 1826 г., т. CVII, июль, 175.

Ефимовъ, чл. сов. гл. управл. Сибири 1881 г., т. CV, янв., 185.

Ж.

Жарниновъ, Никол., сообщ.: „Наслѣдство бывшихъ владѣльцевъ Щукина двора“, т. CV, февр., 471—492.

Жаитужинъ, ген., кievск. воен.-губер., предсѣдатель Дивановъ княжествъ, 1828 г., т. CV, мартъ, 505.

Желазубские, объ ихъ родословной, т. CVIII, нояб., 428.

Жерговъ, Александр. Васил., команд. Преображ. пол., т. CV, мартъ, 575, т. CVI, июнь, 569.

Живокими, артистъ-комикъ, 1840 г., т. CVIII, окт., 124, 125.

Жихаревъ, Степ. Петров., сенат., р. 1787 † 1860 г., т. CVI, апр., 134.

Жолд, Карлъ Карлов., зубн. лекаръ 1844 г., т. CVIII, дек., 593—596.

Жолотовъ, оф. генер. штаба 1848 г., т. CVI, июнь, 484—489.

Жуковская, Александр. Васил., въ замуж. баронесс. Верманъ, род. 1842 † 1899 г., томъ CVII, июль, 101, т. CVIII, нояб., 282.

Жуковская, Елисавет. Дементьевна, † 1811 г., т. CVI, апр., прилож. 6, май, прилож. 36, 43.

Жуковский, Васил. Андр., писатель, р. 1788 г., ум. 1852 г., т. CV, янв., 21, 85, февр., 290—294, 300, 324, 385, 442, 458—460, мартъ, 545—548, т. CVI, апр., 123—138, май, 255, т. CVII, июль, 97—109, 165, авг., 229, 232, 391—393, сент., 550, томъ CVIII, окт., 221—240, нояб., 275, 282, 389—491. Его дневники, приложение къ вн. апр.—декаб.

Жуковский, Пав. Васил., т. CVII, авг., 391—393, т. CVIII, нояб., 325—340, 649—680. приложение книги апр., — дек.

Жуковский, Пав. Андреевъ, управл. Нурецкою таможеню 1844 г., томъ CVII, июль, 102.

Журавскій, инж. пут. сообщ. 1845 г.,

т. CVI, июнь, 483, т. CVII, июль, 58, 59.

З.

Заблудный-Десятковский, А. П., томъ CVI, июнь, 494, т. CVIII, нояб., 464.

Заборовская, Елис. Ѳед., рожд. Лопухина, р. 1743 † 1820 г., т. CVI, июнь, 638.

Заборовскій, Ив. Александр., влaдим. и востромск. ген.-губ., 1787 г., род. 1735 † 1817 г., т. CVI, июнь, 638.

Завадовскій, гр., первый мнн. нар. просв., т. CV, февр., 353, мартъ, 625, т. CVI, май, 381, т. CVIII, окт., 14, 21, 23, 35, 82, т. CVIII, дек., 469.

Завалишинъ, Дм. Ирнарх., декаб., т. CV, мартъ, 639—643.

Загаринъ, полковн. 1881 г., т. CV, янв., 152.

Загорскій, П. А., академ., 1809 г., т. CV, янв., 8, 10.

Загоскинъ, Мих. Никол., писатель, р. 1789 † 1852 г., т. CV, мартъ, 693, т. CVIII, окт., 125.

Загряжская, Наталья Кирил., рожд. гр-ня Разуновская, т. CVI, июнь, прилож. 68.

Загряжскій, Влад., т. CV, мартъ, 711.

Заккичъ, книгопродав. 1841 г., томъ CV, янв., 22—25.

Закревскій, гр., Арсепій Андреевъ, москов. ген.-губ., 1856 г., т. CV, мартъ, 644—646, т. CVI, июнь, 638, 640, 641, т. CVII, июль, 171, 172, 183, 184.

Закревскій, полков., 1812 г., томъ CV, янв., 125.

Залусскій, гр., фл.-ад., 1828 г., т. CV, янв., 38.

Замойскій, т. CVI, июнь, 524, 525, 526, 527, 537, т. CVII, авг., 335.

Запольскій, воен.-губ. Забайк. области 1830 г., т. CV, мартъ, 641, 642.

Захаровъ, Я. Д., акад., 1814, т. CV, янв., 12, 17.

Зауервейде, Александр. Ив., художн. р. 1782 † 1884 г., томъ CV, янв., 42, 43.

Захарычъ (Якунинъ), Ив., сообщ.: „Встрѣча съ сыномъ Шамиля и его рассказы объ отцѣ“, т. CVII, авг., 367—389.

Здекауеръ, Никол. Ѳедор., профес., докт., т. CV, февр., 487.

Зейдлицъ, К. К., т. CVIII, декаб., прил. 186.

Зотовъ, Влад. Раф., писат., р. 1821

- † 1896 г., т. CVI, июнь, 628, т. CVIII, июль, 172.
Зубовъ, гр., Валеріанъ Александр., р. 1771 † 1894, т. CV, февр., 344.
Зубовъ, гр., Никол. Александр., штаб-майст., 1798 г., т. CV, янв., 62, 65, т. CVIII, нояб., 314, т. CVIII, дек., 568.
Зубовъ, кн. Платонъ Александр., томъ CV, янв., 56, т. CVIII, окт., 82, т. CVIII, дек., 570.
Зуевъ, ниж. пут. сообщ., т. CVII, июль, 49.

И.

- Иванишинъ**, Г. А., т. CVIII, нояб., 293.
Ивановъ, Александр. Андр., худож., р. 1806 † 1858 г., т. CV, янв., 85, т. CVII, сент., 468—476.
Ивановъ, Антонъ, скульпт., 1845 г., т. CVII, сент., 469—474.
Ивановъ, Ив. Алексѣев., архитект. и граверъ, р. 1779 † 1848 г., т. CV, янв., 248.
Ивашевъ, декаб., т. CV, янв., 188.
Игнатій, патриархъ, 1605 г., т. CVII, авг., 324, 339, сент., 616, дек., 607.
Игнатовичъ, Викентій Викентьев., директ. 1-ой гимназ. 1855 г., т. CVIII, окт., 139.
Игнатовичъ, авт. исторіи Дагестан. полка, т. CVI, май, 417.
Игнатьевъ, Ник. Павл., мин. внутр. дѣлъ съ 1881—1882 г., чл. Государ. Сов., т. CV, янв., 180, 194, т. CVII, июль, 196, т. CVIII, дек., 557, 559.
Игнатьевъ, гр., Пав. Никол., слб. ген.-губ., т. CV, мартъ, 571, 572.
Измайловъ, Александр. Ефимовичъ, баснопис., р. 1779 † 1831 г., т. CV, янв., 133—145, 246, февр., 451—469, т. CVI, май, 400, т. CVIII, нояб., 266, 299, 301.
Иконниковъ, Алексѣй Никол., гувернерт Царскосельск. лицея, 1817 г., писат., т. CVII, июль, 172, 173.
Илличевскій, А. писат., т. CV, февр., 456, 466.
Иловайскій, ген., 1812 г., томъ CV, мартъ, 666, 670, 671, т. CVI, апр., 177, 181, 188, 189, май, 427, 429, т. CVII, июнь, 219.
Ильинскій, Н. С., 1810 г., т. CVIII, окт., 28.
Ильашевичъ, Аделаида Ив., т. CV, янв., 157.
Ильашевичъ, Л. Ив., ген.-майоръ, чл. тин. губернат. 1881 г., т. CV, янв., 157, 189, 190, 192.
Имеретинскій, кн. Н. К., сообщ.:

- „Изъ записокъ стараго преображенца 1850 годъ“, т. CV, мартъ, 559—577, т. CVI, июнь, 567—586, т. CVII, июль, 189—199.
Исходцевъ, Петръ Борисов., акад., 1819 г., т. CVII, авг., 362.
Исарскій, Вас. Антонов., т. CV, мартъ, 685, 687, т. CVI, июнь, 492.
Ирина (Годунова), супруга Θεодора Иоанновича, т. CVI, апр., 92, 95, 101, т. CVIII, дек., 601, 622.
Исамовъ, ген.-ад. 1854 г., томъ CVII, 146—149.
Исидоръ, митроп. слб., т. CVI, май, 213, т. CVII, авг., 263, сент., 547.
Исыра, 1708 г., т. CVI, апр., 152.

I.

- Иакинъ** (Бичуринъ), свящ., т. CVI, май, 398.
Иоаннъ IV Грозный, р. 1530 † 1584 г., т. CV, мартъ, 712, т. CVI, апр., 85—117, июнь, 531, т. CVII, авг., 328—355, сент., 600, 601, т. CVIII, окт., 164, 171—185, нояб., 424, дек., 597—633.
Иоаннъ (Доброзраковъ), епис. пензен. 1830 г., нижегор. 1835 г., архіеп. донской съ 1847—1867 г., т. CVII, июль, 182.
Иоаннъ Антоновичъ, императоръ, р. 1740 † 1764 г., т. CVII, июль, 204.
Иовъ, патриархъ, т. CVI, май, 342—347, июнь, 533, 555, т. CVII, июль, 114, 118, 120, авг., 324, т. CVIII, окт., 176, дек., 607, 609, 611, 612, 623.
Иовъ, архіеп. новгород., † 1716 г., т. CV, янв., 238.
Иосифъ, Сѣмашко, митроп. литовск., 1863 г., т. CVII, авг., 438.
Иосифъ, еписк. коломенск., 1605 г., т. CVII, сент., 615.

К.

- Кавелинъ**, Александр. Алексд., воспитат. Александра II, вполс. слб. ген.-губ., сенат., чл. Гос. Сов. р. 1793 † 1850 г., т. CVII, сент., прил., 115, 117, 118, дек., прил., 178.
Кавелинъ, Дм. Александр., директ. медиц. деп-а 1816 г., р. 1771 † 1851 г., т. CVI, апр., 132, 133, 135, июнь, прил., 68, т. CVII, нояб., прил., 168.
Кавелинъ, Конст. Дм., ген.-ад., т. CV, мартъ, 573, т. CVI, апр., 76.
Каверинъ, Н. Н., калужск. губернат. 1812 г., т. CV, мартъ, 718.
Казанскій, Петръ Симонов., профес.

- духов. акад., писат., р. 1819 † 1878 г., т. CVI, июнь, 632, 633, 634.
- Каванский**, врачъ 1881 г., т. CV, янв., 157.
- Кави-Магома**, сынъ Шамиля, т. CVII, авг., 367—389.
- Кавмировский**, Яковъ, декаб., т. CV, февр., 444—449.
- Кайсаровъ**, полков., 1812 г., т. CV, янв., 121, т. CVI, июнь, 653.
- Кайсаровы**, т. CVI, май, прил. 39.
- Калайдовичъ**, К. Θ. археол., р. 1792 † 1832 г., т. CVI, май, 403.
- Калачовъ**, В. В., 1901 г., т. CVIII, нояб., 459.
- Калачовъ**, Никол. Вас., т. CVIII, дек., 509.
- Каменский**, гр. Н. М., команд. войск. въ Турціи 1810 г., т. CVIII, нояб., 242, 243, 262.
- Кампиони**, Сантинъ Петров., скульпт., р. 1774 † 1847 г., т. CVII, авг., 430.
- Канарский**, ксендзъ 1846 г., т. CV, мартъ, 572.
- Кавиринъ**, гр., Егоръ Франц., мин. финанс. съ 1823—1844 г., р. 1776 † 1845 г., т. CVI, апр., 15, т. CVI, июнь, 492—495, т. CVII, сент., 653, 654, т. CVIII, нояб., 410.
- Кавиринъ**, Францъ-Людвигъ, членъ Бергъ-коллеж. 1798 г., т. CVIII, нояб., 410—412.
- Калыкеть**, гр., В. В., писат., т. CVI, май, 276.
- Калыкеть**, Ив. Вас., т. CVI, май, 276.
- Калыкеть**, гр-ня, И. П., т. CVI, май, 276.
- Калыкеть**, гр., П. А., 1901 г., т. CVIII, нояб., 459.
- Калыкеть**, гр., П. И., т. CVI, май, 276.
- Калыкеты**, т. CVI, май, 276.
- Каподистрия**, гр., Ив. Антонов., ст.-секрет., мин. ин. дѣлъ, р. 1776 1831 г., т. CVI, апр., 12, 41, май, прил. 53, т. CVIII, дек., прил. 186, 187.
- Капцевичъ**, Петръ Мих., ген.-губ. З. Сибири, р. 1772 † 1840 г., т. CVII, июль, 173, 174.
- Каравинъ**, Васил. Назар., профес., писат., р. 1773 † 1842 г., т. CV, янв., 244, февр., 470, мартъ, 742, т. CVI, июнь, прил., 68, т. CVII, июль, 200, т. CVIII, окт., 31.
- Карамзина**, Екат. Андр., рожд. Колыванова, т. CVI, май, прил., 40.
- Карамзина**, Елис. Ив., † 1802, т. CVI, май, прил., 40.
- Карамзинъ**, Никол. Мих., историогр., р. 1766 † 1826 г., т. CV, янв., 47—52, 98, 138, февр., 324, 457, 458, т. CVI, апр., 41, 132—170, май, 272, прил. 39, 40, июнь, прил., 65, 70, т. CVII, июль, 168, прил. 84, сент., 451, т. CVIII, окт., 22, 23, 28, нояб., 414, 424, 429, т. CVIII, дек. 494, 648, 700, прил., 178, 184.
- Каратыгина**, Александръ Мих., артистка, 1840 г., т. CVII, окт., 123.
- Каратыгина**, Алексд. Дм., актриса, р. 1788 † 1859 г., т. CVIII, нояб., 294.
- Каратыгинъ**, Васил. Андреев., драмат. актеръ, т. CVIII, окт., 109—135, нояб., 293—304.
- Каратыгинъ**, Петръ Андр., артистъ, р. 1805 † 1879 г., т. CVII, нояб., 294, 296, 301.
- Каратыгинъ**, Петръ Петров., актеръ, т. CVIII, окт., 111, 119.
- Карпенко**, полковн., 1812 г., т. CV, февр., 365.
- Картамышевъ**, Конст. Вонифатьев., писат., т. CVIII, нояб., 325.
- Карцовъ**, ген. 1877 г., т. CVI, июнь, 598, 600, 601, 603.
- де-Кастельбажажъ**, послан. въ Россію 1848 г., CVII, июль, 67—76.
- Каченинъ**, Мих. Андреев., команд. Преображ. пол. 1848—1852 г., оренб. ген.-губ., т. CV, мартъ, 573—577, т. CVI, июнь, 569.
- Каченинъ**, Пав. Александр., писатель, 1809 г., CV, янв., 134, 139, мартъ, 574, т. CVIII, нояб., 293—304.
- Катковъ**, Мих. Никифор., писатель, р. 1818 † 1887 г., т. CVII, сент., 505—510, т. CVIII, окт., 91, 92, нояб. 273, дек., 521—523, 646.
- Каченовскій**, Мих. Троф., профес., т. CVI, май, 400, прил. 53, т. CVII, июль, 165.
- Кашкадамовъ**, Никол. Иван., колл. ассес., его библиографическій списокъ на оберткѣ каждой книги.
- Квашнина-Самарина**, см. Чирикова.
- Квашнина-Самарина**, Софья Александр., т. CVII, авг., 296, 297—310.
- Квашнина-Самарина**, т. CVII, авг., 287.
- Квашнинъ-Самаринъ**, Александръ Алексд., т. CVII, авг., 310—313.
- Квашнинъ-Самаринъ**, Алексд. Петров., т. CVII, авг., 295, 296.
- Кашпекъ**, акад., 1856 г., т. CVIII, дек. 499.
- Кербедъ**, инженер. п. сообщ. 1845 г., т. CVI, 474, 475, 483, т. CVII, июль, 51.
- Кербедъ**, 2-й, инж., т. CVI, июнь, 485.
- Кетчеръ**, переводч. Шекспира, т. CVII, сент., 483.
- Кидошниковъ**, Н. В. 1901 г., т. CVIII, нояб., 459.
- Кильдюшевскій**, Пав. Никол., про-

- фес.-мед., род. 1799 † 1858 г. т. CVI, июнь, 640.
- Биль,** завѣд. художн. въ Римѣ 1845 г., т. CVII, сент., 468, 469.
- Биррянковъ,** инж. пут. сообщ., т. CVI, июнь, 484.
- Биррилъ,** рект. Спб. дух. акад. 1867 г., т. CVI, май, 286, 287, 288.
- Бирриловъ,** Алексѣй Семен., архитект. 1856 г., т. CVIII, дек. 513, 514.
- Биркичниковъ,** А. И., сообщ. „М. П. Погодинъ и Н. В. Гоголь“, 1832—1852 г., т., CV, янв., 79—96, „Письмо Н. М. Розалпа—С. П. Шевыреву“, февр., 321—323, „По поводу раскаяннѣ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу“, т. CVI, апр., 77—81.
- Бирѣвская,** Марья Вас., т. CVIII, окт., 103.
- Бирѣвская,** Авд. Петр., см. Елагина.
- Бирѣвскій,** Васил. Ив., † 1812 г., т. CVI, апр., прилож., 17.
- Бирѣвскій,** Ив. Вас., славяноф., р. 1806 † 1856 г., т. CV, янв., 80, февр., 321—323, т. CVII, июль, 100.
- Бирѣвскій,** Петръ Вас., переводч., р. 1808 † 1870 г., т. CV, февр., 321, т. CVII, июль, 100.
- Бирязовъ,** ген. 1820 г., т. CVII, июль, 25.
- Бисселевъ,** гр. Пав. Дм., мин. госуд. имущ., р. 1788 † 1872 г., т. CV, янв., 29, мартъ, 504, 505, 598, т. CVI, апр., 7, 16, июнь, 492, 494, 513, т. CVII, июль, 70—76, т. CVIII, окт., 206.
- Блейнмихель,** гр. Готтръ Андр., главноуправл. п. сообщ., р. 1793 † 1869 г., т. CVI, июнь, 474—489, т. CVII, июль, 32—64, сент., 464.
- Блементъ VIII,** папа римскій 1604 г., т. CVII, авг., 332, 333, 337, томъ, CVIII, дек., 605, 606, 619.
- Блешинъ,** Андрей, 1613 г., т. CV, мартъ, 711, т. CVI, апр., 101.
- Бличченко,** скульпт. 1845 г., т. CVII, сент., 470—478.
- Блодтъ,** бар., скульпт., т. CVIII, окт., 135.
- Блочковъ,** Мих. Максим., купецъ, † 1876 г., т. CV, мартъ, 700.
- Блугенау,** ген. 1877 г., т. CIV, июнь, 624.
- Блючаревъ,** Ѳ. П., московск. почтъ-директ. 1812 г., т. CV, мартъ, 599, 600, т. CVI, апр., 154, 155, т., CVIII, окт., 21, нояб., 242.
- Бнязевичъ,** Алексд. Максим., директ. канц. мин. финанс. 1837 г., т. CVI, июнь, 495.
- Бнязевичъ,** Дм. Максим., попечит.
- Одесск. учебн. овер., 1837 г., т. CV, янв., 134, 139, февр., 457.
- Бобоко,** Дм., сообщ.: „Шелкамовы и Чепчуговъ“, т. CV, мартъ, 711—716.
- Бовалевскій,** М. Е., чл. Гос. Сов. 1882 г. т. CV, янв., 193.
- Бовалевскій,** Евгр. Петр., мин. просв., 1860 г., т. CVIII, дек. 511.
- Бовальскій,** Викторъ, ксендъ 1866 г., т. CVII, сент., 553—554.
- Бовицкая,** Александр. Григ. въ зам. гр-ня Лаваль, † 1850 г., т. CVI, июнь, прил., 68.
- Бовицкая,** Анна Григ., см. Бѣлосельская.
- Бовловъ,** Ив. Ив., поэтъ, т. CV, февр., 454, т. CVI июнь, прил., 67, 69, т. CVIII, дек., прил., 178, 185, 187, 188, 190.
- Бовловскій,** инж. ген. 1881 г., т. CV, янв., 167.
- Бовляничковы,** т. CVII, авг., 293.
- Бовлятевъ,** Ѳед. Ильичъ, оф., † 1808 г., т. CVI, май, прил., 39.
- Бовминъ,** Н., сообщ.: „Къ биографіи Полевого“, т. CV, мартъ, 725—732, „Изъ переписки Н. А. Полевого“, т. CVI, май, 397—413.
- Боводавлевъ,** О., мин. вн. дѣлъ 1813 г., т. CVI, апр., 155, май, 445—447, т. CVII, июль, 200, сент., 453.
- Бовошвина,** 1816 г., т. CVII, сент., 464.
- Бовошвинъ,** Ѳед. Ѳед., управл. москов. театр. съ 1823—1831 г., р. 1773, † 1838 г., т. CVI, май, прил., 56.
- Болдмуръ,** франц. послан. въ Спб. 1811 г., т. CVIII, нояб., 247, 252, 253, т. CVIII, дек., 488, 491, 494.
- Боллажовъ,** фл.-ад. 1842 г. т. CVII, сент., 483.
- Болдлеръ,** бар., ген.-лейт. 1814 г., т. CV, мартъ, 721.
- Бологривова,** Прасковья Юрьевна, рожд. вн. Трубецкая, въ первомъ бракѣ Гагарина, т. CVI, май, прил. 59.
- Бологривовъ,** Петръ Александр., т. CVI, май, прил., 59.
- Болодвинъ-Плещеевъ,** Ѳад. Ив. 1623 г., т. CVIII, нояб., 424.
- Болонольцовъ,** ген.-м., т. CVI, мартъ, 568.
- Болосова,** Алекс. Мих., актриса, т. CVIII, нояб., 294, 296, 297, 300, 301.
- Болосовскій** настоят. мадрит. польск. церкви, т. CVI, июнь, 495.
- Болошинъ,** Н. М., совѣщат. чл. Редакц. комисс., т. CVIII, нояб., 459.
- Болошинъ,** Петръ, декаб., т. CVII, авг., 272, сент., 628, дек., 655.

- Колычевъ**, капит., 1812 г., т. CVII, июль, 205.
- Колычевъ**, послан. въ Голланд. 1799 г., т. CV, февр., 328.
- Кольцовъ-Масальскій**, кн., Андр. Влад., т. CVIII, нояб., 426.
- Кольцовъ**, поэтъ, CVII, сент., 499, 500.
- Колыпорили**, пѣвецъ, 1845 г., т. CVIII, дек., 589.
- Комаровскій**, гр., А. Е., славянофилъ 1869 г., т. CVIII, нояб., 288.
- Комаровскій**, Г. А., гр., 1870 г., т. CVIII, дек., 535, 536, 538, 541, 542, 551.
- Комаровъ**, А. А., преподават. 1842 г., т. CVII, сент., 483, 487.
- Комаровъ**, А. С., инж. профес. инст. п. сообщ. 1842 г., т. CVII, сент., 483.
- Комаровъ**, полковн., декаб., т. CVII, сент., 635, 636, т. CVIII, окт., 207, дек., 655.
- Кони**, Анат. Ѳед., сенаторъ, 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Коновницынъ**, Петр. Петр., ген.-ад. 1828 г., т. CV, янв., 104—113, 128, февр., 378, мартъ, 717, 719, т. CVI, апр., 186, 187, июнь, 449, 455, 460.
- Константиновъ**, ген. 1860 г., т. CVII, июль, 78, 79.
- Константинь Николаевичъ**, вел. князь, т. CVI, июнь, 510, т. CVIII, нояб., 460.
- Константинь Павловичъ**, вел. князь, цесаревичъ, р. 1779 † 1831 г., т. CV, янв., 26, 41, 44, 54, 128, февр., 268—275, 333, 346—349, 406, мартъ, 506, 512, 557, 621, 634, т. CVI, апр., 42, 165, май, 387, т. CVII, июль, 21, т. CVIII, окт., 78, авг., 226, 231, 234, 441—448, т. CVIII, окт., 90, 202, нояб., 311, 313, 317, 321, т. CVIII, дек., 471—486, 562, 569.
- Кончаевъ**, критикъ 1899 г., т. CVIII, дек., 529.
- Корела**, атаманъ донск. войска, 1604 г., т. CVII, июль, 113, 124.
- Корицкій**, инж., т. CVI, июнь, 485.
- Корниловъ**, Александр. Алексѣев., т. CV, янв., 211.
- Корниловъ**, Аркадій Петров., т. CV, янв., 211.
- Корниловъ**, Ив. Петров., почетн. Виленск. уч. окр., чл. сов. мин. просв., сообщ.: „Вл. Ал. Корниловъ. Переписка съ Ѳ. П. и А. А. Корниловыми“, т. CV, янв., 209—216, „Къ биографіи Я. Ѳ. Головацкаго. Всеобщ. докладъ виленск. ген.-губ. г.-ад. Потапова“, т. CVII, авг., 437—439, упом. 321, 322.
- Корниловъ**, Влад. Алексѣев., адм., † 1854 г., т. CV, янв., 209—216.
- Корниловъ**, Ѳед. Петров., CV, янв., 209—216.
- Корсаковъ**, забайкалск. губернат., т. CV, мартъ, 648.
- Корсаковъ**, М. С., ген.-губ. В. Сибири, 1863 г., т. CV, февр., 494.
- Корфъ**, бар., Андр. Никол., завѣд. Царскосельск. стрѣлков. школою, т. CVII, июль, 195, 196.
- Корфъ**, бар., Люд. Андр., т. CVII, июль, 151, т. CVIII, окт., 19.
- Корфъ**, бар., вполн. гр., Модестъ Андр., р. 1800 † 1876 г., т. CVI, июнь, 467, 468, т. CVII, июль, 151, 172, 195, т. CVIII, дек., 562.
- Корфъ**, бар., П. Л., 1901 г., т. CVIII, нояб., 459.
- Корфъ**, бар., Ѳед. Карл., ген. 1812 г., р. 1774 † 1823 г., т. CV, янв., 117, 122, т. CVIII, нояб., 450—453.
- Коршъ**, Валент. Ѳед., т. CVIII, дек., 521.
- Костенецкій**, врачъ, 1780 г., т. CV, янв., 6.
- Космомаровъ**, Никол. Ив., проф., т. CVII, авг., 253, т. CVIII, дек., 598—610.
- Кострица**, шт.-кап. 1844 г., т. CVI, июнь, 476.
- Кожовскій**, Веспасіанъ, т. CVII, июль, 145.
- Кожовскій**, Всеволодъ Порфиріев., ген.-лейт., директ. Педагогич. музея, † 1891 г., т. CVII, июль, 145—149.
- Кожовскій**, Порфирій Ив., т. CVII, июль, 146.
- Кочетова**, Екат. Никол., фрейлина 1817 г., т. CVI, май, прил., 58, июнь, 70.
- Кочетовъ**, Іакинъ Семен., протоіерей, профес. дух. акад. 1839 г., т. CV, февр., 298, 301, мартъ, 533, 537, 552, 555, т. CVI, май, 278, 280, 290.
- Кочубей**, кн. Внут. Павл., мин. вн. дѣл., вполн. канцлеръ, р. 1768 † 1834 г., т. CV, февр., 272, 350, 353, мартъ, 501, т. CVI, апр., 11, 157, июнь, прил., 66, 69, т. CVII, июль, 161, т. CVIII, окт., 14, 30, 35.
- Кочубей**, Петръ Аркад., предсѣд. рус. техн. общ-ва, т. CVI, апр., 175.
- Кочубей**, 1708, CVI, апр., 152.
- Кохелевъ**, Александр. Ив., земскій дѣят., публицистъ, р. 1807 † 1883 г., т. CV, февр., 411, 414, 452.
- Ковндеръ**, А. И. секрет. миссіи въ Пекинѣ 1881 г., т. CV, янв., 175, 178.
- Краевскій**, Андрей Алексд., журналистъ, р. 1810 г. † 1899 г., т. CVI, апр., 76, май, 398, т. CVII, июль, 105—107, 165, сент., 489, 502, 503, т. CVIII, дек., 520—523, 525.

*

- Браевскій, Андр.**, сообщ.: „Опека надъ произведеніями Пушкина“, т. CV, янв., 14—25.
- Красинскій, гр.**, 1855 г., т. CV, февр., 474—492.
- Красовскій, Іоаннъ, протоіер.** 1819 г., т. CVII, авг., 362.
- Красовскій, ниж. пут. сообщ.**, т. CVI, июнь, 484.
- Красовскій, ген.-лейт.** 1828 г., т. CV, мартъ, 505, 513, т. CVI, апр., 5.
- Крафтъ, Андр. Логновъ,** секретарь посольства въ Берлинъ 1820 г., т. CVI, июнь, прил., 78.
- Крафтъ, ниж. пут. сообщ.**, т. CVI, июнь, 489, т. CVII, июль, 31—63.
- Крейтонъ, лейбъ-мед.** 1829 г., т. CVI, апр., 21, т. CVI, июнь, 469, т. CVII, июль, прил., 85.
- Крестцовъ, Юрій,** сообщ.: „Гроту Лермонтова, стихотвор. И. В. Алексѣева, высѣченное въ Пятигорскѣ, въ этомъ гротѣ, на каменной доскѣ“, т. CV, февр., 359—360.
- Кривцовъ, П. И.,** директ. художн. въ Римѣ, 1840 г., т. CV, февр., 321—323, т. CVII, сент., 472.
- Кривцовъ, Никол. Ив.,** р. 1791 г., † 1843 г., т. CVIII, дек., прил. 178.
- Криднеръ, баронесса, Юліана, рожд. Фитингофъ,** пиетистка, р. 1766 † 1824 г., т. CVI, июнь, 459, т. CVII, сент., 535, 536.
- Криднеръ, бар., Пав. Алексѣевъ,** повѣрен. въ дѣлахъ въ Швейцаріи 1817, т. CVII, сент., прил., 124.
- Криднеръ, ген.** 1877 г., т. CVI, июнь, 617.
- Крижанничъ, Юрій** (въ иноч. Августинъ), т. CV, февр., 382.
- Криницкій, священ.** 1818 г., т. CVII, авг., 230.
- Кроткая, Марѳа Яковлевна,** т. CVII, авг., 428.
- Круавель, артистка** 1845 г., т. CVII, окт., 131.
- Кругъ, Филип. Ив.,** акад., р. 1764 † 1844 г., т., CVI, апр., 134, т. CVIII, нояб., прил., 167.
- Крувентернъ, Ив. Ѳед.,** адм., р. 1770 † 1846 г., т. CVI, июнь, прил., 66.
- Крыловъ, Ив. Андреевъ,** баснописецъ, р. 1768 † 1844 г., т. CV, янв. 134, 139, февр., 386, мартъ, 731, т. CVII, июль, 104.
- Кубасовъ, Ив.,** сообщ.: „Александръ Ефимовичъ Измайловъ 1779—1831 гг.“, т. CV, янв., 133—145, фавр., 451—469, „Несторъ Васильевичъ Кукольникъ и его письма“, мартъ, 685—710, „Письмо И. С. Тургенева къ К. Д. Кавелину объ обществѣ распространения грамотности“, т. CVI, апр., 76, „Театральныя интриги въ 1822 г. В. А. Каратыгинъ и П. А. Катенинъ“, т. CVIII, нояб., 293—304.
- Кубе, Леонт. Ив.,** лифлянд. вице-губ., 1822 г., т. CVI, июнь, прил. 72.
- Кублицкій, полковн.** 1844 г., т. CV, февр., 304.
- Кудашевъ, партизанъ** 1812 г., т. CV, янв., 114, 128, февр., 368, 372, 380, т. CVII, авг., 419, 425.
- Кудряшевъ, писат.** 1826 г., т. VI, февр., 466.
- Кувольникъ, Васил. Григ.,** профес., † 1821 г., т. CVI, июнь, прил., 68.
- Кукольникъ, Несторъ Васил.,** р. 1809 † 1868 г., т. CV, янв., 212, 213, мартъ, 685—710, т. CVI, май, июнь, прил., 68, 410, т. CVIII, окт., 112.
- Кукольникъ, д. ст. сов.,** предсѣд. виленск. археогр. комис. 1862 г., т. CVII, авг. 437.
- Куломаннъ, А. Н.,** 1901 г., т. CVIII, нояб., 460, 463.
- Кульчицкій, 1842 г.,** т. CVII, сент., 483.
- Кумани, контръ-адм.** 1828 г., мартъ, 510.
- Кунцъ, всендъзъ, настоят. Черновецъ.** костела 1776 г., т. CVI, май, 225—233.
- Кунинъ, А. А.,** акад., 1856 г. т. CVIII, дек., 509.
- Купряновъ, адм.** 1831 г., т. CV, янв., 167.
- Купферъ, А. Я.,** акад. 1814 г., т. CV, янв., 12, т. CVII, июль, 51, т. CVII, дек., 514, 515.
- Куранинъ, кн.,** Александръ Борисовъ, мин. ин. дѣлъ, посолъ въ Вѣнѣ, Парижѣ, р. 1752 † 1818 г., т. CV, янв., 67, 72, 227, 228, февр., 429, 430, 431, т. CVI, май, 445, т. CVII, сент., 517, т. CVIII, нояб., 247, 249, 252.
- Куранинъ, кн.,** Алексѣй Борисовъ, ген.-прокур., р. 1750 † 1829 г., т. CV, янв., 65, 67, февр., 338, т. CVII, сент., 453, 642, т. CVIII, окт., 23, 81, 196, 199, нояб., 403, 410, 412, 421.
- Куранинъ, кн.,** Ив. Семен., т. CVIII, нояб., 426.
- Курбаковскій, омскій вице-губернат.** 1881 г., т. CV, янв., 186.
- Курбскій, кн.,** 1570 г., т. CVIII, нояб., 424.
- Курлятевъ, кн.,** Ив. Конст., 1623 г., т. CVIII, нояб., 425.
- Курнатовскій, директ. Виленск. гимназіи** 1863 г., т. CV, февр., 313.
- Куровскій, Е. А.,** 1901 г., т. CVIII, нояб., 459.

Куропаткинъ, Алексѣй Никол., ген.-отъ-инфант., воен. мин., т. CVI, июнь, 595, 604, 613.

Кустодиевъ, свящ. 1867 г., т. CVIII, нояб., 277.

Кутайсовъ, Из. Павлов., камерд. Павла I, об. гофмарш. 1800 г., т. CV, янв., 66, 67, февр., 335, 344.

Кутайсовъ, гр., † 1812 г., т. CV, янв., 104.

Кутневичъ, гл. священ. арміи и флота 1850 г., т. CVI, май, 279, 282.

Кутузовъ, кн. Мих. Илар., фельдм., р. 1745 † 1813 г., т. CV, янв., 104—128, февр., 362—379, 419, 435, мартъ, 603, 604—608, 647—649, 653, т. CVI, апр., 52, 176, т. CVII, июль, 9.

Кушелевъ, гр., адм. 1800 г., т. CV, янв., 66, 67.

Кушелевъ, гр., ген.-лейт. 1852 г., т. CV, мартъ, 561, 562.

Кушелевъ-Везбородко, гр., Григ., Алексан., почетн. попечит. Лицея кн. Безбородко съ 1858 г., р. 1832 † 1870 г., т. CV, мартъ, 709, 710.

Кушелевъ-Везбородко, гр., сенат., 1852 г., т. CV, мартъ, 562.

Кушкинниковъ, книгопродав. 1841 г., т. CV, янв., 22—25.

Кюхельбекеръ, В. К., декаб., т. CV, февр., 439, мартъ, 578, 685, 738.

Кюхельбекеръ, М., т. CV, февр., 439, мартъ, 738.

Л.

Лабенковій, послан. въ Дармштадтъ, 1865 г., т. CVII, сент., 535.

Лабзина, Анна Евдокимов. р. 1758 г., † 1827 г., т. CVII, июль, 178, 179, 180.

Лабзинъ, Александр. Ѳед., вице-презид. акад. худ. 1812 г., т. CV, февр., 342, т. CVI, апр., 158, 159, т. CVII, июль, 173—180.

Лаблашъ, пѣвецъ, 1845 г., т. CVIII, дек., 589.

Лаваль, гр-ня, А. Г. см. Корицкая. **Лаваль, гр.**, Из. Ст., камергеръ, † 1846 г., т. CVI, июнь, прил., 68.

Лавицкий, Андрей, иезуитъ, 1604 г., т. CV, янв., 203, 204, т. CVIII, окт., 160, 184, дек., 614, 628.

Лавровская, пѣвица 1850 г., т. CVIII, окт., 127.

Лагарпъ, Фредерикъ-Сезаръ, воспит. Александра I, р. 1754 † 1838 г., т. CV, янв., 55, февр., 347, 352, т. CVI, июнь, 450, т. CVII, авг., 284; т. CVIII, нояб., 308, 314.

Лазаревъ, Григ. Из., чиновн., 1814 г., т. CVII, авг., 432.

Лазаревъ, Из. Давид., ген.-ад., т. CVI, май, 418.

Лазаревъ, Мих., Петр., адм., т. CV, мартъ, 639, CVI, май, 394.

Лазаревъ, Яковъ Давид., шт.-кап. Дагест. пол. 1854 г., т. CVI, май, 417—426.

Лазаревъ, полковн. 1859 г., т. CVII, авг., 388, т. CVIII, нояб., 342.

Ламанский, Е. И., чл. редакц. комисс., т. CVIII, нояб., 459, 460.

Ламбертъ, гр., тайн. сов., 1826 г., т. CVIII, дек., 681.

Ламдорфъ, воспитат. Николая I, ген., 1814 г., т. CVI, июнь, 449, 450, 456, 472, 483, т. CVII, июль, 19.

Ланжеронъ, гр., ген., 1828 г., т. CV, февр., 265, 279, мартъ, 504, т. CVII, июль, 208, т. CVIII, дек., 467—483, 570.

Ланская, З. С., см. Враская.

Ланской, ген., 1812 г., т. CV, мартъ, 567—672, т. CVI, апр., 177—195, май, 427—441, июнь, 644, 648, 662, т. CVII, июль, 211.

Ланской, мин. вн. дѣлъ, т. CVI, май, 353, 358, 359.

Лаптевъ, прапорщ., 1819 г., т. CVIII, дек., 482.

Лачиновъ, полковн., 1812 г., т. CVIII, нояб., 434, 435.

Лашваревъ, С. С., предсѣд. комит. грамотности, 1861 г., т. CVI, апр., 76.

Левенштернъ, бар., Влад. Из., генер., р. 1777 г., † 1858 г., его записки, т. CV, янв., 103—128, февр., 361—381, мартъ, 647—672, т. CVI, апр., 177—195, май, 427—444, июнь, 643—668, т. CVII, июль, 205—224, авг., 405—424, т. CVIII, нояб., 431—457, дек., 688—699.

Левенштернъ, бар., Георг. Из., оф., 1812 г., т. CVIII, нояб., 450, дек. 697.

Левинскій, ген. 1877 г., т. CVI, июнь, 623.

Левшинъ, тов. мин. вн. дѣлъ, 1858 г., т. CVI, апр., 72.

Лейтонъ, Из. Из., лейбъ-мед. 1817 г., т. CVI, июнь, прил., 65.

Ленкинъ, Ѳ. И., писат., 1809 г., т. CV, янв., 134.

Леоновъ, пѣвецъ, 1850 г., т. CVIII, окр., 127.

Леонть, еписк., 1862 г., т. CVII, авг., 251.

Леонтьевъ, Пав. Мих., профес., † 1875 г., т. CVIII, нояб., 273.

Лекский, поэтъ, 1841 г., т. CV, февр., 407.

- Ленцъ, акад., 1856 г., т. CVIII, дек., 499.
- Лепарский, Станисл. Романов., комед. члтинск., острога, т. CV, янв., 188, мартъ, 674.
- Лепехинъ, Ив. Ив., секрет. акад. наукъ, 1819 г., т. CVII, авг., 362.
- Лербергъ, А. X., акад., р. 1770 † 1813 г., т. CVI, апр., 133, 134.
- Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писат., р. 1814 † 1841 г., т., CV, февр., 359, т. CVIII, сент., 482, 486, т. CVIII, окт., 135, нояб., 325, т. CVIII, дек., 529—532.
- Лернеръ, Никол., сообщ. „Удаление В. И. Даля изъ Николаева“, т. CVII, июль, 169—170, „Нѣскольکو новыхъ словъ о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—51 г.г.“, т. CVIII, нояб., 323—326. „Три молитвы“, т. CVIII, дек., 529—532.
- Лерхе, валужск. губернат., т. CVII, авг., 381.
- Лесовскій, чл. Госуд. Сов. 1882 г., т. CV, янв., 194.
- Лефевьеръ, членъ хозяйствен. экспедиц., 1795 г., т. CVIII, окт., 203, 204.
- Лешковъ, профес., 1867 г., т. CVIII, нояб., 273.
- Лжедмитрій, см. Дмитрій Самозванецъ.
- Ливень, гр., Христоф. Андр., 1810 г., т. CVIII, нояб., 260.
- Ливень, гр-ня, Дарья Христоф., рожд. Бенкендорфъ, т. CVII, июль, 10, т. CVIII, дек., 567.
- Ливень, гр-ня, Шарлотта Карл., воспит-ца дочерей Павла I, т. CV, февр. 413, 414, т. CVI, май, прил., 57, 64, июнь, прил., 65, т. CII, июль, 16, 19.
- Ливень, вн. Карлъ Андр., попеч. Дерпт. учебн. окр. р. 1767, † 1845 г., т. CVI, 163, авг., 239, 240, сент., 643—666.
- Ливень, гр. Христ. Андреев., посолъ въ Лондонъ, р. 1814 г., † 1838 г., т. CVI, июнь, 469, 470, т. CVII, июль, 8.
- Ливень, ген-ад. 1801 г., т. CVIII, дек., 466, 477, 681.
- Лилленфельдъ-Тоаль, П. О., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Лининъ, инж., пут. сообщ., т. CVI, июнь, 484.
- Лисаневичъ, ген., 1812 г., т. CVI, май, 441, 442.
- Лисовскій, майоръ, 1812 г., т. CV, февр., 366, 367.
- Лисанскій, адм., 1890 г., т. CVII, июль, 149.
- Литке, Фёд. Петр., адм. презид. акад. наукъ, т. CVIII, дек., 495, 516, 528.
- Лихачевъ, Н. П., т. CVIII, нояб., 428.
- Лихачевъ, ген., 1812 г., т. CV, янв., 104.
- Лобановъ-Ростовскій, вн., Алексій Борисов., мин. ин. дѣлъ, р. 1824, † 1896 г., т. CVIII, окт., 76.
- Лобановъ-Ростовскій, вн., Алексій Яковл., ген-ад., р. 1795 † 1848 г., т. CVI, прил., 69.
- Лобановъ-Ростовскій, вн., Дм., Ив., мин. истц., 1825 г., т. CVI, май, 307—311.
- Лобачевскій, Н. И., профес., геометръ, т. CVI, июнь, 634.
- Ловичъ, княг., Жанета Антонов., р. 1795 † 1834 г., г. CV, мартъ, 621.
- Лодеръ, Христіанъ Ив., профес. анатомъ, р. 1753 † 1832 г., т. CVI, май, прил., 61.
- Ломоносовъ, Мих. Вас., писат., р. 1711 † 1765 г., т. CV, янв., 49, т. CVII, июль, 162, авг. 362, 364.
- Ломтевъ, художн., 1845 г., т. CVII, сент., 477.
- Лонгиновъ, Никол. Мих., чл. Гос. Сов., † 1853 г., т. CVI, июнь, прил., 66, 70, т. CVIII, дек., 527.
- Лопухина, въ зам. княг. Гагарина, т. CV, февр., 334, 335.
- Лопухинъ, Ив. Влад. масонъ, р. 1756 г. † 1816 г., т. CVI, май, прил. 38, т. CVII, авг., 431.
- Лопухинъ, вн., Петръ Васильев., ген-прокур., 1800 г., т. CV, февр., 335, т. CVI, май, 267, т. CVIII, окт., 14, 21, 35.
- Лопухинъ, вн., ярослав. губерн., 1800 г., т. CV, янв., 67, т. CVIII, дек., 568.
- Лорисъ-Меликовъ, гр., Мих. Тариел., ген-ад., т. CV, янв., 157, 160.
- Лоссовскій, архитект. 1881 г., т. CV, янв., 151.
- Ложницкій, Кодратъ Андр., чиновн., р. 1774 † 1843 г., т. CVII, июль, 175—178.
- Лувановъ, профес., сообщ. „Выговоръ императора Павла I генералъ-аудиторіату“, т. CVII, авг., 239—240.
- Лукинъ, Мих. Серг., декаб., † 1846 г., т. CV, янв., 192, февр., 438.
- Львовъ, Н. А. чл. экспедиц. госуд. хозяйства, р. 1797 г., † 1803 г., т. CVIII, 412, 414.
- Львовъ, Фёд. Никол., участн. въ дѣлѣ Петрашевскаго, т. CVI, апр., 171—175.
- Львовъ, акад. архитект., 1853 г., т. CVI, июнь, 572.
- Львовъ, членъ хозяйствен. экспедиц., 1797 г., т. CVIII, окт., 203.
- Любощиновскій, Маргъ Ник., об-про-

кур. Сената 1862 г., т. CV, янв., 193, т. CVIII, нояб., 461.
Люджеръ, Альбертъ Альбертовъ, чиновн. 1856 г., т. CVIII, дек. 502.

М.

Магницкій, Мих. Леонтьевъ, попочит. Каванск. учебн. окр., р. 1778 г., † 1844 г., т. CV, февр., 355, 357, мартъ, 679—684, т. CVI, апр., 154, май, 375, 376, 382, 385, т. CVII, июль, 166, т. CVIII, окт., 31.

Магометь-Шефъ, ген., сынъ Шамиля, т. CVII, авг., 367—389.

Маевскій, кн. 1812 г., т. CVIII, дек., 468.

Мазепа, т. CVI, апр., 151—152.

Майковъ, Апол. Алексд., т. CVIII, нояб., 294, 295, 296, 380, 381.

Майковъ, Леонидъ Никол., академикъ, † 1900 г., т. CV, янв., 21, 22.

Майхровский, Я. О., учит., 1856 г., т. CVI, апр., 60.

Мавовъ, мин. вн. дѣлъ, т. CV, мартъ, 572.

Мавсимовъ, артистъ, т. CVIII, окт., 119, 120, 125.

Мавсимъ Грехъ, т. CVII, авг., 362.

Македонецъ, 1801 г., т. CVIII, дек., 481.

Малиновскій, Алексій Фед., управл. моск. архивомъ мин. вн. дѣлъ, † 1840 г., т. CVII, авг., прил., 101, сент., прил., 124.

Маловъ, Стефанъ, священ., 1865 г., т. CVII, сент., 544.

Мальтицъ, бар., Францъ Петровъ, послан. въ Гаагъ, р. 1798 г., † 1857 г., т. CVI, июнь, прил., 78.

Мальцевъ, Алексій, протоиер., сообщ. Письмо имп. Павла ландъ-графу Гессенъ-Дармштадскому о бракосочетаніи вел. кн. Александры Павловны, 1799 г., т. CV, февр., 282.

Мальцевъ, флот. оф. 1881 г., т. CV, янв., 175.

Мальцовъ, секрет. посольства въ Персію, † 1829 г., т. CV, мартъ, 511.

Малютинъ, ген. команд. измайловск. пол. 1801 г., CVIII, дек., 472.

Мамоновъ, гр., декаб., т. CVII, авг., 271, гр., т. CVIII, дек., 654, 658.

Манасеинъ, Вл. С., сообщ. „Федоръ Николаевичъ Львовъ“, изъ воспоминаній Ив. Ив. Венедиктова, т. CVI, апр., 171—175.

Мардарьевъ, М., сообщ.: „Рескриптъ имп. Александра I—мин. вн. дѣлъ кн. Куракину объ уменьшеніи расходовъ на 1810 г.“, т., CVII, сент., 642.

Маржереть, т. CVII, июль, 114, 143.
Маріо, пѣвецъ 1847 г., т. CVIII, дек., 587, 588.

Марія Александровна, императрица т. CV, мартъ, 548, т. CVI, апр., 62, 67, июнь, 499, 500, 505, т. CVII, сент., 537, 542, т. CVIII, нояб., 280—290, т. CVIII, дек., 556.

Марія Александровна, вел. княг., въ зам. герцогиня Эдинбургская, т. CV, мартъ, 527.

Марія Максимилиановна, вел. княгиня, въ зам. принцесса Баденская, т. CVII, сент., 538.

Марія Николаевна, вел. княг., въ супруж. герцогиня Лейхтенбергская, р. 1819 г., † 1879 г., т. CV, янв., 27, 33, мартъ, 534, 549, т. CVI апр., 169, май, 278, 284, 286, июнь, 501, 505, 507, прил., 66.

Марія Θεодоровна, императрица, р. 1759 г., † 1828 г., т. CV, янв., 27—39, 129—131, 146, февр., 266—275, 334, 346, 354, 356, т. CVI, апр., 36, 61, май, прил. 52, июнь, 450—472, прил. 66—79, 88, т. CVII, июль, 15—27, авг., 226—236, сент. 542, т. CVIII, окт. 73—79, 196, нояб., 241, 307—322, 392, прил. 147, 161, 162, 164, т. CVIII, дек., 562, 567, 569, 571, прил., 177.

Марія Павловна, вел. кн., въ супруж. герц. Саксен-Веймарская, р., 1786 г., † 1859 г., т. CV, февр., 303, мартъ, 526, 666, т. CVI, май, 278, июнь, 449, 503, 504, т. CVII, июль, 6, т. CVIII, нояб., 277, прил., 161, 166, 167.

Маршвицъ, В. П., писат., т. CVII, сент., 483.

Маршвицъ, преподат., 1814 г., т. CVI, июнь, 463.

Марковецкій, артистъ, т. CVIII, окт., 121.

Марковъ, команд. л.-гв. уланск. пол., 1842 г., т. CVII, сент., 493.

Марковъ, Аркадій, 1795 г., т. CVI, апр. 45.

Маргусъ, В. М., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.

Мартосъ, ст. сов. 1811 г., т. CVI май, 446, 447.

Маргъиновъ, Н. С., т. CVIII, нояб., 325.

Маргъиновъ, артистъ, т. CVIII, окт., 121, 122, 123, 134, 135.

Маргъиновъ, 1862 г., т. CVIII, дек., 573.

Марченко, М. К., сообщ.: „Какъ и чему учился царевичъ Алексій Петровичъ“, т. CV, т. CV, мартъ, 517—520, „Извѣна Мазепы. Письмо кн. Матв. Гагарина къ кн. А. Д. Меншикову“, т. CVI, апр. 151—152, „Дун-

- ное затмевіе въ началѣ 18 вѣка,
май, 312, „Собственноручное письмо
Бор. П. Шереметева къ кн. А. Д.
Меншикову, 368.
- Марченко, В. Р.**, ст.-секрет. 1817 г.,
т. CV, янв., 102, т. CVI, май, 369—
371, т. CVIII, окт., 14.
- Марае, царика, 1604 г.**, т. CVI, май,
341, т. CVII, июль, 132, 133, 134, т.
CVIII, окт., 167, 174—176.
- Масловичъ, докт. изящн. наукъ,**
1828 г., т. CVII, сент., 649.
- Масловъ, 1842 г.**, т. CVII, сент., 483.
- Матвѣевскій, священ. 1857 г.**, т. CVI,
апр., 66, май, 306.
- Матюшкина, гр-ня, Анна Алек.,**
177 г., т. CVII, сент., 577, т. CVIII,
окт., 201.
- Мацѣевскій, епископъ Краковскій,**
1604 г., т. CVI, июнь, 528, т. CVII,
авг., 357, сент., 585—589, 608, 614,
т. CVIII, окт., 190.
- Межовъ, В. И., библиографъ, т. CVII**
июль, 107.
- Мезецкій, кн. Никита Мих., воевода**
1620 г., т. CV, мартъ, 712.
- Мейндорфъ, бар., послан. въ Стут-**
гартъ, 1854 г., т. CV, мартъ 552,
т. CVI, июнь, 483, т. CVII, сент.,
560.
- Мезешинъ, Матв. Петров., квартирм.**
Преобр. пол. 1850 г., т. CV, мартъ,
575, 576.
- Мелижовъ, кн., ген.-лейт., команд.**
войск. Дагест. обл. 1854 г., т. CVI,
май, 425.
- Медлеръ-Закомельскій, ген., 1812 г.,**
т. CV, янв., 116, 117.
- Мельгунова, въ зам. Панаева, т. CVII,**
авг., 313—320.
- Мельгуновъ, Алексд. Ермолаевичъ,**
майоръ, т. CVII, июль, 179.
- Мельгуновъ, Никол. Алексд., писат.,**
р. 1804 г., † 1867 г., т. CVII, июль,
179, сент., прил., 120.
- Мельниковъ, А. А., 1901 г.**, т. CVIII,
нояб., 460.
- Мельниковъ, инж. мин. пут. сообщ.,**
1845 г., т. CVI, июнь, 474, 483, 490,
т. CVII, июль, 31—66.
- Мельниковъ-Печерскій, В. И., шк-**
сат., т. CVII, июль, 169, 170.
- Менгденъ, бар., В. М. 1901 г.**, CVIII,
нояб., 460.
- Менделѣвъ, профес. 1867 г.**, т. CVIII,
нояб., 283.
- Меншиковъ, кн., Александ. Давид.,**
генералиссимусъ, р. 1673 г., 1729 г.,
т. CV, мартъ, 518—560, т. CVI, апр.,
152, май, 368.
- Меншиковъ, кн., Александ. Сергѣев.,**
морск. мин., род. 1787 г., † 1869 г.,
т. CV, янв., 27—36, 41, мартъ, 590,
т., CVI, апр., 14, 21, 22, июнь, 484, т.
CVII, июль, 25, 26, авг., 235.
- Мердеръ, А., сообщ.: „Бердичевъ въ**
въ сороковыхъ годахъ“, т. CVI, апр.,
119—121, „Еврейскій самосудъ“,
май, 348, „Послѣдствія невнученаго
урока музыки“, 414, „Неприсвоен-
ный званию костюмъ мировыхъ по-
средниковъ“, „Жидовскіе кумиры“,
июнь, 496, „Къ работамъ администра-
ціи Ю.-З. края о помѣщичьихъ
крестьянахъ“, т. CVII, июль, 110,
„Сіонисты въ 30-хъ годахъ“, 150,
„Публичные разговоры о свободѣ,
съ точки зрѣнія столичной и мѣст-
ной“, ав., 360.
- Мерзляковъ, Алексій Ѳед., профес.**
† 1830 г., т. CVI, апр., прилож.
10, май, прил., 38, 57, т. CVII, июль,
181.
- де-Местръ, Жозефъ, диплом. 1812 г.,**
т. CVIII, окт., 26, нояб., 251, т.
CVIII, дек., 468.
- Мещеринова, Вѣра Дм., т. CV, янв.**
186.
- Мещеринновъ, Григ. Васил., омскій**
ген.-губ. 1881 г., т. CV, янв., 186.
- Мееодій, архимандр. москов. Новоспас.**
монаст. 1819 г., т. CVII, авг., 362.
- Миддендорфъ, А. О., акад. 1855 г.**, т.
CVIII, дек., 497—503.
- Миклашевскій, декабр., т. CVIII,**
окт., 208, 209, дек., 656.
- Милоновъ, М. В., писатель 1809 г.,**
CV, янв., 139, февр., 456.
- Милорадовичъ, гр., Мих. Андреев.,**
ген.-губ. съ 1813 г., р. 1770 г., †
1825 г., т. CV, янв., 78, 109—128,
февр., 362—373, мартъ 604, т. CVI,
апр., 188—196, май, 427—493, прил.,
57, т. CVIII, нояб., 294—304, 331.
- Милютинъ, Борисъ Алексѣевичъ,**
управл., Забайкальск. обл., т. CV,
янв. 157.
- Милютинъ, Дм. Алексѣев., воен. мин.,**
т. CVI, май, 426, т. CVII, июль,
148.
- Милютинъ, Никол. Алексѣев., т. CVII,**
сент., 572, т. CVIII, нояб., 461, 462,
463, 464.
- Милютинъ, Юр. Н. 1901 г.**, т. CVIII
нояб., 460, 462.
- Мининъ, 1610 г.**, т. CVI, май, 445—
447.
- Мирва-Якубъ, управл. казначейств.**
въ Персіи 1820 г., т. CVIII, окт.,
48—68.
- Мирковичъ, Ѳ. Я., т. CVIII, дек.,**
470, 471, 477.
- Мисаилъ, Паволитъ, монахъ Чудова**
мон. 1604 г., т. CVIII, дек., 607, 609,
Мирскій, ген. 1877 г., т. CVI, июнь,
595—609.

- Митяевъ**, декабр., т. CVI, май, 256, 262, т. CVIII, окт., 209, нояб., 338, дек., 656
- Михайловскій-Данглевскій**, Алек. Ив., воен. историкъ, † 1848 г., т. CV, мартъ, 717 — 724, т. CVI, апр., 7, 8, 9, июнь, 458, т. CVII, авг., 234, 235.
- Михайловъ**, художн. 1845 г., т. CVII, сент., 468.
- Михайловъ**, директ. мин-а вн. дѣлъ 1824 г., т. CV, февр., 385.
- Михаилъ Николаевичъ**, вел. князь, т. CVI, апр., 60, 63, 66, май, 425.
- Михаилъ Павловичъ**, вел. кн., р. 1798 г., † 1849 г., т. CV, янв., 32, февр., 286, мартъ, 513, 534 566, 567, 573, т. CVI, май, прил., 61, июнь, 449 — 458, 479, 483, т. CVII, июль, 15 — 28, 177, прил., 84, авг., 226, 236, т. CVIII, нояб., 400, прил., 161, 169.
- Михаилъ Теодоровичъ**, царь, т. CVI, апр., 99, т. CVIII, нояб., 363, 364, 365, 369, т. CVIII, дек. 611.
- Мицуль**, М. С., агрономъ 1881 г., т. CV, янв., 163.
- Модежъ**, гр. Гавр. Францов., гоф-марш., вел. кн. Николая Павловича, р. 1774 г., † 1833 г., т. CVI, май, прил., 57, июнь, прил., 75, т. 75, т. CVII, ав., 227.
- Минишевъ**, Марина, т. CV, янв., 197 — 208, т. CVI, апр., 83 — 118, май, 313 — 397, июнь, 523 — 560, т. CVII, июль, 111 — 144, авг., 323 — 359, сент., 579 — 621, т. CVIII, окт., 159 — 192, нояб., 343 — 369, декаб. 603 — 613.
- Минишевъ**, Станиславъ, т. CVII, сент., 619.
- Минишевъ**, Юрій, воевода сендомірскаго 1604 г., т. CV, янв., 199 — 201, т. CVI, апр., 83 — 118, май, 313 — 347, июнь, 523 — 560, т. CVII, авг., 336, 343 — 346, сент., 582 — 621, т. CVIII, окт., 160 — 192, нояб., 343 — 369, дек., 603, 604 — 627.
- Моджаевскій**, Б., сообщ.: „Изъ архива И. Е. Великопольскаго“, т. CVI, июнь, 625 — 641, т. CVII, июль, 171 — 186, авг., 427 — 435.
- Моисеева**, Надежд. Серг., см. Великопольская.
- Моисеевъ**, Алексѣй Теодоров., помѣщ. 1840 г., т. CVI, июнь, 634.
- Моисеевъ**, Васи. Алексѣев., драгоманъ въ Константиноп. 1834 г., т. CVI, июнь, 634.
- Моисеевъ**, Никол. Алексѣев., ст. сов. 1845 г., т. CVI, июнь, 634.
- Мойеръ**, Марья Андр., см. Протасова.
- Мойеръ**, И. Ф., профес. 1817 г., т. CVI, июнь, прил., 65.
- Мокрицкій**, художн. 1845 г., т. CVII, 468.
- Моллеръ**, ген. 1853 г., т., CVI, июнь, 583, т. CVII, июль, 25.
- Молоствовъ**, Памф. Христоф., офиц. л.-гв. гусар. пол. 1813 г., т. CVIII, нояб., прил., 174.
- Мольскій**, ген. 1877 г., т. CVI, июль, 609.
- Монбелли**, поруч. 1848 г., т. CVI, апр., 172.
- Мордвиновъ**, гр., Н. С., предсѣд. деп. экономіи 1810 г., т. CVI, апр., 197 — 202, т. CVII, сент., 460, т. CVIII, окт., 21, 27, 37, т. CVIII, дек. 486.
- Мордвиновъ**, С. А., сенат. 1882 г., т. CV, янв., 193, т. CVIII, нояб., 461, 462.
- Моровозъ**, Васи. Петров., бояринъ, т. CV, мартъ, 713.
- Моровозы**, бояре, ихъ родословная, т. CV, мартъ, 713.
- Мочаловъ**, драматич. артистъ 1840 г., т. CVIII, окт., 111, 112, 124, 130.
- Мстиславскій**, кн., Ив. 1550 г., т. CVI, апр., 92.
- Мстиславскій**, Фед., бояринъ, т. CVI, июнь, 548, 551, 552, 553, т. CVI, июль, 112, 113, 126, т. CVIII, нояб., 355.
- Мудрова**, Софья Алексѣев., т. CVII, июль, 178.
- Мудрова**, Софья Матв., см. Великопольская.
- Мудрова**, Софья Харитонов., см. Чеботарева.
- Мудровъ**, Алексѣй Яковл., † 1801 г., т., CVII, июль, 178.
- Мудровъ**, Матв. Яковлевичъ, профес. врачъ, † 1831 г., т. CVI, июнь, 625 — 641, т. CVII, июль, 171 — 186, авг., 427 — 435.
- Музовскій**, протоіер. 1820 г., т. CVII, июль, 12.
- Муравьева**, рожд. гр-на Чернышева, супруга декабриста, т. CV, янв., 188.
- Муравьевъ**, Алексан. Никол., декаб. нижегород. губернат. 1857 г., т. CVI, май, 277, 349 — 361, т. CVII, авг., 270 — 280, сент., 630 — 633, 546 — 554, т. CVIII, окт., 93.
- Муравьевъ**, Матвѣй, декабр., т. CVII, сент., 628, т. CVIII, окт., 211, 212, 219, 220, дек., 657, 658, 674, 675.
- Муравьевъ**, Мих. Никитичъ, товар. мин. нар. проsv., попечит. Москов. ун-в., сенат., писат., р. 1757 г., † 1808 г., т. CV, янв., 97, 252, 253, 255, т. CVI, май, прил., 49.
- Муравьевъ** (Виленскій), Мих. Никол., р. 1796 г., † 1866 г., т. CV, февр., 304 — 320, т. CVI, май, 350,

- июнь, 508, 509, т. CVII, авг., 272, 274, 379, 437—439, сент., 635.
- Муравьевъ, Н. В.**, ст. сов. 1882 г., т. CV, янв., 193.
- Муравьевъ, Никита**, декабр., т. CV, февр., 439, т. CVI, май, 240, 255, 256, 260, т. CVII, авг., 270, сент., 628, 639, т. CVIII, окт., 207—219, дек., 655—674.
- Муравьевъ, Никол. Назарьев.**, писат. археол., р. 1775 г., † 1845 г., т. CV, янв., 97, 254.
- Муравьевъ, Амурской, гр., Никол. Никол.**, ген.-губ. В. Сибири, т. CV, янв., 151, 185, 193, февр., 444, 445, 494, мартъ, 641—643, т. CVII, апр., 31, 175.
- Муравьевъ (Карский), Никол. Никол.**, т. CVI, июнь, 576.
- Муравьевъ, Анатол. Серг.**, дек., т. CVII, сент., 628—631, т. CVIII, дек., 669, 670.
- Муромцовъ, М. М.**, т. CVIII, дек., 485, 486.
- Мусинъ-Пушкинъ, гр., Алексѣй Ив.**, р. 1744 г., † 1817 г., т. CVII, авг., 429, 430.
- Муханова, М. Д. см. Олсуфьева.**
- Мухановъ, А. С.**, дипломатъ 1858 г., т. CVI, июнь, 510.
- Мухановъ, В. И.**, т. CVIII, окт., 229.
- Мухановъ, Серг. Ильичъ, об.-штабл.**, т. CVI, май, прил., 57.
- Мызниковъ, Василий Яковл.**, адъют. 1831 г., т. CV, февр., 406, 407.
- Мылишевскій, А. З.**, т. CVIII, нояб., 407.
- Мышлаевскій, А. З.**, т. CVIII, нояб., 294.
- Мюленксъ, бар.**, 1858 г. т. CVI, май, 299.
- Наполеонъ III**, императоръ, т. CVII, июль, 67—76.
- Нарышкина, Анна Никитич.**, рожд. Румянцева, статсъ-дама, 1773 г., т. CVII, сент., 577 578,
- Нарышкина, М. М.**, т. CV, февр., 443, мартъ, 738.
- Нарышкина, Марія Антонов.**, т. CVI, апр., 165.
- Нарышкинъ, А. А.**, 1901 г. т. CVIII, нояб., 460.
- Нарышкинъ, Дм.**, оф. 1812 г., т. CVIII, нояб., 444.
- Нарышкинъ, Кирилъ Алекс.**, гоф-марш. в.-кн. Николая Павловича, т. CVI, май, прил. 56, т. CVI, авг., 227.
- Нарышкинъ, Левъ**, полковн. 1813 г., т. CV, мартъ, 635, 657, т. CVI, апр., 176, т. CVII, авг., 418, 420, 422.
- Нарышкинъ, полковн.**, декабр., т. CVIII, окт., 208., 209, т. CVIII, дек., 656.
- Наталія Алексѣевна (принцесса Вильгельмина Гессенъ-Дармштадтская)**, супруга Павла I, т. CVII, сент., 577, т. CVIII, окт., 72, нояб., 306.
- Наумовъ, кап. 1 ранга** 1881 г., т. CV, янв., 167.
- Нахимовъ, Пав. Степ.**, адмир., р. 1803 г. † 1853 г., т. CV, янв., 212, мартъ, 639, т. CVI, май, 395, 396.
- Невзоровъ, Максимъ Ив.**, масонъ, р. 1763 † 1827 г., т. CVII, авг., 430—434.
- Негрл, Александръ Ѳед.**, чиновникъ коллег. ин. дѣлъ, р. 1784 † 1854 г., т. CVIII, дек., прил., 180.
- Нежрасовъ, Никол. Алексѣев.**, писат., т. CVII, сент., 482—506, т. CVIII, нояб., 380, 381.
- Нелединская-Мелецкая, Софья Юрьевна**, въ зам. Самарина, фрейлина 1817 г., т. CVII, май, прил. 58.
- Нелединскій-Мелецкій, Ю. А.**, т. CVII, июль, прил., 85.
- Неллдова, Екат. Ив.**, фрейлина, т. CV, янв., 67, февр., 334, т. CVI, май, прил., 57, т. CVII, июль, 22, т. CVIII, окт., 81, 82, нояб., 308, т. CVIII, дек., 568—571.
- Непошойщипцкій, ген.** 1877 г., т. CVI, июнь, 616., 617, 623.
- Нератовъ, А. И.**, 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Нессельроде, гр-ня, рожд. гр. Гурьева**, 1828 г., т. CV, февр., 272, март., 507.
- Нессельроде, гр., Карлъ Вас.**, канц., р. 1780 † 1862 г., т. CV, янв., 43, 229, февр., 272, мартъ, 511, 516, 655, 724, т. CVI, апр., 9—22, май, 226—274, июнь, 470, 471, 570, 656, т. CVII, июль, 9, 18, 72—74, сент.,

Н.

- Набоковъ, коменд. слб. крѣп.**, 1848 г., т. CVI, апр., 174.
- Нагая, Марія, жена Иоанна IV**, т. CVI, апр., 100, 102, 107, т. CVIII, дек., 622.
- Нагой, М. А.**, воевода 1585 г., т. CV, мартъ, 712, т. CVI, апр., 103—105.
- Нагумовичъ, Л. Я.**, д-ръ мед., чл. медиц. учен. комит., р. 1799 † 1853 г., т. CVI, июнь, 639., 640, т. CVII, июль, 171.
- Надеждинъ, Никол. Ив.**, профес., т. CV, янв., 137, т. CVI, май, 407.
- Назимовъ, Влад. Ив.**, попеч. Моск. унив. 1855 г., ген.-губ. С.-З. края, 1860 г., р. 1802 † 1874 г., т. CV, февр., 307, мартъ, 572, 573.

- 666, т. CVIII, нояб., 247—253, прил., 163, дек., прил., 188.
- Никитенко**, Александр. Васил, проф., т. CV, мартъ, 685, 686, т. CVI, июнь, 634, т. CVIII, дек., 499, 500, 517.
- Никитинъ**, ген. 1812 г., т. CVI, июнь, 647.
- Николаи**, бар. Людвигъ-Генрихъ, презид. акад. наукъ 1802 г., р. 1737 † 1820 г. т. CV, янв., 9.
- Николай**, бар., Павел. Андреев., 1814 г., т. CVI, июнь, 469, т. CVII, июль, 6.
- Николай I**, императоръ, р. 1796 † 1855 г., т. CV, янв. 20, 27—46, 97, 98, февр., 257, 263—281, 353, 441, 492, мартъ, 497—516, 522—558, 571—574, 622, 632, 635, 673—680, т. CVI, апр., 5—40, 53—75, май, 233, 282—311, 378, 383, 415, прил. 58—63, июнь, 449—483, 491—495, 568, 569, прил. 61, 67, 75, т. CVII, июль, 5—29, 35, 36, 51—55, 67—76, 151—167, авг., 225—238, 266, 395—404, прил. 100, сент., 465—479, 487, 644—668, прил. 115, т. CVIII, окт., 90, нояб., 270, 287, прил. 169, дек., 528, 538, 551, 579, 580, 681, 682, прил., 178, 187, 189.
- Николай Александровичъ**, вел. кн., цесаревичъ, т. CVI, апр., 62, май, 361, июнь, 499, т. CVII, сент., 533, 535, 541, т. CVIII, дек., 556.
- Николай Максимовичъ** герцогъ Лейхтенбергскій, т. CV, мартъ, 549, т. CVI, июнь, 498.
- Николай Николаевичъ**, вел. князь, т. CVI, июнь, 596, 597, 600, 601, 623, т. CVII, сент., 543, 550.
- Никольскій**, П. А., переводч., 1809 г., т. CV, янв., 134, 138, 139, 140, 144.
- Никонъ**, патриархъ, т. CV, янв., 69, 71., 238, т. CVI, май, 378.
- Никотинъ**, д. ст. сов. 1864 г., т. CVII, авг., 437.
- Низулинъ**, Серг. Алексѣев., т. CVIII, дек., прил., 192.
- Нильсонъ**, пѣвица, 1873 г., т. CVIII, дек., 590, 591.
- Новиковъ**, И. А., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Новиковъ**, Никол. Ив., писат., р. 1744 г. † 1818 г., т. CV, янв., 52, 53, 54, т. CVI, апр., 157, 159, июнь, 626.
- Новосильцовъ**, гр., Никол. Никол., презид. акад. наукъ, 1803 г., т. CV, янв., 9, т. CVI, апр., 199, т. CVII, авг., 440, т. CVIII, окт., 6.
- Ноздрачевъ**, Конст. Александр., подполковн. 1855 г., т. CV, февр., 471—480.
- фонъ-Нолькенъ**, Лифляндск. предв. двор. 1870 г., т. CVIII, дек., 540.
- Норовъ**, Авр. Серг., мин., т. CVIII, дек., 501.
- Нѣмовскій**, Станиславъ, 1604 г., т. CVIII, окт., 166.
-
- Ободовскій**, Пл., писат., т. CV, февр., 466.
- Оболенина**, княг., Мар. Гр., сообщ., Изъ переписки декабристовъ. Письма ф.-деръ Бригена и И. Казимірскаго князю Евг. Петр. Оболенскому, т. CV, февр., 437—449. Письма Г. С. Ватенькова князю Е. П. Оболенскому, т. CVIII, окт. 101—108.
- Оболенина**, княжна, въ зам. Черкасова, т. CVII, авг., 294.
- Оболенскій**, кн., А. Д. 1901 г., т. CVIII, нояб., 460, т. CVIII, дек., 517, 518.
- Оболенскій**, кн., Е. П. декабр., т. CV, февр., 437—449, мартъ, 673, т. CVIII, окт., 101—108, 208—219, 656—658.
- Оболенскій**, кн., Мих. Андр. т. CV, янв., 197.
- Обольяниновъ**, ст.-секрет. 1802 г., т. CV, янв., 66, 67, т. CVIII, нояб., 416, 417.
- Обресковъ**, д. ст. сов. 1796 г., т. CVI, апр., 44.
- Обручевъ**, ген. 1828 г., т. CV, мартъ, 505, т. CVI, апр., 7.
- Овсянниковъ**, Ф. В., акад. 1863 г., т. CVIII, дек., 526.
- Одинцовъ**, А. А. нижегород. губерн. 1860 г., т. CVI, май, 361.
- Одоевская**, княг., Ольга Степ., рожд. Лавская, т. CVII, июль, 107.
- Одоевскій**, кн., Влад. Фед., писат., т. CVI, май, 405—406, т. CVII, июль, 106, 107, сент., 483.
- Озерецковскій**, акад. 1812 г., т. CV, янв. 10.
- Озеровъ**, В. А., писат., т. CV, февр., 467, т. CVIII, нояб., 297—300.
- Озеровъ**, членъ хозяйствен. экспедиц. 1798 г., т. CVIII, окт., 203.
- Ожолова**, А. А., воспитат-ца, в.-кн. Ольги Николаевны, т. CVIII, окт., 87, нояб., 237.
- Ожуневъ**, протоіер. 1851 г., т. CV, мартъ, 541, т. CVII, авг., 257.

- Оленникъ**, Алексѣй Никол. директ. публ. библ., р. 1763 † 1843 г., т. CVII, июль, 164, 175.
- Олесницкій**, Никол., посолъ кор. польскаго 1604 г., т. CVII, сент., 612, 603, 620, 621, т. CVIII, окт., 187—191, нояб., 314.
- Ольга Николаевна**, вел. княг., въ супружествѣ королева Виртенбергская, т. CV, февр., 233.
- Олсуфьева**, Д. А. см. Деллицына.
- Олсуфьева**, гр-ня Марья Дм., въ зам. Муханова, т. CVIII, окт., 229.
- Олсуфьева**, Софья Дм., въ зам. Спиридова, т. CVIII, окт., 229, нояб., прил., 162.
- Олсуфьевъ**, гр. съ 1856. Васил. Дм., об. гофмейст., р. 1796 † 1858 г., т. CVII, июль, прил., 96, т. CVIII, окт., 229, 230, нояб., прил. 162.
- Олсуфьевъ**, Д. А., т. CVIII, окт., 229.
- Олсуфьевъ**, Никол., 1801 г., т. CVIII, дек., 482.
- Ольга Николаевна**, вел. княг., въ супруж. королева Виртенбергская, т. CV, мартъ, 536—538, 545—558, т. CVI, апр., 53—75, май, 298, 300, июнь, 497—518, т. CVII, июль, 77, авг., 242, 257, 265, сент., 532, 541, т. CVIII, окт., 88, нояб., 274, 278, 285, 287, т. CVIII, дек., 548—560.
- Ольга Павловна**, вел. княжна, т. CV, апр., 45.
- Ольга Ѳедоровна** (принцесса Баденская) вел. княгиня, т. CV, мартъ, 529, т. CVI, апр., 66, май, 277, июнь, 499, 500, т. CVII, июль, 77, т. CVIII, нояб., 285.
- Ольденбургскій**, принцъ, Георгій, управл. пут. сооб. 1814 г., т. CVI, июнь, 481.
- Ольденбургскій**, принцъ, Петръ Георг., т. CV, февр., 303, мартъ, 553, т. CVI, июнь, 481.
- Ольховскій**, оф. кирасир. п. 1812 г., т. CVII, сент., 483.
- Оомъ**, Ѳ. А., т. CVI, май, 361.
- Опперманъ**, гр. съ 1829 г. инж. ген. т. CV, мартъ, 514, т. CVI, июнь, 454, 455.
- Опочининъ**, Ѳед. Петр., об. гофмейстеръ, р. 1778 † 1852 г., т. CV, мартъ, 634, т. CVII, июль, 108.
- Орбеліани**, кн., ген.-ад., коменд. кавказ. арміи 1854 г., т. CVI, май, 425.
- Орлова-Чесменская**, гр., Анна Алексѣевна, т. CVI, май, 280, т. CVII, июль, 176.
- Орловъ**, гр. Алексѣй Григ., 1796 г., т. CVII, авг., 284, сент., 521, 526, т. CVIII, нояб., 306.
- Орловъ**, кн., посолъ въ Лондонѣ 1871 г., т. CVIII, дек., 541.
- Орловъ**, кн., Алексѣй Ѳед., шефъ зауд., р. 1787 † 1862 г., т. CV, янв., 43, 52, 64, февр., 442, 443, мартъ, 505, 568, 589, 685, т. CVI, апр., 7, 16, 23—26, т. CVII, авг., 235, сент., 472—476.
- Орловъ**, Григ. Григ., т. CVII, сент., 521, 522.
- Орловъ**, Ив. Григ., т. CVII, сент., 521.
- Орловъ**, Мих., ген.-м., декаб., т. CV, февр., 375, т. CVII, авг., 271, 280., сент., 635, т. CVIII, окт., 211, 654, 655, 658, 674, 675.
- Орловъ**, М. Ѳ., 1818 г., т. CV, мартъ, 742, т. CVI, апр., 183, июнь, 652, т. CVII, июль, 2 10.
- Орловъ**, докт. 1850 г., т. CV, февр., 438.
- Орловъ-Денкисовъ**, гр., ген. 1812 г., т. CV, янв., 118, 122.
- Орловскій**, художн. 1816 г., т. CV, мартъ, 634.
- Оруркъ**, гр., ген. 1812 г., т. CVI, июль, 217, 219, авг., 408.
- Осиповъ**, Тимоѳей, дьякъ, 1604 г., т. CVIII, окт., 164.
- Остерманъ**, г., Ив. Андр., 1812 г., т. CV, янв. 104, 105, 116, 117, т. CVI, апр., 45, т. CVII, сент., 459, 461, т. CVIII, дек., 494.
- Остолоповъ**, Н. Ѳ. писат. 1809 г., т. CV, янв., 134.
- Остроградскій**, Мих. Вас., акад., математикъ, т. CVI, июнь, 487—490, т. CVII, июль, 51, сент., 487, т. CVIII, окт., 135, нояб., 341 — 342, т. CVIII, дек., 499.
- Остроградскій**, Осипъ Васил., чиновн. морск. мин. въ 1828 г., т. CVIII, нояб., 342.
- Острожскій**, кн., Конст., кievск. намѣстн., 1594 г., т. CV, янв., 199, т. CVI, апр., 114, 115, т. CVII, июль, 140, т. CVIII, дек., 609, 626.
- Острожскій**, Янъ, 1604 г., т. CVI, июнь, 528.
- Остенъ-Сакенъ**, гр., Фабіанъ-Вильгельмовъ, фельдм., т. CVIII, дек., 571.
- Отрепьевъ**, Гришка, т. CVIII, дек., 612, 614, 615.
- Отрепьевы** (Нелидовы), т. CVIII, дек., 612, 613.
- Охотнижовъ**, декабр., т. CVII, сент., 635.
- Очкинъ**, ред. „С.-Петербур. Вѣд.“, 1862 г., т. CVIII, дек., 519, 520.

II.

- Павелъ I**, императоръ, р. 1754 г., † 1801 г., т. CV, янв., 6, 61—77, 129—131, 146, февр., 271, 325—349, мартъ, 630, т. CVI, апр., 44, 165—167, май, прил. 38, 39, июнь, прил., 79, т. CVII, июль, 153, 201—204, прил., 93, 95, авг., 239, 240, сент., 511—530, 577, т. CVIII, окт., 69—84, 195—202, нояб., 259, 305—322, 409, 413—416, прил., 147, дек., 561—572.
- Павелъ V**, папа римскій, т. CVII, авг., 333—345, т. CVIII, дек., 620—633.
- Павлова**, Карол. Павл., рожд. Яншиъ, т. CVII, июль 100.
- Павловъ**, Никол. Филип., т. CVII, июль, 100, авг., 252, 253, авг., 434, 435.
- Павловъ**, полковн. 1863 г., т. CV, февр. 317.
- Павскій**, Герасимъ Петров., священ., т. CVI, май, 278—280, т. CVII, июль, 86.
- Павскій**, П. П., акад. 1863 г., томъ CVIII, дек., 526.
- Паленъ**, бар., ген. 1812 г., т. CVIII, дек., 697, 698.
- Паленъ**, гр., сб. ген.-губ. 1800 г., т. CVIII, дек., 570.
- Паленъ**, гр., Петръ, 1812 г., т. CVI, июнь, 643, 644, 645, 647, 648, т. CVII, нояб., 433.
- Паленъ**, гр., Ф. П., тайн. сов., полномоч. Предсѣд. Дивановъ Дунайск. княжества, 1828 г., т. CV, мартъ, 505, т. CVI, апр. 7.
- Паленъ**, гр., предсѣд. коллег. ин. дѣлъ 1800 г., т. CV., февр., 344.
- Палеологъ**, кап. 1 ранга 1881 г., т. CV, янв., 167.
- Пальмеръ**, англ. проф., 1810 г., томъ CVIII, дек., 532, 533.
- Панаева**, см. Мельгунова.
- Панаевъ**, Валер. Александр., его воспоминанія, т. CVI, июнь, 473—490, т. CVII, июль, 31—66, авг., 285—320, сент., 481—510, т. CVIII, окт. 109—135, упом. февр., 456—466, окт. 147, т. CVIII, дек., 579—592.
- Панаевъ**, Ив. Ив., писат., т. CVII, сент., 481—510, т. CVIII, окт., 125.
- Панина**, помѣщица, 1812 г., т. CV, янв., 146.
- Панинъ**, гр., В. Н., мин. юстиц. 1857 г., т. CVI, май, 359, т. CVIII, нояб., 461—463.
- Панинъ**, Никита Ив., воспит. Павла I, т. CVII, сент., 513—527, т. CVIII, окт., 70—81, 197, 198, нояб. 312, 313, т. CVIII, дек., 561, 569.
- Панинъ**, Н., послан. при прус. дворѣ 1798 г., т. CV, янв., 70, 77.
- Панковичъ**, Мих. Ив., профес. математ., † 1812 г., т. CV, янв., 252.
- Панкратьевъ**, кievскій губернат., 1843 г., т. CVI, апр., 119—121.
- Панютинъ**, вилensk. губернат. 1863 г., т. CV, февр., 308, 310, 312, 313, 318.
- Парійскій**, И., сообщ., „Постановленіе о торжествѣ брачнаго сочетанія ихъ Имп. Выс. Государя Вел. Кн. Константина Павловича съ государынею вел. кн. Анной Теодоровной 1796 г.“ т. CVII, авг., 441—448.
- Парротъ**, профес., т. CVI, апр., 134.
- Паскевичъ**, кн. Варшавскій, Ив. Фед., фельдм., род. 1781 † 1856 г., т. CV, февр., 266—280, 371, 373, мартъ, 505—515, т. CVI, апр., 6, 14—20, май, прил. 66, июнь, 452, 453, т. CVII, июль, 24—27, авг., 226, 236—238, т. CVIII, нояб., 303.
- Пассежъ**, ген.-м. † 1845 г., т. CVI, июнь, 484, 489, 614, 624.
- Патвуль**, Александр. Влад., т. CVIII, дек., прил., 189.
- Патвуль**, Влад. Григ., ген. † 1856 г., т. CVIII, дек., прил., 188.
- Патти**, Адел., пѣвица, 1875 г., т. CVIII, дек., 590—592.
- Паулуччи**, маркизъ, ген.-губ. Прибалт. края 1813 г., т. CV, март., 654, т. CVIII, дек., прил., 181.
- Пашковъ**, Васил. Александр., об. гофм., т. CVI, май, 310, прил. 57.
- Педашенко**, ген.-лейт., иркутск. ген.-губ. 1881 г., т. CV, янв., 185.
- Пезарскій**, акад., т. CV, март., 518, т. CVIII, дек., 526.
- Пешковъ**, Матв. Христіанов., докт. мед., профес., р. 1755 † 1819 г., т. CVII, авг., 429.
- Пеликанъ**, А. А., консулъ въ Японіи, 1881 г., т. CV, янв., 170.
- Пеликанъ**, Евг. Венцеслав., врачъ, писат., † 1884 г., т. CV, март. 707.
- Пелопидасъ**, Авд. Васил., т. CVIII, нояб., 272, 275.
- Пелопидасъ**, ст. сов., † 1866 г., т. CVIII, окт., 93.
- Пель**, архитект. 1856 г., т. CVIII, дек., 513.
- Пенинскій**, учитель, 1824 г., т. CV, февр., 436.
- Перевощиковъ**, В. М., профес. 1809 г., т. CV, янв., 134, 139.
- Перевощиковъ**, Д. М., профес. 1832 г., т. CV, февр., 457, т. CVI, май, 407, 408.
- Перекучихина**, камеръ-фрау Екатерины II, т. CV, янв., 57.

- Перовская, т. CVIII, нояб. 273.
- Перовскій, Васил. Алексѣев., оренб. ген.-губ. 1833 г., † 1857 г., т. CV, февр., 324, 385, т. CVI, май, прил., 63, 64, июнь, 494.
- Перовскій, гр., Левъ Алексѣев., мин. † 1856 г., т. CV, март., 587, 589, 595.
- Перовскій, почечит. Харьков. унив., 1826 г., т. CVI, май, 363—367, т. CVIII, дек., 681.
- Перовскій, полков. 1826 г., т. CVIII, дек., 681.
- Пестель, Пав. Ив., декабр., † 1825 г., т. CVI, май, 263, 270, т. CVII, сент., 623—637, т. CVIII, окт., 207, 216, 217, т. CVIII, дек., 475, 654—677.
- Петерсонъ, гл. британск. библиотеч. общ., т. CVI, май, 373.
- Петерсонъ, флот. оф., 1881 г., т. CV, янв. 175.
- Петерсенъ, Евстаф. Фод., лифлянд. губерн. прокур., т. CVIII, дек., прил., 177.
- Петровскій, Викт., студ. Московск. духов. акад. 1858 г., т. CVI, июнь, 632, 633.
- Петровъ, А. И., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Петромя, Осипъ Аванас., пѣвецъ † 1878 г., т. CVIII, окт., 126, томъ CVIII, дек., 585.
- Петровъ, Язонъ Васильев., профес. 1809 г., т. CV, янв., 8.
- Петровъ, началн. гл. управл. почтъ и телегр. 1900 г., т. CV, янв., 195.
- Петрушевичъ, каноникъ, т. CVI, май, 226.
- Петрушевскій, ген.-лейт. 1877 г., т. CVI, июнь, 608.
- Петрушевскій, А., т. CVIII, дек., 569.
- Петръ I, императоръ, род. 1672 г., † 1725 г., т. CV, янв., 61, 54, 237—243, февр., 270, 337, мартъ, 517, т. CVI, май, 388, 389, т. CVII, июль, 151, сент., 524, 575, т. CVIII, окт., 19, 79, 226, ноябрь, 415, декабрь, 573.
- Петръ III, императоръ, род. 1728 г., † 1762 г., т. CV, янв., 64, 66, т. CVII, сент., 524, т. CVIII, окт., 70, 77, 83, 200, ноябрь, 309, декабрь, 566.
- Пименъ, новгород. архиеп. 1626 г., т. CVIII, нояб., 423.
- Пирлингъ, П., сообщ.: „Изъ смутнаго времени“, т. CV, янв., 197—208, „Новое о Юри Крижаничѣ“, февр., 382. „Россия и папскій престолъ“, т. CV, янв., 197—208, т. CVI, апр., 83—118, май, 313—347, июнь, 523—560, т. CVII, июль, 111—144, авг., 323—359, сент., 579—621, т. CVIII, окт., 159—192, нояб., 343—369, дек., 597—633, упом. апр., 33, 39.
- Пироговъ, Никол. Ив., хирургъ, р. 1800 г., † 1881 г., т. CVII, авг., 261, септ., 571, 572, т. CVIII, окт., 135.
- Писаревъ, А. И., воеводелисть, † 1828 г., т. CVI, май, 401.
- Писаревъ, Д. И., писатель, т. CVIII, дек., 573, 576, 577.
- Писаревъ, ген.-м., почеч. московск. уч. окр. 1828 г., т. CVII, сент., 644.
- Писемскій, Алексѣй Теофилакт., писат., р. 1820 † 1881 г., т. CVIII, нояб., 380, 381.
- Плещевъ, 1796 г., т. CVIII, нояб., 310, 311.
- Платовъ, гр., Матв. Ив., наказный атаманъ войска донскаго 1812 г., т. CV, янв., 104, 118, 121, 122, февр., 365, 372, т. CVI, июнь, 642.
- Платонъ, москов. митроп. 1796 г., т. CV, янв., 69, т. CVII, сент., 460, т. CVIII, окт., 75.
- Плетневъ, Петръ Александр., акад., † 1864 г., т. CV, февр., 457, мартъ, 636, 739—741, т. CVII, июль, 100, 106, 107, т. CVIII, дек., 499.
- Плещеева, Анна Ив., рожд. Чернышева, т. CVI, май, прилож., 43, 49, т. CVIII, дек., прил., 178.
- Плещеева, Натал. Фодотов., рожд. Веригина, ст.-дама, † 1855 г., т. CVI, июнь, прил., 67, т. CVIII, окт., прил., 138.
- Плещеевъ, Александр. Алексѣев., р. 1775 † 1827 г., т. CVI, май, прил., 43, 49, июнь, прил., 67, 71, т. CVII, июль, прил., 84, т. CVIII, нояб., 392, 393, дек., прил., 178.
- Плещеевъ, Алексѣй Данил., окольныйчій 1550 г., т. CVIII, нояб., 423, 424.
- Плещеевъ-Васманъ, Даниль Андр., родоначальникъ Басмановыхъ, т. CVIII, нояб., 423.
- Плещеевъ, Наумъ Мих., т. CVIII, нояб., 427.
- Плещеевъ, Серг. Ив., т. CVI, июнь, прил., 67, т. CVIII, окт., прил., 138.
- Плещеевъ, ген.-ад. 1806 г., т. CV, янв., 66, 67, 70.
- Плещеевы, т. CVIII, нояб., 423—430.
- Плюскова, Нат. Яков., фрейлина 1817 г., т. CVI, июнь, прил., 66.
- Побѣдоносцевъ, К. П., чл. Госуд. Сов., 1882 г., т. CV, янв., 193.
- Погодина, Елисавет. Васил., † 1844 г., т. CV, янв., 92.
- Погодинъ, Мих. Петров., академикъ, проф., р. 1800 г. † 1875 г., т. CV, янв., 79—96, февр., 300, 322, мартъ, 637, т. CVII, июль, 98, 176.
- Поджіо, декаб., т. CV, февр., 447.

Пожарскій, кн., Д. М., 1613 г., т. CV, мартъ, 711, т. CVI, май, 445—447.
Поземковскій, ниж. пут. сообщ., т. CVII, июль, 32, авг., 285, 290.
Полевой, Ксеноф. Алекс., т. CV, март., 726, 727, т. CVI, май, 397, т. CVIII, дек., 593—596.
Полевой, Николай Алексѣев., писат., род. 1796 г., † 1846 г., т. CV, февр., 465, март., 725—732, т. CVI, май, 397—413, т. CVII, июль, 176, 177, сент., 657, т. CVIII, окт., 115.
Полевой, Петръ Николаев., т., CV, мартъ, 725.
Полисадовъ, В. П., прогистер., 1860 г., т. CV, март., 551, т. CVI, апр., 66, май, 298, 305, т. CVII, июль, 83, 84, авг., 263, 265.
Половцовъ, А. В., сообщ.: „Поклоненіе тѣлу императора Павла I“, т. CVII, июль, 201—204, „Любопытное письмо императрицы Еватеринны II“, т. CVII, сент., 575—578.
Полонскій, Яковъ Петров., писат., т. CVIII, нояб. 324, 381.
Полторацкій, членъ хозяйственной экспедиц. 1797 г., т. CVIII, окт., 203.
Полторацкій, лейбъ-гусарь 1842 г., т. CVII, сент., 483, 622.
Полухтовъ, Борисъ Влад., ген.-отъ-инфант., † 1834 г., т. CVI, май, прил. 54, 60.
Поль, Паулина, въ зам. Анненкова, т. CV, янв., 188, март., 673—678.
Польновъ, В. А., начальн. госуд. архива, т. CV, март., 636.
Помасскій, Францискъ, взендзъ 1604 г., т. CVII, сент., 603, т. CVIII, окт., 169.
Поповъ, А. А., художн., 1860 г., т. CVIII, окт., 151.
Поповъ, В. М., директоръ деп. мин. нар. проsv., т. CVI, май, 383, прил. 55, т. CVII, июль, 163, 164.
Поповъ, Е. И., священ. въ Лондонѣ 1858 г., т. CVI, июнь, 508, т. CVII, авг., 265.
Поповъ, Мих. Максимовичъ, его рассказы, т. CV, март., 635—646.
Поповъ, драгоманъ 1881 г., т. CV, янв., 177.
Полугаевъ, Васил. Васил., поэтъ 1811 г., т. CV, янв., 246.
Порошинъ, Семеновъ А., воспитат. Павла I, т. CVII, сент., 513—530, т. CVIII, окт., 69, 197, нояб., 307.
Поповъ (Поповъ), съ 1801 г. рект. Введенск. семинар., съ 1804 г. началн. духовн. учил. въ Рязнѣ, с 1820 г. рект. духовн. учил. въ Москвѣ, с 1821 г. рект. Москв. профес. гимназ. (CVII), авг., 294.

Поссе, ниж. пут. сообщ. 1850 г., т. CVII, авг., 293, 294.
Поссевицъ, Антоній, иезуитъ-миссіонеръ † 1611 г., т. CV, янв., 202, 203, т. CVII, июль, 139—143, авг., 332—355, т. CVIII, окт., 181.
Постыль-Огаревъ, посолъ въ Польшѣ 1604 г., т. CVI, июнь, 529, 530.
Потаповъ, Александръ Львов., виленск. ген.-губ. 1862 г., т. CV, мартъ, 578, т. CVII, авг., 437—439, т. CVIII, нояб., 269.
Потемкина, графиня 1798 г., т. CVIII, окт., 201.
Потаповъ, Алексѣй Никол., ген.-ад. 1827 г., т. CV, янв. 26, мартъ, 674, т. CVII, сент., 542.
Потемкинъ-Тавричскій, Григорій Александр., ген.-фельдм., р. 1738 г., † 1791 г., т. CV, янв., 56, 57, 58, 59, т. CVIII, окт., 79, 81, 202, нояб., 306, 309, дек., 568, 569.
Потоцкій, гр., Станиславъ, ген. 1823 г., т. CV, янв., 35, 43, 45, т. CVI, апр., 176.
Потто, Васил. Александр., ген. 1898 г., т. CVII, авг., 367, 368.
Похвисневъ, членъ хозяйств. экспедиц. 1801 г., т. CVIII, окт., 204.
Поццо-ди-Ворго, гр., Карлъ-Андрей, дипломатъ, р. 1764 г., † 1842 г., его біографія, т. CVIII, окт., 193—194, ул. т. CV, февр., 276, 417, т. CVI, апр., 19.
Прендель, полковн. 1813 г., т. CV, мартъ, 657, 658, т. CVII, авг., 407—410, т. CVIII, нояб., 261.
Пржедлавскій, полковн., приставъ при Шамилѣ, т. CVII, авг., 368—389.
Прозоровская, княг., Анна Мих., статсъ-дама, т. CVI, май, прил. 57, июнь, прил., 68.
Прозоровскій, кн., А. А., московск. главноком. 1796 г., т. CV, янв., 54, т. CVI, май, прил., 57, т. CVIII, сент., 451, 452.
Прозоровскій, кн., Семеновъ Васил., 1609 г., т. CV, мартъ, 715.
Прозоповичъ-Антонскій, Ант. Антонов., профес. 1824 г., т. CV, февр., 470, т. CVI, май, прил. 40, 52, апр., прил., 10, т. CVII, июль, 97.
Протасова, Александра Андр., въ зам. Воейкова, т. CVI, апр., 131, май, прил., 43, 55, июнь, прил., 74, 77, т. CVII, июль, прил., 93, авг., прил., 97, 98, 106, 109, 111.
Протасова, Екат. Афанасьев., т. CVI, янв., 127—130, прил., 13—30, 39, май, прил., 43—47, дек., прил., 198.
Протасова, Марія-Андрѣевна, въ зам. Мелева, т. CVI, апр., 170, т. CVII, июль, прил., 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

- 130, прил. 13—32, май, прил. 34—64, 41—49, июнь, прил. 65—80, т. CVII, июль, прил. 93, 94, авг., прил. 106.
- Протасовъ**, гр., Николай Александр., об-прок. Синода, † 1855 г., т. CV, февр., 301, т. CVIII, дек. 534.
- Пугачевъ**, Емельянъ, т. CV, 69.
- Пузыревскій**, П. А., профес., т. CV, мартъ, 687, 696—703, 705—708.
- Пустошвинъ**, К. П., консулъ во Львовѣ, т. CVI, май, 226.
- Путяткинъ**, гр., Ефимъ Вас., адм., мнн. проsv. 1860 г., т. CVII, июль, 81, 82, авг., 241, 242, сент., 541—550, т. CVIII, дек., 516, 533—555.
- Пушкина**, Елис. Львов., въ зам. Солнцева, т. CVI, май, прил., 56.
- Пушвина**, Елена Григ., т. CVI, май, прил., 58, т. CVIII, дек., прилож., 189.
- Пушкина**, Наталья Николаев., рожд. Гончарова, т. CV, янв., 257—262, т. CVI, апр., 77—81.
- Пушкинъ**, Александръ Серг., род. 1798 г. † 1837, т. CV, янв., 21—25, 81—95, февр., 257—262, 395, 451—467, мартъ, 578, 685, т. CVI, апр., 77—81, май, 398, 400, июнь, 626, т. CVII, июль, 106, 107, 173, сент., 482, 485, 649, 655, т. CVIII, нояб., 324, 462, прил., 174, дек., 529—532.
- Пушкинъ**, Алексѣй Мих., † 1825 г., т. CVI, май, прил., 58, т. CVIII, дек., прил., 189.
- Пушкинъ**, Васил. Львов., писат., т. CV, янв., 139, 144, т. CVI, май, прил., 54, 59.
- Пушкинъ**, Левъ Серг., членъ одесск. таможи, † 1852 г., т. CV, февр., 436, т. CVIII, нояб., 324—326.
- Пушкинъ**, Сергѣй, т. CV, февр., 436.
- Пушкинъ**, Ив. Ив., декабр., т. CV, февр., 437, 445, дек., 658.
- Пуцкинъ**, об-прокур. Сената, членъ хозяйствен. экспедиц. 1800 г., т. т. CVIII, окт., 200, 204.
- Пыпинъ**, Александр. Никол., писат., т. CVI, апр., 199, май, 398, т. CVIII, окт., 39.
- Пѣвницкій**, протоіер. 1848 г., т. CV, мартъ, 535, 537.
- Пщолко**, священ. въ Вильно 1862 г., т. CVII, авг., 437.
- Радде**, ивслѣдоват. В. Сибири, т. CV, янв., 160.
- Радоцкий**, ген. 1877 г., т. CVI, июнь, 595—624, т. CVII, июль, 167.
- Радзивиллъ**, кн., Антоиъ, музык. антъ, портретистъ, р. 1775 † 1833 г., т. CVII, авг., прил. 97.
- Радтъ**, ген. 1812 г., т. CV, янв., 126.
- Раевскій**, А., писат. 1809 г., т. CV, янв., 139.
- Раевскій**, Н. Н., ген. 1812 г., т. CVI, май, 442.
- Раевскій**, М. Ѳ., протоіерѣй 1858 г., т. CVI, июнь, 508, т. CVII, авг., 265.
- Ракумовскій**, гр. Алекс. Кир., мнн. нар. просвѣщ., т. CV, янв., 9, 10, 73, т. CVI, май, 381, 382, т. CVII, авг., 431, сент., 461, т. CVIII, окт., 71, 72, 83, нояб., 307, дек., 468, 488.
- Ракумовскій**, гр., Андрей, послан. въ Вѣнѣ 1799 г., т. CV, февр., 328, 329.
- Рамазановъ**, Никол. Алекс., скульпт. 1845 г., т. CVII, сент., 465—479.
- Рангои**, Александръ, польскій посолъ въ Москву 1604 г., т. CV, янв., 207, апр., 109, т. CVII, авг., 336—351, сент. 595, т. CVIII, окт., 173.
- Рангои**, Клавдій, краковскій нунцій 1600 г., т. CV, янв., 201—203, т. CVI, апр., 83—118, май, 313—347, июнь, 525—560, т. CVII, июнь, 115, 135—139, авг., 334—359, сент., 592—597, 602, т. CVIII окт., 161, 174—192, нояб., 345, 348, дек., 599, 630.
- Раухъ**, лейбъ-мед. 1829 г., т. CVI, апр., 21.
- Рахмановъ**, Н. А. издат. „Воен. журнала“ 1810 г., т. CVIII, дек., 485.
- Рахманова**, Елис. Петров., ген.-поручица, 1816 г., т. CVII, авг., 436.
- Ращель**, артистка, т. CVIII, окт., 130.
- Резаковъ**, Александр. Ив., архитект., р. 1818 † 1887 г. т. CVII сент., 476, 478.
- Рейтеръ**, подполковн. 1812 г., т. CVI, июнь, 655, 656.
- Рейтеръ**, Гергардъ-Вильгельмъ, р. 1794 † 1865 г., т. CVIII, дек., прил., 186.
- Реманъ**, Осипъ Осипов., лейбъ-мед., р. 1776 † 1831 г., т. CVIII, дек., прил., 178.
- Ренки**, подполковн. 1810 г., т. CVIII, нояб., 260, 261.
- Решловскій**, магистръ Москов. духовн. акад. 1858 г., т. CVI, июнь, 520—522, т. CVII, июль, 94—96.
- Решникъ**, кн., малорос. воен. губ. 1818 г., т. CVII, июль, 158, т. CVIII, нояб., 307.
- Решникъ**, кн., Н. В., ген.-прокур., т. CVIII, дек., 565.
- Ридигеръ**, гр., Ѳед. Васил., ген.-ад., чл. Госуд. Сов., чл. управл. ц. польскаго 1855 г., т. CV, мартъ, 505, 579—596, т. CVI, июнь, 576, 577, 581, 583.

Р.

- Радде**, ивслѣдоват. В. Сибири, т. CV, янв., 160.
- Радоцкий**, ген. 1877 г., т. CVI, июнь, 595—624, т. CVII, июль, 167.
- Радзивиллъ**, кн., Антоиъ, музык. антъ,

- Рижордъ**, адм. 1846 г., т. CV, мартъ, 731.
- Ристори**, артистка, т. CVIII, окт., 130.
- Рихтеръ**, Мих. Вильгельмов., д-ръ медц., профес. 1830 г., т. CV, февр., 487, т. CVII, июль, 184.
- Рихтеръ**, О. Б. ген. ад., т. CVI, май, 361.
- Ровинскій**, Д. А., т. CV, янв., 246.
- Родзянко**, нач.—ца Екатерининскаго инстит., т. CVII, авг., 314.
- Родзянко**, Семень, т. CVI, май, прил., 38.
- Родионовъ**, Ростисл. Родионов., чпн. собств. канц. им.—цы Александры Θεодоровны, 1848 г., т. CVII, июль, 103.
- Родофиничинъ**, директ. азиатск. деп. 1829 г., т. CVI, апр., 30.
- Рожалдинъ**, Н. М., 1832 г., т. CV, февр., 321—323.
- Рожественскій**, Ив. Вас., священ. т. CVI, май, 278—298, июнь, 499—508, т. CVII, авг., 243, 247, сент., 546, т. CVIII, окт., 88, 99, нояб., 274.
- Ровановъ**, кандидатъ С.-Пб. духовн. акад. 1861 г., т. CV, янв., 5—19, т. CVI, апр., 65, т. CVII, сент., 534.
- Ровенгампфъ**, бар., Густавъ Андр., предсѣд. комис. составл. законовъ 1819 г., т. CVI, апр., 202, май, 403, 404, т. CVIII, окт., 6, 28.
- Ровенштейеръ**, писат. 1826 г., т. CV, февр., 466.
- Ровень**, бар., Андр. Евг., декабр., т. CV, мартъ, 738.
- Ровень**, бар., Григ. Влад., команд. Преображ. пол. 1814 г., т. CV, мартъ, 574.
- Ровень**, бар., Г. О., директ. деп. неокладн. сборовъ, т. CVI, май, 355.
- Ровень**, бар., Евг. Ѳед., писат., т. CV, февр., 387—392, мартъ, 738, т. CVII, сент., 646.
- Ровень**, бар., Р. Р., секрет. миссии въ Японіи 1881 г., т. CV, янв., 170—172.
- Ровень**, бар., чл. сов. гл. управл. Сибири 1831 г., т. CV, янв., 185.
- Ровень**, бар., ген. 1832 г., т. CVII, авг., 374.
- Романова**, Евфимія Никит., въ зам. кн. Спцкал, т. CVIII, нояб., 425.
- Ромодановскій**, кн., Васил. Григ., 1613 г., т. CV, мартъ, 711.
- Ростовцевъ**, гр., Яковъ Ив., начальн. штаба воен.-учебн. завед., р. 1803 г. † 1860 г., т. CV, февр., 386—387, 447, т. CVI, апр., 173, т. CVIII, нояб., 460, 461.
- Ростовцевъ**, гр., Я. Н., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Ростопчина**, гр.—ня, Евдокія, пис.—а, 1846 г., т. CV, февр., 407, 408.
- Ростопчинъ**, гр., Ѳед. Вас., москов. главноком., р. 1763 † 1826 г., т. CV, янв., 66, 105, 125, 126, февр., 333, 334, 356, мартъ, 598—613, 630, т. CVI, апр., 46—52, 155, 156, 163, май, 447, т. CVII, сент., 454, т. CVIII, нояб., 241, 312, 313, 370, т. CVIII, дек., 493.
- Ротъ**, ген. 1828 г., т. CV, янв., 31, февр., 264, 279, т. CVII, июль, 27.
- Рубецъ**, Енисейск. губерн. почтмейст. 1831 г., т. CV, янв., 151.
- Рубинъ**, Ж. Б., пѣвецъ 1843 г., т. CV, февр., 407, т. CVIII, дек., 579, 580—583, 586, 587, 588.
- Рубинштейнъ**, Ант. Григ., артистъ, т. CV, мартъ, 527.
- Рудаковъ**, священ. 1864 г., т. CVII, сентяб., 532.
- Рудзевичъ**, ген. † 1829 г., т. CV, февр. 264, мартъ, 505.
- Рудольфъ**, Іоганнъ, профес., † 1809 г., т. CV, янв., 7, 8.
- Руль**, Іоганнъ, архитект., р. 1764 † 1842 г., т. CVIII, дек., прил., 168.
- Румовскій**, Степ. Яковлев., чл. акад. наукъ 1819 г., т. CVII, авг., 362.
- Руманцевъ**, гр., Никол. Петр., канцл., р. 1754 † 1826 г., т. CV, февр., 383—384, 410, 413, т. CVI, апр., 122, 133, т. CVII, июль, 168, сент., 452—458, т. CVIII, окт., 14, 21, 26, нояб., 243—264, 308, т. CVIII, дек., 486, 700.
- Руманцевъ-Вадугайскій**, гр., Петръ Александр., фельдм., р. 1725 † 1796 г., т. CVI, апр., 122, т. CVIII, окт., 136.
- Руничъ**, Дм. Павлов., его записки, т. CV, янв., 47—77, февр. 325—357, мартъ, 597—633, т. CVI, апр., 153—168, май, 373—394, 398.
- Руновскій**, А. И., приставъ при Шамилѣ, т. CVII, авг., 378, 388.
- Рылѣвъ**, Александр. Мих., оф. 1852 г. т. CV, мартъ, 562.
- Рылѣвъ**, Кондр. Ѳед., поэтъ, декабр., р. 1796 † 1826 г., т. CV, февр., 454, т. CVI, май, 240, 252—259, т. CVII, авг., 229, 230, т. CVIII, окт., 216—219, нояб., 265, 266, дек., 657, 658, 676, 677.
- Рылѣвъ**, ген. 1812 г., т. CVII, авг., 423.
- Рѣдвинъ**, А. сообщ.: „Меттернихъ и его вѣшняя политика“, т. CV, янв., 217—236, февр., 409—435; „Былое“, изъ воспоминаній о 50-хъ и 60-хъ годахъ, т. CVII, сент., 555—574, т. CVIII, дек. 635—647.
- Рѣдвинъ**, Петръ Григ., р. 1808 г. профес., рект. С.-Пб. унив., т. CVII, сент., 567—570.

Рѣпинскій, Григ. Козьмичъ, сенат., т. CVIII, окт., 201.
Рюль, лейбъ-мед. 1828 г., т. CV, февр., 268, 272, т. CVI, июнь, 449.
Рюминъ, П. Ив., консулъ въ Нагасаки 1881 г., т. CV, янв., 173.

С.

- Сабининъ**, С. К., протоіерей 1844 г., т. CV, февр., 287, 295, мартъ, 526, 529, т. CVI, май, 278, т. CVIII, дек., прил. 180.
Сабурова, Соломонія, жена Василія III, т. CVI, апр., 85.
Саблуновъ, Никол. Алексд., ген.-м.; р. 1776 † 1848 г., т. CVIII, дек., прил., 191.
Савельевъ, Ал. Ив., ген.-л., сообщ., „Памяти Ивана Петровича Корнилова“, т. CVII, авг., 321, 322.
Савицкій, Гаспаръ, іезуитъ, т. CVI, май, 330, т. CVII, июль, 139, авг., 349, сент., 595, 608, 609, 610, 611, т. CVII, окт., 161—169, 183, т. CVIII, дек., 605, 606, 627.
Савичъ, А. Н., акад. 1863 г., т. CVIII, дек., 526.
Саврасовъ, 1814 г., т. CVI, июнь, 449, 464, 469.
Садовскій, Провъ Мих., артистъ, р. 1818 † 1872 г., т. CVIII, окт., 124, 125.
Сажень, бар. К. И., 1777 г., т. CVIII, окт., 80, нояб., 308.
Сажень, гр., Фабианъ Вилг., фельдм., р. 1752 † 1837 г., т. CV, февр., 266, 279, мартъ, 503, 507, 512, т. CVII, июль, 208, сент., 622.
Салтыжова, Ирина Вас., въ зам. Басманова, † 1639 г., т. CVIII, нояб., 426.
Салтыжовъ, гр., Ив. Петр., фельдм., москов. воен. губ., р. 1730 † 1805 г., т. CVII, июль 30.
Салтыковъ, Мих. Мих., 1638 г., т. CVIII, нояб., 426.
Салтыковъ, Никол. Ив., фельдм., † 1816 г., т. CV, янв., 54, 55, февр., 347, 450, мартъ, 598, т. CVIII, окт., 14, 77, т. CVIII, дек., 565.
Салтыковъ, Петръ, т. CVI, апр. 152.
Салтыковъ, ген. полиціймейст. 1733 г., т. CVIII, нояб., 415.
Самаринъ, Ив. Вас., артистъ, 1840 г., т. CVIII, окт., 124, 125.
Самаринъ, Юрій Фод., р. 1819 † 1876 г., т. CVIII, нояб., 461.
Самаринъ, Ф. В., т. CVI, май, прил., 58.
Самборскій, Андрей Аванасьев., протоір. при рус. миссиі въ Лонд., т. CVIII, окт., 198, 201, 202, нояб., 403, 405, 406, 407, 408.
Самойлова, Вѣра Васил., актриса, т. CVIII, окт., 116, 120, 124.
Самойлова, Надежда Вас., артистка, т. CVIII, окт., 120, 123, 124.
Самойлова, гр-ня, Софья Александр., въ зам. гр-ня Бобринская, т. CVI, май, прил., 64, июнь, прил., 65—72, т. CVII, июль, прил., 84, 85, 93, авг., прил., 97.
Самойловъ, Васил. Васил., артистъ, † 1887 г., т. CVIII, окт., 120, 121, 125.
Самойловъ, Серг. Вас., горн. инженер., т. CVIII, окт., 120.
Самойловъ, ген.-прокур., 1780 года, т. CV, янв., 56—61, 65, 70.
Сандуновъ, Н. Н., профес., † 1832 г., т. CVI, май, 407.
Санко-Лешевичъ, чиновн., 1812 г., т. CVI, апр., 144.
Сапѣга, Ив.—Петръ, т. CVIII, окт., 188, 189, нояб., 357.
Сапѣга, Левъ, литовск. канцл., 1604 г., т. CV, янв., 179—208, т. CVI, май, 326, 345, июнь, 527, 530, т. CVII, сент., 585, 593, т. CVIII, окт., 170, дек., 598, 602, 613, 614, 624.
Свербеева, Екат., Александр., рожд., княж. Щербатова, т. CVII, июль, 100.
Свербеевъ, Дм. Никол., т. CVII, июль, 100, т. CVIII, нояб., 285.
Сверчковъ, Алексій Васильев., повѣрен. въ дѣлахъ во Флоренц., въ 1819—1825 г., т. CVIII, окт., прил., 142.
Сверчковъ, художн., т. CVII, авг., 290.
Свинъкинъ, Пав. Петр., писатель, р. 1787 г., † 1839 г., т. CV, февр., 469, т. CVI, май, 397, 399—401, т. CVII, сент., 650.
Свистунова, т. CVI, май, 306.
Севастьяновъ, инспект. инст. пут. сообщ., т. CVI, июнь, 482—489, т. CVII, июль, 51.
Севастьяновъ, акад., 1812 г., т. CV, янв., 10.
Седлеръ, чиновн., 1795 г., т. CVI, апр., 45.
Семевская, Александра Вас., рожд., Буташевичъ-Петрашевская, † 1901 г., сообщ., „Замѣтка о М. В. Буташевичъ-Петрашевскомъ“, т. CV, февр., 493—494.
Семевскій, Мих. Ив., основат. журн. „Русс. Старина“, † 1892 г., т. CVIII, нояб., 377—379.
Семенова, Екат. Семенов., актриса, 1822 г., съ зам. княж. Гагарина, т. CVIII, нояб., 297—304.

- Семеновъ, Дм. Дм., педагогъ, т. CVIII, нояб., 378.
- Семеновъ, Н. П., сенат., 1901 года, т. CVIII, ноябр., 460, 461, 463.
- Семеновъ, П. П., чл. редакціон. комис., сенат., т. CVIII, нояб., 460, 461, 463, 464.
- Семеновъ, оф. егерск. пол., декаб., т. CVII, авг., 278, сент., 624, 628, т. CVIII, окт., 208, 209, 212, дек., 655, 656, 673.
- Семеновъ, цензоръ, 1830 г., т. CVII, сент., 662, 663.
- Семичевъ, инж., пут. сообщ. т. CVI, июнь, 490, т. CVII, июль 32, 42, авг., 285, 286, 289.
- Сенковский, Осипъ Ив., писат., р. 1800 † 1858 г., т. CV, янв., 18, мартъ, 694.
- Сержиновичъ, К. С., директ. духов.-учебн. управ., 1848 г., т. CV, февр., 298.
- Сержиновичъ, цензоръ, 1829 г., т. CVII, сент., 645.
- Сергіевскій, священ., 1860 г., т. CVII, авг., 263.
- Серко-Соловьевичъ, 1862 г., т. CVIII, дек., 573.
- Серебряновъ, полковн., т. CVII, июль, 50.
- Сеславинъ, партизанъ, 1812 г., т. CV, янв., 114, 119, февр., 377.
- Сибиряковъ, К. М., т. CVI, май, 234.
- Сиверсъ, гр., Егоръ Карлов., нач. инж. училища, 1820 г., т. CVII, авг., 235.
- Сиверсъ, гр., ген.-лейт. 1826 г., т. CVIII, дек., 681.
- Сигзамундъ III, кор. польск., т. CVIII, дек., 619, 620.
- Сильва, пѣвецъ 1844 г., т. CVIII, дек., 587.
- Симонетти, краковск. пунцій, 1605 г., т. CVIII, нояб., 344—361.
- Синявина, Елис. Семен., помѣщ.—а, 1814 г., т. CVII, авг., 284.
- Сипягинъ, Николай Мартемьянов., 1818 г., т. CVI, июнь, 561—565.
- Сицкій, кн., Андр., Васил., 1573 г., т. CVIII, нояб., 425.
- Сицкій, кн., Вас. Андр., † 1578 г., т. CVIII, нояб., 425.
- Сицкій, кн., Ив. Вас., т. CVIII, нояб., 425.
- Соболевъ, Мих. Дм., ген., † 1882 г., т. CVI, июнь, 595—624, т. CVII, июль 166.
- Соткинъ, Е., граверь, 1811 г., т. CVI, апр., 45.
- Серебицкій, А. И., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Сленинъ, Н. книгопрод., 1827 года, т. CVIII, нояб., 268.
- Слѣпушкинъ, писат., 1826 г., т. CV, февр., 466.
- Слѣпцовъ, ген., 1877 г., т. CVI, июнь, 624.
- Смирнова, Александра Осип., рожд. Россети, т. CV, янв., 89.
- Смирновъ, Мих., Петров., 1819 г., т. CVII, авг., 428.
- Смирновъ, Н. П., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Смирной-Отрепьевъ, посолъ въ Краковъ, 1604 г., т. CVI, май, 343—347, июнь 529, т. CVIII, дек., 608, 630.
- Снегиревъ, Ив. Мих., археологъ, р. 1793 † 1868 г., т. CVI, май, 398, 407, 408, т. CVII, июль, 108.
- Собоь, инженер., пут. сообщ., 1850 г., т. CVI, июнь, 484.
- Соболевскій, писат., 1842 г., т. CVII, сент., 483.
- Соболевскій, инженер., 1843 г., т. CVI, июнь, 474, 484.
- Соболевъ, генер., 1877 г., т. CVI, июнь, 595, 610.
- Совономичъ, В. И., писат., 1809 г., т. CV, янв., 134.
- Совомина, Авна Мих., т. CVI, апр., 125.
- Созонкинъ, Серг. Мих., писат., 1809 г., т. CVI, апр., 125, май, прил., 39.
- Созоловъ, Дм., чл. акад. наукъ, 1819 г., т. CVII, авг., 362.
- Созоловъ, Петръ, чл. акад. наукъ, 1819 г., т. CVII, авг., 362.
- Созоловъ, протоиер., 1848 г., т. CV, мартъ, 532, т. CVI, апр., 68.
- Созоловъ, препод. фехтов., 1857 г., т. CVII, июль, 191.
- Созоловъ, профес., 1829 г., т. CVII, сент., 649.
- Солнцевъ, Матв. Мих., камергеръ, † 1848 г., т. CVI, май, прил., 56.
- Соловьевъ, Н. И., сообщ. „Судьба Θεодосія, архіепископа новгородскаго“, т. CV, янв., 237—243.
- Соловьевъ, Сер. Мих., истор., т. CVI, май, 230, 233, т. CVIII, дек., 509.
- Сологубъ, гр., Влад. Алекс., писат., р. 1814 † 1882 г., т. CVII, июль, 100, 101, сент., 501.
- Сологубъ, гр-ня, Софья Влад., р. 1841 † 1849 г., т. CVII, июль, 101.
- Сологубъ, гр-ня, Софья Мих., рожд. гр-ня Вильгорская, т. CVII, июль, 101.
- Сологубъ, гр., камеръ-юнк., 1820 г., т. CVII, июль, 14.
- Сомовъ, Орестъ, изд., „Литерат. Газ.“, 1831 г., т. CVII, сент., 663, т. CVIII, нояб., 266—269.

*

- Сомовъ, О. И., акад. 1863 г., т. CVIII, дек., 526.
- Сосницкая, артистка, т. CVIII, окт., 123.
- Сосницкій, артистъ, т. CVIII, окт., 119, 125.
- Спада, цензоръ, 1820 г., т. CVII, авг., 394.
- Спаскій, калужск. вице-губернат., 1866 г., т. CVII, авг., 381.
- Сперанскій, гр., Мих. Мих., р. 1772 † 1839 г., т. CV, янв., 186, февр., 336—357, мартъ, 597—640, т. CVI, апр., 154, 157, 169, май, 384, 388, 393, т. CVII, сент., 452, 453, т. CVIII, окт., 5—41, нояб., 247, 255—270, 370, дек., 681.
- Спиридова, С. Д., см. Олсуфьева.
- Спиридовъ, И. М., т. CVIII, окт., 229, нояб., 162.
- Спиридовъ, декаб., т. CVIII, декаб., 485.
- Срезневскій, Всев. Иам., сообщ. „Изъ писемъ И. И. Теребенева, къ А. Х. Востокову“, т. CV, янв., 245—256, „Изъ письма П. А. Плетнева, къ И. И. Давыдову, объ ученыхъ и образовательныхъ учрежденіяхъ во Франціи и Англіи“, мартъ, 739—741, ул., т. CVII, июль, 175, т. CVIII, дек., 499.
- Ставассеръ, скульпт., 1844 г., т. CVII, сент., 468—478.
- Стадницкій, Мартинъ, церемоніймейст. Маринъ Мвишекъ, 1604 г., т. CVII, сент., 612, 621, т. CVIII, окт., 161, 189.
- Стадницкій, Адамъ, т. CVIII, дек., 604.
- Сталь, писат.-ца, т. CVIII, окт., 38.
- Станкевичъ, А. И., сообщ. „Къ исторіи изданій, „Горе отъ ума“, т. VIII, декаб., 593—596.
- Старицкая, княж., Марія Влад., 1573 г., т. CVIII, нояб., 425.
- Старъ, флот. офиц., 1881 г., т. CV, янв., 173.
- Старцевъ, ком. сов., 1881 г., т. CV, янв., 175, 176, 184.
- Степанова, пѣвица, т. CVIII, окт., 127.
- Степановъ, кол. ассес., т. CV, янв., 256.
- Стефанъ, Яворскій, т. CV, янв., 238.
- Стипинскій, А. С., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Столыпинъ, А. А., 1809 г., т. CVIII, окт., 34, 35.
- Столыпинъ, Никол., Аркад., послан., въ Стутгартъ, 1867 г., т. CVII, сент., 549, 550, 552.
- Столытовъ, ген., 1877 г., т. CVI, июнь, 609.
- Стояновскій, Н. И., т. CVIII, об.-прокур. сената, 1862 г., нояб., 461, 462, 464.
- Стремоуховъ, П. Д., сообщ., „Нижегородскій губернаторъ, А. Н. Муравьевъ“, т. CVI, май, 349—361.
- Стрепетова, артистка, т. CVIII, окт., 134.
- Стриверъ, Децій, іезуитъ 1604 года, т. CVII, окт., 160, декабрь, 614, 628.
- Строганова, гр-ня, т. CV, мартъ, 565.
- Строгановъ, гр., Александр. Серг., об.-камерг., презид. акад. худож., т. CVII, сент., 522, 525, 578.
- Строгановъ, гр., Григ., 1841 г., т. CV, янв., 21—25.
- Строгановъ, гр. Серг. Григ., попеч. Моск. учеб. окр., 1838 г., т. CVI, май, 361, июнь, 482, т. CVII, июль, 98.
- Строгановъ, гр., воспит. наследника 1861 г., т., дек., 515.
- Строевъ, Влад. Мих., т. CVI, июнь, 629.
- Строевъ, П. М., т. CVI, май, 406.
- Стромиловъ, 1819 г., т. CVII, авг., 428.
- Струве, К. В., послан., въ Японію, 1881 г., т. CV, янв., 170—172.
- Струве, В. Я., астрономъ, т. VIII, дек., 508.
- Струве, Марія Никол., т. CV, янв., 170, 171.
- Струйскій, Дм. Юрьев, пис., 1829 г., т. CVII, сент., 648.
- Стурдза, Александр. Скарлат., т. CVI, июнь, прил., 72, т. CVII, июль, прил., 90, т. CVIII, дек., прил., 184, 185.
- Стурдза, Роксанд. Скарлатовна, р. 1786 † 1844 г., т. CVIII, дек., прил., 185.
- Суворовъ, гр., Александр. Васил., фельдм., р. 1727 † 1800 г., т. CV, янв., 76, февр., 329, 333, 335, 342, 343, т. CVII, июль, 30, авг., 295, сент., 513, т. CVIII, окт., 136, дек., 483, 569.
- Суворовъ, кн., Александр. Аркад., Отзейск. ген.-губ., † 1882 г., т. CV, февр., 290, 292, 294, т. CVI, апр., 175, т. CVII, авг., 266.
- Суворовъ, кн., Аркадій Александр., † 1811 г., т. CVI, апр., 176.
- Суворовъ, кн., фл.-ад., 1828 г., т. CV, янв., 37.
- Судановъ, священ., 1854 г., т. CV, мартъ, 557, 558.
- Сувинъ, Александр. Яковл., коменд. Спб. крѣп., 1822 г., т. CVIII, нояб., 294.
- Сулешева, кн., М. см. Черкасская.
- Сулешевъ, кн., Вас. Яншіев. † 1641 г., т. CVIII, нояб., 426.
- Сулешевъ, кн., Юрій Яншіев. † 1637 г., т. CVIII, нояб., 426.

- Сумцовъ, Н. Ѳ., профес., 1899 г., т. CVIII, дек., 529, 531.
- Сумароковъ, ген., 1853 г., т. CVI, июнь, 586.
- Супруненко, докт., 1881 г., т. CV, янв., 163.
- Сухованецъ, ген.-ад., 1828 г., т. CV, янв., 38.
- Сухтеленъ, ген., 1812 г., т. CVI, июнь, 666, т. CVII, авг., 419.
- Супшовъ, писат., 1826 г., т. CV, февр., 466.
- Суццовъ, Андрей, помощн. нач. университет. типограф., 1814 г., т. CVII, авг., 432.
- Сфурса-Жириевичъ, надвор. совѣт., 1812 г., т. CVI, апр., 144.
- Сѣверинъ, Дм. Петр., членъ „Арзамаса“, р. 1791 † 1865 г., т. CVIII, дек., прил., 178, 187.
- Т.**
- Талызинъ, ген. 1812 г., т. CIV, апр., 192.
- Тамберлингъ, пѣвецъ 1845 г., т. CVIII, дек. 588, 589.
- Тамбурини, пѣвецъ 1845 г., т. CVIII, дек., 585.
- Танъевъ, А. С., ст.-секрет. 1837 г., т. CVI, июнь, 491, т. CVIII, ноябр., 460.
- Танъевъ, камеръ-юнкеръ 1820 г., т. CVII, авг., 394.
- Тарбѣевъ, П. П., тайн. сов., сенат., † 1810 г., т. CVIII, окт., 201, 204.
- Тарновскій, С. Л., кievск. предвод. двор. 1795 г., т. CVI, май, 276.
- Тархановъ, П. В., астрономъ 1814 г., т. CV, январь, 12.
- Татарикова, основ-ца секты, т. CVI, май, 382, 385, т. CVII, июль, 175.
- Татаринковъ, П. Е., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460, т. CVIII, дек., 511.
- Татарниковъ, членъ хозяйствен. экспедиц., спб. вице-губернат. 1797 г., т. CVIII, окт., 201, 203.
- Татищевъ, послан. въ Вѣнѣ 1823 г., т. CVI, май, 226, 231, 232.
- Таубе, бар., полковн. 1812 г., т. CV, янв., 117.
- Тергуласовъ, ген., т. CVI, июнь, 484.
- Теребенева, Марья Григ., т. CV, янв., 247.
- Теребневъ, Ив. Ив., скульпт. и каррикатуристъ, р. 1780 г., † 1815 г., т. CV, янв., 245—256.
- Тернеръ, Ѳ. Г., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Терренбергъ, Наталья Франц. въ зам. Полева, т. CV, мартъ, 726.
- Тидебель, Андр. Богд., совѣтн. губерн. правд. по крестьян. дѣламъ 1825 г., т. CVIII, дек., прил., 177.
- Тизенгаузенъ, жанд. полк. т. CVII, июль, 38.
- Тимашевъ-Верягъ, москов. об.-полицеймейст. 1856 г., т. CV, мартъ, 645, 646.
- Тимовскій, цензоръ 1818 г., т. CVII, июль, 156, 158.
- Тимошукъ, Вѣра Вас., перев. зап. Рунча (см. Руничъ) „Россія и папскій престолъ“ (см. Пирингъ), зап. Левенштерна (см. Левенштернъ).
- Тимирязевъ, Ив. Семен., 1827 г., т. CIII, дек., прил., 178.
- Титовъ, Влад. Павл., послан. въ Штутгартъ 1854 г., т. CV, мартъ, 557, т. CVI, апр., 54, 61, 62, 73, май, 293, 298, июнь, 499, 506, 514, 515, 516, т. CVII, авг., 262, т. CVIII, окт., 85—98, нояб., 271—291, дек. 542—557.
- Титовъ, Пав. Александр., инспект. гл. тюремн. управл. т. CV, янв., 156, 165, 167, 176, 181, 182.
- Толмачевъ, священ. 1860 г., т. CVII, июль, 95, 96.
- Толстой, гр., Алексѣй, писат., т. CVII, сент., 535.
- Толстой, гр., Дм. Андр., мин. нар., проsv., р., 1823 г. † 1889 г., т. CV, янв., 194, т. CVIII, окт., 94, 95—98 нояб., 273, 283, т. CVIII, дек., 522, 550.
- Толстой, гр. Дм. Никол., помѣщ. 1816 г., т. CVIII, окт., 87.
- Толстой, гр. Левъ Никол., писат., т. CVI, апр., 76, т. CVII, сентяб., 482.
- Толстой, Григ. Мих., т. CVII, сент., 485, 490, 491, 503.
- Толстой, гр., П., главноком. въ Спб. 1828 г., т. CV, февр., 272, т. CVI, апр., 11, 22, 23, т. CVIII, нояб., 341—342.
- Толстой, Петръ Андр., об.-прокуроръ Синода, т. CVI, апр., 68, 71, 73.
- Толстой, Яковъ, декаб., т. CVIII, октяб., 298.
- Толстой, гр. Ѳ. М., беллетристъ, р. 1810 г. † 1881 г., т. CV, мартъ, 704.
- Толстой, гр., Ѳед. Петр., т. CVII, сент., 467—476, т. CVIII, 468.
- Толь, бар., гр. съ 1830 г., Карлъ Ѳед., р. 1778 г. † 1842 г., т. CV, янв., 105, 115, 119, 120, 121, 128, февр., 380, мартъ, 501, 503, 504, 505, 506, 508, 653, 721, 722, т. CVI, апр., 9, 15, июнь, 453, 474, 477, т. CVII, июль, 24, 51, 52, 62, 63.

- Толь**, гр., секрет. посольства въ Штутгартѣ, 1867 г., т. CVIII, нояб., 276.
- Толченовъ**, актеръ, 1822 г., т. CVIII, нояб., 300.
- Томара**, Л. П., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Томникова**, Александра Тихан., томъ CV, февр., 441—444.
- Тончи**, художн. 1812 г., т. CV, мартъ, 608.
- Тормасовъ**, ген. 1812 г., т. CV, москов. главнокоманд. 1816 г., янв., 107, 108, февр., 371, т. CVI, май, 447, т. CVII, авг., 390.
- Торопогрицкий**, докт., т. CVII, июль, 35, авг., 318, 319.
- Торсонъ**, декаб. т. CV, янв., 184, т. CVIII, окт., 219, 657, 677, 678.
- Тотлебенъ**, гр., Эдуардъ Ив., т. CVII, июнь 25, 26.
- Третьяковъ**, М. П., т. CVIII, дек., 487.
- Тройницкій**, Н. А., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Троцкий**, А. А., т. CVIII, нояб., 325.
- Трошинскій**, Дм. Прокоф., мнн. юстиц. † 1829 г., т. CVIII, окт., 12, 27, 28, 35, нояб., 409.
- Трубецкскій**, кн., А. В., оф. кавалергард. пол. 1837 г., т. CV, февр., 257, 258, 259, т. CVI, апр. 77—81.
- Трубецкой**, кн., Васил. Серг., ген.-ад., т. CVI, май, прил., 57.
- Трубецкой**, кн., Серг. Петров., дек., р. 1790 г. † 1860 г., т. CV, янв., 188, февр., 437, 438, т. CVII, авг., 270, 272, т. CVIII, окт., 211—219, дек., 657, 658, 674, 676, 677.
- Трусова**, Е. М., воспитаница вел. кн. Вѣры Константиновны, томъ CVIII, нояб., 289.
- Трухачевъ**, майоръ Бѣлозерск. мущкетерск. полка, 1801 г., т. CVIII, дек., 477.
- Трухвезъ**, гр-ня, оберъ-гофмейстери-на, 1820 г., т. CVI, июнь, прил., 75, т. CVII, июль, 11, прил., 92, т. CVIII, окт., 226.
- Туманскій**, писат. 1827 г., т. CVIII, нояб., 265, 266, т. CVIII, дек., 531, 532.
- Тургеневъ**, Александр. Ив., директ. деп. духов. дѣлъ, писат., † 1845 г., т. CV, февр., 385, т. CVI, апр., 123—138, 169, 170, прил., 3, 8, май, 238, 241—275, прил. 38, 55, июнь, прил. 66—77, т. CVII, июль, прил., 90—94, авг., 391—393, авг., прил. 98, нояб., прил. 156, дек., прил., 184, 189, 192.
- Тургеневъ**, Александр. Мнх., р. 1772 г. † 1863 г., т. CVII, июль, 98.
- Тургеневъ**, Андр. Ив., т. CVI, апр., прилож. 8, май, прил. 38—40.
- Тургеневъ**, Ив. Петров., кураторъ Москов. унив. 1789 г., т. CVI, апр., прил., 8, май, 38, 40, 235.
- Тургеневъ**, Ив. Серг., писат., т. CVI, апр., 76, май, 237, т. CVII, сент., 482—491, 504, т. CVIII, окт., 135, нояб., 285, 286, дек., 641, 647.
- Тургеневъ**, Никол. Ив., писат., декаб., р. 1789 г. † 1871 г., т. CV, февр., 453, 454, т. CVI, апр., прилож., 10, май, 235—275 прил., 38, 55, июнь, 565, т. CVII, авг., 267—283, сент., 623—641, т. CVIII, окт., 207—220, нояб., 325—340, прил. 156, дек. 649—680, прил., 184, 186, 192.
- Тургеневъ**, Петръ, 1604 г., т. CVIII, окт., 164.
- Тургеневъ**, Петръ Никол., сообщ.: „Десять неизданныхъ писемъ В. А. Жуковского къ А. И. Тургеневу“, т. CVI, апр., 123—138, „Письмо А. И. Тургенева къ Н. М. Карамзину“, 169—170; „Письмо И. И. Дмитриева, къ Н. И. Тургеневу съ благодарностью за присланную книгу“, июнь, 566.
- Тургеневъ**, Серг. Ив., т. CVI, апр., прилож., 8, май, 237—241, 248, прил., 38, 55, дек., прил., 189, 190, 191.
- Турецкина**, княж., Дарья Ив., въ зам. Басманова † 1603 г., т. CVIII, нояб., 426.
- Туренинъ**, кн. Ив. Самсон., окольничій † 1597 г., т. CVIII, нояб., 426.
- Туркестанова**, княжна, Варвара Ильинична, фрейлина, р. 1775 г., † 1819 г., т. CVII, июль, прил., 88.
- Турмуль**, ст.-секрет., 1847 г., т. CV, янв., 20.
- Туруновъ**, Мих. Ник., предсѣд. Спб. цензурн. комит. 1864 г. т. CVI, июнь, 628, 629.
- Тухачевскій**, тульск. губерн. 1825 г., т. CVI, май, 308.
- Тымовскій**, Юсифъ Игнатьев., камергеръ, ст.-секрет. д. Польск., съ 1856—1862 г., р. 1791 г., † 1871 г., т. CVIII, нояб., прил., 172.
- Тютчевъ**, А. Ф., т. CVII, сент., 535.
- Тютчевъ**, А. А., т. CVIII, нояб., 283.
- Тютчевъ**, Ив. Никол., † 1846 г., т. CVI, май, прил., 55.
- Тютчевъ**, Ф. И., поэтъ, т. CVI, май, прил., 55.

У.

- Убрж, послан., 1844 г., т. CV, февр., 288, мартъ, 524.
- Уваровъ, гр., Серг. Сем., мин. нар. проsv., † 1855 г., т. CV, янв., 9, 20, т. CVI, май, 235, 381, 382, т., CVII, июль, 101, 105, 106, т. CVIII, дек., 488, 495, 496, 519.
- Уваровъ, Ѳ. П., ген.-ад. 1820 г., т. CVII, авг., 237.
- Узбашевъ, пранорц., 1859 г., томъ CVII, авг., 388.
- Урусовъ, кн., Андрей, 1823 г., томъ CVII, июль, 165.
- Урусовъ, кн., Серг. Никол., об.-прокур. Синода 1858 г., т. CV, мартъ, 525, 526, т. CVI, июнь, 511, 512, 518, 520, т. CVII, авг., 243, 257, 258, 260, т. CVIII, нояб., 273.
- Устияновъ, секрет. посольства въ Римъ 1845 г., т. CVII, сент., 478.
- Устряловъ, Н. Г., историкъ, т. CV, мартъ, 517—520, т. CVIII, нояб., 429, т. CVIII, дек., 509.
- Утѣвнъ, Никол. Ив., граверъ, томъ CVI, апр., 135.
- Ушакова, Варв. Павл., фрейлина 1817 г., т. CVI, июнь, прил., 70, июль, 14.
- Ушаковъ, ген.-отъ-инф., нач. гвард. пѣх., вполн. предсѣд. комит. о ранен. 1852 г., т. CVI, мартъ, 563.
- Ушницкій, архитект. 1799 г., томъ CVIII, нояб., 406.

Ф.

- Фабержъ, Готгальфъ, чинов. мин. иностр. дѣл., р. 1768 † 1847 г., т. CVIII, дек., прил., 177.
- Фабрицій, Н. П., управл. почтов. частью въ В. Сибири 1881 г., т. CV, янв. 156.
- Фадѣевъ, 1870 г., т. CVIII, дек., 535.
- Фельдверамъ, Егоръ Ѳед., лифляндск. губерват. съ 1829—1847 г., т. CVIII, дек., прил., 177.
- Фельдгаузенъ, контр.-адм. гл. команд. Владивост. порта 1881 г., т. CV, янв., 167.
- Фесслеръ, Игнатій, суперинтенд. саратов. евангелич. консист., р. 1756 г., † 1839 г., т. CVI, апр. 169, июнь, прил., 66.
- Фетъ, А. А., поэтъ, т. CVII, сент., 505.
- Фигнеръ, партизанъ 1812 г., т. CV, янв., 114, т. CVI, май, 438, 439, июнь, 649, 654, 655, 657—659, томъ CVII, июль, 207, 208.
- Филаретъ (Федоръ Романовъ), патриархъ, т. CVI, апр., 99, т. CVII, авг., 326, т. CVIII, окт., 175, нояб., 363.
- Филаретъ (Василій Дроздовъ) митр. московск., р. 1782 г., † 1867 г., т. CV, мартъ, 543, т. CVI, июнь, 518, 520, 629, 632, т. CVII, июль, 92, 93, 134, 172, авг., 263, т. CVIII, окт., 92, т. CVIII, дек., 556.
- Филипсонъ, попеч. С.-Пб. учебн. окр. 1860 г., т. CVII, июль, 81.
- Философовъ, А. А., т. CV, мартъ, 549, т. CVIII, окт., 27, 28.
- Фитингофъ, бар., фл. офиц. 1881 г., т. CV, янв., 173.
- Флоретта, пѣвица 1850 г., т. CVIII, дек., 590.
- Флавианъ (въ мѣрѣ Городецкій), архиманд., членъ духовн. миссиі въ Китаѣ 1881 г., т. CV, янв., 178, 179.
- Фонъ-Флотовъ, баронъ (Гершауловъ) В. Б., комис. по крестьян. дѣламъ въ Курлянд. губ., т. CV, янв., 162, 165 167, 168, 172.
- фонъ-Фонъ, 1827 г., т. CV, янв., 99.
- Фонвизинъ, Денисъ Ив., писат., т. CVII, сент., 482.
- Фонвизинъ, ген.-м., декаб., т. CV, янв., 188, т. CVII, сент. 635, 639, т. CVIII, дек., 485, 486.
- Фонде-де-Монтюссонъ, Е. Ф., дирек. франц. училищъ при церкви св. Людовика въ Москвѣ 1901 г., т. CVIII, дек., 593—586.
- Фонтонъ, 1829 г., т. CVI, апр., 26, 30.
- Фотій (Петръ Никит. Спасскій), архим., настоят. Новгород. Юрьевск. монаст., р. 1792 † 1838 г., т. CV, мартъ, 679.
- Франкъ, докт. 1846 г., т. CV, мартъ, 730.
- Фредериксъ, баронъ, Петръ Авдр., адъют. вел. кн. Николая Павловича, т. CVI, июнь, прил., 67.
- Фредериксъ, баронесса, Цецилія Владиславовна, рожд. гр-ня Гуровская, т. CVI, июнь, прил., 67.
- Фрейтагъ, ген. 1877 г., т. CVI, июнь, 624.
- Фрилье, художн. 1846 г., т. CVII, сент., 468.
- Фришъ, Э. В., сенат. 1882 г., т. CV, янв., 193.
- Фричше, Ю. Ѳ., акад. 1859 г., т. CVIII, дек., 510.
- Фроловскіе, т. CVII, авг., 295, 313, 314, 317.

Фуссъ, Никол. Ив., акад. 1798 † 1825 г., т. CVIII, дек., 496, 497.

Фуссъ, Пав. Никол., акад., р. 1798 г., † 1855 г., т. CVII, июль, 104, т. CVIII, дек., 496, 497.

Х.

Ханыковъ, ген.-лейт., послан. въ Дрезденъ, 1810 г., т. CVIII, нояб., 261.

Хатовъ, подполк. 1810 г., т. CVIII, дек., 485.

Хатовъ, Пав. Васил., ген., 1825 г., т. CV, февр., 324.

Хвостова, гр-ня, рожд. княж. Горчакова, 1800 г., т. CV, февр., 342.

Хвостовъ, Александр. Семен., дипломатъ, писат., т. CVII, сент., 524.

Хвостовъ, гр., Дм. Ив., писат., т. CV, янв., 134, 139, февр., 466.

Хвостовъ, Н. А., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.

Хвостовъ, Семенъ Васил., т. CVII, сент., 524.

Херасовъ, писатель, т. CV, янв., 49.

Хилкова, княжна, Прасковія Александр., въ зам. гр-ня Гендрикова, т. CVII, июль, прил., 84.

Хилковъ, кн., М. И., мнн. пут. сообщ., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.

Хитровъ, д. ст. сов., чл. хозяйствен. экспедиціи 1797 г., т. CVIII, окт., 201, 203.

Хмыровъ, изслѣдоват., т. CVIII, нояб., 385.

Хованская, княжна, фрейлиня, 1765 г., т. CVII, сент., 528.

Хованскій, кн. И. И., витеб. ген.-губ. 1831 г., т. CV, февр., 406, 407.

Хомутовъ, Мих. Григ., наказн. атаманъ войска Донскаго р. 1795 † 1864 г., т. CV, мартъ, 701.

Хомяковъ, Алексѣй Степ., т. CVI, апр., 57, т. CVII, июль, 100, т. CVIII, нояб., 265, 266.

Храповицкій, Александр. Васильев. писат., сенат., † 1801 г., т. CV, янв., 139, т. CVIII, окт., 200, 201, 204.

Храповицкій, Матв. Ергграфов., спб. ген.-губ., т. CV, мартъ, 571.

Храповицкій, ген.-ад., 1825 г., т. CVI, май, 307—311.

Хромова, т. CVIII, нояб., 281.

Хромовъ, купецъ, т. CV, янв., 151, 185, 186.

Хрулевъ, предсѣд. тульск. губерн. правл., 1825 г., т. CVI, май, 308.

Хрущовъ, ген.-губ. З. Сибири, т. CV, янв., 131.

Ц.

Цвѣтаевъ, Дм., профес., сообщ.: „Взглядъ императора Николая I, на отпускъ государственныхъ средствъ на образованіе“, т. CV, янв., 20.

Цемшъ, Ив. Христіанов., инспект. москов. меднц. конторы, р. 1766† 1830-хъ гг., т. CVII, авг., 429.

Цертелевъ, кн., Н. А., писат., т. CV, февр., 459, 463.

Цертелевъ, кн., П. Н. 1901 г., т. CVIII, нояб., 460, 462.

Циціановъ, кн., ген., 1804 г. т. CVIII, окт., 43.

Цезъ, В. А., предсѣд. спб. цензуры. комит., т. CVIII, дек., 517.

Ч.

Чаадаевъ, Пав. Яковл., т. CVI, июнь, прил. 69.

Чаадаевъ, Петръ Яковлев., т. CVII, июль, 100.

Чаловскій, директ. Львовск. архива, т. CVI, май, 226.

Чаплина, Надежда Ив., рожд. Великопольская, т. CVI, июнь, 625—641.

Чарторыйскій, кн., Адамъ, т. CVIII, окт., 6, 13, 39, 84.

Чаславскій, В. И., авт. ст. „Перв. земледѣльч. школа въ Россіи“, т. CVIII, нояб., 409.

Чеботарева, Софья Ив., рожд. Вилькинсъ, т. CVI, июнь, 625.

Чеботарева, Софья Харитонов., въ зам. Мудрова, р. 1786 † 1833 г., т. CVI, июнь, 625, т. CVII, июль, 174, 175, 176, 178, 180, 181, 182, 183.

Чеботаревъ, Адамъ Петров., ген.-лейт., чл. комит. иррегулярн. войскъ, † 1881 г., т. CV, мартъ, 710.

Чеботаревъ, Андрей Харитонов., адъютнт. Москов. унив., р. 1784 † 1833 г., т. CVI, июнь, 625, 639, т. CVII, июль, 171—186.

Чеботаревъ, Харитонъ Андр., профес. рект. Москов. унив., т. CVI, июнь, 625, т. CVII, июль, 175, 178.

Чевежня, Конст. Влад., главноупр. пут. сообщ., р. 1803†1875 г., т. CVI, апр., 14, т. CVII, июль, 52, 65, т. CVIII, дек., 513.

Чельцовъ, проф. церковн. истор., 1851 г., т. CV, мартъ, 542, 543, т. CVII, июль, 85—95.

Чемеровцовъ, Алексѣй Ив., музыкантъ 1814 г., т. CVII, авг., 284.

Чепчуговъ, Ив. Ив., рындъ, 1613 г., т. CV, мартъ, 711.

Чепчуговъ-Елементьевъ, Никифоръ Павл. 1567 г., т. CV, мартъ, 711—716.

Чепчуговъ, т. CV, мартъ, 711—716.

Черевкинъ, ген., 1870 г., т. CVII, авг., 371, 372.

Черасова, см. Оболенская.

Черасовъ, бар., Ив. Ив., инж. пут. сообщ. 1898 г., т. CVII, авг., 285, 294.

Черасовъ, бар., Ив. Петров., 1806 г., т. CVI, апр., прилож., 19, 21.

Черасовая Марія, жена Иоанн IV, т. CVIII, дек., 621.

Черасская, княж., Марія, въ зам. кн. Сулешева, т. CVIII, нояб., 426.

Черасскій, кн. Влад. Алексан., †1878 г., т. CVIII, нояб., 461.

Чернышевскій, писат., т. CVII, сент., 506, 507, 508, 509, т. CVIII, дек., 573, 576, 577.

Чернышевъ, гр., Алексд. Ив., ген.-ад., воен. мин., †1852 г., т. CV, янв., 107, 109, февр., 273, 375, 429, 430, мартъ, 501, 661, 677, т. CVI, апр., 10—29, 183, 195, т. CVII, июль, 219, т. CVII, авг., 409—412, 423—425, сент., 660, т. CVIII, нояб., 431—446.

Чернышевъ, гр., Григ. Ив., об.-шенъ, 1817 г., т. CVI, май, прил., 58, 61.

Черышевъ, гр., Захаръ Григ., об.-мундшенкъ, 1820 г., т. CVII, июль, 14, сент., 515, 525.

Черышевъ, ген. 1812 г., т. CVIII, дек. 693.

Черышевъ, актеръ-писат., т. CVIII, окт., 122.

Черяевъ, Мих. Григ., ген., т. CVIII, нояб., 274.

Чертковъ, Григ. Алекс., чл. сов. челоѣволюб. об-ва, 1890 г., т. CVII, июль, 149.

Четвериковъ, нижен., CVI, июнь, 485.

Чижовскій, Никол., іезуитъ 1604 г., т. CV, янв., 203, 204, т. CVI, июнь, 536, дек., 614, 628.

Чижовъ, профес. математ. 1831 г., т. CVII, июль, 51.

Чирикова, въ зам. Квашнина-Самарина, т. CVII, авг., 295.

Чистовичъ, Я. А., профес., т. CV, янв., 8.

Чичагова, авт. соч. „Шамиль на Кавказъ и въ Россіи“, т. CVII, авг., 387—389.

Чичаговъ, П. В., адм. 1812 г., т. CV, янв., 107, 108, февр., 373, 374, 378, т. CVI, апр., 197, 199, т. CVII, сент., 450, т. CVIII, окт., 29, 30.

Чичаговъ, ген.-м., калужск. губерн. воинск. началн. 1866 г., т. CVII, авг., 381, 382, 385.

Чичеринъ, профес., 1867 г., т. CVIII, нояб., 273.

Чичеринъ, ген.-ад., 1828 г., т. CV, янв., 34.

Чоглокова, Вѣра Никол., фрейлина, 1765 г., т. CVII, сент., 528, 529, 530.

Чоглокова, Екат. Никол., фрейлина, 1780 г., т. CVII, сент., 528.

III.

Шадовъ, Іоганнъ, скульпт., р. 1764 † 1850 г., т. CIV, июнь, прил., 77.

Шаликовъ, кн., Петръ Ив., писат., р. 1768 † 1852 г. т. CV, янв., 97—101, т. CVI, май, 401, т. CVII, июль, 164, т. CVIII, окт., 120.

Шаликова, княжна, Н. П., 1870 г., т. CVIII, дек., 535.

Шамбо, Ив. Павл., секрет. вел. кн. кн. Александры Ѳедоровны, т. CVI, май, прил. 55, июнь, прил., 77, томъ CVII, июль, прил., 95, сент., прил., 120.

Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, т. CVII, авг., 367—389.

Шанецъ, флот. оф. 1881 г., т. CV, янв., 173.

Шарабановъ, помѣщ., т. CVII, июль, 34, 35.

Шаховской, кн., А. А. 1822, т. CVIII, нояб., 295, 296, 302.

Шаховской, Григ., воевода Путивльскій 1604 г., т. CVIII, окт., 185.

Шаховской, кн. Ив., ген.-аудиторъ 1798 г., т. CVII, авг., 239, 240.

Шаховской, кн., Ѳед., декаб., т. CVII, авг., 278, 280.

Шаховской, кн., началн. Сахалина 1881 г., т. CV, янв., 162.

Шашковъ, ниж. пут. сообщ., т. CVII, авг., 285.

Шевырявъ, Степ. Петров., профес., р. 1806 г. † 1864 г., т. CV, янв., 84—96, февр., 321, т. CVII, июль, 98, 99, 104.

Шежнъ, воевода, 1604 г., т. CVIII, нояб., 359.

Шелешанскій, помѣщ. 1787 г., томъ CVIII, нояб., 419, 421.

Шелгуновъ, Н. В., писат. 1862 г., т. CVIII, дек., 573, 576, 577.

Шепелевъ, ген. 1812 г., т. CV, янв., 116.

Шереметева, т. CV, янв., 93, 94.

Шереметевъ, Борись Петров., 1708 г., т. CVI, май, 368.

Шереметевъ, Н. В., оф. кавалергард. пол. 1825 г., т. CVI, май, 350.

Шереметевъ, С. В., фл.-ад., нижего-

- род. предвод. двор. 1848 г., томъ CVI, май, 360—361.
- Шереметевъ**, Фед. Иванов., бояринъ 1609 г., т. CV, мартъ, 715.
- Шереметевъ**, полковод. 1604 г., томъ CVII, июль, 112, 113.
- Шереръ**, акад. 1812 г., т. CV, янв., 10.
- Шермазанянъ - Вартановъ**, Галустъ, писат. по армянск. ист. и археолог., р. 1815 г., † 1891 г., т. CVIII, окт., 43—68.
- Шестаковъ**, чл. совѣта гл. управл. Сибири 1881 г., т. CV, янв., 185.
- Шедлеръ**, ген.-м. путей сообщен. † 1831 г., т. CIII, авг., 234.
- Шидловскій**, Н. Н., т. CVIII, нояб., 281.
- Шильдеръ**, Карлъ Андр., инж., ген.-м. 1828 г., т. CV, янв., 36—43, мартъ, 513.
- Шильдеръ**, Николай Карлов., ген.-лейт., писат.-историкъ, сообщ. „Императоръ Николай I и Восточный вопросъ 1826—1830 гг.“, т. CV, янв., 27—46, февр., 263—281 мартъ, 497—516, т. CVI, апр., 5—32, „Великій князь Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 гг.“, июнь, 449—472, т. CVII, июль, 5—29, авг., 225—238. Упом. июль, 201—204, сент., 449, 462, 511—530, т. CVIII, окт., 15, 69—84, 196, 202, нояб., 306—322, 416, дек., 562, 564, 571.
- Шилденъ**, бар., об.-гофмейст. в. кн. Александры Ѳеодоровны 1820 г., т. CVII, июль, 11.
- Шипулинскій**, докт. 1842 г., т. CVII, сент., 494.
- Ширинскій-Шихматовъ**, кн., попеч. Вилensk. учебн. окр. 1863 г., т. CV, февр., 306, т. CVII, авг., 396—402.
- Шницъ**, бѣлостокск. коменд. 1810 г., т. CVIII, нояб., 260.
- Шинковъ**, Александръ Семенов., мн-ръ нар. просв., † 1841 г., т. CV, янв., 137, 140, 141, февр., 436, 457, т. CVI, май, 383, 384, 387, т. CVII, июль, 165—167, авг., 361—366, 395—402, сент., 643, 651, т. CVIII, окт., 27, т. CVIII, дек., 563, 568, 648, 681, 682.
- Шинценбахъ**, бар., вице-консулъ въ Японіи 1881 г., т. CV, янв., 170.
- Шинтиковъ**, ген. 1877 г., т. CVI, июнь, 605, 612.
- Шницлеръ**, авт.: „L'Empire des Tzars“, т. CVIII, дек., 523, 524.
- Шомпулевъ**, В. А., сообщ.: „Страницка изъ прошлаго (Маюратъ)“, т. CV, мартъ, 733—738.
- Шоставъ**, нач.-ца институт., т. CVIII, нояб., 273.
- Шренкъ**, А. И. акад. 1863 г., т. CVIII, дек., 526.
- Штапельбергъ**, гр., послан. въ Вѣнѣ, т. CV, февр., 409, 410, 411, 412—421, 434, мартъ, 721.
- Штейнгель**, дек., 677, 678.
- Штейнбергъ**, О. Н., сообщ.: „Графъ М. Н. Муравьевъ и его отношенія къ евреямъ г. Вильны въ 1863—1864 гг.“, т. CV, февр., 305—320.
- Штендманъ**, Г. Ѳ., секрет. И. Р. Историч. общ. 1891 г., т. CVIII, окт., 201.
- Штоввицъ**, капит. 1877 г., т. CVII, авг., 386.
- Шторхъ**, Андр. Карл., акад., р. 1766 † 1835 г., т. CVI, июнь, прил. 66.
- Шторхъ**, секрет. им-цы Маріи Александровны, т. CVII, авг., 440, т. CVIII, нояб., 282.
- Шторхъ**, д. ст. сов. 1826 г., т. CVIII, дек., 681.
- Штофрегенъ**, секрет. посольства въ Штутгард. 1852 г., т. CV, мартъ, 544.
- Шубинъ**, подпоруч. 1798 г., т. CVII, авг., 239, 240.
- Шувалова**, гр-на, Екат. Петр., фрейлина 1817 г., въ зам. гр-ни Шлиффенъ, т. CVI, июнь, 65, 69, 75, томъ CVII, июль, 14, прил., 84, 85, авг., прил. 112, сент., прил. 115, т. CVIII, окт., прил., 141.
- Шуваловъ**, гр., Андр. Петров., об.-гофмарш., т. CVIII, окт., прилож., 141.
- Шуваловъ**, Григ. Петров., т. CVIII, окт., прил., 141.
- Шуваловъ**, гр. Я. И., 1766 г., т. CVII, июль, 162.
- Шуваловъ**, гр. Петръ Андр., т. CVII, сент., 553, т. CVIII, нояб., 261.
- Шуваловъ**, П. И., ген.-фельдм., 1754 г., т. CVIII, нояб., 415.
- Шуваловъ**, гр. Петръ Пал., спб. губери, предвод. двор., 1862 г., томъ CVIII, нояб., 461.
- Шуваловъ**, гр., ген.-ад. 1812 г., т. CVII, июль, 210.
- Шуваловъ**, гр., послан. въ Вѣнѣ, т. CV, янв., 219.
- Шукошій**, Василій, царь, т. CV, мар., 712, 715, апр., 101, 106, июнь, 551, т. CVII, июль, 126, 131, 132, томъ CVIII, окт., 159—192, нояб., 344—347, дек., 601, 616.
- Шуйскій**, Дм., т. CVII, июль, 126, т. CVIII, октябрь, 164, 178, ноябрь, 354.
- Шуйскій**, Иванъ, т. CVIII, окт., 164, 178, нояб., 355.
- Шуйскіе**, бояре, т. CVI, апр., 93, 94.

Шуленбергъ, гр., калужск. вице-губернат. 1866 г., т. CVII, авг., 381.
Шульцъ, П. А., совѣщ. чл. Редакт. Ком. т. CVIII, нояб., 460.

Шумахеръ, А. Д., сенат. 1882 г., т. CV, янв., 193.

Шумский, артистъ, т. CVIII, окт., 120, 124, 125.

Щ.

Щегловъ, цензоръ 1828 г., т. CVII, сент., 649, 657.

Щедринъ, Сильвестръ Федосеевичъ, художн., р. 1791 г., † 1830 г., т. CV, мартъ, 706.

Щелгаловы, т. CV, мартъ, 711—716.

Щепянинъ, Млх. Сем., † 1895 г., артистъ, т. CV, янв., 87, т. CVIII, окт., 119, 124, 125, т. CVIII, дек., 476.

Щепянинъ, Н. П., 1901 г., т. CVIII, ноябр., 460, 462.

Щепянинъ, Пав. Степ., адъюнктъ Московск. унив. 1827 г., т. CVI, май, 372.

Щепянинъ, М. И., т. CVIII, дек., 521.

Щербачева, въ зам. Эргель, нач-ца Варшав. института, т. CVII, авг., 289.

Щербачева, рожд. Ловгинова, жена нж-а, т. CVII, авг. 289, 291.

Щербачевъ, нж. пут. сообщ. 1848 г., т. CVII, авг., 289, 290, 292, 293, 317.

Щербатовъ, кн., секрет. посольства въ Штутгардтѣ 1852 г., т. CV, мартъ, 544.

Щербатовъ, кн., ген.-ад. 1828 г., т. CV, февр., 264.

Щербина, Н. Ѳ., писат., 1864 г., т. CVI, июнь, 629, т. CVIII, нояб., 324.

Щербининъ, А. А. писатель, т. CV, мартъ, 722—724.

Щукинъ, Вячеславъ Никол., т. CV, февр., 478—492.

Щукинъ, Ив., сообщ.: „Малознаѣстное изданіе на русскомъ языкѣ 1782 г. Привѣтствіе въ Парижъ вел. кн. Павла Петровича и вел. княг. Маріи Феодоровны“, т. CV, янв., 129—131.

Щукинъ, калужск. предвод. дворян. 1866 г., т. CVII, авг., 381.

Щукинъ, Ив. Меркурьевъ, купецъ, т. CV, февр., 492.

Щукинъ, Леонидъ Никол., т. CV, февр., 478—492.

Э.

Эйлерсъ, Іоаннъ-Альбертъ, акад., т. CVIII, дек., 496.

Эвзъ, докт. 1842 г., т. CVII, сент., 494.

Эли, надв. совѣтн 1787 г., т. CVIII, нояб., 409, 418.

Энгельгардтъ, ген.-м., директ. инст. пут. сообщ. 1845 г., т. CVI, июнь, 477—489.

Энгельгардтъ, г-жа 1830 г., т. CVII, сент., 650.

Энгельгардтъ, Егоръ Антонов., директ. Царскос. лицея 1817 г., томъ CVI, июнь, прил., 69.

Энегельмъ, Ѳ. П., т. CV, янв., 167.

Энегельмъ, морск. оф. 1881 г., томъ CV, янв., 165.

Энегольмъ, Илья Ив., докт. меднц. писат., чл. меднц. сов., р. 1763 г. 1838 г., т. CVII, авг., 427, 428.

Эпинуозъ, преподават. Павла I, томъ CVIII, нояб., 314.

Эссенъ, спб. воен. губ. 1830 г., томъ CVII, сент., 655.

Эссенъ, Александръ Филип., фл.-ад. 1820 г., т. CVI, июнь, прил., 77.

Ю.

Юефовичъ, чл. сов. челоуѣколюб. об-ва 1890 г., т. CVII, июль, 149.

Юефовичъ, ген. 1812 г., т. CVI, июнь, 644—649.

Юрковскій, ген. 1812 г., т. CV, февр., 364—373.

Юрьева-Захарыина, Анна Романовна, въ зам. кн. Сицкая, т. CVIII, нояб., 425.

Юсупова, княжна, фрейлина 1765 г., т. CVII, окт., 528.

Юсуповъ, кн., 1830 г., т. CVII, сент., 661.

Юшкова, Варвара Аванас., рожд. Бунина, т. CVI, май, прилож., 37.

Юшковъ, Петръ Никол., † 1805 г., т. CVI, май, прил., 40.

Юшневскій, декабр., т. CVIII, окт., 207, дек., 672.

Я.

Явлинскій, Александръ Феликсов., писат., педагогъ 1848 г., т. CVII, июль, 103, 104.

Языкова, Екат. Александр., т. CVIII, окт., 151.

- Языковъ**, Дм. Ив., писат., р. 1773 г., † 1845 г., т. CV, янв., 134, 136, 249, т. CVIII, нояб., 266.
- Языковъ**, Мих. Алексд., директоръ Стекланнаго завода 1855 г., т. CVII, сент., 483, 488, 489, т. CVIII, окт., 141, 148, 150, 151.
- Языковъ**, Никол. Мих., писат., род. 1803 г., † 1846 г., т. CV, янв., 89, 91, февр., 466, т. CVIII, дек., 530—532.
- Языковъ**, инж. пут. сообщ., т. CVI, июнь, 478, 484.
- Языковъ**, директоръ Павлов. кадет. корп. 1848 г., т. CVI, апр., 173.
- Язымова**, С. В., сообщ.: „Дальнѣйшая судьба дочерей Паниной“, т. CV, янв., 146.
- Яковлевъ**, П. Л., писат., т. CV, февр., 457, 458, 465.
- Якубовичъ**, декабр., т. CVI, май, 253, т. CVIII, окт., 219, дек., 657, 677, 678.
- Якушкинъ**, декабр., т. CVI, май, 233, т. CVII, авг., 271, сент., 635, 639, 656, 660, 673.
- Якушкинъ**, писат., т. CVIII, нояб. 386.
- Якушевскій**, инженер. 1843 г., т. CVI, июнь, 473.
- Янцевичъ**, начальникъ о. Сахалина 1881 г., т. CV, янв., 166.
- Янышевъ**, Ив. Леонтъевъ, протоиер., т. CV, мартъ, 551, 557, т. CVI, апр., 56, 65, 66, май, 300—306, июнь, 504—509, 518, т. CVII, июль, 95, 96, авг., 247, 262, 264, сент., 531, 539, 540, т. CVIII, окт., 97, 98, 100, нояб., 272—291, дек., 544, 545.
- Яотржебскій**, инж. пут. сообщ., томъ CVI, июнь, 484.
- Яценковъ**, ст. сов., издат. журнала „Духъ журналовъ“ 1818 г., т. CVII, июль, 156—158.

Θ.

- Θеодоровъ**, Борисъ Мих., писатель, т. CV, февр., 456, 466, т. CVI, май, 401.
- Θеодоровъ**, новорос. и бессараб. ген.-губ., т. CVII, июль, 169, 170.
- Θеодоровъ**, Серг. Θед., художн. 1803 г., т. CV, янв., 256.
- Θеодоровскій**, авт. брошюры: „Забытый истературный вопросъ“ 1891 г., т. CVIII, дек., 529.
- Θеодоръ** Иоанновичъ, царь, т. CV, мартъ, 711, 712, т. CVI, апр., 83—112, т. CVII, авг., 329, т. CVIII, дек., 593, 601, 622, 623.
- Θеодоръ** Кузьмичъ, т. CV, янв., 151, 185, 186.
- Θеодосій**, Яновскій, архiep. новгород. 1716 г., т. CV, янв., 237—243.
- Θеофанъ** Прокоповичъ, т. CV, янв., 238.
- Θомиль**, А. А., сообщ.: „Николай Ивановичъ Тургеневъ въ письмахъ къ своимъ братьямъ“, т. CVI, май, 235—275. „Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи“, томъ CVII, авг., 261—283, сент., 623—641, т. CVIII, окт., 207—221, ноябрь, 327—340, дек., 649—630.

Указатель составила В. В. Тимошукъ.

ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Ежемѣсячный, политическій, научный, литературный и иллюстрированный журналъ.

1902

„Н О В Ы Й В Ъ К Ъ“

1902

Журналъ поставилъ своею цѣлю быть горячимъ защитникомъ просвѣщенія, нравственности и милосердія. Онъ стойко борется съ тѣми темными сторонами жизни, которыя, какъ печальное наслѣдіе, остались отъ XIX вѣка.

Всѣ отрасли знаній только тогда вполне могутъ быть использованы человѣчествомъ, когда послѣднее, параллельно, будетъ развиваться и усовершенствоваться духовныя силы, а поэтому наступившій XX-вѣкъ долженъ быть торжествомъ именно тѣхъ трехъ началъ, которыя ставятся редакціей своимъ девизомъ. Полный успѣхъ первыхъ двухъ лѣтъ, наглядно выразившійся въ необходимости выпустить нѣкоторые №№ вторымъ изданіемъ, показываетъ, что общество очень сочувственно отнеслось къ задачамъ журнала. Въ настоящемъ 1902 году, въ виду уже имѣвшихъ мѣсто событій, будетъ въ отдѣлѣ «Визшнія извѣстія», съ полною правдивостью, выясняться та политическая обстановка, которая въ настоящее время имѣетъ мѣсто при сношеніяхъ съ Европой и съ пограничными государствами далекаго Востока. Особенная забота установлена на всестороннее ознакомленіе со славянскими землями, имѣя цѣлю правдивое выясненіе ихъ современнаго политическаго положенія и надеждъ на будущее. Свѣдѣніямъ о новыхъ успѣхахъ науки, человѣческихъ знаній и экономической жизни государствъ отведено въ журналѣ значительное мѣсто.

Литературный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ лучшія оригинальныя и переводныя произведенія въ видѣ романовъ, повѣстей, стихотвореній и т. п. Въ этотъ же отдѣлъ войдутъ свѣдѣнія изъ прошлаго родной старины. Рисунки, которыми снабжается каждая книжка, являясь выразителями произведеній современнаго искусства, всегда въ должной степени дополняютъ и поясняютъ текстъ.

Въ 1902 году книжки журнала «Новый Вѣкъ», какъ и въ предшествующемъ году, будутъ выходить, начиная съ января, 15 числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ 11—14 печ. листовъ. Книжки заключаютъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: I. Внутреннія извѣстія. Хроника. II. Визшнія извѣстія. Заграничныя мелочи. III. Статьи по сельскому хозяйству, технике, финансамъ, искусству, спорту, военному дѣлу и т. п. IV. Литература: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, эпитаммы и т. п. V. Изъ прошлаго: мемуары, воспоминанія, замѣтки о старинѣ и т. п. VI. Библіографія. VII. Письма и корреспонденціи, — внутреннія и изъ иновѣрныхъ государствъ. VIII. Благотворительность и Милосердіе. IX. За тысячу (фельетонъ). X. Наша печать. XI. Мелочи жизни. XII. Свистокъ. XIII. Почтовый ящикъ, вопросы и отвѣты. XIV. Объявленія.

Всѣ годовые подписчики на 1902 годъ получатъ бесплатно литературный богато иллюстрированный сборникъ по образцу такихъ же заграничныхъ изданій, составленный исключительно изъ произведеній отечественныхъ авторовъ, беллетристовъ и поэтовъ. Сборникъ будетъ снабженъ иллюстраціями, исполненными лучшими нашими художественными силами и портретами тѣхъ авторовъ, произведенія которыхъ войдутъ въ составъ сборника, составляющаго одно изъ лучшихъ украшеній каждой гостини.

Въ годъ, считая и премію, съ доставкою и пересылкою всего 3 руб., 1/2 года—2 руб. Допускается разсрочка (по 1 руб.). Отдѣльные №№ по 50 в. За перемѣну адреса—30 в. Доставившіе въ году подписку (хотя бы и временно) на 5 экз. получаютъ шестой бесплатно. Первый № можетъ быть отправленъ наложеннымъ платежомъ (доплата 30 коп.), а остальные №№—обыкновеннымъ порядкомъ, но они будутъ высланы только тогда, когда платежъ будетъ оплаченъ. Годовые экземпляры за 1900 и 1901 гг. (I и II годъ изданія) высылаются за 3 руб.

Объявленія: за 1 стр. 35 р., за 1/2 стр. 20 р. и за 1/4 стр. 10 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Спб., Екатерининскій кан., д. 97), въ книжныхъ магазинахъ и складахъ, въ конторахъ для объявленій и т. п.

За редактора-издателя С. Г. Николаевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г. НА ДВА ИЗДАНИЯ:

И

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

XX годъ
изданія.

НОВОСТИ ДНЯ

XX годъ
изданія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА,

съ еженедѣльными иллюстрированными листами на злобу дня,

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣателей, выдаваемыхъ текущими событиями. Въ теченіе года—свыше 400 портретовъ, художественно исполняемыхъ, какъ наши читатели могутъ судить по иллюстрированнымъ листамъ прошлыхъ лѣтъ.

Газета отводитъ на своихъ столбцахъ мѣсто всему выдающемуся въ русской и заграничной жизни, отмѣчая событія въ возможной полнотѣ и въ яркой, живой и общедоступной формѣ.

Помимо обширной хроники, въ „НОВОСТЯХЪ ДНЯ“ помѣщаются ежедневно многочисленныя телеграфныя сообщенія и корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга, изъ провинціи и крупнѣйшихъ центровъ,—изъ Парижа, Берлина, Лондона, Нью-Йорка и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ—8 р., 6 мѣс.—5 р., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс.—1 р.

III

ИЗДАНІЯ ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

X годъ
изданія.

СЕМЬЯ

X годъ
изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

„СЕМЬЯ“ выходитъ по слѣдующей программѣ: 1) изящная литература: романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, драматическія произведенія, оригинальныя и переводныя; 2) научныя обзорѣнія и критика: литературная, театральная, художественная и музыкальная; 3) историческіе очерки и путешествія; 4) биографіи; 5) спортъ всѣхъ видовъ; 6) изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды, смѣсь; 7) задачи, шарады, ребусы, игры, ноты; 8) почтовый ящикъ; 9) снимки съ картинъ современныхъ художниковъ; 10) иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ. Портреты выдающихся дѣателей. Рисунки, объясненія къ рисункамъ. Виньетки и пр.

Несмотря на свою дешевизну, журналъ „СЕМЬЯ“ представляетъ вполне изящное изданіе, въ которомъ помѣщается разнообразный интересный текстъ, масса портретовъ іерарховъ Православной Церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣателей, представителей науки и искусства и т. п. и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня.

По размѣрамъ своимъ и богатству содержанія „СЕМЬЯ“ не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ русскихъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій. Существованіе этого журнала въ столь полномъ и изящномъ видѣ, при столь дешевой подписной платѣ, возможно лишь благодаря содѣйствію газеты „НОВОСТИ ДНЯ“, снабжающей журналъ портретами и иллюстраціями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой 3 руб.; „Новости Дня“ и „Семья“ 11 руб.

Адресъ: Москва, Красныя ворота, соб. домъ.

Открыта подписка на 1902 годъ.

(подписной годъ считается съ 1 ноября 1901 г. по 1 ноября 1902 г.)
на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

изд. XVII годъ. **БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ** изд. XVII годъ.

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“

Журналъ прантического сельскаго хозяйства и домоводства.

Под. ред. Чл. Имп. Вольнаго Экономическаго Общ. Ф. С. Груздева,
съ рисунками и чертежами.

Журналъ «СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ» выходитъ еженедѣльно по пятницамъ и издается при ближайшемъ участіи выдающихся научныхъ дѣятелей и извѣстныхъ специалистовъ и практиковъ по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по слѣдующей программѣ:

Правительственныя распоряженія. Сельскохозяйственная экономія. Полеводство и луговоеводство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ и охота. Сельскохозяйственная технология, архитектура и механика. Корреспонденціи. Внутренняя и иностранная хроника. Вопросы и отвѣты. Библиографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезныя адреса. Объявленія.

Поставивъ главною цѣлью распространять полезныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству, пригодныя для хозяевъ-практиковъ, редакция „Сельскаго Хозяина“ обращаетъ особое вниманіе на отдѣлъ „вопросовъ и отвѣтовъ“, дающій нашимъ гг. подписчикамъ возможность не только удовлетворять своей любознательности и получать обстоятельныя свѣдѣнія по интересующимъ ихъ вопросамъ, но и разрѣшать всякія недоразумѣнія между хозяевами и торговыми фирмами.

Практичность и удобопримѣнимость помѣщаемыхъ въ „Сельскомъ Хозяинѣ“ статей будетъ, по прежнему, стоять у насъ на первомъ планѣ. Всѣ подписч. получ. въ течен. года, **БЕЗПЛАТНО**, безъ всякой допл. за перес., слѣдующ. прилож.: Два тома **Сельско-Хозяйствен. Энциклоп.**: Уставъ сельскаго хозяйства и положеніе о наймѣ на сельскія работы. Законы и судебная практ. о сельск. хозяйствѣ. Практич. руковод. Сост. Н. Растеряевъ. Уборка и сохраненіе кормовыхъ средствъ.—Д-ра К. Бемера. Перев. съ нѣм., подъ редакц. и съ дополн. проф. И. О. Широкихъ. (Книга заключаетъ въ себѣ описаніе способовъ уборки, приготовления, сохранения и оцѣнки различныхъ видовъ сѣна, приготовления и употребленія силосованнаго корма, уборки и сохраненія корнеплодовъ).

Трудъ д-ра Бемера въ обработкѣ проф. Широкихъ является первой попыткой—собрать въ одной книгѣ все, что было сказано наукой или практикой по данному предмету.

Календарь-Альманахъ (справочная книжка для сельскихъ хозяевъ на 1902 г.). **Архитектурныя проекты** городскихъ и сельскохозяйственныхъ построекъ. **Различныя сельско-хозяйственныя сѣмена.**

Въ журналѣ „Сельскій Хозяинъ“, кромѣ чертеж. и рис. разн. машинъ, растений и пр., будутъ помѣщ. рис. домашнихъ животныхъ съ пояснит. текстомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 5 РУБ. на годъ, безъ дост. въ Спб. 6 РУБ. съ дост. въ Спб. и пер. по всей Рос. Имп. 3 РУБ. 50 к. на полгода.

За печатаніе объявленій взим. за строку мелк. шрифта въ одинъ столб. 10 к. Экземпляры журнала „Сельскій Хозяинъ“ за прежніе годы продаются по 5 р. Подписка приним. въ главной конторѣ редакціи журн. „Сельскій Хозяинъ“.

С-Петербургъ, Стрелянная, № 12, собств. домъ. **Издатель П. П. СОЙКИНЪ.**

Открыта подписка на 1902 г.
(третій годъ изданія) на

Вѣстникъ Всемирной Исторіи

Ежемѣсячный журналъ
НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Направленіе нашего изданія и его задачи въ достаточной степени выяснились за первые два года.

Пополнивъ составъ нашей редакціи новыми выдающимися представителями современной мысли, мы расширяемъ нашу программу, вслѣдствіе чего нами будетъ отведено значительное мѣсто, на ряду съ исторіей, и вопросамъ современности.

Въ приложеніи мы дадимъ на будущій годъ „Исторію новой русской литературы“, совершенно новое изслѣдованіе въ этой области *М. Н. Мазаева*, и будетъ продолжена изданіемъ: „Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ“ — „Исторія Китая“ проф. Роберта Дугласа и „Исторія Финляндіи“ за новѣйшій періодъ этой страны въ изложеніи Н. К. Ядрышева, а также „Сборникъ иностранныхъ историческихъ романовъ“ — „Анджело Борджіа“, истор. ром. извѣстнаго нѣмецкаго писателя Мейера.

Въ журналѣ будутъ печататься беллетристическія произведенія *Жеромскаго, Ожешко, К. Тетмайера, Якобовскаго, Стриндберга, Іоганни Ахо, Габріеля д'Аннунціо* и мн. др.

Въ области искусства наше изданіе дастъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ искусства *П. Ге* и цѣлый рядъ снимковъ съ художественныхъ произведеній.

Съ декабря и января начнутся печатаньемъ романы изъ современной жизни: *Станислава Пшебышевскаго* — „Сыны земли“ и „По новому“ *М. В. Головинскаго*.

**Первая книга за 1902 г. выйдетъ въ декабрѣ
настоящаго года.**

Подписная цѣна на годъ (съ декабря по декабрь), съ доставкой и пересылкой 6 р., на полгода 3 р. и за границу 9 р.

Контора и редакція на Миліонной ул., д. 34, С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель *С. Сухонинъ*.

ичивается сухими библиографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаниями, болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками...»; «иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣчательно по своему усѣбу или влиянію, и въ семъ отношеніи нравственныя наблюденія ей были совсѣмъ не похожи на причины прекращенія «Московского Вѣстника», Покровительствовавшій «Сѣверной Пчелѣ» гр. Бенкендорфъ былъ недоволенъ «Литературною Газетою» за то, что она назвала сообщенія Вулгаринской газеты ложными. Скоро представился удобный случай къ закрытію «Литературной Газеты». Въ ней былъ помѣщенъ переводъ стиховъ Казим. Делавина, представляющихъ собою воззваніе къ бойцамъ шальскаго переворота. Стихи, а также и газета, въ которой они были помѣщены, признаны были вредными. Газета была немедленно приостановлена, а главный редакторъ ея, баронъ Дельвицъ, послѣ выговора, сдѣланнаго шефомъ жандармовъ, былъ оставленъ въ «сильномъ подозрѣніи».

Получивъ разрѣшеніе издавать «Современникъ», литературный журналъ, Пушкинъ въ объявленіи объ его изданіи не сообщалъ никакой программы. Въ «Сѣверной Пчелѣ», отъ 3-го февраля 1836 г., было помѣщено такое «извѣстіе»: «А. С. Пушкинъ въ нынѣшнемъ 1836 г. будетъ издавать литературный журналъ подъ заглавіемъ «Современникъ». Каждые три мѣсяца будетъ выходить по одному тому. Годовое изданіе составитъ четыре тома. Цѣна годовому изданію 25 руб. асс., съ пересылкой 30 руб. асс.»

Условія, при которыхъ выходили въ свѣтъ книжки «Современника», не были благоприятны. Пушкинъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ и редакторъ журнала, былъ какъ бы преслѣдуемъ судьбой. Выходъ всѣхъ четырехъ книжекъ, которыя вышли при его жизни, совпалъ съ неприятными событиями въ жизни поэта. Когда готовился первый томъ, умерла мать поэта, и онъ долженъ былъ провожать тѣло ея въ Святогорскій монастырь, и книжка вышла въ его отсутствіе.

Въ первомъ номерѣ «Современника» обращаетъ на себя вниманіе статья Н. В. Гоголя «О движеніи журнальной литературы въ 1834—35 гг.». Второй и послѣдующіе томы вышли въ свѣтъ тоже въ самый тяжелый періодъ жизни Пушкина, когда въ обществѣ разнеслась молва

объ ухаживаніи д'Антеса за его женой. Поэтъ переживалъ тяжелыя минуты; семейная жизнь въ которой онъ искалъ успокоенія, принесла ему только огорченіе и заставляла его непосильно работать, чтобы добыть возможно большаго денегъ. Въ его письмахъ за эту пору часто встрѣчаются фразы въ родѣ слѣдующей: «деньги, деньги, ихъ нужно до зарѣзу».

Второй томъ «Современника», вышедшій въ іюнь, былъ тоже удаченъ, хотя и нѣсколько слабѣе перваго. Онъ переполненъ статьями, посвященными различнымъ вопросамъ—мисологіи, статистикѣ, рецензіямъ, отчетамъ и т. под., за то стихотворная часть была очень слаба. Одинъ «Урожай» Кольцова былъ замѣтнымъ произведеніемъ, другія же были очень посредственными. Особенно замѣчательной статьёй была замѣтка кн. Одоевскаго «О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ». Эта статья имѣетъ много общаго съ статьёй Гоголя, помѣщенной въ первомъ номерѣ «Современника»; она составляетъ какъ бы ея продолженіе.

Содержаніе третьяго номера гораздо разнообразнѣе; стихотворная часть очень богата,—одинъ Тютчевъ помѣстилъ 16 стихотвореній. Пушкинъ помѣстилъ въ немъ «Родословную моего героя» и стихотвореніе «Полководецъ»; изъ прозаическихъ статей поэта особенно замѣчательны: «Объ исторіи Пугачевскаго бунта»—разборъ статьи, помѣщенной въ «Синѣ Отечества» Броневскимъ; «Вольтеръ» и «Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ слесености какъ иностранной, такъ и отечественной»,—рѣчь, произнесенная Пушкинымъ въ Академіи Наукъ. Статья эта особенно замѣчательна; въ ней Пушкинъ разбираетъ рѣчь Лобанова, которая, по мнѣнію поэта, требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія, такъ какъ она произнесена въ присутствіи всей Академіи и торжественно обнародована.

Послѣдніе два тома «Современника», 4-й и 5-й, которые составлялись при участіи Пушкина, были чрезвычайно блѣдны, походили на самые обыкновенные альманахи, въ которыхъ нѣтъ жизни. Въ четвертомъ томѣ участіе Пушкина выразилось только въ помѣщеніи повѣсти: «Капитанская дочка», которая занимаетъ болѣе половины книги, да тремя незначительными замѣтками. Въ пятой же книжкѣ, хотя и были помѣщены произведенія Пушкина, но въ нихъ нѣтъ ничего характернаго для выясненія журнальной дѣятельности поэта, тѣмъ болѣе, что она вышла уже послѣ его смерти.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе интересной книги г. Кузьминскаго.

Н. К-шъ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1902 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

~~Въ~~ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминашя.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переноска, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переноска и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылають въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

~~Въ~~ Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по 9 рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала бесплатно.